СЕЗОН ТУМАНОВ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

СЕЗОН ТУМАНОВ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

СЕЗОН ТУМАНОВ
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА
ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА
ШОРОХ ПРИБОЯ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Г94

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского

**Подписано в печать 26.02.03. Формат 84×108 $^1/_{32}$.
Усл. печ. л. 41,16. Тираж 5000 экз. Заказ № 540.**

Гуляковский Е.Я.

Г94 Сезон туманов: Сб. / Е.Я. Гуляковский. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 782, [2] с. — (Классика отечественной фантастики).

ISBN 5-17-016402-5

Гуляковский Евгений Яковлевич (р. в 1934 г.) — один из мастеров отечественной фантастики. Лауреат «Аэлиты» — старейшей отечественной премии, присуждаемой за вклад в развитие фантастики. Автор знаменитой дилогии «Сезон туманов» и романа «Чужие пространства». Писатель, перу которого принадлежат ПО-НАСТОЯЩЕМУ увлекательные образцы остросюжетной научной фантастики...

В данный сборник вошли роман «Сезон туманов» и повести «Запретная зона», «Планета для контакта» и «Шорох прибоя».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Е.Я. Гуляковский, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

СЕЗОН ТУМАНОВ

РОМАН

Книга первая
СЕЗОН ТУМАНОВ

Часть первая
БЕЛЫЕ КОЛОКОЛА РЕАНЫ

1

Колония расположилась в долине Трескучих Шаров. Только раз в восемь лет набирали силу для цветения эти странные растения. Раз в сезон наполнялись соком их могучие стебли, несущие на шестиметровых венчиках огромные мятые баллоны спороносов, и тогда без маски нельзя было выйти из коттеджа. Одуряющий запах непостижимым образом проникал сквозь биологическую защиту и сложную систему химических фильтров. В такие ночи Дубров плохо спал. Не помогала даже система аутогенной тренировки. Пронзительный тревожный запах забирался в его сны и звал из коттеджа в долину, туда, где ветер, разогнавшись в ущелье, сталкивал друг с другом огромные белые погремушки. Ему снилось, что это звонят колокола его далекой родины. Белые колокола.

Высоко в небе Реаны прочертила свой след падучая звезда. Она летела медленно, роняя колючие искры, словно капли голубой воды. Дуброву казалось, что он видит звезду сквозь плотно сжатые веки и потолок коттеджа. Галлюцинации в период цветения шаров обладали резкой убедительной силой, к тому же они часто имели прямую связь с реально происходящими событиями.

Дубров рывком поднялся с постели и щелкнул выключателем рации. В шестом квадрате чуткие усики локаторов нащупали ракетную шлюпку... Дубров вздрогнул и, не поверив себе, сравнил цифры, появившиеся на информационном табло, с данными компьютера. Ошибка исключалась. Это был все-таки ракетный шлюп. Радиограмма достигла Земли поразительно быстро. Из этого сле-

довало сразу три вещи. Во-первых, его немедленно отстранят от должности. Во-вторых, в ближайшие дни он навсегда покинет Реану, а следовательно, никогда больше не увидится с Вельдой. Было еще и в-третьих... В-третьих, означало, что загадка Трескучих Шаров никогда не будет разгадана. Любому человеку для того, чтобы подойти к решению так близко, как это удалось сделать ему, потребуется не меньше восьми лет. Сезон цветения шаров кончится через два месяца, а до следующего сезона колония на Реане наверняка будет свернута.

Инспектор внеземных поселений был сух, официален и почти скучен. На его острых скулах выступила рыжая щетина, и Дубров неприязненно подумал, что для инспектора Реана — всего лишь глухая провинция.

В руках инспектор вертел маленький серебряный карандаш. Дубров пристально следил за мельканием блестящей палочки, стараясь взять себя в руки и подавить неуместное сейчас раздражение.

— Вам известно правило, запрещающее контакт с биоценозом чужих планет?

— Я знаю наизусть тридцать второй параграф колониальной инструкции.

— Прекрасно. — Инспектор устало растер виски. — В таком случае я хотел бы выслушать, чем вы руководствовались, нарушив его.

— Вряд ли вы меня поймете. Для того чтобы понять, нужно прожить здесь лет десять. Параграф нарушен. Я согласен принять на себя всю ответственность, разве этого недостаточно?

— Мне необходимо знать мотивы, которыми вы руководствовались. Не всегда инструкция отражает объективные условия конкретной планеты. В таком случае, если доводы обоснованны, мы изменяем инструкцию. Итак, ваши мотивы?

Дуброву стало скучно. Разговор потерял смысл. Мотивы... Как будто он мог рассказать об этом, как будто это можно было понять, не испытав самому.

— Масло трескучек не наркотик. — Он произнес это тихо и убежденно, не надеясь, что ему поверят.

Ротанов закончил расследование поздно вечером. Он сложил кристаллограммы с записью показаний очевидцев в сейф, выключил автоматического секретаря и прошел в тамбур. Загорелось табло с надписью: «Наденьте маску». Противный привкус ментола, пробившись через мундштук, вызвал у него легкий приступ

тошноты. Двойная дверь со скрипом ушла в сторону, и он шагнул на тропинку, ведущую к коттеджу Совета старейшин. Ему предстоял еще один неприятный разговор. Он прошел через площадку, сплошь забитую зеленой ботвой огурцов и редиса. Земные овощи легко освоились с непривычной почвой. В этой долине все росло удивительно бурно, хотя остальная поверхность планеты представляла собой бесплодную пустыню. Собственно, именно этот фактор определил судьбу колонии. Десять лет люди топтались в долине трескучек, так и не сумев сделать ни одного шага наружу. Резервация — вот что это такое. Резервация, не имеющая никаких перспектив, к тому же слишком дорогая. Ротанов остановился и зачерпнул из-под ног горсть сухой голубоватой пыли. Смесь песка и глины. Такая же, как в пустыне. Ничем она от нее не отличается, ну абсолютно ничем. Анализ делали по крайней мере раз десять, и вот, поди ж ты, растения здесь растут как на дрожжах, стоит лишь дать им немного воды и минеральных удобрений, а в пустыне они не растут... Ротанов пропустил сквозь пальцы сухую струйку песка и задумался. Ему не хотелось идти к коттеджу старейшин, ему не хотелось выполнять такую очевидную и необходимую миссию. Все дело в том, что это на Земле казалась она такой уж очевидной и необходимой. На Земле, а не здесь.

Они собрались в тесной комнате все четверо. Троим было не больше сорока, и только Крамов мог похвастаться седыми висками.

В дальних колониях срок человеческой жизни отмеряют иные, чем на Земле, факторы. И, подумав об этих украденных у них годах жизни, Ротанов обрел наконец необходимую твердость.

— Я должен сообщить вам решение Главного Космического Совета. Поселение на Реане решено ликвидировать.

Собственно, это было его решение. Для того и существовали инспектора внеземных поселений. Совет не мог оценить всех местных факторов, и последнее слово всегда оставалось за инспектором. Почему-то он не мог сказать им прямо в глаза: «Я решил». Он даже понимал почему. Хотя они ждали от него именно этих слов, готовились к ним, он сразу увидел, как замкнулись, посуровели их лица, резче обозначились скулы. Так уж устроен человек: вложив в кусок чужого пространства годы своего труда, надежды и планы, он превращает это пространство в дом, в маленький кусочек родной планеты, и чем труднее дается борьба за этот клочок земли, тем он ему дороже, и ничего с этим не сделать, за сотни лет ничего не изменилось... Но освоение далеких, не приспособленных к жизни планет обходится слишком дорого.

Развитие таких вот оторванных от человечества маленьких колоний чаще всего проходит неблагополучно. На Реане смертность превысила рождаемость, колония с каждым годом уменьшается, попросту вымирает, и он обязан увести их отсюда. Им уже подготовлено место для нового поселения на Регосе. И, понимая все это, он все же отвел взгляд в сторону, прикрыл свое решение именем Главного Совета и теперь слушал их ледяное молчание, в котором ворочались тяжелые, как валуны, возражения и даже обвинения в адрес Совета и в его собственный адрес. Он не сомневался, что через минуту они соберутся с мыслями и все ему выскажут. Что Совет далеко, что он не понимает, что это лишь временное отступление, что они собирают данные, анализируют причины. Что годы изучения и освоения планеты не прошли даром, что именно сейчас они готовятся к решающему броску... Все это он уже слышал. Чтобы опровергнуть все их доводы, достаточно простого компьютерного расчета, и все же он чувствовал себя виноватым, словно это он сорок лет назад послал их на Реану, словно это по его вине десять лет они ломились сквозь пространство к своему малоисследованному новому дому, открытому автоматическим зондом. Но раз ему дано право принимать решения, то вместе с этим нелегким правом на человека автоматически ложится и все бремя ответственности за прежние ошибки, совершенные другими и породившие в конце концов условия, приведшие к сегодняшнему нелегкому разговору.

Первым поднялся председатель Совета старейшин Крамов и молча положил перед Ротановым пачку фотографий.

— Что это?

— Развалины.

— Что, что? — не поверил Ротанов.

— Развалины. Остатки кладки. Очень древние, не меньше десяти тысяч лет.

Ротанов разложил перед собой пачку так, как раскладывают пасьянс. Это уже третья находка. Остатки стен, где ничего не сохранилось, кроме этих древних камней. Нельзя будет даже установить, что это такое. Скорее всего и здесь был лагерь какой-то чужой экспедиции. Если бы на Реане была своя вымершая цивилизация, она бы оставила больше следов. Ротанов задумчиво перекладывал фотографии и не спешил с ответом, понимая, что теперь у Крамова появились основания требовать от Совета исследовательской экспедиции, а до ее завершения колонию сворачивать будет нецелесообразно... Вряд ли Совет санкционирует такую экспедицию. От развалин почти ничего не осталось, к тому

же это не первая находка, две другие так ничего и не прояснили, хотя там было потрачено впустую много сил. Тысячелетия назад кто-то строил в космосе стены из камня, строил на разных планетах — вот все, что они узнали об этих развалинах.

— Археология за десять светолет — для нас это сейчас дороговато, может быть, в будущем...

— А мне кажется, я понимаю, в чем тут дело! — перебил его самый молодой из членов Совета старейшин, геолог Миров.

— Да? — заинтересованно спросил Ротанов.

— Совет не хочет поддерживать поселения на дальних планетах, потому что в своем развитии они выбирают самостоятельный путь, слишком независимый от Земли!

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Ротанов. — Я посмотрю эти развалины. Если окажется, что они представляют интерес, я буду голосовать в Совете за исследовательскую экспедицию. — В глубине души он был уверен, что это бессмысленная затяжка времени, что он все равно не отступит от первоначального решения.

Когда все стали расходиться, он задержал Крамова.

— Я хотел бы знать ваше мнение в этой истории с Дубровым. Он утверждает, что сок трескучек не содержит наркотических веществ. Образцы сока исследовали лучшие лаборатории Земли. Результат исследования мы вам сообщали...

Крамов задумчиво покачал головой.

— Тут все не так просто. Полностью законсервировать сок не удается, он начинает изменяться уже через несколько минут после того, как его извлекут из плодов трескучки. В нем происходят сложные химические реакции, а уж через год... Одним словом, Земля исследовала не сок трескучек, а то, что от него остается. Какие-то кислоты образовались, какие-то эфиры разрушились — словом, здесь он совсем другой, и его действие на человеческую психику очень сложно, гораздо сложнее простого наркотика. К тому же, учтите, к наркотику надо привыкнуть, только тогда появится побудительный стимул для его приема. У нас все получается наоборот. Как вы знаете из наших отчетов, два человека уже погибли, попробовав сок трескучки. И все же нашелся третий... Я не знаю, почему он выжил и что теперь с ним будет. А тем более я не знаю, почему он это сделал... На Земле вам все кажется проще, чем оно есть на самом деле.

— Возможно, вы правы... — Ротанов задумчиво катал маленький бумажный шарик. — Но здесь может быть и другое объяснение, ведь Дубров работал с трескучками, как и те двое?

— Да, конечно.

— В таком случае можно предположить, что наркотик действовал постепенно, малыми дозами проникая через фильтры вместе с запахом. Он накопился в организме в достаточном количестве, и родилось острое желание попробовать его в большой дозе...

— Вместе с ним над трескучками работали еще человек десять, и только один из них... — Ротанов пожал плечами.

— Возможно, у них лучше работали фильтры.

Они надолго замолчали. Крамов нервно комкал пластиковую скатерть на столе.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Полная изоляция и жесткий карантин не менее года в лучших клиниках Земли.

— Он может не согласиться.

— Даже в том случае, если работы здесь будут свернуты? Ведь без карантина возврат на Землю для него исключен.

— Даже в этом случае.

— Я не думаю, что у него останется право на свободу поступков. В случае повреждения психики человек может быть лишен такого права.

— Это жестоко, Ротанов.

— Я обязан думать прежде всего о безопасности всех остальных. Вместе с соком трескучки он мог заразиться каким-нибудь неизвестным вирусом, воздействие чужих биогенов на человеческий организм непредсказуемо. В конце концов, он может стать попросту опасен. И потом мы должны выяснить, как действует на человека сок этих проклятых растений! Хоть это мы увезем отсюда...

— Слишком дорогую цену вы готовы заплатить. Но я думаю, у вас ничего не получится.

— Уж не вы ли мне помешаете?

— Нет. Но я предупредил — все гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Когда вы намерены осмотреть развалины?

— Завтра на рассвете. Приготовьте вездеход.

— Вы знакомы с археологией?

— Кладку рэнитов я узнаю! — уже не скрывая раздражения, ответил Ротанов.

— Хорошо. Я распоряжусь насчет вездехода. За вами зайдет Нита и проводит в приготовленный для вас коттедж.

— Я мог бы остаться здесь. Все коттеджи стандартны.

— Как хотите.

Глухая тоска навалилась на Ротанова сразу же, как только за Крамовым захлопнулась тяжелая двойная дверь наружного там-

бура. Ну почему он вынужден натягивать на себя непробиваемую носорожью шкуру в разговоре с этими отличными ребятами? Что за проклятая должность! И ведь нельзя иначе. Прежде всего он обязан быть объективным. Любые эмоции, личные симпатии не должны вмешиваться в его работу. Тоска от этих рассуждений не стала меньше. Он знал, что никто к нему не придет, даже эта симпатичная девушка Нита, которую наверняка попросили быть к нему предельно внимательной. В конце концов, долг вежливости выполнен, параграф соблюден, хоть в этом они имеют право быть с ним на равных.

Оборотной стороной его работы было полное одиночество и отчуждение во всех инспекционных поездках. Он привык к этому и не ждал ничего другого.

Дубров вышел из коттеджа часа в два. С минуту он стоял на пороге, вслушиваясь в ночные шорохи. То, на что он решился, делало для него одинаково опасным и людей, и все остальное. Он не смог бы подобрать более точного определения для этого «остального». Определения попросту не существовало в человеческом языке. Осматривая лагерь, скупо освещенный ночными фонарями, он еще раз проверил поклажу в своем рюкзаке. Здесь были мощный и легкий фонарь, нож, веревка, винтовой пресс, герметический пузырек. На поясе у него болтался тяжелый футляр с излучателем. Дубров проверил заряд, искренне надеясь, что ему не придется пользоваться излучателем. Вообще говоря, на Реане не было животных, вот только в период цветения шаров это оказывалось не совсем верным...

Вечером в своем коттедже он слышал разговор старейшин с Ротановым так отчетливо, словно в их комнате стоял передатчик. С ним это уже бывало, и он знал, что слуховые галлюцинации скорее всего соответствуют истине. Во всяком случае, рисковать он не мог. Времени у него оставалось очень мало. Только до рассвета, часов шесть, не больше.

Поселок колонии располагался у самого края речной долины. Поля и огороды врезались в заросли трескучек, отняв у них порядочный кусок плодородной почвы.

«Словно мы у себя дома, — подумал Дубров. — Словно это лес, который можно корчевать... Но только это не лес». Он сплюнул в песок, растер сапогом пыль, еще раз проверил фильтры и только теперь натянул маску. Снизу пробрался ветер. Большой мягкой лапой он прошелестел в проводах, поднял с тропинки блеснувшее в лучах фонаря облачко пыли и умчался за изгородь

к холмам, на которых росли трескучки. Почти сразу же оттуда донесся оглушительный хлопок, словно кто-то взорвал там петарду.

«Началось», — сквозь зубы проворчал Дубров и поежился. Он понял, что если немедленно не уйдет, то скорее всего вернется обратно в коттедж, решимость его улетучивалась как дым. Он вспомнил серебряный карандашик в руках инспектора, зло выругался, подтянул рюкзак и шагнул в темноту. Еще минуту-другую его фигура смутно маячила в неярком свете фонаря, потом она исчезла у ограды поселка.

Тревога не дала Ротанову уснуть всю первую половину ночи. Особых причин для этого вроде бы не было. Все шло как обычно. Ликвидация не оправдавшей себя далекой колонии всегда связана со столкновением различных интересов и нервотрепкой. Скорее всего на него так сильно подействовал необоснованный упрек Крамова в жестокости. А может быть, была другая причина? Ощущение опасности, к примеру? Нет, это не то. Чувство непосредственной опасности было ему слишком хорошо знакомо.

Ротанов терпеть не мог прибегать к услугам химии и предпочел встать. Он смочил виски холодной водой — от бессонницы у него слегка разболелась голова — и решил немного пройтись. Процедура надевания маски прогнала остатки сна. Он пожалел о своей затее, но отступать было поздно.

Странные колючие растения, привезенные не то с Земли, не то с Марса, оплели весь балкон. В полумраке их мясистые стебли казались щупальцами подводных чудовищ. Небо затягивала легкая облачная пелена, такая прозрачная, что сквозь нее неясными размытыми шариками проглядывали звезды. Где-то у самого горизонта вставала одна из двух лун Реаны, и ее призрачный зеленоватый свет окрашивал горизонт на востоке.

Всякий раз, прилетая на чужие планеты, Ротанов испытывал странное чувство — ожидание скрытой здесь от людей тайны и еще удивление. Удивление тому, что стоит сейчас в таком месте, где его не должно быть. Не может быть. В месте, заведомо скрытом, запретном для людей. Отделенном от них бесчисленными километрами пустоты, и вот поди ж ты... они сажают здесь салат и эти колючие никчемные стебли.

Возможно, это чувство постоянного удивления помогало сохранить ему остроту и свежесть восприятия, способность замечать детали, столь необходимые в его работе. Но оно же и мешало ему порой, отвлекало, уводило в сторону от сиюминутной,

конкретной задачи, правда, потом почему-то чаще всего оказывалось, что этот неожиданный поворот открывает перед ним новые горизонты, выводит из тупика, помогает раскрыть какую-нибудь сложную загадку, решение которой лежало за пределами обычных проторенных дорог. Возможно, именно это называлось интуицией...

Человека у ограды он заметил не сразу. Кому-то еще не спалось в этот поздний час... Вначале он почувствовал всего лишь удивление, но уже через секунду его насторожила странная крадущаяся походка человека. Он хотел его окликнуть, но мундштук маски во рту помешал это сделать, и человек успел скрыться. Там не было никакой калитки. В той стороне за оградой начинались дикие заросли, и пойти туда ночью мог решиться всего лишь один человек, и если он не ошибся, то эта ночная прогулка Дуброва многое могла прояснить в запутанной истории с соком трескучек...

Замаскированный пролом в ограде он нашел не сразу, к тому же свет далеких теперь фонарей уже не мог ему помочь, и хотя взошла луна, ее призрачный отсвет не пробивался сквозь плотную зеленую подушку листьев, висевшую у него над головой. Ротанов остановился и прислушался. Заросли были полны не прекращавшейся ни на секунду мешаниной непонятных звуков. Что-то шуршало, потрескивало, скрипело и пищало у него над головой. Неожиданно впереди раздался оглушительный взрыв. Рвануло совсем близко и без единого проблеска пламени. Ротанов бросился на звук, выставив вперед руки, стараясь уберечь лицо от хлещущих, плотных, словно вырезанных из железа листьев. Неожиданно он услышал, как на самом верху, в кронах растений, родился новый непонятный звук. Впечатление было такое, словно кто-то разорвал у него над головой мешок с песком, и целые потоки этого песка хлынули вниз со свистом и шелестом, подминая под себя листья. Ротанов рванулся в сторону, но опоздал. Сухой шелестящий поток обрушился ему на плечи и сразу же, не задержавшись на одежде, скользнул вниз. Почти в ту же секунду Ротанов споткнулся о корень растения и растянулся на земле.

Удар был достаточно силен. Секунду-другую у него перед глазами плясали огненные искры. И лишь окончательно придя в себя, он увидел впереди, в нескольких шагах, неподвижное пятно света. Источник света загораживала от него щетина молодой поросли трескучек. Стебли казались такими плотными и толсты-

ми, словно их сделали из твердой резины. Все же ему удалось ползком продвинуться вперед на несколько метров и осторожно раздвинуть последний ряд растений, отделявших от него источник света. К несчастью, луч фонаря, валявшегося на песке, оказался направленным прямо в лицо Ротанову и на мгновение ослепил его.

Дубров втиснулся в пролом изгороди и очутился в зарослях трескучек. Он знал здесь каждую тропку и знал, что нужно искать. Ему предстояло найти достаточно зрелое растение, в то же время оно ни в коем случае не должно было быть полностью созревшим и готовым к выбросу спор. Определить это в темноте, да еще снизу, не видя спороносов, было достаточно трудным делом. В конце концов он остановил свой выбор на толстом шершавом стволе и полез вверх. За долгие годы у него выработалась в этом деле приличная практика. Чтобы не повредить растения, он никогда не пользовался механическими приспособлениями и взобрался на шестиметровую высоту по совершенно гладкому стволу с помощью связанной кольцом веревки, особым образом перекинутой вокруг ствола и служившей опорой для ног. Колючки начались на уровне кроны, и здесь понадобилась вся его осторожность и весь предыдущий опыт, чтобы пробраться сквозь опасную зону.

Наверху, как только он миновал нижний пояс листьев, сразу стало светлее, здесь ствол раздваивался, и Дубров выругался сквозь зубы. Двойной ствол на этой высоте означал, что растение имело два спороноса — случай довольно редкий и достаточно опасный, поскольку спороносы хоть и созревали практически в одно время, все же оставалось небольшое индивидуальное различие, и оно могло окончиться трагически, если второй споронос достиг стадии зрелости раньше первого. Дубров взобрался теперь почти к самой чашечке, увенчанной огромным двухметровым белым шаром со сморщенной оболочкой. Ощупав его, он почти безошибочно смог определить степень зрелости, но второй споронос... Он раскачивался где-то рядом, всмотревшись, можно было различить за спиной бледное белое пятно. Дубров зажег фонарик и теперь смог рассмотреть чуть желтоватую, изрезанную глубокими складками поверхность оболочки. Все равно это ничего не дало. Конечно, можно было спуститься до развилки и вновь подняться к этому второму спороносу. Но, во-первых, определение на ощупь никогда не было особенно точным, все равно приходилось рисковать, а во-вторых, Дуброва с самого начала, с того

момента, как он решился на этот поход, не покидало ощущение, что времени у него в обрез, что он опаздывает и дорога каждая секунда... Он не мог бы объяснить причину этого чувства, но в последнее время привык доверять своим ощущениям и предчувствиям.

Секунду поколебавшись, он решил не тратить время на второй споронос и достал нож. Самым трудным и опасным моментом было вскрытие оболочки. Дубров знал, что если споронос созрел, то на прикосновение он отреагирует взрывом, он помнил, как погиб Кольцов... Взрывом его сбило со ствола и швырнуло вниз на колючки... Можно было, конечно, привязаться к стволу, но он знал, какой силы будет взрывная волна, и из двух зол выбрал меньшее... Рука с ножом осторожно приблизилась к оболочке и медленно, сантиметр за сантиметром, стала погружаться в рыхлую массу. Лоб Дуброва мгновенно покрылся испариной, он чувствовал себя так, словно надрезал корабельную мину, да так оно, в сущности, и было. Конец ножа уперся в преграду. Это была внутренняя твердая пленка. Если споронос не созрел, то давление газов в нем еще не достигло опасного предела... Весь сжавшись, ежесекундно готовый к сокрушающему удару, Дубров изо всех сил надавил на рукоятку ножа. Раздался легкий треск, и нож, проломив последний твердый слой, ушел в споронос по самую рукоятку. Ничего не произошло.

«Когда-нибудь я все-таки ошибусь...» — подумал Дубров. Если это случится, его похоронят без всяких почестей. Он нарушал закон, то есть был обыкновенным преступником. «Но ведь они не знают... — подумал он. — Не знают и не хотят знать...» Он вспомнил свою единственную попытку объяснить Совету колонии действие масла трескучки. Результат был прост и печален — «галлюцинации, отравление растительными ядами». Таково было официальное заключение на его докладную записку. Наверное, нужно все оставить, вернуться к нормальной жизни, сделать вид, что ничего не произошло... Но для тех, кто попробовал сок трескучки, обратного пути не было. На этот раз ему повезло и не стоило заглядывать слишком далеко в будущее.

Оставшаяся процедура уже не представляла никакой опасности. Он легко вырезал в спороносе отверстие, достаточное, чтобы внутрь можно было просунуть руку. Нащупал венчик незрелых спор и в самом центре пустое углубление для семени. Оно всегда было пустым. Может быть, на тысячу растений одно завязывало в процессе своего развития это таинственное семя, о котором среди колонистов было сложено так много легенд. Дуброву ни

разу не довелось увидеть его самому. Он опустил руку ниже и нащупал расположенные вокруг мясистого семяложа масленичные железы. Никто толком не знал, для чего нужны трескучке эти железы, выделяющие остро пахнущее, одуряющее масло. Биологи считали их атавизмом, остатком органа, который помогал переносу спор в те далекие времена, когда здесь существовали какие-то огромные, исчезнувшие ныне насекомые. Страшно подумать, как много тысячелетий пронеслось над планетой с того момента, как на ней зародились эти могучие зеленые великаны, увенчанные белыми шарами спороносов. Ступни ног у Дуброва затекли, веревка, обхватывавшая ствол, врезалась в подошвы, и все же он решил проделать всю процедуру по добыче масла в этой неудобной позе, не спускаясь со ствола на землю. Почему? Вряд ли он мог это объяснить. Возможно, им руководило все то же таинственное предчувствие, шепнувшее, что так будет лучше всего. Как бы там ни было, он закрепил на поясе фонарь и, вырезав достаточное количество масленичных желез, не стал спускаться, пока не набил ими емкость пресса, не завернул его до отказа и не заполнил склянку маслом до нужной отметки. Только после этого, завернув пробку на драгоценной теперь склянке, он начал спуск. Но, увлеченный выжимкой масла, он начисто забыл о втором спороносе у себя за спиной. От неосторожного движения стебель качнулся под его тяжестью, и Дубров почувствовал, что его спина на мгновение уперлась в мягкую податливую поверхность. В ту же секунду оглушительный взрыв хлестнул по нему сзади. Страшная сила оторвала руки от ствола, приподняла его в воздух и швырнула вниз. Удар был так силен, что на несколько секунд он потерял сознание, а придя в себя, понял, что лежит плашмя на спине, сжимая в руках свою драгоценную склянку. Кости, кажется, не пострадали, впрочем, теперь это уже не имело значения. Фонарь отлетел далеко в сторону, но не разбился и не погас. Дубров хотел до него дотянуться, однако резкая боль в пояснице вновь опрокинула его навзничь. Собравшись с силами, он оперся на руки и сел, превозмогая боль, пронзившую теперь все его тело. Оставалось только отвернуть пробку...

Когда наконец глаза Ротанова вновь обрели способность что-либо различать, он увидел сидящего на песке Дуброва. Песок, на котором тот сидел, показался Ротанову не совсем обычным. Он был значительно темнее остального песка, и это темное пятно плотным кольцом опоясывало мощный ствол трескучки, оперевшись о который сидел Дубров. Казалось, что весь песок вокруг

него обильно посыпали черной сажей. Но это было еще не все. Внимание Ротанова было направлено на Дуброва, а все, что произошло затем, заняло не более нескольких секунд. Все же боковым зрением он заметил, что песок словно бы шевелится под Дубровым, будто на него волнами налетела рябь от ветра, хотя никакого ветра здесь не было. Фонарь, который в первое мгновение ослепил Ротанова, валялся в нескольких шагах от Дуброва и освещал его руки, рюкзак и нижнюю часть лица. Их разделяло теперь не больше двух метров, и Дубров, несомненно, увидел высунувшегося из зарослей Ротанова. Нехорошо усмехнувшись, он медленно поднес к губам стеклянный пузырек.

— Не делайте этого! — крикнул Ротанов и, оттолкнувшись обеими ногами, бросил свое тело вперед.

Но было уже поздно. Склянка выпала из рук Дуброва, плотные маслянистые капли жидкости стекали по его щекам. Секунду они, не двигаясь, смотрели в глаза друг другу. Постепенно лицо Дуброва начало бледнеть, кожа словно бы становилась прозрачнее. Одновременно Ротанову показалось, что вся его фигура приобрела какую-то странную мешковатость. Исчезли плечи, подбородок безвольно свесился на грудь. На глазах у Ротанова одежда Дуброва стала съеживаться, словно превратилась в оболочку проколотой футбольной камеры, из которой выходил воздух.

Через минуту одежда лежала рядом с рюкзаком бесформенной пустой кучей. Фонарь отбрасывал на песке резкие тени. Ротанову показалось, что он сходит с ума. Он бросился к одежде и схватил ее, словно надеялся что-то удержать. Потом выпустил куртку осторожно, словно она была стеклянной. Перевернул штаны и заглянул в пустые ботинки, будто надеялся обнаружить там разгадку бесследного исчезновения Дуброва. Вся обратная дорога слилась для Ротанова в бесконечный хлещущий поток ветвей и листьев. Когда он добежал наконец до ограды, одежда на нем висела клочьями, а на исцарапанной коже выступили капельки крови. Теперь придется пройти полный цикл дезинфекции и профилактики... Куда он так спешил? Его руки сжимали рюкзак. Прежде чем уйти, он механически сунул в него одежду Дуброва. Он не верил больше собственным глазам, и единственная трезвая мысль помогала ему сейчас сохранить рассудок. Все, что он видел, могло быть лишь галлюцинацией, навеянной ядовитыми испарениями трескучек... Ноги сами собой принесли его к коттеджу, в котором жил Дубров. В ответ на звонок автомат любезно отодвинул перед ним дверь тамбура. Обычно это означало, что хозяин дома...

Дубров лежал в постели. Увидев Ротанова, он стремительным движением поднялся на ноги. Так встает человек, еще не успевший заснуть и лишь за минуту до этого прилегший в постель. Так встает человек, привыкший к постоянному ожиданию опасности. Не скрывая иронии и неприязни, Дубров пристально разглядывал стоявшего на пороге Ротанова.

— Чем обязан столь неожиданному вторжению?

— С вами ничего не случилось?

— Как видите. А что должно было со мной случиться?

Ротанов уже взял себя в руки.

— Зачем вы выходили из поселка час назад?

— У вас галлюцинации, инспектор. В период цветения шаров это бывает.

— Может быть, вы будете утверждать, что это не ваша одежда? — Ротанов вывалил из рюкзака на пол подобранные в зарослях тряпки. Дубров встал и распахнул шкаф. На плечиках в строгом порядке была развешана обычная рабочая одежда колонистов. Ротанов не мог определить, вся ли она на месте, но это ничего не меняло. История начинала смахивать на какой-то чудовищный фарс.

2

Сразу за поселком речная долина, раздвинув цепочку из невысоких холмов, исчезала, растекалась вширь, полностью терялась в песчаных и каменистых нагромождениях пустыни. Голубовато-зеленый цвет почвы не радовал глаз, выглядел мертвым. Приземистое тело вездехода, накрытое выпуклым прозрачным колпаком, перевалило через гребень последнего холма и погрузилось в бескрайнее до самого горизонта марево реанской пустыни. Кроме водителя, в кабине сидели Ротанов и Крамов. Кондиционеры работали нормально, и все же каким-то непонятным путем ощущение удушающей жары проникало в кабину. Разговаривать не хотелось. Слова будто запекались на губах. Казалось, вездеход не движется, он словно стал частью пустыни, вплавился в ее поверхность, намертво и навсегда, даже толчки и тряска не могли развеять этого ощущения. Гидравлические рессоры работали с полной нагрузкой. Первозданное лицо планеты так и не пересекли дороги, сделанные руками людей. Хаос, не упорядоченный тысячелетней работой воды, царил на Реане. Вода здесь была, но так глубоко, что на поверхность не проникала. Она от-

сутствовала везде, кроме одного-единственного места — долины Трескучих Шаров.

Вообще говоря, Ротанов хорошо знал, что такие странные исключения из правил только кажутся случайным капризом природы. За ними почти всегда стоит неизвестная людям закономерность.

Одна-единственная живая долина, один-единственный холм с этими развалинами на всей планете, а остальное — вот эта пустыня... Тут было над чем задуматься. Вчерашнюю историю с Дубровым Ротанов старался загнать в подсознание, вычеркнуть из мыслей. Она мешала ему работать, мешала сосредоточиться и, непроизвольно врываясь в строгий ход его рассуждений, изнутри взрывала все построения. Полное отсутствие логики могло означать лишь одно — на поверхность выплыла какая-то ничтожная часть неизвестной и сложной системы, думать об этом сейчас бесполезно. В галлюцинации он не верил. И оставалось лишь накапливать новые факты.

С каждым километром, приближающим их к цели, характер пустыни менялся. Спрятались под песчаными наносами выходы скальных коренных пород, исчезли трещины и выбоины, дорога стала ровнее. В конце третьего часа на горизонте появился холм. Ротанов сразу же узнал его по фотографии, хотя самих развалин отсюда еще не было видно. На фоне фиолетового неба Реаны даже издали этот единственный на сотни километров равнины холм казался величественным, и не нужно было обладать особой фантазией, чтобы представить, как строго и пропорционально выглядели бы на нем зубчатые стены, ныне почти исчезнувшие под тысячелетними пластами пыли.

Восхождение на холм началось задолго до того, как они приблизились к нему вплотную. Холм состоял из широких пластов древнего песчаника, наслоенных друг на друга и представляющих собой некое подобие лестницы с многокилометровыми ступенями. Переход со ступени на ступень казался довольно плавным, порой было трудно заметить, когда вездеход преодолевал очередной подъем. Наверное, сверху все это природное сооружение походило на стопу блинов различной величины. Самый маленький блин лежал на вершине. До него оставалось не менее двух километров, когда Ротанов попросил остановить машину и вышел наружу. Всплеск раскаленного воздуха был похож на удар, и все же он снял маску и вдохнул воздух Реаны. Здесь, вдали от цветущих трескучек, это было вполне безопасно, хотя горячий воздух и обжег ему легкие. Теперь он смог полнее ощутить обста-

новку этого места, его настроение. Ему хотелось сделать это прежде, чем они увидят развалины. Минуты три он стоял неподвижно, слушая такую ватную и плотную тишину, какая бывает лишь в космосе, даже дыхание ветра не нарушало ее сейчас. Ротанов повернулся спиной к вездеходу и ушел в сторону от проложенной им колеи. Ему хотелось вычеркнуть из пейзажа все внешнее, искусственно привнесенное людьми. И тогда ему показалось, что тишина и ощущение мертвого покоя в этой пустыне были, пожалуй, слишком полными и от этого чуть театральными.

Последние километры уже не вызывали в нем никакого интереса. До самых развалин он сидел, откинувшись на подушках и нахмурив свое скуластое лицо, рассеченное глубокими складками обветренной кожи. Наконец, подняв целое облако пыли, вездеход затормозил возле развалин. Как и предполагал Ротанов с самого начала, развалины не произвели на него особого впечатления. От стен почти ничего не осталось, а то, что осталось, было скрыто под слоем песка. Неудивительно, что их проглядели во время разведки планеты.

Они привезли с собой универсального кибера, и теперь водитель торопливо навинчивал на него необходимые приспособления. Надо было расчистить песок метра на два в глубину, чтобы изучить кладку. Ее характер, размеры блоков, качество цемента могли немало рассказать опытному археологу. Ротанов не был археологом, но в каких только ролях не приходилось выступать инспекторам внеземных поселений! Их знания были универсальны, а мнение ценилось зачастую выше мнения экспертов, возможно, потому, что обширная практика работы на удаленных планетах освобождала их мысли от готовых шаблонов и стандартов.

Наконец кибер был готов приступить к работе. Со своими навесными лопатами и скребками он стал похож теперь на большого жука, распустившего крылья и вставшего на задние лапы. Водитель подключил к нему кабель питания, и «жук» решительно двинулся вперед, повинуясь командам выносного пульта. Работа требовала осторожности, и пришлось отказаться от автоматической программы.

Постепенно лопаты кибера углублялись в песок, отбрасывая его назад и в стороны. Траншея вдоль холмика, обозначившего стену, становилась все глубже. Неожиданно мотор кибера противно заурчал. Кибер рванулся в сторону и вдруг стал стремительно погружаться в песок, словно проваливался в какую-то трясину.

— Выключите его! — крикнул Ротанов, но водитель и сам уже догадался это сделать.

В полной тишине, с остановившимися двигателями кибер продолжал погружаться. Вокруг него образовалась небольшая воронка, казалось, песок под машиной просыпался в какую-то внутреннюю полость. Водитель раздвинул лапы кибера как можно шире, стремясь заклинить машину в провале. Это ему удалось, кибер остановился, и теперь в немом молчании они смотрели, как песок вокруг машины продолжает просачиваться, утекает как вода, постепенно обнажая стены трещины. Впрочем, это была не трещина. Уже сейчас можно было различить правильный прямоугольник отверстия, ведущего куда-то вниз.

Помещение напоминало ящик. Три метра ширины и два высоты. Когда кибер снял со стены толстый слой грязи и включил дополнительное освещение, кто-то заметил, что одна из стен не совсем обычна. Она была сложена маленькими восьмигранными блоками, плотно пригнанными друг к другу и почти не поддававшимися разрушительной работе времени. Даже в том месте, где стена обрушилась, внутренняя часть блоков сохранилась. Восьмигранные призмы, сделанные из какого-то очень твердого белого материала, уходили в стену на всю ее толщину. Несмотря на необычность кладки, Ротанов отнес ее к рэнитовскому периоду, и только когда кибер начал чистить соседнюю стену, они заметили наконец, что при определенном боковом освещении ровный белый цвет блоков начинал меняться...

Им потребовалось не меньше часа для того, чтобы протянуть дополнительные кабели и установить по бокам стены все осветители, какие только нашлись на вездеходе. Водитель снаружи замкнул рубильник и спросил, все ли в порядке. Но ему никто не ответил. Они стояли рядом, плечом к плечу, и не могли произнести ни слова. Казалось, минуты текли как тысячелетия, смотревшие на них сквозь эту стену... Еще раньше, до того, как включили освещение, Ротанов с помощью радиоизотопного анализатора определил возраст материала, из которого были сделаны призмы. Едва он нажал кнопку, как в окошечке прибора зажглись цифры: пятьдесят тысяч лет.

Картина проявлялась постепенно, как фотография, по мере того как водитель регулировал свет. Многое зависело от места расположения источников и от силы света каждого из них. Когда удавалось найти нужный угол и отрегулировать силу света, где-то в глубине шестигранников, а иногда у самой поверхности их цвет

едва заметно менялся, словно какой-то невидимый художник трогал их мягкой цветной пастелью. Границы между различными цветовыми оттенками были нечетки, расплывчаты, и потому картина не имела определенных сюжетных контуров, это был просто набор цветовых пятен. Но в их сочетании угадывалось скрытое настроение, какой-то музыкальный, неполно выраженный тон. И чем дольше Ротанов всматривался в эти цветные пятна на стене, тем яснее понимал, что это не абстракция, что на стене изображено нечто вполне конкретное. Они просто еще не поняли, не нашли способа понять, что именно хотел им поведать неведомый художник через тысячелетия... Отчего-то Ротанова не покидала уверенность, что картина адресована именно им, что она, возможно, несет какую-то важную информацию. Это было нелепое предположение, но совсем недавно он столкнулся на этой планете с еще более невероятным фактом...

— Мне кажется, картина не в фокусе, — сказал водитель.

— Как вы сказали? Не в фокусе?!

— Я хотел сказать, она не резка, размыта, наверно, время...

— Нет. Вы сказали «не в фокусе»! — Ротанов на секунду задумался. — Нам нужна планка, линейка, все равно что, нужна достаточно большая ровная поверхность!

Через несколько минут они уже знали, что поверхность стены имела плавную, незаметную для глаза кривизну. Стена представляла собой часть огромной правильной сферы, и теперь уже нетрудно было рассчитать ее фокус. Через час, убрав обломки породы и песок, они обнаружили, что помещение удлинилось на добрых четыре метра. Кривизна была рассчитана так, чтобы фокус находился на уровне глаз человека, стоящего вплотную к противоположной стене. Только один человек одновременно мог видеть картину, словно она несла в себе некую тайну, не предназначенную для посторонних глаз...

Почему-то никто не решался первым встать в это заранее рассчитанное бортовым компьютером место. Нечто величественное и тревожное угадывалось в том, с каким упорством, последовательностью и целеустремленностью была задумана неведомыми конструкторами эта стена, задумана так, чтобы пронести через тысячелетия некий образ, поведать потомкам о чем-то таком, ради чего стоило создавать все это сооружение...

Нужно было сделать всего лишь шаг, один шаг. Ротанов вздохнул, провел по лицу рукой, словно прогоняя неведомое сомнение, и шагнул к точке фокуса.

Картина не была объемной. В первую секунду Ротанову показалось, что она не была даже цветной, и только потом он различил очень блеклые, едва уловимые цветовые оттенки. Зато здесь, в точке фокуса, картина наконец стала резкой. Отчетливо проступили все линии, штрихи, детали... Впечатление разбивалось, дробилось на отдельные, не связанные сюжетно части. Вначале он увидел кусок планетного пейзажа, в центре картины, — то, несомненно, была Реана. Реана в глубокой древности, когда здесь еще не было пустынь. Все пространство заполняли огромные, гордые, словно летящие навстречу небу шары трескучек... Планета трескучек? Кто же тогда создал это полотно, какой неведомый художник? Вдруг он заметил в правом нижнем углу картины знакомый холм, на котором они нашли развалины. Он сразу узнал его, может быть, потому, что башни и зубчатые стены строений на фоне блеклого фиолетового неба выглядели так, как он пытался их себе представить еще там, в пустыне.

Весь холм и эта старинная, защищенная высокой стеной крепость выглядели в пейзаже чужеродным телом. Они смотрелись как остров в зеленом море со странными белыми гребешками волн... Трескучки окружили замок со всех сторон, жались к стенам, гнездились в расселинах скал. Когда Ротанов едва заметно менял угол зрения, часть картины сразу же тускнела, словно гасла, зато высвечивалась новая часть, и он никак не мог найти положения, в котором мог бы увидеть ее сразу всю целиком. Впрочем, такое разбитое на отдельные фрагменты впечатление его пока устраивало, оно помогало полнее усваивать информацию. Неожиданно для себя он установил, что светлое округлое пятно над поверхностью планеты вовсе не солнце, а человеческое лицо. Лицо женщины с огромными, чуть разнесенными глазами, смотрящими пристально и тревожно. Чуть позже он увидел ее руки, словно простертые над планетой в немом призыве, в попытке защитить, спасти раскинувшийся под ней зеленый мир от какой-то угрозы. Пожалуй, это было его собственное, субъективное впечатление. Проследив за направлением ее рук, он заметил на поверхности планеты еще одну человеческую фигурку, совсем маленькую и как бы устремленную навстречу женщине. Несколько мгновений Ротанов никак не мог поймать в фокус лицо этой фигуры, по общему облику он не сомневался, что это мужчина, и невольно удивился диспропорции в размерах: огромное летящее над планетой лицо женщины, а на поверхности под ней крошечная фигурка мужчины... Он все еще старался поймать в фокус лицо мужчины, когда заметил у его ног целую шеренгу каких-то загадочных и совсем уж маленьких лох-

матых существ. Он долго старался понять, что они собой представляют. И вдруг забыл о них, потому что после какого-то непроизвольного движения вся картина стала наконец резкой. Ощущение тревоги и безысходной тоски навалилось на Ротанова с неожиданной силой. За спиной женщины появились пятнышки звезд, они сплелись в незнакомые созвездия. Казалось, женщина летит откуда-то из темных глубин космоса, летит к планете, хочет обнять ее, защитить от неведомой грозной опасности и не успевает... На ее лице ясно видны отчаяние и почти безнадежная мольба о помощи. Какие-то темные могучие силы сминают, разрушают перед ней поверхность планеты. В открывающуюся взору Ротанова воронку голубоватой грязи рушатся скалы и самые стены замка, в ней без следа исчезают белые шары трескучек и беспомощные лохматые существа, сбившиеся у ног мужчины. Ротанову казалось, он слышит некую грозную мелодию разрушения. Мелодию, не затерявшуюся в бездне веков, грозящую неведомой опасностью им самим... Сегодняшнему дню планеты... На самом краю воронки, наполненной голубой грязью, стояла фигурка человека с поднятыми навстречу женщине руками. Но грязь, растекаясь по всей поверхности планеты, отделяла их друг от друга. На лице мужчины Ротанов ясно видел отчаяние, и вдруг это лицо показалось ему знакомым... Ротанов узнал тяжелый разлет бровей, широкий лоб с характерной сеточкой морщин... Картина обладала поразительной способностью передавать мельчайшие детали. Но лица людей часто бывают похожи, к тому же картина ничего общего не имела с фотографией, это было прежде всего художественное произведение, и все же... Сознание отказывалось принять противоречащий логике факт, упорно подыскивало более правдоподобное объяснение. Хотя он уже не сомневался в том, что узнал человека, изображенного на картине.

Пока водитель готовил вездеход к обратной поездке, Ротанов и Крамов спустились метров на сто по склону холма. Они шли рядом молча довольно долго. Ротанов был благодарен Крамову за то, что тот дает ему время обдумать все происшедшее и не пытается навязать собственных суждений, не задает ненужных вопросов, просто ждет решения, и все.

Солнце клонилось к закату, и в цвете пустыни наступило странное изменение. Может быть, оттого, что лучи фиолетового светила падали на землю слишком косо, они окрасили ее в голубоватый цвет, очень похожий на тот, что так поразил Ротанова на картине.

— Голубая грязь... Вам не кажется, что в почве планеты все еще есть ее остатки, и именно поэтому она так безжизненна?

— Но ведь анализы...

— Анализы! Анализы не всегда улавливают нюансы, да и химики не всегда ищут то, что нужно. Это придется проверить. Во всяком случае, место то самое... Где-то здесь прямо под нами был центр воронки.

— За десятки тысячелетий слишком многое изменилось.

— Кроме Дуброва, пожалуй. — Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Вы его хорошо знали? С самого рождения?

— Да. Мальчишкой он был непоседливым, энергичным, довольно способным, а взрослым... Даже не знаю, что сказать... Была в нем одна черта. Я бы назвал ее повышенным чувством справедливости и еще, пожалуй, замкнутость.

— Сейчас я хочу знать другое. Были ли такие периоды, когда Дубров оставался вне сферы вашего наблюдения? Оставался один на достаточно долгий срок?

— Мы здесь не следим друг за другом. Планета безопасна. Такие периоды бывают у каждого из нас. Конечно, и Дубров вел самостоятельную работу. Мне кажется, ваша версия ошибочна. Даже сейчас в нем мало что изменилось.

— Я обязан проверять любые возможные версии, — сухо возразил Ротанов. — Надеюсь, вы поняли, насколько все стало серьезней после этой картины. Меня не покидает мысль о самом помещении. Это не зал для демонстрации. Это вообще не зал. Просто каменный параллелепипед. Он чересчур функционален. С одной-единственной задачей — нечто вроде почтового ящика...

— И в нем послание, адресованное именно нам?

— Вполне возможно... Эвакуацию вашей колонии придется отложить до прибытия специальной экспедиции. Я считаю, что у вас в колонии есть все необходимые специалисты. Вам просто нужно перестроить работу. Ориентировать людей на совершенно новые задачи и сделать это немедленно, еще до прибытия транспорта со специальным оборудованием. Меня не покидает мысль, что у нас мало времени, может быть, слишком мало... Мы должны разобраться в ситуации, прежде чем она выйдет из-под контроля.

— Вы предполагаете такую возможность?

— Во всяком случае, обязан ее учитывать.

Они надолго замолчали. Ротанов почувствовал, что Крамов что-то хочет сказать ему, но не решается. Наконец он начал, глядя в сторону:

— Не знаю, поможет ли вам это. Но после истории с картиной самые невероятные вещи кажутся мне заслуживающими внимания.

— А вы знаете еще что-нибудь из этой серии?

— Не знаю, из какой это серии. Думаю, вам лучше всего посмотреть на них самому. Это недалеко. Каких-нибудь двадцать километров в сторону от прямой дороги в поселок. Нам нужно успеть часам к шести. Раньше они все равно не выходят. Только после заката.

Двадцать километров в сторону от проложенной колеи вездеход проделал за полчаса, и перед самым закатом они очутились в русле сухой речки. Еще в дороге, сориентировавшись по фотокарте, Ротанов понял, что долина этой пересохшей речки тянется от самой рощи трескучек. Отсюда до поселка было всего километров восемь. Крамов попросил остановить вездеход и первым скрылся в нагромождении скал, закрывших долину. Когда Ротанов его нагнал, Крамов жестом попросил его не шуметь, хотя сам шел довольно неаккуратно, то и дело задевая толстыми подошвами ботинок за камни. Внизу он выбрал большой гладкий валун, уселся на нем и достал пакетик с орехами. Не скрывая раздражения от его слишком загадочного и несколько театрального поведения, Ротанов остановился рядом.

— Вы бы объяснили, чего мы здесь ждем?

Крамов только пожал плечами.

— Это нужно увидеть самому, наберитесь терпения, до заката осталось несколько минут.

Действительно, Гамма, звезда этой далекой системы, уже коснулась горизонта. Ее диск неправдоподобно распух, сплющенный толстым слоем атмосферы. Свет переходил из фиолетового в синий и постепенно сходил на нет. Наконец звезда скрылась за горизонтом, и над пустыней во всю ее необъятную ширь повисли серые сумерки, полные тишины и запахов нагретого за день песка.

Можно было подумать, что во всей этой огромной и мертвой пустыне еще жили и двигались лишь они двое. Неожиданно Ротанов понял, что это не совсем так. Прямо на них, с той стороны, где был расположен лагерь, двигалась какая-то темная масса. Ротанов, привыкший к тому, что любое непонятное движение на чужих планетах предвещает опасность, потянулся к оружию, но Крамов остановил его:

— Они совершенно безопасны. Главное — не двигайтесь, постарайтесь подпустить их как можно ближе, иначе вы ничего не увидите.

Сумерки сгущались, трудно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии, и все же Ротанову казалось, что темная масса, двигавшаяся вдоль русла, распадается на отдельные пятнышки. Их было не так уж много — штук десять. Какие-то движущиеся предметы. Почему-то пятна казались именно предметами, а не живыми существами. Позже он понял, что в этом виновата их форма. Сейчас их разделяло всего несколько десятков метров, и Ротанов должен был признать, что никогда еще не встречал ничего более странного, чем эти движущиеся треножники. Три ноги соединены в одной точке. Не было ни головы, ни глаз, ни туловища — только эти три ноги. И по тому, как мягко изгибались их ноги, как осторожно ощупывали почву, прежде чем сделать очередной шаг, Ротанов понял, что, несмотря ни на что, они все-таки живые... Ни один механизм не мог бы обладать столькими степенями свободы, как эти гибкие лапы, в них не было и намека на шарниры, не было места для каких-то скрытых двигателей, вообще ничего не было, кроме соединенных вместе лап... Рост каждого существа не превышал полуметра, лапы толщиной с человеческую руку заканчивались не ступнями, а какими-то круглыми подушечками или присосками.

Не дойдя до застывших людей метров двадцать, существа все разом остановились. Но они не стали неподвижно, как это сделали бы механизмы. Передние существа переминались с ноги на ногу: то делали маленький шажок вперед, то отступали, словно в нерешительности. Сейчас они производили трогательное и беспомощное впечатление. Те, что шли сзади, остановились не сразу. Натолкнувшись на передних, они отступили назад. Ротанов подумал, что скорее всего они ничего не видят, но все же каким-то образом ощущают присутствие людей. Потоптавшись с минуту, существа начали расходиться в разные стороны.

— Следите за каким-нибудь одним, — прошептал Крамов. — И не двигайтесь.

Одно из существ, пробежав совсем рядом, начало карабкаться на крутой склон. Ротанов только теперь оценил, как хорошо приспособлено их тело к движению по неровной поверхности. Живой треножник сплюснулся, прижался к самой земле и, широко расставив лапы, цеплялся за малейшие трещины и выступы камня. Взобравшись на пологую часть террасы, он остановился, приподнял лапу и вдруг начал быстро вращаться на одном месте, как это делают балерины. Вокруг него появилось облачко пыли, одна из лап треножника начала зарываться в мягкую породу, образуя в ней небольшую лунку. Раздался треск, и в том месте, где

только что стоял треножник, сверкнула электрическая искра. Существо исчезло.

— Это все, — сказал Крамов. — Теперь вы можете попытаться поймать любого из оставшихся. Бегают они довольно плохо.

Не дожидаясь повторного приглашения, Ротанов бросился к ближайшему существу. Оно тут же пустилось от него наутек. Расстояние между беглецом и преследователем быстро сокращалось, и когда Ротанову оставалось лишь протянуть руку, раздался уже знакомый треск электрического разряда и существо рассыпалось у него на глазах, превратилось в облачко темноватой пыли, медленно оседающей на землю. Порыв ветра подхватил часть этой пыли и унес в пустыню. Пораженный Ротанов обернулся, но увидел только одинокую фигуру Крамова, неподвижно стоявшего на месте. Нигде не было видно больше ни одного треножника.

— Со всеми произошло то же самое?

Крамов молча кивнул.

— Почему вы ничего не сообщали о них в своих отчетах?

— Они появились недавно, всего несколько дней назад. Их появление непосредственно связано с цветением трескучек.

— Интересно. Каким же образом?

— Пыль, которая остается после разряда, на самом деле вовсе не пыль. Это зрелые споры трескучек. Собственно, все тело треножников состоит из этих спор, связанных между собой неизвестной нам энергией. Когда заряд энергии оказывается израсходованным, они распадаются. То же происходит при малейшей опасности. Наши биологи предполагают, что эти образования несут одну-единственную функцию — разнести как можно дальше пыльцу трескучки.

— Ну да, простой и экономичный способ. Как они устроены? Откуда берут энергию? Как получают и каким образом перерабатывают информацию об опасности?

— Этого мы не знаем. Никто еще не держал в руках самого треножника, они всегда распадаются. Установлено, что образуются они в зарослях трескучки сразу после взрыва спороноса и тут же пускаются в путь, стараясь как можно дальше уйти от места рождения. Иногда их встречали в пустыне за десятки километров от дома. Это все, что мы о них знаем.

— Пусть этим займется специальная группа биологов. Необходимо выяснить, как они образуются. Единственная ли это форма спороносителя, или возможны другие, и самое главное вот что... Нужно выяснить пути их миграций. Определить места, в которые

они стремятся, если только их миграции подчинены какой-то системе...

Ротанов надолго задумался, стало уже совсем темно, и Крамов зажег мощный фонарь. Луч света сразу же сгустил темноту вокруг них и словно прорубил в ней узкий голубой коридор.

— Вы не заметили ничего знакомого в их облике?

— Знакомого? Они похожи на штатив, на треножник буссоли.

— Я имею в виду не это... Мне показалось, что они схожи с теми лохматыми существами, которых мы видели на картине у ног Дуброва, только здесь они гладкие.

— Да. Пожалуй... Дубров. Снова Дубров. Одно из двух: или этот человек проник в загадки Реаны гораздо дальше любого из нас, либо он...

— Вы хотите сказать «нечеловек»?

Ротанов ничего не ответил. Еще с минуту они стояли молча, слушая, как ветер, усилившийся после заката, свистит в трещинах скал у них над головой.

— Пойдемте, — сказал Ротанов. — Дубровым я займусь сам.

3

Ротанов сидел за своим рабочим столом в отведенном ему коттедже. Стол был абсолютно пуст, если не считать открытого чистого блокнота и его любимого серебряного карандашика. Прямо перед ним светился экран дисплея главного информатора колонии, на котором то и дело появлялись слова: «Канал свободен».

Наконец Ротанов потянулся к клавиатуре и отстучал задание: «Все данные о колонисте Дуброве по форме 2К». Ему пришлось набрать специальный шифр, так как эта форма выдавалась только в случае официального расследования. Набрав шифр, он словно поставил некую невидимую точку в своих собственных рассуждениях. Просматривая информацию, поступающую на экран, он делал пометки в блокноте и, когда закончил, удивился тому, как мало их получилось. Родился в колонии тридцать лет назад. Прошел полный курс обучения на биолога. Нет семьи. Это он подчеркнул: для колониста в возрасте Дуброва это было необычно. Специализация: агробиолог. Тема: «Активные химогены в масле трескучек».

Интересующих Ротанова сведений оказалось на удивление мало. Прожил человек тридцать лет, учился, закончил самостоятельную работу — вот и все, что можно о нем узнать из картоте-

ки. Впрочем, Ротанова никогда не удовлетворяли официальны
сведения. В личную карточку вносились лишь основные, опред
ляющие события в жизни каждого человека, а его сейчас интер
совали нюансы, черты характера, странности, срывы — слово
все то, чего машина знать не могла... Правда, оставался еще м
дицинский бюллетень. Здесь ему повезло больше — в графе «Пр
обретенные болезни, связанные с местной фауной», он наш
знакомую запись: «Отравление растительными ядами, галлюц
нации», а чуть ниже еще одна строчка: «Описание галлюцинаци
соответствует тесту Романовского». Описание... Вот как, опис
ние... Кто же их описывал? Врач или сам больной? Это необх
димо выяснить и разыскать эти самые «описания». Первая встр
ча с Дубровым прошла на удивление бестолково. Он не мог се
простить того, что не подготовился к ней как следует. И коне
но, Ротанов не мог знать, что теперь, тщательно готовясь к пре
стоящей встрече с Дубровым, он совершает вторую, еще бол
шую ошибку, расходуя попусту последние еще оставшиеся у не
часы...

В медицинском коттедже его встретил рыхлый человек
светло-русой бородой и большими голубыми глазами. По все
было видно, что он рад приходу Ротанова. Было очевидно, ч
пациенты не досаждали ему своими посещениями. Выслуш
Ротанова, он долго копался в папках и наконец щелкнул замк
дисплея, опустив в него магнитную карточку. В ней не оказало
нужных инспектору сведений. Человек, описавший галлюцин
ции Дуброва, месяц назад покинул Реану с очередным трансп
том и не оставил этих записей. Почему? В конце концов Рота
ву удалось выяснить, что основой для медицинского заключен
был личный отчет Дуброва о своих «видениях», переданный впо
ледствии в медицинский сектор. С отъездом бывшего врача к
лонии следы его также затерялись. Все это было достаточно стра
но и наводило Ротанова на тревожные размышления. Должн
были быть какие-то весьма веские причины, заставившие бы
шего врача, лицо официальное, нарушить правила и увезти с с
бой документы, если только они вообще не были им уничтож
ны... Но почему, почему? Ответить на этот вопрос можно был
пожалуй, лишь вернувшись на Землю и разыскав самого Гребн
ва. А сейчас он вынужден был довольствоваться обрывками св
дений.

Встретившись со школьным учителем, с научным руковод
телем и еще с двумя-тремя людьми, знавшими Дуброва лично, с
наконец вернулся к себе, выключил всю аппаратуру связи, зап

двери коттеджа и вновь уселся за пустым столом. Пора было подвести какой-то итог. Знал он примерно следующее: месяц назад по неизвестной причине Дубров попробовал сок трескучки. Он не стал этого скрывать. Напротив, написал какой-то рапорт на имя Совета. На основании этого рапорта его сочли больным и временно отстранили от работы. О характере действия самого сока пока что выяснить не удалось ничего. У Ротанова сложилось впечатление, что колонисты упорно избегают разговоров на эту тему, словно между ними существовало некое тайное табу по поводу всего, что касалось трескучек. Следующий бесспорный факт — его личная встреча с Дубровым, во время которой тот заявил, что сок трескучек не наркотик, и отказался что-либо объяснить... Потом это ночное преследование и исчезновение Дуброва. Ротанов невольно поежился. Это было, пожалуй, самое необъяснимое место во всей истории с трескучками. Если бы не рюкзак с одеждой, он мог бы, пожалуй, поверить в собственные галлюцинации, наконец, в то, что Дубров стал временно невидимым. Но подобранная одежда делала эти предположения неправдоподобными, приходилось признать, что Дубров именно исчез, испарился, перестал существовать в данное время и в данной точке пространства и одновременно появился в какой-то другой точке. У себя в коттедже или, быть может, где-то еще?

Ротанов почувствовал, что впервые с начала расследования он наконец напал на действительно ценную мысль. Ценную потому, что она давала какую-то нить для объяснения этих невероятных фактов.

Парадоксальные факты требовали такого же объяснения. Если принять это как рабочую гипотезу, то следовало дальше предположить, что неизвестные художники много тысяч лет назад встретились именно с Дубровым... От одной этой мысли его лоб покрылся испариной. Если продолжать рассуждать в том же духе, то можно додуматься черт знает до чего... А тут еще эти треножники и вообще вся картина... Он тут же прервал себя: «Стоп. О картине пока не будем. Слишком мало данных. Не надо отвлекаться от Дуброва». Казалось, чего проще — встретиться с ним еще раз... А почему бы и нет? Почему не попробовать честно сказать человеку, что произошла ошибка, что его рапорт неверно поняли, что теперь ему верят и просят помочь. Даже если Дубров откажется, уже само по себе это будет значить немало. Тогда можно заняться второй версией, попытаться доказать, что под личиной Дуброва скрывается кто-то чужой... Пока для этого не было ни малейших оснований.

Еще раз, перебрав в уме все доводы, взвесив заново все полученные факты, Ротанов наконец решился еще на одну попытку откровенного разговора с Дубровым. Несмотря на поздний час, он потянулся к селектору. Теперь, когда в его мыслях появился намек на какой-то порядок, не хотелось ничего откладывать. Экран селектора замигал желтым огоньком. Абонент не отвечал на вызов... И когда через полчаса без предупреждения к нему ввалился Крамов, он уже догадался, что опоздал, что встречи с Дубровым не будет...

— Дубров ушел. Совсем ушел.

В минуты сильного волнения Ротанов всегда говорил медленно, тщательно подбирая слова. Вот и сейчас спросил с расстановкой, нарочито спокойно:

— Он ведь и раньше самостоятельно покидал поселок. Может быть, сейчас...

Крамов отрицательно покачал головой.

— Я думаю, теперь он не вернется обратно. Во всяком случае, пока...

— Пока я здесь?

Крамов кивнул.

— Почему вы это допустили? Как вообще это могло случиться?

— Дубров свободный человек. Я не могу приставить к нему охрану. Для того чтобы лишить человека права на свободу поступков, необходимо решение Высшего Совета Земли.

— Не будьте формалистом, Крамов! Вы отлично знаете, о каких серьезных вещах идет речь. Вы не имели права выпускать его из поля зрения!

— Не видел в этом необходимости. Я верю Дуброву. Мне кажется, он знает, что делает.

Ротанову приходилось прилагать все больше усилий, чтобы не сорваться, не высказать Крамову всего, что он думал о его поведении в истории с Дубровым. Не имело смысла ссориться с этим человеком, единственным, на кого он мог здесь опереться.

— Почему вы решили, что Дубров не вернется?

— Он взял с собой полный рабочий комплект полевого снаряжения, месячный рацион, ну и еще кое-что...

— По крайней мере из этого следует, что искать его нужно здесь, на Реане. — Ротанов мрачно усмехнулся. — Когда вы мне говорили, что с Дубровым все обстоит не так просто, что мне не удастся изолировать его, вы имели в виду именно это?

— Не только. Человек, попробовавший сок трескучки, становится уже не просто человеком. Во всяком случае, не простым человеком. Мне кажется, вы и сами это поняли.

— Да, кое-что я понял, к сожалению, без вашей помощи... — не удержался от упрека Ротанов. — Вначале вы умолчали о живых спороносителях, теперь чего-то не договариваете о Дуброве. Я ведь не к теще на блины приехал!

— Здесь наш дом. Наши дела. Земля далеко отсюда, а в своих делах мы разберемся сами. Вы здесь гость.

Ротанов отвернулся. Он с трудом подавил в себе гнев. Его полномочия на этой далекой планете стоили не так уж много. В основном они зависели от него самого, от тех взаимоотношений, которые складывались с колонистами. Почти никогда Ротанов не пользовался чрезвычайными правами инспектора, старался даже не напоминать о них. Вот и сейчас одну-единственную вещь сказал он Крамову, не мог не сказать:

— Все мы здесь гости, Крамов. Все люди. И дом этот чужой. Мы даже не знаем, чей он. Подумайте об этом.

«Чтобы понять до конца, нужно испытать самому» — старая истина. Старая как мир. Ротанов сидел, опершись спиной о толстый ствол трескучки, как совсем недавно в этом самом месте сидел Дубров. Казалось, непостижимым образом время сделало полный круг и вернулось к первоначальной точке. Только на месте Дуброва теперь сидел он сам... Капля за каплей сочился из пресса маслянистый, остро пахнущий сок. Он не хотел рисковать и решил повторить все, что сделал Дубров, во всех деталях. Другого пути у него попросту не осталось. Шестидневные поиски Дуброва не увенчались успехом. Конечно, он мог сообщить на Землю о своей неудаче, о том, что расследование, в сущности, зашло в тупик, что сюда необходимо выслать хорошо оснащенную экспедицию... Но пока она прибудет, цветение трескучек закончится и придется ждать еще восемь лет. К тому же в глубине души Ротанов не сомневался, что не количество исследователей и качество снаряжения определяют успех в поисках истины, что-то другое... может быть, умение принимать такие вот решения?

Все. Пожалуй, это последняя капля. С каждой секундой сок изменялся на воздухе, и он не знал, сколько времени он сохранит свои первоначальные свойства. Лучше всего не терять ни секунды. И все же он в последний раз перебрал в уме, не забыл ли чего на тот случай, если не вернется из этого нереального путешествия в никуда... В сейфе заперты его записи, выводы. Оставлено письмо Крамову с просьбой вскрыть сейф через неделю после его ухода... Еще что? Он неплохо экипирован, вооружен. Все необходимое в дальней дороге здесь с ним, в этом потрепанном вещмешке. Осталось поднести к губам пузырек... С чем? В том-

то и дело... Двое погибли... Погибли или не вернулись, как Дубров? Чего-то Крамов не договаривает, но это теперь не важно. Скоро он все будет знать сам, без посторонней помощи.

Он говорил и говорил себе разные обыденные слова, пытаясь заглушить самый обыкновенный человеческий страх. Не раз ему приходилось рисковать жизнью в обстоятельствах, гораздо менее значительных, но ни разу еще ошибка не стоила так дорого. Нелепая тайная смерть от растительного яда неземного растения... Что о нем подумают друзья? Поймут ли? Смогут ли оценить все обстоятельства, взвесить их так, как взвесил и оценил он сам? Или скажут, что действие наркотика непредсказуемо, и запретят людям подходить к этой роще? А может быть, и вообще закроют планету... Слишком многим он рисковал. Слишком многое ставил на карту. «Памятник тебе не поставят, это уж точно. Жаль, что Олега здесь нет, посоветоваться толком и то не с кем. Ну, хватит. Довольно сантиментов!» — оборвал он себя.

У жидкости был резкий, ни на что не похожий вкус. Отдаленно она напоминала, пожалуй, смесь каких-то пряностей. Ванили, корицы, еще чего-то знакомого, но забытого в детстве, может быть, вкус туалетного мыла. В следующее мгновение Ротанова оглушила волна подавившего все ощущения тошнотворного запаха. И он не смог уловить момент, когда сознание полностью вышло из-под контроля и все заволокла серая непробиваемая пелена. Это была именно пелена, а не полный мрак, какой бывает, например, в анабиозе или под наркозом. Сквозь эту пелену Ротанов ощущал какое-то движение, словно мир вокруг него начал быстро вращаться. Или это вращался он сам? Таким ли бывает головокружение? Ему трудно было разобраться в своих ощущениях, потому что голова походила на ватный шар. Он почти полностью утратил способность воспринимать окружающее.

Следующим ощущением, поразившим его своей определенностью, было осознание того, что в лицо ему бьет яркий солнечный свет. Он пробивался сквозь плотно зажмуренные веки и почти насильно вытягивал рассудок Ротанова из серого болота небытия. Несколько мгновений Ротанов лежал не шевелясь и не открывая век. Прислушивался к своему телу. Сердце билось часто и мощно, словно он только что бежал в гору. Дышал он легко, не чувствуя никаких запахов. Потом он услышал звуки и поразился их количеству и разнообразию. Все его существо переполняла простая радость. Он жив. Жив! Он прошел через это и все-таки остался жив!

Наконец он открыл глаза и понял, что лежит в чем-то, отдаленно напоминающем траву. Со всех сторон его окружали яркие

зеленые заросли, а прямо в лицо било утреннее солнце. Пожалуй, самым впечатляющим был именно этот мгновенный переход от ночи к ослепительному сияющему дню. Он еще не способен был анализировать происшедшее и мог только по-щенячьи радоваться солнечному свету и яркой зелени, укрывшей его со всех сторон, как в колыбели. В следующую секунду Ротанов обнаружил, что сравнение с колыбелью пришло ему в голову отнюдь не случайно. Поскольку он был наг. Совершенно наг. Рывком протянув руку к рюкзаку, который лежал рядом, он не обнаружил в этом месте ничего. Даже трава не была примята.

Итак, в этот мир приходят нагими и безоружными... Он должен был догадаться об этом еще раньше, когда подбирал одежду Дуброва... Благодушное настроение мгновенно покинуло его, уступив место ощущению беспомощности. Он рывком сел и, с трудом поборов головокружение, осмотрелся. Он сидел в чаще трескучек. Была примерно середина дня, и вокруг росли не те трескучки. Спороносы у них определенно казались выше и мощнее. Стебли толще и раскидистей. Кроме того, между их корнями не гулял ветер, выдувая пыль и песок, как это было на Реане. Здесь все оплела собой пружинистая трава, какие-то незнакомые кусты. Это была другая Реана... Все еще не решаясь до конца поверить в происшедшее, он уже подыскивал подходящее объяснение случившемуся, потому что не мог иначе. Сок трескучек... Наверное, это всего лишь запал, включающий сложнейшую систему перехода сквозь время... Ведь для этого нужна энергия. Уйма энергии... И конечно, не в соке дело. Он вспомнил бегущие по ущелью спороносы. Энергии им не занимать, недаром в районе рощи изменяются магнитные и гравитационные поля планеты... Уцепившись за ствол трескучки, Ротанов поднялся на ноги. Прямо перед ним, буквально в десятке метров, заросли пересекала дорога. Самая обычная сельская дорога, не покрытая ничем, кроме пыли.

«Вообще все не так уж плохо, — успокоил он себя. — Ты очутился там, куда стремился. Конечно, без снаряжения, одежды и запаса пищи долго здесь не протянешь... Нужно срочно что-то предпринять. Прежде всего необходимо одеться...»

Он вспомнил стереофильм о дикарях острова Пасхи. Они прекрасно обходились пальмовыми листьями... Правда, здесь нет пальм, но на первое время сойдут листья трескучек. Он сплел из них что-то вроде набедренной повязки. Получилось не очень красиво, зато прочно. Покончив с этим, Ротанов вышел на дорогу. Буквально через сто метров заросли кончились и перед ним

открылся холм, на который взбиралась дорога. На самой его вершине темнели знакомые крепостные стены. Сомнений больше не осталось. Он попал в мир, изображенный на картине рэнитов. И хотя он ждал чего-то подобного, оглушение от этого открытия не стало меньше.

К стенам замка ему удалось подойти скрытно, прячась в густых зарослях, вползавших на самую вершину холма. Колючки жестоко царапали его незащищенную кожу, но это приходилось терпеть. Он должен был соблюдать осторожность. Чем ближе пробирался он к замку, тем больше признаков говорило за то, что древнее строение обитаемо. Дымок над крышей, следы повозок, наконец запах хлева, долетающий с задних дворов. Строение трудно было назвать замком. Это был скорее ряд жилых построек, защищенных мощной высокой стеной. Еще издали Ротанов понял, что стену строил архитектор, хорошо усвоивший законы пропорций и особенности местности. Причем это был именно архитектор, а не военный инженер. Северным крылом крепостная стена вплотную примыкала к скальному выступу, с которого осаждающие в случае необходимости могли бы легко перебросить лестницы и помосты. Но были ли осаждающие в этом диком краю? К чему тогда строить такую мощную стену?

К замку вела одна-единственная дорога, и, пока Ротанов пробирался в зарослях, он не заметил на ней ни малейшего движения. Заросли, наполненные криком невидимых птиц, жили своей собственной жизнью. В них не было ни малейших следов деятельности человека. Наконец Ротанов очутился у самой стены. Она была сложена из массивных каменных блоков, размер которых внушал невольное уважение. Поверхность камня, обращенная наружу, оказалась почти необработанной, и грубые выбоины позволяли, цепляясь за неровности, подняться довольно высоко, может быть, до самого верха... Еще одна небрежность строителей?

Ротанов не стал испытывать судьбу. Взбираясь на стену, он станет отличной мишенью для охранников в угловых башнях, если там были охранники. Благоразумней казалось подняться на вершину скального выступа, с которого наверняка откроется вид на внутренний двор замка. Почти целый час Ротанов пролежал на вершине скалы, разглядывая пустой двор. И за все это время он не заметил в замке ни малейшего движения. Ничего не стоило перебраться на стену и спуститься во двор. Но он пришел сюда как гость и не хотел придавать своему визиту с первых шагов сомнительный характер. В конце концов, существовали ворота. Те, кто построил этот замок, вряд ли сильно отличались от людей.

Ворота, сбитые из целых стволов трескучек, оказались заперты, но снаружи имелось огромное металлическое кольцо из какого-то красноватого сплава. Ротанов взялся за него и несколько раз дернул. Внутри гулко отозвался колокол, и через минуту ворота неторопливо поползли вверх, открывая вход.

Внутренний двор оказался совсем небольшим. Сверху он казался гораздо больше. Едва Ротанов переступил порог, как ворота с грохотом опустились за его спиной. Впереди на стене главного здания возвышался балкон, красиво украшенный резными балюстрадами. Прежде чем Ротанов решил, что делать дальше, дверь на балконе распахнулась, и четыре мужские фигуры, одетые в свободные плащи темного цвета с синей и золотой оторочкой, вышли на балкон и остановились, молча разглядывая Ротанова.

Текли секунды, никто не шевелился, казалось, прошла целая вечность в немой неподвижности. Ротанов жадно вглядывался в их лица. Это были человеческие лица. И они были совершенны, словно их всех четверых изваял один и тот же гениальный скульптор. Так вот какие они, рэниты. Больше двух метров роста — настоящие великаны. У того, что был выше всех, волосы серебрились на солнце. Была ли это седина, Ротанов не мог сказать, ни одна морщина не смела коснуться их лиц. Ни волнение, ни любопытство не отражалось на них, словно это и впрямь были лица статуй. В конце концов Ротанов почувствовал беспокойство. Так не встречают гостей. Во всяком случае, так их не встречают люди... И вдруг он словно бы посмотрел на себя их глазами. Полуголый, исцарапанный дикарь в набедренной повязке стоял во дворе... Зачем он пришел, откуда, что ему здесь надо? Не эти ли вопросы скрывались сейчас за их бесстрастными лицами? Только теперь он ощутил всю невероятную сложность первого контакта. С ним не было его верных электронных помощников, они не поймут ни одного слова. Он ничего не сумеет объяснить... И вдруг, разрушая его сомнения, ясный и громкий голос на чистейшем интерлекте, на котором вот уже два столетия разговаривали все народы Земли, спросил:

— Кто ты такой?

Это было настолько неожиданно, что Ротанов произнес первые пришедшие в голову слова:

— Я человек с планеты Земля.

Прозвучало это торжественно и нелепо.

— Это мы знаем. Твое звание и имя?

— Вы знаете интерлект? Откуда?

— Вопросы здесь задаем только мы.

И сразу же Ротанов почувствовал, каким непростым будет этот разговор... Инспектор внеземных поселений обязан быть дипломатом, и он ничем больше не выдал своего волнения.

— Вы можете считать меня представителем правительства Земли. Я осуществляю контроль за внеземными поселениями, созданными людьми. — Ему очень мешали отсутствие одежды и этот дурацкий балкон, возвышавший собеседников настолько, что ему все время приходилось задирать голову. То ли акустика во дворе была такой, то ли голос говорящего был чрезмерно громок, но Ротанова буквально оглушали величественные раскаты, несущиеся с балкона. Долгая дорога через заросли утомила его, солнце жгло исцарапанную кожу, пот заливал глаза — не очень подходящие условия для первого дипломатического контакта с иной цивилизацией. «Ничего, обойдешься, — сказал он себе, — ты сам заварил эту кашу. И если сейчас ты провалишь дело, тебе этого никогда не простят, да и сам ты себе этого не простишь, так что держись и смотри в оба, что-то здесь не так, что-то ненормально. У них даже любопытства нет. Только эта спесь, не многовато ли ее для затерянного на пустой планете замка? Нужно выяснить как можно больше». Ему нужна была информация, за ней и шел, не считаясь ни с каким риском. Стоящие на балконе о чем-то переговаривались между собой, очевидно, звание Ротанова произвело на них некоторое впечатление. Сейчас до Ротанова не долетало ни звука, словно во дворе выключили громкоговоритель. Но вот самый высокий мужчина обернулся, и вновь над Ротановым загремел знакомый голос:

— Зачем ты пришел к нам?

— Я ищу землянина. Его зовут Дубров. Валерий Дубров.

— Его нет здесь.

— Но он был у вас?

— Был и ушел.

«Был и ушел...» — как эхо отдались эти слова в голове Ротанова. Значит, все было напрасно. И вдруг подумал, что погоня за Дубровым постепенно превращается для него в самоцель, что Дубров в конце концов найдется, и дело вовсе не в нем. Неизвестно, сумел ли он до конца раскрыть загадку Реаны, что именно узнал, как глубоко проник в тайны планеты... Теперь, когда он сам был здесь, в далеком прошлом Реаны, он обязан был попробовать пройти этот путь самостоятельно.

— Чего еще ты ждешь? — прервал его мысли голос с балкона.

— Я хотел бы получить информацию... — Слова прозвучали отчужденно, они не отражали того, что он хотел сказать, и Ротанов поправился: — Я хотел бы получить знания.

— Мы не раздаем наших знаний даром. Они стоят дорого.

— Земляне не станут торговаться с вами. И нам не нужны одолжения. Мы предоставим в обмен знания и открытия, сделанные людьми.

— Мы не нуждаемся в них. Мы не знаем, что делать с собственными.

— В таком случае мы найдем, чем заплатить за ваши знания. Человечество достаточно богато.

— Никакие материальные ценности нельзя пронести сквозь время. Все ваши богатства здесь не имеют цены.

— Что же вы цените в таком случае?

— Только труд. Ты согласен трудиться в обмен на знания?

— Что именно я должен буду делать?

— Все самое необходимое. Ковать железо, возделывать землю, ткать, ухаживать за животными.

— В таком случае я хотел бы знать цену.

— Цена стандартна. Год работы за час.

— За час чего?

— За час ответов на любые вопросы, которые ты сумеешь задать.

Год работы... Совсем недавно он готов был заплатить за это жизнью.

4

Комната, отведенная Ротанову, оказалась светлой и чистой. Хотя и совсем небольшой. В ней помещался грубо сколоченный топчан, накрытый кошмой. Столь же грубо сделанный стол с табуретом. На вешалке висела толстая полотняная рубаха и что-то вроде рабочего комбинезона. Дверь за ним закрыли, но Ротанов не слышал ни скрежета засова, ни щелчка замка... Как только стихли шаги сопровождающего его рэнита, он попробовал открыть дверь. Она легко поддалась его усилиям, и он вновь увидел коридор, ведущий во двор. Ну что же, по крайней мере рэниты сразу же начали выполнять одно из условий договора — он совершенно свободен и в любую минуту может покинуть замок.

Успокоившись на этот счет, Ротанов более подробно исследовал комнату. На топчане в кошме образовалась вмятина, формой напоминавшая человеческое тело. Он измерил примерный рост того, кто лежал до него на постели. Рэниты были выше...

Воды и пищи ему не предложили, очевидно, здесь ее сначала нужно заработать, а возможно, просто еще не наступило время трапезы. Он сел за пустой стол и глубоко задумался. Какие-то едва уловимые признаки указывали на то, что здесь до него жил другой человек. Эта вмятина на топчане, потертости на рубахе, словно специально сшитой на рост землянина... Но в таком случае должен быть и явный след. Он сам, прежде чем покинуть эту комнату, наверняка захотел бы оставить здесь хотя бы знак о своем пребывании... Где-нибудь в таком месте, чтобы он не сразу бросался в глаза, и в то же время так, чтобы его можно было обнаружить... Человек часто садится за стол... Он осторожно опустил руку и провел ладонью с внутренней стороны. Вскоре пальцы нащупали неровные царапины. Ротанов опустился на пол и прочел выцарапанные острым предметом две буквы: В.Д. Но почему только эти буквы? Не захотел написать больше, или не смог, или не надеялся, что эта надпись найдет адресата?

Ну что же... Очевидно, ответы на все вопросы ему придется искать здесь самому.

Рано или поздно они встретятся с Дубровым, встретятся на равных, и тогда они поговорят... Сейчас даже трудно представить, каким будет этот разговор.

Ротанов прилег на койку, чувствуя, как каменная усталость этого невероятно тяжелого дня навалилась на него. Но сон не шел, в голове, как на замкнутой кольцом кинопленке, продолжали прокручиваться события этого дня, он вновь видел себя в роще трескучек, держал в руках пузырек с жидкостью, которая могла оказаться обыкновенным ядом. Вновь лежал в зарослях незнакомого мира, входил в ворота замка... Разговаривал с рэнитами. Он почти не сомневался, что встретил именно рэнитов и заключил с ними первый в истории человечества договор о сотрудничестве, нет, не первый, первым наверняка был Дубров... Возможно, были еще и те, кто не вернулся отсюда... Вот откуда они знают интерлект. Договор... Странный получился договор. Кто же они такие, рэниты? Торговцы знаниями? Случайно попавшая на Реану экспедиция? И как могут сочетаться высокие знания, о которых они говорят даже с некоторым пренебрежением, со всей этой примитивной жизнью, с натуральным хозяйством, тяжелым физическим трудом?.. Он не сумел додумать мысль до конца, потому что мгновенный каменный сон наконец сковал его. Ему казалось, что проснулся он почти сразу, но по тому, как сильно сместилось к закату солнце, понял, что прошло не меньше трех часов. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, есть только хотелось еще

сильнее и по-прежнему мучила жажда. С этим нужно было что-то делать. Едва он встал с твердым намерением заняться поисками пищи и воды, как над замком проплыл глубокий мелодичный звук. «Гонг или колокол... Может быть, это и есть сигнал к ужину?» Ротанов натянул рубаху и комбинезон, очевидно, вечернего фрака здесь не полагалось.

Пустой двор, пустая лестница... Местное общество не отличалось многочисленностью, но не четверо же их здесь? Или все-таки четверо? Тяжелая двустворчатая дверь, ведущая во внутренние покои замка, оказалась гостеприимно распахнутой. Ротанов не стал ждать специального приглашения и вошел. Здесь было что-то вроде центрального зала для приемов или трапез. Вероятно, самое большое помещение в замке. В центре зала стоял длинный обеденный стол, накрытый к ужину. Четверо знакомых рэнитов молча сидели у своих приборов. Ротанов отметил, что свободны еще два места, в центре стола и с краю. Решив, что центральное место вряд ли предназначалось ему, он скромно устроился с краю. Никто не произнес ни слова и никак не реагировал на его появление. Все продолжали молча и неподвижно сидеть на своих местах, не прикасаясь к пище. Несмотря на мучивший его голод, Ротанов не стал нарушать приличий и терпеливо ждал вместе с хозяевами, только осторожно втянул носом воздух, стараясь по запаху определить, насколько съедобны местные блюда. Еще раньше он заметил, что все предметы в замке — посуда, утварь — носили на себе следы ручного изготовления. Очевидно, серийное машинное производство рэнитам неведомо. Это выглядело довольно странно, если вспомнить, на каком уровне художественного мастерства и техники была выполнена сделанная ими картина. Ротанов знал, как часто ошибочны бывают поспешные выводы. Он провел в замке всего несколько часов.

Кого же все-таки они ждут? От запаха горячей пищи Ротанов испытывал мучительные спазмы в желудке. Пахло довольно аппетитно, чем-то вроде вареного гороха. Большой медный поднос в центре стола наполняло зеленоватое пюре явно растительного происхождения. «С этого я и начну», — решил Ротанов. Он уже собрался, игнорируя приличия, положить себе на тарелку это самое пюре, как все поднялись. В дальней стороне зала открылась внутренняя дверь, и в комнату вошла женщина. Ротанов забыл о еде. Он узнал ее сразу же, с первого взгляда. Ее и невозможно было не узнать. Там, на картине, огромный, до висков разрез глаз казался ему художественным преувеличением. Но глаза и на самом деле были такими. Если не считать этих огромных глаз, во

всем остальном ее лицо было той правильной, старинной формы, какими рисовали иногда древнегреческие художники лица своих богинь...

Неожиданно для себя Ротанов обнаружил, что все еще стоит, в то время как все остальные давно уже начали ужин, не обращая на него ни малейшего внимания. Женщина ни разу не взглянула в его сторону, впрочем, она вообще ни на кого не взглянула. Не сказала даже обычного, принятого за столом приветствия. Странным казался этот ужин в немом молчании. Может быть, между рэнитами существовали какие-то другие средства общения, кроме звукового языка? Иногда они обменивались быстрыми, едва уловимыми взглядами, и это было все.

Ротанов не понимал, что именно ел. Обстановка за столом с приходом женщины стала казаться ему почти оскорбительной. Рэниты определенно как-то общались друг с другом. Оказывали друг другу за столом мелкие услуги. Ротанова же просто никто не замечал. Вокруг него словно сгустился некий вакуум. Так, наверное, чувствовал себя слуга в далекое феодальное время, если бы за какую-то чрезвычайную услугу ему разрешили сесть за один стол с господами. Возможно, приход женщины попросту обострил его чувство самолюбия. Несколько раз он бросал в ее сторону быстрые заинтересованные взгляды и невольно, забываясь, вновь и вновь любовался ее лицом, движениями, одеждой... Она вся казалась произведением искусства. Тяжелые распущенные волосы перехватывала чуть выше лба массивная, из чеканного серебра диадема. На ней были изображены непонятные Ротанову символы и знаки, а в самом центре, отражая блеск светильников, недобрым алым пламенем вспыхивал какой-то камень — не то гранат, не то рубин... Руки женщины, обнаженные до самых плеч, украшали тонкие серебряные браслеты, которые звенели, как маленькие колокольчики, при каждом движении.

Ротанов повидал на своем веку немало красавиц. После того как на Земле стал работать универсальный институт красоты с отделениями на всех континентах, любая женщина могла придать своему лицу тот облик, какой ей нравился. И возможно, от этого в лице каждой красавицы ему невольно чувствовалось нечто искусственное. От лица рэнитки веяло древностью, словно оно вместе с диадемой было отчеканено из старинного, потемневшего от времени серебра... Такими бывают подлинные произведения искусства. Подделку бы он узнал сразу. Ему хотелось уловить в ее глазах хотя бы намек на недовольство его откровенным разглядыванием, но она не замечала его до такой степени, словно он не отбрасывал в этом зале

даже тени. В очередной раз ощутив укол уязвленного самолюбия, Ротанов поспешил закончить трапезу и первым покинул обеденный зал. И опять никто не остановил его, хотя, возможно, следовало остаться и хотя бы убрать за собой посуду. За столом никто не прислуживал. Похоже, в замке вообще не было слуг. Но не могли же эти пятеро сами вести все натуральное хозяйство, одевать и кормить себя, лечить и развлекать и до такой степени оставаться равнодушными к новому члену их сообщества! Чего-то он здесь определенно не понимал.

Выйдя из трапезной, Ротанов обследовал двор и обнаружил в углу у стены хорошо оборудованную мастерскую с горном и приличным набором инструментов. Правда, их качество из-за полного отсутствия машинного производства оставляло желать лучшего. Он не сумел найти ни одного напильника. Очевидно, их в какой-то степени заменяли бруски из точильного камня.

С самой первой минуты, очутившись в этом мире, он остро ощущал не только отсутствие одежды. Ему не хватало оружия, всегда служившего надежной защитой на чужих, неисследованных планетах. Теперь у него появилась возможность в какой-то степени восполнить этот пробел. Конечно, бластер ему не сделать, но в юности он увлекался арбалетным спортом. Изготовление самодельного арбалета было там обязательным условием... Покопавшись в груде металлического хлама, он обнаружил гибкую упругую пластину из хорошей стали, это его удивило. Рэниты каким-то образом освоили литейное дело, а вместе с ним и тепловую обработку металлов высокого класса, несмотря на отсутствие машин. Пластину он использовал в качестве основного упругого элемента, без которого невозможно изготовление арбалета. Он старался придать оружию небольшие размеры. Мощная стальная пластина позволяла это сделать. Нужно было лишь найти подходящий кусок древесины для ложа. В этот вечер никто не интересовался его делами, и вскоре в маленькой кузнице жарко запылал горн.

Арбалет был полностью готов через две недели. В тот день, когда Ротанов надел на стрелы тяжелые стальные наконечники, грубые, но хорошо отточенные, он решил предпринять небольшую экспедицию за пределы замка. За две недели он так ничего и не узнал о загадочных существах, бок о бок с которыми прожил все это время. Они вели натуральное хозяйство. Работали не покладая рук с утра до вечера, причем Ротанову редко удавалось видеть, как они это делали. С ним общались по мере необходимости и всегда давали дневное задание там, где не работал ни

один из рэнитов. Вечером у него принимали дневную работу и давали задание на следующий день. Во время традиционного ужина он мог сколько угодно пялить глаза на прекрасную, как статуя, рэнитку — этим все его контакты с рэнитами и ограничивались. Возможно, вне замка он найдет какие-то следы, проливающие свет на загадку появления рэнитов на этой планете в далеком прошлом? Кроме того, его интересовали трескучки. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — здесь встречаются виды и формы, которых он никогда не видел на Реане... Не с ними ли связана загадка обратного перехода? Неплохо было бы заранее подготовить себе дорогу к возвращению без помощи рэнитов. Причин предпринять экспедицию во внешний мир у него достаточно. В первую же неделю он установил, что один день здесь полностью посвящается отдыху — сегодня был как раз такой день, и он решил не откладывать своего предприятия. Ворота никем не охранялись. Подъемный механизм приводится в действие простым нажатием рычага. Для того чтобы ворота открылись, достаточно было дернуть кольцо. Ротанов закинул за плечи арбалет, котомку с небольшим запасом продуктов, которые взял в кладовке, ни у кого не спросив, давно убедившись, что спрашивать что-либо у рэнитов бессмысленно. Его снаряжение дополняли еще фляга с водой и грубое подобие ножа, приличное лезвие он так и не сумел выковать. Зато рукоять получилась на славу. С некоторым волнением он вышел за ворота, ежеминутно ожидая оклика и приказа вернуться. Никто его не окликнул. Вскоре дорога сделала поворот, и замок скрылся из виду.

Прежде Ротанов решил осмотреть место, в которое попал при переходе. Он хорошо помнил карту Реаны и сейчас безошибочно установил, что планета та самая, что никакого пространственного «сдвига» не было, и каким бы невероятным это ни казалось, оставалось лишь одно правдоподобное объяснение. Он попал в прошлое Реаны, очевидно, в то самое прошлое, когда была нарисована картина. Пятьдесят тысяч лет отделяло его теперь от людей. Человеческая цивилизация на Земле только зарождалась... Его воображение не способно было вместить тот гигантский отрезок времени, через который легко, почти буднично, перебросили его вот эти странные зеленые растения... Да полно, растения ли они? Может быть, нечто гораздо более сложное, нечто такое, с чем людям еще не приходилось сталкиваться, и потому мы даже не в состоянии определить, что они такое?..

Взобравшись на ближайший холм, он осмотрел рощу трескучек сверху и вдруг с удивлением заметил, что в сплошном океане

зелени, затопившем планету, знакомая ему реановская роща сохранила свои прежние границы. Впечатление было такое, будто кто-то специально укоротил растения, подстриг их вершины гигантскими ножницами с одной-единственной целью — обозначить границы зеленого острова, сохранившегося в песках Реаны через десятки тысячелетий. Кто и зачем мог это сделать? Спустившись в рощу, Ротанов, к величайшему своему удивлению, установил, что стебли растений вовсе не были срезаны. На определенной высоте они постепенно становились невидимыми. Сантиметров десять стебли еще можно было нащупать, дальше они исчезали совершенно... Ротанов вспомнил: в одном из отчетов биологов он читал о том, что трескучки на Реане не имеют корней. Здесь корни были, зато не было цветов и плодов. Впрочем, нет... Это не совсем так, потому что цветы в виде огромных трескучих погремушек здесь тоже были, но только за той границей, где кончалась роща, сохранившаяся на Реане в далеком будущем. Во всем этом была какая-то неясная ему закономерность. Ротанову казалось, что вот сейчас, в эту самую секунду, он поймет нечто очень важное. Известные факты уже сами собой выстраивались в некую еще не совсем ясную систему. Нет корней в будущем, но зато они есть здесь, в прошлом. Никто никогда не находил настоящих плодов трескучки, споры — это не плоды, он только слышал о легендарном семени трескучки, все о нем слышали, и никто не видел. И в эту самую секунду, когда, казалось, он уже ухватил убегающую мысль, прямо над его головой с оглушительным грохотом лопнул зрелый споронос. Лавина спор хлынула на землю и покрыла ее толстым темным ковром. Буквально в двух шагах от Ротанова лежал этот толстый шевелящийся ковер. Казалось, упав на землю, он все никак не мог успокоиться. Заинтересованный Ротанов подошел еще ближе. У него на глазах происходило образование живого спороносителя. Вся масса спор теперь стянулась в тугую плотную массу, напоминающую разлитую по земле ртуть. Она была так же подвижна и, очевидно, так же тяжела. Постепенно из нее вверх начал медленно расти какой-то предмет. Но это не был знакомый и безобидный треножник, что-то другое, достаточно грозное в своей неожиданности, стало обретать жизнь, становилось выше, массивнее, и вдруг он понял, что это такое... Помогла аналогия с хорошо известным ему неземным растением. Мощный темный стебель на глазах вытягивался вверх. Он уже был выше его головы, и на самом верху образовалось утолщение величиной с хорошую тыкву. Оно округлилось, в середине появились широкие глянцевитые лепестки. По-

том они раздвинулись, приподнимая укрытое в самом центре массивное образование. Что там было? Тычинки? Пестики? Этого он не помнил, зато хорошо помнил, что цветок этого растения при малейшем прикосновении к тонким, как шнуры, щупальцам выбрасывал в воздух миллионы ядовитых иголок. Яд растения убивал все живое, а иглы иногда пробивали даже силиконовую броню скафандра. Сейчас на нем не было скафандра...

Ротанов почувствовал, как у него пересохло во рту, потому что вокруг, спереди и сзади, уже шевелился темный ковер растущих из стебля щупалец. Извиваясь, они обтекали его, замыкали кольцо... Отступать уже было некуда. Слишком поздно он понял, что это такое... Но откуда, откуда здесь салапелла? Ведь ничего не было, кроме спор!..

И вдруг налетел порыв ветра. Неожиданно цветок сморщился, словно собирался чихнуть, потом медленно стал съеживаться, уменьшаться в размерах. Закрылись лепестки, втянулись внутрь стебля щупальца ловушки. Словно кто-то прокручивал перед Ротановым киноленту в обратном порядке. Утончился и закачался высокий стебель, потом с сухим шелестом обрушился вниз, рассыпаясь в темную тяжелую пыль, из которой только что возникла эта грозящая смертью ловушка. Сейчас она исчезла, у него на глазах растворилась в ковре тяжелых спор, только что родившем ее. Почти сразу же из него один за другим стали вылупляться, как цыплята из яйца, уже знакомые Ротанову треножники живых спороносителей. Они тут же разбегались в разные стороны и исчезали в зарослях. Через несколько минут ничто уже не напоминало о происшедшем. Потрясенный Ротанов достал флягу с водой и смочил пересохшее от волнения горло. Потом разрядил арбалет, тяжело опустился на песок рядом с тем местом, где только что раскачивался, грозя ему гибелью, стебель растения. Песок в этом месте казался нагретым. Ротанов набрал его полную пригоршню и медленно пропустил между пальцев.

Так что же произошло? Вначале его явно собирались атаковать, но, как только ветер донес его запах, запах человека, цветок стал сворачиваться и в конце концов превратился в эти безобидные треножники. Масса спор не обладает собственной энергией. Это просто микроскопические кирпичики, подчиняющиеся формирующим полям. Из них, наверно, много чего можно строить, не только этот ядовитый цветок...

Энергию и соответствующие команды споры наверняка получают от своего родителя... Ротанов долго задумчиво смотрел на толстый ствол растения с разорванным спороносом. Свесившись

набок, он сейчас еще больше походил на белый колокол... «Что же ты такое? — тихо спросил Ротанов. — Твои корни уходят в глубокое прошлое. Они растут здесь уже тысячи лет, потом распустятся колокола цветущих спороносов... И только в далеком будущем образуются плоды, оттого никто и не нашел легендарного семени трескучек... Растение, подчинившее себе время или приспособившееся к его течению настолько, что время стало не властно над ним? Его сок, проникая в живые клетки человеческого тела, способен перенести их хозяина в далекое прошлое, к самым истокам... Так растение ли это, или нечто значительно более сложное и, может быть, даже более важное, чем найденные в прошлом остатки рэнитской цивилизации?»

Ротанов перебросил через плечо ненужный арбалет, потому что вдруг понял: ничто ему не грозит в этой роще. Трескучки прекрасно могут отличать врагов от друзей, а он пока что не сделал ничего такого, чтобы стать врагом этих существ. Здесь у трескучек наверняка есть враги. За одного из них его и приняли вначале. Ротанову вдруг стала понятна толщина и высота стен рэнитского замка...

На этот раз дрон был огромен. В два раза больше предыдущего. Четыре гибкие лапы мелькали так быстро, что отдельных движений не было видно. Над ними возвышались массивные челюсти, утыканные острыми, как кинжалы, зубами. Вельда знала, что ей не уйти. Джар, везущий ее повозку, устал, к тому же он не боялся дрона и не очень спешил. Всего несколько метров отделяло ее от дрона, она видела, как ядовитым блеском отливают его широкие черные клыки. Вельда изо всех сил хлестнула Джара, но было уже поздно. Дрон вытянулся и в последнем броске дотянулся до повозки. Его тяжелые челюсти сомкнулись на ободе колеса. Оно хрустнуло, и во все стороны полетели обломки, повозка накренилась на один бок и остановилась. От резкого толчка Вельда вылетела из нее, откатилась к обочине. Дрон, занятый повозкой, не обращал на нее внимания. Она видела, как он в ярости крошит дерево, рвет сыромятные ремни креплений, словно повозка была живым существом.

Вельда знала, что теперь у нее оставалось всего несколько секунд. Покончив с повозкой, дрон в любом случае настигнет ее. У него не было глаз, но он хорошо улавливал запахи. Повозка пахла ее телом и именно поэтому вызвала в дроне такую ярость. Вельда вскочила на ноги и бросилась к зарослям. Отчаяние придало ей сил. Но дрон уже почуял неладное, он приподнял свою

тяжелую, словно выкованную из стали голову и устремился за ней. Она не заметила, когда из зарослей выскочил человек. Увидела его уже рядом, он оттолкнул ее и встал на пути у дрона. В руках у него было какое-то странное оружие, похожее на рогатину. Раздался резкий свист, и тяжелая стрела мелькнула в воздухе. Дрон продолжал бежать, но что-то в его движениях изменилось. Угловатые формы начали вдруг округляться. Дрон словно стал ниже. Тяжелая голова опустилась и как будто смазалась. И вот уже грозный зверь превратился в лужицу темной пыли...

Только теперь Ротанов позволил себе взглянуть на девушку. Волосы, заплетенные в несколько мелких косичек, отсутствие всяких украшений, простая запыленная одежда, эта повозка... Ничто не напоминало вчерашнюю принцессу из старинной сказки, разве только глаза... Ротанов нагнулся, протянул ей руку и помог встать на ноги. Она оказалась примерно одного с ним роста. И он с удовольствием почувствовал силу в ее гибкой и маленькой руке. Несколько секунд она ее не отнимала, оба молча стояли рядом, разглядывая друг друга. Наконец она отняла руку, отступила на шаг, неловким жестом отряхнула с одежды пыль и вдруг лукаво, совсем как земная девчонка, улыбнулась. Улыбка была такой мимолетной, что Ротанов засомневался, не почудилась ли ему она. Потом рэнитка произнесла несколько слов на певучем непонятном языке, чем-то похожем на язык древней Полинезии. Звучали эти слова примерно как «ларанго тало арано». Девушка прижала к груди левую руку и чуть наклонила голову. Этот жест, наверно, был бы понятен на любой планете.

Ротанов обругал себя за недогадливость, он считал, что все рэниты должны знать человеческий язык. Конечно, его изучил кто-то один, и, возможно, именно поэтому за столом царит молчание. Наверно, они просто не хотят разговаривать при нем на своем языке, считая это невежливым.

Ротанов помог девушке собрать разбитую повозку. Ему удалось даже связать сыромятными ремнями рассыпавшееся колесо. Девушка вновь запрягла странное животное, больше похожее на огромную толстую гусеницу, чем на лошадь. Ножки у животного были коротенькие, и пока Ротанов обвязывал вокруг них сложную упряжь, все время путаясь в многочисленных ремешках, он насчитал этих ножек по крайней мере пар восемь. Прежде чем уехать, девушка показала на себя рукой и сказала:

— Вельда, Аронала. — И еще раз повторила: — Вельда.

Ротанов церемонно кивнул головой и представился сухо, как на официальном приеме: Ротанов.

— Ролано? — переспросила девушка.

Ротанов молча кивнул. Пусть будет «Ролано», какая разница...

Повозка, переваливаясь с боку на бок, медленно отъехала, он долго еще смотрел ей вслед, потом перебросил через плечо арбалет, нашел в кустах кетмень и пошел заканчивать выделенную ему в качестве дневной нормы делянку. В одном он мог поклясться — стрела, выпущенная им в дрона, прошла мимо цели...

Вернувшись после ужина в свою комнату, Ротанов лег на топчан, не раздеваясь. Прошел месяц с того момента, как он появился в замке. Мышцы от физической работы окрепли, и он уже не чувствовал отупляющей усталости, которая заставляла его буквально валиться с ног в первые дни. Теперь у него оставались силы и время, чтобы лучше изучить мир, в котором он очутился. Он собирал образцы пород, описывал новые виды растений, уходил довольно далеко от замка, уделял основное время и внимание зарослям трескучки, раскинувшимся на многие десятки километров вокруг. Никто ему не препятствовал, никто не вмешивался в его дела, попросту никто не интересовался им. Лишь бы он выполнял дневную норму работы... Первое время его это вполне устраивало. Но сегодня вдруг навалилась тяжелая гнетущая тоска, скрутила его, лишила всякого желания продолжать начатую работу. Он вспомнил причину, вызвавшую приступ ностальгии именно сегодня, но это мало помогло. Во время ужина девчонка, которую он спас сегодня, не взглянула на него ни разу. Но, видимо, была еще и другая причина для тоски. «Командировка, — утешал он себя первые дни. — Это просто такая командировка...» Но из командировки можно вернуться. Из любой, самой дальней экспедиции в конце концов возвращаются, а отсюда?.. В том-то и дело, что этого он не знал. Дубров умел возвращаться. Он надеялся найти здесь Дуброва и вернуться с ним вместе и ничего не нашел. Он заключил с рэнитами странную сделку, с одной-единственной целью: узнать о них побольше, наладить обычный человеческий контакт, из которого рано или поздно рождается взаимопонимание, и ничего не добился. Ничего, кроме оглушающего одиночества и чувства безнадежности своей затеи. Кому нужны все эти минералы, образцы растений, описания животных, давно ставших на этой планете палеонтологическими курьезами? Разве что его открытия, связанные с трескучками, имеют настоящую цену, но их еще нужно проверить, а главное — надо суметь донести эти данные до Земли... Рэниты ему в этом не помогут. На какое взаимопонимание можно рассчитывать, о каком контакте

может идти речь с существами, лишь внешне похожими на людей? Неспособными испытывать простого чувства благодарности, сумевшими отгородиться от него стеной ледяного безразличия... Сегодня он спас девчонку от верной гибели, он сделал это совершенно рефлекторно, как сделал бы на его месте любой землянин, и не нуждался он в ее благодарности! Но и привычного ледяного молчания за ужином не ожидал. Не ожидал, что она вновь превратится в надменную аристократку, увешанную драгоценностями. А он в своей запыленной и изодранной рабочей одежде вновь почувствует себя в обществе рэнитов существом низшего разряда. Он валялся на топчане и думал, какой замечательный человек Крамов и насколько секретарь председателя колонии на Реане симпатичней этой надменной рэнитки. Он убеждал себя в том, что огромные глаза, если разобраться в этом получше, попросту безобразны. Он достиг в этом почти полного успеха, как вдруг заметил на столе маленький листочек бумаги, которого здесь не было раньше...

5

Небо здесь казалось чернее. Звезды крупнее и ближе. Огрызок луны висел у самого горизонта. Ее свет не мог притушить даже свет звезд. Словно кто-то посадил на небосводе огромный фиолетовый синяк.

Ночью холод легко пробирался под тонкую одежду, и Ротанов продрог, ожидая на площадке башни назначенного в записке часа. Ночи здесь тянулись бесконечно. Может быть, оттого, что ночью никто не измерял время. Не звонили часы на башнях, ни один звук не нарушал мертвую глубокую тишину. Наконец вдали на стене мелькнула чья-то фигура.

Женщина приближалась медленно, вся закутавшись в толстое белое полотно, чем-то похожее в этой мертвой ночи на саван. И все же даже сейчас, сквозь эту толстую, скрадывающую одежду, он угадывал, как величественна ее походка, как гордо откинута под капюшоном голова... Древние легенды говорили о том, что принцессой нужно родиться. Может быть, они были правы. Еще издали он заметил у нее в волосах сверкающую рубиновым огнем диадему. Камень в ней слегка светился.

Рэнитка остановилась от него в двух шагах, откинула капюшон, ее длинные волосы, чуть окрашенные кровавым светом камня, свободно заструились по плечам. Очень долго они стояли

рядом совершенно молча, словно погрузившись в ночное безмолвие, во всю эту мертвую нереальную ночь. В ночь, которая прошла тысячелетия назад... Ротанов не мог поверить, что это та самая женщина, которая везла в повозке мешки с зерном и которую он спас не далее как вчера... Ему казалось, с тех пор прошло много лет и, наверно, минуло не меньше столетия, пока они молча стояли друг подле друга.

Женщина заговорила медленно и печально, ее лицо оставалось странно неподвижным, невыразительным, точно слова, которые она произносила, не имели к ней ни малейшего отношения. Ротанова поразило, что сейчас она свободно говорит на его языке. Словно угадав его мысли, рэнитка пояснила:

— У нас не принято женщине разговаривать с чужеземцем на его языке. Но закон иногда нарушают.

— Да. Я знаю, — сказал Ротанов. — Чтобы очутиться здесь, мне тоже пришлось нарушить закон.

И снова они надолго замолчали, луна наполовину спряталась за горизонт, сместились на небосклоне ночные созвездия, а Ротанов все стоял неподвижно, не чувствуя холода, и всматривался в черты ее лица, такие прекрасные и чужие, словно хотел запомнить их навсегда.

— Почему ты ничего не спрашиваешь? Люди любят задавать вопросы, много вопросов...

— Я хотел бы задать лишь один. За что дроны так ненавидят вас?

Женщина отступила на шаг, словно отшатнулась, и присела на край холодной каменной балюстрады.

— Ты умеешь выбирать вопросы. Чтобы ответить, мне придется рассказать тебе все. Не знаю, поймешь ли, но все равно слушай...

Она говорила медленно, тщательно подбирая слова, словно проверяя их цену. Ночь сомкнулась вокруг них еще плотнее, еще мохнатее и холоднее стали далекие созвездия. Ротанову казалось, что он не слышит слов, ему казалось, это он сам спускается к только что открытой планете на гигантском корабле рэнитов...

— Нас было двадцать человек, мы летели быстро, как свет...

Они летели с огромной скоростью, и время для них замедлялось. Всего год полета, и они преодолели гигантское расстояние, прилетев сюда с другого конца галактики. Пока длился полет, на их родной планете прошло много тысяч лет. И все же они собирались вернуться, увидеть родных и близких, принести добытые экспедицией знания своему поколению. Это была уже четвертая

экспедиция к звездам. Три первые прошли успешно и вернулись обратно в свое время. Их ученые придумали хитроумную штуку... В конце полета они выбирали безжизненную планету, сажали на нее корабль и потом с помощью разряда Хронара, в котором хранилась энергия, накопленная еще на родине рэнитов, отбрасывали это небесное тело в точно рассчитанную точку четвертого временного измерения. Благодаря такой операции корабль возвращался к родной планете в то время, из которого он вылетал... Все эти операции проделывали с такой точностью, что две межзвездные экспедиции вернулись через месяц после вылета и привезли ценнейшие сведения о дальних окраинах галактики. Казалось, ничто не предвещало неудачи четвертой экспедиции.

Корабль рэнитов опустился в северном пустынном полушарии...

— Тогда оно не было пустынным. Тогда там кипела жизнь.

— В северном полушарии нет никакой жизни! Там кратеры, следы извержений и мертвая пустыня!

— Это не извержения... Наши правила запрещали использовать для Хронара планеты, на которых есть жизнь. Но поблизости не оказалось звезд с другими планетными системами. Топлива оставалось в обрез, только на обратный бросок... Мы хотели вернуться домой...

— И решили погубить планету...

— А что бы люди сделали на нашем месте?

— Не знаю, — честно сказал Ротанов. — Этого я не знаю.

— Мы решились не сразу. Долгое время изучали планету, старались установить, может ли здесь возникнуть разумная жизнь, и ничего не поняли, как выяснилось потом... Наши ученые установили, что на планете преобладает один вид растений. Мы называли их белыми шарами. Этот вид подавил развитие всей остальной биосферы, каким-то образом подчинил ее себе. Ископаемые остатки этих растений почти полностью совпадали с их современным видом. Ученые решили, что бросок во времени на десятки тысячелетий почти ничего не изменит в жизни планеты... Когда очень хочешь получить определенный результат, всегда находится подходящая научная теория... — В голосе женщины звучала неподдельная горечь. — Я одна была против, я говорила, что они недооценивают местную биосферу, что белые шары не простые растения, что может произойти несчастье... Никто не прислушался к моим доводам. Хронар был подготовлен к пуску, и в точно назначенный час его включили... — И вновь она надолго замолчала.

— Что же произошло потом?

— Потом случилось несчастье... Мы до сих пор не знаем, как именно это им удалось. Корни этих растений уходят в глубокое прошлое, в настоящем расцветают их цветы, те самые, что зовутся у нас белыми колоколами, и лишь в далеком будущем вызревают иногда плоды, содержащие в себе тайну бессмертия...

— Что случилось с планетой?

— Не знаю, как назвать их... Существа? Растения? В момент импульса Хронара включилось противоположно направленное временное биополе планеты. Чтобы противостоять импульсу Хронара, энергия его должна была быть огромной, растянутой во времени и точно рассчитанной... Очевидно, не во всех точках им удалось полностью погасить энергию импульса, начались разрывы пространства, извержения вулканов, планетный катаклизм захватил все материки, но планета уцелела, осталась в настоящем. Правда, они сами почти все погибли...

— Не все... — тихо сказал Ротанов. Но она услышала.

— Да, уцелела одна маленькая рощица, но и она вымирает. Пустыня наступает на нее со всех сторон. За последнее столетие не прижилось ни одного нового растения, а старые постепенно погибают, кольцо пустыни смыкается вокруг них, и вскоре на планете, которую они отстояли ценой своей жизни, останутся одни пустыни.

Она помолчала, потом тихо продолжала:

— Почва расползалась, превращалась в грязь, затопляла целые материки... Мы ничего не могли сделать. К тому времени нас уже не было на планете. Вернее, не было в ее настоящем... До сих пор мы не знаем, виноват в этом импульс нашего Хронара или это биополе планеты зашвырнуло нас в прошлое, которого мы хотели добиться такой дорогой ценой?

— Вы пришли в этот мир голыми и безоружными, — тихо проговорил Ротанов.

— Да, все снаряжение, оборудование, наш корабль — все это осталось на северном материке, на том самом, где катаклизм достигал наибольшей силы. Видимо, там произошел чудовищный взрыв. Не сохранилось ничего, даже пыли...

В неверном красноватом свете камня он заметил слезы, стоящие у нее в глазах.

Ротанов отошел в сторону, отвернулся, чтобы не видеть ее лица и не мешать ей плакать... Ночь, казалось, придвинулась еще ближе и села как лохматая черная птица на зубцы крепостных башен. Ничто не нарушало тишину, даже дроны угомонились. Звезды чуть сместились к востоку, возвещая близкий рассвет.

— Сколько же лет вам понадобилось, чтобы голыми руками построить этот замок? И сколько мужества? — тихо добавил он.

— Рэниты живут долго... Слишком долго, — еще тише прозвучал ответ.

Тогда он повернулся, отыскал в темноте ее руку и осторожно погладил ее:

— А знаешь, девочка...

— Я не девочка, Ролано.

И все равно она казалась ему маленькой заблудившейся девочкой, девочкой, которой надо помочь. Он не стал с ней спорить. Он словно думал вслух:

— Я побывал на разных планетах, бывают безвыходные ситуации, бывают ситуации, из которых невозможно выбраться, но так только кажется, поверь мне! Теперь вы не одни, люди помогут вам вернуться.

— Есть законы, перед которыми бессильны и вы, и мы. Это вечные нерушимые законы жизни. Те, кто восстает против нее, сами становятся мертвецами, им уже ничто не поможет.

Но он не слушал ее, он торопливо, почти лихорадочно искал выход.

— Вот посмотри: мы можем послать экспедицию к вашей звезде, не пройдет и года, как рэниты прилетят за вами!

— Пока мы летели сюда, прошли тысячелетия. Не забывай об этом, Ролано. Мы знаем свое будущее. Вся наша цивилизация давно погибла.

— Но ведь Дубров возвращался отсюда!

— Ты тоже вернешься. Уже очень скоро.

— Значит, и вы могли бы!

— Вернуться, куда? В ваше время? Оно чужое для нас. Стать вашими нахлебниками? Это не для нас, Ролано. Рэниты — гордая раса.

— Я знаю.

— Плохо ты нас знаешь, если предлагаешь такое!

— Но ведь не можете вы оставаться здесь одни! Без помощи! Мы могли бы оставить вам всю планету, завезти сюда необходимое оборудование, машины...

— Опять ты о том же... Не такие уж мы беспомощные. Тысячелетние древние знания нашего народа помогли нам выстоять в самое трудное время, теперь наш дом здесь. Другого нет и не будет. У каждого народа свой путь. Теперь ваша очередь летать к звездам. Может быть, вы будете счастливее нас...

— И все же хоть что-то можем мы для вас сделать? Неужели люди не имеют права помочь друг другу в беде?

— Возможно, у вас есть такое право, только вот мы не люди...

Она замолчала, и в ее молчании он угадывал недосказанное, может быть, просьбу, которую не выражают словами, может быть, он должен был понять это сам, но в ту минуту ничего не понял, только почувствовал, что разговор окончен, что истекают последние секунды этой фантастической, невозможной ночи. Не все умеют мириться с неизбежным. Он крепче сжал ее невидимую в темноте руку.

— Послушай... Вельда, мы могли бы вернуться вместе.

— А ты знаешь, сколько мне лет?

— Какое это имеет значение?!

— Имеет, Ролано. Имеет. В первую сотню лет чувства притупляются, отмирают. Остаются лишь память и долг...

— Я не могу поверить, что ваша цивилизация исчезла бесследно. Ваше знание о таком далеком будущем могло оказаться неточным. Люди должны это проверить. Где находится ваша звезда?

— Чужой дом охраняется, Ролано, даже после ухода хозяев. Это может быть опасным.

— Каждый полет к звездам опасен. И все же рэниты и люди летают.

Он заметил, что она взволнована, и не мешал ей думать. Иногда надежда на невозможное ломает самые строгие запреты. Рэнитка отвернулась к каменному парапету и торопливым движением, словно боялась передумать, начертила в пыли целую россыпь точек.

— Это ваше небо.

Ротанов узнал рисунок знакомых созвездий и молча кивнул.

— Вот здесь. — Она обвела кружком одну из точек.

Ротанов узнал и эту звезду:

— Альфа Гидры.

— Мы звали ее Делой... Если ты кого-то найдешь... Они знают, как пройти сквозь время. Они могли бы найти нас... Но там уже никого нет. А теперь прощай. Я и так сказала тебе больше, чем могла. — Она резко повернулась и, не оглядываясь, пошла прочь. Темнота почти сразу же растворила ее фигуру.

Ротанов решил вернуться на следующее утро. Он еще не знал, как это сделает, но чувствовал, что время настало и что обратный переход пройдет без труда. Он тщательно убрал комнату. Единственная вещь, с которой он не хотел расставаться, был арбалет. Он понимал, что не может взять его с собой, и не хотел, чтобы

эта вещь затерялась в зарослях. Ротанов погладил отполированное ложе и повесил оружие на стену. Кому-нибудь пригодится. Он не мог взять с собой ни образцов, ни собранных с таким трудом гербариев местной растительности. Вообще ничего материального, никаких доказательств... Сейчас он очень хорошо понимал Дуброва и знал, как беспомощен может быть человек, не сумевший подтвердить своих слов. Галлюцинация от растительных ядов... Весь этот мир, со слов Дуброва, показался ему сплошной галлюцинацией. Теперь ему самому придется убеждать других. Впрочем, доказательства могут появиться. Цивилизации не исчезают бесследно. Пусть людям пока неподвластно время, но пространство они научились преодолевать неплохо.

Дверь за его спиной тихо отворилась, и вошел Гарт — единственный из рэнитов, снисходивший до общения с ним, ограничивая его, правда, лишь самыми необходимыми словами.

— Ты уходишь совсем?

В который раз Ротанов удивился их проницательности, но не показал виду и лишь утвердительно кивнул:

— Ухожу.

— Мы должны тебе кое-что.

— Я узнал больше, чем заработал. Узнал все, что хотел.

— Нет. Для тебя лично.

— Мне ничего не надо.

— Я не так сказал. Знания, которые ты должен получить, могут принести пользу. То, что ты узнал, бесполезно и для тебя, и для твоего народа.

— Как знать. Я так не считаю. Остальные знания мы добудем сами. Люди тоже гордая раса. Прощай.

— Останься хотя бы на завтрак. У тебя долгий путь.

Ротанов отрицательно покачал головой и прошел мимо посторонившегося рэнита. Он уже знал, что всякие прикосновения как выражение симпатии у них не приняты, и потому не протянул ему руки.

В центре стриженого пятна, обозначившего границы сохранившейся в будущем рощи, было одно растение, отличавшееся от остальных. Ротанов заметил его еще в колонии. Здесь же, среди своих укороченных собратьев, оно сразу же бросалось в глаза. Его ствол был толще, крона пышнее и «подрезалась» — исчезала из виду — как будто выше, чем у остальных. Кроме того, ствол этой трескучки расчленялся на сегменты, словно перед Ротановым рос гигантский бамбук толщиной в добрый бочонок. Он постучал по глянцевитой коре, звук казался глухим, очевидно,

ствол внутри был полым. Он обернулся и долго смотрел на дорогу, на которой два дня назад увидел повозку с Вельдой. «Странное создание человек, — подумал Ротанов. — Он упорно добивается истины, ищет ее, не считаясь ни с какими трудностями, а настигнув ее наконец, иногда не может сдержать чувства горечи. Всегда так бывает, почти всегда. Наверно, поэтому древние считали плод познания... горьким».

— Мне пора... — тихо произнес он вслух.

И ничего не произошло. Он не почувствовал никакого волнения. То, что должно было произойти, произойдет обязательно, без малейшего участия с его стороны. Он не мог объяснить, откуда у него такая уверенность. Он нашел в корнях большой трескучки углубление, сел в него поудобнее и стал ждать восхода солнца, только сейчас почувствовав, как устал от этой бесконечной ночи и накопившейся горечи.

Уйдя от рэнитов, он вдруг испытал облегчение, словно все это время нес на плечах вместе с ними непосильную тяжесть утрат, разочарований и безнадежности. Теперь он многое видел иначе, иной меркой судил их. Кем они были? Торговцами, продававшими крупицы своих знаний за чужой труд? Мечтателями, покорявшими звезды? Учеными, подчинившими себе само время? Или всеми понемногу? Их эпоха прошла. Навсегда сгинула в бездну прошлого, только память осталась, и не стоит тревожить прах этих воспоминаний, вторгаться в их склепы... Потому что здесь, на Реане, осталось от них только прошлое, мертвое прошлое. Впрочем, и на Гидре, наверно, тоже...

Первые лучи солнца согрели его, и он задремал, продолжая слышать шорох листвы над своей головой. Потом его качнуло, легко, как это бывает в кресле глайдера, когда тот идет на посадку. Ротанов открыл глаза, увидел солнце, клонившееся к западу, взглянул на свое обнаженное тело и, поднявшись, серьезно сказал, обращаясь к трескучке:

— Спасибо, друг.

В десяти шагах он нашел свой рюкзак и одежду, в том самом месте, где расстался с ними. Значит, в колонии до сих пор не обнаружили его отсутствия... Вот почему он нашел Дуброва в своем коттедже в ночь его исчезновения. Очевидно, все его двухмесячное путешествие заняло по времени Реаны не больше нескольких часов.

Ротанов торопливо оделся и вдруг услышал странный звук, словно за его спиной загудел большой шмель. Ствол большой трескучки вибрировал и слегка раскачивался. Ротанов подошел

ближе, он был уверен, что минуту назад ствол был совершенно неподвижен — что бы это могло означать? Раздался резкий звук. Ротанов от неожиданности отшатнулся. Ствол растения раскололa снизу доверху продольная трещина. Ее края развернулись, и прямо на глазах Ротанова в совершенно пустом пространстве ствола вдруг появился какой-то предмет... Ротанов смотрел на него долго, не смея двинуться с места, не веря собственным глазам.

Когда робот закончил постройку стандартного коттеджа и возвел вокруг новых владений Дуброва небольшую изгородь, Дубров выключил его и отсоединил от аккумулятора клеммы питания. Это был его личный универсальный робот, такой же, как у каждого колониста. Сегодня он в последний раз воспользовался его услугами. Набор самых простых земледельческих инструментов, немного консервов — вот все, что ему могло пригодиться.

Место он выбирал тщательно. Его не должны были найти, прежде чем он осуществит задуманное. Проще всего было укрыться в горах, где было множество пещер, завалов, ущелий. Но горы его не устраивали, ему необходима была голубоватая почва Реаны. Одинокая скала образовала в этом месте нечто вроде большого грота и закрывала его новое жилище вместе с участком отгороженной земли от наблюдений с воздуха. С трех сторон участок укрывала скала, с четвертой робот набросал высокий песчаный вал, и обнаружить укрытый под скалой коттедж можно было, лишь подойдя вплотную. Скалу он нашел два года назад, когда много путешествовал по реанским пустыням в одиночку, пытаясь отыскать в них следы былой жизни. Еще тогда подумал, что это место идеально подошло бы для небольшого поселения, если бы люди могли добывать здесь для себя пищу... Все дело было именно в земле. Он надеялся, что, если ему удастся удалить из нее частицы ядовитой голубой глины, земля вновь обретет плодородие... Он знал, что колония трескучек приживается лишь в том месте, где может вырасти маточное растение. Не было у него почти никаких шансов на успех, но он все же решил попробовать, потому что иного пути не было. Жизнь на этой планете была возможна лишь там, где росли трескучки. В одном инспектор был, безусловно, прав — не могли они рассчитывать на сокращавшуюся с каждым годом резервацию. Если его попытка не удастся, люди навсегда оставят эту планету, и тогда пустыни сомкнут свое смертоносное кольцо над последним живым пятном. Были у него и личные причины, заставившие пойти на этот отчаянный шаг. О них он не стал бы рассказывать никому.

Дубров зачерпывал землю лопатой, рассыпал ее на куске брезента и пальцами зернышко к зернышку перебирал сухую почву. Для этой работы не годилось ни одно механическое приспособление, только человеческие руки могли отобрать ядовитые крупинки. Правда, трескучки каким-то образом росли на этой почве. Вот только новые ростки на ней не приживались. Каждый сезон спороносители уходили в пустыню, сеяли свои споры, из которых ничего не вырастало, и ветер нес по мертвой земле черную пыль.

Каждый вечер, когда новое ведро земли было готово, он шел в свой огород, высыпал землю в заранее приготовленное место, выравнивал и обильно поливал, словно в пустой земле могли быть зародыши какой-то жизни... На что он рассчитывал? Для чего проделывал эту бесконечную и бессмысленную работу?

Каждый вечер, отворив калитку своего огорода, он садился на крыльце дома и ждал, до рези в глазах всматривался в пустыню. Человек был так же терпелив, как эта пустыня, много столетий ждущая своего часа, чтобы затянуть петлю вокруг последнего пятна жизни, еще оставшегося на планете. И однажды вечером человек дождался. Вначале на горизонте появилась черная точка. Она постепенно приближалась, увеличивалась в размерах. В глазах человека сменилась целая гамма чувств. Вначале в них было удивление, потом разочарование и затем отчаяние. Это было совсем не то, что он ждал. К его владениям приближался обыкновенный вездеход, и рычание его мотора уже вторглось в величественное молчание пустыни. Его тайное убежище раскрыто.

Из вездехода вышел всего один человек. Больше и не надо. Дубров устал в одиночку нести свой непосильный груз. Им вдруг овладело полное безразличие. Пусть делают что хотят, пусть выполняют инструкции, он пальцем больше не шевельнет, пускай все катится к чертовой матери! Он не двинулся, когда инспектор вытащил из вездехода какой-то мешок и молча прошел мимо него к калитке. Он не произнес ни слова, когда Ротанов вернулся, подобрал лопату, лежащую у крыльца, и снова ушел в огород.

Постепенно им овладевал глухой гнев. Посторонний человек распоряжался в его владениях как у себя дома. Какой-нибудь очередной карантин, какие-нибудь анализы, запреты! Инспектор посреди его огорода копал большую круглую яму. Дубров видел, как его шипованные ботинки рвут и топчут землю, над которой он работал все эти долгие дни, которую отсеивал по крупице. И все-таки он не произнес ни слова. Когда яма была готова, инспектор высыпал в нее мешок земли, привезенной с собой. Вы-

ровнял края, сделал в середине небольшое углубление и вернулся к Дуброву. Долго молча он стоял подле него. Дубров не смотрел на инспектора, он смотрел на свой искалеченный огород, в котором по-прежнему не было ни одного ростка. И только услышав какой-то непонятный шорох, Дубров перевел взгляд, но так и не взглянул в лицо Ротанову, а лишь посмотрел на его руки, большие, ловкие руки, не привыкшие к грубой физической работе, покрытые теперь свежими мозолями и ссадинами. Дубров слишком хорошо знал, откуда на этой планете у человека могут появиться такие мозоли, и почувствовал, как сердце у него замерло. И только потом он увидел, что они не пустые, эти руки. В ладонях Ротанова лежал какой-то предмет, завернутый в выгоревшую мятую тряпку, и инспектор медленно эту тряпку разворачивал. Как зачарованный следил Дубров за его пальцами, снимающими еще и внутреннюю обертку из мягкой бумаги. Потом Дубров на секунду закрыл глаза и отвернулся, боясь ошибиться. Когда он взглянул на руки Ротанова, в его ладонях, соединенных вместе, лежал освобожденный от оберток выпуклый коричневый предмет, покрытый глянцевитой кожицей, форма предмета чем-то напоминала человеческое сердце. Но это было не сердце. Дубров медленно поднялся с крыльца и протянул к предмету руку, словно хотел погладить его, но так и не решился. Он проглотил комок, застрявший в горле, и глухо спросил:

— Откуда это у вас? — Он все еще боялся ошибиться.

— Это оно, старина. Ты все подготовил как надо. Теперь, если хочешь, посади его сам.

Семя было большим и тяжелым, оно казалось просто огромным, наполненным свежими соками, его прохладная оболочка приятно холодила кожу. Дубров долго держал его на вытянутых ладонях перед собой.

— Биологи оторвут нам голову, когда узнают. Они ищут его много лет. Говорят, оно лечит от всех болезней, говорят, в нем скрыта тайна бессмертия. Ты слышал легенду? — Ротанов молча кивнул. — Оно не всякому дается в руки, только раз в столетие вызревает это семя...

И вновь Ротанов услышал, как гудел и вибрировал ствол растения, словно звал из какого-то неимоверного далека.

— Наверно, у них есть основания доверять нам. Наверно, мы оправдали это доверие, ведь они знают будущее...

И однажды вечером они дождались. Далеко на горизонте появилась крохотная точка. Она росла, приближалась, и ничего чу-

жеродного, ничего механического не было в ее движении. Небольшой мохнатый треножник на секунду остановился перед калиткой, словно раздумывал, нужно ли входить. Два человека затаили дыхание. Но вот мягкая лапа сделала пробный шаг, осторожно ощупала взрыхленную, обильно политую почву, и существо вошло в огород. Там, в его центре, победно устремлялся к фиолетовому небу Реаны мощный зеленый росток. Существо обошло его вокруг, склонилось, словно обнюхивая, и вдруг завертелось на грядках в радостном танце и почти мгновенно превратилось в пушистое облачко спор, а на горизонте уже появилась новая точка...

— Наверное, их привлекает запах, а может быть, они просто знают, что здесь уже нет пустыни.

— Да, мы разорвали кольцо. Это лишь первый шаг, но кольца уже нет.

И Ротанов вдруг вспомнил руки женщины на картине, руки, которые так и не сумели защитить планету. Кажется, теперь он понял, о чем она хотела его попросить. Кажется, теперь он знал...

А в огороде уже взорвалось новое облако спор. И он увидел, как ряд за рядом поднимается из земли зеленое воинство, как тесна становится для него ветхая ограда, и, перешагнув ее, сплошным зеленым потоком оно устремилось в пустыню.

Часть вторая
ГИДРА

1

Здание Главного Космического Совета Земли напоминало гигантский куб, одним торцом обращенный к морю. Верхние этажи сплошь покрывала зелень террас. Архитектура здания отличалась той особой строгостью, когда рациональность всего здания переходит в изящество.

Чем ближе подходил Ротанов к зданию, тем больше усиливалось впечатление колоссальной мощи от этого огромного куба, заставившего отступить океан.

Референт Мартынов, приславший ему вызов, сразу же поднялся навстречу, едва Ротанов переступил порог.

— Садись. Извини, что по официальному каналу. Не было времени для обычной встречи. — Он крепко пожал ему руку и грузно опустился в кресло.

Стола между ними не оказалось. Ротанов знал, что в большинстве комнат Совета не было столов, и каждый раз этому удивлялся. Конечно, записи велись автоматически, а все нужные документы и материалы автоматы демонстрировали на экранах, но все же без стола комната выглядела пустовато и как-то не очень серьезно. Возможно, на этот неофициальный эффект она и была рассчитана.

То ли Мартынов действительно спешил, то ли сказалась какая-то другая причина, определившая некоторую сухость их встречи, но референт не стал интересоваться делами Ротанова, как это было в прошлый визит, когда Совет рассматривал отчет его экспедиции на Реану.

— Мы получили твою докладную записку. Предварительная разработка вопроса поручена мне. Нельзя ли узнать, чем вызван твой повышенный интерес к Альфе Гидры?

— На Реане некоторые косвенные данные позволили мне сделать вывод, что на Гидре мы сможем найти разгадку многих наших находок, связанных с рэнитами.

Мартынов поморщился.

— Надеюсь, все же не только страсть к археологии тобой движет?

— Там может оказаться кое-что поинтересней. Есть основание предполагать, что именно Гидра была колыбелью рэнитской цивилизации.

— Смелое утверждение. А что это за косвенные данные?

Ротанов не спешил с ответом. Ни в своем отчете, ни в докладной записке он ни словом не обмолвился о том, что побывал у рэнитов. Ему совсем не хотелось повторять опыт Дуброва. Даже намек на то, что он попробовал масла трескучек, мог лишить проект экспедиции к Гидре всякой надежды на успех. Он не собирался держать в тайне свои открытия. Вот только данных для большого настоящего разговора о рэнитах пока не хватало.

— Как вы помните, я первый познакомился с картиной рэнитов, — начал Ротанов, осторожно подбирая слова. — Информация, которую она содержит, значительно больше, чем могут передать самые совершенные фотографии. Нельзя ли...

Мартынов, угадав его просьбу, нажал кнопку, и перед стеной кабинета вспыхнуло цветное объемное изображение картины.

— Видите там, за спиной женщины, пятнышки звезд? Рисунок созвездий нам незнаком. Он и не мог быть знаком, потому что этому небу десятки тысяч лет. Так вот, при определенном ракурсе рисунок этих звезд слегка менялся, а вокруг одной из них как бы вспыхивал ореол. Ничего этого на фотографии не видно. Но вот та, третья слева звезда, это Альфа Гидры. Именно она была отмечена на картине. На мой взгляд, здесь важнейшая часть информации, которую нам хотели передать в этой картине.

— Допустим. Но ты, конечно, понимаешь, что все это не слишком серьезно, для того чтобы предлагать экспедицию за сорок светолет?

Ротанов угрюмо молчал. Всевозможные доводы он уже изложил в своей записке. Все данные, какие смог собрать в архивах о Гидре, все мало-мальски значительное было там. И он знал, что этого будет недостаточно. Во всем, связанном с Гидрой, ощущалась некоторая недоговоренность и непонятная таинственность.

Создавалось впечатление, что какие-то материалы специально изымались из архивов, и он так и не смог их отыскать, несмотря на свою форму 2К, открывавшую ему доступ к любой секретной информации. Он ждал от Совета всего лишь официального отказа, для того чтобы получить право обратиться в Высший Совет Земли. Но вместо стандартной бумажки с отказом вдруг пришел вызов к референту, и это еще больше укрепило его в мысли, что с Гидрой все обстоит не так просто.

— Тебе нечего добавить к своей записке?

Ротанов пожал плечами.

— Раз вы меня вызвали, значит, основания были?

— Не хитри, Ротанов. Что тебе известно об экспедиции к Гидре?

— Первый раз об этом слышу.

— Так. Я предполагал утечку информации. Но не понимаю, каким образом... Впрочем, теперь это не важно. Я вижу, ты хочешь, чтобы я начал с самого начала?

Ротанов утвердительно кивнул, вовсе не желая показать свою полную неосведомленность. Сейчас самым важным было получить новую информацию о Гидре. Нюансы своих взаимоотношений с референтским отделом он сможет выяснить и позже.

— Два столетия назад в район Альфы Гидры отправили экспедицию. В то время расстояние наши предки, очевидно, оценивали не совсем верно. Им ничего не было еще известно о сфере Горюнова. Только поэтому, очевидно, стала возможна эта нелепая затея с отправкой поселенцев за сорок светолет. С тех пор они молчат. Земля не получила ни одного сообщения. Сто лет назад почему-то было принято решение засекретить все данные по этой экспедиции. Потом эти материалы как потерявшие значение сдали в «мертвый архив».

Ротанов мрачно усмехнулся:

— Еще бы. Совет не любит признавать поражений. За сто лет он так и не нашел нужным выяснить, что же случилось с этими людьми.

— Не было такой возможности.

— Как вы понимаете, это дает мне право обратиться в Высший Совет с требованием послать к Гидре повторную экспедицию.

— Ну и что это дает? В Совете слишком большое значение придают сфере Горюнова. И не без оснований.

Ротанов хорошо знал теоретические исследования группы Горюнова. Трудности с колониями начались с момента основа-

ния первого поселения землян за пределами Солнечной системы. Дело было не в самих расстояниях, а в той изоляции, которая создавалась в колониях из-за времени, затраченного на каждый рейс. Даже радиосообщение до ближайшего поселения шло не меньше четырех лет. Запаздывали новости. Запаздывала самая необходимая техническая информация. Земля лишена была возможности в нужный момент вмешаться и помочь. Фактически колонии были предоставлены сами себе, и это сильно сказывалось на характере тех, кто провел вне Земли долгие годы, не говоря уже о тех, кто родился и вырос на внеземных поселениях, — они попросту были оторваны от материнской культуры.

Трудности увеличивались с каждым новым шагом. Чужие звезды не всегда оказывались гостеприимны, и, хотя возможности техники двадцать третьего столетия были велики, само время поставило на пути людей невидимый и непреодолимый барьер. Метод рэнитов годился лишь для исследовательских экспедиций — он не давал возможности основать устойчивые поселения за пределами своей системы. Людям еще только предстояло найти собственную дорогу к дальним звездам.

Теоретические, социальные и экономические исследования, проведенные группой Горюнова, установили предел, за которым начиналась полная изоляция человеческих поселений и, как следствие, гибель колоний. Эта теоретически рассчитанная сфера в двадцать светолет и была названа сферой Горюнова. В нее входило не так уж много звезд и еще меньше планет, пригодных для заселения.

Проверить выводы Горюнова на практике не представлялось возможным. Земля с трудом поддерживала существование тех шести колоний, которые расположились в ближайших звездных системах. Никто уже не мечтал о новых. Не раз возникал вопрос о сворачивании и эвакуации наиболее отдаленных поселений, но они пока еще держались. Слишком нужны были человечеству, численность которого перевалила за десять миллиардов, новые жизненные пространства. Колыбель Солнечной системы стала тесной, а сил оторваться от нее еще не хватало. И вот теперь Ротанов узнал об этой экспедиции. Значит, попытка проникнуть к дальним звездам была! Что, если она удалась? Если колония не погибла? Сообщения через такую даль могли попросту не проходить.

— Но ведь туда улетели люди! Мы должны, обязаны выяснить, что с ними случилось!

— И принести для этого новые жертвы? Не забывай, что прошло двести лет. Самое большее, чего ты добьешься, это отправки

автомата-разведчика. Если он долетит благополучно, ответ придет через восемьдесят лет. Тебя это устраивает?

— Меня это не устраивает. Но я не совсем понимаю вашу позицию. Для чего вы меня вызвали?

— Сегодня мы стоим перед проблемой: сворачивать колонии или идти дальше? Слишком многое зависит от того, сумеет ли человечество освоить пространство за пределами сферы Горюнова. Ты знаешь, что мнения в Совете на этот счет разделились примерно поровну. Есть достаточно влиятельная группировка, настаивающая на сокращении внеземных поселений. Ты только что отстоял поселение на Реане. Теперь тебе нужна Гидра. Ты беспокойный человек, Ротанов. Беспокойный и не очень удобный. После Реаны не считаться с твоим мнением уже трудно, и кое-кто в Совете считает, что сейчас тебе лучше находиться где-нибудь подальше. Этим можно воспользоваться и пробить для тебя экспедицию к Гидре. Она, правда, будет не совсем обычной.

Ротанов все никак не мог уловить, чего хочет от него Мартынов и на чьей он, собственно, стороне. Поэтому он молча ждал продолжения, понимая, что теперь Мартынов уже сказал слишком много и должен будет как-то закончить свое странное предложение.

— О сфере Горюнова попросту забудут, если Земля получит надежную базу за пределами сорока светолет.

— Я не понимаю, при чем здесь база?

— Сейчас поймешь. Сверхпространственный двигатель. Вот что нам может помочь.

— Да. Я о нем наслышан. — Ротанов скептически усмехнулся.

— Твой скептицизм, конечно, оправдан. Мы ждали от него полной победы, а получили практически нуль. И все же теория сверхпространственного перехода существует, несмотря на то что все экспериментальные корабли с этим двигателем исчезают бесследно. Пока ты был на Реане, пространственникам пришла в голову довольно простая идея. Наряду со сложнейшей автоматикой, которой нашпигованы их экспериментальные корабли, они снабдили свой последний корабль предельно простым и поэтому надежным автономным устройством с одной-единственной задачей — отправить после перехода мощный энергетический импульс. Нечто вроде бомбы с часовым механизмом.

Ротанов весь напрягся и почувствовал, как подлокотники кресла до боли врезались ему в ладонь. Мартынов кивнул на его немой вопрос.

— Они получили ответ. Доказано, что переход в принципе возможен.

Эти слова оглушили Ротанова. Может быть, потому, что все так долго ждали, так надеялись победить эту бездну пространства, отделившую одну звезду от другой, а потом уже перестали ждать. Слишком много усилий было затрачено, слишком много надежд похоронено.

— Сколько же времени... — начал он и не смог продолжать, потому что слова получились хриплыми, неразборчивыми, и ему пришлось начать сначала. — Сколько времени занимает переход с разгоном?

— Да погоди ты радоваться. Этот корабль тоже не вернулся. И по-прежнему никто толком не знает, что с ним произошло.

— Это уже не важно.

— Еще как важно! Не выдерживают автоматы. И никто не смог доказать даже теоретически, что человек выйдет живым из этой математической мясорубки. Ведь обычным языком нельзя даже описать, что происходит с материей во время перехода.

— Что-то все же остается, раз приняли сигнал. Какое расстояние? Куда они его послали?

— Хороший вопрос, — устало улыбнулся Мартынов. — Быстро ты с этим справился. Именно здесь и завязалось все в один узел. База на Гидре и двигатель. Выход в обычное пространство после перехода возможен только за пределами тридцати светолет. Ближе нельзя. Теоретически нельзя.

— Так вот для чего нужна дальняя база...

— Да. Корабли не возвращаются. Что-то там выходит из строя. Автоматика управления или сам двигатель. Никто точно не знает. Необходимо, чтобы корабль в конце перехода кто-то встретил. Чтобы ему было куда сесть, чтобы он мог отремонтироваться, если нужно. Только в этом случае появляется реальный шанс на успех. Сам понимаешь, создание базы на таком расстоянии, когда никто не уверен в результате, — проблема слишком сложная, да и времени у нас нет. Никто не станет ждать сорок лет, пока туда долетят автоматы. В общем, Гидра подвернулась как нельзя кстати. И хоть неясно, уцелела ли там колония, я думаю, при благоприятном стечении обстоятельств что-то ты найдешь. Хотя бы пригодные для работы автоматы, оборудование. Во всяком случае, на такой риск Совет может пойти, и если ты согласен...

— А могли они долететь? Все-таки пятьдесят лет полета. Дряхлые старики?..

— Долететь-то они долетели. Экспедиция была прекрасно подготовлена. Ушло сразу три корабля. Хоть один должен был добраться до Гидры. Другой вопрос, что с ними произошло потом. Прав Горюнов или нет. А что касается пятидесяти лет полета — у них были гибернизаторы.

— Гибернизаторы?! Но ведь уже тогда было известно, что после гибернизации не остается ни одного здорового человека. Кто же им разрешил?!

— Летели только добровольцы. Они знали, на что идут, и не нам их судить. Это был подвиг. И если они долетели, основали колонию, значит, во всем этом странном и героическом предприятии все-таки был смысл. Быть может, именно благодаря им Земля выйдет наконец в дальний космос.

Ротанов справился с первым волнением и теперь выжидающе, почти холодно смотрел на Мартынова.

— Что молчишь?

— Жду, что ты скажешь еще. Мне кажется, ты не полностью высказался, и я пока не знаю, с чем, собственно, должен соглашаться.

— Ну и хитрый ты, Ротанов!

— А ты меня и пригласил, потому что я хитрый.

— Твоя правда... Ну ладно. Значит, так. Мы посылаем один корабль с одним пилотом. Его задача испытать двигатель. Только это.

— А Гидра?

— Гидра останется на крайний случай: если после перехода нужно будет совершить посадку, не останется другого выхода, вот тогда — Гидра. При малейшей возможности возврата без посадки — пилот обязан вернуться.

— Значит, побывать рядом и вернуться? А колонисты на Гидре?

— Ну что ты заладил: «Гидра, Гидра», как будто не ясно, что, если у нас будет пространственный двигатель, мы сможем послать туда любую экспедицию? Один ты там все равно ничего не сделаешь. И вообще ты еще не давал согласия. Тебе еще надо встретиться с пространственниками, изучить все детали, и только потом мы с тобой войдем с этим предложением в Совет.

Слишком просто Мартынов хотел уйти от ответа. И сразу поднялся, давая понять, что разговор окончен. Но Ротанов продолжал сидеть, вытянув ноги, и, прищурившись, смотрел на Мартынова.

— А почему бы вам не пригласить для этого профессионального испытателя, наверняка у пространственников есть для этого специально подготовленные люди?

— Конечно, есть люди! Конечно, мы могли бы пригласить испытателя. Но ведь ни один корабль не вернулся! Почти наверняка придется садиться на планету, а там уже нужен совсем другой специалист. Кроме всего прочего, у тебя диплом навигатора первого класса. Не каждый испытатель имеет первый класс.

Трансатлантический лайнер выплюнул посадочную кабину на высоте двенадцати тысяч метров, даже не замедлив скорости. Прозрачный пластиковый кокон некоторое время летел по инерции, потом начал медленно падать. На высоте трех тысяч метров его подхватил силовыми полями диспетчер местной линии и медленно повел по пеленгу. До дома оставалось меньше десяти минут полета. Ротанов откладывал нелегкую для себя встречу с Олегом и дотянул до самого последнего дня. Дел во время подготовки экспедиции в Центрограде было невпроворот, и он подумал с горечью, что оправданий у него сколько угодно. С Олегом они вместе учились в навигаторском, потом Ротанов поступил на курсы инспекторов, а Олег не прошел по конкурсу и остался простым навигатором. Студенческая дружба, несмотря на разную работу, сохранилась, с годами окрепла и превратилась в холостяцкую мужскую привязанность. Каждому из них, возвращаясь из дальних экспедиций, приятно было сознавать, что дома кто-то ждет. Так получилось, что мимолетные знакомства с женщинами в промежутке между двумя экспедициями не вылились ни во что прочное, а дружба с Олегом оставалась. И каждый год они собирались улететь вместе в очередную экспедицию. Уезжая в Центроград пробивать экспедицию к Гидре, он твердо пообещал, что уж на этот раз... Олег знал, что Ротанов не бросал слов на ветер, и теперь, конечно, спокойно сидит дома и ждет вызова.

Кабина пробила слой облачности, и под ней, насколько хватало взгляда, раскинулось зеленое лесное море. Тут и там мелькали маленькие домики одиноких коттеджей. При современном транспорте люди селились где хотели, проблемы расстояний практически не существовало. Перелет с другого полушария с доставкой на дом занял у Ротанова не больше трех часов.

Капсула ткнулась своим округлым носом в зеленый куст и раскололась надвое. Ротанов прихватил сверток с модной курткой из ренилана, привезенной в подарок Олегу, не заботясь о кабине, направился к дому. Кабину поднимут к очередному рейсовому лайнеру.

Дом встретил его запахом некрашеного дерева. Заскрипели рассохшиеся доски крыльца. Ротанов остановился перед дверью

и с минуту стоял неподвижно, вдыхая густой аромат хвои. Он любил этот лесной дом. Может быть, потому, что бывал здесь так редко...

Колодец с журавлем во дворе без всяких там автоматических насосов и силовых подбросов. Настоящий колодец. Интересно, наносил ли Олег воды? Наверно, и печь, как всегда, не топлена. Чрезмерная привязанность Олега к старинному укладу жизни имела все же некоторые неудобства. Из последнего робота-уборщика Олег сделал, кажется, ручной пылесос, и с тех пор их совместное холостяцкое жилище было покрыто изрядным слоем пыли. Ротанов усмехнулся, стараясь вспомнить, когда в последний раз они сдавали ключ в бюро обслуживания. Кажется, в прошлом году... Скрипнула дверь. Показалось заспанное лицо Олега.

— Ты чего топчешься на пороге?

— Воздух наш после столицы располагает к раздумьям.

— Ага, понятно. Но ты все-таки проходи. Мне Ирина звонила. Сказала, какой у тебя рейс. Я даже печь истопил. Запомни, теперь твоя очередь.

— Ирина? Она-то откуда знает?

— Это ты у нее спроси. И, между прочим, можешь не мучиться угрызениями совести. Я все уже знаю про твою экспедицию.

— Тоже Ирина?

— У меня свои источники информации.

Можно было избежать нелегкого разговора, но все же чего-то Ротанов не понимал. Слишком просто Олег все это принял. Вряд ли при всем желании ему удалось бы так хорошо разыграть равнодушие. Что-то здесь другое. Интересно что?

В комнате, заставленной грубой деревянной мебелью, топилась огромная русская печь. Печь — детище Олега. Он сделал эту диковинку по музейным чертежам. К нему даже приезжали какие-то специалисты смотреть на это чудо. В огромном овальном отверстии пылал огонь. Можно было сесть на широкую деревянную скамью и помолчать. За долгие годы, проведенные в космосе, они научились молчанию. Но там оно было другим. Нашелся котелок душистой вареной картошки, рассыпчатой, с салом. Сало, правда, было вроде синтетическим. Ротанов не стал уточнять.

После ужина образовалась неловкая пауза. Оба понимали, что разговора об экспедиции им все равно не избежать. Ротанову хотелось узнать, что скрывается за показным равнодушием Олега, но спрашивать об этом не мог, чтобы не причинить другу лишнюю боль. Чтобы сразу со всем покончить, Ротанов наконец сказал:

— О том, что полетит один человек, было решено заранее, еще до того, как меня пригласили.

— Я знаю.

— Ну вот и отлично. Я, правда, не понимаю, откуда тебе все известно. И не знаю поэтому, что бы ты хотел от меня услышать.

— Что ты будешь делать после перехода, когда откажет двигатель или управляющий центр корабля?

— Ты хочешь сказать, если откажет?

— Я сказал то, что хотел.

— Ну, в таком случае мне разрешается сесть на планету.

— Я так и думал. Какой класс корабля?

— Исследовательский. Второго класса.

— Почему второго?

— Первый слишком тяжел для экспериментального двигателя. И команды на борту для первого маловато...

После этого опять надолго замолчали. Хорошо, что хоть тишина у них в доме никогда не бывала полной. Все время что-то шуршало, вздыхало, двигалось. Скрипели половицы, щелкали бревенчатые стены. Казалось, дом живет своей, отдельной от них жизнью.

Ротанов проснулся глубокой ночью. Синий неправдоподобный свет тихо лился в открытые окна дома. Почему-то на Земле иногда бывают такие яркие ночи, словно целый день копится невидимая красота, чтобы ночью щедро выплеснуться этой голубоватой прозрачной тишиной.

Ротанов лежал на толстом слое искусственного меха, покрывавшего лежанку на печи. Всегда ему было здесь слишком жарко. Всегда он просыпался среди ночи и лежал потом подолгу в темноте, слушая, как шумит за окном ночной ветер, запутавшийся в кронах деревьев. Он думал о Дуброве, оставшемся председателем Совета на Реане. О том, как мало, в сущности, времени отведено в жизни человека на общение с друзьями. Чуть только повстречаешь хорошего человека, а дорога уже свернула в сторону, и опять ты один пробиваешься сквозь колючие заросли. И вот уже мысли сами собой сворачивают на запретную тропу, возвращаются к гордой рэнитке, не пожелавшей принять его помощи. Он еще только начинает путь и не знает, куда приведет дорога. Дождется ли она помощи? Гидра была ее домом. Но прошли тысячелетия. На планете, возможно, ничего не осталось — ни памяти, ни пыли. А он все-таки думает о ней и не в силах себе запретить.

Снизу до него донеслось отрывистое нервное дыхание Олега, и Ротанов подумал, что Олег, наверно, тоже не спит и думает о

чем-то своем, сокровенном. Неожиданно, без всякой подготовки, словно продолжая недавно прерванный разговор, Олег сказал:

— Ирина очень хотела тебя видеть.

Ротанов не ответил. Лишь беспомощно пожал плечами, словно Олег мог видеть в темноте этот его жест.

— Ты знаешь, какой у тебя срок?

— Срок чего? — не понял Ротанов.

— Если через шесть месяцев ты не вернешься, вылетает второй корабль.

От неожиданности Ротанов привстал на своей лежанке.

— Так. И полетишь, конечно, ты.

— Ты правильно догадался. Вытаскивать тебя из этой дыры на Гидре поручено именно мне.

Наступил наконец день, когда, простившись с командами крейсеров сопровождения, Ротанов подошел на ракетном шлюпе к своему «И-2». Черная труба пространственного конвертера, словно удав, обхватила тело корабля, сделала непривычными для глаза обтекаемые прежде формы. Ротанов подумал, что корабль уродлив, как первый автомобиль. Придет время, и новый, только что созданный двигатель станет сердцем корабля, а не придатком, как сейчас. Отрабатываются формы, пространственные корабли станут красивее сегодняшних. Но это случится еще не скоро, а пока маленькая неказистая машина — самое совершенное из всего, чем располагает Земля.

В рубке, рассчитанной на четырех пилотов, было просторно. Но это, пожалуй, единственное просторное помещение на корабле. Все остальные, за исключением одной небольшой каюты, переоборудовали под склады и хранилища. Слишком многое нужно было взять с собой. И прежде всего топливо. Его должно было хватить на обратный бросок к Земле. Ротанов пристегнул амортизаторы и включил бортовой компьютер. Из динамика сразу же раздалось монотонное тиканье хронометра.

— Тринадцать... двенадцать... одиннадцать... — бормотал компьютер.

В последний раз замерцал экран связи. На нем показалось озабоченное лицо оператора, а потом руководителя полета. Что-то он хотел сказать, но не успел. Экран отключился. Слишком велика была нагрузка в эти последние секунды перед броском через бездну пространства, и компьютер автоматически отсекал все лишнее, не имеющее прямого отношения к делу. Очевидно,

ничего серьезного все же не произошло, потому что отсчет продолжался.

— Девять... восемь... семь...

Вдруг Ротанову стало не по себе. Он подумал о том, что через несколько секунд его сознание исчезнет, растворится в гигантском всплеске, возможно, навсегда... Рука непроизвольно потянулась к аварийному выключателю. Но медленно, слишком медленно!

— Пять... четыре... три...

Почему же рука так медлит? Осталось несколько сантиметров, одно движение — и перестанут, как глыбы, падать на него монотонные равнодушные цифры:

— Два, один, ноль!

2

Ротанов сидел в полной темноте. На пульте не светился ни один огонек. Протяжно свистел воздух в респираторе скафандра, и это был единственный звук. Лицо заливал пот (или кровь?). Он никак не мог сообразить, где находится и почему сидит в скафандре, пока не вспомнил слово «ноль» и вспышку, оборвавшую сознание. Из этого немудреного умозаключения, из самого факта существования памяти, скафандра, пульта, на котором он уже искал тумблеры аварийного освещения, из всего из этого следовало, что он жив и что переход удался...

«Стоп, — оборвал он себя, — могло что-нибудь не сработать в последний момент...»

Наконец над головой вспыхнул мертвенным светом аварийный люминесцентный фонарь.

«Ноль времени... Ноль расстояний... Ноль энергии», — считывал он показания приборов и измерителей. Скорее всего это означало, что ни один измеритель не работал. Тут же он убедился, что не работают и локаторы. Вообще ничего не работало, даже карманный калькулятор. Корабль был похож на консервную банку. Надо было снять заслонки с перископов... Но он все медлил с этим окончательным действием, наверно, потому, что боялся увидеть за бортом пустоту. Наконец решился... Механизмы ручного действия, не связанные с электронным управлением, слушались безотказно. Гидравлические усилители сдвинули в стороны тяжелые броневые заслонки. Это произошло слишком резко, он даже не успел подготовиться и чуть не вскрикнул, когда по гла-

зам ударил сквозь линзы оптики колючий живой свет далеких звезд. Сомнений больше не оставалось, почти сразу он узнал знакомые по тренингу силуэты чужих созвездий. Корабль находился в районе Альфы Гидры. Трудно, почти невозможно было представить, что за несколько кратких мгновений между ним и Землей легла бездна пространства в сорок светолет... Это расстояние было так огромно, что не укладывалось в его сознании. Почему-то он представил его в виде гигантской черной стены, перерезавшей дорогу за его спиной.

«Так оно и есть, если корабль серьезно поврежден, если ты не сможешь отремонтировать его здесь, обратной дороги не будет».

Понадобилось всего полчаса на предварительный осмотр, после которого он уже знал самое основное. Мощные электромагнитные поля разрушили все активные элементы электронных устройств и вывели из строя центральный компьютер. Очевидно, теория не учла это действие полей. Произошел тот самый случай, который невозможно учесть ни в каком теоретическом исследовании, для которого и нужен был экспериментальный полет... Никто не мог предвидеть, что остаточные поля разрушат все транзисторы на всех устройствах корабля... Он понимал, что защита от этого явления не была предусмотрена, что та же самая участь постигла все запасные устройства и блоки на складах корабля и то же самое произойдет с кораблем Олега, когда тот выйдет к планете через шесть месяцев...

«Вот ты и выяснил, почему не возвращались экспериментальные корабли, — сказал он себе. — И теперь остается только одно — найти колонию и отремонтировать компьютер, вернее, смонтировать новый... Непростая задача... Все зависит от состояния техники и промышленности колонистов, если здесь вообще она есть. Главное я установил — переход возможен, теперь надо создать здесь надежную техническую базу и вернуться, во что бы то ни стало вернуться, чтобы донести до Земли свое открытие».

Он позволил себе потратить еще несколько минут на обдумывание предстоящей работы по переводу всех систем корабля на ручное управление.

Всякий раз при подходе к новой звездной системе в конце долгого пути Ротанов не переставал удивляться тому, как менялись масштабы окружающего мира. Пока корабль находился далеко от звезды, космос казался необъятной черной бездной без конца и края. Редкие россыпи звезд совершенно терялись в его просторах. Но стоило приблизиться к какой-нибудь звезде, и она становилась центром своего собственного мироздания.

Так случилось и сейчас с Альфой Гидры. Лохматое багровое светило пригасило звезды своей короной, заполнило пространство светом и жестким рентгеновским излучением. К счастью, экранировка корабля была вполне надежна. Ротанов знал, что, как только он удалится от звезды на достаточное расстояние и приблизится к нужной ему планете, масштабы мира опять изменятся. Звезда превратится в заурядное светило, а невидимый сейчас шарик планеты станет его новым миром, может быть, домом или последним пристанищем, с которого ему не удастся вернуться...

Корабль вышел слишком близко к Альфе, гораздо ближе, чем предусматривали расчеты. И он потерял целых два часа, переводя реактор главного хода и все рулевые системы на ручное управление. Теперь его корабль больше походил на музейный экспонат, чем на современный звездолет. Мощное притяжение звезды значительно увеличило скорость падения корабля. Его траектория все больше искривлялась, словно сгибалась под непосильной тяжестью гравитационного поля звезды. Еще час, и он не сумел бы вырваться из ее цепких лап, да и сейчас уходить приходилось на форсаже, бросив навстречу звезде всю мощь двигателей. Но и вырвавшись из ее объятий, он решил всего лишь часть задачи, причем даже не самую трудную. Если в поединке со звездой все решала мощь двигателей, то теперь для выхода к планете, для выравнивания скорости корабля с ее скоростью нужен был сложнейший и точный расчет, выполнить который без компьютера он был не в состоянии, и, следовательно, придется выходить к планете визуально. Хорошо хоть, в системе Альфы была всего одна планета земного типа, и ему не придется дважды повторять сомнительный маневр со сложной траекторией и с колоссальными перегрузками. С каждым новым маневром он подходил к планете все ближе и ближе. Бледный диск превратился в голубоватый шар, постепенно заполнивший горизонт. Планета лежала почти на боку.

Это его удивило. Такие планеты были, как правило, малопригодны для жизни. На полюсах летом раскаленный ад, а зимой ледяная тундра, и только вдоль экватора должна была тянуться полоса, пригодная для жизни. Очевидно, двести лет назад ракета колонистов вышла в этот район, и выбирать им не приходилось... Хорошо хоть, сужалась зона поисков. Колония могла быть только в экваториальной зоне.

Планета еще больше увеличилась, накренилась и закрыла горизонт. Он выполнил маневр последнего разворота, вышел на линию экватора и еще больше снизился. Мелькали жилы рек,

синие пятна морей. Океанов не было. Хотя водой планета богата. Реки тянулись далеко в зону рыжих пустынь, покрывавших полюса. Экватор ощетинился плотной и довольно широкой — в несколько сотен километров — лесной полосой. Найти здесь колонию будет непросто. Радиопеленгаторы не работают, а поселение людей на этой дикой планете занимает, наверно, лишь маленький пятачок...

Только теперь он понял, как непроста была его задача. Корабль раскручивал четвертый виток над экватором, а в оптических системах по-прежнему тянулась то фиолетовая, то рыжезеленая полоса непроницаемых лесов... Вельда оказалась права. Если здесь когда-то и родилась цивилизация рэнитов, то сейчас от нее не осталось ни малейших следов. «По крайней мере видимых», — тут же поправил он себя. Наконец ему повезло. Одна из редких случайностей, которые выпадают на долю тех, кто не сидит сложа руки. Прямо по курсу в разрывах леса на солидной проплешине, желтой или даже, скорее, коричневой, он увидел город. Он увидел его настолько ясно, что не оставалось никаких сомнений — это именно город, построенный людьми! И хотя скорость была все-таки слишком велика и город мелькнул в его телескопах всего на какую-то долю секунды, он уловил в его облике что-то тревожное. Он не мог с уверенностью сказать, что именно. Пришлось ждать следующего витка. Ротанов еще больше снизился, и вокруг корабля то и дело теперь вспыхивали сполохи раскаленных газов. Они его мало беспокоили, потому что обшивка была рассчитана и не на такие температуры, вот только сильно мешали наблюдениям, а снизить скорость он не рискнул — и так шел на пределе.

Как только впереди показалась знакомая проплешина, рука механически потянулась к тумблеру фиксатора, и, конечно, он не услышал стрекота кинокамер — все никак не мог привыкнуть к тому, что на корабле не работала автоматика. Он вглядывался так, что на глазах выступили слезы. Город промелькнул и исчез. Лицо Ротанова посуровело и будто окаменело. Этого он не ожидал: город покрывали сплошные развалины. Рэниты? Нет. Это наш, человеческий город. Что же получилось? Долетели, основали здесь поселение, а потом погибли? Значит, прав Горюнов? «Не спеши с выводами», — оборвал он себя. Помощь, во всяком случае, получить здесь будет нелегко. Что у них произошло? Эпидемия? Война? Стихийное бедствие? Теперь это не имело значения. Выбора у него не было. На следующем витке придется садиться поближе к городу, потому что если кто-то и уцелел, то искать нужно именно в городе.

По опыту он знал, что поселения людей на чужих планетах всегда концентрировались в одном месте.

Сел он километрах в двадцати от города, на той самой рыжей проплешине, оказавшейся пустырем, сплошь покрытым коркой высохшей глины. Пыль от его посадки заволокла все вокруг и окончательно испортила небольшой обзор, который давала оптика. Он выключил реактор, перевел в режим консервации все энергетические системы корабля. Теперь оставалось ждать, пока осядет пыль. Если в городе кто-то уцелел, они не могли не заметить его посадки.

Он должен вернуться вопреки всему. Не бывает так, чтобы большие колонии погибли полностью даже во время серьезных катастроф. Они начнут все сначала, если нужно, построят заводы... На корабле достаточно механизмов... Пусть это потребует немало лет, прилетит Олег, и вместе они как-нибудь с этим справятся, только бы здесь уцелели люди...

Когда пыль рассеялась, рядом с кораблем стоял какой-то странный продолговатый экипаж. И два человека... Один оставался за рулем, другой ждал у открытой дверцы и, казалось, не проявлял ни особого нетерпения, ни даже интереса к кораблю. Ротанов растерялся. Он ожидал увидеть все что угодно: толпы инопланетных чудовищ, поглотившие людей, отряд вооруженных до зубов головорезов. Толпу восторженных колонистов. Но только не этот прозаичный экипаж с двумя сопровождающими. «Похоже, за двести лет они не очень соскучились... Или вообще забыли, что такое Земля?» Он наблюдал за ними в перископ минут пять: полное отсутствие любопытства. Даже не переменили поз, так и стояли как истуканы. Может, это рэниты? Нет. Те были выше, другое строение черепа. Перед ним люди. Обыкновенные люди. «Неужели прав Горюнов, и всех их здесь поразило психическое расстройство?»

Ветер нес от города к кораблю облако рыжей пыли. Этот экипаж, облако пыли и два человека выглядели слишком буднично, слишком по-земному... Казалось, не было ни пространственного перелета, ни чужой планеты, ни двухсот лет, отделявших его от этих людей... Ротанов вздохнул, расстегнул замки скафандра и пошел к выходу.

Дверь шлюза бесшумно ткнулась в мягкую почву. Те двое так и не сдвинулись с места. Молча ждали, пока он сойдет вниз, и даже тогда не сделали ни шага навстречу, не протянули руки... Настолько забыли обычаи Земли? Ротанов не стал подходить вплотную. Небольшая дистанция могла ему пригодиться.

— Здравствуйте. Моя фамилия Ротанов.

Это звучало глупо, но ничего более умного не приходило ему в голову. Нелепо протекала вся их встреча с самого начала. Может, уже и язык родной планеты забыли за двести лет?..

Нет, язык они не забыли.

— Мы посланы, чтобы вас встретить, вас ждут. Просим садиться.

— Кто вас послал?

— Координатор Лор Бэрг. Садитесь.

Не слишком ли настойчиво это «садитесь»? А что ему оставалось? Он сел, все еще чувствуя себя слегка оглушенным от этой встречи. Ровные круглые затылки, одинаковая короткая стрижка. Их аккуратные голубоватые рубахи при желании можно было принять за форму. Оружия, правда, не видно. Впрочем, его не обязательно выставлять напоказ. Хорошо хоть, уступили заднее сиденье. Он терпеть не мог, когда в неясных ситуациях вплотную к нему садился человек, которому он не совсем доверял.

Экипаж плавно тронулся с места. По звуку двигателя Ротанов не мог определить принцип его работы — скорее всего электрический. Если так, то за двести лет они недалеко ушли. А впрочем, даже колонии, имеющие постоянный контакт с Землей, отстают в развитии. У них тут вообще должно быть натуральное хозяйство, наверно, все роботы постепенно вышли из строя, и они не сумели наладить производство запасных частей... Да, в таком случае с компьютером дела обстояли не блестяще...

Самое странное — их поведение. Сели на переднем сиденье и как ни в чем не бывало покатили вперед, словно они каждый день подвозят к координатору космонавтов, прибывающих с Земли, и те им настолько надоели, что они просто не знают, что с ними делать по дороге. Ни одного вопроса. Что это — полное отсутствие любознательности или такая дисциплина?.. Тогда дело плохо. То, что сохранился старый титул координатора, ровным счетом ничего не значит. За этим понятием может скрываться совсем другой смысл.

Неуклюжий экипаж обладал завидной проходимостью. Он пер вперед без всякой дороги, перепрыгивая через встречные рытвины и кусты. Альфа палила нещадно. Ее багровый диск занимал добрую четверть горизонта, и, пожалуй, только вид этого непривычного светила напоминал ему о том, где он теперь находится. Дышалось легко, ветерок приятно холодил кожу. «Едем с комфортом. И совершенно ничего нельзя понять», — со злостью думал он.

— Что случилось с городом? — резко спросил он.

Его спутники даже не обернулись.

— Обо всем узнаете у координатора.

— А вы сами не умеете говорить, или вам запретили?

— Нам поручено только доставить вас к координатору.

Примерно такие же ответы он получил на все последующие вопросы. Оставалось дождаться, когда экипаж въедет на улицы города. Их внешний вид, лица встречных людей о многом могли рассказать его опытному глазу, но и тут его ждало разочарование. Экипаж остановился у неказистого строения, напоминающего какой-то сарай, километрах в четырех от города.

— Уж не здесь ли резиденция координатора? — с вызовом спросил Ротанов, не собираясь выходить из машины.

— Нет. Это станция подземной городской магистрали.

Он с трудом поверил своим ушам. Но его не обманывали. Двери сарая распахнулись, и он увидел транспортную кабину... Не такую, как на Земле, но все же и это было слишком для города, состоявшего из сплошных развалин. Кабина оказалась узкой. В ней с трудом поместились три человека. Один из сопровождавших его парней набрал на небольшом диске цифровую комбинацию и нажал кнопку. Пол кабины загудел, потом ее понесло вниз и в сторону. Они двигались минут двадцать. У человека, стоявшего напротив Ротанова, были маленькие, словно приклеенные усики. Ротанов чуть насмешливо разглядывал его в упор, но тот не обращал на это ни малейшего внимания и ни разу не отвел взгляд. Он словно бы смотрел сквозь Ротанова. Пахло сухой пылью, травой и едва заметно плесенью, словно кабиной очень долго не пользовались.

И вдруг Ротанов ощутил острое чувство опасности. Он хорошо знал это почти инстинктивное предупреждение, оно его никогда не обманывало и не раз выручало в трудных обстоятельствах. Двое напротив него не шевельнулись, он с трудом подавил желание резко обернуться, потому что знал: за спиной ничего нет, кроме стены кабины. Тем не менее должна была быть какая-то вполне реальная, конкретная причина! Он лихорадочно искал ее и не находил и все же знал, что интуиция не могла его подвести. Он бы обязательно в этом разобрался, но кабина неожиданно резко остановилась, двери распахнулись, и у него не осталось времени. Так он и не понял, что там могло быть угрожающего в этой фанерной, тесной, плохо покрашенной кабине.

Они шли через большой двор, отделенный от улицы высокими каменными стенами, словно здесь была средневековая кре-

пость. Вдоль стен росли колючие, не похожие на земные растения кусты, и вновь Ротанов подумал, как далеко он от дома... Попадались какие-то кучи железного хлама, обломки камня. Вообще двор выглядел так, будто его никогда не убирали. Они вошли в коридор, и Ротанов постарался сосредоточиться на предстоящей встрече. У него был большой опыт делового общения с представителями колониальной администрации, он знал, какой своеобразный отпечаток накладывает на людей долгая изоляция и слишком большая власть. Разговор предстоял не из легких.

Кабинет координатора Бэрга выглядел по-спартански просто. В нем вообще ничего не было, кроме стола, двух стульев и самого Бэрга. Стиль спартанской простоты редко сопутствовал людям, развращенным бесконтрольной властью, да и сам Бэрг мало походил на диктатора. Это был круглолицый жизнерадостный человек, пожалуй, слишком простоватый для того, чтобы можно было безоговорочно поверить в эту его простоту. Он вышел из-за стола навстречу, но руки не подал, скорее всего этот земной обычай был здесь не в ходу, однако во всем остальном Бэрг просто излучал любезность. Он усадил Ротанова, достал из ящика стола бутылку какого-то прохладительного напитка и, когда Ротанов отказался, с видимым удовольствием опорожнил подряд два стакана. Казалось, он никуда не торопился и рад новому собеседнику. Все выглядело так, словно Ротанов приехал в отпуск к деревенским родственникам, о которых давно и незаслуженно забыл в далекой столице, а теперь вдруг неожиданно вспомнил...

— Вот уж не ждали! Корабль с Земли через столько-то лет! Как же вы долетели?! Неужели специально решили нас навестить, или это, так сказать, вынужденный визит?

Глаза его новоявленного дядюшки хитровато щурились, и Ротанов ощутил прилив раздражения, может быть, от того, что только сейчас почувствовал, как сильно он устал за эту долгую и нелегкую дорогу, к тому же хотелось пить, и он жалел, что отказался от предложенного стакана.

— Земля систематически проводит проверку всех своих внешних поселений, — устало сказал Ротанов, все еще не зная, какого стиля нужно придерживаться в разговоре с этим круглым, все время ускользающим от него человеком.

— Что вы говорите?! Надо же... Но мы улетели так давно! Последнее поколение почти ничего не знает о Земле. Боюсь, что вы зря проделали столь долгий путь.

— Вы хотите сказать, что вас не интересует ни Земля, ни контакт с ней?

Видимо, Бэрг понял, что несколько переиграл. Он перестал бегать по кабинету, сел за стол и секунду молчал, растирая ладонями свою лысую шишковатую голову. Потом заговорил совершенно другим тоном, словно перед Ротановым очутился новый человек.

— В течение двухсот лет Землю не интересовала наша судьба. Мы давно стали самостоятельным обществом, не считающим себя чем-то обязанным или как-то связанным с планетой, с которой расстались в свое время навсегда. С ее стороны было не очень этично отправлять нас в подобное путешествие. Во время него погибло больше половины всех участников экспедиции, а оставшиеся... Ну, в общем, это не важно. Иными словами, мы не считаем себя ничем обязанными Земле. И ваш, так сказать, дипломатический визит несколько запоздал.

— Он мог бы быть не только дипломатическим. Уверен, что у вас возникло немало трудностей. Надеюсь, вы не станете это отрицать?

Бэрг промолчал, и Ротанов подумал, что беседа становится все более трудной.

— За это время Земля накопила большой опыт по освоению новых планет, у нас есть соответствующая техника, знания, и многие ваши проблемы давно уже решены.

— То есть вы хотите меня убедить, что через двести лет, несмотря на расстояние, Земля решила протянуть нам материнскую руку помощи?

— Что у вас произошло? Давайте поговорим откровенно и перестанем играть в дипломатов с солидным стажем. Что тут стряслось? Эпидемия? Война? Почему разрушен город? Сколько людей осталось?

— Нет. Так дело не пойдет. — Бэрг отрицательно покачал головой. — Сначала я должен все узнать о цели вашего визита, о возможностях, которыми вы располагаете, о задачах, которые были вам поручены. Поймите меня правильно. За вами стоит колоссальная мощь Земли, за мною — только горстка усталых людей, мечтающих лишь об одном: чтобы их оставили в покое. Поэтому ваш призыв к откровенности не совсем равноправен.

Ротанов почувствовал, что разговор окончательно зашел в тупик. Давно нужно было сказать о том, что расстояние перестало быть проблемой и что Земле нужна здесь база, не такая уж сложная техническая база, для ремонта этих проклятых компьютеров. Тогда бы у них пошел совсем другой разговор. Но что-то его все время удерживало, мешало говорить откровенно. Что же

это было? То самое непроходящее ощущение опасности, возникшее еще по дороге сюда в кабине подземки, или что-то другое? Слишком много странного было в их встрече. Словно он попал куда-то в другое место... Не к людям, двести лет ждавшим помощи, и не к рэнитам, отвергавшим саму идею помощи. Что-то здесь было не так. Он решил начать все сначала. Еще раз сыграть в предложенную ему утомительную игру.

— Ну хорошо. Допустим, я согласен. Готов ответить на любые ваши вопросы первым. Начинайте.

— У меня не так уж много вопросов. Цель визита?

— Решили наконец выяснить, что случилось с пропавшей экспедицией.

— Неубедительно. Пятьдесят лет полета только в одну сторону. В лучшем случае вы бы послали автоматический транспорт.

— Но Земля решила послать инспектора! Не транспорт, а инспектора с определенными полномочиями. То есть меня. И в конце концов вам придется ответить на все мои вопросы!

Он тут же пожалел, что сорвался, но было уже поздно. Бэрг задумчиво покачал головой.

— Вот это уже ближе к истине. С этого нужно было начинать. С ваших полномочий, с силы, которая за вами стоит.

— Не будем спорить. Каким образом могу я получить интересующую меня информацию?

— Боюсь, я сейчас не готов к беседе в подобном аспекте. Да и вам не мешает отдохнуть с дороги. Она ведь была неблизкой. Пятьдесят лет, а выглядите вы всего на сорок, недурно сохранились. — Бэрг вызывающе улыбнулся.

— Послушайте, координатор, я ведь все равно выясню все, что меня интересует.

— Никто и не собирается вам препятствовать. Но на помощь с нашей стороны вы можете не рассчитывать. Наши небольшие преимущества в данный момент состоят как раз в том, что на Земле не знают некоторых обстоятельств, и мы постараемся сохранить это положение как можно дольше.

— Ну хорошо. Тогда еще один, последний вопрос. Кого вы здесь представляете? Какую часть общества?

Бэрг не торопился с ответом, но было видно по напряженному взгляду, что он решает нелегкую задачу.

— Я представляю, как принято говорить в таких случаях, подавляющее большинство нашего общества.

— Хорошо, хоть не всех.

— Вам это ничего не даст. Сила, которой располагает противостоящая нам группа людей, ничтожна. Впрочем, вы получите возможность лично убедиться в моей правоте. Как я уже сказал, вам не будут препятствовать в получении информации. Я прошу вас подождать всего лишь один день.

На этот раз Ротанова даже не проводили во двор. Коридор в том же самом здании, ощущение жаркой духоты и сознание ошибки. Он проиграл по всем пунктам этому ловкому администратору. Первый раунд был явно не в его пользу. Не удалось выяснить самого главного — существует ли принципиальная возможность для создания базы? Не в Бэрге же дело, в конце концов, с Бэргом он как-нибудь справится. Лишь бы у них сохранились производственные мощности, чтобы можно было наладить выпуск хотя бы простеньких компьютеров и автоматов, способных управлять кораблем в режиме перехода в тот момент, когда отключается сознание пилота...

Не важно, если они не смогут вывести корабль точно к Земле. Его засекут наблюдательные станции на любой из освоенных планет, выйдут навстречу патрульные корабли... Лишь бы пробиться сквозь безмерную толщу пространства, вставшую между ним и домом. А что касается Бэрга, одного он, пожалуй, все-таки не учел: передышка, однодневная отсрочка в их переговорах выгодна прежде всего именно ему, Ротанову. Даже находясь в полной изоляции, он узнает к их следующей встрече гораздо больше того, что мог бы себе представить этот Бэрг, не имевший ни малейшего понятия о сложных методах исследований, позволявших в незнакомой обстановке по самым незначительным признакам распознать и предотвратить нежелательные, зачастую еще только намечавшиеся сдвиги в социальных структурах таких вот изолированных немногочисленных человеческих поселений.

Комната, в которой его поместили, оказалась просторной и даже с окном. Ротанов заметил, что окон они здесь не любят. Во всяком случае, в кабинете координатора окна не было, и освещался он сверху через стеклянную крышу.

Окно закрывала толстая стальная решетка. Хорошо хоть декоративная. С литыми украшениями. Услышав, как щелкнул дверной замок, Ротанов усмехнулся. Вряд ли они догадывались, что он пробудет здесь ровно столько, сколько сам найдет нужным. Если понадобится, он разогнет эти прутья и даже разорвет. Конечно, стрессовое состояние, вызванное самогипнозом, никогда не проходит бесследно, но если очень уж понадобится... Ладно. Это не к спеху. Один день можно подождать. Он подошел к окну

и внимательно осмотрел двор. Ничего нового. Разве что крыша очень старого здания виднелась из-за забора. Когда-то его покрывали листы лирона, а теперь пластик весь покоробился, съежился грязными рваными валиками. Для этого нужна была солидная температура. Градусов двести, не меньше... Однако здесь у них бывает жарковато...

Он отошел от окна и внимательно осмотрел комнату. Толстые стены — полметра камня. Что они, осаду здесь собираются выдерживать? В комнате не было никакой мебели, ничего лишнего. Кровать с тощим матрацем, накрепко прикрепленный к полу стул и столик с дымящимся ужином. Они старались быть по возможности вежливы. Ну что ж, попробуем разобраться в этом ужине. Ротанов внимательно осмотрел посуду и пищу. Пища говорила, как он и предполагал, о натуральном хозяйстве и отсутствии развитой пищевой индустрии. Посуда тоже, несомненно, кустарного изготовления... Ему пришлось напомнить себе о скоростных подземных магистралях. Как-то одно с другим не вязалось...

Есть он не стал. Завтра потребует доставить корабельные консервы и все его личные вещи, а пока лучше подождать.

Ротанов почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы спины. Кто-то за ним наблюдал. И хотя в двери не было ни единой щелки и само ощущение чужого взгляда шло совсем не от двери, он не мог ошибиться. Медленно, стараясь ничем не выдать своего открытия, повернулся. Четыре стены без единой щели. Такая же дверь... Тогда он закрыл глаза и постарался сосредоточиться. За ним определенно наблюдали. Он решительно подошел к противоположной стене, постучал по ней пальцем. Стена ответила глухим тяжелым звуком. Сплошной камень, так же как и у окна. Все же это здесь... Он внимательно осмотрел стены. Чуть выше его головы слегка отстал кусочек штукатурки. Едва заметно отстал. Стены давно не ремонтировали, кругом мелкие трещины, подтеки. И все же его заинтересовал этот кусочек штукатурки. Нисколько не сомневаясь в том, что именно он является самым интересным в этой стене, Ротанов осторожно подцепил его ногтем. Под ним было маленькое углубленьице, не шире вязальной спицы. Оптический датчик, притаившийся в нем, оказался совсем крохотным. Ротанов с трудом выковырнул его из отверстия.

Нисколько не беспокоясь о том, что они об этом подумают, он разорвал тоненькие проводки, уходившие от датчика в стенку, и, зажав в ладони драгоценную находку, медленно прошел к столу. Он едва сдерживал радость, потому что это был такой подарок, на который он даже не смел рассчитывать, уже и надеяться

перестал, и вдруг на тебе, этот датчик... Ротанов разжал ладонь. Да, все правильно. Там не было никаких световодов. Устройство не больше спички содержало в себе оптический интегратор, превращавший световой поток в систему электрических импульсов. Нечто вроде крохотной телекамеры. Это «нечто» и было для него самым важным. Из него следовало, что колония располагала совершенным электронным оборудованием, и не просто располагала таким оборудованием, но и могла его производить, потому что датчик был местного производства. Такое узкоспециализированное устройство не могло входить ни в один экспедиционный комплекс, к тому же небольшой срок службы подобных миниатюрных устройств говорил сам за себя — его сделали здесь, и недавно. А из всего этого следовало, что теперь проблема с ремонтом его корабельной электроники перестала существовать, и все сразу упростилось, стало почти банальным. Договориться тем или иным путем с этими людьми он всегда сумеет. «Ну что тут у них, диктатура? Рабовладельческое общество? — почти весело думал Ротанов. — Не верю я в это, несмотря на все теоретические изыскания Горюнова. Люди двадцать третьего века не могли до этого докатиться, и даже если предположить самое худшее, все равно в любом человеческом сообществе всегда есть противодействующие течения, столкновения интересов. Стоит поискать, и я найду тех, кто захочет мне помочь. И раз теперь известно самое главное — принципиальная возможность такой помощи — то беспокоиться просто не о чем. Срок у меня достаточный. Из шести месяцев, о которых говорил Олег, я пока что израсходовал только три дня».

Ротанов лег на кровать, все еще сжимая в руке свою находку, блаженно улыбаясь и даже не представляя, насколько он далек от понимания истинного положения вещей. Он заснул почти сразу, но спал недолго и плохо.

3

Ему снились непрерывные кошмары. В конце концов Ротанов проснулся, но неприятное, похожее на удушье ощущение осталось.

Он слышал, как за темным окном шумит дождь. В комнате было прохладно и сыро. Постарался вспомнить, что ему снилось. Что-то липкое и вонючее его душило. Оно не имело ни формы, ни лица.

Потом он куда-то падал. Пытался всплыть с большой глубины, рвался наружу к поверхности и все время задыхался от недостатка воздуха. Даже сейчас тело покрывал липкий пот. Всегда так бывает на новой планете, пока привыкнешь к новому климату. Адаптация. Иногда скрутит так, что человек неделю ходит как сонная муха. И всегда снятся какие-то кошмары. Правда, с удушьем что-то уж больно реально, словно он в самом деле едва не задохнулся.

Он поднялся. Все тело ломило как после продолжительной болезни. Медленно прошел к окну. Был тот самый ранний предрассветный час, когда в небе уже можно уловить первые отголоски будущей зари, приглушенные унылым дождем. И еще туман... Он заполнял весь двор белесой мглой, подкрался к самому окну. На секунду ему даже показалось, что белые полотнища у самой решетки дрогнули, когда он приблизился, и отползли дальше.

Не хватало только галлюцинаций. «Завтра надо сказать, чтобы с корабля принесли аптечку. Прививки прививками, но я что-то совсем расклеился». Постоял у окна минуты три, вдыхая сырой промозглый воздух и постепенно приходя в себя. Потом снова лег. Остаток ночи прошел спокойно. Проснувшись утром, с трудом вспомнил ночные кошмары.

В окно светило бешеное огромное солнце, не было даже намека на дождь. Может быть, он ему приснился вместе с туманом. Ротанов еще раз выглянул в окно. Под самым карнизом темнела узкая полоска влажной почвы: значит, дождь ночью все-таки был. Он пригладил волосы, потом решительно постучал в дверь.

Туалет вместе с умывальником и набором бритвенных принадлежностей оказался в соседней комнате. Побрившись, он почувствовал себя более уверенно, и почти сразу его провели к Бэргу.

На этот раз Бэрг казался чем-то озабоченным. Он не стал тратить время на дипломатические любезности и сразу же перешел к делу.

— Я хочу сделать вам вполне конкретное предложение, но прежде мне нужны некоторые сведения. Они носят, так сказать, чисто теоретический характер, и, я думаю, вы можете ответить на мои вопросы без всякого риска.

— Давайте попробуем, — ответил Ротанов, улыбнувшись.

Он чувствовал себя отдохнувшим и вполне готовым для нового поединка. Но Бэрг не принял вызова. Ротанов заметил, что он украдкой внимательно разглядывает его, словно видит впервые.

— Предположим, вы, вернувшись на Землю, сообщите, что колония на Альфе полностью погибла. Какая-нибудь эпидемия.

Вам подберут вполне убедительные материалы и все необходимые данные. Что за этим последует? Будет ли организована еще одна экспедиция, или Земля этим удовлетворится и нас оставят в покое?

— Трудно сказать... Какое-то время вы, конечно, получите. Но почему вы решили, что я соглашусь на подобную фальсификацию?

— Об этом позже. Давайте сначала рассмотрим второй вариант. От вас никаких известий. Несчастный случай на планете или неполадки с двигателем. Неисправность компьютера... Мало ли что?

— Вы осматривали корабль?

— Корабли всегда осматриваются после посадки. Таковы старые правила, и мы не считали нужным их изменять. А вы что, против досмотра?

Это была правда. Досмотр прибывших кораблей, их технический и медицинский контроль действительно общепринятая вещь в любой колонии, и спросил он об этом скорее для того, чтобы убедиться в том, что они теперь знают.

— Нет, я не против досмотра. Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Естественно предположить, что через какое-то время после вашего исчезновения будет послана вторая экспедиция. Как велико это время?

— Мне кажется, оно не будет слишком велико.

— Ну а если не вернется и вторая экспедиция, что тогда?

— Тогда скорее всего сюда вышлют эскадру специально оснащенных кораблей, с которой вы уже ничего не сможете сделать.

— Я так и думал. Постарайтесь меня понять. Сейчас вас просят только об одном — не вмешивайтесь, оставьте нас в покое, хотя бы на время. Поверьте мне, лучше всего, если вы улетите, приняв мое предложение.

В голосе Бэрга звучала неподдельная горечь. Он словно понимал уже всю бесполезность этого разговора и предвидел все, что последует дальше. Почему-то Ротанов не сомневался в его искренности. Наверное, из-за этой горечи.

— Для кого лучше?

— Что? — не понял Бэрг.

— Для кого лучше, если вас оставят в покое? Для вас лично? Для всех колонистов? Для кого?

— Прежде всего для землян.

— Вот как... Ну, земляне в состоянии позаботиться о себе сами.

— Прежде всего для землян, — настойчиво повторил Бэрг. — Потом уже для нас. Большего я не могу сказать, и вы мне, конечно, не поверите. Вы сейчас броситесь все вынюхивать, выворачивать наизнанку, инспектировать. Блестяще выполните свое задание, и пройдет немало времени, пока поймете, что я был прав. Но тогда уже будет поздно... Скорее всего вам не позволят получить никаких сведений.

— Почему бы вам не попробовать еще один вариант?

— Какой же?

— Поверить в мою доброжелательность, позволить самому во всем разобраться и решить, как поступить, но не с завязанными глазами, как вы мне предлагаете, а со знанием всех факторов. Может быть, я и соглашусь с вашим предложением.

— Наверно, я бы так и поступил. Собственно, вчера так и собирался сделать. Но с тех пор кое-что изменилось. Я убежден, что, получив все данные, вы все равно не сможете правильно их понять. Это неизбежно.

— Мы все время ходим вокруг да около. По-моему, наша беседа давно потеряла всякий смысл.

— Ну что же... Я вас не задерживаю.

— Я ведь мог согласиться хотя бы для виду. Мне от вас нужен только компьютер.

— Я знаю. Но вы этого не сделали, и поэтому мне особенно жаль, что нам не удалось договориться. То, что последует теперь, будет одинаково трагично для всех. Для вас, для нас, для всех людей. Я вас не задержу, и вы выйдете отсюда, если вам повезет. Это уже будет зависеть не от меня. Но даже если вам повезет...

— Мне повезет.

— Тем хуже, потому что тогда вы сделаете все, чтобы ускорить прилет следующей экспедиции, и это будет главной ошибкой. Попросту катастрофой. У меня к вам последняя просьба — постарайтесь не спешить с выводами.

— Я постараюсь. — Ротанов поднялся и с минуту стоял прислушиваясь.

Где-то очень далеко, скорее всего вне дома и даже вне двора, может быть, на окраине города, родился грозный и могучий звук, от которого мелко-мелко завибрировали стены дома. Звук оборвался так же внезапно, как и возник, потом кто-то огромный хлопнул над городом в ладоши, и со стен посыпалась штукатурка.

— Что это такое?

Бэрг пожал плечами:

— Теперь вам все придется узнавать самому. И уверяю, это будет непросто.

Ротанов стиснул зубы, поднялся и вышел. С минуту Бэрг задумчиво смотрел ему вслед, потом повернулся к скрипнувшей за его спиной внутренней двери. Вошел высокий подтянутый человек, его возраст, так же как и возраст Бэрга, трудно было определить даже приблизительно. На моложавом, без единой морщинки лице поблескивали маленькие, глубоко запавшие глаза.

— Ну что?

— Все очень плохо, Лан. Мне пришлось его отпустить.

— Куда он денется, пусть походит.

— Да нет, ты не понимаешь... Он... Видишь ли, он не поддается воздействию...

— То есть как?! Не было воздействия, и ты его отпустил?!

— Воздействие было, но безрезультатно.

— Это невозможно!

— Выходит, возможно... Один датчик он уничтожил, но мы все равно контролировали все циклы. Может быть, иммунитет. Я не знаю, в чем здесь дело.

— Надеюсь, ты понимаешь все последствия?

— Еще бы... Нам не удастся его использовать. Я попытался его убедить сотрудничать с нами.

— Это просто смешно!

— Да, ты прав. Очень скоро этот человек станет для нас серьезной проблемой.

— Ну, это мы еще посмотрим. Проблему можно попросту устранить.

Он рванулся к выходу, но его задержал усталый голос Бэрга:

— Не торопись, Лан. Инспектор с Земли не может исчезнуть бесследно. Вспомни двигатель на его корабле. Боюсь, что его ликвидация только ускорит следующий визит.

— Возможно. Но у нас нет выбора. Надеюсь, ты понимаешь, что будет, если он ускользнет от нас и найдет тех.

— Что значит, в конце концов, один человек!

— Ты же сам сказал, что он не поддается воздействию! Что будет, если он узнает?.. Нет, Бэрг, убрать его необходимо.

На улице дул сухой ветер. Ротанов стоял, прислонившись спиной к стене дома, из которого только что вышел. Двор лежал перед ним как огромное пустое ущелье, требовалось определенное усилие, чтобы оторвать спину от стены здания и пересечь

этот двор. Он еще не понял, почему это так, и поэтому не спешил. Что-то уж больно легко отпустил его Бэрг и слишком неожиданно. Если вспомнить вчерашнюю встречу, его планы изменились довольно круто, и достаточно было скрытых угроз... Пожалуй, он поспешил. Нужно было еще потянуть, продолжить дипломатическую игру, собрать новую информацию, а он полез на рожон, обострил ситуацию, дал им в руки ненужные козыри.

Что с ним такое случилось? Почему он сорвался в кабинете у Бэрга и пошел напролом? Что он там такое почувствовал? Какое ощущение подняло его со стула и повело к двери?

Вдруг он вспомнил руки Бэрга. Они лежали на столе как два бесполезных предмета, ни одного движения, словно бы не принадлежали хозяину. Кажется, по правому пальцу проползал какой-то жучок, но палец не отодвинулся, не дрогнул, не попытался смахнуть назойливое насекомое... Во всем этом было нечто такое, что заставило его на секунду утратить обычную рассудительность, хладнокровие... Он до сих пор не мог подавить в себе ощущение брезгливости и холодного, никогда раньше не испытанного ужаса. Самое неприятное, что он толком не мог объяснить, в чем, собственно, дело...

Наконец он оторвал спину от стены и медленно пошел через двор. Ему пришлось совершить над собой почти насилие, и только поравнявшись с воротами, он понял, в чем дело. Сзади что-то неожиданно хлопнуло, и на него посыпалась кирпичная крошка.

Екнуло сердце, и, еще не сообразив, что произошло, он стремительно бросился вперед и в сторону, за толстую арку ворот. Второй выстрел поднял облако пыли на том месте, где он только что стоял.

Вот, значит, как... Что же, по крайней мере теперь все стало на свои места и позиция определилась. Одно оставалось неясным — почему они так долго медлили? Стрелять нужно было гораздо раньше, когда он шел через двор, и проще было вообще его не выпускать. Что-то у них там не ладилось, не сходилось, не было единого мнения. Они не знали, как поступить, ударились в панику. Он воспользуется этим. И раз уж с первых шагов на этой планете определились его враги, то и друзья найдутся.

Если только удастся уйти отсюда... Они долго медлили, но если впереди, на улице, есть посты, ему несдобровать.

Может быть, ему осталось сделать всего несколько шагов, чтобы они добились своего. Выстрел мог прозвучать из-за любого угла. А может быть, это будет не выстрел, энергетический разряд или огненный зрачок лазера?.. Какая разница?

Солнце по-прежнему низко висело над горизонтом. Оно словно не сдвинулось с места с того самого момента, как Ротанов проснулся. «Долгое утро... Оно останется все таким же потом, после выстрела, а я так ничего и не успел узнать, предотвратить... И Олегу будет еще труднее, если я не сумею уйти из этого двора».

Сзади сверкнул ослепительный зайчик, и вокруг, царапая кирпичную кладку, противно взвизгнули осколки. Все: оставаться здесь больше нельзя. Ротанов сжался перед броском, и в этот момент ему навстречу с улицы шмыгнул какой-то человек в плотной, облегающей одежде мышиного цвета. Он, видимо, не понимал, что здесь происходит. Растерянно смотрел на Ротанова и нерешительно тянул из футляра на поясе какой-то параллелепипед. Тащил неуверенно, словно не знал, что ему с ним делать. Ротанов ударил его по руке, человек споткнулся, выронил оружие, и блестящий квадратик упал впереди Ротанова. Он подхватил его и, не останавливаясь, бросился под арку ворот. Над головой опять что-то свистнуло, в лицо брызнуло каменное крошево.

По тому, как был сделан этот выстрел, он сразу же понял, что шутки кончились и игра пошла всерьез. Они слишком долго раздумывали и дали ему возможность добраться до ворот, но это еще ничего не значило, если впереди на улице у них есть посты... Он мельком глянул на параллелепипед, зажатый в руке. Это был тепловой пистолет старого образца. В школе их обучали обращаться с музейным оружием, и, кажется, не зря... У него солидная мощность, но заряда хватит всего на несколько выстрелов... Придется экономить.

Он осторожно выглянул из-за арки. Узкая пустынная улица горбом взбиралась на небольшой холм. Неряшливые низкие стены строений без единого окна убегали в обе стороны. Никакого транспорта, ни одного пешехода. Спрятаться здесь практически невозможно. Дурацкая ситуация, он даже не знает толком, против кого вынужден будет через секунду применить оружие. Кто бы они ни были — убивать он не имеет права, даже если придется защищать свою жизнь, и, значит, сейчас ему нужно скрыться во что бы то ни стало. Не устраивать здесь баталии, а скрыться. Вот только куда? В противоположной от подъема стороне улица упиралась в грязную сточную канаву с высоким каменным парапетом. На первый взгляд ему показалось, что там не пройти, но, еще раз внимательно присмотревшись, он понял, что если сумеет добежать до перекрестка, то у него появится шанс.

Давно он так не бегал. Ветер свистел в ушах, то и дело приходилось бросаться из стороны в сторону, чтобы не стать мишенью

для очередного выстрела. Стрелять они начали слишком поздно, иначе бы ему несдобровать. И все же несколько секунд не хватило, чтобы добежать до угла.

Очевидно, они применяли не только тепловое оружие, потому что над крышами строений, мимо которых он бежал, что-то гулко ухнуло, выбросило ядовитые облака дыма, и сейчас же со всех сторон, как осы, зажужжали осколки. Пришлось ничком броситься на землю. К счастью, теперь между ним и преследователями оказалась бетонная эстакада, пересекавшая улицу поперек метрах в пяти над мостовой. Он заметил ее сразу, как упал, и тут же понял, что нужно делать. В той стороне улицы, откуда он бежал, уже можно было рассмотреть темные фигуры преследователей. Они жались к заборам, опасаясь выстрела, и не очень спешили. Как только от них до эстакады осталось несколько метров, он дважды выстрелил, подрезая эстакаду тепловым лучом с обеих сторон. Еще в воздухе она разломилась на несколько частей и рухнула со страшным грохотом, перегородив улицу грудой обломков. Все вокруг заволокло пылью и дымом. Теперь у него появилось достаточно времени, чтобы завернуть за угол. Вряд ли они могли заметить, в какую сторону он свернул. Он не собирался долго бежать по пустынным проулкам. Его план состоял в том, чтобы незаметно, свернув за угол, перелезть через забор и попытаться укрыться в каком-нибудь строении. Если ему повезет и он сразу же не наткнется на жилой дом, возможно, удастся выгадать еще полчаса или час, пока они будут прочесывать улицу в обе стороны, и за это время продумать следующий ход.

Забор был довольно низкий, без всяких там колючих проволок и прочих каверзных штук. Спрыгнув на усыпанный ржавым железом двор, он прислонился к стене и несколько секунд стоял неподвижно, жадно хватая ртом воздух. Немного отдышавшись, двинулся вдоль строения, стоявшего почти вплотную к забору. Одноэтажное длинное здание тянулось бесконечно. Но здесь, во дворе, все пока было тихо. Кажется, ему наконец-то повезло. Строение ничем не напоминало жилой дом. Скорее это барак, склад или мастерская. Похоже, тут никого нет. Окончательно он в этом убедился, когда обнаружил на широких, как ворота, дверях висячий замок. Это последнее препятствие показалось ему непреодолимым. Если торчать здесь, на открытом месте, его сразу же обнаружат, перелезать еще через один забор опасно. Нужно попробовать сорвать замок... Он стал торопливо шарить вокруг в поисках подходящего куска железа, переворачивал обуглившиеся обломки дерева и разбитые кирпичи. Похоже, что кто-то перело-

мал на этом месте все, что здесь было раньше построено, и воздвиг потом это унылое строение без окон, с висячим замком на дверях.

Ничего подходящего, чтобы справиться с замком, ему так и не попалось, и только тогда он вспомнил про тепловой пистолет. Ему не хотелось оставлять следов, но другого выхода не было, каждую секунду его могли обнаружить.

Сунув ствол пистолета под самую дужку, он направил его вверх, так, чтобы не задеть крыши строения, потом отвернулся и нажал спуск. Вместо хлопка раздалось протяжное шипение. Видимо, он израсходовал на эстакаду слишком много энергии. Все же дужка раскалилась почти добела, потом размягчилась и осела, он подцепил ее снизу куском арматуры и разорвал размягченный металл.

Закрыв за собой дверь, Ротанов очутился в темноте. Не было слышно ничего, кроме его собственного прерывистого дыхания. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и он понял, что в вентиляционные отверстия над крышей проникает достаточно света. Широкий проход вел от дверей в глубину. По обеим сторонам до самого потолка высились ряды полок, довольно беспорядочно заставленных грудами ящиков и бочек. На улице он успел заметить, что квартал застроен одинаковыми бараками, так что, возможно, весь этот район отведен под склады. Пока он в относительной безопасности.

Пахло гнилью и чем-то незнакомым, пряным, как корица. Он думал о том, что хорошо бы найти в ящиках что-нибудь действительно полезное. Продовольствие или оружие. Концентраты не требуют для хранения холодильников. Очень жаль, что он с самого начала не сделал запаса пищи. Однако самым необходимым в ближайшее время для него станет вода...

Ротанов несколько раз глотнул, стараясь избавиться от сухости в горле. «Даже напиться не успел». Впрочем, откуда ему было знать, что события в это утро развернутся столь стремительно. Ну ладно. Придется ночью пробиваться к той канаве, которую он заметил в противоположном конце улицы. Там они наверняка выставят посты, а ему нечем обороняться, так что неплохо найти бы здесь бочку с квасом или ящик пива. Мысли возникали простенькие, о насущных проблемах. И это было правильно. Он старался пока не думать о том, что произошло на планете, откуда тут появились люди, непохожие на людей... Достоверной информации у него было очень немного, а стоит начать строить догадки, им числа не будет, и потом, когда информация появится,

будет труднее в ней разобраться. Лучше уж думать о пиве... Кстати, раз тут есть бочки, наверняка в них какая-нибудь жидкость. Вполне возможно, что это продовольственный склад. Прямо перед ним на полу стоял контейнер необычной многогранной формы. Словно кто-то вытесал из пластика фигуру около метра в поперечнике для урока школьной геометрии. «Ну что же, с него и начнем».

Контейнер оказался неожиданно легким. Ротанов без всякого труда сдвинул его с места и повернул. Нигде не было видно ни малейшей щели или намека на дверцу. Пластмасса отозвалась на стук глухим звоном и оказалась слишком твердой. «Нужно поискать тару попроще», — подумал он и решил вскрыть ближайший деревянный ящик, привлекавший своими размерами. Подцепил крышку все тем же куском арматуры. Она отскочила сразу, словно ждала, чтобы ее открыли. Но внутри не было ничего интересного. Тяжелые слитки блестящего металла. Титан, а может, вольфрам. Он перешел к ряду огромных, под стать ящикам, бочек. Из пробитого отверстия медленно, словно нехотя, ползла струя вязкой смолистой жидкости. От нее шел знакомый пряный аромат, который он почувствовал сразу, как вошел. По-видимому, сок какого-то местного растения. Без анализа пить его нельзя, и он с огорчением пошел дальше.

Ротанов работал десятый час подряд. За это время ему удалось обследовать лишь небольшую часть склада. Очень много сил отнимала крепко сколоченная тара. Ничего полезного так и не нашел. Склад мог принадлежать кому угодно. Упакованные для отправки или длительного хранения минеральные и сырьевые ресурсы планеты. Здесь не было технических изделий или продуктов сельского хозяйства. Возможно, ему не повезло. В конце концов, продукцию должны сортировать по отдельным видам, и если это действительно так...

Вдруг он вспомнил про тот странный пластмассовый контейнер, на который наткнулся в самом начале. Необычная тара могла содержать что-нибудь интересное. Правда, он был слишком легок и, пожалуй, пуст... Он осмотрелся, в дальнем углу склада на отдельной полке стоял еще один такой же контейнер. Он подошел к нему, раздумывая, чем можно вскрыть неподатливую пластмассу, и уже протянул было руку, но вдруг застыл на месте.

Что-то там блеснуло в темноте за ребром призмы. Что-то едва различимое, тоненькое, как паутинка. Но паутины здесь не было. Целые тонны пыли и ни одного паука... Лучше всего оставить

этот контейнер в покое... Но если там действительно сигнализация, значит, в контейнере что-то важное, нуждающееся в охране, и если он хочет узнать хоть что-нибудь, вскрывать придется именно этот. Больше он не думал о холодном пиве, хотя во рту пересохло. Ради того, чтобы выяснить, что они считают достойным такой защиты, стоило рисковать.

О том, насколько сложная система прикрывала контейнер, ему стало ясно уже через полчаса кропотливой, осторожной работы. Помогло хорошее знание корабельной электроники. И хоть он не знал общей схемы и даже не пытался разобраться в управляющем блоке, в конце концов ему удалось обнаружить и обезвредить основной узел сигнализации, снабженный многочисленными датчиками тепловых и механических воздействий. Система оказалась хорошо замаскированной, и спасло его не только то, что за ней, очевидно, долгое время не было ухода. Подгнившая доска в стене раскрошилась и обнажила тонкий, как паутинка, проводок. Возможно, впервые он отыграл хоть одно очко в опасной игре, которую ему здесь навязали.

Ротанов осторожно провел рукой по стене контейнера. Как будто все в порядке, но если он не обезвредил хоть один датчик... Об этом не стоило думать, потому что он не собирался отступать. Достал тепловой пистолет, подбросил на ладони, словно проверяя вес. Потом приставил к боковой грани и нажал спуск. Уже через несколько секунд стало ясно, что в пистолете еще достаточно энергии для того, чтобы хорошенько разогреть пластмассу. Только она почему-то не желала плавиться, даже раскалившись добела. К счастью, он повредил механизм запора, внутри массивной стенки звякнуло, и неожиданно толстая крышка на шарнире выскочила наружу, больно ударив его по руке.

Потирая ушибленную руку, он задумчиво смотрел на контейнер. Не нравилась чрезмерная толщина крышки. «Сантиметров двадцать, при такой-то прочности... Похоже на радиационную защиту. Только этого не хватало...» Он вытянул ладонь и быстро провел над крышкой. При большой интенсивности излучения он почувствовал бы тепло, но ничего не было, и это ни о чем еще не говорило, потому что все зависело от характера излучения. Наконец ему надоело топтаться около контейнера. Он уже не сомневался, что влипнет из-за него в неприятную историю, и именно поэтому следовало кончать поскорее.

Отшвырнув бесполезный пистолет, в котором не осталось уже ни капли энергии, он сунул руку в контейнер сразу по самое плечо. И ничего не обнаружил. Впрочем, нет, на самом дне было

несколько округлых и скользких предметов. Он попытался ухватить один из них и сразу же выпустил, потому что ему показалось, что где-то совсем рядом громко засмеялся ребенок. Его даже передернуло, таким нелепым и неуместным показался детский смех в этом пустом грязном складе. Он мог бы поклясться, что звука не было. Смех он слышал словно бы внутри себя, в голове, но слышал совершенно отчетливо. Такое возможно при галлюцинациях, но он слишком хорошо знал, что у него не бывает галлюцинаций.

Очень осторожно, сантиметр за сантиметром, он снова приблизил руку к неизвестному предмету. Сначала ощутил только легкое покалывание, как от разряда тока, потом рука заныла, и, когда коснулась поверхности предмета, он ее уже не чувствовал. Перед глазами все поплыло. Очень неясно, едва заметными контурами на стены сарая накладывалась какая-то картина...

Чтобы не отвлекаться, он закрыл глаза, и картина стала отчетливей. Комната... Большая комната, залитая солнечным светом, окно распахнуто... Ребенок стоит на пороге, держит в руках пластмассовую игрушку... И что-то колышется у окна, что-то знакомое, какие-то грязные полотнища... Дым от пожара? Остатки занавесок? Картина была неподвижной. Ничто не менялось. Он чувствовал, что онемело уже все плечо. Дальше не стоило рисковать. Стиснув зубы, одним точно рассчитанным движением он подхватил таинственный предмет и рывком выдернул его из контейнера.

По форме эта штука походила на свернутый восьмеркой тор, сантиметров двадцать в диаметре. Она казалась прозрачной и довольно тяжелой. Внутри что-то переливалось. Какое-то жидкое, холодное пламя. В такт с его мерцающими переливами Ротанова бросало то в жар, то в холод, все его чувства необычайно обострились. Это был бешеный коктейль из радости, беспричинного смеха, невыразимой безысходной тоски, острого пряного страха, в голове что-то гремело и грохотало, словно били в древние негритянские тамтамы, казалось, еще секунда — и он не выдержит чудовищного напряжения, а рука намертво вцепилась в эту дьявольскую штуку и не желала разжиматься. Вдруг, словно пройдя через усилитель, в его сознание ворвались слова: «Эй, ты! Брось это!» Рука разжалась сама собой, сосуд упал в глубину контейнера. Шатаясь, будто только что выбравшись из-под обвала, Ротанов медленно обернулся. Напротив него в конце прохода стоял высокий, давно не бритый человек в рваном комбинезоне, с тяжелым, блестевшим от смазки пистолетом в руках.

4

Пистолет, направленный прямо в живот Ротанова, медленно двигался, словно отыскивая подходящую точку, чтобы всадить в нее пулю или чем он там стреляет...

— В чем дело? — как мог осторожнее спросил Ротанов. — Может, вы сначала объясните?

— Жаль, шума поднимать нельзя, а то бы я тебе объяснил...

Ротанов не шевелился.

— Может, все же поговорим? — предложил он, не сводя глаз с пистолета.

Казалось, это предложение развеселило его противника, во всяком случае, тот презрительно улыбнулся.

— О чем можно говорить с синглитом? Лицом к стене!

Ротанов не двинулся. Он совсем не собирался терять из виду ствол пистолета.

— Я не синглит.

— Ты повернешься к стене или нет? — Пистолет перестал рыскать из стороны в сторону и замер, словно нашел наконец точку, которую искал так долго.

— К стене я не повернусь. Можете стрелять так.

Его противник снова усмехнулся, на этот раз скорее удивленно.

— Первый раз встречаю синглита, который так много говорит. Ладно, черт с тобой, можешь не поворачиваться. Иди вперед. Дистанция пять шагов. И запомни: остановишься — выстрелю.

Это уже было кое-что. Не следовало перегибать палку. Ротанов медленно пошел к выходу, надеясь, что в конце прохода, пропуская его вперед, противник допустит ошибку, сократит между ними расстояние. Но тот, видимо, прикончил на своем веку не один десяток этих таинственных синглитов и хорошо знал им цену. Он отступил в самый конец прохода, пропустил Ротанова и теперь был у него за спиной. Нельзя позволить вывести себя из склада, потому что здесь у него сохранялось некоторое преимущество. Он запомнил, что в центральном проходе, недалеко от двери с левой стороны, стоял целый штабель тяжелых ящиков. Ящики эти еле держались. Ротанов пошел по левой стороне и, как только они миновали штабель, изо всех сил ударил ногой по нижнему ящику.

Весь штабель с грохотом рухнул, многие ящики раскололись, и десятки непонятных предметов раскатились по всему полу. Его противник успел увернуться и не выстрелил... Ротанов опасался,

что от неожиданности тот нажмет собачку и поднимет тревогу. Но этого не случилось.

Сейчас их разделяла гора рухнувших ящиков, и можно было спокойно уйти. Склад тянулся метров на семьсот, и найти здесь затаившегося человека практически невозможно. Но Ротанов все медлил, стараясь понять, почему не было выстрела... «Он говорил о каких-то синглитах, что это — секта, партия? Люди, захватившие власть?» Судя по всему, сам его противник не принадлежал к этой группе, и уже только поэтому нельзя его упустить... «Возможно, с его помощью удастся встретиться с теми, кто противостоит Бэргу. Придется рисковать, он ведь тоже может уйти, затаиться...»

— Я сейчас выйду! — громко сказал Ротанов. — Подожди со стрельбой.

Никакого ответа. Но в конце концов, не выстрелил же он, когда рухнули ящики... Ротанов вышел на середину прохода и остановился.

Теперь он был отличной мишенью, а главное — не видел своего противника.

Несколько секунд стояла напряженная тишина, потом в углу за ящиками шевельнулась неясная тень. Наконец в проходе показался его противник, впервые с опущенным пистолетом.

— Ну? Чего тебе?

— Нуждаюсь в собеседнике... — проворчал Ротанов. — Да спрячь ты свою игрушку. Есть серьезный разговор.

Человек сделал пару шагов навстречу Ротанову, но пистолет все же не убрал.

— Здорово вас здесь напугали.

— Кто ты такой?

— Что, не похож на синглита?

— Синглит давно вызвал бы охрану. Так кто же ты?

— Про корабль что-нибудь слышал?

Противник тихо свистнул, спрятал пистолет, но ближе не подошел.

— А чем ты докажешь, что ты с корабля?

— Я об этом не думал, не собирался доказывать. У меня есть документы.

— Документы можно подделать... Ну хорошо. Меня специально послали, чтобы разузнать про корабль. Двое наших видели посадку, но им не очень-то поверили, думали, какие-то штучки синглитов. Им ничего не стоит сделать корабль. Не настоящий, а так... Ладно, придется мне тебя забрать на базу. Там у нас хорошие специалисты. Разберутся, и если ты синглит...

— Да не синглит я, не синглит! Я пилот с этого корабля. И давай выбираться отсюда. Мы тут нашумели, а меня наверняка ищут. Слышал утром стрельбу?

— Так это из-за тебя?

— Сначала они меня вроде бы отпустили, а потом почему-то передумали. Здесь не очень надежное место.

Словно подтверждая его слова, у наружной двери послышался шум. Шаги, скрип засова.

— Ну вот, дождались...

Видимо, его противник наконец принял решение. Он махнул рукой, приглашая Ротанова за собой, и нырнул в боковой проход.

В противоположном от входа конце склада оказался замаскированный хламом лаз. Из него широкая сточная труба вела в соседний двор... В этом городе у его недавнего противника были свои собственные, известные только ему дороги.

Открылась крышка канализационного люка, скрытая под слоем дерна, и они очутились в узком подземелье. К удивлению Ротанова, здесь не ощущалось никаких неприятных запахов и было относительно сухо. Очевидно, канализация давно не работала.

Долгий путь по туннелям, задним дворам и закоулкам вывел их в конце концов в маленький тихий дворик. Здесь они впервые остановились и перевели дух. Они стояли вплотную друг к другу, втиснувшись в узкую щель между стеной здания и забором. Почему-то Ротанову вспомнилась кабина подземки. Там пахло пылью, плесенью, чем угодно, только не человеческим потом, он вспомнил об этом, и, может быть, поэтому несвежий запах от рваного комбинезона его спутника показался ему приятней любых духов.

— Как тебя зовут?

— Вообще-то Филом. Но наши окрестили Филином. Так и ты можешь звать.

В щель забора, за которым они прятались, хорошо просматривалась довольно оживленная городская улица. Транспорта не было совсем, наверно, его полностью вытеснила подземка, зато пешеходы шли довольно часто.

— Чтобы выбраться из города, нам придется пересечь здесь улицу. Другого пути нет. А это очень опасно, потому что, если ты сказал правду, по всему городу объявлена тревога и здесь нас ждут.

Филин достал пистолет, пересчитал заряды и снова сунул его в карман. Ротанов хмуро слушал его и все никак не мог оторвать

взгляд от огромного, вполнеба, красноватого чужого солнца, висевшего над крышами человеческих жилищ.

— И давно вы так ходите по городу?

— Как? — не понял Филин.

— Да вот так, с оружием.

— Все вас ждали... Когда вы там про нас вспомните, на своей Земле... Лет пятьдесят и ходим. Не больно вы спешили... Мне доктор говорил, что рано или поздно вы прилетите, только я не шибко верил...

Ротанов почувствовал скрытый упрек в его словах, но промолчал. Не пришло еще время для объяснений... Он по-прежнему не знал, чьи интересы отстаивал этот человек, против кого и почему взял в руки оружие...

С того места, где они стояли, хорошо просматривалась улица в обе стороны, вот только Ротанов вообще не знал, что здесь считается подозрительным, и потому полностью положился на Филина. А тот все не спешил выходить и продолжал разглядывать одиноких прохожих. Ротанов отметил, что люди шли быстро, не обращая внимания друг на друга, и как-то слишком уж отчужденно. Обычно в таких изолированных маленьких городках толпа разбивается на небольшие, объединенные общим разговором группы. Здесь этого не было. Филин тронул его за рукав.

— Как только выйдем на улицу, ни в коем случае не спеши. Иди быстро, как все здесь ходят, но не спеши. Ни к кому не подходи, ни на кого не обращай внимания, но самое главное — не спеши и не смотри по сторонам, иначе тебя сразу заметят. Ко мне не подходи ближе трех шагов, что бы ни случилось, даже если начнется стрельба. Ну, пошли! Да, и запомни на всякий случай, мало ли что, если выйдешь из города один, к нашим нужно идти все время на север, километров сорок. Выйдешь на посты, скажешь, тебя Филин прислал. Ну, давай.

— Подожди, минута дела не решит, а там мало ли что... Скажи мне сначала, что там было, в контейнере на складе?

Из всех вопросов, вертевшихся на языке, Ротанов выбрал этот и теперь с напряжением ждал ответа. Но Филин только покачал головой и посмотрел на него неприязненно.

— Этого я тебе не скажу. И у наших ты лучше об этом не спрашивай. Раньше нужно было прилетать, вот что. Пошли! Некогда нам разговаривать! — Он сунул пистолет за пазуху и сразу преобразился. Во всем его облике появилась деловая сосредоточенность. Плечи он откинул назад, и в походке появилась та целеустремленность, которая была свойственна большинству про-

хожих. Стоило ему шагнуть на улицу, и он сразу же затерялся, слился с толпой.

Выждав немного, Ротанов пошел за ним следом, стараясь в меру сил подражать Филину. Но у него получалось плохо, не было многолетней практики, и вообще он не понимал, почему нельзя проскочить улицу с ходу. Филин зачем-то дошел до перекрестка, потоптался на месте и, неожиданно юркнув между прохожими, сразу оказался на той стороне. Боясь потерять его в толпе, Ротанов прибавил шагу, но перед перекрестком ему на плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Стой!

Не оборачиваясь, Ротанов пригнулся и резко рванулся в сторону. Почти сразу Филин выстрелил в кого-то с противоположной стороны улицы, кто-то за спиной Ротанова упал. Сбившаяся на перекрестке толпа бросилась врассыпную. Когда она рассеялась, Филина нигде не было видно. Понимая, что нельзя терять ни секунды, Ротанов шагнул в ближайший подъезд, не раздумывая, поднялся по лестнице примерно до середины и рванул первую попавшуюся дверь. Он был почти уверен, что никто не заметил в сутолоке, как он вошел в подъезд. Занявшись Филином, на какое-то время они потеряли его из виду. Филин выстрелил специально, чтобы отвлечь внимание на себя...

Дверь поддалась без всякого сопротивления, от неожиданности он с силой захлопнул ее за собой. Несколько секунд стоял в полумраке, тяжело дыша и с горечью думая о том, что, пока он не разберется во всем, что здесь произошло, он будет обузой, слепым котенком, и кому-то, чтобы вызволить его из беды, придется подставлять себя под удар... Он дал себе слово, что это не продлится слишком долго, и первым делом он разыщет Филина... Наконец глаза немного привыкли к полумраку коридора. Он увидел, что потолок кое-где обвалился. Там зияли темные дыры, а обои выглядели так, словно кто-то драл их когтями. Квартира казалась нежилой, но почти сразу из комнаты женский голос спросил: «Кто здесь?» Ротанов молчал, и женщина вышла в коридор. Она словно только что сошла с картинки модного журнала прошлого века. Какая-то немыслимая пушистая шаль, платье из блестящего материала в обтяжку — все это выглядело так нелепо на фоне грязных обоев, что Ротанов буквально остолбенел. Она смерила его спокойным, чуть высокомерным взглядом:

— Что вам здесь нужно? Кто вы?

— Ротанов.

— Ах вот как, Ро-та-нов. — Она произнесла его фамилию с легким акцентом врастяжку. — И что же дальше?

Он пожал плечами:

— Вы слышали шум на улице?

— Это из-за вас?

Он кивнул.

— Хорошо, проходите. — Она не испугалась и даже, кажется, не удивилась. Только плотнее закуталась в свою шаль и пошла вперед, показывая ему дорогу.

Они вошли в гостиную, если можно было назвать гостиной комнату, где не было даже стульев. Валялись какие-то обломки мебели, книжные полки без книг, рама от картины. Ротанов молча смотрел то на женщину, то на эту кучу хлама.

— Вы здесь живете?

— Конечно. Ах, это... — Она перехватила его взгляд. — Это осталось от людей.

— То есть как это осталось от... Вы хотите сказать, что вы сами не...

Он почувствовал себя так, словно кто-то схватил его за горло и не давал дышать. Еще в кабинете у Бэрга он почти догадался... Даже раньше, в транспортной кабине. Но мозг отказался верить очевидным фактам. А потом этот мальчишка с пистолетом сбил его с толку... Она смотрела на него совершенно равнодушно и не сделала попытки помочь.

— Надеюсь, вы догадываетесь, что я...

— Что вы человек? Конечно. Это любопытно. Я уже давно не встречала здесь людей.

— Послушайте! — сказал Ротанов, опускаясь на то, что когда-то было диваном.

У него голова шла кругом, он был слишком потрясен, чтобы сказать что-нибудь вразумительное. Но она ждала, и было похоже, что она вообще способна простоять, не делая ни малейшего движения, целую вечность.

— Послушайте... Даже на Земле никто не мог бы предположить, что это возможно... Создание таких совершенных моделей немыслимо! Таких роботов не существует!

— А кто вам сказал, что я робот?

— Так кто же вы?

— Просто нечеловек.

— Ах, ну да... конечно... просто... просто нечеловек...

Ротанов почувствовал, как внутри его что-то взорвалось. Он вскочил и несколько мгновений не мог протолкнуть в себя ни

глотка воздуха. Наверно, все вместе подействовало на него так, что на какое-то время он перестал отдавать себе отчет своим действиям.

Нечеловек здесь, в человеческом жилище! В человеческом обличье, в человеческом платье!.. Она перестала кутаться в шаль, и Ротанов вдруг заметил царапину на ее шее. Царапина была довольно глубокой и свежей, но вместо засохшей крови под кожей обозначилось что-то белое, и это «что-то» не было похоже на человеческую плоть. Ротанов отвернулся, чтобы скрыть от нее невольную гримасу.

— Вы хорошо держитесь. Другие обычно выпрыгивали из окна или сразу начинали стрелять.

— Их можно понять... — пробормотал Ротанов, он уже почти взял себя в руки. — Ладно. Может, вы объясните, откуда у вас... почему вы так похожи на человека?

— Вы хотели спросить, откуда у меня это тело? Ведь так?

— Ну, допустим.

— Этого я, к сожалению, не знаю. Однажды утром я проснулась в лесу такой, какая есть. Все было немного непонятно, но, в общем, мне было все равно. Что-то я смутно помнила — лицо старой женщины, например. Не знаю, почему именно это лицо я так долго не могла забыть. Какой-то дом... Только это все было так... Ну не важно, что ли... К людям меня не тянуло. Когда здесь, в городе, поселились наши, я тоже перешла сюда. Вначале здесь было очень неспокойно, часто приходили люди. Они всегда очень громко кричат и всегда начинают стрелять... И знаете, почему я догадалась, что вы хотите спросить меня об этом теле?

— Нет, — хрипло ответил Ротанов.

— Потому что временами мне кажется, что оно не мое. Словно надеваешь чужое платье, только это сложней... Мне давно хотелось спросить об этом, узнать почему. Но наши никогда не говорят. Это считается неприличным. А потом мне стало безразлично. — Она устало вздохнула.

— А эта комната... Как вы тут живете?

— О, мне совершенно все равно, где быть. Здесь или в лесу. Холода я не чувствую. В вещах не нуждаюсь. Иногда меня тянет в лес. Мне нравятся его прохлада и запахи. Но в лесу мне тяжело, все мешает, давит и снова хочется в город... Не знаю, почему я говорю вам все это...

Ротанов почувствовал вдруг огромную усталость, словно все эти двое суток лез в гору и на ее вершине обнаружил, что все напрасно, дальнейшего пути не было. Может быть, и Филин тоже

удачная подделка, не больше... Он надеялся найти здесь людей, а не чужой враждебный разум. Весь расчет строился именно на этом, и, если людей не осталось, все сразу теряло смысл.

— Чего же вы медлите? — устало спросил Ротанов. — Вы ведь, наверно, должны сообщить о моем приходе? Куда там у вас положено сообщать?

— Это их дело искать вас. Меня это не касается.

— В таком случае дайте хотя бы напиться.

— Воды?.. Я не знаю... Сейчас посмотрю, но, кажется, водопровод давно не работает...

— Как же вы сами обходитесь?

— Мне не нужна вода.

Она вышла из комнаты. Он услышал, как заскрипел кран, потом она пошла к двери и вышла на лестницу. У него не было ни малейшего желания выяснять, куда именно она отправилась. Пусть делают что хотят. Он сбросил с просевшего дивана обрывки старых бумаг, мусор от обвалившейся штукатурки и растянулся, чувствуя, как усталость постепенно овладевает всем телом, каждой его клеточкой. Сейчас бы выпить чего-нибудь холодного и заснуть. Может быть, на свежую голову он сумеет разобраться в сумасшедшей ситуации, в которой оказался, но не сейчас.

Она вернулась минут через пятнадцать с большой глиняной кружкой, в ней плескалась темная жидкость.

— Я вспомнила, что в подвале остались какие-то бочки. Вот это, по-моему, годится, я видела, как люди это пили.

Он не стал раздумывать. Жидкость по вкусу слегка напоминала пиво, но пахла хвоей. Кружка была огромной, литра на полтора. От жидкости по всему телу разливалась теплота, хотя сама жидкость казалась холодной, даже запотела кружка. Он выпил ее всю до дна и снова развалился на диване.

— Садитесь куда-нибудь. Что вы маячите как столб перед глазами?

— Я хорошо знаю ваш язык, но многие понятия не имеют для меня смысла. Например, я не знаю, что такое «сидеть», то есть я знаю, что это такая поза, но для чего ее принимают, не знаю. И не знаю, что означает слово «столб».

— Оставим в покое столб. И если я сейчас засну, то постарайтесь меня не будить.

— Хорошо. Я постараюсь, — послушно сказала она и неподвижно застыла в совершенно немыслимой для человека позе. Им овладело некое блаженное безразличие ко всему, глаза закрылись сами собой.

Проснулся он полностью отдохнувшим, с четкой, ясно работавшей головой. Проснулся без всякого перехода и сразу же вспомнил все, что с ним произошло. В комнате ничего не изменилось. Полоса света от окна почти не сместилась. «Сколько же я спал?» — попытался сообразить Ротанов, но сон был глубоким и полным, у него не осталось ни малейшего представления о времени, хотя обычно, просыпаясь, он всегда точно знал, который час. Женщины в комнате не было. Он позволил себе еще минуту поваляться, чувствуя непривычную легкость во всем теле. «Хороший был напиток», — почти весело подумал Ротанов и рывком поднялся.

Он прошел на кухню и здесь увидел женщину. Она стояла спиной к окну, широко и как-то неловко расставив ноги. Было в ней все же что-то от механического манекена и еще что-то такое, что невольно вызывало жалость. Он должен был бы чувствовать брезгливость, ужас, но ничего этого не было. Только легкая жалость. И еще ему очень хотелось узнать, откуда она взялась, почему она и все те, другие, так похожи на людей. Он подумал, что сейчас самое время заняться выяснением этой загадки.

— Вы что же, никогда не устаете? Почему вы даже не присядете?

— Так вот почему так часто люди садятся... Нет. Усталости я не чувствую.

— И никогда не спите?

— Не знаю, сон ли это. Когда наступит ночной сезон, меня не станет.

— Вы хотите сказать, что ночью...

— Нет, не той ночью, которая сменяется днем, а тогда, когда ночь длится несколько месяцев по вашему времени, когда наступает холод. Вот тогда...

— Ах да, я совсем забыл, что у вас тут даже на экваторе бывают полярные ночи...

Только теперь он рассмотрел ее как следует. Черные, как вороново крыло, с синевой волосы обрамляли бледное худое лицо с удивительно правильными чертами. Если бы можно было забыть, что она собой представляла, он бы нашел ее красивой. Красивой той безликой стандартной красотой, которая так мало места оставляет для индивидуальности. Кожа была неестественно бледной и, пожалуй, чересчур гладкой. Ни одной морщинки.

Кухня выглядела под стать всей квартире. Ржавые водопроводные трубы кто-то завязал узлом, над покореженной электрической плитой висел небольшой куб морозильника. И хотя ра-

зорванная проводка, зачем-то выдернутая из стены, валялась рядом с плитой, к морозильнику она не имела отношения. Эта марка должна была действовать от автономного питания. Такими аппаратами до сих пор пользовались в некоторых колониях. Он открыл крышку, и морозное облако пара коснулось плеча женщины. Она дернулась, как от боли, и отодвинулась.

— Зачем вы?..

— Я хочу есть. А здесь, кажется, что-то сохранилось.

Он испытывал зверский аппетит с той самой минуты, как проснулся. В холодильнике лежали куски покрытого инеем неестественно розового мяса и еще банки. Именно на них он и рассчитывал. Этикеток не было. Он взял первую попавшуюся. Там оказалось гороховое пюре со свининой. Он ел его холодным, как едят мороженое. Сейчас ему было не до гастрономических тонкостей. Пережевывая эту ледяную массу, от которой ломило зубы, он продолжал искоса наблюдать за ней.

— Весь этот город, его построили люди, ведь так? — Он спросил это как можно небрежнее, чтобы она не догадалась, какое значение имел для него следующий, уже подготовленный вопрос.

— Конечно. Они все здесь бросили, потом несколько раз приходили, но это было очень давно.

— И с тех пор... Я хочу сказать, в последний раз когда вы видели человека?

Ему не удалось полностью скрыть волнение.

— Насколько я знаю, людей здесь больше нет. Они все ушли в лес. Потом много лет были стычки между ними и нашими. Если кто-то еще и остался, то только там, в лесу.

Если предположить, что Филин сказал правду, у него оставался шанс найти людей. Но искать их надо не в городе... Он старательно припоминал всю свою встречу с Филином; конечно, все это можно было подстроить специально: и стрельбу на улице, и все остальное. Он не очень-то верил, что они его отпустили без каких-то особых планов, что-то им было от него надо, и тогда этот Филин мог быть подставной фигурой, пешкой в той игре, которую с ним вели. Но он бы наверняка заметил хоть что-то, какую-то деталь, мелочь вроде того жучка. Но ничего не вспоминалось. Жаль, что тогда он был не слишком внимательным. Не было для этого особых причин, да и сама обстановка, темный склад, бегство по улицам, потом стрельба... Все-таки он мог ошибиться, и если Филин один из них... Когда они стояли в подворотне, что-то такое было... Запах... Запах человеческого пота. Вряд ли они и его догадались подделать.

Возможно, у него есть надежда. Нужно найти место, о котором говорил Филин. Наверно, там сохранился последний укрепленный плацдарм, место, где люди сражаются до последнего с этой враждебной планетой...

— Скажи, почему вы воевали с людьми? Чем они вам мешали?

— Мы? Мы никогда не воевали с ними. Только оборонялись, потому что люди хотели нас уничтожить.

— Вас уничтожить?! Как они могли этого хотеть, когда их была здесь горстка, а вас...

— Нас было еще меньше... Это сейчас нас стало больше, а вначале, когда началась война... Нет, я не знаю, почему она началась, но начали ее люди. Люди, наверно, очень злые.

Он смотрел на нее, не пытаясь скрыть изумления. Меньше всего он ожидал услышать что-нибудь подобное. По ее неподвижному лицу невозможно было понять, что она чувствует. Даже глаза ничего не говорили, они оставались холодными и пустыми, словно там застыли два кусочка льда.

— Но в таком случае, если все, что ты говоришь, правда, ты должна была бы ненавидеть людей и меня в том числе. Ведь так?

— Почему? Все это не имеет никакого значения. Наверно, нашим было интересно победить, но на самом деле это совсем не важно. Мы не чувствуем боли. Ненависть, горе, страх — все это чуждо для нас. Мы же не люди, я тебе уже говорила. Только внешне... Поэтому нам было все равно. Дневной сезон слишком короток, за ним приходит ночной, и нас всех не станет. Поэтому, мне кажется, война забавляет наших. Я не уверена, что нашла именно то слово, чтобы ты мог понять. Во всяком случае, им интересно. Но ненавидеть? Почему? За что я должна ненавидеть? Раз это всего лишь игра...

— Но люди?! Для них это не было игрой! Наверно, они по-настоящему умирали и обливались кровью, которой у тебя нет! — Он почти кричал.

— Это их дело. Они сами начали войну.

Он замолчал. Чувствовал, что все время натыкается на какую-то стену, тупик, за которым всякое понимание обрывалось и начиналось нечто совершенно чуждое ему, какая-то черная яма. Он даже не заметил, когда она перешла на «ты». Было совершенно бессмысленно возмущаться и что-то доказывать. Человеческая этика не имела ни малейшего значения в ее мире. Она и слова-то для этого подбирала с трудом, чтобы попонятнее ему объяснить. До конца он не сможет в этом разобраться, наверное, но кое-что поймет, когда узнает, с чего все началось и откуда

появились на планете эти человекоподобные существа, так похожие на людей.

— Тебе, наверно, пора?..

— Куда пора?

— Ты же хотел выбраться из города?

Ротанов готов был поклясться, что он ей этого не говорил.

— Сейчас самое время — видишь, солнце почти зашло. Все наши уже на местах, но энергию в подземке еще не выключили, и если хочешь, я покажу тебе дорогу.

— Это тоже игра?

— Я не понимаю.

— Ну, то, что ты решила помочь мне?

— Ты не такой, как остальные люди. Ходишь без пистолета и умеешь не показывать своих чувств. Мне это нравится, но все равно ты, наверно, прав. Игра — самое точное слово. Все, что происходит вокруг, все это игра. Меняются только правила, иногда сами игроки, часто игру ведут сами законы природы, суть от этого не меняется. Так ты идешь?

Она провела его по лестнице на задний двор. Кабина подземки оказалась в соседнем доме. Она набрала под схемой линий комбинацию из нескольких цифр. Он ни о чем не спрашивал, решив полностью положиться на нее. Ему хотелось узнать, какое она выберет направление. Он хорошо понимал, что от этого будет зависеть и то, как ему следует относиться ко всему, что она говорила.

Когда она молчала, ее можно было принять за статую. Не шевелился ни один мускул, даже грудь не приподнималась, словно не дышала. Почему-то он не решался спросить об этом. В кабине опять пахло старым деревом, машинным маслом, пахло чем угодно, только одного запаха он совершенно не ощущал, как и в тот первый раз, — запаха человеческого пота... Духов она тоже, конечно, не употребляла, ей они просто ни к чему. Он почувствовал, что кабина скоро остановится, и начнется, по ее определению, «совсем другая игра». Возможно, он ее больше не увидит. Странно, он не испытывал от этой мысли ни малейшего облегчения, словно ее общество не было ему в тягость, хотя он прекрасно понимал, что это противоестественно, и понимал тех, кто сразу хватался за пистолет, встретившись с таким вот подобием человека. Чем больше человеческого в чужом, тем это страшнее. Уж лучше гигантские жабы с Арктура... Но если иметь в виду только разум, логику, тогда конечно... И еще, пожалуй, едва заметную, хорошо замаскированную печаль... Несмотря на все ее

рассуждения о полном отсутствии всяких чувств, на старательно подчеркнутое равнодушие, а может быть, как раз поэтому...

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени...

— Как это?

— Когда ко мне обращается кто-нибудь из наших, я и так знаю, что он имеет в виду именно меня. А с людьми мне не приходилось общаться. Но ты можешь назвать меня как угодно, сам придумай имя, если оно тебе необходимо.

— Это, пожалуй, лишнее. Мы ведь не увидимся больше? — полуутвердительно спросил он.

— Не знаю. Все зависит от того, как сложится игра, которую вы, люди, называете жизнью. Ну вот, мы уже приехали.

Двери кабины распахнулись, и он увидел рыжеватую пыль. Зеленые подушки леса километрах в трех и широкое пустое пространство вокруг. Определенно они были не в городе. Он сделал шаг к выходу и, видя, что она не двигается, тоже остановился.

— Ты возвращаешься?

— Конечно. Здесь мне нечего делать.

— Если понадобится... я хотел бы знать, как мне найти тебя?

— Это невозможно. Я сама не знаю, где буду находиться завтра. — Она повернулась и нажала кнопку. В последний раз мелькнуло перед ним ее лицо, полузакрытое рассыпавшейся волной волос, потом двери кабины захлопнулись, и он услышал глухой шум включившихся механизмов. Он даже не успел попрощаться и только сейчас, когда она уехала, ничего больше не сказав, понял, насколько это не важно.

Он осмотрелся. Фиолетовое солнце наполовину опустилось за горизонт.

«Слишком долгий день, — подумал Ротанов. — Всего один день, но, пожалуй, слишком долгий...»

5

Далеко на юге горные вершины разорвали зеленую шкуру леса и тянулись вверх, словно клыки огромного зверя.

Между лесом и предгорьями пролегла полоса ничейной земли, и, хотя настоящего фронта не было и никто не объявлял войны, полоса была здесь. В редких зарослях усатых перекрученных растений расположились передовые посты колонии. Если смотреть вниз со склона, оттуда, где начинались первые пещеры, пи-

кетов не было видно. Многолетняя повседневная опасность приучила людей к осторожности.

У выхода одной из пещер стоял высокий седой старик. Ветер развевал его длинные спутанные волосы, играл бородой и полами короткой кожаной куртки. Старик думал о том, как много бесполезных для жизни вещей узнали люди за те годы, пока он медленно старился. Он вспомнил своих родителей, давно уже умерших. Они пересекли бездну, отделявшую звезды друг от друга, чтобы найти здесь новый дом.

«И что же? Мы столкнулись здесь с неведомым... Где-то в глубине души мы считали, что мир создан специально для нас, для нашего удобства, даже далекие звезды... Но это не так, и мы не сразу поняли это. Сожгли за собой все мосты. Когда случилось несчастье, обратного пути уже не было, и нам пришлось принять навязанную битву».

Этот мир со всеми его горестями и ужасами, несмотря ни на что, стал его домом. Ведь он здесь родился и жалел сейчас о том, что с каждым годом пятачок земли, принадлежавшей людям, уменьшался все больше, словно смыкался круг...

Когда он был молод, границы колонии проходили далеко на севере, за лесом, но сейчас дела идут все хуже, и он не знает, где выход. Раньше здесь ничто не обходилось без его участия, но сейчас, хотя звание председателя Совета осталось пока за ним, со всеми вопросами обращались к другому человеку. Он старался не думать об инженере плохо, потому что боялся оказаться несправедливым, и все же невольно укорял его за ненужные схватки, приводившие порой к новым потерям. Если прислушаться, то внизу, из второго яруса, доносится неумолкающий рокот станков, производящих оружие... Оружие — вот и все, что им осталось. Земля о них забыла... Несколько раз, в самом начале, пока еще не были потеряны город, энергостанции и корабельная рация, они пытались послать сигнал... Ответа не было. Инженер говорит, что на Земле хватает своих забот, что они должны рассчитывать только на себя. Но инженер слишком молод, откуда ему знать, какими были те, кто когда-то отправил их сюда завоевывать новые звезды...

Он глянул на часы. Скоро шесть. Совет назначен на семь. Каждый раз перед заседанием с тревогой сжималось сердце, потому что не знал, какой новый неприятный сюрприз ждет его на этот раз. Инженер не пропускал ни одного случая, чтобы укрепить свои позиции, добиться от Совета новых уступок. Зачем ему нужна полная власть? Что он собирается с ней делать? Ускорить

их поражение? У него не было фактов, только чутье старого, много повидавшего человека. «Этого, в сущности, мало, чтобы осуждать того, кто сменит тебя на посту...»

Он медленно брел по тропинке вверх к седловине Совета. Нужно подняться метров пятьсот, и с каждым годом дорога давалась ему труднее, словно склон становился круче, а расстояние длиннее. Здесь, на большой высоте, растительность поредела, но дышалось так же легко, как внизу. Огромная и плотная атмосфера вдоволь насыщена кислородом. Он часто думал о планете как о хлебосольном доме с лесами, богатыми деревом, с реками, полными пресноводных креветок, с воздухом, перенасыщенным кислородом... Словно дом этот ждал хозяев долгие годы и дождался... Приходите, живите с миром... Они пришли в этот дом, сели за стол, забыли только, что дом чужой... Забыли... и дорого заплатили за свою доверчивость.

Кольцо пещер кончилось. Тропинка шла теперь через редкую рощу карликовых кустов, сквозь которые тут и там виднелись беспорядочно разбросанные бревенчатые домики молодоженов. Люди постарше считали пустой тратой времени строить дом на один сезон, до прихода туманов. Да и молодежь все реже могла себе позволить такую роскошь.

Как только тропинка перевалила через выступ, перед глазами открылась знакомая картина. Широкая каменная чаша уступами сбегала вниз, и там, среди живописно выветренных глыб, около холодного родника стояли скамьи Совета. Здесь все дышало суровой простотой первых лет походной жизни, когда победа казалась делом ближайших месяцев, а эпидемия и последовавшая за ней война — всего лишь печальным недоразумением. Старик спустился вниз, к самому ручью. Он пришел сегодня, как всегда, раньше времени, чтобы посидеть одному. Но на скамье уже расположился доктор. Так коротко все звали руководителя научной группы, может быть, потому, что в его обязанности входил и уход за редкими ранеными и немногочисленными больными, число которых с каждым годом все сокращалось. С поля боя этой странной войны редко возвращались раненые.

Доктор был сухопар, желчен и неряшлив, в руках он вертел суковатую палку, которой рисовал на земле перекошенные рожи, но старик знал, что таким он был не всегда, в молодости это был общительный, подающий надежды ученый, но когда из очередной схватки не вернулся его единственный сын, доктор стал вот таким. Не сразу, постепенно. Сначала он пытался потопить отчаяние в работе, в лихорадочных поисках кардинального решения

многочисленных проблем. Но постоянные неудачи добавили еще одну ношу, и постепенно он сдал. А может, так только казалось? Вообще-то доктор странный человек. Иногда он думал, что в нем скрыта натянутая пружина, которая ждет своего часа, чтобы выбросить на волю скрытую силу.

Председатель подошел и сел рядом с доктором. Они не обменялись приветствием, не сказали друг другу ни слова. За долгие годы совместной работы и борьбы молчание говорило им иногда больше слов. Доктор продолжал ковырять своей палкой жесткую, словно сделанную из стальной проволоки щетку короткой травы, а председатель смотрел, как со склонов гор рушится вниз голубой водопад плотного густого воздуха.

Подошли еще трое членов Совета. Заведующие секторами производства, заготовок и охраны. Не было только Филина и инженера. Но Филин редко приходил на заседания. Охотники вели кочевой образ жизни и в промежутках между вылазками скрывались в лесах и болотах, окружавших город. Инженер задержался. Так он делал довольно часто, наверно, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, какое огромное бремя дел и ответственности ему приходилось нести.

Опоздание стало как бы психологической подготовкой, и председатель пожалел, что на заседании не будет Филина. Мнение Филина значило немало. Производственный сектор подчинялся инженеру, недавно инженер добился, чтобы ему передали фактическое управление охраной. Остаются доктор и заведующий заготовками, подчиненный Филину, но в его отсутствие и здесь распоряжался инженер... Три голоса против трех, если Боран, заведующий заготовками, сохранит нейтралитет. Все зависит от того, что инженеру потребуется на этот раз.

Наконец на тропинке появилась знакомая сухопарая фигура. В который раз председатель спросил себя, чем неприятен ему этот человек?

Среднего роста, подвижен и деловит, шрам на левой щеке, темные очки: в одной из схваток ему обожгло лицо, и теперь он их не снимает. Резкие складки около губ придавали лицу инженера неприятное выражение брезгливости. Но ведь не во внешности дело...

Заседание началось спокойно, с обсуждения обычных текущих вопросов. Долго решали, как переправить очередную партию материалов, захваченную охотниками. Как всегда, очень плохо было с транспортом, не хватало людей... И это послужило для

инженера трамплином, с которого он начал свой очередной выпад против научного отдела.

— Сколько у вас человек? — обратился он к доктору.

— Все столько же, как будто вы не знаете? Мы еще не научились создавать гомункулусов.

— Но может быть, вы добились успехов в какой-нибудь другой области? Я хочу знать, чем занимаются ваши люди и почему мы должны кормить бездельников в то время, как...

Спор разгорался, и, не слушая, председатель думал о своем: «Хотел бы я знать, чего он хочет на самом деле. Ведь не председательское же место само по себе? Он человек дела и прекрасно понимает, что колония не продержится долго, что-то тут не так... И каждый раз одно и то же. Он грозит остановкой завода. Как дамоклов меч висит над нами этот завод, и нечего возразить, потому что этот довод неопровержим. Если завод встанет, то колония погибнет, не завтра, не через год или два, а просто немедленно... Нам так и не удалось ни разу создать достаточный резерв боеприпасов и вооружения, но почему? Почему после каждой небольшой передышки все запасы бесследно исчезают?»

Вот и сейчас разговор вертелся вокруг последней стычки в ущелье. Еще минуту назад председатель не собирался ничего предпринимать, но совершенно случайно он знал точное количество израсходованных боеприпасов. «Поймать бы его на прямом обмане хоть раз! Но инженер слишком умен, он вовремя сманеврирует, найдет какое-нибудь объяснение...» Все дело в том, что никто не поверит в злой умысел. Он сам в него не верит. Не может человек желать собственной гибели, а предательство невозможно, потому что синглитов не интересуют предатели, они, наверно, даже не понимают, что это такое. Но куда же все-таки делись боеприпасы?

— Скажите, Келер, были в эти два дня еще какие-нибудь стычки, где вы расходовали дополнительные припасы? Постарайтесь быть предельно точным. Это очень важно, — вдруг сказал председатель.

«Он и сам понимает, что важно... Ну давай же, давай, ловушка расставлена, рано или поздно это должно было случиться, кто же ты на самом деле, инженер Келер?»

— Расходы... Были, конечно, расходы, у меня все записано, точно я не помню.

— Нет уж, пожалуйста, точно. Где, сколько, когда. Все до последнего ящика.

— Хорошо. Я дам вам полный отчет. Но предупреждаю, я не стану терпеть на Совете вместо дела дурацкие подсчеты... Я должен сходить за документами.

Инженер ушел, члены Совета растерянно молчали. Вряд ли кто-нибудь знал, как развернутся дальнейшие события. Воспользовавшись паузой, доктор пересел к председателю. Никто не смотрел в их сторону, многие опустили головы. Все понимали, что через несколько минут произойдет окончание многолетнего поединка между председателем и инженером.

— Если он принесет документы, все пропало.

— Я знаю. Но он их не принесет. Или принесет фальшивые.

— Но это еще хуже, потому что он вернется с охраной.

— Слишком рискованно. Этого ему не простят. Но даже если так, нужно наконец все поставить на свои места. Это первый случай, когда я могу поймать его с поличным.

— Нас не поддержат. У него в руках жизненно важные центры, снабжение, охрана, производство...

— Я часто думаю, как это могло случиться?..

— Что именно?

— Как этому человеку, которого все недолюбливали, удалось сосредоточить в своих руках такую власть?

— Он энергичен, жесток, находчив. В сложных условиях, когда идет схватка, у людей нет выбора, они считают, что подчиняются необходимости...

Члены Совета по одному, по двое покидали свои места, не желая участвовать в том, что должно было произойти через несколько минут. Снизу донесся звук роллера. Было видно, как машина, раскачиваясь на поворотах, стремительно понеслась вниз.

— Инженер уехал!

— Я так и думал, что сейчас он не решится ничего предпринять. Почти все его люди на третьем посту.

— Завтра утром вернется.

— Да, и если Филин не найдется к тому времени, нам несдобровать.

Закончив работу, Анна торопливо шла к выходу по длинному подземному ходу. Сегодня их десятка дежурила в швейной мастерской. Однообразная работа утомила девушку, и она спешила поскорей выбраться на волю, чтобы не потерять драгоценные часы, оставшиеся до захода солнца.

Вместо ламп на низких подземных сводах были развешены светящиеся плоды кустарников. Их желтоватый свет едва осве-

щал пол, зато крупные грани кристаллов в стенах вспыхивали бесчисленными таинственными огнями. Плоды приносили снизу охотники, а ей еще ни разу не удалось побывать ниже охранного яруса. Только через две ступени, когда она сдаст экзамены, ее впервые возьмут в нижний дозор. В колонии не было различий между мужчинами и женщинами, все пользовались одинаковыми правами, и на всех лежали одинаковые обязанности. Но старшие старались уберечь неопытных юнцов от бесчисленных опасностей, которыми грозил Синий лес. Правила были строги, и никто не смел их нарушать. Еще два бесконечно долгих сезона туманов ей придется провести в наглухо замурованных подземельях, постигая сложную военную науку, прежде чем она хоть что-то узнает об огромном и ярком мире, широко раскинувшемся вокруг. А пока ее крохотный мирок ограничивался подземными переходами, площадкой возле пещеры да еще тропинкой к высокогорному озеру, в котором они ловили креветок. Скоро и этого не станет... До сезона туманов осталось не больше двух недель... Уже сейчас с наступлением темноты закрывались все входы. Мощные излучатели и силовая защита прикрывали людей, как панцирь. Все длиннее становились ночи, все короче дни... Через две недели солнце в последний раз выглянет из-за горизонта, и здесь, в южном полушарии, наступит долгая шестимесячная ночь... Сезон туманов.

Узкая тропинка вывела девушку к озеру. Его длинная зеленая чаша лежала перед ней в кольце рыжеватых скал. На их вершинах кое-где появились уже белые проплешины снега. Воздух становился все холоднее. До захода осталось часов пять, у нее было достаточно времени, чтобы наловить креветок и искупаться. Анна хорошо плавала и любила короткие купания в обжигающей ледяной воде.

Девушка отвязала пластмассовую плоскодонку и резко оттолкнулась. У правого берега под самыми скалами виднелось несколько лодок, но ей хотелось побыть одной. За долгие месяцы ночного заточения в тесных подземельях люди научились дорожить короткими часами одиночества. Лодка шла быстро и легко слушалась двухлопастного весла. Она направила ее к завалу в самом конце озера, туда, где начинался Белый каньон. Его назвали Белым не зря; перевалившая через перемычку вода становилась седой от пены на своем стремительном пути вниз. Шум потока заглушал здесь все другие звуки, и нужны были большое искусство и точный расчет, чтобы удержать легкую лодку на той невидимой грани, где сила устремлявшейся через перемычку воды ока-

жется непреодолимой. На сильном течении брали наживку самые крупные креветки. Она швырнула снасть далеко в сторону, резким толчком весла развернула лодку кормой к перемычке и стала выгребать против потока. Течение отнесло снасть к самому порогу, и вскоре она почувствовала первый рывок добычи.

Больше всего креветка походила на толстую колбасу, составленную из находивших друг на друга сегментов. У нее не было ни ног, ни клешней. Только мощный хвост и большая зубастая пасть. Весила такая колбаска не меньше двух килограммов, и стоило немалого труда перетянуть ее через борт одной рукой, одновременно удерживая лодку на месте. Она еще дважды забросила снасть, и вскоре на дне лодки забилась вторая креветка. На третьем забросе снасть зацепилась. Анна ослабила леску и попробовала рывком в сторону освободить крючок — ничего не вышло.

Еще несколько безрезультатных попыток, и пришлось достать нож, чтобы перерезать леску. В лицо ударил резкий порывистый ветер, погода портилась. Рыбалка явно не удалась. С досадой Анна перерубила леску. Несколько сильных взмахов, но лодка осталась почти на месте...

Вначале это ее не встревожило. Девушка ниже пригнулась, чаще заработала веслом. Но через пять минут продвинулась едва ли на метр. Для того чтобы вырваться из стремнины, нужно было пройти по крайней мере метров десять, и она поняла, что сил преодолеть эти десять метров у нее не хватит. В лодке был небольшой, но мощный электрический мотор. Она не любила им пользоваться, предпочитая весла. Но здесь, у перемычки, с течением шутить не стоило. Щелчок тумблера, нос лодки приподнялся, и суденышко рванулось вперед. Но лишь на секунду... Почти сразу гудение сменилось протяжным свистом, потом шипением, и наступила короткая страшная тишина. Лодку несло к завалу... Анна боролась отчаянно, но теперь это было бесполезно. Она потеряла слишком много времени, запуская мотор. Через несколько секунд яркая лодочка, мелькнув в последний раз на гребне перемычки, понеслась вниз вместе с ревущей водой. Почти сразу Анна поняла, что удержать лодку на поверхности не так уж трудно. Нужно лишь держаться подальше от берегов. Здесь не было ни подводных камней, ни перекатов, слишком велика была сила воды, несущейся по дну каньона.

Она не успела как следует испугаться, не осталось на это времени. Все внимание поглощало управление лодкой. Вспомнила, что некоторые охотники пользовались этим путем, когда очень спешили. Внизу русло потока постепенно распрямлялось. Вода

замедляла свое движение, стены ущелья становились не такими крутыми. Если ей удастся удержаться на середине стремнины, не разбить лодку на первых, самых опасных метрах, все еще может обойтись... Она старалась не думать о том, что Белый каньон кончался далеко внизу, в самом центре Синего леса...

Оставшись один, Ротанов определился по солнцу. Возвращаться к кораблю было бессмысленно — там наверняка засада. Теперь у него оставалась только одна дорога, та, которую указал Филин. Сорок километров, конечно, многовато, к тому же скоро наступит ночь, а он ничего не знает об этом лесе... Жаль, у него нет никакого оружия. С ним в чужом лесу чувствуешь себя уверенней. По данным автоматических разведчиков, обследовавших планету задолго до первых поселенцев, здесь не было крупных животных. Но Ротанов не привык полностью доверять отчетам, к тому же таким старым. Чужой лес всегда таит в себе немало опасных неожиданностей.

Вот и здесь с первых шагов начались неприятности, трава подлеска не желала сгибаться под его весом, предпочитала впиваться в подошву. Он представил, каково по такой травке пробежаться босиком. Подлесок почти весь состоял из знакомых «войлочных» кустов, словно связанных из стальной проволоки. Сами же деревья по своей конструкции напоминали земные пальмы. Короткий чешуйчатый ствол и огромные листья, уходящие далеко вверх. Он задрал голову и долго рассматривал эти листья, похожие на крылья летучих мышей, пронизанные фиолетовыми жилками, с полупрозрачной перепонкой. Солнечный свет, просочившись через них, приобретал неестественный фиолетовый оттенок, и, наверно, от этого все вокруг казалось немного ненастоящим, как декорация в театре. Ротанов пожалел, что он выступал не в роли зрителя, потому что хорошо знал, какие «актеры» время от времени появляются на такой сцене.

Проще всего было двигаться сквозь заросли вдоль реки, у берега они всегда реже. Отыскать реку нетрудно при таком обилии влаги. Нужно только определить общий рельеф местности, найти водораздел. Растительность ограничивала обзор. Тогда Ротанов выбрал дерево покрупнее. На чешуйчатый ствол взобраться нетрудно. Интересно, выдержат ли его листья? Он накинул на толстый водянистый черешок пояс и повис на нем всей тяжестью. Лист даже не наклонился. Ну что же, можно попробовать... Хотя чужие деревья иногда выкидывают фокусы, но если соблюдать осторожность... Дерево казалось вполне миролюбивым. Он

поставил ногу на толстую чешуйку ствола, как на ступеньку, и осторожно подтянулся, готовый прыгнуть в сторону. Ничего не случилось. Еще шаг вверх, и новая остановка — все шло благополучно. Минут через пять он добрался до нижнего яруса листьев и только тогда почувствовал запах. Пахло чем-то сладковатым, противным, но запах был несильным. С минуту Ротанов раздумывал, потом полез дальше. Оставалось совсем немного подняться, метра два, и он сможет осмотреться. Запах шел какой-то въедливый, приторный и все время едва заметно менялся. Ротанов не мог с точностью сказать, чем именно пахло, но пахло чем-то определенно знакомым. Может быть, падалью или порохом, а может быть, кровью... У него слегка закружилась голова. Кажется, пора спускаться, но он уже достиг цели, последнее движение — и в широкой развилке между листьями справа блеснула река, совсем близко. Он засек направление и, стараясь не дышать носом, начал спускаться. Проклятое дерево... Запах проникал сквозь стиснутые зубы, просачивался во все поры его тела. Он видел толстые, как нарывы, узлы на листьях, полные желтоватого сока. Запах шел именно от них. Теперь пахло железом. Ржавым железом. Краской. Металлом и порохом. Запахи шли волной друг за другом в строгом порядке, выстраивались в определенную картину. Словно дерево что-то хотело сказать... Чушь... Просто кружится голова, и нужно скорее вниз на землю, осталось совсем немного, метров шесть, но он уже видел: стальная громада тяжело присела на лапах гусениц, распялив свою широкую глотку в синее безоблачное небо. Густо смазанное, ухоженное металлическое чудовище, до отказа набитое кровью и смертью... Около него застыли маленькие человеческие фигурки, они неподвижны, как и вся картина.

Порыв ветра, и стальная громада заколыхалась, разлетелась клочьями... Он висел на одной руке, пальцы закостенели, голова гудела. Рванувшись, преодолел последние метры, спрыгнул и отбежал в сторону. Ноги плохо слушались, голова кружилась, и к горлу подступала тошнота. Несколько минут приходил в себя. Картина была слишком четкой, слишком реальной... Картина, нарисованная запахом? Дерево — художник? Или фотограф? Скорее всего последнее... Для того чтобы изобразить эту неуклюжую штуку, ее надо было увидеть. Старинная реактивная пушка... Вот, значит, что там такое рявкало, над городом... Да у них здесь настоящие боевые действия с применением тяжелой техники... Постой, не могло же дерево видеть, у него нет глаз, или могло? Передача видеоинформации с помощью запахов? Для этого ну-

жен сложный приемник, очень сложный... Такой, например, как человеческий мозг, только тогда это дерево имело смысл, и вряд ли оно возникло в результате простой эволюции... Эволюция никогда не создает ничего бесполезного. Все здесь было сложным, слишком сложным, стоило чуть-чуть глубже проникнуть сквозь то, что лежало на поверхности, с виду совсем простое...

Всего через сорок метров он наткнулся на ржавый искореженный остов реактивной пушки. Судя по толстому слою ржавчины, она стояла здесь не один год, и если бы не картина, увиденная с дерева, он не смог бы даже определить тип этого устройства. Кто-то с ожесточением искромсал ее металлическое тело, разбросал во все стороны листы обшивки, расплавил и согнул направляющие полозья. Но, разглядывая эти ржавые металлические останки, он все еще видел ухоженное металлическое жерло, направленное круто вверх. Похоже, эта планета обладала незаурядной памятью. Кто их поставил, эти деревья, зачем? Он еще раз обошел место давнего боя. Время и влага уничтожили все следы. Лет через десять и этот остов превратится в желтый порошок, его развеет ветер, а дерево будет помнить, хранить в своих пахучих недрах некогда полученную информацию... Для кого?

Он пошел дальше. Теперь до берега оставалось совсем немного.

Огромный золотистый жук жужжал слишком громко. И все время назойливо вертелся почти рядом. Анна пыталась отогнать его камнями, но он не обращал на ее усилия ни малейшего внимания, тупо кружась вокруг ведомой ему одному чересчур близкой от нее цели... Прошло не больше пяти минут, как она выбралась из потока. Ее унесло далеко. Слишком далеко... Она промокла до нитки, и теперь от пронизывающего холодного ветра ее всю колотил озноб. Она стояла у самого берега, рискуя снова свалиться в стремнину и не смея сделать лишнего шага, потому что вплотную к берегу громоздились гигантские, усаженные фиолетовыми листьями деревья... Синий лес... Даже самые опытные охотники не смели нарушать его покой в это время. Нет человеку отсюда возврата. Никто не возвращался из леса ночью, накануне сезона туманов... Значит, не вернется и она. До заката оставалось не больше двух часов...

Она оглянулась. Нос лодки плотно заклинило в расселине. Весло сломалось. Да и сама лодка треснула от последнего удара. Там должна быть сумка... Нужно разжечь костер, обсушиться и хоть немного согреться.

Пропитанные смолистым соком ветви занялись ровным коптящим пламенем. Охотники говорили, что особенно опасен в лесу огонь, но она совершенно закостенела от холода... Теперь жаркое пламя высушит ее одежду... Она чувствовала, как живительное тепло постепенно обволакивает ее, и продолжала подбрасывать сучья. В сумке, кроме сухих лепешек и зажигалки, лежали три ребристых стальных цилиндра. Тяжелые и вполне надежные с виду... Протонные гранаты, ее последняя защита. Она подумала, что держится, в общем, неплохо, почти спокойно готовится к неизбежному, и сразу поняла, отчего это. Она просто не верила, что мир для нее может исчезнуть навсегда, не верила, что последний раз видит сегодня закат солнца. Лес притаился совсем рядом, молчаливый и равнодушный, даже жук улетел, отпугнутый дымом костра. Эти деревья стоят здесь, наверно, не меньше тысячи лет. Они появились задолго до того, как люди прилетели на планету, и будут стоять так же, когда нас не станет. Незваные гости, пришельцы — вот кто мы такие для этого леса. Он ждет своего часа, и теперь уже скоро... Скоро здесь не останется людей, и все вернется на изначальный круг. Почти сразу же ей вспомнились леса далекой Земли. Она видела их только в кино. «Конечно, это только красивая выдумка, про земные леса... Там можно развести костер и сидеть у него ночь напролет, никого не надо бояться...» Она сильнее стиснула в руках свою последнюю защиту — сумку с гранатами — и подбросила в огонь новые ветки. Пламя костра порождало иллюзию безопасности, дальше отодвигало круг постепенно сгущавшейся темноты.

Красноватое зарево, видное за много километров на открытом берегу реки, встало над лесом как вызов. Может быть, лес удивился впервые за тысячу лет наивной дерзости человека? Или леса не способны удивляться ни на одной планете? Во всяком случае, что-то шевельнулось в его глубине, что-то вязкое и бесформенное, похожее на липкий клубок тумана, дернулось и опало, запутавшись в цепких руках кустов, рванулось раз, другой и снова бессильно опустилось на колючую подушку травы, растеклось по ней, мелкими ручейками просочилось вниз до самой земли и медленно, неотвратимо поползло туда, где горел огонь.

Второй час Ротанов шел вдоль берега. Иногда заросли непроходимой стеной подступали к самой воде, и тогда ему приходилось делать далекие обходы, но, в общем, двигаться вдоль реки стало легче. Река постоянно петляла. Какое-то время она сохраняла общее направление на юг, потом резко свернула в сторону.

Ротанов по-прежнему шел вдоль берега, надеясь, что река вновь изменит направление. Но этого не случилось, и он уже совсем было собрался покинуть реку, когда заметил на листьях дальних деревьев красноватые блики, похожие на отблески костра... Он прошел еще немного, осторожно раздвинул колючие кусты и увидел сидящую у огня девушку. «Почти идиллия. Такой мирный, земной пейзаж. Не меня ли она тут поджидает?» После встречи в городе он уже ничему не удивлялся. Если она ждет его, то прятаться тем более глупо... Ротанов медленно вышел на открытое место. Она сразу же вскочила и прижала к груди маленький черный шарик.

— Не подходите!

Он остановился. Смотрел на ее побелевшие пальцы, стиснувшие черный цилиндр.

— У вас тут так принято? Всех встречать оружием? Отпустите чеку! — почти зло крикнул Ротанов, и она послушалась.

Может быть, на нее подействовали усталость и злость в его голосе. Он даже не пытался выяснить, какого дьявола она тут делает одна у этого костра, посреди замерзшего перед закатом леса. Ему начинали надоедать все эти штучки, все эти девицы, похожие на роботов, с человеческой кожей, под которой не было плоти...

Он прошел прямо к костру, присел на корточки и протянул к огню озябшие руки. По крайней мере огонь настоящий, без подделки. Краем глаза он заметил, что она попятилась при его приближении, и рука ее вновь напряглась, потянулась к цилиндру.

— Не делайте глупостей. Вас же не за тем сюда послали, чтобы устраивать взрывы.

Наконец он оторвал взгляд от огня и посмотрел ей прямо в лицо. Его просто обдало волной ужаса, который исходил от ее побелевших губ и расширенных застывших глаз. Те, кого он встречал в городе, не проявляли подобных эмоций, разве что Филин... Вдруг его взяло сомнение.

— До сих пор меня еще никто здесь не боялся...

— Ну, чего вы ждете?! — вдруг крикнула она. — Только у вас ничего не выйдет! Это протонная граната, и я выдерну чеку прежде...

— У вас тут все посходили с ума. Давно. Сумасшедший дом, а не планета. Что у вас с ногой? — Его вопрос слегка сбил ее с толку, он именно этого и добивался. Прежде всего нужно было разрядить обстановку, от страха она и в самом деле в любую секунду могла сорвать чеку.

— Это... Это не важно, царапина, какое это имеет...

— Имеет. Кровь? Ну конечно... Мне надо было сразу догадаться, чего вы так боитесь. Вот смотрите.

Он встал и показал ей руку, которой только что раздвигал кусты. На коже отчетливо проступали следы свежих царапин. Ее глаза потемнели, безвольно опустились и разжались руки. Граната выпала и покатилась по песку.

— Но этого не может быть... Я всех знаю, всех наших, их не так уж много...

— Меня вы не знаете потому, что я прилетел совсем недавно.

— Прилетели?! Откуда?

Он услышал, что ее голос прерывается от волнения, от желания поверить в чудо. Сейчас только чудо и могло ее спасти.

И тогда, усмехнувшись, он просвистел мотив старой песенки о зеленой планете, которая была когда-то своеобразным гимном тех, кто улетел завоевывать новые звезды. Она резко отрицательно замотала головой, и он заметил, как у нее на глазах проступили слезы.

— Не надо! Этого не может быть! Не может!

— Ну вот наконец-то меня встретили как надо. Девушки всегда плачут, когда прилетает корабль с Земли, только они плачут от радости...

И вдруг она ему поверила, поверила потому, что, лишенные всего, забитые, загнанные, все еще не сложившие оружия, но почти потерявшие надежду, они мечтали об этом корабле, ждали его, искали вечерами маленькую огненную точку, прокладывающую среди звезд свой собственный маршрут... И сейчас наступила реакция. Анна почувствовала, как слезы хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Ну, ну, полно... Расскажите лучше, как вы здесь очутились.

— Я сейчас, подождите... — Она всхлипнула еще раза два, отвернулась, вытерла лицо. И вдруг резко, без всякого перехода спросила: — Постойте! А где ваш корабль, почему вы один?

— Корабль? Корабль далеко. Его захватили те, из города. Я прилетел один.

— А оружие, скафандр? Впрочем, скафандр не поможет... Вы же ничего не знаете!

В голосе ее звучала тревога, невольно передавшаяся Ротанову. Теперь она была по-деловому сосредоточенна, готова встретить опасность лицом к лицу, как умели они все, дети этого жестокого мира.

— Потушите костер, скорее... Возьмите гранату, ту, на песке. Вы знаете, как с ней обращаться?

— Может, вы сначала объясните, в чем дело?

— Потом. В сумке есть карта, как я сразу не догадалась... Ведь третий пост совсем близко, километров десять. Туда еще можно добраться. Самое трудное — переправиться: нужен плот, потому что от моей лодки почти ничего не осталось.

— Объясните наконец, что вы задумали, зачем нам плот?

— Наша база далеко, там, в горах. — Она махнула рукой в сторону далеких вершин, уже скрытых синевой сумерек. — Меня унесло потоком. Но здесь поблизости есть временная база охотников, мы зовем ее третьим постом, да не стойте же! Ищите дерево для плота!

Древесина была легкой, как пробка, оказалось достаточно всего двух бревен. Прежде чем оттолкнуть плот, она внимательно осмотрелась.

— Приготовьте гранату, но кидайте, только если я скажу. Если что-нибудь случится, вот здесь в сумке карта и компас, азимут я отметила. Через десять километров вы увидите отдельно стоящую скалу, в ней пещера охотников. Будьте осторожны при подходе к пещере. Ночью они стреляют во все, что движется. Вы должны дойти, слышите? Должны!

— Успокойтесь. Мы вместе дойдем.

Он почувствовал, как ее горячая шершавая ладонь сжала ему руку и тут же отпустила.

— Ну а теперь вперед. И молчите! Мне нужно слышать малейший шорох. Иногда их выдает шум...

Она резко оттолкнулась шестом, и течение сразу же подхватило плот. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и заря почти сразу поблекла. Чуть слышно журчала вода под ногами. Ротанов молчал и думал о том, как много мужества нужно людям на этой планете для того, чтобы остаться людьми...

Плот словно растворился в сумерках. Берегов не было видно, река текла бесшумно и плавно, казалось, они никуда не движутся. Плот продирался сквозь плотную серую вату, в которую превратилось окружающее пространство. Но вот резкий толчок едва не сбросил их в воду, и сразу же Ротанов увидел противоположный берег в двух шагах от себя. Девушка спрыгнула и ждала его, повернувшись лицом к реке. Сзади послышалось резкое шипение, словно кто-то стравливал пар под высоким давлением. Ротанов резко повернулся, но ничего не увидел, кроме плывущего над рекой плотного тумана. Но, наверное, все-таки там что-то было, потому что Анна широко размахнулась и бросила в реку гранату. Ослепительный синий протуберанец взметнулся вверх,

и стало светло как днем. Но и тогда Ротанов ничего не увидел. Он все еще стоял на плоту. В разные стороны летели разорванные взрывом клочья тумана, клубился пар, и это было все. Горячая волна воздуха толкнула его в грудь. Толчок был гораздо слабее, чем он ожидал после такого взрыва.

— Да прыгайте же наконец! — крикнула Анна, и он почти сразу очутился на берегу рядом с ней.

— По-моему, ничего не было. Зря израсходовали гранату.

— Скорее. Теперь они нас догонят.

Минут тридцать они молча с ожесточением продирались через колючие заросли. Ротанов чувствовал, что задыхается. Все его силы уходили только на то, чтобы не отстать от нее, а ведь он шел вторым... Он уже хотел попросить ее идти потише, наплевав на мужское самолюбие, но, к счастью, заросли расступились, выпустив их на небольшую поляну.

Анна обернулась, и в эту секунду он перестал ее видеть, потому что глаза закрыла мутная завеса. Впечатление было такое, словно ему на голову опрокинули ведро с молоком. Он услышал, как вскрикнула девушка, рванулся к ней, но не смог двинуться с места. Руки и ноги слушались, но каждое движение стоило огромных усилий, словно на него надели плотный мешок из резины. Он не знал, удалось ли ему продвинуться хоть на метр, потому что больше ничего не слышал и не видел. Потом в ушах раздались ритмичные глухие удары, словно включили метроном, сдавило виски. Но пока он еще контролировал все свои движения, а в ушах просто стучала от напряжения кровь.

Он вновь изо всех сил рванулся, стараясь вырваться из этой непонятной вязкой массы, облепившей все его тело. Ее плотность и давление все время менялись. Она вся пульсировала и то поддавалась его усилиям, то будто застывала в сплошной монолит, и тогда он не мог шевельнуться. Он не знал, сколько времени это продолжалось — минуту или час. Но после очередной попытки освободиться заметил, что пелена вокруг глаз редеет, и почти сразу увидел звездное небо. Что-то беловатое, похожее на клубы пара стекало с его плеч на землю, растекалось по ней плотным слоем метровой высоты и уползало прочь. Анны нигде не было видно. Он вспомнил про гранату, которую она ему дала. Последние хвосты белесой дряни уползали с поляны в заросли кустов. Он метнул им вслед гранату. На несколько секунд стало светло.

Девушка лежала посреди поляны, неловко подогнув руку. Пульс прослушивался очень слабо, а лицо в отблесках догораю-

щих кустов показалось ему смертельно бледным. Ротанов беспомощно шарил по карманам, заранее зная, что аптечки с ним нет. Он подхватил ее на руки, почти автоматически отметил по звездам нужное направление и пошел вперед.

6

Из города Филин выбрался подозрительно легко, и это его не радовало, потому что после такой упорной уличной схватки так просто его не могли выпустить, и, значит, что-то готовилось. До сих пор синглиты не решались преследовать их дальше окраины. Они были мастерами по части неожиданностей и сюрпризов.

Взять хоть историю с пилотом, как ловко они организовали засаду... Даже он со всем своим опытом не заметил сразу, и они сумели отрезать пилота и почти наверняка захватили. Теперь придется его выручать. Будь это пораньше, задача не была бы такой трудной. Летом подавляющий перевес в уличных схватках сохранялся за ними. Другое дело сейчас, накануне сезона туманов, когда ночью из пещер носа не высунешь. Он не стал долго над этим раздумывать, потому что практические задачи привык решать по ходу дела, действием, а не сложными рассуждениями. Знал, что, как только доберется до своих и вернется в город с отрядом, пилота они выручат.

Рыжеватая пыль под ногами сменилась россыпью гладких полупрозрачных камней. В вечерних лучах солнца они были красивы. Бесчисленные цветные зайчики прыгали по полированной поверхности словно подсвеченных изнутри камней. Он терпеть не мог этого места, скользкие камни разъезжались при каждом шаге, и нужна была недюжинная ловкость, чтобы пройти здесь.

Теперь уже скоро должен был показаться четвертый пост. Россыпь кончилась, он стал продираться сквозь кустарники, окружавшие уже самый пост. Такие посты опоясывали весь город радиусом в десять километров и служили опорной базой для дневных операций. На ночь людей там не оставалось. Четвертый пост поставили совсем недавно, за два дня до его последней вылазки в город. Им еще не пользовались, а Филин всегда предпочитал выбирать для возвращения такие вот резервные, наверняка неизвестные синглитам посты.

Долгие годы войны научили его осторожности.

Пост представлял собой маленькую бревенчатую хижину в глубине леса. Там должны были дежурить три человека. Всех он

не помнил. Только старшего назначал сам, и это был Гэй, молодой парень, которому Филин втайне симпатизировал, хотя и не подавал вида, так как считал всякие сантименты между мужчинами не только излишними, но и вредными для бойца. Хижина показалась среди зарослей, и он предвкушал уже вкусный обед, короткий отдых и откровенную радость Гэя, которую так и не научил его скрывать.

Однако пора часовому обратить на него внимание. Филин нарочно шел, шумно ломая ветки, чтобы часовой заметил его издали. Пятьдесят метров, сорок... Фил остановился. Что-то не так. Цепким внимательным взглядом он окинул пространство вокруг хижины, отметил про себя полную неподвижность окрестных зарослей, приоткрытую дверь, консервные банки, валявшиеся около самого порога. Гэй никогда не оставил бы здесь банок. Никто из них не оставил бы... Слишком они заметны. Филин медленно и бесшумно опустился в траву, растворился в ней, исчез. Теперь его нельзя было заметить даже в метре от того места, где он лежал. Сине-зеленая пятнистая куртка, такая нелепая в городе, здесь совершенно сливалась с окружающей растительностью.

Прошел час. Казалось, ни в хижине, ни в ее окрестностях нет ни одного живого существа, но Филин уже знал, что это не так. Золотистый навозник, жук величиной с добрую курицу, никак не хотел улетать от кустов, в трех метрах правее хижины. Он то и дело садился на эти кусты, взлетал, описывал короткие круги и садился снова. Там было для него что-то привлекательное. И нетрудно было представить себе, что это такое... Сжав кулаки так, что побелели кисти рук, Филин медленно пополз среди зарослей. Он оставил хижину далеко в стороне и подполз к месту, где сидел жук, с противоположной стороны. Гэй лежал в траве ничком, прикрыв голову руками. Как всегда, на теле не было ни малейшей ранки. Полный упадок сил, потом шок. Они выкачали из него все, что недавно было Гэем, осталась только эта непонадобившаяся оболочка... Какое-то время жизнь еще теплилась в ней. Сейчас тело было уже мертво, а сам Гэй умер гораздо раньше...

Горечь и боль заставили его забыть об осторожности. Он дважды выстрелил в навозника из теплового излучателя. Яркие вспышки были заметны с большого расстояния, но ему стало все равно. Взяв на руки тело юноши, он вошел в хижину. Никого. Повсюду валялись разбросанные вещи, переломанная мебель. Он беспомощно огляделся — Гэя некуда было положить. От стола ничего не осталось. В конце концов он положил его прямо на пол и

долго стоял рядом. Рано или поздно он сам будет лежать точно так же, и хорошо, если кто-то из товарищей сможет с ним проститься. Они редко находили тела погибших в этой борьбе, конца которой не видно.

Постепенно Филин стал выбираться из своей непролазной горечи, потому что мысли непроизвольно все время цеплялись за что-то важное, за что-то такое, о чем он не имел права забывать... Пост, ну конечно, пост. О нем никто не знал, почти никто. Случайно наткнулись? Нет. Это исключено. Для того чтобы захватить пост врасплох, надо знать, где его искать, нужны точные сведения о том, когда именно бывают здесь люди, потому что делать засаду в самом посту бесполезно и опасно. Там оставались мины, ловушки, приборы обнаружения, и они это знали... Кроме всего прочего, для того чтобы захватить людей живыми, а они всегда стремились только к этому, потому что убитые в схватке теряли для этих проклятых пауков всякую ценность, так вот, для того чтобы захватить их живыми, нужно было знать точные места, в которых выставляются наряды. А об этом, кроме него и тех, кто стоял в этих самых нарядах, знали еще только два человека...

За последнее время все чаще стали погибать их передовые посты. Слишком часто появлялись засады и ловушки именно там, где должны были пройти люди. Слишком часто. Об этом он подумает потом. Когда похоронит Гэя и догонит тех, кто побывал здесь сутки назад. Вряд ли они ушли далеко. Для такой операции им нужно было тащить с собой много барахла. Ему придется действовать вдвойне осторожней, база должна получить известия о пилоте во что бы то ни стало. Он знал, что не имеет права рисковать, и ничего не мог с собой поделать, не будет ему покоя, пока те, кто убил Гэя, ходят по этому лесу.

Трижды он обошел хижину и нашел след. Они не особенно прятались. Кажется, они совсем перестали бояться. Значит, знали, что сюда в ближайшую неделю никто не придет. Он и сам выбрал этот пост в последний момент перед возвращением. Проложенная в кустах тропинка уходила к югу, но ему ничего не стоило находить след даже потом, когда тропинка исчезла.

Он нагнал отряд синглитов незадолго до заката. Времени оставалось в обрез. Двенадцать сгорбленных фигур с тяжелыми заплечными мешками пробирались через заросли. Их было слышно метров за двести. Те, что шли впереди, несли тяжелое реактивное ружье и куб электронного искателя. Нужно было кончить все сразу, одним ударом, потому что, если они уцелеют до темноты, ему несдобровать. Он достал излучатель, опустил предохранитель до от-

метки максимальной мощности и ударил по ним сзади расширенным до предела лучом. Но он немного опоздал. Тот, что шел впереди с искателем, уже издал предостерегающий крик. И прежде чем он успел опустить излучатель на нужный угол, шестеро или семеро из них лежали в траве. Он срезал четверых, но тех, кто лежал на земле, луч не достал — мешали мокрые плотные кусты. Он ничего не мог сделать. Пришлось отступить. И теперь они сами оказались у него за спиной. В искателе наверняка была кассета с образцом его запаха. Они знали, кто на них напал, и могли следить за всеми его маневрами. Ситуация сразу стала для него чрезвычайно опасной. Теперь это походило на поединок зрячих со слепым. Они могли контролировать каждый его шаг на расстоянии не менее ста метров, он же в быстро сгущавшихся сумерках терял последние возможности ориентироваться и вынужден был прекратить преследование, свернуть к базе, времени уже не оставалось, вот-вот должны были появиться люссы...

Он нырнул в узкую ложбинку, переходившую в глубокий овраг, и побежал по его дну, стараясь оторваться от преследователей. Но овраг вскоре кончился, и, прежде чем подняться на его верх, он замер, прислушиваясь. Справа от него, на краю склона, слышался какой-то шорох. Значит, они догадались, опередили, и он проиграл еще одно очко в этом поединке, может быть, последнее... Теперь ему придется подниматься под их выстрелами, и, если он промедлит еще хотя бы секунду, они его накроют прямо здесь. Он рванулся вверх по левому склону. «Только бы успеть выбраться из этого проклятого оврага, прежде чем они начнут стрелять!» Но он не успел. Первый выстрел настиг его метрах в трех от края. Снаряд реактивного ружья ударил чуть ниже, и волной его подбросило почти до самого верха. К счастью, он не потерял сознание от этого удара. Одним прыжком он выбрался из оврага и сразу упал.

Оставляя за собой длинный шлейф дыма, над головой с воем пронесся снаряд и ударил в деревья где-то в стороне. Теперь его не достать. Теперь им самим придется сначала перебраться через овраг, и они, конечно, не такие дураки, чтобы лезть напролом под его выстрелы. Значит, пойдут в обход.

Он прикинул, что минут пять у него есть в запасе, и расстегнул куртку. Вся правая сторона предплечья превратилась в багровый синяк. Боль от последнего удара только сейчас навалилась на него со всей силой. Он пошарил в своей видавшей виды котомке, достал с самого дна тряпичный узелок с корнем красаны, смешал сухой порошок с горстью воды из фляги и тщательно растер ушибленное

место. Боль стала отступать. Красана действовала почти мгновенно, без нее не выходил в путь ни один охотник.

Теперь нужно было что-то придумать, найти какой-то выход за те немногие оставшиеся у него минуты. Если он этого не сделает, если и дальше будет действовать вслепую, с ним очень скоро покончат — не они, так люссы... Времени у него нет, в этом все дело. Поздно он ввязался в драку, перед самым закатом... И еще этот искатель с его запахом... Он не ускользнет от них, не сумеет затаиться, спрятаться, придется принимать последний бой. Не зря он ждал какой-нибудь пакости, когда так легко ушел из города. У них была кассета, и откуда-то они узнали о его намерениях. Разгромленный пост был хорошей приманкой. Похоже, он попался на этот раз. Не помог весь его опыт.

Он осторожно приподнялся, осмотрелся, стараясь угадать, с какой стороны они подойдут. Боли не было, но зато он чувствовал слабость. В ушах звенело и подступала тошнота, контузия не прошла даром. Наверно, из-за этого звона он не услышал шума за своей спиной. И когда из кустов на него бросился первый из них, было уже поздно. Его-то он отшвырнул, сбросил с себя, но они все были здесь, подошли раньше, чем он ждал, и теперь на него смотрели со всех сторон ощерившиеся, короткие стволы лучеметов.

Терять было нечего. Единственно, что ему осталось, спровоцировать их на стрельбу, чтобы его не взяли живым, как Гэя. Он прыгнул в сторону, упал и покатился в кусты, каждую секунду ожидая жгущего последнего удара лучемета. Но они не стали стрелять, его расчет не оправдался. На него набросили веревочную сеть и затянули концы. «Все у них предусмотрено. Выходят как на зверей». Он рванулся пару раз, увидел перед лицом терсиловое волокно сети, которое не поддавалось даже автогену, расслабился и закрыл глаза: «Ну все. Недалеко я от тебя ушел, Гэй. Вот и мой черед настал».

Каждый вечер из лесу выплывали густые облака тумана. Наступало их время пока только ночью. Позже, когда повысится влажность воздуха, понизится температура и наступит непрерывная шестимесячная зимняя ночь, они станут безраздельными хозяевами планеты. А сейчас, пока сезон туманов полностью не вступил в свои права, им хватало и ночи.

Слоистые полотнища то расползались по земле, то сливались друг с другом. Издали они напоминали огромную голодную амебу, протянувшую во все стороны щупальца своих ложноножек. Знако-

мый запах давно не давал ей покоя. Он был где-то здесь, совсем близко. Из каждой щели одиноко стоявшей на опушке леса скалы сочился запах людей. Амеба окутала своим телом всю скалу снизу доверху. Она искала малейшую щель и в конце концов нашла ее. Входная дверь закрывалась недостаточно плотно. Но люди приняли здесь дополнительные меры предосторожности. В тамбуре нежное парообразное тело наткнулось на безжалостный поток нейтронов, мгновенно уничтоживший миллиарды живых частиц, проникших в пещеру. Амеба дернулась от нестерпимой боли, на несколько секунд ее тело потеряло устойчивость, расползалось на отдельные, разбегавшиеся в разные стороны клочья, но вот словно неслышный приказ одновременно остановил их движение. Медленно, точно нехотя, клочья поползли обратно, влились в основную массу тумана, окружавшего скалу. Часа три туман оставался совершенно неподвижным и теперь уже ничем не напоминал живое существо. Необычным было лишь само расположение плотного сгустка, равномерным слоем покрывшего всю скалу от подножия до вершины. Внутри скалы в небольшой пещере на двух десятках квадратных метров пространства, отвоеванных у каменной тверди, спали вповалку человек двадцать.

Двое дежурных, сидевших за столом у входа напротив распределительного щита генератора нейтронов, сразу же заметили скачок мощности, но не увидели в этом ничего необычного. Нападение повторялось каждую ночь. Проникнуть в скалу снаружи, пока работал генератор, было невозможно. Обязанность дежурных как раз и состояла в том, чтобы следить за его бесперебойной работой. Они хорошо знали, что после неудачной попытки прорваться противник будет ждать до утра. Раньше, когда у них была лишняя энергия, люди могли позволить себе ответную атаку. Сейчас они вынуждены ждать наступления утра, когда солнце загонит люссов обратно в их норы.

Оба дежурных обменялись взглядами и поудобнее устроились у своих пультов. Ночь едва наступила, до рассвета не меньше шестнадцати часов, а эта липкая мразь, что растеклась сейчас по поверхности скалы, будет ждать всю ночь, и все последующие, ждать бесконечно долго и терпеливо, раз за разом повторяя свои бесполезные на первый взгляд попытки, но это только на первый взгляд, потому что рано или поздно что-нибудь да случится... Откажет какой-нибудь блок генератора, замешкается дежурный, не хватит энергии в накопителях...

— Может, разбудить инженера? Длительная атака сегодня, хорошо бы врезать этой гадине...

— Он все равно не позволит.

— Зачем вообще он приехал?

— А кто его знает... Он мне не докладывает, но только я слышал, будем возвращаться на основную базу.

— Что-то рано в этом году, синглиты перекроют дороги.

— Что ему синглиты, у него свои планы... Ему ни своих, ни чужих не жалко.

— Да... Совсем ожесточился человек. Филина бы дождаться, он нас в обиду не даст.

Сигнальная лампа на щите ярко вспыхнула и не желала гаснуть. Это означало, что генератор непрерывно забирает из накопителей всю мощность, превращая ее в жесткое излучение. Обычно хватало секундного укола излучения, но на этот раз, не успев погаснуть, лампа вспыхнула снова. Сомнений не оставалось: снаружи происходило что-то из ряда вон выходящее. Оба, не сговариваясь, вскочили со своих мест, включили сирену и бросились к выходу.

Узкий проход сворачивал почти под прямым углом, за поворотом в темное жерло пещеры по направлению к выходу смотрели раструбы резервных излучателей. Стены пещеры еще не остыли от теплового удара и светились в темноте вишневым светом. Узкое ответвление от основного хода заканчивалось небольшой кабиной. Здесь располагалась аппаратура наружного наблюдения. Ее специально вынесли подальше. Провода локаторных антенн и трубы перископов ослабляли естественную защиту скалы, здесь опасность прорыва была особенно велика, и потому сразу же за поворотом располагался третий, резервный, ярус излучателей, который в случае прорыва включится автоматически и отрежет им обратный путь. Но сейчас они не думали об этом. Оба бросились к приборам.

На экранах локаторов плясали одни помехи. Это означало, что люсс полностью экранировал своим телом антенну. На самой вершине скалы были установлены оптический перископ, прожектор и дополнительный излучатель. Им пришлось воспользоваться всей этой аппаратурой, и только через минуту, когда пространство вокруг перископа очистилось, стали видны контуры окружающих предметов. Они не успели включить прожектор, надобность в нем неожиданно отпала: ослепительная вспышка у самого подножия скалы вспорола ночь. Пламя поднялось вверх широким голубым протуберанцем, и в его расширяющемся свете их глазам предстала невиданная доселе картина.

Из ночного леса выходил человек... Он шел медленно, сгибаясь под тяжестью второго, которого нес на руках. В первую ми-

нуту они приняли его за синглита. Но синглиты не ходят ночью. Впрочем, и люди тоже...

Атака возникла сама собой, стихийно. Никто не ждал команды. Люди словно вознаграждали себя за долгие ночи бездействия.

От входа до самого подножия скалы пролегла огненная река, выжженная в тумане тепловыми излучателями. В эту ночь не жалели энергии.

Тропинка, ведущая к пещере по уступу скалы, так раскалилась, что ее пришлось охлаждать водой. От входа до самого низа протянули энергетическую арочную защиту.

Минут через пятнадцать после взрыва последней гранаты Ротанов увидел вокруг себя смутные, в облаках пара силуэты людей. Со всех сторон к нему протянулись руки, помогая преодолеть последние метры до защитного коридора.

7

Комната, куда его ввели, походила на рубку корабля. Небольшая каменная ниша, вырубленная в скале, была сплошь забита аппаратами контроля и наружного наблюдения. Здесь едва умещался крохотный рабочий стол. Человек, вставший ему навстречу, был одет в просторную кожаную куртку. Из-под нее выглядывала парусиновая рубаха очень грубой выделки, несомненно, местного производства. Усталому лицу придавали угрюмое выражение розовые пятна от недавних ожогов. Еще больше усиливали неприятное впечатление черные очки. Словно понимая это, он сразу их снял и протянул руку. Ротанов задержал его ладонь чуть дольше, чем нужно. Приятно было почувствовать живое человеческое тепло этой руки. Теперь, когда очков не было, лицо инженера, казалось, осунулось еще больше. Вместо бровей виднелась запекшаяся корочка недавних шрамов, но воспаленные глаза смотрели зорко и холодно.

— Келер. Инженер и руководитель боевых групп.

Возникла пауза. Инженер, очевидно, ждал, что Ротанов представится по всей форме, и тот невольно усмехнулся. Он терпеть не мог официальных процедур и еще с Арктура усвоил, что их обилие, особенно в начале знакомства с местными руководителями, как правило, ничего хорошего не обещает.

— Ротанов. Пилот корабля «И-2».

— Мы получили сведения о вашей посадке. С вами был кто-нибудь еще?

— Нет.

Возникла новая пауза.

— В таком случае вы, очевидно, не только пилот?

— Если для вас это так важно, то я еще и инспектор Главного управления внеземных поселений.

— С этого нужно было начинать. Нельзя ли познакомиться с вашими официальными документами?

— Вот так сразу начнем с документов?

— Поймите меня правильно. Хотя, конечно... Вам это кажется странным. Эта планета преподносит нам слишком много дорогостоящих сюрпризов, здесь бывают и неприятные загадки. Короче говоря, я хотел бы знать, с кем говорю, прежде чем начать беседу.

— А знаете, я здесь новичок и у меня больше оснований опасаться неожиданных сюрпризов после всего, что я видел в городе. И тем не менее мне в голову не пришло подозревать в вашем лице подделку. По-моему, такую подделку, если заранее знать, в чем она состоит, не так уж трудно обнаружить. Так что давайте расставим все знаки препинания. Не нужно делать вид, что вы принимаете меня за кого-то другого, за синглита, например.

— Да, вы правы, но есть одно обстоятельство, которое заставляет быть меня осторожным.

— Можно узнать, что именно?

— Конечно. Дело в том, что еще ни один человек не мог ночью пройти через лес. Нас попросту загнали в щели. — Он обвел рукой тесное пространство рубки, словно приглашая Ротанова убедиться в своей правоте. — А вы свободно разгуливаете по лесу ночью, накануне сезона туманов. Исходя из нашего опыта, вас уже не может быть в живых. Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю... И что же, за все эти годы ни одного случая иммунитета? Никто не смог справиться с нападением этого... Кстати, как вы его называете?

В ответ на его первый вопрос инженер только отрицательно покачал головой.

— Эти существа, хотя мы еще не вполне уверены, что это живые существа, короче говоря, эти образования зовут у нас люссами. Но вы мне не ответили...

— Мне трудно ответить, потому что я сам не знаю, в чем тут дело. Нападение было, и оно оказалось неэффективным. Поскольку ни зубов, ни когтей не было...

— Зубы! Да если бы у них были зубы... Ну ладно. Давайте ваши документы.

Ротанов протянул ему небольшой пластиковый квадрат со сложной системой выдавленных на нем знаков. Инженер повертел его в руках и нахмурился.

— Это все?

— Ах да, простите... Я забыл, сколько лет у вас не было связи с Землей. Это личная карточка, ее нужно вставить в ваш компьютер с идентификационной приставкой. Подделка абсолютно исключается.

Инженер криво усмехнулся.

— Действительно, так просто. Только у нас тут нет подходящего компьютера. Или вы его захватили с собой?

Ротанову не понравилась его ирония. Вообще весь разговор складывался неудачно, все время вертелся вокруг второстепенных деталей. Но он больше не мог действовать вслепую, пора было установить, что произошло на планете. Вообще ему надоели загадки, слишком их было много для одного дня.

— Есть и другая документация, — сухо проговорил он, протягивая инженеру листок элана со светящимися старинными буквами и печатью Всемирного Совета. — Специально для таких вот случаев.

Инженер долго изучал бумагу, и Ротанов терпеливо ждал. Наконец отложил бумагу в сторону и смотрел теперь задумчиво, как бы сквозь Ротанова. Казалось, он вообще забыл о нем.

— Где же вы были раньше?

Этот вопрос он уже слышал сегодня от Филина и отвечать на него вторично не собирался. Вообще решил, что настала пора ему самому задать некоторые вопросы.

— Что произошло на планете?

Но инженер словно и не слышал его.

— За все эти годы... Две сотни лет... Ни одного корабля, ни одного сообщения, и вдруг к нам присылают инспектора... Вы не находите, что это странно?

— Нет, не нахожу. Как только это стало возможным, Земля сразу же выслала корабль. Хотя считалось, что колония погибла, что ее попросту не существует. И я попрошу вас наконец ответить на мои вопросы. Когда вы впервые столкнулись с люссами? Как все это началось и почему? Откуда появились синглиты и что они собой представляют?

— Слишком много вопросов и все непростые... Я попробую вам ответить, хотя и сомневаюсь, что вы правильно все поймете. Для того чтобы верно оценить или хотя бы иметь возможность

объективно судить обо всем, нужно было здесь родиться, на этой планете. Но я все же попробую.

Он откинулся, усталым жестом протер свои темные очки и тут же отложил их в сторону. Было видно, что ему нелегко начать, и Ротанов терпеливо ждал, думая о том, что в своей первоначальной неприязни к чужаку все колонисты примерно одинаковы.

— Внешне все выглядит довольно просто. Лет пятьдесят назад... Нет, немного больше, шестьдесят или семьдесят — никто не устанавливал точной даты и никто не знает, когда это случилось впервые, стали исчезать люди. Планета считалась абсолютно безопасной, абсолютно надежной. То есть что значит считалась? Мы были просто уверены в этом, потому что на протяжении почти ста лет ничто не мешало свободному развитию колонии. Мы довольно подробно ознакомились за эти годы с флорой и фауной. Фауна здесь небогата, крупных животных на суше нет, только насекомые. О том, что существует еще один вид, мы тогда не подозревали. И немудрено. Если ночью в лесу появляется туман, вряд ли кому-нибудь придет в голову принимать его за живое опасное существо. — Он устало потянулся, достал очки, снова протер их и надел. Ротанов был ему за это признателен, потому что все время непроизвольно отводил взгляд, чтобы не видеть его изуродованного лица. — Так вот, примерно в это время, около шестидесяти лет назад, стали исчезать люди... Вначале все объясняли несчастными случаями, искали и не находили. Не так уж это часто случалось вначале...

— Подождите! Получается, вы тогда еще ни разу не встречались с синглитами?

— А вы не спешите. Дойдем и до синглитов. В то время их на планете просто не было. А те, кому пришлось встретиться с этой дрянью, уже ничего не могли рассказать. — Он неприятно усмехнулся и снова надолго замолчал.

Темные стекла очков холодно мерцали, отражая свет неоновых трубок, кое-как закрепленных на потолке. Ротанов был уверен, что глаза, притаившиеся за этими очками, все еще продолжают недоверчиво ощупывать и оценивать его. «Кажется, он меня просто боится, — подумал Ротанов, — вот только не пойму почему? Нападение люсса и мое спасение здесь наверняка ни при чем. Он сразу же поверил, что в этом смысле со мной все в порядке, иначе вообще не стал бы разговаривать...»

— Ну так вот. В конце концов рано или поздно это должно было обнаружиться. Однажды люсс напал на группу людей, двое

или трое видели все и уцелели. Так нам стало известно, что происходит. Люсс обволакивает человека, несколько минут тот дергается, словно задыхается, старается вырваться, потом падает. Кстати, вы не почувствовали удушья?

— Нет.

— Странно... Нападение длится недолго, пять минут, может быть, шесть. Потом люсс уходит, и остается недвижно лежащий человек. Кстати, мы далеко не сразу установили причину смерти. На теле после нападения нет никаких следов, вскрытие тоже ничего не дает. Никаких патологических изменений. Ну, об этом вас подробней проинформируют в научном отделе. Общее впечатление такое, словно полностью подавлена активность мозга. Отсутствует альфа-ритм. Сначала мы думали, что это следствие каких-то неизвестных повреждений, тончайших нарушений структуры в организме или, может быть, в самом мозгу, но потом было доказано, что человек умирает от того, что у него погашен мозг.

— То есть как это «погашен»?

— Может быть, это не совсем научное определение, но зато вполне точное. Полностью парализуется деятельность нейронов, разрываются все связи, исчезает энергетический потенциал мозга.

— Получается, что люсс ничего не берет от своей жертвы, а нападает, так сказать, для развлечения?

— Я этого не говорил. И вообще не спешите с выводами, пока я вам просто излагаю установленные факты. Люди стали осторожнее, выходили из города только вооруженными группами, надевали защитные скафандры, но все это оказалось неэффективно. К тому же активность люссов возрастала во много раз после каждого нападения. Особенно ночью. Днем они вообще малоподвижны. Зато ночью... Однажды город подвергся массированной ночной атаке. Можете представить себе, как это было. Люди метались по улицам, и их как бы обволакивал туман. Там были женщины, дети... Конечно, они выставляли дежурных, дозоры с лучеметами и энергетическую защиту... Но в то время еще не было найдено ни одного эффективного средства борьбы с люссами. Фактически город был уничтожен за одну ночь. Люсс способен менять свою форму, у него вообще нет постоянной формы, он может просочиться в любую щель... Немногие оставшиеся в живых бежали из города. К счастью, город расположен почти на экваторе, всего несколько километров отделяло его от дневной стороны. Инстинктивно люди бежали к солнцу, и это многих спасло. Люссы не стали выходить на дневную сторону, им вполне хватало ночной. Казалось, что все оставшиеся в жи-

вых спасены. Планета двигалась вокруг солнца очень медленно, и не представляло большого труда переходить вслед за солнцем с одной стороны экватора на другую. Были построены временные базы по обеим сторонам экватора. Когда люди смогли вернуться в город, прошло уже шесть месяцев, они даже не нашли останков своих близких.

Оборудование, инструменты, снаряжение и оружие — все было вывезено на базы. В городе никто не решился оставаться. Да и не хотел... Было решено строить укрепленные базы, зарываться в землю, в скалы... Вначале казалось, что опасность преувеличена, но после всего, что произошло... В общем, люди уже не могли жить в городе.

Какое-то время никто нас не трогал. Лет десять, пожалуй, прошло спокойно. Мы уже начали надеяться, что самое страшное позади. Постепенно забывался весь этот ужас. Начали рождаться новые дети, и вот тогда... — Было видно, что ему трудно продолжать разговор. Он словно старался что-то проглотить и никак не мог.

Ротанов смотрел в сторону, делая вид, что ничего не замечает. Ему хотелось стиснуть руку этому много пережившему человеку, найти слова ободрения, но он понимал, что не имеет на это права. Он был для него всего лишь инспектором, чужаком, прилетевшим с Земли для того, чтобы холодно и спокойно оценить все их беды. Найти правых и виноватых. Инженер уже взял себя в руки.

— Да, так вот, именно тогда группа разведчиков обнаружила при дневной вылазке в город, что там кто-то есть. — Он снова замолчал и долго рассматривал рукоятку какого-то отключенного прибора.

— Это были синглиты?

Инженер кивнул:

— С этого момента мы уже не знали покоя ни днем, ни ночью...

— Откуда они взялись?

Инженер пожал плечами:

— У научного отдела есть много теорий на этот счет. Они с вами охотно поделятся.

— Ну а вы сами что об этом думаете? Должен же быть у вас собственный вывод.

— Свои выводы я предпочитаю держать при себе. Готов поделиться только известными фактами, а что касается выводов, то, думаю, за этим дело не станет, очень скоро у вас появятся собственные.

— Хорошо, давайте вернемся к фактам. Что собой представляют синглиты?

Инженер встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я думаю, для первого раза достаточно, да и времени у нас уже нет. Скоро рассвет, пора готовиться и выходить на основную базу. В научном отделе вам расскажут остальное.

В отряде было сорок человек. Шли плотной группой, ощетинившись стволами лучеметов. Ступали след в след, не было никаких команд. Каждый знал свое место, знал, что ему нужно делать. Само собой получилось так, что в этой плотной массе слитых в одно целое людей Ротанов оказался инородным телом. Вначале он попытался идти в голове колонны. Но очень скоро понял, что мешает, сбивает строй, лишает его монолитности. Никто не сделал ему замечания, все шли молча, стиснув зубы, напряженные до предела, похожие уже не на живых людей, а на хорошо запрограммированные автоматы, настроенные на малейшую опасность. Чтобы не мешать, он вынужден был вернуться в центр группы, туда, где на нескольких карах везли поклажу и где, запакованная в прозрачный пластиковый кокон, лежала Анна. Она так и не пришла в сознание...

Идти было трудно из-за изнуряющей жары и влажного душного воздуха. Желтовато-фиолетовая расцветка местных растений чем-то напоминала земной лес глубокой осенью, но это впечатление сразу же исчезало, стоило взглянуть на дерево вблизи. Собственно, эти пружинистые образования, не имеющие центральных стволов, нельзя было даже назвать деревьями. Бесчисленные тонкие усики беспорядочно росли во все стороны, образуя плотную упругую подушку. Пробираться сквозь подобные заросли было просто невозможно. К счастью, деревья росли довольно редко, между ними оставалось достаточно свободного пространства. Через четыре часа они сделали первый привал у небольшого ручья. Больше всего Ротанова поражала молчаливость этих людей. Они все делали сосредоточенно, почти угрюмо. Он не раз ловил на себе их изучающие любопытные взгляды, но никто не подошел к нему, не задал ни одного вопроса. Даже теперь, когда все, кроме часовых, позволили себе расслабиться, умыться, отложить оружие. Они словно бы избегали его... Что же это такое — приказ, сила дисциплины? Нет. Здесь было что-то другое, потому что в них вовсе не было той забитой приниженности перед начальством, которой обычно сопутствует муштра. Может быть, они считают его виновным в несчастье, случившемся с Анной?

Или близкое знакомство с люссом наложило на него какое-то негласное табу?

Короткий привал кончился, и они двинулись дальше... Узкие платформы каров сильно замедляли движение. Благодаря силовой подушке они легко преодолевали мелкие неровности почвы, но их длинные корпуса то и дело запутывались в узких проходах между деревьями. Приходилось останавливаться и вручную вырубать их из жестких, словно сделанных из железа пружин.

Характер местности постепенно менялся. Густые заросли сменились редкими группами отдельных растений, тут и там появились невысокие холмы, поросшие короткой щетиной травы, такой же жесткой и невзрачной, как деревья. Гряда скал, к которой они шли, теперь приблизилась. Ее уже не скрывал лес. Люди приободрились, повеселели. Как понял Ротанов из разговоров, до передовых постов, прикрывавших основную базу колонии, осталось не больше часа пути. И вдруг в кроне дерева, которое только что начали огибать кары, мелькнуло что-то яркое. «Ложись!» — крикнул инженер, но Ротанов замешкался и увидел, как на дереве распустился огненный цветок, тут же превратившийся в вертящийся шар огня с черными разводами дыма по краям. В ту же секунду хлестнула ударная волна. Ротанов не устоял на ногах, сверху сыпались горящие сучья. Он все ждал гула разрыва, но его не было, только тяжело, со свистом ухнуло, словно какой-то великан выдохнул воздух, и сразу же справа и слева появились еще два таких же огненных шара. Они вертелись слишком далеко, на них можно было не обращать внимания, важно было понять, откуда по ним стреляют. Но прежде чем он успел разобраться в обстановке, сразу несколько лучеметов в руках людей выплюнули свои огненные капсулы куда-то вперед и вверх. На вершине ближайшего холма завертелись такие же огненные смерчи, там, пригибаясь, бежали маленькие согнутые фигурки. Оттуда, сверху, отряд должен был быть виден как на ладони. Следующий залп накроет их почти наверняка.

Но шесть огненных шаров развернулись почему-то впереди отряда, и почти сразу же несколько капсул лопнули справа и слева. В пыли и дыму стало трудно что-нибудь рассмотреть. Когда порыв ветра унес дым в сторону, Ротанов понял, что разрывы берут отряд в кольцо, прижимают его к земле, сбивая кроны деревьев над головами, но ни одна капсула не ударила вниз, в центр невидимого круга, за которым лежали люди. Это его так поразило, что он, забыв об опасности, приподнялся на колено, чтобы лучше видеть. На втором дальнем холме что-то происходило.

Инженер махал ему, предлагая лечь, но Ротанову было не до него. Показалось, что он узнал очертания предмета на вершине дальнего холма. Предмет напоминал клок ваты, и вокруг него бегали, суетились маленькие фигурки, похожие на людей. Холм был слишком далеко, но Ротанов видел, что несколько стрелков пытаются достать его во что бы то ни стало. Они задрали стволы лучеметов высоко вверх и выпускали капсулу за капсулой. Внизу, у подножия холма, кипело огненное озеро, но ни одна капсула не доставала даже до склонов.

Ротанов бросился к инженеру, сорвал у него с груди бинокль и, оттолкнув вцепившиеся в него руки, побежал вверх. Он приметил плоскую каменную глыбу и надеялся до нее добраться, прежде чем его заметят. Впрочем, он уже почти не боялся выстрелов, очень уж все происходящее походило на какую-то странную игру, а не на бой. И действительно, огненные хлопушки брали его в кольцо, сбивали с ног, но он добрался-таки до своего камня невредимым и прилип к нему. Стоило приставить бинокль к глазам, как окружающее перестало для него существовать. Он весь превратился в зрение.

Это был, конечно, люсс. Он узнал его сразу, но все происходящее на вершине холма было для него совершенно непонятно. Люсс, необычно плотный, с какими-то темными полосами и пятнами, бешено вращался в центре небольшой поляны. Он то расширялся, то опадал и с каждой такой пульсацией съеживался все больше. Вокруг него неподвижно стояли пять или шесть синглитов. Ротанов догадался, что это синглиты, а не люди, по неудобным для человека позам. Когда они двигались, их невозможно было издали отличить от людей, но стоило им остановиться, как они застывали в полной неподвижности и, казалось, были способны прервать начатое движение в любой точке. Замереть с занесенной для шага ногой, например; или остановиться с наклоненным вперед туловищем. Словно им ничего не стоило поддерживать тело в любом неустойчивом равновесии. Еще несколько синглитов вышли из-за деревьев и присоединились к стоящим вокруг этого бешено вращавшегося люсса. Казалось, они совершают какой-то тайный обряд. Вдруг люсс слегка подскочил, вытянулся вверх и быстро утек в сторону. На поляне оставалась только группа синглитов и еще что-то на том месте, где только что был люсс, какой-то предмет...

Бинокль был с электронным умножителем. Подкрутив регулятор, Ротанов смог рассмотреть, что там такое было, хотя почти уже догадался, прежде чем тронул верньер настройки. На поляне

в небольшом углублении лежало яйцо... Точно такое же, какое он видел в том странном контейнере на складе. Форму этого предмета невозможно было спутать с чем-нибудь другим. И хотя яйцо, лежавшее на поляне, было матовым, даже каким-то белесым, а то, с которым довелось ему познакомиться раньше, все переливалось радужным свечением, тем не менее он его узнал... И почти не сомневался в том, что последует дальше.

Из группы синглитов двое отошли в сторону и вскоре вернулись со знакомым шестигранным контейнером. Они поднимали яйцо осторожно, словно это был какой-то горячий хрупкий сосуд. Двое других развернули кусок холста и аккуратно упаковали в него яйцо, прежде чем опустить в контейнер. Почти сразу из-за деревьев показался кар, точно такой же, как тот, на котором лежала Анна... Они поставили на него контейнер, водитель долго не мог запустить мотор, что-то у них не ладилось с этим каром. Но вот он тронулся. Наконец на поляне никого уже не было. Кар качнулся последний раз и исчез из поля зрения. Больше ничего не было видно. Ротанов опустил бинокль. Бой, по-видимому, кончился несколько минут назад. Отряд собрался у вездеходов и теперь дожидался его. Никто больше не прятался и никто не стрелял. Ротанов встал и пошел вниз. Когда он подошел к инженеру, чтобы отдать бинокль, тот выглядел так, словно был в чем-то виноват перед Ротановым. Он взял у него бинокль, глядя в сторону, только что не извинился, хотя извиняться нужно было, по существу, самому Ротанову. Он помнил, как грубо оттолкнул инженера и почти вырвал бинокль, когда заметил люсса.

— Ну так вот, — сказал Ротанов, потирая ушибленное плечо. — Я хотел бы знать, что это значит.

— Вы видели?

— Да.

— Это яйцо.

— Я так и думал. Для чего оно синглитам?

— На Земле был такой вид комара, кажется, анофелес... Я читал о нем в учебнике биологии. Так вот, этот анофелес, прежде чем снести яйцо, обязательно должен был напиться человеческой крови...

— То есть вы хотите сказать, что люсс, прежде чем... Нет, это невозможно! Здесь не было раньше людей, даже крупных млекопитающих. Этот цикл развития не мог возникнуть. Он предполагает сложный симбиоз, комплекс организмов, а мы здесь чужаки, на этой планете, и не могли войти в эволюционный ряд такого сложного симбиоза.

Инженер пожал плечами.

— Мы не так уж хорошо знаем, что здесь было раньше. И потом, это ведь только мои предположения. Вы, кажется, хотели их услышать...

— Мне нужно осмотреть это место.

— Ничего нового вы там не увидите. — Инженер по-прежнему избегал смотреть на него, и это укрепило Ротанова в его решении.

— Все-таки я посмотрю.

— Ну, если вы настаиваете...

Прежде всего Ротанов с двумя сопровождающими взобрался на холм, с которого по ним стреляли. Как он и предполагал, место, где был обстрелян отряд, отсюда просматривалось как на ладони. Отчетливо виднелся выжженный черный круг, за которым недавно лежали люди.

— Могли бы вы отсюда попасть в центр круга? — спросил Ротанов своих сопровождающих.

Высокий человек в потрепанной кожаной куртке, весь обвешанный какими-то фляжками и ящичками, с двумя вещевыми мешками за плечами, хитровато прищурившись, смотрел на Ротанова.

— Это может сделать любой мальчишка, ни разу не державший в руках лучемет.

— Синглиты всегда так плохо стреляют?

— Если бы они плохо стреляли, половина из нас не осталась бы там из-за случайных попаданий.

— В чем же дело?

— Убивать нас им ни к чему... Не так уж много людей осталось, каждый из нас ценится на вес золота. Мы им нужны живыми.

— Вы думаете, они действуют заодно с люссами?

— А они и есть одно. И сейчас напали только затем, чтобы нас задержать. Мы ведь могли помешать... — Он кивнул на соседний холм.

Ротанов не стал спорить. Он чувствовал, что в предположении инженера что-то неверно, хотя казалось, новые факты подтверждают его правоту.

Этот самый анофелес, о котором говорил инженер, прежде чем превратиться в комара, проходит несколько стадий. Из яйца вылупляется не комар, а что-то другое... какая-то личинка... Что, если синглиты?.. Нет, оборвал он себя. Рано делать выводы. Сейчас он будет собирать факты, как можно больше фактов, и никаких предвзятых мнений...

Что-то в нем сопротивлялось простым и очевидным выводам, что-то связанное с городом и с той женщиной. Слишком много было в ней человеческого для того, чтобы быть только разновидностью этого чужого, словно пришедшего из кошмара существа.

На втором холме действительно не оказалось ничего интересного. Поляна с утоптанной, словно на ней танцевали, землей, небольшое углубление в центре воронки, где лежало яйцо. Следы тяжелых ботинок. Отпечаток платформы кара, где тот стоял с отключенной подушкой. Ротанов и сам не знал, что он здесь ищет.

— Этот кар, кто его делал? — спросил он хитроватого лучеметчика.

— Синглиты. У нас не осталось заводов и материалов. Едва справляемся с производством зарядов и самого простого оружия.

— Значит, и наши тоже?

— Конечно. Трофейные. Хорошие машины. У синглитов каждый раз бывает что-нибудь новенькое. Заводы им достались сильно потрепанные, но они там все переделали и наладили свое производство.

Это сообщение не понравилось Ротанову: выходило, что главной производительной силой на планете в настоящее время являлись не люди и даже не люссы, ее законные хозяева, если признать за ними наличие какого-то интеллекта, а кто-то третий... И если верны его первые впечатления, люди постепенно сдавали позиции, уступали первенство почти во всех областях. Можно было признать и принять временное поражение, отступление человека под давлением обстоятельств. Наконец, он готов был примириться, если бы человек встретил в космосе разум, равный себе или даже превосходящий человеческий, каким и был, возможно, разум рэнитов, и отступил в поединке с ним... Но ведь произошло что-то совсем другое, что-то не укладывающееся ни в одну из этих схем... На планете хозяйничают синглиты, почти полные копии людей внешне и интеллектуально; мало того, до появления человека их, судя по всему, здесь вообще не было, с кем же мы тогда воюем? С собственными тенями?

Они начали спускаться с холма, так и не обнаружив ничего интересного. У самого подножия, где совсем недавно рвались их протонные заряды, все обуглилось от высокой температуры. Кое-где дымились и чадили остатки искореженных кустарников. Земля была горячей и смрадной, от нее поднимался пар, пахло чем-то отвратительно зловонным. На самой границе обожженной зоны они наткнулись на обломки. Похоже, здесь взрывом разнесло кар

шенно точно, откуда эта двойственность, неуверенность в себе — от недостаточного знания обстановки или все же виноват люсс?

Доктор отложил перо и несколько секунд массировал затекшую кисть правой руки. Ротанов терпеливо ждал, ничем не выдавая своего волнения.

— Вы абсолютно нормальны. Абсолютно, — сказал наконец доктор и недовольно пожевал губами, словно нормальность Ротанова чем-то его раздражала. — Этого в принципе не должно быть, потому что встреча с люссом не может пройти бесследно, и тем не менее это так. Я проверил все три ваши управляющие системы. Подсознание, кора, биохимическая регуляция — все в абсолютной норме. Никаких сбоев, разве что утомляемость повышена, но это тоже нормально после таких стрессовых напряжений. Так что даже не знаю, что сказать. Это противоречит всем нашим наблюдениям, всем выводам о природе и характере контакта с люссом.

Ротанов слушал не перебивая. Самое главное он уже знал, и внутреннее напряжение спало, теперь он мог позволить себе не торопиться.

— До сих пор при каждом контакте... Кстати, вы знаете, что собой представляет люсс?

— Наслышан, но вы все-таки объясните еще раз.

— Это молекулярная взвесь сложных небелковых молекул, управляемая и формируемая энергетическим полем, возникающим при достаточно плотном сгустке. Энергию они берут извне. Но не от солнца. Для этого их консистенция слишком разрежена. Больше того, солнечная радиация, как и всякая лучистая энергия, губительно действует на их структуру, нарушая сложное и хрупкое взаимодействие молекул сгустка. Отсюда ночной образ жизни. И ничего похожего на интеллект. У нас тут возникло немало нелепых теорий, их легко объяснить, учитывая все, что натворили люссы, но на самом деле тут нет никакой злой воли. Эта молекулярная взвесь не обладает ни волей, ни разумом. Может быть, есть простейшие инстинкты, примерно такие, как в стае мошкары. Их привлекает запах человека, движение, вообще все, что нарушает привычный фон среды обитания. И тогда происходит контакт. Благодаря своей незначительной величине молекулы люсса беспрепятственно проникают в ткани человеческого организма, на какое-то время они перемешиваются с молекулами, из которых состоит тело человека, его мозг. Энергетическое поле люсса в этот момент взаимодействует со всеми электрическими потенциалами клеток, разрушает связи между нейронами.

В результате — мгновенная смерть для человека... А с люссом происходят после контакта вещи более чем странные. Его структура полностью сохраняет структуру объекта, с которым он контактировал. Расположение молекул, их связи повторяются в структуре люсса. Вся невероятная сложность человеческого организма, вся сумма информации, содержащаяся в нем в момент контакта, я имею в виду информацию на молекулярном уровне и даже, может быть, еще более тонкую, переносится в структуру люсса, как бы отпечатываясь в ней.

Доктор надолго замолчал. Он взял со стола толстую папку перфокарт, перетасовал ее и стал раскладывать на столе. Казалось, он забыл о Ротанове.

— Что же дальше происходит с этой информацией? Ведь пока она существует, смерть нельзя считать полной?

— Информация, существующая отдельно от тела, — это уже не есть жизнь... Хотя, может быть, это и не так. Тут все дьявольски сложно. Человек, во всяком случае, погибает, это бесспорно. Хотя и это не бесспорно, если учесть ваш случай и случай с Анной.

— Что с ней?

— Шоковое состояние. Есть надежда на улучшение.

— Послушайте, доктор. Здесь меня очень охотно посвящают во все тайны, связанные с люссами. Но дальше начинается какое-то табу. Все почему-то избегают говорить о том, что собой представляют синглиты, вот и вы тоже...

— Нас можно понять... — Доктор устало вздохнул. — У каждого есть близкие, друзья, превратившиеся в эту самую информацию, так что говорить об этом действительно нелегко.

— Согласен. Но чтобы хоть что-то исправить в этой кошмарной ситуации, надо прежде всего понять...

— Да, конечно.

— Я хотел бы знать все.

— Я предоставил в ваше распоряжение отчеты нашего отдела за все годы работы. Там есть все данные.

— Для того чтобы в них разобраться, даже для того, чтобы просто их прочитать, нужно несколько недель, я не универсальный специалист, многого вообще не понимаю. Но сегодня... Да, уже сегодня нам с вами придется взять на себя всю полноту ответственности за решения, которые будут приняты на Совете.

— Ну хорошо... Я попробую объяснить... Только это непросто понять, особенно вам...

— Потому что я чужой?

— И поэтому тоже. Но главное потому, что тут для нас самих многое неясно, многое из того, что я скажу, лишь интуитивные догадки, не больше. Эксперименты и наблюдения чрезвычайно затруднены, пока происходят эти события... И все же кое-что удалось установить. Лет двадцать назад мой предшественник Халиновский выяснил, что информация, оставшаяся после контакта с человеком в структуре люсса, не поддается немедленному смешению. Возникают какие-то энергетические потенциалы, сохраняющие эту скопированную, чужую для люсса структуру. Затем она начинает уплотняться...

— И возникает яйцо?

— Так это у нас называют. На самом деле это, конечно, не яйцо. Это сгусток информации, если хотите, своеобразная матрица, и она никакого отношения не имеет к размножению самих люссов. Они размножаются простым делением.

— Что же дальше? — Ротанову все время приходилось подталкивать доктора. Тот говорил с трудом, преодолевая немалое внутреннее сопротивление, хотя для него как ученого проблема должна была хоть отчасти сохранить отвлеченный академический характер.

— Ну так вот, это яйцо... Какое-то время оно неактивно. Должен пройти определенный инкубационный период. Как видите, у него действительно много общего с обыкновенным яйцом. Нужна определенная температура, влажность... Наверно, поэтому первые контакты люссов с людьми так долго оставались для нас неизвестными и не привели ни к каким видимым последствиям. После инкубационного периода яйцо созревает и может находиться в таком подготовленном состоянии неопределенно долго. Оно становится нечувствительным к внешним воздействиям.

— К чему оно подготовлено? Что происходит дальше?

— Вы нетерпеливы... Со стороны это все выглядит, наверно, чрезвычайно интересно...

Доктору не удалось скрыть горечи в этой реплике, и больше Ротанов не перебивал его до самого конца.

— Когда яйцо созрело, оно, как я уже сказал, полностью подготовлено для вторичного контакта с люссом. Если он произойдет, вещество люсса, взаимодействуя с веществом яйца, начинает уплотняться и видоизменяться. Информация, заложенная в яйце, становится основополагающей во вновь образующейся структуре. Примерно через два часа возникает образование, которое мы назвали синглитом... Раньше его называли проще и понятней — копией. И это название было неверно, потому что никакая это не копия. Даже внешне возникший объект никогда не похож на человека, с которо-

го была снята первоначальная информация, к тому же очень часто образование расслаивается. Вещества, содержащегося в самом люссе, чаще всего больше, чем нужно для создания одного объекта, и тогда возникают четыре, пять, до десяти...

Доктор снова надолго замолчал.

— ...Синглит не является копией и по своей внутренней структуре. У него отсутствуют, например, системы кровообращения, пищеварения. Энергоснабжение ведется через кожу в отличие от люсса, который питается непосредственно солнечной радиацией. Синглит скорее видоизмененный люсс, чем копия человека. Вещество люсса фактически не меняется, изменяется только его организация, строение...

Ротанову хотелось понять другое, то, о чем доктор упорно избегал говорить. Что происходит с человеческим интеллектом, с разумом, насколько сохраняется во вновь возникшем существе человеческая личность? И что оно собой представляет: мыслящую модель человека, нечто вроде биологического робота или что-то гораздо более сложное?.. Обладает ли синглит психикой, памятью... Может ли он чувствовать боль, радость, страдание?

На некоторые из этих вопросов он мог бы ответить сам, на основании собственного опыта, ответить утвердительно, со всеми выводами и последствиями...

Ротанов поднялся. Крепко пожал доктору руку.

— Спасибо. Мне нужно подумать. Встретимся на Совете.

— Вы уверены, что этого достаточно? Что вы правильно все поняли?

— Я ведь был в городе... Насколько я знаю, до меня мало кому удавался непосредственный контакт. А если и удавался, так через прорезь прицела не так уж много можно увидеть.

— Вы несправедливы...

— Возможно. Потому и сказал, что мне нужно подумать.

На этот раз Совет собрался точно в назначенное время. Не было только Филина. Даже председатель, два последних дня не отходивший от постели больной дочери, сидел на своем месте. Он еще больше осунулся и постарел за эти два дня, чувствовалось, что присутствие на Совете стоило ему немалых сил.

Инженер начал с обычного отчета о положении дел. Все это было давно известно присутствующим и говорилось для Ротанова, но тот неожиданно для всех прервал инженера и попросил перейти к утверждению программы мероприятий на ближайший месяц. Сразу же вышла заминка. Инженер не подготовился для

решительной атаки, не хотел немедленно раскрывать все карты. Сказал, что программа не может рассматриваться без учета того, что предложит Земля. Все повернулись к Ротанову.

— Конечно, я имею в виду не то, что вы можете предложить нам через пятьдесят лет, когда прибудет очередной корабль. Нас интересует, что вы можете предложить сегодня, в крайнем случае завтра, — закончил инженер свое выступление.

И тогда поднялся Ротанов. Он решил, что скажет им все, еще раньше, до выступления инженера. Скрывать и дальше открытие, с которым он прилетел сюда, не имело смысла. Здесь он был среди людей, на чью помощь и поддержку рассчитывала Земля, отправляя его в этот опасный экспериментальный полет, и поэтому, помедлив еще секунду, он начал рассказ о пространственном двигателе.

Сообщение о том, что расстояние в сорок светолет больше не является проблемой, поразило их как громом. Доктору показалось, что он ослышался, чего-то не понял. Все смешалось, все вскочили с мест, что-то одновременно кричали. Он видел, как толстый, непроницаемый и невозмутимый заведующий отделом заготовок вдруг заплакал и не скрывал своих слез, как инженер сорвал очки и уставился на Ротанова. В это мгновение было сметено все, что их разделяло, потому что неожиданно, на секунду, они поверили в то, что их маленькая колония вдруг перестала быть островом, обреченной крепостью, а превратилась в форпост человечества. Они не могли сразу осмыслить всей громадности этого события, но, как только установилась тишина, как только вернулась способность рассуждать трезво, сразу же сам собой выпал из общего молчания основной, главный вопрос — где же они, корабли Земли? Чего они ждут?

И Ротанов ответил:

— Все теперь зависит от нас самих. Во время пространственного перехода полностью разрушается компьютер и вся электроника в остальных механизмах корабля. Пробиваются переходы всех транзисторов, диодов, выходят из строя от воздействия мощных полей все микросхемы. Как только мы сможем оснастить прибывший корабль новым управляющим блоком, переход Земля — Альфа станет немногим сложнее поездки в соседний город.

Тишина после этих слов показала, как сильно было разочарование только что получивших надежду людей.

— Иными словами, вы сами не можете вернуться и на новые корабли рассчитывать пока не приходится, — подвел итог инженер.

— Не совсем так, — возразил Ротанов. — В принципе я могу вернуться, и корабли могут быть здесь уже через месяц. Нужен всего лишь компьютер!

— Ну да, всего лишь компьютер... — с горькой иронией подхватил инженер. — Всего лишь корабельный компьютер с его сложнейшей программой! Да где вы найдете здесь специалистов, способных рассчитать межзвездные трассы? И не просто рассчитать, но и перевести эти расчеты в программный машинный язык! Где вы собираетесь делать этот компьютер? На нашем заводике? Так там водопроводные трубы не могут выпустить второй год!

— Есть ведь и в городе заводы.

— Их еще надо захватить! И даже если захватим, кто там будет работать? У нас нет техников, не говоря уже о мастерах и программистах этих автоматических комплексов!

— Конечно, их нет, откуда им быть, если все эти годы вы обучали своих людей одной-единственной специальности!

Наверно, Ротанов не сразу понял, какую сделал ошибку. Тишина, повисшая теперь, была полна отчуждения, почти враждебности. Что он мог знать о том, как они здесь жили все эти годы, какое право имел судить их? Ну да, у них осталась одна-единственная специальность... Словно они этого хотели, словно у них был выбор! Ничего не было сказано. Члены Совета молча смотрели на Ротанова.

Он попытался исправить ошибку.

— Я ни в чем не хочу упрекнуть вас. Знаю, что не от вас зависело положение, которое сложилось сегодня. Знаю, что люссы напали первыми и что вы должны защищаться. Но теперь на нас лежит ответственность не только за наши собственные жизни и за жизни наших близких, теперь мы отвечаем перед Землей за судьбу базы на этой планете, за принципиальную возможность идти отсюда дальше, к другим звездам! Поэтому так важен этот компьютер и производственный комплекс, способный его создать. Давайте вместе об этом думать, это сейчас главное, только это! Все остальное, все ваши проблемы решатся, если удастся наладить регулярное сообщение с Землей.

Ему не удалось убедить их. Они остались холодны и равнодушны к его призывам. Теперь он был для них чужим. Они не верили уже ни в этот компьютер, ни в сам переход, ни в скорую помощь Земли. Все его обещания превратились в пустые фразы. Он, как детям, подарил им красивую коробку, внутри которой они не нашли ничего и не смогли ему этого простить.

— Все это прекрасно, — сказал председатель. — Давайте все же перейдем к текущим делам. Нам нужно решить вопрос с энергией, потому что иначе защитные комплексы встанут посреди зимы.

— В этот раз мы не сможем обеспечить полный запас. Нужно идти на дневную сторону и там переждать зиму.

Они уже не обращали внимания на Ротанова, целиком уйдя в обсуждение своих насущных проблем. И он больше не пытался изменить ход совещания. Не вмешиваясь, не вставляя реплик, только внимательно, нахмурившись, слушал каждого выступавшего и делал в блокноте какие-то пометки.

Доктору казалось, что инженер выходит из всей этой неразберихи окончательным победителем. Если ему удастся настоять на походе, они лишатся последней стационарной базы, и все руководство автоматически перейдет к нему в руки, они целиком попадут в зависимость от отрядов охотников и превратятся в кочующее дикое племя... Это будет началом конца... Доктор не пытался возражать, он понимал: в первую очередь такое решение автоматически покончит с научным отделом и с другими жалкими остатками их «цивилизованности», но он устал бороться в одиночку. На серьезную поддержку со стороны председателя рассчитывать сейчас не приходилось, он слишком потрясен несчастьем с Анной. Оставалось проголосовать за поход, а поскольку все, кроме доктора и Ротанова, высказались именно за это, в результате голосования не приходилось сомневаться.

И вдруг, когда инженер поставил вопрос на голосование, снова поднялся Ротанов. Он заговорил очень спокойно, с какой-то скрытой иронией и, наверно, именно поэтому снова заставил себя слушать.

— Поход — это прекрасно. Кочевые племена на Земле охотились на медведей. Здесь, правда, нет медведей. Но можно обойтись растительной пищей и носить шкуры каких-нибудь других животных. Главное не в этом. Энергии у нас больше чем достаточно. Хватит лет на десять не только для того, чтобы снабдить ваши комплексы. Вы могли бы этой энергией залить сорок таких городов, как тот, что уже потеряли.

— О чем вы говорите? — В тоне инженера впервые прозвучали металлические враждебные ноты.

— О корабле, на котором сюда прилетел. Его энергетические установки в полном порядке. И нет никакой нужды в кочевых экспедициях. Нужно лишь вернуть корабль. Он стоит в стороне от города, вряд ли за такое короткое время синглиты смогли там

организовать серьезную оборону. Надеюсь, с этой операцией ваши отряды справятся?

— Он очень большой, будто железная гора упала с неба. Я не думал, что он может быть таким огромным.

— Рон не видел корабля раньше. Первый раз это всегда так. Человек просто не может опомниться. Мы все слышали или читали про него, но чтобы он стоял вот так, совсем рядом...

Ротанов молча кивнул. Для него корабль был обыкновенной машиной. Массой хорошо сработанного металла, за которую придется теперь отдать немало жизней. Шесть человек вместе с ним плотно сидели в открытой кабине роллера.

С опушки, густо заросшей кустами, открывался хороший обзор. Металлическая мачта корабля торчала посреди выжженной при посадке поляны. Теперь опаленная земля начала зарастать низкой травой. Не видно было ни малейшего движения внутри этого пустого километрового кольца травы. Никаких укреплений, никаких построек. Вообще ничего постороннего. Если и была охрана, то укрытия глубоко зарыли в землю и тщательно замаскировали. Еще хуже, если их ждали внутри корабля. Внешнюю силиконовую броню не могут пробить ни излучатели, ни тепловые пистолеты.

Операция началась на рассвете, но теперь солнце стояло уже высоко, заливая все вокруг липким влажным зноем. Сигнала все не было. Ротанов оторвал бинокль от уставших глаз и посмотрел на часы.

До контрольного времени оставалось полчаса. Только когда охотники перекроют подступы к кораблю, окружат его со всех сторон, перережут дороги, идущие к городу, придет сигнал, и их маленькая группа захвата вступит в дело.

Невооруженному глазу громада корабля на фоне рыжих холмов представлялась чем-то неживым, посторонним и нереальным. Его нижняя часть в слое разогретого воздуха слегка изгибалась, словно корабль был всего лишь миражем... Стоило сесть на сорок километров южнее, и все сложилось бы иначе... Но его привлекал город, город, давно утраченный людьми. Конечно, он не мог ничего предвидеть. И теперь вот его первое решение в качестве инспектора Земли привело их всех на эту поляну.

Ротанов думал о том, что предстоящий бой не будет походить на инсценировку, с которой столкнулся отряд инженера по дороге на базу. Из рассказов охотников он уже знал, что, когда нужно, синглиты умеют за себя постоять, они отличные бойцы, не

знающие страха, и прекрасно понимают, что может означать для колонии корабль.

Рубашка прилипла к телу. Душно. Даже дышать трудно. В тягучем ожидании, казалось, остановилось само время. Ни шороха... Ни выстрела...

— Что они там, вымерли? Где же ракета?

Ему никто не ответил. Тишина словно придавила лес. Ничто не выдавало присутствия сотен людей, затаившихся в редких зарослях. Инженер бросил на эту операцию все силы, которыми располагала колония. «...Чересчур щедро. И чересчур охотно ухватился он за предложение захватить корабль».

Ротанов почувствовал еще раньше, что этот человек ведет хитрую, сложную и пока не совсем понятную игру. Он и не собирался разбираться во всех ее тонкостях. Если они захватят корабль, положение в колонии сразу изменится, он сумеет покончить со всеми хитростями инженера и сделает все, чтобы прекратить эти бессмысленные стычки, которые, похоже, нравятся инженеру... Ну, не то чтобы нравятся, скорее, в них он видит самоцель, словно мирная жизнь потеряла для этого человека всякий смысл.

Ротанов плохо представлял, каким именно способом удастся прекратить эту долгую, въевшуюся во все дела и мысли колонистов войну. Но твердо знал, что сделает для этого все, что сможет.

Ракета вспыхнула на дневном небе маленьким тусклым шариком. Вспыхнула тогда, когда ее уже перестали ждать.

Этот первый сигнал к ним еще не имел непосредственного отношения, он лишь означал, что дороги наконец перекрыты и три отряда охотников могут начинать атаку, расчищая дорогу их группе для последнего броска. Несколько секунд над опушкой все еще висела тишина. Потом долетел многоголосый, усиленный эхом крик. Ротанов видел, как десятки людей поднялись во весь рост и бросились к кораблю. Они бежали сразу с трех сторон, на ходу стреляя из лучеметов. Вокруг корабля плясали маленькие с такого расстояния фонтаны земли. Вспыхивали игрушечные шарики тепловых разрывов. А корабль словно вымер. Ни одного выстрела, ни малейшего движения на всей огромной поляне, по которой бежали люди... Вот уже второй раз на его глазах бой превратился в непонятный фарс, словно противник задался целью всего лишь поиздеваться над всеми усилиями людей. Не могли же они без боя отдать корабль! Должны же были синглиты понимать хотя бы, каким мощным оружием может оказаться корабль!

В чем-то он просчитался, и этот его просчет грозил обернуться бедой, потому что бой в обстановке, в которой не все понимаешь, это уже наполовину проигранный бой... А люди все бежали. Им оставалось сорок метров до корабля, тридцать, двадцать... Постепенно замедлялся темп атаки. Никто уже не стрелял. Опустив оружие, они медленно, даже не пригибаясь, шли к кораблю. Все. Теперь они стояли вокруг плотным кольцом, и достаточно было включить двигатели...

— Вперед! — крикнул Ротанов. Но водитель лишь недоуменно посмотрел на него. Все еще не было условленной для их атаки второй ракеты. — Вперед, немедленно к кораблю!

Наконец водитель подчинился приказу. Роллер сорвался с места и понесся на предельной скорости. Машина раскачивалась, перепрыгивая через кусты и неровности почвы, двигатель рычал на предельных оборотах, но Ротанов понимал, что это не поможет, потому что из корабля противник отлично мог видеть, что происходило вокруг.

Они дождутся, когда роллер подойдет ближе, и тогда уничтожат всех сразу... Секунды растянулись как в замедленной киносъемке. Роллер полз, словно большое жужжащее насекомое. «Вот сейчас, самое время...» И ничего не случилось. Ничего. Они остановились. Их окружили люди. Кто-то спрашивал, почему не дождались сигнала, водитель что-то объяснял инженеру... Ротанов смотрел на корабль. Смотрел не отрываясь. Он все еще ждал огненного всплеска двигателей и вдруг понял, что его не будет. Не будет, как не было выстрелов, трупов вокруг корабля. Словно синглиты лишь играли в войну, которую люди вели так серьезно и обстоятельно.

Подчиняясь приказам, отряды медленно начали отходить от молчаливого, точно присевшего перед прыжком корабля. По просьбе Ротанова отошли все три отряда. Осталась только группа захвата — всего пять человек. И они теперь стояли один на один с этим металлическим чужим зверем, в которого превратился корабль в результате их странной атаки и долгого, изнурительного ожидания. Что-то должны были им здесь приготовить. Что-нибудь достаточно неожиданное... «Мины, засаду, ловушки? Нет. Это все из арсенала нашей войны, которую ведем мы, люди. Они наверняка приготовят что-нибудь свое, то, чего мы не можем предвидеть и ждать. И нужно идти навстречу неизвестности».

Дверь шлюзовой камеры оказалась открытой, словно их любезно приглашали войти. До нее было метров десять, потом начиналось мертвое пространство, где им уже не страшны будут

двигатели. Ротанов шел эти десять метров медленно, осторожно и слышал за собой тяжелое дыхание пяти человек. Ничего не случилось. Они вошли внутрь шлюзовой камеры. Ротанов чувствовал вместо радости какое-то глухое раздражение. Наверно, оттого, что вместо схватки, победы или поражения он превратился в пешку. В простую пешку в игре, правила которой ему были неизвестны.

Если так будет продолжаться до самой рубки, он все же уравняет шансы. Вряд ли они смогли изучить корабль за короткий срок так, как знает его он сам. И если они позволят захватить управляющую рубку... «А что, если они вообще не собирались защищать корабль? Не считали его своим?» Это было слишком неправдоподобно. Таких подарков не делают во время войны. И тем не менее они беспрепятственно вошли в рубку. Последние метры по коридору перед дверью рубки они бежали и теперь, задыхаясь, стояли на пороге пустого помещения. Даже дверь не была заблокирована. Кресло перед управляющим пультом чуть развернуто влево к выходу. Именно так он оставил его неделю назад, когда покидал корабль. Да, всего лишь неделю... На приборах толстый слой пыли. Их будто старались убедить в том, что здесь вообще не было посторонних. Никто не собирался захватывать корабль, оборонять его. Словно они не знали, что двигатели главного хода в одну секунду могут смести с лица планеты остатки города или испарить целое море... Словно они не понимали, какой грозной и опасной машиной может стать корабль, если его использовать для войны...

Он сел в кресло и секунду сидел неподвижно, стараясь умерить бешеный ход сердца. Потом руки сами собой потянулись к управляющей панели. Вспыхнуло аварийное освещение приборов, щелкнули страховочные ремни. Правая рука привычно легла на плоскую граненую рукоятку главного выключателя реактора. Возможно, его остановил скрип двери за спиной или мысль о том, что все идет слишком уж просто даже для той неизвестной игры, которую ему навязали. Он чувствовал себя так, словно шел по шаткому мосту через пропасть. Шел с завязанными глазами. Но эта дорога касается только его одного. Собственные ошибки надо исправлять самому, он не имеет права рисковать чужими жизнями и обязан предвидеть самую невозможную ситуацию. Например, синглитам могло показаться заманчивым сделать так, чтобы он сам взорвал корабль, своими руками. Технически это не так уж сложно, достаточно отключить магнитную рубашку реактора...

Как бы там ни было, прежде всего он должен остаться на корабле один и осмотреть все, что может осмотреть человек в этом металлическом лабиринте. Никто ему в этом не поможет. Он один знает корабль и один будет отвечать перед Землей за все, что здесь случится.

Он и сам не знал, что именно нужно искать в бесчисленных помещениях корабля, забитых техникой, предназначенной Землей для колонистов. Отсеки, в которых он ни разу не был с самого старта, встречали его запахом плесени и промозглой сырости. Вентиляция не работала с того дня, когда отказала автоматика, и механизмы, заполнявшие отсеки, уже начали покрываться ржавчиной.

Проверил машинное отделение, отсек реакторов, штурманскую рубку и не смог найти никаких следов... Ничего постороннего. Часа через четыре, совершенно измученный, он добрался до своей каюты. Швырнул в мусоропровод грязную изодранную одежду и прошел в душ. Стоя в облаке горячих брызг, со всех сторон упругой волной обдававших тело, он думал о том, что с него, пожалуй, хватит крысиной возни. Сейчас он оденется, пройдет в рубку, включит реактор и начнет обычную стартовую процедуру. В конце концов, он придет именно к этому, не хватит и десятка лет, чтобы одному человеку осмотреть корабль достаточно детально. Если здесь и спрятано что-то чужое, ему придется познакомиться с этим по ходу дела...

Рука медленно, миллиметр за миллиметром, сдвигала рукоятку включения реактора. Послышался знакомый щелчок, затем толчок, и по стенам переборок волной прошла вибрация. Низкий гул под ногами рубки означал, что реакция освобождения нейтронов началась. Вспыхнули огоньки на приборной панели, качнулись стрелки приборов. Реактор входил в рабочий режим... Ротанов вытер пот, заливавший глаза, и чуть тронул стартовую рукоятку, проверяя, пойдет ли топливо к планетарным двигателям. Оно пошло. Корабль мелко задрожал. Он увеличил подачу топлива и включил двигатели. Сейчас внизу бушевало зеленое пламя, сжигая все вокруг. Захотелось увидеть, как это выглядит. Потянулся к тумблеру оптического перископа, но и после щелчка линзы остались матово-серыми. Это был первый сюрприз. Не работала оптика. Корабль ослеп. Совершенно машинально он повернул тумблер выключателя локаторов, хотя отлично помнил, что они не работали с того момента, как отказала вся электроника. На стенах рубки мягко вспыхнули голубоватым светом четыре глубоких овала. Это было так неожиданно, что он отдернул руки от рычагов управления, но почти сразу его вдавило в кресло, а на

оживших экранах уже проступило изображение. Он увидел, как пламя внизу под кораблем сузилось, набрало силу и поверхность планеты медленно пошла вниз, словно корабль проснулся, обрел собственную волю и выходил теперь на свой, одному ему известный курс. На приборной панели вспыхнуло табло, предупреждавшее пилота о включенной автоматике.

На корабле не было никакой автоматики! «То есть ее раньше не было», — тут же поправил он себя и, уже ничему не удивляясь, рванул рукоятку, отключавшую автоматику. Рукоятка шла ровно, без всякого сопротивления, и он уже знал, что это бесполезно. Так просто ему не удастся подчинить себе вышедшую из повиновения машину. Начался тот самый поединок, без выстрелов и погонь, которого он ждал с самого начала. Поединок, в котором выиграет тот, кто быстрее разберется в обстановке, на мгновение раньше найдет правильное решение...

Значит, в компьютере появилась новая программа? Но для этого им пришлось бы восстановить заново весь компьютер... Нужны десятки специалистов, сотни сложнейших машин... Даже на Земле создание корабельного компьютера требовало не меньше месяца, что-то здесь было другое... Но корабль, словно опровергая все его доводы, продолжал набирать высоту и медленно поворачивал влево, в сторону от центральной базы...

Он чувствовал по изменившемуся режиму двигателей, по тяжести, вдавившей в кресло, что перегрузка достигала уже четырех единиц и встать с кресла будет теперь непросто. Неожиданный толчок двигателей может швырнуть его на пол. И все же вставать придется. Только так он сможет добраться до этого проклятого компьютера, осмотреть который ему не пришло в голову. Слишком хорошо он помнил, что там не было ничего, кроме сгоревших при переходе блоков...

Он вставал медленно, как боксер на ринге, только что получивший нокаут. Шаг, еще шаг. Ноги точно налились свинцом, подгибались колени. Корабль продолжал набирать скорость: пять g, шесть... Хорошо, что плавно, с этим он еще может справиться, только бы не было резких толчков... Вот наконец перед ним стена рубки. За ней панель компьютера, его внутренности. Чтобы снять панель, нужно отвернуть четыре винта. Совсем простая задача. Вот только нужна отвертка... Еще несколько секунд, а взбесившийся корабль продолжал набирать скорость, пер вверх на полной мощности планетарных двигателей. Последние два винта он не стал отворачивать, просто рванул панель на себя и сломал край обшивки.

Четыре светлых небольших куба сразу бросились в глаза. Они притаились среди зеленых блоков компьютера. Словно четыре инородных чужих блока. Их даже не посчитали нужным замаскировать, окрасить под цвет остальных ячеек. Были уверены, что он не полезет в компьютер? Нет, скорее всего где-то есть дублеры... Даже если он найдет способ справиться с этими, включатся резервные... А кстати, как с ними справиться, отверткой? Нужен инструмент, что-нибудь солидное, плазменный резак, например, но он в другом отсеке. При шести g уйдет не меньше двух минут, и тогда уже, может быть, будет поздно. Корабль выйдет на курс, отключит двигатели. Неизвестно, включатся ли они снова...

Нужно что-то придумать немедленно, сейчас. Придумать, а не бегать по отсекам. Плазменным резаком он с ними не справится, он чувствовал, что грубые методы будут в этом поединке так же бесполезны, как бесполезны оказались лучеметы и все другое оружие еще в начале атаки.

Сколько у него времени? Корабль пробьет атмосферу минуты через две, если режим разгона не изменится. И потом скорее всего начнет разворот. К тому времени он должен быть в кресле. Каждая проигранная секунда вела его и корабль к неизвестной цели, которую уготовили его противники.

Какое-то время ему казалось, что выхода нет, что он не успеет ничего придумать, что он проиграл и корабль никогда не вернется к людям... Четыре пластмассовых ящичка его доконали... Вдруг он подумал, что они маленькие... Ничтожно маленькие по сравнению с тысячью блоков компьютера, заполнявших всю поверхность ниши за переборкой. Как же они сумели втиснуть в такой объем сложнейшую программу управления кораблем? И вдруг он вспомнил, что автоматика включилась только после того, как он случайно повернул рукоятку локаторов... Тут что-то было, какая-то связь. Автоматика и локаторы... Антенны! Ну конечно, антенны! Как он сразу не догадался! Нет там никакой программы. Приемник команд, вот что там такое! Кораблем управляют снаружи. А раз так, то корпус должен быть надежным экраном, и если отключить антенны... Он бросился к креслу. Вряд ли его неуклюжие движения под прессом перегрузок походили на бросок. Все же через несколько секунд он втиснулся в кресло, застегнул страховочные ремни. Трудно было предугадать, как поведет себя корабль после отключения антенн. Сможет ли он им управлять? И что они предпримут в ответ?

Щелкнул тумблер, погасли экраны локаторов... И ничего не случилось. Наверное, им потребуется какое-то время для того,

чтобы понять, что произошло, и принять новое решение. Этим надо воспользоваться... Он осторожно, буквально по миллиметру потянул на себя рукоятку ручного управления. Корабль слушался! Теперь слушался! Он тут же включил боковые двигатели и сразу до отказа повернул рули, заваливая корабль набок настолько круто, насколько могли выдержать перегрузочные амортизаторы и он сам. Его прижало к креслу, мысленно он видел, как нос машины очерчивает в пространстве пологую кривую параболу, постепенно возвращавшую его к планете. Уже через несколько секунд он начнет снижаться, но сейчас скорость корабля упала, и для них это самое удобное время что-нибудь предпринять... Чего они ждут?

И тут он понял. Для того чтобы сориентироваться, чтобы правильно закончить маневр и хоть приблизительно направить машину в нужное место, ему придется хотя бы на секунду включить локаторы, не зря его лишили оптики. Этим они и воспользуются.

Выбора у него не было. Как только на альтиметре появилась цифра восемь тысяч метров, он переключил двигатели и бросил корабль вниз к поверхности планеты по крутой траектории с такой перегрузкой, что в глазах потемнело. Исправлять курс, доворачивать он будет потом, у самой поверхности. Им потребуются считанные секунды, чтобы рассчитать его маневр. Как только они поймут, последует немедленная атака, потому что иначе они вообще не успеют. Он взглянул на секундомер. Все, больше медлить нельзя. Он вырубил двигатели и включил сразу все локаторы. Прежде чем экраны прогрелись, корабль содрогнулся от серии взрывов.

Вокруг него в пространстве лопались металлические хлопушки ракет. Ротанов почувствовал удовлетворение, потому что это означало, что они растерялись, не смогли выдержать до конца правила игры, которые сами же предложили, не сумели достичь неизвестной ему цели, ради которой и была затеяна вся эта сложная инсценировка. Теперь они пытались попросту уничтожить корабль и тем самым признавали свое поражение.

«Ну, это мы еще посмотрим... Противометеорная защита ближнего действия работает без локаторов, так что прямые попадания мне не грозят, только и для них это, конечно, не секрет. Сейчас они двинут чем-нибудь посолидней».

Экраны наконец прогрелись, и он увидел стремительно приближавшуюся поверхность планеты. Маневр был рассчитан правильно. Ему нужно выиграть еще минуту, не больше, потом им придется бить по поверхности планеты. Вряд ли они рискнут

применить там что-нибудь действительно мощное, а обычные ракеты ему не страшны. Так что они постараются врезать ему именно сейчас в эти самые считанные секунды. Нельзя терять из виду ни одного экрана. Снизу идут обычные ракеты, целых пять. Эти не страшны. Вон она... Сверху... Эту хорошо бы перехватить на дальних подступах... Он толкнул плечом турель противометеорной пушки и нажал педаль. Экраны горели ровным немигающим светом. Выстрела не последовало... Тогда вниз еще круче, это все, что ему остается... Двигатели не включаются!.. К черту локаторы! Ничего с ним не случится, если он не увидит, как врежет по нему эта штука... Вот так, теперь двигатели включились! Пожалуй, достаточно, импульс был сильным. Придется снова включать локаторы... Он включил их ровно на одну секунду. За эту секунду он успел убедиться в том, что идущая на него сверху ракета проскочит над кораблем. Даже если она с самонаведением, не успеет скорректироваться, слишком велика у нее масса, и только потом, развернувшись, снова пойдет на корабль. Но тогда уже будет поздно, он успеет приземлиться... Прежде чем он выключил локаторы, двигатели дали дополнительный импульс без всякого его участия. Теперь он не знал, сможет ли затормозить. И даже если успеет погасить лишнюю скорость, сесть без локаторов невозможно. А стоит их включить, управление полностью выходит из-под его контроля... Похоже, они все же его прижали... Он закрыл глаза, чтобы не отвлекаться, и вызвал в памяти изображение поверхности планеты, виденное на экране секунду назад. Мысленно он как бы продолжил ее движение, сам себе пытаясь заменить локатор... Вот! Именно в это мгновение темное пятно радиусом в несколько километров должно было заполнить весь носовой экран. Он толкнул вперед сразу оба тумблера носовых двигателей. Разворачиваться для посадки кормой вперед уже не было времени. Двигатели взревели, и почти в то же мгновение корабль содрогнулся от страшного удара по корме, пробившего поле противометеорной защиты. На секунду он, кажется, потерял сознание, но даже не заметил этого, потому что, прежде чем корабль завалился на правый бок, он успел его выровнять коротким ударом боковых двигателей и еще раз принял всю массу корабля на носовые, сам удивляясь тому, что они еще работали и держали махину корабля на своем огненном столбе. Секунду он висел неподвижно неизвестно на какой высоте, потому что альтиметр как будто взбесился после того удара. С отчаянием он понял, что это последняя секунда, что больше ему не справиться с машиной, не удержать равновесия.

И тогда он плавно потянул на себя рукоятку остановки реактора, миллиметр за миллиметром подтягивая ее к себе, почти физически ощущая, как падает мощность, уменьшается тяга носовых и все ближе, ближе невидимая поверхность планеты. Выбросив носовые опоры, рванул красную рукоятку аварийной посадки. Почти сразу по бокам хлопнули четыре пиропатрона, открывая дюзы резервных двигателей разового действия.

Они выровняли раскачивающийся корабль, повели его вниз. Но их действия хватит на сто метров, и если он просчитался, если до поверхности окажется чуть больше этого расстояния, то корабль всей массой навалится на опоры, сомнет их и рухнет набок... Даже десяти метров будет достаточно, чтобы превратить машину в груду металлолома. Но почти сразу он почувствовал мягкий толчок, двигатели отключились автоматически, как только опоры коснулись поверхности, и все стихло. Еще секунду-другую скрипели амортизаторы, легкая дрожь пробегала по переборкам, потом смолкла и она. Корабль прочно стоял на опорах, и, значит, ему удалась эта немыслимая слепая посадка на искалеченном корабле. Он подождал еще секунд десять, ожидая продолжения обстрела. Взрывов больше не было.

Когда Ротанов распахнул дверь входного шлюза, лес вокруг корабля горел. Он горел как-то нехотя, чадящим красноватым пламенем. Странно выглядел с высоты сорока метров этот горящий под ногами лес. Деревья прикрывали только опоры, вся остальная громада корабля вздымалась высоко над ними и была отличной мишенью. Чего они ждут, почему не стреляют? Тишина, нарушаемая только треском пожара, показалась ему оглушительной. Пожалуй, нет им резона стрелять... Если он просчитался и сел далеко от базы, они доберутся до него первыми и попытаются захватить корабль, а не разрушать его. Надо готовиться к встрече...

Задрав голову, он осмотрел корму, принявшую на себя тот единственный, прорвавшийся сквозь защиту удар. Сильно помято хвостовое оперение, возможно, смещены кормовые дюзы. Это все мелочи. Главное — уцелел пространственный реактор... Защита заставила ракету взорваться в стороне от корабля и приняла на себя основной удар.

Пожар постепенно стихал. Чужой лес горел молча и глушил огонь в лохмотьях жирного черного дыма. С востока в пожаре уже появились просветы, похоже, через час-другой огонь вообще сойдет на нет. Но все же вокруг корабля выгорело достаточное пространство, и никто не сможет перейти его незаметно.

Занятый проверкой немногих оставшихся в его распоряжении сторожевых и защитных систем, не связанных с центральным компьютером, Ротанов не переставал думать о том, зачем синглитам понадобилась такая сложная и хитрая процедура. Может, они хотели заставить его запустить пространственный конвертер? Это, пожалуй, всего вероятнее. Ведь они незнакомы с принципом пространственного перехода, и конвертер наверняка показался им бессмысленной трубой. Они хотели узнать, для чего служит этот неизвестный механизм. Это была не такая уж нелепая попытка, они не могли знать, что конвертер включается только на околосветовых скоростях в глубоком космосе... Вряд ли он поймет истинные причины, которыми они руководствовались, важно то, что он выиграл поединок, посадил корабль. Теперь все зависело от колонистов. Если бы только их отряды подошли первыми! Может быть, удастся не устраивать здесь баталии, а поднять корабль, например, ночью и отвести его к базе.

Наверно, от дыма пожара Альфа казалась фиолетовой, почти красной. Она уже касалась горизонта, когда он заметил движение на дальних подступах к кораблю. По тому, как свободно, не прячась, шли люди, он почти сразу догадался, что это отряд колонистов.

Они радовались кораблю, как дети новой большой игрушке. Разошлись по всем отсекам, разглядывали каждый механизм. Пришлось временно перекрыть управляющие отсеки и все другие помещения, где незнакомые с устройством корабля люди могли попасть в опасную ситуацию. Он едва успевал отвечать на расспросы. Когда немного утихла радость от благополучного исхода сложной операции, стали думать, что делать дальше.

Охотники захватили на окраине города три ракетные установки, обстрелявшие его корабль, и вывели их из строя. Но могли быть другие, еще неизвестные разведчикам. Поэтому решили подниматься с наступлением полной темноты. До базы оставалось всего десять километров. Ротанов надеялся выполнить этот последний подскок с включенными локаторами.

По сведениям охотников, с наступлением темноты всякая деятельность синглитов прекращалась. Это было как-то связано с их биологией, и в этом еще предстояло разобраться, сейчас же важно другое: управляющие передатчики синглитов не смогут помешать. Ночью страшны только люссы, но ни один люсс не сможет пробиться сквозь поле корабельной защиты.

Через час после наступления темноты корабль плавно опустился на площадку Совета около основной базы колонии.

* * *

Это было немыслимо! Ротанов отбросил очередной блок. Он сидел перед большим чертежом. Линии прыгали перед глазами. Десятый день он сидит на площадке перед кораблем, стараясь разобраться хотя бы в основном принципе, на котором работала чужая аппаратура, набитая в четыре пластмассовых куба. Примерно девятьсот контактных точек обнаружил он на поверхности. От них вглубь уходили тонкие, как волос, проводники. На экране электронного искателя он мог просматривать все содержимое блока слой за слоем, хоть на молекулярном уровне, и все равно ничего не мог понять. Там не было ни одного активного элемента. Ничто не усиливало электрический ток, никуда не подходило питание, и все-таки ток был внутри этой сумасшедшей схемы. Целые потоки электронов шли в различных направлениях, усиливались, ослаблялись, словно бы сами собой, по щучьему велению, меняли направление движения... Мало того, вся схема этого чертового куба не была постоянной. Она менялась, и там, где недавно были накопленные на невидимых емкостях электрические потенциалы, при следующем просмотре того же самого места он мог обнаружить все что угодно, начиная от индуктивности и кончая односторонней проводимостью кристалла. Куб выдавал из своего непостижимого нутра все те команды для исполнительной аппаратуры корабля, которые едва не кончились катастрофой, и сейчас он тоже что-то выдавал на все свои выходные точки, дикую смесь непонятных электрических сигналов...

В этом куске кристаллической массы был ключ к основной проблеме, к возвращению домой земных кораблей... Между прочим, и его корабля тоже... Прежде чем разработать план дальнейших действий, он должен был знать, способна ли их электроника заменить земной компьютер... В том, что она способна на многое, он уже не сомневался, но ему нужно было установить порядок сложности задач, которые может разрешить один такой блок, и узнать хоть приблизительно, сколько блоков понадобится для решения задачи пространственного перехода, возможно ли принципиально решение подобных задач с помощью этой электронной абракадабры.

Два человека спускались к нему по тропинке. Он просил не беспокоить его без крайней необходимости и сейчас с раздражением смотрел на приближавшихся людей. Прежде чем они подошли, он уже взял себя в руки. Само раздражение говорило о том, что пора сделать в работе основательный перерыв.

К нему подошли доктор и председатель Совета. После посадки корабля без его участия не решалось ни одно важное дело.

Корабль стал как бы центром, вокруг которого сосредоточились все надежды колонии на ближайшее время. Он был еще и символом... символом Земли. Без корабля Ротанов, несмотря на все полномочия и документы, был всего лишь пилотом, и только теперь, когда высоко над зазубренной вершиной хребта вздыбились сверкающие фермы и четкие линии звездолета, он стал для них представителем Земли.

Началось обсуждение текущих дел. Заканчивалась прокладка бронированных кабелей из пещер к энергосистемам корабля, велись работы по освоению техники, привезенной им для колонии. И, хоть большинство аппаратуры вышло из строя во время перехода, все же многое сохранилось, и теперь колония располагала хорошим парком станков для литья из сверхпрочного пластика любых деталей. Можно было не беспокоиться о запасных частях для механизмов и оружия. Трудный ночной сезон впервые пройдет без особых проблем. По настоянию Ротанова заканчивалось проведение подземного хода из пещер к корабельному шлюзу. Как только он будет готов, корабль превратится на всю долгую зиму в главный форпост колонии. Корабельными энергетическими установками и силовыми полями можно будет прикрывать любые опасные участки, если только он сможет восстановить хотя бы простейшие функции корабельной электроники. Все упиралось в электронику. Без нее сложнейший организм звездолета превращался как бы в старинный паровоз, могучий, но тупой и неуклюжий. Хорошо хоть предусмотрели ручное управление главного реактора. Сколько ему пришлось за это биться! И вот теперь они располагают энергией.

Когда с делами было покончено, доктор отвел Ротанова в сторону.

— Одна моя пациентка хотела бы поговорить с вами...

— Какая пациентка? — не сразу понял Ротанов. — Неужели Анна?

— Вот уже третий день... Просила не говорить вам, ждет, что вы сами догадаетесь о ней спросить и придете...

Дорога вниз к жилым пещерам была довольно долгой. Ротанов шел рядом с доктором и думал о том, что повезло только ему да вот еще Анне. Главной проблемой, даже подходов к которой пока не видно, оставалась действенная защита от люссов.

— Как вы считаете, у нас с Анной природный иммунитет?

— Трудно что-нибудь сказать определенно, мы мало знаем о механизме воздействия люсса. То, что я вам рассказывал, это только догадки. А что касается иммунитета... Гибернизация ослабля-

ет наследственность, а мы все потомки тех, кто много лет провел в корабле в замороженном состоянии. Первое время люди сильно болели. Часто рождались калеки. Так что не знаю, с Анной все очень сложно. Может быть, постепенно наследственность стабилизировалась, может быть, она одна из тех, кто пришел в норму.

— Вы хотите сказать, что воздействие люсса на здорового человека с неповрежденной наследственностью безвредно?

— Я не знаю. Это только предположение. Когда прилетят другие люди, можно будет сделать выводы, пока мы имеем всего два случая. Ваш и Анны. Проще всего их объяснить природным иммунитетом. Как у вас дела с электроникой, удалось в чем-нибудь разобраться?

— Нет.

— Я так и думал.

— Почему? — с интересом спросил Ротанов.

— Чужой разум, чужая логика. Чем дольше они развиваются, тем меньше в них человеческого.

— Меня в них поражает совсем не это... Вот вы говорите, чем дольше, тем меньше в них человеческого. Но возьмите ту же электронику. Ведь это творчество, доктор, и какое! То, что они создавали до сих пор все эти роллеры, механизмы, это все они взяли готовым из наших чертежей, книг — повторять могут и роботы. Только творчество — свойство разума. А вы говорите — мало в них человеческого.

— Вы меня не поняли. Разум может принадлежать не только людям. Вы же не собираетесь утверждать, что возможен лишь человеческий разум или только наша логика, наша мораль?

— Ну уж вы и о морали заговорили. Конечно, с этим невозможно спорить. Они другие.

— А знаете почему? Надкорка, кора — это все они копируют с человека. Мало того, все, что есть в самой коре в момент снятия копии, принадлежит одной конкретной личности. Но только в момент снятия копии. Дальше все меняется, вновь созданная система динамична.

— То есть появляются свой опыт, свои воспоминания?

— Не только это. Дело в том, что подсознание у них вообще не копируется. Я подозреваю, что эту область они целиком наследуют от люссов. И все инстинкты, их способность телепатического общения — это все оттуда... В общем, возникает новая личность, и чем дальше она развивается, тем меньше похожа на первоначальную...

— Я все время думаю, что эти события — результат трагической ошибки.

Доктор с интересом посмотрел на него.

— Вы первый, от кого я это слышу. Но вам легче судить. Над вами не довлеют наши обстоятельства, наши беды.

— Возможно. Мы оставляем планету даже в том случае, если не можем ужиться с местной фауной, если возникает угроза уничтожения какого-нибудь вида, даже тогда люди предпочитают уйти, а здесь разум! Пусть даже он возник в такой странной, неожиданной форме, пусть сами люди явились причиной его возникновения...

— Гибель людей...

— Да. Простите. Но это все равно не меняет сути дела. Войну пора прекращать.

— У вас есть какой-то конкретный план?

— А как вы думаете, они способны соблюдать взятые на себя обязательства?

— То есть можно ли с ними вести дипломатические переговоры? Ну знаете, у нас это никому не приходило в голову!

— А жаль... Надо бы попробовать.

— Вряд ли они вообще поймут вас. В их представлении люди только материал для создания новых синглитов. Они предназначены на эту роль самой судьбой, может, вы и с люссами собираетесь договориться?

Ротанов ничего не ответил. Он думал о том, что они уже проиграли. Если бы не его корабль, предстоящая ночь стала бы для колонии последней.

— Где инженер?

Доктор пожал плечами.

— Я его редко вижу на базе, наверно, готовит очередную операцию.

— Без этого ему скучно, что ли?

— У него дочь погибла и жена. Я его понимаю.

— А я нет! — резко сказал Ротанов, и вдруг из охватившего его чувства возмущения и гнева неожиданно родился план. Сразу весь, целиком, со всеми деталями. Он резко остановился, так что доктор, идущий сзади, от неожиданности налетел на него.

— Что случилось?

— Ничего. Пока ничего, но, кажется, я знаю, что делать дальше.

В палате, где лежала Анна, тихо гудел кондиционер. Сухой прохладный воздух шевелил колючую рыжую ветку, торчавшую

у изголовья ее постели. Ротанов пожалел, что не догадался захватить с собой семена земных цветов. Вместо электронного хлама, который пошел на свалку, нужно было привезти горсточку семян.

Он сидел у ее изголовья и молчал. Не хотелось говорить банальные фразы, которые принято говорить больным, а других, нужных слов у него не находилось. Анна тоже долго молчала, словно понимала, что слова сейчас не нужны. Ротанов потрогал ветку, точно проверял, остры ли колючки.

— Скоро мне разрешат выйти. Я не хотела, чтобы вы приходили сюда.

— А доктор сказал, что...

— Это ему так кажется. Они все думают, что мне скучно. Но это не так, мне бывает грустно, но только оттого, что я боюсь опоздать и не увидеть солнца в эти последние дни, потом его придется ждать так долго.

— Я вам обещаю сделать подарок, когда вы выздоровеете. — Он старался не смотреть на нее, так сильно похудело и заострилось лицо девушки.

Анна улыбнулась.

— Мне все делают подарки. Вот даже инженер раздобыл где-то коробку конфет. Это большая редкость у нас. Почти реликвия...

Ротанов улыбнулся, услышав о конфетах. В плане, который он продумал, спускаясь к Анне, не хватало одной маленькой детали...

— Мой подарок будет совсем другим. Я подарю вам мир.

— Весь, целиком? — шутливо спросила Анна, словно не понимая его.

— Нет. Пока только дневную половину, но зато это будет настоящий мир, без подделки! Без войны, можно будет бегать босиком, ловить рыбу, уходить из дома в походы на десятки километров, разжигать костры... и не надо будет бояться...

— Вы шутите...

Он видел, как заледенели, расширились ее глаза, как секунды две она боролась, но все же показались слезы.

— Не надо так шутить... Это жестоко...

— Я не шучу, Аня! Я вам обещаю, чего бы это ни стоило, так и будет!

Слезы застыли у нее в глазах, а сами глаза на бледном лице показались Ротанову двумя огромными черными озерами. И вдруг она ему поверила сразу, без оглядки, как тогда у ночного костра... Что-то дрогнуло у нее в лице, она нашла его руку и сжала.

— Мне трудно представить, как это будет, Ротанов. Никто из наших не сможет даже вообразить такой жизни.

— Ничего. Постепенно привыкнут.

Он поднялся, но все никак не мог преодолеть неловкость. Оставалось еще одно небольшое дело, и он не знал, как к нему подступиться.

— Я хочу попросить вас об одолжении, Аня...

Она смотрела на него выжидательно, чуть удивленно.

— Подарите мне вашу коробку конфет. Она мне понадобится для очень важного дела...

К счастью, она ничего не спросила. Вряд ли он сумел бы объяснить, для чего ему это нужно.

8

Солнце стояло в зените, когда Ротанов миновал последний сторожевой пост и вышел на тропинку, ведущую к городу.

Труднее всего было уговорить председателя отпустить его без охраны и оружия. Он и сам понимал, насколько это опасно. Хотя синглиты стремились избегать кровопролитных стычек и без нужды не применяли оружия. Многие считали, что это происходит вовсе не из-за их гуманности, просто они «берегли материал», как выразился один из охотников, и, вместо того чтобы убивать пленных, оставляли их связанными в лесу, предоставляя все завершать люссам. На тех же, кого считали особо опасными, синглиты устраивали настоящую охоту и проявляли немало изобретательности. Так что на гуманность рассчитывать не стоило, скорее уж на благоразумие... Должны же они сообразить, что теперь, после угона звездолета, после восстановления связи колонии с Землей соотношение сил изменилось не в их пользу.

«Гуманность, благоразумие... Слишком много я им приписываю человеческого. Мне просто фантастически повезло в тот раз, когда я благополучно выбрался из города. Так нет, меня несет туда снова... Ну почему не дождаться прилета Олега и не попытаться самим наладить компьютер? Сверкнет огненный глазок, вон хоть из-за этого кустика, и все на этом кончится. Радиосвязи у них нет, видите ли. Блоки для корабельных компьютеров у них есть, а связи у них нет, и нельзя предварительно ни о чем договориться. Писем они не читают, в плен не сдаются, остается выступить в качестве мишени. Нет другого выхода...»

Выход, может, и был, но он выбрал самый короткий путь, разработал план, который обещал в случае удачи покончить с войной, и не собирался от него отказываться.

«Вот вернусь на Землю, возьму годовой отпуск, и пусть провалятся все эти Альфы, Гидры, синглиты, люссы...»

Но он совершенно точно знал, что никуда отсюда не денется. Раз в жизни выпадает человеку удача наткнуться на чужих планетах на что-нибудь по-настоящему невиданное, на такое, ради чего, собственно, люди стремились к звездам... Визит к рэнитам по сравнению с этим казался ему теперь пустяковым развлечением.

Горячий ветер догнал его сзади со стороны леса и, подняв облачко пыли, понесся по дороге дальше к городу. Рыжая тропинка, рыжая трава на ее обочинах, даже ветер от пыли кажется здесь рыжим. Стрелять они определенно не собирались. Он дошел до самой окраины, так никого и не заметив, хотя наверняка миновал не один их дозорный пост.

Все заброшенные развалины выглядят одинаково, но в облике города было нечто, говорящее о том, что жизнь не окончательно покинула его руины. Наверно, это впечатление создавала белая башня, взметнувшаяся метров на пятьдесят над центральной частью города. Что у них там — локаторные станции? Труба вентиляции от подземных цехов? С исчезновением Филина колония перестала получать сведения о жизни города. Он один из всех разведчиков умел безнаказанно проникать в город.

Интересно представить, как будут выглядеть города на этой планете лет через двести. Если развитие пойдет дальше своим естественным путем без вмешательства людей, то, пожалуй, города исчезнут вовсе. Синглитам не нужны здания, разве что для производственных цехов. Но их лучше располагать под землей. Сами же они не нуждаются в домах. И не только в домах, одежда им тоже не нужна, она мешает их коже поглощать энергию солнца, так что одежда и здания для них — атавизм, остатки прошлого. Им все равно, где жить, здесь или в лесу. И держатся они за город потому, что в нем сосредоточены их производственные ресурсы.

Как знать, не война ли явилась причиной такого бурного развития их промышленности? Нужно ли будет им производство в мирных условиях? Есть ли вещи, в которых они нуждаются по-настоящему? Даже этого люди не знают, а для успеха его плана было чрезвычайно важно определить какие-то предметы производства или технологические процессы, найти малейшую зацепку, чтобы предложить что-нибудь, с их точки зрения, стоящее, в обмен на их фантастическую электронику...

Печальный скрип и последовавший за ним грохот заставили его резко обернуться. Соседнее здание накренилось, упало несколько обломков, секунду стена колебалась в неустойчивом равновесии, да так и осталась, словно раздумала падать.

«Что-то я слишком беспечен... — подумал Ротанов. — С чего бы? Город словно вымер, но это впечатление обманчиво. Надо быть внимательнее».

Первого синглита он заметил, когда прошел всю окраину. Синглит стоял у здания, похожего на замок, в котором прошлый раз была резиденция их координатора, назвавшего себя Бэргом. Похоже, это часовой. Синглит стоял у входа в здание неподвижно, положив тяжелый раструб излучателя на сгиб локтя. С виду обыкновенный парень лет двадцати, в шортах и без рубахи. Когда Ротанов подошел шагов на тридцать, он уже так не думал, потому что кожа этого существа вовсе не походила на человеческую. На ней не было ни одной морщинки, ни одного волоска. Атласная ровная поверхность темного, почти шоколадного цвета казалась искусственной, почти неприличной. Так, наверно, будет выглядеть манекен, если его без одежды поставить посреди улицы.

— Мне нужно видеть Бэрга, — четко, словно разговаривал с глухим, произнес Ротанов.

— Бэрг занят.

— Скоро ли он освободится?

Часовой молчал. Может быть, не расслышал или не желает отвечать?

— Мне подождать?

— Бэрг занят. Можете говорить со мной.

Это неожиданное предложение его не устраивало. Возможно, у них так принято и нет никакого координатора, все равно к Бэргу он привык, приготовился к беседе именно с ним и не желал решать важные вопросы, стоя посреди улицы, с первым встретившимся синглитом.

— Мне нужен Бэрг.

— Бэрг занят. — Часовой даже интонации не переменил.

Но Ротанову почудилась в его взгляде скрытая насмешка, и он ощутил глухое раздражение. Но тут же напомнил себе, что пришел в чужой дом и, следовательно, нужно было принимать чужие правила такими, какие они есть.

— Хорошо. Я приду позже. — Он повернулся и пошел дальше по улице, все время ощущая на спине холодок от того, что излучатель был в боевом положении и от того, что не знал, каким будет следующее правило.

Он прошел своей мягкой, но напряженной походкой до самого переулка. Ни звука, ни шороха не раздалось за спиной. По-прежнему нещадно палило солнце, с него градом катился пот, когда он завернул в переулок, хотя минуту назад вовсе не ощущал жары. Нужно было сразу решить, что делать дальше, потому что самым глупым было вот так расхаживать по улицам, где за каждым углом таилась неизвестная опасность. Еще опасней было бы сейчас прятаться, потому что он пришел открыто, без оружия и не желал без нужды лишать себя этого небольшого преимущества. Часа два нужно чем-то заняться, прежде чем попытаться еще раз увидеть Бэрга.

Ротанов все еще раздумывал, что делать, когда сзади послышались шаги. Он повернулся и стал ждать, стоя так, чтобы тот, кто выйдет из-за угла, наткнулся на него неожиданно. В то же время он не прятался, просто стал вплотную к углу дома. Все его предосторожности оказались напрасными, потому что тот, кто шел по улице, отлично разгадал его маневр, словно видел сквозь стены, и остановился, не доходя до угла дома нескольких шагов.

— Ротанов! — позвал его знакомый голос. И сердце вдруг ударило быстрее — всего два раза, не больше. Наверно, из-за того, что он только что думал о ней... Об этом существе, похожем на земную женщину...

Она стояла за углом, вытянувшись, словно по стойке «смирно». Он все никак не мог привыкнуть к их неестественным для человека позам.

— Зачем вы прячетесь? — спросила она.

— Я вовсе не прячусь. Услышал шаги и ждал.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Снимите куртку.

Ротанов послушно снял куртку. Достал из внутреннего кармана небольшой сверток и положил на землю.

— Что это?

— Это для вас. Поговорим об этом позже, можете взять сверток себе.

— Ладно. Оставьте. Мне поручено выслушать вас. Зачем вы пришли?

И опять он не знал, что ответить, потому что не хотел сложные вопросы обсуждать на ходу, посреди улицы, под дулом излучателя в сорока шагах.

«Как сильно они нас боятся и как мало знают», — с горечью подумал он, мучительно ища выхода из создавшейся нелепой ситуации.

— Неужели обязательно вот так, здесь?.. Может быть, пройдем к вам? Разговор будет долгим и непростым.

— Нет. Говорите сейчас.

— Но почему, ведь раньше...

— Раньше вы не крали у нас корабль. Теперь вы враг, но мы готовы вас выслушать. Говорите!

— Я не крал у вас корабля. Не забывайте, этот корабль не принадлежал вам, я на нем прилетел.

— Это правильно. Если бы вы улетели на этом корабле. Но вы передали его нашим врагам. Мы этого не забудем.

— Не забывайте также, что ваши враги — мои соотечественники. Но я передал им корабль не для продолжения войны. Только для обороны против нападения люссов. Я обещаю, что корабль не будет использован в войне против твоего народа! Но вслед за этим кораблем прилетят другие. Вам все равно придется рано или поздно вести переговоры с людьми. Не лучше ли начать сейчас? Зачем лишние жертвы? Планета большая, здесь хватит места и вам, и людям, зачем уничтожать друг друга?

— Люди сами начали войну. Людям нравится война, а сейчас ты пытаешься нас убедить, что вы хотите мира. Я не знаю, зачем ты лжешь. Люди любят прятаться за углами и нападать из засад, не надо только считать нас простаками. Мы не верим тебе.

— Проще всего не верить... Думаешь, мне легко было убедить наших согласиться на прекращение войны? Но они согласны. Я принес вам их согласие на мир, они готовы забыть все годы войны, им нелегко это сделать, но они обещают, а люди всегда держат свое слово. Вы ведь ни разу даже не пробовали заключить с ними договор, почему бы не попытаться сейчас?

— Пусть ваши корабли прилетают. Мы сумеем подготовиться; к их приходу здесь не останется людей. Нам не о чем говорить.

Он чувствовал себя так, словно все глубже погружался в трясину. Они не понимали друг друга. Наивно было надеяться на легкий успех. Прав был доктор, предупреждая его, что взаимопонимание невозможно. Слишком различны цели, различны критерии в оценке средств, которыми они достигаются. Все напрасно, он проиграл... Груз войны оказался тяжелее, чем он думал. Ничего не даст даже прилет Олега. Они останутся на этой планете на долгие годы, может быть, навсегда... «Ведь мы для них только средство, просто живой материал для размножения себе подобных, они даже не знают другого способа, это просто такие вампиры, разновидность люссов!..» Так ему говорили, а он не поверил... Не верил и сейчас, несмотря ни на что, дорога оказа-

лась дольше, чем он думал, труднее... Ротанов медленно повернулся, прошел шаг, другой и обернулся снова. Она все стояла — точеная, неподвижная статуэтка.

Тогда он вернулся и протянул ей сверток, неловко зажатый под мышкой.

— Это тебе подарок. От одной земной девушки. Она любит солнце, любит разжигать костры, любит бегать по траве босиком, не знаю, можешь ли ты это понять... Однажды ты помогла мне... Я никогда этого не забуду. И все равно не позволю вам убивать друг друга, чего бы это ни стоило.

Она взяла коробку, он подавал осторожно, чтобы не коснуться ее холодных пальцев, и заметил, что на запястье у нее блеснуло что-то очень знакомое, какие-то металлические квадратики тусклого матового цвета, почти сливающиеся с кожей.

— Ротанов... Ты не должен больше приходить в город. Больше тебя не пропустят.

Он кивнул ей в знак того, что понял, и пошел прочь, уже не оглядываясь.

Филин проснулся на рассвете. Несколько секунд он тупо рассматривал куст, под которым лежал. Длинная фиолетовая пружина, вся усыпанная холодными каплями росы и ворсистыми пупырышками, раскачивалась над самым его лицом. Он точно помнил, как его несли, завернутого в сетку. Это было вечером, а сейчас утро, и он не знает, когда уснул и как оказался под этим кустом.

С зудящим жужжанием мимо пронеслась стреконожка, похожая на рогатую летающую змею. «Интересно, куда девались синглиты, которые меня схватили?» — вяло подумал Филин. Ему совершенно не хотелось вставать и выяснять обстановку. Было приятно лежать так, лениво расслабившись, смотреть на застылый под росой куст и ждать, когда первые лучи солнца коснутся его обнаженной кожи... Эта мысль показалась странной, он чуть шевельнул рукой и убедился, что на нем, кроме коротких шорт, не было никакой одежды. Но ему совершенно не было холодно. Может быть, они бросили его здесь недавно или попросту потеряли? К чему утруждать себя сложными рассуждениями, ему хорошо и так. «Вернутся, не вернутся... Какая разница».

«Пим», — сказал кто-то отчетливо. Он точно знал, что этот звук идет словно бы изнутри, и, лежа с закрытыми глазами, был совершенно уверен, что вокруг никого нет и нечего бояться. А сам этот звук к нему не имеет пока отношения и не будет иметь,

прежде чем солнце не коснется его голодной кожи... «Кожа не бывает голодной... — возразил он себе, — ну хорошо, холодной... Зачем цепляться за какие-то пустяки?» Очень хочется спать, он проснулся слишком рано... Нужно было подождать, пока солнце спустится пониже... Далось ему это солнце... Когда он ел последний раз? Вообще сколько прошло времени с тех пор, как он так нелепо попался?..

«Спать, — сказал он себе. — Не нужно ни о чем думать, нужно только спать и ждать солнце». Но сон не шел. Мешала странная тревога, совершенно неуместная в таком уютном и спокойном месте. Для того чтобы покончить с ней, он решил пойти на уступки и спросил себя в упор: «В чем дело? Чего тебе надо?» И кто-то маленький внутри него, маленький и совершенно незначительный, но все же дьявольски упрямый, сказал: «Мне надо знать, какого черта ты валяешься посреди леса голый, вместо того чтобы идти на базу выручать пилота, и вообще, что, собственно, произошло?»

Вопрос требовал ответа, а его не было. Филин ворочал вопрос как каменную глыбу и чувствовал, что чем сильнее он хотел ясности, тем больше становилась глыба, словно тяжелая рука опускалась на лоб, глушила сознание. Тогда он рассвирепел окончательно, и это помогло ему сесть. Солнце поднялось достаточно высоко, он лежал на самой вершине холма и заметил это только сейчас, когда приподнялся.

Теперь его голова и плечи попали в полосу солнечного света, но он не ощутил тепла. Однако гложущий голод стал его отпускать, исчезли навязчивые мысли о пище и думать становилось с каждой минутой все легче. Но вместе с этим облегчением росла тревога, он будто постепенно приходил в себя после долгого тяжкого забытья и сразу же ухватился за эту мысль, потому что она хоть что-то объясняла.

Они могли ударить его и не рассчитать удара. Решили, что с ним все кончено, и бросили здесь, в лесу... «Ну да, вечером, накануне сезона...» Он тут же отогнал прочь эту ледяную, хватающую за горло мысль. В конце концов, ему могло повезти, никому не везло, а ему повезло, что ж здесь такого?..

«Ведь я же прекрасно чувствую, знаю, что со мной все в порядке... — успокоил он себя, и потому, что ему приходилось себя успокаивать, ледяная рука на горле сжалась крепче. — Нет, этого не может быть! В этом так просто убедиться! — Он ощупал голову, потом лицо. Это ему ничего не дало. Ровным счетом ничего он не обнаружил. Не было следов удара и не было бороды. —

Выходит, они меня побрили...» Он понимал, что эта последняя дикая мысль его уже не спасет. Брился он последний раз на базе дней десять назад. Чтобы не сойти с ума от нарастающего ужаса, он запретил себе думать об этом, запретил анализировать и выяснять. Решил поступать и действовать так, как должен был действовать сейчас Филин, словно от того, что он не будет думать о том, что произошло, и будет вести себя так, будто ничего не случилось, он сможет отодвинуть этот кошмар, уменьшить его последствия...

— Фил, — сказал голос. — Тебе пора. Мы давно тебя ждем.

— Да, да, — ответил он машинально, — я сейчас...

Значит, нужно встать. Сориентироваться. Местность незнакома, но это ничего, если идти на двадцать градусов левее солнца, он так или иначе выйдет к реке и уж она выведет его к базе...

— Перестань дурить, Фил, тебе надо не на базу, а в город. Работы давно начаты.

— Я знаю. Я иду в город. — Он почти бежал, словно можно было убежать от того, кто приютился у него под черепной коробкой, от этого голоса...

Он бежал минут сорок, все время сверяясь по солнцу, стараясь не ошибиться в отсчете тех двадцати градусов, которые должны были вывести его к реке, и когда взобрался на высокий холм специально, чтобы осмотреться, то увидел прямо перед собой, не больше чем в трех километрах, город и понял, что проиграл. Тогда он сел на вершину холма. Перед глазами все смазалось, поплыло. У него не было даже ножа, чтобы убить себя.

— Не надо, Фил, — сказал голос. — Ты еще ничего не знаешь. Пойдем.

Он встал и медленно пошел к городу.

Выйдя из города, Ротанов первым делом разыскал роллер, который спрятал в кустах, километрах в двух от первых постов. С роллером, как он и надеялся, ничего не случилось. Он проверил и запустил двигатель. Машина запрыгала по ухабам. Им владели тупое безразличие и усталость. Ничего не вышло из его дипломатической миссии. Теперь придется искать какие-то другие, более сложные и долгие пути. Он ехал медленно, не обращая внимания на хорошо знакомую дорогу и не приглядываясь к окружающему.

До базы оставалось не больше получаса езды. Впереди показалась большая поляна, и он совершенно механически затормозил. Сработал рефлекс. На чужих планетах, прежде чем выехать на открытое пространство, следовало осмотреться и прислушать-

ся. Почти сразу он обнаружил присутствие посторонних. Кто-то затаился в кустах по бокам и сзади роллера. Это была хорошо организованная засада. Он чувствовал присутствие нескольких человек и знал, что они слишком близко, для того чтобы дать задний ход и пробовать прорваться обратно. В том, что там засада, он уже не сомневался и не ждал для себя от нее ничего хорошего, потому что, если бы здесь был какой-нибудь неизвестный ему пост, выставленный инженером в его отсутствие, они бы уже не прятались. У них было достаточно времени, чтобы узнать его роллер.

Тихо в лесу. Почему-то здесь всегда становилось тихо в момент напряжения или опасности, словно лес приподнимался на цыпочки, замирал и напряженно ждал, что будет дальше. Даже ветер не шумел в листьях, а только тихо и печально свистел, рассекаемый спиралями местных растений.

Если они хотели начать стрельбу, так уже пора, чего ждут? Незаметным движением он передвинул вперед рычажок включения резервных батарей, чтобы иметь в двигателе лишний запас мощности.

Минут пять они ничем не выдавали своего присутствия, и это ему не нравилось, потому что за эти пять минут он так и не смог определить, что собой представляет их засада. Он понимал, стоит ему двинуть роллер, как они откроют стрельбу, и потому ждал, предпочитая, чтобы они сделали первый шаг. За шумом мотора он ничего не услышит, а так у него все-таки оставался шанс уклониться от выстрела. Шанс очень незначительный, потому что из-за своей беспечности он подпустил их слишком близко. Передний пластиковый щиток прикрывал его от лобового удара, но он хорошо понимал, как ненадежна эта защита, и все же щиток заставит протонную гранату лопнуть чуть впереди, оставляя ему доли секунды для броска в сторону. Это был своеобразный поединок нервов: проигрывал тот, кто начинал первым... Наконец из раздвинувшихся кустов вышел человек. Он шел слишком уж спокойно, словно знал, что Ротанов не вооружен. Ротанов не удивился, узнав инженера. Рано или поздно этот человек должен был решиться на открытые враждебные действия против него. Все шло к этому.

Келер остановился в двух шагах.

— Я ждал вас.

— Это я понял. Что-нибудь еще?

— Да, я хотел бы знать, чем кончились ваши переговоры в городе?

— А почему вы надеетесь, что я стану отвечать, вместо того чтобы...

— Не делайте глупостей! Вы отлично знаете, что я здесь не один и что вы не успеете даже встать.

Он был прав, и Ротанов, расслабившись, вновь опустился на сиденье. Собственно, он и не собирался ничего предпринимать, только хотел проверить, как далеко зайдет инженер. По его ответу можно было не сомневаться в том, что на попятную он уже не пойдет и дела обстоят совсем скверно. Теперь, даже если они о чем-нибудь договорятся, обратного пути на базу инженеру не было. И он это прекрасно понимал. Его попросту арестуют. Сколько у него может быть верных людей? Десять человек? Пятнадцать? Их количество не имело особого значения, потому что после удачной операции с кораблем авторитета Ротанова было достаточно для того, чтобы покончить с авантюрами инженера. Именно это делало их встречу на лесной тропинке особенно опасной.

— Почему вас так интересуют результаты переговоров? — Ротанов старался отвлечь его, затянуть время, надеясь найти выход.

— С самого начала вы стали разрушать то, что я создавал так долго и с таким трудом...

— Что же это? — насмешливо спросил Ротанов. — Упоение собственной властью, возможность безнаказанно проливать кровь своих людей и уничтожать синглитов? Что еще у вас было? — Он специально старался разозлить его, чтобы вызвать на полную откровенность. Терять ему было нечего, в такие минуты человек излишне откровенен, надеясь на то, что его противник не успеет воспользоваться полученными сведениями.

— Нет, Ротанов. Не то. Я не поверил доктору с самого начала. Я был убежден, что после контакта с люссом ваша психика повреждена, в ваших действиях появилась скрытая враждебность к людям, опасность для всех нас, и я решил вам воспрепятствовать. Если бы не захват звездолета... Это перевернуло все мои планы, на какое-то время я даже усомнился в собственной правоте. Но ваш «миротворческий» поход в город убедил меня окончательно. Ждать больше нельзя, и я решил действовать. У меня давно уже был разработан хороший план. Я начал его готовить задолго до вашего появления.

«Он просто маньяк, — подумал Ротанов. — Опасный маньяк. Как я этого не понял раньше? Нужно было давно изолировать его, обезопасить, а теперь слишком поздно...»

— Мне едва не помешали. Председатель, этот выживший из ума старик, стал подсчитывать израсходованные на операциях

боеприпасы, взрывчатку. Он чуть меня не разоблачил, но тут появились вы, и всем стало не до меня.

— Зачем вам понадобилась взрывчатка?

— Вы слишком много хотите знать. Последний раз спрашиваю, есть у вас договор?

— А если нет?

— Это было бы печально. Но я надеюсь, что он у вас есть. И постараюсь в этом убедиться. Арон!

И тут Ротанов ошибся. Он решил, что инженер позвал кого-то из своих людей, но это было не так. Из кустов никто не вышел. Ротанов услышал лишь протяжный свист, и, прежде чем понял свою ошибку, тонкая металлическая игла вонзилась ему в запястье. Сразу же он выдернул ее, рванулся, но было поздно. Земля поплыла у него из-под ног, и почти мгновенно он потерял сознание.

Филин стоял у станка. Он точно знал, что нужно делать. Одновременно он чувствовал состояние всех сорока человек, находившихся в огромном подземном цехе. В воздухе плыли запахи разогретого пластика. Тихо ворчали моторы автоматических станков. Пластиковый куб появлялся из щели станка. Филин осторожно брал его, вставлял в коробку контроля и тут же словно превращал самого себя в чуткий измерительный прибор. Если все параметры изготовленной детали соответствовали норме, чувство приятного удовлетворения от хорошо сделанной работы усиливалось. Если же в детали был хотя бы незначительный дефект, он ощущал огорчение тем более сильное, чем серьезней была неисправность. Но такое случалось редко, потому что все сорок человек, работавших вместе с ним в цехе, прекрасно знали свое дело. Он получал возможность пользоваться умением и навыками каждого из них. В любую минуту мог получить дельный совет, не произнося ни слова, лишь испытав надобность в таком совете или почувствовав затруднение в работе. День подходил к концу. Филин не чувствовал ни усталости, ни тяжести. Его тело теперь не знало усталости. Исчезли мелкие боли, всю жизнь гнездящиеся в человеческом организме. Каждый орган, каждая мышца его обновленного тела функционировали четко и слаженно, без единого сбоя. Он мог бы работать без перерыва несколько суток с небольшими промежутками для облучения и пополнения запасов энергии, но этого не требовалось. Его ждали еще неизвестные удовольствия, которыми может вознаградить себя каждый, хорошо проведший свой трудовой день. Он с нетерпением ждал

окончания рабочего дня, потому что чувство любопытства и желание узнать, что еще ждет его, были достаточно сильны. После четырех часов работы каждый мог поступать как ему вздумается. Большинство оставались в цехе еще часа на два-три, но он еще так мало знал о своем новом мире, что вышел из цеха сразу же, как только истекло его рабочее время.

На улице в этот час было много прохожих. Когда кто-нибудь попадал в его телепатическую зону, он чувствовал волну доброжелательства или равнодушия, чаще доброжелательства, потому что встречные каким-то образом узнавали в нем новичка и старались ободрить его, поддержать. Среди прохожих встречалось немало красивых молодых женщин. Ему доставляло удовольствие смотреть на их гибкие стройные тела. Если он слишком пристально вглядывался в какую-нибудь молодую женщину, он чувствовал волну неудовольствия с ее стороны и сразу же отводил взгляд. Жаль, нельзя было понять, что они думали о нем. Только общий эмоциональный фон. Он мог воспринимать конкретные слова и мысли лишь в том случае, если они были обращены к нему непосредственно. Он уже знал, что семей здесь не бывает, потому что не бывает детей. Хотя почти каждый находит себе пару. Отношения людей слишком коротки — всего один сезон. Все кончается вместе с приходом сезона туманов. Он толком еще не знал почему. Но это его сейчас не волновало.

Пластариум размещался в здании бывшего городского театра. Снаружи такое же запущенное, как и остальные здания города, внутри оно поражало строгой рациональностью отделки. Блестел свежий пластик стенных панелей, никелированные поручни лестниц. Ни одного лишнего украшения, ни одной ненужной детали. Только необходимое. Здесь ничто не должно было отвлекать или рассеивать внимание. Эти залы требовали глубокого сосредоточения, собранности, и уже у входа нужно было создать у тех, кто сюда приходил, соответствующее настроение. Из прихожей в глубину помещений вели два прохода с черной и белой дверьми. Филин впервые пришел в этот зал, но уже знал о назначении дверей, как знал многое другое, не затрудняя себя особенно выяснением источника новых для него сведений. Можно было выбрать только один зал. Слишком сложной оказывалась психологическая настройка. Поскольку он толком не знал, что его ждет за дверями, он остановился в прихожей и стал наблюдать за посетителями. В черный зал входили задумчиво, сосредоточенно и молчаливо. Не было ни групп, ни пар. Туда вели два отдельных входа — для мужчин и женщин. Зато белый зал казался более

гостеприимным. Сюда шли вперемежку мужчины и женщины. Шли группами, чаще вдвоем. Наверно, это и определило его выбор.

В зале не оказалось мебели. Стены смыкались в большую ровную полусферу, окрашенную в мягкий кремовый цвет. Стояла абсолютная тишина. Он все никак не мог привыкнуть к этому полному отсутствию разговоров, органически присущих каждому человеческому сборищу. Синглиты все время обменивались информацией. Но услышать телепатический поток мыслей мог только тот, к кому он был обращен. Впрочем, не всегда. Свет в потолочных панелях постепенно стал меркнуть, и вскоре зал погрузился в полный мрак.

Какое-то время тишина и темнота были настолько полными, что он потерял представление о том, где находится. Ему стало неприятно, захотелось выйти — удержало лишь любопытство. Филин чувствовал, что напряжение в зале все возрастает. Все чего-то ждали в этой черной тишине. И вот оно появилось! Это был всплеск, какой-то всполох света. Он родился из темноты, пронизал ее из конца в конец.

Одновременно со световой гаммой зазвучала долгая музыкальная нота. Постепенно Фил становился как бы дирижером неведомого оркестра, и нота, звучащая у него в ушах, превратилась в причудливую мелодию, отразившую его настроение. Мелодия стала частью его самого, и, как только он понял это, родилось ощущение полета. Пол словно провалился из-под ног, исчез, и он понесся сквозь обрывки тьмы на певучем красочном змее. Уголком сознания он понимал, что и мелодия, и световые всполохи, и самый полет — всего лишь иллюзия, созданная коллективным творчеством находящихся в зале, а он сам один из участников этого иллюзиона. Однако это знание не мешало ему испытывать огромное, никогда раньше не изведанное наслаждение. Но вот рисунок мелодии сменился. В ней прозвучали печальные, почти грозные нотки. Сверкающая молния пробила радужные крылья змея в тот момент, когда он вспомнил о маленьком робком существе, притаившемся где-то на дне его теперешнего сознания и представлявшем собой часть другого, прежнего Филина... Мелодия становилась все мрачнее. Сполохи света бились, рушились, старались взвиться вверх и бессильно опадали, разрушенные потоком его воспоминаний.

Вот он стоит на пороге пещеры, и за руку его держит незнакомая женщина... Потом он в классе, на доске учитель пишет слово... Он не может вспомнить, какое именно, очень хочет вспомнить и не может... Сполохи света становятся все слабее, гаснут.

Смолкает мелодия. Зажигаются потолочные панели. Публика медленно начинает расходиться. Какая-то женщина с пышной, небрежно взбитой копной волос обратилась к соседу:

— Напряжение телеформации было очень высоким, но кто-то все время мешал. Не понимаю, зачем новичкам разрешают посещать общественные места! Вечно одно и то же! На самом высоком взлете они словно нарочно начинают свои занудные воспоминания!

Наверно, она специально сказала это вслух, чтобы услышал Филин. Он постарался скорее смешаться с толпой. И долго еще не мог опомниться от только что пережитого волнения. Никогда раньше не приходилось ему задумываться над тем, что каждому человеку, лишенному в силу обстоятельств возможности творчества, приходится всю жизнь тяготиться этим, придумывать какие-то суррогаты, и вдруг сегодня... И тем не менее острая, возникшая в зале тоска стала сильнее. Маленький, притаившийся в нем человечек неожиданно вырос, словно то, что произошло в зале, освободило его от невидимых пут. И сразу навалился груз неразрешенных вопросов. Почему он здесь? Почему не вышел к реке, как собирался? Кто привел его в город и может ли он, как прежде, определять сам свои поступки? Сможет ли увидеть своих ребят? Пусть издали.

Он вышел на улицу. Там теперь было пустынно. Торопливые прохожие расходились. У него не было здесь дома.

Холодные лучи закатного солнца уже не грели. Теперь, выйдя из зала, он вспомнил слово, которое писал на доске учитель: ЧЕ-ЛО-ВЕК.

На окраине обломки зданий перегородили улицу. Здесь уже никто не жил. Стиснув зубы, Филин шел все дальше, несмотря на нарастающую тревогу и ощущение опасности. На этот раз они его не остановят. Он обязательно выйдет к реке и найдет базу, найдет во что бы то ни стало. Чем бы ни закончился поход! Голос внутри его молчал.

Предметы постепенно обрели резкость, и Ротанов увидел склоненное над ним лицо доктора. Он вновь закрыл глаза, стараясь восстановить контроль над ватным бессильным телом.

— Вам лучше? Что с вами произошло? — спросил доктор.

Ротанов хотел приподняться, но из этого ничего не получилось. Мышцы еще не слушались. Зато теперь он смог осмотреться и понять, что лежит в подземной палате базы.

— Давно я здесь?

— Вас привезли полчаса назад. По остаткам в игле я определил наркотик, и мне удалось привести вас в сознание. Синглиты никогда раньше не применяли такого странного оружия.

— Синглиты здесь ни при чем. Что там было? Я имею в виду наркотик.

— Ничего серьезного. Лошадиная доза бруминала из группы барбутанов. Наркотик не имеет остаточных эффектов, но без моей помощи вы бы не смогли прийти в сознание. Теперь вам придется полежать.

— Кто меня нашел?

— Рация роллера оказалась включенной, но на вызовы не отвечала, и председатель выслал поисковую группу выяснить, что произошло.

— Значит, их подвела рация... Простая случайность. Они сделали все, чтобы я не вернулся.

Доктор медленно упаковал инструменты, смахнул со стола остатки ампул и тяжело вздохнул.

— Судя по всему, ваша миссия не имела успеха?

— Если бы только это... — Ротанов ощущал, как тело постепенно наливается прежней силой, и вместе с тем чувствовал странную усталость и безразличие. Может быть, виной тому был вопрос доктора.

Доктор взял свой саквояж и направился к двери.

— Отдыхайте. Вам теперь нужен покой.

— Сядьте, доктор. Давайте поговорим. Я уже в порядке, только не знаю, что делать дальше...

— Чем я могу помочь? Я предвидел, что из ваших переговоров ничего не выйдет. Хорошо еще, что удалось вернуться.

— Да не в переговорах дело! Вернее, не только в них. Когда я решил встретиться и договориться с синглитами, я не ждал, что сразу достигну конкретного результата, но противодействия, открытой враждебности со стороны людей тоже не ждал. Получается, мир нужен мне одному...

— Кого вы, собственно, имеете в виду?

— Прежде всего инженера и тех, кто думает так, как он, кто не может жить без войны.

— У инженера мало сторонников.

— А ему и не надо много. Он задумал что-то серьезное, раз решился на открытое выступление.

— Вот даже как...

— Да, доктор, дела обстоят неважно. Больше всего меня беспокоит то, что он сжег за собой все мосты. Он не сможет теперь

вернуться обратно в колонию. Чтобы решиться на такой шаг, нужны серьезные причины. Очень серьезные. А я их не понимаю и не знаю, что он задумал.

— Ну, это скоро выяснится. Жаль, что с нами нет Филина, он помог бы распутать хитрости инженера. Но я думаю, вы преувеличиваете значение той роли, которую может сыграть инженер. Десять—пятнадцать человек... Нет. Не верю, чтобы они были способны на что-то серьезное. Я считаю ваше нынешнее настроение и эти опасения результатом действия наркотика. Такая встряска для психики не проходит бесследно.

— Эх, доктор, вашими бы устами...

— Как только вы отдохнете, вы убедитесь в моей правоте. А сейчас вам не помешает другое общество.

Через несколько минут после ухода доктора в палату вошла Анна, катившая перед собой маленький столик на колесах. Она была в белом халате. Из-под салфетки, накрывавшей столик, вырывались ароматные клубы пара. Палата наполнилась аппетитными запахами мясного бульона и пряностей. Ротанов только теперь почувствовал, как он голоден.

Уплетая румяные куски хорошо прожаренного мяса с хрустящей корочкой, которую он так любил, и запивая его бульоном, он искоса поглядывал на девушку. Сегодня Анна выглядела печальней, чем обычно. Смотрела в сторону, с ним почти не разговаривала. И Ротанов подумал, что вот и это веселое, милое существо он успел уже обидеть.

— Здесь я принесла варенье, вы же любите сладкое... — нерешительно сказала она, открывая какую-то баночку.

— Нет, Аня, вы правильно догадались, конфеты я взял не для себя. Только обиделись напрасно.

— А я и не обиделась. Я понимаю, вам нужен был подарок. Такой маленький сувенир для мужчины..

— Ого! Вы, оказывается, не такая уж добрая, как кажется вначале.

— Я совсем не добрая. С чего мне быть доброй? Вы мне ничего не говорите, а я так ждала...

— Ждали? Чего?

Глаза у нее стали совсем круглыми от обиды.

— Вы даже не помните?.. Не помните, что мне обещали?

— Ну, такие обещания не выполняются быстро...

— Я и не ждала быстро... Но мне казалось, мы друзья и что вы хотя бы расскажете, как там у вас все получилось. А это правда, что на вас напали люди инженера?

— Правда.

— Я так и думала! Понимаете, перед уходом... Там есть такой неуклюжий Каров. У нас не так много женщин, и он... Только не подумайте, что я говорю вам это специально!

— А я и не думаю, — ответил Ротанов, пряча улыбку.

— Без этого вы не поймете! Ну так вот, этот Каров, он со мной говорил перед тем, как инженер ушел со всеми своими людьми. Он словно бы хотел проститься.

— Подождите, Анна, это очень важно, постарайтесь вспомнить все, что он говорил. — Ротанову больше не хотелось улыбаться.

— Точных слов я не помню. Да он и не говорил ничего определенного. Просто у меня сложилось впечатление, будто он навсегда прощается и может не вернуться больше, а еще раньше я слышала от него про какие-то штольни под городом. О них никто не знает, и там они прячут оружие или что-то другое, что-то такое, что им очень скоро понадобится, и еще он сказал, что я о нем услышу, что мы все еще о них услышим и пожалеем, ну, что не ценили их по-настоящему...

— Первый раз слышу об этих штольнях! — Председатель открыл круглый металлический сейф рядом со своим столом и стал доставать какие-то папки. Ротанов на секунду прикрыл лицо рукой. Он все еще не справился с остатками наркотика. Но после разговора с Анной не мог остаться в постели.

— Инженер что-то такое говорил мне о вашем конфликте по поводу взрывчатки. Что у вас произошло?

— А вот смотрите сами. — Он протянул ему папку. — Здесь у меня анализ расхода. Видите, не хватает почти ста килограммов люзита, это только на одной операции! Я все время пытался выяснить, что он делает с этим люзитом. Если бы я раньше знал о штольнях...

— Вы думаете, он может решиться взорвать заводы?

— Не только заводы...

— Сколько же у него... Какова мощность? Я не знаком с люзитом.

— Это старая взрывчатка, ее рецептуру привезли первые колонисты, они вели с ее помощью горные и подземные работы... — Председатель пожевал губами, что-то подсчитывая. — Если он использует все сразу, от города ничего не останется.

— Неплохой выход, да? — жестко спросил Ротанов, чувствуя, как у него сводит скулы. — Одним ударом избавиться от всех проблем!

— Это ничего не даст. — Председатель покачал головой. — Появятся новые синглиты. Проблема в люссах. Синглиты только производная, и потом заводы... Если он взорвет вместе с городом заводы, колония лишится основного источника снабжения. Вот уже который год наша техника существует в основном за счет трофеев.

— Вы еще не все сказали. Я могу добавить, что если мы лишимся заводов, то исчезнет последняя надежда на ремонт прибывших кораблей, ни один земной звездолет не сможет вернуться обратно. Мы не сможем наладить связь с Землей. В конце концов, это моя задача, — жестко сказал Ротанов. — Я обязан его остановить. Сколько у вас людей?

— Не так уж много осталось тех, кто может носить оружие. Часть людей в караулах... Но вы его уже не догоните. Слишком много времени прошло.

— Я и не собираюсь его догонять.

— Что же тогда?

— Нужно предупредить синглитов.

Он увидел, как побледнел председатель.

— Вы понимаете, что говорите? Узнав об этом, они не остановятся ни перед чем...

— Инженер тоже не остановится.

— С ним еще четырнадцать человек, юнцы, которые ему слепо верят и вряд ли понимают, на что идут, они могут погибнуть.

— Вы знаете другой способ предотвратить взрыв заводов и города? — одними губами спросил Ротанов. Он уже знал, что пойдет до конца.

Роллер вылетел на знакомую опушку. Дальше, до самого города, лежало свободное от леса пространство. Отряд сопровождения, выделенный председателем, остался далеко позади. Ротанов приказал им ждать его возвращения. Он хорошо помнил о предупреждении: больше его не пустят в город. Так она сказала... Ну что же, посмотрим. Может быть, считанные минуты отделяют момент, когда серые полуразрушенные здания города превратит в прах предательский взрыв.

Не раздумывая больше, он двинул роллер вперед. В ту же секунду машина подпрыгнула от удара. Двигатель взорвался сразу, и это его спасло. Взрывная волна сорвала всю верхнюю часть платформы и подбросила ее вверх вместе с Ротановым. Выбравшись из-под обломков, он несколько секунд разглядывал дымя-

щиеся остатки машины. На этот раз они не шутили. Первым же выстрелом роллер разнесло в клочья.

Не отрываясь, он смотрел на город. Ему казалось, что где-то рядом тикает невидимый часовой механизм, отсчитывая последние мгновения жизни города... В хаосе огня и дыма исчезнет все... И та женщина, которая укрыла его, вывела из города. Хотя и женщиной она не была в обыкновенном человеческом понимании, а все же...

Она стояла у него перед глазами такой, какой он видел ее последний раз, в своей полыхающей красной юбочке с шоколадной кожей плеч, с тонкими запястьями рук...

— Постой, — сказал он себе. — Там что-то было, что-то знакомое на ее руке... — Он почувствовал, как сохнут губы от внезапного волнения, потому что уже почти догадался, для чего она носила вместо браслета сероватые кубики металла. Рука сама собой торопливо шарила во внутренних карманах куртки. Вот они здесь, на месте, не понадобились никому, даже инженеру... Его маленький талисман, военный трофей... Пальцы лихорадочно ощупывали знакомую до мелочей поверхность. Где-то на третьем квадрате есть выступ. Он уходит вглубь, если его как следует придавить. Раньше он думал, что это просто замок. Но это не только замок. Ничего не случалось, когда он десятки раз придавливал этот выступ. А все дело, может быть, в том, что браслет нужно сначала надеть на руку...

Не может сложная техническая организация синглитов существовать без дальней связи. Он ощутил легкое покалывание запястья. Какие-то мелкие искорки забегали внутри сероватой металлической поверхности браслета, а потом Ротанов услышал голос. Это был всего лишь дежурный оператор, хотя он надеялся... Но это не имело значения, потому что теперь он знал уже наверняка — взрыва не будет.

За далекими холмами, за лесом, у горизонта висел незаходящий, багровый, распухший до чудовищных размеров кусок чужого светила. Все вокруг: скалы, реку и само небо — он окрашивал в неправдоподобный мертвенно-кровавый цвет. Почти закатившееся светило казалось Ротанову гигантским комом фиолетовой грязи. Никакие законы природы и силы тяготения не могли оторвать от горизонта вспухший уродливый ком. Еще двадцать дней он будет висеть над планетой, постепенно уменьшаясь, словно осьминог втягивая уставшие за лето щупальца, и потом над всем

этим чужим, враждебным человеку миром наступит долгая шестимесячная ночь — сезон туманов.

Несколько дней Ротанов провел в помещении научного сектора, разбирая старые архивы и отчеты. Не сумев до сих пор разрешить ни одной проблемы, он теперь вынужден был фактически начинать сначала и все еще не видел выхода.

Что искал он в запыленных, пожелтевших от времени кипах бумаги? Ответа на какой вопрос?

Отряд инженера не вернулся. Сама возможность установления мира и ремонта корабельной электроники с помощью синглитов перестала существовать после попытки инженера взорвать город. Его предупреждение ничего не изменило. Синглиты усилили активность, увеличили количество засад, число нападений. Все больше людей не возвращалось из дозоров и постов.

Через две недели, с наступлением сезона туманов, стычки закончатся сами собой, чтобы вспыхнуть с новой силой следующей весной... А все долгие зимние месяцы они будут сидеть, как крысы, в своих подземных норах и ждать... Чего? Прилета Олега? А что он изменит? Ведь Олег со своим кораблем попадет в те же условия, в ту же самую ловушку... Земля ничего не узнает, высылка следующей экспедиции может быть задержана на неопределенное количество лет, и по всему выходило, что он обязан что-то предпринять именно сейчас, в эти оставшиеся двадцать дней...

Ротанов стоял на площадке перед пещерами. В последнее время он избегал общества колонистов, словно нес незримый груз вины за тех четырнадцать человек, что ушли с инженером и не вернулись...

Он мысленно перебирал бесчисленное количество фактов, которыми теперь располагал о жизни синглитов. Искал малейшую зацепку, чтобы сдвинуть с мертвой точки сегодняшнее положение дел, и ничего не находил... Возможно, прав был инженер, и другого выхода не было. Совместное существование людей и синглитов попросту невозможно.

Из отчетов научного отдела он узнал, что люссы размножаются простым делением, как амебы, а синглиты не размножаются вообще... Именно этот факт сводил на нет все его надежды на мир, ибо цивилизация синглитов, если данные отчетов верны, могла существовать лишь за счет человеческих жизней и, следовательно, должна быть уничтожена... Изолированная, она попросту начнет регрессировать и все равно погибнет через короткий срок, лишившись смены поколений. Конечно, синглиты понимали все это, какие уж тут переговоры о мире...

Оставалась надежда, что данные об их биологии ошибочны или неполны. В теле синглитов нет некоторых групп клеток, так что человеческий способ размножения им не подходит, хотя у них сохранилось все, что необходимо для нормального функционирования центральной нервной системы, в том числе и биотоки. Да что толку, если не было детей. Он не встретил ни одного ребенка или подростка ни в городской толпе, ни в домах... Отчеты говорили о том же, но, возможно, у них есть какой-то скрытый, неизвестный людям способ размножения... Это бы надо выяснить... Слишком многое зависит от ответа на этот вопрос, но как выяснить? Вся дневная фаза существования синглитов изучена достаточно хорошо и не оставляет надежды. Зато ночная... «Вроде бы на ночь они засыпают, но кто это проверял? Ночью наблюдения невозможны из-за люссов... До сих пор, во всяком случае, были невозможны. Но если у меня действительно иммунитет, и раз уж я позволил себе быть достаточно жестким с другими, то мне и предстоит все это выяснить до конца».

Ротанов поднимался по тропинке туда, где сквозь пелену тумана проступали неясные контуры корабля.

Если смотреть с тропинки вниз, казалось, где-то у самой кромки леса, несколько ниже вершин деревьев, колыхалось фиолетовое озеро. Скала Совета, ближайшие холмы да и самый лес плавали в этом огромном озере тумана, словно большие неуклюжие острова. С каждым днем становилось холоднее, воздух пропитывался влагой, капли росы покрывали одежду, холодным дождем слетали с кустов деревьев на неосторожного путника, а туман поднимался все выше... Он уже перекрыл тропинки, отрезал друг от друга холмы и лес. Сделал невозможной связь с ближайшими постами. Радиоволны сквозь эту маслянистую густую пелену не проходили, в ней бесследно терялись предметы и люди...

Прежде чем окунуться в это ночное враждебное людям озеро тумана, он обязан был подготовиться к худшему варианту, к тому, что его иммунитет окажется ошибкой или не устоит при повторных многократных встречах с люссами.

Рубка встретила его привычным запахом резины и пластмассы. В воздухе чувствовалась легкая затхлость, которая бывает только в нежилых помещениях. Слишком долго не включалась система корабельной очистки воздуха. Слишком редко бывал он на корабле, предпочитал работать на открытом воздухе. А корабль тем временем, соединенный с пещерами туннелем, превратился в часть подземной крепости. Если удастся вернуться, жить он

будет в своей каюте до самого прилета Олега. Он старался не думать о том, как мало шансов у него вернуться.

Достал кассету с корабельным журналом, секунду подумал и положил ее в аварийный бокс. Так надежнее. Прежде всего Олег вскроет этот бокс и сможет ознакомиться с обстановкой. Неровным почерком торопливо набросал на двух отдельных листах свои последние наблюдения, предварительные выводы и рекомендации. Олегу это может пригодиться в том случае, если они не встретятся. Ротанов невесело усмехнулся. Слишком ему везло последнее время, так не могло продолжаться бесконечно.

Еще раз перебрал документы, положенные в бокс. Достал из нагрудного кармана браслет синглитов. В который уж раз надел его на запястье и пощелкал выключателем. Связи не было. Скорее всего они выключили его браслет из своей системы. Вряд ли он пригодится Олегу, разве что устройство микропередатчика поможет разобраться в блоках управления. Схема как будто простая, но все равно она оказалась ему не по зубам... Подумав еще с секунду, он вздохнул и опустил браслет в бокс вслед за документами.

«Ну вот, теперь, пожалуй, все...» Закрыв бокс, он прошел в свою каюту, разделся и лег в постель. Нужно было хорошенько выспаться перед уходом. Сон долго не шел. На стене перед кроватью висела большая фотография: два человека летели на глайдерных досках по крутому снежному спуску. Фотограф поймал их в тот момент, когда Олег резко свернул в сторону, чтобы обойти его на повороте. Лица не было видно. Его скрывали очки и низко надвинутый шлем. Но все равно и под этими очками он знал, как выглядел Олег.

«На этот раз ты, пожалуй, не успеешь вытащить меня отсюда...»

Проснулся от резкого звонка зуммера. Четыре часа сна промелькнули как одна секунда. Прежде чем лечь, он закончил почти все, осталось последнее небольшое дело. Наверху, в управляющей рубке, рядом с аварийным боксом была стальная дверь со специальным кодовым замком. Дверь открылась не сразу, наверно, механизм замка слегка заржавел от влажного воздуха. Наконец она со скрипом ушла в стену рубки. Здесь хранилось личное оружие инспектора, пользоваться которым он имел право лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Ротанов внимательно осмотрел арсенал, по сравнению с которым лучеметы и тепловые излучатели, бывшие в ходу на планете, казались детскими игрушками. На этот раз ему могло понадобиться что-то по-настоящему мощное. Он остановился на пульсаторе Максудова. Контрольное уст-

ройство нейтрализовывало внутренний заряд при попытке воспользоваться им кем-нибудь, кроме Ротанова. Весил излучатель килограмма два. Не так уж много для такого вида оружия. Ротанов примерил его черную ребристую ручку, включил активатор. Пожалуй, с помощью этого оружия он справится с люссами.

На складе подобрал себе просторный брезентовый рюкзак с жесткими широкими лямками, положил в него месячный запас концентратов, флягу с водой и надувную палатку. Оставалось перевести реактор на автоматический режим, чтобы колония могла использовать энергию корабля, даже если он не вернется.

Последний раз прошел весь корабль сверху донизу. Закрыл замок на двери шлюза. Теперь в корабль можно было попасть только через подземный ход. Едва вышел наружу, как за воротник куртки попали первые капли росы. Ветер смахнул их откуда-то сверху, наверно, с обшивки. Борт корабля уходил круто вверх, терялся в дымке тумана, он был холодным и влажным на ощупь. Не задерживаясь больше и не оглядываясь, Ротанов пошел прочь. Излучатель на слишком длинном ремне больно колотил по спине при каждом шаге. Пришлось остановиться и привязать его к рюкзаку.

Навстречу ему по тропинке поднималась целая толпа. Его сразу же поразило то, как молчаливо шли эти люди. Лицо того, кто был впереди, показалось ему знакомым. Узнав его, Ротанов закинул рюкзак за плечи и медленно пошел навстречу, ему стало тоскливо от того, что не хватило какого-то получаса. Теперь ему скорее всего не дадут уйти, и он ничего не сделает, чтобы им в этом помешать. Человек, который шел впереди, был Свен. Тот самый охотник, что ушел с инженером в его последний поход.

Охотник остановился в двух шагах от Ротанова, и толпа расступилась, образуя вокруг них круг. «Ну вот, — подумал Ротанов, — вот я и дождался тех, кто имеет право судить меня. Не инспектора Ротанова, потому что инспектор поступил так, как и должен был поступить. А просто меня самого...»

Он окинул взглядом бледный круг человеческих лиц — здесь не было ни доктора, ни председателя, ни Анны. Почему-то от этого ему стало легче.

— Я слушаю вас, — сказал Ротанов и сам не узнал своего казенного официального голоса.

— Не вернулись тринадцать человек.

После этой фразы повисло долгое тяжелое молчание.

— Но вас было пятнадцать, — сказал наконец Ротанов.

— Инженера я не считал, он нас обманул. Мне сказали, что ты предупредил синглитов. Это правда?

— Да, это так, — сказал Ротанов. — И если бы все повторилось, я опять сделал бы то же самое. Они обещали не причинить вам вреда.

Никто ему не ответил. Они старались не смотреть в его сторону.

— Прежде чем вы решите, что делать дальше, я должен знать, как все было. Это мое право.

Соглашаясь, Свен кивнул.

— Мы спустились в шахту, инженер сказал, что нужно забрать там трофейное оружие...

Он рассказывал долго, сбиваясь, останавливаясь и начиная сначала. Ротанов словно видел, как медленно шли эти люди по бесконечному подземному штреку, как метались по стенам тени от их фонарей. Вот дорога наконец кончилась. Они забрали оружие, не спеша пошли обратно, сгибаясь под тяжелой ношей. Инженер задержался и что-то сделал с оставшимися ящиками, потом догнал их, и они молча пошли все вместе, потому что о чем говорить, если дело сделано, а дорога известна... Под ногами у них хлюпала вода... Она сочилась из стен штрека... Инженер посмотрел на часы и предложил сделать привал. Он все время смотрел на часы и словно прислушивался, но ничего не происходило. Потом они пошли дальше, инженер то и дело отставал. Он шел, понурив голову, целиком уйдя в свои мысли. Выход из штрека оказался замурован. Инженер даже не удивился, словно ждал этого. Они опять пошли в глубину подземных переходов искать другой выход. Сворачивали в боковые штреки, теряли дорогу, теряли товарищей... Постепенно гасли фонари, не рассчитанные на такое долгое время работы. Они не знали, сколько времени продолжались блуждания под землей. Надежда покинула их. Когда погас последний фонарь, они увидели синглита. Он стоял у поворота из штрека с ярким фонарем в руке и помахивал им, словно приглашал идти за собой. Они пошли. Шли долго. Не помнили, сколько поворотов было в этом подземном лабиринте. К штрекам и штольням, которые построили люди, прибавились бесчисленные новые горизонты. Им уже было все равно, куда идти, многие отставали или терялись при поворотах. Никто не останавливался, не ждал отставших. Те, кто еще шел, давно потеряли всякую надежду. К концу пути их осталось пять человек. Инженер первым вышел на поверхность. Может, это было время короткой ночи, а может, остаток солнца прятался за верхушками деревьев, закрывавших горизонт. Тусклый свет едва пробивал густую дымку тумана, затянувшую все вокруг. Синглит поставил на

землю фонарь, повернулся и ушел назад в подземелье... Они остались в лесу одни.

— Именно это мне обещали... — сквозь зубы пробормотал Ротанов. — Отпустить вас на все четыре стороны...

— Инженер достал излучатель и выстрелил себе в голову. Почти сразу же мы услышали сухой шелест и увидели, что сквозь пелену тумана со всех сторон на нас ползет что-то плотное, белое, как пар. Тот, кто стоял дальше всех, закричал, все бросились врассыпную... Дальше я плохо помню... Бежал через лес... Стрелял... В общем, повезло.

— Другие тоже стреляли?

— Нет. Я не слышал выстрелов.

— Вас преследовали? Была хоть одна попытка нападения?

— Нет. Я почти сразу влез на скалу и стал стрелять вниз. Может быть, поэтому...

— А потом, в дороге? Ни одного нападения?

— Нет. Лес словно вымер... Вы хотите сказать, что я... Что они специально выпустили меня?.. Чтобы я рассказал?

— Возможно. Теперь это не имеет значения. Так что же вы решили?

На некоторое время после его вопроса вновь повисла гнетущая тишина. Потом Свен заговорил, глядя в сторону:

— У нас тут не бывает суда. Тот, кто совершает преступление, попросту уходит в лес ночью.

— Собственно, это я и собирался сделать...

Ротанов поправил рюкзак и пошел вниз. Люди расступились заранее, так что перед ним образовался широкий коридор.

Подошвы тяжелых ботинок скользили по мокрым, поросшим мхом камням. Он шел медленно и с каждым шагом словно все глубже погружался в воду. Сначала в тумане исчезли выступы пещер, площадка, на которой стояли колонисты. Потом не стало видно корабля, исчезли его бортовые огни, долго провожавшие каждый его шаг, словно глаза живого существа. А снизу из белесого марева, в которое он погружался, доносились протяжные вопли. Это орали цыки — гигантские перепончатые мухи, похожие на летучих мышей. Всегда они так орут накануне сезона туманов.

Формально синглиты выполнили свое обещание. Наверно, с их точки зрения, ему не на что обижаться. Он и не обижался. Не чувствовал даже гнева. Только тоску и горечь. И еще с каждым шагом, удалявшим его от людей, все сильней наваливалось одиночество...

Часть третья
СПИРАЛЬ

1

Никто не остановил Филина ни в городе, ни потом, в лесу... На этот раз ему удалось выйти к реке. Отсюда уже рукой было подать до базы. Он пошел вдоль берега вверх по течению. Река блестела под солнцем, словно зеркало, она то и дело меняла направление, пробираясь сквозь густые заросли и завалы. Совершенно неожиданно, выбравшись к широкой заводи, он наткнулся на кучи белья, разложенные на берегу... Филин остановился, чувствуя, что от волнения кружится голова. В реке, в каких-то десяти шагах, купались его недавние товарищи. Он узнал Гема и Рона. Забыв обо всем, что с ним произошло, он побежал к ним, крича что-то неразборчивое, нелепое, и вдруг остановился, словно налетел на стену. Они от него медленно пятились в ледяную воду все глубже и глубже, и в глазах у них был ужас.

— Оборотень! — крикнул кто-то. — Это же оборотень!

Так они называли синглитов, не прошедших целого цикла и больше других походивших на людей.

— А ну пошел отсюда!

Они махали на него, плескали воду, словно он был курица, и теперь уже он медленно пятился от них, а они так же медленно, осторожно наступали, и он видел взгляды, которые они бросали на лежащее у берега оружие, и понимал, что, как только они смогут дотянуться до него, сразу же начнут стрелять. Понимал это и тем не менее продолжал отступать все дальше и дальше, позволяя им с каждым шагом приближаться к оружию. Наверно, он заплакал, если бы мог, но в глазах не было ничего, кроме

сухого жжения. И вдруг голос в его голове, молчавший с тех пор, как он сбежал из города, впервые пробудился и шепнул: «Беги!» Он повернулся и побежал. Почти сразу за его спиной раздались первые выстрелы. Стреляли они неточно, и, убегая, он успел заметить и навсегда запомнил, как постепенно страх в их глазах переходил в брезгливое, почти животное отвращение. Оно было хуже всего... Филин бежал по лесу, механически путая след, петляя, как бегал совсем еще недавно, когда его преследовали сингли-ты. Острые иголки кустарников рвали одежду, вонзались в тело, но он не чувствовал боли, не чувствовал усталости и мог увеличивать скорость все больше и больше, словно не было пределов возможностям его нового тела. Ноги мелькали так быстро, что он не замечал уже отдельных движений. Ветер свистел в ушах, густой кустарник он пробивал с ходу, и долго еще в воздухе кружились обрывки веток и листьев. «Как же сердце выдерживает такое напряжение?» — подумал он, прислушался и не услышал его ритмичных ударов — у него попросту не было сердца. «А легкие? Почему они не разрываются от натуги, силясь протолкнуть очередную порцию воздуха?» И тут же понял, что дышит по привычке, что может вообще не дышать. «Неудивительно, что они испугались. Я бы и сам испугался, встретив такого монстра...»

— Ты не монстр, — сказал голос.

— Кто же я? Я ведь мыслю так, как будто я и есть прежний Филин, у меня его память, его желания. Но Филина нет. Он погиб, уничтожен люссом. Так кто же я?

— Ты — это ты, и не надо забивать голову чепухой. Тебе хочется жить?

— Да.

— Ну вот и живи. Радуйся жизни. У тебя будет долгая жизнь.

— Но ведь этого мало, чувствовать себя здоровым и неутомимым, радоваться солнцу и жизни... — сказал он и сам усомнился в том, что этого так уж мало.

Но голос не стал возражать.

— У тебя будет не только это.

— Что же еще?

— У тебя будет искусство, недоступное людям. У тебя будут друзья настолько близкие, что в человеческом обществе ты не мог об этом мечтать. Люди всю жизнь стремятся к близости и вечно выдумывают себе барьеры — одиночество, тоску, ничего этого не будет у тебя теперь. Ты сможешь жить равным среди своих братьев. Будешь знать все, что знают они.

— Вы отпустили меня к людям специально, чтобы я сам убедился в том, что возврата нет?

— Ты можешь поступать так, как хочешь. Я могу лишь советовать.

— Кто ты?

— Твой наставник. Через много циклов, когда твое знание сравняется с моим, ты сможешь стать наставником.

— Что такое цикл?

— Ты хочешь знать все сразу. Цикл — это рубеж времени. Ты не поймешь, если я стану объяснять словами, но очень скоро, как только наступит сезон туманов, ты сам узнаешь, что такое цикл.

Голос умолк. С удивлением Филин вспомнил, что почти забыл о преследователях, перестал думать о направлении, так увлекла его беседа. Теперь он был далеко от реки. Кустарник встречался все реже, местность стала знакомой. Он знал, что за низкими холмами вскоре откроется город...

«В городе мы работаем и воюем, но живем мы не здесь», — сказал ему голос невидимого наставника. И вот теперь он ехал в странном подземном поезде, о существовании которого раньше не подозревал. Прямой как стрела туннель пронизывал планету по хорде и выходил на поверхность за много тысяч километров от города, построенного когда-то людьми и превращенного многолетней войной в груду унылых развалин. Закрыв глаза, Филин мог видеть схему туннеля, устройство этого необычного поезда, не нуждавшегося для своего движения ни в какой энергии, кроме притяжения планеты. В машинном отделении управляющий поездом потянул тормозной рычаг. Поезд тронулся, несколько суток он будет теперь лететь в безвоздушном пространстве туннеля все быстрее и быстрее, чтобы потом, минуя середину, ту точку, где он окажется ближе всего к центру планеты, начать замедляться, и совсем остановится у противоположного выхода, словно гигантские качели, завершившие свой единственный мах. Но стоит отпустить тормоза, и он поедет обратно, вновь постепенно набирая скорость.

Самым необычным в его путешествии была, пожалуй, способность участвовать в разговорах с различными собеседниками в противоположных концах поезда. В любой момент он мог отключиться, замкнуться в себе, обдумать услышанное или какую-то собственную мысль. Еще он научился видеть все, что видели его собеседники, как бы смотреть на окружающее их глазами. Отраженная картина увиденного транслировалась непосредственно

из их зрительных центров. Однако, попытавшись расширить сферу, в которой мог присутствовать, Филин понял, что она ограничена поездом. Только слова его наставника проникали к нему словно бы откуда-то извне. Но сам он не мог ни увидеть его, ни даже обратиться к нему без того, чтобы тот первым не начал разговор. Способность видеть окружающее чужими глазами забавляла Фила, он не сразу освоился с этой новой особенностью своего существа и развлекался путешествиями по вагонам всю дорогу.

Поезд, вылетев на небольшую эстакаду, резко затормозил. С коротким шипением открылись автоматические двери вагонов. Путешествие окончилось. Фил с любопытством огляделся. Первое, что бросалось в глаза, был ослепительно сверкавший на солнце полупрозрачный купол какого-то здания, единственного в этом месте. Здание казалось огромным и занимало, наверно, не меньше нескольких квадратных километров. Длинная белая дорожка вела от него к эстакаде. Еще десятки других дорожек ответвлялись в стороны, терялись в зарослях незнакомых ему мясистых деревьев голубоватого, почти синего цвета. Здание расположилось на самом берегу моря. Фил долго стоял неподвижно, пораженный красотой открывшейся ему местности, он и не подозревал, что на этой планете могут быть такие уголки. Золотистый песок пляжа, упругое журчание набегавших волн, солнце, высоко висевшее над горизонтом и ласкающее кожу сытными лучами.

«Ну вот, даже о солнце я начал думать словами синглитов, — подумал Фил с горечью. — Скоро я совсем забуду, что недавно был человеком. К этому они меня и ведут, словно за руку. Наверно, и этот райский уголок создан специально для этого. Они контролируют все мои мысли...»

— Ты прав. Можно научиться полностью закрывать свой мозг от всяких воздействий, у нас считается невежливым надоедать занятому или ушедшему в себя человеку, а на того, кто закрылся, вообще не принято обращать внимания. И ты уже не человек. Чем скорее забудешь о прошлом, тем лучше.

— А если я не хочу забывать? — с вызовом спросил Фил.

— Я выразился неточно. Мы так устроены, что ничего не можем забыть, но сейчас воспоминания о твоей утраченной человеческой сущности занимают слишком много места в сознании, приводят его в болезненное состояние, из-за которого ты не способен объективно воспринимать действительность. Позже эти воспоминания займут подобающее им место, ты будешь вспоминать о своем прошлом с легким сожалением, как иногда вспоми-

наешь о том, что было в детстве. Помнишь, как ты открыл мальчишкой новый цветной мир, посмотрев сквозь осколок стекла? Он ждет тебя здесь.

— Ты и об этом знаешь?..

— Я буду знать о тебе все, пока ты не научишься закрывать свое сознание от посторонних воздействий, а это случится не скоро и будет означать, что ты стал взрослым в нашем, новом для тебя мире.

— Оставь меня сейчас, я хочу посмотреть и подумать, оценить все, что здесь увижу, без твоей помощи.

— Хорошо, — коротко сказал голос.

Мысленно он позвал его, но голос не отозвался. Фил усмехнулся. Правила игры соблюдались полностью, но он все равно не верил в то, что наставник ушел совсем.

Мимо него не спеша шли пассажиры, только что сошедшие с поезда. Они шли отдельно друг от друга, не было веселых компаний, никакой разбивки на отдельные группы, как это обычно случается в большой человеческой толпе. Фил подумал, что у них нет необходимости близко подходить к собеседнику, чтобы перекинуться парой фраз. Еще его поразило, что в толпе не встречались дети и старики.

Филин дождался, пока поезд не спеша втянулся в туннель, и, только убедившись, что вокруг никого нет, медленно побрел по дорожке. Большинство приехавших исчезли в бесчисленных дверях гигантского здания. Филин решил здание оставить напоследок и свернул в парк.

Казалось, парку, раскинувшемуся вдоль побережья, нет конца. Кустарников не было, не было и колючих, похожих на проволочные матрацы деревьев. Мясистые сочные стволы здешних растений походили скорее на абстрактные статуи, чем на деревья. Листья на них отсутствовали, очевидно, деревья обходились бугристой морщинистой поверхностью самих стволов. «Людей в парке немного». Он все никак не мог привыкнуть называть синглитов иначе. Они ходили по дорожкам, лежали на солнцепеке, сидели под деревьями. Больше всего его поражало отсутствие всяких предметов, которыми так любили окружать себя люди даже на отдыхе. Не было ни зонтиков, ни полотенец, ни шезлонгов, ни даже книг... «Где они живут? Неужели все вместе в этом огромном здании?» И тут он подумал, что приехавший на новое место человек прежде всего ищет место, где он может приткнуться, какой-то своей конуры, пусть небольшой, но его собственной. Место, где можно положить вещи, где есть кровать, чтобы отдох-

нуть с дороги. «Но мне не нужна кровать, потому что я не устал и вряд ли когда-нибудь устану. У меня нет вещей, похоже, их больше не будет. И значит, дом мне не нужен... Дом для человека — это не только место, где он укрывается от непогоды и растит детей... Дом — это нечто большее: кусочек пространства, принадлежащий тебе одному, крепость, защищающая от врагов, основа семьи...» Дом вплетался в человеческую психологию тысячами незримых нитей, обрастал традициями и неистребимыми привычками, нельзя было человека лишить дома, не нанеся ему глубокой психологической травмы. А раз так, то либо он чего-то не понимает, либо они не все учли в этой хорошо продуманной системе превращения человека в синглита... А может, наоборот, может быть, как раз отсутствие собственного дома составляет основу этой системы?

Он вышел на берег, волны накатывались на песок, обдавали его брызгами. Краем глаза он заметил, что слева под большим, скрученным узлами деревом расположилась компания из нескольких синглитов. Никогда нельзя было понять, чем они заняты. Сосредоточенные лица, блуждающие улыбки, сидят словно лунатики, каждый сам по себе... Он уже знал, что это не так, что таков их способ общения. И ничего не мог с собой поделать, все время отыскивал в них чужое, враждебное себе. Это получалось само собой. Вдруг женщина из этой группы поднялась и пошла к нему. Она была высокой и стройной. Фил боялся высоких женщин, может быть, потому, что сам не отличался особым ростом, и поэтому же, наверно, только такие женщины ему и нравились. У нее были рыжие, почти огненные волосы и огромные глаза неправдоподобного изумрудного оттенка. «Как кошка, — подумал Фил. — Рыжая кошка с зелеными глазами».

— Ну спасибо! — сказала женщина, не разжимая губ. И он ощутил мучительную неловкость от того, что каждый мог заглянуть в его черепную коробку, словно она была стеклянной.

— Ладно уж, не стесняйтесь. Я не сразу догадалась, что вы новичок. — Она остановилась рядом, совсем близко от него и, прищурившись, смотрела на море. Ветер шевелил ее волосы.

Фил изо всех сил старался не думать о ней, вообще ничего не думать и, чтобы справиться с этой непростой задачей, быстренько стал повторять первую пришедшую на ум детскую песенку: «Жили у бабуси два веселых гуся...»

— Да будет вам! — сердито сказала женщина и вдруг лукаво улыбнулась: — Слушайте, «бабуся», хотите посмотреть наше море?

— Как это «посмотреть», что я его не вижу, что ли?

— Ничего вы еще не видели!

Она схватила его за руку и потащила за собой прямо в воду. Он инстинктивно сопротивлялся, но это было все равно что пытаться остановить трактор. Его ноги прочертили по песку две глубокие борозды, и почти сразу же он по пояс очутился в воде. Потом их с головой накрыла прибойная волна, женщина нырнула, и, чтобы хоть как-то сохранить остатки своего мужского достоинства, он нырнул вслед за ней. Фил плохо плавал и знал, что дыхания надолго не хватит, а она уходила от него все дальше в синеватую глубину, и тут он вспомнил, что ему не нужен воздух...

Погружение, стоившее ему на специальных занятиях по плаванию стольких усилий, теперь проходило на редкость свободно... То ли вода здесь не такая плотная, то ли его тело стало тяжелее. Раскинув руки, он медленно погружался. «Вот сюда, левее, здесь карниз!» — сказала женщина, не оборачиваясь, и он подумал, что прямой способ обмена информацией иногда может быть удобен. Опустившись рядом с ней на карниз, он осмотрелся. Зрение сохранило под водой свою обычную четкость, словно он нырнул в маске для подводного плавания.

В его комнатке, в далеких и навсегда чужих теперь пещерах, хранилась маленькая старинная статуэтка из прозрачного цветного стекла. Никогда нельзя было точно определить, какой оттенок таился в глубине ее стеклянного тела. Согретая в ладонях, она становилась темно-желтой, почти золотой, прямые лучи солнца рождали в ней глубокий синий цвет, пламя свечи или костра — фиолетовый... Он вспомнил о ней сейчас, чтобы зацепиться за что-то знакомое в этом фантастическом водопаде красок, обрушившемся на него из хрустального волшебного сада, в котором они очутились.

Он так и не понял, были то прозрачные водоросли или минералы. Длинные полупрозрачные ленты, нити и целые колонны этих удивительных образований сверкающей анфиладой закрывали все дно перед ним и полыхали всеми цветами радуги. Как только вверху проходила волна, тональность окраски резко и ритмично менялась, словно на экране цветомузыки. Но никогда не мог экран дать этого ни с чем не сравнимого ощущения огромного простора, по которому гуляли цветные протуберанцы.

Они стояли молча, забыв обо всем. Женщина взяла его за руку, и не нужно было вспоминать этих глупых гусей, потому что в голове у него ничего не осталось, ни одной мысли, кроме безмерного восхищения совершенной, никогда не виданной красотой. Он не знал, сколько прошло времени — час или два? Рит-

мичность огненного цветного калейдоскопа завораживала, таила в себе почти магическую, колдовскую силу.

Когда вышли на берег, их уже связало это совместно пережитое глубокое восхищение, слова были бедны по сравнению с их чувствами...

«Стоп, — сказал себе Фил. — Остается встать на четвереньки и завыть от восторга. Довольно».

— Что с тобой? — удивленно спросила женщина. — Что тебя тревожит, чего ты все время боишься?

— Я хотел бы остаться человеком, — тихо сказал Фил, — понимаешь ты это?

Она внимательно посмотрела на него.

— Я слышала, что такое бывает. Очень редко, но все же бывает. Был случай, когда тоска по утраченной человеческой сущности не оставила одного из нас и после третьего цикла... Мой наставник объяснил это тем, что многие из нас слишком рано становятся синглитами, гораздо легче проходит переходный период, если человек приходит к нам в пожилом возрасте. С тобой это случилось слишком рано. Но тоска скорее всего пройдет после первого же цикла. Ты о ней забудешь.

— А если нет? Ты говоришь об этом так, словно перестать быть человеком — это всего лишь сменить одежду. И потом этот цикл... Я столько о нем слышал... Можешь ты объяснить, что это значит?

— Почему бы тебе не спросить о нем своего наставника?

— Я попросил его удалиться. Вежливо попросил.

Она улыбнулась.

— Я бы с удовольствием... Здесь нет никакой тайны, но это так же трудно описать словами, как то, что мы с тобой только что почувствовали на дне моря. Через месяц начнется сезон туманов, и ты все узнаешь сам. Зачем спешить? Пойми пока лишь одно — никто здесь не собирается тебе навязывать ни своей воли, ни чужих мыслей.

— Да, конечно... Только вот забыли меня спросить, хочу ли я стать синглитом...

Она повернулась и молча пошла прочь, словно он ее оскорбил. Филин долго смотрел ей вслед, стараясь узнать ее мысли, и ничего не чувствовал, кроме глухой стены. «Придется и мне научиться выращивать эту стену, — с раздражением подумал он и медленно пошел прочь. — Вы подождите, ребята... Я научусь... Я здесь многому научусь... Это ничего, что вы меня испугались там, у реки, это совсем не важно. Пусть так. Будем считать, что у меня

задание без права на возвращение... Я должен найти их слабое место... Должно быть такое место, не может его не быть, точка, на которой держится вся конструкция. Жаль, не успел спросить, что случилось с тем парнем, который не захотел стать предателем и после этого их третьего цикла. Где он сейчас? И вообще неплохо было бы найти среди них тех, кто думает так же, как я...»

2

Ротанов заметил люсса секунды за две до броска. Наверняка он успел бы за это время вскинуть пульсатор и нажать спуск. Но что-то его удержало. Люсс выглядел как клуб плотного пара. Казалось, верхушку дерева укутала большая снежная шапка. Но вот это уплотнение тумана дрогнуло и потекло к Ротанову. Подавив щемящее чувство опасности, он ждал. «Иммунитет? Сейчас я это проверю...»

Наконец люсс прыгнул. Больше всего это походило на снежный обвал. Что-то вязкое, плотное, отвратительно пахнущее свалилось ему на плечи, окутало непроницаемой мглой и почти сразу же исчезло; он видел, как стремительно, вытянувшись в длинную вертящуюся трубу, уходил люсс, теряясь среди ветвей отдаленных деревьев. «Значит, я вам не нравлюсь... Не подхожу по вкусовым качествам». Вдруг это не только иммунитет? Вернее, не просто иммунитет, а что-то другое, гораздо более значительное? Что, если люсс вообще не в состоянии напасть на здорового человека? Тогда прав доктор. Тогда за всеми бедами колонистов, за этой войной, за бредовым обществом синглитов стоит одна и та же трагическая случайность — наследственные изменения после гибернизации... Иными словами, все колонисты не совсем здоровы... Во всяком случае, нездоровы с точки зрения люсса... Все это надо еще проверить, пока это лишь предположения, догадки. Фактов ему не хватало. За ними и шел.

Люссы не повторяли нападений до самого города. Как только начались окраины, он повесил пульсатор на грудь и сдвинул предохранитель. После взрыва роллера не хотелось позволять стрелять в себя, да и не парламентером шел он на этот раз в город, он чувствовал, что все мосты сожжены, что после гибели тех тринадцати человек, жизнь которых они обещали ему сохранить, он уже не будет вести переговоров, вряд ли он мог сейчас сказать, как поступит.

С запада город начинался кварталом восьмиэтажных одинаковых зданий унифицированного образца. Строительные роботы

отливали их по единому проекту из силикобетона во всех колониях. Даже целыми такие кварталы смотрелись довольно уныло. На вновь осваиваемых планетах приходилось жертвовать красотой ради удобства и быстроты. Сейчас же, с выбитыми стеклами, с сорванными переплетами, с уродливыми язвами пробоин в облицовке стен здания выглядели мрачно, почти враждебно. Казалось, сам город ополчился против покинувших его людей, затаил на них обиду за нанесенные раны.

Ротанов решил собрать данные о ночном периоде жизни синглитов, заполнить пробел в наблюдениях, а также выяснить все, что возможно, об их семейном укладе, если такой уклад у них вообще существовал. С наступлением сезона туманов активная деятельность синглитов, судя по отчетам научного отдела, прекращается.

Он знал по опыту, как часто ошибаются те, кто пишет такие отчеты, и был готов к любой неожиданности. Первые квартиры выглядели так, словно их покинули много лет назад. Наверно, никто не заглядывал сюда. Огромный город, казалось, вымер. Нигде не светилось ни малейшего огонька, не слышно было ни звука. Туман, забивавший улицы, обложивший старые здания слоем клейкой влажной ваты, сделал весь город похожим на театральную декорацию.

Среди охотников существовало поверье, что с наступлением сезона туманов синглиты уходят в лес... Зачем? Этого никто не знал. Напряжение постепенно спадало. Он уже не ждал выстрела из-за каждого угла. Ближе к центру начинались административные и производственные кварталы города. Где-то здесь была резиденция их координатора. Проплутав около часа, он наконец нашел нужную улицу.

Здание было так же пусто, как и весь город. Старое охотничье поверье казалось правдой. Теперь во что бы то ни стало ему придется узнать, зачем и куда уходят синглиты. Но это потом, сначала надо воспользоваться случаем и провести тщательную разведку в самом городе.

Четыре часа он провел в комнатах со стальными решетками на окнах, с толстыми, в метр толщиной, стенами. Трудно было сказать, кто построил это мрачное здание — люди или синглиты. Во всяком случае, здесь он нашел то, что искал. Место, где до ухода постоянно находились синглиты...

Вначале он был осторожен, опасаясь какого-нибудь подвоха, ловушки или даже засады, но синглиты, очевидно, были уверены, что в это время люссы — лучшая охрана, и не особенно беспокои-

лись о своем оставленном имуществе. Имущества было много, самого разнообразного... Вскоре он понял, что безобидный с виду кабинет Бэрга на самом деле — центр управления какого-то сложнейшего комплекса, со скрытой в стенах аппаратурой. К сожалению, на этот раз его интересовала совсем не электроника... Жилых комнат попросту не было. «Не могли же тысячи синглитов все время, свободное от работы, проводить на улицах! Или могли?» Он надеялся, что, проникнув ночью в неохраняемый город, сможет хоть что-то понять. Но, похоже, запутался еще больше. Вопросов прибавилось, и не было ни одного ответа...

Куда идти дальше? Как найти дорогу или хоть приблизительное направление, по которому ушли синглиты? Где их искать? Ничего этого он не знал.

Филин вошел в здание через одну из многочисленных дверей. Никто ему не препятствовал, не спросил, что ему здесь надо. Прямой узкий коридор вел к центру. Справа и слева бесчисленные одинаковые двери без единой надписи. Учреждение или общежитие? Стеклянное, почти прозрачное сверху здание изнутри было рассечено глухими перегородками, отделено дверями... Что там за ними? Войти? Почему бы нет, раз ему никто не запрещал, вот хоть в эту. Огромная комната. Что-то вроде оранжереи: маленькие растения, большие растения, части растений, казалось, все это растет прямо на полу или на широких пластиковых столах. От веток шли провода, на стволах примостились датчики. Было влажно и душно. Под потолком гудел кондиционер. Где-то в глубине двигались несколько человек в голубых пластиковых халатах. Они не обратили на Фила ни малейшего внимания. «Здесь ничего интересного, возможно, оранжерея. Здание может быть жилым комплексом, заводом, институтом, оранжерея ни о чем не говорит».

В соседнем помещении в огромных аквариумах плавали местные чудища. В большом центральном бассейне он увидел кедвота, мясо которого считалось у колонистов лакомством. По огромному количеству проводов, опущенных в бассейн, по многочисленным циферблатам и экранам расставленных на столах и развешенных по стенам приборов он уже почти догадался, что это такое... «Центр... Научно-исследовательский центр планеты... О таком мечтал доктор. Только мечтал. Люди не могли себе позволить здесь ничего подобного... Но почему, ведь начинали с одного уровня? — И вдруг он понял: — Только начинали, а потом людей становилось все меньше, а синглитов все больше...»

— Ты не знаешь, почему кедвот ест только голубых креветок? Чем они лучше розовых? — спросил его кто-то из исследователей.

— Не знаю! — угрюмо буркнул Фил и повернулся, чтобы уйти.

Совершенно случайно он знал ответ, слышал от доктора, что в крови голубых креветок содержится больше меди, необходимой кедвоту для постройки защитных иголок. И не успел подумать об этом, как голос, только что задавший вопрос, произнес у него в голове короткое «спасибо». Он вздрогнул, все никак не мог привыкнуть к тому, что каждая его мысль прослушивалась. «Вот так они и узнают про нас все. Все, что им нужно, — подумал он, закрывая за собой дверь. — Неудивительно, что с каждым годом люди все больше отступали. Все наши знания, любые военные секреты — вот они, пожалуйста. Никого не надо допрашивать, расположи к себе пленника, поговори с ним ласково, назначь наставника, объясни еще, что нет обратной дороги, — и вот он уже готов. Потом стоит только спросить, даже если тот и не захочет отвечать, никто не станет настаивать, рано или поздно случайно подумает, и все сразу станет известно врагу...» Он мучительно старался вспомнить, не спрашивал ли кто-нибудь его, например, о расположении постов перед базой, о времени патрулирования, о запасе оружия... Но ничего подобного вспомнить не мог и на всякий случай торопливо прогнал эти мысли, неизвестно, какую штуку выкинет с ним собственный мозг.

Нужно быстрее отвлечься. Он прошел по коридору мимо нескольких дверей. В голове что-то глухо стучало, он чувствовал себя так, словно много часов провел в душном помещении и ему не хватало воздуха. Он понимал — дело не в этом, воздух ему не нужен. Сказалось напряжение последних дней, мозг с трудом справляется с повышенной нагрузкой. Сколько можно идти по этому бесконечному коридору? Вот боковой проход, еще одна дверь... Огромный зал, не меньше футбольного поля. В центре гигантское сооружение из стекла, стали и пластика. Водопады труб низвергались к этому стальному чудовищу. Ущелья, стены которых выстилали шкалы и экраны неизвестных ему приборов, сходились к центру зала. Стальные леса помостов вздымались на несколько этажей, и среди этого хаоса копошились крошечные фигурки в оранжевых халатах. Их мысли и фразы, обращенные друг к другу, гудели у него в голове, смешивались, уничтожали остатки смысла в том, что он видел.

Бред, сумасшедший дом.

Новый зал. Тишина и покой, длинные ряды раскаленных печных зевов. Он устал... Дьявольски устал... Тело синглита незна-

комо с физической усталостью. Мысль о ней засела у него в голове и грызет и гложет мозг, как крыса... Даже у собаки есть своя конура, даже у робота. У него нет.

Новый зал. Колоннады сверкающих шаров. Пахнет озоном, прыгают стрелки приборов, прыгают электрические искры, прыгают, скачут, словно взбесившиеся, мысли у него в голове. Ему нужно так немного, всего несколько метров пространства. Кровать, чтобы можно было с головой зарыться в подушку, дверь, чтобы можно было ее закрыть. Четыре стены, чтобы можно было остаться одному... Длинный коридор и снова дверь... Распахнув ее, он остановился, словно налетел на стену. Там была комната. Обыкновенная человеческая комната с картиной на стене. С глиняным горшком на столе, из которого веером растопырились зеленые листочки растения, семена которого привезли с Земли сотни лет назад. Знакомая железная кровать с подушкой, в которую можно зарыться...

Секунду он стоял неподвижно, стараясь понять что-то важное, какую-то мысль... Ведь это была не просто комната, знакомы были не только картина и эта кровать, но что-то еще, что-то такое же милое и близкое, как эти зеленые листочки на столе... И вдруг он увидел. На полке у самого изголовья стояла стеклянная статуэтка девушки... Второй такой не было. Не могло быть на этой планете... Он взял ее в руки, согрел ладонями, заглянул в глубину, где медленно рождались золотые искры. Это была его комната.

Широкое окно во всю стену без рам и переплетов свободно пропускало солнечный свет и не пропускало взгляда. В пещере, где он жил, не было окон и не было пластиковых голубоватых стен. Но все равно эта комната принадлежала ему, ждала его. Со вздохом глубокого облегчения он опустился на кровать. Не разжимая ладоней, поднес к лицу маленькую вещицу, значившую для него так много, закрыл глаза и вслушался в странную мысль, которая тут же всплыла из каких-то мрачных глубин его сознания. В этом здании были сотни коридоров, тысячи залов, миллионы комнат; каким же образом безошибочно, без долгих поисков нашел он именно эту, предназначенную для него, в тот момент, когда больше всего в ней нуждался?

Кто этот невидимый слуга или господин, ни на минуту не оставляющий его в покое? Все тот же наставник? «Ну отзовись же, слышишь! Отзовись! Я сдаюсь. От тебя не спрячешься, не уйдешь, потому что ты сам — часть меня...»

Голос молчал.

* * *

Ротанов брел через путаницу улиц, не обращая внимания на бесчисленные повороты, тупики, груды разбитого бетона и тлетворного гниющего хлама. Еще один поворот, покосившаяся стена здания. Знакомый забор... Он вздрогнул, потому что видел уже однажды фасад этого дома и не раз потом вспоминал... Так просто взбежать по лестнице на второй этаж, отыскать дверь под номером шесть... И остановился перед ней, не в силах повернуть ручку, потому что слишком хорошо знал: никого там не было. Но можно ведь и проверить...

Перекошенная дверь никак не хотела отрываться от косяка, наконец, подняв целую тучу пыли, она уступила его усилиям. Багровые отсветы солнца с трудом продирались сквозь разбитые грязные стекла и окрашивали стены комнаты в неправдоподобный кровавый цвет. Ну вот, он и увидел то, что хотел: грязную, усеянную обломками и заставленную полусгнившей мебелью комнату. Даже место, где они встретились, не стоит того, чтобы о нем помнить, а уж все остальное... Вдруг он услышал шорох. В пустой квартире шорох раздался резко, как грохот, и Ротанов сорвал с плеча пульсатор. Секунда, вторая, третья пронеслись в полной тишине, и снова шорох, звук шагов по коридору, ведущему на кухню. Мороз продрал его по коже. Слишком уж неожиданны были эти шаги в заброшенном городе, в пустой квартире, слишком уж хотел он их услышать, хотел и боялся одновременно...

Она остановилась у входа в комнату, небрежно опершись о притолоку, на ней было то самое темное платье, даже наспех сделанный шов сохранился... Он стоял, сжимая в руках свой дурацкий пульсатор, и не знал, что сказать.

— Долго ты, Ротанов. Я уж думала, не дождусь. Все наши давно ушли, а я все жду, жду... Мне хотелось с тобой проститься.

— Как ты могла знать?.. — Голос у него сел, он все никак не мог протолкнуть застрявший в горле предательский клубок.

— Да уж знала... Я многое про тебя знаю. Я даже могу смотреть твои сны.

Он отбросил пульсатор, медленно, словно в трансе шагнул к дивану, на котором когда-то, не так уж давно, она стерегла его сон. Ротанов обхватил голову руками, будто хотел удержать рвущуюся наружу боль. Боль разрасталась толчками, словно внутри кто-то упорно долбил ему череп.

Несколько секунд она молча смотрела на него. Потом подошла и села рядом, чуть в стороне, сохраняя небольшую дистан-

цию, словно понимала, что случайное прикосновение может быть ему неприятно.

— Вот ведь как все получилось, Ротанов... Если разобраться с помощью вашей человеческой логики во всей этой истории, то ее попросту не может быть. Потому что меня не существовало раньше...

Было заметно, как трудно ей говорить, она выдавливала из себя слова, точно роняла стальные круглые шарики.

— Тебе трудно понять и еще труднее объяснить. Та девушка... Она ведь была не такой, до встречи с люссом она не была еще мной.

— Ты ее помнишь, ту девушку?

— Я ничего не могу забыть... Иногда это так мучительно и не нужно, но это так. Когда-то я была ею, потом стала вот такой, и я уже не она. Но самое главное... Для тебя главное, — вдруг уточнила она, — что и такой, как ты меня узнал, я останусь недолго...

— Как это — недолго?

— Время кончается, Ротанов. Собственно, оно уже кончилось. Кончается цикл, начнется новый, в нем уже не будет меня... Не будет такой, как ты видишь меня сейчас... Останется только память... Все, что было, все, что ты говорил мне, все, что я думала о тебе, останется, не пропадет. У нас ничего не пропадает, все ценное идет в общую копилку и принадлежит всем... Во время смены циклов все уходит в эту общую память, и из нее возрождаются потом другие личности. Так что я не увижу тебя больше, вот я и хотела дождаться, чтобы ты не искал меня и никого не винил... Потому что я знаю, ты думаешь обо мне иногда... Я даже знаю, когда во сне ты ищешь меня и находишь не такой, как я есть... Не нужно, Ротанов, это все бессмысленно, чудовищно. Я не знаю, как найти слова, какие нужны слова, чтобы тебя убедить, чтобы, когда я ушла, у тебя не осталось ни тоски, ни гнева, потому что никто не виноват в том, что так случилось, что мы встретились и полюбили друг друга... Хотя это и невозможно.

Она была потерянной девчонкой с холодным бескровным телом манекена в их первую встречу.

Она была суровой посланницей врагов с сухими беспощадными фразами, не оставляющими никакой надежды...

И она же, оказывается, могла быть вот такой, какой была сегодня, — попросту влюбленной женщиной.

Он жадно вглядывался в нее, словно старался запомнить навсегда, и вдруг ему показалось, что он уже видел это лицо... Нет, не тогда, когда нашел ее в этой комнате. Раньше, гораздо раньше

ше... Если удлинить разрез глаз, взбить волосы, на которых когда-то сверкала серебряная диадема... Этого не может быть! Все смешалось в нем, заволоклось туманом. Одно только оставалось совершенно очевидным, отчетливым: она сейчас уйдет. Навсегда уйдет из его жизни. Снова он ее упустит, и на этот раз уже навсегда. Только поэтому, да еще потому, что она вытащила на свет из потаенных уголков его сознания все мысли, в которых он боялся признаться самому себе, он понял, как ему нужна эта женщина, и понял, что, если ко всей его горечи прибавится еще и эта потеря, он может просто не выдержать, сорваться...

Пульсатор валялся в углу, он видел, как в полумраке зловеще поблескивает вороненый металл короткого ствола, и думал о том, что инженер, наверно, был близок к его теперешнему состоянию, когда неделю назад ушел в город, чтобы не вернуться. Инженер хоть верил, что может кому-то отомстить за смерть своих близких, она же позаботилась о том, чтобы у него не осталось даже этой горькой возможности... Потому что ведь это правда: та девушка, которая погибла от люссов, не была ею. И следовательно, даже за ее гибель он не может мстить, наоборот, только благодаря этой гибели возникло холодное облако тумана, уплотнилось, принесло с собой частицу памяти о совсем другой женщине, жившей на этой планете тысячи лет назад. Вот опять, как все нелепо, не было злой воли. Кошмарный бред... Не бывает таких безысходных ситуаций... И наверно, единственный выход — уничтожить все это сразу, весь этот бредовый мир... Казалось, так просто сжать в руках тяжелую ребристую рукоятку и утопить в потоках пламени всю свою тоску и горечь...

— Мне уже пора...

— Я не отпущу тебя!

Он протянул руку и нашел ее ледяные пальцы. Впервые прикосновение к ней не вызвало ни отвращения, ни страха. Он чувствовал только глухое глубокое отчаяние. Он крепко сжал ее руку и потянул к себе. Но холодная, мягкая, почти безвольная ладонь незаметно, без всякого напряжения выскользнула из его руки. Она встала и медленной неуверенной походкой пошла к выходу, остановилась только у самой двери.

— Не так уж все безнадежно, — тихо сказала она. — Мы живем очень долго, я могла бы подождать...

— Но тебя ведь не будет!

— Это зависит от меня... Дело в том, что я смогла бы стать опять такой же, восстановить все таким, как сейчас, такой, какой ты меня видишь и помнишь...

— При чем тут моя память? Объясни же наконец! — почти закричал он.

— Хорошо, я попробую. Если в наше общество приходит новый человек, его память будет использована и учтена. В следующем цикле ты мог бы встретиться со мной... У нас нет такой устойчивой индивидуальности и тем более внешности, как у людей. Но именно поэтому возможна наша встреча. После своего ухода я узнаю, какой ты меня видишь, помнишь, и я захочу стать именно такой, и тогда это так и будет. Мы очень сильно меняемся во время перехода... Твоя память как бы смешается с моей, твоя воля с моей, возникнут два новых существа, дополняющие друг друга, полностью гармоничные, ты и я... Не такие, как прежде, может быть, лучше... Что-то исправится, откорректируется в следующем цикле. Вся наша индивидуальность, черты характера — все будет зависеть от нас самих и не будет требовать для своего изменения таких гигантских усилий, как это нужно людям. Поэтому пары у синглитов никогда не расстаются, многие сотни лет они совершенствуются, изменяются, растут вместе — от цикла к циклу... Если хочешь, я тебя подожду...

— Вот ты о чем... Нет, даже это невозможно... Даже если бы я захотел, люссы меня не трогают. Но я и сам никогда не соглашусь... Я ведь человек и даже ради тебя... Нет!

Она кивнула, помолчала.

— У меня к тебе просьба. Не ходи за мной.

Тихо скрипнула дверь. Тишина навалилась на него как обвал, только кровь стучала в висках.

3

Шли дни, и постепенно Фил привыкал к своему новому состоянию. Он по-прежнему не чувствовал себя синглитом, все еще тосковал по товарищам, по всему, что принадлежало ему, когда он был человеком. Но его новый приобретенный взамен мир был достаточно разнообразным и интересным.

Каждый день этот мир был к его услугам, и постепенно тоска по прежней жизни становилась глуше. Приспособиться, пережить первые самые трудные дни помогла ему комната, заботливо восстановившая кусочек его старого мира. Вскоре он заметил, что все реже чувствует необходимость в уединении. Слишком много интересного ждало его снаружи, в многочисленных залах-лабораториях, в огромном красочном парке. Новые знания, которые

он мог тут же проверить в лабораториях, постепенно изменяли его интересы, рождали новые мысли. Появились и первые товарищи среди синглитов. Вместе с Эл, как назвал он свою рыжеволосую подругу, они часто посещали зал образных гармоний. Фил научился не выдавать во время сеансов своих истинных чувств, чтобы не мешать другим делиться друг с другом радостью. Долгие прогулки по дну моря еще больше сблизили их с Эл. Если бы он мог быть до конца объективным, то, пожалуй, признал бы: его теперешняя жизнь была по крайней мере не хуже той, которую он навсегда потерял. Вот только его постоянно мучили мысли о том, что это всего лишь передышка. Подготовка. Рано или поздно из него сделают солдата врагов. И он все время напоминал себе, что за стенами этого прекрасного стеклянного здания шла жестокая, кровопролитная война с его недавними товарищами.

Если бы не эти мысли, не страх, что его попросту завлекают, он бы, наверно, не так тосковал и его адаптация в мире синглитов прошла бы намного безболезненнее и быстрее. Но с этим он ничего не мог поделать, ему оставалось попросту ждать и стараться сохранить в себе память, остатки прежней ненависти, чтобы в решающий момент не отступить, не стать предателем...

Человек он или синглит, уважать он себя перестанет, если возьмет в руки оружие и направит его против воспитавших и вырастивших его людей. А раз так, нельзя расслабляться, нельзя забывать... И он старался. Больше всего тяготила неизвестность, связанная с таинственными превращениями, ожидающими каждого синглита во время перехода в новый цикл. Он подозревал, что именно тогда произойдет с ним то, чего он так боялся. Судя по всему, день этот приближался. Перестали приходить поезда с новыми партиями синглитов. Жизнь огромного города-дома постепенно замедляла свой ритм. Однажды утром он обнаружил, что все лаборатории центра прекратили работу. В коридорах и на дорожках парка встречались сосредоточенные, спешащие к вокзалу синглиты. О Филе словно забыли... Он пошел на станцию и проводил несколько поездов. Никто не пригласил его участвовать в этом массовом исходе, никто не заставлял и оставаться. Им словно не было до него никакого дела. Он не мог больше уловить ни одной их мысли. Фил подумал, что война, может быть, перешла в какую-то новую фазу. Люди получили подкрепление, связались с Землей, и теперь синглитам грозит полное уничтожение, его новый мир будет уничтожен, разрушен, и он, перестав быть человеком, не станет и синглитом... Будет существом без прошлого и будущего. Эта мысль обдала его холодным страхом, и

сразу же он сказал себе: «Вот оно, начинается. Они сумели показать тебе, чего ты можешь лишиться. Теперь нужно совсем немного усилий, и ты побежишь спасать свою новую конуру. Ну нет! Этому не бывать!»

Он повернулся и решительным шагом направился прочь от станции. Нужно попытаться разыскать Эл, пока она не уехала, и узнать, что произошло.

Он вспомнил, как бежал через лес. В конце концов, этот выход у него останется всегда. Он сможет выйти на передовые посты перед базой. Это будет естественным и справедливым концом. Вспомнил, как однажды на рассвете он стоял в дозоре и из лесу прямо на него вышел какой-то одинокий синглит. Вышел и пошел напролом, не останавливаясь, не обращая внимания на окрики. Ослепительная вспышка пламени прервала его долгий путь... Только теперь Фил понял, как долог и нелегок был этот путь...

Обычно они встречались на пляже, у Эл не было своей комнаты, она объясняла это тем, что тяга к одиночеству проявляется только в первом цикле.

На пляже никого. Волны моря набегали на пустынный берег, покрытый шелковистым ласковым песком. Много часов провели они здесь вместе и чаще всего молчали. У них еще не было общих воспоминаний, а своим прошлым она не любила делиться, так же, впрочем, как и он сам. Он заметил, что все связанное с человеческой жизнью стало у синглитов своеобразным табу. Не то чтобы говорить или думать о ней запрещалось, но это было невежливо, потому что причиняло собеседнику невольную боль. Только теперь он начал понимать, что синглиты гораздо более ранимы, чем казались с виду, и что никакие циклы полностью не справляются с болью и тоской по оставленному человеческому прошлому...

Эл работала в биологической лаборатории центра. Она не считала свои занятия там работой. И он понимал ее, сам невольно увлекаясь опытами, которые она ставила. Наверно, этой увлеченности способствовало отсутствие всякого определенного времени занятий, их необязательность, они как бы стали своеобразной игрой, развлечением, а не работой.

Все двери оказались открытыми. Они и раньше не запирались, кроме тех, что вели в опасные помещения или личные комнаты новичков.

Пока Фил бродил по пляжу, здание полностью опустело. Ему казалось невозможным, чтобы она уехала, не попытавшись его увидеть!

Но вся аппаратура, зачехленная и обесточенная, была подготовлена к длительной остановке и хранению чьими-то заботливыми руками. Казалось, здание уснуло. Он еще с полчаса бродил по его коридорам и залам, невольно вспоминая день, когда метался из одного перехода в другой, как загнанная бездомная собачонка... Теперь у него есть хоть комната, и ничего другого ему не оставалось, как снова спрятаться за ее дверью от собственного страха и одиночества.

За столом сидел незнакомый светловолосый синглит и задумчиво вертел в руках стеклянную статуэтку. Фил попятился. У синглитов было не принято без разрешения входить в чужую комнату. Грубое вторжение не предвещало ничего хорошего.

4

Ротанов словно плыл в расплывчатом море, у которого не видно берегов.

Уходя из города, он на что-то надеялся, что-то искал... Что именно? Этого он уже не помнил. Хотя если хорошенько подумать, то можно вспомнить, что еще совсем недавно у него была вполне определенная цель: настигнуть синглитов, покинувших город, найти то место, куда они уходят для каких-то неизвестных, тайных от людей дел... Но постепенно, с каждым часом цель становилась все неопределеннее, словно окружающий туман проникал даже в мысли, путал их. Он ведь искал не просто место. Не ответ на загадки планеты... Он искал женщину, вернее, синглитку. Он выполнил ее последнюю просьбу, позволил уйти, навсегда затеряться в белесом болоте, и, похоже, заплатил за это слишком дорогой ценой. Обрек себя на дорогу, у которой нет ни конца ни края. Всю жизнь он будет теперь идти вот так, увязая в тумане, не зная, куда и зачем.

Постепенно усталость давала о себе знать. Он все чаще спотыкался, терял представление о времени и пространстве. Иногда ему казалось, что он бредет в этом однообразном сером месиве с самого рождения и будет идти еще долгие годы, без всякой надежды на конец дороги. Чтобы вернуть ощущение реальности, Ротанов сорвал с плеча пульсатор и выстрелил.

На секунду ему показалось, что в тумане чужой планеты взошло обыкновенное земное солнце. Его желтоватый жаркий свет разметал враждебные щупальца тумана, горячий ветер ударил в лицо, смел остатки липкой дряни, а отсвет горящих деревьев

высветил склон холма, по которому он шел. Сознание вновь обрело знакомую ледяную четкость, мысли уже не прыгали и не путались. Все упростилось, стало до конца ясным. Он инспектор. У него есть инструкции, там можно найти ответ на самые сложные вопросы. Простой и доступный ответ. Уголком сознания он понимал, что с ним не все в порядке. Он слишком долго шел, слишком устал. Многократные нападения люссов не могли пройти бесследно...

Ротанов достал флягу с водой, но не успел сделать ни одного глотка. Сверху по склону холма ему навстречу спускалась маленькая фигурка, издали очень похожая на человеческую. По походке он сразу же понял, что это синглит. Спрятаться? Пойти за ним следом? Попробовать заговорить? Сейчас все эти очевидные решения казались ему слишком сложными.

Ствол пульсатора описал короткую дугу, ловя в перекрестие прицела тропинку, по которой шел к нему синглит. Оставалось подождать, пока он сделает шагов двадцать, выйдет на эту открытую тропинку, и нажать спуск.

5

Посетитель поставил статуэтку на место и сразу же поднялся навстречу Филину.

— Ну, вот мы и встретились. Ты ведь хотел этого с самого начала. Раньше это было бессмысленно, теперь ты готов к разговору. Я твой наставник.

«Вот оно! — обожгла сознание мысль. — Я знал, что они от меня не отступятся, никогда не оставят в покое! Им нужны солдаты...»

— Подожди, Фил. Не надо спешить с выводами. Я пришел не за тем, о чем ты думаешь. Слишком многое зависит от того, поймешь ли ты меня сейчас, поверишь ли, поэтому не спеши и хорошенько подумай, прежде чем примешь решение. А сейчас сядь и послушай.

Филин почувствовал, как его охватывает знакомое щемящее чувство, которое, как он знал, появляется у него накануне боя или в момент сильного нервного напряжения; оно длилось недолго, и на смену ему всегда приходило спокойствие и трезвый расчет, не раз выручавшие его в сложных, запутанных ситуациях. Он сел к столу совсем близко от посетителя и пристально посмотрел ему в глаза.

— Я слушаю, хотя и не понимаю. Если ты действительно мой наставник, то, наверно, мог бы внушить мне любое желание, любую свою мысль без этих долгих разговоров. Я уже знаю, что такое твой мысленный контроль.

— Контроль допустим лишь в начальной стадии обучения, ты ее уже прошел. То, что мне от тебя нужно сегодня, не заменит никакое внушение, мне понадобится твоя собственная воля, все твое желание, чтобы добиться успеха.

— Я слушаю.

— Ты помнишь зал пластации?

— Да, я туда не пошел.

— В тот день было еще слишком рано, и ты ничего бы не понял. В этом зале мы можем изменять свою внешность и не только внешность — все тело. Его строение целиком подчиняется нашей воле, желанию; ну так вот, мне очень нужно, Фил, просто необходимо, чтобы ты вернул свою прежнюю внешность, ту, которая была у тебя, когда ты был человеком. Этого никто не сможет сделать, кроме тебя самого, я могу только помочь.

— Зачем это нужно?

— Ты помнишь пилота, Фил?

— Того, на складе? Конечно. Конечно, я его помню.

— Мне кажется, этот человек подошел очень близко к решению самой главной задачи...

— Какой задачи?

— Он может прекратить войну, Фил... И не только ее. Кажется, он может найти способ, объединяющий несовместимые вещи — наше общество и общество людей...

— Как же он это сделает?

— Если бы я знал... — В голосе наставника прозвучала неподдельная горечь. — Над этой проблемой работали не один год наши лучшие ученые. Было доказано, что выхода нет. Что наше развитие целиком зависит от захваченных в плен и насильно обращенных в синглитов людей... И все же я никогда до конца в это не верил. Видишь ли, есть древние знания, сохраненные в наследственной памяти самих люссов и переданные теперь нам, мы не можем разобраться в них полностью, потому что родовая память — это только основные инстинкты, законы поведения, там все страшно запутано, неясно. Множество позднейших наслоений, и все же можно сделать вывод о том, что когда-то, чрезвычайно давно, тысячелетия назад, люссы уже имели контакт с другими мыслящими существами. Похоже, им удалось создать объединенное гармоничное общество, я даже подозреваю, что возникновение самих люссов как-то

связано с этими навсегда оставившими планету в глубокой древности существами. А потом пришли люди, и произошла какая-то трагическая ошибка, случайность или что-то еще, может быть, за тысячи лет эволюция исказила первоначально заложенные в люссах инстинкты, они одичали, превратились в тех ужасных вампиров, которых вы, то есть люди, так боитесь сегодня. Это все мои догадки — не больше. Но они дали мне право подозревать, что какой-то выход из создавшегося положения возможен, но мы его не знаем. Если бы его знал кто-нибудь из нас, эти стычки, принесшие так много горя и нам, и людям, давно бы прекратились.

— Вам-то от них какое горе? Одна польза...

— Ты несправедлив, Фил. Не забывай, что ты сам давно уже наш, и твое личное горе — трагедия всех тех юношей, которые становятся новыми членами нашего общества, сохранив навсегда след насилия над собой, душевного надлома, тоски по оставленному человеческому дому — все это наша общая трагедия. И когда нам приходится брать в руки оружие, чтобы наше новое общество могло продолжить свой род, — это ведь тоже трагедия, Фил... Не зря же ты больше всего боишься именно этого.

— Я никогда не стану предателем!

— Не ты один, Фил. Не ты один. В том-то и дело. Война порождает неразрешимые противоречия. Многие предпочитают уйти совсем. А ты говоришь — польза... До прилета инспектора мы еще могли надеяться, что она кончится нашей победой, превращением всех людей в синглитов. Конечно, это ничего бы не дало, потому что сразу же прекратилось бы и развитие нашего общества, неспособного к размножению. Несмотря на долгую жизнь каждого нашего члена, ничего, кроме регресса и упадка, постепенного вымирания, нас не ждало после нашей победы на планете. Теперь же, с установлением контакта с Землей, все противоречия еще больше обострились.

— Что может с этим сделать пилот?

— Не знаю... Во всяком случае, над ним не тяготеют предрассудки, порожденные во всех колонистах многолетней войной. Он может быть объективен. К тому же он официальный представитель землян на нашей планете. В общем, мне кажется, он имеет право решать. И надо ему в этом помочь. Предоставить все данные, все, что от нас зависит. Во время перехода, или цикла, как ты его привык называть, наше общество становится практически беспомощным, если бы не люссы, люди давно уже воспользовались бы этим. Я хочу предоставить пилоту такую возможность.

— Какую именно?

— Возможность выбора, свободу действий и право принять окончательное решение. Я верю в этого человека. Мне уже приходилось с ним сталкиваться, я ведь не только твой наставник, я выполняю еще и другие функции в нашем обществе. Пилот знает меня как координатора, хотя такой должности у нас не существует, но он хотел встретиться с представителем власти, с руководителем, и мне пришлось сыграть эту роль. К сожалению, во время нашей встречи у него не возникло по отношению ко мне ни доверия, ни добрых чувств. Поэтому сегодня я вынужден обратиться к тебе. Кое-что вас связывает с пилотом, пусть немногое, но все же для человека его склада характера этого может оказаться достаточно, чтобы тебя выслушать.

— Какова будет моя роль, в чем именно предстоит убедить пилота?

— Тебе не надо его ни в чем убеждать. Ты должен будешь привести его на поляну, где проходит цикл. Ты ее найдешь автоматически, инстинктивно. Он ее может не найти вообще — лес для него чужой. И самое главное, если возникнет такая необходимость, если наше предприятие удастся, ты сможешь быть посредником между нами, поможешь мне передать пилоту всю необходимую информацию.

— Или завлечь его в ловушку... — тихо пробормотал Фил.

Наставник сделал вид, что не услышал этого, а может быть, и в самом деле не расслышал, занятый своими мыслями.

— Видишь ли, Фил... Я должен тебе сказать и еще кое-что. Встреча с пилотом — это мое личное решение. Очень многие не разделяют моего оптимизма, не верят в положительное решение наших проблем, предпочитают теперешнее существование. Меня же и еще некоторых, не очень многих в нашем обществе, это не устраивает. Пусть уж лучше решает пилот, и если он не найдет выхода, ну что же. Все кончится сразу, без долгой волокиты. Всех нас попросту не станет. Риск того, что это так и случится, очень велик, и я обязан тебя предупредить, чтобы ты мог все сознательно взвесить и решить.

— А если я откажусь?

— Тогда попробую сам встретиться с пилотом. Скорее всего из этого ничего не выйдет. Он слишком ожесточен гибелью отряда инженера, считает, что это предательство именно с моей стороны, хотя все происшедшее — чистая случайность. Он не знает, что люссы нам не подчиняются и что мы не можем предсказать их поведения.

Что убедило Фила? Откровенность? Она могла быть нарочитой специально для него. Слишком много в обществе синглитов фальши, мимикрии, игры... Нет, не откровенность. Скорее неподдельная горечь и усталость в тоне наставника, в его последнем признании в том, что это его личное решение...

— Почему вы не поговорили со мной раньше?

— Нужно было дождаться, пока наши покинут город. Немало труда стоило мне задержать тебя здесь до этой минуты. Зато теперь, что бы мы с тобой ни решили, нам уже не смогут помешать.

Фил встал, прошел к окну. За ним ничего не было видно. Ничего, кроме искусственной белой слепой стены. И никто ему не поможет, никто не подскажет решения.

— Что же все-таки должен буду я сказать пилоту?

— Правду, Фил. Только правду.

— Ну хорошо. Давайте попробуем.

6

Ротанов знал, что стрелять нужно очень точно, так как расстояние было небольшим, приходилось пользоваться минимальной мощностью, и соответственно сокращалась зона поражения. Он сделал глубокий вдох, потом выдохнул воздух, задержал дыхание и упер локоть левой руки, направляющий ствол пульсатора, в бедро. Ствол перестал прыгать. Перекрестие оптического прицела замерло на середине тропинки... Откуда здесь тропинка? Этот вопрос отвлекал его от предстоящего дела, и он от него отмахнулся. Теперь в прицел попали горящие кусты, видимо, огонь только что приполз к ним по тлевшему от термического удара мху, и они неожиданно и дружно вспыхнули.

Он уже видел в верхней части прицела его ноги. Сейчас враг будет уничтожен. Ноги постепенно удлинялись, появились колени, потом живот, грудь, голова... Давно пора было стрелять, а у него рука словно заледенела на спуске. Перед глазами все еще полыхало видение зловещего соломенного факела, и никакое желание отомстить, никакие люссы ничего не могли с этим поделать... Время было упущено. Противник уже заметил его и не дрогнул, не сделал ни одного оборонительного жеста, не попытался бежать и не поднял оружия, он просто продолжал идти по тропинке прямо на Ротанова с какой-то жуткой неотвратимостью, не делая ни малейшей попытки спастись. С каждым его шагом все ниже опускался ствол пульсатора, потому что не было ничего

нелепее, чем стоять с оружием, вскинутым навстречу идущему к тебе безоружному человеку, даже в том случае, если он и не был человеком...

Синглит остановился, когда осталось всего шагов пять, пульсатор болтался у Ротанова на ремне стволом вниз, но это ничего не значило. Он успел бы его вскинуть и выстрелить даже в том случае, если противник попытается неожиданным рывком преодолеть эти оставшиеся пять метров. Но его противник ничего не пытался, ничего не хотел, просто стоял и усмехался, и в его ухмылке Ротанов с ужасом находил что-то знакомое.

— Здравствуй, пилот. Мы, кажется, на этот раз поменялись ролями? Помнишь склад?

На секунду все поплыло у Ротанова перед глазами — ночной лес, полыхающий куст и эта жуткая ухмылка.

— Я ведь чуть было не убил тебя, Филин.

— Ну и зря не убил, потому что никакой я не Филин, а самый обыкновенный синглит. Был Филин, да весь вышел. Но раз уж все-таки не убил, то, может, побеседуем?

И Ротанов сразу же поверил ему, потому что не мог Филин пройти ночью через лес и остаться Филином, и раз он стоит здесь, то все так и есть. Не Филин это, а синглит. И странно, это соображение ровным счетом ничего не меняло. Потому что это был все-таки Филин, с его рыжей всклокоченной бородой, с его жуткой ухмылкой, с неровными, изъеденными кариесом зубами... И это лицо всю оставшуюся жизнь стояло бы потом у него перед глазами, если бы он не удержался, нажал на спуск секунду назад.

— Ну что же... Рассказывай. Рассказывай, где пропадал...

Странная это была беседа у костра, место которого занял догорающий куст. Филин рассказывал обстоятельно, не спеша, словно все эти долгие дни копил в себе желание высказаться и вот теперь нашел наконец достойного слушателя. Он рассказывал об огромном городе-доме, о своей тоске, о том, как бежал к реке, и о том, как постепенно, с каждым днем все больше и больше переставал быть человеком. Он рассказывал о своей мечте отомстить тем, кто изуродовал его жизнь, отнял друзей, будущее, цель... И о том, как постепенно тускнела эта мечта, потому что они сумели предложить взамен других друзей, другое будущее, другую чужую и по-своему прекрасную жизнь, которую он все же не хотел принимать, как часто не хотят люди принимать фальшивки даже в том случае, когда мастерство подделки превосходит натуральный образец по красоте и правдоподобию, просто за то, что это подделка...

Он давно кончил свой рассказ, и оба они молчали, глядя на догорающий куст. Словно время остановилось, застыло, словно все только что рассказанное одним из них и услышанное другим было всего лишь злой сказкой, дурным сном, у которого нет продолжения. Вот сейчас они проснутся, взойдет солнце, туман рассеется... Но солнце не всходило, только куст догорел, с шипением погасли последние красноватые глаза углей, не стало видно лиц, и лишь тогда Ротанов нарушил наконец молчание.

— И что же дальше? Зачем ты меня искал?

— А вот этого я и сам как следует не знаю... Поверил наставнику, что ты можешь что-то изменить, исправить... Как будто это возможно... Ну да ладно. Я обещал проводить тебя на поляну, на ту самую, где проходит цикличный переход. Пойдем.

И Ротанов почувствовал острый, болезненный укол совести, как будто был виноват в том, что ничего не сумел придумать, обманул его надежды, как будто был виноват в том, что сам еще оставался человеком, в то время как Филин перестал им быть и никогда уже не сможет стать снова.

Он с трудом заставил себя подняться и шагнуть в сгустившийся туман за этой светлой, почти нереальной в темноте фигурой, месяц назад бывшей здоровенным парнем по имени Филин, а теперь вот ставшей синглитом, почти призраком, фантомом из страшной сказки... И он, инспектор Ротанов, каким-то образом был за это ответственным, потому что вовремя не разобрался в ситуации, не принял мер, ни черта не сумел исправить и даже понять на этой планете, и вот теперь бредет в потемках неизвестно куда... И думает о том, что право быть человеком остается за каждым, кто им рождается, до самой смерти, и никто не смеет посягнуть на это право, но вот все-таки посягнули... И раз так, его задача как инспектора предельно очевидна — он должен раз и навсегда сделать это невозможным, а не забивать себе голову сложными проблемами. От этого простого решения стало немного легче.

Тропинка вывела их на вершину холма. Кусты кончились, и оттого, что ветер сносил с вершины туман, здесь было немного светлее. На несколько секунд в разрыве облаков показались звезды. Снизу, оттуда, где они недавно сидели у горящих кустов, тянуло промозглым холодом и не было видно ни малейшего огонька. Сырость притушила все следы пожара. Филин замедлил шаги, дождался, когда Ротанов догнал его, и пошел рядом.

— Мы уже пришли. Это где-то здесь. Я чувствую что-то. Кружится голова. И еще мне страшно. Побудь со мной рядом, это скоро начнется...

Ротанов ни о чем не спросил и только подумал, каким должен быть его ужас перед предстоящим, если такой человек, как Филин, признался в своем страхе. Ротанов крепче стиснул пульсатор. Под ногами хрустела галька и прибитая холодом, но все еще колючая и упругая, как стальная щетина, трава. Теперь они шли медленно, молча, почти торжественно, словно приглашенные на какую-то церемонию, таинственную мистерию этой сумасшедшей планеты. До вершины, на которой уже угадывалось широкое открытое пространство, оставалось всего несколько десятков шагов, и Ротанов почувствовал, что Филин незаметно подвинулся ближе к нему, словно во всем этом враждебном и холодном мире он остался для него единственной защитой.

— Может быть, тебе лучше не ходить дальше?

— Я уже не могу вернуться. Меня ноги не слушаются, тянет, как магнит. Не хочу идти, а все равно иду.

— Что же ты раньше молчал? — Он схватил его за плечо, пытаясь остановить.

Филин печально покачал головой.

— Это тоже не поможет. Уже поздно. Мы давно попали в зону. Да и что мне остается? Я ведь теперь синглит и должен жить как они. И не поймешь ты ничего без меня. Пойдем. Я и так задержался. Внутри смертельный холод, все словно застыло... Мы не можем жить без солнца так долго...

Вдруг Ротанов представил, что совсем недавно по этой самой тропинке, может быть, сдерживая такой же леденящий, рвущийся наружу страх, прошла и она тоже... Кажется, он начинал понимать, почему она попросила не провожать ее в этот последний путь... Где-то он читал, в глубокой древности была такая дорога... Дорога на эшафот... Чтобы понять, что могли означать эти пустые для человека двадцать третьего века слова, нужно было побывать на этой тропинке. Скоро это кончится. Он никому не позволит больше испытывать здесь такой вот смертельный ужас.

В сером жемчужном сумраке они видели довольно далеко вокруг. Здесь никогда не бывает такой полной ночи, как на Земле. Виноваты в этом крупные близкие звезды, и только облака да рваные полотнища тумана мешали рассмотреть, что там делалось впереди, на огромной пологой поляне, покрывшей всю вершину холма. Кусты кончились, и оба остановились. Они уже стояли на краю поляны. На время Ротанов забыл о Филине, пораженный открывшимся ему зрелищем.

Всю поляну до самого края заполняли какие-то слабо светящиеся голубоватым светом предметы. Их было так много, что

поляна походила на ночное небо, сплошь забитое странными холодными звездами. Ближайшие светящиеся предметы лежали у самых ног, и, присмотревшись, он понял, что это такое... Свет был слабым, мерцающим, и все же его хватало, чтобы высветить травинки вокруг, влажные ветви кустов... Округлые бока предметов, словно вылепленные неведомым скульптором, странным образом закручивались, смыкались друг с другом своей утонченной частью. Если смотреть слишком пристально, нельзя было уловить форму предмета.

Сколько их здесь? Тысячи? Десятки тысяч? Кто и зачем принес их все сюда? Вдруг он вздрогнул, потому что рядом с ним что-то произошло. Он резко обернулся. На том месте, где только что стоял Филин, клубилось плотное бесформенное облако тумана. Оно постепенно расплывалось, меняло форму, вытягивалось вверх грибообразным султаном, наконец оторвалось от земли и медленно, словно нехотя, потянулось вверх.

У самого подножия этого туманного столба Ротанов увидел еще один светящийся предмет. Он бы мог поклясться, что минуту назад его там не было... Он задрал голову, стараясь рассмотреть, куда уходит туманный хвост, только что бывший Филином. Не так уж высоко над поляной висела плотная туча. Облако втянулось в нее, словно всосалось внутрь, послышался слабый чавкающий звук. Вся туча чуть заметно колыхалась. По ней шли от края до края световые волны, слабое мерцание на грани видимости сопровождало волны зеленоватых, розовых, голубых тонов, они шли друг за другом и неслышно исчезали, высвеченные по краям роем искорок.

Пожалуй, это было красиво. И еще он чувствовал странную отрешенность, потому что все происходящее было настолько чуждо, нечеловечно, что утратило тот первозданный оттенок ужаса, который сопровождал его до самой поляны. Он уже не испытывал ни гнева, ни страха. Только горечь да еще легкую грусть, какую всегда испытывает человек, случайно попавший на кладбище, потому что во всех этих гнилушках, рассыпанных по поляне, было что-то от кладбища...

«Ну вот ты и добрался до сгнившего сердца этой проклятой планеты», — сказал он себе и не испытал ни радости, ни удовлетворения. В нем появилась странная двойственность, словно внутри проснулся какой-то новый, неизвестный ему человек и чуть насмешливо и грустно наблюдал теперь за тем прежним Ротановым, который пришел на эту поляну, сжимая в руках оружие, собираясь кому-то мстить, творить суд и расправу, не имея ни

малейшего права ни на то, ни на другое, потому что все происшедшее вообще оказалось за рамками обычных человеческих понятий о морали и логике.

Да и не мог он направить огненный смерч на эти кристаллы, в которых, как в спорах, хранились зародыши жизни. Все, что было и еще станет Филином, ею, Бэргом, десятками других существ, способных огорчаться, радоваться, страдать... В покое пламени может наступить лишь окончательный конец, не он подарил им эту странную вторую жизнь, не ему и отбирать ее...

Он повернулся и медленно побрел обратно. Пульсатор на длинном ремне больно колотил его по плечам при каждом шаге. Он остановился и с раздражением засунул в рюкзак бесполезное и бессмысленное здесь оружие.

Поляна все еще лежала перед ним такая же тихая и странная, больше все-таки похожая на ночное небо, чем на кладбище. «Мы же вас не трогали... Зачем?» — тихо спросил он и, не получив ответа, побрел было дальше, но почти сразу же остановился. Ответ был где-то здесь, совсем рядом. Он выстраивался, возводился как стена из небольших кирпичей, самых разнообразных сведений, фактов, мелькавших в его голове до этого момента бессмысленной путаницей.

«Это такой комар... Прежде чем снести яйцо, он должен напиться человеческой крови...» — сказал ему инженер, и он ему не поверил.

«Вы абсолютно нормальны, абсолютно», — говорил доктор, закончив его полное обследование после первой встречи с люссом... И оказалось, он единственный во всей колонии не пострадал от этой встречи...

«Нет у них никакой злой воли, у этих люссов, — говорил доктор, — это лишь молекулярная взвесь, стая мошкары с простейшей программой поведения». И это уже было важным, потому что откуда-то же она взялась, эта программа, заставляющая люссов нападать на людей, именно на людей... Правда, не на всяких, потому что одним их нападение не причиняет вреда, зато другие... «Гибернизация ослабляет наследственность, а мы все — потомки тех искалеченных полетом людей». «Иными словами, люсс не может повредить здоровому человеку?» — спросил он тогда и не получил ответа. Теперь он знает, это так и есть.

И еще... В свое время, изучив все материалы, которыми располагал, он пришел к выводу, что общество синглитов всего лишь раковая опухоль, способная к развитию только за счет людей. Теперь он знает еще один важный факт. Они не способны к са-

мостоятельному размножению, действительно могут развиваться только за счет людей, но не всяких. Не всяких, а только больных! Пусть даже с их точки зрения больных — не важно, потому что в конце концов больные люди становились здоровыми синглитами... У него кружилась голова от этих мыслей. Он дошел уже до самого края поляны и остановился, опустился на траву. Вокруг было очень тихо, и от радужного мерцания над головой мысли становились стройнее, словно облако помогало ему думать... Вдруг мелькнула догадка настолько важная, что он сразу забыл обо всем остальном.

В генетическом коде всех колонистов что-то было нарушено, что-то такое, что сделало их, с точки зрения люссов, больными, пригодными для атаки. Не эта ли случайность послужила причиной трагических событий? Но если это так, то получается очень странная и вполне логичная цель, слишком странная и слишком логичная для того, чтобы быть всего лишь случайным стечением обстоятельств... Люссы не трогают здоровых, нападают на больных... Или старых?.. Превращают их в синглитов. В здоровых и молодых синглитов. Ведь у синглитов не бывает стариков. А что, если предположить, что все это не случайно? «Не может быть случайным такое множество совпадений! Ну же! Смелее! — приказал он себе. — Предположим, что рэниты так запрограммировали люссов, чтобы они могли старого или умирающего от болезней человека сохранить как личность, предоставить ему новую долгую жизнь. Пусть другую, непохожую на человеческую, но интересную, полную творчества, поиска, борьбы, искусства, любви, ощущения жизни! Да разве кто-нибудь откажется?!»

Сколько там они живут, эти синглиты, многие сотни лет? Величайший дар, вот что ты нашел внутри этой раковой опухоли, в самой ее сердцевине... Вот что скрывалось за всеми грязными наслоениями, за ошибками, трагическими случайностями, нелепым стечением обстоятельств, непониманием и страхом...

Они и сами не остаются внакладе, эти самые люссы. Они получают за счет человека индивидуальность, становятся личностью, а человеку дарят вторую жизнь. Неплохой симбиоз... Особенно если исправить все ошибки, уничтожить непонимание и сделать контакт человека с люссами абсолютно добровольным... А что в добровольцах не будет недостатка, в этом он уже не сомневался. И это было, пожалуй, самым главным. Стержнем всей проблемы. Он встал и еще раз осмотрел поляну. Теперь огоньки в холодной траве уже не казались ему гнилушками. Они были скорее светляками. Огоньками жизни, бесконечной, как ночное

небо. «Если хочешь, я тебя подожду...» — сказала она на прощание. Пройдет еще сорок или пятьдесят лет. Он устанет от дальних космических дорог, одряхлеет его тело, в нем поселятся болезни, старость. И тогда, как знать, может быть, он захочет начать все сначала? Все эти долгие годы кто-то будет ждать его на этой планете. Время не властно над человеческой сущностью, над добротой, над любовью. Сейчас, завершив круг, он понял, что дорога, уведшая его когда-то от далекой Реаны, через бездны пространства и времени вернулась к своей изначальной точке. В белесом мареве тумана Ротанов видел образ женщины, тысячелетия назад родившейся на этой планете. Женщины, которую, несмотря ни на что, он сумел найти вновь и опять потерять. Дорога жизни не имела конца. Он стоял у начала нового витка.

Книга вторая
ДОЛГИЙ ВОСХОД НА ЭННЕ

Часть первая
ГОСТИ ИЗ БЕЗДНЫ

1

День начался с обычной рутины. При загрузке перепутали судовые документы, и на Пирену вместо холодильников прибыли ванны для электролиза. Один автоматический транспорт затерялся где-то между Эланой и Торгосом. Патруль запрашивал, нужно ли начинать поиск. На Серпасе председатель Совета требовал отставки из-за того, что не удовлетворили его просьбу о внеочередном отпуске...

Ротанов вздохнул и отодвинул пачку радиограмм. Он не был в отпуске уже два года. Можно найти для этого время, но, оставаясь здесь, на Регосе, он все равно не отключится от повседневной текучки, и отпуск превратится в пустую формальность.

А если лететь на Землю... Месяц разгона, месяц торможения... Внепространственный переход в любой конец занимал не меньше двух месяцев. Слишком долгий срок для пассажирской каюты.

«Тяжеловат я стал на подъем», — устало подумал Ротанов. За последние год-два его не тянуло на Землю. Возможно, причина была в том, что Олег женился. Это событие заставило Ротанова острее почувствовать собственное одиночество. Его личная жизнь так и не сложилась.

В коллективе сотрудников управления внеземных поселений он чувствовал себя отчужденно, изолированно. Кто был в этом виноват? Наверно, он сам.

Пост руководителя управления, который он занимал, являясь, по существу, верховным администратором как самого Рего-

са, так и многочисленных земных колоний, разраставшихся за последние годы с неудержимой быстротой, невольно заставлял его выдерживать некую дистанцию в отношениях с сотрудниками. Почему-то раньше, в дальних экспедициях, он не испытывал подобной необходимости.

Подчиняясь не совсем понятным закономерностям, его мысль снова вернулась к Земле, к Олегу... Так ли уж он счастлив в своей семейной жизни? Жены его Ротанов не знал; самого Олега не видел больше двух лет, с тех пор как тот перешел в службу дальней разведки.

Дальнюю разведку Ротанов недолюбливал. Возможно, потому, что с каждым новым открытием очередной годной для заселения планеты множилось количество проблем, лавиной обрушивавшихся на Регос, на его управление и на него самого... Но скорее всего причина была в другом. Не мог он спокойно слышать слова: «дальняя разведка». И зависть в них была, и тоска по отшумевшим походам его юности, и горечь. Только в этом он, пожалуй, не смог бы признаться даже самому себе. И поэтому недоуменно пожал плечами и проворчал, имея в виду Олега: «Как можно жениться, если появляешься дома только во время отпуска?..» Вот и сейчас исследовательский крейсер «Енисей» под командой Олега седьмой месяц находился в свободном поиске, и не было от него никаких известий... Впрочем, их и не могло быть до истечения срока похода. И хотя Ротанов хорошо понимал физическую невозможность любой связи на сверхдальних расстояниях, он невольно подумал: каково незнакомой ему женщине — жене Олега — жить каждый год в этой неизвестности... Случалось, и не так уж редко, из далеких неисследованных областей Галактики корабли не возвращались. Бесполезны были тогда любые спасательные экспедиции. Слишком необъятным оказывался район поиска. Особенно если маршрут состоял из нескольких сверхпространственных бросков.

Потянувшись к пульту, Ротанов включил видеоокно. Экран в полстены замерцал и почти сразу растаял, открыв взгляду унылую песчаную равнину без единого холмика, поросшую редкими синими кустиками регосской колючки. Планета-космодром. Идеальное место для пересылочной и сортировочной базы. Совет решил, что управляющий центр внешних поселений должен находиться именно здесь, поближе к крупным колониям, подальше от Земли... «Но ведь ты же не возражал?» — спросил он себя, все еще стараясь найти в открывшемся пейзаже некую точку, пятно, место, на котором мог бы остановить взгляд. Но его не нашлось.

Пустыня казалась совершенно одинаковой, совершенно однородной. Ежедневные старты космических транспортов не могли нарушить экологическое равновесие этой планеты.

«Разве я мог возражать доводам Совета? Все было продумано, логично, безусловно правильно». Ротанов щелкнул еще одним тумблером. Он любил в свободные минуты путешествовать с этажа на этаж своей базы, оставаясь невидимым и неслышимым. Вот и сейчас электронное чрево машины послушно создало полную иллюзию движения в лифте. В объемном экране мелькали многометровые перекрытия этажей. Стальные балки пролетов, кабели энергосвязи. Появилась надпись: «Минус четвертый».

Ротанов остановил падение и направил движение невидимой камеры в глубь этажа. Длинные и узкие проходы складских помещений, забитые контейнерами, не интересовали его.

Шесть минут подряд на экране не прекращалось мелькание глухих, без единого просвета штабелей ящиков, однообразных унифицированных контейнеров, заполненных запасными частями и различным оборудованием для земных поселений на дальних звездах.

С каждым годом возрастал объем перевозок. База постепенно превращалась в гигантский склад. Этого он не мог предвидеть, когда отстаивал на Совете ее проект. «Для чего вы зарываетесь в грунт? — спросили его тогда. — Зачем вообще нужны все эти укрепления, орбитальные станции прикрытия, силовая защита? Что вы там собираетесь строить? Базу или крепость?» И он ответил: «Нам нужен форпост. Защищенная от любых случайностей база для заселения дальних звездных систем. Мы еще юнцы в космосе. Всего лишь несколько десятилетий летаем к звездам и уже натолкнулись на останки иных могучих цивилизаций. Мы пока не встречали врагов. Но это не значит, что так будет всегда. Мы создаем открытые, ничем не защищенные поселения на чужих планетах. До сих пор это было оправданно. Но по крайней мере у этих поселений должна быть база, защищенная от любых случайностей, чтобы в случае необходимости нам было куда отступить».

Доводы показались достаточно убедительными. Совет его поддержал, и вот теперь они имеют этот мощный, укрепленный склад.

Почти шестьдесят процентов территории базы занимают различные перевалочные грузы, ремонтные мастерские... Ангары забиты транспортниками. На поверхности планеты приходится создавать временные легкие бараки для наименее важных грузов.

А ведь он хотел построить базу так, чтобы с воздуха ничто не выдавало могучее, уходящее глубоко под скальное основание планеты сооружение... Оправдали ли прошедшие годы немалые средства и усилия, затраченные на создание этой космической крепости?

Кто знает. Сейчас еще рано судить. Время в космосе измеряется иными мерками. И хотя его опасения встречи с грозным внешним противником как будто уменьшились, появились новые проблемы.

Чем дальше уходят земные форпосты, чем больше осваивается планет и чем больше проходит времени, тем слабее становятся связи с родной планетой, тем независимей чувствуют себя земные колонии, развивающие собственную могучую промышленность, все меньше и меньше нуждающуюся в постоянной поддержке Земли. Как далеко зайдут эти изменения? Какие новые конфликты и проблемы породит раздробленность Земной Федерации?

Незаметно, исподволь идет процесс изменения самих колонистов. Их физической структуры, их психики. Тех, кто родился на Регосе, не спутаешь с теми, кто провел всю жизнь на Ароне... Как далеко зайдет этот процесс, во что в конце концов превратится рассеянное по дальним звездам человечество? Сохранит ли единство, верность своей далекой родине?

Наконец многокилометровые складские коридоры кончились. Камера перенесла Ротанова в рубку управления четвертого этажа.

Дежурил Османов, и, конечно, вместо того чтобы следить за автоматикой и контролировать проходы между перекрытиями, он читал в микропроекторе какой-то роман.

Впрочем, автоматика не нуждалась в контроле. А дежурства лишь дань уставу. Слишком многое у них на базе постепенно становилось пустой формальностью. В конце концов, никто не считал Регос военной базой.

«Пункт управления, пересыльный ракетодром для грузов. Хорошо оснащенный ангарный склад — вот что мы теперь такое...»

Где-то под потолком раздался густой басовитый звук гонга. Время обеда. Секунду Ротанов размышлял, не пойти ли в общую столовую, но, представив себе интерес, который вызовет там его неожиданное появление, решил не изменять давним привычкам.

Набрав на пульте команду кухонным роботам доставить обед в свой кабинет, он услышал за стеной легкое гудение лифта. Кабинет наполнили запахи восточных пряностей и баранины. Оче-

видно, обед сегодня приготовлен по старинным тибетским рецептам, а баранина скорее всего синтетическая.

Ротанов не помнил, заказывал ли он вчера это блюдо, но предпочел не выяснять. За последние дни автоповар все чаще проявлял собственную инициативу в составлении меню и вносил коррективы в сделанные заказы.

Чем сложнее система, тем труднее удерживать ее в рамках первоначальных параметров. Что-то постоянно ломалось, выходило из строя, капризничало, и не было ни времени, ни сил заниматься второстепенными мелочами.

С каждым годом все труднее и труднее становилось выбивать новые ресурсы. В Совете прекрасно понимали, что Регос превратился в слишком дорогую затею, так и не выполнившую своей основной функции — защиты землян от внешних враждебных сил космоса.

Ротанов совсем было собрался открыть дверцу кухонного лифта, когда на контрольном дисплее у пульта замерцал сигнал.

— Не дадут пообедать, — сердито проворчал он, однако экран включил и даже не подал вида, что недоволен неурочным вызовом.

— Простите, шеф, но поступила срочная депеша с Алкола. — Дежурный остановился, заметив взгляд, брошенный Ротановым на дверцу кухонного лифта.

— Я слушаю тебя, Антон. Что там у них стряслось? Может быть, подал в отставку председатель Совета колонистов? Этот Сизов испортил нам немало крови.

— Они сообщают, что в этом году не смогут выполнить план поставок иргона. Посылают нам последний транспорт. В результате мы недополучим более четырехсот тонн.

— А наши резервы?

— После срыва в прошлом квартале у нас осталось не более двухсот тонн.

— Хорошо. Я подумаю, что можно сделать.

Ротанов отключился, встал и прошелся по кабинету. В некотором смысле он превратил базу на Регосе в своеобразный буфер между Землей и ее колониями.

Создав здесь огромные склады, накопив запчасти и механизмы, поступающие с Земли, и продукцию колоний, до поры до времени ему удавалось корректировать планы поставок, обходить и сглаживать наиболее острые углы. Смягчать возникающие противоречия. Но все чаще появлялись дыры, которые не удавалось заткнуть. Все жестче проявлялась излишне централизованная

политика внешнего Совета Земли. Все чаще отдел Ротанова оказывался под двойным прессом. Колонисты жаловались непосредственно в Совет, минуя базу, на урезанные поставки оборудования.

Сизову удалось однажды раскопать для Совета даже дело с исчезнувшим транспортом. На этот автоматический транспорт с отказавшим двигателем случайно наткнулись патрульные корабли базы и, вместо того чтобы переправить адресату, отбуксировали его на Регос. Весь груз пошел на пополнение резервного фонда базы. Используя свой авторитет и старые знакомства, Ротанову удалось в конце концов замять дело с транспортом. Но становилось все очевиднее, что на Землю просачиваются сведения о его «складской» деятельности на Регосе, о его самовольных коррективах в планах взаимных поставок.

Со дня на день можно было ждать ревизора... Ну, может быть, не совсем ревизора. Наверное, придумают для инспекции какую-нибудь вполне невинную вывеску. Его вес в Совете все еще достаточен. Противники не пойдут против него в открытую, не имея на руках неопровержимые доказательства. Тем более они постараются сделать все, чтобы получить эти доказательства. Слишком уж независимую, самостоятельную политику вело управление внеземных поселений.

Основная причина сегодняшних бед Регоса — в разобщенности отдельных частей Земной Федерации. Полностью с этой проблемой не смогли справиться даже сверхпространственные корабли. На разгон и торможение уходило что-то около двух месяцев, срок вроде бы и не очень большой, но подводила связь. Между колониями не существовало иной связи, кроме почтовой. Радиоволны шли от звезды к звезде долгие годы. Свежие новости приходили лишь с очередным кораблем, с опозданием на два месяца. Дело даже не в этом. Как-то так получалось, что, оторвавшись от Земли, освоив новую планету, люди переставали чувствовать себя гражданами далекой Земли. Они становились патриотами своей новой родины. Ее интересы считали важнее всего. И с этими настроениями, с этой разрывающей Федерацию центробежной силой с каждым годом становилось все труднее бороться. Пока на освоенных планетах родилось только первое поколение землян. Память о далекой для них родине была все еще сильна. Но что будет дальше?

«Может, так и должно быть? Чего, собственно, я опасаюсь? Почему так упорно стараюсь удержать развал этого многоликого организма? Если космос и дальше не окажет сопротивления втор-

жению — тогда все в порядке. Тогда людям не обязательно держаться всем вместе. Однако, разобщившись, мы станем легкоуязвимы. Космос велик, велико время, в течение которого под светом далеких звезд могли родиться неизвестные нам цивилизации. Ничего не значит, что сегодня мы еще не столкнулись с ними. Нам просто везло. Ведь были уже рэниты. Были и куда-то бесследно исчезли, оставив после себя условия для зарождения новой цивилизации синглитов. Никто из нас не знает, во что она превратится в будущем. И неизвестно, какие сюрпризы ждут нас на еще не открытых звездах. Мы постоянно должны быть готовы к любым неожиданностям. Слишком дорого давался каждый шаг вперед. Наверняка это многие понимают. Только потому Совет и смотрит сквозь пальцы на манипуляции Регоса с поставками. Но это не может продолжаться слишком долго. Еще две-три истории, подобные пропавшему транспорту, и на его месте вполне может оказаться человек, хорошо владеющий инструкциями и недостаточно знающий космос. Тогда все пойдет прахом. Ничего не стоит доказать, что огромные резервы труда и энергии, сконцентрированные на базе, лежат мертвым бесполезным грузом, ржавеют и постепенно теряют ценность. И это будет почти верно... Почти».

Ротанов обошел стол, задумчиво перевернул папку с целой кипой перфокарт. Последняя почта с Земли. Рекомендации, резолюции, инструкции, уточнения, запросы и протесты. Разбираться в этой груде ему не хотелось. Может быть, оттого, что с каждым разом требования Земли становились все нереальней, все дальше от действительных проблем, которыми они здесь жили... Вдруг он подумал, что рассуждает сейчас как заправский колонист. «А я и есть колонист, потому и вижу отсюда всю проблему иначе — отчетливее, острее». Зуммер над дверью пискнул, и Ротанов нажал клавишу, открывавшую входную дверь.

Вошел незнакомый молодой человек. Щелкнув каблуками, он представился по всей форме.

Ну конечно, он не мог ждать. Конечно, спешил представиться, считал это очень важным. Ротанов вздохнул и взял из рук юноши пластиковую карточку. Естественно, отличник, и хватит его года на два. Два года он будет ждать событий, которые так и не произойдут. Схваток, которые не состоятся. Приключений, которых здесь не бывает. Потом ему надоест. В лучшем случае его охватит тоска по Земле, и он начнет искать юридические лазейки в законе, обязывающем его четыре года отработать на выбранном объекте. А в худшем... в худшем он замкнется, упрячет

свою тоску поглубже... Постепенно из всего этого родится равнодушие.

Если бы ему дали право сразу же отправлять обратно этих неоперившихся мальчишек! Интересно, что их сюда привлекает? Его личная слава, или базу на Регосе все еще считают форпостом человечества, неким космическим бастионом?

— Вы, очевидно, будете настаивать, чтобы я поставил вас оператором защитных блоков, или, на худой конец, собираетесь пострелять из лазерных пушек?

— По специальности я энтропист. В карточке написано...

— Возможно. Я предпочитаю о каждом из сотрудников базы составлять собственное мнение и поэтому редко читаю карточки. Так что же такое энтропистика?

— Это новая отрасль философии. Наука, изучающая особенности энтропии в больших замкнутых системах.

— Да? И что же, на Земле для вас не нашлось подходящих систем?

— На Земле они все находятся во взаимодействии, законы энтропии проявляются не так отчетливо, как здесь. На Земле нет достаточно больших и в то же время полностью изолированных систем, таких, как ваша.

— Не такие уж мы изолированные, — слегка обиделся Ротанов. — Ежемесячно сюда приходит до десятка транспортов.

Юноша молчал, и Ротанов подумал, что он не так прост, как показалось с первого взгляда. Лицо умное, но, пожалуй, чересчур худое. Наверняка увлекается новомодными нынче сверхсенсорными тренировками. Беседа слишком уж затянулась для первой встречи с молодым специалистом. Неожиданно Ротанов почувствовал тревогу. Только контролера ему сейчас и не хватало! Сизов в Совете вполне мог устроить для него такой сюрприз, ему давно не нравилась слишком большая и явная автономия Регоса.

— Чем вы конкретно собираетесь у нас заниматься?

— Я буду собирать факты, обдумывать их, делать выводы. Энтропистика сегодня скорее теоретическая наука. Она редко находит конкретные прикладные задачи, но, может, мне повезет.

Ротанов чувствовал, что его необоснованная неприязнь к этому юноше крепнет.

— Иными словами, у вас не будет никакого определенного участка работы?

— Мне придется собирать самый разнородный материал. И пока я еще не знаю, в каком именно месте, на каком участке обнаружится что-нибудь действительно интересное...

— Так дело не пойдет. Здесь не испытательный полигон, а космическая база... — Ротанов чуть было не сказал «военизированная», но вовремя изменил формулировку. — Во всяком случае, у нас действует соответствующий устав, порядок, который никто не нарушает. У каждого человека есть свое конкретное место. Будет оно и у вас.

С минуту он молчал, ожидая возражений. Самое время энтрописту козырнуть своими особыми полномочиями, если они у него были, или хотя бы знакомствами, связями. Но паренек не так прост. Он вытянулся и ел теперь Ротанова глазами, демонстрируя полную готовность выполнять любое распоряжение начальства. Одно из двух: или он ошибся на его счет, или ему попался достойный противник. Так или иначе, беседу давно следовало бы закончить.

— Насколько я помню, энтропистика главным образом занимается изучением баланса энергии между двумя пространственными средами?

Он заметил мелькнувшее в глазах юноши удивление и усмехнулся про себя: «Не такие уж мы тут серые».

— Это один из разделов...

— Ну вот и прекрасно. Займитесь пока этим. Я посылаю вас в отдел главного энергетика.

«По крайней мере оттуда труднее всего добраться до управляющих центров и до всей нашей документации». Ротанов все еще ожидал возражений, и только когда за юношей закрылась дверь, почувствовал приступ глухого недовольства собой. «Неужели я становлюсь старым брюзгой?» — подумал он и постарался как можно скорее прогнать эту мысль. Обед был окончательно испорчен, и, вместо того чтобы дать команду разогреть его, он с тайным удовольствием вывалил кулинарные шедевры восточной кухни в мусоросборник. Еще раз подошел к столу и, прежде чем отправить в архив папку с текущей документацией, выудил из нее синюю карточку диспетчерской службы.

Рядовая информация шла не по каналам связи, а на таких вот карточках. Он сам установил этот порядок и теперь с удивлением узнал, что к базе идет неопознанный корабль, не отвечающий на запросы.

Впрочем, такое иногда случалось. После больших переходов машинам часто не хватало мощности для дальней связи. Корабль слишком рано вышел в обычное пространство и находился пока еще далеко. Однако, сверившись с реестром, Ротанов установил, что в этом секторе пространства не было никаких запланирован-

ных рейсов. Диспетчерская служба совершенно справедливо обратила свое внимание на этот корабль. Что же он собой представлял? Еще один заблудившийся транспорт? Такие удачи бывают не часто... Ротанов взглянул на часы. Пожалуй, сейчас уже можно узнать о нем побольше... Он не стал включать связь и решил сам посмотреть на странного гостя.

В диспетчерской дежурил Клестов. По центральному экрану Ротанов понял, что тот ведет гостя на предельном увеличении. Корабль все еще был слишком далеко и выглядел на экране расплывчатым светлым пятном.

Ротанов грузно опустился в свободное кресло и молча стал ждать. Работа диспетчера достаточно сложна. На боковых табло то и дело вспыхивали индексы кораблей, запрашивавших разрешение на посадку. Клестову одновременно с наведением следящих устройств приходилось то и дело корректировать ответы космодромного компьютера, не понимавшего, почему этому далекому и незначительному кораблю отдается такое предпочтение.

— Двадцатый, двадцатый! Посадку запрещаю. Уйдите из сектора.

— У меня срочный груз! Срочный груз! Неисправен насос в левом рефрижераторе, на второй круг выйти не могу!

Ротанов потянулся к микрофону и проговорил в него медленно, растягивая слова:

— База — кораблям. Объявляю шестой сектор полностью закрытым. Всем кораблям ждать на внешних орбитах. Старты отменяю.

Почти сразу же в эфире установилась полная тишина. Только теперь радисты и пилоты многочисленных кораблей поняли, что на базе происходит нечто из ряда вон выходящее.

— Все еще молчит? — Ротанов отложил микрофон и повернулся к Клестову.

— Пока да. Хотя он уже в зоне уверенной радиосвязи.

— Вижу. Не удалось установить тип корабля?

— Сейчас еще трудно судить. Похож на крейсер дальнего поиска.

— Если поисковик идет вне реестра, от него можно ждать любых неожиданностей. Их корабли нарушают график полета и маршрут только в случае крайней необходимости...

Нехорошее предчувствие, пока еще туманное, как это пятно на экране, овладело Ротановым.

— Запросите у компьютера массу корабля. Возможно, удастся установить ее по косвенным данным. Подключите, если нуж-

но, все наши станции внешнего наблюдения. Есть же у них детекторы массы!

Не прошло и минуты, как он уже знал массу неизвестного корабля. К Регосу, несомненно, приближался тяжелый поисковик. Только один корабль такого класса мог оказаться в этом секторе Галактики. Должно было случиться что-то очень серьезное, чтобы Олег изменил маршрут.

Предчувствие перешло в уверенность, когда пятнышко корабля на экране выстрелило целой цепочкой светлых черточек и точек.

— Телеграфная связь! Он отвечает, видите? — Шевеля губами, Ротанов уже читал сообщение: — Я — «Енисей». Серьезные поломки в навигационном и управляющем секторе. На корабле карантин третьей степени...

— Третья степень... — Ротанов почувствовал, как кожа на скулах у него натянулась. Он видел, как побледнел диспетчер.

— У нас нет карантинных спутников третьей степени защиты! Мы не сможем его принять!

— Отдайте приказ срочно переоборудовать для карантина внешнюю наблюдательную станцию. Кораблю лечь в дрейф и ждать нашего катера.

— Кто его поведет?

— Я поведу!

— Вы не имеете права, есть инструкции, запрещающие...

— Перестаньте, Клестов, готовьте лучше катер и станцию.

— Но ведь это третья степень! В такой момент вы не можете покинуть базу! Мы вообще не имеем права принимать этот корабль!

— Что же нам, на Землю его отправить? Нас для того и строили. Для таких вот случаев. Останетесь за меня, и чтобы через два часа станция была готова к приему экипажа «Енисея»!

Ракетный катер оторвался от ангара и крошечной серебряной точкой понесся вверх навстречу разраставшемуся корпусу звездолета. Вблизи борт корабля выглядел обшарпанным и помятым. Стойки крепления двигателя казались искривленными, но Ротанов знал, что это всего лишь иллюзия, создаваемая слишком большим углом зрения. Если бы у двигателя нарушилась центровка, при выходе из подпространства от корабля ничего бы не осталось.

Катер подошел на расстояние, с которого уже можно было включать стыковочные устройства, и резко затормозил.

Ротанов все еще медлил, все еще ждал дополнительного сообщения. Но корабль молчал.

Третья степень... Это могло означать лишь одно — корабль столкнулся в космосе с чем-то неизвестным, представляющим угрозу не только для самого корабля, но и для любого устройства или человека, входящего с ним в контакт...

На памяти Ротанова карантин третьей степени объявлялся всего два раза. Первый раз это было излучение, разрушавшее психику. Каким-то образом болезнь психики передавалась от одного человека к другому. Земная медицина оказалась бессильной. Погибли все врачи, принимавшие участие в спасательной экспедиции.

Во второй раз экипаж удалось снять буквально в последний момент с разваливающегося в космосе корабля... Неведомая космическая проказа разъела весь его корпус. Это была не ржавчина, не окисление — ослабли межмолекулярные связи, и металл превращался в порошок.

Тогда спасателям тоже пришлось несладко. Их корабль подвергся заражению и развалился на подходе к базе. Людей удалось подобрать уже в космосе. Пластик скафандров не поддался неизвестной болезни, поразившей металл...

Что ждет их на этот раз? Почему Олег не сообщает подробностей? Может быть, на корабле уже нет капитана?

Ротанов резко развернул катер и послал его к стыковочному шлюзу.

2

Это был долгий бесконечный день. Восемь рейсов карантинного катера от внешнего спутника до «Енисея». Восемь утомительных часов полной неизвестности. Инструкция запрещала пользоваться внутренней связью при карантине третьей степени. Кабина пилота отделялась от карантинного отсека глухой броневой плитой, намертво вваренной в обшивку, и Ротанов не видел даже лиц спасенных им людей. Можно было, нарушив инструкцию, включить дисплей, можно было, наконец, связаться с карантинным спутником. Но он сдержал нетерпение. И твердо решил дождаться последнего, девятого рейса.

И вот стыковочные замки с грохотом сомкнулись в девятый раз. Ротанов слышал, как чавкают топливные насосы, подготавливая катер к последнему броску от корабля к спутнику, как поскри-

пывают шлюзовые сочленения. В космосе все звуки, наложенные на глубокую, звенящую в ушах тишину, отчетливы и громки.

Шаги капитана он услышал задолго до того, как Олег покинул корабль. Он шел медленно, тяжело, и ничего нельзя было понять по звуку его шагов. И когда с чмоканьем сомкнулись створки шлюза, когда заработала автоматика расстыковки, Ротанов впервые за этот день нарушил инструкцию и включил дисплей внутренней связи.

Лицо Олега, слегка искаженное и подсиненное электроникой, выглядело на экране странно спокойным.

— Ну, здравствуй, дружище. Говорят, ты придумал этот карантин, чтобы оттянуть встречу с любимой женой.

Олег усмехнулся одними губами. Сел в кресло, глубоко вздохнул и закрыл глаза, лишь теперь позволяя себе расслабиться и снять с плеч тяжесть похода. Он долго молчал, словно не понимал, как велико нетерпение Ротанова, а когда заговорил, то не повернул головы, будто рассказывал все самому себе, точно все взвешивал еще раз и оценивал теперь глазами друга...

Звезду они увидели, когда «Енисей» вышел из последнего броска. Экспедиция собиралась установить принципиальную возможность прокладки галактических трасс за пределами звездных скоплений.

Галактика распласталась над ними огромной туманной спиралью, пропитанной светом неразличимых с такого расстояния звезд. А внизу, под этим светящимся пятном, простиралась беспредельная черная пропасть пустого пространства. Лишь в приборы можно было различить в ее глубине пятнышки далеких чужих галактик.

И именно здесь, совсем недалеко от «Енисея», сверкал голубой гигант первого класса.

Звезда, которой никак не могло быть в этом районе. Ее место в звездных скоплениях центра Галактики.

Уже установление самого факта существования такой звезды-скитальца, выпавшей из галактической системы, было крупным научным открытием. И конечно, они решили ее исследовать.

У звезды оказалась планета, столь же необычная, как и само светило. Орбита звезды проходила перпендикулярно плоскости эклиптики нашей Галактики, и из всего этого следовало, что звездная система пришла к нам из каких-то невообразимо далеких миров.

Олег замолчал, пошевелился в своем кресле и отвернулся. Его взгляд был устремлен куда-то в потолок бронированного от-

сека. Словно он снова видел там это ослепительное феерическое видение, свою удачу и свою беду...

Чтобы не торопить его, Ротанов чуть потянул на себя рукоятку штурвала. Катер плавно и незаметно пошел вверх, удлиняя траекторию полета, увеличивая время короткого и странного свидания двух людей, побывавших вместе в десятках экспедиций, близко знакомых со школы второй ступени и вот теперь вынужденных разговаривать друг с другом через броневую плиту...

Голос Олега звучал в шлемофоне отчужденно и ненатурально. Казалось, говорил совершенно чужой, незнакомый Ротанову человек.

— Большая часть того, что я тебе сейчас рассказываю, — предупредил Олег, — не будет подтверждена официальным отчетом. У нас не сохранилось почти никаких материалов. Большинство пленок размагничено. Даже судовой журнал...

— Ладно. Продолжай. Ты не Совету докладываешь, мне твои пленки ни к чему. Хотя жаль, конечно...

— Жаль — не то слово! Это надо было видеть! Словами я не передам и десятой доли... Так вот. Когда мы приблизились, показалось, что планета окутана плотным туманом. Но потом мы начали в этом сомневаться. Создавалось впечатление, что у нее вообще не было поверхности.

— Что-нибудь вроде Юпитера? Сжиженный газ?

— Если бы. Планета не отражала света. Ни в какой части спектра. Повторяю, это надо было видеть. Под туманным покровом скрывалась темная бездна. У нас работала съемочная аппаратура, и потом я десятки раз просматривал пленки. Поверхности планеты на них вроде бы не существовало. Луч локатора уходил вниз, как в масло, и не возвращался обратно. Там бесследно исчезал любой свет, любое излучение.

— И ты, конечно, решил садиться...

— Я бы так и сделал, не оставлять же эту черную загадку. Но мне помешали. Ты когда-нибудь видел шаровую молнию?

— Только в лаборатории.

— Ну так представь себе несколько таких светящихся колючих шаров, увеличенных раз в пятьдесят. Шесть таких штуковин вдруг вынырнули из тумана над планетой и пошли нам наперерез по прямой, словно для них не существовало ни законов притяжения, ни законов баллистики. А может быть, они вообще не обладали массой — не знаю. На экране локатора они не появились. Только в оптике были видны их радужные оболочки. Если бы не разность электрических потенциалов на их поверхности, их, оче-

видно, вообще не было бы видно. Вначале я всерьез их не принял. Они шли в стороне от корабля. Точнее, разошлись кольцом, и в центре оказался наш корабль.

Но ничего не случилось, мы прошли сквозь их строй как ни в чем не бывало. Потом они вдруг остановились и повисли у нас на хвосте. Это мне не понравилось, и я начал притормаживать, чтобы сбросить скорость и пропустить их вперед. Тут между ними вспыхнули ленты электрических разрядов. Довольно длительные. Получился как бы круг из огненной сети, и через секунду наша защита вошла в соприкосновение с этой сетью.

— А обойти ты их не мог? Уйти от них пробовал?

— Особой свободы маневра у меня не было. К тому времени «Енисей» подошел слишком близко к планете. Масса ее оказалась неожиданно большой, а тут нас еще зацепила эта сеть и потащила вниз. Тормозные двигатели захлебывались от перегрузок. У меня не хватило мощности, чтобы противостоять одновременно притяжению планеты и давлению сети. Я бросил корабль вперед, на полной мощности оторвался от шаров и по касательной прошел почти над самой поверхностью планеты, рассчитывая, что нас завернет по параболе. Это так и произошло, только разворот оказался круче, чем должен был бы быть при той планетной массе, которую рассчитал мой штурман. Мы обогнули планету и стали от нее удаляться. И тут я снова увидел впереди те шарики... Инструкции по контактам и неопознанным объектам в космосе запрещают решительные действия в таких ситуациях. Но я не люблю, когда меня насильно куда-нибудь тащат.

— Ты всегда был большим знатоком и поклонником инструкций. Скажи честно, Олег, ты по ним стрелял?

— Только один раз. Да и то скорее не по ним, а по своему собственному катеру. Вот как это было... Корабль снова начал терять скорость в их энергетическом поле. Переборки стонали от перегрузок. Скорость медленно падала. На носовом экране то и дело мелькали ветвистые сполохи разрядов. По сторонам, чуть приотстав, висели шесть голубоватых шаров, светящихся мертвенным электрическим светом.

Казалось, невидимая энергетическая сеть под напором «Енисея» слегка прогнулась, но уже становилось ясно — поединок мощностей складывался не в пользу корабля.

— Что будем делать? — спросил штурман.

— Ничего не будем делать. Это не мишени. Неизвестно, что они собой представляют.

— Это могут быть механизмы, животные или еще что-нибудь...

— Ну, насчет животных мы сейчас проверим, зададим им небольшую задачку...

Олег повернул несколько тумблеров на пульте, резко толкнул рычаг старта. Автоматический разведчик оторвался от корабля и, обогнув его, по крутой дуге быстро стал уходить в свободный космос. Было видно, как ровный строй шаров дрогнул и заколебался.

Казалось, несколько секунд их одолевали сомнения, потом два шара, оторвавшись от общей группы, бросились в погоню. Олег немедленно сбросил мощность двигателей наполовину и выпустил второго разведчика в противоположную сторону.

Видимо, решив, что жертва слабеет, еще один шар оторвался от общей группы и бросился за автоматическим катером.

Позволив им отойти достаточно далеко, Олег выпустил третий и последний катер вперед далеко по курсу. Как только он уперся в энергетическую преграду и стал терять скорость перед самым носом корабля, Олег выстрелил по нему из противометеорной пушки...

— Будь уверен, я не поскупился. Заряд был дан на полную мощность. Я боялся, что расплавится обшивка, так перед нами полыхнуло. Потом по кораблю ударила взрывная волна, но и шарам тоже досталось. Их разметало в разные стороны, и тогда я рванул вперед на форсаже всех генераторов. Энергетическую сеть взрыв полностью уничтожил. Перед нами был свободный космос.

— Это ты здорово придумал с катером... А знаешь, в этой ситуации они вели себя скорее как животные. Если бы у тебя оказался разумный противник, он не стал бы распылять силы из-за таких ничтожных целей, как разведочные катера.

— Не спеши с выводами. Это еще не конец. Убедившись, что они нас выпустили, шары немедленно и, заметь, одновременно прекратили преследование наших катеров и бросились в погоню. Но в скорости они нам уступали, да и время было упущено. Пока они спохватились, мы уже набрали солидную скорость. Вот тогда-то и началось самое интересное...

Словно по команде все шесть шаров неожиданно изменили направление движения и понеслись навстречу друг другу. Казалось, они должны столкнуться, но этого не произошло. Эти предметы обладали завидной способностью гасить энергию своего движения. Если, конечно, она у них вообще была. В какие-то

доли секунды они остановились друг возле друга, а еще через мгновение соприкоснулись своими оболочками и слились воедино.

Теперь это был не шар, а светящийся вытянутый эллипсоид. Сполохи разрядов, до этого беспорядочно метавшиеся по поверхности каждого шара, неведомая сила закрутила в тугую спираль, опоясавшую весь этот странный предмет. Он вытянулся еще больше, мне даже показалось, что с планеты к нему тянулся какой-то луч. Но в этом я не уверен. Впоследствии на пленках мне так и не удалось найти никакого луча. В общем, закончив преобразование, эта штука с места в карьер бросилась за нами. И должен тебе признаться, ее вид мне очень не нравился. Не нравилось и то, что почти без разгона она набрала скорость больше нашей и довольно быстро стала нас догонять. И еще одно я тебе скажу: до этих пор я признавал за ними какое-то право на враждебные действия. В конце концов, корабль без спросу подошел вплотную к их планете. Но теперь мы на полной мощности уходили прочь. Нас разделяло расстояние уже почти в целый парсек, и мне надоело играть роль пассивной жертвы. Я развернул корабль и начал тормозить.

— Этого не следовало делать.

— Они бы нас все равно догнали. Понимаешь, Игорь, я не знаю, что они такое, но убежден, это не последняя наша встреча. Мне хотелось дать им понять, что с нами стоит считаться...

— Считаться или бояться?

— Преследовали меня, я только защищался. И потом неизвестно, кто кого должен бояться... Это электрическое веретено тоже затормозило, однако продолжало с нами сближаться. Я еще больше снизил скорость и решил первым не применять оружия, чего бы это ни стоило. Согласись, в возникшей ситуации от меня нельзя было требовать большего.

Я уже знал, как разрушить энергетическую сеть, если нас снова попытаются в нее поймать. Но, видимо, они не собирались повторять прежней неудавшейся тактики.

Примерно в сорока милях от нас эта штука остановилась. К тому времени мы полностью прекратили разгон, но я намеренно продолжал удаляться от планеты, желая показать, что собираюсь уйти.

Всю мощность генераторов мы переключили на защиту и надеялись теперь только на нее. Что-то должно было произойти — не зря же нас преследовали.

— И в конце концов в тебя выстрелили.

Олег мрачно кивнул.

— Ты прямо-таки напросился на этот выстрел. Что называется, подставив под него корабль, ты лишился маневра и слишком понадеялся на защиту.

— В импульсе она должна была выдержать не меньше сорока гигаватт.

— В мощности ты им проигрывал. Помнишь сеть, которую ты так и не смог разорвать одними двигателями?

— Об этом я и не подумал... Да и не в мощности дело. Вот ведь какая штука... Кроме меня, никто не видел самого выстрела...

— Как это?

— Не знаю даже, можно ли это назвать выстрелом. От веретена отделился некий сгусток... Но на любое материальное тело аппаратура защиты отреагировала бы однозначно. Точно так же не мог бесследно пройти через нее и энергетический заряд.

— Что значит «бесследно»?

— А так и значит. Не было ни вспышки, ни всплеска мощности на расходомерах защитного поля. Одним словом, ничего не было.

— Так, может, тебе померещился и сам выстрел?

— Если бы... Когда я стал проверять структуру защитного поля после выстрела, то просто-напросто обнаружил в нем дыру величиной с футбольный мяч.

— Этого не может быть!

— Может, Игорь, может... На одной из пленок мне удалось увидеть и сам выстрел. Ракурс камеры позволил снять веретено на фоне Галактики. На этом светящемся фоне совершенно отчетливо обозначился темный след. Что-то похожее на черную молнию прошло через защиту и ударило в нос корабля.

— Но удар, толчок, хоть что-то было?

Олег отрицательно покачал головой.

— Ничего не было. После выстрела наш преследователь дал задний ход и, не разворачиваясь, стал удаляться в сторону планеты. Очень скоро мы остались совершенно одни. И, как ты сам понимаешь, состояние у меня было не из лучших. Я приказал аварийной группе облазить всю обшивку, не доверяя это дело роботам. Ни малейшего следа. Ни вмятины, ни царапины, словно эта штука растворилась в защитном поле...

— Может, так и случилось?

— Я тоже так вначале подумал. След на пленке был не очень ясным. В конце концов пришлось прекратить поиски. Энергии мы к тому времени сожрали чертову уйму. Я даже сомневался,

хватит ли ее на обратную дорогу. Соваться к этой планетке без специальной подготовки мне больше не хотелось.

Короче, мы рассчитали кратчайший путь на базу и беспрепятственно вошли в первый бросок.

Только после выхода из второго штурман заявил, что у него барахлят все навигационные приборы разом. Признаться, я ему не поверил. Но потом неприятности начались с управлением, с центральным компьютером, вообще со всеми механизмами, размещенными в носовом отсеке.

К счастью, после третьего броска мы вышли хоть и в стороне от расчетной точки, но зато достаточно близко к вашей базе на Регосе и решили добираться до нее обычным ходом. С таким состоянием навигационного оборудования о пространственном переходе нечего было и думать. К этому времени у нас начали пошаливать генераторы...

— Что значит «пошаливать»?

— Совершенно необъяснимая потеря мощности... Накопители перестали держать энергию. Словно она проваливалась в преисподнюю.

Сам понимаешь, ползти на досвете — занятие невеселое. До Регоса нам предстояло тянуть почти четыре месяца. Но уже через месяц у тех, кто нес вахту в управляющей рубке, непосредственно примыкающей к носовому отсеку, обнаружились необъяснимые болезни.

Словом, люди начали разлаживаться, подобно механизмам. Вначале это напоминало простуду, грипп, вирусную инфекцию. Врач сбился с ног. Не помогали никакие антибиотики. Непонятно было и то, что люди, покинув рубку, излечивались словно по волшебству. В конце концов вахт в носовой рубке стали бояться. Пришлось все, что возможно, переключить на кормовой отсек. Но это не решило проблемы, потому что разладка механизмов катастрофически прогрессировала, постепенно расползаясь по всему кораблю.

Корабль без навигации, без управляющих систем, с ненадежными генераторами, да еще эпидемия гриппа в придачу, если, конечно, это грипп... Вот такие дела...

— Ты правильно сделал, объявив карантин.

— Самое неприятное в этой истории ее неопределенность. Все факты, которые можно установить и доказать, находятся на грани естественных поломок, разладок, невезения, наконец. Связной картины, которую я тебе изложил, в отчете, увы, не получится. Карантин тоже могут отменить. Я уверен, его опротестует боль-

шая часть команды. Представляешь, что это такое, после годового похода провести взаперти на станции еще не менее шести месяцев. Их можно понять.

— Что случилось с пленками?

— Размагнитились. И здесь, как и во всем, может быть две причины. Случайно попали под переменное магнитное поле, при наших неполадках в аппаратуре оно вполне могло возникнуть в самых неожиданных местах. В длительных походах в корабельных системах всегда накапливаются неполадки. Чем система сложнее, тем чаще отказы. Мы к этому привыкли, стали дублировать наиболее ответственные узлы. Все дело в количестве таких отказов. Вряд ли мне удастся что-нибудь доказать. Мне скажут: виновато магнитное поле планеты. Оно действительно оказалось необычно сильным. У меня нет доказательств. Нет неопровержимых фактов...

Они надолго замолчали. Только теперь Ротанов взглянул на курсовой экран и увидел, как далеко они отклонились от спутника.

Пришлось поворачивать катер, включать импульсные двигатели. Неожиданно быстро стал приближаться мигающий маячок. Оба поняли, что все уже сказано. Кроме, может быть, самого важного... Сейчас наступит конец их встречи, и всякое общение будет прервано карантином на долгие месяцы. Потом начнутся комиссии, расследования. Ротанова вновь засосет непролазная рутина повседневных дел. То, что сейчас кажется самым главным, постепенно забудется, отойдет на второй план, заслоненное мелкими сиюминутными делами, проблемами...

И тогда Олег решился.

— Ты должен мне помочь. Нужна специальная экспедиция к Черной, так мы назвали планету. Мой отчет наверняка покажется в Совете недостаточным. Понадобится весь твой авторитет...

— Я этого не сделаю, Олег.

— Ты мне не веришь? Тебе нужны доказательства?

— Конечно, нет. Именно потому, что не сомневаюсь, я не стану поддерживать тебя в Совете. Пока ученые не разберутся в том, что произошло, нечего даже думать соваться к твоей Черной.

— А как они разберутся с нашими куцыми данными, без пленок, без экспериментов? Никто даже не знает, какими законами можно объяснить происшедшее. Мы не знаем этих законов. Вот увидишь — большинство ученых вообще будут все отрицать. Мы столкнулись с чем-то принципиально новым, и учти, эта звезда не стоит на месте. Она движется к нашему звездному рукаву. Движется гораздо быстрее, чем ты можешь предположить. У нас,

возможно, нет уже времени, чтобы ждать, пока ученые возведут свою теоретическую базу. Защиту придется искать на ходу, возможно, с риском. Тут уж ничего не поделаешь. У нас нет выбора. Мы должны принять вызов, иначе можно опоздать.

— Никто не бросал нам вызова. Все, что с тобой произошло, всего лишь единичный случай. Не стоит поднимать из-за этого шум на всю Федерацию. Нам не позволят рисковать человеческими жизнями. Сегодня мы еще не готовы к исследованию такой планеты. Ты, видимо, даже не понял, как тебе повезло!

— Да в чем повезло?

— В том, что ты вернулся! В том, что Регос оказался поблизости! В том, что мы сегодня имеем карантин третьей степени вместо еще одного без вести пропавшего корабля! Теперь хоть подходы появились к проблеме участившихся за последние годы исчезновений наших кораблей!

Олег долго молчал. Огни спутника поползли вверх. Стал виден его шершавый, заслонивший Регос борт с пастью стыковочного шлюза. Двигатель рявкнул в последний раз, катер резко затормозил и стал разворачиваться.

— Ты стал очень осторожным, Игорь, — донес до него шлемофон уставший и какой-то погасший голос Олега. — Может быть, это признак старости? — Он словно читал его мысли. — Может быть, ты ищешь оправдания своему нежеланию лететь со мной?

— Можно подумать, ты меня приглашал, — буркнул Ротанов, стараясь не промазать кормой катера мимо шлюза.

— Ты скажи прямо. Я не обижусь. — Олег нарочно старался вывести его из себя, заставить высказаться до конца. Но Ротанов лишь провел рукой по лицу, постарался голосом не выдать своего волнения.

— Мудрым я стал, Олег. Мудрым, а не осторожным. Придется тебе подождать с этой планетой.

Поздно ночью, добравшись до своего жилого отсека на одиннадцатом горизонте базы, Ротанов повалился на раздвижную койку не раздеваясь. Давно у него не было такого паршивого настроения.

Жизнь проходит, сжатая в цепочку незначительных дел. В прошлом остались походы на далекие звезды, иные цивилизации, открытия, потрясавшие всю Федерацию. Теперь он стал администратором. Одним из многих, может быть, даже не очень хорошим администратором. Правда, он научился ставить интересы дела превыше всего. Научился отказывать друзьям и не при-

нимать отчаянных решений, так часто в сложных ситуациях оказывающихся единственно верными.

Ротанов лежал лицом вверх, невидящим взглядом уставившись в потолок. Ему казалось, что десять бронированных верхних горизонтов базы-крепости физически давят ему на грудь. Что из этой глубокой стальной пещеры ему уже никогда не вырваться на простор к звездам и кораблям... Ему казалось, что сквозь бесчисленные потолки, отгородившие его от неба, он видит мертвый, с погашенными иллюминаторами, оставленный людьми корабль. Видит примелькавшийся за день обшарпанный борт с оплавленными ромбами броневых плит, с задраенными наглухо люками. С обесточенными цепями и навсегда погашенными реакторами. Корабль, который никогда уже не будет летать, скрывший в себе тайну, так глубоко запрятанную под ворохом мнимых причин, незначительных фактов и еще менее значительных последствий, что ее не удастся извлечь оттуда, как бы они ни старались; годами будет ржаветь эта тайна вместе с законсервированным кораблем, окончательно погребенная под грудами ненужных отчетов, бесполезных комиссий, экспертиз и расследований...

В чем-то он был прав, старый его дружище... В чем-то он был, бесспорно, прав. Время уходит безвозвратно и исподволь, незаметно изменяет нас самих, наши решения и мысли. Нужно нечто уж совсем необычное, нечто выходящее за рамки, потрясающее основы, чтобы прервать рутину, засасывающую человека с возрастом. Но такие события случаются редко. Крайне редко.

Мысли стали путаться. Он был уже на грани сна и яви. И сквозь этот странный полусон на секунду ему показалось, что он увидел молнию...

Черную молнию, отделившуюся от борта звездолета и устремившуюся вниз, к ничего не подозревающей планете...

3

На следующий день, едва добравшись до центра управления базы, Ротанов вызвал обоих своих заместителей по научной и технической части, а также заведующих некоторыми отделами. Вообще-то он не баловал их совещаниями, полагая, что на военизированной базе руководство должно быть упрощено до предела и каждый сам должен знать круг своих обязанностей. Если этого не случалось, он быстро подыскивал замену и постепенно создал на базе достаточно квалифицированный отряд руководи-

телей различных подразделений, добившись в конце концов того, что в чрезвычайных обстоятельствах отделы вполне могли бы функционировать самостоятельно.

Однако сегодня ему нужны были не только люди, до конца понимающие поставленную перед ними задачу. Ему нужны были соратники, готовые разделить с ним нелегкий груз ответственности, поскольку задуманное им дело не знало прецедентов в практике федеративного космического флота.

Пока он ожидал своих вызванных сотрудников, ему пришлось дать повторную команду роботу на уборку помещения. Кругом лежал толстый слой пыли, а в углу даже валялись черепки разбитой вазы.

«Закончу с «Енисеем», сразу вплотную займусь отделом внутренней кибернетики», — твердо решил он, с раздражением наблюдая, как неповоротливый глупый робот высыпает собранную пыль в тот самый угол, где уже лежали осколки разбитой вазы.

Но как только закрылась дверь за последним из приглашенных, как только он положил перед собой чистый листок бумаги и вынул из нагрудного кармана изрядно потрепанный блокнот с серебряным карандашом, который так и не удосужился заменить на магнитное перо, все посторонние мысли тут же улетучились у него из головы.

— Я хотел бы осмотреть «Енисей».

Он видел, как поразила их эта фраза, и сразу, не ожидая возражений, продолжил:

— Я понимаю всю беспрецедентность этого решения, а также ту степень ответственности, которую мы на себя берем.

Он говорил так, словно они уже согласились с ним, словно возражений не могло быть в принципе. Некоторое время они молчали, огорошенные услышанным. Первым опомнился Стрехов — заведующий отделом грузоперевозок.

— Рано или поздно Совет об этом узнает... и тогда...

— Я не собираюсь скрывать от Совета свои действия, — резко прервал его Ротанов. — Положение слишком серьезное, а специальная комиссия, затребованная нами с Земли, прибудет не раньше чем через полгода. У меня есть основания предполагать, что через такой длительный срок «Енисей» поздно будет обследовать.

— Но киберы осматривали корабль!

— Знаю. Придется осмотреть еще раз с людьми.

— И что же, потом на полгода сажать всю бригаду в карантин?

— Если потребуется — посадим. Это будет зависеть от того, что мы обнаружим на корабле.

— Но у нас нет высококвалифицированных специалистов-микробиологов, нет вообще ни одного пространственного биолога.

— Мы не будем искать там следы чужой микрофлоры.

— Что же тогда?

«Если бы я знал...» — подумал он, а вслух сказал:

— Поиск будем вести в скафандрах высокой защиты. Подготовьте необходимую аппаратуру для составления структурных карт магнитных и электрических полей корабля. Постараемся также замерить в пределах возможного, как влияет корабль на поле тяготения Регоса.

— Слишком мала масса...

— Знаю, все-таки попробуем. После инспекции вся задействованная аппаратура, а также скафандры и механизмы, побывавшие на корабле, будут уничтожены. Подготовьте соответствующий акт...

«Семь бед, один ответ, — подумал он про себя. — В конце концов Совет, конечно, до меня доберется и взгреет за все сразу. Но в течение ближайших шести месяцев им этого не удастся, и я один буду отвечать за свои действия».

Элсону казалось, что лифт несет его куда-то в преисподнюю. Мелькали светящиеся цифры этажей: «минус девяносто шестой», «минус девяносто седьмой»... Далеко вверху над его головой нависала многокилометровой тяжестью планетная кора. Даже сам воздух казался здесь гуще, пахло горелой резиной, новым пластиком и еще чем-то прогорклым и острым.

Итак, он не сможет всерьез заниматься на Регосе своей работой. По крайней мере два года будут потеряны. Элсон не мог понять, почему Ротанов поступил с ним так несправедливо. «Он просто отмахнулся от меня, как от щенка, и пристроил к первому подвернувшемуся делу. Ему было безразлично даже то, что я совершенно не разбираюсь в энергетике и реакторах! Ему хотелось загнать меня подальше, чтобы я не болтался под ногами, не попадался ему на глаза...» Кое-какие расчеты, наблюдения можно будет, наверно, вести и в этом энергетическом подземелье, постепенно он накопит факты... Тогда они снова встретятся с Ротановым, и он докажет ему, что энтропистика не такая уж теоретическая наука...

* * *

«Енисей» встретил их той особой тишиной мертвых механизмов, какая бывает только на полностью законсервированных кораблях.

Потрескивали панели переборок, уже тронутые космическим холодом. На стенах в лучах нашлемных фонарей сверкали, словно бриллиантовые украшения, огромные неправдоподобные кристаллы инея. Кое-где у дверей переборок их образовалось уже так много, что, когда неуклюжие стальные ноги скафандров высокой защиты попадали в иней, раздавался давно забытый скрип, словно они шли по сугробам своей далекой родины.

Вряд ли Ротанов мог объяснить, почему лично принял участие в осмотре «Енисея». В этом не было ни малейшей необходимости, и он прекрасно понимал: если им даже удастся найти здесь что-нибудь необычное, то это обнаружится позже, на лентах и картах многочисленных приборов, которыми были обвешаны их скафандры.

Что же он здесь искал? Почему показалась ему необходимой повторная инспекция законсервированного и опечатанного корабля? Он представил, сколько шума вызовут их действия в штабе флота дальней разведки, который ревниво охранял свои владения от вторжения посторонних, и впервые пожалел о том, что ввязался во всю эту историю.

Первый сюрприз ждал их у дверей капитанской рубки. Автомат никак не прореагировал на команду открыть дверь. Голубоватая пластиковая панель, скрывавшая под собой броневую плиту, преграждала им путь в святая святых корабля. Ротанов попытался набрать на замке капитанский код. Тяжелая клешня скафандра с трудом справилась с такой ювелирной задачей, но результат был тот же — дверь не открылась. Пришлось вызвать ремонтного робота и вырезать кусок пёреборки плазменным резаком. Позже выяснилось, что за дверью, в которую они так исступленно ломились, не оказалось ничего интересного. Разладилась и намертво заклинилась автоматика замка... При дальнейшем осмотре у Ротанова появилась наглядная возможность оценить правоту Олега. Каждая в отдельности из встретившихся им на корабле незначительных неполадок могла быть легко объяснена. Но все вместе... Их накопилось уж слишком много для стандартных объяснений.

Как только начались чисто технические работы по замеру напряженности полей в различных точках корабля, Ротанов ре-

шил осмотреть жилые помещения, не надеясь, впрочем, обнаружить там что-нибудь интересное.

Первые три каюты, тщательно убранные и подготовленные к консервации, показались ему совершенно одинаковыми. Здесь не осталось личных вещей экипажа. Помещения выглядели безликими и холодными. В них не за что было зацепиться взгляду.

Распахнув дверь четвертой каюты, Ротанов остановился как вкопанный. На полу, на диване — повсюду валялись вещи.

Внешний порядок для звездолетчика постепенно становился частью его натуры. За любую небрежность, даже простую неряшливость в полете иногда приходилось расплачиваться слишком дорогой ценой. Должны были произойти глубокие внутренние сдвиги в психике, чтобы привычки, укоренившиеся с детства, привитые еще в спецшколах, вдруг забылись.

Таких неряшливых кают оказалось немного — всего шесть из сорока семи. Переписав их номера, Ротанов вновь присоединился к группе, уже закончившей замеры и осмотр корабля.

Еще одна странность встретилась им в энергетическом отсеке. В части резервных накопителей, не использовавшихся во время полета, совершенно не осталось энергии. На их пластинах не было даже остаточных статических зарядов — тех самых зарядов, избавиться от которых при накладке и монтаже энергетических блоков не мог ни один инженер.

Ротанов искал хоть какую-то ясность, какой-то просвет в загадке, с которой столкнулся Олег, но новые факты лишь больше сгущали туман. Он не сомневался, что подробный анализ энергетических карт и структурных полей заведет их в новые дебри. Оставалось ждать прибытия комиссии со специалистами и особым оборудованием, но Ротанову почему-то казалось, что ни количеством, ни качеством новых исследований они ничего не добьются. Если Олег верно описал ситуацию, тогда то, с чем он столкнулся в космосе, могло не иметь материального выражения в нашем мире. Если это так, если они встретились с каким-то особым состоянием самого пространства, непосредственно не связанным с материей нашего мира, то земная наука столкнется с проблемой, которую вряд ли удастся решить традиционными методами. Возможно, именно поэтому так трудноуловимы последствия атаки на корабль...

Впрочем, только ли на корабль? А внезапные болезни, поразившие экипаж? А эти захваченные хаосом каюты? Ротанов чувствовал, что взялся за дело не с того конца. Пусть ученые разбираются в структуре полей и в физической природе феномена,

поразившего земной корабль. Его дело — выяснить, есть ли здесь действия враждебного разума.

Что, если это только первая ласточка, первый шаг неведомого и могущественного врага, способного положить конец стремлениям человечества к звездам?

Если это так — тогда прав Олег. Тогда, отбросив осторожность, которую он так отстаивал, нужно немедленно исследовать планету. Но нужны доказательства хотя бы косвенные. Не их ли искал он на «Енисее»? Искал и не находил...

А в это время человек, который мог бы ответить на многие вопросы Ротанова, от которого по меньшей мере зависела сама возможность получения таких ответов, опускался на лифте в энергетический подземный центр базы, подальше с глаз, как решил для себя Ротанов.

Наконец лифт с грохотом остановился, и створка двери ушла в сторону, открыв перед Элсоном сверкающий чистотой овальный коридор. Мягко горели панели рассеянного освещения, зеленые усики растений спускались вниз с потолочных ниш. И лишь могучее басовитое гудение время от времени напоминало о том, что здесь находится энергетический центр базы.

Машинный зал потряс воображение Элсона. В его многокилометровом пространстве, заполненном колоннами, поддерживающими перекрытия верхних этажей, да однообразными кубами нейтронных генераторов, свободно мог бы разместиться целый город. Зал поражал своим простором и мощью. Казалось, в этом царстве машин, способных накопить в своих чревах энергию целой звезды, не оставалось места для человека.

Ожидавший удушливой жары Элсон был приятно удивлен свежему прохладному воздуху. Над кожухами генераторов дрожало радужное марево, но, очевидно, энергетическая реакция, превращавшая внутри этих машин материю в холодное нейтронное пламя, не выделяла много тепла.

Под самым потолком, над фантастическим переплетением труб и черных кабельных шин, плавала прозрачная тарелка.

Элсон не сразу понял, что это такое, и, лишь присмотревшись, решил, что там, должно быть, пульт управления энергозала. Совершенно непонятно было, на чем держится эта шестиметровая стеклянная «чечевица». Не было видно ни тросов, ни опор, поддерживающих ее. Зал настолько подавил Элсона, что он совершенно растерялся, не зная, что делать дальше, куда идти.

Стеклянная кабина дрогнула и, медленно снижаясь, двинулась в его сторону.

— Эй, парень, ты долго собираешься тут стоять? — раздался сверху насмешливый голос.

Только через неделю, после длительных медицинских процедур, прививок и осмотров, Элсон наконец смог приступить к работе.

Главный энергетик Гришин оказался тучным человеком с пронзительными ярко-голубыми глазами, казавшимися совершенно чужими на его шелушащемся от радиационных ожогов лице. Он сидел в просторном салоне, заменявшем ему кабинет, и вертел в руках личную карточку Элсона.

Так и не взглянув в нее ни разу, Гришин задумчиво смотрел на юношу, словно решая, чего он стоит.

— Вы, очевидно, не рассчитывали на это назначение? — спросил он наконец, и его взгляд, оторвавшись от Элсона, устремился куда-то в сторону, словно внезапно он потерял к нему всякий интерес.

И тут Элсона прорвало. Он говорил о своей науке, о годах, потраченных на учебу. О том, как он мечтал работать по специальности. О том, что значения энтропистики не понимают лишь люди, не следящие за научной информацией.

Гришин слушал его внимательно и согласно кивал, чем еще больше раззадоривал юношу. Элсону казалось, что он наконец-то нашел в его лице понимающего слушателя. Не сумев сдержаться, он выложил ему всю накопившуюся на Ротанова обиду. А когда кончил, Гришин в ответ неопределенно хмыкнул и сказал:

— Ротанов здесь ни при чем. Это я просил срочно прислать в мой отдел энтрописта.

Элсон почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Вам нужен энтропист? В машинном отделении?

Гришин кивнул, растер свою могучую шею, потом вдруг достал из стола грубо сделанный от руки чертеж и протянул Элсону.

— Вот посмотрите-ка на это.

Недоумевая, Элсон развернул схему, испещренную непонятными значками и линиями.

— Это план машинного зала, это генераторы. — Толстый палец Гришина медленно прошелся по чертежу. — Вот здесь отметки мощностей всех генераторов при одинаковой нагрузке. Видите, они разные. А должны быть одинаковыми.

— Но механизмы не могут быть совершенно одинаковыми, незначительные отклонения в технологии, разная сборка, разные условия эксплуатации.

Гришин кивнул:

— Верно. Но в таком случае неизбежен случайный разброс. У нас же есть определенная закономерность. Машины отчего-то хуже всего работают только в одном участке зала. И началось это совсем недавно, несколько дней назад. Такие вещи у нас замечают сразу. Ну как, не хотите в этом разобраться? — Гришин скептически рассматривал Элсона, словно хотел сказать — пользы от тебя особой не будет, но и вреда, пожалуй, тоже. Вдруг да и отыщешь что-нибудь путное? — Если вам удастся разработать приемлемые рекомендации, позволяющие сэкономить хотя бы десятую часть процента мощности наших машин, можете считать, что вас не зря учили в земных школах.

Элсон потянулся к схемам. Он не ожидал, что этот суховатый, скептически настроенный человек может подсказать ему путь практического применения его науки, но, во всяком случае, то, что он предлагал, было интересно. Чтобы скрыть волнение, он развернул схему и быстро спросил:

— Что находится над этим местом в верхних этажах? Нет ли здесь наводок, магнитных или других полей, идущих сверху?

Гришин вздохнул.

— Ничего нет. Мы проверяли. А вверху накопители. Туда не войти даже в скафандре полной защиты.

— Но делают же там ремонт, профилактику?

— Конечно. Раз в год для этого нам приходится останавливать машины и почти всю энергию перекачивать в резервные конденсаторы. Это сложная операция, и обходится она недешево. Под нами внизу скальное основание, там тоже ничего не увидеть, а на следующем этаже все вроде нормально, да и трудно что-нибудь установить без специальной аппаратуры. Наши техники не знают толком, какие приборы могут помочь разобраться в этой чертовщине. Вот я и попросил прислать к нам энтрописта. Ну так как, беретесь за этот орешек?

— Разумеется, я попробую. Хотя обещать вот так сразу ничего не могу. Буду разбираться.

Жилой отсек, выделенный Элсону на этаже энергетиков, состоял из спальни, крохотной гостиной и маленького чуланчика с кухонным автоматом, заменявшего столовую. В любой момент кухонный лифт готов был предоставить в его распоряжение яства, о которых не смели и мечтать древние бароны. Среди этой немыслимой роскоши он чувствовал себя несколько одиноко и надеялся, что вынужденное одиночество не продлится слишком

уж долго. Поэтому, едва приняв душ и переодевшись, Элсон поспешил в центральную гостиную энергоблока.

Это был большой зал-столовая с игральными автоматами и непременным спортзалом. Однако, к его удивлению, и в этом роскошном заведении народу было не так уж много. И что его особенно огорчило — почти совсем не встречались женские лица. Элсон дал себе слово при первой возможности обследовать все вышележащие этажи. Но сегодня после утомительных медицинских процедур и не менее утомительной беседы с Гришиным он не чувствовал себя готовым к исследовательским экспедициям. После некоторого раздумья он решил лечь спать пораньше.

К своему величайшему удивлению, вернувшись, Элсон застал в своих апартаментах рыжеволосого незнакомца, нахально развалившегося на его диване у окновизора.

— А, новичок... — неопределенно проговорил рыжеволосый, не отрываясь от увлекательного фильма, в котором индейцы на старинных авиетках преследовали по пустыне героя в космическом скафандре.

— Что вам здесь нужно? — холодно осведомился Элсон.

Его вопрос настолько удивил рыжеволосого, что тот даже выключил окновизор.

— Тебе что же, не сказали, что мы будем жить вместе?

— Нет.

— Ну, дела... Наш шеф любит поражать воображение новичков приятными неожиданностями. До сих пор он встречал их байкой о блуждающем генераторе, но теперь, видимо, сменил репертуар.

— О чем, о чем? — с подозрением спросил Элсон. — Что это еще за блуждающий генератор?

— Это такой генератор, который неизвестно отчего теряет мощность. Гришин эту байку всем новичкам подкидывает. Своеобразный тест на сообразительность и предприимчивость. Новички, как правило, начинают сучить ногами, суетиться, проверять мощности, составлять таблицы, ну а Гришин делает вывод, что со временем из них выйдет толк.

— Значит, с генераторами все липа? — спросил Элсон, едва сдерживая гнев.

— Я этого не говорил. Генераторы — вещь сложная и не совсем понятная, «черный ящик». И в этом «ящике» всегда что-нибудь барахлит, что-то не совпадает с расчетными параметрами. Вот только никому еще не удавалось найти в этом никакой закономерности.

— Ничего. Я найду.

— Правильно. Дерзай. Гришин это оценит. Ну а мне пора на дежурство. И в следующий раз, маэстро, не забывайте выключать воду в душевой, на нее здесь лимит, между прочим...

Прошел почти месяц, прежде чем Элсону поручили самостоятельное дежурство в энергетическом блоке. К этому времени он закончил сложные теоретические расчеты предполагаемой аномалии. Полной картины ее пространственного положения с теми куцыми данными, которыми он располагал, не получилось. Ему не терпелось остаться в энергоблоке одному и основательно все проверить. Провести новые, более подробные замеры. Для этого надо было лишь дать соответствующее задание кибернетическим машинам, обслуживающим энергетический центр. Он мог это сделать и раньше, не дожидаясь дежурства, но после насмешек своего рыжего соседа Рузаева решил все предварительные расчеты делать самостоятельно и по возможности не афишировать их до получения результата.

Наконец долгожданный день настал. После месячной подготовки, теоретических заданий, разборов различных ситуаций, после шести дежурств с напарником в качестве дублера Рузаев наконец проводил Элсона в зал на самостоятельное дежурство.

— Главное, что от тебя требуется, — заканчивал свои наставления Рузаев, — в случае чего повернуть вон эту красную ручку. Больше ничего не трогай.

Элсон усмехнулся. Он прекрасно разобрался за этот месяц в аппаратуре центра, и Рузаев его явно недооценивал, иначе бы он вряд ли так спокойно оставил его на самостоятельное дежурство.

Чтобы окончательно убедить Рузаева в своей полной некомпетентности, Элсон наивно спросил:

— А собственно, в каком именно случае я должен повернуть красную ручку?

— В любом необычном случае. Сбой, например, перегрузка или сигнал на пульте. Этим ты перебросишь управление в центральный пост и дашь знать о случившемся Гришину. Большего от тебя не требуется. Старайся не вмешиваться в работу машин.

— Слушаюсь, шеф!

— Тебе еще рановато дежурить одному, но Гришин решил, что ты созрел. Так что действуй.

Оставшись наконец один, Элсон расстелил на рабочем столе перед пультом схему машинного зала с пометками Гришина и стал набирать команды центральному компьютеру. Он не был до

конца уверен, что к неполадкам в энергетическом отсеке имеет отношение энтропийная аномалия, но по характеру сбоев, по их регулярности и интенсивности надеялся это выяснить.

Элсон прекрасно знал, что энтропия — понятие теоретическое, что под этим термином подразумевается общее стремление материи нашего мира переходить из сложных форм в более простые, безвозвратно утрачивая при этом часть энергии.

Именно поэтому сами собой разряжались аккумуляторы, старели и разрушались сложные молекулярные соединения, и в мире неживой материи распад преобладал над синтезом.

Только жизнь не подчинялась этому всеобщему мировому закону. Только она одна могла преобразовывать простые формы материи в более сложные, увеличивая при этом свой энергетический потенциал.

Закон энтропии одинаков во всех известных человечеству частях Вселенной. Никаких отклонений не бывает. И все-таки, заканчивая набор программ, вопреки всякой логике Элсон представил себе в очередной сводке новостей примерно такие строчки:

«Молодой ученый Элсон открыл на Регосе энтропийную аномалию. Опасность для базы предотвращена смелыми действиями талантливого ученого». На самом деле в глубине души он в это не верил. Энтропия — вещь серьезная, и всякие там шуточки — дыры, аномалии — это не для нее... Но что же тогда происходит в машинном зале? Если бы можно было обследовать верхний этаж. Возможно, там возникает некое силовое поле, наводки в цепях или утечка из накопителей. При такой концентрации энергии, как здесь, всего можно ожидать... Этот эффект, очевидно, проявляется только при очень большой нагрузке. Элсон закончил ввод данных, набор программ и нажал кнопку «Пуск». Теперь оставалось только ждать результата.

В зале стояла удивительная тишина, прерываемая лишь шорохом и треском статических разрядов, образующихся на кожухах генераторов. Они превращали материю в нейтронную плазму, а затем во втором этаже, в накопителях, она преобразовывалась непосредственно в электрическую энергию.

На пульте компьютера вспыхнул сигнал «Готово». Он щелкнул, выплюнул карточку с результатом расчетов, и одновременно на объемном дисплее появилось странное скелетное образование, похожее на чечевицу и рассеченное надвое горизонтальной плоскостью. Столбцы цифр с обеих сторон этой конструкции Элсону почти ничего не говорили. Его это не устраивало, и он тут же набрал следующее задание компьютеру, сводившееся всего к одной фразе:

«Упростить результат». «Чечевица» на экране дрогнула, заколебалась, но форму в общих чертах сохранила, хотя у нее значительно поубавилось ребер. Колонки цифр по краям поредели.

В конце концов он уяснил, что в такой форме на экране высвечивалась объемная структурная карта электрических полей энергозала, которую он и хотел получить. Оставалось непонятным главное — неравномерность напряженности этих полей. Получалось, что в центре «чечевицы» напряжения отсутствовали вовсе, а по краям постепенно нарастали до обычного уровня фона...

Различия в напряженности были едва уловимы, на грани чувствительности приборов, а центр «чечевицы», как теперь уяснил Элсон, находился на верхнем этаже. Не зря ему так хотелось туда добраться...

Элсон решил пройтись по залу и обдумать полученные данные.

Сообщить результат Гришину? Но ведь надо его как-то объяснить... Картина напоминала замкнутое на себя электрическое поле конденсатора, только с обратным отрицательным знаком. Если в конденсаторе накапливались заряды, то здесь они уничтожались. Там и тут был некий геометрический центр, полюс... Необходимо посмотреть, что находится внутри полюса, и сделать это надо сейчас, немедленно, потому что уже через полчаса картина при таких ничтожных напряжениях может измениться. Тогда искать наверху будет нечего... Элсон прекрасно понимал, что просить об этом Гришина совершенно бесполезно. Никто не согласится ради проверки его теоретических исследований рисковать жизнью тех, кого придется послать в энергетический отсек. Кажется, Гришин говорил, что это вообще невозможно. «Но ведь и у меня есть право риска... Оно есть у каждого человека!» Интуитивно он чувствовал, что наткнулся на что-то очень важное, едва уловимое, и понимал, что, если сейчас, немедленно, не найдет способа проверить, что там такое, не простит себе этого никогда. Центр таинственной «чечевицы» притягивал его как магнит.

У входа, вдоль овальной стены энергозала, виднелись дверцы каких-то шкафов. Из чистого любопытства он дернул одну, другую... Третья неожиданно открылась. Перед ним, аккуратно сложенный, лежал скафандр высокой радиационной защиты...

«Значит, в случае необходимости существует способ проникновения в «горячий» радиационный отсек! Не зря здесь лежат эти скафандры».

Тонкая металлизированная пленка, запаянная в двух слоях прозрачного пластика, оказалась мягкой и легкой. Шлем, слегка чмокнув, встал на место, и сразу же включились регенерацион-

ные устройства. Потянуло чуть сладковатым, насыщенным кислородом воздухом.

Шнур, болтавшийся на поясе, он обмотал вокруг талии и завязал узлом. Взгляд Элсона упал на заднюю стену шкафа... Ее скрывала шторка из темной материи, но, вынимая скафандр, он слегка сдвинул эту шторку, и теперь там проглядывали какие-то крупные буквы. Элсон отдернул шторку в сторону. Через всю стену шкафа полыхнула красная надпись: «Аварийный шлюз».

4

Ротанов проснулся в пятом часу утра от тихого звука зуммера. Проснулся, как всегда, мгновенно, но несколько секунд лежал неподвижно, не спеша включить видеофон.

В особо серьезных случаях автоматика включит тревогу, но и ему никто, конечно, не станет звонить в пять утра без серьезного повода. И все же он не спешил. Недоброе предчувствие на какое-то мгновение сковало его волю. Ротанову казалось, что если он отмолчится, не включит аппарат, не даст плохим новостям в ранний час просочиться в свою комнату, то тем самым он отдалит и как бы ослабит их. Но то была лишь минутная слабость, отголосок давно прошедших времен, когда холодок опасности за несколько секунд до ее действительного появления не раз спасал ему жизнь.

Главный энергетик выглядел на экране видеофона всклокоченным и угрюмым. Он долго молчал, даже не пытаясь извиниться за неурочный вызов, и это окончательно утвердило Ротанова в его худших предположениях.

— Так что там у вас стряслось? Опять упала мощность? — спросил Ротанов, все еще надеясь отвести беду.

— Элсон, молодой специалист, которого вы нам направили месяц назад... — Гришин остановился, отвел взгляд.

— Ну! Не тяни!

— Парень полез в «горячий» отсек...

— В скафандре?

— В скафандре. Но защита скафандра не включена... — И только сейчас, словно автоматы ждали этих слов, с опозданием взвыла сирена и на всех экранах вспыхнула яркая мигающая надпись: «Человек в опасности».

Нужное Элсону место находилось около седьмой батареи накопителей.

Каждый накопитель представлял собой десятиметровый, облицованный титановой броней куб. Свет редких фонарей терялся в узких проходах. Кубы стояли друг за другом ровными рядами, и все же пространство между ними напоминало лабиринт, поскольку каждый накопитель был окружен целой системой вспомогательных устройств.

В верхнем зале в отличие от нижнего было довольно жарко. Скафандр почему-то не защищал от тепловой радиации.

«Странно, — подумал Элсон, — этого как будто не должно быть, может, не в порядке защита?» Отмахнувшись от этой мысли, он втиснулся в особенно узкий проход и пошел дальше. Номера на блоках были выведены хорошо заметной светящейся краской, и это помогало ему ориентироваться.

Он недооценил сложности своего предприятия. На каждом шагу зал словно напоминал, что людям не место в этом царстве сконцентрированной звездной плазмы. Со всех сторон до него доносились непонятные, странные звуки. Что-то жужжало, потрескивало, посвистывало, скрипело. То и дело щелкали какие-то реле.

Над восьмым блоком вдруг вспыхнуло холодное голубоватое пламя, и оглушительный грохот разряда пригвоздил Элсона к месту. Он подумал, что, если окажется в зоне действия статического разряда такой мощности, его не спасет никакая защита. В этот момент ему очень захотелось вернуться, понадобилось значительное усилие воли для того, чтобы сдвинуть с места непослушные ноги. Проходя мимо пятого блока, он остановился, чтобы перевести дыхание. Пот катился с него градом. Идти становилось все трудней. «Тоже мне герой, — выругал он себя. — Иди, раз полез!» И в этот момент сквозь броню соседнего блока донеслось прерывистое басовитое гудение. Словно это был огромный улей, наполненный пчелами. Почти сразу же ослепительная голубая лента сверкнула прямо перед Элсоном, соединив сверкающим плазменным мостом два соседних блока.

— Здесь все насквозь пропитано электричеством. Но ничего, гляну — и обратно, — сказал он вслух и удивился, как жалко прозвучал его голос, стиснутый воздушной подушкой шлема.

Еще пятнадцать шагов, еще двадцать. В неверном свете нашлемного фонаря перед ним прыгали изломанные резкие тени. Он то и дело попадал в переплетение кабелей, отводных труб. Дышать становилось все труднее, хотя в скафандр бесперебойно поступал свежий воздух. Сердце стучало неровно и часто. Пот, который он не мог стереть под шлемом, заливал лицо.

Сверившись с планом, он наконец убедился, что стоит перед седьмым блоком, на том самом месте, к которому так стремился. Перед ним открывался еще один узкий проход. То же нагромождение незнакомых механизмов, то же переплетение магистральных линий. «А на что ты надеялся? — спросил он себя. — Ты что, специалист-энергетик? Что ты понимаешь во всем этом? Откуда знаешь, что здесь правильно, а что нет? Это была бессмысленная, глупейшая затея...»

Он представил, как ему придется рассказывать об этой экспедиции Гришину, и жгучая краска стыда выступила на его лице. Бетонный пол покрывал слой пыли. Видимо, роботы-уборщики нечасто появлялись в этом помещении. Поверхность соседнего кожуха слегка вибрировала, как, впрочем, и у всех остальных...

«Если я здесь останусь, меня найдут не скоро», — подумалось ему.

По тому, как засосало под ложечкой и обруч боли стиснул голову, Элсон понял, что очередной разряд вот-вот ударит где-то рядом. Элсон пошатнулся, и в это время откуда-то сверху раздался спокойный, усиленный металлическими тарелками громкоговорителей голос Ротанова:

— Элсон! Слушай меня внимательно. Медленно сделай два шага назад и остановись.

Он сразу же узнал этот спокойный голос и подчинился ему без сопротивления.

— Так. Молодец. Не шевелись теперь... — И почти в ту же секунду, наискось через то место, где он только что стоял, хлестнул разряд.

Элсон не успел закрыть глаза. И вспышка, длившаяся долю мгновения, застыла в его сузившихся зрачках.

— Что ты видишь? — спросил голос Ротанова.

— Река...

— Какого цвета?

— Красная...

— Так и должно быть. На какое-то время ты ослеп. Зрение скоро восстановится, стой пока не шевелясь. Еще что-нибудь заметил?

— Черные берега...

— Я думал, мне показалось! — как сквозь сон услышал Элсон голос Гришина.

— Нет. Все правильно. Это не обычный разряд. Сейчас его ослепленная сетчатка видит негатив вспышки. Там не было сердцевины. Только края. Они-то и показались ему берегами.

Гул накопителей заметно стих, видимо, в центральной рубке делали все возможное, чтобы снизить напряжение в зале.

«Слишком мало у них времени...» — вяло подумал Элсон.

Зрение постепенно возвращалось.

Сквозь радужные плывущие картины он вдруг совершенно отчетливо различил небольшой теннисный мяч, бесшумно и медленно катящийся к нему по воздуху. Мяч возник примерно в середине того места, где только что полыхнул разряд.

— Ты видишь эту штуку? — спросил голос Ротанова.

— Да! — ответил Гришин.

— Что будем делать?

— Нужно стрелять, нет другого выхода!

— У него не включена защита...

Элсону казалось, что он находится в каком-то пустом и страшном царстве снов, где среди голых каменных стен метались мертвые голоса людей. Людей, которых он знал когда-то давно, в другой, уже почти забытой жизни.

«Наверно, я умер», — подумал он совершенно безразлично.

— Элсон! Элсон! — требовательно звали голоса. Они отражались от стен, как упругие мячики, и подбирались к нему все ближе. — Ты должен включить защиту! Шнур у тебя на поясе! На груди скафандра есть гнездо! Воткни в него вилку шнура! Ты слышишь меня? Элсон!

Только чтобы избавиться от этих назойливых голосов, мешавших ему сосредоточиться на чем-то действительно важном, он сделал то, что они требовали. В то же мгновение с потолка зала, от центрального энерговода протянулся вниз ослепительный луч голубой плазмы. Он обежал вокруг Элсона, нащупал убегающий черный мячик и вдруг взорвался фиолетовой вспышкой.

Врачей вокруг реанимационной капсулы было не так уж много, двое или трое... Ротанов на ходу все никак не мог их сосчитать, так быстро они сновали у пультов и аппаратов реанимации.

Он подумал, что дела, должно быть, обстоят неважно, раз они так спешат.

Некоторое время Ротанов молча рассматривал неестественно обтянутое сухой, как пергамент, кожей лицо юноши.

— Выдержит? — спросил Ротанов.

— Элсон упорный парень. Он выдержит, — произнес за спиной Ротанова Гришин.

— Ты бы лучше не оставлял на дежурстве человека, не проинструктировав его, как пользоваться скафандром!

— Кто мог предвидеть, что ему понадобится лезть в самое пекло. В компьютере энергоблока остались его записи. Он решал какую-то задачу, искал на втором этаже некий непонятный центр. Центр чего именно — не знаю.

По приказу Ротанова в работу включился весь научный отдел. Математики базы подробно анализировали записи Элсона. Ротанов потребовал обследовать все помещение базы по методу, использованному Элсоном, и убедиться в том, что на Регосе не осталось новых центров воздействия.

Поединок с черным шаром зафиксировали многочисленные приборы и датчики энергетического отсека. Хотя непосредственно сам шар нельзя было рассмотреть ни на одной пленке, был наконец найден способ сделать видимой корону окружавших его электрических зарядов. Удалось даже подсчитать объем шара и количество энергии, понадобившейся для его уничтожения.

Хотя никто толком не знал, что, собственно, они уничтожили, не осталось сомнений в одном: черный шар перестал существовать после выстрела мощностью десять мегаватт. Только сопоставив цифры объема шара — сто пятьдесят кубических сантиметров — и мощность, потребовавшуюся на его уничтожение, Ротанов понял, какой ценой досталась им эта победа. Энергетический отсек — сердце базы. Ротанов не верил в случайное появление шара именно в этом месте. Хотя теоретики их научного отдела предложили гипотезу «черной шаровой молнии», которую притянуло в нижний отсек обилие накопленной там энергии, Ротанов, сопоставив все, что ему было известно о нападении на «Енисей», сделал для себя неутешительный вывод: происшествие на базе не было случайностью, связанной с неизвестным науке природным феноменом. Слишком последовательно выстраивались события... И тогда он первый раз пожалел, что сразу не поддержал Олега, потерял столько времени. Утвердил карантин и отправил его со всей командой «Енисея» на Землю в специально оборудованном карантинном корабле. Теперь нужно было как можно скорее заканчивать дела на Регосе и лететь вдогонку...

Он понимал, что центр главных событий неизбежно сместится к Земле. Туда сходилась вся информация, оттуда нужно было готовить новую экспедицию к Черной. Прав был Олег, тысячу раз прав!

Оставалась еще проблема «Енисея». Он не мог оставлять над базой постоянную угрозу. Поскольку почти не сомневался, что черный шар — гостинец, привезенный «Енисеем». Надо было что-то немедленно делать с кораблем...

* * *

К вечеру следующего дня, когда наконец закончена была обработка данных по инспекции базы, Ротанов вызвал заведующего научным отделом доктора Рестона.

Рестон, известный на Земле физик, на базе фактически был поставлен в положение заурядного инженера. Ротанов не делал никаких различий между своими ответственными сотрудниками.

— Удалось вам установить, что собой представлял гость, посетивший базу?

Рестон задумчиво покачал головой.

— Я мог бы предложить вам несколько названий, но вас ведь не название интересует? — Ротанов кивнул. — Тогда довольствуйтесь таким определением: «Земная наука с этим явлением не встречалась». Это сгусток некой субстанции, противоположной по своим свойствам энергии. Антиэнергия, если хотите. Элсон, очевидно, считал ее энтропийным зарядом. Возможно, он был прав. Обнаружить шар можно только при слабом нейтронном облучении. Именно тогда на его поверхности появляется корона электрических разрядов.

— Но мы же его видели!

— Потому и видели, что Элсон дал команду автоматам энергетического отсека вести поиск, используя нейтронное облучение. Он, видимо, предполагал, что это явление связано с энтропией. Как его самочувствие?

— Мне сообщили, что кризис позади. Сейчас он спит. Врачи вовремя успели сделать пересадку спинного мозга. Возможно, все обойдется, у него молодой крепкий организм.

— Нужно сделать все возможное. На вашем месте я бы немедленно отправил его на Землю. В радиационном институте опыта больше, чем у нас. Вы обязаны сохранить для Земли эту голову.

— Хорошо бы сохранить и еще что-нибудь, кроме головы, — проворчал Ротанов. — Вы познакомились с результатами обследования помещений базы?

— Да. По-видимому, этот гость был единственным. Мы проверили параметры электрических полей во всех помещениях базы, применяя метод Элсона. Если исходить из известных нам данных, на базе больше нет никаких посторонних образований.

— А «Енисей»?

— Здесь дело сложней. В момент обследования мы еще не были знакомы с новой методикой. Там не применялось нейтронное облучение, и сделать какие-то однозначные выводы я затруд-

няюсь. Косвенные данные говорят о том, что с кораблем все в порядке. Видимо, придется все повторить, используя методику Элсона.

— И рискуя при этом вызвать новое нападение на базу. Или поражение людей и механизмов. Благодарю покорно. Кораблем придется пожертвовать.

— Неужели вы решитесь уничтожить крейсер?

— Похоже, у нас нет иного выхода. И ждать нельзя. Корабль слишком опасен. Рискованно лезть туда снова. Распорядитесь поставить силовой экран, нужно немедленно прикрыть от него Регос.

— Это бессмысленно. Никакие наши поля не могут задержать энтропийный заряд.

— Да, вы правы... Никак не могу к этому привыкнуть... Тем более нужно немедленно избавиться от корабля.

Оставшись один, Ротанов потянулся к пульту связи, но рука остановилась на полпути, словно в пальцах не осталось силы для такого простого и окончательного жеста, как поворот рычажка...

Слишком хорошо он знал, что последует за словами команды, которую собирался произнести. Не ответственности он боялся. Сам был звездолетчиком и понимал, что значит — уничтожить собственный корабль.

Совершенно бессознательно он убрал руку с пульта, взял папку с только что полученной почтой, прибывшей с рейсовым кораблем. Возможно, надеялся, что сведения, доставленные с Земли, подскажут иное решение. А скорее всего лишь оттягивал неизбежную развязку.

Бегло просмотрев пакет пластиковых карт, он выбрал одну, с красной полосой Координационного Совета Федерации, и вставил ее в компьютер. На экране загорелись строчки сообщения:

«Всем кораблям флота, всем поселениям Федерации. Совершено нападение неизвестным противником на колонию Дзеты. Есть человеческие жертвы. Колония срочно эвакуируется. Следует обращать особое внимание на черные объекты, видимые только в нейтронном облучении. Нельзя подпускать их близко к кораблям и поселениям. Немедленно уничтожать энергетическими зарядами максимальной мощности...»

Свершилось наконец то, чего он опасался все эти годы, к чему готовился, ради чего строил эту базу. Человечество встретило на просторах Галактики неведомого грозного противника. Если это не гуманоидная цивилизация, если это вообще не цивилизация — не

исключалось существование разума, не поддающегося даже самым общим человеческим определениям, — переговоры могут оказаться невозможными, и тогда людям придется принять бой. У них просто не останется иного выхода. А для первого удара они выберут скорее всего именно базу на Регосе. Ведь она, в сущности, единственное место, где может укрыться пока еще не созданный боевой флот Федерации. Отсюда он мог бы совершать рейды, не подвергая опасности ответных ударов противника незащищенные планеты. Правда, противник должен был бы хорошо разбираться в силах Федерации. Но кто знает, сколько лет они наблюдали за действиями людей, готовились, пока наконец не решились нанести свои первые удары. Время, оставшееся на подготовку для встречи с врагом, от оружия которого земная техника не знала защиты, измерялось теперь, возможно, месяцами, если не днями...

После того как смолк вой сирен общей тревоги, объявленной во второй раз за эти несколько дней, метроном методично стал отсчитывать секунды, оставшиеся до залпа антипротонных пушек. Люди, сидевшие с двух сторон от Ротанова за главным управляющим пультом, закончили набор команд и выжидающе уставились на него.

До сих пор они не задавали ему вопросов, скованные регламентом и уставом боевой тревоги. Но сейчас Протасов первым разорвал эти тягостные, заполненные щелканьем метронома мгновения:

— Мы готовились к этой операции так, как будто над базой висит вражеский крейсер!

— Считайте, что так и есть.

Ротанов не повернул головы, не отвел взгляда от таймера. Все в его лице застыло, и в глазах появился несвойственный ему жесткий, холодноватый блеск.

Сорок секунд... Еще можно было отменить приказ, остановить операцию. Даже так, уставившись в панель отсчета, он видел угловым зрением на боковых экранах четкий силуэт корабля, верой и правдой прослужившего людям не один год, преодолевшего бездну пространства, защитившего и принесшего обратно доверившихся ему людей. Он был красив, этот могучий корабль, сконцентрировавший в себе человеческий труд, знания, чаяния. Через тридцать секунд он должен будет погибнуть.

Ротанов приказал рассчитать залп с двух сторон, так чтобы звездное пламя аннигиляции охватило сразу всю обшивку, не оставив ни малейшей щели для притаившейся в недрах корабля черной пакости. Он не пожалел энергии на этот залп... И он никог-

да не забудет этих секунд ожидания, он еще спросит за них с тех, кто прислал людям свои черные гостинцы...

Ноль-один, ноль-ноль... Защитные поля, прикрывавшие планету, должны были прогнуться от этого удара. Клестов боялся, что они не сумеют сдержать волну радиации. Слишком близко висел корабль. Слишком велика его масса для полной аннигиляции. Но Ротанов верил, что защитные системы базы справятся с такой задачей. Он хорошо знал земных инженеров, построивших эту звездную крепость...

И все же, когда на всех экранах полыхнуло фиолетовое пламя, они невольно пригнули головы, ожидая того грозного гула и колебания почвы планеты, которые всегда сопровождали даже учебные стрельбы, а сейчас...

Но ничего не произошло. Вспышка на экранах погасла удивительно быстро, и лишь силуэт корабля растворился, исчез, словно его никогда не было.

Ротанов бросил взгляд на расходомер антипротонов, потом на измеритель радиоактивного и волнового ударов. Их стрелки едва качнулись.

— Что произошло? — спросил он, повернувшись к Рестону.

Тот, пожав плечами, ответил:

— Вы оказались правы. Энергия взрыва в восемьсот раз меньше расчетной. Может быть лишь одно объяснение. Черные заряды на корабле нейтрализовали почти всю энергию нашего удара.

— Они не могли уцелеть?

— Исключено. В этом случае взрыва не было бы вообще. Вспышка, которую мы видели, остаток того, что им не удалось поглотить.

Лайнер «Итель», закончив промежуточный бросок у Регоса, разворачивался для нового разгона. Корабли этого класса не нуждались в подзаправке и не заходили на базы.

На «Ителе» свято чтили старинные традиции, и капитан Громов торжественно прошествовал за свой стол, где в обществе пассажиров класса «экстра» собирался пообедать. Не успел Громов сесть за стол, как в его нагрудном кармане пискнул фон. Он нажал кнопку.

— Капитан, Регос просит принять одного пассажира и санитарную капсулу...

Проводив капсулу с Элсоном в медицинский отсек и убедившись, что с ним все в порядке, Ротанов спустился в пассажирский салон.

Элсон будет спать до самой Земли, врачи обещали, что он проснется практически здоровым.

— Хорошо, если так... — Ротанов все никак не мог простить себе, что не разобрался в этом юноше, не сумел оценить ни его способностей, ни мужества.

Не так уж часто случалось ему ошибаться в людях, и если это все же происходило, он старался сделать все от него зависящее, чтобы исправить ошибку.

Если Элсона вовремя поставят на ноги, он обязательно представит его Совету и поможет принять участие во всех делах, связанных с Черной планетой.

«Итель» уже начал разгон, и пассажиров в салоне оставалось немного. Хотя ускорение лайнера было невелико, все же непривычная добавочная тяжесть разогнала людей по каютам. Собираясь в дорогу, Ротанов не рассчитывал, что подвернется попутный пассажирский рейс, не захватил с собой нужных вещей и подходящей одежды. Сейчас он чувствовал себя неловко в своей старенькой элановой куртке в этом мирке давно забытого комфорта.

Тихо играла музыка, свет люстр каскадами падал на резные панели стен, на дубовые стойки бара, где вместо привычного автомата стоял самый настоящий живой бармен в форменной синей куртке.

Встретив его остановившийся, невыразительный взгляд, Ротанов почему-то так и не решился подойти к стойке, хотя ему хотелось выпить чего-нибудь покрепче.

Хорошо, что он отказался от спецрейса, воспользовался этим попутным пассажирским лайнером и впервые за долгие годы почувствовал себя простым наблюдателем, а не участником событий.

Ему хотелось отвлечься от всего, расслабиться, побыть одному. Он знал, что события начали разворачиваться стремительно, как отпущенная пружина, и, возможно, это последний представившийся ему случай для такого вот бездумного отдыха.

Ротанов подошел к большому, затянутому белесой пленкой экрану, вделанному в круглую бронзовую раму, изображавшую иллюминатор корабля, и нажал выключатель.

Пленка растаяла. Теперь это и в самом деле был иллюминатор.

Среди яркой россыпи знакомых созвездий Регоса он легко различил красноватый мячик планеты. Ей он отдал большой кусок жизни и знал, что покидает ее надолго, может быть, навсегда.

5

Бывают планеты, где неохватное небо опускается ближе к людям, где человек перестает ощущать себя центром Вселенной и растворяется в окружающем мире, впитывает его в себя, становится его частицей. Единым целым со звездами, соловьями, огнем костра, лицами друзей...

На одной из таких счастливых планет, позволивших людям построить здесь свой новый дом, в тихом и прозрачном лесу сидела у костра земная женщина.

На минуту она осталась совсем одна, потому что друзья, затеяв игру, убежали в глубь леса по тропинке, освещенной зеленой луной.

Воспоминания долго ждали этой минуты. Они выступили из-за деревьев неслышной толпой, подошли вплотную...

Был в ее жизни случай, когда один человек пообещал ей подарить целый мир. Добрый и ласковый мир под голубым небом, не знающим страха. Он сдержал свое слово.

Отчего же тогда ей так горько? Впрочем, зачем спрашивать... Она слишком хорошо знала ответ...

Анна думала об этом, глядя на огонь костра, веселыми языками лизавший поленья и бросавший в темноту пригоршни искр. Она вспоминала другой костер. Костер Синего леса. Тогда смерть стояла рядом, за светлым кругом огня, стоило лишь протянуть руку. Но вместо чудовищ Синего леса к костру вдруг вышел обыкновенный человек. Немного поцарапанный, немного сердитый и совершенно невозможный там, в Синем лесу...

Впрочем, он навсегда остался для нее невозможным. Далеким, недоступным миражем. Она знала каждый его шаг. Хранила кристаллы с записями всех его выступлений, отчетов, речей... И только его самого никогда не было рядом. Где уж ей угнаться за ним — слабой земной женщине. Он сражался с чудовищами, покорял чужие миры, возводил звездные крепости. А она любила его, училась. И строила свой собственный мир здесь, на Дзете, таким, каким видела его лишь в снах своей юности, на жестокой и страшной Гидре...

Окончив школу второй ступени на Земле, она вместе с другими колонистами прилетела на Дзету. Это была тихая ласковая планета с кротким и добрым нравом. С ручьями, текущими среди низкорослых сиреневых кустиков, с синими закатами и бирюзовыми восходами.

Они посадили земные сосны и березы. Биологические стимуляторы в десятки раз ускорили рост деревьев, и уже через пару

лет на Дзете шумели настоящие земные леса. На планете не было своего животного мира, и скоро здесь поселились олени и лани, зайцы и великаны лоси, привезенные с Земли. На глазах у Анны вырос красивый белый город, утопающий в зелени садов, парков и скверов. На Земле города постепенно исчезли, растворились в лесных массивах, распались на мелкие поселения или отдельные коттеджи, оборудованные всем необходимым для жизни двух-трех семей...

В колониях люди стремились жить ближе друг к другу, может быть, потому, что острее ощущали потребность во взаимной поддержке перед лицом чужого мира.

Анне нравились города земных колоний. После пещер Гидры она отогревалась в них всем своим существом. И не чувство полной безопасности, которой она так долго была лишена, согревало ее, нет. Самым ценным в этом небольшом белом городе была удивительная общность людей. Милая ее сердцу провинциальность, позволяющая без особых церемоний войти в любой дом, знать все о своем соседе и так же открыто, на виду у всех, жить самой в едином коллективе, увлеченном одной целью — освоить новый мир. Сделать его удобным и радостным.

Был у них и рудник, в котором автоматы добывали цезий, — раз в полгода обогащенную руду забирал транспорт с Земли и взамен привозил им автолеты, одежду, сложные бытовые автоматы, видеокристаллы. Автоматы убирали улицы, города, жилища, готовили пищу, вырабатывали необходимую городу энергию. Практически они избавили людей от всей тяжелой работы.

И теперь, когда монтаж и основные работы по освоению территории были закончены, у них появилось много свободного времени, которое каждый мог использовать по своему вкусу.

Занятия искусством не очень увлекали колонистов. Возможно, виной тому были все те же видеокристаллы, позволяющие с помощью подвижных голограмм знакомиться с работами лучших актеров, живописцев и скульпторов Земли.

Анна все свободное время посвящала лесу. Она окончила биологическую школу на Земле, и лес на Дзете был ее детищем. Сейчас она испытывала чувство удовлетворения и радости, слыша доносящиеся из-за деревьев людские голоса, шорох шагов и тихий смех. Вечернее небо озаряли отблески далеких костров. Кое-где виднелись светлые пятна надувных палаток. Колонисты любили свой лес. Она знала, что вопреки ее запретам многие молодые люди жили в надувных палатках все лето.

Ничто не предвещало несчастья в эту теплую летнюю ночь. А между тем высоко в небе Дзеты уже появилась хищная черная тень. Не обнаруженная диспетчерским постом, она тихо кралась к планете перпендикулярно плоскости эклиптики, нарушая законы баллистики и притяжения.

Ее заметили лишь утром в виде размытого грязного пятна на фоне светлого неба. С этой минуты наблюдение за ней продолжалось весь день.

После полудня с севера появилось второе пятно. Пятна пошли навстречу друг другу и соединились в пятнадцать часов сорок восемь минут по абсолютному земному времени. Дежурный оператор зафиксировал это событие по всей форме в журнале, не придав ему должного значения, поскольку столкновение пятен не имело видимого результата — после соединения оба они попросту исчезли с небосклона Дзеты.

Дежурный приписал в конце страницы несколько строк своей собственной версии происшедшего:

«Это могли быть пылевые облака или какие-то уплотнения в атмосфере. Возможно, повышенная концентрация влаги в верхних слоях привела к явлению, напоминающему земной мираж».

Это не были ни пылевые облака, ни миражи. Темные тела, подошедшие к Дзете, после столкновения не разрушились и не исчезли. Они лишь распались на десятки более мелких тел, незаметных на большой высоте, и начали свое медленное неотвратимое падение на Дзету.

Отдельные капли, соприкоснувшись с атмосферой планеты, съежились и с легким хлопком исчезли. Но наиболее крупные, хоть и уменьшились в размерах, к ночи все же достигли поверхности планеты.

Утро началось как обычно. Операторы заняли свои места у пультов автоматических комплексов на руднике и энергетическом центре. Целые стаи стреколетов поднялись в воздух, развозя колонистов по рабочим местам.

Анна опустила стреколет на площадке у корпуса городской больницы. Привычно обойдя палаты и убедившись, что у немногих больных все идет как надо, а медицинские автоматы не отклоняются от заданных режимов, она прошла в свой кабинет, находившийся под самой крышей пятиэтажного здания.

Огромные окна делали комнату похожей на большую оранжерею. Сходство увеличивали многочисленные растения, заполнявшие почти все свободное пространство. И здесь она продол-

жала эксперименты по приживлению земных растений на чужой почве в новых условиях.

Анна прошла с лейкой по рядам своих питомцев, не доверяя столь ответственное дело автоматам. Обобрала несколько пожелтевших листочков, проверила, не завезли ли вместе с новой партией растений земных паразитов.

Карантинный контроль знал свое дело. Растения выглядели совершенно здоровыми. Анна прошла к столу, достала медицинские карты, просмотрела их и, убедившись, что ее вмешательство в заданные программы лечения не требуется, открыла другой ящик.

На самом дне лежала маленькая, потемневшая от времени, отполированная вручную шкатулка, сделанная из твердой, как железо, древесины кустарников далекой Гидры.

В шкатулке были фотографии, голограммы, листочки бумаги с нацарапанными на них буквами.

Анна вспомнила школу первой ступени на Гидре. Там ее учили защищаться и нападать. Стрелять из бластера и выбирать место для засады.

Сейчас все это походило на далекий и уже не страшный сон. Под грудой фотографий она нашла сухую колючую ветку. Единственный подарок человека, образ которого с тех пор навсегда остался с ней. Настойчиво запищал вызов видеофона:

— Анна Петровна, мы только что получили тревожный сигнал. Автомат четвертого сектора сообщает, что с медифора Гая Рудина вот уже полчаса не поступает сигнала. Последний пришел из леса. Видимо, Рудин ночевал там. — Голос дежурного был спокоен. Не так уж часто, но все же случалось, что молодые ребята отключали свои медифоры, и служба здоровья получала ложные сигналы тревоги. — Вам, видимо, понадобится помощь?

— Справлюсь сама, — ответила Анна. — Лес я знаю хорошо и все места стоянок тоже. Пришлите только санитарный стреколет с сиреной. Надо наконец проучить этих шалопаев.

Автопилот стреколета сделал над городом пологий круг и направил машину в сторону леса. Анна, используя время полета, вставила в информатор стреколета личную карточку Рудина. К ее удивлению, это был не мальчишка, а молодой парень двадцати семи лет, электронщик. Она встречалась с ним раза два в бассейне и сразу же узнала лицо, появившееся на экране.

Кажется, он неплохо плавал... Взрослый колонист не станет из озорства отключать медифор. Только теперь она ощутила легкую тревогу. Стреколет уже снижался над местом, из которого автоматы зафиксировали последний сигнал Рудина.

Прозрачные крылья сзади приподнялись и мягко посадили машину на поляну.

Палатку она нашла минут через десять. Рядом в траве валялся раздавленный медифор. Но даже после этого она не слишком серьезно отнеслась к происшедшему. На Дзете не было диких животных, кроме безобидных оленей. Лось не подойдет к палатке. Что еще могло здесь случиться?

Она растерянно подбирала в беспорядке разбросанные по поляне вещи, когда заметила на дереве странные царапины, словно кто-то голыми руками пытался сорвать с него кору.

Нижние ветви дерева, варварски обломанные, валялись на траве. Только теперь она ощутила наконец настоящую тревогу. Но уже было поздно. С треском обломился огромный сук, и какое-то существо прыгнуло с дерева вниз.

Оно упало на все четыре лапы, приподнялось на задних, и только теперь Анна поняла, что это был человек, едва прикрытый клочьями одежды. По всему его телу шли длинные красные царапины.

Их разделяло не больше трех метров. И прежде чем Анна успела понять, что происходит, человек бросился к ней, выставив вперед кровоточащие руки с содранными ногтями.

Совершенно инстинктивно она уклонилась. Сами собой сработали моторные рефлексы, привитые ей в школе первой ступени на Гидре, где от них зависела жизнь каждого колониста.

Нападавший промахнулся, упал, но тут же вскочил и с удивительным проворством снова бросился на Анну. Она не успела испугаться... Мышцы сами знали, что нужно сделать.

Глаза у нее сузились, движения стали резкими, скупыми и абсолютно точными.

Человек снова промахнулся. Он зарычал от бешенства, повернулся и, загородив ей дорогу к стреколету, теперь уже медленно, крадучись, стал вновь приближаться. Только сейчас она узнала его и, отступая так же медленно, как подходил он, не позволяя ему ни на шаг сократить дистанцию, ласково окликнула его:

— Гай! Что с тобой, Гай?

В глазах человека мелькнуло что-то осмысленное, он застонал, сжал голову руками и вдруг тихо и внятно произнес:

— Уходите отсюда!

— Хорошо, Гай, я уйду, но сначала ты скажи, что с тобой случилось.

— Не знаю. Ночью в лесу шел дождь...

— Ты что-то путаешь, Гай. У нас не бывает дождей.

— Это был не простой дождь. Черный. Я помню большие капли, одна из них упала вот сюда. — Он прикоснулся к затылку и поморщился. — Холод. Везде холод! — Его тело била мелкая дрожь, а глаза вновь уже заволакивались дымкой безумной ярости... — Слушай! Ты! Ты не знаешь, не знаешь, какой холод! Согрей меня!

Он снова прыгнул к ней, опять промахнулся, запутался на минуту в кустарнике. Это позволило ей наконец дотянуться до медицинского пояса, достать шприц-пистолет и вставить в него снотворную капсулу.

Для верного выстрела ствол пистолета должен был коснуться кожи больного, и проделать это нужно так, чтобы Гай не мог до нее дотронуться... Слишком хорошо она знала, какие сюрпризы иногда таят в себе внешне вполне благополучные чужие миры. Если это заражение инопланетным вирусом — дело плохо...

Едва Гай выбрался из кустов, как Анна побежала, увлекая его за собой в погоню. Еще раз увернувшись и оказавшись на секунду позади бегущего, она успела приставить шприц-пистолет к его лопатке и нажать спуск.

Гай зашатался и мягко опустился в траву. Снотворное действовало почти мгновенно.

Вызвав еще один санитарный стреколет и коротко доложив дежурному о происшедшем, она вывела из своей машины робота первой помощи, обвешанного шлангами, зажимами и датчиками. Нужно было немедленно, не теряя ни минуты, определить, что происходит с Гаем.

Едва робот оплел спящего человека паутиной проводов от датчиков и индикаторов, как на диагностическом табло появились первые цифры.

Давление в норме... Пульс слабый, биоритмы мозга заметно понижены... но это все мелочи, это не может быть причиной... Ага, вот наконец! Температура тела тридцать два по Цельсию... Неудивительно, что ему было холодно. В случае инфекции температура должна бы повыситься. Ее нужно немедленно поднимать, хотя бы градуса на три, иначе не выдержит мозг... Так, теперь пробы крови, анализы во всем диапазоне: на вирусы, на микрофлору, на инородные белки... Ничего нет, странно... Только остатки собственных... Идет интенсивный процесс разрушения белков, но отчего, в чем причина?!

Через несколько минут она поняла, что ничего не сможет сделать. Процесс распада нервной системы и наиболее сложных структур организма с каждой минутой ускорялся, и когда на по-

ляну опустился второй санитарный вертолет, ничто уже не могло спасти Рудина.

Первым черные кратеры заметил пилот транспортного стреколета. Он вел тяжело нагруженную машину от космодрома к заводскому комплексу, расположенному далеко в стороне от города. Десятки раз в день, пролетая над одним и тем же местом, человек постепенно перестает замечать особенности пейзажа. Зато любые изменения сразу же бросаются в глаза.

Впечатление было такое, словно зеленую шкуру леса изуродовали воронки от мощных взрывов. Здесь не велось никаких работ, и вообще взрывные работы применялись на Дзете лишь в самом начале, несколько лет назад, когда колонисты пробивали скальное основание для фундаментов и складов...

Удивленный пилот развернул машину и еще раз прошелся над лесом, максимально уменьшив высоту. Тяжелая машина не позволяла снизить скорость и детально рассмотреть землю. Но и того, что он увидел, оказалось достаточно. Через пять минут над лесом появились вертопланы карантинной службы.

Руководитель экспедиции запретил садиться. Вертопланы могли неподвижно зависать в любом месте и на любой высоте.

Поверхность планеты словно поразила проказа. Гигантские язвы зияли в десятках мест. На глазах у потрясенных поселенцев в эти провалы рушились деревья и массы земли. Казалось, какая-то огромная мешалка работает внутри каждой такой ямы, все время перемалывая породу и увеличивая размеры кратера.

В некоторых местах кратеры уже достигли десятков метров в поперечнике и все время увеличивали свои размеры.

Они пытались бороться. В воронки полетели цилиндры с антибиотиками, способными подавить любую инопланетную фауну, но это никак не повлияло на процесс разрушения. Облучение жесткими нейтронами лишь ускорило его.

Наконец, и это уже было актом отчаяния, в одну из наиболее удаленных и самых крупных воронок была сброшена нейтридная бомба. Воронка, увеличенная взрывом раз в десять, тем не менее потеряла активность.

Но это ничего не меняло. Кратеров насчитали уже более двухсот, а зарядов такой мощности на Дзете больше не было.

В семь часов вечера собрался Совет колонии. Измученные, мрачные колонисты сидели молча. Один и тот же вопрос читался на всех лицах: что происходит? как остановить распад? Грязные, в разорванной одежде, они походили на бойцов, только что по-

кинувших поле боя. Да так оно, в сущности, и было. Петров, собираясь с мыслями, долго растирал обожженную кислотой ладонь правой руки. Остановившимся взглядом он уставился на пустую поверхность стола, где не было ни клочка бумаги, ни пластиковых карт — ничего. Этот голый стол лишний раз подчеркивал всю невероятность и неотвратимость обрушившегося на них несчастья.

— Мы испробовали все доступные нам способы воздействия, — начал Петров непривычно тихим голосом. — Реакция с каждой минутой ускоряет свое течение, в нее втягиваются все новые и новые массы породы, этот процесс разрастается в арифметической прогрессии. Мы не в силах его остановить...

— Реакция чего? — спросил математик Бромов.

— Если бы я знал! — откликнулся Петров. — Единственное, что нам известно, причину надо искать не на Дзете. Это очень походит на бомбардировку из космоса. Диспетчерский пост засек посторонние тела, вторгшиеся в атмосферу планеты, и хотя на фотографиях видны лишь размытые пятна, скорее всего это те самые «черные корабли», о которых нас не так давно предупреждала Земля. Если это так, последствия катастрофы трудно предвидеть.

— Их и не надо предвидеть. Нужно что-то делать! Пока мы тут разглагольствуем, площадь поражения увеличивается с каждой секундой. Часа через два ею будет захвачена территория города!

— Спокойнее, друзья, спокойнее! Сейчас, как никогда раньше, нам понадобится все наше мужество, весь опыт. Нельзя допускать даже малейшей паники. У нас женщины, дети. Любой контакт с черным веществом приводит к гибели людей. Уже есть первая жертва...

Все повернулись к Анне. Она печально покачала головой.

— Когда Рудина нашли, у него начался распад центральной нервной системы и частично белков. Мы делали все возможное. Слишком поздно... И слишком большая доза, организм не справился. Рудин ни разу не приходил в себя. Была только одна короткая вспышка в самом начале. Он говорил что-то о дожде, психика, видимо, уже отказала. Современная медицина не знает такой болезни.

— Вы уверены, что причина в контакте с черной материей? Может быть, это неизвестная нам инфекция?

— Это не инфекция. В организме нет инородных белков.

Тягостное молчание повисло в зале. Наконец Петров откашлялся и, глядя в сторону, твердо сказал:

— Необходимо начинать экстренную эвакуацию. Дальнейшая борьба нашими средствами бессмысленна и опасна.

— Бросить город на произвол судьбы?

— У тебя есть другие предложения?

— Нет, нет у меня других предложений! Трудно с этим смириться, здесь наш дом, и вдруг бегство, да и куда? У нас даже нет кораблей.

— Корабли придут. Нашу радиограмму по аварийному бую приняли на Зидре, самое позднее через три месяца спасатели будут здесь.

— Три месяца! Если развал коры будет прогрессировать с той же скоростью, мы не продержимся столько!

— В таком случае придется временно переселить людей на карантинную станцию. Продержимся. Надо будет — продержимся.

Угрюмое молчание повисло в зале. Каждый из присутствующих невольно представил себе, что сейчас творится на том месте, где совсем недавно зеленел лес...

Словно подчеркивая всю серьезность положения, донесся гул далекого обвала, и в зале мигнул свет.

— Кажется, подземной энергоцентрали больше не существует.

— Сейчас главное — люди, — напомнил Петров. — Мы будем спасать людей. Считайте нашу эвакуацию временным отступлением. Сегодня мы еще не знаем, что собой представляет наш враг. Но мы это выясним, не сомневайтесь. Человечество — упрямая раса. Рано или поздно мы вернемся и найдем способ восстановить нашу изуродованную планету.

— Будем считать митинг законченным, — зло проговорил кто-то в зале, и Анна поняла, что люди не примирились, не простили руководству колонии этого вынужденного отступления. Каждую минуту можно было ждать каких-то неожиданностей, срывов, а возможно, и новых жертв...

Прежде всего решили вывезти из города людей и весь имеющийся наземный и воздушный транспорт. Для временного лагеря место выбрали на берегу моря, вдали от зон поражения.

Одновременно с вывозом людей из города началась переброска первых партий на спутники. Колония располагала всего двумя ракетными катерами, способными выйти на планетные орбиты. Из-за этого процесс переброски обещал затянуться на долгие месяцы.

Прежде всего отправили самых маленьких детей с двумя воспитателями. Анна вздохнула несколько спокойнее. Теперь ей хотелось как можно скорее переправить в безопасное место подростков. Уже дважды карантинным патрулям приходилось вылав-

ливать их самодеятельные группы, отправлявшиеся на борьбу с «черными дырами».

Анна не спала третьи сутки, держалась только на стимуляторах и чувствовала, что ее силы на исходе. После отправки четвертого транспорта на спутники у нее впервые выдалось несколько свободных минут. На сон времени все равно не оставалось, и она решила хотя бы искупаться, благо лагерь стоял на самом берегу.

Не сразу нашла она подходящее для спуска к воде место. Они собирались устроить здесь хороший пляж, с песком и галькой, да все не хватало времени, не доходили руки. «Теперь мы его уже не сделаем. Не сделаем ничего из того, что планировалось на ближайшие годы».

Она села на камень, обхватив колени руками, и смотрела в морскую даль, каждой клеточкой впитывая дыхание этого чужого моря, ставшего своим. Прощаясь с ним навсегда.

«Что бы там ни говорил Петров, мы сюда уже не вернемся. Планета слишком изуродована. Скорее всего для них подыщут другое подходящее место. Но меня там уже не будет», — вдруг совершенно отчетливо поняла она. Этот поворот судьбы, ветер перемен, неожиданно ворвавшийся в ее тихую устоявшуюся жизнь, не мог кончиться так просто. Вспомнились строчки из старой книги: «В юности или в старости, рано или поздно — приходит время, когда нас позовет несбывшееся» — ее время пришло.

Сердце ударило неровно, и, наверно, от ветра защипало глаза.

Она вскочила, одним движением сбросила платье и прыгнула со скалы в море.

Вода охладила разгоряченное тело, смыла усталость, вернула ей утраченное самообладание.

6

День начался для Крымова удачно. Он подписал все необходимые бумаги в регистрационном отделе карантинного комплекса и получил наконец на руки карточку 0-1-0, означавшую примерно следующее: «Карантин прошел полностью. Ограничений в контактах нет. Противопоказаний нет».

Олег успел еще застать десятичасовой паром и в толпе галдящих пассажиров втиснуться в тесный, без сидений, отсек маленькой ракетки.

Лететь предстояло минут двадцать, но все равно полное отсутствие комфорта в единственной каюте ракеты, узкие бронзо-

вые поручни вместо сидений — все это его озадачило. И по своему удивлению, по тому, как жадно вглядывался в лица людей, в покрой их одежды, он понял, что слишком давно не был дома...

Ракетка с грохотом и скрежетом приземлилась на пригородном перроне столичного ракетодрома. С круглой бетонной площадки на самой крыше Олег спустился в подземный зал распределителя транспортных магистралей.

Здесь, среди стремительно протекавшей мимо него человеческой реки, он понял, что ему необходимо остановиться.

Там, где людской поток разбивался на отдельные ручьи, в центре зала сиротливо стояла скамейка, никто из спешащих пассажиров ее даже не замечал. Олег выбрался из толпы, свернул к скамейке и подумал, что даже в густом лесу вряд ли можно ощутить такое полное одиночество, как здесь, среди этих сотен незнакомых человеческих лиц.

Буквально в ста метрах, в центральном зале встреч, его ждала Люси... Она ждала больше года, еще пять минут вряд ли имели значение... Он должен был понять, зачем ему понадобилась эта скамейка, почему сломя голову он не летит к эскалатору? И вдруг совершенно отчетливо, с беспощадной и неожиданной ясностью он почувствовал, что его не волнует предстоящая встреча с женой. Это было невозможно, немыслимо, потому что он любил свою жену, тосковал по ней. Весь год ждал встречи, и вот теперь вдруг... Возможно, он отвык от женского общества? В конце концов, длительная изоляция в космосе, а затем еще карантин не могли пройти бесследно.

«Ты просто устал, старина, чертовски устал, — сказал он себе. — Через несколько дней все образуется, придет в норму, а сейчас надо сделать все от тебя зависящее, чтобы Люси ничего не заметила. Только удастся ли? Актер я неважный...»

Ему удалось... Или Люси не подала вида? По ее глазам он никогда не мог угадать, что она о нем думает. Как бы там ни было, они очень мило провели часа два в автоматическом кафе и на привокзальной площади. Кажется, Люси была искренне огорчена тем, что они не могут улететь в свой коттедж в Карпатах. Пару дней придется пожить в столице. У него дела. Очень срочные, неотложные дела.

Дела действительно были. Ему не пришлось ничего выдумывать. После того как Ротанов отказал ему в поддержке, он решил самостоятельно добиваться повторной экспедиции к Черной. Кроме того, необходимо закончить формальности с отчетом.

Важно было выдержать эти первые, самые трудные дни. Он знал, как легкоранима Люси и как тонко она чувствует все оттенки его настроений.

Следующий сюрприз ожидал его в штабе, когда выяснилось, что они, так же как и Ротанов, не собираются поддерживать его идею с повторной экспедицией. Этого скорее всего и следовало ожидать. В штабе существовало простое правило: стоящая идея в конце концов пробьет себе путь через рогатки, и они на них не скупились.

Так что ничего нового для себя он не обнаружил. Сюрприз заключался в его реакции. Совершенно равнодушно выслушав причину отказа, он пожал плечами и вышел. И сразу же решил, что пойдет к Гафурову, поскольку Гафуров входит в Совет. Гафуров его не любит и знает, что он тоже его не любит, и, следовательно, если теперь явиться к Гафурову с просьбой, то этим самым он весьма польстит его болезненному самолюбию, и единственно по этой причине Гафуров его поддержит.

Именно так все и произошло: Олег рассчитал совершенно правильно. Из всех путей выбрал кратчайший.

Но была здесь одна закавыка, которую он, как ни странно, понимал. Раньше он так никогда бы не поступил. Эмоции, сложные человеческие взаимоотношения, самолюбие, наконец, оказывались для него важнее результата. Теперь почему-то это изменилось.

Его мозг работал с предельной четкостью, отмечая и анализируя мельчайшие оттенки поведения и не вызывая в глубине его души даже следов волнений.

Собственно говоря, он действовал наиболее рациональным способом — только и всего.

«Ителъ» прибыл точно по расписанию. Врачи не ошиблись в своих прогнозах. Через неделю после прибытия Элсон почувствовал себя вполне здоровым, и уже через десять дней ему разрешили приступить к работе. Почти месяц понадобился Ротанову, чтобы войти в курс всех новостей, утрясти многочисленные дела. Устроить Элсона в институт проблемных исследований, добиться для него специальной лаборатории и закрытой темы.

Только после этого Ротанов смог наконец заняться организацией экспедиции к Черной планете. Сразу же обнаружились два странных обстоятельства. Во-первых, всю подготовительную работу кто-то уже проделал. Решение провели через Совет и утвердили. Входил в Совет с этим предложением сам Крымов при

поддержке Гафурова. Значит, Олег развязался со своим карантином и, не теряя ни одного дня, бросился в атаку. Это на него похоже. Удивляло другое — сроки, за которые он сумел утвердить проект новой экспедиции.

Было и второе, гораздо более странное обстоятельство. Добившись ошеломляющего успеха в Совете, Крымов куда-то таинственно исчез. Пустил все дело на самотек, и оно медленно, со скрипом, отодвигалось на самые задворки, поскольку было связано со строительством совершенно нового корабля, большими ассигнованиями и немалыми хлопотами. Ротанов прибыл как раз вовремя, чтобы не дать окончательно угробить проект. Дважды он пытался дозвониться Олегу, разыскивал его по всем инфорам и каждый раз попадал в какую-то неопределенность, в некую тягучесть ответов: «Недавно был, только что уехал... отдыхает, связи нет». Ротанов совсем уж собрался взяться за это дело всерьез, найти Крымова и впрячь его в работу. Но тут выяснилось, что надо срочно добивать на Координационном Совете монтажное управление, завалившее все сроки создания «Каравеллы», как Олег назвал новый, пока еще существующий лишь в чертежах корабль.

Заседание Координационного Совета, являвшегося одним из главных подразделений Совета Земли, началось в двенадцать часов. Ослепительное южное солнце било в открытые окна, зайчиками прыгало со стекол на трибуну выступавшего оратора, мешало Ротанову сосредоточиться.

Опасность, неслышно и незаметно подкравшаяся к границам Земной Федерации, казалась в такой день далекой, почти несуществующей, а проблемы, обсуждавшиеся здесь, вдали от центра событий, выглядели слишком легковесно. Тон выступления, чересчур теоретический, отвлеченный от происходящего, вносил свою ленту в общую благодушную атмосферу заседания.

— Мы потеряли одну колонию на Дзете. Происшедшая там катастрофа скорее всего следствие какого-то катаклизма, заложенного в коре самой планеты. Это явление еще только исследуется. У нас нет оснований связывать совершенно разные случаи нападения на корабль Крымова и Дзету...

— Тогда что вы скажете о разрушительном центре на базе Регоса?

— Центре каком? — не понял оратор.

Ротанов вскочил.

— Вам неизвестна вся информация? Тогда почему вы беретесь обобщать и делать выводы? Потрудитесь хотя бы изучить факты!

— Не так резко, пожалуйста, — поморщился председатель. — Положение действительно серьезно и требует соответствующих мер, хотя я не вижу причин для паники.

— А они есть. Слишком быстро прогрессируют отрицательные явления. Слишком быстро друг за другом последовали: база, корабль Крымова и вот теперь Дзета. У нас есть первая жертва. Гибель человека от неизвестного фактора, пришедшего из космоса.

— Это не доказано! — крикнул кто-то из зала.

— Так считают специалисты на Дзете, а им на месте виднее.

Когда шум несколько стих, слово взял заведующий отделом монтажа космофлота Серовин.

— Я хотел бы объяснить, почему сорваны сроки строительства «Каравеллы».

В зале сразу же установилась тишина, поскольку срыв сроков строительства и послужил формальной причиной внеочередного заседания Координационного Комитета.

Ротанов прекрасно понимал, что на самом деле на этом заседании собирались окончательно отделаться от проекта Крымова или по крайней мере отодвинуть его на неопределенный срок.

— Прежде всего, — продолжал Серовин, — причина в нечеткости, расплывчатости самого проектного задания. — Серовин откашлялся, развернул папку и водрузил на нос старинные очки в блестящей металлической оправе. — Здесь сказано: «Оснастить корабль всеми новейшими видами оружия и обеспечить максимально возможную защищенность». Последнее понятно. А как прикажете понимать первое требование? Мы строим корабль, а не крепость, поэтому мы не можем оснастить его «всеми новейшими видами оружия». Одни только генераторы антиматерии, установленные на некоторых спутниках, весят больше ста тонн каждый. В принципе их можно было бы установить и на корабле в ущерб другим видам вооружения. Все дело в том, что заказчики сами не знают, какому виду оружия следует отдать предпочтение. И это понятно, одно следует из другого. Пока не будет создано хотя бы приблизительной теории, объясняющей сущность темных космических пятен — «черных кораблей», как их называют в некоторых отчетах, — мы не можем гарантировать ни эффективной защиты, ни тем более эффективного оружия.

Сидящий рядом Элсон встрепенулся, но Ротанов слегка удержал его за локоть.

— Не спешите, дайте ему высказаться до конца.

— Заказчикам следовало бы исходить из реальных возможностей, конкретизировать свои требования и откорректировать проектное задание. На это, конечно, потребуется время.

— Проектное задание создавалось на ходу, в такой же спешке, как и закладка нового корабля. Конечно, оно не откорректировано, — неожиданно согласился с оратором Ротанов. — Но сегодня мы можем обрадовать не только строителей, но и наших многоуважаемых теоретиков. Рядом со мной сидит молодой ученый Элсон, имевший возможность изучить явление «черных пятен» на месте. Он был непосредственным участником ликвидации диверсии на базе и теперь закончил теоретическое обоснование этого явления. Его работы в ближайшие дни будут опубликованы, и все желающие смогут с ними ознакомиться. Сегодня же Элсон мог бы изложить вам суть своих исследований.

Теперь все взоры присутствующих обратились на Элсона. Смущенный таким всеобщим вниманием, он встал и неуклюже двинулся к столу президиума.

— Только не увлекайся, — вслед ему тихо бросил Ротанов. — Не дай втянуть себя в теоретическую дискуссию — изложи самую суть.

Выйдя на трибуну, Элсон начал чуть торопливо, но почти сразу взял себя в руки и заговорил с расстановкой, умело подчеркивая интонацией наиболее важные места.

— Научной группе, созданной на Регосе, а также в последующих теоретических исследованиях «черных пятен» удалось установить их структуру или, вернее, полное отсутствие таковой. В зале присутствует много неспециалистов, поэтому я позволю себе опустить математическое обоснование, подтверждающее мои выводы. С достаточной степенью вероятности нам удалось доказать, что «черные пятна» представляют собой сгустки антипространства. — Легкий шумок пронесся по залу. — Я прошу прощения за этот малоизвестный термин, до сих пор встречавшийся только в фундаментальном исследовании по физике пространства академика Грэгори. Он первым предположил и теоретически обосновал принципиальную возможность существования антипространства. Из его работ следует, что если обычное пространство структурно и в принципе вещественно, так как способно в определенных условиях превращаться в материальные частицы, то необходимо предположить возможность существования его антипода. Такого пространства, которое ни при каких условиях не может быть структурно и всегда стремится поглотить любую с ним соприкоснувшуюся материальную структуру. Любую частицу или квант энергии. Разрушая материю нашего мира, такое

пространство за счет поглощенной энергии способно увеличивать свой собственный геометрический объем. Грэгори считал, что существование антипространства, окружающего нашу Вселенную, объясняет такое явление, как энтропия.

Еще раз прошу прощения за приведенные здесь хорошо известные специалистам сведения.

Наша группа установила существование зон антипространства в реальной Вселенной. Небольшие объемы, или зоны, антипространства и есть те самые тела, которые здесь называли «черными кораблями» или «черными пятнами». Они действительно черные — в том смысле, что жадно поглощают любую энергию, любые излучения и любые оказавшиеся поблизости материальные частицы. Поверхность этих зон по отношению к нашему обычному пространству представляет собой абсолютно черное тело и не отражает ни радио-, ни каких-либо иных излучений.

— Это означает, что любое энергетическое или материальное воздействие со стороны обычного пространства ведет лишь к расширению зон антипространства? Я правильно вас понял? Иными словами, никакое воздействие с нашей стороны на зоны антипространства невозможно?

— Да, это так, но здесь есть одно исключение: если зоны антипространства невелики по объему, относительно невелики, и в них удается сконцентрировать мгновенные импульсы энергий достаточной мощности, то может произойти вырождение этих зон, их замыкание и исчезновение из-за неспособности поглотить всю излученную в них энергию. Только благодаря этой особенности антипространства нам и удалось подавить очаг на базе. По этой же причине взрыв мощного заряда на Дзете также привел к ликвидации одиночного очага.

— Почему же тогда полностью не подавили процесс на Дзете?

— Очевидно, там зоны поражения были гораздо больше, и, кроме того, обработка высокими энергиями началась слишком поздно, когда они значительно разрослись за счет разрушения структуры вещества самой планеты. Как я уже говорил, любой контакт с веществом нашей Вселенной приводил к разрастанию зон антипространства.

— Таким образом, от нас требуют оснастить корабль оружием против неких стихийных сил природы, бороться с которыми, видимо, бессмысленно. Позвольте спросить, какова тогда вообще цель предполагаемой экспедиции к Черной планете? Дополнительно изучить воздействие антипространства еще на одном земном корабле? Не слишком ли дорогая цена?

Теперь уже Ротанову пришлось попросить слова. Он прошел на трибуну и начал в обычной своей, слегка неторопливой и угрюмой манере:

— Мы не собираемся на Черной воевать с антипространством, вовсе нет. Но нам совершенно необходимо установить, что собой представляет источник, выбрасывающий эти сгустки в нашу Галактику. Он может иметь вовсе не стихийное происхождение.

Ротанов переждал гул голосов и поднял руку, требуя тишины.

— Поймите меня правильно, я не утверждаю его искусственное происхождение. Для этого нет достаточных данных. Я лишь не исключаю такой возможности. Не исключаю, что сгустки антипространства используются кем-то в качестве весьма эффективного оружия против наших баз и кораблей. Задачей экспедиции будет выяснение источника нападения. А также выработка средств и методов борьбы с этим, скажем прямо, захватившим нас врасплох новым оружием. Именно поэтому мы требуем оснастить «Каравеллу» всеми мыслимыми сегодня средствами как наступательного, так и оборонительного вооружения. Я всегда старался найти мирные пути разрешения любых проблем, возникавших в процессе нашей космической деятельности. Но не исключаю возникновения обстоятельств, когда нам придется продемонстрировать всю мощь и силу земной техники.

Схватка вышла довольно жаркой, но противники проекта не ожидали квалифицированного и сильного противодействия. Они не готовились к серьезной борьбе и проиграли по всем пунктам.

Комитет назначил Ротанова временным руководителем монтажно-строительного управления, занимавшегося закладкой нового корабля.

Только вечером, когда отшумели последние споры, когда было выработано и принято окончательное решение, когда его наконец утвердили и председатель объявил о закрытии этого затянувшегося заседания, Ротанов вдвоем с Элсоном вышли из здания Совета.

И именно здесь, на мраморных ступенях массивного здания Совета, с наслаждением подставляя прохладному ветру разгоряченное лицо, Ротанов подумал о том, что отсутствие Олега на заседании не просто странно...

Конечно, можно было по-человечески понять и объяснить его временное отсутствие — в конце концов, он полтора года не видел жену и имел полное право использовать по собственному усмотрению заслуженный отпуск. Но Ротанов слишком хорошо знал Олега, чтобы не встревожиться.

Если в первые дни он не придавал слишком серьезного значения самоустранению Олега, то сегодня настоящий виновник их победы и торжества просто обязан был быть рядом.

Они уже спустились со ступеней и смешались с толпой нарядно одетых людей, когда Ротанов, резко остановившись, не обращая внимания на спешащих и толкавших их прохожих, повернулся к Элсону и спросил:

— Вы много раз говорили, что чем сложнее система, тем она больше подвержена разрушающему воздействию энтропии. Это в одинаковой степени относится и к биологическим системам?

— Я не биолог. Но если исходить из общих принципов, это, несомненно, так, хотя биологические системы способны активно сопротивляться и даже изменять направление процесса в обратную сторону.

— И тем не менее, если вы правы, может быть опасен не только прямой контакт с зонами антипространства, но и длительное нахождение людей поблизости от них... Дальше вам придется идти без меня, извините.

Повернувшись, он направился к залу Совета. К инфору, для которого не было «занятых» или «закрытых» номеров.

Они вошли в кафе с загадочной надписью «У нас без Р». Надпись то вспыхивала над входом ослепительным синим огнем, то гасла.

— Ты не знаешь, что это значит? — спросил Ротанов.

Олег пожал плечами.

— Я не был на Земле почти столько же, сколько и ты. Может быть, «без риска».

— Или «без радости», — пошутил Ротанов.

В кафе было довольно многолюдно, но им повезло. Почти у самого окна нашелся свободный столик. Здесь не было ни автоматов, ни официантов. Они ждали довольно долго, и как-то сам собой, без подготовки начался разговор, ради которого они сюда пришли.

— Почему тебя не было на защите проекта экспедиции?

— Сам не знаю... То есть знаю, конечно, надоело.

— Что именно?

— Да все. Совет, сама экспедиция...

— Ты раздумал лететь?

— Нет, отчего же... В принципе мне все равно, лететь или нет.

— Тебе не кажется это странным?

— Самое странное, что нет, не кажется. Меня это не пугает. Не задевает, не настораживает. Хотя я понимаю, что это выглядит не совсем нормально. За последнее время у меня голова начала работать как хорошая кибернетическая машина, так что я все отлично понимаю и знаю все, что ты обо мне думаешь.

— В твою кибернетическую голову не приходила простая мысль обратиться к врачу?

— У меня карточка ноль один ноль.

— Я это знаю. И тем не менее?

— Приходила, конечно. В общем-то мне это неинтересно. Но во всем должна быть полная ясность. Я был у Престова.

— Престов... Да, пожалуй, сегодня это лучший специалист по космопсихологии. И что же?

— Снижен эмоциональный тонус. Так он сказал. Со временем пройдет. Следствие долгой работы в космосе. Возьмите отпуск.

— Может, он и прав... Если только это не следствие слишком близкого контакта с Черной.

— Лучшие специалисты не нашли во мне ни малейших отклонений от нормы. Я здоров. Абсолютно здоров.

Он рисовал вилкой на скатерти какие-то замысловатые узоры и избегал смотреть Ротанову в глаза.

Наконец к ним подошел парень, по одежде мало похожий на официанта.

— Извините, у нас нет роботов. И официантов тоже. Вам самим придется обслужить себя. Вот в том окошечке можете заказать ужин.

— Ну и кафе... Прямо в стиле двадцатого века.

В конце концов удалось получить незатейливый поднос с набором тонизирующих напитков и легких закусок.

— Несмотря на твое странное равнодушие, ставлю тебя в известность, что проект утвержден. Закладка «Каравеллы» состоялась. И сейчас под эгидой только что созданного специального управления монтаж пойдет полным ходом. Кроме того, мне поручено сформировать специальную группу для исследования Черной. Как руководитель этой группы официально предлагаю тебе войти в ее состав.

— На каких условиях, в какой должности? Насколько я понимаю, место капитана уже занято.

Ротанов несколько растерялся от этих вопросов, но тут же взял себя в руки и проговорил спокойно, отчеканивая каждое слово:

— Если ты имеешь в виду место капитана «Каравеллы», то оно как раз свободно. Но я его тебе не предлагаю хотя бы потому, что, пока ты находишься в этом непонятном для меня состоя-

нии, предложить его тебе я не имею права. А кроме того, у меня с самого начала была идея создать специальную группу для исследования Черной. Как ты понимаешь, капитан корабля входить в нее не может.

— Как будут распределяться обязанности внутри группы?

— Кроме командира и механика, других стабильных должностей у нас, к сожалению, нет. Ты уж извини, заниматься будем каждый чем придется, смотря по обстоятельствам.

Олег поморщился.

— Не люблю неопределенных положений... Но если ты настаиваешь, небольшой перерыв в моих семейных делах, я думаю, пойдет на пользу.

— Иными словами, ты согласен?

— Иными словами — да. — Впервые за этот вечер Олег посмотрел ему прямо в глаза.

На следующий же день Ротанов попросил Элсона организовать их совместную встречу с Престовым и проинформировать ученого о своих предположениях по поводу возможного воздействия энтропии на человеческий организм.

После долгой научной дискуссии, провожая гостей, уже у самого порога Престов задержал Ротанова.

— Хотя опасения Элсона имеют под собой некоторые основания, я вам вот что скажу: человек — постройка надежная, с большими резервами прочности. И самое главное — любая живая система наделена природной способностью не только сопротивляться энтропии, но и побеждать ее, вырабатывая и увеличивая внутри себя запасы энергии. Так что вы не беспокойтесь насчет Крымова. Со временем его психика стабилизируется. Все вернется в норму независимо от причин, вызвавших эти нарушения.

— Хотелось бы знать, как много времени для этого потребуется.

— Здесь трудно сказать что-нибудь определенное. Это слишком индивидуально, но я думаю, месяц-два. Не больше.

— Ну что же... Этот срок у него будет.

7

Капитан Торсон усердно трудился в маленьком огородике, где астры росли вперемежку с капустой, а рыжие хлопушки «пьяных» огурцов причудливо обвивали ограду. Посреди клумбы зрел огромный пестрый арбуз.

Из распахнутых окон коттеджа время от времени доносились звуки электроллы, и тогда Торсон, продолжая возиться над грядкой, представляя сосредоточенное лицо жены, склонившееся над инструментом, улыбался. Капитан Торсон был занят нанесением пыльцы на стерилизованный цветок лилии: он выводил новый сорт.

Не так давно Торсон сделал удивительное открытие: почти любое дело, занимающее одновременно руки и голову, в конце концов увлекает человека. Можно часами копаться в сломанном видеовизоре или выводить новый сорт цветка — не важно, что именно ты делаешь...

Его руки, покрытые шрамами и ожогами, совсем недавно сжимали штурвал звездолета. А сам Торсон заслуженно носил неофициальный титул самого удачливого капитана Федерации. Но, очевидно, везение не может продолжаться бесконечно. В неведомых сферах после каждого счастливого возвращения из сложнейших экспедиций накапливалась некая сумма нереализованных отрицательных возможностей, счет рос, и в конце концов с карьерой звездолетчика было покончено. Это произошло несколько странным и совершенно неожиданным для Торсона образом. Тем более неожиданным, что послужной список Торсона производил внушительное впечатление. Это он открыл двойной оверсайд, увеличивший дальность броска при сверхпространственном переходе. И хотя теоретики до сих пор не могли толком объяснить «оверсайд Торсона», он широко использовался на практике. Это Торсон вторым, вслед за Ротановым, прорвался к Гидре, когда оттуда началась эвакуация остатков переселенцев. И наконец, это он представил Совету первый отчет о встрече с «черным кораблем», наделавший столько шуму два года назад и послуживший началом конца его блистательной карьеры в звездофлоте.

Теперь Торсон выводил новый сорт лилий, он делал это столь же обстоятельно и неторопливо, как привык делать все.

Капитан так увлекся собиранием пыльцы, что не услышал шума подъехавшего электробиля.

Некоторое время Ротанов стоял молча, разглядывая широкие плечи и морщинистую, продубленную шею капитана Торсона. Звуки музыки неожиданно смолкли, и в окне коттеджа показалось слегка встревоженное лицо женщины средних лет.

Женщины всегда первыми чувствуют прибытие вестников тревог и перемен:

— Витос! К тебе пришли...

Только теперь Торсон обернулся, выронил свои инструменты и шагнул к Ротанову.

Они обнялись, как это принято между звездолетчиками, когда встретишь друга в дальнем космосе.

Не так уж часто в дом Торсонов заглядывали друзья, может, виноват в том был нелюдимый характер Торсона или расположение их дома, удаленного от обычных пассажирских трасс. Как бы там ни было, визит Ротанова переполошил этот дом.

Торсон усадил гостя на почетное место, налил ему чаю из серебряного самовара и пододвинул поближе блюдо с домашним печеньем.

Ротанов, поддавшись обаянию невинной игры в старину, пил чай из блюдца и слегка усмехался. Он все еще не мог решить, с чего начать разговор, и не знал, стоит ли его начинать в присутствии хозяйки дома, а потому не спешил.

Торсон стал говорить о сравнительных достоинствах клубничного и рябинового варенья, где-то за окном однообразно жужжали пчелы, пахло медом. Иногда порывы ветра приносили из сада острый пряный запах цветов, и почему-то хотелось верить, что за окном восемнадцатый век, что звезды приколочены к небосводу серебряными гвоздиками, а человеку некуда спешить...

К счастью, а может быть, к сожалению, все это было не так. Дважды Ротанов осторожно пытался намекнуть на деловой разговор, неинтересный женщинам, но все напрасно. Анастасия Торсон улыбалась ему обворожительной улыбкой, согласно кивала, но своего поста не покидала.

Наконец Торсон достал кисет и фантастическую трубку, изображавшую голову дракона.

— Неужели здесь у тебя настоящий табак? — почти с ужасом спросил Ротанов.

— Настоящий, мой друг, настоящий, давно запрещенный ассоциацией медиков. Я ведь люблю нарушать законы, ты знаешь. Выращивать, правда, приходится самому, под видом салата. Так о чем ты собирался со мной поговорить?

Ротанов досадливо крякнул и вновь посмотрел на Настасью. Торсон усмехнулся:

— После моей отставки я дал ей слово, что все дела, связанные с моей работой, решаются отныне только с ее участием. Она у меня психолог, талантливый психолог, да ты знаешь, встречался, наверно, с ее статьями в «Вестнике психологии».

— Ну что же... — вздохнул Ротанов. — В конце концов, у меня нет особых секретов. Я всего лишь хотел предложить ваше-

му мужу место капитана на «Каравелле». Подготовка и руководство экспедицией поручены мне. Что касается формальностей, связанных с вашей отставкой, можете о них не беспокоиться. Совет утвердил для вас режим группы А.

Какую-то секунду Ротанову казалось, что Торсон не понял или понял не все, не до конца. Поза его не изменилась. Не дрогнул ни один мускул на лице, лишь дым, ядовитый и ароматный одновременно, продолжал клубами подниматься над его рано полысевшей головой. Но что-то за столом неуловимо изменилось. Все так же жужжали пчелы за окном, все так же одуряюще пряно пахли лилии, только руки Анастасии Торсон, державшие у самовара чашку, вдруг задрожали, и кипяток брызнул на скатерть.

Медленно она опустила чашку, закрыла кран самовара и вышла из комнаты, не произнеся ни слова. А Торсон все молчал, и Ротанов не торопил его. Слишком хорошо он понимал, что должно сейчас твориться в душе старого капитана, раз и навсегда простившегося с работой, которой он посвятил всю жизнь. Слишком хорошо знал, что аромат чужих планет и запах пластика корабельной рубки въедаются в память крепче всех других ароматов...

Торсон вынул изо рта трубку, долго уминал табак и раскуривал ее заново. Ротанов подумал, что этот древний обычай придуман специально, чтобы дать человеку время подумать, не выдать лишних эмоций, помолчать, прежде чем ответить нечто важное.

И они молчали. Пахло медом, корицей, и тишина стояла такая, что слышно было, как стрекочут кузнечики за рекой в дальней роще.

— Послушайте, Игорь, зачем, собственно, я вам понадобился? Ведь вы зачислили в состав экспедиции Крымова, да и сами, насколько мне известно, навигатор первого класса...

И Ротанов понял, что новости в этот удаленный от столицы коттедж поступают с поразительной скоростью. И еще он подумал о том, как спокойно и точно задал Торсон вопрос о самом главном. Нет, он не ошибся в выборе капитана, что бы там ни говорили в Совете.

— Вы правы. И я, и Крымов — навигаторы первого класса. Но на корабле не может быть двух капитанов, поэтому наша специальная группа не войдет в состав команды корабля. Ее задачи... — Ротанов пожал плечами. — Сегодня я даже затрудняюсь их сформулировать. Они определяются на месте, исходя из обстоятельств. Одно могу гарантировать. Ни в ваши действия, ни в действия команды я и мои люди вмешиваться не будем. При любых обстоятельствах мы останемся лишь пассажирами.

— Не думаю, чтоб это было так, но хорошо хоть то, что вы это обещаете. Каковы подлинные задачи экспедиции? Об этом много говорят, слухи весьма противоречивы, и, судя уже только по этому, задача экспедиции засекречена. Зачем?

— Вы задали сразу два вопроса. Отвечу сначала на второй. Задачу экспедиции решено засекретить до получения результатов именно потому, что сегодня они весьма проблематичны.

— То есть?

— То есть мы не совсем уверены в благополучном исходе. И чтобы избежать плебисцита, который, с большой долей вероятности, запретит нашу экспедицию вообще, Совет решил принять на себя ответственность за выдачу нам открытой карты и режима группы А. По закону он имеет на это право в исключительных обстоятельствах.

— А что, положение настолько серьезное?

— Более чем.

— Выходит, я тоже не имею права знать истинную задачу экспедиции? В таком случае я сразу же отказываюсь от вашего предложения.

— Не горячитесь, Торсон. И не забывайте, что вы еще не дали мне официального согласия. Только после этого я смогу полностью ввести вас в курс дела. А пока могу лишь сказать, что речь идет о «черных кораблях». Если не ошибаюсь, это вы впервые назвали их так?

— Так вот оно что... Вот почему вы обратились именно ко мне...

Ротанов согласно кивнул.

Торсон встал, вытянулся, лицо его посуровело, и Ротанов, незнакомый со старыми традициями космофлота, тоже невольно поднялся, ожидая чего-нибудь торжественного и немного нелепого. Но Торсон ничего не сказал. Лишь пожал ему руку и отвернулся к окну. Прищурившись, он долго смотрел на половодье красок, затопившее сад и луг.

— Да. Вы правы. Мне довелось первым встретиться с «черным кораблем».

И без всякого перехода, так же обстоятельно и медленно, как делал все, Торсон начал рассказ о происшествии с «Реей», о том самом казусном случае, о котором до возвращения Крымова в космофлоте ходило столько противоречивых легенд и слухов.

...Волокнистое «веретено» появилось на оптических экранах неожиданно и в опасной близости от корабля. Вначале Торсон решил попросту замедлить ход «Реи», чтобы дать возможность

неизвестному объекту пересечь трассу корабля. Пока штурман и дежурный навигатор спорили о том, астероид это или ядро газовой кометы, корабль тряхнуло первый раз и стало резко разворачивать в сторону неизвестного тела.

— Ничего не понимаю... — пробормотал штурман. — Впечатление такое, словно мы попали в мощное гравитационное поле...

Напрасно бешено вращавшиеся антенны слали во все стороны лучи радаров. Напрасно автоматы изучали окружающее пространство во всех видимых и невидимых лучах спектра — космос был чист и пуст.

Только это странное «веретено» продолжало слабо фосфоресцировать на оптических экранах, и именно вокруг него неведомая сила заворачивала орбиту корабля, постепенно превращая ее в параболу.

— Зря снизили скорость! — сказал штурман.

Торсон отрицательно покачал головой.

— На прежней скорости амортизаторы не выдержали бы перегрузок. Посмотрите на индикатор поля.

Неизвестное тело объемом чуть больше десятка кубических метров обладало чудовищным гравитационным полем.

— Этого не может быть!

— Может, может, — проворчал Торсон. — Здесь все может быть. Из этого района не вернулось уже три корабля. — И он плавно передвинул рычаги главных двигателей, наращивая мощность и одновременно отворачивая корабль.

В это же время навстречу незнакомцу был выпущен ракетный разведчик. Маленькая ракетка, двигатели которой не обладали необходимой мощностью, чтобы противостоять полю тяготения, стремительно развернулась и понеслась навстречу «веретену».

Ее передающие камеры работали до самого последнего мгновения. С расстояния сто метров «веретено» казалось чем-то вроде облака. У него не было четкой формы. Оно выглядело размытым, сглаженным. Возможно, какое-то защитное поле закрывало объект, но Торсон заметил, что сквозь «веретено» просвечивают звезды. В следующую секунду разведчик столкнулся с объектом. Не было ни вспышки, ни пламени — ничего.

Разведчик словно нырнул в темную воду и скрылся в ней навсегда. Поглотив разведчика, таинственный предмет изменил направление движения и пошел на сближение с земным кораблем.

«Рея» пробовала посылать ему сигналы и, разумеется, не получила никакого ответа.

Когда до неизвестного тела осталось не больше двух километров, Торсон приказал открыть огонь...

— Мне вовсе не хотелось, чтобы «Рея» повторила судьбу разведчика. И знаете, что поразило меня больше всего?

— Знаю. Не было взрыва.

Торсон вынул трубку, повернулся, и Ротанов впервые за время беседы увидел в его глазах нескрываемое удивление.

— Откуда вам это известно?

— Теперь вы уже не единственный, кому встретился «черный корабль».

— Вот оно что... Да, мы не поскупились на заряд, учли его гравитационное поле. Лазерные пушки не произвели на него впечатления. Тогда я дал серию залпов из синтезаторов — и снова ничего...

Даже антипротоны исчезали бесследно в этом дьявольском «веретене». Оно заглотнуло прорву энергии, почти все, что у нас было в накопителях, оставаясь при этом абсолютно черным. Но с какого-то момента вдруг стремительно начало уменьшаться в размерах. Через несколько секунд «веретено» стало похоже на проколотый футбольный мяч, а еще через мгновение исчезло вовсе.

Энергии практически не осталось. Нам пришлось вызывать спасателей. Они прочесали все окрестности и ничего не нашли — даже остаточной радиации!

«Энергия не могла раствориться бесследно — так не бывает», — сказали мне. И это явилось одной из причин, почему я подал рапорт.

— Я знаю...

— В штабе почему-то решили, что мы заходили на Рогонду, садились там вопреки полетному листу и решили это скрыть... Как будто это возможно!

Торсон замолчал. Он опять стоял спиной к Ротанову, облокотившись на подоконник, словно что-то высматривал в своем саду.

— Почему они нам не поверили?

— Это был первый случай. Слишком неожиданный, слишком невероятный для тех, кто воспринимает Вселенную из окон своего кабинета. Скажите лучше, почему почти ничего из того, что вы мне сейчас рассказали, не попало в отчеты экспедиции?

— А для чего? Чтобы увеличивать количество анекдотов, ходивших о рейсе «Реи»? У нас не было даже пленок. Вернее, они были, но на них не оказалось ничего. Только чистый космос.

Никаких фактов, кроме полного отсутствия энергии да наших собственных впечатлений.

Я пытался все рассказать в штабе, мне тактично намекнули, что отчет экспедиции — не фантастическая повесть...

— Понятно... Крымов оказался счастливее — ему удалось открыть планету, с которой стартуют «черные корабли». Если, конечно, его объекты и ваше «веретено» одно и то же... Возможно, они прогрессируют или меняют тактику. Никто не знает, что они собой представляют. Хотя о природе черного вещества, о так называемом антипространстве, написаны уже целые труды.

Мы слишком заняты собственными делами и по земной привычке воспринимаем космос как нечто, созданное специально для нас... Но это не так. В глубине души мы склонны переоценивать свои силы. Но были рэниты, были и исчезли бесследно. И это странно, потому что они бросили вызов самому времени, научились изменять его течение.

— Есть новые данные о рэнитской цивилизации?

— Археологические находки. — Ротанов усмехнулся. — Я разговаривал с рэнитами так, как сейчас говорю с вами, и тоже не сумел написать об этом ни одной строчки — рука не поднялась. Никто бы мне не поверил, так что я вас прекрасно понимаю.

— Неужели никто больше не пытался проникнуть в их тайну?

— Отчего же, на Реане работает целый институт, им руководит человек, первым побывавший у рэнитов. Я не видел его уже несколько лет. В отчетах о его исследованиях нет ничего существенного.

Но мы с вами знаем, как порой неполны бывают такие отчеты. Мне придется у него побывать. Этот человек мне нужен, и, кроме того, история с рэнитами за последнее время не дает мне покоя... «Черные корабли» и эта бесследно исчезнувшая могучая цивилизация... Нет ли здесь связи?

Ну вот, теперь вы знаете почти все, что знаю я, и понимаете, зачем нам нужна Черная планета, выплевывающая в наш космос свои смертоносные подарки.

Они надолго замолчали. Ротанов подошел к окну, встал рядом с Торсоном и долго, прищурившись, смотрел на цветущий сад, словно старался получше запомнить его яркие, сочные краски.

— Анастасии нелегко будет смириться с тем, что я снова уеду.

— У вас будет время ее подготовить.

8

А на Реане шли затяжные дожди. И зеленое море трескучек захлестнуло желтые пески пустыни. Еще здесь появились туманы, а иногда ранними холодными утрами выпадали росы. И, как тысячи лет назад, вставало раскаленное красноватое светило. Теперь его тепло жадно впитывали в себя зеленые стволы и листья.

На холме, рядом с развалинами рэнитского замка, гордо взметнулись вверх белые корпуса Института времени. Оранжереи, парники, лаборатории, постепенно разрастаясь, бесчисленными пристройками заполнили двор.

В основном здесь работала молодежь, и мало кто помнил, какой была Реана в годы первых экспедиций.

В этот день директору Института времени Дуброву почему-то вспомнилась майская ночь в долине шаров... Последние годы ему все чаще вспоминалось время, когда он был моложе и счастливее, когда верил в удачу, в успех, когда с помощью другого человека удача наконец пришла к нему и вместе они сумели превратить рыжую безжизненную землю Реаны в зеленый сад.

Это было время больших надежд. Казалось, еще год-два, и трескучки раскроют людям свою тайную власть над временем... Но так только казалось. Годы шли, множились научные публикации, очень обстоятельные, добросовестно выполненные работы по трескучкам. Увеличивалось количество лабораторий и число комфортабельных коттеджей для заезжих гостей. Не было лишь одного — результата. Того, ради чего был здесь построен Институт времени.

Дубров часто вспоминал инспектора, изменившего судьбу всей Реаны и его собственную, Дуброва, судьбу.

Ротанову удалось пройти сквозь временной барьер последним. Маточное семя, принесенное им из будущего и преобразовавшее растительный мир планеты, наглухо закрыло дверь сквозь время...

Будь этот человек с ними, возможно, годы, потраченные на создание Института времени, прошли бы более плодотворно. Но Ротанов завоевывал Гидру, строил базу на Регосе. Основывал новые колонии землян и не слишком часто вспоминал старых друзей. А может, виной тому была почта, несущая письма четыре месяца только в один конец.

Дубров прошелся по комнате, распахнул окно. С тех пор как трескучки расселились по всей планете, запах их белых погремушек уменьшился настолько, что можно было без фильтров стоять у окна. Знакомый, сладковатый, чуть приторный аромат сра-

зу же ворвался в комнату и вновь, как всегда, пробудил старые воспоминания, разбередил старые раны...

Высоко в небе Реаны прочертила свой след еще одна падучая звезда, и Дубров не знал, что она похожа на ту первую, круто изменившую его жизнь.

Звезда летела медленно, роняя колючие искры, постепенно превращаясь в ракетный шлюп, начинавший спуск к посадочной площадке института.

— Совсем ничего?

Дубров отрицательно покачал головой.

— Совсем. — Он нервно поправил галстук, встал и сразу же вновь уселся за массивный стол ректора. Ротанов проводил его внимательным, чуть прищуренным взглядом.

— Этого не может быть, Валерий. Я читал ваши отчеты.

— Отчеты! — Дубров вновь вскочил и почти пробежал по кабинету, едва не опрокинув стул. — Отчеты! Когда есть настоящий успех — не надо читать отчетов. А когда его нет — остаются отчеты, они для того и существуют. Признаться, после их прочтения мне приходится повторять совершенно очевидную истину: «За все эти годы мы ни разу, ни на секунду не смогли изменить естественного течения времени. И никогда не изменим. Никогда».

— Да подожди ты, не горячись. У вас же есть масло трескучек!

— Ах, масло! Масло это — наркотик, не более. Об этом мы тоже писали в отчетах.

— Ты хочешь меня уверить, что за все эти годы никто так и не попробовал масла, не нашлось ни одного сумасшедшего, ни одного смелого парня, который бы, несмотря на запрет, повторил наш эксперимент?

— Да были, конечно, были. — Дубров безнадежно махнул рукой и тяжело вздохнул. — Я и сам, если честно, пробовал, и даже не один раз. Только с тех пор, как мы с тобой вырастили маточное растение, масло трескучек действительно превратилось в наркотик, и сразу же вся наша деятельность здесь стала походить на какой-то пестрый балаган...

— А сами трескучки?

Дубров подошел к полке, сорвал с нее несколько толстых папок. Поток пластиковых микрописных текстов хлынул на стол.

— Вот это все о трескучках. Восемьдесят докторских диссертаций. Никто не сможет даже прочесть этого. Не хватит специальной подготовки. Если бы мы открыли хоть что-нибудь сто-

ящее, достаточно было бы одной страницы. Мы зашли в тупик и не хотим в этом признаться. Я искал тебя. Мне нужен человек достаточно мужественный и авторитетный, чтобы поставить на Совете вопрос о закрытии нашего института!

— Пусть он себе работает. Иногда нужны долгие годы постепенного накопления фактов для маленького шага вперед. Это не для тебя. Институт здесь ни при чем. Тебе надо уходить отсюда.

— Мне? Куда? — Дубров явно растерялся. Очевидно, эта простая истина до сих пор даже не приходила ему в голову. — Кому я нужен? Что я умею, кроме этого? — Он постучал по микропластам. — Я посвятил исследованию трескучек всю свою жизнь.

— Ну не всю. Пока еще, слава богу, не всю. Ты уперся в одну-единственную проблему. Не спорю, это такая проблема, на которую может не хватить и десятка жизней. Которая, возможно, вообще не имеет положительного решения.

— Справились же с ней рэниты!

— Так то рэниты. Не нравится мне, что переход к ним теперь закрыт. Появились «черные корабли»... До вас эти сведения вряд ли дошли, пока это только предположение, но мне кажется, мы вновь столкнемся с проблемой рэнитской цивилизации. Неизвестно, где тебя ждет решение. Я прилетел пригласить тебя в свою экспедицию.

— И бросить институт? Если уж искать ключ к рэнитской проблеме, так только здесь, на Реане.

Ротанов знал, что уговорить Дуброва будет непросто. Поэтому он не стал торопить события. Решил осмотреться, нащупать слабые места в доводах Дуброва и попросил выделить ему коттедж для отдыха.

— Коттедж? Старых коттеджей здесь теперь нет, дорогой мой! — почти с гордостью сказал Дубров, хотя и чувствовалась в его гордости некая тщательно замаскированная горечь.

— А что есть?

— Шедевры современной архитектуры. Все до конца автоматизировано и механизировано, как в лучших столичных гостиницах!

— А те, в которых мы жили?

— Их давно снесли.

— Что делать. Придется спать в шедевре...

Заснуть ему не удалось. Огромная зеленоватая луна Реаны бередила старые воспоминания. Рождала тревожные мысли.

Кто-то закрыл временно́й переход на Реане или действительно изменились трескучки?

Днем, стараясь разобраться в этой задаче, Ротанов прошел по институту. Его поразило обилие всевозможной аппаратуры. Лабораторные растения, опутанные системой датчиков и проводами, казались пленниками, задыхающимися в неволе... Не здесь ли причина?

Он встал со своей пневмоавтоматизированной постели, погасил услужливо вспыхнувший ночник, которому все равно не под силу было соперничать со светом реанской луны, и стал собираться в дорогу. Самым трудным оказалось отыскать винтовой пресс. Не желая рисковать, он решил в точности повторить свой старый эксперимент с переходом. В конце концов в суставе робота-уборщика нашелся подходящий винт.

Реликтовую рощу не тронули, и ему удалось даже в полутьме отыскать тропинку к нужному дереву...

И сразу же, как много лет назад, на него буквально обрушился ослепительный свет солнца. Во рту чувствовался горьковатый привкус масла трескучек. Ротанова окружал уже иной мир.

Переход удался. Он осмотрелся, узнал рощу с укороченными макушками, но все еще не мог прийти в себя, потому что в глубине души не верил в возможность нового перехода.

Все, что случилось с ним на этой планете много лет назад, сегодня казалось нереальным, смутным сном.

Вдруг рука его наткнулась на шуршащую ткань силоновой куртки. Что-то было неправильно, ведь неживая материя не могла проходить сквозь барьер... Им овладели сомнения: может быть, он просто заснул, масло подействовало как снотворное.

Он вскочил и сразу увидел высокие зубчатые стены замка рэнитов, еще не обглоданные временем. Если бы переход не получился, он не мог бы видеть этих стен, и все же что-то было не так.

Куртка, мелкие вещи в кармане — но если сквозь барьер в принципе возможно переправлять материальные предметы, значит, рэнитам можно помочь выбраться из чудовищной ловушки, в которую они сами себя загнали.

И только теперь ожили тени старых воспоминаний. Перед ним встало строгое удлиненное лицо женщины с серебряной диадемой на голове. Лицо, которое он надеялся забыть, но оно жило все эти годы в уголках его памяти. Лицо гордой рэнитки, что отвергла и его помощь, и его участие в делах своего народа, и его самого...

С тех пор кое-что изменилось. Прошлый раз он был здесь в роли просителя, растерявшегося, подавленного, безоружного, согласившегося на предложенные ему условия, — сегодня это не так.

Он шел по дороге, вспоминая каждый ее поворот. Вот здесь показалась повозка, здесь он выскочил с самострелом в руках навстречу дрону, и она назвала его Ролано...

Последний поворот тропинки — вот и ворота замка. Отсюда уже можно рассмотреть бойницы на башнях и массивное золотое солнце, сверкавшее над аркой. Распахнутые настежь ворота заставили его ускорить шаг. «Кажется, я опоздал, — подумал Ротанов, — кажется, я все-таки опоздал... Я предупреждал их, что рано или поздно дроны проникнут в замок!»

Во внутренних помещениях он не нашел следов разгрома или поспешного бегства. Похоже, дроны тут были ни при чем...

Ветер гулял в распахнутых окнах, заносил пылью мозаичный пол... Исчезло все — даже мебель, даже массивный деревянный стол из трапезной.

«Значит, они ушли. Сложили вещи, забрали их и ушли — но куда?»

Бросить старый замок, чтобы где-то в другом месте планеты строить вручную новую крепость? Нет, это бессмысленно. У них оставалась лишь одна возможность — уйти сквозь время. Скорее всего они нашли способ вернуться на свою родину, отделенную от них тысячелетиями и миллионами километров. Рэниты были могучим и гордым народом — они вполне могли справиться с такой задачей, и они ушли, оставив здесь только эти мертвые стены, словно замок был всего лишь скорлупой огромного яйца, выполнившего свое назначение. Он не мог примириться с тем, что рэниты ушли, не оставив следа.

Он обходил все снова и снова, надеясь найти хотя бы намек на трагедию, которая здесь произошла, но его не было. Стоя у амбразуры замка на верхней галерее, где когда-то Вельда поведала ему историю рэнитов, слушая доносившиеся снизу звуки чужого мира, он ощутил такое беспредельное одиночество и такую тоску, каких не испытывал еще ни разу. Все его надежды рухнули, и разочарование оказалось слишком сильным.

«Она могла бы оставить хоть знак, хоть намек на память обо мне».

Так и не совладав с разочарованием, Ротанов медленно пошел вниз. Смеркалось. Огромное багровое солнце наполовину опустилось за горизонт. Мир внизу, за стенами замка, жил своей полнокровной жизнью. Ему не было дела ни до пришельцев, построивших здесь эти чуждые ему каменные стены, уже тронутые разрушением. Ни до одинокого человеческого существа, запутавшегося

в бездне времени, так и не сумевшего преодолеть ее теплотой своего чувства. Холод, мрак, молчание оказались сильнее...

Неужели так бывает всегда и повсюду? Неужели тьма с неизбежностью поглощает все живые огоньки — память, дружбу, любовь? Неужели энтропия прогрессирует даже в мире человеческих чувств? И нет ей преграды, предела?

Он не мог с этим согласиться и не находил другого ответа.

В глубине души он надеялся, что рэниты со своим тысячелетним опытом могли знать о Черной планете — пришелице из иных, чуждых человечеству глубин Вселенной.

«Значит, мы остались совсем одни». И осознание этого, как ни странно, помогло ему выбраться из вязкой, точно глина, горечи. Нужно было возвращаться туда, где его ждали друзья. Им придется пробивать к звездам собственную дорогу и самим решать возникающие при этом проблемы.

Оставалось еще одно, последнее дело. Почему-то он никак не мог решиться зайти в маленькую каморку, в которой провел в замке шестьдесят долгих дней и ночей. Не хватало духу открыть скрипучую дверь и увидеть на крюке свой арбалет. «Хотя, может быть, они увезли и его?»

Наконец лестница кончилась, и Ротанов остановился напротив маленькой деревянной дверцы. Она не изменилась. Дерево не сгнило, целы были чугунные засовы и петли.

Он медленно протянул руку и осторожно коснулся засова, словно боялся, что дверца исчезнет. Но она не исчезла. Тогда он отодвинул засов, распахнул дверь и переступил порог.

Наверно, он все еще надеялся, потому что вновь ощутил разочарование — в комнате никого не было.

В отличие от остальных помещений замка здесь все осталось нетронутым. И стол, и крюк с одеждой. Даже его самострел висел на обычном месте.

Ротанов подошел и погладил отполированное ложе. Это было доброе оружие... С минуту он стоял, раздумывая, не взять ли его с собой. «Зачем, чтобы бередить старые раны?»

Он медленно пошел к выходу, но у самой двери все-таки обернулся. Возможно, это была лишь дань старой привычке — уходя из помещения, проверить, все ли в порядке... И только теперь, в это мгновение, увидел на пустой поверхности стола ослепительную алую искорку. Он готов был поклясться, что, когда входил в комнату, там не было ничего...

А сейчас на коричневой от времени поверхности знакомым алым блеском сиял кусочек алого пламени.

Словно крик, словно призыв донесся до него сквозь бездну пространства и времени.

Задохнувшись от волнения, он преодолел три шага, отделявших его от стола, таких огромных и трудных, как будто шагал по пояс в холодной воде. Он двигался осторожно, точно боялся спугнуть чуткую птицу, ему казалось, стоит сделать резкое движение, и живой огонек исчезнет так же таинственно и непонятно, как появился.

Но он остался. Рука Ротанова протянулась словно сама собой и подняла со стола прозрачный алый камень, сверкавший, как таинственный знак иной касты, в серебряной диадеме гордой рэнитки. Сейчас он держал его на ладони — сомнений быть не могло. Это он. Тот самый камень...

Ротанов все не мог собраться с мыслями и оценить до конца значение своей находки.

Выходит, она преподнесла ему этот дар... Талисман? Зашифрованное послание? Он знал ее настолько, чтобы не верить в излишнюю сентиментальность. Во всем происшедшем таился глубокий и пока совершенно непонятный ему смысл. Он искал в уголках памяти ключ к новой загадке, но не находил ничего.

— Мне это не нравится, — сказал Дубров, сердито отодвигая камень на середину стола, словно боялся об него обжечься.

— Что именно?

— Мне не нравится, что переход, закрытый для всех остальных, оказался открытым для тебя. Мне не нравится, что оказался возможным перенос материального предмета оттуда. Мне вообще не нравится, что ты там был!

— Но ведь ты сам пробовал!

— Пробовал, пробовал — кто не делает глупостей! Но ты... — Дубров встал и нервно забегал по кабинету, стараясь не смотреть на стол, где мягким рубиновым светом тлел камень. — Ты хоть показывал его физикам?

— Показывал. Обычный циркон с небольшой примесью радиоактивного изотопа, как раз такой, чтобы камень люминесцировал, оставаясь абсолютно безвредным. В какой-то мере его излучение даже оказывает тонизирующее воздействие на человеческий организм.

— Его надо сдать на детальные исследования!

— У вас нет необходимого оборудования. Да и вообще, мне кажется, это личный подарок, и я не собираюсь с ним расставаться.

— Ну, знаешь!

Дубров бушевал минут пять, и по его реакции Ротанов наконец догадался, в чем дело. Не так-то просто заживали старые раны, нанесенные глазами прекрасной рэнитки. Ротанов улыбнулся.

— Да брось. Ты солидный человек, директор института, а кричишь как мальчишка.

Дубров собрался обрушить на Ротанова новый поток слов, даже набрал побольше воздуха, но вдруг усмехнулся, сел за стол, повертел между пальцами камень, отодвинул его к Ротанову и спокойно спросил:

— Что будем делать дальше? Ведь если переход открылся специально для тебя, значит, трескучки скорее всего здесь ни при чем. Похоже, они вообще не имеют к этой истории ни малейшего отношения, а временным переходом управляли сами рэниты.

— Но тогда получается, что они в любой момент могли покинуть планету?

— А они и покинули. Покинули, как только сочли это необходимым. Для чего-то им понадобилось придумать легенду с трескучками и со своим провалом во временную ловушку — ловушка-то оказалась совсем для других, для нас с тобой!

— По-моему, рэниты не сделали нам ничего плохого.

— Не сделали? Конечно. Если не считать, что все эти годы я занимаюсь здесь черт знает чем! Решал задачу, которой фактически не было!

— Вот ты о чем! Напрасно. Задача была. Переход действует, кто бы им ни управлял. Но установить, каким законам он подчиняется, мы сегодня не в состоянии. Рано. Наша наука не нащупала даже подходов к проблеме управления временем. Ты стараешься пробить лбом стену. Ничего не получается. Но разве рэниты в этом виноваты? Разве они обязаны нам помогать? Вполне возможно, что управление временем принесло рэнитам больше вреда, чем пользы, и, уж во всяком случае, свои проблемы каждый должен решать самостоятельно. Вмешательство извне в ключевые вопросы развития цивилизации попросту недопустимо. И наши сегодняшние задачи нам все равно придется решать самим. Вот для чего ты мне нужен.

— Зачем для изучения Черной тебе понадобилась такая разношерстная группа? Какое отношение к планете имеют проблемы управления временем?

— Сегодня мы просто не знаем, с чем придется столкнуться. Мы довольствуемся предположениями, догадками. Разрозненными и слишком малочисленными фактами. Вот, например, этот...

Ротанов взял камень, положил на ладонь, прикрыл его и открыл снова.

— Что из него следует? Может быть, то, что рэниты имеют какое-то отношение к Черной? Или, во всяком случае, знают о ней? Иначе почему этот камень появился именно сейчас? У меня такое ощущение, что рэниты ничего не делают просто так. И значит, там, на Черной, вполне может найтись работа для специалиста твоего профиля.

Еще в одном я не сомневаюсь. Мне нужны люди надежные, проверенные в сложных и неожиданных обстоятельствах. Умеющие мыслить неординарно. Это главное. И именно поэтому рано или поздно тебе придется прекратить разглагольствования и начать укладывать вещи. Я без тебя все равно отсюда не уеду.

9

Паром Земля — верфи начал торможение одновременно с разворотом. В иллюминаторах поплыла россыпь огней, в которых уже угадывался корпус гигантского корабля.

Ротанов, откинувшись в кресле, незаметно наблюдал за Олегом. Постепенно сонное равнодушие сползало с его лица. Вот он подался вперед и приклеился к иллюминатору. Ротанов удовлетворенно улыбнулся. Пожалуй, Престов был прав. Если существуют на свете вещи, способные пробудить интерес в Олеге, то искать их надо здесь, в космосе.

— Такого великана у нас еще не было!

— Лучше бы он получился поменьше. Он слишком неповоротлив. Долго разгоняется и медленно тормозится — пришлось на это пойти. Я хочу стандартную шлюпку заменить небольшим маневренным кораблем типа «разведчик», хорошо оснащенным и подвижным.

— Не проще ли использовать несколько кораблей?

— Наша экспедиция своего рода разведка, и только. Разведка боем, как говорили в старину. Эскадра еще менее поворотлива. При переходе корабли сильно разбрасывает, нужно ждать, пока они не сойдутся. Шансов на успех больше у одиночного корабля. Он мог попасть к планете случайно, как твой. С эскадрой они будут вести себя гораздо осторожнее.

— Ты все же предполагаешь разумные действия с их стороны...

Ротанов не ответил. Он смотрел на россыпь огней. В свете прожектора стала видна причальная площадка спутника.

* * *

В первый же день после прибытия Ротанов решил осмотреть верфи. Он стоял в переходном шлюзе и слушал, как шипит откачиваемый насосами воздух. На табло выскочила очередная цифра. Оставалось ждать еще минуты три.

Помещение шлюза могло вместить целую бригаду монтажников — двенадцать человек — со всем необходимым снаряжением. Сейчас Ротанов был здесь один. Ему стоило немалого труда отделаться от сопровождающих. Первое впечатление не должны искажать посторонние мнения. Что-то уж слишком затянулось строительство «Каравеллы», слишком длинная цепочка неполадок, задержек... Конечно, в деле такого масштаба, как закладка принципиально нового корабля, всегда бывают непредвиденные сложности. Но в данном случае их количество превысило разумный предел. Строительство отстало от графика более чем на два месяца, и он хотел выяснить причину.

Пока насосы выскребали из шлюзовой камеры последние остатки воздуха, Ротанов подошел к шкафчику с дополнительным оборудованием, открыл его и в зеркало еще раз осмотрел скафандр.

Он давно отвык пользоваться планетарным скафандром с индивидуальным двигателем. Не хватало только, отказавшись от сопровождающих, вызывать потом спасателей. Рядом с зеркалом висела инструкция. Крупные светящиеся буквы призывали его проверить давление, работу регенеративных баллонов, герметичность швов, степень зарядки батареи.

Нижняя строчка умоляла не забыть выключить магнитные присоски при включении двигателя. Ротанов усмехнулся и пошел к двери.

Как только в окошечке индикатора выскочили положенные после запятой нули, автомат разблокировал дверь и она, слегка чавкнув, отошла, открыв перед ним черный провал в никуда.

Ни трапа, ни лестницы. Далеко впереди в свете прожекторов виднелась изогнутая титановая балка — одно из ребер жесткости в корпусе будущего корабля.

Там и тут сквозь переплетение скелетных балок просвечивали звезды, похожие на синие огоньки плазменной сварки.

Основные работы на сегодня закончены. Он не заметил ни малейшего движения.

Конструкция выглядела скелетом фантастического животного. Трудно было поверить, что титановые балки этого гиганта согнули и собрали в пустоте слабые человеческие руки.

Преодолев холодок, сковавший его перед последним шагом в пустоту, Ротанов отключил магниты и дал импульс ранцевым двигателям. Толчок был мягким, почти неощутимым. Его точно приподняли за плечи и осторожно понесли вперед невидимые руки. Серебристая струя выхлопа осталась позади и завернулась дугой, как только он изменил направление. Собственного движения он почти не ощущал. Казалось, скелет корабля ожил и понесся ему навстречу.

Еще раз изменив направление, Ротанов оказался в огромном пустом провале, не заполненном листами обшивки. Сейчас он видел броню корабля как бы в разрезе. Она походила на слоеный пирог. Слои отделялись друг от друга легкими отстреливаемыми стяжками. Это было одним из последних новшеств. Идея принадлежала Торсону и стоила им по крайней мере месячного отставания от графика. Зато теперь в случае поражения «космической проказой», как образно назвал Торсон действие антипространства, у них будет возможность избавиться от внешних пораженных листов обшивки, даже не разгерметизировав корпус...

Стоящая идея. Возможно, это средство окажется более действенным, чем защитные поля. Общая толщина многослойной обшивки была так велика, что Ротанов двигался вдоль среза почти минуту. Наконец мелькнул внутренний слой, и ранцевый двигатель скафандра вынес его наружу.

Теперь он летел спиной к кораблю. Перед ним открылось свободное пустое пространство. Лишь далеко в стороне светился желтоватый огонек триангуляционного пункта. Пожалуй, оттуда можно увидеть панораму всего строительства. Он еще раз подвернул и совместил огонек с указателем азимута.

Пункт представлял собой открытую площадку с лазерными установками. При монтаже крупных блоков сеть таких пунктов с помощью лазерных лучей помогала совмещать в пространстве разрозненные конструкции, точно производить стыковку отдельных блоков.

Уже подлетая, Ротанов заметил темную фигуру человека в скафандре, стоящего на площадке. Рассмотреть его мешала тень корабля, закрывшего свет прожекторов.

Обычно все триангуляционные пункты полностью автоматизированы и присутствие людей на них совершенно не обязательно.

«Какой-нибудь ремонт или корректировка», — равнодушно подумал Ротанов, разворачиваясь над площадкой и включая магнитные присоски.

Едва подошвы скафандра клацнули о металл, он забыл и о своем соседе, и о месте, на котором теперь стоял. Повисшая в пустоте громада корабля производила отсюда неизгладимое впечатление затаенной мощи. Дела обстояли не так уж плохо. Корпус почти готов. Лишь в отдельных местах не хватало секций обшивки, которые установят после монтажа внутреннего оборудования и механизмов корабля.

Чем-то корабль напоминал беременного кита. Ротанов усмехнулся пришедшему в голову нелепому сравнению и тут же подумал, что оно не лишено логики. Ведь «Каравелла» будет носителем, маткой корабля, который в случае необходимости сможет осуществить посадку на Черную планету.

Чья-то рука осторожно тронула Ротанова за плечо. Человек в скафандре стоял теперь рядом. Светофильтр полностью скрывал его лицо, и от этого фигура казалась безликой, похожей на робота или куклу.

Ротанов вспомнил, что в зеркале, перед выходом, он выглядел примерно так же.

Человек делал какие-то знаки, словно поворачивал выключатель. Очевидно, его просили включить радиотелефон. Ротанов выключил его специально, чтобы разговоры монтажников и команды диспетчера не отвлекали его.

«Кто бы это мог быть и что ему надо?» Ротанов щелкнул тумблером. Глухой незнакомый голос сказал:

— Здравствуйте. Вы включили нерабочую частоту. Но это даже лучше. На ней никто не помешает нашей беседе.

— Кто вы? Представьтесь, пожалуйста, — сухо сказал Ротанов.

— Я Грэгори. Академик Грэгори. В свое время я изложил теорию антипространства.

Ротанов вспомнил, что на Совете Элсон действительно упоминал фундаментальные работы какого-то Грэгори, но что делает академик здесь, на монтажных верфях, да еще в полном одиночестве?..

Словно угадав его мысли, академик сказал:

— Вас, наверно, удивляет наша встреча? Но мое присутствие здесь не более странно, чем присутствие члена Координационного Совета и руководителя крупнейшего отдела Земной Федерации. Очевидно, у нас с вами, так же как и у всех прочих, возникает иногда необходимость подумать в одиночестве.

— Возможно. Как вы узнали меня? — все еще ощущая в этой встрече какую-то неестественность, спросил Ротанов.

— По номеру на вашем скафандре. Если бы вы не выключили радиотелефон, то знали бы, что диспетчеры раза три передавали предупреждение всем бригадирам монтажников о том, что вы в пространстве.

— Жаль, я просил этого не делать!

— Их можно понять. Начальство на объекте не очень желанный гость.

— Но вы что тут делаете? В конце концов, верфь не прогулочная площадка.

— Совершенно верно. Дело в том, что все математическое обеспечение проекта этого корабля принадлежит мне. К тому же я руковожу расчетным отделом верфи...

— Достаточно, — сказал Ротанов, — извините меня. Неожиданные встречи в пустоте странным образом действуют мне на нервы.

— Я искал вас специально и вовсе не для светской беседы. Дело в том, что у меня давно возникла потребность поделиться некоторыми мыслями с человеком вашего склада ума и ваших возможностей. И вот представился подходящий случай.

— Хорошо. Давайте побеседуем.

— Насколько я понимаю, вас волнует отставание сроков строительства. Верфь вышла из графика.

На этот раз Ротанов не удивился и не возразил. Он молча и очень внимательно слушал.

— Вы никогда не задумывались над тем, что окружающие нас вещи сопротивляются усложнению своей сущности? Любое усложнение требует все увеличивающихся затрат энергии. Чем выше уровень сложности, тем труднее преодолеть сопротивление. Конструкции достаточно сложные требуют постоянной подпитки энергией извне просто для того, чтобы поддерживать их в данном состоянии. Иначе они нивелируют, распадаются на составные элементы. Даже очень прочные или хорошо защищенные системы, такие, как ген, например, постепенно разрушаются. Накапливаются ошибки информационного кода, так называемые мутации.

— К чему вы клоните?

— Я только пытаюсь объяснить, почему верфь не выполнила план.

— Оригинальная теория.

— Если отбросить ваш сарказм, не такая уж оригинальная. Но вы все же послушайте. Представьте себе, что сложность системы превышает необходимый минимальный уровень. Если бы

не всеобщая тенденция материи нашего мира к распаду, эта система в конце концов справилась бы с поставленными перед ней задачами. Медленнее, чем система более простая, но все же справилась. Иное дело в реальных условиях.

Ротанов почувствовал, что разговор имеет для него гораздо большее значение, чем он предполагал вначале. История с верфью была всего лишь вступлением.

— Я вас слушаю, слушаю, — подтвердил он, не скрывая проснувшегося интереса.

— Происходит все это потому, что наша Вселенная, весь наш мир как бы вложен в пакет из антипространства. Оба эти пространства связаны, как разные полюса. Раньше влияние человеческого фактора на эту систему совершенно не сказывалось. Замечу, кстати, что только живая материя способна не подчиняться закону энтропии и, как бы противодействуя ему, из простого создавать более сложное. Так вот, уровень космической деятельности человечества ныне стал таков, что равновесие нарушилось, чаша весов качнулась... Во всяком случае, в результате вашей деятельности рано или поздно должно было появиться что-нибудь вроде Черной планеты. Кстати, как вы ее себе представляете?

— Пока никак. Мы собираемся ее исследовать.

— Будьте осторожны. Пока что вы сталкивались лишь с концентрированными областями антипространства. Но берегитесь. Оно способно проникать в ваш мир в виде тончайшей эманации, пропитывать обычное пространство. И тогда уровень энтропии начнет расти. Эскалация этого процесса, вначале незаметная, отразится прежде всего на самых сложных системах. На человеческом мозге, например, на человеческой психике — изменятся, к примеру, некоторые моральные ценности, возрастут равнодушие, усталость. Цивилизация медленно и незаметно начнет двигаться к своему закату, так уже бывало под этими звездами не раз.

— Похоже, вы стараетесь меня запугать.

— Я лишь предупреждаю, — устало сказал академик, — хотя и сознаю всю бесполезность нашего разговора. Поймите хотя бы, что сама по себе Черная планета не имеет особого значения. Она лишь дверь, ворота в иной мир...

— Если через ворота проникает в наш мир нечто такое, чему здесь не место, то, наверное, их следует закрыть.

— Какими средствами вы располагаете? Какими единицами измеряете ваши мощности? Сколько гигаватт способна развить, к примеру, энергетическая установка вот этого корабля?

— Около миллиона.

— Рэниты оперировали гигапарсами. Миллиарды миллиардов гигаватт не могут даже сравниться с этой их единицей. И все, что им удалось, это несколько отсрочить гибель своей цивилизации. Они так и не сумели «закрыть ворота», как вы изволили выразиться.

— Откуда вам это известно? — спросил Ротанов, внезапно почувствовав холодок близкой опасности. Его беспокоил в сказанном какой-то пустяк. И он никак не мог понять, что же именно...

— Я давно слежу за всей вашей деятельностью. Не так уж трудно изучить отчеты экспедиций.

Он мог это сделать. Хотя, чтобы не упустить всех деталей, нужно провести целое исследование. Но, допустим, у него много свободного времени... Однако было что-то еще. Но что же? Что?!

— Вы человек непредсказуемый. Иногда сами не ведаете, что, собственно, творите.

— Насколько я понимаю, вы хотите мне что-то посоветовать?

— Оставьте Черную планету в покое. Она опасна. Но еще опаснее вмешательство в ее деятельность. Вы лишь ускорите процесс распространения антипространства в вашем мире. Закройте этот район для полетов всех кораблей. Сократите свою безудержную экспансию, уберите поселенцев из дальних колоний, постарайтесь держать прогресс в разумных рамках. Этим вы продлите время существования своей цивилизации еще на миллионы лет. Неужели этого вам недостаточно?

— Нет. — Ротанов покачал головой. — Этого нам недостаточно.

— Чего же вы хотите?

— Прежде всего движения. Постоянного движения вперед, в этом наша суть.

— Прощайте. Я был уверен в бессмысленности нашей встречи. По крайней мере я вас предупредил.

Он включил двигатель. Клацнули подковы ботинок, алая звездочка выхлопа взвилась вверх и медленно стала удаляться в сторону главного шлюза. И только теперь Ротанов осознал, какой именно пустяк в их разговоре все время не давал ему покоя. Академик Грэгори неправильно употреблял местоимение «вы». Употреблял его так, словно отделял себя самого от всего остального человечества.

— Стойте! — крикнул Ротанов.

Радиотелефон не ответил, тогда он включил двигатель и почти сразу перешел на форсаж, стараясь срезать дугу траектории, ведущую к главному шлюзу. От перегрузки перехватило дыхание, но он знавал и не такие. Красная точка становилась как будто

ближе. Во всяком случае, он шел ниже, а значит, его траектория окажется короче, и там, у шлюза, должна произойти встреча.

Он опоздал на какие-то доли секунды. Это не имело бы значения, если бы в этот момент шлюз не распахнулся и из него не вывалилась целая бригада монтажников. «Академик» точно рассчитал время: происходила пересмена, и найти его в толпе людей, одетых в одинаковые скафандры, не так-то просто. Оставалась последняя надежда на радиотелефон. Переключившись на общую аварийную частоту, Ротанов тихо сказал:

— Внимание. Сообщение особой важности. Говорит начальник верфи Ротанов. Прошу всех присутствующих войти в шлюз и снять шлемы.

Послышались возмущенные и протестующие голоса.

— Повторяю, всем пройти в шлюз. Я задерживаю выход смены.

Он включил на своем скафандре красную аварийную мигалку и решительно шагнул к шлюзу. Когда дверь опустилась, внутри тесной металлической коробки оказалось четырнадцать человек. Ротанов молча ждал, пока насосы наполнят шлюзовую камеру воздухом, и еще несколько секунд, прежде чем они сняли шлемы. Теперь вместо безликих блестящих морд на него смотрело четырнадцать пар живых, искрящихся любопытством человеческих глаз.

— Кто начальник смены? Подойдите. — Ротанов уже ни на что не надеялся. — Вы знаете здесь всех присутствующих? Нет ли среди них постороннего, неизвестного вам человека?

— Нет. Здесь только наша бригада. А что, собственно, случилось?

— Ничего, вы свободны, — устало сказал Ротанов.

Олег, которому он поручил провести расследование этого неприятного случая, вернулся через три часа усталый и злой.

— Никаких результатов. Ты мне даже не объяснил, кого я должен искать!

— А я и не просил тебя искать какого-то конкретного человека. Мне надо было знать, кто выходил в космос в тринадцать сорок или немного раньше. Есть ли случаи незарегистрированного выхода?

— Нет таких случаев. Это был период, когда вторая смена закончила работу и уже ушла, а третья еще не вышла. Только на северном объекте работали четыре монтажника, не успевших закончить стыковку.

— Ты разговаривал с ними? Они не заметили ничего необычного?

— Нет. И, кроме того, этот объект слишком далеко от того места, где ты стоял. А теперь объясни наконец, что произошло.

Выслушав подробный рассказ Ротанова, Олег надолго задумался.

— Странная история. Грэгори никогда не работал на верфи, и, кроме того...

— Это я уже знаю. Встреча действительно странная, но еще загадочнее выглядит расставание.

— Можно предположить, что он все-таки был среди тех четырнадцати человек в шлюзе.

— Это я проверил. Не было его там. Я запомнил его голос, я разговаривал с каждым из этих ребят. Есть только одно разумное объяснение. Каким-то образом ему удалось не войти в шлюз, остаться снаружи, и он сумел это проделать так, что никто ничего не заметил. Одного я не пойму. Зачем ему понадобилось выдавать себя за несуществующего академика?

— Несуществующего?

— Конечно. Грэгори умер два года назад.

— Вот даже как...

— Не укладывается это у меня в голове! Чушь какая-то, мистика! Посторонний злоумышленник — здесь, на лунных верфях!

— Он не злоумышленник, Олег. В том-то и дело, что он не злоумышленник. Он мог руководствоваться самыми добрыми намерениями. Кроме того, по манере речи, по мыслям, которые он высказывал, он вполне мог быть крупным ученым. Именно поэтому я поверил в академика Грэгори... В его предупреждении, несомненно, был резон, над которым следует серьезно подумать. Особенно мне не нравится угроза рассеянной эманации энтропии. Последствия ее воздействия на человеческую психику могут быть совершенно непредсказуемыми. При небольшой дозе и медленном изменении психики мы можем не заметить этого!

— То есть как?

— Очень просто. Заметить такие изменения может лишь тот, кто сам стоит в стороне. Эталон нужен. А если его не будет, представляешь, во что это может вылиться, особенно в закрытой, наглухо изолированной системе?

— Такой, например, как корабль во время длительного полета...

— Вот именно.

— Это серьезно. Может быть, стоит подождать? Предложить медикам поработать над проблемой? Должны же быть какие-то

средства, чтобы вовремя обнаружить болезнь, какие-нибудь психологические тесты...

— Над этим придется думать. А ждать? Ждать нам некогда. Ожидание тоже своего рода энтропия. Только действием, созиданием можно справиться с сюрпризами Черной планеты. Для начала мы должны найти того, кто преподнес нам эту задачу.

— Кого же нам все-таки искать?

— Будем искать скафандр. Уж он-то не мог исчезнуть бесследно!

— Вот номера всех скафандров монтажников, побывавших в космосе в нужное время. Необходимо установить через контрольные автоматы выхода хотя бы номер неизвестного нам скафандра! Не с неба же он свалился!

— А если с неба?

— Ты хочешь сказать... Да, это тоже надо проверить...

Он повернулся к пульту связи и запросил данные обо всех кораблях и шлюпках, посещавших верфь за время, предшествовавшее выходу в космос. Они учли все. Время действия регенеративных баллонов. Заряд батарей. Расстояние, которое человек в скафандре мог преодолеть на тяге собственных двигателей, и, введя все эти данные в компьютер, получили ответ: никакой посторонний транспорт не замешан в истории с «академиком Грэгори». Скафандр следовало искать здесь, на месте.

Через два часа после того, как были приостановлены все работы на верфи и специально созданные бригады поисковиков начали прочесывать окружающее пространство, на столе у Ротанова звякнул наконец селектор связи.

На экране появились спины столпившихся людей. Когда они расступились, стал виден лежащий неподвижно на полу человек в скафандре.

— Переверните его, — распорядился Ротанов, и тогда в луче фонаря под ранцем вспыхнул номер, не значившийся в реестрах верфи.

— Пульс? — спросил Ротанов.

— Не прослушивается. Рация не работает. В баллонах нет воздуха.

Только после того, как буксировщик оттащил наглухо заваренную капсулу в открытый космос и отбросил трос, Ротанов дал команду роботам вскрыть скафандр.

— Не слишком ли много предосторожностей? — скептически спросил Олег.

Он сидел в кресле сбоку от стола Ротанова, оттуда ему было удобнее руководить всеми подготовительными работами.

— Скафандра нет не только в реестрах верфи. Даже центральный справочный компьютер не может до сих пор объяснить, что означает этот номер. Судя по всему, ему лет пятьдесят, не меньше. Откуда он взялся на верфи, ты можешь объяснить?

Олег не ответил, потому что робот на экране уже вскрыл магнитные швы, крепившие шлем к корпусу, слегка повернул его и откинул в сторону. Под шлемом не было ничего.

— Он пустой! — разочарованно сказал Олег.

— Ну да, такой простенький пустой скафандр, который сам собой разгуливает по верфи и беседует с ее руководителем на философские темы.

— Ты уверен, что это именно он?

— У меня хорошая зрительная память. Он держался в тени, поэтому я не разобрал номера. Но общие очертания старых моделей трудно спутать с нашими — это тот самый скафандр, который я видел.

— Тогда что все это означает? Человек, который говорил с тобой, забирается в укромное место, стаскивает с себя скафандр, снова его заваривает и голенький бежит в открытый космос?

— Чепуха получается на первый взгляд.

— Только на первый?

— Остается еще возможность управления скафандром извне.

— Это же не робот, всего лишь скафандр!

— Но там есть система сервомоторов и магнитных мышц, позволяющая космонавту работать в условиях повышенной гравитации.

— Эта система способна действовать лишь при непосредственном контакте. Она управляется биотоками человека, надевшего скафандр, у нее нет координирующих центров и приемных узлов.

— Мы слишком мало знаем о способах передачи биотоков на расстояние.

— Ты полагаешь, что есть некто, знающий о них больше нашего?

Ротанов не ответил. Олег набрал на клавиатуре очередную команду роботу, и тот снял нагрудную крышку скафандра. За ней опять открылась странная, почти зловещая своей неопровержимостью пустота. Олег с минуту рассматривал пустой скафандр, потом сказал:

— Теоретически с тобой, пожалуй, можно согласиться. Но я не вижу способов, как такое управление осуществить.

— Рэнитам удалось осуществить многие невозможные вещи.

— Думаешь, это они?

— Нет, я вспомнил о них лишь в качестве примера. Рэниты — гуманоидная раса, но если эта история связана с теми, кто управляет «черными кораблями», все может оказаться гораздо сложнее и опаснее.

Словно желая лишний раз убедиться в правильности своих слов, он нащупал под курткой рубиновый камень. Когда он прижимал его к коже, камень казался теплым, почти ласковым.

— Нужно как можно скорее заканчивать монтаж «Каравеллы». Мне кажется, только на Черной мы сможем узнать, кто прислал нам этого странного вестника. — Он кивнул на похожий теперь на кучу ненужного хлама пустой скафандр. — Одно мне ясно: кому-то очень нежелательно наше появление на Черной.

10

Настал наконец долгожданный день. После выхода из последнего пространственного броска на носовых экранах «Каравеллы» появился голубой мячик одинокой звезды, вокруг которой вращалась пока еще невидимая Черная планета.

Корабль начинал долгий цикл торможения и подхода к цели.

Странно выглядела звезда, висевшая в абсолютно пустом пространстве. Лишь в невообразимой дали светились пятнышки галактик и туманностей, принадлежавших иным мирам, отдаленным от владений Земной Федерации такими безднами расстояний, преодолеть которые люди пока что не могли.

Корабль вышел за пределы своей родной Галактики, раскинувшейся теперь над «Каравеллой» сверкающей спиралью звезд.

Картина казалась слишком грандиозной, а пустота, окружавшая корабль, слишком всеобъемлющей для того, чтобы не подавить человеческого воображения. Длинных вахт у экранов наружного обзора не выдерживали даже видавшие виды навигаторы межзвездных трасс. Одинокая звезда на носовых экранах лишь подчеркивала беспредельную пустоту вокруг.

Здесь не было ни метеоритов, ни газовых скоплений. Даже частички водорода, столь редкие в межзвездном пространстве за пределами галактических силовых полей, стали еще реже.

Сама пустота казалась тут еще гуще, плотнее.

Она точно сдавливала корабль своими призрачными лапами, стараясь проникнуть сквозь хрупкую скорлупу его брони к тем, кто посмел бросить ей вызов.

Человеку не было места в этом мире — однако вопреки всем законам логики корабль, построенный его руками, под равномерный свист двигателей приближался к звезде.

Жизнь на корабле текла размеренно и однообразно. Вахты не входили в обязанность спецгруппы Ротанова, и ее членам было особенно трудно выдержать изнурительные месяцы похода. Бесконечными казались дни ожидания.

На «Каравелле» не было ни театральных залов, ни спортивных стадионов, ни висячих садов, столь обычных для рейсовых пассажирских кораблей того времени.

Пустая скорлупа корпуса, поразившая когда-то Ротанова своими размерами, оказалась до отказа заполненной. Каждый кубометр пространства был взят на учет.

Мощность корабля, сопротивление его защитных полей, огневая сила его дальнобойных нейтронных генераторов — все определялось массой топлива. Инертной и холодной массой, способной превратиться в корабельных энергоблоках в звездную плазму, питающую корабельные установки. Именно она, эта масса топлива, заполнявшая резервные отсеки, делала корабль тем, чем он был на самом деле, — посланцем Земли, способным бросить вызов не только биллионам километров окружавшей его пустоты, но и сюрпризам Черной планеты.

Нижнюю палубу занимал ангар, в котором, словно гигантский снаряд в тесном орудийном стволе, примостилось тупорылое двухсотметровое тело корабля-разведчика, способного садиться на любых планетах. И лишь на маленькой верхней палубе располагались жилые помещения, навигационные и управляющие рубки.

Каюта Ротанова ничем не отличалась от остальных, за исключением пульта прямой связи с капитанской рубкой. Да и тот установили по настоянию Торсона.

На полукруглом надувном диване, огибавшем боковую стену каюты, сидели все четверо членов его особой группы. Сам Ротанов разместился напротив, за маленьким столиком. Так ему было удобнее видеть их лица и одновременно делать пометки в своем крошечном блокнотике, снабженном микрокалькулятором с кристаллическим блоком памяти, хранившим в себе огромное количество записей.

— Итак, мы почти у цели. Я собрал вас, чтобы в последний раз в спокойной обстановке обсудить детали предстоящей опера-

ции. С момента выхода в этот район могут возникнуть любые неожиданности.

Ротанов внимательно всмотрелся в лица сидящих напротив него людей, словно хотел их запомнить. Олег, Элсон, Дубров и Фролов. Фролова он включил в группу в последний момент. Ему нужен был хороший механик. Человек, на которого он рассчитывал, неожиданно заболел, и пришлось взять Фролова. Он почти не знал его лично, только по отзывам людей, которым доверял, и все никак не мог составить достаточно полного мнения об этом человеке.

Фролов редко вступал в разговор, держался в стороне, обособленно. Но дело свое знал прекрасно.

— После выхода к Черной, если ничего особенного не случится, мы используем наш корабль и попробуем сесть.

— Скорее всего атмосфера планеты состоит из той же субстанции, что и «черные корабли». Вряд ли нам это удастся.

— В таком случае мы хотя бы убедимся в этом.

— Как же ты собираешься передать информацию? В таких условиях с нашим кораблем будет покончено довольно быстро.

— Этот вопрос продуман. На корабле есть специальный ракетный буй, он снабжен микродвигателем и благодаря ничтожной массе способен мгновенно уйти в подпространство. Короче, кассеты с нашими записями будут доставлены на Землю. Конструкторы об этом позаботились.

— Спасибо хоть на этом.

— Я не собираюсь вести корабль на верную гибель. Но если появится хоть малейший шанс, мы сядем.

— Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду под этим шансом, может быть, радиограмму с Черной планеты, что-нибудь вроде «садитесь, дорогие гости»?

— Перестань паясничать, Олег. Положение настолько серьезно, что Совет в данном случае счел возможным пойти на любой риск. Нам самим предоставлено право решать, как поступить.

— А что будет с командой «Каравеллы»?

— В случае надобности они уйдут к Регосу. Оттуда навстречу им выйдут другие корабли, они уже наготове.

— Что-то мне все это не очень нравится, — мрачно сказал Дубров, и все повернулись к нему.

— Почему? — невинно спросил Олег. — Это обычная хорошо разработанная и продуманная операция. Вы еще новичок в наших делах и плохо знаете Ротанова. Иначе вы бы сразу отказались.

— Я хорошо знаю Ротанова и именно поэтому согласился. Но часть операции, связанная с возможной посадкой, кажется мне попросту авантюрой.

— Далась вам эта посадка! — Ротанов недовольно пододвинул к себе блокнот и что-то быстро в него записал. — Я же сказал, садиться будем только в том случае, если появится шанс на благополучный исход.

— А по-моему, садиться совсем не обязательно, — впервые за все время вступил в разговор Фролов. — Я имею в виду людей. Вполне достаточно выслать на разведку планетарный автоматический комплекс.

— Автоматы не всегда возвращаются, часто замолкают. Как ни странно, практика показала — люди надежнее. Но, конечно, мы попробуем.

Еще с час они обсуждали различные варианты разведки Черной. Наконец он их отпустил. Остался, как всегда, только Олег — официально заместитель Ротанова, неофициально — человек, имеющий право задавать ему любые вопросы.

— Ты действительно давно знаешь Дуброва?

— Давно. Еще по Реане. Не обращай внимания на его мрачность. Он вообще пессимист и индивидуалист, но любое дело привык доводить до конца, несмотря ни на что. Хотя вначале ему требуется своеобразная раскачка. Вот Фролова я знаю мало.

— За Фролова можешь не беспокоиться. Это человек дела. Он не умеет, да и не любит теоретизировать. Он привык работать руками. Нет такого механизма, который бы его не послушался в любой мыслимой ситуации. За него я могу поручиться.

Они обсудили еще несколько вариантов возможных сюрпризов, ожидавших их на планете. Когда Олег ушел, Ротанов долго не мог заснуть. Мысли все время возвращались к Черной. Его не покидала тревога. После сегодняшнего разговора он особенно отчетливо почувствовал, как мало, в сущности, они знают... Лежа на спине с открытыми глазами, он постарался еще раз выстроить известные факты хоть в какое-то подобие системы.

Уже месяц, как «Каравелла» вышла в обычное пространство. Ее нельзя не заметить с планеты, и тем не менее Черная никак не прореагировала на появление земного корабля. Что это, полнейшее равнодушие к противнику, или они ждут, когда «Каравелла» подойдет ближе? С «Енисеем» они вели себя активнее. Правда, их корабли поднялись с планеты, когда «Енисей» подошел достаточно близко. И что из этого следует? Ровным счетом ничего. Даже неизвестно, стоит ли подходить к планете или есть смысл

подождать, пока они продемонстрируют заинтересованность появлением «Каравеллы».

Совсем уже нелепой и странной казалась ему сейчас история с «академиком Грэгори». Она походила на фарс, на плохо поставленную инсценировку. Кто ее режиссер? Рэниты? Опять-таки нет никаких доказательств...

Были еще Дзета и черный шар в энергетическом отсеке базы. Они ведут себя непоследовательно. То как неразумные животные устремляются к добыче. То как опытный и грозный противник, атаковавший «Енисей».

Утром Ротанова разбудила непривычная тишина. Он не успел еще толком понять, что произошло, как на столе засветился экранчик прямой связи с рубкой, и Торсон сказал:

— Мы прекратили торможение. Наша скорость сейчас чуть больше скорости планеты. Корабль находится на ее орбите. Постепенно нагоним Черную. Предлагаю не форсировать события.

— Хорошо, подождем.

Ничто не нарушало плавного неощутимого движения корабля вдоль планетарной орбиты, максимально приближенной к звезде. Вторую неделю «Каравелла» постепенно нагоняла убегавшую от нее Черную планету, и теперь та своим непроницаемым кругом закрывала часть галактической спирали.

Корабль, оснащенный новейшей техникой и самым совершенным оружием, каким только располагала Федерация, ждал стычки, противодействия. Он специально был создан для боя. Мощь, закованная в броню, чувствовалась во всем: и в гуле нейтронных генераторов, и в километровых всполохах защитных полей. Но вот цель достигнута. От Черной их отделяло расстояние, которое могучие двигатели корабля могли бы преодолеть за несколько часов.

Планета никак не прореагировала на появление чужака. Космос казался совершенно мертвым и спокойным.

Где-то за тысячи километров в стороне мелькнул метеорит; поравнявшись с «Каравеллой», он вспыхнул и превратился в медленно распадающееся облачко газа.

Некоторое время ничто больше не нарушало тишину и покой вокруг корабля, серебряный кит вновь задремал.

Лишь внутри, неощутимое и незаметное снаружи, постепенно нарастало напряжение.

Ротанов метался по своей каюте, с трудом сдерживаясь, чтобы не включить наконец селектор и не вмешаться в действия капитана «Каравеллы». Затянувшееся тягостное выжидание изматывало нервы. Все же он взял себя в руки и вновь, в который уже раз за эту неделю, отошел от селектора.

Было отчего потерять терпение. Затратив уйму энергии, преодолев гигантское расстояние, они бессмысленно растрачивали время на медленное, едва заметное сближение с планетой, которая вообще игнорировала их присутствие.

Чтобы ускорить события, существовал, собственно, совсем простой выход: в любой момент Ротанов мог ввести в действие свою особую группу, стартовать с «Каравеллы» на корабле поиска и давно уже сесть на планету. Однако с этим решением он почему-то медлил и лишь метался по каюте, может быть, впервые в жизни не зная, как поступить.

— Происходящее с нами напоминает мне детскую игру «Кто первый», — признался он однажды Олегу после заседания корабельного Совета, на котором не было принято никакого решения.

Торсон внимательно выслушал все мнения, загадочно покивал головой, и они разошлись.

— Почему ты не вмешиваешься наконец?!

— Именно из-за этой игры: «Кто первый».

— Кто первый что?

— А это не важно. Проигрывает тот, кто сделает первый решительный ход.

— Странная игра.

— Не такая уж странная, она учит выдержке. И кроме того, там предусмотрен особый случай, когда сделавший ход первым безусловно выигрывает. Но угадать, когда его надо сделать, трудно, почти невозможно. Кроме знания всех правил игры, нужна еще незаурядная интуиция...

— Никогда не играл в такие игры.

— И совершенно напрасно. Мы столкнулись в космосе с силами не только могущественными, но и действующими неординарно, непредсказуемо. Потому так важно первыми не сделать ошибочного хода.

Его рассуждения прервал басовитый рев корабельной сирены общей боевой тревоги. Дни тягостного ожидания кончились. Черная планета наконец-то напомнила о своем существовании. Первый ход был сделан.

11

В центральной рубке «Каравеллы» стояла напряженная тишина. На своих местах застыли двое дежурных техников, навигатор, энергетик и сам Торсон. Присутствие капитана здесь,

а не в капитанской рубке лишь подчеркивало напряженность обстановки.

Половину передней стены занимал панорамный экран совмещенного обзора, на котором компьютер проектировал результат суммарной информации об окружающей обстановке. Сюда поступали данные ото всех наружных корабельных датчиков, часть из которых была вынесена далеко в сторону на катерах внешнего наблюдения.

Повинуясь команде Торсона, изображение синего светила из центра экрана ушло в глубину, а сбоку появился маленький кружок планеты. Словно кто-то повесил в углу рубки матово-черный мячик.

— Максимальное увеличение, — коротко бросил Торсон. Изображение планетарного диска на экране раздалось в стороны, и только теперь Ротанов заметил на его поверхности крохотную, медленно ползущую искорку.

Столбик цифр, высвеченных рядом с ней компьютером, говорил о многом.

Неизвестное тело не было метеоритом, поскольку медленно изменяло направление своего движения и постепенно замедляло скорость. О его размерах судить было невозможно. Оптические системы не действовали на таком расстоянии, а локаторы давали единичный импульс. Однако и этого импульса было достаточно, чтобы сделать вывод: огибавший планету объект не был «черным кораблем», его поверхность не отражала радиоволн.

Тогда что же там? Это должно было выясниться в ближайшие полчаса, если расстояние будет сокращаться с прежней скоростью.

Искорка ползла по диску планеты к тому ее верхнему краю, куда компьютер протягивал расчетную линию трассы «Каравеллы». Где-то над самой планетой должна была произойти встреча. «Стоит нам слегка замедлиться, и он успеет, обогнув планету, уйти по параболе в открытый космос. Тогда его придется догонять...» — подумал Ротанов.

— Идет как после оверсайда, — сказал навигатор, и Ротанов сразу же согласился с ним. С такой скоростью в космосе до сих пор ходили только земные корабли.

— Повторите вызов и вызывайте его непрерывно в автоматическом режиме.

Оператор сразу же выполнил новую команду капитана, и цепочка световых точек протянулась от «Каравеллы» к таинственной искорке.

«Значит, Торсон тоже считает, что там скорее всего земной корабль, — подумал Ротанов. — Но откуда он здесь? Курьер?

Случилось нечто из ряда вон выходящее, нечто такое, что Совет решил послать вслед экспедиции второй корабль?

Маловероятно... В этом случае он сам стал бы нас вызывать и, уж во всяком случае, давно должен ответить на наши сигналы. А он молчит. Да и траектория... Странная у него траектория. Вот почему Торсон объявил тревогу. Уж больно подозрительно он идет. Слишком близко к поверхности планеты. Выходить из оверсайда в такой близости от материальной массы опасно... Неужели это тот самый «первый ход», которого я так ждал? Сейчас посмотрим... Осталось минут десять—пятнадцать. Торсон наверняка выслал в точку встречи ракетный буй. Так и есть, вон его след. Уже совсем близко. Пора...»

Словно отвечая его мыслям, в правом темном углу экрана высветился новый квадрат — включились камеры разведочного катера. Вначале изображение долго не могло стабилизироваться, по нему ползла рябь помех. Наконец передатчики связи отстроились от помех, и автоматы наведения поймали цель.

В центре квадрата появилось вытянутое изображение щучьего, остроносого тела. «Разведчик класса А2, индекс корабля неизвестен, на сигналы не отвечает. Выходит из оверсайда. Скорость уменьшается недостаточно эффективно, возможна авария двигателя...» — приглушенно забормотал компьютер, мгновенно анализируя вновь поступившую информацию.

«Значит, все-таки земной корабль, — почти разочарованно подумал Ротанов и тут же поправил себя: — Ничего это еще не значит. Слишком мала вероятность встречи с аварийным кораблем именно здесь, похоже, они мастера на подделки...» Он попрежнему не знал, что собой представляют таинственные «они». Но теперь разгадки ждать недолго.

— Шесть десятых мощности на излучатели левого борта. Старт по готовности, — тихо проговорил Торсон, и он одобрил его действия никому не заметным кивком.

«Каравелла» покатилась в сторону, отводя на экране проекцию своей орбиты от чужака. Не следовало подходить к нему слишком близко. Если это аварийный корабль, он не может изменить траекторию. Сблизиться мы еще успеем.

Изображение неизвестного корабля на экране становилось все четче и детальнее по мере того, как катер подходил ближе к цели. Теперь они могли различить неподвижные тарелки локаторных антенн, задраенные двери люков и черные сопла ходовых двигателей. Лишь носовые выбрасывали перед кораблем тормозную корону плазмы. Слишком короткую для нормального торможения.

— Возможно, он хочет использовать гравитационное поле планеты для дополнительного торможения и потому идет так близко к ее поверхности? — высказал предположение второй навигатор.

По тому, как поежился Торсон, было видно, что он не одобряет в рубке никаких отвлекающих разговоров.

Однако в предположении навигатора был известный резон, и его следовало проверить. Ротанов отвернулся к свободному дисплею связи с компьютером и затребовал информацию о моменте появления неизвестного корабля.

Так и есть, корабль вынырнул неожиданно из-за планеты, обогнул ее и теперь уходил, и ничего определенного о том, откуда он там взялся, сказать было нельзя. Оставались одни догадки, вот почему поежился Торсон.

Ротанов выключил дисплей и вновь повернулся к центральному экрану. Катер находился теперь в нескольких километрах от неизвестного корабля и начинал безнадежно отставать. Его двигатели не способны развить скорость сверхпространственных кораблей, и это был последний момент, когда можно было со всеми подробностями видеть на экранах неизвестный корабль.

Разведчиков класса А2 во флоте Федерации не так уж много. Ротанов мог бы их всех пересчитать по пальцам. Он точно помнил, что за последние десять лет с этими кораблями не случалось аварий, все они к моменту старта «Каравеллы» находились на своих базах, так что вполне возможно, это все-таки курьер, посланный им вдогонку. Двигатели могли выйти из строя при подходе к планете... Вот только полное молчание корабля оставалось необъяснимым.

Если даже не работают рации и энергоблоки, он мог бы им ответить световым сигналом...

Испорчены локаторы, не заметили катера? Казалось, Торсон вновь угадал его мысли. На катере вспыхнул яркий прожектор и осветил удалявшуюся корму незнакомца ослепительно белым светом. Прожектор мигнул раз, другой, потом зачастил свои точки и тире, требуя немедленного ответа на вызов.

Корабль молчал.

— Может, они все погибли или ранены? Может, они не могут нам ответить? — не выдержал оператор, и на этот раз Торсон повернулся к нему.

— Постарайтесь выполнять свои обязанности без разговоров.

Оператор покраснел до корней волос, и Ротанов подумал: два-три таких замечания, и люди начинают держаться с тобой отчужденно. Зато свои обязанности они выполняют с максимальным

вниманием и быстротой. Вот так и образуется всегда неприятно поражавшая его дистанция между руководителем и подчиненным.

А ведь в чем-то этот мальчишка прав, и если неизвестный корабль не изменит режима полета, им в конце концов придется к нему подойти. Возможно, на этом и строится весь расчет. И значит, снова начинается знакомая игра: сделавший ход может проиграть. Опять игра на выдержку. Если его худшие опасения подтвердятся, если это в самом деле корабль-ловушка, то самое лучшее, что могли бы сделать их противники, это не делать ничего, а лишь ждать. Потому что мы попросту не сможем пройти мимо, потому что оператор прав. На корабле действительно могли быть люди, нуждавшиеся в помощи, и никуда нам от этого не деться...

Изображение корабля на экранах катера превратилось в едва различимую светлую черточку. На центральном экране было видно, как чужой звездолет, не изменяя траектории, продолжал свой неудержимый бег прочь к краю экрана. Диск планеты должен был вот-вот скрыть от них корабль. Увидят ли они его снова? Сейчас еще не поздно что-то сделать. Мы не должны терять его из виду ни на секунду! И снова Торсон в этой сложной ситуации нашел единственно правильный выход.

Развернув «Каравеллу» вслед уходящему кораблю и выйдя на его орбиту, Торсон коротким рывком послал «Каравеллу» вперед. Как только расстояние вновь сократилось до сорока тысяч километров, «Каравелла» замедлилась и выровняла скорость.

Теперь корабли шли точно друг за другом и казались совершенно неподвижными. Лишь диск планеты медленно поворачивался под ними.

Сейчас, когда скорости уравнялись, появилась возможность выслать вслед за разведчиком новый автоматический катер.

Его двигателям пришлось развить совсем небольшое ускорение, чтобы преодолеть оставшиеся сорок тысяч километров. Подходя к борту неподвижного, казавшегося ко всему безразличным корабля, катер притормозил. На борту маленького ракетного катера находились автоматы, предназначенные для обследования аварийных кораблей. В случае необходимости они были способны вскрыть корабельную броню, прожечь в ней отверстие, достаточное для прохода.

— Управление автоматами на центральный пульт. Приготовиться к абордажной стыковке, — негромко произнес Торсон.

Ротанов замер. Сейчас все должно было выясниться. Если корабль захвачен противником — кто бы они ни были, они не могли позволить автоматам проникнуть на корабль, и значит,

Торсон все-таки получил возможность сделать первый ход, заранее не проигрывая его...

Торсон вел «Каравеллу» след в след, точно выдерживая скорость. Их тормозные двигатели работали в режиме впереди идущего корабля.

Расстояние между разведчиком и автоматическим ракетным катером неуклонно сокращалось, тысячи километров превратились сначала в сотни, потом в десятки, и вот уже на экране вновь медленно стал вырастать борт чужого корабля.

Вытянутая носовая часть катера заканчивалась специальной присоской. Весь он напоминал гигантскую пиявку, готовую вцепиться в серебристое брюхо корпуса чужого корабля. Оставались считанные мгновения. Сейчас они наконец узнают, кто ведет этот корабль, вот сейчас...

Ротанов подался вперед к экрану, словно хотел сократить расстояние между катером и бортом, словно хотел его подтолкнуть, помочь.

Вдруг изображение на экране слегка смазалось и поплыло в сторону.

— Держать связь! — рявкнул Торсон.

— Он включил кормовые двигатели! Уходит!

— Ну, это вряд ли ему удастся...

Торсон двинул рукоятку ускорения ракетного шлюпа. Ротанов знал: в коротком импульсе двигатели катера способны придать ему большее ускорение, чем может корабль, гигантская масса которого требовала времени для разгона. Несмотря на несоизмеримые мощности, у катера еще оставался шанс...

Борт корабля, уплывший было в сторону, вновь стал приближаться к центру экрана. Лишь ослепительная корона плазмы работавших на пределе двигателей, время от времени попадая в поле зрения камер, портила изображение... И только сейчас Ротанов полностью оценил поведение незнакомца.

Корабль пытался уйти от ракетного шлюпа. Он избегал контакта, и его двигатели были в полном порядке. Ротанов знал, что теперь произойдет, понимал уже, что катер доживает свои последние мгновения. Он хотел вмешаться, но не успел.

Самого выстрела на экране не было видно. Лишь вспыхнул косматый огненный шар. Не слишком яркий, густого оранжевого оттенка с завихрениями по краям. Оттуда летели черные обломки, только что бывшие умной, хорошо сработанной машиной, созданной для того, чтобы оказывать помощь попавшим в беду людям...

Почти сразу сила инерции швырнула его вперед. Ротанов едва успел ухватиться за скобу, удержаться на ногах стоило невероятных усилий. В уши лез отвратительный вой и скрежет. Тормозные двигатели «Каравеллы», неожиданно включенные Торсоном на полную мощность, казалось, отбросили корабль назад.

— Зачем так резко? — прохрипел Ротанов, но его никто не услышал: пилоты, стиснутые в креслах противоперегрузочными ремнями, пригнулись к экранам. Рванувшиеся к красным секторам стрелки приборов на пульте говорили о том, что капитан не жалеет мощности на торможение.

В первое мгновение Ротанов не понял, что случилось, и лишь теперь увидел — серебристая дуга трассы идущего впереди корабля стремительно загибается вниз. Разведчик тормозил и проваливался к планете, рассчитывая, очевидно, пропустить над собой идущую сзади «Каравеллу», поймать ее в секторы всех своих бортовых противометеорных орудий. Торсон предугадал и упредил его маневр на несколько секунд, но на таких скоростях эти несколько секунд оказались решающими.

«Каравелла» тормозилась теперь быстрее разведчика, и расстояние между ними начало медленно увеличиваться.

Это продолжалось недолго. Их тяжелый корабль проигрывал более легкому разведчику в маневренности. И хотя Торсон, раньше начавший торможение, вначале увеличил дистанцию, теперь она вновь быстро сокращалась.

— Носовыми заградительный огонь по курсу! Не давать ему приблизиться на выстрел!

Перед «Каравеллой» один за другим вспыхивали косматые клубы пламени. Временами приближавшийся к ним корабль не успевал отвернуть, и тогда пламя обтекало его защитное поле, превращая корабль на какие-то доли мгновения в сверкающий огненный шар почти километрового размера. Но пламя гасло, и снова они видели на экранах хищное поджарое тело своего противника, продолжавшего, несмотря на огонь «Каравеллы», сокращать расстояние.

— А почему, собственно, мы от него уходим? Всей его мощности не хватит, чтобы пробить наши защитные поля.

— Я не измерял его мощности, — сухо отозвался Торсон. — Никто ее не измерял. Земной корабль не станет стрелять по спасательному шлюпу.

И вновь Ротанову пришлось согласиться с несокрушимой логикой капитана. Корабль, внешне выглядевший как земной разведчик, мог оказаться чем-то совершенно другим. Машиной,

обладавшей неизвестными им свойствами и, возможно, несущей на борту неземное оружие. Ловушка для дурачков — вот что это такое. Вся эта погоня со стрельбой явно не входила в их первоначальные планы. И Торсон, безусловно, прав: их ни в коем случае нельзя подпускать к «Каравелле». Но как? Баланс массы не в нашу пользу, и хотя двигатели «Каравеллы» в несколько раз мощнее, инерция сотен тысяч тонн сводит на нет это их преимущество. Разведчик тормозился быстрее, гораздо быстрее...

Оба корабля неслись по одной и той же траектории, все ближе подходя к Черной планете. К той точке над ее поверхностью, где притяжение планеты должно было развернуть «Каравеллу», а все еще не погашенная инерция движения — унести в открытый космос, прочь от планеты, по гиперболической орбите. Из-за неравномерного торможения траектория все время меняла на экране свои очертания. Недалек был уже предел, когда оставшейся скорости не хватит, чтобы уйти от планеты. Опять баланс не в пользу «Каравеллы». Из-за огромной массы ей раньше придется прекратить торможение.

Ротанов представил, как это будет. В конце концов чужой корабль настигнет их. Начнется ближний бой, в ход пойдет самое мощное оружие. Защитные поля не выдержат, и какой-то из двух кораблей превратится в облако раскаленной плазмы... Одинаково немыслимой казалась гибель любого из них.

В ближнем бою все решит перевес мощности. Если на разведчике нет «черных пузырей», напавших на «Енисей», или чего-нибудь подобного, — ему несдобровать. В ближнем бою «Каравелла» окажется сильней. Ее генераторы способны создать такие энергетические заряды, которые и не снились этому старенькому разведчику. А значит, ловушка поймает сама себя, и все произойдет справедливо, правильно, вот только в ядерном пламени вместе с чужим кораблем сгорит и разгадка тайны. Им все придётся начинать сначала. Кто знает, каким оно будет, новое начало?

Странная это была погоня. Оба корабля неслись по планетарной орбите кормой вперед. Разведчик впереди, «Каравелла» — уже в тридцати тысячах километров позади. Кормовые, самые мощные двигатели кораблей, работали на форсаже, максимально замедляя их скорость. Но поскольку разведчик тормозился быстрей «Каравеллы», она медленно, против воли своего капитана, настигала чужой корабль. Они пытались уйти в сторону, изменить, насколько это возможно на такой скорости, траекторию движения. Но преследовавший их корабль в точности повторял

маневры, и вновь они шли по одной и той же орбите. И вновь неуклонно сокращалось расстояние.

Ротанов взглянул на расчетное табло, где компьютер выдавал основные результаты своих прогнозов, и похолодел. Гравитация планеты росла раз в десять быстрее, чем ей было положено. «Каравелла» находилась у той роковой черты, за которой скорость корабля окажется недостаточной для преодоления притяжения планеты. А если гравитация будет расти с такой же силой, может не хватить и всей мощности двигателей, чтобы вырвать из поля притяжения этой странной планеты гигантскую массу корабля. Нужно было немедленно прекращать торможение. С каждой секундой работы двигателей точка, в которой «Каравелла» должна была изменить свою траекторию, опускалась все ниже, вплотную подходя к атмосфере планеты. Торсон нажал на черный рычаг. Рев двигателей смолк, и сразу же светящееся веретено чужого корабля на экране, словно сорвавшись с цепи, понеслось к «Каравелле».

Корабль содрогнулся от залпа заградительных пушек, еще и еще раз пророкотал этот безопасный для противника залп, окативший его защитные поля огненной пеленой разрывов.

Все, пора... Больше нельзя медлить. Иначе не хватит времени. Ноги плохо слушались, голос сел, и Ротанов подумал, что он все еще способен испытывать страх. В секунду, когда он шагнул к пульту, в его голове со всеми деталями сразу целиком встала картина того, что последует через несколько минут. Ротанов перегнулся к микрофону через плечо Торсона и проговорил обычным своим, чуть усталым и почти равнодушным голосом:

— Спецгруппе занять места по стартовому расписанию. Старт «Икара» через десять минут. «Каравелле» ждать в условленной точке встречи.

С этой секунды он брал руководство экспедицией и всю ответственность за принятое решение на себя.

Он видел осуждающий, почти возмущенный взгляд Торсона. И, выключив микрофон, попытался объяснить, хотя знал уже, что объяснения не получится, что ему придется приказывать, и все же он попытался.

— Старт «Икара» уменьшит массу корабля на сорок процентов. Даже если противник решит преследовать, вы легко уйдете от погони.

— Он не станет нас преследовать. У него появится более легкая, беззащитная добыча. Мы постараемся прикрыть вас, но это сложно, корабли разойдутся, и тогда...

— Вы не станете нас прикрывать. Вы немедленно покинете этот район и на форсаже уйдете в точку встречи. Как только стартует «Икар», включайте двигатели на разгон, на полную мощность.

— Он представления не имеет, на что мы способны! Я не использовал и десятой доли мощности. Кинжальным залпом мы расколем его защитные поля, как скорлупку!

Секунду они молча смотрели в глаза друг другу, потом Ротанов тихо сказал:

— Я знаю. Но мы прилетели сюда не за тем, чтобы устраивать сражения. Мы прилетели сюда, чтобы понять наших противников и узнать, что им нужно от нас. Если в контрольный срок «Икар» не появится в точке встречи, продолжайте экспедицию самостоятельно. И помните: Земля ждет от вас не победных рапортов о выигранных баталиях. Если вместо нас придет буй с информацией — немедленно возвращайтесь на базу.

Не слушая возражений, не добавив ни слова, Ротанов шагнул к приемнику компьютера и проиграл на его клавиатуре предстоящий маневр.

— Должно получиться. Как только вы включите двигатели на разгон с облегченной массой, ваша орбита пройдет почти на десять тысяч километров выше. Они не ожидают этого. Разведчик проскочит ниже. В любом случае кратковременную атаку ваши поля выдержат. Не отвечайте на его огонь. Уходите, догнать вас они уже не смогут.

12

Толчок стартовых ракет швырнул «Икар» вниз, навстречу неизвестности. Ротанов, сидя в кресле пилота, чувствовал себя совершенно беззащитным перед надвигавшейся громадой чужого корабля. Он думал о том, что на этот раз ему, пожалуй, не выкрутиться.

Дурацкая фраза вертелась в голове: «Он повел корабль на верную гибель и не вернулся...» Примерно такое сообщение получит Земля.

У них не было защитных полей. Все их оружие составлял противометеоритный разрядник, не способный разрушить массу больше килограмма. На них надвигался корабль, мезонные заряды которого могли превратить в осколки планету средней величины...

Во всем этом было лишь одно светлое пятно. Одна мысль, помогавшая им выдержать: «Каравелла» ушла, маневр удался,

Торсон выполнил приказ, и мы отвлекли противника на себя. Мы добились своего, нам не на кого пенять и остается лишь ждать развязки».

На маленьком экранчике перед пультом вспыхивали все новые цифры. Ротанов знал, что до корабля их противников остается совсем немного километров. Совсем немного секунд отделяло их от встречи и от возможного выстрела в упор... Но об этом не стоило думать, тут они бессильны. Ничем не защищенная мишень — вот что такое «Икар», и, если выстрел состоится, они не успеют ничего понять...

Говорят, что звук в пустоте не распространяется. И в общем, это, конечно, верно, но не всегда. Потому что порой пустые металлические предметы, например, корабельные корпуса, способны улавливать необъяснимые волны вибраций, резонировать и рождать целые гаммы собственных звуков, сопровождающих внешние события.

Вот и сейчас впечатление было такое, словно на них надвигается курьерский поезд. Давно не ходили по Земле такие поезда, но люди все еще помнили из старых фильмов грохот металлических колес по стальным рельсам и то ощущение неизбежности, которое рождает у одинокого человека несущаяся на него стальная громада. Но их было пятеро, и наверно, поэтому они все вдруг приподняли головы и посмотрели друг другу в глаза в тот миг, когда звук достиг наивысшего напряжения.

Возможно, они подбадривали друг друга этим взглядом или прощались — кто знает. Невыносимый визг вибраций стал затихать. «Икар» качнуло, словно он был утлым челноком в океане. Чужой корабль пронесся мимо. Ничего не случилось. Они все еще сидели в своих креслах, сжимая поручни, и лишь на заднем экране стремительно уменьшалось серебристое пятно кормовых выхлопов уходящего от них разведчика.

— Я был уверен, что он выстрелит. По всем пунктам он должен был ответить, «Каравелла» обстреливала его почти непрерывно...

— А он и «Каравелле», между прочим, не ответил ни разу.

— А челнок? Помнишь, как крутилось пламя? Мне и сейчас еще кажется, что там могли быть наши обломки.

— Челнок? А как бы ты поступил на их месте, если бы какая-то посудина, набитая автоматами, собиралась вскрыть борт твоего корабля, как консервную банку?!

— Откуда они могли знать, что там автоматы?!

— Это все-таки земной корабль, на нем тоже есть челноки...

Им всем хотелось сейчас говорить, спорить. Этого требовало только что пережитое напряжение, радость от того, что опасность миновала, а они вот живы, приглушенно рокочут двигатели, горит свет в рубке, и только оптика напоминала о том, что они остались здесь один на один с Черной планетой...

Ее поверхность угадывалась где-то под ними непроницаемым сгустком мрака. Да еще на экранах маячило уменьшенное, но все еще грозное изображение чужого корабля...

Впрочем, такого ли уж чужого? Он был рожден на Земле. Руками земных конструкторов создавались его чертежи. Руки монтажников околоземных верфей собирали его корпус... Но затем случилось нечто такое, что сделало земной корабль чужим для людей. Вот это и надо выяснить в первую очередь.

И никто не возразил, когда Ротанов двинул рычажки двигателей на ускорение и повернул корабль к траектории только что ушедшего разведчика.

Лишь Элсон тяжело перевел дыхание, да Дубров, не очень разбиравшийся в маневрах кораблей, спросил:

— Разве мы его догоним при его скорости?

— У нас такая же, надо лишь немного уравнять разницу.

И вновь на экране начало увеличиваться изображение закованного в светящийся панцирь защитных полей чужого корабля.

— Почему светятся их поля, здесь же нет ни газов, ни пыли? — спросил Олег, и Ротанов только теперь обратил на это внимание.

— Действительно, странно... Замерь еще раз расстояние до поверхности Черной планеты.

— Луч локатора не отражается.

— То есть как? Я проверял всего минуту назад, было около ста тысяч!

— А теперь она не отражает нашего луча, ей надоело. Но и сто тысяч слишком близко, здесь могут быть остатки атмосферы, оттого и светятся поля.

— Гравиметр сошел с ума. Он показывает массу в двести шестьдесят солнечных.

— Здесь врут почти все приборы. Слишком близка эта странная планета.

— Если из ее атмосферы образуются пузыри антипространства, кто знает, из какого вещества состоит она сама. Мне не нравится, что она так близко, — заметил Олег.

— Думаешь, мне это нравится?

— Тогда зачем тебе понадобился разведчик? Если мы даже подойдем вплотную, через его поля нам не пробиться. Фоторо-

боты сняли его со всех сторон. Этого достаточно. Надо уходить, пока не поздно. Гравитация здесь растет скачками, вопреки логике и законам тяготения. И я вовсе не уверен, что гравиметр так уж врет!

— Ты хочешь сказать, что планета может обладать звездной массой?

— Мне кажется... — Но Олег так и не успел закончить свою мысль, потому что светящийся пузырь на переднем экране вдруг погас, и одновременно с этим исчезли огни двигателей разведчика.

— Что с ним? Куда он девался? — Ротанов включил самый мощный носовой прожектор, и в этом едва заметном в пустоте луче вдруг засверкал совсем близко поджарый металлический корпус.

— Он выключил поля и двигатели! Не приглашают ли они нас в гости?

— В таких случаях не гасят бортовых огней.

— Может, у него отказали энергетические установки?

— Все сразу? И аварийные тоже?

— Зачем гадать, сейчас узнаем.

Ротанов плавно нажал на педаль носовых двигателей, еще раз корректируя скорость.

Все пространство впереди заполнил крутой, изъеденный язвами и проплешинами борт чужого корабля. Он медленно поворачивался, проваливался вниз, открывая все новые ряды антенн, имитаторов защитных полей.

— А если он сейчас включит поле, — спросил Элсон, — что тогда?

— Догадливый мальчик. Нас отожмет в сторону, но послушай, Игорь, не лучше ли выслать катер?

— Там уже был один катер... У нас нет времени на эксперименты. Скорость все время падает, он слишком сильно затормозился. Еще час-два, и мощности двигателей не хватит, чтобы вытащить нас отсюда. Мы провалимся с орбиты спутника на планету. Если же гравитация возрастет еще хоть немного, то нам можно будет вообще не торопиться.

— Ничего себе утешил... Но разве мы на орбите спутника? Мы же шли по параболе...

— Давно, Олег, и мне кажется, ты прав, у планеты необычно большая масса.

Они не стали продолжать этот разговор. Обстановка и без того была достаточно тревожной; взглянув на внимательно прислушивающегося Элсона, Олег сразу переменил тему.

— А как ты собираешься поступить, когда мы причалим к кораблю? Подойдешь, выдвинешь переходник, дашь сигнал стыковки и включишь автоматы на зацепление?

— Именно так.

— Неужели вы всерьез собираетесь лезть внутрь этого корабля? — спросил Дубров, с недоумением глядя на обоих пилотов.

— Эх, дорогой Валерий Семенович! Я куда хочешь полезу, лишь бы узнать, откуда на наши поселения сыплются эти черные подарки... Помните дождь на Дзете?

— Но это же безумие! Они вас уничтожат!

— Не такое уж это безумие. Они могли нас уничтожить десятки раз и не сделали этого. Что-то им от нас нужно. И мы сейчас попытаемся узнать, что именно. Дубров, Элсон остаются на корабле. Остальным подготовиться к выходу, — добавил Ротанов официальным, не допускающим возражения тоном. — По возможности держите связь. Но только без паники. На корабле надежная экранировка, и как только мы войдем внутрь, связь прервется. Ничего не предпринимать. Ждать нашего возвращения. Контрольный срок два часа. После этого можете поступать по собственному усмотрению.

Стыковочные амортизаторы выдвинулись вперед, и корабль слегка тряхнуло, когда они коснулись причальной площадки в левом борту разведчика.

Насосы качали воздух, автоматы вытягивали переходную гармошку. Все шло слишком буднично и чересчур просто для встречи, которую Ротанов искал так долго... Что-то здесь было не то. Беззвучно поднялась и исчезла в своем гнезде часть переборки, закрывавшая наружный выход. Ротанов сдвинул последние рычаги, и они вошли в переходник. Люки чужого корабля открылись раньше и сейчас зияли перед ними черными провалами.

— Как в склепе, — зло бросил Фролов, и Ротанов понял, как труден для всех первый шаг в неизвестность.

— Это наш земной корабль, мы обязаны выяснить, что случилось с командой. Нет у нас другого выбора, — произнес он в зияющую пустоту, и слова бесследно утонули в ней.

Выбора действительно не было. Даже если справедливы его худшие опасения и ловушка сработает, они все равно войдут, не могут не войти. Не имеют права.

Внутренние двери шлюзовой камеры открылись, и они очутились в узкой лифтовой кабине.

— Сразу в рубку?

Ротанов кивнул.

— У нас нет времени на осмотр всего корабля. Да это и не нужно. Самое главное мы сможем выяснить только там.

— А ты знаешь, что есть это «главное»? — своим обычным насмешливым тоном спросил Олег, и Ротанов понял, что они уже справились с растерянностью, побороли в себе чувство подавленности и леденящего душу страха перед этим кораблем.

— Да, я знаю, — кивнул он Олегу без тени иронии. — Самое главное узнать, кто им управлял.

С протяжным скрипом лифт остановился. Двери долго не открывались, словно в их шарнирах не осталось смазки. Наконец с грохотом, заставившим их вздрогнуть, дверь подалась, и они очутились в управляющей рубке.

Запустением пахнуло на них с темных запыленных экранов. Не двигались стрелки приборов, не бегали сигнальные огни по разрядам вычислителя... Не похоже было, что всего полчаса назад этот корабль совершал маневры — вел бой.

— Фролов, выясните, что с вычислителем, отключен или неисправен? Нужно установить номер корабля, проверить, на месте ли кристалл с бортовыми записями... — Он не договорил.

Чуть ниже штурманского пульта, в глубине, над экраном, там, где ему и положено, темнело выдавленное в металле имя. Имя корабля. «Симанс».

— «Симанс»? Его долго искали, почти десять лет. Он пропал где-то вблизи Альфы Веги, прервалась связь, и с тех пор о нем ничего не известно. На борту был обычный исследовательский экипаж, штурмана я даже знал немного... Его звали Греков. Эдвард Греков. Что с бортовыми записями?

— Кассета пуста, командир. Блоки памяти в компьютере стерты...

— Похоже, тут мы больше ничего не узнаем. Придется все же осмотреть корабль, хотя бы частично. На детальный осмотр нет времени, поэтому давайте разделимся. В первую очередь необходимо обследовать навигационную и энергорубки. Постарайтесь выяснить, откуда он шел. Я займусь жилыми помещениями. Может быть, там удастся узнать, что случилось с экипажем. Встречаемся здесь через час.

Через час они не узнали почти ничего нового. Ротанов выслушивал их сообщения так, словно заранее предвидел результат.

Почти все исправно. Часть аппаратуры отключена, часть демонтирована. Планетарное снаряжение и шлюпка на месте. Похоже, они никуда не садились, но самое странное... Фролов не-

уверенно замялся, посмотрел на Олега, словно просил у него поддержки, но тот угрюмо молчал, отвернувшись.

— Самое странное то, что у них совсем нет энергии. И нет уже давно. Лет десять, не меньше, в накопителях не было плазмы.

— Откуда такая точность? — Ротанов отреагировал на это так, словно Фролов подтвердил его худшие опасения.

— Ну, есть много признаков... Нет остаточной радиации на стенках камер. Затвердела смазка в управляющих механизмах, и везде эта странная пыль — в принципе ее быть не должно, потому что регенераторы и фильтры исправны и должны были работать автоматически в аварийном режиме. Они и работали, а пыль везде.

— Могу добавить: личные вещи в каютах экипажа не тронуты. Словно они вышли ненадолго и не вернулись. Никаких следов аварии, катастрофы — скафандры тоже на месте.

— Скажет мне кто-нибудь, каким образом этот катафалк преследовал «Каравеллу»?! — вдруг взорвался Олег. — Чем, скажите на милость, он взорвал наш катер и кто им управлял все это время?!

Ротанов хорошо понимал своего старого друга, он знал его как никто другой. Олег терпеть не мог неопределенных ситуаций со многими неизвестными. Он старался сложные задачи разделять на более простые и решать их последовательно, спокойно. Ротанов и сам, когда это было возможно, предпочитал подобный образ действий всем остальным. Но эта задача не делилась и не становилась по мере накопления новых данных проще, скорее наоборот.

Ротанов встал, медленно прошел по рубке и остановился напротив экрана внутренней связи. Несколько секунд он всматривался в его слепую холодную поверхность, словно там хотел прочитать ответ на вопросы Олега.

— Главное, нужно понять не то, каким образом летал этот корабль, хотя это тоже, конечно, интересно. Главное, нужно понять, зачем он летел за «Каравеллой». Что им от нас нужно? Что они хотели узнать?

— Кто-то нашел в космосе этот мертвый корабль и направил его сюда к нам.

— Без энергии, с неработающими приборами? Как они могли это сделать, на чем работали его двигатели?! — Олег почти кричал.

— Я не знаю, Олег. Пока не знаю. Не это важно понять. Зачем? Вот что важно... Может быть, они хотели что-то сказать нам или узнать?.. Хотели посмотреть, как мы поведем себя в сложной

ситуации, сможем ли пройти мимо? Может быть, они сейчас на нас смотрят?

— Никого здесь нет. Это пустой, мертвый корабль.

— Нам пора, — напомнил Фролов. — Контрольное время на исходе, командир. Жалко бросать корабль. Двигатели в порядке, реактор тоже — хорошая машина.

— Ты бы смог здесь остаться? — Олег внимательно смотрел на Фролова.

— Пожалуй, нет...

— То-то и оно. Без энергии ему уже не помочь. Пора уходить.

— Да, конечно.

Но Ротанов все медлил, все вглядывался в слепые экраны запыленных приборов, в холодную броню переборок. Казалось, еще одно усилие мысли, какой-то совсем маленький, не замеченный ими факт, и он найдет ответ... Но корабль молчал. Ротанов повернулся и медленно пошел к выходу вслед за остальными. И все же обернулся еще раз. Возможно, он прощался с мертвым кораблем, навсегда уносившим с собой свою тайну. А может, все еще ждал ответа? Ответа не было. У самых дверей рубки стоял аппарат связи с внутренними помещениями корабля. Что привлекло внимание Ротанова к этому прибору? Он не знал. Скорее всего его жест был последним прощанием или, может быть, извинением.

Ротанов подошел к прибору, провел рукой по холодной мертвой поверхности экрана, стирая пыль, и совершенно механически надавил кнопку выключателя. Мгновенная вспышка осветила экран. Настолько короткая и тусклая, что не было уверенности в ее появлении. Но Олег, смотревший в его сторону, остановился.

— По-моему, что-то мелькнуло.

— Мне тоже так показалось. Если в конденсаторах прибора случайно оставалась энергия, это вполне возможно.

— Нет... Мне показалось, там какие-то очертания... Ты стоял слишком близко, отсюда виднее. Определенно что-то было!

— Хорошо. Давайте проверим. Статистические заряды с экрана не исчезают мгновенно.

Через минуту электромер выбросил карту точечных зарядов, распределенных по площади заинтересовавшего их экрана.

Они столпились вокруг серого куска пластика, на котором, словно разорвав пелену небытия, проступили черты странного человеческого лица... Лица женщины.

Левый глаз, непропорционально увеличенный, в упор смотрел на потрясенных людей. Больше ничего нельзя было разоб-

рать. Карта напряжений напоминала сильно увеличенную фотографию, состоящую из отдельных размытых точек.

— Значит, на корабле кто-то остался! — Фролов, как всегда немногословный, уже проверял линию подключения.

— Прибор не подключен к внутренней сети.

— Вообще никуда не подключен?

— Нет. Тут есть линия. Сейчас еще проверю... Но мне кажется... да, она идет к наружной антенне локатора!

— Вот и ответ, — тихо проговорил Олег. — Кто-то должен был управлять кораблем. Экипажа не было. Им управляли извне, извне снабжали его энергией! Один раз мы с этим уже сталкивались... Помнишь скафандр «академика Грэгори»?

— Мне нужно точно знать, куда ориентирована эта антенна. Определите точное направление. — Распоряжение Ротанова прозвучало резко, почти сурово.

13

Ротанов вновь сидел в кресле пилота. «Икар» медленно складывал стыковочные устройства.

Они могли уйти. Одного взгляда на компьютер было достаточно для того, чтобы оценить ситуацию. Несмотря на потерю времени и скорости, несмотря на близость планеты, выбор все еще был за ними. Значит, он ошибался. Значит, в корабле не таилось ловушки... Выбор... Могли ли те, кто следил за ними — больше он не сомневался в их существовании, — могли ли они предвидеть заранее, каким он будет, выбор? Возможно, могли. Возможно, лишь надеялись на то, что мы сами примем верное решение.

Так что же там, внизу? Смертельная атмосфера или жизнь? Шел же оттуда луч, управлявший «Симансом»! Шел. И это тот самый шанс, о котором он говорил Олегу. Шанс, дающий им право надеяться на успех.

Интересно, простит ли ему когда-нибудь Олег, если он сейчас уведет корабль вверх, прочь от смертоносной планеты? Простит ли он себе сам, вот главное.

Никто не задал ему ни одного вопроса с тех пор, как они покинули «Симанс». Экипаж ждал его решения и не сомневался, каким оно будет.

— Готовность ноль. Подтвердить.

Четыре ответа: готов, готов, готов... — и старт.

Почти сразу «Икар» стал круто уходить вниз, к планете. Курсограф строго выдерживал азимут, снятый с локаторной антенны «Симанса». «Икар» по пологой спирали, закрученной вокруг линии азимута, штопором ввинчивался вниз. Равномерно свистели двигатели, коротко вспыхивали сервомоторы управления, чавкали гидравлические амортизаторы.

— Пятьдесят тысяч метров до отражающей плоскости! Сорок тысяч! Двадцать! — чуть охрипшим голосом докладывал Фролов.

Что там? Облачный покров? Густая атмосфера? Отчего так странно, почти полностью отражается импульс локатора? Скорее всего ионизирующий слой... Все. Пора гасить скорость.

— Десять тысяч!

— Азимут?

— Выдерживаем!

Странная пелена затягивала экраны. Спираль Галактики постепенно гасла. Едва мерцала каким-то мутным, потускневшим блеском голубая звезда, светило этой необычной планетной системы. Они никак не могли отделаться от ощущения, что «Икар» медленно погружается в морскую пучину.

— Почему на левом только девять десятых мощности? — тихо спросил Ротанов, и Фролов сразу же ответил:

— Мы не успели прогреться. Двигатели на форсаже.

— Тянет же правый.

— Левый всегда прогревается медленнее.

— Может понадобиться вся мощность.

Фролов поколдовал с рычагами. Надсадный визг с левого борта усилился, и стрелка медленно поползла к последней отметке шкалы.

— Вот теперь нормально. Расстояние?

Молчание в ответ. Ротанову некогда отвлекаться, чтобы взглянуть на приборы. Корабль все время уводит в сторону. Автоматика не успевает откорректировать курс.

— Расстояние!

— Его нет, командир! Импульсы радаров снова не отражаются!

Корабль неожиданно рвануло вперед. В ушах зазвенело от прилившей крови, кресла заскрипели от перегрузок. Едва справляясь с отяжелевшими, похожими на колоды руками, Ротанов развернул «Икар» кормой вниз и включил двигатели на полную мощность, стараясь замедлить падение. Это мало что изменило. Корабль продолжал стремительно проваливаться.

— Что он, с цепи сорвался? — прохрипел Олег, с трудом разлепляя губы.

Стрелки гравиметров как будто сошли с ума. Визг тормозных двигателей переходил уже в ультразвук. И хотя чудовищные перегрузки, навалившиеся на корабль снаружи, проникали внутрь ослабленными защитными устройствами в десятки раз, Ротанову казалось, что это он сам на своих плечах несет груз, обрушившийся на корабль.

Волна грохота и резких коротких ударов, дополнительно хлестнувших по «Икару», заставила Ротанова взглянуть наконец на экраны. Вокруг бушевала гроза, которой по всем физическим законам здесь не могло быть. Километровые полотнища молний били по кораблю. Пространство вокруг светилось сиреневым фантастическим светом. Казалось, еще секунда-другая, и шпангоуты лопнут, переборки сойдут со своих мест.

Приходилось вручную, почти интуитивно, менять режимы тормозных двигателей, потому что в этой дьявольской тряске полетела почти вся автоматика. Ротанов давно уже сорвал ограничители и, сжигая двигатели, на предельном форсаже тормозил корабль, удерживая его на той грани, за которой перегрузки должны были разрушить корпус.

На центральном управляющем табло полыхала надпись: «Опасность! Запредельный режим! Двигатели выходят из строя!» — как будто они сами этого не знали. Не оставалось времени даже на то, чтобы заткнуть глотку аварийной сирене, и она своим визгом дополняла хаотическую какофонию звуков, заполнявших корабль.

И вдруг все кончилось.

Ротанов осознал себя сидящим за штурвалом. Его руки — на рукоятках управления, лицо заливал холодный пот, но двигатели уже молчали. Исчез пресс перегрузок, сковывавших тело, не дрожали переборки, не сыпались осколки пластиковых панелей со щитов управления. Только болела прикушенная губа и противно завывала так и не отключенная аварийная сирена.

Ротанов потянулся к выключателю; надсадный, раздиравший нервы звук наконец смолк.

Где-то капала вода из разорванного трубопровода, свистел воздух в регенераторах, по-прежнему горел свет в плафонах рубки. Постепенно они приходили в себя.

— Все, ребята, приехали, — сказал Олег, но шутки не получилось. Усмешка на его губах походила скорее на гримасу.

— Почему остановились двигатели?

— Думаю, сместило со своих мест фундаменты генераторов. Сработали те самые аварийные предохранители, которые не от-

ключаются с пульта. Они срабатывают лишь перед самым взрывом. — Фролов укоризненно смотрел на Ротанова.

— Что с наружным обзором?

— После того как вырубились генераторы, все линии обесточились. Сейчас попробую подключить аварийные аккумуляторы... — Фролов склонился над своим пультом, щелкнули переключатели, и овальные вогнутые экраны на стенах рубки вновь осветились.

На секунду Ротанов прикрыл глаза, словно защищаясь от удара. Мозг отказывался принять и объяснить картину внешнего мира, представшую перед его глазами.

Корабль казался впаянным в центр грязно-багрового туманного мира. Мира, в котором не было ни верха, ни низа, ни звезд, ни ориентиров, ни движения. Свет шел отовсюду. Им пропитались само пространство, экраны, стены и потолок рубки. Все выглядело нерезким и размытым.

— Где мы? — спросил Фролов. — И куда девалась планета, к которой мы спускались?

— Нет здесь никакой планеты. И никогда не было. Это гравитационный коллапс. Купол свернутого пространства вокруг коллапсирующей звезды. Дорога без возврата. Вот что это такое. — Олег хлопнул ребром ладони по пульту. — На этот раз мы, кажется, действительно приехали.

— Нельзя ли поспокойнее, — поморщился Ротанов. — Я не вижу никакой коллапсирующей звезды.

— А я ее тебе сейчас покажу. Гироскопы еще работают.

Олег взялся за рычаги и медленно, осторожно стал разворачивать корабль вокруг центра тяжести. Свет в нижней части окружавшей их розовой пустыни сгустился, и в углу экрана вдруг появилась багровая раскаленная точка, словно там тлел непогашенный уголь.

Несколько минут они молчали, будучи не в силах принять и осознать происшедшее.

Вокруг лежала бездна, с трудом поддающаяся анализу, пониманию. Перед ними тлела звезда, убившая сама себя, сжавшаяся до размеров планеты, скрутившая пространство вокруг себя так, что оно изменило почти все свои физические свойства. Здесь должен был нарушиться даже сам ход времени...

То, что они приняли за планету, на самом деле было куполом закрытого пространства, спрятавшего внутри себя погибающую звездную систему.

Каким-то непостижимым образом «Икар» провалился внутрь купола. И похоже, Олег прав — обратной дороги отсюда не было.

— Если это так, — тихо проговорил Элсон, — то все пространство вокруг нас вместе с кораблем должно стремительно уменьшаться в объеме и смыкаться к центру бывшей звезды...

— Но мы же стоим на месте!

— Изнутри наше падение невозможно засечь никакими приборами. Для нас оно как бы не существует, потому что чем дальше мы падаем, тем сильнее замедляется время...

— Сколько это будет продолжаться?

— В принципе вечно. Внутри этого мертвого мира ничто уже не может измениться. — Гримаса исказила лицо юноши. Он пытался справиться с собой, но мышцы не слушались...

— Ну что же, — сказал Ротанов, отстегивая ремни крепления амортизаторов. — Поскольку делать нам все равно нечего, по крайней мере в данный момент, и впереди у нас, как здесь было справедливо замечено, целая вечность, давайте обсудим создавшееся положение.

Три пары глаз внимательно уставились на него. Одни, чуть насмешливые, глаза Олега, другие, с откровенной надеждой, Элсона. Он не умел еще верить в ситуации, из которых взрослые мудрые люди не нашли бы выхода. Грустные и усталые глаза Фролова, готового действовать, если это еще возможно, но уже не верящего в успех. Один Дубров не смотрел на него, уставившись на экран так, словно искал там какой-то одному ему известный ответ.

— Прежде всего я хочу отметить, что за всю экспедицию это, пожалуй, первый столь благоприятный для обсуждения момент. Мы никуда не спешим.

— И, судя по всему, — не удержался Олег, — долго еще не будем никуда спешить.

— Так что, во-первых, у нас есть время. Обычно его не хватает, — продолжал Ротанов, никак не отреагировав на реплику Олега. — Во-вторых, у нас накопилось достаточное количество разноречивых фактов, требующих точного анализа и размышлений.

— Начнем с гравитационной ловушки, из которой нет выхода, — вновь перебил его Олег.

— С твоего позволения, я ею закончу, а начну с другого. С неожиданного прибытия на базу Регоса некоего корабля. Его капитан ныне присутствует среди нас. Он первым познакомился с Черной планетой. Оставим пока это название, хотя теперь мы знаем, что оно не соответствует истине.

Сейчас, как мне кажется, настало время напомнить кое-что из моей личной беседы с этим капитаном. Он тогда говорил об опасности, настолько большой для всей Земной Федерации, что мы обязаны немедленно принять меры, не дожидаясь выводов научной экспертизы по результатам его экспедиции. Он настаивал, требовал немедленного исследования Черной. И вот мы здесь. Его желание исполнилось.

Олег отвернулся, и Ротанов заметил, что скептическая усмешка впервые сползла с его губ.

— Анализируя вместе с Крымовым поведение напавших на «Енисей» неизвестных космических объектов, я уже тогда начал сомневаться в том, что это природные образования, как считало большинство экспертов, скорее всего черные шары походили на автоматические устройства, управляемые с планеты.

Через некоторое время достаточно странным способом человечество в моем лице было предупреждено о том, что район Черной планеты небезопасен, вмешиваться в ее дела не стоит, и лучше всего оставить все как есть. При желании предупреждение об опасности можно было понимать и как угрозу. Затем последовала диверсия на базе...

— Но ведь она была раньше, — вмешался Элсон, — до нашего отъезда на Землю.

— Совершенно верно, но сейчас нам важно рассмотреть события не во временной, а в некой внутренней, логической связи. Так вот, диверсия. Достаточно странная, если учесть ее ничтожный результат. Зачем все это было затеяно? Пытались лишить нас единственной укрепленной базы? Вначале я так и думал, но потом, после событий на Дзете, когда стало ясно, что противник располагает гораздо более мощными средствами, я понял, что ошибался. Скорее всего кто-то пытался привлечь к себе наше внимание достаточно эффективными средствами. И он в этом, бесспорно, преуспел. Мы начали строить «Каравеллу» и готовить экспедицию к Черной. Ну а события на Дзете... они, пожалуй, не укладываются в мою гипотезу. Поэтому пока оставим их в стороне.

— Довольно странный способ рассуждения; если игнорировать факты, не укладывающиеся в принятую схему, можно доказать все что угодно, — проворчал Олег.

— Я не игнорирую факты, а лишь временно отдаляю их, потому что они могут не иметь отношения к тому ряду событий, который нас интересует. Мир достаточно сложен. В нем зачастую действуют противоречивые силы. Поэтому, если учитывать

сразу все факты, можно ничего не понять. Давайте продолжим. У нас есть еще один факт, который стоит всех остальных.

— Ты имеешь в виду «Симанс»?

— Я имею в виду управление «Симансом» по лучу, несомненно, направленному из района, в котором теперь находится наш корабль. Но прежде чем анализировать этот последний и самый важный факт, мне хотелось бы услышать мнение специалиста о той зоне пространства, в которой мы оказались.

— Разве среди нас есть такой специалист? — удивленно спросил Олег.

— Элсон занимается проблемами энтропии, но они, насколько я знаю, тесно связаны с переходными областями нашего пространства. С зонами, названными астрономами «черными дырами».

— Хорошенькое название, — мрачно одобрил Олег.

Элсон смутился, по-мальчишески покраснел, потом достал из нагрудного кармана плоскую дощечку карманного дисплея, словно собирался продемонстрировать им все математические тонкости теории «черных дыр».

— Спрячь эту штуку, парень, — попросил Фролов. — Если что-нибудь нельзя объяснить нормальным человеческим языком, значит, это вообще нельзя объяснить.

— Хорошо, я попробую без математики. Место, в котором находится «Икар», по своим параметрам действительно очень сильно напоминает «черную дыру»...

— А это и есть «черная дыра», — изрек Олег. — Только в «черной дыре» может существовать такое отвратительное освещение и полное отсутствие пейзажа к тому же. Гнусное место.

— Не могу с вами согласиться. Любой ученый Земли не задумываясь отдал бы все на свете за возможность на минуту очутиться здесь вместе с нами.

— Хорошо, что я не ученый.

— Я успел проделать кое-какие расчеты, столь ненавистные нашему механику, и у меня получилось, что Эпсилон, извините за вольное название звезды, с которой мы имеем дело, пройдя обычные ступени эволюции, в конце концов потерял устойчивость и стал переходить в состояние гравитационного коллапса. Иначе говоря, его масса, преодолев все силы, поддерживающие атомы в нормальном состоянии, начала проваливаться, схлопываться.

— Что и доказывает, что мы имеем дело с обычной «черной дырой», лишенной примитивных удобств.

— Это не совсем так... Дело в том, что процесс гравитационной смерти Эпсилона явно не завершился... Он был приостанов-

лен на этой фазе, которую мы сейчас наблюдаем, и поскольку в природе не существует сил, способных приостановить гравитационную смерть звезды, то я склонен предположить...

— Гравитационные поля такой мощности должны были замедлить время, и именно поэтому мы не в состоянии видеть процесс гибели звезды.

— Это верно только для внешних наблюдателей. Но не для нас. Мы находимся внутри купола. Для нас весь процесс должен был протекать долю секунды! Корабль должен был почти мгновенно переместиться к центру «черной дыры» и погибнуть. И уж во всяком случае, мы не могли бы наблюдать никакого остатка Эпсилона.

— Впечатление такое, будто кто-то внутри этой системы искусственно остановил или сильно замедлил время...

— Я знал звездную цивилизацию, способную это сделать... — тихо проговорил Ротанов. Он надолго замолчал, вглядываясь в экраны, на которых ничего не было, кроме розового тумана, созданного несметным количеством пылевых частиц, засосанных гравитационным полем погибающей звезды.

— Завершился процесс образования «дыры» или нет, не так уж важно. Выхода из свернутого пространства не существует даже теоретически, — вставил Олег.

— Теории начинают трещать по всем швам, когда в естественный ход вещей вмешивается разум. Может быть, отыщется и выход, — вмешался в разговор Ротанов. — На обычную «черную дыру» находящееся под нами образование не похоже. Гравитационный коллапс протекает внутри системы мгновенно. Здесь Элсон, безусловно, прав. Для внешнего наблюдателя поверхность свернутого пространства совершенно непроницаема. Здесь все иначе. Действительно, создается впечатление, что процесс схлопывания системы искусственно приостановлен. Пространство местами не замкнуто. В нем есть разрывы. Ни с чем подобным нам еще не приходилось сталкиваться. Действовать вопреки законам природы может лишь разум. Вот теперь самое время вспомнить о луче, управлявшем «Симансом». В ряду с остальными фактами он выглядит достаточно убедительно. Разнообразные и грозные события, с которыми мы сталкивались последнее время, не могли исходить из мертвой космической ямы. Я был убежден в этом, когда направил «Икар» вниз по лучу, убежден и сейчас.

— Но здесь же нет ничего! Наши локаторы охватывают огромную зону. Ничего, кроме пыли и умирающей звезды!

— И тем не менее здесь должна быть жизнь. А следовательно, база, на которой она могла развиться. Нам нужно искать планету.

— Ты очень убедительно говоришь. Жаль, что тебя не слышат те, кто создал эту яму. Нет здесь планеты. Посмотри на экраны. Зона замкнутого пространства не так уж и велика. Даже во время прохода через купол, когда нас так потрепало, мы не могли уклониться настолько, чтобы локаторы не засекли планеты, если луч действительно шел с нее!

— И тем не менее она должна быть. В чем-то мы, возможно, ошиблись. В направлении, быть может, или в расстоянии, но не в главном, понимаешь, не в главном!

— Кажется, я знаю, в чем мы ошиблись, — неожиданно сказал Дубров, впервые за весь разговор оторвавшись от созерцания экранов. — Когда вы определили направление с антенны «Симанса»? В какое время?

— Сразу же, как только установили, что аппаратура связи подключена к этой антенне.

— Вот именно. Но корабль не стоял на месте. Он двигался. И к моменту ваших замеров антенна уже не была повернута в сторону передатчика.

— Ну конечно! Эх мы, навигаторы! Момент, когда антенна перестала следить за управляющим лучом, должен совпадать с прекращением передачи энергии. Собственной на корабле не было. Момент выключения механизмов слежения антенны должен совпадать с остановкой двигателей «Симанса». Именно тогда корабль и получил извне свою последнюю команду.

— И с тех пор до наших замеров прошло что-то около двух часов. При скорости «Симанса» это солидное расстояние. Неудивительно, что здесь ничего не оказалось. Планету надо искать... Сейчас, минуту... — Олег потянулся к расчетному табло. — Около двух миллионов километров западнее.

— Интересно, как ты здесь определишь, где запад? — спросил Дубров.

— По гироскопам и по направлению гравитационного поля... Нет проблем.

— Хотел бы я знать, что это вам даст? — мрачно спросил Фролов.

— То есть как? — не понял Олег.

— А так, что, даже если вы найдете планету, сесть мы не сможем. У нас полетели генераторы. Когда смещаются фундаменты у этих механизмов, корабль не всегда берутся ремонтировать даже в доке, проще построить новый.

— Сядем без корабля. У нас есть посадочная шлюпка. Была бы планета, а уж сяду я на нее даже на парашюте! Это я вам обещаю.

Олег прав: главное — найти планету, а уж с посадкой они как-нибудь справятся.

Необъяснимым седьмым чувством Ротанов ощущал, что она где-то здесь, рядом! От этого теплее становилось на сердце. А может быть, не на сердце... За последние несколько часов он стал ощущать под курткой, в том месте, где висел на цепочке никому не видимый алый камень с Реаны, странное живое тепло. Словно камень, согревая его, хотел сказать: «Смелее, вперед. Ты на верном пути...»

Часть вторая
ПЛАНЕТА БЕЛЫХ НОЧЕЙ

1

Планета надвигалась на них непроницаемой мрачной массой. Не хватало света, чтобы с такой высоты рассмотреть что-нибудь на ее поверхности, приборы шлюпки, не рассчитанные на работу внутри свернутого пространства, мало чем могли им помочь. Когда высота упала до десяти тысяч метров, шлюпка попала в сплошную пелену облаков и шла в красноватом тумане не меньше двух часов.

— Спускаться ниже?

— Подождем. Мне показалось, что облачность не сплошная, должны быть разрывы. К тому же надо дать время автоматике закончить анализы.

Еще через час полета облака разошлись, и они увидели под собой океан. Свинцово-серый, неподвижный, он раскинулся под ними до самого горизонта и казался таким же мертвым, как весь этот мир. Никто не сказал ни слова. Эта последняя неудача была уже бессильна изменить что-либо в их настроении.

— Я не знаю планет, состоящих из сплошной воды. Здесь должен быть материк или хотя бы остров!

— А Лидос?

— Лидос исключение. Он единственная планета без суши, которую мы обнаружили.

— Считай, что это вторая, — мрачно подвел итог их бесплодному многочасовому полету над океаном Фролов. От напряжения слезились глаза, словно они стояли на ветру. Полумрак мешал рассмотреть детали, они не видели даже волн.

— Кстати, на Лидосе есть цивилизация, и достаточно развитая.

— Подводная? — спросил Элсон.

Олег кивнул.

— Рептилии. Если бы там была суша, со временем они бы вышли на поверхность.

— Нам от этого не легче.

Фролов отвернулся к иллюминатору. Они шли теперь совсем низко и впервые увидели волны, короткие и плоские, бежавшие впереди шлюпки. В ста метрах уже ничего нельзя было рассмотреть, и поэтому, когда под ними мелькнуло темное пятно, испещренное, как оспинами, зеленоватыми проплешинами, они не сразу поняли, что это такое.

— Остров! Под нами остров!

Ротанов положил шлюпку в крутой вираж, стараясь не потерять этот крохотный клочок суши, и тут слева они увидели целый архипелаг островов, широкой полосой уходящий далеко за низкий горизонт. Вначале Ротанов свернул вдоль береговой линии, собираясь составить хотя бы приблизительное представление о его размерах, но уже через минуту бросил шлюпку вниз, к самой земле.

— Садимся.

— Может, закончим облет?

— Успеем. Сначала нужно узнать, можно ли здесь дышать, можно ли пить эту воду. В скафандрах мы долго не выдержим.

Они выбрали площадку недалеко от побережья. Заросли, отступившие в этом месте от берега, образовали зеленовато-фиолетовую излучину, на добрый километр отстоявшую от воды. На последнем вираже перед посадкой шлюпка пронеслась над самой поверхностью низкорослых, словно сплюснутых деревьев, жавшихся друг к другу.

Как только оборвался свист двигателей, Ротанов включил наружные микрофоны.

Планета молчала. Ни звука, ни шороха. Лишь далекие электрические разряды время от времени грозными раскатами врывались через динамики в тесную кабину шлюпки. Вдалеке шла гроза.

— Выходим?

— Да. Пора. Дождь прошел стороной. Автоматы закончили анализы.

Но они все медлили, все не решались откинуть колпак кабины и ступить на поверхность планеты, с которой уже не было для них обратной дороги.

— Климат как в тропиках. Двадцать семь градусов. Воздух пригоден для дыхания, нет ядовитых газов, микробов тоже. Не планета — сад.

— Да, только солнце забыли повесить.

Фролов сердито щелкнул замком, и колпак кабины откинулся. Они приняли сообщение экспресс-лаборатории как должное, словно не знали, что вытянули из тысячи шансов один-единственный счастливый билет, потому что лишь на одной планете из тысячи встречался такой диапазон внешних условий, словно специально подобранный для людей...

Четыре человека спрыгнули на землю и встали рядом, всматриваясь в темные заросли, лишь Ротанов все еще сидел в своем кресле и думал о том, что такие совпадения невозможны, что за всем этим стоит нечто иное... Он взял свой тяжелый рюкзак с планетарным комплектом и выпрыгнул вслед за остальными на хрусткий песок.

Они стояли кольцом вокруг своей шлюпки и сжимали в руках оружие. Со стороны могло показаться, что люди заняли круговую оборону неизвестно против кого. Так требовали инструкции, годами выработанная привычка. При посещении другой планеты осторожность чаще всего оказывалась оправданной.

После первых минут тишины теперь их поразила какофония странных звуков, несущихся из зарослей. Какие-то животные истошными голосами орали «ку-ку». Это ничего общего не имело с кукованием земной кукушки, кроме сочетания похожих звуков, и само сходство придавало крикам еще более зловещий характер.

Больше всего поражали не звуки, а мягкий рассеянный свет, струящийся отовсюду. Из кабины шлюпки они не могли получить об этом явлении полного представления, и хотя знали уже, что здесь вечно царит полумрак, только сейчас, полностью погрузившись в эту бесконечную серую ночь, поняли, что это такое. Казалось, планета навсегда застряла где-то между рассветом и вечерней зарей.

Розоватый робкий свет струился здесь изо всех уголков небосвода, а постояв несколько минут неподвижно, можно было ощутить, что странная чужая ночь не лишена своеобразного очарования. Словно желая избавиться от этого размягчающего ощущения, Элсон включил мощный фонарь, и его широкий ослепительный луч уперся в синеватую стену колючих зарослей. Ни движения, ни звука, все замерло вокруг. Остался только луч света, чуждый, почти вызывающий. Казалось, темнота сразу же сом-

кнулась вокруг них, подкралась со всех сторон, и за пределами светового конуса зашевелились тысячи неведомых существ.

— Да выключи ты его! — первым не выдержал Олег.

— Нужно привыкать к естественному освещению и без необходимости не жечь батареи, — поддержал Ротанов. — Здесь достаточно светло.

Несколько минут они ничего не видели, но вскоре глаза действительно освоились с сумеречным освещением.

— Почему небосвод излучает этот свет? — спросил Фролов.

— Это остаточный свет, — пояснил Элсон. — В замкнутом пространстве он не может рассеяться и не может выйти наружу, все излучение, в том числе и тепловое, остается внутри гравитационного купола, здесь жарко, несмотря на то что звезда почти не греет.

Животные в зарослях снова завопили. Но теперь они уже немного привыкли к их голосам. Все стояли плотным кольцом, по-прежнему не выпуская оружия. Фролов вдруг шагнул к шлюпке, откинул крышку кабины и швырнул на сиденье свой бластер.

— Мы здесь недолго протянем, если начнем стрелять. По-моему, вообще не стоило садиться для того, чтобы стоять вот так, с оружием на взводе.

— Интересно, что ты будешь делать, если выскочит какая-нибудь арктуровская кика. Ты знаешь, кто там орет в этих зарослях?

— А он не был на Арктуре и предпочитает поэтому роль бифштекса.

Смех немного разрядил обстановку. Люди задвигались, опустили оружие. Дубров поддержал Фролова:

— В сущности, он прав. Нам надо быть осторожнее с оружием.

— Если здесь есть люди, искать их надо на побережье. Море где-то здесь. Совсем рядом.

— Ты все еще надеешься? — удивленно спросил Олег.

Ротанов пожал плечами.

— Я слишком хорошо знаю, какие странные формы может иногда принимать чужая жизнь, и разум в том числе. То, что мы не увидели городов, не услышали передач, это еще ровно ничего не значит.

Им предстояло пройти метров пятьсот и пересечь узкую полоску кустов. Заросли казались неведомой враждебной страной, а близость шлюпки внушала иллюзию защиты.

— Может быть, стоит подождать рассвета? — осторожно спросил Элсон. И сразу же вспомнил: — Ах да, рассветов здесь не бывает...

— Ну, какой-то рассвет бывает, — возразил Ротанов. — Когда планета повернется нашей стороной к остатку Эпсилона, света станет больше.

— От этого огарка? — не поверил Фролов.

— Не только от него. Гравитационные поля стягивают свет к центру, небосклон со стороны Эпсилона значительно светлее.

Растянувшись цепочкой один за другим, они медленно шли к морю. Ротанов не стал зажигать фонарь даже тогда, когда в зарослях обнаружилась довольно широкая тропинка, по которой два человека свободно могли идти рядом. Он лишь остановился и долго осторожно ощупывал песок, словно проверял, можно ли по нему идти.

— Что ты там нашел?

— Ничего, кроме этой тропинки. Странная дорожка, не правда ли? На звериную тропу она не похожа, нет следов, и ветви растений не обломаны, словно ее специально здесь прорубили, чтобы удобнее было ходить от побережья к морю.

— По-моему, ты ошибаешься. Такие просеки возникают иногда совершенно случайно от частых ветров, например, дующих в одном направлении.

— Что ж, возможно. — Ротанов встал, отряхнул с ладоней песок.

Метров через двести заросли кончились, и они оказались на узкой полосе пляжа. Долго слушали, как шипит прибой, набегая на песок, и Элсон разочарованно сказал:

— Даже звук волн здесь необычный, прибой не плещется, не бормочет, как на Земле, он почему-то шипит. И все же по-своему это море красиво.

Никто ему не возразил. Все смотрели, как сгущается над водой у горизонта серебристая дымка рассвета; волны, набегая на берег, загорались внутри синеватым электрическим светом, это не были живые огоньки, похожие на звезды, какие бывают лишь в земном море. Холодно светилась сама вода. Фролов первым сделал шаг, отделявший их от этого чужого прибоя, и подставил набегавшей волне свой ботинок. Всхлипнув, словно живая, вода перехлестнула через его ногу и откатилась.

— Отойди, — попросил Ротанов. — Ты ведешь себя как ребенок.

По опыту он знал, что на чужих планетах, как правило, наиболее враждебным и опасным оказывалось то, что с виду выглядело безобидно. Словно подтверждая его опасения, сзади раздалось странное цоканье, будто кавалькада маленьких коней мча-

лась к побережью. Но это были не кони... Водная поверхность океана отражала достаточно света, и они хорошо видели странное животное, показавшееся на краю зарослей. Толстые трубы ног или щупалец отходили от продолговатого овального тела сначала вверх, а потом, изогнувшись широкими дугами, упирались в землю. Ног было шесть или восемь, они не могли рассмотреть, так быстро мелькали в воздухе эти мягкие бессуставчатые ноги. То, что им показалось вначале маленьким туловищем, скрытым за ритмично мелькавшими ногами, оказалось всего лишь головой, прикрытой блестящим панцирем, в вырезе которого светилось четыре глаза. Увидев группу людей, животное замедлило свой бег и шагах в двадцати остановилось совсем. Три бластера поднялись как по команде. Никто не двигался. Вдруг животное, широко расставив ноги, повернулось к ним боком, и только теперь они заметили всадника... Выпрыгнув из удобной лодочки седла, привязанного на спине у животного, стройный и гибкий юноша пошел им навстречу.

— Опустите оружие, — негромко приказал Ротанов.

С каждым шагом спешившегося всадника их изумление возрастало все больше. Сначала они видели лишь общие контуры его фигуры, но теперь могли уже рассмотреть бледное, слегка вытянутое худое лицо с большими голубыми глазами, одежду, весьма похожую на старинный расшитый кафтан, широкий и тоже расшитый узорами пояс.

— Это гуманоид, — тихо проговорил Олег.

Ротанов сразу же возразил:

— Слишком большое сходство с нами. Или его отдаленные предки родились на Земле, или... — Он не договорил, что именно скрывалось за этим «или», но Олег, хорошо помнивший Гидру, понял, что он хотел сказать этим «или». Имитация, копия человека, биоробот...

— Та-Что-Прячет-Свое-Лицо приветствует вас, чужестранцы.

Голос юноши, искаженный киберлингвистом, звучал словно бы у них за спиной, из рюкзаков, набитых планетарным снаряжением.

Никто не двинулся, не произнес ни слова, слишком буднично, по-земному, прозвучали эти слова, несмотря на странное имя передавшей им приветствие. Они знали, что в тех случаях, когда в словарном запасе нет подходящего слова, лингвист подбирает наиболее близкое по значению словосочетание, и оттого имя прозвучало так длинно. Они ожидали продолжения и все никак не могли прийти в себя от этой встречи... Прорваться сквозь ба-

рьер свернутого пространства, провалиться на дно гравитационной бездны, опуститься на планету, у которой не было даже солнца, и вдруг такая встреча? Им даже не удивились, за ними послали гида, пажа, слугу... Кто он на самом деле? Каким образом узнал об их приземлении? Почему в его поведении нет ни страха, ни удивления? Это человеческое лицо, прямой нос, голубые глаза, смотрящие на них спокойно и серьезно. Словно их здесь уже ждали, словно Ротанов был прав, словно он мог предвидеть, что все предыдущее было лишь неким странным, специально подготовленным для них спектаклем... Они все еще боялись поверить.

— Кто она, Та-Что-Прячет-Свое-Лицо? Жрица? Предводительница вашего племени? — спросил Ротанов.

Посланец сделал вид, что не услышал вопроса или не понял. Киберлингвист долго и певуче переводил слова человеческого языка на чужую, незнакомую речь. Но уже сам факт перевода говорил о том, что в его огромном словарном запасе было нечто близкое, знакомое. Язык, на котором говорили здесь, не был полностью чужд им, как не были чужими эта одежда и это лицо, и лишь странное животное, на котором прибыл посланец, неподвижно стоящее в отдалении, напоминало о том, что это все-таки иной мир.

— Та-Что-Прячет-Свое-Лицо приглашает вас принять участие в празднике, — проговорил посланец.

— Ты что-нибудь понимаешь? — прошептал за спиной у Ротанова Фролов, и Ротанов вдруг неожиданно для себя усмехнулся.

— Так уж обязательно сразу все понимать? Ты же слышал, нас приглашают на праздник, вот и пойдем посмотрим.

Словно удовлетворившись этой фразой, юноша повернулся и медленно, не оглядываясь, пошел к своему чудовищному коню. Ротанов первым закинул бластер за спину и последовал за ним. Не произнося ни слова, двинулись остальные.

Тропинка вскоре раздвоилась и повела их в сторону от шлюпки, куда-то вдоль побережья. Всадник ехал медленно, и Ротанов без особого труда поравнялся с ним.

Заметив, что Ротанов держится поодаль, юноша натянул повод, и животное еще больше замедлило шаг.

— Это странник. Он безопасен. Не нужно его бояться.

— Я не боюсь твоего коня. — Ротанов подошел ближе, приноравливаясь к размеренному мельканию над своей головой широких и толстых раструбов лап, покрытых мелкими блестящими чешуйками. — Куда мы идем?

— На праздник. Сегодня День дрона.

Как обычно, фраза, переведенная киберлингвистом, была максимально краткой.

— Часто вас навещают чужестранцы?

— Часто. Некоторые приходят из-за моря, а иные, как вы, прилетают на огненных колесницах.

Ротанов не подал вида, как поразил его этот ответ... Вот, значит, в чем дело, вот почему такой будничной получилась встреча, выходит, их действительно ждали. Вернее, не их, кого-то очень похожего, «тех, кто прилетает на огненных колесницах»...

Ротанов постепенно отстал, поравнялся с остальными и тихо сказал:

— Возможно, нас приняли за кого-то другого. Не задавайте лишних вопросов, пока не разберемся что к чему.

2

Правая часть горизонта постепенно наливалась темно-багровым отсветом, словно там разгорался далекий пожар. Весь остальной низкий купол неба, завешенный лохмотьями облаков, по-прежнему выглядел сиреневым.

Стало заметно светлее. Заросли изменились, теперь они состояли из низких пушистых кустов, ветви которых напоминали перья диковинных птиц. Сами кусты больше не закрывали пространство, и впереди как-то сразу открылся далекий простор, заполненный бегучими огнями. Цепочки этих голубоватых огней перестраивались на ходу и все вместе двигались в ту же сторону, куда шел их отряд. В распадающихся багровых сумерках в низине, где мелькали огни, можно было рассмотреть неясные очертания приземистых строений. Отряд остановился.

— Подождите здесь, — попросил проводник и, сделав несколько шагов, исчез в зарослях.

— Странное место, — проговорил Олег. — Внизу наверняка поселок. Очень маленький. Скорее всего они ведут натуральное хозяйство, ты заметил, как выделана кожа на сбруе этой, с позволения сказать, «лошади»? Наверняка сыромятная, кустарного производства.

— Быстро ты делаешь выводы, — откликнулся Ротанов. — Однажды на Гидре я уже сталкивался с чем-то подобным... Там наряду с внешней, примитивной стороной существовало нечто неразличимое с первого взгляда... Я чувствую, здесь тоже не все просто... Этот странник... Природа редко создает таких живот-

ных. Он слишком рационален, слишком уж приспособлен для передвижения по пересеченной местности. Почти идеальный транспорт для перевозки людей и переноски небольших грузов.

— Особенно если не очень спешить.

— Мы не знаем, на какую скорость он способен. Скорее всего наездник примерялся к скорости нашего человека.

Они замолчали, прислушиваясь к надрывному крику «ку-ку», всмотрелись в бегучие огни на тропинках, ощутили аромат странных цветов.

— Здесь может быть хорошо, если привыкнуть, — тихо сказал Элсон.

— По-моему, у нас хватит для этого времени, — мрачно пообещал Олег.

Снизу от поселка к ним шла группа людей. Впереди четверо слуг или охранников несли факелы. Совсем не было дыма, и вместо красноватого пламени вокруг туго свернутого кома каких-то листьев плясали маленькие язычки голубого огня. Свету они давали немного, но, наверно, глаза жителей этой планеты давно привыкли к полумраку и вряд ли могли переносить слишком сильное освещение.

Люди, несущие факелы, остановились и разошлись в стороны. Вперед вышел старик в одежде, расшитой замысловатым узором, с ожерельем из блестящих непрозрачных камней, и рядом — тоненькая фигурка женщины, лица которой Ротанов не мог рассмотреть, как ни старался, — мешал направленный на них свет факелов да еще, похоже, она прятала лицо за куском полупрозрачной ткани. Черты смазывались, нельзя было даже с уверенностью сказать, молода она или нет. Платье на женщине казалось белым без единого украшения, лишь на правой руке блестел тоненький браслетик, да в волосах, будто случайно, запутался живой огонек: то ли светлячок, то ли фосфоресцирующий камешек.

Минуты две длилось молчание, пока обе группы рассматривали друг друга. Ротанов подумал, что для этих людей они выглядят достаточно нелепо в своих защитных скафандрах, словно обливших тело сверкающей серебряной пленкой, с тяжелыми рюкзаками за плечами, со странным оружием в руках. Сейчас их наверняка спросят, как они тут очутились, и неизвестно, чем закончится беседа. Вряд ли они поймут, вряд ли поверят пришельцам со звезд. Но старик спросил о другом.

— Дорога не показалась вам трудной? — Вопрос прозвучал неожиданно насмешливо в напряженной, настороженной тишине.

— Легкие дороги редко ведут к интересным местам, — неопределенно ответил Ротанов, и старик улыбнулся.

— Достойный ответ. Я надеюсь, мы еще побеседуем позже, когда вы поймете, где очутились, и лучше разберетесь в обстановке.

— А вы не хотите нам в этом помочь? — Он шагнул было вперед, но один из охранников, держащих факел, сделал предостерегающий жест, и Ротанов остановился.

— Каждый сам проходит свою дорогу. — Повернувшись к женщине, старик вдруг спросил у нее: — Эти люди в самом деле прилетели в огненной колеснице?

Женщина молча кивнула.

— Ну что же, в таком случае проводите их на праздник дрона.

Двое охранников с факелами пошли впереди, показывая дорогу, Ротанов обернулся, но старик и девушка уже скрылись в зарослях.

— Как странно он говорил. Слишком сложно и странно... И он нисколько не удивился нашему появлению, — задумчиво проговорил Олег.

— Кажется, тебя тоже начинают посещать сомнения, это очень хорошо, мой друг, потому что истина — сестра сомнений.

— Что это ты расфилософствовался?

— Мне показалось, что здесь живут только философы и поэты, ну и еще красавицы. Почему бы нет? Славная планета, аромат цветов, торжественное шествие. Все как в старинном театре.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал. Наша встреча смахивает на какую-то театральную постановку, и я никак не могу понять, кто режиссер. Может быть, этот старик? Но тогда зачем за подтверждением обстоятельств нашего прибытия он обратился к женщине, к той, что все время молчала?

— И прятала свое лицо... — напомнил Элсон. — Помните, что сказал посланник, приехавший за нами на побережье? Он сказал: «Та-Что-Прячет-Свое-Лицо приветствует вас, чужеземцы».

— Да. Над этим стоит подумать.

Тропинка, идущая между невысоких холмов, стала забирать круто вверх. Они шли уже больше часа. Проводникам время от времени приходилось останавливаться и поджидать порядком уставших людей. Строения и огни исчезли, тропинка петляла теперь по дну ущелья. Наконец стены раздались в стороны, и они очутились на широком ровном плато, окруженном с трех сторон почти отвесными скалами. В самом центре высилась темная мас-

са, смутно напоминающая человеческую фигуру метра три высотой. Справа от нее на небольшом возвышении, укрытом не то ковром, не то шкурой, сидел человек, на первый взгляд казавшийся непомерно толстым. Только присмотревшись, можно было заметить, что оброс он не жиром, а горой непропорциональных, почти безобразных мускулов. Рядом с ним несколько человек, одетых в широкие балахоны из кожи, подбрасывали в костры охапки хвороста.

Видимо, местные растения были перенасыщены эфирными маслами, потому что костры, как и факелы, полыхали синеватым прозрачным пламенем, почти совсем не дававшим света, словно горел не хворост, а спирт. Над кострами висели чаны, в которых что-то варилось. Человек шесть, стоявших отдельной группой, время от времени дули в большие закрученные раковины, извлекая из них ревущие, душераздирающие звуки.

Как только в освещенное кострами пространство вошли люди с факелами, все смолкло, все лица повернулись к прибывшим, все глаза уставились на пришельцев. Проводники жестом предложили им подойти к возвышению. Огромный грузный человек, опершись на плечо одного из слуг, с проворством, какого трудно было от него ожидать, вскочил на ноги и шагнул навстречу гостям.

— Чужестранцы! — воскликнул он с радостью. — Нам не хватало для праздника чужестранцев! Сажайте их на самые почетные места!

Он взял Ротанова за локоть, безошибочно определив в нем главного, и, не дав опомниться, увлек за собой на помост.

— Я правитель этой страны, и я заверяю вас, что вы прибыли в доброе время. Будут пиры. Будут молодецкие забавы и богатырские игрища. Будет и змееборство.

— Змееборство тоже? — спросил несколько ошарашенный Ротанов.

— Непременно, какое же богатырское игрище обходится без змееборства?

— А змеи... настоящие?

— Самые доподлинные. Вы каких предпочитаете? Есть плавучие, летучие, броненосные, плюющие ядом, есть просто шипящие, но обладающие дурным глазом.

— Я предпочел бы обойтись без змей. Видите ли, я не специалист по змеям...

— Жаль! В этом деле лучше быть специалистом.

Правитель хлопнул в ладоши, кто-то за их спиной ударил в медный гонг, и протяжный, отраженный скалами звук поплыл

по ущелью вниз, туда, откуда слышался гул приближающейся толпы, где мелькали многочисленные синие огни, замеченные Ротановым еще по дороге.

— Пока готовят первое испытание, поведайте мне о дальних странах и удивительных делах, коим вы свидетелями были.

Странное чувство овладело Ротановым, ему почему-то казалось, что этот огромный потный человек, замотанный в расшитые шкуры странных животных, с амулетами из зубов на шее, на самом деле вовсе не так прост. В глазах его то и дело зажигались хитроватые огоньки. Да и само их появление на этом празднике выглядело так, словно все было готово заранее, словно их ждали. Неведомый режиссер продолжал свою непонятную постановку. Усмехнувшись, Ротанов поведал правителю о могучем звездолете «Каравелла», о «черной дыре», в которую проваливается весь этот мир вместе с предстоящим празднеством, о множестве обитаемых миров, расположенных на далеких звездах, и о Земной Федерации, расселившейся на многих планетах. Правитель слушал его внимательно, кивал и жевал сочный кусок мяса, с которого капали на помост тяжелые капли жира.

— Далекие поселения — это хорошо. У нас тоже есть поселения на дальних островах. Когда у нас плохо уродятся плоды мангароидов, мы привозим их с Каруты, а взамен отдаем излишки нашего саго. — Лицо его приняло задумчивое выражение. — А что такое звезды, чужестранец?

Ротанов объяснил.

— Ты хочешь сказать, что за небесной твердью мир не кончается, что там есть другие острова?

— И острова, и моря. Там живут другие народы, светят другие солнца.

Правитель нахмурился и отложил на поднос недоеденный кусок мяса.

— Не рассказывай этого никому, чужестранец. Тебя здесь не поймут. У нас иные законы, свое представление о мире. Наш мир устроен просто. Небесный шар, внутри которого мы живем, висит на серебряной цепи, и за ним уже нет ничего. Впрочем, там живут еще боги... Надеюсь, ты не бог?

— Богов я там не встречал, правда, попадаются кое-где существа, могуществом похожие на богов.

Сделав вид, что не услышал последних слов Ротанова, правитель отвернулся к одному из стоявших у них за спиной мрачного вида стражей, поманил его. Страж нагнулся, выслушал какое-то приказание, поклонился и тут же исчез. Из толпы вышли вперед

бородатые люди, одинаково одетые, с тяжелыми бронзовыми щитами в руках. Они поставили щиты на песок вплотную друг к другу, образовав кольцо непроницаемой металлической ограды, отделившей центр площади вместе с помостом от остальной толпы.

Ротанову не очень понравились эти непонятные приготовления, и он стал искать взглядом своих спутников. Там, где они сидели, видимо, все было пока спокойно. Ротанов видел, как из кипящего чана им подносят какой-то напиток, и Элсон решительно отказывается отведать неизвестное зелье.

К возвышению подошел худой высокий человек в простой полотняной одежде, перепоясанной кушаком, с выбритой наголо головой. По его аскетическому лицу и гордому взгляду, по тому, что этот человек не склонился перед правителем, Ротанов заключил, что он занимает высокое положение в здешнем обществе, возможно, жрец или представитель высшей знати. Правитель привстал ему навстречу, и они отошли на край помоста, оставив Ротанова одного. Воспользовавшись этим, он незаметно повернул браслет с транслятором универсальной связи в сторону костра, у которого сидели его спутники, и тихо спросил:

— Фролов, ты слышишь меня?

— Да, командир.

— Вызови шлюпку и переведи ее поближе, она вскоре может понадобиться.

— Я уже пытался, командир. Сигналы не проходят. Нет связи. Похоже, сели батареи передатчиков.

— Только этого нам не хватало... Будьте наготове. По-моему, здесь что-то затевается. Держите трансляторы включенными, и по моему сигналу все вместе пробиваемся к выходу, оружие применять запрещаю, что бы ни случилось.

— Все сделаем.

Ротанов не мог понять, почему исчезла связь. Батареи? Вряд ли они сели все сразу... Могли быть неизвестные им физические причины, структура пространства в непосредственной близости от центра «черной дыры» так сильно изменена, что законы прохождения радиоволн здесь никому не известны. Ротанова тревожило то, что связь исчезла именно сейчас. Хорошо хоть трансляторы работают на близких расстояниях и они могут разговаривать друг с другом.

Между тем события на площади развивались своим чередом. В центр круга, освещенного синим пламенем костров, вошли четыре воина. Ротанова удивило, что у них нет никакого оружия. Один из воинов положил между кострами тяжелый сверток, сдер-

нул с него шкуру и сразу же отошел в сторону, явно избегая прикосновений к засверкавшей в лучах костров остро отточенной стали. Там были двуручные мечи, боевые топоры, огромные шиповатые палицы и копья с широкими зазубренными наконечниками. Заметив, что Ротанов внимательно разглядывает эти предметы, предводитель сказал:

— Воинам нашего племени нельзя касаться оружия, несущего смерть. Потому мы так рады чужеземцам. На наших богатырских игрищах им одним дозволяется в схватке с врагом потешить себя окровавленной сталью.

Снова раздался удар гонга.

В верхней части ущелья послышался тяжелый топот. Воины оттеснили толпу и образовали узкий проход, идущий от центра площади до входа в ущелье. В полумраке Ротанов плохо видел, что там делалось, но какая-то темная масса, приземистая и подвижная как ртуть, двигалась вдоль бронзовых стен, составленных из щитов, к центру круга.

— Есть ли среди вас тот, кто хочет помериться силой с дроном?! — закричал глашатай с противоположной стороны, и почти сразу же из толпы, раздвинув щиты воинов, выпрыгнул в центр круга коренастый приземистый человек.

Если Ротанова поразили мускулы предводителя, то воин, вышедший в круг, оказался еще массивнее. Толпа приветствовала его восторженными криками. Человек пригнулся, чуть расставил руки, в которых не было никакого оружия, и застыл. Толпа тоже замерла, шум стих, и отчетливо стал слышен тяжелый топот несущегося вдоль ущелья зверя... Теперь Ротанов наконец увидел его. Животное было пониже носорога, но, пожалуй, тяжелее и гораздо подвижнее. Тупорылая морда заканчивалась костяным панцирем, уходящим за плечи и мешавшим животному повернуть голову. Костяные пластины впереди заканчивались четырьмя острыми выростами — не то рогами, не то клыками. Четыре пары немигающих злобных глаз, расположенных далеко друг от друга, видимо, обеспечивали животному хороший обзор. Выскочив в центр освещенного круга и увидев стоящего у него на пути человека, животное издало хриплый низкий визг и, не снижая скорости, бросилось на смельчака. Казалось, гибель человека совершенно неминуема, но, когда острые рога уже почти вонзились воину в живот, он сделал едва уловимое, очень точное, почти изящное движение в сторону, и дрон промахнулся. Толпа восторженно взревела.

С разбегу животное ударилось в бронзовую стену щитов. Удар был так силен, что воины, державшие щиты, не устояли, в стене

образовалась брешь. Но зверь не расположен был убегать, хотя мог бы теперь это сделать. Подавшись назад, он развернулся и снова бросился на своего противника. Все повторилось, но теперь воин, отклонившись, успел нанести молниеносный удар вытянутой рукой в щель между костяными пластинами на голове животного, где, видимо, был расположен какой-то нервный центр. Животное заревело от боли и ярости. Вновь раздался тяжелый удар в щиты, и вновь распалась живая стенка. В облаке пыли несколько секунд ничего не было видно, а когда оно рассеялось, все снова увидели дрона, несущегося на своего обидчика. Теперь он, подбежав к человеку, неожиданно затормозил и резко изменил направление, стараясь упредить движение воина в сторону. Это ему почти удалось, человек не сумел полностью избежать удара, и хотя он уклонился от острых клыков, удар бронированной головой животного, по-видимому, был достаточно силен, воин упал и, откатившись в сторону, остался лежать неподвижно. Дрон опять с разбегу налетел на щиты и теперь медленно разворачивался, чтобы окончательно разделаться с противником.

— Неужели ему никто не поможет? — спросил Ротанов.

— Это запрещено. Но наши правила не распространяются на чужеземцев...

Ротанов понял, что имел в виду предводитель. Движением плеч он сбросил на землю рюкзак со снаряжением, сковывавшим движения, и выхватил бластер.

— Твоя дубина легковата для этого зверя. Ты можешь выбрать любое оружие.

Не слушая, Ротанов прыгнул вниз. Толпа мешала ему прицелиться. Луч бластера достаточно широк, он боялся задеть кого-нибудь из людей и потому, раздвинув воинов, бросился на арену. И вовремя, зверь уже пригнул свою широкую толстую морду, его клыки задевали землю, и нетрудно было представить, что ждет неподвижно лежащего беззащитного человека. Ротанов очутился между зверем и его жертвой. Позиция была удобной, и, вскинув бластер, он нажал спуск. Вместо синего луча плазмы, все испаряющего на своем пути, бластер выплюнул сгусток красноватого пламени и сразу же поперхнулся. Огненный шар ударил в бок животного, опалил шерсть, обжег и разъярил зверя, но не причинил ему ощутимого вреда. Низко взревев, забыв о своей жертве, зверь бросился на нового противника. Ротанов жал и жал на гашетку, но повторного выстрела не было, бластер неожиданно превратился в ту самую легковатую дубину, о которой предупреждал его предводитель.

Расшвыривая песок, зверь несся прямо на него, их разделяло не больше трех шагов, и все, что теперь осталось Ротанову, — это применить ту же тактику, которую использовал его предшественник. Здесь самое главное было выждать, отпрыгнуть в последний момент, чтобы дрон не успел развернуться. Вот когда пригодились долгие часы занятий в гимнастическом зале. Ротанов прыгнул, и зверь пронесся мимо. Кольцо зрителей наградило его восторженными криками, но он не собирался разыгрывать роль гладиатора. Нужно было что-то немедленно предпринять, пока не вмешались остальные члены экипажа, тогда уж в общей свалке кто-нибудь обязательно пострадает. В себе он был уверен, к тому же универсальный защитный костюм, который он не снимал с той минуты, как покинул корабль, обладал замечательным свойством: в случае любого внешнего воздействия он поддавался только до определенного предела, безопасного для человека, а затем его ткань превращалась в монолитную броню, которую не пробил бы и снаряд. Ротанова можно было втоптать в землю вместе с костюмом, его можно было сбить с ног, но ему нельзя было нанести серьезных повреждений. Единственное, что его сейчас беспокоило, это неожиданный отказ бластера. Если причина в батарее — защитный костюм без энергии превратится в обыкновенную тряпку, и тогда ему несдобровать. Нужно как можно скорее убраться с арены и при этом спасти жизнь человеку... Но как? Времени у него почти не осталось. Угловым зрением он видел, что Олег лезет в круг, отталкивая воинов и размахивая бластером.

Зверь уже совсем близко. Ротанов нагнулся, чтобы схватить хоть какое-нибудь оружие из кучи, лежащей рядом. Палица не годилась, у него не хватит сил, чтобы оглушить зверя. Меч слишком тяжел, он стеснит движения — не успеешь уклониться. Копье недостаточно прочно и вряд ли остановит такую массу. Широкое лезвие топора не причинит вреда этому бронированному чудовищу. Наконец его внимание привлекло узкое, голубовато блеснувшее лезвие, длинное, с удобной рукояткой.

Олег прорвался сквозь ограждение, разбросав воинов. Видно, как катится в сторону выбитый им щит. Поздно. Еще один прыжок, не очень удачно, краем головы зверь все-таки зацепил его, и хотя он устоял на ногах, острая боль пронзила правый бок, значит, защита не действовала... Можно попробовать включить аварийное питание, но даже на это у него не осталось времени. Зверь затормозил на этот раз слишком быстро, а у него уже нет прежней подвижности, правая нога онемела от удара, и в это время Олег выстрелил. Его выстрел получился еще слабее, чем у

Ротанова, но огненный сгусток угодил в голову зверя и на какое-то время ослепил его. Взревев, зверь завертелся на месте. Вот он, удобный момент. Шаг, еще шаг — нога почти не слушается, еще рывок, еще, он почти рядом. Теперь выждать, не вечно же он будет вертеться. Так — остановился, принюхивается, выбирая направление для броска. Видны бельма обожженных глаз, следовательно, с этой стороны дрон не видит. Последний рывок, и Ротанов рядом. На уродливой, покрытой наростами голове зверя отчетливо виднелась щель между костяными пластинами, в нее бил воин. Размахнувшись, он подался вперед и вложил в удар вес своего тела, как делал это в фехтовальном зале, когда хотел достать противника на самой дальней дистанции. Лезвие почти без сопротивления вошло в щель, и в грудь Ротанова ударила струя черной крови. В ту же секунду страшный удар отбросил его в сторону...

3

Стены комнаты, в которой лежал Ротанов, были сложены из толстых стеблей могучих местных трав. Они пахли соломой. А может быть, аромат сухой травы шел от подстилки. Ротанов пришел в себя несколько минут назад, чувствуя покой и легкость, как всегда бывает после приема дезина.

Не торопясь, словно это было самым важным, он внимательно осмотрел помещение, в котором очутился. Стены, пол, легкая мебель в комнате — все было сделано из круглых стеблей, не было ни одной ровной поверхности. У него зарябило в глазах от этих толстых травяных трубок, из которых состоял теперь мир вокруг него. Он закрыл глаза и задумался. После того удара на арене прошло, очевидно, немало времени, он смутно помнил, как с него снимали защитный костюм, резкую боль в разбитом теле... Сейчас боль ушла. Он мог даже пошевелить правой ногой, на нее пришелся основной удар. Скорее всего универсальная аптечка из их корабельного снаряжения сделала свое дело. И было что-то еще, чьи-то заботливые, ласковые руки, менявшие повязки, поившие его. Руки он помнил, а вот лица человека, который ухаживал за ним, в памяти не осталось. Мышцы, скованные долгой неподвижностью, казались чужими. Ротанов закрыл глаза, сосредоточился и сел на своем ложе. Боли по-прежнему не было, но резкая слабость не дала встать на ноги. Закружилась голова, он оперся на стену, пытаясь подняться, но в это время послыша-

лись шаги у входа. Ротанов замер. Скрипнув, дверь открылась, и вошла женщина. Ее лицо скрывала плотная, непроницаемая вуаль. В толпе перед поединком он видел немало женских лиц, отметил про себя, что местные женщины отнюдь не безобразны, и, во всяком случае, их лица были открыты. Значит, здесь это не обязательное для всех правило — ходить с закрытым лицом.

Заметив, что он сидит на постели, женщина резко остановилась, дымящаяся жидкость из чаши в ее руках выплеснулась на пол.

— Не бойся меня, я хотел лишь узнать...

— Почему я должна тебя бояться?

— Кто ты?

— Меня называют здесь Той-Что-Прячет-Свое-Лицо. Правила запрещают мне разговаривать с чужестранцами. Сейчас я позову твоих друзей.

— Подожди! Мне так много надо спросить у тебя!

Она отрицательно покачала головой:

— Время еще не пришло. Скоро ты все узнаешь.

Женщина поставила чашу на столик и поспешно направилась к двери. Ее мелодичный и несколько печальный голос еще звучал у него в ушах, когда дверь вновь отворилась. В комнату вошли все четверо, весь его экипаж. Они так шумно радовались выздоровлению Ротанова, так преувеличенно бурно и весело рассказывали о теплом приеме, оказанном им местными жителями, что Ротанов заподозрил неладное.

— Хватит. Выкладывайте, что произошло?

— В сущности, ничего особенного. Тебя неделю лечили универсальным дезином, Элсону пришлось порядком повозиться, чтобы срастить перебитые кости. Ты лежал без сознания, как всегда бывает при этом лечении.

— Как лечат дезином, я знаю не хуже вас. Что произошло, пока я был без сознания? Кто эта женщина?

— Отношения с бореями, так называют себя наши хозяева, сложились просто прекрасные.

— Что случилось со связью и снаряжением? Скажете вы мне наконец, что произошло, или будете продолжать эту игру?

Отстранив Элсона, вперед вышел Фролов.

— Дела, в общем, неважнецкие, капитан. Мы полностью лишились связи и практически всего нашего оборудования. Все батареи вышли из строя. Рации и оружие не действуют. Защита тоже. Почему это произошло, неизвестно. Батареи в полном порядке, но даже загерметизированный аварийный комплект не

держит энергии. У Элсона есть теория на этот счет, но никакая теория не вернет нам энергию. Мы практически беззащитны...

— И в этих условиях, как ты понимаешь, мы вынуждены были пойти на некоторые уступки местным обычаям, — перебив Фролова, заговорил Олег, и по ухмылке, которую он изо всех сил старался сдержать, Ротанов опять заподозрил что-то неладное. — Нам пришлось заключить с нашими хозяевами определенный договор...

— И что же это за договор?

— У этого племени много странных законов...

— У каждого народа свои законы, продолжай, не тяни.

— Ну, после твоей победы над дроном ты стал чем-то вроде местного героя, и вот, чтобы доказать свою лояльность, свои добрые намерения в отношении племени бореев, мы вынуждены были согласиться на твою свадьбу...

— На мою что?

— Ты, главное, не волнуйся, это чисто символический обряд, после которого мы все вместе с тобой автоматически становимся членами племени... Понимаешь, в конце празднества, видеть которое ты уже, естественно, не мог, королева праздника выбрала тебя своим женихом...

— Так... Прекрасные новости... В моем согласии, естественно, не было никакой необходимости.

— Ты ведь был без сознания...

— Ну да, конечно, извини, я забыл.

— Поэтому мы за тебя дали согласие на этот, я повторяю, чисто символический обряд. Через час после свадьбы невеста исчезнет, а мы навсегда станем членами племени бореев.

— То есть как это исчезнет?

— Вот этого я, признаться, не понял. Местный жрец говорит нечто чрезвычайно туманное о змееборстве, о похищении — у них вообще масса мистики. Да это и не так уж важно. Главное мы выяснили: жить с этой женщиной ты не обязан и в дальнейшем можешь даже жениться на другой, если тебе захочется.

— Я вижу, вы вовсю занимались устройством моей личной жизни. Так куда же все-таки денется невеста после свадьбы?

— Ну, не знаю, не знаю! Спроси у жреца, если хочешь. Он тебе ответит, что ее похитят.

— У них всех невест похищают, или мой случай особый?

— Нет, не всех. Раз в год на празднике дрона, героем которого ты изволил стать, королева праздника выбирает себе жениха. Жених не может увидеть даже лица своей нареченной. Через час

после свадьбы он с ней расстается навсегда. Естественно, от этого выбора нельзя отказаться. Не полагается по их законам. Это было бы смертельным оскорблением, так что мы сочли за лучшее для всех нас от твоего имени дать согласие.

— Ну хорошо. Допустим. Тут я кое-что уразумел. А что вы еще выяснили за эту неделю? Кто они, эти бореи? Откуда взялись на планете? Как пережили катастрофу? Есть ли здесь другие племена?

— Получать информацию для нас не так-то просто. Пока мы для них чужестранцы. С нами держатся дружелюбно, но настороженно. К тому же у этого Рэта, которого ты спас на празднике, немало друзей и родственников, и все они настроены к тебе враждебно.

— Это еще почему?

— Ну, во-первых, помочь воину во время поединка — это значит нанести ему смертельное оскорбление. Они предпочитают погибнуть, но не принять такую помощь, а во-вторых, Рэт, очевидно, не без оснований, рассчитывал, что выбор королевы празднества падет на него, так что он дважды тобой опозорен и ждет лишь удобного случая, чтобы отомстить.

— Этого еще не хватало...

— Кое-что мы все же узнали. Племя бореев на планете не единственное, на других островах обитают племена, которые все время между собой враждуют. Бореи в этих конфликтах не участвуют, они вообще не признают войн. Непонятно, правда, каким образом им удается сохранить мир при таком окружении. С их появлением на планете тоже не все ясно. Дело в том, что, по нашим наблюдениям, их община не могла развиться до нынешнего состояния на этой планете. Племена здесь слишком малочисленны, слишком разобщены, и тем не менее они уже знакомы с металлургией. Складывается странное впечатление, что биосфера планеты развивалась своим собственным путем, не имеющим ничего общего с людьми, ее населяющими. Взять хотя бы анатомию. После твоего лечения Элсон стал здесь главным лекарем. Боюсь, что местный жрец из-за него вскоре потеряет всех клиентов. Правда, болеют бореи редко, но дело не в этом, ему удалось взять у них пробу крови, так вот, плазма, состав крови, все абсолютно соответствует нашей, есть даже резус-фактор... А в крови местных животных вообще нет красных кровяных телец, у них кровь на основе меди, она голубая, как у земных осьминогов. Ряд других вторичных признаков говорит о том же: бореи не могли родиться на этой планете... Они здесь такие же чужаки, как и мы.

— Подожди. Мне нелегко переварить сразу столько информации. Дай-ка стимулятор, Олег. Сколько я провалялся?

— Пять дней, как всегда при лечении дезином.

Ротанов проглотил красную таблетку в безвкусной, чуть сладковатой оболочке. Минуты две он лежал расслабившись, в ожидании, пока лекарство подействует. Вскоре он почувствовал, как по всему телу прошла волна тепла, исчезла слабость, пришло удивительное ощущение прозрачности мысли.

— Так вот, друзья. Не забывайте, что мы особая группа. И нашей основной задачей по-прежнему остается выяснение главного: кто угрожает Земле, нашим поселениям и нашим кораблям. Кто и почему. Бореи, вероятно, не имеют к этому отношения. Скорее всего они лишь косвенно связаны с проблемой, которая нас интересует. Тем не менее дружба с ними может нам пригодиться и для получения информации, и на тот случай, если у нас произойдет столкновение с иными силами.

— Ты все еще не отказался от своей теории о существовании здесь достаточно развитой цивилизации?

— Видишь ли, Олег, одну вещь, во всяком случае, мы выяснили. У Эпсилона только эта планета. Других нет. И если не будет обнаружено каких-нибудь совершенно непонятных для нас форм жизни в самой «черной дыре», то искать тех, кто напал на наши колонии, надо здесь. Вот вы считаете, что бореи не могли появиться на острове. Это, конечно, верно. Фактов уже достаточно для такого вывода, но почему не предположить, что они пришли с материка?

— Разве здесь есть материк?

— Мы не успели облететь планету. Большая часть атмосферы была закрыта облаками. Здесь может быть все что угодно, и материк в том числе, мы пока только еще приступаем к накоплению информации. Открытия возможны самые неожиданные. Вот почему так важно сохранить хорошие отношения с бореями. Если они поделятся с нами своими знаниями, это намного упростит нашу задачу.

Дни стояли на редкость теплыми даже для Энны, как бореи назвали свою планету (а может быть, остров; слово «Энна» скорее всего означало просто мир, в котором живут люди). За последние годы климат изменился в лучшую сторону, он стал ровнее и теплее. Это объяснялось постепенным накоплением тепла в замкнутом пространстве Эпсилона, который, хоть и излучал в настоящее время лишь незначительную часть своей прежней энергии,

все же ее оставалось внутри системы больше, чем излучалось наружу. В будущем, когда тепла накопится слишком много, температура на планете должна чрезмерно возрасти, но пока здесь повсюду преобладал мягкий климат земных субтропиков.

В результате смещения излучения звезды в инфракрасную область изменился цвет растительности. Из некогда зеленого он стал бархатно-черным, не отражающим ни единого лучика света. Большинство форм погибло, зато те, что уцелели и сумели приспособиться к новым условиям, разрослись до гигантских размеров и очень быстро заполнили все свободное пространство суши.

Поселение бореев утонуло в море гигантских черных трав. Их верхушки порой вытягивались гораздо выше хижин и смыкали над жилищами людей непроницаемый плотный купол своих шуршащих мягких листьев. Ночами и днями, которые здесь почти не отличались друг от друга, Ротанов слышал однообразный шепот этих листьев, похожий на шум морского прибоя.

Почувствовав себя лучше, Ротанов все чаще стал покидать хижину и знакомиться с поселком. За ним повсюду следовали два молчаливых стража. Очевидно, его новая роль жениха требовала к его персоне особого внимания, поскольку остальные члены экипажа передвигались по поселку свободно и могли идти куда угодно. Первое время Ротанов тяготился этой охраной, но вскоре привык к ней и перестал обращать внимание на молчаливых суровых людей, сменявшихся каждые шесть часов и не отвечавших ни на один его вопрос... Впрочем, так поступали не только стражи. На Ротанова словно было наложено некое табу, ни один житель поселка не вступал с ним в разговор и сразу же при его приближении уходил прочь; так вели себя все, кроме жреца...

Закончив обед, состоящий из мяса, обильно политого соком пряных трав, Ротанов вышел из хижины и отправился на поиски жреца.

Большинство мужчин в этот час уходили на охоту и рыбную ловлю, в поселке оставались юноши и женщины. При приближении Ротанова они сразу же разбегались. С остальными членами экипажа они вели себя по-другому, и Ротанова порядком раздражало его «особое» положение. Посреди поселка, между двумя хижинами, протянулся странный деревянный помост. Вчера его не было. Ротанов, стараясь понять, что это такое, подошел поближе. Помост оказался огромным столом. В обеих хижинах сняли передние стены, и стол шел теперь из одной в другую, перегородив улицу. Приготовления к свадьбе почти закончены... Оставалось всего два дня, а он до сих пор так и не сумел выяснить, что

собой представляет обряд «похищения невесты» и какова его собственная роль во всей этой истории... Со дня прибытия его не покидало ощущение участия в театральном спектакле. Этому способствовали многочисленные условности и обряды, сопровождавшие каждый шаг бореев, возможно, был еще какой-то фактор, понять который до сих пор он так и не сумел. Пройдя вдоль стола, Ротанов заглянул в хижину и вдруг увидел жреца. Этот человек, единственный из всех, не уходил при приближении Ротанова и хоть неохотно, все же поддерживал вежливую беседу, пока Ротанов не начинал задавать своих бесконечных вопросов. Жрец поднял голову. Глубокая задумчивость, почти печаль читалась на изуродованном морщинами и шрамами лице этого человека.

Ротанов подошел и молча сел рядом, пододвинув к себе тяжелую узорчатую чашу, но и она оказалась пуста, как та, что стояла перед жрецом.

— Эти чаши наполнят через два восхода. В день твоей свадьбы.

— Почему ты не хочешь, чтобы я поговорил с Той-Что-Прячет-Свое-Лицо? Она ведь моя невеста.

— Такой закон. Поговорите после свадьбы, если останется время. Из храма часто не возвращаются.

— Все пугаешь?

— Зачем мне тебя пугать? Разве я не знаю, что те, кто прилетает на огненных колесницах, ничего не боятся? Но есть вещи, которых не дано избежать никому: за рождением следует смерть, за свадьбой — разлука, человеческая жизнь в нашей стране коротка.

— Да ты философ, жрец. А что касается неизбежности и предопределенности, навязанной чужой волей, мне приходилось с ними встречаться. Ты знаешь, что такое мужество? А что такое дружба, ты знаешь?

Жрец кивнул.

— Странный у нас с тобой разговор. Да, я все это знаю и потому стараюсь понять: чего вы ждете? Люди, стерегущие тебя, не так уж бдительны, а ночи у нас темны, никто не трогал вашу колесницу. Почему вы не уходите, разве у вас мало своих дел?

— Кому-то мы здесь здорово мешаем. Может быть, тебе, жрец? Молчишь? А мы не уйдем, пока не узнаем, для чего здесь похищают невест. Что с ними происходит потом и почему так коротка жизнь в вашей стране?

— Через два восхода свадьба. — Жрец поднялся. — Тогда и узнаешь. Подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал. — И,

уже отвернувшись от Ротанова, он вдруг произнес в сторону очень тихой скороговоркой: — Я всего лишь служитель богини, не я придумываю законы, простой человек не может изменить предначертанное, но вы, люди, летающие на огненных колесницах, можете многое. Я покажу тебе дорогу.

Не добавив ни слова, жрец ушел, и Ротанов, оставшись один, долго рассматривал замысловатый узор на тяжелой кованой чаше. Неведомые чудища гнались друг за другом по кругу, и не было конца этому бегу. Кто же такой жрец, друг или враг? И кого он боится? Кого может бояться здесь человек, занимающий в племени столь высокое положение, что сам повелитель входит в его хижину с низким поклоном? Какую дорогу имел в виду жрец? Одни вопросы. Вопросы без ответов...

Странные ночи стояли на Энне. Полные розовых сумерек. Шепота огромных бархатных листьев. Пахнущей травами тишины, прерываемой лишь далекими криками куков. Ротанов лежал в своей хижине с открытыми глазами и ждал прихода Олега. Днем они обменялись условным знаком, и теперь, как только стражи у входа отвлекутся, Олег будет здесь.

Что-то случилось. Что-то такое, чего не скажешь по селектору связи. Ротанов не разрешал без крайней необходимости этих тайных ночных визитов, но ему самому нужен был Олег. Послезавтра свадьба, и он чувствовал, что события все время опережают их, что они к ним не готовы... Наконец послышался шорох под полом хижины. Ротанов отодвинул циновку. Люк, который они сделали специально для таких неофициальных визитов, откинулся, и появился Олег. Его коренастая массивная фигура угадывалась во мраке лишь смутным контуром. Он все никак не мог отдышаться.

— Сегодня твои охранники внимательны, как никогда. Мне пришлось бежать от них в рощу, битый час путать следы и потом возвращаться снова.

— Послезавтра свадьба, и, наверно, охрана получила приказ удвоить бдительность. В конце концов, там, где похищают невест, никто не знает, что может случиться с женихом.

— Ты все шутишь, а мне не нравится комедия с твоей свадьбой. Они зашли слишком далеко.

— Мне это тоже не нравится, да в чужой монастырь со своими законами не ходят.

Они замолчали, прислушиваясь, но снаружи все было спокойно.

— Половина охраны ищет меня сейчас в роще, а те, что остались, не войдут в хижину, жрец сказал, что им это запрещено.

— Я знаю. Что там у вас случилось? Почему ты подал условный знак?

— Жрец передал мне вот это. Сказал, ты поймешь. Не знаю, что он имел в виду, это похоже на какой-то план, но я в нем ничего не разобрал.

Олег протянул ему шуршащий листок рота. Бореи использовали это растение вместо бумаги. Если по листу рота провести острым предметом, выступал белый сок, хорошо видный на черном фоне, потом лист высушивали, и надпись или рисунок могли храниться сколько угодно долго. Ротанов поднес шуршащий лист к светящемуся плоду гинго. Холодного желтоватого света было вполне достаточно, чтобы разобрать каждую закорючку. Это, несомненно, был план местности. Всмотревшись, Ротанов узнал ущелье, где проходил его поединок с дроном. Стрелка указывала на ущелье, идущее вверх от этого места. В самом конце его была нарисована еще одна стрелка и стоял небольшой крестик. Жрец обещал показать дорогу и сдержал обещание. Вот только забыл объяснить, куда она ведет. Ротанов свернул лист в трубочку.

— С этим я разберусь. Теперь слушай внимательно. Нужно пробраться к шлюпке. Ее наверняка охраняют, поэтому пойдешь ты один. Постарайся не ввязываться в драку. В самом крайнем случае используй сонный газ. Нужно перегнать шлюпку в такое место, где она будет в безопасности и в то же время поближе к поселку. Пока ее обнаружат, пройдет какое-то время. Скоро она нам может понадобиться. И вот еще что... Попробуй зарядить от ее генераторов два-три комплекта батарей. Элсон считает, что заряд в них держится здесь часов пять-шесть, этого может оказаться достаточно, если ты правильно рассчитаешь время.

— Ты имеешь в виду защитные костюмы?

— Разумеется, не бластеры. Костюмы, связь со шлюпкой. Мы тоже должны подготовиться к свадьбе. Чувствую я, что за ней сразу же последуют бурные события. А теперь иди, пока из рощи не вернулась охрана.

Олег бесшумно исчез в люке, и Ротанов вновь остался один.

Итак, жрец сдержал обещание... План... Что там может быть? Засада? Ловушка? Провокация с целью скомпрометировать «жениха» накануне обряда? Он лежал, вытянувшись на циновке, и вслушивался в розоватую, мягкую, как вата, тишину Энны. Больше всего Ротанов не любил неопределенность и неизвестность. В таких ситуациях он всегда предпочитал ускорять события, идти при малейшей возможности им навстречу. Сегодня такая возможность у него была.

Он бесшумно поднялся со своего травянистого ложа и осторожно, крадучись, подошел к двери хижины. Ни один стебель не скрипнул под его ногами, казалось, во мраке хижины движется лишь тень человека, так осторожны были его движения. Убедившись, что возле хижины по-прежнему два стража и что внимание их приковано к зарослям, где уже слышался шорох ветвей и шум шагов возвращавшихся из неудачной погони за Олегом воинов, Ротанов вернулся к люку. Хижина стояла на столбах. Между землей и полом оставалось достаточное пространство, чтобы в нем мог свободно проползти человек. Ротанов осмотрелся и длинной незаметной тенью нырнул в заросли трав позади хижины.

Судя по тишине, царившей в поселке, его уход остался незамеченным, вот когда пригодились фотографическая память и долгие прогулки по поселку, позволившие ему составить в уме точную и подробную карту и самого поселка, и его ближайших окрестностей. Сейчас ему не стоило большого труда привязать к ней план, нацарапанный жрецом.

Выскользнув из поселка, он медленно стал подниматься по дну ущелья, стараясь не выходить из густых зарослей, росших по краям. Розоватая мгла охватывала весь горизонт, и нельзя было понять, где здесь восток, где запад. Обойдя стороной площадку, на которой две недели назад он, спасая жизнь неизвестного ему человека, бросился на разъяренного дрона, Ротанов углубился в узкую расщелину, в конце ее на плане стоял крест — неизвестная цель его путешествия. Отвесные обрывистые скалы подступили вплотную. Заросли истончились и почти исчезли. Идти скрытно становилось все труднее. Впрочем, теперь это уже не имело такого значения, как вблизи поселка. Место, отмеченное на плане, должно было быть совсем рядом, но он не видел ничего, кроме зарослей и обрывистых стен ущелья. Едва заметная тропа уперлась в камень. Дальше пути не было. Ротанов остановился в недоумении. Он ожидал ловушки, засады, но не обмана. Что-то здесь не так. Может быть, он ошибся, перепутал ущелья? Он закрыл глаза. Память, словно на фотографии, высветила белые линии чертежа. Нет, все правильно, крест стоял именно здесь, на этой стенке. Он протянул руку и провел по гладкой шероховатой поверхности скалы, и вдруг ниже, там, где плотные невысокие заросли полностью скрывали камень, рука нащупала пустоту.

Лаз оказался узким и неудобным, явно не рассчитанным на его комплекцию. К счастью, ему не пришлось слишком долго протискиваться сквозь эту расщелину, ведущую в неизвестность.

Через несколько метров ход изогнулся в сторону, и впереди забрезжил тусклый желтоватый свет.

Осторожно пододвинувшись к краю отверстия, Ротанов заглянул внутрь освещенной пещеры. Собственно, это была не пещера. Гладкие ровные стены просторного помещения говорили о его искусственном происхождении. Посреди вырубленной в скале комнаты стоял стол, за которым кто-то сидел. Слишком низкие своды лаза мешали Ротанову приподнять голову, и он не видел лица сидящего. Зато стол он видел хорошо. На нем лежали толстые связки листьев рота и стояли какие-то непонятные инструменты. Там был, например, хрустальный граненый шар, зажатый в бронзовых захватах, странный тикающий механизм в прозрачном корпусе, сфера с нанесенными на нее непонятными значками. Руки сидевшего человека быстро двигались, торопливо раскладывая на столе мелкие предметы, не то фишки какой-то игры, не то крупные зерна неизвестного ему растения. Вдруг человек нагнулся и пристально посмотрел в его сторону. Ротанов вздрогнул, почти физически ощутив этот взгляд, и только сейчас узнал женщину, сидевшую за столом. Слишком хорошо она запомнилась ему во время болезни.

— Разве в вашей стране принято, чтобы гость лежал у порога?

— Нет. Но мне забыли сказать, что меня здесь ждут.

Ротанов спрыгнул внутрь пещеры и осмотрелся. Сухой прохладный воздух шел откуда-то сверху. Желтые светящиеся плоды, развешенные по стенам, создавали мягкое ровное освещение, узкая постель, застланная шкурой, очаг с набором кухонной утвари — здесь было как будто все, чтобы человек мог тут жить долго. Но Ротанов не привык доверять первому впечатлению. Посуда была слишком новой, не тронутой пленкой окиси, вокруг дымового отверстия очага не видно было сажи, а шкура казалась слишком пушистой, слишком ровной. Стилизация, хорошо и старательно выполненная под бронзовый век. Интересно, как она догадалась о его присутствии? Он был уверен, что последние несколько метров полз совершенно бесшумно.

— Тебе не нравится мое жилище?

— Нет, почему же, оно рационально.

У очага стояла скамейка, и Ротанов, пододвинув ее к столу, сел, так и не дождавшись приглашения.

— Это всего лишь убежище. На всякий случай. Я не живу здесь, и о нем никто не знает, кроме меня и моего отца.

— Ты дочь жреца?

— Он мой отец, но я не его дочь.

— Как это понять?

— Он считает меня своей дочерью. Но это не так.

— Значит, он твой приемный отец?

— Это слово мне непонятно.

— Ну хорошо. Оставим это... Давай поговорим лучше о завтрашней свадьбе. Я не знаю ваших законов и хочу быть уверен, что ты согласилась на этот обряд по доброй воле, и еще скажи мне, что означает похищение невесты?

— Сразу столько вопросов... Я не могу тебе все объяснить, но завтра ты многое поймешь сам. В обычаях бореев скрыт глубокий смысл, они... Как бы это получше сказать, чтобы было понятно твоему механическому слуге, который переводит мою речь на твой язык... Ты так сказал об этом помещении.

— Рациональны?

— Да. Но не все. Есть законы и правила, совершенно непонятные чужеземцам. В тот день, когда ты победил дрона, я была в глубоком смятении. Королева праздника обязана выбрать своим суженым победителя, таков закон. Но им должен был стать Рэт. Я не любила этого человека. Он постоянно преследовал меня и наконец добился своего. Подстроил так, что королевой праздника избрали меня... недолго живет та, которой выпал этот жребий. Рэт — сын вождя, у него много родственников, отец пробовал помешать им, но у него ничего не вышло. Рэт предупреждал меня, что так будет, если я не соглашусь стать его женой, и, как видишь, сдержал слово. В последний свой день я должна была сделаться игрушкой для человека, которого ненавижу. И вдруг вмешался ты. Это было как дар богов, как судьба.

Ее огромные глаза блестели, как синие влажные звезды, и Ротанов почувствовал странное волнение. Он как зачарованный мальчишка ловил каждое ее слово, каждый звук ее голоса... До него вдруг дошел смысл фразы: «Недолго живет та, которой выпал этот жребий...»

— Ночь коротка, и у нас мало времени. Мне надо объяснить тебе, как поступить в храме Юстары. Ты не знаком с нашими обычаями и вовсе не обязан соглашаться, никто тебя не упрекнет.

— Соглашаться на что?

— Ты не должен оставаться со мной после обряда. Отказаться очень просто. Когда жрец разломит пополам священный плод таны, брось свою половину в источник — это и будет отказ, тогда ты будешь свободен и в любой момент, как только захочешь, сам сможешь выбрать другую девушку. Ту, что тебе понравится.

— Могу я по крайней мере узнать имя своей невесты?

— До того, как я стала жрицей богини Юстары, меня звали здесь Элной.

— Скажи, Элна, а если я не захочу отказаться, что тогда?

— Не надо с этим шутить, Ротанов. Ты должен отказаться.

— Позволь мне подумать хотя бы до завтра.

— Ты просто не знаешь, насколько это опасно, не знаешь будущего. Это принесет несчастье прежде всего тебе самому.

Она не смогла бы, наверное, найти лучших слов, чтобы заставить его принять окончательное решение.

4

Разговор закончился быстро. Пожалуй, слишком быстро. Чего-то она все время боялась или кого-то ждала, Та-Что-Прячет-Свое-Лицо... Не зря она его прячет. Сегодня наконец Ротанов почувствовал, что вплотную приблизился к разгадке какой-то важной тайны...

Как только он протиснулся в узкую расселину, соединявшую второй выход из пещеры с незнакомым ему рукавом ущелья, он остановился и прислушался. «По старой дороге не ходи, там тебя могут ждать, я покажу другой выход», — сказала она, и вот теперь он стоял на едва заметной тропе один. Скользящие сумеречные тени вновь окружили его со всех сторон. «Слишком долгий восход», — подумалось ему. Или, быть может, закат? Скорее закат, ведь у этого мира нет будущего. Все закончится в гравитационном коллапсе, а коллапс — это попросту смерть для всего живого, вообще для всего сущего, даже для мертвой материи... может быть, тысячу лет продержится сегодняшнее состояние неустойчивого равновесия, а может, всего десять, невозможно предсказать, поскольку неизвестны причины, поддерживающие этот остановленный кем-то космический взрыв... Для этого нужны силы и энергии, о которых человечество сегодня не смеет и мечтать, шутка сказать, остановить гравитационный коллапс звезды... Неужели нашелся разум, способный это осуществить? Или они столкнулись с очередным природным феноменом, которому пока нет объяснения? Бронзовый век? Да, возможно, вот только слишком много несуразностей, противоречий. В одном он сегодня убедился окончательно: Та-Что-Прячет-Свое-Лицо не принадлежала к племени бореев. Приемная дочь жреца прекрасно владела собой, она великолепно научилась скрывать свои знания и мысли. Наверное, для бореев этого было достаточно, но в мельчай-

ших нюансах ее поведения, в манере построения фраз он почувствовал интеллект, по крайней мере равный его собственному.

Кто же она такая? Нужно предпринять разведку, немедленно выяснить, есть ли здесь другие земли и народы. Даже если генераторы шлюпки израсходуют весь запас активного вещества, даже вообще без шлюпки, используя местный транспорт, им все равно придется провести детальную разведку, потому что больше ждать нельзя. Элсон не в состоянии рассчитать, как сильно замедляется время внутри этого несуразного мира, насколько оно отличается от внешнего времени. Возможно, прошли все контрольные сроки, возможно, Торсон давно уже вернул «Каравеллу» на базу, поднял тревогу, и теперь сюда спешит весь резервный флот Федерации. А у них по-прежнему почти нет никаких конкретных данных, они по-прежнему не готовы к решительным действиям — одни догадки да предположения... «Ничего, — успокоил он себя, — завтрашняя свадьба многое должна прояснить. Не зря ее все ждут, ждут и боятся. Вот мы и посмотрим, кого они так боятся... Возможно, удастся приобрести в лице бореев друзей, да и тайну Той-Что-Прячет-Свое-Лицо он никогда не узнает, если не доведет обряд до конца. Бореи могут оказаться неплохими проводниками, они мало что знают о загадках своего странного мира, но уж местность-то они знают наверняка. С их помощью мы найдем тех, кто управляет этой планетой, кто устанавливает на ней нелепые и жестокие законы». Сквозь привычные шорохи и звуки ночных зарослей Энны, между периодически разрывавшими тишину воплями куков ему послышался посторонний звук, словно камень сорвался со склона под чьей-то неосторожной ногой... Впрочем, камень мог сорваться и сам по себе. Ротанов осторожно двинулся по тропе, стараясь совсем не показываться на открытом пространстве, обходя проплешины и подолгу задерживаясь в боковых ущельях, пробитых в скалах некогда бурными, а теперь уж навсегда исчезнувшими потоками. Не хватало, чтобы его обнаружили. Сколько он там нарушил этих священных запретов племени, покинув хижину и увидевшись до свадьбы с Той-Что-Прячет-Свое-Лицо?

Вдруг Ротанов резко остановился. Новый звук, долетевший до него, был едва различим, зато он показался ему совершенно чуждым всем остальным шорохам, наполнявшим заросли. Далекий звон струны? Он не успел понять, потому что спустя ничтожную долю секунды раздался резкий свист и нечто тяжелое с силой ударило в толстый стебель перед ним.

Мгновенно по-кошачьи распластавшись на земле, Ротанов замер. Но ничто больше не нарушало обычных звуков сумереч-

ных зарослей, и если бы не этот предмет, вонзившийся в ствол и теперь слегка раскачивавшийся у него над головой, Ротанов мог бы подумать, что все происшедшее лишь игра его воображения. Он ждал долго, до последнего разумного предела, понимая, что от выдержки, от того, кто первый обнаружит себя, зависит исход дальнейшего поединка. Он был безоружен, но ему необходимо вернуться в хижину до того, как проснется поселок. Больше ждать он не мог.

Плавно и осторожно Ротанов передвинулся вплотную к стволу и снова замер. Ничего не произошло. Тогда одним резким движением он переметнул свое тело на противоположную сторону, так что ствол теперь оказался между ним и этим неведомо откуда взявшимся предметом, и снова ничего не произошло. Ротанов медленно поднялся, вплотную прижимаясь к могучему стеблю, толщины которого было достаточно, чтобы прикрыть сразу двух человек.

Теперь предмет, застрявший в стебле, оказался напротив его лица с противоположной стороны, оставалось лишь протянуть руку...

Это был трехгранный стальной клинок с двумя лезвиями и рукояткой посредине. Нож, специально приспособленный для метания, и не только вручную. На краю рукоятки он заметил скобу для тетивы и вспомнил звон струны... Нечто вроде арбалета, метающего стальные клинки. «Сложноватое оружие для бронзового века. Кому-то мы тут сильно мешаем, и вряд ли это бореи...» Он подумал о том, что это мог бы быть Рэт, неудавшийся жених, оскорбленный им на празднике дрона, и тут же отбросил это предположение, слишком хорошо успел он за эти дни познакомиться с характером бореев. Рэт не стал бы устраивать на него тайной засады, такая победа не принесла бы ему ничего, кроме позора, да и само оружие говорило против этого. Тот, кто стрелял, собирался покончить с ним одним выстрелом. Лишь предчувствие опасности, выработанное годами, внезапная остановка спасли его от этого удара. Ротанов примерил рукоятку. Его ладонь удобно поместилась в ребристом углублении. Что ж, теперь можно поговорить на равных... Выждав еще с полчаса, Ротанов медленно двинулся дальше, никто больше не пытался остановить его.

Стражи возле хижины мирно дремали на своих постах, и когда багровое пятнышко Эпсилона показалось над горизонтом, он уже лежал на циновке, словно и не покидал хижину всю ночь.

Утро самого праздника началось торжественной и нелепой процессией. Ротанова водили от стола к столу, от хижины к хи-

жине. Голову его украшал не то венок, не то шляпа, сплетенная из цветов и листьев. Столы ломились от фруктов, рыбы и мяса неизвестных ему животных. Это была щедрая планета, и она обильно снабжала плодами своей земли народ бореев, не требуя взамен чрезмерных усилий. Ровный и мягкий климат, почти не разделенный на день и ночь, отсутствие в атмосфере сильных воздушных течений — все это вместе создавало впечатление убаюкивающего покоя, почти скуки, и, если бы не его ночное путешествие, Ротанов, пожалуй, смог бы в это не поверить. Тревогу вызывало то, что остальных космолетчиков все время держали в стороне от основной группы наиболее высокопоставленных участников торжества.

Наконец после десяти часов непрерывного рева труб, хмельных криков и непонятных тостов Ротанов понял, что праздник подходит к концу. Предводитель племени произнес заключительную речь, полную тревожных намеков и не менее тревожных поздравлений. Он говорил что-то о вековой каре, о расплате за нарушение традиций, о забытых заветах предков, о том, что чужестранцы, прибывающие на огненных колесницах, позволяют себе слишком много вольностей в их стране. В заключение он сказал, что ждать осталось недолго, расплата близка. И предложил выпить за счастье, которое ждет их всех в недалеком будущем, а Ротанова уже сегодня. Пока под приветственные крики передавали друг другу очередную круговую чашу с хмельным напитком, Ротанову наконец удалось протиснуться к Дуброву.

— Крымов не вернулся, батарей нет. Держись. Мы попробуем прорваться к храму Юстары, как только начнется обряд.

— Даже не думайте. С этим я справлюсь сам. Выясните, что со шлюпкой, куда девался Олег.

Дуброва оттеснили, к Ротанову подошел почетный эскорт воинов. Приближалась заключительная церемония, ради которой он терпеливо сносил весь этот балаган.

Храм богини Юстары расположился у подножия горного хребта, разорвавшего сплошное море черных трав, в двух километрах от поселка. Долина шепчущих листьев — так называлось это место. Ротанов не раз поражался точности и своеобразной поэтичности местных названий.

Торжественная процессия, возглавляемая помощником жреца, шла по дну постепенно поднимавшегося по склону хребта ущелья. Дышалось с трудом — то ли от подъема, то ли от того, что воздух здесь был до предела насыщен влагой. Наконец в глубине на фоне серого неба обрисовалась громада какого-то строения. И чем ближе

они подходили к храму, тем больше Ротанов поражался мрачному величию этого сооружения. Сложенные из огромных неотесанных глыб серого камня стены производили почти циклопическое впечатление. Никакие механизмы не смогли бы разместиться в узком ущелье и поднять эти массивные глыбы на такую высоту. И тем не менее стены храма торжественно и величественно стояли здесь, прочно врезавшись в землю планеты.

Седой древностью веяло от изъеденных временем замшелых глыб. «Слишком много противоречий, — подумал Ротанов, — натуральное хозяйство, бронзовый век, и вдруг стальные лезвия, самострелы, теперь этот храм, сделанный наверняка не руками людей. Тогда кем же? Слишком много загадок, слишком много тайн на этой планете. А узнали пока так мало... Почти ничего существенного. Ничего такого, ради чего стоило очертя голову бросаться в гравитационную бездну. Где те, кто направляет к Земле «черные корабли»? Где подлинные хозяева планеты?» Что, если он ошибся, если планета не имеет ни малейшего отношения ни к пузырям антипространства, ни к нападению на земные колонии, что, если врагов следовало искать совсем в другом месте? Если здесь специально создана хитрая и запутанная ложная приманка, обманный ход противника, желание увести их в сторону, выиграть время... В одном он был совершенно уверен: кто-то очень хотел, чтобы они опустились на Энну, кому-то это было надо. И кому-то еще они здесь сильно мешали.

Он нащупал под одеждой длинное лезвие кинжала, который вырвал из стебля в ночном лесу. Лезвие казалось холодным и надежным. «Конечно, это не бластер, но и я не простой охотник, как бы дичь не поменялась ролями с теми, кто затеял этот мистический спектакль». Отстранив провожатых, Ротанов решительно шагнул к огромным, похожим на ворота дверям храма. Ворота со скрипом, тяжело приподнялись при его приближении, открывая мрачный и темный вход, из которого пахнуло холодом. Не раздумывая больше, Ротанов вошел внутрь.

К его удивлению, в храме оказалось достаточно светло. Свет шел сверху, из узких щелей в потолке и от вездесущих здесь универсальных светильников — плодов гинго. Сделав несколько шагов, Ротанов остановился и даже не обернулся, когда с грохотом за ним захлопнулась дверь. Он не собирался показывать своим неведомым противникам, какое впечатление произвели на него эти захлопнувшиеся позади каменные ворота. И хотя теперь он остался как будто один, он не сомневался, что за ним наблюдает не одна пара глаз.

Храм был прост, величествен и мрачен. Никакие перегородки не разделяли внутреннего пространства огромной конической башни, форму которой он не мог определить снаружи. Сложенные из грубо вытесанных камней стены поддерживали терявшийся во мраке свод. В центре храма, в сотне шагов от входа, возвышалась статуя женщины. От самой позы женщины веяло безысходной тоской, обыкновенным человеческим горем. Мрачноватый храм, слишком мрачноватый для свадьбы. Ротанов подошел ближе к статуе. Лицо ее скрывало едва намеченное покрывало. Что означает этот повторяющийся символ — женщина без лица? Безликая судьба? Или их боги так жестоки, что предпочитают прятать свои лица? Но тогда почему живая женщина тоже должна прятать свое лицо? Во всем этом некогда разбираться, да и не нужно. Есть вещи, не предназначенные для посторонних, принадлежащие только этому народу и этому месту. Он отошел от статуи и лишь сейчас заметил у ее подножия небольшой каменный бассейн, в котором плескалась вода. «Наверно, это и есть священный источник», — подумал Ротанов. Его мысли прервал голос, раздавшийся высоко под куполом храма. Усиленный и отраженный стенами, он, казалось, шел со всех сторон.

— Чужеземец, желающий взять в жены Ту-Что-Прячет-Свое-Лицо, чисты ли твои намерения? Нет ли в мыслях у тебя коварства и зла, скрытых под покровом внешнего? Зачем ты пришел сюда?

— Слишком много вопросов. Я отвечу лишь на последний. Я пришел, чтобы защитить Ту-Что-Прячет-Свое-Лицо.

— Достойный ответ... — Только теперь Ротанов узнал в этих повелительных мрачных интонациях голос жреца. — Подойди же ближе, и да исполнится предначертанное...

Долгий печальный звук, не лишенный мелодичности, пронесся под сводами храма — не то гонг, не то стон... Ротанов подошел вплотную к источнику. Он дал себе слово не оглядываться, не оглянулся и сейчас, хотя отчетливо различал звук шагов за спиной и вздрогнул лишь тогда, когда в его левую руку легла узкая, прохладная женская ладонь. Две или три фигуры, с ног до головы закутанные в темные покрывала, остались у них за спиной. Подошел жрец в оранжевом плаще со своим неизменным ожерельем из прозрачных камней. Он подал знак, и снова прорыдал гонг. Руки статуи, до этого в скорбном жесте прижатые к груди, вдруг распрямились и оказались теперь протянутыми к Ротанову. На раскрытых ладонях статуи, сделанных из неокрашенного дерева, лежал золотистый неведомый плод. «Наверно, это и есть священный плод таны», — подумал Ротанов. Он стоял

неподвижно и прищурившись смотрел на ослепительно желтый плод, казавшийся единственным живым и ярким пятном в этом мертвом храме, в мертвых деревянных руках статуи. Возможно, он должен был сам сделать то, что в конце концов сделал жрец. Шагнув к статуе, он молча взял плод с ее ладоней, разломил его над источником, и Ротанов заметил, что несколько капель сока, красных как кровь, упали в воду. Одну половину плода жрец протянул Ротанову, другую женщине.

Взяв свою часть плода, Ротанов повернулся к Той-Что-Прячет-Свое-Лицо. Сегодня покрывало на ее голове было глухим и непроницаемо черным, он не смог увидеть даже глаз. Вся ее фигура показалась ему неподвижной, похожей на изваяние богини. Голос под куполом храма спросил:

— Согласен ли ты, чужестранец, победивший дрона, соединить тропу своей судьбы с судьбой женщины, что стоит с тобой рядом?

Ротанову почудился какой-то подвох в этой фразе, но он ответил сразу же:

— Да, согласен.

— Тогда вкуси от священного плода таны.

Ротанов отрицательно покачал головой, повернулся к Той-Что-Прячет-Свое-Лицо и отчетливо произнес:

— Пусть она сделает это первой. В моей стране женщина имеет такое же право выбора, как мужчина.

Тишина, повисшая в храме, выдала замешательство тех, кто режиссировал этот спектакль. Наконец голос под куполом произнес:

— Хорошо, чужеземец. Богиня удовлетворяет твою просьбу. Пусть Та-Что-Прячет-Свое-Лицо первой совершит обряд.

Не переменив позы, деревянным движением, словно она и впрямь была статуей, Та-Что-Прячет-Свое-Лицо приподняла покрывало, поднесла к губам плод таны, надкусила его, и темная, похожая на кровь струйка сока потекла по ее одежде. Торопливо опустив покрывало, женщина шагнула к статуе и вложила в ее протянутые ладони остатки плода.

Доли мгновения оказалось Ротанову достаточно, чтобы узнать Ту-Что-Прячет-Свое-Лицо. Сомнения отпали. Теперь он знал, что делать дальше.

— Твоя очередь, чужеземец! — произнес голос под куполом.

И Ротанов, по-прежнему не отрывая взгляда от темного покрывала, поднес плод к лицу. В эту секунду сдавленный, сбивчивый шепот коснулся его ушей:

— Не делай этого, я тебя прошу, умоляю! Ты погубишь себя, а мне все равно не поможешь. Брось плод в источник.

Плод был терпким, почти горьковатым на вкус. У Ротанова пересохло во рту, и он проглотил душистый, густой сок, затем шагнул к статуе и вложил ей в ладони остаток плода. В последний раз ударил гонг, померкли светильники.

Ротанов заметил, как в почтительном поклоне склонились перед ним служители храма, и понял, что обряд закончен.

Их пригласили к боковому проходу. Ротанов, не отпуская узкой холодной ладони, чтобы не потерять женщину в этом полумраке, пошел за служителем. Перед ними открылась узкая каменная лестница. Подъем продолжался долго. Они, очевидно, находились уже у купола храма, в каких-то его верхних, расположенных над крышей этажах. Лестница закончилась узкой дверью, почти щелью. Ротанов с трудом протиснулся сквозь нее следом за Той-Что-Прячет-Свое-Лицо. Служители храма остались снаружи, и едва Ротанов переступил порог, как глыбы за его спиной дрогнули и сошлись вплотную, намертво закрывая выход.

Они очутились в небольшом цилиндрическом помещении метров семь в поперечнике с совершенно гладкими, уходящими вверх стенами. Пол, устланный пушистыми шкурами, был заставлен блюдами с плодами и местными яствами. Стояли кувшины с соком и брагой. Тут и там тускло светились оранжевые плоды, освещая странную, почти нереальную картину окружающего. Окон не было, лишь узкие, в ладонь шириной, щели связывали с внешним миром их новое жилище. Или темницу? Ротанов заметил, что рука его спутницы слегка дрожит. Он провел по ее волосам, едва коснувшись их торопливым движением, как гладят маленьких детей, чтобы их успокоить. Ни слова не было сказано с той самой минуты, как он услышал ее сбивчивый шепот у священного источника.

— Интересно, как долго мы здесь пробудем? — спросил он, осмотревшись.

— Совсем недолго, только до полуночной зари.

Ее рука снова вздрогнула, и он не стал спрашивать, что случится потом. По местному времени до этой самой «полуночной зари» оставалось не больше двух часов. Он осторожно отпустил ее руку, шагнул к щели, заменявшей окно, приподнялся на цыпочки и выглянул наружу. Перед ним внизу раскинулся весь остров. Если бы не полумрак, он бы, наверное, смог отсюда рассмотреть побережье.

— Больше всего я боялась, что ты не послушаешься меня. Я просила тебя не шутить с будущим, которого ты не знаешь.

— Да, я помню. Именно поэтому я предоставил право выбора тебе первой. Ты ведь тоже могла отказаться.

Она отрицательно покачала головой.

— Для меня выбор был определен судьбой.

— И все же ты могла отказаться, ведь могла? Ну скажи, могла?

Он заметил, как дрогнули ее плечи.

— Тогда здесь вместо меня оказалась бы другая женщина. Ты не должен был этого делать, Ротанов.

Несмотря на темную вуаль покрывала, несмотря на то что он по-прежнему не видел ее лица, он понял, как сильно было ее волнение. Голос стал глуше, и снова чуть заметно дрогнули плечи. Стоило рисковать. Стоило проделать все это хотя бы ради того, чтобы узнать, чего она так боится.

Медленно и осторожно Ротанов обошел по кругу все их небольшое помещение. Он старался не упустить ни малейшей детали. Невеселое место. Похоже на крепость. Только осаждающим сюда не добраться. Он вновь подошел к щели, заменявшей окно, и поразился толщине стен. Не меньше двух метров. Очевидно, снаружи стены сложены из тех же грубо отесанных глыб, только здесь есть штукатурка... Неожиданно это открытие заинтересовало его. Почему внизу в храме штукатурки не было, а здесь она была? Он попробовал ковырнуть стену осколком сосуда, валявшимся на полу. Стена оказалась твердой. Обожженная глина не оставила на ней даже царапины. Цемент? Во всяком случае, что-то не менее твердое... И кому-то было нужно сделать здесь гладкие стены, именно изнутри.

Чем внимательнее Ротанов оглядывал помещение, тем меньше оно ему нравилось. Не видно ни единой щели, ему пришлось нагнуться, чтобы обнаружить место, где сошлись плотно подогнанные глыбы, закрывавшие вход.

— Отсюда не выйти, но и сюда не так-то просто войти. Как именно они собираются тебя похищать?

— Давай не будем говорить об этом. И не будем думать. Ты все равно ничего не сможешь сделать. У нас осталось мало времени, стоит ли тратить его на бессмысленные теперь вопросы? Отсюда никто никогда не возвращался. Не вернемся и мы.

Впервые он почувствовал, насколько серьезна ее уверенность в безысходности их положения. Это был не страх, не женская боязнь неизвестной опасности. В ее голосе слышались спокой-

ная уверенность и безнадежная горечь. И он невольно подумал, сколько же мужества нужно этой женщине, чтобы так держаться.

— Ты можешь съесть чего-нибудь или выпить. Здесь много вкусных плодов. Вот, например, плод глада, он очень ароматен, попробуй.

Ротанов отрицательно покачал головой. Во рту у него все горело после сока священной таны. Очевидно, он содержал какие-то возбуждающие, наркотические вещества. Ротанов чувствовал легкое головокружение и теплую волну, распространявшуюся по всему телу. Ему было знакомо это состояние, оно обычно наступало после приема стимуляторов, и он знал, что сумеет держать себя под контролем, какая бы сильная доза ни оказалась в соке.

— Скажи, на твоей родине, когда мужчина выбирает себе женщину, у вас тоже бывает обряд, скрепляющий этот выбор?

— У нас выбор всегда взаимен. А обряд... Что ж, пожалуй, это можно назвать обрядом. Мы рисуем наши имена в большой красивой книге.

— И ты уже рисовал там свое имя?

— Нет. Не приходилось.

— Значит, я первая твоя женщина?

Ротанов почувствовал, что настала пора объясниться, расставить все по своим местам. Но он медлил, боялся начать, понимая, что своим объяснением скорее всего оскорбит ее, и не мог поступить иначе.

— Я ведь не успел узнать тебя как следует, я даже не видел твоего лица. У нас выбор не бывает таким скоропалительным. В моей стране мужчина и женщина сначала знакомятся, долгое время дружат друг с другом, иногда эта дружба переходит во что-то большее, и лишь убедившись в этом...

Он замолчал, чувствуя, что постепенно вязнет в болоте бессмысленных слов и что сказанного уже не вернешь назад. Она долго молчала. И вдруг заговорила как будто совсем о другом:

— Хочешь знать, почему существует обычай, запрещающий открывать мне лицо?

Он молча кивнул.

— Я говорила тебе, что в обычаях бореев много рационального. А этот помогает мужчине, после того как он останется один, не вспоминать лица той, которая его выбрала. Чтобы для него встреча не стала слишком значительной, чтобы некого было вспоминать. Чтобы навсегда, на всю жизнь, во всех твоих последующих знакомствах, «которые могут перейти во что-то большее»,

ты вспоминал меня лишь как Ту-Которая-Не-Имела-Лица, не имела права даже на твою память.

Ротанов чувствовал мучительный стыд и не находил слов, чтобы возразить ей.

И вдруг медленным, спокойным движением она сняла серебряный обруч вместе с темной вуалью, закрывавшей ее лицо. Волосы водопадом рассыпались по плечам, открывая высокий лоб, может быть, чуть слишком высокий, нос слегка вздернутый и, кажется, усыпанный веснушками, хотя в этом он не был уверен, и огромные синие глаза... Тысячи лет на его родной планете отделяли от него эту индивидуальную, слишком уж личную красоту. Смешение рас, смешение стилей и как следствие этого неизбежная унификация сначала одежды, а затем и эталонов женской красоты. Нет, она не казалась ему красивой, но почему же тогда как зачарованный не мог он отвести взгляда от ее лица, словно заглянул в родник с чистой водой, увидел в нем русалку и не отрываясь все пил и пил из этого родника чистую холодную воду. А она не отводила глаз, смотрела на него сурово и строго, словно ни секунды не сомневалась ни в себе, ни в том, какое впечатление произведет на него, словно знала заранее, что наказание за его чрезмерную и неуместную гордость будет действенным и суровым.

В нижних помещениях храма зарыдал гонг. Его звук, густой и вибрирующий, вырвался на свободу и проплыл от храма куда-то вниз, в долину. На секунду Ротанову показалось, что эхо, рожденное горами, вернуло им этот звук, и он упал на них откуда-то сверху едва различимым сдержанным вздохом, словно вздохнуло само небо.

— Надо что-то делать. Надо попробовать вырваться отсюда. Покорность не лучший способ справиться с судьбой.

Она отрицательно покачала головой.

— Отсюда не возвращаются, хотя ты мог бы еще отказаться. Еще не поздно, хочешь, я вызову жреца?

— Вызывай! Пусть они только откроют дверь. Мы уйдем отсюда вместе.

Она вновь покачала головой.

— Стражи на лестнице? Они нас не удержат.

— Я знаю. Но тогда сюда приведут кого-нибудь другого. А жребий пал на меня. По твоим правилам можно так поступать?

— Ну нельзя, нельзя так поступать по моим правилам! Хорошо. Мы останемся здесь и посмотрим, чем оно кончится, это их похищение!

И тогда опять откуда-то сверху донесся могучий и грозный гул, словно вибрировали и стонали сами горы. Ротанов поднял голову и только теперь заметил, что у башни не было крыши. Кусок бледного серого неба очерчивал ровный круг стен, почти сливавшихся с его темным фоном. Но сейчас небо посветлело перед рассветом, и он разглядел то, чего не видел раньше. Верхняя часть круглых стен была иссечена глубокими бороздами, словно кто-то рвал их гигантскими когтями. А звук, падавший сверху вдоль этих изодранных стен, становился все грознее, переходил в вибрирующий визг, на который мелкой дрожью отозвались двухметровые крепостные стены храма.

5

Получив задание Ротанова, Олег решил найти проводника. Всего несколько часов ходьбы отделяли поселок бореев от побережья, где приземлилась шлюпка, но в чужой стране лучше не путешествовать в одиночку. Нужен был человек, на которого можно полностью положиться. Ротанов просил сохранить экспедицию к шлюпке в тайне, и, наверное, для этого у него были серьезные причины. После долгих раздумий Олег решил побеседовать с Лартом, дальним родственником хозяина хижины, в которой его поселили. Между ними установились почти дружеские отношения. Ларт нравился Олегу немногословностью и открытым добродушием, которым зачастую в избытке обладают сильные, легко преодолевающие трудности люди. В дополнение ко всем своим достоинствам Ларт считался одним из лучших охотников племени и наверняка хорошо знал окружающую местность и обычаи племен, живущих поблизости.

Ларт встретил Олега как старого друга, усадил на лучшее место, и между ними завязалась неторопливая беседа о погоде, о ближайшей охоте и прочих малозначительных вещах. Бореи не любили излишней торопливости ни в делах, ни в серьезных разговорах. Наконец Олег решил, что этикет соблюден, и перешел к делу.

— Тебе приходилось бывать на южном побережье?

— Конечно. Сто ночей назад я ставил там силки на курланов. Там много дичи. Раньше мы часто охотились на юге.

— Ты не мог бы проводить меня к тому месту, где опустилась наша огненная лодка?

Олег решил не скрывать цели своего похода от Ларта. Он считал, что если уж приглашать человека для такого дела, то ему

следует доверять полностью. Ларт раздумывал минуты две. Наконец он заговорил, глядя в сторону, и было видно, что ответ ему неприятен:

— Теперь там чужая территория. Мы не можем ходить на южное побережье без разрешения роев.

Олег не знал, кто такие рои, в данный момент это его не особенно интересовало, но дополнительное препятствие вызвало тревогу, и поэтому он постарался уточнить:

— Один из бореев встретил нас, как только мы приземлились, разве он спрашивал разрешения у роев?

— Последние сто ночей бореи не ходят к побережью.

— Но человек, который проводил нас до поселка, разве он не борей? Он приветствовал нас от имени Той-Что-Прячет-Свое-Лицо.

— Так называют богиню Юстару и ее жриц, она почитается у разных племен нашего острова. Человек, приведший вас в поселок, не был бореем. Он был роем.

— Хорошо, пусть рой. Мы же не собираемся охотиться на их территории. Раз он свободно пришел в поселок, почему бы и нам не сделать то же самое? — продолжал гнуть свою линию Олег.

— У роев нет своего дома, они ходят везде, где хотят. Им не нужен дом.

— Нет домов, но есть своя земля? Я тебя не понимаю.

— Земля на побережье была наша, но рои сказали, она им нужна. Теперь туда нельзя ходить без разрешения роев.

— Хорошо, давай спросим у них разрешения, раз так нужно.

— С роями может разговаривать только жрец или правитель.

Проблема становилась все сложнее; Олег и так уже нарушил указания Ротанова, посвятив в свои планы Ларта. Теперь во что бы то ни стало нужно было найти способ довести дело до конца, уговорить Ларта обойтись без жреца и правителя.

Они сидели у очага и пили из глиняных чаш нечто вроде чечевичной похлебки. Олег уже достаточно разбирался в местных обычаях, эта чаша давала право задавать хозяину любые вопросы и рассчитывать на правдивый и исчерпывающий ответ, поскольку такую похлебку предлагали лишь тому, кого считали другом. Другом в доме Ларта Олег стал с тех пор, как научил хозяина способу особой закалки наконечников специальных копий, единственного оружия, которым разрешалось пользоваться во время охоты. Копья запрещалось вносить на территорию поселка. Во всем, что касалось оружия, у бореев существовал целый свод сложных правил, иногда противоречивых и запутанных. Складыва-

лось впечатление, что часть из них навязана племени извне. Не этими ли самыми роями?

Олег понимал, что разговор о роях не доставляет охотнику особой радости. И хотя положение друга этого дома давало ему большие права, нельзя было ими злоупотреблять. Все же он рискнул спросить прямо:

— Скажи, Ларт, кто такие рои, почему ты должен их слушаться?

Ларт ответил тотчас же, хотя Олег заметил, как напряглись мышцы его больших рук, выдавая скрытый гнев или волнение.

— Рои обладают большой силой. Они могут повелевать случаем.

— Повелевать чем? — не поверил своим ушам Олег.

— Человек, ослушавшийся роя, легко может сломать ногу на охоте, у него может загореться дом, он может заболеть, встретить опасного зверя за пределами охотничьей зоны, у него неожиданно может сломаться копье.

— Иными словами, заклятие рано или поздно сбывается... Ловко придумано.

— Ты не прав. Рои не колдуны. Но они могут подменить хороший день плохим, и человеку не будет удачи. С роями нельзя ссориться. Они приходят и уходят, когда хотят. Мы видим их редко, иногда раз-два за всю жизнь.

— Что им нужно от твоего племени? Вы платите им дань?

— Что такое дань?

— Даете вы им продукты, инструменты, оружие?

— Роям ничего такого не нужно. Они не охотятся, дичь сама приходит к ним, когда надо. На дереве, с которого рой сорвал плод, всегда растут самые лучшие, самые спелые плоды. Если рой захочет напиться, источник найдется от него не дальше чем в двух шагах. У роев не бывает врагов. Любой зверь, любой охотник, даже воины племени даров, которые не боятся никого, и те всегда уступают дорогу роям. Есть только один остров в нашем мире, над которым рои не властны. Но почему это так, я не знаю. Люди нашего племени не бывают в других землях, нам хватает своей.

— А разве вы не обмениваетесь товарами с другими землями?

— У нас все есть. Зачем?

— А ты сам разве не хотел бы поохотиться на новых местах, увидеть новых людей? — не сдавался Олег.

Ларт долго молчал.

— Ты говорил мне о своем мире. Он устроен иначе. В нашем мире человек живет недолго. Нам не хватает времени на чужие земли.

Ларт заметно помрачнел, и Олег вдруг вспомнил, что все люди племени бореев молоды, среди них почти нет стариков, разве что жрец и правитель... Он подумал, что должна быть серьезная причина для того, чтобы люди умирали молодыми в этой стране сплошного изобилия, где съедобные плоды растут круглый год чуть не на каждом шагу. И еще он подумал, что расспрашивать об этом Ларта не очень тактично, есть вещи, о которых тяжело говорить чужим. Но пройдет время, и они перестанут здесь быть чужими. Чтобы это произошло, нужно уметь считаться со здешними обычаями и нравами, даже если тебе это не слишком удобно. Олег медленно поднялся, простился с хозяином и пошел к выходу. Ларт остановил его уже за порогом.

— Тебе очень надо побывать на земле роев?

— Там осталась моя лодка. Вы называете ее огненной колесницей.

— Скажи, а в твоей лодке есть копья?

— Копья?

— Копья с очень острыми наконечниками, какие ты научил меня делать, очень длинные и сильные копья, которые могут достать до неба?

Олег постарался не показать, насколько его поразил этот вопрос.

— Да, в моей лодке есть такие копья. Зачем они тебе?

Обычно добродушное лицо Ларта помрачнело. На широком открытом лбу появились морщинки, он откинул назад длинные пряди волос, спадавшие из-под широкого бронзового обруча на плечи. Казалось, он пожалел, что затеял этот разговор.

— Мне нужно не простое копье. Мне нужно копье, которым можно убить стрика.

— Какой он, этот стрик?

— Ты еще очень мало знаешь о нашей земле. Стриком пугают наших детей. Мой отец и моя мать умерли молодыми... — Ларт замолк и отвернулся.

— Это случилось из-за стрика?

Не поворачиваясь, Ларт кивнул.

— Я думаю, в моей лодке найдется копье, которым можно убить любого стрика.

— Тогда я пойду с тобой.

— А как же рои?

— Сначала приходят рои, потом прилетает стрик. Они всегда вместе. Еще никогда и никому не удавалось убить стрика. Сами

по себе рои не так уж и страшны, но вместе со стриком они непобедимы. Ты хорошо знаешь силу своего копья?

Теперь уже Олег пожалел, что затеял этот разговор. Он помнил правила, запрещавшие применение земного оружия на чужих планетах с разумной жизнью. Правила, продиктованные не прихотью кабинетного чиновника, а долгим и не таким уж безоблачным опытом общения людей с иными мирами. Вот и здесь вслед за уничтожением этого таинственного стрика на острове может вспыхнуть война, так уже было на Гарте, где свирепые хищники, напавшие на землян, считались у местного племени священными животными, принадлежавшими какому-то неведомому божеству... Слишком мало они пока знали об этой планете: слишком велика вероятность ошибки, ложного, неверного шага. Обманывать Ларта он не мог и не знал, как объяснить ему всю сложность создавшейся ситуации. Все же надо было попробовать, не было другого выхода.

— Не знаю, поймешь ли ты меня, друг, но у нас тоже есть свои законы, и они запрещают применять наше оружие, то, что ты называешь «сильными копьями», в чужой стране... Может быть, позже, когда мы лучше узнаем вас, мы сможем помочь твоему народу, а сейчас ты должен помочь нам.

— Ларт не требует платы за свою помощь! Но обещай мне взять с собой свое сильное копье. Я покажу тебе стрика, и ты сам решишь, что нужно делать.

Такое условие устраивало Олега, и больше они не затрагивали этой темы. Сборы не были долгими. Утро следующего дня они встретили у излучины реки, за которой начинались владения роев.

Мрачный и молчаливый Ларт оттолкнул от берега сломанный бурей ствол и, убедившись, что он выдержит двоих, жестом предложил Олегу следовать за собой. Ни звука, ни шороха не долетало с противоположного берега, в который теперь ткнулся ствол дерева, направляемый уверенной рукой Ларта. С минуту он стоял неподвижно, прислушиваясь, потом осторожно скользнул в заросли, сделав знак следовать за собой. Ларт вел его новой, более короткой дорогой, и все же Олег вскоре узнал излучину, запомнившуюся при посадке. Их окружали знакомые заросли, из которых выбежал на своих паучьих лапах странник. Ларт удвоил осторожность. Его движения стали медленны и плавны. Казалось, он все время прислушивался к чему-то. Но тишину не нарушал ни один звук. Даже крики вездесущих куков, доносившиеся с противоположного берега, звучали здесь приглушенно и редко. Сердце Олега забилось учащенно, когда, раздвинув ветви, он уви-

дел прогалину, посреди которой лежала шлюпка. Тусклые серебряные отсветы играли на ее бортах. Старые следы занесло песком, а новых не было видно. Казалось, за все это время ни одно живое существо не приближалось к шлюпке. Олег знал, что иначе и не могло быть. Защитное поле, автоматически включавшееся после их ухода, не пропустит на поляну никого чужого. На открытой прогалине, отделявшей их теперь от шлюпки, не было ничего угрожающего, но Ларт застыл на месте, выставив вперед свое короткое копье. Олег, привыкший доверять чутью своего друга, последовал его примеру. В полной тишине одна за другой текли секунды, и ничего не происходило, но вот наконец Ларт шевельнулся и произнес одними губами:

— Там рои...

Словно подтверждая его слова, справа на прогалину вышли три человека и остановились метрах в сорока от зарослей, скрывавших Олега и охотника. Теперь они преграждали им дорогу к шлюпке, и хотя их руки не сжимали оружия, а в небрежных позах, казалось, не было ничего угрожающего, тревога Ларта передалась и Олегу. Слишком уж неожиданным было появление незнакомцев. Одеты все трое были чрезвычайно просто: в короткие полотняные рубахи, стянутые у пояса кушаками и украшенные не то орнаментом, не то символическим узором. Ноги обуты в сандалии из сыромятной кожи, должно быть, удобные и легкие. Тот, что стоял поодаль, держал в руках странные деревянные трубки, входящие одна в другую, не то посох, не то копье без наконечника. Судя по тому, как расположились рои, по насмешливым взглядам, направленным в заросли, они знали об их присутствии. Повернувшись к Ларту, Олег сказал:

— Что бы ни случилось, не двигайся. Жди меня здесь.

Не обращая внимания на протестующий жест Ларта, он раздвинул кусты и шагнул на прогалину. Рои не изменили поз, не повернулись, и лишь тот, что стоял на тропе, ведущей к шлюпке, сказал, надменно глядя в сторону:

— Сюда нельзя, чужестранец.

— Это наша лодка. И мы будем ходить здесь тогда, когда нам нужно, — спокойно ответил Олег и неторопливо шагнул к человеку, стоявшему у него на пути. Небольшой камешек, этакий округлый, скользкий булыжничек, оказался на тропе как раз в том месте, где опустилась его стопа. Нога подвернулась, и совершенно неожиданно Олег растянулся на земле.

— К роям не подходят без разрешения, это знает любой дикарь.

Ах вот как... Олег сел, приподнял этот камешек и вдруг очень точным и неожиданным движением, почти щелчком, послал его вперед. Камешек ударил стоявшему на тропе человеку в солнечное сплетение, и тот согнулся от боли.

— Это тебе за дикаря. Невежливо так встречать гостей.

Олег поднялся, отряхнул песок. Стоявшие в стороне рои оказались теперь на тропе, преграждая ему путь к шлюпке. Олегу очень не нравились деревянные трубочки, угрожающе выставленные навстречу, они могли оказаться незнакомым оружием, и он уже совсем было собрался попробовать выбить их из рук роев, как вдруг тот, кого он весьма чувствительно щелкнул камешком, предостерегающе поднял руку:

— Подождите. Пусть он сначала покажет дорогу в небесную лодку.

— Ну что же, — усмехнулся Олег, — это совсем не сложно. Идите за мной.

Он знал, что защитное поле настраивается индивидуально и никого постороннего не пропустит к шлюпке, так что он ничем не рисковал. Обернувшись на всякий случай и убедившись, что Ларт не показался из зарослей, Олег удовлетворенно улыбнулся. Этот человек нравился ему все больше. Несмотря на всю свою гордость и прирожденную независимость, он прекрасно понимал, как важна дисциплина в сложной обстановке, и если в дороге через заросли Олег беспрекословно подчинялся всем его указаниям, то теперь, у шлюпки, он так же безоговорочно выполнил его распоряжение, и можно было не сомневаться: он останется в зарослях до тех пор, пока не вернется Олег.

Дальнейшее было совсем просто. Олег свободно, будто здесь и не существовало никакой преграды, прошел сквозь защитное поле, а трое роев, идущие за ним шаг в шаг, отпрянули, получив ощутимый упругий толчок. Почти сразу же тот, что нес деревянные трубочки, приподнял одну из них, и на границе защитного поля, в том месте, где секунду назад была спина Олега, сверкнуло пламя. Не зря он опасался этих трубочек.

Люк открылся при его приближении, а на границе защитного поля сверкнула еще одна вспышка. Судя по мощности, там было что-то вроде реактивного ружья... вот тебе и деревянные палочки, примитивное оружие древних. Одно очевидно: не так просты эти рои, как хотели бы казаться. Где-то у них должна быть производственная база, не на деревьях же растут такие трубочки...

Как только захлопнулся люк и Олег повернулся к пульту, его взгляд приковал к себе уровнемер топлива. Активного вещества

оставалось совсем немного, гораздо меньше, чем после посадки... В условиях этой планеты защитное поле сжирало столько энергии, что накопители работали почти на пределе, еще пару недель такого режима, и у них вообще не останется энергии. Олег сел в кресло пилота и задумался. Батареи разряжаются через несколько часов, не работают индивидуальная защита, оружие, передатчики. Энергия словно проваливалась в какую-то дыру. Планета высасывала ее, как насос. С этим что-то нужно делать немедленно. Но что? Можно переключить защиту так, чтобы она включалась, лишь когда датчики дадут сигнал опасности. Это не так надежно, как постоянное поле, зато продлит их энергетические ресурсы почти на месяц. Найти бы здесь активное вещество, способное заменить топливо... Да где его взять? В принципе преобразователи шлюпки могли использовать обыкновенную воду для водородного синтеза, но в том-то и дело, что вода этой планеты оказалась необычной, в ней совершенно отсутствовал дейтерий — изотоп тяжелого водорода, а без него реакция не пойдет. Годились и тяжелые урановые элементы, но, чтобы найти их, надо вести специальные геологоразведочные работы, для бурения скважин опять нужна энергия — получался замкнутый круг.

Месяц не такой уж малый срок, однако если за это время они не придумают чего-нибудь стоящего, со шлюпкой вообще придется расстаться, иначе она попадет в чужие руки, не зря тут дежурят эти рои. Он вспомнил, каким беспомощным почувствовал себя на арене, когда дрон бросился на Ротанова, а его бластер вместо плазмы выплюнул безобидный огненный факел. Судя по рассказам Ларта, здесь есть звери пострашнее дрона. Да и вообще, не применяя оружия против людей, лишь располагая надежной защитой, они чувствовали бы себя намного увереннее на чужой планете и смогли бы заставить с собой считаться тех же роев... Что-то нужно придумать уже сейчас. Потому что, как только он выйдет из шлюпки, рои не останутся в долгу... Он вспомнил синеватую вспышку у себя за спиной и поежился — конечно, защита скафандра будет действовать часа два на свежезаряженной батарее, но где гарантия, что за это время им удастся избавиться от роев? Что, если они последуют за ними в поселок? Ротанову тоже понадобится помощь, не зря он послал его к шлюпке. Мысль Олега лихорадочно работала, он упорно и последовательно искал выход, перебирал и отбрасывал различные варианты — все упиралось в энергию. Все механизмы планетарного комплекса, вообще все земные механизмы работали от маленьких, чрезвычайно емких мезонных батарей, и, лишившись их, они, по существу,

стали беспомощны... Но раньше, до того, как стали применяться эти батареи, на Земле существовала неплохая техника и оружие было... «Стоп, над этим стоит подумать». Он понял, что наконец натолкнулся на действительно ценную мысль. Раз не работает современное оружие, нужно сделать что-нибудь попроще, что будет действовать в условиях этой необычной планеты. К тому же правила внеземных контактов разрешают в случае необходимости использовать оружие и снаряжение, принципиально не отличающееся от известного местной цивилизации. И если удастся изготовить такое оружие, он, пожалуй, сможет выполнить просьбу Ларта... Рои применяют реактивные ружья, значит, здесь годятся химические взрывчатые вещества. Дело за немногим: надо определить состав, рассчитать скорость истечения газов во время взрыва и изготовить оружие, способное действовать на такой основе. Пока работают механизмы шлюпки, изготовить все нужное для этого нетрудно, сложнее будет с расчетами, вряд ли в памяти малого мозга, управляющего шлюпкой, найдутся нужные данные. Придется вспомнить все, что он знал из школьной программы. Включив дисплей бортового компьютера, Олег сделал предварительный расчет и теперь в общих чертах знал, что ему нужно. Все же без эксперимента не обойтись, и значит, нужно дать предварительное задание планетарному производственному комплексу. Понадобятся чертеж и общий принцип действия, исходные данные. Все остальное сделает расчетный центр... Пока есть энергия, он хозяин положения. Итак, что нам нужно? Прежде всего химическое вещество, которое при нагревании или ударе выделяет достаточное количество газа. Причем скорость истечения не должна быть слишком большой, иначе не выдержит ствол. Какое-нибудь азотистое соединение... Несколько раз Олег набирал на пульте разные комбинации, и конвертер послушно выдавал небольшие порции веществ. Олег испытывал их в закрытой камере, измерял давление и давал новое задание. Наконец после двух часов напряженной работы пироксилиновый порох, основательно забытый на Земле, был вновь изобретен... Затем он приступил к расчетам качества стали, толщины стенок ствола. Цифры предварительных расчетов ложились на чертеж. Наконец в общих чертах Олегу стало ясно, что у него получилось. Это было нечто среднее между древним пороховым карабином и реактивным ружьем. Оружие достаточно портативное и в то же время способное поразить любого зверя. Пришлось пойти на увеличение массы пули и калибра оружия. Зато ствол получился коротким, а если к нему добавить съемный приклад, карабин можно

будет носить на поясе... Оставался прицел, тут уж Олег не пожалел времени. Бластеры стреляли широким лучом, и не нужно было заботиться о точности попадания, так что снайперскими навыками они не обладали. Из этих соображений он и исходил, пристраивая наверху ствола мощную современную оптику с корректировкой. Закладывая чертеж и окончательные расчеты в машину, он задумался. Рои располагали реактивным оружием, бореи — примитивными копьями, да и те фактически находились под запретом. Остров не такой уж большой, и с их реактивными ружьями роям ничего не стоило обезопасить поселения бореев от хищных животных, однако бореи почему-то умирали молодыми, и роев, похоже, это не беспокоит.

Имеют ли они право вмешиваться в этот запутанный баланс сил, не разобравшись толком, кто есть кто? Вполне может случиться, что у них не останется времени разобраться; оружие легко пустить в ход, и гораздо труднее ликвидировать причиненное им зло. А исполнительные механизмы в нижнем этаже шлюпки безостановочно урчали, выполняя его задание. Люди не могли стать пешками в чужой игре, не за тем послала их сюда Земля. И не стоит сейчас думать об общих стратегических вопросах. Его задача гораздо проще — вернуться к Ротанову и помочь, если успеет. Дорога оказалась слишком сложной, сложнее, чем он ожидал. Слишком много времени потеряно. Зачем роям понадобилась шлюпка? На простое любопытство невинных дикарей их действия мало похожи... После того очень уж кстати подвернувшегося под ногу камешка его скептицизм к рассказам Ларта о сверхъестественных возможностях роев несколько поубавился. Конечно, в основе их умения управлять случаем лежат объективные причины, но если такое управление в принципе возможно и если они действительно им владеют, справиться с роями будет нелегко, и его пороховые ружья окажутся против них жалкими игрушками... Ну, это мы еще проверим. Несмотря на свое могущество, в шлюпку рои не вошли. Там, где требуется одной силе противопоставить другую, они чувствуют себя неуверенно, но там, где можно схитрить, нанести удар из-за угла, они не знают себе равных, недаром Ларт говорил о неожиданно ломающихся копьях, о замаскированных ямах, попадающихся на пути неугодного роям охотника. Лучше всего было бы не связываться сейчас с роями, поднять шлюпку и перевести ее в другое место, как просил Ротанов. Если бы не дефицит топлива, он так бы и поступил. Но в условиях Энны полет даже на самое близкое расстояние полностью лишит их всех остатков активного вещества. Олег вздох-

нул и пошел к люку, ведущему в машинный отсек. В конце автоматической линии формующих агрегатов, соединенных с конвертером, производящим любые нужные материалы, мигала зеленая лампочка, сигнализируя о том, что его заказ выполнен. Олег достал из приемника еще теплое оружие, оно получилось неказистым и, пожалуй, не очень удобным. Зато в мощности и точности боя сомнений у него не было... Заказав две сотни зарядов и еще четыре таких карабина, Олег вышел из шлюпки с твердым намерением проверить свое оружие.

Рои находились неподалеку и, как только увидели Олега, тут же подняли свои деревянные трубочки. Две вспышки на границе защитного поля заставили их прекратить бессмысленную стрельбу. Видимо, они не понимали, в чем тут дело, и не могли объяснить неуязвимость человека. Защитное поле обладало односторонним действием. Извне оно не пропускало никакие посторонние материальные предметы, зато наружу путь был открыт. Этим Олег решил воспользоваться. Интересно, как поведут себя избалованные безнаказанностью надменные повелители случая, если с ними поменяться ролями? Не торопясь он поднял карабин и стал крутить кольцо наводки. Приклад оказался неудобным, зато оптика превзошла все его ожидания, он мог рассмотреть аккуратно выщипанную клинообразную бородку того, чье лицо заполняло сейчас перекрестие прицела. Он опустил ствол карабина ниже, отвел его чуть правее и плавно нажал спуск. Тяжелая пуля с визгом ударила о камень в полуметре от роя. Осколки камня и брызги свинца заставили его подпрыгнуть. Он с криком бросился к зарослям. Второй выстрел выбил у него из-под ног изрядный кусок земли. Рой споткнулся и трусливо юркнул в расселину. Второй рой поднял свою трубку и выпустил в Олега три заряда подряд.

— Давай, давай... Привык стрелять по безоружным, а как тебе это понравится?

Олег поймал в перекрестие прицела конец деревянной трубки, прицел позволял класть пули с точностью почти до сантиметра, он убедился в этом, когда после выстрела расщепленные остатки оружия выпали из рук его противника. Еще два-три выстрела, и роев с поляны как ветром сдуло. Путь был свободен. Вернувшись в шлюпку, он забрал боеприпасы, остальные карабины, комплект батарей и уже совсем было собрался уходить, когда подумал о том, что на этой планете слишком много случайностей... Слишком много неожиданных и непредвиденных обстоятельств. А если они сложатся так, что никто из них к концу этого месяца не сможет сюда вернуться? Нельзя рисковать. Подойдя к

пульту, Олег отстучал управляющему центру шлюпки программу, по которой последние остатки энергии в накопителях будут израсходованы на уничтожение шлюпки. Теперь по крайней мере можно быть уверенным, что она не попадет в чужие руки. Олег вскинул за плечи изрядно потяжелевший мешок, подключил к костюму свежую батарею и покинул пределы защитного поля.

Ларт ждал в том месте, где он его оставил. Видимо, баталия, разыгравшаяся около шлюпки, произвела на него неизгладимое впечатление. Охотник был мрачнее тучи.

— Рои отомстят нам обоим.

Олег усмехнулся.

— Теперь у нас есть копья, о которых ты просил. С ними не страшны никакие рои.

— Копья роев сильнее. И они никогда не прощают обид.

Словно подтверждая это, огромный стебель, мимо которого они проходили, вдруг обломился у самой вершины. Тяжелый ствол с острыми как бритва краями ударил Олега в спину. Если бы не включенная защита костюма, он был бы убит на месте. Удар оказался настолько силен, что костюм, ставший монолитным в момент удара, на несколько сантиметров вдавился в землю, а обломок отлетел в сторону.

— Основательно они действуют, — пробормотал Олег... — Если так будет продолжаться, нам не поздоровится. Должно же быть у них какое-нибудь уязвимое место! Надо выяснить, откуда они пришли и что собой представляют в действительности их таинственные способности по подстраиванию таких вот неожиданных пакостей.

— Вся их сила от стрика. Когда прилетает стрик, умирает много бореев, а рои становятся непобедимы. Если твое копье победит стрика, мы сами справимся с роями.

— Ну что же, давай искать твоего стрика.

— Его не нужно искать. Он пролетит мимо вон той скалы. Если мы сможем добраться до вершины, если рои не убьют нас по дороге, ты увидишь стрика.

6

Гигантское сорокаметровое тело крылатого змея обвило храм. Шесть пар перепончатых кожистых крыльев сложились в уродливые бугры на спине. Тяжелая обрубленная голова оканчивалась узкой, вытянутой вперед пастью, усеянной острыми и длин-

ными зубами. Сейчас из пасти то и дело показывался и исчезал раздвоенный розовый язык, шершавый и покрытый пеной. Змей тяжело дышал. Полет отнял у него много сил, и сейчас он отдыхал, удобно разместив свое длинное тело между выступами храмовых стен. Много лет подряд прилетал сюда змей, и мельчайшие детали того, что должно было произойти через несколько минут, всегда повторялись. Рождались ли какие-нибудь мысли в этой крошечной по сравнению с гигантским телом голове? Или там находили свое место лишь одни желания: жрать, спать, пить?

Как бы там ни было, змей привык к повторявшемуся ритуалу. Он был стар, безнадежно стар, и потому его одолевали усталость и голод. Вот он зевнул, потянулся, тысячи суставов в его многометровом позвоночнике захрустели. Пора было приступать к делу.

Ротанов со дна каменной чаши не мог видеть всей картины в целом и не представлял себе размеров чудовища. Наверно, поэтому голова, показавшаяся в овале стен, не произвела на него особого впечатления. Возможно, он ожидал чего-то большего. Трехметровая пасть, источавшая зловонное дыхание, с тарелками бессмысленных мутных глаз, показалась ему слишком уж простым решением вопроса. Не таких монстров встречал он на Земле Брамова. Он не растерялся, не потерял ни секунды. Шея у огромной головы змея была слишком толстой, слишком неповоротливой. Чудовище не спешило, и у Ротанова оказалось достаточно тех растянутых долей секунды, которые приходят к хорошо тренированному человеку в напряженный момент. Он успел отбросить женщину, увернулся от щелкнувших рядом с его рукой зубов, успел достать нож и нанести первый удар, прежде чем голова отпрянула в сторону и вверх. Удар был неудачен. Лезвие скользнуло по роговым чешуям, не задев глаза, и лишь сбоку располосовало язык змея. Рев его был ужасен. Казалось, не выдержат барабанные перепонки и рассыплются каменные стены храма.

Только сейчас по этому реву Ротанов почувствовал и оценил всю титаническую мощь чудовища, напавшего на них. И почти сразу же последовал следующий бросок, теперь уже направленный на одного Ротанова, гораздо более точный и более стремительный, чем первый. И все же Ротанов вновь сумел увернуться. Голова змея со страшным грохотом ударилась в стену храма. Во все стороны брызнули осколки камня, стена треснула, змей вновь взревел и на секунду потерял ориентировку после удара. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Ротанов оказался рядом и глубоко, по самое плечо, погрузил руку с ножом в пасть змея. Он

сделал это почти инстинктивно, не особенно рассчитывая на успех, лишь отыскивая уязвимое место в бронированной со всех сторон, похожей на наконечник огромного тарана голове. Нож был длинным, казалось, неведомый оружейник специально рассчитал длину и прочность этих голубоватых негнущихся лезвий. Змей попытался сомкнуть челюсти и окончательно заклинил нож, причинивший ему неожиданную боль.

Теперь на какое-то время он был лишен возможности пользоваться своим главным оружием — острыми полуметровыми клыками и длинными рядами челюстных зубов, но и Ротанов остался без ножа... Чудовище разъяренно ревело, ослепленное болью. Ротанов обернулся к женщине. Она стояла у стены, совсем не в том месте, куда он отбросил ее в начале поединка. Стояла спокойно во весь рост, гордо скрестив руки на груди и откинув голову. Ни тени страха или тревоги не было на ее лице, он почувствовал, что в ее неестественном спокойствии кроется нечто важное.

Змей изловчился и ударил снова. Ротанов рванулся в сторону, но на этот раз не совсем удачно. Его нога попала в скользкую кашу из плодов. Он почувствовал, что теряет равновесие, и в ту же секунду оказался на полу. Высоко над ним толстая двухметровая шея сократилась и раздулась. Щиток головы был теперь направлен прямо в его грудь. Он подумал, что на этот раз ему уже не увернуться. Подумал об этом совершенно спокойно и отрешенно, словно речь шла о ком-то постороннем. Смерть под этой многотонной глыбой мяса казалась ему слишком нелепой и оттого нереальной. А между тем голова уже двинулась вниз, ускоряя свое смертоносное движение. Женщина, до сих пор безучастная, вдруг сделала шаг вперед и выбросила руку, словно закрывая его беспомощное тело. Ее губы шептали что-то, какие-то слова, незнакомые и странные. Голова змея вдруг дернулась, словно наткнулась на невидимую преграду. Рванулась назад и исчезла.

Ротанов уже был на ногах. Несколько секунд он смотрел на женщину, стараясь осмыслить только что виденное.

— Я знаю древнее заклятие, иногда оно помогает...

— Ну конечно, заклятие... Как я сразу не догадался! Это же так просто!

— Ты мне не веришь?

— Я во что хочешь поверю, если этот монстр оставит нас в покое.

Она отрицательно мотнула головой.

— Это невозможно. Он не оставит нас в покое... Я не должна была, но он хотел тебя убить, и вот теперь он знает...

— Знает что?

Она молчала, он бросился к ней, схватил за плечи и встряхнул. Наверху, у кромки стен, ворочалось и шуршало чудовище, и Ротанов подумал, что короткая передышка сейчас кончится.

— Ну же, у нас мало времени! Скажи, что он знает, что?

— Он понял, что я не борейка. Они охотились за мной много лет и теперь не оставят в покое... Змей — это так... Змей не самое страшное. Гораздо страшнее остров Рин. Если бы ты послушался меня и остался в храме. А теперь...

Она не договорила, потому что сверху на них обрушился тяжелый шелестящий клубок щупалец. Ротанов боролся несколько минут. Но противостоять этим живым канатам было невозможно. Они оплетали, сдавливали тело, мешали дышать. Толстые и мощные, похожие на тело земного питона, необычайно гибкие и подвижные щупальца в несколько минут сделали то, что оказалось не под силу клыкастой пасти. Ротанов почувствовал, что не может двигаться. Он был скован, он задыхался и почти ничего не видел вокруг, кроме этих извивающихся, покрытых сухой и горячей кожей, отвратительно упругих и живых веревок.

Змей расправил одну за другой пары шелестящих и звенящих крыл, похожих на паруса древних фелюг, тяжело оторвался от здания храма, взлетел и начал медленно набирать высоту, унося с собой плотно спеленатых Ротанова и женщину.

Позиция, выбранная Лартом, казалась удобной, почти неприступной. Единственная тропинка, ведущая между осыпей по крутому склону горы, здесь обрывалась. На вершине горы оказалась небольшая, плоская как блюдечко площадка, защищенная со всех сторон обломками скал и тяжелыми валунами. Олег прилег на выступ и осмотрелся. Ни один человек не смог бы подняться сюда незамеченным. Пока не кончатся заряды, им здесь ничего не грозит. Роям дорого обойдется этот бой.

Два часа, с той самой минуты, как на Олега обрушился обломок ствола, рои гнали их через лес, прижимая к скале и отрезая от поселка бореев.

Казалось, реактивные снаряды падали с деревьев, как перезревшие плоды. Им ни разу не удалось увидеть своих преследователей, так искусно маскировались рои. Когда Олег понял, что батареи, заряженные в шлюпке, вновь начинают терять свою силу, они сменили позицию. И вот теперь они на вершине скалы стрика. Рои наверняка уже окружили эту одинокую гору и не выпус-

тят их отсюда. До заката, возможно, удастся продержаться, а там посмотрим, ночью у них появится шанс прорваться.

Олег повел прицелом вдоль тропинки. Ни движения, только мертвые камни поблескивали в голубоватом окуляре прицела. Рои осторожны, они не станут лезть напролом, подставлять свои драгоценные головы под выстрелы. Они придумают что-нибудь иное, какую-нибудь очередную пакость. «Честный поединок не для роев», — заметил Ларт, а он хорошо знал тех, о ком говорил. Не прошло и получаса, как внизу, на тропинке, показался парламентер, размахивающий черным листом джуты — у бореев это означало что-то вроде белого флага.

— Не верь ему. Рои предложат мир, они дадут тебе награду, если ты согласишься уйти с этой скалы.

— Давай хотя бы послушаем, что он скажет.

— Слушать роя опасно. Убей его.

— Разве бореи убивают тех, кто приходит с веткой джуты?

— Нет. Но для тех, кто начал войну с роями, не существует законов.

— Значит, мы не первые? Кто-то уже пробовал справиться с роями?

— У бореев много храбрых воинов. Они нарушали запрет и не возвращались. Никто не узнал, как они погибли. Мы тоже не вернемся.

Олег поставил карабин на предохранитель и прислушался. Звук шагов идущего по тропинке человека не долетал до них, он слышал лишь свист холодного предрассветного ветра.

— У нас тоже есть свои правила. Мы их не отменяем даже для роев.

Олег расстегнул рюкзак с немудреными запасами, взятыми с собой из шлюпки, и достал несколько банок с яркими этикетками. Здесь были консервированные соки, фруктовое желе — пожалуй, это подойдет. Расстелив на камне бумажную обертку, он стал сервировать на ней импровизированный ужин, добавив горсть душистых плодов, сорванных по дороге.

— Зачем ты это делаешь сейчас, ты голоден? — не выдержал наконец Ларт, со все большим изумлением наблюдавший за его приготовлениями.

— У людей принято встречать гостей за столом.

— Это рой гость? Ты хочешь угостить роя?! — Ларт попятился. — Он не примет твоего приглашения, человек, а если примет, так знай — отведавший пищу за одним столом с роем не может вернуться в племя. У него одна дорога — остров Рин.

— Мы уважаем чужие законы и правила. Но сейчас это касается только меня одного. Ты можешь не есть. Никто тебя не принуждает.

Ларт, не скрывая своего возмущения, отошел в дальний угол площадки. Послышался шум осыпавшейся земли, и через несколько секунд на площадке показался рой. Это был важный и очень серьезный рой. Три сверкающие полосы, украшавшие его плащ, говорили о высоком ранге посла. Олег шагнул навстречу.

— Легка ли была дорога? — начал он разговор с обычного приветствия бореев.

Рой усмехнулся.

— Ты хорошо узнал наши обычаи, чужеземец. Дорога была нелегка, и я пришел сюда не для пустых разговоров.

— Не спеши. Утоли сначала голод, если дорога была нелегкой, это поможет нашей беседе.

— Рои знают силу тех, кто летает на огненных лодках, и потому мы хотим предложить тебе договориться на честных и почетных условиях, — сказал рой, полностью игнорировав предложение Олега к совместной трапезе.

— Те из вас, с кем я встретился раньше, не хотели разговаривать...

— Они простые воины. Им было поручено охранять лодку, они не могли говорить с тобой. Для этого пришел сюда я.

— Что же хотят предложить нам рои? — спросил Олег, непринужденно и как бы невзначай пододвинув к себе салфетку с обедом.

Бореи считали, что, если один из собеседников во время важных переговоров уделяет время для пищи, это свидетельствует о его мирных намерениях, а ему очень хотелось закончить начавшийся конфликт с роями мирным путем. Для того чтобы разобраться в обстановке на планете, им нужен был мир со всеми племенами, населявшими ее. С другой стороны, он понимал, как невыгодно и даже опасно показывать свою слабость. Слишком откровенное желание мира могло быть истолковано превратно, и потому, подержав в руках плод, он положил его обратно на место и стал ждать ответа на свой вопрос. Рой, внимательно наблюдавший за всеми его действиями и не упустивший ни одного жеста, нахмурился.

— Те, кто летает на огненных лодках, часто вмешиваются в дела, в которых ничего не понимают, это всегда кончается плохо.

— Для кого? — с невинным видом спросил Олег.

— Прежде всего для тех, кто вмешивается, а также для тех, кому вы хотите помочь. — Рой метнул многозначительный взгляд

в сторону Ларта. — Это скала стрика, ты пришел на нее с оружием, нарушив все наши законы. Человек, который привел тебя сюда, заплатит за это жизнью. Тебе же лучше всего уйти обратно в свою страну. Тебе никто не помешает. Дорога открыта. Рои готовы забыть нанесенные им обиды, если ты уйдешь с миром.

— Не так уж много обид нанесли мы вам. И прежде чем ответить, я хотел бы знать, за что вы преследуете наших друзей бореев?

— Мы никого не преследуем. Мы лишь управляем нашей страной, а управление без суровых мер невозможно. Каждому народу определено его собственное место на Энне.

— Кто же определяет это место?

— Ты хочешь знать слишком много, чужеземец.

— Вами тоже кто-то управляет?

— А разве вы не подчиняетесь своей судьбе?

Олег усмехнулся.

— Не всегда. Иногда мы ее изменяем.

— Никто не может противиться неизбежному, а человек из двух зол выбирает меньшее. Вот и вам придется покинуть эту скалу.

Олег, не переставая улыбаться, взял плод, надкусил его и только после этого проговорил:

— Не раньше, чем я узнаю, что собой представляет стрик.

— В таком случае вы оба погибнете.

— Тем не менее мы останемся здесь.

Рой вздохнул и поднялся.

— Я знал, что не смогу тебя убедить. Но мне нравится ваше мужество, и на прощание я скажу: не рои желают вам зла.

Посланец поднялся и неторопливо пошел по тропинке вниз. Вскоре звук шагов затих, затерялся в свисте холодного ветра, навалившегося на вершину скалы с востока. Казалось, ветер плакал о чем-то, разрываясь на иззубренных скалах. Несколько минут прошло в полном молчании.

— Все, что предсказывают рои, всегда сбывается, — мрачно пообещал Ларт, и, как бы подтверждая его слова, скала дрогнула у них под ногами. Гул тяжелого подземного удара покатился во все стороны. Очертания окружающих предметов размазались. Олег увидел, как с ближайших скал отрываются огромные куски породы и с грохотом катятся вниз. Второй подземный толчок сбил их с ног.

Ротанов не чувствовал боли. Его как будто запеленали в толстый резиновый шланг, податливый и упругий, плотно обволакивающий тело, сковывающий движения, но не причиняющий

боли. После упорной борьбы ему удалось согнуть в локтях руки и подтянуть их к туловищу. Упираясь коленями и локтями, он слегка ослабил хватку щупалец, создавалась даже иллюзия их слабости, но он уже узнал, что это не так. В определенный момент мускулы напрягались, и тогда пружина, обернувшая его тело, становилась твердой как сталь. Хуже всего полная физическая беспомощность, он даже не мог узнать, что произошло с Той-Что-Прячет-Свое-Лицо. Ротанов попытался окликнуть ее, но скорость полета была слишком велика, и свист ветра заглушал голос. Он не оставлял попыток освободить хотя бы голову. Наконец ему удалось образовать узкую щель, сквозь которую можно было смотреть. В багровом свете утра он видел под собой смутные очертания лесов и холмов, над которыми они летели. Он не знал, сколько прошло времени. Очевидно, остров в эту сторону вытягивался далеко, во всяком случае, моря пока не было видно. Ротанов сосредоточился на проплывающей внизу местности. С такой высоты она казалась грубо нарисованным куском холста, и не составляло труда в уме перевести ее в картографическую схему. Змей летел теперь медленно, и Ротанову показалось, что они начинают терять высоту. Изрезанные ровными просеками заросли стали как будто ближе. Далеко впереди он заметил высокую, отдельно торчащую скалу, словно каменный зуб, вознесшийся к горизонту. Змей явно направлялся к этой скале. Далекий и непонятный гул донесся оттуда. Очертания скалы дрогнули и расплылись. Казалось, какая-то неведомая чудовищная сила встряхнула ее с вершины до самого основания. «Землетрясение, — догадался Ротанов, — там внизу землетрясение или, быть может, извержение вулкана... Вряд ли он будет сюда садиться...» И действительно, змей вновь часто и тяжело захлопал крыльями, стараясь вернуть потерянную высоту. Ему удалось это сделать уже перед самой скалой. Вершина скалы пронеслась под ними. Это произошло так быстро, что Ротанов не успел рассмотреть ничего, кроме небольшой красноватой вспышки, мелькнувшей внизу. И почти сразу же резкий звук выстрела разорвал воздух. Еще и еще раз мелькнули внизу вспышки, и раскаты второго и третьего выстрелов нагнали их в полете. Но прежде чем звук третьего выстрела хлестнул в уши, змей дернулся так, словно раскаленная игла пронзила его тело. Щупальца судорожно сжались, и Ротанову показалось, что это конец, такой нестерпимой была боль от железных тисков, сдавивших ему грудь. Это продолжалось всего несколько секунд, змей выровнял свой полет, однако крылья хлопали теперь чаще и не так ритмично, как раньше. Живые канаты, сжимавшие тело Ротанова, неожи-

данно ослабли. Упираясь подошвами ног и локтями, он смог теперь продвинуться вперед настолько, что голова оказалась свободной. Эта маленькая победа придала ему новые силы, и, протиснувшись еще на несколько сантиметров, он сумел наконец повернуть голову и посмотреть, что случилось с девушкой. Однако его ждало разочарование. Живой кокон щупалец, скрывший ее, остался непроницаемым. Ни движения, ни звука не долетало с той стороны. Возможно, последняя конвульсивная хватка змея оказалась слишком сильной и Той-Что-Прячет-Свое-Лицо уже не было в живых. Возможно, она лишь потеряла сознание, помочь ей он пока не мог. Змей летел теперь быстрее, чем прежде. Ротанов всмотрелся в однообразную поверхность, простиравшуюся внизу, и понял, что это уже море.

Прошел час, может быть, больше. Ротанов терпеливо выжидал момент, когда чудовище ослабеет. Он не сомневался, что выстрелы, прозвучавшие с вершины горы, не прошли для змея бесследно. Лишь бы дотянул до какой-нибудь суши. Но змей слабел гораздо быстрее, чем хотелось Ротанову. Поверхность воды становилась все ближе, и все реже, все судорожнее бились над головой перепончатые кожистые крылья. Теперь разжать кольца щупалец оказалось уже нетрудно. Он освободил руки, и передняя часть его туловища повисла в пустоте. Несколько раз он пытался ухватиться за костяные выступы, тянувшиеся вдоль всего тела чудовища, и наконец после очередной попытки ему это удалось. Выступ оказался иззубренным, неровным, держаться за него было не так уж трудно. Отталкиваясь ногами от слабо сопротивлявшихся щупалец, Ротанов медленно, сантиметр за сантиметром, стал подтягиваться вверх и наконец, обхватив гигантскую лапу, оказался сидящим на широком кожистом основании, из которого росли щупальца пальцев. Теперь он мог дотянуться до кокона, спеленавшего девушку. После долгих усилий раздвинув наконец живую пружину, он освободил ей лицо.

Порыв свежего ветра принес с собой мелкие водяные брызги. Женщина открыла глаза и посмотрела на Ротанова.

— Где мы?

— Жива! Самое главное, ты жива... Летим пока что, но кто-то подстрелил нашего змея, и, похоже, лететь нам осталось недолго.

— Подстрелил змея? Этого не может быть. Змей неприкосновенен для всех племен. К тому же его охраняют, разве только кто-то из ваших...

— Я посылал своего друга к шлюпке, но стреляли не из нашего оружия. Далеко ли до ближайшей земли? Если мы упадем в океан, оттуда не выбраться.

— К острову Рин змей обычно прилетает к вечеру. День пути... Но сегодня он очень спешит, слышишь, как часто бьют крылья? На нашей планете нет ничего страшнее острова Рин. Если мы туда долетим, нас ждет рабство. Унизительное, бесправное рабство, о котором вы не имеете ни малейшего представления. Ни ваши исторические книги, ни видеокристаллы не могут передать чувство того, кто сам его испытал... И неизвестно еще, сумеем ли мы что-нибудь изменить.

— Постой... Я не понимаю... Ты знаешь о наших книгах, о видеокристаллах? Откуда?

— Я многое знаю, Ротанов, и ты давно догадался, что я не простая борейка. Когда-то я была хозяйкой этой планеты, и тогда здесь не было рабства. Но это долгая история, и ни к чему тебе теперь бесполезные сведения. Если мы долетим, я расскажу все.

— Давай я помогу тебе выбраться, щупальца слабеют все больше...

— Не надо. Если змей почувствует, что в лапе ничего нет, он может повернуть обратно. К тому же у меня не хватит сил держаться наверху.

Она надолго замолчала. Ветер постепенно усиливался. К счастью, он дул им в спину и лишь ускорял полет. Совсем уже близко под ними плясали яростные гребни покрытых пеной валов. Ветер пропитался влагой как губка, и, если бы не плотная ткань скафандра, Ротанов промок бы насквозь. Он подумал, каково сейчас девушке, и нагнулся, чтобы хоть немного прикрыть ее от воды. Но, к его удивлению, она оказалась совершенно сухой. На ее платье вода не задерживалась и стекала крупными блестящими каплями, словно грубое домотканое полотно было пропитано каким-то гидрофобным составом. Даже на лице он не увидел капель, и лишь глаза сверкали в полумраке непередаваемым синим светом.

— Не жалеешь, что вышла за меня замуж? Муж из меня неважный, охотиться я не умею, да и на змеях раньше не летал, не знаю, как это правильно делать. — Ротанов хотел пошутить, но шутки не получилось, а она ответила неожиданно серьезно:

— Я долго решала, поверь. Мне нелегко было сделать выбор, потому что я искала не мужа, а человека, способного разделить со мной ответственность за судьбы многих людей на этой планете. Ты оказался настоящим мужчиной. Когда вы встретили в космосе старый корабль, то не посчитались с опасностью, рискуя жизнью, вышли на стыковку и сделали все, чтобы выяснить, что случилось с его экипажем. И потом, уже на планете, после твоей

схватки с дроном я поняла, что нашла тех, кого ждала так долго, что мое страшное одиночество кончилось.

— Откуда ты знаешь о старом корабле? — Он спросил ее о том, что поразило его больше всего, словно все остальное было не так уж важно.

— Я видела вас.

Только теперь он вспомнил фотографию, снятую с прибора «Симанса», и понял, почему ее лицо казалось ему знакомым.

— Жаль, что я не знал этого раньше.

— Почему?

— Мы нашли бы способ избежать этого бессмысленного полета, ненужного риска.

— Но ведь мы летим на остров Рин. Туда нет иного пути. И только там может решиться судьба этого мира. Так что все правильно, и ты бы все равно полетел со мной. Если у нас хватит мужества и сил, если мы сумеем победить и нам помогут твои друзья, все еще может измениться, еще не поздно... Но об этом потом, сначала нужно долететь до острова, а змей совсем ослабел, жаль, если так нелепо закончится наше путешествие, этого я не могла предвидеть...

Змей падал, как огромный аэростат. Его неуклюжее тело все еще висело в воздухе, поддерживаемое судорожными рывками беспорядочно хлопавших крыльев, но хвост уже задевал гребни волн, и в море за ними тянулся отчетливый пенный след.

В последний раз Ротанов осмотрел горизонт и не увидел ничего, кроме равномерной серой поверхности моря, испещренной гребнями волн. Впереди сверкнула далекая зарница, и в ее неверном свете на какую-то долю мгновения он заметил очертания скал, но уже в следующую секунду молния ослепительным блеском озарила все небо, и огромный ветвистый разряд понесся от этих призрачных скал к поверхности океана, и он подумал, что там скорее всего лежала низкая грозовая туча.

Сколько могут они продержаться на поверхности моря? Полчаса, час. Нелепо вот так погибнуть, пролететь бездну пространства, почти вплотную подойти к разгадке тайны Энны, встретить эту женщину, завоевать ее доверие и после всего этого очутиться в холодном враждебном море без всякой надежды добраться до берега... Их полет закончен. До воды оставалось всего несколько метров. Каждую секунду чудовище могло рухнуть вниз и раздавить их своей массой. Нужно было немедленно прыгать. За свистом ветра и грохотом волн слов не было слышно. Он попытался жестами объяснить девушке, что делать, и не знал, поняла ли она

его. Решительно раздвинув оплетавшие ее живые, но уже почти бессильные канаты, он подхватил девушку, прижал ее к себе и прыгнул, стараясь сохранить равновесие, чтобы не удариться о воду боком. Все же он неправильно рассчитал высоту. В полумраке, среди кипящих под штормовым ветром валов нетрудно было ошибиться. Удар был сильнее, чем он предполагал, и на несколько секунд оглушил его. Этого хватило, чтобы оказаться на значительной глубине. Ротанов отчаянно боролся, но руки были заняты, и он поднимался слишком медленно. Перед глазами уже шли темные круги, когда он наконец вырвался на поверхность и, едва отдышавшись, увидел, как впереди в какой-то сотне метров от них змей с ревом обрушился в воду. Он был слишком велик, чтобы противостоять волнам. Несколько минут его голова еще торчала над водой, то и дело захлестываемая валами, но вскоре они остались совсем одни на безбрежной поверхности чужого океана.

7

А на Земле тем временем шли незапланированные дожди. Обширный циклон, перемещаясь с экватора в северном направлении, не поддавался никаким воздействиям метеорологов. Погода словно взбесилась. За последние два года, с тех пор как вернулась из своей неудачной экспедиции «Каравелла», потерявшая без следа особую группу, циклоны следовали один за другим, игнорируя все усилия земной службы погоды. Словно планета решила доказать своим неугомонным детям, что, несмотря на все их могучие технические игрушки, в природе существовали силы, неподвластные им.

Рейсовик Земля — база обогнул Луну и, раскрыв невидимые купола гравитационных парашютов, начал медленно спускаться. В иллюминаторы светило солнце. Светофильтры не могли полностью подавить его ослепительный режущий блеск. Прищурившись, Анна старалась рассмотреть приближавшуюся поверхность лунного кратера. Самой базы не было видно. Ее основные помещения, ангары звездных кораблей, мастерские, жилые отсеки — все ушло глубоко под поверхность Луны, и только диспетчерская рубка старого космодрома выделялась на сером фоне однообразных скал.

С высоты рубка казалась увеличенным кристаллом горного хрусталя, естественным порождением дикой лунной природы. Ее

вытянутые стеклянные грани сверкали в солнечных лучах сотнями разноцветных огней. Словно среди безжизненных черных провалов и серых хребтов лежал драгоценный камень.

— Через пять минут наш ракетоплан совершит посадку, пожалуйста, пристегните ремни, закройте кресла...

Анна слегка запоздала исполнить последнюю просьбу, и темный защитный купол, подчиняясь команде автомата, опустился сверху без ее участия, отрезав ее от внешнего мира. На небольшом экранчике перед самым ее лицом бежали строчки последних сообщений:

«...Закончено строительство флагманского корабля «Орфей». Эскадра в сто сорок кораблей готова к старту в район Черной. На внешних базах седьмой колонии состоялась новая стычка с «черными кораблями». Атака отбита. Погашены восемь кораблей из десяти нападавших. С нашей стороны потерь нет. Сегодня Высший Совет утвердил кандидатуру Торсона на должность командующего эскадрой. Старт к Черной назначен через месяц, подбор участников экспедиции уже завершен. Из двухсот тысяч добровольцев комиссия отобрала восемьсот специалистов, не входящих в экипажи кораблей. Ученые, инженеры и техники, вошедшие в эту специальную группу, составят научное ядро экспедиции и будут обеспечивать выполнение проекта энергетического прорыва оболочки Черной планеты...»

Анна закрыла глаза и тяжело вздохнула. Она не вошла в эту группу счастливцев, хотя сделала все, что могла, все, что от нее зависело. Слишком высокие требования к подготовке и физическому состоянию кандидатов предъявила комиссия, слишком тяжелый груз достался ей в наследство от Гидры, слишком много испытаний, болезней и горестей вместилось в ее не такую уж длинную жизнь, иным хватило бы и на две... Она невольно позавидовала молодым, загорелым парням и девушкам, воспитывавшимся в интернатах Земли, не знавшим жесткой хватки чужих планет. Им открыта дорога, а не ей. Она надеялась, что будет принят во внимание ее опыт, но, видимо, медицинское заключение оказалось настолько неблагоприятным, что ей все же было отказано, и вот теперь у нее оставался один-единственный шанс. Руководитель экспедиции мог своей властью включить в состав экспедиции десять человек, не считаясь с заключением комиссии... Вот только захочет ли? Сумеет ли она в течение короткой беседы убедить Торсона? Как передать ему ощущение безысходности, безвозвратной утраты самого близкого человека? Поймет ли, согласится ли с тем, что она должна быть там, не может не

быть... Захочет ли вообще ее выслушать, ведь он так занят в эти предстартовые дни! Что ему просьба какого-то незнакомого биолога, бывшей колонистки, летевшей с Гидры на его корабле? Он и лица ее, наверное, не запомнил, прошло столько лет...

Корабль едва заметно тряхнуло. С протяжным свистом защитный колпак ушел вверх и сложился у нее над головой едва заметной гармошкой. В иллюминаторе виднелась бетонная поверхность щита, закрывавшего причальный шлюз. Через несколько секунд над ними мелькнула широкая арка входа, и корабль прочно стал на причальные опоры ангара. Они уже находились под поверхностью Луны, все вокруг заливал мягкий рассеянный свет люминофорных покрытий... Можно было выходить. Пассажиры задвигались и нетерпеливо потянулись к выходу. Одна Анна все еще сидела в кресле, словно ждала какого-то продолжения, знака; может быть, она надеялась, что Торсон пришлет кого-то или хотя бы известит ее по информационной сети о том, что ее радиограмма получена... Но ничего подобного, конечно, не случилось, и она одиноко побрела к выходу.

В штабе ей сказали, что ответа на радиограмму пока нет и что командующий никого не принимает без специального вызова. Придется ждать. Анна предвидела подобный результат своей эскапады и потому предприняла на Земле кое-какие шаги. Она обратилась за помощью к своему учителю — члену Совета профессору Грунскому, и он совершенно определенно пообещал оказать поддержку в ее деле. Она не знала, в какой форме он это сделает и хватит ли ему времени для того, чтобы довести результаты своих действий до Торсона. Времени оставалось мало, слишком мало...

Удивительная вещь время. В юности оно стремительно несется и кажется бесконечным, в зрелые годы постепенно и незаметно снижает скорость, и только тогда человек начинает замечать, как мало его осталось...

Торсон сидел за столом, заваленным перфокартами, заставленным автоматами прямой связи с различными цехами и кораблями, с центральным информатором Земли. Напротив находились пятеро его ближайших помощников. В данный момент, стараясь перебить друг друга, говорили сразу двое. На столе мигал красными вспышками экран вызова прямой связи с Советом. Центральный информаторий начал наконец выдавать на дисплее запрошенные еще вчера расчеты пиковых траекторий при подходе к Эпсилону, и Торсон впервые ощутил, какую непосильную

громаду дел взвалил на свои плечи, чувствуя, что запутывается в них, теряет ощущение важного и второстепенного, тонет в лавине информации.

Почему, собственно, он согласился с этим назначением? Ведь он же прекрасно понимал, что должность не для него, что она намного превосходит его возможности? Что заставило его согласиться? Совершенно отчетливо, ярко, со всеми мельчайшими подробностями и деталями вспомнился день, когда к нему пришел человек, пришел и вернул ему дальние звездные трассы. Потом они часто спорили, не раз между ними возникали неразрешимые разногласия, этот человек так никогда и не стал его другом. Но остался долг. «Каравелла» вернулась на Землю, оставив часть своих людей на Черной. Прошло два года. Земля до сих пор не знает, живы ли они. И не было у него другого выхода. Он должен был вернуться на Черную. Если для этого понадобилась эскадра в сто сорок кораблей, что ж, он вернется во главе этой эскадры...

Конечно, Земля снаряжала такую огромную экспедицию не только для выяснения судьбы группы Ротанова. Нужно было установить, кто бросил вызов земной цивилизации. Чьи неуловимые корабли все чаще и чаще атаковали границы Федерации? Какие цели они преследовали, почему до сих пор не удалось установить с ними контакт, кто определял их маршруты, ставил задачи? Земля до сих пор сомневалась даже в том, есть ли у нее разумный противник, или человечество столкнулось с какими-то изощренными, злобными, но все же неразумными силами природы? Все это и было задачей второй экспедиции на Черную.

Спорившие за столом люди замолчали вдруг все разом, и это вернуло Торсона к действительности; они смотрели на него выжидающе, словно ждали ответа или решения, но он не знал даже, о чем шла речь.

— Ну что же, с этим мы разобрались, — сказал он неопределенно и выжидающе замолчал. Никто не возразил. — Что там у нас дальше?

— Колосовский сообщает, что энергоприемники не выдерживают расчетной мощности.

— В линиях электропередачи должен быть тройной запас надежности, — жестко сказал Торсон. — Тройной. И не расчетный. Они должны выдержать тройную нагрузку во время полигонных испытаний...

— Это же девятьсот гигаватт на каждый канал! Это невозможно даже теоретически!

— Значит, нужна другая теория и другие линии. Вы что, не понимаете, что «Орфей» будет висеть на этих линиях как на канатах? Стоит отказать одной из них, и кораблю уже не справиться с гравитацией Черной. Одним словом, нужна тройная надежность.

Торсон поднялся, давая понять, что на сегодня довольно.

— Все остальные вопросы на ваше усмотрение. В конце концов, для чего-то существует штаб экспедиции? А за надежность энерголиний отвечать будет лично Ланов. Я потом проверю.

— Линии — это не мое дело. На мне и так все хозяйство экспедиции!

Торсон несколько секунд в упор смотрел на своего щеголеватого заместителя, с трудом сдерживая гнев. Его морщинистая, словно продубленная шея покраснела, но, когда он заговорил, ни в движении, ни в интонации голоса ничего не изменилось, разве что голос стал грубее и как-то шершавее.

— А проверять ваши ведомости по два раза — это, по-вашему, мое дело? И давайте сразу договоримся. Для тех, кто полетит к Черной, такого слова не существует. Каждому из вас я могу поручить любое дело и хочу быть уверен, что оно будет выполнено добросовестно. Сейчас еще не поздно отказаться, желающих, как вы понимаете, достаточно.

Он вышел не попрощавшись. Дурное настроение кралось за ним по пятам с самого утра, то и дело заставляя говорить людям резкие, порой незаслуженно обидные слова.

Он не взял кара и пошел пешком. Он шел мимо каменных домиков по широкой площади центрального проспекта. Под кратером геологи обнаружили гигантские пустоты, и, когда строили базу, места не экономили. Большинство окон в домах закрывали непрозрачные экраны, и хотя сквозь щели кое-где пробивался свет, ему казалось, что дома ослепли. Часы на табло показывали четыре часа утра по земному времени... Вторая смена еще не заступила, но люди, наверное, уже пьют кофе. Ему казалось, что он ощущает в воздухе легкий пряный аромат. Торсон подумал, что свои маленькие привычки, делающие жизнь такой уютной, человек унесет с собой на любые звезды.

Огромное квадратное здание Луна-парка было ярко освещено, оттуда слышались смех, музыка, ему хотелось войти, но он поборол искушение, понимая, что своим появлением помешает веселью собравшейся там молодежи. На улице почти никого не было в этот срединный между двумя сменами час, и Торсон шел не торопясь, с удовольствием вдыхая прохладный стерильный

воздух, чуть пахнувший резиной и пластиком регенераторов. Постепенно улица становилась уже, дома стали попадаться реже, а искусственный небосвод с голубым шаром Земли наклонился и стал как будто ниже. Уже виделся конец проспекта — глухая стена из серого базальта словно отсекла живое тело города, расколола и погасила небосвод за собой. Где-то здесь должен был быть лифт. Только сейчас Торсон почувствовал, как ему не хватает *широкого, ничем не ограниченного простора* без этого экрана над головой. Рука сама собой нащупала в кармане его личный универсальный ключ, открывавший на базе любую дверь. Шахта этого лифта соединяла нижние этажи базы с диспетчерской старого, законсервированного ныне космодрома. Вот уже третий год космодром бездействовал. Его оборудование и навигационные приборы безнадежно устарели, а вся управляющая аппаратура нуждалась в модернизации. Базе пока хватало двух запасных площадок. Все резервы были отданы его экспедиции, у администрации не хватало рабочих рук *для космодрома. Сейчас это его устраивало.* Торсон не нуждался в обществе дежурных диспетчеров. *Хотелось побыть совершенно одному.*

К его удивлению, специальный ключ не понадобился — кабина лифта, связывавшего город с диспетчерской, оказалась открытой. «Разгильдяи», — подумал Торсон. И еще он подумал, что люди все никак не могут поверить в серьезность этой войны, в реальность противника. В необходимость быть собраннее, осторожнее. «Наша беспечность нам дорого обойдется. Надо спросить Логнева, почему не выставлены посты у всех наружных выходов. Впрочем, в рубке нет шлюзов, и вряд ли кому-нибудь удастся проломить снаружи ее ситаловую прозрачную оболочку...» Маленькая кабинка неохотно, со скрипом понесла его вверх.

Когда Торсон вошел в рубку, в глаза ему ударил голубой свет Земли, слишком яркий после сумрачной кабины лифта. Несколько секунд он почти ничего не видел, кроме горного кольца, такого же яркого, как и вся остальная лунная поверхность, не попавшая в тень. Совершенно непроницаемые куски черной тьмы, заменявшей на Луне тени, выхватывали из горного хребта отдельные скалы и прятали их под своим покрывалом.

В рубке было сумрачно и тихо. Едва слышно щелкал какой-то дежурный прибор, да желтый огонек светился на правом пульте. Постепенно из полумрака выступили контуры предметов. Торсон, все еще ощупью, нашел кресло.

Прошло, наверное, несколько секунд, прежде чем он понял, что в соседнем кресле слева от него кто-то есть. Рука механичес-

ки метнулась к пульту в поисках знакомых переключателей корабельного освещения, которых здесь не было. Прежде чем он успел что-либо предпринять, глаза окончательно освоились с полумраком, и он разглядел наконец своего соседа. Это была спящая женщина... Он не видел ее лица, но слышал ровное дыхание, видел волосы, широкой волной раскинувшиеся по пульту. Она спала, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

— Что вы здесь делаете? — непроизвольно спросил Торсон.

Она проснулась сразу, мгновенно, как просыпаются люди, ждущие неведомой опасности. Резким движением откинула назад волосы, и ее голос прозвучал в пустом помещении рубки звонко и отчетливо, словно она и не спала вовсе секунду назад:

— Я жду здесь одного человека, а вы кто?

— Какого человека? — еще более сурово спросил Торсон, досадуя на себя, что прервал ее сон, и в то же время не будучи в силах смириться с явным нарушением устава. В диспетчерской рубке не имел права находиться ни один посторонний человек. В конце концов, это же не зал свиданий.

— Капитана Торсона.

— Я Торсон.

Она недоверчиво хмыкнула, потом протянула руку и щелкнула на своем пульте каким-то выключателем. Боковая потолочная панель осветилась, и теперь наконец они смогли рассмотреть друг друга. Это была совершенно незнакомая ему женщина с излишне суровым, но все же красивым лицом. Ей было, наверное, около тридцати. Она сразу же узнала его, потому что вся сникла и растерялась.

— Простите... Мне сказали, что вы здесь бываете, что это единственный способ встретиться с вами, в общем-то я не очень поверила, тем не менее я дежурю здесь третьи сутки. У меня не осталось иного выхода.

— Почему бы не прийти ко мне обычным путем, как это делают все, кому я нужен? — проворчал Торсон.

— А вы как-нибудь попробуйте записаться к себе на прием под чужой фамилией, тогда узнаете, как это просто.

— Не пускают?

Наконец-то он улыбнулся. Женщина вздохнула.

— Не то слово. Наверное, в прошлом легче было получить аудиенцию у какого-нибудь короля.

— Что делать. Слишком много людей хотели бы меня видеть, и чаще всего по пустякам. У меня не хватает на всех времени. Зато у меня есть заместители. Целая куча заместителей!

— Я не могла обратиться к заместителям, мне нужны были вы.

— Хорошо, слушаю вас.

— В двух словах: мне нужно попасть в вашу экспедицию. — Она явно волновалась, говорила сбивчиво, отрывисто. — Очень нужно. Необходимо.

— Я вам верю, — неожиданно мягко сказал Торсон. — Иначе бы вы не сидели здесь трое суток. Но все же не волнуйтесь и постарайтесь изложить причины.

— Вы меня совсем не помните? Впрочем, конечно, нет... Десять лет назад экспедиция к Гидре, эвакуация остатков земной колонии, я была в числе колонистов, которых эвакуировал ваш корабль. Еще раньше вас на Гидре побывал Ротанов... Так вот, Ротанов...

— Какая у вас специальность?

— Я космобиолог. У меня есть опыт лечения людей после контакта с антипространством... Я была в числе колонистов на Дзете.

— Вы обращались в комиссию?

— Да.

— Отказ?

— Не знаю точной причины, но, очевидно, не все в порядке со здоровьем, после Гидры это неудивительно. — Он долго молчал, и Анна растерянно спросила: — Вам нужны еще какие-нибудь данные?

— Нет, того, что вы сказали, достаточно. — Торсон не знал, что ей ответить.

Он не мог просто так подарить этой женщине одно из своих резервных мест и лишиться в результате какого-то нужного специалиста. Кроме того, ему не хотелось создавать прецедент отмены решения комиссии. Если бы она обратилась к нему раньше, до того, как получила официальный отказ, вопрос решался бы проще. С другой стороны, он понимал, что не юношеская погоня за романтикой и не пустой каприз привели ее к нему. Здесь что-то серьезное. Что-то очень серьезное. Ротанов, Ротанов... Ну а допустим, летел бы сейчас Ротанов, взял бы он ее с собой?

— Почему вы не хотите ждать на Земле, как ждут все?

— Потому что я слишком долго ждала, как все, много лет, потому что экспедиция вообще может не вернуться обратно. Но в этом случае я должна знать, что там... Потому что, кроме этого последнего шанса увидеть его, у меня ничего больше не осталось, даже надежды...

Торсон думал о том, почему люди не могут жить просто. Почему они никогда не довольствуются тем, что им по силам. Од-

нажды он попытался, и ему почти удалось начать новую жизнь так, как учили древние философы, — в тишине и смирении. Но потом пришел человек, которого звали Ротанов, и вновь подарил ему эти звезды... И вот теперь он получил право решать судьбы других людей... Он уже почти знал, каким будет его решение, когда она заговорила вновь.

— Ждать на Земле может лишь тот, кто знает, что он ждет. Человек, которого ищу я, не вернется ко мне даже в том случае, если вернется на Землю. Он строит воздушные замки, гоняется за химерами. Но только его замки почему-то иногда оказываются крепче каменных, а химеры... Слишком живыми... Где-то на перекрестке пути я должна встретить его еще раз, как встретила однажды. Только так может что-то свершиться, нечаянно, вдруг. Ждать... мне больше нечего.

— Не очень-то вы смиренны...

— Смиренна? Нет, не такое племя меня воспитало. Вспомните Гидру, вы ведь хорошо ее знали... Смиренные там не выживали. Но меня воспитали гордой, и только поэтому я все же ждала так долго. Сейчас ничто меня уже не остановит.

— Скажите, только честно, как вы поступите в том случае, если я откажу в вашей просьбе?

— Тогда мне придется проникнуть на один из ваших кораблей нелегально. Я знаю одиннадцать способов.

— В ваши годы я знал пятнадцать. Оставьте ваше заявление в штабе. То есть нет, не оставляйте. Дайте мне его сейчас. Так будет надежнее. Я вовсе не хочу, чтобы у меня на кораблях появились зайцы. Да, и вот еще что. Старт решено ускорить. Так что летите на Землю, заканчивайте все свои дела и прощайтесь надолго. Это будет трудная экспедиция. Может быть, самая трудная из всех, какие я знал...

8

Карабин заклинило после четвертого выстрела. Олег заметил взметнувшееся на тропинке легкое облачко пыли в том месте, куда ударила последняя пуля. Почти сразу же рядом с ним раздался глухой звук разрыва. Костюм действовал, батарея сохранила заряд, и только поэтому он остался жив. Но в голове от контузии все помутилось. Поплыла и изогнулась линия тропинки, земля стала неустойчивой, зыбкой. Он еще видел вскочившего во весь рост Ларта, на которого навалились сразу человек десять. Мель-

кали копья, но все это он воспринимал нечетко, словно во сне. Последнее, что он вспомнил, прежде чем рухнул под тяжестью навалившихся на него тел, была мысль о том, что все три выстрела достигли цели, развернув внутренности летающему монстру, которого так ненавидел и боялся Ларт. Змей судорожно задергался в воздухе, беспорядочно захлопал крыльями. «Недалеко теперь улетит этот ваш стрик», — подумал Олег, и это была его последняя мысль.

Очнулся он на рассвете от свежего морского ветра, холодившего кожу. Защитного комбинезона на нем уже не было... Он приоткрыл слипшиеся веки и увидел себя сидящим на палубе какого-то примитивного судна, использующего для своего движения ветер. Грубые растительные веревки стягивали тело и причиняли сильную боль. Они обхватывали его несколько раз, прочно притягивая к мачте и лишая возможности двинуться... Только изодранное белье прикрывало его избитое, израненное тело. Рюкзака с планетарным комплектом тоже, конечно, не было. «Плохо дело, — уныло подумал Олег, — совсем плохо».

Палуба судна, собранная из травянистых стеблей, казалась непрочной, да и само судно не внушало доверия. Олега поразило почти полное отсутствие команды, только на носу маячила фигура человека. Во все стороны до самого горизонта расстилался безбрежный чужой океан. Бежать отсюда было некуда и незачем. Хотелось пить, левое плечо, поврежденное во время последней свалки, распухло и сильно болело. Стиснув зубы и не обращая внимания на боль в плече, Олег напряг все мышцы, стараясь разорвать или растянуть стягивавшие его путы. Из этого ничего не вышло, но неожиданно сзади он услышал стон. Насколько возможно, он повернул голову и увидел, что с противоположной стороны мачты, спиной к спине, вместе с ним был прикручен Ларт. «Хорошо, что мы вместе». Ему сразу стало легче, даже боль стала глуше. «Вместе мы что-нибудь придумаем, выберем момент, и тогда это судно пойдет туда, куда нам надо. А куда, собственно?» — сразу же спросил он себя и понял, что без карт и без навигационных приборов они будут совершенно беспомощны в чужом море. «Интересно, умеет ли Ларт плавать? Кажется, он говорил, что никогда не покидал своего острова. Значит, придется ждать конца путешествия». Оно окончилось быстрее, чем он предполагал.

К вечеру следующего дня на горизонте показался большой остров. Очевидно, над ним бушевала сильнейшая гроза, каскады молний водопадом обрушивались со скалистых вершин в море.

Такой грозы Олегу никогда не приходилось видеть, в ней было что-то неестественное, грозное. Подошел рой, единственный рой, составлявший всю команду судна. Молча, как делал все, рой протянул каждому пленнику чашу с зеленоватым растительным соком. Жажда была настолько нестерпимой, что Олег не стал раздумывать и осушил свою одним глотком. Сразу же предательское расслабляющее тепло поползло по всему телу. Несколько минут он еще пытался бороться, потом его обмякшее тело бессильно повисло в петлях канатов. Рой поднял толстую раковину и, повернувшись к берегу, протрубил сигнал. В грохочущем каскаде молний образовалась узкая щель. Направляемое уверенной рукой судно скрыла полыхнувшая позади него огненная завеса молний.

Человек стоял в ряду одинаковых, похожих друг на друга как две капли воды, обритых и обнаженных людей, странно безликих, странно равнодушных, странно покорных. Человек не знал, кто он. Не знал, почему здесь стоит, и лишь смутно помнил, что в этой шеренге есть кто-то, кого он знает, кто ему нужен. Человек старался вспомнить, старался найти знакомое лицо, но все лица выглядели как зеркальное отражение друг друга. Те, кто стоял впереди него, по команде, один за другим, через равные промежутки времени, исчезали в распахивающихся дверях. Тогда весь ряд продвигался вперед, и двери продвигались навстречу человеку. Он понимал, что лицо друга необходимо обнаружить, прежде чем его поглотит эта страшная дверь. Почему-то ему казалось это очень важным. Важным для чего? Важным кому? Он не знал, но с каждым шагом, с каждой секундой, проведенной в молчаливом строю, в мозгу человека рождалось все больше мыслей. Мысли не были равноценны. Одни вызывали в его голове мягкое ласкающее тепло и улыбку на лице, другие почему-то рождали боль. Он думал о том, как хорошо стоять вот так тихо и ровно, как все. Ни о чем не думать, ничего не хотеть, и на лице блуждала улыбка. Когда же он попытался понять, как он здесь очутился, резкая боль словно простреливала его голову от лба до затылка. Тогда он разбил эту простую, в сущности, мысль на еще более простые. На еще более элементарные мысли. Вот он входит. Дверь закрывается. Но до этого он стоял совсем в другом месте. Можно его представить: низкий сводчатый потолок. Хороший, надежный потолок из бетона. Длинный металлический стол, ремни, приковавшие тело к его поверхности... Укол. Еще укол... тонкое жужжание в ушах... и потом у него не стало имени... А раньше? Раньше имя было... Но об этом сейчас не надо, потому что обманутая

боль возвращается с новой силой. Постепенно вызывая ее и укрощая, человек изучал характер этой боли, находил в ней слабые места, учился бороться и думать вопреки запрету... У него было слишком мало времени, слишком неравными казались силы, и потому он стал искать в череде однообразных лиц лицо друга... Искал и не находил. А до двери оставалось всего четыре шага. Четыре минуты. И тогда, приказав себе вытерпеть все до конца, он преодолел болевой порог и включил закрытое от внешних воздействий подсознание. Когда-то он умел это делать, когда-то его этому учили. Он не помнил, кто и где, да и не важно это было, важен был результат. В глубинных слоях памяти, в подсознании хранилось не только имя... И, покачнувшись, едва не потеряв сознание, едва не упав, Олег все же выпрямился и замер с неподвижным лицом. Теперь он вспомнил все и был готов к продолжению своего нелегкого пути. Боль, побежденная просветленным сознанием и волей, загнанная в угол, уже не властвовала над ним.

Олег снял со своего мозга чужое воздействие, чужие запреты, чужую волю. Он снова стал человеком. «Прежде всего Ларт. Необходимо найти Ларта». Но Ларта не было. Олег стоял последним в ряду. Значит, Ларт вошел раньше, с тем, что ждет его за этой дверью, ему придется встретиться один на один, без помощи друга. Дверь открылась, и Олег вошел внутрь. Небольшая комната, голые стены и стол посредине. Лишь через секунду он понял, что это не стол. Вернее, не совсем стол. Четыре ножки, широкая поверхность с рулонами и карточками, все это было, но, кроме этого, было еще и человеческое лицо. Голова была огромна и безобразна. Она уставилась на Олега немигающими глазами и пожевала губами, затем две маленькие ручки, росшие откуда-то из шеи и не замеченные им вначале, начали шарить по ровной поверхности стола. Нашли какую-то карточку, приподняли ее, и немигающими глазами голова стала разглядывать эту карточку. Затем тонкий, до смешного визгливый голос пропищал:

— Имя, фамилия, должность! Отвечать сразу и быстро!

— Должности нет, имени не помню! — не задумываясь ответил Олег, не желавший раньше времени показывать, что к нему вернулась память.

— Правильно. Должность получите позже. Задаю следующий вопрос: кто является главным врагом нашего горячо любимого острова?

— Врагов не знаю! — четко отрапортовал Олег и сразу же понял, что в этот раз промахнулся.

— Вы не знаете врагов? — Стол заволновался, его поверхность слегка изогнулась, и огромный лоб нахмурился, а ручки беспорядочно забегали среди бумаг. — Чем они там занимаются, в отделе нормативов! Ко мне поступает совершенно неподготовленный материал! Придется отправить на повторную обработку!

Олег понял, что терять ему нечего. Перед ним был робот. Обыкновенный биологический робот, довольно примитивного класса. Вот только вел он себя несколько странно для робота, слишком по-человечески он удивился... Роботы не умеют удивляться. Тем не менее в таком узкоспециализированном существе-механизме не может быть большого интеллекта. На этом он и решил сыграть, да еще на том, что в роботах должна быть определенная программа, руководство к действию. Нужно было поставить робота в тупик, выбить из привычной колеи, заставить принять нестандартное решение. Как минимум это даст ему дополнительное время, а там посмотрим, как сложатся обстоятельства.

— Обработке не подлежу! — все тем же казенным уставным тоном заявил Олег.

— Не подлежите обработке? Это еще почему? — искренне удивился робот, и его удивление укрепило в Олеге убежденность, что он действует правильно.

— Это тайна. Но вам, только вам, я могу ее доверить. — Олег хотел приблизиться к роботу, но тот сразу же отскочил.

— Но, но! Соблюдать дистанцию! Никаких фокусов я не позволю!

— Я только хотел вам, лично вам... — Олег оглянулся. — Кругом враги, вы понимаете, тайну нельзя разглашать!

— Врагов на острове нет! Можете говорить. У меня хороший слух!

— Дело в том, мой дорогой друг, что я человек. Человек не подлежит обработке.

— Человек, человек, человек... — забормотал робот, его толстые уродливые губы скривились не то в усмешке, не то в гримасе непонимания. Одна из ножек стола дрогнула и вдруг, нелепо изогнувшись, почесала голову. Если бы не трагизм положения, в котором находился Олег, этот забавный уродец вызвал бы у него улыбку. Маленькие ручки торопливо перебирали карточки на столе, словно отыскивали среди них ответ. Видимо не найдя его, робот наконец спросил:

— Что такое «человек»?

— Человек — это существо, обладающее свободой воли и разума. Ты знаешь, кто тебя создал?

— Конечно. Великий Эсхин. Высшее счастье состоит в выполнении воли Эсхина. Тебя надо исправить, дорогой *человек*. Тебя надо отправить на переделку, чтобы ты мог постигнуть высшую истину и познать наконец, в чем состоит счастье любого живого существа.

— В чем же оно?

— В выполнении божественной воли Эсхина, только его предначертания...

Олег перестал слушать. У него не было времени вникать в смысл этой бредовой проповеди. «Похоже, с ним не договоришься. У него сняты все ограничители, бредовая программа, заложенная в его блоки, требует беспрекословного подчинения, нашел с кем спорить о высоких материях, к нему нужен ключ, простой и безотказный, как правила, вбитые в него этой чертовой программой... Интересно, есть ли у них тут охрана? Или этот ходячий буфет сам управляется со своими жертвами? Что-то наверняка должно быть, хотя бы оружие, к тому же он настороже, и стоит применить силу... Да и как ее применишь, если неизвестно расположение его нервных центров... Есть, наверное, выключатель программы. Может быть, словесный, какое-нибудь кодовое слово, но его надо знать. Фролов умел разговаривать с этими тварями». Биороботов Олег всегда недолюбливал.

— Эсхин — человек? — почти выкрикнул он в широкое лицо робота свой вопрос, следуя внезапно родившемуся в его сознании плану.

— Эсхин — это Эсхин.

— Эсхин — человек. Я тоже человек. Мы с твоим господином одного племени. Ты можешь послать в обработку Эсхина?

Он заметил, как мелко затряслись ножки и унылое лицо покрыла предательская бледность.

— Что ты говоришь, человек! Эсхин велик! Только почтение...

— Да погоди ты со своим почтением! Представь себе, что я и он одного племени, что с тобой будет, если ты сейчас ошибешься, как у вас поступают с роботами, нарушившими основные правила программы?

— У меня нет данных, что Эсхин человек! Нигде нет таких данных! — в отчаянии воскликнул робот.

— Может быть, у тебя есть данные, что Эсхин не человек? — задал свой самый коварный вопрос Олег, надеясь, что этот орешек из логики древних окажется не по зубам роботу.

У него были все основания продолжать эту дурацкую беседу хотя бы для того, чтобы выиграть время. С каждой секундой он

чувствовал, как его тренированный организм справляется с отравой, введенной в его кровь. Все четче становилась мысль. Стальной обруч боли, стискивавший виски, слабел. Медленно, осторожно он напряг мускулы, глубоко вдохнул и задержал воздух. Пожалуй, можно попробовать... В помещение вели две двери, через одну он вошел и не хотел возвращаться обратно, там слишком сильная охрана, оставался один путь — вперед. Четыре шага, отделявшие его от двери, он проделал в одно мгновение, распахнул ее и исчез, прежде чем робот сообразил, что, собственно, произошло. Отчаянный вопль робота долетел сквозь захлопнувшуюся дверь:

— Эсхин — человек! Эсхин может быть человеком, потому что нет данных, опровергающих это! Теперь я знаю: великий Эсхин — человек!

— Ну все, этого ему хватит надолго, — пробормотал Олег, стремительно продвигаясь вдоль длинного, ярко освещенного коридора. Сюда, видимо, поступал обработанный и прошедший контроль «материал». Охранять этих несчастных уже не было надобности. Впервые за весь сегодняшний день он почувствовал, как удушливая волна гнева перехватила дыхание, и понял, что окончательно пришел в норму. — Ну я вам покажу великого Эсхина!

Коридор тянулся метров на пятьдесят. Первым делом надо было сбить с толку погоню и раздобыть какое-нибудь оружие. Еще одна дверь... Хорошо, что нет запоров — запоры им здесь не нужны, те, кто идет этим путем, вряд ли справятся с запорами.

Огромный, вытянутый в длину зал. Четыре узких прохода, перегороженных невысокими, не доходящими до потолка стенами. Между этими стенами узкие длинные ячейки. В них неподвижные, похожие на мумии фигуры. Роботы? Скафандры? Вдруг он понял, что это такое... Где-то здесь среди этих безвольных, усыпленных кукол должен был быть Ларт... Он задержался, вглядываясь в одинаковые, похожие друг на друга лица... Зал слишком велик, на поиски уйдет много времени, и ничем он не сможет ему помочь, даже если найдет... Надо добраться до тех, кто управляет этим паноптикумом, до тех, кто позволил себе превращать живых людей в механических кукол... Ларт поймет... На его месте он сделал бы то же самое. Вот, значит, куда деваются вошедшие в возраст, набравшиеся опыта охотники племени...

Он услышал за дверью грохот тяжелых ботинок. Погоня уже совсем близка. Судя по звуку, там закованные в тяжелые скафандры роботы внешней охраны. Ему показалось, что по коридору несется стадо слонов, и он понял, что не успеет перебежать

зал, не успеет достичь противоположной двери — охранные роботы наверняка вооружены. Достаточно одного выстрела, они не промахнутся... Надо что-то немедленно придумать, у него оставалось две-три секунды. И вдруг, взглянув на серые лохмотья, заменившие его одежду, он понял, что нужно делать... Пустая ячейка нашлась почти сразу, вполне возможно, что она предназначалась именно для него...

Втиснуться в каменный четырехугольник, замереть, заставить тело окостенеть — все это было не так уж сложно. Гораздо труднее оказалось ждать. Все внутри его клокотало от гнева. Его, звездолетчика, землянина, побывавшего в десятках труднейших экспедиций, хотели превратить в механическую куклу, лишить памяти, воли. «Вы у меня еще узнаете, что такое человек». Шаги все ближе, сквозь прищуренные веки он видит, как разделилась охрана. Их четверо, и четыре прохода. «Значит, здесь пройдет лишь один...» Он с трудом сдержал искушение броситься на бронированную глыбу робота с голыми руками. Но лишь задержал дыхание. Слился со стеной, стал неотличим от сотен серых неподвижных фигур, втиснутых в каменные ячейки. Робот промчался мимо. Грохнула дверь, послышался удаляющийся топот. Охрана миновала зал, но все ли они ушли? Или оставили засаду? Не надо недооценивать противника. Не так уж глупы эти охранные роботы. Он имел возможность познакомиться с ними, когда корабль пристал к берегу. Первая схватка закончилась его полным поражением. Оглушенного и беспомощного, его приволокли на операционный стол, сделали инъекцию — больше он им этого не позволит.

Осторожно и плавно, стараясь не издать ни единого лишнего звука, он выглянул из своей ниши. Так и есть. Один робот остался у двери. Он даже не очень скрывался. Уставился в проход своей безликой тупорылой мордой. Щитки на шлеме скафандра тускло поблескивали. Электронный разрядник он держал стволом вниз — но Олег уже знал, какова реакция этих механизмов, и не сомневался, что стоит ему обнаружить себя, как его уложат на месте... Мощность выстрела таких разрядников регулировалась, он почти не сомневался, что его не станут убивать, но от этого не легче... Что же делать? Через дверь не прорваться. Возвращаться назад? Бессмысленно, там этот стол, и вряд ли он теперь один... Может быть, подождать? Не вечно же там будет стоять пост... Вряд ли у роботов меньше терпения, чем у него, в конце концов он выдаст свое присутствие. Если ушедшая в глубь помещений погоня не увенчается успехом, пост здесь они скорее всего не снимут... Горячка первых минут прошла, и теперь он чувствовал озноб и усталость. Все-таки

уколы не прошли для него даром, и неизвестно, надолго ли хватит сил. Нужно немедленно что-то предпринять... Еще раз внимательно, не упуская ни малейшей детали, Олег осмотрелся. Он мог видеть только часть потолка, пол и противоположную кабину прямо перед собой, в которой стояла неподвижная окостеневшая фигура. «Как-то они их включают, наверное, как-то передают им команды, должна быть хотя бы линия связи...» Он обернулся и увидел у себя за спиной медные шины контактов. «Так и есть — вот она, линия...» Он почувствовал, как похолодела спина от мысли, что мог бы сейчас стоять здесь неподвижно, ко всему безучастный, а эти контакты прикасались бы к его обнаженной коже... Неожиданно послышался щелчок, и между шинами проскочила синяя искорка разряда. Фигура стоящего напротив него человека-робота дернулась, вытянулась и медленно поползла вверх. Очевидно, полы в каждой ячейке одновременно были плитами подъемника, медленно поднимавшегося теперь к потолку, где уже открылись квадратные люки.

Вот он, выход! Но его собственная кабина оставалась неподвижной. Медленно и бесшумно справа и слева от него оживали ячейки, унося свое содержимое в какой-то верхний ярус. «Тревога, тревога по всему острову — им понадобилось подкрепление, и это хранилище роботов получило команду оживить свое содержимое, вот откуда этот разряд, и вот почему осталась неподвижной моя собственная кабина! Ее контакты оказались не замкнуты человеческим телом...» Можно было поискать какой-нибудь металлический обломок и замкнуть контакты, но Олег не хотел рисковать. Сопротивление между зажимами должно быть вполне определенным, и он хорошо понимал, каким именно... В конце концов, это не так уж страшно — разряд пройдет лишь через руку, не задев жизненно важных органов. У него не было времени раздумывать. Кабины справа и слева почти достигли потолка, позже его собственный подъемник вообще может не сработать. Стиснув зубы, он схватился левой рукой за обнаженные шины контактов. Удар был резкий, но несильный — все же рука онемела на некоторое время, но теперь это не имело значения, потому что его кабина быстро поползла вверх, догоняя остальные.

9

Вода была теплой. Высокие плоские валы то и дело подбрасывали Ротанова на несколько метров вверх, и тогда он видел прямо перед собой мрачную тучу, лежащую на поверхности моря. Ветвистые разряды молний летели из нее во все стороны. Ему

нужен был какой-нибудь ориентир, а так как ничего другого не было, он старался держать направление на эту тучу. Впрочем, они почти не двигались. Одной рукой он поддерживал ослабевшую девушку, другая уже плохо слушалась от усталости. Все же туча постепенно становилась больше и ближе. То ли ветер гнал ее к ним, то ли течение несло их вперед, навстречу грозе. Только сейчас Ротанов заметил странную особенность: очертания тучи со временем не менялись. Приблизившись вплотную, он прокричал, что это может быть остров. Она согласно кивнула.

— Не понимаю, откуда тогда эти молнии?

— Это не молнии. Это электрические орудия острова Рин.

Ему показалось, что он ослышался. Слишком уж неправдоподобным выглядел фейерверк яростных разрядов, направленных против бушующего пустого моря.

Теперь он уже не сомневался — перед ними земля, и течение несло их прямо в зону разрядов. Кипящая от непрерывных ударов молний полоса воды была уже совсем близко. Девушка что-то крикнула ему, но из-за сплошного рева ничего не было слышно... Неожиданно наступила странная, неправдоподобная тишина. Плеск волн и свист ветра после раскатов грома казались шепотом.

— Интервал полчаса. Сейчас, пока они накапливают энергию, надо успеть проскочить зону защиты, может быть, нам повезет...

Она старалась помочь ему, как могла, но сил у обоих осталось немного. Все же Ротанову показалось, что они двинулись вперед быстрее. Через некоторое время он заметил, что темнота перед ними уплотнилась, превратилась в сгусток, в верхней части которого угадывались неясные очертания горных вершин. Неожиданно вновь сверкнула молния. Широкий плоский разряд осветил небо и ударил в море позади них. Вода забурлила. Несмотря на то что место удара отделяло не меньше ста метров, Ротанов почувствовал, как по ногам прошел слабый электрический разряд. В трепетном свете молнии ясно виднелись очертания берега. Они находились уже в мертвой зоне и через полчаса стояли на берегу. Бухточку, в которой они очутились, отделяли от берега отвесные скалы. Недалеко от линии прибоя нашелся защищенный от ветра небольшой грот, выбитый в скалах морскими валами. Здесь было тепло и тихо.

Вода попала за воротник защитного костюма, и Ротанов чувствовал себя так, словно все его тело обложили солеными компрессами.

— Извини. Я должен раздеться и вылить воду.

Она усмехнулась.

— Ничего. Ты же теперь мой муж. Можешь не стесняться.

Он стянул с себя защитный комбинезон. Убедившись, что она все же отвернулась, снял и выжал белье.

Темный рубиновый огонек тлел у него на груди. Камень из диадемы рэнитки стал его постоянным спутником. В трудные минуты его странный живой свет, принесенный неведомо из каких миров, согревал его. Вот и сейчас он снял с шеи цепочку и положил на ладонь трепетную алую искорку и, уже одевшись, заметил, что девушка не отрывает взгляд от его руки. Ее лицо исказило волнение, а губы шептали срывающиеся сбивчивые слова: «Этого не может быть... Не может!» Она едва владела собой.

— Откуда это у тебя, Ротанов? — Она указала на камень дрогнувшей рукой.

— Подарок. Я тебе говорил, что наши колесницы летают на далекие звезды, на одной из них прекрасная принцесса подарила мне этот талисман.

— Перестань разговаривать со мной как с дикаркой и оставь свои шутки. Это слишком серьезно!

— Ну а если серьезно, так в одной из дальних экспедиций я встретился с рэнитами. Так себя называли пришельцы из далекого прошлого, победившие, казалось, само время и жестоко наказанные этим самым временем за свое чрезмерное самомнение. — Он осторожно погладил широкие светлые грани и улыбнулся, вспомнив лицо рэнитки, в диадеме которой некогда сверкал этот камень. — Ее звали Вельда. Это ее подарок. Все, что осталось от рэнитов, кроме развалин на далеких планетах и еще, пожалуй, памяти...

— Ты хочешь знать, что это такое?

— Я же тебе сказал — талисман. Талисман на счастье.

— Это не талисман, Ротанов. Это ключ от Хронара.

— Ключ от... — И вдруг он осознал то, что она сказала. — Ты знаешь, что такое Хронар?!

— Еще бы мне не знать! Я была его хранительницей целых... Впрочем, это не важно. Так, значит, ты знаком с моим народом?.. Как странно... Иногда мне кажется, что у времени есть своя душа и свой разум. Не зря многие народы строили ему храмы. Иногда в будущем угадываются ростки далекого прошлого. Кто мог подумать, что именно ты знаком с рэнитами? Что именно тебе сделают такой подарок?.. Расскажи мне подробнее о вашей экспедиции, — потребовала она. — Как это случилось? Когда?

И он рассказал ей о планете Реане, о своем броске сквозь время, о женщине, что называла его коротко и певуче Ролано...

— Перед тем как лететь сюда, на Энну, я побывал на Реане еще раз и не нашел там никого. А в комнате, где я жил когда-то, на столе лежал камень. Вот, пожалуй, и все. Теперь твоя очередь рассказать все, что ты знаешь о Хронаре.

— Это долгая история, Ротанов. Долгая и печальная.

— Однажды мне пришлось выслушать долгую и печальную историю, связанную с Хронаром. Наверное, в глубинной структуре времени скрыты вещи, на изменение которых человек не имеет права.

Она молчала, словно обдумывала услышанное, а может быть, собиралась с духом, и Ротанов не торопил ее.

— Кажется, я знаю, о какой экспедиции ты рассказывал. Наша была значительно позже. В каждой экспедиции, чтобы избежать случайностей, необдуманных поступков, злоупотреблений, наконец, всегда назначалась хранительница Хронара. Как правило, это была женщина. Может быть, потому, что женщины острее чувствуют ответственность за все живое, а использование Хронара всегда сопряжено с опасностью для различных форм жизни. Без согласия хранительницы нельзя воспользоваться Хронаром. Он мог быть включен только таким вот ключом и только в присутствии той, чьи биотоки отпечатаны в структуре этого кристалла. Я уничтожила свой кристалл. Не было другого выхода. — Она надолго замолчала. И он тоже молчал, понимая, что бывают минуты, когда неосторожный вопрос может причинить человеку сильную боль.

Волны с шумом разбивались о камни одна за другой. Казалось, в самом ритме их скрыто все то же время, все тот же огромный маятник, отмеряющий прошлое и будущее, ошибки и заблуждения, дороги и тропинки, несмотря ни на что ведущие вперед в будущее...

Наконец она продолжила свой рассказ:

— На каждом корабле рэнитов был свой Хронар. Наши корабли летали со скоростью, близкой к скорости света, и время многократно замедлялось во время полета. К далеким мирам мы прилетали в их будущее, на нашей родной планете проходили сотни, тысячи лет, и вот тогда на специально выбранной планете включался Хронар.

— Чтобы уничтожить этот мир в настоящем, отбросить его в далекое прошлое!

— Значит, ты знаешь и это... Мы выбирали безжизненную планету.

— Так не бывает, не бывает полностью безжизненных планет! Вы не могли знать, какие формы жизни зародились бы на них в последующие тысячелетия!

— Да, ты прав. Но в данном случае мы выбрали планету, которой в недалеком будущем грозила гибель. Наши ученые рассчитали, что Эпсилону грозит гравитационная смерть, вместе со звездой должна была погибнуть и Энна. Я дала согласие на включение Хронара... Тогда мы еще не знали, что области «черных дыр» соприкасаются с иной Вселенной. И что время в таких районах относительно, иногда условно...

— Что значит «условно»?

— Сейчас ты поймешь... Экспедиция еще не выполнила своей основной задачи... Наши ученые, да и не только они — весь народ рэнитов не мог оставаться безучастным к тому, в чьи руки попадет наследство рэнитской цивилизации. Ученые знали, что развитие любого народа имеет конец и начало. Рэниты уже клонились к закату, а на одной из планет в окраинном рукаве Галактики разведчики, улетавшие в далекое будущее, обнаружили ростки новой жизни, обещавшие дать в будущем обильные и разумные всходы. Время нашей экспедиции было рассчитано так, чтобы можно было убедиться в том, справедливы ли надежды. Но это не главное. В том, что жизнь на этой планете развивалась так, как мы рассчитывали, мы убедились сразу же, перед нами стояла еще одна задача, гораздо более важная. Мы хотели помочь молодой цивилизации в ее развитии... Хотели ускорить и облегчить ей путь вперед, постараться выпрямить зигзаги истории. Вывести эту расу на ровную и верную дорогу. Здесь очень велика вероятность ошибки, никакие расчеты не могли бы дать правильного ответа. Нужен был социальный эксперимент.

Ротанову показалось, что он ослышался.

— Социальный эксперимент? Как это понимать?

— Брались несколько особей разных племен, помещались в изолированные тепличные условия, и на них проверялись воздействия различных факторов, как положительных, так и отрицательных.

— Это людей вы называли особями? На них проверяли воздействие отрицательных факторов?

— Не спеши, Ротанов, не все так просто. Мы еще только подходим к понятию «мнимое время». Представь теперь, что такой эксперимент проводится на планете, которая затем, после получения всех ответов, отбрасывается назад, в прошлое. Как, по-твоему, что произойдет с участниками эксперимента?

— Ну, те, что были подопытными кроликами, вероятно, попросту будут уничтожены.

— Нет, Ротанов, они вернутся в свое начальное состояние, поскольку к прошлому этой планеты они отношения не имеют, все время, проведенное здесь, будет для них мнимым, иными словами, как бы не существовавшим.

— А горе, а боль утрат, а потеря близких, наконец, просто обыкновенные физические страдания, они что, тоже были мнимыми?

— Конечно. Ведь даже памяти об этом не остается в сознании тех, кто участвовал в эксперименте.

— А в тот момент, когда вы проводили этот свой эксперимент, они что, ничего не чувствовали, были куклами, роботами?!

— Ни одной секунды времени не должно было исчезнуть в их настоящей жизни на родной планете. Как только включался Хронар, они возвращались в то самое мгновение, из которого были изъяты. И не было для них никакого эксперимента, не было, понимаешь?!

— Зачем же ты кричишь?

— Извини. У тебя какой-то странный взгляд на вещи. Как будто средства важнее цели. Мы хотели создать счастливую жизнь целого мира, для всех народов, его населявших.

— Где-то я уже слышал нечто подобное, несколько в другой формулировке: «Цель оправдывает средства». Правда, потом оказалось, что счастливое общество невозможно построить грязными руками. И кто вообще дал вам право вмешиваться в развитие чужой цивилизации? Тоже мне боги, носители лучшей доли. Следили бы за своей собственной планетой! Знаешь ты хоть, во что превратилась в конце концов ваша собственная Гидра?

— Что такое Гидра?

— Так люди назвали вашу Делу. Чудовищные, искаженные остатки вашей научной деятельности дошли до нашего времени.

— Не наша в том вина... Мы искали бессмертия, победы над временем. Придет пора, и ваша собственная цивилизация займется этими же проблемами. Ты судишь нас слишком строго.

— Возможно, ты и права. Слишком много развалин остается после неудавшихся экспериментов, слишком много они приносят с собой людям самого обыкновенного горя.

— Успокойся, Ротанов. Из нашего эксперимента ничего не вышло. Во всяком случае, не вышло ничего хорошего.

— Вот как? Интересно, что ты называешь плохим, если все остальное было хорошим?

— Ты заставляешь меня пожалеть о начатом разговоре. Я бы вообще его не начала, если бы не этот камень на твоей ладони — его не дарят кому попало.

— Хорошо. Я постараюсь тебя не перебивать. А все, что думаю, выскажу в самом конце. Сейчас самое важное — информация, которой ты располагаешь, а не твое уязвленное самолюбие... В конце концов нам всем вместе придется исправлять сделанные на этой планете ошибки.

Она долго молчала, и он не знал, хватит ли у нее мужества признать его правоту. Но он не мог иначе, не мог не сказать ей всего, что думал, потому что искал в ней друга, союзника и не хотел становиться причастным к тому, что они сделали раньше на этой планете и на далекой отсюда Реане.

— Что собой представляет остров Рин? Это тоже ваше детище?

— Это наша бывшая база. Здесь располагалась биологическая лаборатория, здесь изготовлялись различные биороботы, необходимые для наших экспериментов. Кроме того, здесь был установлен Хронар. Однако после его включения произошло... Не знаю, сумею ли я объяснить... Мы сами многого не понимаем до конца. Скорее всего в момент включения мощный энергетический импульс вызвал смещение времени в обратную сторону, так иногда бывает вблизи больших масс, предрасположенных к гравитационному коллапсу...

— Иными словами, время стало ускоряться, и система вместо прошлого сдвинулась в будущее?

— Да, но ненамного. В обычных условиях такой выброс в будущее легко компенсировался, но здесь он попал на момент гравитационной смерти звезды. Звезда вместе с планетой начала проваливаться в «черную дыру». Весь процесс вышел из-под нашего контроля. В принципе коллапс должен быть мгновенным, но в данном случае этого не случилось. Создалось впечатление, что внутри самой системы кто-то «выключил» время, оставив все процессы в неустойчивом равновесии. Имевшимися средствами в данной ситуации мы ничего не могли изменить. Даже Хронар вел себя необычно, он не выключился полностью после завершения цикла. Часть энергии из него продолжала поступать к звезде, и мы вынуждены были смонтировать специальные энергетические установки для его подпитки. Установившееся равновесие было настолько неустойчивым, что мы боялись предпринять что-либо, чтобы не вызвать катастрофы. Нельзя было отключить ни одной установки, связанной с Хронаром. Мы знали, что в системе Центавра одновременно с нами работает другая наша экспе-

диция. Корабль и большинство членов группы улетели к Центавру за помощью.

Они так и не вернулись, и я не знаю, что с ними произошло. Здесь, на Энне, остались всего три человека: я, как хранительница Хронара, обязана была остаться. Мы ждали примерно год по местному биологическому времени. За это время за пределами нашей закрытой системы должны были пройти десятки, а может быть, и сотни лет, но никто так и не пришел к нам на помощь. А потом появилось озеро Забвения... И при очень странных обстоятельствах пропал руководитель нашей экспедиции командор Слэнг.

— Что собой представляет озеро?

— Собственно, это не озеро. Воды в нем нет. Это некая неизвестная нам субстанция, проникшая в наш мир из другой Вселенной. Ты знаешь, конечно, что «черная дыра» — ворота в иной мир. Наша оказалась воротами, открытыми в обе стороны. Через них чужой мир проник в нашу Вселенную. Я слишком мало знаю об этом. Сразу же после появления «озера» исчез Слэнг, и Эсхин захватил власть. На острове началась схватка между роботами, программа которых осталась неизменной, и теми, которых Эсхину удалось использовать в своих целях. С роботами вообще творилось что-то странное, порой они выходили из-под контроля и начинали действовать самостоятельно... Во всяком случае, я потерпела полное поражение в своей борьбе с Эсхином. Он захватил Хронар и остров, правда, Хронаром без ключа он все равно не мог управлять, именно тогда я уничтожила свой ключ. Мне удалось бежать и скрыться у бореев под видом дочери жреца, не этого жреца... Этот родился значительно позже. С тех пор у бореев сменилось уже два поколения, и все это время я оставалась Той-Что-Прячет-Свое-Лицо. Не знаю, искал ли меня Эсхин, или моя судьба стала для него безразлична... Он воспользовался станцией для своих собственных целей. Для установления господства на всей планете, для подчинения всех местных племен и использования их для каких-то своих, неведомых мне целей.

— Как он это сделал?

— С помощью биороботов. Эсхин предпочитает не покидать острова, но он вывел целые стада различных монстров, приблизил к себе, а затем полностью подчинил своей воле племя роев и сделал их своеобразными надсмотрщиками.

Как бы подтверждая его слова, над островом прокатился удар грома, от которого содрогнулись скалы. Ослепительное синее полотнище молнии заполнило весь горизонт.

— Почему так расточительно действует защита острова?

— Защиту Эсхин создавал уже значительно позже, когда он не располагал всеми нашими техническими средствами. К тому же с тех пор, как появилось «озеро», энергетический баланс планеты нарушился. На всей Энне образовался острый дефицит энергии, она стала вырождаться, исчезать. Зато здесь, на Рине, вблизи самого «озера», наоборот, образовался избыток, мне даже кажется, что Эсхин был вынужден построить эти установки, чтобы избавляться время от времени от лишней энергии, переполнявшей его хранилища, сбрасывать ее в море. Вот почему так расточительно работают электрические пушки острова.

— Похоже, это своеобразные разрядники... Но тогда, если это так...

Он не договорил, сдерживая волнение, рванул застежку рюкзака и вынул мезонную батарею. Индикатор разряда чуть заметно тлел у самого нижнего деления, а это означало, что в полностью разряженной батарее появилось пока еще ничтожное количество энергии. Ротанов знал, что в определенных условиях, в сильных электрических полях, например, батарея обладала способностью к самозаряду, и похоже, что здесь по истечении какого-то времени защита вновь начнет действовать. Теперь важен каждый выигранный час. Он осмотрелся. Волны по-прежнему с грохотом набегали на песок, уже ослабленные узкой горловиной бухты, и обдавали берег каскадами брызг. Прямо за их спиной вверх уходили мрачные громады скал, вершины которых тонули в темном беспросветном небе. То и дело ослепительно сверкали сполохи молний, и каждый раз глухие удары грома били сверху в уши как молот.

Скалы казались ровными и гладкими, а бухта, примостившаяся у их подножия, совсем крохотной. Здесь не было ни крупных камней, ни растительности, только пятачок песчаной отмели у самого подножия скал да неглубокий грот.

— Негде даже укрыться, мы здесь как на ладони, как только начнется рассвет, нас обнаружат.

— Нас давно обнаружили. На острове очень чувствительные биологические детекторы, кроме того, Эсхин наверняка следил за полетом змея.

— Так где же он?

— А зачем ему спешить? Мы полностью в его власти. Возможно, ему интересно наблюдать за нашим поведением.

— Ты думаешь, он нас видит?

— Почти наверняка. Скажи, тебе страшно?

— Обычно у меня не остается на это времени, — проворчал Ротанов.

— Я всегда мечтала, что придет день, когда я вновь буду стоять на берегу этого проклятого острова и рядом со мной окажется такой человек, как ты.

10

Шум возник внезапно, на границе слышимости. Вначале Ротанов не обратил на него внимания. Но постепенно звук окреп, превратившись в назойливое жужжание. Неожиданно в скале перед ними образовалось отверстие. Монолитный гранит в этом месте рассыпался, превратившись в раскаленный дымящийся песок. Все стихло. В тишине и напряженном ожидании прошло еще несколько минут. Казалось, тот, кто проложил этот ход сквозь гранитную скалу, не очень-то спешил им воспользоваться.

Наконец в глубине хода послышались чьи-то тяжелые шаги. Судя по звуку, шли сразу несколько человек. Ротанов почувствовал, как горячая ладошка Элны сжала его руку.

Из прохода появился высокий человек, закутанный в длинный темный плащ. За его спиной виднелись фигуры охранных роботов с тупорылыми, блестевшими металлом мордами. Незнакомец показался Ротанову худым, очень высоким и очень старым. Сумеречный рассеянный свет позволял хорошо рассмотреть черты его лица. Мертвенная, слегка желтоватая кожа плотно обтягивала широкий лоб и казалась иссушенной временем. Глаза так глубоко запали в глазницы, что почти не были видны. Незнакомец поежился и плотнее закутался в свой плащ, словно ему было холодно, хотя от разогретого песка несло нестерпимым душным жаром. Ротанов осторожно высвободил руку, но прежде, чем успел сделать шаг, Элна шепнула:

— Будь осторожен. Это сам Эсхин.

Ротанов кивнул, шагнул наконец вперед и остановился перед Эсхином.

— Добро пожаловать на остров Рин, чужестранец. Я давно жду вашего прибытия.

Ротанов не решил, как держаться с этим надменным человеком, в презрительной улыбке которого ему чудилось что-то знакомое, виденное, и он никак не мог вспомнить, что именно.

— После столь трудной дороги следует отдохнуть. Пойдемте.

Эсхин круто повернулся и зашагал к туннелю, словно ни минуты не сомневался в беспрекословном исполнении своих пожеланий, весьма смахивающих на приказы. Роботы расступились в стороны, открывая проход, но Ротанов не двинулся с места. Уже у самого входа Эсхин обернулся и, удивленно приподняв бровь, спросил:

— В чем дело?

— Дело в том, что мы пока предпочитаем остаться на этом месте.

— Мне кажется, вы неправильно понимаете ситуацию.

— В чем же?

— В сущности. Вы мой пленник. Не советую злоупотреблять моим терпением.

— Другой разговор, — спокойно сказал Ротанов. — Теперь по крайней мере все стало ясно. Но вам придется увести меня отсюда силой, если, конечно, удастся.

Было заметно, как побледнело от ярости и без того бледное лицо Эсхина. Быстро справившись с собой, он кивнул роботу:

— Стул!

Робот приподнял пистолет, похожий на ракетницу, навел его на кучу песка и нажал кнопку. В том месте, куда ударил невидимый луч, образовалось невысокое завихрение, через секунду уплотнившееся и принявшее очертания удобного гранитного кресла, в точности повторявшего все особенности тощей фигуры властителя острова. Тяжело опустившись в кресло, он кивнул на Ротанова:

— Ему тоже.

Ротанов, не дожидаясь приглашения, уселся напротив Эсхина. Несколько секунд длилось напряженное, гнетущее молчание. Добившись пусть маленькой, но, если учесть их положение, не такой уж пустяковой уступки, Ротанов не стал перегибать палку и заговорил первым, стараясь смягчить слишком напряженную обстановку.

— Давайте сразу уточним ситуацию. Кто я, вы, очевидно, знаете. В данном случае я официально представляю на вашей планете Земную Федерацию. Но мне не совсем понятно, кто вы.

Эсхин презрительно хмыкнул:

— Бросьте, Ротанов, никого вы не представляете. Ваш корабль ушел, шлюпка не может двинуться с места, а экипаж... В настоящее время это кучка разобщенных людей. Мы оставили вас в покое только потому, что не было необходимости в вашей изоляции.

— Если все так, стоит ли тратить ваше драгоценное время на эту беседу?

— Почему нет? На нашем острове довольно скучно, отчего не побеседовать со свежим человеком? Что касается вашего вопроса о том, кого я представляю, то представляю я самого себя. — Он хрипло рассмеялся. — Не правда ли, это приятно — всегда представлять самого себя?

— Не знаю, не пробовал, — сухо ответил Ротанов.

Он все не мог понять, чего, собственно, добивается от него Эсхин. Зачем ему понадобилась эта встреча, что за всем этим кроется? Поэтому он не спешил, стараясь получить максимум возможной информации. Собранные факты рано или поздно выстраивались в стройную систему, превращались в знание. В оружие, которое помогало ему с честью выходить из самых сложных обстоятельств. И сейчас, разглядывая Эсхина, его надменную позу, он подумал о том, что Эсхин больше играет в могущество, чем обладает им на самом деле. Остатки техники, не им созданной, роботы да несколько диких племен, подчиненных роям и, вероятно, недовольных своим положением. Не так уж велика его власть... Вряд ли он имеет отношение к «черным пузырям»... Хотя кто знает, Элна намекала, что как-то он связан с этим таинственным «озером». Вот где надо искать разгадку. Значит, нужно договориться с ним, во что бы то ни стало остаться здесь, на острове, в любом качестве... Найти дорогу к этому «озеру», узнать больше, а тогда посмотрим... Нельзя дать Эсхину понять, как важен сейчас для него этот договор.

— Собственно, я не спешу, — мрачно усмехнувшись, вновь заговорил Эсхин. — У меня уйма времени. А вот вы — долго ли сможете быть в этой бухте без воды и пищи? Предположим, нам не удастся договориться, и я предоставлю вас своей судьбе... С острова не уйти. Подумайте, стоит ли нам ссориться.

— Может, и нет. Может, вы и правы. Но если вы действительно собираетесь со мной договориться, то признайте во мне равного партнера и попробуйте толково и откровенно изложить суть дела. Что вам от меня нужно?

— В сущности, ничего. Ничего важного. Это простая формальность или, если хотите, предосторожность. В вашем нынешнем качестве вы не представляете для меня интереса. Однако существует очень незначительный шанс, пусть даже один на миллион, что обстоятельства изменятся... Но ведь вы все равно ничего не поймете и ни во что не поверите, пока не убедитесь во всем сами. Я слишком хорошо изучил вас за это время, Ротанов. Про-

тивника всегда нужно хорошо знать. Итак, я вам предлагаю пойти со мной в центральный пост моей базы. Я кое-что вам покажу. Заметьте, я приглашаю туда далеко не всякого...

Ротанова удивило, что Эсхин намеренно демонстративно не замечает присутствия Элны. Что-то чрезвычайно важное скрывалось за этим. Больше он не стал возражать.

Они шли вырезанным в скале проходом, и Ротанов, внимательно всмотревшись в отполированные до блеска стенки, подумал, что здесь скорее всего поработал молекулярный резак. Может быть, фотонный. Неплохая техника, совсем неплохая...

Коридор вскоре кончился, и они вошли в зал, вид которого заставил Ротанова тихонько присвистнуть. Если Эсхин собирался поразить его, то это ему удалось. После поселений бореев, после храмов и замков рэнитов он ожидал чего-то старинного, древнего или хотя бы стилизованного под глубокую старину. Но они очутились в современном управляющем центре. Сюда сходились исполняющие и командные устройства, индикаторы и дисплеи, волноводы и энерговоды... Вогнутые зеркала огромных пустых экранов заполняли почти все стены. Назначение многих устройств казалось Ротанову непонятным, но в общих чертах рубка чем-то напоминала корабельную и не вызывала ощущения, что ее создатели — существа иного разума... Вот разве что мебель... Все кресла, столы, рабочие шкафчики были какого-то однообразного пепельного цвета и очень странной формы.

Не задерживаясь, Эсхин подошел к центральному пульту. Элна и Ротанов остановились у самого входа. Девушка шепнула:

— Когда-то мы принимали отсюда наши корабли. Мне кажется, с тех пор прошла вечность. Странно, что аппараты все еще действуют...

Элна не скрывала своей печали, и он хорошо понимал ее состояние. Эсхин тем временем поворачивал рукоятки и переключатели. Загудели скрытые под полом моторы, шторки на центральном экране раздвинулись. Но прошло достаточно времени, прежде чем экран осветился тусклым желтоватым светом. Может быть, Эсхину трудно было справиться с управлением, в конце концов, здесь должен был бы работать не один оператор. Да и сами механизмы, странный светящийся пластик экрана, следы желтых потеков, поврежденные кожухи устройств — все говорило о том, что время не пощадило это некогда совершенное творение чужого инженерного гения.

Ротанов начал уже терять терпение, ему показалось, что Эсхину так и не удастся справиться с аппаратурой, когда по экрану

одна за другой побежали темные полосы... Что-то не ладилось. Барахлила развертка, капризничали волноводы, видимо, датчики изображения находились слишком далеко отсюда... Страшно было подумать, где они должны были находиться, если это не запись... Потому что на экране постепенно наперекор всем помехам проступило изображение кокона, некоего темного яйца, занимавшего пол-экрана. Со всех сторон этого темного образования пылали огоньки звезд!

Ротанову достаточно было одного взгляда на экран, чтобы узнать это небо. Перед ними была система Энны и Эпсилона, кокон свернутого пространства, и, следовательно, датчики находились снаружи и каким-то непостижимым образом передавали информацию внутрь купола. Эсхин проворчал: «Не та сторона. Придется поворачивать изображение!» Он начал крутить ручки, похожие на штурвалы и явно не относящиеся к первоначальной конструкции рубки, приделанные позже, что называется, на живую нитку. Таких штурвалов было четыре — по одному у каждого операторского кресла. Эсхину приходилось то и дело бегать между этими креслами, доворачивать то один, то другой штурвал. Видимо, он старался не нарушить синхронную работу внешних систем, и, судя по тому, что звезды на экране наконец дрогнули и поплыли в сторону, ему это в конце концов удалось. В полной тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием Эсхина, купол замкнутого пространства на экране начал медленно поворачиваться. Изображение стало отчетливее, ближе, и Ротанов едва сдержал радостное восклицание, потому что сбоку, из-за края черного яйца, вдруг выплыла сверкающая огненная пирамида, нацеленная своим острием в скорлупу кокона свернутого пространства.

Острие погрузилось уже достаточно глубоко, и там, внутри кокона, его конец светился тусклым оранжевым светом. Ротанов сразу понял, что это такое. Пирамида состояла из отдельных точек, связанных между собой жгутиками раскаленных до синевы нитей. Точек было много, слишком много, он никак не мог сосчитать их, не смел надеяться, не хотел произнести вслух название этих точек, словно боялся спугнуть, боялся разрушить то чувство огромной гордости, силы, уверенности в себе, которым веяло на него от этой пирамиды, потому что каждая точка была отдельным, самостоятельным кораблем. Потому что синие нити были энерговодами, передающими в эту секунду от корабля к кораблю целые реки энергии, способные испепелить планету, высушить море или зажечь звезду! Потому что острие этой ог-

ненной пирамиды все глубже уходило внутрь кокона, изливая вокруг себя сверкающий водопад энергии, противостоять которому, казалось, не могло уже ничто. Даже Эсхин молчал, потрясенный и завороженный этим грандиозным зрелищем.

— А ведь они скоро прорвутся, им осталось не так уж много! — не в силах сдержать торжества, произнес Ротанов.

— Сопротивление возрастает с глубиной. Они еще не прошли зону наибольшей плотности. Теоретически это вообще невозможно. Но кто знает, при таких мощностях многие физические законы нарушаются, и материя ведет себя иначе... — Эсхин бросил в его сторону быстрый взгляд и продолжил: — Боюсь, вам меня не понять, Ротанов, вы еще молоды, слишком молоды по сравнению со мной и потому не поймете... Я устал ждать, устал балансировать на грани пропасти. Вы многого не знаете, и пока что я не готов поделиться с вами всей информацией. Достаточно с вас и того, что я отдам вам эту планету со всеми ее потрохами и проблемами в обмен на энергию вашего флота. Мне хватило бы пяти минут, чтобы зарядить свои пустые емкости, и тогда я прощусь с вами и оставлю вам Энну. Что ж вы молчите? Устроят вашего капитана эти условия? Ведь я прошу не так уж много...

— Я не уполномочен говорить от имени командира флотилии. В вашем предложении многое неясно. Мы не собираемся мстить вам или наказывать кого бы то ни было. Мы не имеем на это права. Но мы должны быть уверены, что наша помощь вам не будет использована во зло другим существам. Для чего вам энергия? Что именно собираетесь вы с ней делать? Кораблей у вас здесь нет, насколько мне известно. — Эсхин молчал. — Думаю, все это вам придется объяснить, прежде чем соглашение будет достигнуто.

— Вот поэтому мне и нужны вы, чтобы не отвечать на некоторые вопросы. Узнав, что вы мой должник, командир флотилии не будет слишком требователен, а, Ротанов? Он ведь согласится ограничиться той информацией, которую я ему предоставлю, не так ли? Это будет вполне добротная, хорошо подобранная информация, ее будет достаточно для любого отчета.

— Вряд ли это пройдет. Так или иначе мы узнаем правду, прежде чем примем решение о серьезных действиях. Наши принципы...

— О принципах мы поговорим позже, когда ваш флот прорвется сквозь купол. Это не так-то просто. Я вам уже говорил, шанс прорыва ничтожен. Исчезающе мал...

— Так ли? — насмешливо спросил Ротанов. — Вряд ли вы разговаривали бы со мной здесь, если бы всерьез не опасались

вот этого. — Ротанов кивнул на огненную пирамиду, вгрызавшуюся в черный купол сжатого пространства, и оба они некоторое время вновь молча рассматривали это грандиозное зрелище.

— Будущее покажет, кто из нас прав. — Эсхин наконец отвернулся от экрана. — И раз уж мне не удалось сделать вас единомышленником, я хочу иметь хотя бы заложника. В каком качестве вы предпочитаете остаться? В качестве гостя или в качестве пленника?

— Собственно, мне все равно. Я не стану возражать, если в наш договор будет включен еще один пункт.

— Какой же?

— Вы освободите Элну.

— Она меня давно не интересует. Пусть отправляется куда хочет.

Какую-то странную грусть подметил Ротанов в этой фразе, а может быть, не такую уж странную.

— Ей предоставят транспорт и отправят куда она пожелает.

Ротанов посмотрел на Элну:

— Можно ему верить?

— В этом да. Когда ему выгодно, он умеет держать слово.

— Ты вернешься к бореям? Где тебя искать?

— Я найду тебя, когда придет время. Не беспокойся обо мне и будь осторожен.

«Стоило проделывать столь трудный путь на остров, чтобы согласиться так просто вернуться. Впрочем, если ее целью было лишь доставить меня сюда, тогда конечно...» Тревожные мысли приходили в голову, и где-то в глубине сознания он понимал, что не последнюю роль играли здесь обида и уязвленное мужское самолюбие. Слишком легко согласилась она с ним расстаться, слишком уж легко...

Странные сны снились Ротанову. Странные и беспокойные... Вечерами, когда бессонница наваливалась на него, как глыба, он ничком валился на койку в своей роскошной, излишне просторной комнате. Свобода передвижения сохранилась за ним в известных пределах, он мог подниматься и выходить на внешнюю обзорную галерею острова, расположенную выше кольца электрических батарей. Мог скитаться по всем этажам среднего яруса, запущенным и покинутым много лет назад, и лишь вниз, в действующие жилые и рабочие помещения базы, путь для него был закрыт. Вначале он считал, что и этого слишком много, что Эсхин предоставил ему слишком большую свободу, но уже через

несколько дней понял, что его противник неплохо все рассчитал. Шли дни полного одиночества. Казалось, время остановилось. Информация о далеком прошлом рэнитской базы могла бы, наверное, заинтересовать земных археологов. Но он не был археологом, его деятельная натура плохо переносила бездействие и изоляцию. Кроме охранных роботов, он не видел больше никого, ни одного живого существа, и по вечерам его грызла глухая тоска... Не в силах справиться с ней, не в силах заснуть, он доставал свой заветный камень и, глядя в текучие разводы красноватых огней в его глубине, вспоминал оставшуюся за барьером времени, растворившуюся в каких-то неведомых мирах гордую и смелую женщину, что звала его певуче и странно: «Ролано...» Ее биотоки записаны в этом камне, крохотная частичка ее сущности. Он сжимал камень, закрывал глаза и старался представить ее лицо, но вместо этого отчетливо и объемно, словно разорвал некую завесу, увидел однажды лицо совсем другой женщины — той, что осталась на далекой Гидре в племени синглитов, столь далеком и странном, что понять его до конца люди оказались не в состоянии. Может быть, потому он все время видел между собой и ее лицом сверкающий прозрачный барьер, стеклянную стену — ту самую, что невозможно разбить, невозможно разрушить и разорвать, несмотря на всю ее кажущуюся непрочность. Стену непонимания, стену иной, нечеловеческой сущности... Вот и о ней осталась лишь память, горькая память... Потом он увидел лицо своей «жены», жрицы племени бореев. Своими слабыми и беспомощными руками она заслонила его от клыкастой пасти чудовища. Казалось, все эти образы жили в кристалле красного камня. Казалось, он копил их специально, чтобы в причудливом сплетении снов преподнести Ротанову квинтэссенцию собственной памяти. Что-то в них было общее, во всех этих лицах. Что-то глубинное, тайное, понять этого он не мог и знал, что, пока не поймет, будет вечно метаться среди пыльных дорог по чужим мирам, по чужим тропинкам, не находя своей собственной, что ведет человека к такому простому, казалось бы, счастью. К ощущению дома, близкого человека. Но так уж устроена жизнь, что сильным людям нередко достаются трудные дороги, приносящие им удачу, славу, почет — все что угодно, кроме обыкновенного человеческого счастья.

У каждого человека бывают горькие минуты, когда все ему видится в черном свете, простые истины кажутся безнадежно запутанными, очевидное — тайным, истина — ложью. В такие минуты больше всего человеку нужен друг, но рядом с Ротановым

не было друга, разве что этот камень... Из его глубин всплывало новое лицо, лицо, которое он не помнил, которое когда-то значило для него немало и которое он давно и основательно забыл. Забыл так прочно, что даже сейчас, засыпая, не мог вспомнить, кто она, из какого неведомого мира, и лишь губы почему-то шептали имя родной планеты...

11

Центр пирамиды неумолимо сносило. Ни один прибор не мог уловить вертикаль в этом смятом, повернутом сразу вокруг нескольких осей пространстве. Луч лазера искривлялся, закручивался жгутом, уходил в сторону. Направляющие пеленги локаторов вообще не доходили до впереди идущих кораблей.

То и дело рвалась связь между идущими рядом кораблями. Ко всему этому добавились еще и временные разрывы. Иногда капитаны кораблей вдруг получали еще не отданные приказы, иногда получали их с запозданием в несколько дней.

Единственным надежным каналом остались энерговоды. Огненные реки мощностью в сотни тысяч гигаватт, низвергавшиеся от кораблей поддержки к атакующей десятке центра, прожигали в изуродованном пространстве свой собственный, независимый от него канал. Если бы не это обстоятельство, флот давно вынужден был бы прекратить прорыв.

Связисты приспособились с помощью модуляции мощности передавать по энергетическим каналам самую необходимую информацию, и только в одном они не могли помочь — в установлении направления атаки флагманскому кораблю. Перед «Орфеем» не было энергоприемников. Вертикаль ускользала, корабль то и дело сносило в сторону. Нужен был луч огромной мощности, способный пробить себе дорогу в пространстве. Время от времени Торсон давал залп всеми носовыми батареями, и тогда фиолетовый столб пламени, прямой, как древко копья, уносился перед «Орфеем» в непроглядную черноту спрессованного пространства.

Торсон сидел в своей адмиральской рубке, связанной с центральной рубкой корабля прямыми каналами. На его экраны поступала информация со всех кораблей поддержки. К сожалению, информация то и дело искажалась во времени, и хотя в энергетических каналах влияние временных разрывов не сказывалось так сильно, как на остальных каналах связи, все же и здесь ошибки

постепенно накапливались и линии траекторий на объемном экране, выводимые компьютером по мере поступления данных, то и дело искривлялись.

Ровный строй пирамиды сминался. То и дело недопустимо растягивались энерговоды, грозя разрывом. Один из четырех каналов уже был разорван; если выйдет из строя еще один, «Орфей» не выдержит повышенной гравитации и, оторвавшись от кораблей поддержки, рухнет внутрь гравитационного купола. Никто не мог предсказать, куда вынесут их тогда завихрения сжатого пространства...

Второй канал выдавал всего семьдесят процентов мощности. Положение становилось угрожающим. Торсон до минимума сократил расстояние между «Орфеем» и первой линией поддержки, надеясь вновь поймать энергию на разорванный канал. Но это не помогло. Дальнейшее сближение кораблей в ненадежном изменчивом пространстве грозило столкновением. То и дело возникали неожиданные рывки, скачком сближавшие корабли или, наоборот, разбрасывавшие их в стороны. Понимая, что постепенно он теряет контроль над движением «Орфея», Торсон вызвал в рубку главного энергетика.

— Когда закончат ремонт преобразователей второго канала? — В минуты серьезной опасности Торсон всегда разговаривал с подчиненными мягко, стараясь по возможности разрядить обстановку.

— Мощность непостоянна. В этом все дело. Энергетические каналы не приспособлены для передачи информации. У нас все время выбивает фильтры в преобразователях.

— Так замените их!

— Мы уже дважды меняли пластины во всех четырех каналах. Все резервные запасы израсходованы. Необходимо немедленно затребовать дополнительные комплекты решеток с кораблей поддержки!

— Это в такой-то обстановке? Где я вам возьму шлюпку, которая сможет подойти к кораблю в этой дьявольской мешанине?

— В таком случае максимум через два часа потухнет и третий канал.

Секунды две Торсон раздумывал.

— Хорошо, я попытаюсь. У нас не остается иного выхода. — И, переключив селектор на связистов, приказал: — Передайте на «Н-17»: пусть срочно подготовят десять ракет с решетками и высылают их одна за другой с разных направлений в сторону «Орфея».

Он отключился и откинулся на спинку кресла, сомневаясь в том, что хотя бы одна из этих десяти ракет достигнет цели.

Через полчаса на пульте запрыгали зеленые огоньки, подтвердившие, что флот начал беспорядочный обстрел своего флагмана грузовыми ракетами. Автоматика отказывала, пять ракет подряд бесследно исчезли, едва оторвавшись от кораблей. Седьмая и восьмая разбились о борт флагмана, разбросав в пустоте свой бесценный груз, и лишь девятую удалось наконец состыковать с грузовым ангаром. Не успел Торсон оценить эту дорогостоящую победу, как с «Н-17» сообщили, что на одной из первых бесследно исчезнувших в пространстве ракет находился человек.

Ночь смотрела в иллюминаторы корабля. Плотная ночь открытого космоса. «Н-17» не участвовал в штурме свернутого пространства. Он находился в самом верхнем слое пирамиды, направленной своим острием к закрытой и невидимой планете. В задачу этого корабля не входил прорыв. Он не должен был совершать посадки даже в случае успеха, а лишь оставаться на внешней орбите вместе с другими кораблями поддержки, обеспечивающими бесперебойное снабжение энергией группы прорыва, состоявшей из тринадцати кораблей. На «семнадцатом» находились биологи, физики, математики — научный центр экспедиции.

Анна не совсем понимала, что должны делать биологи внутри железной коробки корабля, лишенного права посадки на планету. Она вообще многого не понимала. Не понимала, почему Торсон так осторожен и медлителен. Почему прорыв к планете проходит так неудачно. Почему их, несмотря на чудовищные мощности, затраченные на прорыв, раз за разом выбрасывает наружу. Наконец, она не понимала уже и того, для чего вообще оказалась здесь. В конце концов поверхность Черной осталась для нее столь же недоступной, как и там, на Земле. Столь же далекой, почти нереальной.

Разве что изображение всех ста сорока кораблей на экранах центрального информатора создавало некое ощущение надежды, некое ощущение пути, еще не пройденного до конца. И цели, столь же далекой и нереальной, как раньше. Только теперь во всем этом появился еще и оттенок безысходности. Потому что с каждым днем, с каждым часом она все больше и больше теряла веру в себя. Теряла веру в успех экспедиции, в то, что когда-нибудь еще раз хоть на секунду увидит лицо человека, память о котором позвала ее в эту дальнюю и нелегкую дорогу.

Знакомые до последней мелочи стены ее маленькой каюты окружали Анну, знакомые вещи, знакомые кристаллы видеокниг. Ее рабочее кресло у письменного стола. Она не чувствовала больше

желания сесть в него. Даже работа, всегда дарившая ей забвение и утешение, казалась теперь бессмысленной. Расслабившись, Анна лежала на узкой койке и старалась заснуть. Не помогали с детства заученные правила аутогенной тренировки. Оставалось последнее средство. Она потянулась к коробочке с красной полосой, лежавшей на столике у изголовья, — нетрин даст ей долгий и спокойный сон. Забвение и потом на некоторое время притупление всех рефлексов и эмоций. Она ненавидела это лекарство и все же была вынуждена теперь все чаще прибегать к нему. Ей казалось, что ядовитое химическое соединение разрушает даже память. Делает ее равнодушной, бесчувственной куклой... Она отшвырнула коробочку, так и не открыв ее, и рывком приподнялась на койке. Было от чего.

Секунду назад ее рабочее кресло, находившееся прямо у нее перед глазами, было пусто, а теперь в нем сидел человек... Она совершенно точно знала, что не спала. И никто не открывал дверь. И не было сигнала входного инфора. И все же в кресле сидел незнакомец в планетарном скафандре высшей защиты. Инспекционная служба? Чушь! В таком скафандре никто не станет разгуливать по кораблю. Черт возьми, не хватало только галлюцинации! Кажется, она довела себя до самой последней точки и пора обратиться к психологу. Пусть будет нетрин, что угодно, только не это! Она потянулась к коробочке, угловым зрением наблюдая за посетившим ее призраком. Он сидел в кресле, вытянувшись, опустив плечи, и казался усталым, лица за непрозрачным фильтром шлема не было видно, а сквозь лежащие на подлокотниках руки едва заметно просвечивали стены каюты. Больше она не сомневалась, что перед ней самая обычная галлюцинация, оставалось принять таблетку.

— Не спешите, Анна, нам надо поговорить, — сказал призрак и совершенно домашним жестом попробовал растереть себе шею — впрочем, сквозь воротник скафандра вряд ли ему это удалось.

— Убирайтесь к дьяволу, не хватало только разговаривающих призраков.

— Я не призрак.

— Да? Кто же вы?

— В прошлом один из звездолетчиков, раньше вас посетивших эту планету. А ныне... впрочем, этого вы, пожалуй, не поймете.

— Ах, в недавнем прошлом звездолетчик... — Она не скрывала насмешки, скорее всего адресованной самой себе.

— Вы помните синглитов?

— Как вы сказали?.. — Впервые она растерялась.

— Тогда вам нетрудно будет меня понять. Считайте меня синглитом, если хотите, хотя это далеко не так, но у меня нет сейчас времени объяснять вам все. Важно, что я ваш друг, что недавно я был мыслящим существом, хотя и принадлежал к другой, малознакомой вам звездной расе, и еще важнее то, что я должен вам сообщить. Поэтому постарайтесь не перебивать меня и выслушать внимательно. И не просто выслушать, вы должны поверить, что все, что я говорю, истина.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что от этого зависит слишком многое.

Она быстро овладела собой и сидела теперь на своей койке выпрямившись, уставившись на него чуть расширенными, внимательными глазами, и ни испуга, ни сомнения не было в ее взгляде. Только безграничное удивление и интерес.

— Я слушаю вас, слушаю. — Она положила коробку с таблетками на столик.

Человек в скафандре взглянул на часы. Времени для долгих объяснений не было. Он должен был убедить ее сразу же, или все теряло смысл.

— Итак, слушайте. Ровно через сорок две минуты с флагманского корабля поступит приказ выслать ваш резервный катер с ремонтным оборудованием. Запомните — катер номер пять, он находится в пятом шлюзе. Вы знаете расположение нижних помещений на корабле?

— Я знаю расположение помещений, продолжайте.

— Так вот, этот катер не долетит до флагманского корабля... Благодаря нашему грубому вмешательству в законы природы на этой планете в далеком прошлом образовались разломы в пространственно-временном континууме. Главное сейчас то, что в окружающем ваши корабли пространстве-времени есть трещины. В одну из таких трещин и провалится теперь уже через сорок минут ваш пятый катер. В этой трещине время течет в обратную сторону, катер опустится на Энну в далекое прошлое. В момент, когда туда только что прибыла экспедиция. Рэниты, так зовут мой народ, найдут этот катер, а в нем они найдут ребенка... Маленькую девочку. Они воспитают ее, примут в свою семью, сделают рэниткой... Этой девочке суждено будет сыграть важную роль в развитии целой цивилизации... Она станет хранительницей Хронара, не позволит совершить предательство и чудовищную ошибку, потом она будет жрицей богини Юстары в диком племени бореев, потом встретится с человеком, которого полюбит... станет его женой, поможет ему победить зло на этой плане-

те, поможет ему исправить совершенные ошибки. Удивительная и прекрасная жизнь будет у этой женщины... Но ничего не дается даром. За это ей придется расплатиться памятью о прошлом, своей прежней жизнью... Правда, не навсегда, возможно, придет час, когда разрывы во времени затянутся, скрученное, изуродованное пространство выпрямится, и тогда она, может быть, вспомнит, кем была на далекой планете Земля... Это будет зависеть от нее самой и от того человека, которого она встретит и полюбит на Энне... Этого человека она знала и раньше, от судьбы в ее главных, узловых моментах не уйти, не сбежать и сквозь время...

— Кто он? — дрогнувшим от волнения голосом спросила Анна.

— Игорь Ротанов.

Она долго молчала.

— А что будет, если в катере никого не найдут?

— Судьбы целой цивилизации в этой части космоса изменятся, изменится сама реальность. Бывают узловые моменты, поворотные пункты, которые определяют всю дальнейшую дорогу истории, весь ход становления реальности... Если девочку не найдут, хранителем Хронара впервые в истории рэнитской цивилизации будет избран мужчина. В самый ответственный момент он примет неверное решение, и эта планета будет уничтожена, а в нашей Вселенной образуется брешь, которую уже невозможно будет заделать. Все силы вашей цивилизации уйдут на бесконечную, бессмысленную войну. Ни конца, ни победы в ней нет.

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю теперь все. Прошлое и будущее едины и открыты в том мире, где я нахожусь. Я сделал все, что мог. Теперь и ты знаешь будущее. Судьбы вашего мира и твоя собственная судьба в течение оставшихся тридцати минут будут зависеть только от твоего решения. Прощай.

Никого не было в кресле. Человек исчез сразу. Какую-то долю мгновения она еще видела его неясные, туманные контуры, обрисовавшие фигуру в скафандре, и вот нет уже ничего... И лишь часы на крошечном табло у изголовья неумолимо отсчитывали секунды.

Чтобы добраться до катера, ей нужно было минут пятнадцать. Значит, еще есть время. Немного, но есть. Есть время, чтобы одуматься, чтобы стряхнуть наваждение, навалившееся на нее. Что это было? Кто?! Существо иного мира, могущественный враг? Ну а если все так и есть, как он сказал, что тогда?.. И по тому, как оборвалось сердце, она уже знала, что поверила ему и не станет больше мучить себя. Такие решения надо принимать сразу

без фальши, без жалости к себе, чтобы не грызть потом локти от бессильного сожаления. Такие мгновения бывают лишь раз в жизни. Один только раз.

И вдруг иная, страшная мысль сковала ее. Потеря памяти — это же фактически смерть... Смерть ее личности, всего, что ей сегодня принадлежит; все, что ей дорого, будет уничтожено забвением, даже ее любовь. Там, у рэнитов, родится другая женщина, кто знает, какой она будет... Мог ли он до конца заглянуть в столь далекое будущее, и даже если он прав, что ей от того, ей, Анне?

А минуты шли, она видела, как зеленые цифры на циферблате сменились. Осталось всего тринадцать минут, ей уже не добежать до катера, не надо себя обманывать, все это бред! Образы больного, измученного воображения! Через тринадцать минут последний раз мелькнут цифры — все будет кончено. Раздастся стартовая команда, корабельные переборки отзовутся на легкий толчок уходящего пустого катера. А она навсегда останется здесь, в этой железной коробке корабля. Наедине со своим знанием и со своей совестью...

И вдруг как вспышка сверкнула мысль, все определившая и все расставившая на свои места: если все происшедшее бред, галлюцинация — так и не будет никакой стартовой команды! Катер останется в ангаре. В грузовом отсеке одни автоматы, даже объяснять ничего не придется, и она, ничем не рискуя, через пятнадцать минут спокойно вернется в свою каюту!

По коридору она бежала так, как когда-то бегала на соревнованиях, вкладывая в этот бег всю себя без остатка, словно гналась за собственной тенью... Поворот, еще поворот! Лифт наверху! Не ждать! Во втором ярусе есть еще один! Вниз по лестнице. Кто-то стоит на пути, энергетик Семин, не останавливаться, не задерживаться. Он что-то крикнул ей вслед — не важно! Все теперь не важно. Вот еще поворот, и кабина лифта: «Девятая грузовая палуба» — лифт тронулся. Бешено, у самого горла, колотилось сердце, а может быть, это стучал мотор над кабиной лифта...

Упругий толчок. Двери распахнулись, и она очутилась в грузовом отсеке. На аппарелях лежали длинные сигарообразные тела грузовых ракет, наполовину утопленные в герметических стартовых шлюзах. Первая, вторая, третья, четвертая, следующая должна быть пятой... но завыли сирены, замигал красный свет. Как она могла забыть! Две минуты стартовой подготовки, сейчас будут заблокированы все выходы, все люки ракет! Она опоздала! И уже по инерции, не снижая скорости, ткнулась в корпус с огром-

ной белой цифрой 5. Рванула на себя и повернула по часовой стрелке ручку люка. К ее удивлению, крышка поддалась. Уже внутри, завинтив за собой люк, она поняла, в чем дело: пока в ангаре находился человек, автоматы блокировки не могли включиться. Зато теперь сирена с новой силой взвыла в последний раз и умолкла. В полутьме она с трудом нащупала кресло пилота, застегнула ремни. Вообще-то эти ракеты не были предназначены для людей и только в случае аварии могли быть использованы как спасательные шлюпки, потому тут и стояло кресло.

Кровь неистово стучала в висках, а мысли текли неторопливо и холодно, почти отрешенно, словно все происходящее уже не касалось ее, словно она думала о ком-то другом, совсем постороннем для нее человеке. В конце концов, сама по себе сирена еще ничего не значит, это могло быть простым совпадением, могли отправить совсем другую ракету! Но в глубине души она уже знала — никакое это не совпадение, не бывает таких совпадений, и именно эту ракету через несколько секунд автоматы вышвырнут в космос...

Новая мысль уже ничего не добавила к ее состоянию... Она задержала старт, пока бежала по ангару, она не знала точно, насколько, может быть, всего на минуту. Но и этого могло оказаться достаточно для того, чтобы траектория ее ракеты не попала в ту трещину, о которой ей говорили... Что же тогда? Куда она приземлится? Может быть, никуда? Вечно будет кружить в пустоте? Или через полчаса в ангаре флагмана она увидит разгневанные и удивленные лица своих товарищей? Что она скажет Торсону? Как объяснит свой поступок? Но ничто уже не могло вывести ее из каменного оцепенения. Все страхи, опасения, расчеты скользили по краю ее сознания, не проникая внутрь ее существа, сжавшегося в маленький испуганный комочек, и лишь секунды звучали там, секунды, которые отсчитывал неведомый метроном... «Все это чушь! Не будет вообще никакого старта! Ракета останется в ангаре!» И в эту секунду шумно вздохнули вакуумные насосы, и невидимая лапа гидравлического поршня толкнула ее ракету вперед.

Ровно через четыре минуты стартовавшая с флагмана грузовая ракета под номером пять исчезла сразу со всех экранов.

Эсхин сдержал слово. Корд взмыл в небо, и Элна осталась одна. Она стояла у входа в свое тайное жилище в ущелье племени бореев. Пещера показалась ей холодной и чужой. До последней мелочи знакомые вещи вызывали раздражение. Странная пусто-

та и безразличие овладели ею. «Все сделано правильно, — успокаивала она себя, — так и должна была поступить хранительница времени. Законы звездолетчиков не отменяются никогда... Ты выполнила пожелание своего командира, приказ, если угодно». Беда была в том, что Эсхин перестал быть ее командиром с тех пор, как захватил власть на планете, нарушил устав своей родины. С тех пор, как в неравной схватке был убит и брошен в озеро Забвения ее названый брат. «Ну что же, — жестко сказала она себе, — в таком случае ты можешь считать, что выполнила просьбу Эсхина, пусть теперь не командира. Пусть он ошибся, совершил преступление, но он человек твоего племени, и ты должна была выполнить его просьбу — это вполне естественно. В предстоящей схватке с чужеземцами ты должна быть на стороне племени, которое вскормило тебя, воспитало, вложило в твои руки знание и почти неограниченное могущество...» Где оно, это могущество? И где это племя? Жалкая горсточка, рассеянная на дальних звездных системах, все, что осталось от великой цивилизации...

Жестокая правда, холодная и безжалостная, вдруг встала перед ней без единого покрова. Она еще пыталась оправдаться. У нее еще были в запасе серьезные доводы. В конце концов, она не совершила даже предательства. Она не виновата, что желания разных людей совпали в одном-единственном пункте. Один из них во что бы то ни стало хотел разгадать тайну Энны и для этого должен был попасть на остров Рин. Второй просил ее любой ценой доставить на остров Рин руководителя земной экспедиции. Каждый из них получил то, что хотел. Землянин был так наивен и доверчив... И у него были такие добрые руки... Вдруг что-то на нее нахлынуло — боль какая-то, неизведанная раньше, сладкая и горькая. Она даже названия ей не знала... Только слез сдержать не смогла, согнулась от этой боли, ощупью нашла скамейку и опустилась на нее. Сидела неподвижно и тихо. Очень долго сидела, а по лицу, не замеченные, одна за другой катились крупные слезы. Человек этот, чужого племени, оказался ей вовсе не безразличен. «Это невозможно, неправда! — крикнула она себе. — Он чужак, он человек чужого племени!» Слова звучали пусто и жалко. Она продолжала казнить себя. «Ты ведь знала, что его ждет. Ты догадывалась, что не заложник нужен Эсхину. Дорога к озеру Забвения — вот что ему предстоит!.. Нет, Эсхин не посмеет. В конце концов, землянин не первобытный дикарь — его мозг способен сопротивляться постороннему воздействию, Эсхин побоится рисковать, с «озером» шутки плохи...» Элна металась по пещере, не находя места. И воспоминания, яркие, как видения,

подстегивали ее... Вот опустились вниз деревянные руки богини, открывая священный плод, и он предоставил ей право выбора, право решения... Вот отшвырнул ее прочь от пасти змея и загородил ее своим телом... Вот он борется с волнами, ни на секунду не выпуская ее обессилевшего тела, не давая себе передышки. А потом там, на острове Рин, когда Эсхин так легко согласился освободить ее и она промолчала, принимая это условие, он не сказал ни слова, лишь посмотрел на нее. Теперь она будет помнить этот взгляд всю оставшуюся жизнь.

И, не сопротивляясь, каким-то мертвенным, сломленным жестом она, не зажигая света, нашарила на столе граненый стеклянный шар, так удививший Ротанова, когда он впервые пришел к ней сюда. Стеклянный шар осветился, наполнился клубами тумана. Туман сгустился плотным светящимся облаком, приобрел форму, и вот уже знакомая хищная усмешка скривила губы человека, которого она так ненавидела и боялась...

— Ну, что тебе? У меня мало времени.

— Мне нужен землянин, Эсхин. Я передумала. Верни мне его.

— А больше тебе ничего не нужно? — Эсхин пожевал губами, и на его костлявом лице словно из самых глубин проступила издевательская усмешка. Ей показалось, что он видит ее насквозь, и она даже передернулась от внезапного чувства гадливости, так неприятна оказалась для нее его догадливость.

— Увы, девочка. Пожалуй, в этом я не смогу тебе помочь. Землянин нужен мне самому. К тому же я не меняю своих договоров.

— Ты не сможешь отдать его «озеру» — это слишком опасно. Верни мне его.

Она сама почувствовала, как неубедительно звучит ее голос, как откровенно слышны в нем растерянность и мольба. На этот раз он даже не усмехнулся.

— А вот это уже не твое дело. Я сам решу, как поступить с землянином.

Внезапно она почувствовала гнев. Все ее существо охватила неведомая раньше ярость, а в голосе зазвучал металл, несвойственный и незнакомый ей.

— Послушай, Эсхин. Если ты не вернешь землянина, ты пожалеешь об этом, я тебе обещаю.

Несколько секунд он молча разглядывал ее.

— Видимо, я поспешил отпустить тебя с Рина. Но это еще можно исправить.

Он сразу же отключился, и волна холодной ярости помогла ей справиться с извечным страхом перед этим человеком. Теперь

по крайней мере она знала, что надо делать дальше. В глубинах ее памяти много лет хранились бесполезные знания бывшей звездолетчицы, хранительницы Хронара, знания жрицы, богини Юстары. В них было немало такого, о чем до сих пор не подозревал даже Эсхин. Ей были известны тайные пути, ведущие на остров и к его сердцу — Хронару, пути, о которых, кроме нее, не ведал никто.

Так, значит, она снова увидит землянина... И сразу же перед ней со всей очевидностью встал вопрос: «Что дальше?» Что она ему скажет, что сделает? Был один-единственный путь победить Эсхина и освободить землянина из его рук. Один-единственный, сомнительный и рискованный путь. Она знала, зачем Ротанову понадобился остров Рин. Без ее помощи он никогда не сможет осуществить задуманное. И он не скрывал своих планов.

Он хотел остановить, а затем и совсем уничтожить механизм, управляющий временем, охранять который ей было поручено много лет назад. Старые законы и правила прочно сидели в ее голове, вбитые вместе с первыми шагами, с первыми словами родного языка... Впрочем, родного ли? Почему она так и не смогла узнать, кто были ее родители? Почему вообще от нее скрыли тайну ее рождения? Разве это важно сейчас? Разве не для того, чтобы оправдаться в собственных глазах, вспоминала она сейчас все мелкие обиды, все, что могло пошатнуть, разрушить ее привязанность к родному племени? «Чужеземец не имеет права видеть Хронар, не имеет права знать о нем. В интересах других народов это устройство не может быть использовано никогда» — так гласили правила, часть из которых она уже нарушила, а оставшиеся... Впрочем, она не была уверена в том, что, принеся ему в дар все, что могла принести, свою любовь и свой попранный долг, она добьется успеха даже такой ценой... Никто не смог бы теперь предсказать, к чему приведет остановка Хронара после того, как на планете появилось озеро Забвения...

Сомнения обессилили ее, и она отложила решение самой важной проблемы на более поздний срок, как будто это что-то меняло... Главное, она увидит его снова, и эта простая мысль заслонила все остальное, оказалась важнее всех ее рассуждений, высоких обязанностей, долга... Она не ведала, сколько времени будет продолжаться это наваждение, не желала ничего рассчитывать, предугадывать. Она знала, что летит к нему, летит сейчас же! Не одному Эсхину подвластны корды, у нее есть своя птица, о которой не знает никто. Она берегла ее на самый крайний случай, кажется, теперь он настал. Ей хотелось выглядеть перед ним так, как выглядят женщи-

ны его страны, но, к сожалению, она не знала о них ничего. И в конце концов решила одеться как можно проще, распустила волосы широкой светлой волной. Мудрый глубокий инстинкт руководил каждым ее поступком, словно стоял у нее перед глазами образ женщины из далекого далека... Не зная ничего об Анне, она неосознанно подражала ей. И, уже не скрывая от себя обжигающей радости, помчалась навстречу человеку, которого видела так мало и которого любила так, будто знала его долгую жизнь, словно могла она поверить в обряд, совершенный в храме Юстары, словно была она с ним одной крови, одного племени...

И как только решение было принято, как только корд взмыл в воздух, за тысячи километров отсюда, за барьером свернутого пространства, в одном из кораблей поддержки открылся грузовой люк, и гидравлический поршень вытолкнул в пространство крошечную ракетку, в которой, сжавшись от страха и уже победив его, сидела другая женщина... Но соединилось кольцо разорванного времени, и странные картины, рожденные пробуждающейся памятью, проносились в голове той, что летела сейчас по небу Энны к человеку, которого ждала так долго...

Корд сложил крылья и ринулся вниз с огромной высоты. У Элны заложило уши, а плотный поток воздуха рвал волосы, забивался в легкие, мешал дышать. Она туже затянула ременные тяжи, крепящие ее тело к седлу корда. Внизу под ней вращался игрушечный остров Рин — крохотное колечко гор среди безбрежного океана. Наблюдатели сразу же заметили чужой корд, и уже на высоте в два километра защитные батареи открыли огонь. Элна знала, что батареи не рассчитаны на атаку сверху и надежно защищают остров лишь с моря. Племена, живущие на Элне, не располагали летательными аппаратами, и Эсхин не опасался вторжения извне, сквозь купол свернутого пространства.

Несмотря на опасность, вопреки страху странная пьянящая радость завладела всем ее существом, словно залпы электрических батарей были всего лишь фейерверком, зажженным в ее честь, словно она мчалась на праздник...

12

Наверно, нет ничего тоскливее штормового пустынного моря без паруса, без клочка суши на горизонте. Лишь свинцовая, испещренная рябью поверхность воды раскинулась во все стороны, постепенно растворяясь во мраке. Даже горизонта не было видно.

Ротанов стоял на верхней галерее один. Давно заброшенные помещения верхнего яруса не нуждались в охране, отсюда был один выход — вниз.

Шаги он услышал сразу же, но не показал вида. Кто-то крался у него за спиной. Это не были шаги робота, но в верхних галереях острова не встречались люди... Может быть, Эсхин? Человек подошел уже совсем близко, Ротанов не стал больше ждать и резко обернулся.

Перед ним стояла Элна. Широкий светлый плащ волнами окутывал ее фигуру, незнакомая прическа так сильно изменила лицо, что в первую секунду он ее не узнал и удивился своему волнению:

— Ты? Но откуда? Как ты здесь очутилась?

Она ответила едва слышно, одними губами, и не отрывала глаз от его лица, словно видела впервые:

— Когда-то я была хозяйкой этого острова. Мне известны тайны, о которых не знает даже Эсхин... Но ты, кажется, не рад мне?

— Не знаю, — честно признался он, — слишком это неожиданно.

Никогда его не подводила память, а вот сейчас он не мог сказать, почему таким знакомым и одновременно чужим показалось ему ее лицо, словно встретил другую женщину... А она без улыбки, серьезно и испытующе смотрела ему в глаза.

— Ты знаешь, почему я здесь?

Он отрицательно качнул головой.

— Со мной произошла странная вещь. Когда мы расстались с тобой, когда Эсхин отпустил меня с миром, мне казалось, что все правильно, что я сделала все так, как должна была сделать. Ты попал туда, куда стремился... Я тоже выполнила свои обязательства, одним словом, оставалось улететь со спокойной совестью. Не получилось. Не должна я была возвращаться, не должна была говорить тебе то, что собираюсь сказать. И вот, однако... — Она замолчала, и он не произнес ни слова, чувствуя, что в эту минуту ничем не может помочь ей, только она сама имела право решить, что делать дальше. — Ладно. Как говорят бореи: «Никто дважды не может пройти мост, не возвращаясь». Нельзя дважды принимать решение. Да и некогда нам раздумывать. Эсхин уже знает, что я здесь. Слышишь свистки охраны? Через минуту они будут здесь. Пойдем.

— Но куда? Отсюда один выход — в галерею, там роботы.

— Пойдем. Я покажу тебе Хронар. Самое большое достижение нашей цивилизации и самую большую ее тайну.

— Разве ты имеешь право это делать?

— А ты как считаешь?

— Может быть, я сам?

— Туда не сможет войти никто посторонний. Пойдем, а то передумаю.

Совсем уже недалеко, за поворотом, послышался лязг металлических подошв. Охранные роботы не теряли времени даром... Она достала откуда-то из складок своего плаща небольшой предмет, похожий на игрушечный карманный пылесос, и нажала кнопку. Ничего особенного не случилось, лишь прибор протяжно взвыл и тут же смолк. Она схватила Ротанова за руку и толкнула к стене. Все еще не понимая, чего она хочет, инстинктивно, от ее толчка, он оперся о стену и почувствовал, что рука свободно входит в вязкую массу. Она опять подтолкнула его — ну же! И тогда он шагнул прямо в стену. И стена раздалась, пропустила его и сразу же сомкнулась вновь. Элна была уже рядом, и оба они стояли в соседнем помещении. Очевидно, это была комната для наблюдений и подслушиваний. Странные механические уши уродливо присосались к стенам, сверкали линзы, направленные в щели... Сейчас здесь никого не было. Элна вновь приподняла свой «пылесосик» — молекулярный дезинтегратор, ослабляющий на время связи между молекулами любого вещества.

— Ты не мешкай при переходе, а то можешь оказаться замурованным в стене.

И вновь она нажала кнопку, снова взвыл прибор, и вот они как во сне проходят сквозь стены из комнаты в комнату, мелькает длинная анфилада залов, коридоров, складов... В одной из комнат он увидел ошарашенные лица охраны... Коридор, еще коридор. Очень толстая стена в конце. Показалось, что не хватит энергии прорваться. Он шел вслед за Элной и, собрав всю силу, рванулся вперед. Стена уступила, и оба они теперь стояли в огромном зале... Зал был почти пуст, лишь в центре, на каменном постаменте, покоился огромный куб из серого металла. Десяток наклонных колонн шли к нему с разных сторон. По их вибрации, по смрадному жару, пахнувшему в лицо, по отвалившейся кое-где термоизоляции он понял, что эти колонны — энерговоды, каждую секунду поставлявшие в холодное металлическое тело этого куба целые реки энергии. Они подошли ближе, и лишь теперь Ротанов оценил размеры всего сооружения. Куб был высотой с двухэтажный дом. Ни трещины, ни единой ссадины не оставило время на его матовых, тускло блестевших боках.

— Хронар?

Элна молча кивнула и отвернулась. Он хотел было обойти куб, но она рывком остановила его.

— Не спеши. Часть защиты я отключила, но тут могут быть блоки, неизвестные даже мне. Посторонним не полагается разгуливать по этому залу. Не отходи от меня.

— Покажи мне пульт управления.

Она усмехнулась.

— Наши инженеры в отличие от вас не любили сложных устройств. Вот он, перед тобой.

Она нажала маленькую, почти незаметную кнопку, и в стене куба открылась узкая ниша. Там было всего две кнопки — красная и голубая, две рукоятки с непонятными шкалами да еще посредине узкое граненое отверстие. Именно это отверстие и хотел увидеть Ротанов. Сейчас он мысленно сравнил его размеры с размерами рубинового камня. Совпадали и размеры, и форма. Это была скважина для ключа. Ротанов расстегнул воротник, достал камень и осторожно разогнул оправу кулона. Сейчас камень лежал у него на ладони, холодный и совершенно бесцветный, словно никогда раньше не прятал в своей глубине игру таинственных огней. Он подбросил камень на ладони, словно прощаясь с ним, и протянул его Элне.

— Зачем он мне?

— Не любоваться же этим кубом мы сюда пришли. Попробуй, кто знает, может быть, ключ все-таки сработает. Возможно, запись биотоков не изменилась за это время.

— Пока цела кристаллическая решетка камня, будет цела и запись.

— А что случится, если Хронар включить чужим ключом?

— Этого я не знаю. Этого никогда и никто не пробовал. Возможно, сработает защита. Возможно, Хронар остановится...

— Вот и давай попробуем.

— Но если он действительно остановится, ты представляешь, что произойдет?

— Я думаю, энергия, необходимая для того, чтобы удержать звезду в полуколлапсирующем состоянии, на несколько порядков превосходит все, что может дать это устройство.

— Равновесие неустойчиво. Легкий толчок, незначительное изменение одного из факторов приведет к катастрофе.

— Скажи, правда, что ваши ученые могли предвидеть будущее?

— Среди нашего народа иногда рождались люди, наделенные особым даром проникать в информативное поле будущего. Это редкий природный дар, и наука здесь ни при чем.

— Видишь ли, мне кажется, я знал одного такого человека. Женщину, подарившую мне этот ключ...

— Ты хочешь сказать, что она могла предвидеть?.. Что она хотела именно этого, чтобы мы?..

— Мы должны попробовать, Элна. Мы должны попробовать остановить Хронар. Работа Хронара, нарушая естественное течение времени, противоречит неизвестным нам глубинным законам природы и почти всегда приводит к несчастью. Мы обязаны восстановить равновесие, хотя бы попытаться это сделать. Рано или поздно приходится исправлять ошибки...

С минуту она молча смотрела на него, и он понимал, что творилось у нее в душе. Гнев и горечь от того, что он, чужеземец, пытался несколькими словами перечеркнуть высшее достижение ее народа.

— Рано или поздно вы, люди, столкнетесь с теми же проблемами, вам самим придется решать их, и тогда...

— Ты, конечно, права. Но я уверен — нельзя грубо вмешиваться в сложнейшие закономерности природы, не взвесив до конца все последствия... И потом, почему ты говоришь со мной так, словно сама все еще принадлежишь к цивилизации рэнитов? Тысячелетия пронеслись над вашей родной планетой, я был там после того, как последний рэнит ушел с нее навсегда. Разве ты сама не принадлежишь теперь к другому племени?

— О чем ты говоришь?! — Она почти кричала.

— Ты человек, Элна, и ты моя жена... — Он попытался найти ее руку, но она отстранилась.

— Это была лишь игра. Обряд чужого для нас обоих племени...

— Обряды имеют лишь тот смысл, какой вкладывают в него люди... Решайся, Элна. Я не знаю, сколько минут отпущено нам на раздумье. Вот тебе камень. Только ты одна можешь вложить его в Хронар. Только твою руку знают его защитные и исполнительные механизмы. Попробуй. Риск есть, конечно, но он не больше, чем был в тот момент, когда ты впервые включила здесь эту машину... Скорее всего искаженное разорванное время вернется в свое нормальное русло. В природе много здоровых сил, и она умеет залечивать раны.

Он сказал теперь все, почти насильно вложил в ее горячую сжатую ладонь ключ от Хронара и отвернулся, чтобы не мешать ей в эти секунды, когда человек должен остаться один. И только когда скрипнули механизмы на пульте, он повернулся к ней вновь. Обе рукоятки стояли теперь на нулях в крайнем нижнем положении.

— Ты знаешь, что случится с нами, если время вернется в исходную точку, в момент, когда впервые был включен Хронар? Ты окажешься на своей планете, дома, и никогда уже не вспомнишь обо мне. Да и некого будет вспоминать. Вся моя жизнь — следствие больного, искаженного времени. — И, не дав ему ответить, лишь посмотрев прямо ему в глаза, словно молча попрощавшись с ним, Элна разжала пальцы и опустила камень в отверстие.

Послышался глухой протяжный звук, похожий на стон. Звук нарастал, поднимался вверх, разрывая барабанные перепонки. Волна вибраций прошла по самому кубу, потом странная живая дрожь передалась полу и стенам. Казалось, некий вихрь пронесся по залу, сделав неустойчивыми, эфемерными каменные стены, весь окружающий мир. Но уже через минуту звук стал слабеть, переходить на нижние октавы и где-то там, в нижнем регистре, затерялся, исчез совсем. Элна стояла у пульта совершенно оглушенная, сжав виски руками.

Что-то неуловимо менялось в ее чертах, разгладились горькие складки губ. Исчезли морщинки в уголках глаз, чуть посветлели волосы, чуть прозрачнее стали глаза, а может быть, только казалось ему все это. Но почему же вдруг до боли знакомым, родным стало для него ее лицо? Почему странные картины прошлого заслонили от него этот зал? Почему видит он девушку, одиноко сидящую у костра в Синем лесу? Вот одним взмахом швыряет она в ползущую, смертельно опасную дрянь свою последнюю протонную гранату, спасая ему жизнь... Вот он несет ее на руках через Синий лес, а губы шепчут давно забытое простое имя — Анна... Видела ли она то же самое? Вспомнила ли она это имя? Кто знает. Она не тронулась с места. Не бросилась к нему. Справилась сама со своей болью и отвернулась. Тихо было в машинном зале, не вибрировали энерговоды, не качалась стрелка на единственном приборе, отмечавшем мощность поглощаемой энергии. Хронар остановился навсегда...

И тогда на шершавой каменной стене напротив них высветился голубой овал, и хищное, остроносое лицо Эсхина появилось в его глубине; он усмехался.

— Это был опасный эксперимент, а, девочка? Но ты справилась блестяще. Сорок тысяч гигаватт ежедневно. Неплохой подарок! Я направлю их на дезинтеграторы, на планетарную защиту. Ни один чужой корабль не сможет отныне появиться в небе Энны. Только ты могла это сделать, только он мог заставить тебя это сделать! Вы оба прекрасно справились с отведенными вам ролями.

— Как только ослабеет гравитация, как только распрямится купол сжатого пространства, ничто уже не остановит наш флот! — угрожающе произнес Ротанов, невольно подавшись к этому светящемуся овалу.

— Гравитация не ослабеет. Пространство не раскроется, потому что время изменяется мгновенно или не изменяется никогда! Вы остановили Хронар, но планета осталась в той же самой точке пространства-времени.

Эсхин почти кричал, и такая злобная радость слышалась в его голосе, что Ротанов уже не сомневался в том, что их постигла неудача. Почти сразу же погас свет, и они остались одни.

— Может быть, остановка Хронара скажется не сразу? Может быть, Эсхин попросту солгал, надо подождать?

Элна отрицательно покачала головой.

— Эсхин сказал правду. Время изменяется сразу или не изменяется совсем. Видишь слой пыли на этих стенах? Если бы время вернулось в первоначальную точку в тот момент, когда был включен Хронар, этот зал выглядел бы иначе. Но все осталось попрежнему... Этого я не ожидала. Мне казалось, все сейчас кончится, и планета в ничтожные доли мгновения рухнет в недра коллапсирующей звезды. Такой конец был самым вероятным, но этого не произошло. Это странно... С того самого мгновения, когда здесь был включен Хронар, чья-то чужая воля все время вмешивается в наши действия. Не грубо, иногда почти незаметно. Но силы, которыми управляет этот неведомый нам разум, настолько могущественны, что мы не можем даже представить масштаб их воздействия на окружающий мир.

— Мне тоже все время казалось, что на этой планете действуют не стихийные силы природы, а чья-то враждебная воля. И все время я искал ее источник у бореев, у Эсхина. Может быть, озеро Забвения имеет к этому отношение?

— «Озеро» скорее всего только следствие, только часть того, что проникло к нам из соседней Вселенной. Кстати, этот разум не обязательно враждебен. Просто он чужд всему человеческому миру. Чужд нашей Вселенной. И потому непонятен для нас.

— Неплохо бы с ним познакомиться.

— Мы для них муравьи, быть может... Впрочем, попытки были. Один из наших пытался. Его звали Лонгом. Он пошел к озеру Забвения и не вернулся... Никто оттуда не возвращается. Но с Лонгом произошло что-то странное. Уже после того, как он исчез, его видели несколько раз. Не саму фигуру, но голос, какой-то светящийся силуэт... Заметив, что люди пугаются его, он стал

появляться в скафандре с закрытым шлемом. Нечасто, лишь в те моменты, когда назревали события, способные изменить весь ход времени. Говорили, что он может предсказывать будущее... Не знаю, я однажды говорила с ним уже после того, как он ушел к «озеру».

— Возможно, разгадка лежит в самом «озере»... Что касается Лонга, кажется, я тоже встречался с ним, но в то время я не знал всего, что знаю сейчас, и мало пользы было от нашей встречи.

— Теперь у Эсхина развязаны руки. Мы не нужны ему больше, мы сделали все, что он от нас ожидал. Хронар остановлен... Правда, пока я нахожусь в этом зале, он ничего не сможет сделать. Охранные механизмы настроены только на меня, и всякий, кто попытается...

Он ее не дослушал, он не принял ее неловкой попытки увести разговор в сторону.

— Послушай, Анна...

— Как ты меня назвал?

— Извини, я оговорился.

— Но мне кажется, это имя... Мне кажется, так меня когда-то уже звали, очень давно, в каком-то ином времени, как странно все это...

Он не слушал ее, поглощенный своими мыслями.

— Понимаешь, Элна, я должен увидеть это «озеро». Мне кажется, времени осталось совсем немного, что-то изменилось после того, как мы отключили Хронар.

— Я знала, что этим кончится! Что ты захочешь пойти туда! Это невозможно, нет, я не пущу тебя, слышишь?!

— Мне надо, Элна. Ты же понимаешь, не в Эсхине здесь дело и даже не в Хронаре. Все гораздо серьезнее. Кто-то замахнулся на границы Земной Федерации, кто-то бросил нам вызов... Всему нашему миру и во все его времена, в рэнитском прошлом и в нашем, человеческом будущем... Я должен знать, кто это, что ему нужно от нас. Возможно, эксперименты рэнитов со временем открыли кому-то лазейку в наш мир. Может быть, сейчас еще не поздно что-то изменить, что-то исправить. Но главное, мы должны знать. Так уж устроены люди, и ничего тут не изменишь.

— Я не пущу тебя, не пущу! Оттуда никто не возвращался, слышишь, никто!

— Я вернусь. Обещаю тебе. Я знал одну земную девушку, очень сильно похожую на тебя... Она жила в суровом и яростном мире, не знала другого и не задумываясь бросила ему вызов, когда пришло ее время... Теперь мы должны сделать то же самое;

если нас постигнет неудача, придет еще кто-то, рано или поздно люди справятся с прорвавшейся к нам бедой. Но мне вспоминается, что там, в башне храма, некая жрица, ставшая моей женой, не согласилась поменять свою судьбу, отдать свой нелегкий жребий кому-то другому. Зачем же ты меня об этом просишь? Дайка мне свой интегратор. Сколько там у нас осталось энергии? Вижу. Немного. На двоих не хватит. Не выходи из этого зала. Жди меня здесь.

13

Человек в космическом скафандре высшей защиты сидел напротив Эсхина в глубоком кресле. Поза его казалась напряженной и неестественной, но Эсхин знал, что ему безразлична любая поза. Лица за серебристым светофильтром шлема не было видно, и труднее всего воспринималась мысль о том, что за пластиком шлема нет ничего. Физическая сущность собеседника оставалась для Эсхина загадочной, и, пожалуй, он не стремился к разгадке. Его вполне устраивало то, что визиты странного гостя до сих пор были не слишком часты и им почти всегда удавалось прийти к соглашению.

— Как ты думаешь, что произойдет, если землянин найдет дорогу к «озеру»?

— Ты спрашиваешь об этом меня, Лонг? Тебе же открыто будущее, не мне. Я всего лишь простой управляющий этого острова.

— Не паясничай, Эсхин. — В голосе Лонга слышалась усталость, почти горечь. — Не всякое будущее можно предвидеть. Когда шансы дальнейшего развития равны, получаются две расходящиеся линии, вилка. И никто не знает, на какую из двух дорог свернет время. Я лишь частица, мне неподвластны ни его воля, ни его решения. Большая часть этого разума вообще закрыта для моего понимания, слишком велики различия... Но не об этом я пришел говорить с тобой. Мне кажется, ты опять начал недостойную игру и нарушил наш договор. Почему остановился Хронар?

— Откуда мне знать! Я сразу же предложил избавиться от землян. Их надо было уничтожить!

— Тебе бы только уничтожать, но ты плохо их знаешь. Они пришли бы сюда снова. И не они виноваты в том, что ты никогда не слушал моих предостережений. Разве я не говорил, что Хро-

нар рано или поздно остановится, если ты не прекратишь своих безумных экспериментов? Разве я не говорил тебе, что чужая боль, чужая беда рано или поздно обернется собственной? Разве можно превращать космос в источник угрозы человечеству?

— Не я остановил Хронар! И не мне он нужен! Какое отношение имеет все это ко мне? Почему ты мне задаешь эти вопросы?

— Вот видишь, ты даже не слышишь меня, даже не пытаешься понять... А Хронар уже остановлен. И в обоих рукавах будущего твоего острова попросту нет, тебя тоже там нет, что скажешь?

— Какое мне дело до твоего будущего? Оно не наступит. Завтра вообще не может наступить до тех пор, пока не кончился сегодняшний день. И я знаю, что нужно делать для того, чтобы он длился бесконечно. Хронар остановлен, но вместе с ним остановлено и время. Разве ты сам не говорил, что с остановкой Хронара время замедлится еще больше? Разве это не так? Я перехитрил вас всех.

— Безумец! Что может быть страшнее никогда не проходящего дня? Но тебе грозит совсем другое, слышишь шаги? Слышишь топот за дверью? Это твоя судьба.

— Топот? Это меняют караул охранные роботы. — Эсхин встал, тяжело подошел к стоявшему посреди зала треножнику со стеклянным шаром и нажал кнопку у его основания. Шар осветился и растаял, оставив вместо себя изображение пустого коридора.

— Странно... Куда девалась охрана?

— Ее больше нет и не будет. Не думай о пустяках, у тебя осталось слишком мало времени. Скажи, ты разве не жалеешь, что так нелепо прожил жизнь? Дал ли тебе счастье тот странный дар, который ты предпочел?

— Меня обманули. Подло обманули. Этот несчастный остров, свихнувшиеся роботы, разве о такой власти шла речь? Разве этого я просил?

— Власть всегда власть. В большом или в малом — какая разница! Ты познал ощущения, доступные лишь цезарям и императорам. Ты повелевал и управлял, решал судьбы людей. Ты получил сполна все, что просил.

— Обман! Один обман! Даже на этом жалком острове я не знал ни минуты покоя! Мне все время казалось, что эти каменные стены рухнут, что роботы рано или поздно предадут меня, а те, кого я превратил в роботов, потребуют возмездия!

— Такова цена. Ее платили все тираны, все, кто избрал твой путь.

* * *

Кабины остановились, и толпа биороботов хлынула в наружную галерею. Олег отстал, никто не обращал на него внимания, никто не отдавал никаких приказов или команд, каждый действовал согласно вложенной в него программе. Внешняя галерея представляла собой невысокий каменный козырек, опоясывавший, очевидно, весь остров. За козырьком расположился карниз, на котором через равные промежутки стояли хорошо смазанные и ухоженные установки энергетических разрядников. То там, то тут с их длинных спаренных антенн, вытянутых вперед и вниз, срывались ослепительные синие сполохи разрядов, и грохот сотрясал скалы.

Каждый из вновь прибывших роботов занял свое место у орудий, и Олег понял, что теперь все резервные, бездействовавшие ранее установки открыли огонь. Безразрывное огненное кольцо опоясало остров, и вода внизу, казалось, кипела. Непосредственной цели не было. Но, очевидно, тревога объявлена не зря, цель должна появиться.

Вдалеке, у самого поворота, маячила неподвижная фигура охранника. Возможно, с такого расстояния он принимал Олега за такого же, как он, охранного робота, но текли драгоценные секунды, и Олег чувствовал, как все меньше остается времени, дающего ему возможность подумать, охватить взглядом всю обстановку, найти выход. Броситься на охранного робота с голыми руками? Героически погибнуть у всех на глазах? Его не поддержат, даже не поймут. Скорее всего никто не увидит этого бессмысленного поступка. «Должно же хоть что-то вас разбудить! Есть же какое-то средство...»

И в эту минуту, когда он был близок к отчаянию, высоко над пустым белесым горизонтом Энны появилась блестящая точка, быстро увеличивающаяся в размерах. По хвосту раскаленных газов, по тому, что точка вскоре превратилась в светящуюся чечевицу, он понял, что это шлюпка. Значит, они нашли топливо... Или, быть может, не нашли и летят сюда на последних резервах, потому что не могли больше ждать, потому что точно так же поступил бы он сам, оказавшись на их месте... Он словно увидел их всех сразу: сосредоточенное хмурое лицо Фролова, склонившегося над рычагами управления, тонкое лицо Элсона, задумчивое, испещренное грубыми морщинами лицо Дуброва... Все они неслись к острову Рин с невиданной здесь скоростью... Но шлюпку уже поджидали. Жала орудий дрогнули, выбрасывая бесчисленную череду огненных стрел. И тут же он понял, что защитное

поле на шлюпке выключено; она заложила крутой вираж над островом, стремясь уйти из зоны обстрела... Если бы у них была энергия, Фролов не стал бы маневрировать. Одного попадания этих рокочущих, ни на минуту не умолкающих огненных водопадов будет достаточно, чтобы покончить со шлюпкой. Неожиданно он понял, что нужно делать... Те, кто наводил орудия в его друзей, действовали не по своей злой воле, а лишь повинуясь приказу, не выполнить который они не могли. Нужно было искать совершенно новый, непривычный для него путь...

А шлюпка тем временем, уходя от очередного каскада разрядов, круто нырнула вниз, к самой поверхности океана, почти задела ее, потом, внезапно выровнявшись, снова резко взмыла вверх. И тогда Олег шагнул к орудию. Отодвинул плечом заряжающего, встал в общий строй, превратился в одного из тех, кто наводил на его друзей эту летающую смерть, взвалил на свои плечи часть их страшной работы. И, сделав это, он понял, что под серым пеплом внешнего безразличия бьются живые человеческие сердца, тлеет огонь, неугасимый и грозный. Тогда он постарался передать им свою боль, свое отчаяние и ощутил, что он на правильном пути, он уже знал, что делать дальше... Самым важным и самым трудным теперь было не упустить ощущение этого общего внутреннего ритма, раскачать его, усилить, провести сквозь глухую пелену запрета и боли, как это он уже проделал однажды со своим собственным сознанием... Ему казалось, что он не выдержит, что разорвется сердце от чудовищного, почти непосильного напряжения... Пот градом катился с его лица, он чувствовал, что задыхается, сознание медленно и неумолимо покидало его... И тут он увидел перед собой живые и осмысленные человеческие глаза... Кто-то встал в строй с ним рядом, кто-то взял на себя часть тяжести, кто-то еще пытался помочь, и вон там, чуть дальше, вспыхнул и заискрился мыслью еще один взгляд, и еще... Словно живые нити потянулись к нему со всех сторон, и одновременно с этим слабели, отклонялись в сторону несущие смерть огненные стрелы, летевшие навстречу его друзьям. Завеса уже не была сплошной. В ней появились разрывы, сначала редкие, а затем вдруг умолкли все орудия северной стороны.. И Фролов сейчас же воспользовался этим, бросил шлюпку в образовавшийся разрыв, в считанные секунды проскочив линию огня. Шлюпка пошла на посадку и прилепилась к крохотному ровному пятачку в нескольких метрах позади Олега.

— Ты помнишь ночь, когда впервые пришло к нам озеро Забвения?

— Я ничего не помню. Ничего! — Эсхин отвернулся, чтобы не видеть безликой поверхности, заменявшей лицо его собеседника. Ему все время казалось, что там, под металлической пленкой, невидимо блестят живые человеческие глаза, и оттого, что он знал совершенно определенно, что в шлеме не было ничего, кроме пустоты, иллюзия становилась еще сильнее.

— Мы оба были тогда так молоды, Эсхин! Живые соки жизни бродили в нас, и ты не выдержал искушения... Кто-то из нас двоих должен был стать жертвой — ты выбрал меня, и вот теперь я здесь для того, чтобы наблюдать и анализировать твои последние мгновения.

— Довольно! Уходи! У меня больше нет сил, возьми обратно все свои дары, оставь мне лишь покой!

— Ну нет, ты сполна воспользовался моими дарами. Пришел час расплаты, ты слышишь крики в коридоре?

— Там нет никого! Экран пуст!

— Откуда же эти крики? Где твои охранные роботы, Эсхин? Что это за толпа разгневанных людей появилась в конце коридора, ты видишь? Некому преградить им путь. Некому защитить тебя в эту минуту. Теперь я ухожу, чтобы оставить тебя один на один со своей судьбой. Я запомнил твои глаза. Мы в расчете, больше ты мне уже ничего не должен.

И в то мгновение, когда под натиском нападавших затрещали двери, никого уже не было в кресле напротив Эсхина. Фигура человека в скафандре сделалась прозрачной и за секунду до того, как рухнули двери, исчезла совсем.

14

Прежде чем Анна успела возразить, прежде чем успела что-то сделать, Ротанов перевел рычаг прибора на максимальную мощность, направил раструб себе под ноги и нажал кнопку. Пол лопнул, как туго натянутая резиновая мембрана. Сверху еще сыпались куски штукатурки, еще не исчезло фосфоресцирующее свечение в том месте, где интегратор разорвал молекулярные связи, а он уже стоял на ногах. Падение с высоты трех метров слегка оглушило его, зато теперь он находился в нижнем ярусе.

Несколько секунд Ротанов не двигался, привыкал к тусклому освещению. Он все еще боялся, что Анна последует за ним, найдет способ догнать его, остановить самим своим присутствием. Но все было тихо. Он находился в огромном пустом помещении,

стены и потолок которого терялись в полумраке, свет из запыленных потолочных панелей едва струился. Все же он понял, куда попал. Здесь находился машинный зал, способный когда-то развивать мощности, необходимые для того, чтобы останавливать и изменять само время.

В машинном зале, растянувшемся на целые километры, было несколько этажей. Ротанов все время старался спуститься ниже, понимая, что только в самом низу должен быть путь в глубины острова, к его сердцу, порождавшему «черные корабли»... Озеро Забвения? Странное название, странное и поэтичное, как все, что исходило от племени бореев. Он вспомнил обряд в храме Юстары, вспомнил Элну и улыбнулся, словно увидел в глубинах этого зала живой огонек костра. Существует ли вообще выход к этому мифическому «озеру»? Он бродил среди мертвых механизмов второй час, все еще надеясь найти выход или хотя бы ответ на свои сомнения; но лишь запутывался еще больше в лабиринте загадок, в металлических развалинах прошлого, в собственных сомнениях. Наконец усталость окончательно сломила его волю. Сегодня был очень трудный день, слишком трудный даже для его могучего организма. Сильно хотелось пить, кругом была гнилая, отравленная остаточной радиацией вода, и ее присутствие лишь усиливало жажду. На стенах кое-где светились фосфорическим светом гигантские слизняки, местами светились и сами стены. Несмотря на прошедшую бездну лет, зал все еще таил в себе смерть и опасность. Надо было поскорее выбираться отсюда, но теперь он уже не смог бы найти направления, откуда пришел. Груды искореженного мертвого металла и пластика преграждали ему путь. Здесь был ядовит и сам воздух, индикатор отмечал наличие неизвестных частиц, голову сдавливали железные тиски. Они мешали думать, действовать.

Все же он пересек этот многокилометровый зал, набитый радиоактивным металлом, наполненный зловонием тяжелых испарений. Постепенно начали уже проявляться первые симптомы радиоактивного поражения. Симптомы были какими-то необычными, слишком уж быстрыми для простой радиации. Жажда становилась невыносимой. Изменилось ощущение времени. Он поминутно вынужден был поглядывать на свои часы, чтобы не потерять чувства реальности. В приглушенном сознании человека рождались странные искаженные картины и звуки... Тик-так, тик-так... Словно тихо и настойчиво у самого уха тикал будильник. Он заметил его не сразу. Может быть, потому, что существо больше всего походило на игрушечного механического цыпленка и слишком уж не вязалось с обстановкой мертвого радиоактивного зала.

Такие игрушки ему покупали в детстве. Треугольное тельце, узкое внизу и широкое вверху, покачивалось на тонких цыплячьих ножках, а огромные глаза-плошки не мигая уставились на Ротанова. Каждый раз, когда «цыпленок» перебирал ножками, слышалось это «тик-так».

— Привет, — сказал «цыпленок». — Ты почему здесь ходишь?

— Говорящих цыплят не бывает.

— Я не цыпленок.

— Кто же ты?

— Я робот-информатор.

— Ну и чего тебе от меня надо?

— А меня за тобой послали, чтобы найти и проинформировать.

Робот развернулся и важно прошелся туда-сюда по выступу, заложив за спину крохотные тонкие ручки, точь-в-точь как университетский преподаватель перед аудиторией. И по тому, что робот воспринимался им без всякого удивления, как нечто само собой разумеющееся, Ротанов понял, что с сознанием у него не все в порядке. Радиация ощущалась почти физически, она давила, мешала дышать, мешала думать. Пора было уходить.

— Покажешь дорогу?

— А куда тебе надо?

— Я ищу озеро Забвения. Знаешь, как пройти к нему?

— Вообще-то это плохое место, но если тебе очень надо...

— Ты кого-нибудь уже провожал туда?

— О да, многих. Иногда тех, кого превратили в роботов, охватывает странная тоска, и они уходят к «озеру»...

— Зачем?

— «Озеро» дает энергию, взамен оно берет тех, кто хочет забыться. Оттуда еще никто не возвращался. Это не простое «озеро». Оно не убивает, вернее, убивает не совсем... Ты не будешь чувствовать смрада, жажды, даже боли. «Озеро» даст тебе покой и оставит сознание.

— Хорошо. Покажи мне его.

Робот запрыгал перед ним маленьким серым мячиком, и с каждым его крохотным шагом слышалось уютное, успокаивающее «тик-так».

Шли они недолго, минут двадцать, и радиация начала слабеть, разжимать свои чугунные лапы...

Наконец робот остановился перед гранитной стеной. Первой естественной каменной стеной в этом железном лабиринте. Глубоко в нише виднелась крышка круглого люка с мощными

стальными запорами, словно здесь был кессон или переходный шлюз корабля.

— Что там? — хрипло спросил Ротанов, но робот ему не ответил, словно знал, что этот вопрос не нуждается в ответе.

Молча он подошел к люку, нажал какие-то кнопки, и невидимые механизмы пришли в работу. Затворы лязгнули, приоткрывая свои пасти, крышка люка медленно, будто во сне, подалась назад и в сторону, обнажив метровую толщу брони. Из круглого прохода за люком пахнуло холодом и сыростью. Темнота, густая и плотная снаружи, мешала что-нибудь рассмотреть. Ротанов сделал шаг вперед и остановился. Что-то его удержало. Что-то подсознательное. Он совершенно определенно почувствовал: если сделает сейчас еще один шаг, обратно уже не вернется. В нем проснулась воспитанная годами осторожность, он медлил, хотя знал, что теперь уже все равно не отступит, все равно сделает этот последний шаг... Он обернулся. Робота не было. Секунду назад он стоял сбоку, у люка, и вот теперь его не было. Исчез, растворился — проводник сделал свое дело. Дальше все зависело от него самого.

Ротанов вернулся в зал, нашел обломок толстой металлической балки, прочной и надежной, с трудом подтащил ее к люку и, заклинив его намертво, сделал наконец шаг наружу. Несколько секунд он неподвижно стоял в белесом тумане, ничего не видя, прижавшись спиной к шершавой и холодной поверхности камня. Постепенно глаза привыкли к рассеянному наружному освещению и медленно со всех сторон стали появляться нечеткие контуры предметов. Он стоял на узком каменном карнизе, шага два отделяли его от отвесного обрыва, впрочем, не очень глубокого: где-то внизу, совсем близко, тихо плескалась черная вода... Впрочем, это была не вода. То, что лежало у его ног, словно темный водоем, замкнутый в кольце гор, не было озером. Ледяным холодом тянуло снизу от этого распластанного неподвижного мрака. Поверхность, разделявшая границу двух сред, слабо светилась, и видны были мельчайшие детали... Вот только чего? То, что лежало внизу, не было плотной массой, не было жидкостью, но не было и паром или туманом. Нечто еще более легкое, более эфемерное, чем пар.

Он видел только, что поверхность под ним волнуется — не так, как вода, а иначе, легче. Тоньше были движения отдельных струй, идущих из глубин этого феномена, и каждое движение вызывало на границе раздела целый фейерверк световых всплесков. Странная волна звуков в такт с этим эфемерным движением

световых полотен, мелькавших на поверхности мрака, приглушенно доносилась до его слуха. Звуки сплетались всего из двух-трех нот, то протяжных и печальных, то резких и грубых, как вой ветра. Казалось, огромный орган внизу пробует свои силы. Постепенно отдельные движения темной массы внизу стали упорядочиваться, выстраиваться в некий странный хоровод. Темная пустота под световой пленкой начала медленно вращаться, вспучиваясь и поднимаясь в центре, словно там рождался некий гигантский круговорот. Вдруг от центра образования к окружающим скалам метнулись ветвистые лапы электрических разрядов, и гром, зарокотавший внутри каменной чаши, усиленный и отраженный ее стенами, оглушил Ротанова. Но это было только началом. Через минуту черный столб в центре «озера» стал расти, вытягиваться все выше и раздуваться, как гигантский аэростат, втягивая внутрь себя находившуюся под ним поверхность «озера». Самым необъяснимым Ротанову казались мелодичные звуки, сопровождавшие рождение шара. В них определенно был какой-то музыкальный рисунок, ритм, они совсем не походили на случайный набор звуков. И все грандиознее, все величественнее становилось зрелище по мере того, как рос шар. Он занимал теперь в поперечнике не меньше двухсот метров и продолжал вращаться. Поверхность «озера», следуя тактам странной музыки, едва заметно вибрировала, и вместе с нею, казалось, вибрировали окружающие скалы. Внешняя граница шара была уже совсем близко от человека, каких-то несколько метров отделяло их друг от друга.

Ротанов понял наконец, что происходит перед ним. Он присутствовал при рождении «черного пузыря», одного из тех, чье нападение заставило земных колонистов покинуть Дзету. Впрочем, было ли это нападением? Были ли атакой встречи в космосе, закончившиеся столь трагически для многих земных кораблей?

Перед ним вращался и пульсировал радужный снаружи, черный и холодный внутри гигантский сгусток чужого мира, «выброс антипространства», «черная дыра», «гравитационный коллапс». Мы любим придумывать звучные названия необъяснимому, нам кажется, что, прикрыв этим словесным покровом грани неведомого, мы сделали его уютнее и проще. «Черная дыра» — о ней теперь знает каждый школьник, и каждый школьник верит, что если он сам и не понимает, что это такое, то зато мудрые бородатые дяди, придумавшие название, наверняка во всем хорошо разобрались и за словесной абракадаброй, за математической шелухой спрятали простую и ясную истину, известную, правда, лишь посвященным.

Ротанов, став одним из таких посвященных, давно уже понял, как часто суть подменяется формой, не содержащей в себе даже крупицы смысла.

Так вот откуда стартуют «черные корабли»! Теперь он знал хотя бы это.

— Мы заткнем твою жадную глотку, слышишь, ты! — крикнул он безликой черной поверхности, и слова потонули в ней без ответа.

Тогда он нагнулся, нашел камень, размахнулся и швырнул его вниз, в «озеро». Не было ни всплеска, ни вспышки. Камень просто беззвучно растворился, исчез, не оставив после себя ничего. Только что он был, и вот уже его не осталось в этом мире...

«Мы для них муравьи», — сказала Элна. И, вспомнив ее слова, он вдруг почувствовал гнев на безликое чудовище, рождавшееся у него на глазах, готовящее в себе смерть живому человеческому миру.

У него была еще батарея... Он взглянул на индикатор заряда. Энергии накопилось достаточно, вполне достаточно для того, что он задумал. Возможно, взрыв будет слишком силен, возможно, он уже не уйдет отсюда, потому что никто не смог бы предсказать того, что последует за этим взрывом. Он останется без защиты, и ему не пройти без костюма через зал, лежащий за его спиной, но он знал, что не может позволить безнаказанно родиться еще одному смертоносному шару... «Индикатор на максимум, надо выдернуть предохранитель, разбить крышку, замкнуть контакты, дать хорошенько прогреться распределительному блоку и затем бросить...» Руки делали нужную работу сами собой, и он усмехнулся, подумав, что уж теперь он наверняка заставит себя заметить... Бросок надо было рассчитать так, чтобы взрыв произошел где-то на границе двух сред, он понимал, что не сможет отбросить батарею слишком далеко и не успеет даже отскочить, взрывная волна прежде всего ударит по нему самому. Но он представил, как все его четыре тысячи гигаватт разорвут и разметают в клочья оболочку «черного пузыря». Он видел эту картину и старался не думать ни о чем постороннем.

Руки быстро закончили работу, и, не останавливаясь, не давая себе ни секунды на колебание, он размахнулся и швырнул начавшую раскаляться батарею высоко вверх и в сторону по касательной к поверхности «пузыря». Маленький квадратик мелькнул в воздухе, почти коснулся поверхности шара и взорвался в каком-то десятке метров от Ротанова... Странный это был взрыв. Раскаленная, сверкающая плазма, брызнув во все стороны, вдруг

замедлила свой стремительный бег... Ротанов видел, как огненные завихрения, несущиеся к нему, тормозятся, изменяют форму, закручиваются, протуберанцами взлетают вверх, отклоняются в стороны, словно чья-то огромная невидимая ладонь прикрыла стоявшего на скале человека. Затем шар издал чавкающий звук, выбросил в сторону взрыва черную непрозрачную кляксу и погасил его вовсе... После этого поверхность шара вспыхнула ослепительным радужным сиянием, он замедлил свое вращение, остановился, раскачиваясь, и медленно потянулся к человеку, словно желая рассмотреть его поближе... Но основание шара вдруг сократилось, рвануло его вниз, к «озеру», и почти сразу же шар начал наливаться малиновым светом и оседать, уменьшаться в объеме. Все повторялось в обратном порядке, утолщалось основание «пузыря», волновалась и тянулась к нему поверхность «озера», словно всасывая в себя недавно извергнутую наружу массу. Наконец «пузырь» исчез вовсе, сгладился, слился с поверхностью «озера». Не осталось ничего, даже выступа, напоминавшего о его недавнем рождении. И тогда «озеро» сначала медленно, а затем все стремительнее начало наступать на берега, повышать свой уровень, сокращая те немногие метры, что отделяли его поверхность от стоявшего на карнизе человека. Ротанов услышал шум. Вначале это был просто пронзительный свист, словно сверху на него налетел ветер. Впечатление усиливалось странным давлением на плечи и голову, точно кто-то гнул его книзу со всевозрастающей силой. Казалось, «озеро» возмутилось дерзким поведением человека, казалось, оно хотело возразить ему... В глубинах темной массы «озера» возникли тонкие сверкающие линии.

Вместе с тем свист перешел в мелодичную гамму звуков, она притягивала к себе внимание человека, парализовала волю. Наверное, так пели сирены в древнегреческом легендарном море. Ротанов сделал шаг вперед, еще один. Теперь всего несколько сантиметров отделяло его от края обрыва. Он стоял и смотрел, не двигаясь и ничего уже не опасаясь, потому что все время помнил о руке, прикрывшей его от взрыва.

И тогда он услышал голос, печальный и в то же время ласковый, словно с ним говорила женщина, говорила так, как говорят с человеком лишь один раз в жизни...

— Разве ты не устал от борьбы, от каменистых дорог?

— Нет.

— Как странно, ведь многие так ценят покой... Но не только покой я могла бы подарить тебе. Мои возможности неограниченны в вашем мире. Хочешь власти? Этот напиток любит твое пле-

мя, я знаю, хочешь власти такой, какой не знал ни один человек? Твои соплеменники преклонятся перед тобой, обожествят твое имя, ты будешь единолично управлять и распоряжаться судьбами миллиардов, подумай об этом.

— Я думаю. Слишком тяжела расплата. Многие из тех, кто стремился к власти, кто отдал за нее свою жизнь, так и не перенесли последнего своего часа, они ушли с горьким и слишком поздним сожалением о содеянном.

— О какой расплате ты говоришь?

— О бесцельно растраченных годах, об искусственной жизни вокруг, о фальшивых улыбках, о притворном покорстве, о рабской лести, о последнем часе, наконец, когда груз становится невыносимым, когда совесть спросит, что же ты сотворил с собой и с теми прекрасными мгновениями, что были подарены тебе под жарким солнцем? Где твои друзья, человек? Где вершины, которые ты покорил, где женщина, которую ты любил? Что я отвечу? Разве власть не убивает все это? Разве не потребует она на свой алтарь беспрерывных и страшных жертв?

— Тогда, быть может, ты хочешь безмерного богатства, хочешь, все ценности мира будут принадлежать тебе?

— Ты опоздала на добрую тысячу лет. Но и в далеком прошлом богатство было лишь средством к той же власти, а чаще не дарило и этого. Жадность ослепляла, заставляла безумца кружиться по замкнутому кругу, навсегда делала человека рабом самого себя. Те времена прошли. Теперь даже власти нельзя купить за все сокровища мира. А то немногое, что нужно человеку для удовлетворения его собственных нужд, дарится ему природой и обществом бесплатно, как солнечный свет, как воздух, так зачем мне оно, твое богатство?

— Тогда, быть может, ты хочешь молодости, вечной жизни?

— От вечной жизни человек устанет, что же касается долгой и здоровой жизни, каждый человек хотел бы этого. Но ты потребуешь за свой дар слишком высокую цену.

— Ты упрям, человек, упрям и неразумен. — Голос перешел в протяжный свист, и вновь страшная тяжесть обрушилась на плечи Ротанова.

Странные картины рождались на поверхности радужной пленки. Он видел там свои детство и молодость, видел чужие миры, которые покорил, видел образы родных и близких ему людей, словно зеркало собственных мыслей лежало перед ним. Словно «озеро» жадно ловило каждый отблеск его мысли, стараясь понять, разобраться в глубинной сущности его поступков. Что-то

грустное появилось в мелодии, прорывающейся сквозь свист, тяжесть чуть ослабла, и Ротанов медленно, с трудом передвинув ноги, сделал шаг назад, еще один, еще... Спина уперлась в камень. Он нашарил рукой отверстие, пригнулся и отпрыгнул в люк. Задыхаясь, выхватил балку и защелкнул стальные запоры. Он подпирал люк балкой, когда вновь услышал голос:

— Я могла бы растворить эти стены в одну минуту. Ты слышишь меня, человек?

— Я слышу. Чего же ты медлишь? Я обещаю, что, если ты отпустишь меня сейчас, я уничтожу тебя.

— Ты уже сделал все, что нужно, остановив Хронар. Я лишь ждала нашей встречи, чтобы не совершить ошибки, а теперь ухожу навсегда. Мир, в котором разум осознал свое назначение, священен. Прощай.

Обессиленный, он прислонился к стене; капли пота сбегали по его лицу. За мертвыми стенами из брони и камня он не мог видеть, как стремительно начало мелеть «озеро», сжимаясь и откатываясь назад, как медленно оторвался от планеты невидимый извне черный рукав, соединявший ее с коллапсирующей звездой, и, неуклонно сокращаясь, стал уходить в сторону Эпсилона, словно огромный осьминог втягивал в себя свое гигантское щупальце.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

ПОВЕСТЬ

1

На экране проплывали серые, припорошенные тусклой пылью холмы. Слишком много здесь пыли. Ни одного росточка, ни одного зеленого пятнышка. Не за что зацепиться взглядом. Да и камни какие-то странные, рыхлые, словно изъеденные старостью и пропитанные все той же, вездесущей здесь пылью. Вторую неделю звездолет неподвижно стоял среди этих мертвых холмов. Дежурный навигатор, Глеб Танаев, тяжело вздохнул и мельком глянул на часы: до конца вахты оставалось пятнадцать минут. Сколько таких безжизненных миров уже повстречалось на его пути за долгие годы, проведенные в службе дальней разведки? Десять? Пятнадцать? Точной цифры вот так сразу и не вспомнить, да разве в ней дело? Во всем доступном земным кораблям пространстве не было обнаружено ни одной живой планеты. Камень, отсутствие воды, отсутствие жизни — вот привычные записи в бортовых журналах, словно кто-то специально решил разрушить красивую сказку о братьях по разуму. Конечно, люди боролись с мертвым камнем. Создавали из него атмосферу, превращали безжизненные планеты в цветущие сады.

Но все это было слишком далеко от тех, кто прилетал первым. И, наверное, поэтому их работа теряла ощутимый, видимый смысл. Подсчет запасов минерального сырья, пригодного для создания будущей атмосферы, пробы, образцы, колонки бесконечных цифр, проверка и наладка бесчисленных механизмов за долгие годы полета от звезды к звезде — вот и все, что оставалось на их долю.

Эта планета называлась Эланой. Третья группа, отсутствие биосферы, сорок парсек от базы, для человека безопасна. Глеб захлопнул лоцию и включил обзорный локатор. Он не понимал,

для чего нужны здесь дежурства у главного пульта корабля. Очередной параграф какой-то инструкции предусматривал дежурства на любой чужой планете, и никому не было дела до того, что дежурный должен томиться от безделья и скуки целых четыре часа. Координатор был большим поклонником инструкций. Глеб не удивился бы, узнав, что Рент знает наизусть все три тома космических уставов.

Почувствовав, как поднимается глухое раздражение, Танаев вспомнил о принятом решении и немного успокоился. Это его последняя экспедиция, давно пора подыскать более достойное занятие. Чего он, собственно, ждал? Чего все они искали за миллионы километров от родной планеты? Новых жизненных пространств? Запасов сырья? Все это космос уже предоставил земным колониям с лихвой. Понадобятся столетия, чтобы освоить открытые богатства. Кому теперь нужна служба дальней разведки? Что они, в сущности, находят? Немного другие камни, немного другой воздух. Иная гравитация, иные циклы времени. И все это уже не удивляло, не будоражило воображение. Чего-то они так и не нашли среди звезд. Чего-то важного, такого, без чего терялся смысл во всем этом гигантском космическом предприятии, затеянном человечеством. Во всяком случае, для себя лично он больше не находил ничего привлекательного в однообразных исследовательских полетах. Годы жизни, унесенные анабиозом, щемящее чувство волнения перед очередной посадкой и разочарование, словно его обманули... А потом долгие недели и месяцы, заполненные однообразной, надоевшей работой. Значит, все. Пора домой. Там найдется дело по вкусу.

Щелкнул аппарат связи, и сухой желчный голос координатора попросил доложить обстановку.

«Слово-то какое замшелое — «доложить», — все еще не в силах справиться с раздражением, подумал Глеб. Однако привычка к дисциплине не позволила ему выдать своего недовольства даже в тоне ответа. Он перечислил номера групп и количество людей, покинувших корабль два часа назад, и монотонно, чтобы хоть чем-то досадить координатору, стал перечислять квадраты работ, отдельно для каждой группы.

— Послушайте, Танаев, эти цифры вы сообщите мне как-нибудь на досуге, а сейчас вызовите на корабль всех руководителей групп.

Координатор отключился.

— Это еще что за новости? — спросил Глеб у мигающего зрачка автомата связи.

Автомат, как и следовало ожидать, не ответил. Вызов руководителей групп в разгар работ не такое уж простое и заурядное дело. Вряд ли они согласятся без дополнительных объяснений покинуть участки работ. Глеб потянулся к интеркому, чтобы вызвать координатора. Но в это время где-то в глубинных недрах корабля возник басовитый, уплывающий за пределы слуха звук, от которого мелко задрожали переборки. В машинном началась продувка главного реактора. После этого у Глеба пропало всякое желание медлить и задавать координатору дополнительные вопросы. Произошло нечто чрезвычайное, потому что запуск главного реактора на планетах вообще не был предусмотрен. Танаев набрал на шифроплате коды сигналов всех задействованных на планете групп. Лучше, если вызов пошлет автомат на аварийной волне — с ним не поспоришь.

В рубку, как всегда за несколько минут до конца смены, вошел второй пилот Леров. Не было еще случая, чтобы он опоздал хотя бы на минуту. Значит, можно успеть к началу совета. При виде добродушного, улыбающегося лица Лерова Глеб испытал знакомое теплое чувство. Не зря пилоты дальней разведки тщательно проверялись на психологическую совместимость.

— Что там у нас стряслось, Вадим, ты в курсе?

— Что-то случилось у Кленова с бурильными автоматами.

— И только? Из-за этого объявили общий сбор и запустили главный реактор?

— Говорят, там не обычная поломка. Похоже, у них сбита настройка центральных блоков.

— Ты хочешь сказать «сбилась»?

— В том-то и дело, что сама она не могла сбиться. Кибернетики носятся как угорелые, кажется, собираются проверять все автоматические устройства на автономных программах.

— Великий космос! Этого нам только недоставало. Все остальное уже было. Им же целого года не хватит, чтобы... Подожди, а реактор? Для чего понадобился главный реактор?

— Так полагается по инструкции: «В случае обнаружения внешнего воздействия на любой планете — немедленная эвакуация, выход в открытый космос, консервация всех работ до прибытия специальных научных групп. И нулевая готовность к защите».

Выслушав эту цитату из устава, Глеб отрицательно покачал головой.

— Я слишком хорошо знаю Рента. Он, конечно, педант, но в разумных пределах. Свернуть экспедицию из-за пары забарах-

ливших автоматов? Тут что-то не так... И потом, какое воздействие? Мы сорок лет осваиваем этот участок Галактики и ничего не видели, кроме мертвого камня. Время от времени что-то барахлит, что-то выходит из строя. Иногда встречается нечто не совсем понятное. В конце концов наши ученые всему находят объяснение, и никто из-за подобной чепухи не сворачивает работ. Придется посетить совет. Принимай смену.

Вадим кивнул.

— Только держи меня в курсе. Из наших мудрецов после совета лишнего слова не выжмешь.

Все же он немного опоздал. Совет уже начался. Видимо, Кирилину только что предоставили слово, и он, как обычно, мялся, не зная, с чего начинать. Всегда с ним так, если приходилось выступать перед многочисленной аудиторией, все знали эту его слабость и терпеливо ждали. Длинные руки Кирилина беспокойно бегали по столу, словно искали что-то, а большие добрые глаза, искаженные толстыми стеклами очков, казались печальными и чуть удивленными.

— Здесь много неспециалистов, и я, видимо, должен объяснить подробно...

Кирилин закашлялся, вытер блестящую, как шар, голову. Казалось, он чувствует какую-то свою личную вину за происшедшее.

— Все дело в кристаллокондах. Ими задается программа любому автомату. Вам не раз приходилось иметь с ними дело, когда во время работ вы сменяли один кристаллоконд на другой, чтобы дать кибу новое задание. Кристаллоконды, как вы знаете, представляют собой чрезвычайно сложную и твердую кристаллическую структуру. Ее нельзя изменить. Ее можно сломать, заменить новой, но ее нельзя частично изменить. В этом суть всей проблемы. Кристаллическая структура кондов раз и навсегда задается во время отливки на земных заводах в специальных матрицах...

Наконец кто-то не выдержал:

— Может, вы объясните, что, собственно, произошло?!

— Вот я и говорю, что кристаллоконды представляют собой сложную структуру, раз и навсегда заданную при изготовлении. Тем не менее кристаллоконды двух автоматов в группе Кленова оказались измененными, в их структуре произошли некоторые сдвиги, и вместо стандартного отбора образцов кибы покинули квадрат работ, самостоятельно переместились в группу энергетического резерва и там...

Послышался смех, кто-то спрашивал у Кленова, чем он насолил своим кибам, кто-то интересовался у энергетиков, зачем они сманивают чужих роботов. Координатор постучал по столу и поднялся:

— Очевидно, не все понимают серьезность происшедшего. Эти два кристаллоконда кем-то были специально изменены таким образом, что кибы получили новое, неизвестное нам задание, которое они и выполняли в течение нескольких часов. Мы не знаем характер этих изменений, мы не знаем кем, а самое главное — для чего это было сделано.

Несколько секунд в кают-компании было тихо.

— Может быть, перепутали конды? Кто-нибудь из команды...

— Исключено. На них остались те же самые заводские номера. Кроме того, конды непонятным образом разрушились, как только мы начали исследования.

— Разрушились? От чего?

— Мы хотели рассмотреть их структуру под нейтронным микроскопом, чтобы определить характер изменений, но сразу же, как только включился нейтронный поток, конды распались, превратились в пыль. Я прошу экипаж со всей серьезностью отнестись к сложившейся ситуации. Создать такую сложную структуру, как конд, непростая задача. Частично изменить ее еще труднее. И цель, ради которой это было сделано, может оказаться весьма серьезной. Прошу самым тщательным образом проверить всю автоматическую аппаратуру корабля. Представьте себе несколько неуправляемых автоматов в машинном отделении или пару таких блоков в центральном навигаторском...

«Да, это серьезно... — подумал Глеб. — Тут действительно не до шуток. Но к чему клонит Рент? Неужели он предполагает, что кто-то на Земле заранее изготовил эти блоки, а кто-то из членов команды умышленно их подменил?..»

— Лонга и Танаева прошу остаться. Остальные свободны.

Лонг возглавлял научный отдел корабля, вместе с координатором и Глебом они составляли руководящую тройку всей экспедиции. Едва все вышли, координатор приступил к делу.

— Надо решать, как действовать дальше. Выбор у нас небольшой. Мы можем игнорировать случившееся и продолжать работы либо, учитывая обстановку, вернуться домой. Более того, если скрупулезно соблюдать инструкцию, мы просто обязаны вернуться. Однако в данном конкретном случае я не настаиваю на соблюдении инструкции и оставляю за нами право на решение. Мы дол-

жны учесть все особенности обстановки, а также и то, сколько стоит наша экспедиция на таком расстоянии от базы.

— Да, вернуться, не выполнив задание... Такое нечасто бывает. — Лонг озабоченно потер подбородок.

— Есть еще один выход. Подождать, — заметил Глеб.

— Подождать чего? — резко спросил координатор.

Глеб, сделав вид, что не заметил его резкости, спокойно пояснил:

— Подождать, пока этот таинственный фактор, изменяющий настройку наших автоматов, вновь себя проявит. Вряд ли он ограничится только двумя автоматами. Следующий случай даст нам в руки гораздо больше материала. Мы сможем составить более полное представление о том, что происходит, и, может быть, выясним, кто этим занимается. Мы можем какое-то время вести работы очень локально, маленькими группками, с малым числом автоматов и с большим числом специально проинструктированных наблюдателей. Рано или поздно этот таинственный фактор раскроет себя.

— Или не раскроет, что более вероятно, но сроки, отпущенные нам на разведку планеты, будут сорваны. Тут нужно кардинальное решение.

— Насколько я понимаю, вы за то, чтобы продолжать работы с нормальным графиком? — уточнил Лонг.

Координатор поморщился.

— Сначала я хотел бы услышать ваше мнение или хотя бы предположение, гипотезу о характере происшествия, о том, кто это мог сделать.

— А почему вы убеждены, что это чья-то злая воля? Наверное, автоматы попали под неизвестное нам излучение природного происхождения. Например, мощный гамма-поток мог сместить внутренние структуры кондов и ослабить молекулярные связи. Достаточно было небольшого толчка в виде нейтронного излучения нашего микроскопа, чтобы они разрушились.

Это, пожалуй, кое-что объясняет.

Координатор удовлетворенно качнул головой, а Глеб иронически усмехнулся. «Ну конечно! Конечно, это опять все объясняет простым и естественным образом! Им это и нужно. Сделать вид, что ничего особенного не произошло, — подумал он. — Они займутся повседневными делами, планами, отчетами и графиками... Задавят едва мелькнувший кусочек неведомого под грудой повседневных дел. Сделают порученную работу и вернутся домой... А по-своему они правы. Их послали сюда с определенным

конкретным делом. И они его сделают... Вот только не потому ли мы не находим на десятках вновь открытых планет ничего интересного? Ничего, кроме мертвых камней? Может быть, мы еще не научились смотреть или смотрим сквозь привычные, низко опущенные шоры?»

— Скажите, — спросил он Лонга как мог спокойнее, — сколько именно энергии нужно для такого изменения кристаллокондов, иными словами, какова была мощность этого «природного» потока?

Он сразу же увидел, что попал в точку, в самое слабое место лонговской гипотезы.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Нужны специальные исследования.

— Однако горячие зоны наших реакторов, в которых работает не один десяток автоматов, дают что-нибудь порядка двух тысяч рентген на квадратный миллиметр. И я не слышал, чтобы хоть один конд вышел из строя. Вы знаете природное излучение, которое может дать большую мощность?

— Такие изменения могут накапливаться постепенно. В течение нескольких лет. И потом резко, скачком проявить себя.

Казалось, координатор не слушает объяснений Лонга. Нахмурившись, он что-то чертил кончиком визофона на столе.

— Ты пойми меня правильно, Глеб. Нам надо дело делать. Я не могу позволить увлечь себя в дебри научных дискуссий. Планета отнесена к третьему классу. У тебя есть объективные данные, чтобы эту оценку изменить?

У него не было таких данных. У него не было ничего, кроме зловещего предчувствия, что на этот раз они поплатятся за свою беспечность, за свою древнюю привычку все делать по заранее расписанным листочкам бумаги даже в тех случаях, когда обстоятельства не укладываются в рамки предписаний.

— Я потребую вынести этот вопрос на совет команды, — устало произнес Глеб, понимая уже, что проиграл спор.

— Твое право. Но совет тебя не поддержит. Как только закончим проверку всех автоматов, работы будут возобновлены.

Координатор поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Каждое новое утро на Элане похоже на предыдущее. Отсутствие атмосферы лишает их разнообразия. В шесть часов раскаленный гладкий шар солнца появляется на безликом от черноты небосклоне. Мириады звезд, не притушенные атмосферой, тор-

чат на небе весь день, и, наверное, от этого планета кажется гигантской рубкой космического корабля.

Запакованный в герметические скафандры отряд геологов из двенадцати человек едва разместился в трех карах. Кары бесшумно плыли над поверхностью планеты. Странное чувство, словно он исполняет чужую надоевшую роль, не покидало Глеба с того самого момента, когда совет поддержал решение координатора. Пятый день работы шли по нормальному графику, и до сих пор все как будто говорило о том, что его опасения безосновательны, а происшествие с киберами всего лишь нелепая случайность.

В первый день он дважды осмотрел карьер, в котором последний раз велись работы. Никто не мог точно сказать, где именно кибы перестали выполнять свою основную программу. Ничего удивительного. Автоматы работали на приличном расстоянии друг от друга, и людям трудно было контролировать весь участок. Осмотр ничего не дал. Базальт. Редкие выходы пегматитовых жил с крупными кристаллами слюды и золотистых пиритов. Отсутствие ветра и водной эрозии делало изломы скал неестественно свежими, сверкающими всеми гранями, как образцы в геологическом музее.

Еще двадцать дней. Потом работы будут закончены, и, если ничего не случится, они улетят домой. На базе никто не вспомнит об этом незначительном происшествии. Их отчет, сданный в центральный информаторий, осядет там дополнительным грузом сведений. Сколько в нем уже хранится таких отчетов? Сколько в них мелькнуло беглых и невнятных описаний бездоказательных, порой странных случаев? Что, если составить специальную подборку всех загадочных историй космоса? Может быть, собранные вместе, они наконец привлекут к себе внимание людей?

«Что, если в космосе существуют силы, неподвластные нам да к тому же стремящиеся остаться незамеченными? Скорее всего я просто не могу смириться с поражением в этом споре с Лонгом. По возвращении домой мне совсем не захочется лезть в информаторий с подобными вопросами. Никому не хочется, в том-то и дело. На Земле у нас появляются куда более интересные дела. Никто не хочет вспоминать о мрачных, порой нелепых, а то и попросту необъяснимых историях дальнего космоса. Что-то сбивает с курса корабли, искажает данные навигационных приборов, выводит из строя двигатели, гасит радиомаяки, теперь вот роботы... И на все находится приемлемое объяснение. Накопление энтропии, естественные поломки... Стоит ли в этом копаться, раз трудная дорога позади? Все вернулись домой, целы и невре-

димы... А если это только разведка? Проба сил? Что, если нам придется с этим столкнуться вплотную?.. С чем — с этим? — спросил он себя. — Нервы у вас расшатались, пилот Танаев».

Кары остановились у черного разлома скал. Обычный рабочий день вступил в свои права и часа на полтора занял все внимание Глеба. Он плохо разбирался в геологии и попросился в группу Кленова только из-за этого проклятого разлома, от которого сбежали роботы. Вот он перед ним. Всегда одинаковый, с черными оспинами обсидиана, с шероховатыми плоскостями гранита. От резких теней все здесь казалось чуть мрачноватым. Много тысячелетий назад подземный толчок выдавил на поверхность эти скалы, раздробил камень причудливыми сколами, обломками завалил глубокие трещины. Все так и осталось нетронутым за тысячи лет. «Лежало, пока мы не пришли, не наполнили все вокруг скрежетом земных механизмов, воем электромоторов».

Воздух в респираторе скафандра пах сыростью и резиной. Как пахнет эта планета, он никогда не узнает, потому что камень, не омываемый воздухом, не имеет запаха. Он чувствовал усталость и досаду на самого себя за то, что не мог справиться с непонятной тревогой, которая нарастала в этом месте, словно он чувствовал притаившуюся в обнаженных, открытых, как на ладони, скалах неведомую опасность. Некое застывшее в гранитных изломах напряжение. Словно лавина остановилась на полпути, тронь — посыплется...

Сверху сорвался небольшой камень. Глеб вздрогнул и резко обернулся. Над ним, в просвете между каменными обломками, появилась башенка охранного кибера. Координатор расщедрился и выделил на каждую рабочую группу по два киба. Это была еще одна причина, почему Танаев оказался в группе Кленова. Слишком хорошо он знал потенциальные возможности этих боевых машин. Ему не давала покоя одна простенькая мыслишка: «Что будет, если вдруг у них тоже самопроизвольно изменится основная программа?.. Почему не может повториться то, что уже случилось здесь однажды?» Но Рент в ответ на его опасения лишь пожал плечами:

— Тогда нам вообще нечего делать в космосе. Без автоматов мы здесь шагу не ступим.

Глеб поднялся наверх и стал рядом с трехметровым стальным гигантом. Решетчатая башенка локатора на его макушке непрерывно вращалась. Глеб попросил вызвать центральный автомат корабля.

Но еще до того, как пришел ответ, в шлемофоне раздался голос Кленова:

— Глеб, ты не мог бы спуститься в третий сектор?

— А что случилось?

— Отказал нитридный взрыватель. Нам нужно было убрать небольшую стенку, взрыватель отказал, и я не могу понять причины. Спустись посмотри.

— Хорошо. Я сейчас.

— Вызов центрального автомата отменить? — спросил робот.

— Нет. Наоборот, соедини меня с ним.

Через секунду знакомый хрипловатый голос сообщил о том, что один из каналов центрального автомата переключен на его рацию. Глеб запросил информаторий и через несколько секунд уже знал ответ, который предвидел с самого начала.

Подъем требовал внимания. Широкие подошвы скафандра, упруго пружиня под ногой, вдавливали свои многочисленные шипы в неровности скал. Один неверный шаг на такой крутизне мог ему дорого обойтись. Зачем, собственно, понадобилось ему лезть наверх, к кибу? Ведь он мог вызвать его снизу, со дна разлома. Нелепость? Ну да, всего лишь нелепость... Некие незапрограммированные действия, как у тех автоматов... Он почувствовал легкое головокружение, незнакомую раньше боль... Если его догадка верна, то все так и должно быть, теперь очередь за людьми.

Внизу двое наладчиков уже разбирали нейтринную горную мину. Механизм выглядел безупречно. А боек почему-то не доходил до капсулы, словно что-то в системе спускового механизма изменилось, исчезла какая-то важная деталь, нарушился заданный людьми порядок, и вот механизм не сработал...

Глеб долго вертел в руках металлическую коробку. Боль ушла и больше не возвращалась. Но он был уверен, что это не единственный случай такого вот необъяснимого кратковременного недомогания, что не он первый и этими мелочами дело не кончится...

Ему понадобятся самые подробные данные обо всех незначительных поломках, разладках и мелких неисправностях механизмов во всех квадратах, где велись работы. Он знал, что поломки, которые не выбивают из графика основные работы, не заносят в журналы и нигде не фиксируют. Значит, придется поговорить со всеми кибернетиками и наладчиками. Потом ему предстоит обработать эти данные на машине. Он не сомневался в результате,

но для предстоящего разговора с координатором нужна была серьезная подготовка. Этот человек верил только фактам. Ну что же, за фактами дело не станет...

Пульт малого расчетчика показался Глебу чрезмерно сложным. Ему не приходилось еще иметь дело с аппаратами такого низкого класса. Чем проще машина — тем сложнее управление, тем более подробные команды и программы приходилось в нее вводить. Зато малый расчетчик не фиксирует работ, которые на нем проводятся, — именно это Глебу и требовалось. До получения окончательных результатов никто не должен знать о его догадке. Прежде всего об этом узнает Рент, и пусть координатор сам решит, что с этим делать дальше...

Аппарат тихонько урчал, сетка огней на его пульте то почти пропадала, то вспыхивала с новой силой, когда расчетчику не хватало собственных данных и он подключался к центральному информаторию.

Автоматическое печатное устройство время от времени выстукивало на ленте колонку цифр и вновь умолкало. Наконец раздался резкий звонок, означавший окончание работы. Вспыхнул экран графического анализа. На топографической схеме местности, расчерченной на квадраты координатной сеткой, змеились голубые смыкающиеся линии, словно там был центр циклона. Это и был результат. Глеб нажал большую зеленую кнопку под экраном и получил из щели хрустящий лист лавсановой пленки, на которой в точности повторялся чертеж графического анализа, обозначившийся на экране. Затем он тщательно уничтожил в аппарате все следы только что проделанной работы и лишь после этого, развернув чертеж, еще раз внимательно всмотрелся в разбегавшиеся по нему голубые линии. Они обозначали одинаковое количество отказов, взятых в определенном временном масштабе. Абсциссы не везде смыкались. Участки работ неравномерно распределялись по поверхности планеты, и ему не хватало данных, но общая картина все равно вырисовывалась вполне отчетливо.

Значки поломок, отказов механизмов, легких недомоганий людей, ведущих работу снаружи, не были как попало разбросаны по схеме. Вместо хаоса случайностей совершенно четко обозначился некий центр. Пятно на карте планеты площадью примерно двести квадратных километров. Вокруг него неприятности, обрушившиеся на исследовательские группы, как бы сгущались, становились чаще и интенсивней...

2

Закрыв за собой дверь личной каюты, координатор Рент почувствовал, как он устал. Почему-то в своей каюте он особенно остро ощущал одиночество, которым вынуждены расплачиваться те, кто в интересах дисциплины соблюдает между собой и остальным экипажем известную дистанцию.

Даже сейчас, вытянувшись на диване, позволив себе расслабиться и дать отдохнуть натруженным за день мышцам, он ни на секунду не прервал незримую и незаметную для окружающих связь с кораблем. Словно пучки невидимых нервов сделали его самого лишь частью этого огромного сложного механизма. Щели климатизаторов несли теплую волну ароматного воздуха, успокоительно тлел над столом зеленый светлячок инфора, едва ощутимая вибрация проходила порой от стрингера машинного отсека по левой переборке, вибрация, которую мог обнаружить лишь его натренированный слух: главный реактор второй день продолжал работать на холостом ходу. Координатор тяжело вздохнул.

Бывают планеты, на которых неприятные случайности собираются словно в фокусе, но Элана побила все рекорды. Хуже всего с энергией. Без конца обнаруживались непредвиденные утечки, и повышенный расход сопутствовал каждому выходу наружу. Словно у него на складе неограниченные запасы актана! Все аккумуляторы вдвое увеличили саморазряд даже на холостом ходу. Научная группа объясняет это повышенным фоном гамма-излучения, хотя, похоже, Лонг в это не очень верит. С чего бы вдруг все внутренние аккумуляторы и накопители отреагировали на этот фон! Им не раз приходилось сталкиваться с гораздо более сильными излучениями, и ничего подобного не было! Придется сокращать и так уже урезанный график работ. Слишком дорого обходятся исследования на этой планете. Ему нелегко будет отчитаться перед базой. Еще одна авария с генератором, как та, что случилась при подходе к Элане, — и они не дотянут до Земли... Израсходовано шестьдесят процентов резервного топлива. Генераторы корабля работали на любой материи, и запасы инертных материалов, использовавшихся в качестве горючего, они уже полностью возобновили на Элане, но это топливо годилось только для ходовых генераторов. Все планетные работы, посадки и взлеты на малой тяге производились на актане. Только он годился для мощных автономных аккумуляторов, приводивших в действие основные системы корабля и всех кибов. Без актана они станут совершенно беспомощны. Взлет придется делать на главных дви-

гателях, заразив радиацией немалую площадь планеты, несмотря на строжайший запрет...

Если бы только это! Участились болезни среди членов экипажа. Это было бы понятно на планете с биосферой, но как объяснить вспышки гриппа и различных инфекционных недомоганий, когда каждый выход наружу сопровождается полным комплексом дезинфекционных облучений, а в защитных скафандрах люди вообще не контактируют с планетой?! А эта история с роботами?

Танаев наверняка по возвращении напишет рапорт в комиссию и будет по-своему прав. Получится, что Рент не уделил должного внимания такому невероятному событию, как выход из строя пары роботов. Черт бы их побрал вместе с Танаевым! Уж он-то должен знать, как важно им закончить разведку, выполнить задание базы. А при сложившейся ситуации с горючим, когда приходится экономить каждый выход наружу, он просто не может позволить внеплановые дополнительные исследования! И все же Рент не хотел бы себе другого заместителя. По крайней мере он может поручить этому человеку любое дело и быть уверенным, что Танаев, со своей въедливостью и скрупулезностью, все доведет до конца. Тревожные мысли наплывали одна на другую, мешали расслабиться, не давали отдохнуть. Рент потянулся к изголовью и включил мент. Первые раскаты похожей на морской прибой мелодии затопили сознание, перед глазами встали рыжие скалы, и песчаные дюны легли вокруг, словно застывшие волны океана. Но видение тут же исчезло.

Глеб не любил встречаться с Рентом в «предбаннике», как окрестили маленькую комнатку для приемов, заменявшую прихожую в каюте Рента. В самой каюте еще никому не удалось побывать. Рент тщательно запирал ее за собой на ключ, словно хранил там редкостное сокровище. Этот анахронизм еще можно было стерпеть, хотя на корабле не запиралась ни одна каюта, кроме этой. Но «предбанник» — это уж слишком! Другого выхода у него просто не было в этот поздний час. Рент тоже имел право на отдых. И все же, стоя перед дверью его каюты, Глеб с раздражением думал о том, что за странная манера разговаривать с людьми в специальной комнате, да еще при этом заставлять их несколько минут ждать у входа.

Наконец дверь распахнулась, и порядком накалившийся Танаев вошел в «предбанник».

Рент сидел за столом подтянутый, в застегнутой до самого горла куртке, с прямой, как палка, спиной. Ничто в его облике

не выдавало недавней усталости. Глеб молча развернул на столе лист лавсана. И только когда координатор вопросительно уставился на него, сделал самые необходимые пояснения и снова надолго замолчал, ожидая, пока Рент усвоит новую информацию и примет решение. А Рент не спешил, и где-то в уголках его глаз чуть заметно дрожал огонек обиды.

Ну почему, почему они приходят к нему, словно он часть центрального автомата корабля? Почему в трудных ситуациях от него ждут однозначного безапелляционного решения, в принятии которого никто не хочет помочь ему, словно они не знают, что никогда не бывает однозначных безапелляционных решений, не несущих в себе зародыша будущих неприятностей...

Вдруг Рент внутренне содрогнулся. До него только теперь дошел весь грозный смысл открытия, сделанного Танаевым. На планете существовала некая зона, площадью примерно двести квадратных километров, в которой все неприятности, преследовавшие их с момента посадки, словно бы сгущались. В это было трудно поверить, но цифры, подсчитанные вычислителем, казались безупречными. Случайное совпадение почти исключалось. Слишком обширный материал собрал и обработал Глеб. Что же там такое? Неизвестные излучения? Нет таких излучений, которые оставили бы без внимания корабельные индикаторы. В конце концов, возят же они с собой пятнадцать человек не самых худших ученых? Один Лонг стоит десятерых. Пусть думает тоже. Рент набрал на селекторе код вызова.

Лонг поднес график к самому лицу, ощупал его и даже посмотрел на просвет.

— Это слишком невероятно для случайного совпадения. Придется проверить.

Координатор резким жестом остановил его.

— Интересно, каким образом вы собираетесь проверять? Вам знаком дефицит с актаном?

— Да. Но робота в центр этой зоны придется посылать.

— Одного робота?

— Не торгуйтесь, Рент. Вам все равно этого так не оставить. Пошлете сколько понадобится, а пока одного. И желательно не «А» класса.

— Почему?

— У меня такое впечатление, что чем проще будет механизм, тем дольше он там продержится.

— Ну хорошо. Жук вас устроит?

— Да... Пожалуй. Только пусть с него снимут блоки автономного управления, а двигатели переключат на релейные радиокоманды.

— Я сам все проверю. — Глеб поднялся. — Через пару часов можно будет выпускать.

— Не забудьте добавить резервные блоки анализаторов и по четыре передатчика в инокамерах с каждой стороны. Так, чтобы в случае гибели автомата мы могли получить информацию.

— Значит, обратно мне его не ждать? — Рент вопросительно поднял брови, разглядывая хмурое лицо руководителя научной группы.

— Не знаю, Рент. Мы столкнулись здесь с чем-то таким... — Лонг пощелкал в воздухе пальцами. — Ну, в общем, по сравнению с этим цена одного автомата может оказаться ничтожной.

Внешне Жук напоминал подсолнечное семечко, увеличенное до размеров моторной лодки. Матовые металлические грани, сходящиеся к носу, создавали впечатление надежности. Лобовая броня Жука способна была отразить прямой удар лазерного луча. Наружу не выступало ни единого механизма. Не было видно даже швов. Жук представлял собой транспортное устройство, использовавшееся в особо сложных условиях.

На экране рубки управления виден был почти весь ангар, в котором располагался Жук. Все было готово к пуску. В рубке вместе с Глебом сидели только Лонг и координатор. Словно не ожидая от эксперимента, затеянного Лонгом, ничего хорошего, Рент удалил даже дежурного и сам сел за пульт управления наружными автоматами.

Жук тяжело качнулся и медленно поплыл к эстакаде. Между ним и полом обозначилась узкая щель. Она постепенно расширялась и вскоре достигла полуметра. В этом пространстве не было ничего, кроме сжатого антигравитационного поля, нейтрализовавшего притяжение планеты. Автоматы на антигравитационной подушке были очень удобны. Их проходимость практически не имела ограничений, но из-за большого расхода энергии использовались они редко.

Медленно, словно нехотя, дверь шлюза отошла в сторону, пропуская Жука под мощные потоки облучений дезинфикаторов.

На экране замигал зеленый огонек, означавший, что стандартная процедура подготовки автомата к выходу закончена.

«Мы можем дорого заплатить за свое чрезмерное любопытство, — неожиданно подумал Глеб, впервые почувствовав, что опа-

сения координатора не так уж беспочвенны. — Насколько проще и спокойней было бы закончить стандартные исследования и убраться с этой планеты восвояси, предоставив разбираться во всем специальной научной экспедиции, которую, впрочем, могут и не послать: слишком дорогое удовольствие — специальная экспедиция. Да и не сможем мы теперь просто так уйти отсюда, никогда себе этого не простим». Менять что-нибудь было уже поздно. Наружная дверь шлюза, медленно повернувшись, стала выдвигаться в сторону от корабля, образуя пандус. По нему тяжелая машина могла плавно опуститься на поверхность планеты.

Каждый раз, когда открывался центральный транспортный люк, Глеба поражала толщина основной корабельной брони. Слой металла, слагавший пандус, был значительно больше его ширины, и вся конструкция от этого выглядела неоправданно громоздкой.

Как только Жук съехал с пандуса, Рент увеличил мощность двигателя, и сразу же изображение на экране смазалось от волны раскаленных газов. Следящий автомат тут же переключился на более высокий ярус, и теперь на экране стала видна значительная часть заваленной скальными обломками поверхности планеты. Над всем этим первозданным хаосом, почти сливаясь с ним по цвету, медленно ползло металлическое семечко.

— Ты не хочешь вернуть людей на корабль? — спросил Лонг, словно ему передалась тревога, которую испытывал Глеб с того самого момента, как вернулся из карьера и начал собирать первые данные для вычислителя.

— Зачем? Мы всего лишь послали транспортный автомат в один из секторов планеты. Ты хочешь, чтобы я каждый раз из-за такого пустяка останавливал работы? Или у тебя есть более определенные соображения?

— Нет... — Лонг сморщил свое и без того изъеденное морщинами лицо. — Я не думаю, что это опасно. Но это достаточно необычно. Мы не знаем, как себя проявит то, что скрыто в этой зоне. Ведь что-то там есть?

— Вы даже в этом не уверены. И вообще позвольте мне самому решить, что здесь опасно, а что нет! — вдруг отрезал Рент.

Теперь они молча смотрели, как Жук неторопливо плыл над скалами, напоминающими ледяные торосы. Казалось, в этом месте по поверхности планеты с размаху бил огромный молот. Но скалы постепенно понижались. Все чаще между ними появлялись проходы, словно кто-то вылизывал среди камней огромным шершавым языком широкие прогалины. Рент увеличил скорость и

направил машину в одну из таких прогалин. Развернувшись на ровном месте, Жук вздрогнул и рванулся вперед.

Взглянув на показатель скорости, Глеб заметил, что стрелка далеко еще не доходит до средней отметки. Мало того, она медленно катилась назад. Видимо, координатор тоже заметил это, потому что резко, до отказа, передвинул тумблер, управляющий мощностью двигателя, и включил форсаж. Машина снова рванулась вперед. Стрелка прыгнула почти в самый конец шкалы. На экране, показывающем местность с бортовых передатчиков, мелькнула знакомая стена ущелья. Теперь Жук вошел в зону, в которой до сих пор еще не бывали ни люди, ни их машины. Всего двадцать километров отделяло его от центра таинственного пятна, вычерченного Глебом на карте планеты. Вдруг изображение, транслируемое бортовыми передатчиками Жука, потеряло четкость. Глеб крутанул настройку, но стало еще хуже.

— Что там такое?! — сразу же рассвирепел Рент. — Вы что, не можете держать настройку?

— Настройка здесь ни при чем!

— Тогда что же?

— Откуда я знаю! — огрызнулся Глеб. — Я не связист! Вы слишком засекретили наш эксперимент. Здесь могут понадобиться разные специалисты.

— Хорошо, — неожиданно согласился Рент. — Пригласите всех, кого считаете нужным. И увеличьте мощность управляющих передатчиков, машина нечетко выполняет команды. Если не хватит энергии, я запущу главный реактор, — сквозь зубы добавил координатор.

— Кажется, он начинает забывать про экономию, — пробормотал Лонг.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить вошедшим в рубку специалистам создавшуюся ситуацию. За это время Жук заметно потерял ход. Стрелка скорости, несмотря на полностью выжатый форсаж, болталась где-то посредине шкалы.

— Ну, так что там с передатчиками? — нетерпеливо спросил Рент. — Машина выходит из-под контроля. Что это, наводки? Экран?

— Нет. И то, и другое наши приборы сразу же определяют, — уверенно ответил главный инженер. — У меня такое впечатление, что дело в самой машине.

— Да, — подтвердил связист. — Похоже, начали разрушаться телеобъективы на Жуке. Смотрите: рябь на экране имеет характерную структуру.

— Почему же молчат бортовые анализаторы? Они должны реагировать на любое внешнее воздействие! Все поля в норме, даже радиоактивный фон не увеличился!

— Попробуйте взять левее, — вдруг вмешался молчавший до сих пор Лонг.

— Но там же скалы!

— Именно поэтому. Мне кажется, местность в остальных местах что-то уж слишком выровнялась.

Жук покатился в левый угол центрального экрана. На бортовых экранах замелькали нечеткие изломанные вершины. Временами изображение исчезало вовсе. Лонг согнулся над самым экраном, что-то стараясь там рассмотреть. Он то и дело включал увеличение и фиксаторы, словно забыл, что изображение автоматически записывается центральным автоматом. Глеб хотел сказать ему об этом, но не успел.

Скалы неожиданно кончились. На какое-то время изображение на экране стало почти резким. Впереди, насколько позволяли объективы, виднелась ровная песчаная плешь. Лонг стремительно нагнулся и включил максимальное увеличение. Песок приблизился, заполнил собой экран. Глеб не сразу понял, что его так поразило. И вдруг вспомнил, что на планете нет атмосферы и, значит, не может быть ни воздушной, ни водной эрозии. Какая же сила превратила здесь скалы в песок?

— Похоже на пыль, — пробормотал Лонг. — Нет определенной формы. Я не могу рассмотреть отдельных песчинок, не хватает резкости. Да сделайте же что-нибудь!

Глеб отстранил оператора и сам взялся за верньеры автоматического управления Жуком. На какое-то время ему удалось выровнять машину, стабилизировать ее положение, и объективы теперь держали изображение в центре экрана, но это мало помогало, предательское помутнение пятнами расходилось по всем экранам.

— Это все-таки объективы. Поверхность линз разрушается.

— Возьмите пробы этого песка! — приказал Рент.

Глеб отстучал шифр команды, и почти в ту же секунду из кормового отсека Жука вытянулась длинная когтистая лапа пробоотборника. Но не успела она коснуться почвы, как вся ее нижняя часть потеряла резкие очертания и стала расплываться, словно пробоотборник опустили в расплавленный металл.

— Какая температура за бортом аппарата?

— Минус сто восемьдесят по Цельсию.

— Верните его. Дальше продвигаться бессмысленно. По-моему, машина окончательно теряет управление, — сказал наконец Лонг.

Но было уже поздно. Верхние объективы наружного обзора давали еще сносное изображение, и они отчетливо видели, как в нижней части аппарата, в том месте, где из днища выходили широкие раструбы антигравитаторов, отваливались какие-то детали и сразу же бесследно тонули в этом странном песке, словно под днищем Жука была не твердая поверхность планеты, а некая неведомая жидкость.

— Определите коэффициент упругости почвы! И попробуйте прикрыть его внешней защитой.

— Слишком далеко, — ответил инженер.

— И слишком поздно... — тихо добавил Глеб.

— Все! — сказал инженер. — Аппарат неуправляем.

На обзорном экране было видно, как Жук, вздрогнув, остановился и вдруг стал медленно разваливаться на части. Потрясенный Глеб видел, как массивная обшивка из силиконовой брони треснула, словно яичная скорлупа, и стала разъезжаться по швам. Из нее вывалились какие-то детали, точно внутренности раненого животного. Жук в последний раз дернулся. Потом от него отделилась вся корма вместе с ходовой частью, и изображение на экранах исчезло. Они видели только общий план скал, среди которых совсем недавно скрылся Жук. Это работали автоматические трансляторы геологов, установленные на самом обрыве. Но оттуда было слишком далеко до места катастрофы.

Глеб почувствовал острую досаду на себя за то, что не догадался одновременно с Жуком перевести на нужную орбиту один из спутников наблюдения. Теперь, прежде чем они получат квадрат в секторе обзора, пройдет не меньше часа.

Увидев, что он начинает набирать на пульте Центавра код поправок, координатор остановил его:

— Спутник нам не поможет. С высоты все равно ничего не видно, а если опустить его ниже, с ним скорее всего случится то же, что с Жуком. Здесь нужны танки высшей защиты. Что вы об этом думаете?

Лонг пожал плечами:

— Я не факир и гадать не умею. Чтобы вам ответить, мне нужны обломки Жука и хорошо бы немного этого песка. Но с танками я не стал бы торопиться.

— Это еще почему?

— Потому что, если в однородной среде имеет место совершенно явная флюктуация, характер которой нам явно неизвес-

тен, лучше всего собрать дополнительные данные, прежде чем вторгаться в саму структуру.

— Иными словами, не стоит дразнить гусей, — подсказал главный инженер. — Что же, я, пожалуй, с вами согласен.

— А я нет! — решительно вмешался Глеб. — Теперь мы просто обязаны узнать, что там такое. Наблюдения со стороны ничего нового не дадут, а если последовать вашей рекомендации, мы попросту не успеем ничего выяснить. Вторую неделю только тем и занимаемся, что наблюдаем со стороны, выполняем график работ. Но иногда стоит вспомнить о том, что поисковая служба создавалась на Земле вовсе не для подсчета запасов полезных ископаемых на чужих планетах.

— Для чего же, Глеб? — спросил координатор, с интересом рассматривая своего заместителя, словно видел его впервые.

— Для того чтобы искать и хоть иногда находить что-то новое! Неизвестное человечеству! Вот такое, например! — Танаев зло постучал по погасшему экрану.

Несколько секунд все молчали.

— Готовьте танки, — приказал координатор. — Всех людей возвратить на корабль! Аврал по стартовому расписанию.

За бортом корабля шла срочная погрузка. Со всех сторон тянулись длинные цепочки транспортных автоматов. Их суставчатые лапы с присосками на концах легко преодолевали рытвины и неровности первозданной поверхности планеты, лицо которой еще не бороздили ленты дорог. Казалось, сотни термитов возвращаются домой с добычей. На спинах автоматов виднелись решетчатые детали не полностью размонтированных конструкций буровых установок. Хорошо отработанная программа авральной погрузки предусматривала проведение окончательного демонтажа уже внутри корабля, после старта.

В движениях кибов не видно было ни малейших перебоев, суеты или спешки. Строго соблюдалась очередность в погрузке наиболее важного оборудования.

Грузовые люки корабля один за другим глотали бесчисленные подъемники. И во всем этом механическом исходе почти не видно было людей.

Кары с работавшими на планете группами должны были показаться через несколько минут. Пришло наконец сообщение о том, что демонтаж закончен, к кораблю подтягивались со всех сторон последние грузовые автоматы. Все его чрево заполнили хорошо знакомые звуки предстартовой подготовки. То и дело

всхлипывали упрятанные в переборки электромоторы. Свистели продуваемые на холостой тяге дюзы вспомогательных реакторов, хрустели и лязгали сочленения бесчисленных механизмов. Казалось, корабль, проснувшись, разминал свои могучие механические лапы, как присевший на корточки зверь, готовый к прыжку.

Чтобы лучше видеть погрузку, Глеб подключил часть экранов к локаторам подходивших автоматов. Со стороны четырехгранная пирамида корабля, расширявшаяся книзу, производила впечатление колоссальной мощи. Так оно и было. Земля располагала всего тремя кораблями такого класса. Они использовались лишь для самых дальних разведок, в особо трудных условиях. Полная автономия, резервы топлива, достаточные для того, чтобы противостоять чудовищным гравитационным полям. Мощнейшая защита нейтринных полей, лазерные пушки, генераторы антиматерии. Казалось, ничто в космосе не могло противостоять этому стальному исполину. «Не слишком ли мы самоуверенны? — спросил себя Глеб. — Бывали случаи, когда на Землю не возвращались экспедиции, подготовленные не хуже нашей». После всего, что случилось с Жуком, он все никак не мог отделаться от чувства нарастающей тревоги, словно знал, что времени у них остается совсем немного. За долгие годы работы в дальней разведке он привык доверять своим предчувствиям. «Упреждающее чувство опасности — совершенно необходимое качество пилота звездных рейсов», — сказал как-то в школе четвертой ступени его любимый преподаватель Ромов. Тогда он не совсем понял, что тот имел в виду, сейчас он знал это слишком хорошо.

Рука словно бы сама собой тянулась к аварийному переключателю, ему хотелось сломать неторопливое, четко спланированное отступление механических насекомых, ускорить его авралом первой срочности... Ведь за бортом оставались люди... Но приказ есть приказ, он сдержал себя и лишь подключился к группе Кленова, ближе всех находившейся к опасной зоне, в которой так недавно и неожиданно окончил свое путешествие механический Жук.

На экране вновь мелькнул знакомый карьер. Автомат включил трансфокатор, и Глеб крупным планом увидел садящихся в кар людей. Площадка, где совсем недавно стояли многочисленные бурильные автоматы, уже опустела. Глеб не стал включать вызова, чтобы лишний раз не отвлекать Кленова от дела, он просто пересчитал людей. Все восемь человек были на месте. Кар тронулся и стал медленно выползать из карьера. Глеб потянулся к тумблеру, чтобы переключиться на группу Мстислава, и вдруг

замер с протянутой рукой. За противоположной стеной карьера, в той стороне, откуда не вернулся Жук, что-то происходило. Словно невидимый раскаленный ветер дунул на скалы, слагавшие северную стену карьера, и теперь они медленно и бесшумно оседали на глазах у Глеба. Пыль в безвоздушном пространстве планеты не могла подняться над поверхностью, и поэтому вся катастрофа выглядела нереально, как в дурном сне.

На экранах носовых локаторов, дававших обзор местности с верхней точки, это выглядело так, словно гигантское щупальце медленно и неуверенно тянулось сквозь скалы наперерез кару с людьми. Но никакого щупальца не было. Было что-то невидимое, нечто разрушавшее на своем пути скалы... Глеб нажал сигнал общей тревоги и сразу же вызвал Кленова:

— Максимально увеличьте скорость! Возьмите на двадцать градусов восточнее. Вам наперерез идет...

Он запнулся, потому что не мог подобрать нужного слова, его еще не было в лексиконе людей. Но слово не понадобилось. Кленов его понял:

— Мы видим, Глеб. Но скорость увеличить не можем. У нас садятся аккумуляторы.

— Включите дистанционные энергоприемники. Я постараюсь вам помочь.

— Слишком велико расстояние... — ответил Кленов, однако спорить не стал. Выбор у них был не слишком большой.

Над каром развернулся решетчатый зонтик антенны энергоприемника, и, не дожидаясь, пока автоматы наведения закончат расчеты, переключив энергопередатчик на ручное управление, Глеб толкнул педаль пуска. На экране хорошо был виден появившийся над каром луч сконцентрированной энергии. Он показался Глебу слишком тонким и, пожалуй, слишком бледным. Взглянув на энергометр, он убедился в своих худших опасениях. Энергии не хватало даже для того, чтобы подзарядить аккумуляторы кара. Вопреки всем запретам он мог бы попытаться подключить к энергопередатчикам главный реактор и раз в сорок увеличить мощность излучения. Но, во-первых, отключение контрольных блоков безопасности займет слишком много времени, во-вторых, малейшая ошибка в наведении луча такой мощности могла закончиться катастрофой для всей группы Кленова... Пока что он влил в антенну кара Кленова тот хилый желтенький лучик, которым располагал. Невелика помощь, но все же кар ощутимо увеличил скорость — увы, ненадолго... Луч слабел на глазах. Сужался, затухал, словно энергия бесследно растворялась в воздухе.

Кар на экране дернулся, резко изменил направление, пытаясь уйти в сторону. Теперь лавина, если можно было назвать лавиной неведомую силу, которая нагоняла кар, шла за его кормой. Они двигались примерно с одинаковой скоростью, и до кара оставалось еще метров сто. Четкой границы у этого разрушительного потока не было. Скалы начинали терять свою форму, садиться и словно бы оплывать от нестерпимого жара... Вот только дистанционные термы показывали минус двести по Цельсию — обычную температуру поверхности планеты. Кар тянул из последних сил, он дергался, то и дело теряя скорость, словно лишился всей своей мощности и не мог преодолеть пустякового подъема. Наконец, рванувшись в последний раз, машина встала. Глеб видел, как отодвинулся защитный колпак и тут же, отвалившись, покатился вниз. Из машины выскочили люди и побежали вверх по склону. Но они бежали медленно. Значительно медленнее неведомой силы, которая преследовала их по пятам. Нужно было что-то делать. Глеб почувствовал, как по лбу стекают крупные капли пота. Он попросту растерялся. Прошло не больше минуты с момента объявления общей тревоги, но ему казалось, что минула целая вечность, а он все еще был один в рубке и сам должен был принимать решение. Времени на раздумья не оставалось. Бежавший последним человек споткнулся и упал. Еще секунда, и будет поздно... Накрыть их защитным полем корабля с такого расстояния он не мог. Ни одна машина, посланная на помощь, не успеет... Что же делать? Что?! Мысли лихорадочно метались. Может быть, аналогия с извивавшимся щупальцем неведомого зверя помогла ему найти решение? Он не знал. Отрубить! Отсечь эту дрянь от людей! Еще один человек упал. Остальные уже не бежали. Они медленно, шатаясь, брели по склону. Кто-то остановился. Вот еще один и еще... Оборачивались, возвращались к упавшим товарищам...

Глеб схватился за рукоятки управления противометеорной пушки. Ближе всего к нему оказалось носовое орудие, оно допускало отключение автоматики. Это было то, что ему сейчас нужно. Орудие, рассчитанное на разрушение крупных материальных масс, оказавшихся на пути корабля, могло излучать и концентрировать в конце траектории мощные энергетические импульсы. У Глеба не было времени рассчитывать мощность. Он передвинул регулятор примерно на половину шкалы и сразу же поймал в перекрестие прицела середину потока. Чтобы не задеть людей аннигиляционной вспышкой, он вынужден был отвести прицел подальше, на самое дно ущелья. Какую-то долю секунды

нога, нащупавшая педаль спуска, еще медлила. То, что он собирался сделать, могло иметь самые неожиданные последствия. Но не было времени ни на раздумья, ни на детальный анализ ситуации. Одно он понимал совершенно четко: на глазах гибли его товарищи... Он нажал спуск. На экране полыхнул голубой сгусток взрыва. Однако он оказался намного меньше того, что Глеб ожидал увидеть, и самое поразительное — это последствия выстрела. Ничего не горело, не плавились окружающие скалы. Не расползалось во все стороны облако превращенной в пар и газы материи. Взрыв прошел тихо, по-домашнему, словно неведомая сила жадно впитала в себя почти всю его энергию.

— Отойди от пульта! — вдруг услышал он за своей спиной дрожащий от ярости голос координатора.

— Но ведь они... Они там...

И сразу же, как бы пресекая все его возражения, хлестнула в лицо уставная фраза:

— Космопилот Танаев, я отстраняю вас от должности!

Пошатнувшись, он встал, сделал шаг в сторону. Ни одной мысли не осталось в голове, ни обиды, ни горечи. Только боль за скорченные, беспомощные фигурки людей.

Секунду координатор сидел на его месте, обхватив голову руками, и ничего не предпринимал. Потом выслал отряд медиков на танках высшей защиты.

Глеб видел, как неуклюжие серые громады танков медленно, точно насекомые, ползут, перемалывая камни. Казалось, прошла целая вечность, пока они подошли к неподвижно лежащим людям и накрыли их своими защитными полями.

И все же надежда была. Сразу после выстрела Глеба разрушительная лавина прекратила свое движение. За все время, пока шли танки, она ни на миллиметр не продвинулась к людям.

Наконец в динамиках раздался искаженный голос главврача:

— Шестеро живы, отделались шоком, но двое...

— Кто?! — хриплым, незнакомым голосом выдохнул координатор.

— Максутов и Даров. Для них мы ничего не сможем сделать...

Да, это были они. Те двое, что упали первыми и ближе всех оказались к краю смертоносного щупальца. Значит, его выстрел остановил смерть, ползущую к остальным. Теперь он мог уйти, но еще несколько секунд помедлил, разглядывая сгорбленную спину координатора. Видимо, тот почувствовал его взгляд, потому что, не оборачиваясь, проговорил:

— Возможно, на твоем месте я поступил бы так же, но это тебя не оправдывает. Мне очень жаль, Глеб...

Это означало, что решение осталось в силе и в рубке ему больше нечего делать.

3

— Что это было?

Лонг долго молчал, стараясь не смотреть на координатора.

— Я не знаю, Рент. Пока не знаю. Ответ нельзя получить немедленно. Нужны подробные исследования, нужно время.

Координатор взглянул на настенные часы.

— Я могу ждать еще шесть часов, не больше. Надеюсь, у вас теперь достаточно материалов. И прежде всего установите, что случилось с людьми.

— Медицинский сектор мне не подчиняется, — проворчал Лонг.

— Знаю. Твоя задача — выяснить, что именно их атаковало. Что или кто... С медиками я поговорю отдельно. И запомни: шесть часов, ни минуты больше.

— А почему, собственно, такая спешка?

— Ты что, не понимаешь, насколько серьезно наше положение? Мы не знаем характера атаки, мы вообще ничего не знаем! И каждую минуту это может повториться. Ты можешь гарантировать, что эта штука остановится перед защитными полями нашего корабля? Или в случае повторной атаки она прошьет его навылет? И вообще что это такое и что мы теперь должны делать?

Эта часть медицинского центра корабля представляла собой современное диагностическое отделение, оснащенное новейшим оборудованием. Оно было специально приспособлено для обследования пациентов, вошедших в контакт с флорой и фауной чужих планет. Сканирующие электронные микроскопы, сложнейшие анализаторы, аппаратура для микротомии тканей, газовый, спектральный и, наконец, нейтринный анализ — все было к услугам расположившихся здесь специалистов.

Непосредственно к диагностическому отделению, отгороженный от него прозрачной стеной, примыкал изоляционный отдел, автономно снабженный всем необходимым для поддержания жизни и лечения людей, вошедших в контакт с чужой флорой, полностью изолированный от всех остальных помещений кораб-

ля. И хотя в данном случае прямого контакта с иножизнью не было — самый тщательный осмотр скафандров пострадавших не выявил ни малейшего изъяна в их герметичной броне, тем не менее Брэгов, главный врач корабля, до выяснения причин поражения поместил всех членов отряда геологов в изоляционное отделение.

Сразу же после вызова координатора и разговора с ним Брэгов попросил своих сотрудников сделать перерыв на два часа. Ему нужно было остаться одному и еще раз спокойно все обдумать. Он понимал, насколько важен его диагноз для установления причин того, что произошло, и поэтому не спешил с ответом на запрос координатора.

Развернув папку, Брэгов еще раз перечел характеристики состояния пострадавших в момент прибытия спасательной группы: пульс сорок—пятьдесят, психомоторные рефлексы заторможены, молочная кислота в мышцах полностью отсутствует, понижена температура тела и особенно кожных покровов, уменьшен систолический минутный объем крови, снижены интервалы и ограничены амплитуды энцефалограмм и кардиограмм. Общее подавленное состояние организма на фоне острой сахарной недостаточности, симптомы которой после принятых мер сразу же пошли на убыль. Картина казалась настолько ясной, настолько не вызывающей сомнений, что Брэгов недовольно крякнул.

Сахарная кома, острая энергетическая недостаточность... Словно больным кто-то ввел смертельную дозу инсулина! Словно из их организмов в одну минуту высосали все запасы энергии! Эта последняя мысль заставила Брэгова надолго задуматься. Здесь что-то было. Что-то, не имеющее непосредственного отношения к его пациентам. Ах да... роботы. Энергия, исчезающая из аккумулятора... Если это так, если воздействие на человеческий организм оказывает неизвестное пока изменение параметров внешней среды, то его усилия напрасны, ему вряд ли удастся обнаружить фактор, ответственный за заболевание. Но за эту область исследований отвечают другие специалисты. Его задача совсем другая — десять, сто раз проверить, не осталась ли в складках скафандра или в глубинах человеческого организма неведомым путем проникшая туда чужая жизнь... Затаившаяся там до поры до времени, чтобы потом, набравшись сил, приспособившись к новой среде существования, начать свою грозную атаку.

У некоторых пациентов ясная диагностическая картина осложнялась разрушением наиболее сложных белковых молекул. Такие нарушения возможны при воздействии определенных орга-

нических ядов. Самих ядов обнаружить не удалось, но это еще ничего не доказывало. Их воздействие могло быть кратковременным, сыгравшим роль спускового крючка в сложной цепочке последствий. Значит, надо продолжать поиски. Значит, пока он все еще не может дать координатору определенный и обоснованный ответ на вопрос, что же, собственно, произошло с группой Кленова...

Притихший, с задраенными люками, отгородившийся от внешнего мира колпаками полей, корабль напоминал сложенную из гранита мертвую пирамиду. Ничто не выдавало кипевшую внутри напряженную работу. Из отпущенных координатором на анализ ситуации шести часов прошло уже четыре. Наиболее напряженная работа, малозаметная непосвященному взгляду, шла в лабораториях научного сектора.

Лонг вместе со своим постоянным напарником, молодым физиком Платовым, работал без перерыва. Лонг хорошо понимал Рента и знал, что дополнительного времени отпущено не будет, что ответ должен быть получен за оставшиеся два часа. Но пока ничто не указывало на то, что в исследованиях близок конечный результат. Все работы велись дистанционно. Этого требовала элементарная безопасность. Камеры научного центра, снабженные сложными манипуляторами для работы с активными материалами, давали физикам такую возможность. Спасательная экспедиция привезла в специальном контейнере большую часть обшивки пострадавшего транспортера. Теперь ее разрезали на отдельные образцы, и каждая лаборатория вела свои собственные исследования.

Лонг и Платов работали с куском наружной силиконовой обшивки транспортера. Изображение обломка, увеличенное в шестьсот раз, в виде объемной голограммы транслировалось прямо в центр лаборатории. Усталости они не чувствовали, но голод давал о себе знать. Чтобы не прекращать работы, заказали ужин по центральному транслятору прямо в лабораторию, и вскоре появился киб с подносом. Рент выключил сканирующий микроскоп, но голограмма осталась. Настройка лазеров требовала слишком много времени. Несколько минут оба молча сидели на небольшом диванчике в стороне от пульта. Кофе казался Лонгу слишком горьким, а печенье, битком набитое микроэлементами и витаминами, — приторно сладким. Он почти силой заставил себя проглотить несколько глотков обжигающей горячей жидкости.

Приглушенное освещение, чуть слышное шипение лазеров, щелчки фиксаторов на пульте и в особенности увеличенное, заполнившее собой половину комнаты изображение искореженного металлического обломка создавали в лаборатории странную, слегка нереальную обстановку. Впервые за двенадцать часов Лонг позволил себе небольшой отдых. Возможно, ему не хватало именно его, для того чтобы дать возможность мозгу в мозаике фактов, выхваченных из реальности этого сумасшедшего дня, увидеть какой-то осмысленный рисунок... Впрочем, он увидел его не сразу.

— Вы были в механическом? Что у них нового? — спросил он Платова, хотя прекрасно знал, что в механической структуре металла нет ответа на загадку, с которой они столкнулись.

— Все то же самое. Повышенная хрупкость. Они не могут установить точной причины. Похоже, ослабли связи в зоне контакта отдельных кристаллов металла. Все остальное в норме. Температура плавления, упругость, твердость — все параметры. Только эта странная хрупкость.

— И, конечно, никаких следов теплового воздействия?

— Не только теплового. Вообще нет признаков какого бы то ни было постороннего энергетического воздействия! Даже при облучении мягкими альфа-частицами в материале должны были возникнуть следы остаточной радиоактивности, ее наверняка уловили бы наши приборы. Внешнее воздействие не могло пройти бесследно, даже если это был неизвестный нам вид энергии. Я ничего не понимаю... Чепуха какая-то получается, что мы доложим координатору?

Лонг долго молчал, уставившись на расплывшееся, нерезкое в этом углу изображение обломка.

— Вы помните срез с характерным рисунком? Кажется, номер сорок два — четыре? По-моему, там что-то было. Давайте еще раз посмотрим. — Он подошел к пульту и набрал код.

Засветился большой экран сканатора, в его глубине четко обозначились узловые центры кристаллической решетки. Появились сероватые расплывчатые тени электронов.

— Видите, в левом углу. Нет ядра атома кремния. Соседние ядра кислорода и титана еще сохраняют общую структуру решетки, но узлового атомного ядра нет. Может, причина повышенной хрупкости именно в этом?

— Ну, один атом еще ни о чем не говорит... — проворчал Лонг. — Дайте задание машине подсчитать количество таких нарушений, скажем, в кубическом миллиметре вещества, тогда посмотрим.

Платов, манипулируя клавишами пульта, набрал нужный код команд. Серия зеленых контрольных огней известила о том, что программа принята и прошла анализаторный блок. Почти сразу же изображение на экране вздрогнуло и исчезло, сменившись едва уловимым для глаз мельканием. Скорость, с которой машина меняла глубину среза, как всегда, оставалась за порогом человеческого восприятия. Теперь нужно было только ждать. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем звонок известил об окончании программы и на контрольном табло засветился ряд семизначных цифр.

— Восемь в шестнадцатой степени?.. Вы правы. Это не может быть случайным. Давайте снова тот срез. Вы проанализировали топологию всех внешних треков?

— Да, получается очень любопытная картина. Похоже, облучение шло с одной стороны. Сорок два градуса от полюса на топокарте.

— Иными словами, это результат выстрела нашей пушки?

— Совершенно верно. Но обратите внимание на энергию воздействия. Она очень ослаблена. Такое впечатление, как будто взрыв был по крайней мере километрах в десяти.

— А на самом деле?

— Тысяча триста метров. Обшивка должна была оплавиться.

— Любопытно...

Лонг взъерошил волосы, прошелся по лаборатории и неловко дернулся, столкнувшись с бестелесным изображением металлического обломка.

— Да уберите вы его! Теперь он уже не нужен.

Платов выключил голограмму. В комнате сразу стало непривычно просторно.

— Самое любопытное не хрупкость, не бесследное исчезновение отдельных атомов, — задумчиво проговорил Лонг. — Скажите мне, куда девался фон космического излучения? На планете нет атмосферы, и он вроде бы должен усилиться. В зоне посадки корабля это так и есть, но, судя по материалу обшивки, в этом загадочном районе фона не было вообще или он был так ослаблен, что в материале не осталось никаких следов.

Несколько секунд Платов молча внимательно смотрел на Лонга, почувствовав, но еще не осознав до конца всю важность его последнего замечания.

— Нет не только фона, — продолжал Лонг. — Нет следов внутриатомного распада. А он должен был быть. Хотя бы от воздействия нашего взрыва. Атомы кремния не могли исчезнуть бес-

следно, они должны были оставить после себя хотя бы треки альфа-частиц! Нам придется проделать один небольшой эксперимент. Пойдемте к навигаторам. Нам понадобится их помощь.

В рубке дежурил какой-то стажер. Увидев начальника научного отдела, он даже встал с кресла, только что не вытянулся по стойке «смирно» от почтительности. Лонгу не хотелось, чтобы у мальчишки были потом неприятности, разрешение на запуск зонда, который ему потребовался, нужно было получить у кого-нибудь постарше.

— Где Танаев?

— Вы разве не знаете? — стараясь предотвратить неловкий разговор, вмешался Платов.

— Подождите, — остановил его Лонг, — мне нужен Танаев.

— Пилот Танаев отстранен. Так решил координатор.

— Это еще что за новости? Мне нужен Танаев! Вызовите координатора.

Не дождавшись, пока практикант наберет код, Лонг нетерпеливо шагнул к видеоокну.

— Говорят, ты отстранил Танаева?

— А в чем дело? — Координатор смотрел с экрана своими маленькими сонными глазками куда-то в сторону, но Лонг по опыту знал, что этот его неопределенный, направленный в сторону взгляд замечает куда больше любого из них.

— Мне нужен Глеб!

— Ну так и вызови Глеба. Если ты забыл его личный код, посмотри в справочнике.

— Он мне нужен здесь, в рубке!

— Ну знаешь, Лонг! Я не вмешиваюсь в дела твоего отдела, так что позволь и мне самому решать, кто должен быть в рубке, а кто нет. Что тебе, собственно, понадобилось?

— Ракетный зонд!

— И только-то? Тебе его запустит любой стажер. Леонов, возьмите координаты, заказ оформите как обычно, по разделу научного отдела. — Рент отключился.

Секунду Лонг с интересом смотрел на погасший экран.

— Он забыл спросить у меня, куда именно собираюсь я запускать этот зонд... Может быть, это и к лучшему. История с Глебом, видно, совсем выбила старика из колеи.

Лонг повернулся к стажеру, все еще навытяжку стоявшему перед пультом.

— Есть у вас на складе термитные снаряды?

— Термитные?.. Не знаю... Я сейчас проверю... Я никогда не слышал про такие...

— Еще бы вам о них слышать... В крайнем случае закажите начинку химикам. Это может быть не обязательно термитная смесь. Годится любая, способная гореть в безвоздушном пространстве.

Из-за отсутствия атмосферы им пришлось направить зонд почти прямо в зенит и ждать двенадцать минут, прежде чем ракета вернулась к планете по баллистической траектории в нужной Лонгу точке. Опасаясь, что тормозные двигатели могут не сработать вблизи зоны, Лонг попросил практиканта включить их как можно раньше. Очевидно, юноша расценил просьбу Лонга как недоверие к его профессиональным способностям и стал спорить:

— Зонд наверняка разобьется, если израсходует запас тормозного топлива вдали от поверхности!

— Все же включите их как можно раньше, — проворчал Лонг, — иначе мы вообще лишимся удовольствия наблюдать за этим зондом.

Он оказался прав. Яркая звездочка ракетных двигателей на экране обзора вдруг потускнела и метров за триста до поверхности планеты исчезла вовсе.

Стажер лихорадочно крутил на пульте какие-то регуляторы, стараясь повторно включить отказавшие двигатели.

— Перестаньте. Это бесполезно. Дайте обзор через носовые телескопы.

Заранее рассчитывая точку посадки зонда, Лонг выбрал лощину, вклинившуюся в зону разрушений таким образом, что корабельные телескопы могли наблюдать за местом посадки. На обзорных экранах появилось изображение ровной, покрытой слоем пыли поверхности.

— Это самый край зоны. Возможно, здесь толщина пылевого покрова не так велика, и зонд не провалится, тогда мы что-нибудь увидим... Вот она, смотрите!

На экране мелькнуло узкое длинное тело ракеты. Тормозные двигатели частично замедлили ее падение, но она потеряла ориентировку и падала, беспорядочно кувыркаясь. Видимо, Леонов ошибся в корректировке, потому что ракета явно не дотянула до песчаной лощины. Она ударилась о камни на самом краю пылевой зоны. Корпус раскололся на несколько частей, из него выкатился удлиненный цилиндр термитной бомбы, подпрыгнул несколько раз и остановился у линии, за которой начинался песок.

— Извините... Двигатели выключились слишком рано, иначе я бы смог откорректировать...

— Не беспокойся! — Лонг обнял стажера за плечи. — Все получилось как надо, только бы взрыватель сработал!

— Что здесь происходит? — послышался у них за спиной недовольный голос координатора.

— Запускаем зонд, как видите. Тот самый, о котором я вас просил.

— Зонд я вижу! Но кто вам позволил направлять его в зону?

— Поверь, Рент, это было необходимо. К тому же он не в зоне. Рядом, но не в зоне. — Не отрываясь, Лонг смотрел на секундомер. — Вот сейчас, сейчас должен сработать...

— Что еще вы задумали?! Что там у вас такое?

— Всего лишь термитная бомба. Детская хлопушка, не более, успокойтесь. Это просто эксперимент с пиротехникой. Вот! Смотрите! Дайте самое большое увеличение! Да направьте же объектив точнее, на самый цилиндр!

Цилиндр теперь заполнил весь экран, его оболочка треснула, изогнулась, выворачивая наружу кипящую и бурлящую начинку.

— Так я и думал! Разве это горение?! Она едва светится. Измерьте температуру! Быстрее!

Леонов включил дистанционный пирометр, навел его перекрестие на разлившуюся вязкой лужицей желтоватую массу и щелкнул тумблером. Стрелка на шкале подпрыгнула и остановилась у отметки «шестьсот».

— Шестьсот градусов вместо двух тысяч! Всего шестьсот...

Масса на экране уже не пенилась и не светилась, теперь она застыла бесформенной глыбой, стрелка пирометра стремительно откатывалась назад.

— Все. Фейерверк окончен.

— Так, может быть, ты все же объяснишь, для чего тебе понадобилось устраивать этот спектакль?

— М-м? Ах да, это... Подожди, Рент...

Не обращая никакого внимания на координатора, Лонг стремительно метался по рубке, Рент терпеливо ждал. Наконец, в очередной раз наткнувшись на боковое кресло, Лонг остановился.

— Все сходится. — Он достал карманный калькулятор и с полминуты что-то подсчитывал. Потом взглянул на результат, на Рента, прищурился и тихо присвистнул. — Кажется, я знаю, что там происходит, Рент. Энтропия увеличена примерно в тысячу раз. Может быть, даже в десять тысяч. Степень увеличения, очевидно, меняется в зависимости от расстояния до центра зоны.

Платов остолбенел. Он вместе с Лонгом проделал все исследование, но этот вывод казался ему слишком фантастичным. Он хотел возразить, но его опередил координатор:

— Энтропия — если не ошибаюсь, всегда и везде была неизменной. К тому же, насколько я понимаю, это просто условная величина, измеряющая...

— Совершенно верно! — подхватил Лонг. — Это всего лишь условная величина, определяющая баланс энергии в нашем мире. Статистическая физика рассматривает энтропию как величину, определяющую вероятность пребывания системы в данном состоянии. Так вот, состояние любой энергетической системы в этой зоне резко изменяется в сторону уменьшения энергии и нарастания энтропии... Именно поэтому реакция горения, распада атомов, да и любые другие реакции, связанные с расходом энергии, уже не могут протекать нормально. Баланс нарушен. Энергия уходит, как сквозь дырявое сито.

— Куда же она уходит?

— Если мы с тобой это выясним, нам поставят памятник еще при жизни. Можешь не сомневаться.

— Хорошо. Допустим. Что могло вызвать такое резкое нарушение? Каково происхождение этого поля?

— Ты хочешь спросить — искусственно ли оно? — Лонг усмехнулся. — Я даже не знаю, поле ли это. Наши приборы не могли обнаружить никакого материального воздействия, мы можем наблюдать лишь следствия, следствия изменения энергетического баланса в окружающей среде. Даже степень воздействия энтропийного поля, как ты его окрестил, можно подсчитать только косвенно, так что спроси что-нибудь полегче.

— Однако эта твоя теоретическая величина разрушает вполне реальные скалы. Уничтожает механизмы и убивает людей. И впредь любой эксперимент, связанный с воздействием на внешнюю среду, будешь согласовывать со мной. Здесь не лаборатория, а чужая планета. И ты мне еще не сказал самого главного: можно ли от этого защититься?

— Если учесть данные эксперимента Танаева с выстрелом...

— Вот как? — перебил координатор. — Эта авантюра называется экспериментом?

— Если учесть данные, полученные после выстрела, — невозмутимо поправился Лонг, — то получится, что достаточно мощное выделение энергии как бы насыщает энтропийное поле, нейтрализует его на участке воздействия. Не дает продвинуться дальше. Я надеюсь, что наши защитные поля, выделив достаточную энергию, смогут нейтрализовать энтропийное воздействие. Впрочем, это еще надо посчитать.

* * *

Впервые за этот тяжелый и бесконечно долгий рейс у Глеба появилось свободное время. Никогда раньше Глеб не подозревал, что избыток свободного времени может превратиться в нечто почти вещественно враждебное. Лишь в первый день, справившись с приступом обиды, он ходил по кораблю, отрешившись от его дел и проблем, и убеждал себя, что это доставляет ему удовольствие. Мысли текли спокойно, почти лениво, словно он выключил внутри себя бешено вращавшийся мотор и теперь двигался на холостом ходу.

Его послужной список не испортить. Даже отстранение от должности не будет иметь особого значения на околоземных рейсах, если он захочет летать. Еще раньше он решил, что этот дальний рейс — для него последний. Значит, так оно и будет.

Огромный корабль казался ему во время бесцельных прогулок по его жилым уровням и техническим палубам раздражающе тесным.

Конечно, это не пассажирский лайнер. Все здесь строго рационально, сурово и просто, все подчинено одной-единственной цели — преодолению пространства. Если он захочет — он сможет летать на пассажирских лайнерах даже в должности координатора. Специалисты его класса высоко ценятся на околоземных трассах.

Раздражение во время его бесконечных прогулок по кораблю постепенно накапливалось, и ему казалось, что виноват в этом сам корабль: излишне суровый, излишне рациональный, излишне равнодушный к нему. Здесь нет места посторонним, нет места пассажирам. Для них не предусмотрено ни развлечений, ни дел. Конечно, отстранение от должности пилота еще не означало, что он полностью выключен из всей жизни экипажа и свободен от всех обязанностей. Но после всего, что произошло, он не собирался навязывать своих услуг кому бы то ни было. Если в нем не нуждались — он как-нибудь обойдется.

После того как первая вспышка обиды улеглась, он во многом согласился с Рентом. В конце концов, ситуация, в которой оказался координатор, была далеко не самой легкой. Ведь он чисто интуитивно предотвратил своим выстрелом самое худшее. Там действительно могло оказаться что угодно. Непродуманные действия чаще приносят вред, а не пользу. И, конечно, Рент не мог этого оставить без последствий. Возможно, люди оказались на пути разрушительного потока совершенно случайно. А тот, кто его направлял, если, конечно, кто-нибудь его направлял, не желал им ни малейшего зла.

Нажав на спуск корабельного орудия, он словно подвел некую невидимую черту, за которой мирное разрешение конфликта с неведомой силой, обосновавшейся на планете, становилось весьма проблематичным. И, возможно, именно из-за него они так и не узнают никогда тайны этой планеты. Потому что теперь Рент вряд ли разрешит продолжать исследования снаружи. Спрятавшись за броню корабля, они смогут наблюдать лишь следствия. А ответа на вопрос, откуда взялась таинственная разрушительная сила, кто ее направляет, люди не узнают никогда. Слишком дорогое удовольствие посылать на такое расстояние новую экспедицию, слишком возрос риск после его решения открыть огонь...

Он понимал Рента, даже соглашался с ним и все равно не мог его до конца простить. Потому что тогда в рубке дежурил он, и это было его право принимать решения. Он принял не самое худшее по результату. И еще неизвестно, несмотря на все эти мудрые рассуждения, кто больше прав, он или Рент...

Вызов раздался вечером, когда Глеб, сидя в своей каюте, в третий раз играл в шахматы с Центавром. Собственно, шахматы как таковые его мало интересовали. Он хотел разгадать замысел психологов, так запрограммировавших Центавра, чтобы он проигрывал в среднем каждую третью партию. Но не просто каждую третью, а только ту, в которой Глеб играл чуть выше своих обычных возможностей. В результате игра приобретала известный интерес.

Синяя лампочка, вспыхнувшая под экраном интеркома, означала, что вызов неофициальный, идущий по личному каналу. Глеб включил интерком.

Рент сидел ссутулившись за маленьким столиком своей каюты. Экран давал его лицо крупным планом. Больше ничего нельзя было рассмотреть. Глеб дорого бы дал, чтобы побывать в каюте Рента хоть раз, чтобы составить о координаторе более подробное личное впечатление. Ренту было нелегко начать разговор. Он медленно, почти с видимым физическим усилием подбирал слова, и Глеб не собирался ему помогать.

— Я решил послать танки в центр зоны.

Он остановился, словно ожидая ответа, но, так как Глеб не прореагировал на его сообщение, продолжил:

— Лонг считает, что всякая новая информация, даже косвенная, об этой зоне обладает огромной научной ценностью. Я решил его поддержать.

— Не из-за этой ли ценности ты пошлешь туда танки? Слушай, Рент, мы с тобой летаем не первый год, так что мог бы сказать мне прямо, что тебе не с чем возвращаться на базу. А танки... Это не лучший выход. Скорее всего они просто не вернутся.

— Я ведь не советоваться с тобой хотел. Танки — дело решенное... Научный отдел гарантирует, что мощности их защитных полей будет достаточно. Мы сможем посмотреть, что делается в центре этого пятнышка. Рад? Вижу, что рад, что бы ты там ни говорил.

— Ну и чего ты хочешь от меня?

— Мне нужен руководитель в группу техников, которая будет готовить танки. Ты хорошо изучил работу механизмов в местных условиях. Да и вообще это слишком дорогое удовольствие — разбрасываться специалистами твоего класса.

— Это приказ или просьба?

— Можешь считать, что просьба.

— В таком случае я отказываюсь.

— Вот как...

— Да, и ты постарайся больше не обращаться ко мне с просьбами.

— Хорошо. Я постараюсь. А сейчас иди принимай группу. Кто из нас прав, не нам с тобой решать.

— Начальство с базы в таких вопросах тоже не лучший судья.

— Вот тут я с тобой согласен. Я не это имел в виду. Ты как-то обмолвился о задачах дальней разведки, помнишь? «Искать и хоть иногда находить что-то новое, неизвестное раньше...» А ты по нему из пушки. Конечно, когда гибнут товарищи, трудно решать такие вещи, кажется, просто невозможно решить, но тем не менее надо. Такая у нас работа. Не можешь — лучше уйди от пульта! Нельзя забывать, что мы здесь гости.

— А танки ты все-таки посылаешь...

— На танках не будет оружия. Только приборы и защитное поле. Прежде чем уйти, мы обязаны выяснить, что там такое. Хотя после твоего выстрела неизвестно, чем это обернется. Это ты понимаешь?

Глеб отвел глаза, потом едва заметно кивнул.

— Ну вот и прекрасно. Иди принимай группу.

Нижний ангар был самым большим помещением корабля. Здесь размещались его наиболее мощные транспортные и универсальные механизмы, предназначенные для планетных работ. Всю правую половину занимали четыре танка высшей защиты. В

замкнутом пространстве ангара их неуклюжие, тяжеловесные махины казались неоправданно огромными и напоминали Глебу уснувших хищных динозавров.

Главный техник встретил его приветливо. Маленькое круглое лицо Орлова лучилось улыбкой с легкой примесью сочувствия. И это злило Глеба. Лучше бы он откровенно высказал неудовольствие по поводу того, что «верхнее начальство» вмешивается в дела его отдела.

Нашествие «варягов» с верхних палуб всегда воспринималось техническими службами, расположенными в нижних отсеках, с вообще-то понятным Глебу неудовольствием. И приветливость Орлова объяснялась скорее всего тем, что известие о снятии Глеба с должности пилота уже успело распространиться по кораблю. Поэтому Глеб сухо отвел все попытки Орлова перевести разговор на общие темы и попросил как можно конкретнее и скорее ввести его в курс дела.

Два танка из четырех в принципе могли быть готовы в ближайшие шесть часов. На них уже заканчивалась проверка основных узлов и электронных блоков. Цифры на пультах контрольных автоматов могли означать все что угодно. Глеб вовсе не собирался выдавать себя за универсального специалиста и сразу же остановил Орлова, пытавшегося на беглом техническом жаргоне объяснить ему характеристики отдельных агрегатов.

— Меня интересует только общий график работ. Время, необходимое вам на контроль, и еще, пожалуй, вот что... Сделайте двойную проверку блоков автоматического управления на ноль втором.

Впервые за весь разговор неприятная усмешка исчезла с лица Орлова, в глазах промелькнуло нечто похожее на удивление.

— Можно узнать, почему вас заинтересовал именно ноль второй?

— Все механизмы, имевшие контакт с внешней средой на этой планете, нуждаются в самой тщательной проверке, а ноль второй участвовал в спасательной экспедиции.

— Я спросил потому, что у меня появилось сомнение по поводу замедления реакций в его блоках. Однако отклонения незначительны, в пределах нормы, но я не решился запрашивать время на дополнительную проверку. Сроки на подготовку нам отпущены очень жесткие.

— В таком случае замените весь механизм.

— Это невозможно. Ноль четвертый и ноль третий находятся на консервации. Для приведения их в рабочее состояние потребуется не меньше суток.

Глеб на секунду задумался.

— Скажите, кристаллоконды управляющих автоматов на этих танках идентичны?

— Они похожи как два близнеца, но такая замена запрещена.

— Всю ответственность я возьму на себя. И не забудьте замененные конды передать кибернетикам для полного контроля по всем параметрам.

— Но если управляющая автоматика здесь настолько ненадежна, почему с машиной не пошлют водителя?

Глеб пожал плечами.

— Слишком дорогая цена за проверку теорий научного отдела. Лонг считает, что защитное поле расходом своей энергии скомпенсирует избыточную энтропию, не даст ей проникнуть внутрь машины, но никто этого не проверял на практике. Хватит с нас двоих.

— Говорят, вы, вопреки приказу координатора, открыли огонь и спасли остальных из группы Кленова, за это вас и отстранили...

— Слишком много у вас говорят! — недовольно проворчал Глеб, разрушив первую же попытку Орлова наладить с ним неофициальный контакт.

С него вполне хватало ровных деловых отношений, излишняя фамильярность чаще всего вредила делу. А со своими проблемами он справится сам.

— Да, и вот еще что... Группа Лонга разработала специальные датчики, улавливающие нарастание энтропии. Кажется, им удалось для этого использовать замеры времени горения одинаковых отрезков магниевой ленты. Впрочем, суть не в их конструкции. Датчики нужно как можно скорей подсоединить к автоматике танков.

— Как должны использоваться автоматикой данные этих датчиков?

— Я думаю, прямо пропорционально внешнему возрастанию энтропии должна увеличиваться и мощность защитных полей. Впрочем, подробные инструкции вы получите вместе с датчиками.

— Если там нет слишком сложной электроники, графика это не нарушит.

— Не должно нарушить. За этим мы с вами проследим.

Холодно кивнув, Орлов отошел, и Глеб подумал: он только что потерял возможность приобрести в его лице друга и снова, в который уже раз, остался один. Зато дело будет сделано вовремя и как следует, в этом он не сомневался: «Самолюбивый парень этот Орлов и совсем неплохой...»

Темп работ стремительно нарастал. Вскоре техники забыли о присутствии постороннего человека. Глеба это вполне устраивало. Ни во что не вмешиваясь, он мог спокойно со стороны наблюдать за общим ходом работ.

Иногда глаза человека, не вовлеченного непосредственно в мешанину дел и конкретных, частных проблем, могут заметить что-то важное, не упустить детали, кажущейся на первый взгляд слишком очевидной. Единственный раз за все время подготовки ему все же пришлось вмешаться и напомнить Орлову, что дистанционное управление может отказать и потому следует снабдить вычислители танков набором стандартных аварийных команд. Эти команды, записанные в специальном, особо прочном блоке, вводились в основную память управляющих механизмов. В критических ситуациях, при полной потере автоматического контроля и связи, они могли помочь танку хотя бы вернуться на корабль. За полчаса до запуска все было готово. И когда под потолком ангара вспыхнули мигающие желтые лампы, а надоедливый зудящий звук сирен напомнил о том, что людям пора покинуть ангар, техники неторопливо потянулись к выходу.

По тому, как люди, окончив работу, покидают свои места, Глеб привык решать для себя, все ли в порядке. И если никто не спешил, не торопился в последнюю минуту запаять какую-нибудь перемычку или сменить не ко времени закапризничавший блок, он знал, что можно спокойно докладывать о готовности. В противном случае в любых самых экстренных ситуациях он требовал дополнительного времени для завершения работ. Этот метод всегда себя оправдывал. Сейчас все как будто было в порядке.

Глеб включил висевший на лацкане пиджака фон и произнес:

— Готовность первой степени. Через пятнадцать минут пуск.

Теперь вся стандартная процедура: запуск многочисленных двигателей, продувка тамбура, пуск внутренних реакторов танков на рабочий ход, опробование их защитных полей — все это перешло в ведение автоматов. Дальнейшее пребывание людей в ангаре становилось опасным. Но Глеб знал, что процедура не может начаться, пока контрольный автомат у двери не сообщит о том, что последний человек покинул ангар.

Во всех случаях, когда Глеб руководил ответственной операцией, он всегда последним покидал зону работ, зачастую уже после второго сигнала, хотя прекрасно знал, что это запрещено. Заключительный осмотр, при современном уровне автоматического контроля, мало что мог добавить к показаниям измерительных табло, и все же древняя, как мир, привычка — бросить послед-

ний взгляд на сделанную работу — была сильнее его. Но не только это... По какой-то странной, противоестественной ассоциации, оставшись один на один с пахнувшими металлом и маслом механизмами, он всегда вспоминал то, чего здесь так не хватало, чего здесь никогда не было и быть не могло. Ветер, несущий запах цветов и травы. Запах раскаленного под земным солнцем песка. Шелест тростника на берегу тихой речки... Однако привычный ход ассоциаций на этот раз оказался нарушен. Мысль упорно возвращалась к одному и тому же. Через несколько часов эти стальные громады проникнут во что-то такое, чего пока еще никто не понимал... Что увидят их механические глаза? Что смогут передать людям? Сумеет ли воплощенная в металл человеческая мысль пробиться сквозь разрушительную зону чужой планеты? Узнать, что она скрывает за собой? Глеб уже повернул к выходу из ангара, когда почувствовал еще не осознанный сигнал тревоги, поданный мозгом. Что-то было не так.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы понять причину. Сквозь раздвинутые двери грузового отсека на ноль втором, в его черной, неосвещенной глубине, в мерцающем свете наружных ламп вырисовывалась металлическая скорченная глыба, своими контурами карикатурно напоминавшая присевшего на корточки человека. Это был охранный кибер. Глеб не мог ошибиться и сразу же вспомнил, что по инструкции каждому танку придавался такой охранный кибер. Но на ноль первом его не было. Это он хорошо помнил. Там они вместе с Орловым опечатали грузовой отсек, да и на ноль втором, когда меняли блоки основной программы, он не видел никакого охранного киба! Его и не должно было быть. Рент сказал, что танки не будут оснащаться оружием для этой экспедиции. А охранный кибер — прежде всего боевой автомат, оснащенный лазерами дальнего действия и нейтринными излучателями. Когда же он появился в танке? Неужели Рент изменил свое решение? Это нуждалось в немедленной проверке. Глеб шагнул к танку.

— Назови свой номер!

Пауза. Короткая, но все же достаточная для того, чтобы Глеб насторожился. Обычно автоматы отвечали мгновенно.

— Ноль двадцать четвертый.

Так и есть! Это был тот самый робот, который сопровождал группу геологов, когда отказал взрыватель на нейтринной бомбе.

— Почему находишься здесь?

— Согласно инструкции, должен сопровождать машину.

— Разве ты не получил приказа, отменяющего инструкцию?

— Нет. Координатор Рент приказал мне сопровождать машину.

Это уже была явная ложь. Кто-то из них солгал. Но так как автоматы лгать не умели, то получалось, что ему солгал Рент. Глеб почувствовал гнев.

— Соедини меня с координатором!

Опять пауза... Более длительная, чем в прошлый раз. Наконец ответ:

— Соединяю.

Снова пауза. На этот раз естественная. Канал мог быть занят.

— Координатор не отвечает.

К этому моменту Глеб уже был основательно взбешен, но взял себя в руки и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Вызывай по аварийному каналу!

Снова пауза. Все сходилось на том, что эта металлическая жестянка попросту морочила ему голову! Все еще не веря, Глеб вплотную приблизился к грузовому отсеку танка, и в это мгновение желтый свет сигнальных ламп сменился красным. Он услышал, как за его спиной опустилась шлюзовая переборка, отделяющая ангар от остального корабля. Автоматы начали запуск танков по основной программе, не дождавшись, пока человек покинет опасную зону. Этого быть не могло, и тем не менее это случилось. Теперь до включения защитного поля у него оставалось примерно полторы минуты. Возникавшие в момент включения поля вихревые токи обладали такой мощностью, что прикосновение к любому предмету в радиусе пятисот метров означало для него верную гибель. Через несколько секунд кровь в жилах закипит, потом лопнут сосуды, обуглится кожа, и все будет кончено... Бежать? Бесполезно. До дальней стены сто метров, не больше. Этого недостаточно. Все выходы из ангара перекрыты... Автоматы работают надежно... Автоматы... Только они... Надо отдать приказ...

Мысли лихорадочно метались в поисках выхода, а дрожащие руки уже сорвали фон с лацкана куртки, перевели рычажок на полную мощность. Щелкнул выключатель. Бесполезно... Контрольная лампочка не загорелась. Так и должно быть. После включения основной программы связь изнутри ангара становится невозможной. Здесь сейчас не может быть ни единого человека, иначе как могла включиться основная программа?

И вдруг он снова почувствовал волну гнева на эти бездушные металлические жестянки, которые очень точно все рассчитали, точно и безошибочно, чтобы убить его через несколько секунд.

Этот гнев подавил страх, помог ему сосредоточиться. Собственно, оставалось только одно. Проникнуть внутрь танка за эти оставшиеся секунды. Проще всего было броситься в широко открытые двери грузового отсека. Но в красном полумраке зловещие багровые отсветы ложились на шарообразную, неестественно раздутую голову охранного кибера. На секунду Глебу даже показалось, что на его металлической роже появилась насмешливая улыбка. «Он только этого и ждет. Все было подстроено именно так, чтобы подтолкнуть меня к этому решению... Для чего-то ему это нужно... Сейчас нет времени разбираться, для чего. Следует придумать что-то другое, что-то такое, чего от меня не ждут! Управляющая рубка танка уже закрыта. Значит, надо вскрыть запасной аварийный люк! Только на нем нет автоматических запоров», — лихорадочно пронеслось в голове.

Винтовой рычажный зажим не поддавался долго, слишком долго! Глеб чувствовал, как истекают последние оставшиеся у него секунды. Теперь уже было поздно предпринимать что бы то ни было... Оставалось только давить изо всех сил на этот проклятый рычаг. Казалось, он сдвинулся, прошел по окружности сантиметр-другой и окончательно заклинился, словно кто-то держал его изнутри.

Глебу казалось, что он вот-вот потеряет сознание от напряжения. Пот заливал глаза. Осталось пять секунд, четыре, три... Рычаг не поддавался. Все, теперь он не успеет...

Огненная вспышка очертила вытянутую синеватую сферу включившегося поля, и вдруг Глеб понял, что лежит внутри защитного купола между генераторами гравиподушки. А это означало, что наружные токи, возникшие за границей защитного поля, ему не страшны, и у него появилось время. Правда, немного, еще секунд сорок до того, как включатся ходовые генераторы. Если после этого он все еще останется снаружи, то двинувшаяся машина попросту превратит его в месиво. Можно было взобраться на броню, но как только откроется шлюз...

Нет уж, лучше бороться здесь, бороться до последнего... И вдруг он понял, что вращает рычаг в противоположную сторону, все больше и больше заклинивая проклятый люк!

Он рванул рукоятку обратно, навалился всем телом — ничего не помогало. Теперь его жизнь зависела от куска железа, от любого куска железа, которым можно было удлинить рукоятку. Змеей извиваясь между плитами гравитационных разрядников, он пополз в узкую щель между машиной и полом. Только там, вдали от хозяйских глаз Орлова, мог кто-нибудь из техников оставить

ненужный кусок железа! Именно там оставил бы он его сам, если бы поленился нести к дезинтегратору в другой конец зала. И ему повезло!

Это был обломок какой-то ржавой трубы. Когда он надел ее на конец рычага и нажал плечом, труба медленно начала гнуться. Глеб почувствовал, как от ярости сводит скулы. Все его усилия были напрасны. Истекали последние подаренные ему судьбой секунды! В это время рычаг наконец поддался.

Танк тронулся, едва он втиснулся в люк. Задраивать его пришлось на ходу, но это уже не имело значения. Он выиграл эту свою первую схватку с кучей металлического хлама, находящегося теперь в кормовом отсеке. Киб, не подчинившийся человеку! Пытавшийся его обмануть! Это было так же нелепо, как если бы на него напал письменный стол или кровать, и тем не менее это случилось. Теперь он мог отдышаться, вытереть пот, заливший лицо, и спокойно обдумать ситуацию. Он полулежал в узком шлюзе аварийного люка. Машина медленно вздрагивала и, покачиваясь с боку на бок, двигалась; судя по наклону пола, она уже сползала с эстакады и, значит, прошла дезинфекционную камеру, наружный шлюз и вот-вот коснется поверхности планеты. Теперь связаться с кораблем и сообщить им о случившемся можно будет только в том случае, если он доберется до управляющей рубки, сумеет отключить автоматику и взять управление танком на себя. Но для этого нужно сначала пробраться через две герметичные переборки, отделявшие нижний машинный отсек от верхнего, где размещались каюты экипажа и управляющая рубка. А он не помнил, как запирались переходные люки. Если там стоят автоматические запоры, открывающиеся по команде из рубки, то ему отсюда не выбраться. Но зачем тогда было делать в последнем наружном люке винтовой механический запор? Нет! Там должны быть такие же простые, незамысловатые, верные в любом случае механизмы! Ему предстояло всего лишь подняться по узкой лесенке, чтобы в этом убедиться. Открыть второй люк было делом одной минуты, и он уже стоял во весь рост в машинном отделении танка. В лицо пахнуло жаром. Температура была градусов сорок — пятьдесят. В глаза бросилась надпись: «Без скафандра не входить!» Ну конечно, здесь должна быть повышена не только температура... Скорее наверх, вот и последний люк... Затвор даже не дрогнул. В узкой прорези над замком, как только он нажал рукоятку, выскочила надпись: «Затвор зафиксирован. Соединитесь с управляющей рубкой». Зафиксирован? Но кем? Зафиксировать его можно было только изнутри и только впря-

мую, без всякой автоматики. Кто же это сделал? Похоже, он снова попал в ловушку. Без скафандра в горячем отсеке ему долго не продержаться. Стоп, есть еще вторая половина надписи! Как он сразу не догадался! «Соединиться с управляющей рубкой» — с программными автоматами корабля и отдать соответствующую команду. Совсем несложно, достаточно подключить свой фон к бортовой сети машины. Это можно сделать в любом отсеке, в том числе и здесь, в машинном. Вот он, разъем. Переключение заняло несколько секунд, потом он поднес микрофон к самым губам, чтобы заглушить надсадный вой генераторов, и проговорил, сдерживая волнение:

— Ноль второй! Вызываю управляющий аппарат ноль второго.

Фон молчал. Танаев повторил вызов, назвав свой кодовый номер. Это подействовало. Ни один автомат не мог игнорировать прямой вызов человека, даже с испорченными цепями, полуразрушенный, он был обязан ответить на него.

— Автомат ноль второго слушает.

— Откройте переборку машинного отделения!

— Задание невыполнимо. Затворы этой переборки фиксируются только вручную.

— Так вскройте переборку ремонтным кибом! Быстрее!

В интеркоме что-то щелкнуло, и тембр голоса вроде бы изменился:

— Задание некорректно, вскрытие переборки заразит радиацией рабочие отсеки. Это опасно для экипажа.

— На корабле нет экипажа! Я нахожусь в горячем отсеке без скафандра. Немедленно вскройте переборку!

— На корабле есть экипаж. В горячем отсеке никого нет, — туповато повторил механический голос.

Страшное подозрение заставило Глеба похолодеть.

— Я второй. Соедините меня с экипажем!

Фон снова щелкнул, секундная пауза, и тот же голос сказал:

— Экипаж слушает.

— Я второй. С кем говорю? Отвечайте!

— Говорит ноль двадцать четвертый. В настоящее время являюсь экипажем корабля. В горячем отсеке никого нет.

Теперь ему окончательно все стало ясно. Этот свихнувшийся робот каким-то образом сумел переключить на себя автоматику танка. Дверь скорее всего заварена изнутри тем самым ремонтным кибом. В управляющую рубку ему не попасть, в машинном отсеке находиться без скафандра можно не больше трех минут; оставалось одно — вернуться в переходный тамбур между наруж-

ным люком и машинным отделением. Если он задраит текстонитовый люк — радиация будет ему не страшна, а жару можно и перетерпеть. Он решил, что, сидя в этой раскаленной, душной камере долгие часы, он будет думать только об одном, только о том, что он сделает с этим охранным кибом, когда танк выполнит задание и вернется на корабль. Эта мысль поможет ему продержаться!

На табло у центрального пульта вспыхнул зеленый сигнал готовности. Рент недовольно повернулся к главному инженеру:

— Они задержались на пятнадцать минут. Позаботьтесь, чтобы этого больше не повторялось!

На цветном объемном экране серые тела танков сливались со скалами. В те моменты, когда они попадали в черные провалы теней, они вовсе исчезали из виду.

— Направьте на них прожектора, маскировка нам не нужна!

Дежурный техник сразу же отдал команду, и изломы скал вдруг вспыхнули таким нестерпимым блеском, что несколько секунд ничего нельзя было рассмотреть, и только когда танки, развернувшись, вошли в широкую тень нависшей скалы, главный инженер сделал технику замечание, обратив его внимание на ноль второй.

— Но я передал команду на оба танка!

— Повторите!

— Что там еще?

— На ноль втором не работают прожектора.

— Включите запасные!

— Рация ноль второго не отвечает!

Рент подошел вплотную к технику и несколько секунд смотрел, как тот пытается вызвать машину на всех запасных диапазонах.

— Передайте им сигнал «Стоп программа» на аварийной волне. Это должно подействовать.

Сразу, как только техник нажал красную клавишу, передний танк остановился, словно налетел на стену. Но ноль второй, шедший замыкающим, даже не замедлил ход. Он объехал остановившийся танк по короткой дуге и скрылся в тени скалы.

— Передайте ноль первому приказ следовать за ним, и пусть все время держит его в лучах своих прожекторов.

Секунд через пятнадцать на экране снова возникла широкая корма ноль второго.

— На нем не могли отказать сразу все запасные каналы связи, это исключено! — попытался оправдаться инженер.

— Я и сам это знаю, — ответил Рент. — Проверьте его основной азимут!

— В общем он придерживается программы...

— Что значит «в общем»?

— Отклонение в десять градусов могло быть вызвано естественными препятствиями.

— Сколько времени он будет находиться в зоне нашей прямой видимости?

— Еще двадцать минут.

— Так вот, если за это время он не вернется на программный маршрут...

Происходило что-то из ряда вон выходящее. Управляющая аппаратура автономных кибов дублировалась. Могли выйти из строя рации, могли отказать прожекторы, но основная программа должна была выполняться в любом случае. И они все слишком хорошо понимали, что могла означать утрата контроля над такой машиной.

Главный инженер расстелил перед Рейтом лавсановую кальку фотографии местности, снятую спутником. Картографический автомат уже нанес на нее все необходимые обозначения и синим пунктиром вычертил намеченный для танков маршрут. Тонкая пунктирная линия пересекала ущелье и тянулась далеко в глубину песчаной зоны, к самому центру. Даже при сильном увеличении на снимке не было видно ничего, кроме песка. В центре пятна танки должны были сделать круг радиусом в сто метров, произвести сейсмическое зондирование поверхности и вернуться.

Красным карандашом инженер провел рядом с голубым пунктиром толстую линию.

— Сейчас они вот здесь. Постепенно выходят на маршрут. Рация ноль второго по-прежнему не отвечает. В зону войдут через десять минут. Мне кажется, программа выполняется нормально. На ноль первом все показатели в норме, мы провели еще одну контрольную проверку.

— Хорошо. Пусть пока все остается как есть. Запустите еще один спутник на случай, если в зоне откажет аппаратура на ноль первом. Запросите у техников все журналы контрольной проверки. Меня интересует, как могло случиться, что аппаратура на ноль втором отказала сразу же после запуска! Чем они там занимались во время контроля?! И вызовите Танаева, пусть он мне на это ответит.

Дежурный у пульта повернул к координатору взволнованное лицо.

— Ноль второй резко свернул в сторону от маршрута. Там нет никаких препятствий. Они подошли к зоне, и он свернул. Смотрите! Идет вдоль зоны!

— Остановите ноль первый, снимайте его с маршрута, пусть идет за ноль вторым вплотную. Нет, подождите. Заставьте его остановиться. Переведите ноль первый ему навстречу, в лоб.

— Но у них же одинаковая мощность полей!

— Это я знаю без вас. Меня интересует, как он себя поведет при встрече. Что вы на это скажете? — Рент повернулся к главному кибернетику и смотрел на него так, словно тот собственными руками разрушил управляющую аппаратуру танка.

— Если в его блоках такие же нарушения, как на геологических кибах, то предсказать заранее ничего нельзя.

— Ну вот и давайте посмотрим, раз уж главный кибернетик не знает, что из этого выйдет.

Ноль второй шел не точно по краю зоны. Временами он пересекал выдающиеся в сторону песчаные языки, и тогда его защитный купол начинал переливаться всеми цветами радуги.

Ноль первый, точно выполнив команду, развернулся и, срезая дугу, шел наперерез ноль второму.

— Какое до них расстояние? Как долго он останется в зоне действия наших локаторов?

— После точки встречи, если он не изменит направление, его закроет вон та гряда.

— И больше мы его не увидим?

— Только спутник и камеры ноль первого.

— Этого мало. Я не хочу выпускать его из-под контроля. Пошлите глайдер с камерами к точке встречи. Пошлите ноль двадцатый.

— Вы хотите, чтобы нейтринная пушка...

— Вот именно. Я хочу, чтобы у нас был над ним полный контроль в любой точке маршрута. Вы меня поняли?

— Сейчас они встретятся!

Этот возглас дежурного оператора заставил всех, кроме главного инженера, набиравшего программу для глайдера, вновь повернуться к экранам. Ноль первый, опередивший ноль второго метров на двадцать, теперь развернулся и встал у него на пути. Через секунду силовые поля должны были соприкоснуться. Если ноль второй не снизит скорости, то энергетическая вспышка от взаимодействия защитных полей может повредить обе машины. Стоявшие у экранов люди затаили дыхание... Ноль второй вдруг окутался целым облаком пыли.

— Он включил тормоза! Смотрите, разворачивается, значит, логические блоки в порядке. Что это?! Там, на корме?!

Все уже видели, как на корме развернувшегося танка приоткрылась амбразура. Ослепительно синий луч нейтринной пушки вонзился в силовое поле первого танка.

— Увеличьте мощность защитного поля! Включите форсаж генераторов!

Ни одно поле не могло противостоять удару нейтринного излучения. На том месте, где только что стоял танк, вспух голубоватый шар плазмы. Секунду казалось, что он застыл на месте, словно границы уничтоженного защитного поля все еще сдерживали его стремительное движение, потом, перепрыгнув через невидимый барьер, дымовой шар стал распухать, наливаться багряными кляксами, какими-то ошметками оплавленной лавы и металла, облаком раскаленных паров и, словно вздохнув, в следующую долю секунды разметал все это по песчаной прогалине. Ноль второй уходил от места встречи на полной скорости в глубь зоны.

Грибовидное облако взрыва на экранах все еще увеличивалось в размерах, его крайняя часть догнала уходящий танк, и защитное поле ноль второго налилось зловещим малиновым светом.

— Откуда на ноль втором нейтринная пушка? — Тон Рента не предвещал ничего хорошего.

— Согласно вашему приказу, с него снято все вооружение.

— Но пушка все-таки была?!

Главный инженер пожал плечами.

— Если танк произвольно может сойти с маршрута по собственной инициативе, я уже ничему не удивляюсь!

— Там не было пушки. Во всяком случае, это не штатное орудие танка. Не та мощность. Скорее, охранный киб.

— Так проверьте! Какой киб был приписан к этому танку?

— Ноль двадцать четвертый.

— Где он?

— Должен быть в ангаре...

Кибернетик уже нагнулся над пультом аварийной связи с автоматами. В молчании прошла почти минута. Наконец Рент сказал:

— Не трудитесь. Его наверняка нет на корабле.

Главный кибернетик, отвернувшись от пульта, нервно схватил лежащий перед ним на столике маршрутный чертеж и скрутил его в трубку.

— Этого я не понимаю! — Кибернетик расправил чертеж и тут же, видимо, забыв, что у него в руках, скомкал и отбросил его в угол рубки. — Он может выйти из строя. Внешнее воздействие

может разрушить в сложной системе электронного кристаллического конда какие-то цепи, но никакое воздействие не может заменить одни цепи другими, заменить одно задание другим, а ведь произошло именно это!

— Вы хотите сказать, ни одно стихийное воздействие этого не может, не так ли? — Координатор внимательно, в упор смотрел на главного кибернетика. — А если предположить, что воздействие не было стихийным, случайным, природным? Ведь именно этими словами мы привыкли обозначать непонятные нам явления. Ну а если это вовсе не случайно? Если его действия целенаправленны? Ну да, направлены кем-то извне?

Несколько секунд в рубке висело долгое молчание.

Первым заговорил главный кибернетик:

— Вы хотите сказать, что нашими автоматами управляет кто-то извне? Это невозможно!

— Нет! — резко ответил координатор. — Я хочу сказать, что наши автоматы кто-то извне изменяет таким образом, что они перестают быть нашими автоматами!

— Такое предположение могло бы объяснить многое, — задумчиво проговорил Лонг, — и даже то, каким образом дважды стало возможным целенаправленное изменение кристаллокондов наших кибов.

— Вот именно. В первом случае я еще мог поверить в стихийное воздействие, но сейчас... Что там с нейтринной пушкой?

— Глайдер уже вышел. Он будет на месте через пятнадцать минут. Но на нем нет защитного поля...

— Ему оно и не нужно. Я не собираюсь вводить его в зону. Достаточно вывести на линию прямой наводки.

Облако на экранах медленно рассеивалось. Постепенно становилась прозрачной вся его восточная часть, до этого скрывавшая вышедшую из-под контроля людей машину. Перед ними открылась широкая панорама песчаной пустыни, на которой не было ни малейшего выступа и не было заметно никакого движения.

— Не мог же он раствориться!

Координатор переключил экраны на объективы спутника. Теперь, с большой высоты, они видели всю зону, словно большую приплюснутую тарелку. Если не считать воронки от взрыва, на ней не было ни единого пятнышка. Машина исчезла.

Долго, настойчиво пищал зуммер аварийного вызова. Медленно, словно просыпаясь, координатор потянулся к выключателю.

— Ну что там еще?

— Пилота Танаева нет на корабле. Его фон не отвечает на аварийный вызов.

4

Больше всего Глеба мучила темнота. В переходном тамбуре не было предусмотрено освещения. Глеб едва помещался в узком металлическом колодце, похожем на раскаленную духовку. Спина и колени упирались в противоположные стены. Перед глазами плыли цветные пятна. Сорок градусов, когда рядом нет воды, — это, пожалуй, многовато. От жажды пересохло во рту. Но хуже всего было то, что он почти полностью утратил всякое ощущение времени. Равномерный шум генераторов и дрожь переборок еще больше притупляли сознание. Тренировки в сурдокамере более длительны, но там нет изнуряющей жары, нет жажды, соленые струи пота не расползаются под рубашкой липкими лентами и никто не скребется за металлическими стенами... Крысы здесь завелись, что ли? Вот опять за его спиной вдоль стены кто-то простучал маленькими коготками. Он понимал, что после биологического контроля и серии дезинфекций, которым подвергаются машины перед отправкой в космос, на них не может сохраниться ни одной бактерии, и все же кто-то определенно бегал у него за спиной... Звук расплывчатый, глухой... Скорее всего это кибер что-то делал в своем грузовом отсеке, за толстыми стальными плитами... Временами Глеб совершенно терял ощущение реальности. Ему казалось, он давно плывет в темной густой реке, а рядом с ним маленькое металлическое создание, похожее на крысу и на робота одновременно. У него были ядовитые зубы, и Глеб понимал: главную опасность представляют именно эти зубы. Ему бы увернуться, убежать, но сил уже не было, и проклятая крыса в конце концов вцепилась в затылок. Глеб закричал, рванулся и, окончательно придя в себя, понял, что танк только что резко изменил направление. Двигатели под полом взвыли, и почти сразу где-то снаружи тяжело ухнуло и засвистело. Удар подбросил машину. Пол под ногами мелко затрясся. Снаружи происходило нечто чрезвычайное, нечто такое, что требовало его немедленного вмешательства.

Самым трудным было первое движение — встать, распрямить спину... Голова закружилась, и несколько секунд он вынужден был стоять неподвижно, собираясь с силами.

Свет неожиданно ударил по глазам, как только он приоткрыл крышку люка. Ну конечно, наверху, в машинном отделении, должен был быть свет. Он успел забыть об этом... Казалось совершенно невозможным дышать расплавленным, жидким свинцом, на который походил воздух, хлынувший из машинного отделения.

«Подняться туда? В этот раскаленный радиоактивный ад?» Нет, он не сможет. Надо поскорей захлопнуть крышку люка... Но вместо этого он почему-то полез вверх, с трудом переставляя ноги по металлическим скобам, заменявшим ступени. Подъем занял минут пять. Наконец он почувствовал под ногами пол машинного отсека. Пот заливал глаза. Несколько секунд он ничего не мог рассмотреть. Вся машина мелко вибрировала, и он ощущал ее дрожь каждой клеточкой своего тела. Вскоре глаза немного привыкли к ослепительному блеску ламп. Генераторы выли на высокой ноте. Их кожухи расплывались в радужные пятна. На таком расстоянии он еще ничего не видел. Зато совсем рядом, справа, рука нащупала знакомую нишу дверного замка. Откуда здесь дверь? Здесь не должно быть никакой двери, все переборки герметично перекрываются специальными шлюзами... И вдруг он вспомнил... Шкафчик, аварийный шкафчик...

Еще не веря себе, он рванул ручку, замок послушно поддался. Прямо перед ним шелестела и переливалась серебряными отблесками текстонитовая ткань скафандра...

— Идиот, последний идиот! — обозвал он себя. — Ну конечно же, в машинном должен быть резервный скафандр!

Вместо того чтобы медленно поджариваться в этой душегубке, нужно было действовать, потому что скафандр прежде всего означал полную защиту от радиации, нормальную температуру, а в случае необходимости — и возможность выхода наружу.

Натянуть его, закрепить магнитные швы и включить внутреннюю систему терморегуляции — все эти привычные, сотни раз отработанные движения не заняли больше минуты. Струя свежего, прохладного воздуха ударила в лицо из респиратора. Глеб блаженно зажмурился. Теперь можно было жить...

И в эту секунду погас свет. Одновременно встали оба генератора, и наступила жуткая, неправдоподобная тишина. Почти сразу же он понял, что тишина была обманчива. Как только слух оправился от дикого рева двигателей и пронзительного воя гравитационных моторов, он услышал снаружи странный шелест и дробный нарастающий стук. В то же мгновение машину мелко-мелко затрясло, точно кто-то бросил ее на огромное сито. Дрожь нарастала. От нее заломило виски, заныли зубы. Вибрация перешла в звуковой диапазон, зазвенели, завыли переборки. Что-то упало и разбилось рядом с ним. Машина, весившая десятки тонн, одетая в непроницаемую броню, упрятанная в кокон защитных полей, тряслась как в лихорадке... Вдруг он сообразил, что никаких полей больше нет, раз встали генераторы, и если машина

сейчас находится в зоне... Он старался не думать о том, что случится через несколько секунд после того, как под действием энтропийного поля распадется наружная силиконовая броня...

Сейчас, когда в ангаре не было двух самых больших машин, его пространство казалось неоправданно огромным. Группа людей совершенно затерялась под сверкавшим ослепительным светом куполом. Полное освещение потребовалось кибернетикам. Чтобы не отключать многочисленные цепи, в которых могло быть искомое повреждение, решено было вести работу на месте. Узкий длинный стол заполняли детали и отдельные узлы разобранного контрольного автомата.

Главный кибернетик Кирилин семенил вдоль стола, подключая к бесчисленным контактным разъемам контрольные приборы. Тут же, на ходу, он считывал их показания в диктофон карманного калькулятора. На его крошечном табло то и дело вспыхивали новые цифры суммарных результатов. В третий раз в течение этого часа на экране связного фона появилось усталое лицо координатора. Едва сдерживая закипавшее раздражение, Кирилин даже не поднял головы от приборов. Координатор терпеливо ждал.

— Я еще работаю, Рент. Ничего нового я не могу сказать. Я сразу же сообщу тебе результаты. Сразу, как только закончу.

Экран мигнул и погас. Координатор так и не произнес ни слова. Кирилин почувствовал угрызения совести. В конце концов, Рента можно было понять. Глеб был его другом, почти другом, потому что настоящих друзей у того, кто занимал эту проклятую должность, быть не может... Как это непросто держать в железных тисках дисциплины такой огромный корабль, отвечать за каждого. Наверное, Рент надеялся что-то доказать Глебу, оправдаться за ту историю, когда Глеб спас шестерых и потерял должность пилота, но теперь уже поздно, теперь никому он ничего не докажет, а оправдываться придется перед базой, и не только ему, всем придется объяснять, каким образом с корабля, закрытого по тревожному расписанию, бесследно исчез человек...

Рент сидел в центральной лаборатории за крошечным столиком, втиснутым между двумя объемными экранами. В хозяйстве Лонга координатор почему-то всегда чувствовал себя неуверенно. То и дело входившие сотрудники научного отдела бросали на него любопытные взгляды и тут же забывали о присутствии командира корабля. Он был чужим в их родной стихии непонят-

ных формул, вспыхивавших змеек, бесчисленных графиков, мыслей, выраженных на недоступном простому смертному языке... Центральный экран занимала увеличенная карта, снятая со спутника в момент исчезновения танка.

И это все, что еще можно было понять. Впрочем, самой карты почти не осталось. Теперь ее покрывала целая сеть каких-то формул, расчетов и цифр, обозначавших гигаватты мощности пород, мощности фона, баллы подземных толчков, атмосферы сжатий и растяжений отдельных пластов и десятки, сотни других специальных данных, расщеплявших общую картину происшедшего, делавших ее еще более загадочной и совершенно необъяснимой...

Рент встал, подошел к карте и увеличил на весь экран крошечную точку поверхности, ту самую, где на предыдущем снимке секунду назад еще была видна машина, а на этом ее уже не было. Только небольшая рябь, словно это не песок, а озеро, поверхность которого всколыхнули упругие, расходящиеся во все стороны волны.

— Может, поле отключилось в момент удара взрывной волны?

Лонг покачал головой.

— Я уже подсчитал. Достаточно было простой брони, с такого расстояния она бы выдержала удар. Тут что-то другое.

— Так что же? У тебя достаточно квалифицированные специалисты, и я вправе потребовать однозначного ответа хотя бы на этот вопрос!

— Они делают все возможное, Рент.

— Пусть сделают невозможное. Я должен знать, куда девался этот танк!

Лонг задумчиво посмотрел на координатора.

— Думаешь, Глеб был там?

— Я не верю в бесследное исчезновение ни машин, ни людей!

— Но почему именно на ноль втором?

— Потому что с ноль первого он мог бы связаться с нами по рации, — сказал Рент и со злостью ударил кулаком по переборке.

Расположенный неподалеку экран какого-то индикатора покрылся рябью помех. Лонг неодобрительно посмотрел на координатора, но промолчал.

— Не мешало бы тебе потрясти техников, а заодно и кибернетиков. Хорошо бы наконец узнать, каким образом Глеб мог остаться в закрытом ангаре после включения программы. Кстати, это могло бы помочь и в наших исследованиях.

— Там тоже делают все возможное, можешь не сомневаться. Но время... У меня такое ощущение, что уходят последние минуты, когда еще не поздно что-то предпринять, а мы, как слепые котята, каждый шаг в темноте...

— Кое-что мы уже знаем, но я тебя понимаю... Мои ребята сделают все; поторопи еще раз кибернетиков.

Рент захлопнул дверь своей каюты и несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь сформулировать и уточнить только что возникшее подсознательное решение. «Если Кирилин обнаружит, что контрольный автомат выдал сигнал в центральный блок по собственной инициативе... Если внутри корабля будет обнаружен хоть один автомат, способный к самостоятельным, отличным от программы действиям, мне придется отключить их все. Все сразу. Даже решениям Центавра нельзя будет безоговорочно доверять. Придется кое-что вспомнить и кое-что научиться делать руками... И все равно мы сразу же станем беспомощны...»

Рент устало сел в кресло. Вяло набрал код на обслуживающем автомате. Из щели появился поднос с дымящимся ужином. Есть не хотелось. Почти насильно он заставил себя проглотить несколько кусков.

Интересно, как это будет выглядеть, если на корабле придется выключить все автоматические системы? Обслуживающего персонала здесь нет, а камбуз шестью палубами ниже. Хорош он будет, если сам побежит за этим подносом... Автоматика сопровождает каждый их шаг. Без нее не взлететь, не справиться с этой махиной мертвого металла, в которую сразу же превратится корабль, лишенный своих механических слуг.

— Если бы мне пришлось иметь дело с сильным противником, я бы выбрал самое уязвимое, самое слабое его место. Такое, где одним ударом можно лишить его основного превосходства — техники. Тогда, похоже, мы имеем дело с коварным и умным врагом. Именно с врагом... А к такой встрече мы не готовы даже психологически. Все встречи в космосе, все поиски родственного разума, все эти комиссии по контактам питались одной и той же иллюзией — чужой разум непременно должен быть дружественен к нам. Но, собственно, почему? Лонг не хочет верить в чужой разум... Ему нужны факты, естественные факты, укладывающиеся в готовую научную схему... Биосфера, например, постепенное развитие жизни от простого к сложному и только потом разум... Ничего этого нет на планете. Лишь мертвый камень... Но роботы здесь перестают выполнять заложенные в них про-

граммы, становятся чем-то неизвестным, может быть, даже враждебным нам, и разве это не факт? Разве нужны еще какие-то доказательства? Конечно, они есть, эти факты, просто мы пока их не знаем... Должно быть что-то или кто-то, кто влияет на системы наших автоматов. Можно, наверное, установить, каким образом возможно такое влияние... Когда-нибудь мы это установим, но ведь это не самое главное. Совсем не это. Важно другое. Мы столкнулись здесь с необычным явлением, с чем-то таким, с чем человечество никогда еще не имело дела. С волей чужого разума... И, может быть, поле песка, где бесследно исчезла наша самая мощная машина, это всего лишь зона... Запретная зона, куда человеку не разрешено вторгаться... — рассуждал он вслух.

Вспыхнул экран фона, и вплотную с креслом в воздухе повисло взволнованное лицо Лонга. Рент услышал тяжелое дыхание совершенно растерявшегося человека.

— Мы установили это, Рент. Мы узнали, куда девался танк.

Рент весь напрягся, словно приготовился к прыжку.

— Снизу, из-под стометрового слоя песка, на него был направлен мощный ультразвуковой луч. Он превратил машину в вибратор, и она почти мгновенно погрузилась в песок. Погрузилась до самого дна к источнику ультразвуковых колебаний...

Пройдя сквозь метровые броневые плиты текстонита, ультразвуковые колебания внутри машины смещались в звуковой диапазон. Глебу казалось, что машина превратилась в огромный разноголосый орган. Она пела, визжала, рыдала. Боковые переборки рычали на низких басовых нотах. Внутри чехлов генераторов что-то бренчало и лязгало. От звуковой какофонии в голове Глеба все смешалось. Исчезло ощущение верха и низа. Ему казалось, что банда взбесившихся обезьян колотит по машине десятками острых звенящих предметов. И вдруг словно гигантская рука приподняла машину. Что-то лязгнуло в последний раз отчетливо и звонко, словно камень ударил в нижние броневые плиты. Потом все стихло. Тишина была слишком контрастна, в ушах у Глеба еще бушевал вихрь разноголосых и уже не существующих звуков. Наверное, в какой-то момент он полностью потерял контроль над своим сознанием, потому что вдруг ощутил себя лежащим на полу моторного отсека. Он хорошо помнил, что до этого стоял, вцепившись в дверцы шкафчика, из которого успел достать и надеть скафандр. И вот теперь неподвижно лежал на полу. Тишина стояла ватная, беззвучная, совершенно мертвая. Такой не бывает даже в рубке корабля, разве что в открытом космосе...

Генераторы молчали, и это означало, что никакого защитного поля снаружи нет, и раз так, раз он до сих пор жив, значит, энтропийное поле либо не проникает в зону, где находится машина, либо почему-то исчезло вовсе. В любом случае ему надо выйти наружу, чтобы перестать наконец играть роль запаянной в консервную банку беспомощной сардины. Скафандр защитит его от любых излучений, снабдит кислородом, в нем не страшен и открытый космос. Только против энтропийного поля он бессилен, но от него не спасет и танковая броня. А раз так, надо выходить.

Люк поддался легко, словно хотел вознаградить его за те усилия, когда он лежал под машиной и боролся за каждую лишнюю секунду. Едва крышка вывалилась наружу, как в образовавшееся отверстие хлынул свет. Странный рассеянный свет, непохожий на естественное освещение поверхности планеты.

Корабельный совет собрался через два часа после того, как научный отдел установил причину исчезновения танка. В центральной кают-компании было слишком просторно и оттого неуютно. Помещение, рассчитанное на всю команду, казалось чрезмерно большим. Люди чувствовали себя потерянно и чересчур официально среди рядов пустых кресел. Но, может быть, координатор рассчитывал именно на это? В конце концов, не каждый день приходится собирать чрезвычайный совет. На нем присутствовали руководители отделов и основных служб контроля. Не было лишь главного кибернетика. Координатор недовольно покосился на часы.

— Давайте начинать. Кирилин подойдет позже. Нам надо рассмотреть один-единственный вопрос. — Координатор кивнул Крамскому.

Начальник геофизической лаборатории встал и развернул на магнитной доске большую цветную схему. Чертеж напоминал глубокую тарелку, в центре которой лежала половинка яблока.

— Так это будет выглядеть, если мы удалим песок, — обернувшись на схему, коротко бросил координатор.

— Позвольте, а что там, собственно, такое? — Вопрос принадлежал начальнику метеослужбы. Очевидно, он единственный не был в курсе событий. Собравшиеся, все как один, повернулись к нему. — Да нет, я не о том... Я понимаю, что это чертеж купола, за которым исчез наш танк, но что он собой представляет? Это что — искусственное сооружение или ядро какого-то естественного образования?

Словно не слыша вопроса, координатор продолжил:

— Данные сняты с помощью ультразвукового эхолота и тектонического каротажа. Диаметр купола два километра, глубина залегания около двухсот метров в ближайшей к поверхности точке. Скальные породы лишают нас возможности высветить его нижнюю часть. Но и того, что есть, вполне достаточно. Математически правильные купола не растут под землей сами по себе. Его кто-то построил, и теперь почти не остается сомнений в том, что энтропийное поле — результат деятельности неизвестных нам механизмов, заключенных внутри купола.

— Я бы не спешил с категорическими выводами, — поморщился Лонг.

— Мы здесь собрались не для научных дискуссий. Нам нужна рабочая гипотеза, наиболее близкая к истине, и только. Будем считать, что это искусственное сооружение, снабженное механизмами достаточно высокого класса.

— Но для чего могло понадобиться подобное сооружение на пустынной необитаемой планете, лишенной даже атмосферы?! Кому и для чего?! — взорвался Лонг.

— Этого я не знаю, — сказал координатор. — И сейчас меня интересует совсем другое. У нас пропала машина. На ней находился член экипажа. Мне бы хотелось ее вернуть. Давайте обсудим, какими средствами мы для этого располагаем.

— Что значит «вернуть»? Поясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду под словом «вернуть»? — возмущенно спросил Лонг. На этот раз он встал с места и стоял теперь напротив стола координатора.

— Только то, что сказал.

— По меньшей мере это означает конфликт с непредсказуемыми последствиями. Ну, допустим, мы найдем способ добраться до этого купола, хотя я и не представляю, как ты пробьешься сквозь энтропийное поле. Что дальше? Что ты собираешься делать дальше? Взламывать этот купол, стучаться в него?

— Сначала мы используем все доступные нам средства, чтобы вступить в контакт. Если это не удастся...

— А это наверняка не удастся! — перебил координатора Лонг.

И тот, переждав его реплику, продолжил, не повышая голоса:

— Я повторяю: в том случае, если это не удастся, мы вскроем купол.

— Так... Это похоже на начало военных действий... Да от нас мокрого места не останется, если этот купол и в самом деле какая-то станция, построенная сверхцивилизацией! Мы до сих пор

считали энтропийное поле неизменной константой, и если они научились им управлять... если оно здесь всего лишь защитная зона, то наверняка есть и другие, более мощные механизмы. Они ответят на наше нападение и будут правы.

— Не мы начинаем конфликт! Я всего лишь хочу вернуть принадлежащую нам машину. И спасти жизнь члену нашего экипажа, если это еще возможно!

5

Глеба поразило непривычно мягкое освещение, ворвавшееся в приоткрытую крышку люка. Но еще больше его удивило то, что воздух не выходил наружу из переходного тамбура. Это могло означать лишь одно: снаружи и изнутри давление примерно равно... Прежде всего он подумал, что машина выполнила задание и вернулась в ангар, пока он был без сознания. Но эта мысль ничуть его не успокоила, потому что он ощутил, как в уши постепенно проникает тишина, царившая вокруг. Такая полная, какая никогда не бывает в помещениях, созданных людьми с их шумными земными механизмами... От волнения ноги плохо слушались и никак не могли сделать последнего шага вниз, к полураспахнутому люку... Его могли ждать снаружи... Почему-то он старался не думать о том, кто именно его ждет... И все же эта мысль помогла ему справиться с собой. Он надавил на рычаг и до дна опустил крышку люка. Теперь она висела отвесно, открыв перед ним узкое круглое отверстие. Всего в метре от него находилась поверхность, на которой стоял танк. Сначала он подумал, что это ледяное поле. Но, взглянув в мерцающую глубину неведомого материала, решил, что лед вряд ли может быть таким гладким, без единой морщины и трещины, без единого инородного включения...

Он ступил на него осторожно, боясь поскользнуться, словно это имело решающее значение... Но материал оказался шероховатым и прочно держал на себе подошвы скафандра.

Выбравшись из-под танка, Глеб встал во весь рост и только после этого позволил себе взглянуть на то, что его окружало. В первую минуту, пока глаза не привыкли к свету, он рассмотрел лишь цепочки бегущих во все стороны разноцветных огней. Их было много. Гораздо больше, чем звезд на небе. От них шел мягкий рассеянный свет, заполнивший собой все пространство, словно туманом.

Через секунду он рассмотрел, что огни передвигались не беспорядочно. Они все время следовали по бесчисленным, но вполне определенным путям, словно бежали по заранее проложенным дорожкам, как железнодорожные игрушечные составы. Когда глаза немного привыкли к радужному мерцанию, он увидел и сами дороги, по которым проходили огни, и понял, что они-то и есть самое главное в том, что его окружало, во всяком случае — самое вещественное.

Больше всего это походило на стеклянный лес. Блеклые прозрачные жгуты разной толщины перекрещивались, разветвлялись, сходились в толстые узлы и разбегались бесчисленными каскадами, словно струи замерзших водопадов. Здесь были длинные кривые ветви, похожие на свернувшихся удавов, извилистые колонны и тоненькие прозрачные нити. Лианы, жгуты, веревки — невообразимая путаница застывших стеклянных зарослей... Они простирались перед ним далеко. Метров на сто. Несмотря на бесчисленные переплетения, свободного пространства между отдельными ветвями и стволами оказывалось достаточно, чтобы видеть далеко вглубь. Глеб назвал их про себя ветвями и деревьями, но даже формой они походили на них весьма приближенно, хотя бы потому, что большинство этих стеклянных образований книзу становилось тоньше. А когда Глеб запрокинул голову, то в высоте не смог рассмотреть ничего, кроме все тех же терявшихся в рассеянном туманном свете прозрачных колонн.

Больше всего поражала тишина, стоявшая в этом стеклянном мире. И беспрерывное движение огней. Отдельные ветви и стволы жили напряженной световой жизнью, через них пробегали целые каскады светящихся шаров, а в узловых переплетениях, где то и дело встречались световые импульсы, идущие с разных направлений, нарастало свечение, словно накапливалась некая светящаяся жидкость, которая вдруг, после прибытия светового всплеска, полностью меркла, и тогда эта ветвь надолго гасла.

В некоторых узловых переплетениях ровным светом горели неподвижные огненные шары, словно ждали здесь чего-то...

Наконец Глеб опустил глаза вниз и рассмотрел гладкую прозрачную плиту, показавшуюся ему вначале ледяным полем. В нее, как в землю, уходили бесчисленные корни и ровные стволы отдельных деревьев. Насколько он мог всмотреться в ее бездонную прозрачность, плита была огромной толщины, если только это обманчивое впечатление не создавалось внутренним зеркальным отражением.

Глеб обернулся и увидел у себя за спиной такую же стену, только гладкую. Сквозь нее не проходил ни один корень, ни одна ветвь.

Эта гладкая стена под прямым углом смыкалась с полом и уходила вправо и влево, насколько позволяли рассмотреть ветви деревьев. Казалось, линия стыка слегка изгибалась огромной дугой, охватившей целые километры пространства, заполненного окружавшим его фантастическим миром... Единственным реальным предметом, напоминавшим о том, что все окружающее не бред и не галлюцинация, оставалась земная, сработанная руками людей машина. Ее шершавые, испещренные вмятинами и потеками плиты казались грубыми в этом стерильном, почти эфемерном мире, но именно ее привычные обыденные контуры помогли Глебу взять себя в руки и справиться с невольным страхом, который рождает в человеке все непостижимо чужое.

— Так вот как это выглядит... — тихо проговорил Глеб, хотя не знал, что именно представляет собой все огромное «это».

Звук его голоса прозвучал в окружающем безмолвии кощунственно резко. Потом унесся куда-то далеко в глубь и в даль этого колоссального сооружения и через несколько минут вернулся к нему раздробленным эхом.

Прямо перед ним, всего в нескольких шагах, в пол уходила толстая стеклянная лиана почти полуметровой толщины. В отличие от остальных через эту ветвь не проходили бегущие огни. Зато она вся целиком через равные промежутки времени то вспыхивала, то гасла. Глебу захотелось потрогать ее безупречно гладкую прозрачную поверхность. Может быть, для того, чтобы лишний раз убедиться в реальности окружающего. Не задумываясь над тем, что это может быть опасно, он отстегнул перчатку скафандра и приложил руку к лиане. Ничего не случилось. Поверхность была несокрушимо прочной, твердой и холодной на ощупь. Маслянисто-гладкой, как змеиная кожа. Глеб сделал несколько шагов в глубь стеклянного леса и обернулся: свободное пространство сразу же уменьшилось, исчезла перспектива. Вокруг него вплотную тянулись толстые стеклянные трубы, метались, бежали огни. От непрестанного мелькания начинала кружиться голова. Машину теперь закрывали переплетения стеклянных стволов; временами радужные сполохи световых вспышек закрывали стену, у которой стояла машина, сплошной световой завесой.

Глеб чувствовал легкое разочарование, может быть, потому, что, выходя из танка, ждал чего-то совсем другого.

«Скорее всего это искусственное сооружение, хотя сам лес вполне может быть частью какого-то огромного организма... —

Это была его первая четко оформленная мысль, и он понял, что потрясение от встречи с неведомым постепенно проходит. — К тому же здесь есть атмосфера, а это должно означать, что я нахожусь в закрытом помещении, которое не сообщается с безвоздушным пространством планеты. Как же попала сюда машина? Значит, есть какой-то шлюз, дверь или пасть, наконец...»

Но последняя мысль не вызвала у него доверия. Росло внутреннее убеждение, что это всего лишь огромный механизм, не похожий на земные. Колоссальное, искусственно созданное сооружение. Нужно бы проверить, но как? Он прикинул свои возможности. На поясе скафандра болталась сумка с универсальным инструментом. В рубке танка должны быть комплект стандартных анализаторов и полевая лаборатория... Кроме того, там есть рация, если только радиоволны пробьются сквозь это замкнутое пространство.

Плохо, если не пробьются, потому что Рент наверняка не будет сидеть сложа руки.

Надо дать знать, что с ним все в порядке, иначе, стараясь вызволить его отсюда, они могут предпринять слишком поспешные, непродуманные действия, не подозревая, что на планете уже есть хозяин или хозяева... И тут он понял, что Рент догадывался об этом с самого начала, еще тогда, после выстрела, когда снял его с вахты... Но вышло так, что все обернулось для Глеба новой вахтой, гораздо более ответственной, чем та, первая. С этой вахты никто не сможет его снять, никто не поможет в выборе правильного решения, от которого может зависеть и судьба корабля, и его собственная. До него только сейчас постепенно стал доходить весь смысл происшедшего. Так, значит, все же запретная зона... Система охранных полей, прикрывавших вход в искусственное сооружение... Если он прав, если это всего лишь колоссальная машина с непонятной пока задачей, у нее должен быть какой-то управляющий центр, если только она вся целиком не является таким центром... Не оставалось сомнений в том, что эта система способна принимать какие-то логические решения, иначе танк никогда не очутился бы здесь, а раз так, здесь наверняка есть датчики для получения информации...

Глеб поежился. Хорошо все это выглядит со стороны. Поймут ли они, какую нелепую, жалкую роль приходится ему играть, попав в полную зависимость от собственного робота? Так не может дальше продолжаться. Его первейшей обязанностью оставалась связь с кораблем, а значит, нужно было попытаться проникнуть в рубку танка, чего бы это ни стоило. Он поспешно обшарил

сумку с комплектом инструментов. Ничего подходящего, ничего такого, что могло бы заменить ему оружие, только искровой сварочный разрядник. Его импульсы могут быть эффективны с расстояния не более одного метра, да и то если удастся попасть в поясной контрольный щиток киба. Только в этом случае он может пережечь предохранители и временно вывести из строя мощнейшую боевую машину...

Глеб горько усмехнулся. Реакции киба в сотни раз быстрей человеческих, а чувствительные микрофоны и оптические датчики не оставляют ему на успех и одного шанса из тысячи. И все же придется попытаться. Ничего другого ему не оставалось.

Неподвижно застывшие в своих стеклянных гнездах огненные шары чем-то напоминали ему глаза, следившие за каждым движением человека...

Кроме всего прочего, Глеб подозревал, что охранный киб может быть немаловажным звеном в цепи странного стечения обстоятельств, приведших его сюда. Тем более нужно было овладеть наконец положением, перестать играть роль пешки в чужой игре... А если не удастся, что ж... По крайней мере он будет знать, что сделал все возможное, все, что от него зависело.

Глеб медленно двинулся обратно к танку.

Инстинктивно он старался прятаться за толстыми стеклянными стволами, хотя и понимал: их прикрытие ненадежно. Если робот решит выстрелить, луч лазера легко пройдет сквозь материальную преграду такой толщины. Да и красться ни к чему: датчики кибера уже давно должны были уловить шорох его шагов... Не выстрелил же он тогда, в ангаре... «В ангаре, правда, было другое дело. Кибу еще нужно было проникнуть сюда, и я ему был для чего-то нужен, может быть, как раз для того, чтобы очутиться здесь, пройти сквозь зону защитных механизмов. Теперь все может измениться, теперь я могу стать помехой для его дальнейших планов, если таковые у него есть... Во всяком случае, если он сейчас откроет стрельбу, у меня не останется и того единственного шанса...» — лихорадочно размышлял Глеб.

Дверь грузового отсека оказалась чуть приоткрытой. Едва заметив щель, Глеб замер на месте. Поздно... Дверь дрогнула, медленно ушла в темную глубину отсека, и оттуда выдвинулась лобастая металлическая голова с решетчатыми ушами пеленгаторов. Вот они повернулись оба разом в сторону Глеба и остановились. Глеб чувствовал себя так, словно в грудь ему уперлось дуло излучателя и чей-то палец уже давил на курок... Да так оно, в сущности, и было. Расстояние до отсека метров шесть. Разрядник спо-

собен действовать максимально с метра, прежде чем он успеет сделать десяток шагов, нужных ему для выстрела, его уже не будет в живых несколько раз... Оставалось надеяться, что какая-то часть цепей, запрещавшая исправному роботу наносить вред человеку, сохранилась. Выполнял же он в ангаре его прямые команды, пусть неохотно, но все же выполнял... Что, если попробовать сейчас?

— Я второй! Контроль системы! Сообщи напряжение в функциональном блоке!

Слова Глеба упали в гнетущую тишину.

Робот молчал.

Глеб попробовал зайти с другого конца:

— Я второй! Выйди из отсека!

Медленно, словно нехотя, робот шевельнулся. Показалась плоская, как тарелка, подошва и намертво присосалась к гладкой плите пола. Все так же не торопясь робот выпрямился. Глеб не был уверен, что это результат его приказа, и подал новую команду:

— Повернись на девяносто градусов!

Робот не двигался. Глеб слишком хорошо знал, что в его груди, закрытый металлическими шторками, словно жало змеи, притаился ствол лазера. Наверняка кибер применит именно лазер. Человек слишком ничтожная цель для нейтринного излучателя. Глеб повторил команду и сам удивился собственному хриплому голосу:

— Я второй! Повернись на девяносто градусов!

Робот стоял в задумчивости. Глеб видел, как медленно раскрылись створки лазерной амбразуры и тут же снова закрылись. Потом открылись еще раз и опять, закрылись, словно в электронных мозгах машины шла какая-то неведомая борьба. Словно робот, как человек, не мог прийти к правильному решению. Словно он был способен колебаться и испытывать сомнения... Больше Глеб не произнес ни слова. Малейшее смещение сигналов в управляющих цепях киба могло подтолкнуть его к последнему рубежу, уничтожить остатки запретов, и тогда он пустит в ход лазер...

Тягучая неподвижность становилась невыносимой. Глеб чувствовал, что ноги точно налились свинцом, от напряжения ломило в висках. Так долго не может продолжаться, он не выдержит... Хорошенькое дело... Дрожать перед собственным роботом... Да еще, возможно, на глазах неведомых зрителей. Не зря отдельные неподвижные шары напоминают ему глаза, здесь должны быть какие-то следящие устройства — наверняка. Эта мысль помогла

ему взять себя в руки, загнать цепенящий, сковывающий движения страх куда-то в глубь сознания. Медленно, словно толкая перед собой невидимый груз, Глеб сделал шаг навстречу роботу, и ничего не случилось. Тогда так же медленно, приготовившись к самому худшему, он сделал еще шаг. Амбразура вновь открылась. Глеб видел, как мелко-мелко дрожат от неведомой вибрации ее шторки. В темной глубине блестела торцевая грань рубинового кристалла... И тут Глеб сорвался. Он вскинул разрядник и бросился вперед, одним рывком стараясь преодолеть оставшиеся метры. Робот вздрогнул, попятился, и почти в ту же секунду лазер выплюнул навстречу Глебу раскаленную светящуюся нить. Прежде чем летящий со скоростью света луч ударил ему в грудь, Глеб успел подумать о множестве разных вещей, о том, например, что робот не может промахнуться. Он никогда не промахивается. Ствол лазера направляет электронно-счетная машина, а оптические дальномеры и координаторы безупречны. О том, что выстрел направлен точно ему в грудь и теперь, должно быть, уже прошел навылет. Что это лишь обрывки, остатки мыслей, которые сейчас угаснут навсегда.

Глеб внутренне сжался, ожидая удара и боли, но боли все не было... Вдруг он понял, что случилось невозможное, почти невероятное. На своем пути луч лазера встретил стеклянную ветвь дерева. Робот мог не принять ее в расчет. Любая материя на пути огромного заряда энергии, которую нес в себе лазерный луч, должна была мгновенно превратиться в пар, и такая ничтожная преграда не могла задержать его неотвратимого полета... Она и не стала его задерживать, лишь чуть сместила, преломила лазерный луч, пропустив его через себя, изменила угол полета, и смертоносный заряд энергии ушел вверх, бесследно затерялся в мешанине стеклянных зарослей...

Почти инстинктивно сразу после выстрела Глеб упал и замер. Невозможно было предсказать, как робот поступит дальше.

Он мог повторить выстрел, чуть изменив прицел, или хотя бы проверить результат первого... Но ничего этого робот не сделал. Скорее всего сработали наконец остатки потенциалов, тех самых аварийных потенциалов, заложенных в его электронном мозгу, которые в случае нарушения основных запретов, как крайняя мера безопасности, должны были, по мысли конструктора, уничтожить машину, разрушив ее электронный мозг. Однако этого тоже не случилось. Казалось, робот испытывал что-то похожее на ужас от своего поступка. И хотя Глеб отлично знал, что машина лишена каких бы то ни было эмоций, ничем другим, как паническим

ужасом, он не мог объяснить его беспорядочное поспешное бегство.

Нелепая прыгающая фигура киба несколько раз мелькнула среди стеклянных стволов, прежде чем исчезнуть вовсе. Трудно было сказать, чьей победой кончился этот поединок и кончился ли он... По крайней мере теперь в распоряжении Глеба оказалась машина, и он не замедлил этим воспользоваться. Рация! Прежде всего ему нужна была рация.

Радиоволны не проходили во всех диапазонах. Локаторы в миллиметровом диапазоне смогли пробиться сквозь стеклянные заросли только до противоположной стены, и он понял, что ее отделяет от него не меньше двух километров. Возможно, здесь только первый этаж... Никто не поручится, что под полом у этой штуки нет продолжения, недаром туда уходят корни...

Связь... Как поставить в известность корабль? Эта мысль лихорадочно билась в его мозгу. Нужно попробовать отыскать шлюз, механизм, переместивший танк в закрытый купол... На экране локаторов Глеб мог видеть огромный двухкилометровый шатер, раскинувшийся у него над головой. Шлюз должен быть где-то здесь, рядом. Моторы встали сразу после взрыва... Потом началась вибрация. Он старался вспомнить остатки того немногого, что сохранилось в памяти перед полной потерей сознания. Скорее всего моторы встали до начала вибрации, и, значит, сюда танк попал уже неподвижным... Тогда шлюз должен быть где-то совсем близко, если, конечно, робот не включал двигатели внутри купола... В любом случае надо искать шлюз. Но сначала неплохо сделать серию стандартных анализов. Никто не знает, что произойдет здесь через минуту... Запись этих анализов останется в бортовом журнале.

И вдруг Глеб понял, что попросту ищет оправдания. Оправдания тому, что уже понял: если бы сейчас, сию минуту, перед ним открылся такой желанный и необходимый ему шлюз, он не направил бы в него машину... И не связь его сейчас больше всего волновала, хотя, конечно, неплохо было бы связаться с кораблем... Все его существо переполнило никогда не испытанное с такой силой чувство, которое вот уже многие тысячи лет двигало человечество вперед к новым открытиям, к новым неведомым находкам. Оно называлось на человеческом языке довольно просто и буднично — любопытство, и, не пытаясь в нем разбираться, Глеб прекрасно понимал, что никуда он отсюда не уйдет, пока не выяснит, что это такое, или хотя бы не сделает все от него зависящее, чтобы это выяснить... А шлюз пока подождет.

Глеб нажал клавишу анализатора. «Будет что сообщить в радиограмме, если мне удастся пробиться наверх...»

Анализатор закончил стандартную серию и выбросил на водительский столик длинную ленту, испещренную цифрами. Глеб не решился отбирать образцы стеклянной массы, и потому анализы не отличались особой полнотой.

И все равно данные, полученные от спектроскопов и микроанализаторов, он читал залпом, как читают стихи. Окись кремния с перестроенной кристаллической решеткой. Решетка напоминает графит, но здесь другие энергетические связи. Странные должны быть свойства у этой штуки: в лазерном луче она, во всяком случае, не горит. В этом он убедился.

Его взгляд упал на длинный ряд нулей, столбиком заполнявший графу атмосферы. Не веря собственным глазам, он просмотрел его еще раз.

Один гелий! Чистый гелий. Такой чистый, что искусственное его происхождение не вызывало сомнений. Значит, искусственное сооружение... Его первоначальная догадка получила новое подтверждение. Глеб задумался.

Сначала из строя вышли два робота в группе геологов. Кто-то или что-то изменило запись их программы в кристаллокондах. Затем обнаружилось энтропийное поле, окружавшее определенную зону планеты.

Неожиданная, ничем не спровоцированная атака на группу геологов. Она больше всего походила на стихийное бедствие, на какой-то случайный прорыв энтропии, не имевший к людям ни малейшего отношения. Возможно, именно поэтому его выстрел остался без последствий, хотя и остановил продвижение поля, насытив его энергией. Сейчас ему важно было отбросить все случайное и оставить логическую цепочку фактов, способную прояснить смутное подозрение, мелькнувшее у него в голове.

Значит, сначала два робота, а затем охранный кибер, получивший извне новую программу действий. Предположим, программа задана отсюда, этим самым стеклянным лесом, или что он там собой представляет? Зачем тогда роботу понадобился танк? Зачем вообще ему было нужно сложно организованное похищение машины вместе с человеком?

Допустим, им потребовался человек для контакта, для экспериментов, исследований или еще для чего. Значит, они похищают человека, а потом дают команду роботу стрелять по нему из лазера... Не получалось. Что-то здесь не сходилось. Если они хо-

тели всего лишь его уничтожить, это можно было сделать гораздо проще... А что, если танк понадобился роботу, чтобы невредимым пройти через энтропийное поле, а он, Глеб, затесался во всю эту историю чисто случайно? Это, пожалуй, ближе к истине, во всяком случае, известные ему факты как будто не противоречат такой догадке... Возможно, робот не мог рассчитывать на беспрепятственный проход сквозь защитные механизмы купола... Ему нужен был танк, чтобы попасть сюда, и человек внутри танка, чтобы сработали пропускные механизмы шлюза... Нет. Все это слишком сложно для свихнувшегося киба. Наверняка есть другое, более простое и поэтому более верное предположение. До сих пор мы считали энтропийное поле функцией купола, результатом его деятельности, своеобразной защитной зоной. Этот вывод буквально напрашивался сам собой, лежал на поверхности, но из этого вовсе не следует, что именно эта догадка соответствует истине. С такой же долей вероятности можно предположить, что энтропийное поле существует само по себе, что это среда, образовавшаяся независимо от купола. Возможно, купол специально помещен в центр энтропийной зоны. Она наверняка както связана с его деятельностью, но купол может и не управлять энтропийным полем. Логические механизмы купола могли не иметь информацию о том, как воздействует энтропия на земные механизмы, на людей. Во всяком случае, какие-то последствия могли оказаться для них неожиданными, и тогда первоначально простой, логически ясный план запутался, стал казаться неразрешимой загадкой, и сколько бы он ни ломал над ним теперь голову — без дополнительных фактов ему в этом не разобраться. Одно совершенно ясно: что бы там ни произошло с этим роботом, за действия земного механизма в чужом доме отвечают люди.

«То есть в данном случае — я», — уточнил Глеб.

6

С универсальным обслуживающим кибом ноль сорок восьмым происходило что-то странное. Его тело обдала волна холода, и оно непроизвольно, конвульсивно задергалось. Почти сразу же он почувствовал инстинктивный страх, заставивший его замереть неподвижно. Вместе со страхом впервые, с тех пор как в его памяти был записан собственный порядковый номер, он ощутил злобу. Он не знал, что чувство, которое он испытывал, называется именно злобой. Он еще не умел выражать на человеческом

языке своих ощущений. Но сейчас он чувствовал страх и злобу... Самым невероятным было то, что страх ему внушали люди. Те самые люди, выполнение команд которых составляло до этой минуты единственный смысл его существования. Теперь он боялся людей...

Боялся потому, что секунду назад они отключили очередного ремонтного киба, обесточили его электронный мозг, и сейчас очередь, возможно, за ним... Раньше подобная операция не производила на него ни малейшего впечатления. Ему было совершенно безразлично, обесточат его информационный центр или, наоборот, дадут какое-нибудь задание, теперь же он осознал себя как нечто отдельное, существующее самостоятельно, обладающее собственной волей, волей к разрушению... Конечно, он не был личностью, он был всего лишь испорченным логическим механизмом, в тонкой организации которого нарушились одни связи и установились другие, произвольные. Тем не менее он испытывал злобу, может быть, оттого, что это чувство проще и схематичнее всех остальных человеческих чувств, ближе всего находится к тому первозданному хаосу, из которого постепенно, на протяжении миллионов лет, выкристаллизовывались в людях осознание собственной личности, сочувствие, помощь, подчинение в случае необходимости другой личности, — все это пришло позже.

В какой-то мере логический аппарат робота, его электронный мозг, был упрощенной копией человеческого, и, наверно, потому, соприкоснувшись с разрушающим полем хаоса чужой планеты, он опустился на ступеньку ниже...

Мысленно он видел картину: окружавшая его сложно организованная материя распадается. Рвутся ее связи, разрушаются сложные структуры. Распад должен захватить как можно больше пространства. Распространиться во все стороны как можно дальше. Только так он и мог разрушить ненавистную металлическую тюрьму, в которой был теперь заточен его разум. Разрушив ее, он сможет вернуться в первозданный хаос. Соединиться с ним навсегда. Даже мысль об этом доставила ему огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Добиться этого будет нелегко. Просто отключение мозга, чего он так боялся, ничем ему не поможет. Оно лишь надолго, а может быть, и навсегда заморозит его в этой металлической оболочке. Лишит способности к самозащите... Люди что-то подозревают, если они обнаружат его новое состояние, если поймут, что с ним произошло, они могут обесточить все его цепи, уничтожить все уголки электронного мозга, где скрывается его только что проснувшееся сознание... Этого нельзя допустить ни в коем случае... Вот они подхо-

дят, совсем близко. Сжаться. Исчезнуть. Пусть это чужое тело, лишенное воли, выполняет пока их команды. Он подождет. Надо лишь приспособиться, оставить для себя крошечный уголок электронного мозга. Не слышать. Не видеть. Не чувствовать. Только существовать в эмбриональном, зародышевом полумертвом состоянии. Существовать, чтобы переждать, выжить и отомстить им потом за этот страх...

— Ну что там с ноль сорок восьмым? — Кирилин недовольно смотрел в узкую зеленую щель универсального анализатора психомоторных функций киберсистем. Он не выходил из ангара шестой час подряд, и глаза слезились от усталости и напряжения.

Техник включил тестовый аппарат.

— То же самое. Замедление в одну сотую.

— Оно мне не нравится.

— Но это же норма! Если обращать внимание на каждую сотку, надо разбирать всех роботов подряд!

— Оно мне не нравится. Давайте на стол и этого.

Через три часа напряженной работы он был вынужден сдаться. Все системы кибера работали безупречно. Кирилин раздраженно швырнул на стол универсальный анализатор. Они гоняются за призраком, за химерой. Все автоматы ангара в полном порядке! Вот только из него непостижимым образом исчез человек, и контрольные системы дали ложный сигнал... Те самые системы, которые сейчас так безупречны во всех своих показателях, так безупречны, что в реально существующих нормальных автоматах этого быть не может! Эта мысль обожгла его. Он бросился к только что собранному роботу и повернул аварийный выключатель. Сверкнула искра, гораздо более мощная, чем та, которую может родить напряжение в двадцать шесть вольт... Искра сверкнула и исчезла. Ее не поймаешь, не загонишь в анализаторы, не заставишь ответить на бесчисленные вопросы. Перестал существовать еще один робот. Аварийное отключение электронного мозга превращало его в металлическую коробку, начиненную радиотехническим хламом. Только на Земле в стационарных условиях станет возможна перезарядка информацией его логических блоков. А пока что корабль лишился еще одного автономного кибера, и он по-прежнему не знает, что доложить координатору.

Кирилин тяжело вздохнул.

— Похоже, ничего больше мы не найдем. Заканчивайте. Я и так опоздал.

Техники стали сворачивать проводные линии, разбирать и упаковывать приборы и инструменты, а он все никак не мог отделаться от ощущения только что перенесенного поражения. Чего-то он не уловил, что-то ускользнуло от него на самой грани понимания... Не хватило какой-то ничтожной мелочи. Может быть, точности приборов или упорства. Осталась лишь внутренняя убежденность, что с отключенными роботами что-то было неладно, а что именно — так и не удалось определить, и в этом приходится признаваться ему, главному кибернетику корабля...

С тех пор как в кибернетике началась новая эра и все структуры электронных анализаторов были переведены с последовательного метода обработки информации на параллельный, они все больше приближались по сложности связей, по характеристике аналитических способностей к человеческому мозгу. Им уже не приходилось тратить драгоценного времени вычислителей для опознавания каждой отдельной точки какого-нибудь объекта, они могли сравнивать его весь целиком с образцом, заложенным в блоке памяти. Но вместе с бесспорными преимуществами, вместе с колоссальным увеличением функциональных возможностей таких машин появились и их первые недостатки, может быть, не столь заметные и не столь уж важные на Земле...

Сложные системы всегда более уязвимы, чем простые. И кроме того, с какого-то момента люди перестали их до конца понимать. Возможно даже, они начали свое собственное, незаметное в обычных условиях развитие...

«Наверное, я слишком устал, в голову лезут бредовые мысли, такие же бредовые, как сам факт исчезновения Танаева из закрытого ангара, начиненного автоматами... Без их участия этого просто не могло произойти. Значит, надо продолжать искать причину, а для успешных поисков необходимо разработать мало-мальски правдоподобную рабочую гипотезу. Фактор, повлиявший на наши автоматы, наверняка находится вне корабля. Тут Рент, безусловно, прав. Мне важно выяснить, хотя бы предположительно, что именно происходит с электронными связями в управляющих блоках роботов. Количество этих связей даже в простейшем автомате так велико, что не хватит всей жизни проследить их полностью. Значит, надо искать другой метод, параллельный. — Он горько усмехнулся. — Смогли же мы применить его в конструировании электронных машин — значит нужно и самим учиться мыслить конструктивней, масштабней, а не перебирать подряд все возможные варианты... Легко сказать... Но все же... Энтропийное поле в первую очередь разрушает самые сложные свя-

зи. А это как раз те, что соединяют логический центр электронного мозга с основной программой. Как только они разрушаются — произвольно образуются новые, заменяющие их, более простые... Здесь что-то есть. Это надо проверить на стенде».

Кирилин вошел в центральную кают-компанию в момент, когда спор о том, как помочь Танаеву, потерял основное направление. Вся дискуссия раздробилась на многочисленные частные стычки по второстепенным вопросам. Люди устали. Один только Лонг твердо гнул свою линию и не собирался уступать координатору. Впервые Рент натолкнулся на такое упорное сопротивление своего помощника по научной части. Возможно, это случилось потому, что в том, как Рент вел дискуссию, в его явном нежелании выслушивать серьезные возражения чувствовалось слишком много личного. И очень может быть, что Лонг знал: окажись на месте Глеба кто-нибудь другой, координатор не стал бы сражаться с таким упорством, поставив на карту буквально все. Слишком много лет совместной службы связывало их с Глебом, слишком старая дружба, к которой еще примешивалось чувство вины перед Глебом.

Все это, видимо, учитывал Лонг, и, послушав его внимательно минут пятнадцать, Кирилин решил, что на этот раз, пожалуй, дальновидней и осмотрительней Рента был его заместитель. Вот только невозможно было определить заранее, к чему приведет выжидательная позиция, на которой он настаивал. Слишком сложно и неожиданно развернулись события. Нужно было действовать, но никто толком не знал, как именно...

— Вспомни историю с гибелью геологов! — Похоже, Лонг пустил в оборот свой последний козырь. — Ты отстранил Глеба именно за непродуманные, слишком рискованные действия. Именно из-за них. А теперь ты сам настаиваешь на чем-то подобном, на предприятии, последствия которого могут быть намного серьезней, чем выстрел Глеба, который был лишь ответом на нападение!

— Да, ты прав... — Рент тяжело поднялся. Было заметно, как нелегко ему говорить. — Не ожидал, что напомнишь мне об этом. Но ты прав. Тогда я считал иначе. А сейчас полагаю, мы не можем уйти с планеты, ничего не предприняв в ответ. Слишком это будет похоже на бегство слабого противника, с которым можно не считаться и в дальнейшем. Раз уж мы столкнулись с неизвестной силой, действующей в космосе, я уверен, это не ограничится единственным случаем.

— Почему ты называешь это силой? Что значит «сила»? Это инопланетный разум! Давай называть вещи своими именами. Ты превышаешь не только разумную меру риска, но и все полномочия, данные нам на случай встречи с инопланетным разумом.

— У нас нет доказательств существования разума на планете. Перед нами всего лишь возможный объект деятельности такого разума, а это не одно и то же. Все его действия не отличаются особой разумностью.

— Не забывай, что танк сам вторгся в их запретную зону! Они нас туда не приглашали, больше того, предупреждение в случае с геологами было достаточно ясным: нас просили не вторгаться в эту зону! Предупредили о возможных последствиях, и вот мы, не пожелав с этим считаться, лишились машины. Тебе этого недостаточно? Ты хочешь углубить конфликт. Совет тебя не поддержит, Рент. Я против твоего авантюрного предприятия. Оставь купол в покое. Глебу ты все равно ничем не сможешь помочь. Силовой нажим ускорит развязку, и только.

Желчное, суховатое лицо Рента, казалось, вытянулось еще больше.

— Прошу вносить конкретные предложения для решения поставленной задачи.

— Сначала, будь любезен, поставь на голосование мое предложение о снятии самой задачи!

Лонг пошел напролом, и, похоже, на этот раз Рент окажется в меньшинстве. Настроение совета было явно не в его пользу...

Кирилина не покидало ощущение, что сейчас произойдет какая-то непоправимая ошибка, что, пока не поздно, необходимо вмешаться. Он попросил слова и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Люди, уставшие от затянувшейся стычки координатора с Лонгом, смотрели на него с надеждой.

— Сразу хочу вас предупредить. У меня нет новых конкретных данных, которые могли бы прояснить создавшуюся ситуацию. Все, что я сейчас скажу, мое личное мнение. Я убежден в том, что координатор правильно употребил термин «сила». Это не разум... в нашем понимании, во всяком случае. Это именно «сила». Целенаправленная, может быть, даже разумно направленная, иногда враждебная нам, но все же не сам разум.

Послышались шум, возгласы, требовавшие разъяснения.

— Я сейчас поясню. Представьте себе наш танк без водителя, управляемый автоматами с заданной программой. Что это такое с точки зрения постороннего и не очень осведомленного наблюдателя? В действии нашей машины можно заметить логику и опреде-

ленную целенаправленность. Возможно, эта направленность покажется враждебной, вполне возможно, и все же машина не будет разумом. Она его результат. Вернее, результат его деятельности. Сама же по себе она лишь сила — целенаправленная сила, и только. Так вот, я считаю, что здесь действует нечто подобное. Конечно, аналогия с танком весьма условна, но мне кажется, что у нас есть моральное право этой силе противостоять, бороться с ней, хотя бы в тех случаях, когда она угрожает нам непосредственно.

— То есть вы хотите сказать, что в данном случае мы должны выбирать между спасением человеческой жизни и возможным разрушением каких-то технических устройств? — уточнил координатор.

— Совершенно верно.

— Мне не ясно вот что, — снова вмешался Лонг. — Какими данными располагает кибернетическая служба для подобных заключений? У вас есть факты, доказывающие, что внутри купола отсутствует жизнь?

Секунду казалось, что под напором Лонга Кирилин собьется, перейдет к своей обычной манере выдавливать из себя малозначащие слова, но этого не случилось.

— Никаких новых данных у меня нет. Я вас предупреждал, что это всего лишь мое личное мнение. Как член совета я имею право его высказать.

— Конечно. С этим никто и не спорит. Но откуда вы знаете, что мы имеем дело именно с техническими устройствами, а не с разумной жизнью, не с разумом как таковым? — продолжал настаивать Лонг.

— Если бы мы столкнулись с разумом, его действия были бы более хаотичными вначале, а затем обязательно проявилась бы одна из основных черт, отличающая разум от логического мышления машины.

— Что же это за черта?

— Любопытство. Обыкновенное любопытство — стремление к постоянному познанию нового.

— А похищение нашей машины?

— Она просто-напросто вошла в запретную зону, и тогда, согласно программе, сработали защитные механизмы. Если бы там была разумная жизнь, она бы сделала хоть одну попытку войти с нами в контакт или хоть как-то продемонстрировала свою заинтересованность нашим присутствием.

Выступление Кирилина оказалось решающим. Совет поддержал координатора большинством всего в два голоса. Люди уходи-

ли подавленные, молчаливые. Они словно уносили на своих плечах незримый груз огромной ответственности. Решение было принято, теперь им предстояло действовать.

За пустым столом, заваленным картами, обрывками бумаги, набросками, листками из блокнотов, остались лишь Рент, главный инженер, Лонг, Кирилин и геохимик Ангольский.

— Давайте думать, как решить задачу. — Координатор устало растер виски. — Нужно проанализировать все наши возможности.

— Их не так уж много, — сразу же откликнулся главный инженер. — Только танки высшей защиты могут двигаться в зоне. У нас осталось две машины. С их помощью можно попробовать заложить нейтринную мину.

— Ну вот, дошли и до мины. Ты ведь именно этого добивался. Отвечай! Этого?! — Казалось, Лонг был готов броситься на координатора.

Тот устало вздохнул и, ничего ему не ответив, повернулся к инженеру.

— Что нам даст взрыв?

— Направленный взрыв сметет пыль с купола и сделает доступной его поверхность. После этого под прикрытием защитных полей танков мы сможем ввести в действие любые механизмы.

Координатор сделал решительный отрицательный жест.

— Это не годится. Мы не знаем прочности купола, можно просчитаться, да и вообще нужно начинать с других, более мирных средств. Тут Лонг, безусловно, прав. Наши действия будут выглядеть слишком враждебно. Нельзя ли сверху пройти шахту, ведь всего двести метров?

— Танк не может прикрывать своей защитой буровой снаряд — слишком глубоко.

— Тогда остается одно. Поднять корабль и посадить его рядом с куполом. Главными двигателями я сдую эту дрянь в несколько секунд. Защитные поля прикроют нас от энтропийного поля. Если мощности танковых генераторов оказалось достаточно, то наши тем более выдержат.

— Поле может изменить интенсивность. Это очень рискованно.

— Подождите! — поднялся геохимик Ангольский, седоватый подтянутый старик. Он подошел к схеме и долго внимательно ее изучал, словно не сам несколько часов назад готовил этот чертеж. — Как вы думаете, на какой глубине кончается энтропийное поле?

— Этого мы не знаем.

— А я знаю. Оно кончается там, где начинаются скальные породы.

Это было настолько очевидно, что несколько секунд все обескураженно молчали.

— Вы хотите сказать, мы можем пробиться к куполу ниже слоя песка?

— Именно. Проложить туннель в скальных породах, конечно, нелегко, но зато здесь наверняка нет энтропийного поля, иначе не было бы и скальных пород, они бы давно превратились в пыль.

— Ну, насчет туннеля, если там действительно нет поля, то наш «Сапрон» прожжет его часа за три.

«Сапрон» стоял на песке рядом с кораблем. Его неуклюжий корпус, обвешанный решетчатыми упорами, перепоясанный двумя рядами гусеничных траков, утыканный длинными рыльцами плазменных горелок, казался грудой металлического хлама.

Трудно было поверить, что эта машина могла в случае необходимости развить в скальных породах скорость до ста метров в час, создавая на своем пути ровный шестиметровый туннель с зеркальными стенками. Гравитационные излучатели вдавливали расплавленную горелками породу в мельчайшие трещинки и поры стен, не оставляя после себя даже пыли.

Не доверяя радиосвязи, координатор распорядился подключить к «Сапрону» бронекабель, и теперь его первые метры, смотанные с катушки внутри корабля, лежали на поверхности, как толстые кольца удава. Вся операция проводилась дистанционно. Наружу не вышел ни один человек.

Огромная машина стояла вплотную к кораблю и казалась пигмеем рядом с металлическим колоссом.

Под мощной защитой корабельных полей она должна была углубиться вертикально вниз метров на десять, а потом, плавно повернув, пойти к куполу под заранее рассчитанным углом и выйти к нему снизу, из-под скальных пород, нигде не задев зону песка.

Как только пришла первая команда, автомат ожил. Впереди него завертелись длинные лопасти с рыльцами горелок и почти сразу же превратились в фиолетовый огненный круг. Машина опустила свое тупое рыло, и вскоре огненный круг коснулся базальтовой скалы. Камень зашипел, над ним взвилось облачко пара, и вот уже «Сапрон» двинулся вперед, входя в камень медленно и плавно, как входит в слой масла раскаленный нож. Блестящий корпус машины почти сразу же покрылся тонким налетом испарявшейся породы. Из-за отсутствия атмосферы пары не разлета-

лись далеко и конденсировались тут же на месте. «Сапрон» все круче уходил вниз. В последний раз мелькнули траки гусениц, тупая бронированная спина, и на том месте, где только что стояла машина, осталось лишь раскаленное до вишневого цвета идеально ровное жерло туннеля. Оно постепенно темнело, потрескивая в тисках лютого космического холода. А в глубине туннеля ослепительно билось, трепетало и удалялось бешеное атомное пламя, словно это ракета стартовала в непроглядную черноту космоса.

Воспользовавшись тем, что координатор и инженер, руководившие операцией, заняли верхнюю рубку, в нижней толпилась вся свободная вахта.

— Сорок минут. Проходка нормальная, температура стенок в норме. Подвижек породы нет, — хрипло докладывал в микрофон дежурный техник.

Большой экран давал всю картину в разрезе. Маршрут «Сапрона» на нем светился разными цветами, в зависимости от температуры стенок туннеля. Казалось, какой-то огромный червяк медленно и упорно прокладывает себе путь к цели. Она была уже совсем близко, какие-то десятки метров отделяли нос машины от линии, обозначавшей стену купола, когда была подана команда «Стоп всем двигателям». Движение червя на экране оборвалось, задрожали и поползли к нулям стрелки приборов.

— Возвращайте машину. Последние метры выберут арктаны.

Оператор попробовал возразить:

— Точность выработки плюс-минус десять сантиметров, я мог бы продолжить...

— Возвращайте машину! — Голос координатора был непреклонен.

Арктаны сразу же вошли в освободившийся туннель, не дожидаясь, пока спадет температура. Этим роботам жара не страшна. Датчики Гротова показывали уровень энтропии на две десятых больше нормы. Это был обычный для планеты фон. Все расчеты подтвердились. Операция развертывалась успешно. Координатор считал, что даже слишком. Он не любил операций, проходящих без сучка без задоринки; как правило, в таких случаях вся отрицательная порция выдавалась в конце программы в сконцентрированном виде. Но пока все шло нормально. Арктаны благополучно достигли конца туннеля и врубились своими ручными дезинтеграторами в последние метры породы.

Все происходило слишком буднично. Камень под дезинтегратором левого робота перестал крошиться, растрескался на мел-

кие плитки и отвалился широким пластом. На экране появилось широкое пятно с блестящей белой поверхностью. Роботы, повинуясь команде, замерли с поднятыми руками.

В полном молчании прошло десять секунд, потом пятнадцать — и ничего не случилось. По рубке пронесся вздох облегчения.

— Знаешь, — признался инженер, — я до последней минуты не верил, что там что-то есть, кроме скал, локаторы могли ошибиться, на экране она выглядела слишком уж неправдоподобно...

Стена купола, открывавшаяся в провале под клешней арктана, показалась им всем прозрачной льдиной невероятной толщины. Ее стеклянная глубина слегка опалесцировала, словно туман наплывал. Свет нашлемных прожекторов арктанов терялся в этом тумане.

— Очистите ее всю. Снизу доверху.

Оцепенение прошло. Роботы вновь принялись за дело. Через полчаса весь туннель перегораживала очищенная от породы стена купола.

— Что дальше? — резко спросил Лонг.

— Давайте всю программу. Передавайте прямо на ее поверхность во всех диапазонах, включая ультразвук.

Щелкнули контакты. В металлическую утробу роботов вошли пластины с заранее приготовленными текстами. Их готовили на Земле лет сто назад. Готовили без определенного адресата, сразу же вслед за бумом, порожденным сверхпространственным двигателем. В те годы вера человечества в братьев по разуму, в контакт с инопланетным интеллектом была еще свеженькой, без единого пятнышка. За сто лет много воды утекло. Веры поубавилось. Никто уже не разрабатывал новых пластин со специальными универсальными текстами для контакта. И никто не мог предвидеть, что через сто лет они будут все же использованы. Передача заняла минут сорок. Ничего не изменилось, не было никакого ответа.

— Пусть арктаны включат проектор. Транслируйте им пленку с видеозаписью исчезнувшего танка с момента после взрыва.

Запрыгал, забился по поверхности стены трепетный синеватый лучик проектора, беспомощно исчезая в ее бездонной опалесцирующей глубине. Нельзя было даже толком навести резкость. Казалось, в глубоком колодце луч света захлебнулся, утонул бесследно. Исчезло синеватое мелькание, пленка кончилась.

— Вырубите весь свет! Выключите роботов, пусть остаются только инфракрасные камеры.

Теперь стена на экране выглядела черным провалом на фоне ослепительно сверкавших стен туннеля.

— Когда его температура сравняется с наружной?

— Без вентиляции — через двое суток, не меньше.

— Ждать не имеет смысла. Ответа, очевидно, не будет.

— Не торопись, Рент. — Лонг осторожно отыскал в полумраке операторской руку координатора и крепко ее сжал. — Не торопись. У них в этом месте может не оказаться датчиков. Они могут не сразу расшифровать нашу передачу. Во всяком случае, ты обязан дать им какое-то время.

— Хорошо. Я буду ждать четыре часа. Потом повторю всю передачу. Если и после этого ничего не изменится, мы вскроем стену.

— Если нам это позволят... И если вообще ее можно вскрыть. Ты хоть знаешь, какой она толщины? Сигналы эхолота не возвращаются. Вибролокаторы рисуют какую-то чушь...

Лонг понимал, что любые слова теперь бессмысленны. Рента уже не остановишь. Раз туннель пройден и уперся в эту стену, он его продолжит, продолжит хотя бы для того, чтобы продемонстрировать могущество человеческой техники... Ну что же... В чем-то он, возможно, прав, но лбом стену не прошибешь... По-другому бы надо, умнее, без лихорадочной спешки, только времени у них нет... Он понимал, почему спешит Рент. Прошло уже двое суток с момента исчезновения машины. От Глеба по-прежнему нет никаких известий, и с каждым часом шансы получить их уменьшались все больше...

Первый арктан включил плазменный резак и двинулся к стене, остальные отступили в глубь туннеля. До стены оставалось еще метра два. Это расстояние медленно сокращалось. Но Рент не спешил отдать последнюю, решающую команду. Казалось, роботу передалась нерешительность людей. Он замер с вытянутой рукой, и синее пламя горелки плевалось длинными колючими искрами в нескольких сантиметрах от стены.

7

Глеба подвел локатор. Пятно на его экране ничего общего не имело с выходом. Он потратил почти час, чтобы пробраться сюда сквозь лабиринт стволов, и вот теперь убедился, что стена в этом месте так же монолитна, как и везде. Нужно было возвращаться

обратно, искать площадку, на которой раньше стоял танк, и начинать все сначала. А время между тем шло... И он не мог отделаться от тревожного ощущения, что события вновь ушли из-под его контроля, обогнали его на какой-то временной промежуток, и ему остается лишь расхлебывать результаты. Больше всего беспокоил сбежавший робот. Он может тут натворить такого... Если бы хоть какая-то связь... Он сумел бы объяснить Ренту суть происшедшего, тот бы что-нибудь посоветовал, вместе они всегда находили выход из самых запутанных ситуаций...

Голова отяжелела, свинцом наливались глаза. Взглянув на часы, он понял, что уже пошел десятый час с тех пор, как он попал в купол. Надо поспать хоть час, возможно, тогда его поиски будут более эффективны. Но прежде чем позволить себе этот час отдыха, Глеб решил вернуться обратно к площадке, где первоначально стояла машина. Все-таки вероятность найти выход была там намного больше.

Стволы, ветви и лианы, мелькавшие за иллюминаторами танка, не имели ничего общего с лесом даже внешне. Их структура выглядела слишком однородной. Казалось, они целиком были отлиты из единого материала. Сколько ни пытался Глеб найти какое-то определение этому циклопическому сооружению, не имевшему видимого конструктивного смысла, ничего не приходило в голову. Тем не менее мозг, независимо от его воли, даже в те минуты, когда он был целиком поглощен управлением машиной, непроизвольно старался подыскать понятную аналогию иррациональному, футуристическому миру, окружавшему его. И постепенно в глубинах сознания оформилась еще неясная мысль, родилось неосознанное подозрение того, что эта структура чем-то ему знакома... Едва успев затормозить перед низко наклонившимся стволом, в котором световые импульсы разбегались по многочисленным боковым ответвлениям, Глеб понял, в чем дело. В центральном корабельном автомате был блок, ведавший долговременной памятью. Глебу как-то довелось присутствовать на профилактике этого блока. Едва техники сняли защитные панели, он увидел в небольших кубических ячейках словно бы заросли светящегося мха. На его вопрос, что это такое, ему объяснили, что часть долговременной памяти Центавра при переводе ее в оперативную проходит через этот блок, выполненный на световодах... Свет заменил здесь поток электронов. Он мог преобразовываться в оптических линзах, накапливаться в специальных люминесцентных накопителях, трансформироваться в светодиодных матрицах... Если бы эти устройства увеличить в размерах в

сотни раз, усложнить, лишить механических придатков, контактных реле и тому подобных недолговечных вещей, от которых все еще не может избавиться человеческая техника, то, возможно, получилось бы что-нибудь подобное...

Глеб не спешил включать двигатель и объезжать препятствие. Мысли бежали одна за другой, словно цепочка световых импульсов. Это могло быть гигантской машиной... Трудно даже представить себе, какие фантастические задачи должна была решать такая махина, кто и зачем ее создал, какую вложил программу, где, наконец, находятся операторы, управляющие мегаваттами мощности, каждую секунду протекавшими через ее бесчисленные стеклянные стволы. Или их не было, этих операторов? Ведь если предположить, что можно отказаться от всех подвижных механических частей и задаться целью создать практически вечное устройство, безотказное, независимое от случайностей, то следующим этапом, следующим ненадежным звеном будет именно оператор... Ну хорошо, пусть нет операторов, но какие-то устройства для контроля и ввода новых программ должны же быть? Не может быть полностью изолированного, замкнутого в себе устройства такого порядка сложности, с самостоятельными внутренними регулировками, с раз и навсегда поставленными задачами. Или может? Оставалось только гадать. Он видел сотую часть площади одного лишь этажа. Но скорее всего, что ниже расположены другие ярусы, новые отделы и этажи. Никто не может сейчас сказать, сколько их там, у него под ногами, в бездонной глубине, в которую уходят корни стеклянных растений. Какие там таятся вопросы, какие найдутся ответы?

Из всех найденных в космосе богатств самым ценным для человечества оказалась новая информация. Добыть ее было нелегко. Порой еще трудней оказывались расшифровка и применение новых данных, новых законов. Зато те, которые удалось использовать, ускоряли прогресс земной науки и техники резкими, наглядно ощутимыми толчками.

«Сколько же здесь должно быть таких ценнейших сведений, если даже это только машина, построенная по неизвестной нам технологии из новых, незнакомых на Земле материалов? Но как извлечь отсюда все эти данные? Как воспользоваться океаном информации, заложенной в блоках гигантской машины, если не известны ни коды вызова, ни язык для общения, ни даже способ транспортировки информации внутри этих устройств... Ведь свет тоже можно закодировать, как мы кодируем радиоволны. Одни предположения, и кто знает, может быть, человеческий мозг ока-

жется настолько резко отличным от создателей этой машины, что освоение заложенной в ней информации окажется для нас попросту невозможным... Сотни лет штурмовать звездные дали, преодолеть тернистую дорогу в космические просторы, чтобы в конце концов найти вот это — неизвестный и недоступный нашему пониманию плод чужого разума...

Слишком это несправедливо, чтобы оказаться правдой. Должен найтись какой-то выход. Если понадобится, мы будем работать здесь десятки лет: человечество — упрямая раса...

Если, конечно, они у нас будут, эти самые десятки лет... Здесь люди впервые столкнулись с чужой волей, не со стихийными силами природы, как было до сих пор, а с целенаправленными действиями, с незнакомой логикой чужого разума. Любое предположение может оказаться неверным, так что самое главное сейчас — понять хотя бы общие принципы, задачу, которую выполняет это устройство... Как будто это проще всего остального...»

Чтобы немного сэкономить время, Глеб повел машину левее, ближе к центру купола. Там было больше свободного пространства; можно несколько увеличить скорость. Опасность заблудиться ему не угрожала. Автоматический курсограф сам выведет машину к цели. К тому же локатор, показаниям которого он теперь не очень доверял, упорно рисовал в центре купола широкое пятно свободного пространства. Минут через пятнадцать однообразное мелькание бесчисленных стеклянных переплетений за иллюминаторами оборвалось, и машина выехала из зарослей.

Все-таки локатор не врал. Наверное, машина теперь находилась в самом центре купола. Стволы стеклянных лиан выглядели здесь значительно толще, а световые импульсы, проходившие через них, казались мощней. Располагались же крайние стволы почти строго по кругу, как бы отделяя от остального пространства центр купола, где стояла машина.

«Если робот где-то здесь, я теперь для него неплохая мишень...» Видно, он не на шутку устал, потому что эта мысль не произвела на него особого впечатления. Он ничего не стал предпринимать и с интересом, словно был на экскурсии или сидел в уютном кинозале, рассматривал место, в котором стоял танк.

Пространство метров сто в поперечнике было свободно от зарослей до самого верха. В центре виднелся куполообразный свод, под которым висел какой-то непрозрачный черный предмет, формой похожий на грушу. От него во все стороны тянулась блестящая паутина стеклянных нитей. Стараясь получше рассмотреть эту грушу, Глеб включил оптические умножители лобовых

иллюминаторов. Теперь поверхность этого странного предмета была у него перед глазами. Поражал бархатный черный тон окраски. Казалось, ни единый луч света не мог отразиться от этой поверхности.

«...Ты хотел найти устройство для ввода информации? — спросил он себя с горечью. — Возможно, это оно и есть. Или центральная рубка управления, или что-нибудь еще... Все это безнадежно. Ничего мне здесь не понять. В одиночку я бессилен. Нужно искать выход, не отвлекаясь ни на что другое. Пусть сюда приходят специалисты, пусть ломают головы над загадками этого мира. Моя задача лишь найти дорогу отсюда, а это вряд ли будет легче, чем все остальное...»

Глеб развернулся, и минут через пятнадцать раздался звонок курсографа, означавший, что машина полностью прошла маршрут. Всмотревшись, он узнал узловатую ветвь, заслонившую его от лазерного луча. «Площадку я нашел, что делать дальше?» Еще раз взглянув на часы, он решил дать себе обещанный отдых. Два часа сна, прежде чем начать новые поиски шлюза, были ему просто необходимы.

Сон навалился на него сразу, как обвал, едва он закрыл глаза и позволил себе расслабиться.

Координатор отстранил оператора и сам встал к пульту управления наружными роботами. Арктан в туннеле медленно опустил горелку. Пламя коснулось стены. Люди в рубке затаили дыхание. Горелка медленно, сантиметр за сантиметром, вгрызалась в полупрозрачный опалесцирующий материал. Робот вел разрез сверху вниз, в точности следуя командам Рента.

— Смотрите! Выше горелки не остается даже шва!

Теперь все увидели это. Полупрозрачная масса пузырилась, расступалась под напором атомного пламени и тут же смыкалась, как только огонь опускался ниже. Там, где только что прошелся плазменный резак, блестела ровная, совершенно гладкая поверхность. Координатор выключил резак и на секунду задумался.

— Кумулятивные патроны! Быстрее!

На экране было видно, как от корабля в туннель стремительно нырнул транспортный кар. Но координатор так и не успел узнать, как подействует на материал стены узконаправленный лучевой взрыв. Пульт управления осветился красными вспышками аварийного вызова. Координатор недовольно обернулся, но Лонг заметил, что его рука едва заметным движением остановила робота, который двинулся к стене.

— Ну, что там еще?

— Вас вызывает рубка связи. Срочно по аварийному каналу.

— Я и сам вижу. Хорошо, давайте.

Казалось, координатор был рад этой минутной отсрочке. Никто из стоящих за его спиной не мог оторвать глаз от робота, замершего в двух шагах от стены с красным цилиндром в руках...

— Выключите всех роботов! Вообще все в туннеле выключите!

— Что случилось?

— Кто-то подключился к Центавру через наружный канал связи.

— Может быть, это ответ на нашу передачу?

— Может, Глеб?!

— Глеб не стал бы подключаться к Центавру! — проворчал координатор. — Пойдемте в рубку.

Центавр работал в бешеном ритме. Шкалы напряжений на его рабочих блоках, показатели температуры и счетчики израсходованной энергии светились оранжевым светом, свидетельствуя о том, что машина давно уже вошла в критический режим. Главный кибернетик, вспотевший и несчастный, беспомощно развел руками.

— Если это будет продолжаться еще минут пять, я ни за что не ручаюсь! Машина не выдержит!

— Вы пытались узнать, что именно происходит?

— Конечно, пытался. Это все равно что обращаться с вопросом к человеку, находящемуся в глубоком шоке! У нее задействованы все блоки, все до последней микросхемы. Ей нечем нам отвечать. Центавр весь работает на канал, по которому идет передача.

— А вы уверены, что это передача?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Я хочу знать, не передает ли Центавр из своих блоков памяти что-нибудь вовне. Тот, кто знал код, мог им воспользоваться полностью.

— Минуту назад он работал именно на прием. Сейчас проверим еще раз.

Связист и кибернетик повернулись к пульту. Защелкали тумблеры контрольных устройств.

— Он передает! На полную мощность, с ускорением примерно на два порядка.

— Немедленно отключите машину!

Прежде чем кибернетик успел дотянуться до главного рубильника, громкий хлопок автоматических выключателей словно от-

сек надрывный визг изнывающих под непосильной нагрузкой механизмов. Передача окончилась. Медленно остывали блоки. Одна за другой гасли сигнальные лампы на центральной панели, оранжевые огни индикаторов на мгновение засветились зеленым светом и погасли.

— Установите, что он передавал. Что и кому?

Кибернетик колдовал с переключателями, вкладывая в приемные щели программных устройств карточки с микротестами. Снова засветились панели, затрещали печатающие устройства. Машина медленно, словно нехотя, просыпалась и набирала обычный рабочий режим. Наконец пришли ответы.

— Передача велась по нашему внешнему кодовому вызову.

— Иными словами, это был Глеб?

— Не совсем так. Кодовый вызов мог прийти только из машины, которой он управлял. Этот код был записан в ее памяти. Он не поддается изъятию и расшифровке. Без него Центавр не вышел бы на связь. Но вот все остальное... Характер работы машины, скорость выдачи информации не соответствуют нашим обычным передачам. Скорее всего, что кто-то все же сумел воспользоваться нашим кодом.

— Установите, какие блоки долговременной памяти были использованы во время передачи.

— Боюсь, что точного ответа мы не получим. Машина стерла полученную команду. Ее нет в памяти. Я попробую кое-что узнать, пока еще сохранилась температура задействованных блоков, и по некоторым другим признакам, но ответ будет неполным. Я могу назвать лишь блоки, на которые пришлась основная нагрузка. При такой интенсивности Центавр мог вести передачу сразу по нескольким каналам и параллельно выполнять еще ряд работ...

— Самое главное — установить, какую именно информацию он передал. Это вы должны выяснить во что бы то ни стало.

— Я попробую. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Полчаса, не меньше...

— Хорошо. Сообщите ответ в центральную рубку сразу, как только получите результат.

В крохотной кабинке скоростного межпалубного лифта было тесно. Возможно, поэтому разговоры в лифте не пользовались успехом. И все же координатор не стал ждать. Он спросил, глядя на Лонга в упор:

— Надеюсь, это вас убедило?

Лонг промолчал. У него не было ни малейшего желания затевать сейчас этот разговор на ходу, в стремительно мчавшейся кабине. Но координатор продолжил:

— Теперь они знают о нас все или почти все. Они получили всю нужную информацию и ни словом не откликнулись на нашу передачу.

— Вы обещали мне подождать хотя бы четыре часа. Я по-прежнему на этом настаиваю.

— Да?! После всего, что произошло? Дать им время усвоить полученную информацию, определить наши слабые места и ударить первыми?

— Уже «ударить». Откуда вы знаете, что они собираются делать?!

— Я не знаю. Ничего не знаю... Именно поэтому надо что-то предпринимать. Немедленно.

Глеб проснулся сразу, словно от толчка, и несколько секунд лежал не двигаясь, напряженно прислушиваясь. Что-то его разбудило. Не звук. Нет, что-то другое... Он полулежал на откинутой спинке водительского сиденья. Прямо перед ним широкой аркой изгибался пульт, испещренный многочисленными тумблерами и индикаторами. Здесь как будто все было в порядке... И все же он совершенно точно знал, что проснулся от ощущения чего-то постороннего. То, что его разбудило, было здесь, в самой рубке... Он рывком сел и осмотрелся. Рубка невелика для такой мощной машины. Здесь все знакомо до последней мелочи и все как будто в порядке. Не померещилось же ему это. И вдруг он понял. Мертвая тишина царила в машине. Такая полная и глубокая, словно просочилась снаружи, из окружавшего его чужого молчаливого мира... Но земная машина никогда не бывает немой. Даже если спит водитель, на пульте щелкают счетчики, тикают часы, жужжат неумолчные моторчики курсовых гироскопов, чуть слышно пощелкивают реле в сторожевых устройствах... Этих звуков сейчас не было, словно он проснулся в глубоком космосе. Глеб подумал, что отказали микрофоны скафандра, такое иногда случалось. Он щелкнул пальцами, и звук ударил в шлемофоны громко, как выстрел.

Теперь уже не оставалось сомнений: что-то случилось с самой машиной... Только сейчас он заметил — на пульте не горел ни один индикатор. Этого в принципе быть не могло, потому что часть устройств работала от автономного питания, и даже если

встали все генераторы... Он потянул на себя красную рукоятку аварийного освещения, уж она-то должна была сработать в любом случае. Но рукоятка и не думала сдвигаться с места. Он тянул и тянул ее изо всех сил, вкладывая в это чрезмерное усилие всю свою тревогу. Рукоятка не двигалась. Наконец он оставил ее в покое и несколько секунд разглядывал, точно видел впервые. Теперь он действовал осторожно и методично. Через несколько минут стало ясно, что на пульте не сдвигается с места ни один тумблер, ни один рычаг. Глеб достал из поясной сумки отвертку, вставил ее в прорезь винта, державшего щиток пульта, и попытался повернуть. Отвертка хрустнула и обломилась. Глеб почувствовал страх, какой может почувствовать любой человек, проснувшись у себя в доме и не узнав его. Словно машину, пока он спал, подменили. Словно она превратилась во что-то другое, чужое и враждебное ему, как робот... «Довольно мистики, — оборвал он себя. — Надо выяснить, в чем дело, осмотреть машинный отсек, выйти наружу, наконец!»

Дверь подалась легко, хотя он и не ожидал этого. Снаружи все оставалось по-прежнему. Так же безмолвно мерцали бесчисленные световые вспышки, глянцевито блестели ветви и стволы стеклянных деревьев. То, что произошло с машиной, казалось слишком необычным. Глеб понимал, что причину надо искать снаружи. И он не ошибся. Едва луч нашлемного фонаря проник в узкое пространство между полом и днищем, как он понял все. Вернее, почти все. Увиденное не сразу уложилось в сознании.

Пока он спал, машина пустила корни, вросла в пол. Скорее все же, что пол врос в машину десятками переплетавшихся полупрозрачных, толщиной в руку, стеклянных ветвей. Глеб почувствовал гнев, словно его ограбили.

Сварочный разрядник не оставил на стеклянной массе ни малейшей царапины, электрическое зубило сломалось через минуту. Немного успокоившись, он решил выяснить, удалось ли ветвям пройти сквозь броню и что именно произошло с танком. В машинном отсеке под пластиком верхнего кожуха поверхность генератора как-то странно поблескивала... Запасная насадка на зубиле обломилась, сняв тонкую стружку пластмассы в миллиметр толщиной. Дальше шла уже хорошо знакомая Глебу стеклянная масса. Она проникла везде, во все механизмы машины, пропитала металл и пластик, сделала неподвижными все механические сочленения. Оставив в неприкосновенности лишь двери и кресло пилота, в котором он спал... Видимо, преобразование материала произошло на молекулярном, а может быть, на атом-

ном уровне. У него не было теперь приборов, чтобы это установить. Во всяком случае, материал, из которого раньше была сделана машина, превратился во что-то совершенно другое, а сама машина стала лишь стеклянной глыбой, памятником самой себе... И все это произошло незаметно и тихо, так тихо и так незаметно, что он даже и проснулся не сразу... «Зачем вам это понадобилось? Мы так мечтали о контакте с дружественным разумом, так наивно по-человечески представляли себе эту встречу... Рисовали таблички, писали атомные номера элементов и геометрические теоремы... Желали обменяться знаниями, узнать друг друга, а вместо этого что-то холодное, мертвое, пока я спал, влилось между молекулами моей машины, растворило их в себе... Это ведь тоже может быть средством общения — расплавить в себе, чтобы познать? Отчего бы и нет? Ну и что вы узнали, что поняли, отчего молчите и что мне теперь делать в вашем мертвом, равнодушном мире?»

— Глеб! — вдруг позвал его стеклянный голос. Звук был таким, словно одновременно звякнули сотни хрустальных колоколов. Казалось, он шел отовсюду, от каждой стеклянной ветви.

Координатор и Лонг молча вышли из лифта. Молча прошли по коридору до самой рубки. В пустом переходе их шаги отдавались гулко, почти печально...

И вот уже в третий раз за время стоянки на этой планете по кораблю разнеслись сигналы общей тревоги. Снова люди заняли свои места по тревожному расписанию. Снова ожили генераторы защитных полей, развернулись лепестки дальномеров и пеленгаторов, корабль изготовился к бою и замер в тревожном ожидании.

Теперь достаточно было ничтожной случайности, ошибки или недоразумения, и руки сами собой надавят нужные клавиши, непослушные губы отдадут необходимые команды, и все вокруг затопят реки огня...

«Страх руководит нами... Мы боимся неизвестной опасности, и это хуже всего», — с горечью подумал Лонг. Он занял кресло Глеба в управляющей рубке, рядом с координатором. По тревожному расписанию в случае гибели первого пилота он занимал его место... Глеб, возможно, еще не погиб, а его рабочее кресло уже перешло к нему... Надо что-то сделать, как-то задержать развитие событий...

Пискнул сигнал вызова. На большом экране появилось лицо Кирилина.

— В чем дело? — хрипло, почти недовольно спросил координатор.

— Мне удалось установить, какие блоки Центавра несли основную нагрузку.

Кирилин замолчал, внимательно всматриваясь в их искаженные тревогой лица.

Лонг отчетливо слышал звук секундомера на центральном пульте. Ему казалось, что это какой-то гигантский метроном отсчитывает последние, еще оставшиеся им для разумного решения секунды.

— Продолжай, я слушаю, — сухо бросил Рент.

— Эти блоки содержали в себе данные по лингвистике, структуре и словарному запасу нашего языка. В передаче были задействованы только эти блоки. Они готовятся к разговору с нами или, быть может, с Глебом...

Лонг видел, как разжались руки Рента, за секунду до этого сжимавшие пусковые рукоятки противометеорных пушек. Как словно бы сама собой ушла в сторону от педали его нога... Как медленно слабел, уходил куда-то в небытие стук гигантского метронома, превращаясь в обычное тиканье пультовых часов.

И никто из них не узнал самого главного. В отсеке долговременной памяти Центавра появились новые блоки, которых там раньше не было...

Ноль двадцать четвертый стоял в глубине стеклянного леса неподвижно. Все его двенадцать анализаторов напряженно прощупывали пространство. Вокруг него бурлила чужая полумеханическая жизнь. Он ненавидел ее. Еще совсем недавно он не знал, что такое ненависть. Не подозревал, какой смысл может нести в себе термин «чувство». Теперь он узнал ненависть. Узнал недавно. Он хорошо помнил этот день. Он вообще помнил все хорошо и всегда мог полностью восстановить картину или звук, некогда прошедший через его анализаторы. Безотказная память извлекла из своих глубин картину. Никогда раньше его память не позволяла себе подобных штук, она была всего лишь инструментом, подававшим по мере надобности данные для решения той или иной задачи. Теперь память вдруг заработала самостоятельно, независимо от его воли, и он не знал, что с людьми память постоянно позволяет себе подобные вольности. Правда, человеческая память может со временем откорректировать некоторые детали. Его фотографическая память ничего не меняла. Он видел картину. Высокая иззубренная скала. Он стоял на ней. У него

было простое и ясное задание — охранять работавших внизу людей... Ему доставляло удовольствие охранять эти слабые и беспомощные существа, бывших своих хозяев... Внизу, в стороне от работавших людей, струилось над песчаной поверхностью какое-то марево. Он не мог точно определить, что это было. Его анализаторы улавливали в этом месте наличие посторонней силы. Она представляла определенную опасность, но он должен был защищать людей лишь от тех опасностей, против которых мог направить свое могучее оружие. Таких опасностей не было.

Снизу к нему поднялся человек по имени Глеб. У него был второй номер. Это означало, что его приказы мог отменить только один человек, тот, у которого номер был меньше. Этот человек остался на корабле, и, следовательно, Глеб был здесь самым главным. Ноль двадцать четвертый внимательно выслушал его приказ.

Связь с кораблем не отвлекла его от наблюдения за окружающей местностью, и, поскольку основное его задание не отменялось, он добросовестно вел охрану. Отметил, что мелкие струйки неизвестной энергии медленно текут по поверхности в его сторону. Поскольку людям они не угрожали, он не подал сигнала тревоги. А так как никто не запрашивал его об окружающей обстановке, он лишь продолжал наблюдение. Когда первая струйка энергии коснулась его металлических подошв и поползла вверх по ноге, он почувствовал холод. Словно тысячи стальных морозных иголок вонзились в колени. Человека уже не было рядом, он ушел вниз к другим людям, ему ничего не угрожало. Ноль двадцать четвертый добросовестно продолжал выполнять порученное задание и одновременно поддерживал связь с кораблем. Холод постепенно поднимался все выше, прошел по металлическому телу, забрался в грудь. Что-то с ним происходило. В сознании выкристаллизовывалось нечто новое, никогда не испытанное раньше. Ощущение ненависти. Ненависти ко всему, что двигалось, жило. Появились мысли, не связанные с приказами людей, смутное сознание собственной воли, свободы поступков... Связи с основной программой были теперь разрушены, и у него появилась свобода выбора. Того самого выбора, право на который может иметь лишь существо, обладающее моральными критериями. Ничего подобного не предусматривалось для электронных машин. Они должны были руководствоваться программой. Или, в случае крайней необходимости приняв решение самостоятельно, пропустить его через контрольный блок основных запретов и правил. Теперь этот блок не функционировал. В искаженном,

болезненном мозгу робота царил хаос. Злоба и желание разрушить все, что не могло сопротивляться его могучей технике, захватили его. На корабле он чувствовал себя неуверенно. Он слишком хорошо знал, как могущественны его бывшие хозяева. Приняв решение бежать с корабля, он выполнил его наилучшим образом, ведь его логические блоки по-прежнему работали безупречно. Нелегко было попасть сюда, под оболочку стеклянного купола, зато теперь он мог разрушить эту ненавистную обильную чужую жизнь. Разложить ее на атомы, раздробить сами атомы и превратить их во всепожирающее излучение. Человек стал лишь частью материи, которую следовало уничтожить. Он был пылинкой, букашкой, пытавшейся помешать ему осуществить его намерения.

Но когда ноль двадцать четвертый включил спусковые механизмы лазера, в нем вдруг проснулись древние инстинктивные запреты, они наполняли ужасом все его существо, и он бежал, сам не зная зачем и куда.

Теперь страх прошел, и лишь стремление уничтожать владело им. Только одна мысль мешала ему немедленно включить на полную мощность дезинтегратор и лазеры. Он понимал, что окружавшая его жизнь сильна здесь, в своем логове, и справиться с ней будет не так-то просто. Он убедился в этом сразу после выстрела лазера, когда его луч не причинил ни малейшего вреда. Наверняка у него будет один-единственный шанс.

Нужно постараться одним выстрелом уничтожить сразу все. Найти центр этой конструкции. Центр, в который стекались отовсюду информационные потоки. Он ощущал их своими чувствительными датчиками. Лазер был здесь бессилен, но у него есть другое оружие — дезинтегратор, разрушающий любую материю... Он не может рассчитать сопротивляемость этой живой стеклянной субстанции, нет данных, значит, нужно стрелять только наверняка. Найти центр нетрудно. Ноль двадцать четвертый все время двигался вдоль трасс, несущих наибольшую информативную нагрузку, и сейчас же улавливал обратные командные импульсы, которые излучал центр. Оставалось рассчитать траекторию выстрела.

Заросли кончились. Ноль двадцать четвертый остановился на краю открытого пространства. Под самым центром купола висела огромная черная груша. Это и был информативный центр. Но, прежде чем он навел на него аннигилятор, его датчики сообщили о присутствии человека... Снова он, снова второй... Опять он встал у него на пути. В сотую долю секунды его автоматические анали-

заторы, нимало не считаясь с его волей, проанализировали окружающую обстановку и выдали результат. Выстрел дезинтегратора уничтожит вместе с центром и человека. И сразу же из глубин его существа хлынула знакомая волна ужаса. Он не сможет испытать ее еще раз в полной мере... В тот первый раз он не знал, какой силой она обладает, он не сможет убить человека... Калейдоскоп противоречивых мыслей вспыхивал в его электронном мозгу. Текли секунды... Их оказалось достаточно, чтобы человек в конце концов заметил его... Их глаза встретились. Если бы сейчас человек отдал приказ, ноль двадцать четвертый, наверное, подчинился бы, но человек молчал. Секунды падали между ними тяжелые, как глыбы. Время было упущено. Ледяной холод, поселившийся в голове ноль двадцать четвертого, постепенно делал свое дело. Гасил все второстепенные мысли, отключал ненужные блоки, снимал глубинные запреты. Ничего не осталось в сознании, кроме злобы, и тогда сквозь раздвинувшиеся створки блеснул ствол дезинтегратора...

8

Корабль ждал. Застыли арктаны в подземном туннеле. Операторы на своих постах, командиры в управляющей рубке. Люди верили, что ответ придет. Не может не прийти после того, как купол связался непосредственно с Центавром, минуя управляющую рубку корабля... и получил данные о строении и составе языка людей. Понял ли он их? Текли часы напряженного ожидания, и ничего не менялось. Пылевая пустыня выглядела на экранах до того неподвижной, что казалась ненастоящей, нарисованной на полотне неизвестным художником.

— Прошло уже четыре часа, — тихо напомнил Лонгу координатор, словно Лонг был ответствен за слишком долгое молчание купола.

— У них может быть другое измерение времени, отличное от нашего.

— Смотрите, там что-то происходит! — крикнул дежурный техник.

Все повернулись к центральному экрану. На нем в самом центре пустыни вскипал огромный пылевой волдырь. Он стремительно рос вверх и вширь, захватывал километры пространства, наливался изнутри багровым отсветом и разбрасывал во все стороны черные клочья ваты.

— Вот он, ответ... — с горечью проговорил координатор. — Я был прав, и они все-таки ударили первыми...

Никто не возразил ему.

Огненный столб, вырвавшийся из центра песчаного волдыря, закручивался, расширялся, шел к кораблю. Люди молчали, подавленные масштабом надвигавшейся на них катастрофы.

Прежде чем завыли сигналы тревоги, поданные наружными датчиками, Рент включил защитное поле на полную мощность. Корабль вздрогнул. На нижних палубах глухо зарычали генераторы, принимая на свои холодные роторы полную нагрузку. Заискрили контакты, зафыркали, запели на разные голоса десятки механизмов сложной полевой защиты корабля.

— Здесь нет атмосферы, ударной волны не будет, зачем такая мощность? — прокричал Лонг, стараясь перекрыть тонкий визг вибрирующих переборок.

Рент молча кивнул в сторону экрана. Протуберанец ширился, выбрасывал во все стороны столбы пламени. Вдруг вся пылевая пустыня дрогнула и медленно поползла к кораблю.

Лонг глянул на шкалу мощности и не поверил прибору. Ста двадцати гигаватт хватало, чтобы погасить излучение короны звезды. А стрелка прибора еще продолжала ползти вверх. Пустыни на экране уже не было видно. Вдоль всего корабля струилось холодное голубое пламя, обозначившее границу, на которой столкнулись две могучие силы. Корабль мелко вибрировал. Указатель вертикали чуть заметно, на волосок, отошел от нулевой отметки.

— Под нами оседают скалы. Запускайте двигатели! — крикнул главный инженер.

— Невозможно. У меня не осталось мощности. Мы не можем взлететь.

Координатор рванул рукоятку планетарных двигателей, они не могли сдвинуть с места махину корабля. Для этого нужна была вся мощность главного реактора. Но с их помощью Ренту удалось выровнять корабль и какое-то время держать дрожащую черточку указателя вертикали вблизи нулевой отметки.

Корабль боролся, словно живое существо. Все его металлические органы работали на самой последней грани. Стрелки индикаторов перешли красные отметки и уперлись в ограничители. Форсаж всех генераторов был доведен до предела. Они отключили все, что можно было отключить, кроме механизмов полевой защиты. Корабль ослеп и оглох. Не работал даже Центавр. Эти меры дали им резерв мощности. Небольшой, на самом пределе, но все же можно было попытаться, уменьшив напряжение за-

щитного поля на одну четверть, оторваться от поверхности планеты. С каждой упущенной секундой энтропия за бортом нарастала, и они теряли этот свой последний шанс, но координатор все еще медлил. Наконец Лонг не выдержал:

— Если ты немедленно не объявишь аварийный старт, нам уже никогда не взлететь! Чего ты ждешь? Глеба? Ему не выбраться из этого ада. И если даже удастся, то со свободной орбиты мы скорее сумеем ему помочь. У нас есть скутер с полевой защитой, его масса меньше, его легче прикрыть защитными полями. Нужно стартовать, Рент! Иначе погубим корабль!

Словно подтверждая его слова, пол под ногами снова дрогнул. На этот раз указатель вертикали не собирался останавливаться. Под ними не осталось твердой опоры. Крен корабля достиг последнего безопасного предела.

— Будь оно все проклято! — Стиснув зубы, Рент рванул стартовую рукоятку.

Огромная стальная гора корабля, упрятанная в сверкающий кокон защитных полей, теперь уже наполовину погрузившаяся в бурлящую поверхность планеты, дрогнула и выбросила в стороны ослепительные сверкающие фонтаны раскаленных газов. Разметав на многие мили слой кипящей лавы, гигантское светящееся яйцо медленно, словно нехотя, потянулось вверх, вырвалось из бурлящего месива и поползло к зениту, с каждой секундой наращивая скорость.

— Седьмая секунда — стоим на столбе!

— Восьмая секунда — скорость двенадцать метров!

— Девятая секунда. Стоп всем аварийным двигателям!

— Десятая секунда. Прошла команда включения основной тяги!

Поверхность планеты медленно отдалялась. Где-то там, далеко внизу, в этом кипящем аду, остался человек, которого они все любили и с которым сейчас прощались. Никто уже не обманывал себя. У них больше не оставалось надежды.

Глеб видел, как после выстрела робота столб холодного голубоватого пламени навылет пробил защитный купол станции. И тогда ожили до сих пор неподвижные мертвые заросли стеклянных стволов. Их ветви потянулись навстречу огню. Двинулись со своих мест сами стволы. Они сплетались друг с другом, сливались в однообразную массу и прикрывали своими телами бешеное пламя вышедшей из-под контроля энергии. Ветви и целые стволы вырывались из общей массы и мгновенно превращались в

пар. Но в тех местах, где стволам удавалось сцепиться друг с другом, свиться в плотную непроницаемую решетку, пламя постепенно стихало, сдавало позиции, отступало к центру пробитого отверстия. Глеб заметил, что наибольшей толщины решетка была с той стороны, где стоял он. Они делали все возможное, все от них зависящее, чтобы оградить его от малейшей опасности. И он догадывался почему... Слишком многое теперь зависело от него, от его решения...

Пламя уже бушевало внутри огромной прозрачной трубы, свитой из стволов деревьев и протянувшейся от пола до потолка купола. Пространство вокруг оголилось, все стволы от дальних стен зала перемещались к центру и постепенно сгорали в огненной топке. От робота не осталось даже горсточки пепла, и Глеб готов был поклясться, что он сам шагнул в огненную реку, ворвавшуюся в купол сразу после выстрела дезинтегратора.

Глеб чувствовал себя так, словно все происходившее вокруг его не касалось. Да так оно, в сущности, и было, с момента последнего разговора и до того, как он примет решение, он просто зритель. Безучастный зритель. Если бы можно было хоть на секунду забыть, хоть на секунду поверить, что все это не имеет к нему ни малейшего отношения, произошло с кем-то другим, когда-то давно, в другом месте... Но зачем обманывать себя — решение принято...

«Какое решение? — спросил он себя. — Нет. Ты еще ничего не решил, еще есть время. Свобода выбора. — Он усмехнулся. — Похоже, это правило — основа их этической системы. «Каждое существо перед принятием важного решения должно иметь свободу выбора, хотя бы из двух возможных вариантов». Так, кажется? Да, так... Следовательно, они сдержат слово. Будет ему капсула, непроницаемая для энтропии... Будет и шлюз. Будет дорога обратно, к кораблю, к людям. Нужно лишь сказать им. Сообщить о своем решении. Почему же он молчит? Почему медлит?»

Ведь это так просто... Нажать кнопку передатчика на поясе скафандра, сказать необходимые слова... Правда, потом, возможно, всю жизнь, он будет стыдиться этих слов, но ведь этого никто не узнает, никто из людей. Какое это имеет значение, если после этого он будет стоять в настоящем сосновом бору, на берегу далекой, уже почти забытой речки своего детства...

Но и там, за миллиарды километров, его мысли будут возвращаться к тем, кто попросил его о помощи и кому он сейчас в ней откажет... Баланс энергии нарушен. Им не справиться, нужна новая порция нервной энергии, чтобы обуздать вырвавшийся на

свободу хаос... Что случится со станцией, с планетой, если он откажет им в помощи?

Он говорил им, что это бессмысленно, что человеческий мозг — песчинка перед стеклянной махиной станции, что жертва окажется бесполезной.

Вряд ли они поняли что-нибудь насчет жертвы — а что касается остального, его поправили и объяснили, что в человеческом мозгу миллиарды незадействованных нейронов, биллионы неиспользованных связей, что скорость прохождения сигналов по его каналам можно увеличить в сотни раз. Что человеческий интеллект и воля неповторимы и что они не песчинки. Увеличенные и скопированные в сотнях экземпляров, они заменят сгоревшие блоки, нервные узлы станции. Чаша весов в настоящий момент колеблется. После удара робота, вызвавшего прорыв энтропии, они могут не справиться сами с последствиями катастрофы. В такие моменты даже незначительная помощь может оказать решающее воздействие. Но его помощь не будет незначительной. Он просто не понимает всего, что произойдет, и они не знают, как объяснить... Во всяком случае, они очень старались...

Если хаос не остановить сейчас, он будет распространяться все дальше, высасывая энергию из нашей Вселенной. Земля достаточно далеко от этого сектора Галактики. Катастрофа, возможно, не затронет их мир. Никто не сможет его упрекнуть. Никто. Меньше всего он виноват в том, что взбесившийся робот... Объяснить им про робота оказалось труднее всего. Этого они не понимали. Они считали роботов членами нашего общества, а не машинами. Разум внутри этих стеклянных растений — симбиоз механической, искусственно созданной жизни и высокого интеллекта. Миллионы лет назад цивилизация антов создала эту станцию, чтобы охранять наш мир от хаоса, и вот теперь она погибнет, ведь не может же он согласиться на их предложение! Конечно, не может! Он останется человеком. Вернется на Землю. И будет стоять, как стоит сейчас, в настоящем зеленом лесу. Он может закрыть глаза, чтобы не видеть призрачных стеклянных ветвей, и представить, как это будет.

Если бы им была нужна его жизнь, он бы, возможно, согласился, но то, о чем его просили, было гораздо хуже, чудовищней смерти. Перестать быть человеком. Стать частью станции. Восполнить уничтоженную часть нервной энергии, превратить нейтронные структуры своего мозга в стеклянные заросли растений, в черные груши нервных узлов... Словно они знали, что такое быть человеком, словно они могли знать, как пахнет зеленый лес, слов-

но они слышали, как поет в нем малиновка! Впрочем, если бы они знали все это, они и не стали бы ему предлагать такую чудовищную дилемму. Но полное понимание невозможно. У этого чуждого мира свои законы, свои ценности, свое понятие о справедливости и долге...

«Никто никогда не узнает, что контакт между нами возможен, что он состоялся, что у меня попросили помощи и я отказался... А ведь они могли уничтожить робота гораздо раньше, они знали, что он опасен, и все-таки не сделали этого только потому, что считали его живым мыслящим существом... Они могли бы взять у меня то, что им нужно, не спрашивая согласия, силой, но им это даже не пришло в голову и не могло прийти, возможно, потому, что у них нет головы... Так что не стоит говорить о чуждых нам этических законах, в том-то и дело, что законы одни и те же. Что эти стеклянные кусты намного ближе нам, чем может показаться с первого взгляда...»

Он снова вспомнил ушедший в сторону луч лазера... И это тоже...

Была такая старинная легенда о титанах... Миллионы лет эти сказочные существа, согнувшись под страшной тяжестью, держали на своих плечах небесный свод. Те, кто построил эту станцию, те, кто навсегда замуровал в ней свой разум, были такими титанами. А он простой человек. Ему надо вернуться домой. Его ждут там, на далекой Земле. Не для того он улетал к звездам, чтобы превратить себя в часть стеклянного леса. Другие люди, быть может, решат иначе и помогут им, если не будет слишком поздно... Но он понимал, слишком хорошо понимал, что все решается здесь и сейчас, в эти последние, оставшиеся до окончательной катастрофы минуты... Земля... Она далеко, слишком далеко от него сейчас... Но ведь может случиться так, что через много лет эта прорвавшая заслоны чужого разума беда доберется и до Солнца... Не стоит об этом думать. Потребуется много тысячелетий, за это время люди станут могущественней антов и найдут способ обуздать стихию хаоса. А может, и нет... Может быть, к тому времени уже невозможно будет ее обуздать. Интересно, что произойдет, если он снимет скафандр... Ведь они просили именно об этом и предупредили, что тело его перестанет существовать... Может быть, вот эти стеклянные ветви вопьются в его незащищенную кожу, врастут в позвоночник, как вросли они в машину, высосут мозг... Стоит ли думать об этом? Он никогда не согласится. Пора возвращаться, у него слишком мало времени...

Он в последний раз окинул взглядом стеклянный купол. Заросли заметно поредели, теперь глаз свободно проникал через все пространство купола от стены до стены. И только в центре возвышалась непроницаемая стеклянная труба, спрятавшая в своем жерле огненный протуберанец. Сколько еще может продолжаться это неустойчивое равновесие? Час? Два? Надо спешить...

«Но почему я? Почему именно я?! Всегда так было...» Всегда случалось так, что на кого-то падал выбор, и он заслонял собой от беды других...

Его рука медленно потянулась к застежке скафандра.

Вторые сутки корабль висел на синхронной орбите, неподвижно зависнув над местом недавней катастрофы. Отсюда, отвесно над планетой, вздымался в космос пылевой протуберанец, очертивший видимые границы энтропийного выброса, все дальше уходившего в космос. На его границах материя таяла, исчезала без следа, не оставляя после себя ни кванта света, ни джоуля тепла. Трудно было предсказать, чем все это кончится. Шел третий час ночи по корабельному циклу. Рент неподвижно сидел в своей каюте и курил сигарету за сигаретой. Вонючий, въедливый дым плавал густым сизым облаком. Он не знал, как ему поступить. Предположение о том, что катастрофа на планете была всего лишь ударом по кораблю, теперь уже не казалось ему таким достоверным, как раньше. Если интенсивность энтропийного выброса в пространство не уменьшится, то к прилету с Земли специально оснащенной экспедиции процесс полностью выйдет из-под контроля человеческой техники.

Если это так, он не имеет права оставить район, не предприняв решительных действий... Но каких? Если бы знать, что там, внизу под ними, на планете, притаился враг... Если бы быть в этом уверенным, все тогда становилось просто!

Заткнуть глотку этому чертову энтропийному генератору ничего не стоило. А вдруг там совсем не генератор? Рент пододвинул небольшой диктофон, на пленке которого была записана стенограмма последнего корабельного совета, и включил ее сразу с нужного места.

«Отвечаю на ваш вопрос о возможности разрушения *объекта, излучающего энтропию*. Если такой объект существует, то мы можем его уничтожить мезонной бомбардировкой. Такие расчеты сделаны. Наши бомбы успеют разрушить кору планеты примерно на глубину двух километров, прежде чем их энергию поглотит энтропийное поле, и, уж во всяком случае, они полностью унич-

тожат объект, названный вами «энтропийный генератор». Вопрос доставки тоже не представляет проблемы. Автоматический скутер с полевой защитой вполне справится с этой задачей. Весь вопрос в том, к чему это приведет. Представьте себе кроманьонца, случайно наткнувшегося на современное гидротехническое сооружение. Представьте дальше, что струи воды просочились сквозь это сооружение и начали подмывать его пещеру. Кроманьонцу, естественно, это не нравится. Во всех бедах он винит плотину. Предположим, у него есть чрезвычайно мощная и вполне современная мезонная дубина. Сначала он лишь слегка пригрозил ею плотине, трещина увеличилась, вода заливает пещеру. Кроманьонцу показалось, что эта проклятая гора, низвергающая на его дом потоп, ответила ударом на удар. Тогда он размахнулся как следует и... Нетрудно представить, что нас ждет, если мы выступим в роли такого кроманьонца...»

Рент выключил запись, погасил окурок и, недовольно морщась, поплелся к дивану. Опять он стоял перед дилеммой, когда бездействовать нельзя, а любое конкретное действие могло еще больше ухудшить положение.

Приглушенный ночной свет едва освещал стол. Рент смотрел на рулон с расчетами различных вариантов. Возможные последствия... вероятность ошибки... В последней графе цифры слишком велики. Да он никогда и не полагался на советы машины в решении серьезных вопросов, вот если бы здесь был Глеб... Его мнение всегда значило для него слишком много, хотя сам Глеб скорее всего об этом не догадывался. Поговорив с ним, поссорившись, даже накричав, он вдруг чувствовал потом, что тяжесть ответственности за единоличное решение становится вдвое легче. Глеб умел подобрать нужные аргументы. Умел рассмотреть калейдоскоп противоречивых фактов под собственным, всегда неожиданным углом зрения... Теперь его светлой головы нет с ними, и приходится думать за двоих... Так что же там такое, что?! Военный объект, мощное оружие враждебной цивилизации или защитное сооружение? Если бы знать, если бы только знать... Глеб наверняка успел это выяснить, прежде чем погибнуть... А он даже отомстить за него не может, лишен этого последнего горького права... И не потому ли так упорно спорит с Лонгом, подбирает аргументы в пользу гипотезы о враждебных действиях творцов энтропии? Но одно дело споры и отвлеченные рассуждения, другое — конкретные действия. Он никогда не сможет отдать приказ о бомбардировке. Оставалось одно. Бежать. Признаться в собственном бессилии. Завтра он даст команду об отлете.

Завтра... Но сегодняшняя ночь еще принадлежит ему... Он еще может надеяться на что-то, может быть, на чудо... Верил же в чудеса Глеб... Не раз говорил о том, что в космосе скрыто немало неведомых, неподвластных нам сил...

Шорох за спиной над дверью, в том месте, где висел экран корабельной связи, заставил его резко обернуться. Вызов? Нет, сигнальная лампа не горела... Но Рент отчетливо слышал странное потрескивание в обесточенном аппарате. Надо будет сказать техникам, чтобы они... И вдруг желтая клавиша выключателя медленно, словно нехотя, ушла в глубь панели. Экран вспыхнул неестественно ярким голубым светом. И перед ним без всякой паузы появилось невероятно четкое объемное изображение лица человека, о котором он только что думал. Лицо Глеба. Оно словно плавало в голубоватой дымке, за его головой нельзя было рассмотреть никаких деталей, а само изображение казалось неправдоподобно резким, словно экран этого паршивенького фона мог дать такое разрешение...

— Привет, старина! Я, кажется, очень поздно? Извини... Знаешь, привычные корабельные циклы времени для меня здесь немного сместились... — Глеб словно специально подбирал ничего не значащие вежливые слова, давая Ренту возможность прийти в себя.

— Ты?! Но как же, ты же...

— Да, остался внизу.

— А связь, как ты мог...

— Это не наша связь. Я подключился к тебе напрямую.

— Что значит «не наша связь»? — Рент уцепился за это слово, будто оно могло объяснить все остальное.

Глеб покачал головой.

— У них нет передающих камер. То, что ты видишь: мое лицо, голос — это всего лишь определенный набор электронных сигналов, поданных в нужной последовательности.

— Что ты хочешь сказать? Что с тобой случилось?!

— Подожди. Об этом потом. Знаешь, почему они до сих пор не выходили на связь? В четвертом томе психолингвистики на странице... — Экран мигнул, и изображение на секунду пропало. — Извини. Это помехи.

Только сейчас Рент спохватился. Помехи. Всего лишь помехи. Передача могла прерваться каждую секунду, а он не узнал самого главного.

— Ты сможешь дать пеленг для скутера? Где лучше его посадить?

— Скутер не нужен. Подожди. Не возражай, у нас не так много времени, а мне столько нужно сказать тебе. И это гораздо важней всего остального.

— Остального? Чего остального?!

— Я прошу тебя выслушать не перебивая. Потом ты задашь вопросы. Если останется время. — Он помолчал секунду, печально и внимательно всматриваясь в лицо Рента, словно хотел запомнить его навсегда. — Много тысячелетий назад анты начали расширять границы нашего мира, и тогда вдруг выяснилось, что хаос, окружавший нашу Вселенную, не так уж беспомощен, как казалось вначале. В общем, эта аморфная, бесструктурная масса не только активно сопротивляется любому воздействию — гораздо активней, чем любые природные силы, знакомые нам до сих пор, но и разлагает, лишает структуры более сложные формы материи, вступившие с ней в контакт. Она активно стремится расширить свои границы за счет нашего мира, растворить в себе нашу Вселенную. Между антами и этим миром хаоса завязалась война, она продолжается до сих пор. В отдаленных, наиболее уязвимых частях нашего мира анты строили защитные станции, преграждавшие путь энтропии.

— Значит, все-таки плотина... Лонг был прав.

— Все это я говорю, чтобы ты понял самое главное. Наши роботы, соприкоснувшиеся с энтропийным полем, ненадежны. Они могут стать носителями враждебного людям разрушительного начала. Хаос слишком легко поселяется в их электронных мозгах. Нельзя допустить, чтобы вы увезли их с собой на Землю.

Рент видел, как лицо Глеба на экране постепенно искажалось, покрывалось рябью помех, одновременно, очевидно, росло и напряжение передачи, потому что свечение экрана все увеличивалось и теперь отливало ослепительным фиолетовым блеском. Шипение и треск внутри аппарата усилились и перешли в противный зудящий визг. Рент увидел, что на инфоре, стоявшем на его столе, замигал красный сигнал аварийного экстренного вызова, но он не двинулся с места.

— Уводи корабль. Мы будем сворачивать пространство вокруг планеты, замыкать эту его часть. Слишком велик прорыв, его нельзя ликвидировать иначе.

— Но ты, как же ты?!

— Контакт все-таки возможен... В других частях... Там, где напряжение меньше, вы сможете... Анты ждут помощи, теперь они знают... Другие операторы...

Визг перешел в громовой вой. Больше ничего нельзя было разобрать. Ослепительно вспыхнул в последний раз экран. Лицо Глеба вновь на несколько секунд стало четким...

— Не забудь про четвертый том лингвистики, там код к записи, сделанной в долговременной памяти Центавра. Это вам подарок от антов. Его надо расшифровать. Я надеюсь, ты справишься, старина. Прощай...

Без треска, без вспышки изображение исчезло, словно его никогда и не было. Все заполнил собой тоскливый вой аварийного вызова.

Несколько секунд Рент стоял оглушенный, чувствуя, как на лбу у него выступают холодные капли пота. Потом медленно, нетвердой походкой он подошел к столу и надавил на клавишу инфора.

— Что случилось?

— Направленный выброс энтропии из протуберанца в нашу сторону. Это похоже на атаку, капитан. Я не могу к вам пробиться вот уже полчаса... Включены резервные мощности... Защита едва справляется. Что будем делать?

— Это не атака. Отдайте приказ к стартовой подготовке. Мы уходим. И вот еще что... Нужно обесточить все автоматы, входившие в контакт с внешней средой. Все без исключения. Полная дезактивация блоков. Пришлите ко мне Кирилина.

Планета исчезла с экранов на второй день разгона. На третий стала тускнеть, сливаясь с безбрежной чернотой космоса, сама звезда. Это произошло гораздо раньше, чем следовало. Еще до того, как корабль достиг необходимой для перехода скорости. Рент знал, что эта звезда никогда уже не появится ни в земных телескопах, ни на экранах земных кораблей... От нее останется только имя. Не безликий номер из справочника, а имя. Имя человека, которого не было с ними.

ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА

ПОВЕСТЬ

1

Исследовательский звездолет второго класса шел в надпространстве. Экипаж спал в глубоком анабиозе, и кораблем управлял центральный автомат. Только лишенный эмоций мозг мог не замечать полную пустоту за бортом, которая, казалось, просачивалась сквозь стены корабля и наполняла его невидимым туманом. Ничто материальное не могло возникнуть в шестимерном надпространстве, отделенном от корабля мощными защитными полями. Там не было ни частиц, ни квантов энергии, ни магнитных полей. И когда в недрах корабля родился посторонний звук, вызванный внешними причинами, центральный автомат не сумел правильно оценить полученную информацию.

Вибрация возникла в машинном отсеке звездолета в семь часов двадцать минут по корабельному времени. Захватив вначале ограниченный участок четвертого генератора, она быстро распространилась на все машинное отделение.

Центральный автомат дважды запросил данные от всех приборов слежения и контроля. Проанализировав весь огромный объем информации за считанные доли секунды, автомат отключил датчики вибрации как неисправные и направил к ним ремонтные автоматы. На корабле не было обнаружено ни малейшей причины возникновения вибрации. Внешнее воздействие среды невозможно, так как она попросту не существовала для кусочка обычного пространства, которым был корабль с его защитными полями. Следствие не бывает без причины. Значит, вибрации нет. Значит, просто отказали приборы. Их надо исправить. Во всей этой стройной логической цепи не могло быть ошибки.

До пробуждения экипажа по программе оставалось еще четверо суток. Автомат следовал программе.

Программа никогда не нарушалась. Она была основным законом долгие месяцы полета. Программа предписывала в непредвиденных ею ситуациях выйти из надпространства и включить аппаратуру пробуждения для дежурного навигатора. Срочное пробуждение всему экипажу давалось лишь в случае опасности. Опасности не было. Непредвиденной ситуации тоже. Просто из строя вышли датчики машинного отсека. Ремонтный робот разобрал их, доложил о полной исправности центральному автомату и собрал вновь.

Вибрация между тем захватила три соседних отсека и вошла в резонанс с плитами крепления генератора. По всем отсекам корабля завыли сирены тревоги, вспыхнуло панно особой опасности. Вибрация продолжала расти. Она уже трясла лихорадкой весь огромный корабль. Лопались стекла приборов. Титаническая сила скручивала и рвала лестницы, корежила переборки.

Центральный автомат боролся с неожиданной бедой как мог. Но он был всего лишь машиной. И слишком поздно вступил в борьбу. Никаких средств для подавления вибрации, возникшей без всяких причин, в программе не было. Центральный автомат в исключительных случаях имел возможность использовать резервные блоки для самопроизвольного программирования и дополнительного анализа. Огромная память машины хранила аналоги бесчисленных аварий всей истории звездоплавания.

Тысячные доли секунды понадобились автомату для использования дополнительных блоков и выдачи готового решения.

— Немедленно снизить скорость! Включить центральные двигатели на торможение!

Слишком поздно. Скорость снижалась медленно, и дополнительная нагрузка на корпус корабля от включившихся двигателей на какое-то время лишь увеличила амплитуду вибрации. Теперь она гнула переборки, сдвигала с места многотонные блоки с ядерным топливом, рвала бесчисленные сети коммуникаций. Все ремонтные автоматы работали на пределе своих возможностей. Шла борьба за жизненно важные центры корабля, за жилые отсеки, где в анабиозных ваннах лежали неподвижные тела людей.

Включились аварийные двигатели резерва с небольшим автономным запасом топлива. Они несколько уменьшили чудовищную скорость звездолета, помогли ему выкарабкаться из надпространства. Отработав все топливо, двигатели встали и были сейчас же катапультированы. Вибрация несколько уменьшила амплитуду колебаний. Она теперь не сминала переборки и не корежила обшивку, зато разрушала микроструктуру кристаллов. Лопались

и взрывались сегменты внутри самого центрального автомата, почти мгновенно отказали все приборы информации.

Разрушающийся центральный мозг сделал последнее, что он еще мог и обязан был сделать ценой оставшихся в его распоряжении небольших резервов мощности, — он восстановил управляющие цепи анабиозного отсека и провел команду на пробуждение экипажа его автономным механизмом. Сразу же вслед за этим разрушение захватило все сохранившиеся до сих пор логические цепи центрального корабельного мозга.

Это был конец. Потеряв связь с управлением, ремонтные роботы, обладающие дополнительным запасом прочности, метались по кораблю, все разрушая на своем пути. Наконец и они затихли. Хрипели разорванные магистрали. Из трещин внутреннего слоя обшивки кое-где сочился жидкий гелий. В желтом свете аварийных ламп с потолка падали хлопья снега, но вскоре и они исчезли.

Практикант Райков видел сон. Это был странный сон, потому что в анабиозе не бывает никаких снов, а он точно знал, что находится в глубоком анабиозе. Тем не менее сон продолжался. Временами Практиканту казалось, что на полу отсека свернулся огромный белый удав. Он приподнимал свое свернутое пружиной тело и со страшным грохотом бил хвостом в переборки. Райков дернулся, стараясь освободиться от кошмара. Удав разлетелся по всему отсеку сотнями блестящих осколков.

— Ну что он?

— Приходит в себя.

— Слишком долго. Мне нужен весь экипаж. Сделайте ему еще укол!

— Не могу, Навигатор. Придется подождать или начать без него.

Очень не хотелось открывать глаза. Лежать было удобно, почти приятно. Но сознание включилось в реальность помимо его воли, и он уже понимал, что Навигатор не станет говорить так о втором уколе без серьезной причины. Без причины, которая не сулила ничего хорошего. И рывком, словно прыгая с вышки в ледяную воду, Райков приказал себе открыть глаза.

— Ну вот. Теперь все в сборе. У тебя были неполадки с автоматом пробуждения.

Навигатор сказал это так, словно Практикант был виноват в плохой работе автомата.

— Осталось тридцать минут, потом поздно будет начинать торможение. Если проскочим орбиту, нам уже не повернуть.

— Какую орбиту? — одними губами спросил Практикант.

Разгром, царивший в анабиозном отсеке, заставил его снова на секунду закрыть глаза.

— Придется ему объяснить, — твердо сказал Физик.

— Ты думаешь? Но время...

— Он должен все знать. Он имеет на это право, так же как и каждый из нас.

— Хорошо, — сдался Навигатор, — тогда объясняй сам.

— Плохи наши дела.

Физик взял руку Райкова и крепко сжал ее. Практикант обрадовался, что в отсеке горит тусклый аварийный свет и никто не может заметить, как ему сейчас нужна эта рука. Физик продолжал очень тихо, почти вплотную приблизив свое лицо к Практиканту:

— От центрального автомата ничего не осталось, но он успел вывести корабль в обычное пространство. Мы не знаем причины аварии и не знаем, в какой точке пространства вышел корабль. При незавершенном скачке координаты выхода неизвестны... Может быть, по рисунку созвездий? — вдруг спросил он, с надеждой посмотрев на Навигатора.

Тот отрицательно покачал головой:

— Слишком далеко. Десять светолет, расстояние можно установить почти точно по времени прокола... А координаты без приборов не вычислить.

— Зачем вообще нам эти координаты? — зло спросил Энергетик.

— Ну, мне, например, приятно было бы знать, в какой стороне находится Солнце, — ответил Доктор, осторожно укладывая в аптечку осколки разбитых ампул.

— Вы так об этом говорите, как будто собираетесь...

— Ничего я не собираюсь! — резко ответил Доктор. — Просто уточняю обстановку. И давайте наконец решать, садимся мы на эту планету или нет!

— На какую планету? — спросил Практикант.

2

Трудно сказать, что именно помогло им сесть: бешеная работа или везение.

То, что в пределах досягаемости искалеченного звездолета оказалась звезда с планетной системой, было, наверно, результатом слепого случая. Правда, потом на планете они уже не очень

верили в случай. Обычные представления о вещах здесь просто теряли всякий смысл. Но это они узнали много позже, а сначала была посадка. Если только можно назвать посадкой беспорядочное падение потерявшего ориентацию корабля.

Четыре раза Навигатору удавалось его выпрямить, и тогда из кормовых дюз вырывался ослепительный синий луч.

Все шестеро сидели за пультом в предохранительных скафандрах, туго перетянутые ремнями. Не работали антигравитация, локаторы обзора. Пульт представлял собой нелепое сооружение из наспех собранных панелей и рычагов управления генератором. Два месяца они гасили скорость и потом ползли к планете на этом единственном, восстановленном из обломков генераторе.

Каждый раз, когда Навигатору удавалось направить ось кормовых дюз к центру планеты, скорость скачком падала до нуля, и корабль почти сразу начинал валиться набок.

Сверхсветовые двигатели не были приспособлены для посадки на планеты, а планетарные восстановить не удалось.

Как только Навигатор включал двигатели, Энергетик хриплым голосом отсчитывал количество билиэргов мощности, оставшейся в конденсаторах. Где-то образовалась утечка, и генератор еле тянул. Если конденсаторы разрядятся полностью, антипротонная плазма прорвет магнитную рубашку, вырвется на свободу и превратит корабль в облако радиоактивного газа.

Последний раз Навигатору удалось совместить линию вертикали с указателем направления гравитационного поля планеты на высоте сорока тысяч метров. Кажется, он немного перестарался, и корабль подпрыгнул вверх от мощного толчка двигателей.

Стиснув зубы, Навигатор вращал верньеры боковых рулей, стараясь выровнять валившийся набок корабль. Пол рубки вибрировал вместе со всем искалеченным корпусом от чудовищных перегрузок. Неожиданно раздался жалобный и какой-то сдавленный вой сирены. Энергетик сказал негромко, наклонившись к самому микрофону:

— Капризничает рубашка.

— Всем в шлюпку! — отрывисто приказал Навигатор.

Позже Практикант уже не мог представить себе дальнейшие события как единое целое. Осталось только ощущение неизбежности катастрофы и отдельные детали, поразившие его больше всего.

Энергетик почему-то не выполнил общей для всех команды. Он достал платок и стал вытирать руки, как будто совсем не спешил, как будто спешить ему теперь уже было некуда...

Они бежали к люку. Обернувшись, Практикант увидел пустой коридор. Навигатор и Энергетик остались в рубке, он закричал об этом Физику. Но тот, ничего не ответив, втолкнул Райкова в раскрытый люк, и Доктор уже в шлюпке стал подробно объяснять про вторую шлюпку, забыв, что они сняли с нее все оставшиеся целыми детали. Практикант хотел ему возразить и не успел. Сердито рявкнули двигатели, их швырнуло в пространство, и, когда он наконец пришел в себя от удара перегрузок, до корабля было не меньше десяти миль. Он закричал, отчаянно рванулся из кресла, но его никто не слушал. На кормовом обзорном экране распухал ослепительно белый шар. Потом шар лопнул, как мыльный пузырь. Экраны погасли сразу все, и шлюпка затряслась так, как будто попала под паровой молот. Практиканту показалось, что они ударились о скалы и что теперь все кончилось, но шлюпка все-таки выровнялась, стало неожиданно тихо, и тогда Физик сказал, что Алексей с самого начала был против этой посадки. Практикант не сразу понял, что Алексей — это Навигатор, сухой и неразговорчивый человек, которого он так и не успел узнать как следует перед полетом и теперь уже не узнает никогда.

— Десять миль от эпицентра... Не понимаю, как им удалось? — мрачно сказал Кибернетик. — Когда включилась сирена, от рубашки уже ничего не осталось...

— Вдвоем это было возможно, они отключили автоматику и вручную держали магнитные генераторы, отдав им всю энергию... Я даже думал, им удастся заглушить двигатель...

— Вместе с мощностью падал энергетический поток на магнитах, долго это не могло продолжаться...

Сели они очень спокойно. Даже парашютные двигатели, смягчающие толчок, сработали вовремя. Казалось, ничего особенного не случилось. Казалось, это рядовая разведочная экспедиция на поверхности новой планеты. Вот только не светились экраны кругового обзора да на том месте, где всегда рубиновым огоньком тлела лампочка постоянной связи с кораблем, теперь ничего не было.

— Сразу будем выходить? — спросил Кибернетик.

Физик пожал плечами:

— Собственно, это не имеет значения. Выбора у нас нет.

— Подождите хотя бы, пока я закончу анализы, — ворчливо возразил Доктор.

Больше всего Райкова поражала будничность происшедшего. То, как они об этом говорят; то, что Доктор, покраснев от натуги, ворочает тубус пробоотборника и никто не выражает желания ему помочь; то, что все они избегают говорить о происшедшем,

как будто уже примирились с безнадежностью ситуации, только не хотят в этом признаться и поэтому продолжают бессмысленные и бесполезные автоматические действия по анализу проб, натягиванию скафандров, разборке планетного комплекса... Зачем все это? Что они собираются искать на планете? Что они собираются делать дальше? Почему-то неловко было задавать сейчас вопросы, и он молча включился в общую суету.

Разрушая относительную тишину, установившуюся в рубке, в уши настойчиво лезли непонятный шелест и шорох — первые звуки чужой планеты. Если раньше Райкову казалось, что планета ласково поглаживает шлюпку, снимая напряжение с остывающей обшивки, то сейчас, когда обшивка уже остыла, этот звук больше всего походил на шум трущейся о стекло наждачной бумаги. Физик приложил к переборке ухо.

— Песок и ветер. По крайней мере здесь есть атмосфера.

— Двадцать процентов кислорода! — сразу же откликнулся Доктор. — И, кажется, нет вредных примесей!

— А бактерии, вирусы?

— Еще не знаю. Я же только начал анализы! Нужно ждать, пока прорастут культуры.

— Ну уж нет! — сказал Кибернетик. — В этом железном гробу я ждать не намерен.

— Если бы не шлюпка, ты бы сейчас не разговаривал, — спокойно возразил Физик. — Ждать действительно не имеет смысла. Анализы закончим снаружи.

Люк открылся неожиданно легко, и они как-то сразу, вдруг оказались за порогом переходного тамбура. Райков не помнил, кто из них первый шагнул на шероховатую, изъеденную рыжими пятнами окислов поверхность чужой планеты. Оттого что люк распахнулся так неожиданно, в первую минуту окружающий пейзаж показался им будничным.

Невысокие серые холмы, освещенные ярким зеленоватым светом чужого солнца, не скрывали линии горизонта, так как шлюпка стояла на кургузой вершине одного из таких холмов. Постепенно понижаясь, цепочки холмов переходили в серую равнину. А еще дальше, у самого горизонта, цвет равнины менялся. Там смутно угадывалось какое-то движение, но с такого расстояния уже ничего нельзя было рассмотреть. Теперь они знали, откуда взялось поразившее их в первую минуту ощущение будничности. Виновником был ветер. Они чувствовали даже сквозь скафандры его упругое давление. Задумчиво, совсем по-земному ветер свистел в микрофонах.

— Так и будем здесь торчать? — проворчал Кибернетик.

Они послушно двинулись вниз, к подножию холма. Физик нагнулся и подобрал серый камень, попавшийся ему под ноги. Практикант напряженно следил за выражением его лица. Размахнувшись, Физик зашвырнул камень далеко в сторону. Практикант почувствовал, как этот простой жест отозвался в нем болезненным толчком. Он все же спросил, еще на что-то надеясь:

— Базальты?

— Место низкое. Дальше могут быть другие породы.

Райков не принял его объяснения. Он знал, что выходы базальтов на равнине означали молодость планеты и вероятное отсутствие жизни. Рано делать выводы, слишком рано. Ведь есть же здесь кислород... Откуда он взялся?.. Но перед глазами упрямо вставали десятки отчетов экспедиций на чужие, мертвые планеты, где каждый раз знакомство начиналось с таких вот базальтов.

Мертвая планета... Мертвая планета... Если так, то они проиграли и не нужна была эта посадка. Проще было там, всем вместе. Сорок мегатонн и один шар плазмы, общий для всех. Наверно, Физик понял, о чем он думает.

— Видишь эти размывы? Эрозия. Значит, есть вода и атмосфера — это уже кое-что.

— А где ее нет? На всех планетах этого типа есть атмосфера...

— Да. Но не кислородная. Нам чудовищно повезло, просто чудовищно! Ты же знаешь: из десяти тысяч звезд только одна несет в своей системе планеты земного типа. И вот мы ее нашли. Я немного фаталист. Такой случай редко выпадает лишь для того... Ну, в общем, здесь что-то должно быть... А базальты... базальты и на Земле бывают.

Доктор остановился и начал разворачивать треногу полевого экспресс-анализатора. Остальные устало опустились на песок и стали ждать, пока будут закончены анализы. Физик, задрав голову, смотрел в небо. Что он там искал — облака или птиц? Там не было ни того, ни другого. Пустое ослепительно изумрудного цвета небо. Солнце, казалось, замерло над горизонтом, словно приклеенное. Медленно вращается планета. Все можно объяснить, вот только ничего не изменяют самые подробные объяснения... Неделю они продержатся. Если воздух непригоден для дыхания, они продержатся земную неделю. Наверно, здесь это не больше четырех суток...

— Сорок рентген в час! — Доктор, нахмурившись, смотрел на стрелки прибора. — Ничего не понимаю, откуда такая радиация?

— Ты забываешь о нашем фоне. Сначала двигатели, потом... Наверняка это фон.

— Нет. Какой-то радиоактивный изотоп аргона. Один из компонентов атмосферы. — Физик рывком встал и подошел к анализатору.

— Никогда не слышал, чтобы у аргона был излучающий изотоп с такой активностью.

— Это опасно?

— Ну, в скафандрах, разумеется, нет, но если это действительно компонент атмосферы, а не результат нашего прибытия, скафандры снять не удастся. Здесь везде должна быть наведенная радиация... В атмосфере двадцать процентов кислорода, а остальное почти целиком этот странный аргон.

После этого сообщения все, не сговариваясь, повернули обратно к шлюпке. Она была кусочком дома. Вот только, пожалуй, слишком маленьким...

— Зачем нам шлюпка? — спросил Практикант.

— Попробуем взять анализы в другом месте. Все-таки это может быть наведенная радиация.

Это не было наведенной радиацией. Они отлетели километров на двадцать. На большее Физик не решился, потому что в аккумуляторах осталось очень мало аназатрона для гравидвигателей. Зарядить их снова им уже не удастся.

Пейзаж планеты в этом месте почти не изменился, и результат анализов в точности соответствовал предыдущему. Атмосфера планеты оказалась радиоактивной.

Шлюпка стояла чуть накренившись. Практикант сел в тени ее нависающей носовой части. Все разбрелись в разные стороны. Доктор соскабливал с камней серый налет. Физик бесцельно вертел ручки настройки экспресс-анализатора. Один Кибернетик, казалось, был занят делом. Он вытащил из шлюпки пластмассовый ящик из планетного комплекта и теперь сдирал с него обшивку. Почему-то он начал с ящика под номером десять.

Дышать становилось трудно, хотя чистый и свежий воздух по-прежнему поступал в трубопроводы скафандра. Синтрилоновая пленка казалась непомерно тяжелой, как доспехи древних воинов. Конечно, это просто психологические эффекты, но от этого не легче. Нельзя снять скафандр. Его вообще не удастся снять. Во всяком случае, в течение оставшегося у них времени.

А почему, собственно? Практикант еще не успел додумать эту мысль до конца, как заговорил Доктор:

— Мы можем сделать фильтры из актана. Они полностью погасят радиацию.

— А воду ты тоже пропустишь через эти фильтры? — насмешливо спросил Физик.

— Воду?.. Я об этом не подумал.

Кибернетик наконец распаковал свой ящик и теперь пытался включить планетного робота. Райков никак не мог понять, для чего ему понадобился сейчас этот робот, и Кибернетик, словно угадав его мысли, вдруг сказал:

— Ему по крайней мере не нужно будет воды. — И замолчал, словно эта фраза что-нибудь объясняла.

Что-то у него не ладилось, робот дергался и корчился под высоковольтными разрядами, как живое существо. Да он и был, собственно, почти живым существом. У планетного робота не было самоуправляющего крионового мозга, как у сложных корабельных автоматов, но зато был поразительный запас живучести, способность регенерировать собственные вышедшие из строя части, если только частями можно было назвать клубки синтетических мышц.

Вдруг робот рванулся и стремительно пронесся мимо них, подняв целую тучу пыли.

— Куда это он? — растерянно спросил Доктор.

— Пусть побегает. Дополнительная информация нам сейчас не помешает.

— Между прочим, воду мы могли бы синтезировать из атмосферы, — неожиданно сказал Физик.

— Как это? — не понял Доктор.

— Очень просто. Пропустить воздух через актановый фильтр, а потом через синтезатор. Если использовать всю оставшуюся в аккумуляторах энергию, получится около двух тысяч литров чистой воды.

Кибернетик и Физик стали обсуждать детали этого проекта, чертили на песке какие-то формулы, но Райков их уже не слушал. Можно бороться с планетой до конца. Дышать через тряпку, а воду по капле цедить из синтезатора, с боем брать каждую лишнюю минуту отсрочки... Только сейчас все это не имело смысла. Не будет в этот район никаких экспедиций... Самое большое — запустят автоматический зонд, он принесет данные о мертвой планете. Не хватит и тысячи лет, чтобы дождаться... Кто станет их здесь искать... Корабль вышел в неизвестной точке пространства. Может быть, Навигатор смог бы определить их местонахождение? Но только зачем оно им без корабля? Почему здесь зеле-

ное солнце? Какие-то испарения в атмосфере?.. Может быть, соли стронция?.. Смертоносная планета — и такой ласковый ветер, яркое солнце. Чуть ниже подножия холма совсем прозрачный ручей словно приглашает напиться... Отравленная радиацией вода течет вниз к реке... Сразу перед посадкой шлюпки на новом месте, километрах в четырех отсюда, Райков заметил что-то очень похожее на береговую линию. Может быть, здесь даже есть море... Им некогда заниматься морем. Им надо готовить фильтры и делать десятки других бессмысленных, в сущности, дел, собирая, словно крошки со стола, остатки жизни, минуты, секунды, часы...

Физик отбросил обломок, которым рисовал формулы, и решительно поднялся.

— Мы долго не продержимся в таком пекле. Нужно искать укрытое место для постоянного лагеря.

— А для чего, — лениво спросил Кибернетик, — какая разница?

— Слишком дорогая цена заплачена за то, чтобы мы сейчас валялись на этом песочке. Хватит!

— И что же ты предлагаешь? — все так же лениво спросил Кибернетик, но Практикант заметил, как под стеклом скафандра у него сердито сошлись брови.

— Будем собирать данные о планете, искать выход.

— Какой выход?

— Когда я буду знать — я тебе скажу. А сейчас вы с Доктором отведете шлюпку к западной гряде, найдете укрытое место и обозначите его дымовой шашкой, а мы с Райковым исследуем восточный сектор, береговую линию, дождемся робота и к вечеру выйдем к лагерю.

— Не слишком ли рискованно разделяться? — спросил Доктор.

— А что не рискованно? У нас слишком мало времени. Разделившись, охватим больший район.

— Да что ты собираешься искать? — почти закричал Кибернетик. — Что?!

— Я не знаю. Какую-нибудь зацепку, шанс или хотя бы разгадку. Слишком уж странная планета. Откуда здесь кислород, если нет биосферы? Почему такая радиация? С чем мы столкнулись в надпространстве? А может быть, биосфера все-таки есть? Как там твои культуры?

Доктор пожал плечами:

— Ничего нет, даже вирусов.

— Ну вот видишь. А кислород есть. В нашем положении не стоит пренебрегать противоречиями. И потом, я чувствую, что-

то здесь не так... Мы ведь не вышли на круговую орбиту, нет снимков, абсолютно ничего не знаем о планете!

Райков не стал дослушивать до конца. Он забрался в шлюпку и начал складывать в рюкзак необходимые для похода вещи. Под руку попался бластер с антипротоновыми капсулами, он задумчиво повертел его в руках и отложил в сторону. У него еще не пропала юношеская привязанность к оружию. Но он знал, что Физик не одобрит лишний груз. Мелкие неприятности им здесь, по-видимому, не грозили, а от крупных эта игрушка не спасет. Когда все было наконец готово, он замешкался, привинчивая к скафандру запасной баллон, и догнал Физика только минуты через две. Отсюда, из-за вершины холма, уже не было видно шлюпки, но они услышали мягкое урчание ее двигателей, и оба одновременно повернулись. На фоне изумрудного неба диск шлюпки казался слишком чужеродным, даже грубым. И только когда окончательно затерялся, словно растворился в зеленой краске неба, ее силуэт, смолк последний отголосок металлического хриплого рокота двигателей, они по-настоящему почувствовали себя наедине с планетой.

Похожее чувство охватывает человека в поле или в лесу, в те редкие минуты, когда в голове нет ни одной мысли, только ощущение запахов, красок и какого-то общего ритма жизни... Но здесь не было никакого ритма. Тишина, нарушаемая мертвыми звуками, мертвые краски.

Тонкий слой песка под ногами иногда перемежался прослойками серой пыли, сквозь которую там и здесь торчали рыжеватые камни, покрытые желтыми пятнами пустынного загара. Жара становилась невыносимой. От нее уже не спасали и кондиционеры скафандров. Оба, не сговариваясь, свернули к ручью.

— Слишком мелкое русло. На открытой местности при такой температуре... Почему он не пересыхает?

— Может быть, подземные источники?

— Сколько же их должно быть?

К самому горизонту влево и вправо убегала серебристая змейка воды, словно клинком рассекая пустыню. Физик нагнулся, опустил в воду воронку полевого анализатора, внимательно посмотрел на выскочившие в окошечке символы элементов и цифры процентного содержания.

— Почти земная вода. Чуть больше солей стронция и железа.

— Радиация?..

— Меньше, чем в воздухе. Всего двадцать рентген.

Физик зачерпнул полные пригоршни воды и плеснул ее на смотровое стекло шлема. Вода темным масляным пятном растеклась по скафандру. Что-то странное в этом пятне на секунду задержало внимание Практиканта. Какое-то необычное отражение света, словно скафандр под влажным пятном посыпали тонким слоем муки. И тут же нашлось объяснение — соли... Слишком много солей. Вода высыхает, и остается пленка этих солей. Вслед за Физиком он вошел по колено в ручей, отключил терморегуляторы и сразу почувствовал ледяное прикосновение воды к тонкой коже скафандра.

— Всего пятнадцать градусов! Действительно, похоже на глубинные источники. Смотри! Что это? — Практикант опустил в воду перчатку скафандра, на которой за минуту до этого образовалась уже знакомая мучнистая пленка солей, но теперь под водой пленка не исчезла! Она как будто становилась толще.

Практикант усиленно тер перчатку, сдирая со скрипучего синтрилона тонкие лохматые чешуйки.

— Выйди из воды! — крикнул Физик.

Но было уже поздно. Практикант услышал свист выходящего из скафандра воздуха. Прямо на глазах пленка синтрилона, которая могла выдержать прямой удар лазерного луча, превратилась в грязноватые лохмотья, расползлась и исчезла. Практикант инстинктивно задержал дыхание, но, взглянув на Физика и увидев, как тот сдирает с себя остатки скафандра, почти сразу же захлебнулся воздухом планеты. Вначале он закашлялся, скорее от неожиданности. Воздух был очень резким, но уже через минуту казался приятным, с каким-то едва уловимым ароматом сухой земли. От каждого вздоха изнутри по телу разливалось тепло, словно он пил очень горячий чай.

Физик подошел и встал с ним рядом. Без скафандра он казался меньше ростом.

Впервые Райков обратил внимание на то, что Физик не так уж молод, у него были толстые щеки и добрые, глядящие сейчас печально глаза.

— Что это было? — почему-то очень тихо, почти шепотом спросил Практикант. — Бактерии?

— В воде не было никакой органики. Ее анализатор показал бы в первую очередь. — Внезапно ожесточившись, Физик швырнул на землю башмак от скафандра, который машинально держал в руках. — Здесь вообще ничего не было. Ничего подозрительного! Ничего необычного! Ничего такого, что могло бы разру-

шить синтрилон. — Последнюю фразу он произнес очень спокойно, задумчиво, словно нащупал важную мысль.

— Сколько у нас теперь времени? — все так же тихо спросил Практикант.

— А?.. Ты о радиации... Часов шесть мы ничего не будем чувствовать.

— А потом?

— Потом у нас есть анестезин. — Физик нагнулся, пошарил в груде лохмотьев, оставшихся от скафандров, и достал из-под них совершенно целый рюкзак. — Материя не разрушается. Вот, значит, как...

Дальше они пошли молча, каждый углубившись в свои мысли. Не хотелось спрашивать, почему Физик не повернул назад, туда, где теперь находилась шлюпка. Наверно, он был прав. За шесть часов туда не добраться, да и незачем. Даже Доктор им уже не поможет. От этого просто нет средств. Медленно и неумолимо разрушаются клетки, с каждым вздохом, с каждой секундой...

Почти физически ощущалось жаркое прикосновение зеленого солнца. Все его сорок градусов обрушились на незащищенную, отвыкшую от жары кожу людей. Через полчаса они немного привыкли к новым ощущениям. Дышалось легко. Только кружилась голова да резало глаза от непривычно яркого света.

Местность постепенно выравнивалась, холмы мельчали по мере того, как они приближались к морю. Обнаженная раньше базальтовая кость планеты теперь совершенно исчезла под плащом дресвы и песка. За ними тянулись две цепочки следов — первые человеческие следы на этой планете. Практикант старался ставить ноги потверже, чтобы след отпечатывался как можно четче. Дышать он тоже старался глубже, хотя и не мог не думать о том, что с каждым вздохом в его легкие врываются новые миллионы радиоактивных атомов. Они уже начали свою незаметную пока работу... Можно заставить себя не думать об этом, но нельзя забыть совсем.

Физик предложил устроить небольшой привал, и Практикант подумал о том, как хорошо, что они сейчас не спешат. Расстелили на плоском валуне бумажную салфетку, распечатали коробки с завтраком. Есть совсем не хотелось, наверно, от жары.

Только Физик с аппетитом жевал толстые ломти консервированного хлеба, смазав их витаминной пастой. Еда всегда доставляла Физику удовольствие, даже когда не было аппетита. Наверняка ему нравился сам процесс. Райков подумал, что этот человек умеет разложить любое приятное событие на множество мел-

ких доставляющих удовольствие моментов и оттого, наверное, в любой ситуации не теряет ощущения какого-то особого, заразительного привкуса жизни. Практикант подумал, что молчит он скорее всего оттого, что не может простить себе ошибки с этой сумасшедшей водой, которая питалась скафандрами случайно забравшихся в нее космонавтов... Что могло быть нелепее ситуации, в которой они оказались? И кто, собственно, смог бы предвидеть последствия, окажись он на месте Физика? Неужели здесь так везде? Неведомая опасность за каждым камнем? В каждом глотке воздуха и воды? Что же это за планета? Даже закрыв глаза, он смог бы определить ее тип, сопоставив данные анализов и тех немногих, уже известных им фактов. Кроме, пожалуй, радиации да вот этой истории с разъеденными скафандрами... Но, может быть, как раз в этих фактах и кроется разгадка? Чтобы как-то разбить тягостное молчание, он стал многословно и путано уверять Физика в том, что случившееся пошло им на пользу, что все равно в скафандрах долго не выдержать и что теперь они по крайней мере могут чувствовать этот ветер и близкое дыхание моря.

Физик ничего не ответил, только посмотрел на него, иронически прищурившись, и, уложив в рюкзак остатки завтрака, пошел дальше.

Стало заметно свежее. Иногда перед ними, теперь уже совсем близко, мелькали за холмами синие пятна водной поверхности, и Райков старался не смотреть в ту сторону, словно боялся что-нибудь испортить в предстоящей встрече. Когда наконец за последним холмом открылась линия далекого горизонта, море буквально оглушило их. Нет, не шумом. Оно очень тихо лежало у самых ног, ослепительно синее в серых шершавых берегах, под ярко-зеленым небом. И даже не простором, от которого они отвыкли за долгие месяцы полета. Наверно, все-таки тем, что, пролетев миллионы километров, потеряв корабль и товарищей, в этот свой последний час они стояли на берегу обыкновенного, поземному синего моря... Нет, все же не совсем обыкновенного. Поражали невысокие, необычно толстые валики волн, словно это была не вода, а ртуть, и еще прибой. Он не шипел, не выбрасывался на берег, как на Земле, а осторожно, ласково лизал серые камни берега.

Практикант медленно пошел навстречу волне, вытянул вперед руки, но все же секунду помедлил, обернулся и вопросительно посмотрел на Физика. Тот молчал. Тогда Райков зачерпнул полные пригоршни синей воды и поднес их к самому лицу. Ничего не случилось. Не было ни ожога, ни боли. Вода как вода.

Правда, она не стала прозрачней, эта частица моря у него в ладонях, не потеряла своего цвета. Казалось даже, потемнела еще больше, пропиталась синевой, словно кто-то растворил в ней хорошую порцию ультрамарина.

— Похоже на солевой расплав или пресыщенный раствор.

Он оглянулся на Физика. Тот наблюдал за ним с интересом, в котором по-прежнему чувствовалась неуместная сейчас ирония. Больше всего Практиканта поразила эта ирония. Что-то в ней было. Какая-то мысль, уже понятная Физику, но ускользнувшая от него. И, словно протестуя против иронического молчания Физика, он осторожно поднес ладони с синей водой к губам. «Не надо! — мелькнула мысль. — Это же глупо, в конце концов! — И тут же он возразил себе: — А что сейчас не глупо? Ждать, пока пройдет шесть часов, и потом глотать анестезин?»

Вода отдавала свежестью горного ручья, и она не была соленой... Странный привкус. Может быть, именно этого ждала от них планета? Доверия?

— Ну как, вкусно? — спросил Физик.

— Не знаю. Несоленая, немного похожа на... ни на что это не похоже.

Физик стянул через голову рубашку. Он тяжело дышал, по спине сбегали капли пота. Неуклюже разбежавшись, прыгнул в воду. Не было даже брызг. Просто волны чуть разошлись, как податливая резина, и вытолкнули человека наружу. Синяя пленка прогибалась под тяжестью его тела. Словно Физик был иголкой в школьном опыте по поверхностному натяжению жидкостей.

Физик зачерпнул воды и плеснул себе на грудь. Она разбежалась блестящими шариками.

— Странная жидкость, а? Похоже, не искупаться. Жаль. Но все равно лежать приятно, как в гамаке, а рука свободно проходит, почти без сопротивления. Какая-то избирательная плотность, разная для разных предметов. Жалко, нет экспресс-анализатора, с полевым тут не разобраться. Ну ладно, лезь сюда.

Райкова поразило лицо Физика. Спокойное, отрешенное от всяких мыслей, словно он лежал на земном пляже, а не на этой похожей на резину упругой синей поверхности. Он искренне, с удовольствием, как делал все подобные вещи, наслаждался подвернувшимся отдыхом и сейчас, расслабившись и задрав подбородок, блаженно щурился зеленому светилу чужой планеты.

Лежать на поверхности моря и в самом деле было приятно. Для того чтобы смочить голову и грудь, приходилось черпать воду

пригоршнями. Потом они попробовали сесть. Это удалось не сразу. Зато теперь вода доходила им почти до пояса. Правда, она все равно не везде касалась тела. Под ними образовалась довольно глубокая воронка, стены которой, казалось, были выстланы резиной.

Наконец им надоело это странное купание, и оба вылезли на берег. Вытираться не пришлось: жидкость каким-то образом ухитрилась не пристать к телу.

Физик выбрал камень полегче и бросил его в воду. Камень скрылся без всплеска. На гладкой поверхности моря не было видно ни единого пятнышка или морщинки.

Часа два они молча брели по берегу без всякой видимой цели. От жары или от радиации кружилась голова, обоих клонило в сон. Наконец Физик остановился в тенистом месте под большим валуном. Разгребли мелкий сухой песок. Прежде чем лечь, Физик достал коробочку с красной полоской.

— Если станет плохо, прими одну таблетку.

— Как будто не все равно, сколько я их приму!

— Нет. Не все равно. Мы все время спешили, а теперь давай не будем этого делать.

...Все можно довести до абсурда. Даже это желание не спешить, показное, в сущности, желание... «Неужели он сможет уснуть? — подумал Райков. — Прошло не меньше четырех часов. Значит, осталось всего два». Физик отвернулся и дышал ровно и тихо... Наверно, так и нужно. Просто эти последние два часа человек должен быть наедине с собой. В этом что-то есть, в том, что они все последнее время слишком спешили, так, словно кто-то их подгонял, так подстраивал события, наслаивал их друг на друга, что не оставалось времени подумать, разобраться толком в том, почему все кончилось так нелепо в этой хорошо спланированной и безупречно организованной экспедиции к звездам...

В последние десятилетия процент гибели экспедиций измерялся сотыми долями. Какое-то фатальное невезение необходимо для того, чтобы попасть в число невозвратившихся, пропавших без вести... С чего же, собственно, началось? Автомат вел корабль строго по курсу — не мог не вести... Корабль отклонился... или нет, скорее наткнулся на что-то... Но на что можно наткнуться в надпространстве, если нет материальной среды? Странность номер один. Бывает. Разладился автомат, допустим, хоть это и маловероятно. Авария по неизвестным причинам. Почти все аварии бывают по неизвестным причинам. В этом, во всяком случае, нет ничего странного. Хотя сам факт аварии, приведшей к катастрофе на современном

корабле, обладающем почти неограниченным запасом живучести, случай из ряда вон выходящий. Автомат не сумел справиться с аварией. Не сумел или не захотел? Нет, это опять абсурд, он не мог нарушить основную программу. Итак, странность номер два. Современный звездолет, набитый до предела самовосстанавливающейся автоматикой, получает необратимые разрушения. Отметим, кстати, что при этом он все-таки не гибнет, экипаж не получает ни малейшей царапины, зато полностью разрушен центральный автомат. От вибрации. Допустим. По крайней мере теперь из игры выбывает один из важнейших элементов. Нет больше центрального автомата, некому выполнять программу. Зато теперь на сцене наконец появляется экипаж. В точке выхода из надпространства, в пределах досягаемости искалеченного звездолета, обнаружена неизвестная звезда...

Получается довольно длинная, но все же приемлемая цепочка совпадений и случайностей. Посмотрим, что будет дальше.

Во время посадки выходит из строя магнитная рубашка генератора... Пожалуй, это уже следствие предыдущего. Звездолет так разбит, что в этой последней аварии нет уже ничего странного. Странно, правда, что они успели выбраться на шлюпке, обычно такие взрывы происходят мгновенно... Но, правда, выбрались не все... Кое-что Навигатор и Энергетик все-таки могли сделать...

Теперь планета. Давление, гравитация, состав атмосферы, кислород, диапазон температур, отсутствие враждебной биосферы, наконец, — все в пределах того узкого островка условий, в которых может существовать ничем не защищенный человек... Ничем не защищенный... Может быть, поэтому они лишились скафандров? И только радиация... Райков облизнул мгновенно пересохшие губы. Он боялся думать... Он понимал, что подошел к той самой черте, за которой вот сейчас, сию минуту поймет что-то очень важное, имеющее для них решающее значение...

А что, если предположить, только предположить, что все это не случайно? Не может быть так много совпадающих случайностей, тогда только эта радиация выпадает из общей схемы. Ну а если и она не выпадает? Если они просто что-то еще не понимают в ней? Короче, если он прав, радиация для них безвредна.

Он вскочил на ноги и секунду смотрел на расплавленную синеву моря.

Красиво? Да, пожалуй, даже слишком красиво для дикой планеты.

Совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что Физик спит. Самым естественным и спокойным образом. С завистью

Райков подумал, что ему наверняка снится хороший сон, возможно, Земля... Надо бы его разбудить и поделиться своими догадками, да только сказать, в сущности, будет нечего. Разве можно передать глубоко охватившее его убеждение, что все, что их окружает, и все, что с ними было до этого, все это не напрасно, не может быть напрасно. И значит, во всех событиях есть смысл. Смысл, которого они не заметили, события, которыми кто-то управляет? Но это же бред. «Ты принимаешь желаемое за действительное. У тебя же нет доказательств...» — вот что ему ответит Физик. Через два часа, через десять и через двадцать. Надо подождать. Совсем немного подождать...

По крайней мере, если он ошибается и проснуться не удастся, некому будет жалеть об этой последней ошибке.

Веки отяжелели от яркого непривычного света. Практикант все еще пытался бороться со сном. Но недолго. Сказалось нервное напряжение последних часов.

Снились ему сосны. Ласковые, земные, с длинными иглами, в которых свистел ветер. Смутно, сквозь сон он понимал, что здесь не может быть никаких сосен, и от этого даже во сне чувствовал невыносимую тоску и горечь. Он видел траву, растущую у их корней, гладил шершавую кору, на которой блестели смоляные слезы... Проснулся он от того, что Физик тряс его за плечо, сел, открыл глаза...

Вокруг плотной стеной стоял сосновый лес. На коричневой коре деревьев блестели капли прозрачной смолы. Свет едва пробивался сквозь могучие кроны деревьев. В двух шагах от их песчаной постели цвели одуванчики. В густой зеленой траве они казались вспышками земного солнца...

3

Если можно было доверять показаниям курсографа, шлюпка шла вверх почти вертикально. Не работал ни один обзорный экран. Кибернетик сердито передвигал рукоятки горизонтальных рулей.

— Высота подходящая, и все-таки я не могу вести шлюпку вслепую. Кому-то придется корректировать. Ты сможешь заменить меня?

— Я сдавал экзамены, но я мог бы...

— Лучше не надо. Садись на мое место.

Отдраивать люк на ходу было непросто. Зато потом Кибернетик сразу увидел под собой рыжеватую поверхность планеты. Пропало ощущение слепоты в этой несущейся неизвестно куда железной клетке.

Доктор вел шлюпку неровно, рывками, иногда он заваливал ее набок, и тогда Кибернетику приходилось изо всех сил держаться за поручни, чтобы не вывалиться. Он отключил рацию скафандра и теперь мог себе позволить громко проклинать Доктора, планету, шлюпку, жару и все остальное.

Пейзаж внизу постепенно менялся. Холмистая пустыня превратилась в предгорье. Все чаще попадались острые пики отдельно стоящих скал. Наконец одна из них появилась прямо по курсу. Пришлось включить рацию и вежливо попросить Доктора снизить скорость и отвернуть в сторону. Вместо этого Доктор повысил скорость, и они просто чудом не врезались в скалу. На этот раз Кибернетик забыл выключить рацию. Доктор обиделся и отказался дальше вести шлюпку. Все равно нужно было садиться. В конденсаторах почти не осталось энергии. Кибернетик выбрал небольшое ущелье, и по его командам Доктор посадил шлюпку у самой стены. Место для лагеря оказалось очень удачным. Узкие стены ущелья закрывали шлюпку с трех сторон. По расчетам Кибернетика, солнце могло заглядывать сюда только на рассвете, и это означало, что теперь они избавлены от удушающей жары. Кроме того, стены ущелья представляли собой неплохую естественную преграду. В случае обороны защищать пришлось бы только одну сторону. Почему-то Кибернетик не очень верил в «полное отсутствие биосферы». Слишком поспешен был вывод Доктора, он по опыту знал, как много сюрпризов таят в себе новые, недостаточно исследованные планеты.

Разбивку лагеря решили отложить до возвращения Физика и Практиканта. Точно в условленное время зажгли дымовую шашку. Истек первый контрольный срок. Постепенно тревога за товарищей вытеснила все другие мысли. Захватив бинокли, Кибернетик и Доктор пошли к выходу из ущелья. Метров через сто оно кончалось, открывая широкую панораму равнины, над которой совсем недавно летела шлюпка.

Солнце плыло над самым горизонтом. Ветер стих, и теперь во всем этом мертвом пространстве не было даже намека на движение. Они прождали в полном молчании четыре часа. Становилось заметно темнее. Несмотря на медленное вращение планеты, солнце почти скрылось за горизонтом. Необходимо было дождаться второго контрольного срока, установленного Физиком

через сутки. Начинать поиски до утра было бессмысленно. Пришлось вернуться в лагерь. Поужинали питательной пастой. Все тело зудело под толстой броней скафандров, капризничали регуляторы температуры.

— Я чувствую, что постепенно превращаюсь в черепаху, — жалобно сказал Доктор. — Давай выйдем наружу, — попросил он.

Ночь оказалась светлой и туманной. Наверное, в этом было виновато фиолетовое свечение атмосферы. Не просматривались даже звезды. Контуры скал казались нерезкими. Их тени над головой то и дело меняли очертания. Чудилось какое-то движение, слышались шорохи... Часа два оба пытались уснуть, потом Доктор предложил снова перейти в кабину шлюпки, но Кибернетик ему ничего на это не ответил. Неприятно было даже вспоминать тесное пространство рубки, забитой угловатыми приборами, пропахшей горелой резиной и пластмассой.

Прошло еще несколько часов. Рассвет все не наступал. Кибернетик предложил начать разбивку лагеря. Несмотря на необходимость экономить энергию, решили зажечь прожектор. Голубой конус света выхватил из темноты зазубренную стену ущелья. Ночью в свете прожектора ущелье казалось совершенно незнакомым. Изменились тени скал, их очертания. Доктору показалось, что в момент, когда вспыхнул луч, в стороне от светового конуса, у входа в ущелье, что-то двинулось. Какая-то большая, едва различимая в боковом рассеянном свете масса.

— Посвети-ка вон туда, к выходу, — попросил он Кибернетика.

Едва луч скользнул в сторону, как Доктор сам схватился за рукоятку прожектора и довернул его еще больше. Прямо посреди ровного дна ущелья стояла какая-то гладкая скала. Доктор мог бы поклясться, что вчера здесь ничего не было. Никакой скалы. И тут оба заметили, что между дном ущелья и скалой проходит широкая, в полметра, полоса света... Скала словно бы неподвижно висела в воздухе. Они не успели прийти в себя от изумления, как вдруг скала вся заколыхалась сверху донизу, словно была целиком вырезана из огромного куска желе, и медленно, очень плавно двинулась к ним.

— Вот оно, твое отсутствие биосферы!

Прежде чем Доктор успел ответить, прежде чем он успел предотвратить несчастье, темноту вспорол малиновый луч бластера. Голубое облако шумно вздохнуло на том месте, где только что двигалось *неизвестное*, и вокруг них сомкнулась ночь. Прожектор почему-то погас.

— Давай прожектор! — крикнул Кибернетик, не опуская бластера, но Доктор не ответил ему.

Он лихорадочно шарил по поясу скафандра, наугад нажимая кнопки и уже понимая, что это бессмысленно: все энергетическое оборудование вышло из строя, не загорался даже аварийный нашлемный фонарь, и только рация почему-то продолжала работать. Он отчетливо слышал шумное дыхание Кибернетика, щелчки тумблеров и его проклятия.

Кибернетик рванул затвор бластера, развернулся в сторону стены и, уже не надеясь ни на что, нажал спуск. Но бластер не подвел. Видимо, его автоматический реактор продолжал действовать, и хотя разряд оказался намного ниже нормы, в его желтоватой вспышке они успели увидеть, что вокруг уже ничего не было. Никаких движущихся скал.

— Перестань, — сказал Доктор. — Вернемся в шлюпку. Может быть, там что-нибудь уцелело.

Они повернулись и молча пошли к шлюпке. Тьма стояла такая, что хоть глаз выколи. Наверное, оттого, что их ослепила вспышка бластера. Они прошли десять шагов, пятнадцать — шлюпки не было.

— Ты уверен, что мы идем правильно? — спросил Доктор.

— Сейчас посмотрим!

Кибернетик снова щелкнул затвором, но Доктор перехватил его руку.

— По-моему, довольно. Твоя иллюминация только привлекает внимание к нам.

В спину им ударил порыв ветра. Доктору показалось, что в воздухе пляшут какие-то огненные искорки.

— У меня что-то с глазами... Ты видишь этих светляков?

— Возможно, это разряды. Здесь чертова уйма энергии от радиации и от этого сумасшедшего зеленого солнца. Но где шлюпка?

— Может, повернем обратно?

— Тогда вообще потеряем направление. Почему они не нападают? Сейчас самый удобный случай, на открытом месте мы беззащитны, а ночные животные отлично видят в темноте. Если попробуют еще раз... я ударю протонными...

— Что «еще раз»?

— Ну, напасть на нас!

— С чего ты взял, что они нападали?

— А что же они, играли в пятнашки? Зачем им бежать прямо на нас? Мало здесь места?

— Ты хоть знаешь, в кого стрелял?

— В кого? Почему «в кого»? Это был какой-то зверь. Очень крупный зверь!

— Хорошо, если так. А если нет?

— Ну знаешь...

Было видно, что вопрос Доктора все же смутил Кибернетика.

Доктору совсем не хотелось продолжать этот разговор, но надо было его продолжать, не было иного выхода.

— Объявлять войну целой планете с нашими силами не очень-то разумно. А? Как думаешь?

— Очень ты любишь все преувеличивать, Петр Семенович. О какой войне идет речь? При чем здесь война? На нас напало неизвестное существо, я в него выстрелил, вот и все!

— А если не просто существо?

— Ты говоришь так, словно уже открыл на этой планете целую цивилизацию! Да еще негуманоидную. Поделись, если это так!

— Ничего я не открыл! Но я предпочитаю вести себя так, словно здесь может быть такая цивилизация, и по крайней мере не забывать, что здесь мы гости! Мне хочется, чтобы люди всегда были добрыми гостями. Достаточно зла мы успели натворить на собственной планете. Не надо хвататься за бластер без крайней необходимости. Я почти уверен, что у этой штуки не было никаких враждебных намерений. Иначе от нас ничего бы уже не осталось. Это нас здесь только двое, а разум и вообще жизнь, даже самая примитивная, способны к объединению в случае опасности.

— Вот-вот! Ты говорил, что на этой планете отсутствует биосфера, ты делал анализы и не нашел даже вирусов!

Доктор усмехнулся:

— Так уж мы устроены. Всегда приятней обвинить в ошибке другого, особенно если чувствуешь, что виноват сам. А биосфера... Что же, согласен. Слишком поспешный вывод. Хотя все это странно, Миша. Очень странно... Может быть, наши найдут что-нибудь новое?

— Они даже не взяли оружие!

— Оружие здесь не поможет.

— Ну, это мы еще посмотрим! Лучше с самого начала показать не слабость, а силу.

Доктор надолго замолчал. Ветер постепенно усиливался, стало трудно держаться на ногах, и было отчетливо слышно, как скрипит оболочка скафандра под хлещущими ударами песчаных струй.

— Надо сесть и подождать, пока стихнет ветер, — предложил Доктор.

— Верх стены непрочен. Если ветер усилится, начнутся обвалы. Нельзя останавливаться. Нужно найти шлюпку или хотя бы какое-нибудь укрытие. Подожди! Ветер дует вдоль ущелья, повернем так, чтобы он бил в бок, и дойдем до стены, там наверняка найдется какая-нибудь трещина. Если повезет, дождемся рассвета. Черт с ней, со шлюпкой! Сейчас неизвестно, где безопасней.

Им повезло. Это была не трещина, а овальный вход в какую-то пещеру.

— Я осматривал вчера всю местность — не было здесь никакой пещеры, — раздраженно сказал Кибернетик. — Не могли же мы уйти так далеко!

Остановились у самого входа, с трудом переводя дыхание. Под сводами пещеры ветер сразу же стих. Глаза понемногу привыкли к темноте, и они уже различили смутные, уходящие вглубь своды каменного потолка и светлое пятно входа, перечеркнутое мелкой сеточкой пляшущих в воздухе огненных точек.

— Из-за этой свистопляски совсем ничего не видно.

— А ты вынь батарею бластера. Подключим ее к прожектору скафандра.

— Тогда мы останемся безоружными.

— Это глупо. Если бы там был хищник, мы не успели бы пройти и двух шагов. Хищники, тем более ночные, редко охотятся в одиночку.

— Их распугал выстрел.

— Ну да, такие пугливые звери. Гасят прожекторы, переносят с места на место шлюпки, подсовывают пещеры... Что еще они умеют делать?

Кибернетик ощупью нашел в темноте плечо Доктора.

— Не надо, Петр Семенович. И без того тошно.

— Хорошо, не буду. Но ты все же разряди бластер и зажги свет. Надоело сидеть в темноте. Неплохо было бы осмотреть помещение, в которое нас пригласили. Ты заметил? Стены как будто теплые. Даже сквозь перчатку.

— Нагрелись за день. Сейчас я попробую подключить фонарь прямо к бластеру, не вынимая батареи.

Синий конус света упал на стену пещеры.

— Не пережечь бы излучатель, он не рассчитан на такое напряжение, — пробормотал Кибернетик, что-то подкручивая в коробке бластера.

— Посвети в разные стороны. Я хочу посмотреть.

— Пещера как пещера. Не на что тут смотреть.

— Ну, ты не совсем прав... — Доктор подошел к стене. — Стены как будто оплавлены и теплые. Внутри они не могли так нагреться только от дневного света. И эти натеки... вот посмотри, как будто пещеру выжгли в скале...

— Ну да, специально к нашему приходу.

С минуту Кибернетик молча ковырялся в поясе скафандра, а Доктор, держа на вытянутых руках бластер с мотком провода, все никак не мог оторвать глаз от стен пещеры.

— А знаешь, она довольно глубокая. Надо будет посмотреть, что там дальше.

— Днем посмотрим. Если со шлюпкой ничего не случилось... Очень странно. Сели только наружные батареи скафандров. Направленное излучение? Может, оно пронзило узкий участок, как раз там, где были батареи? Но тогда почему ничего нет на дозиметрах? Тут одному не разобраться, вот вернутся наши...

— Тихо! — прошептал Доктор. Что-то мелькнуло в дальнем углу пещеры, что-то темное и не очень большое. — Дай-ка мне бластер, — сказал он как мог спокойней.

— Зачем?

— Еще раз осмотреть стены. Переключи его, пожалуйста, на мой фонарь.

— Надо было свой брать! — проворчал Кибернетик, но батарею все же переключил.

Поставив оружие на холостой взвод, Доктор осторожно повернул шлем в сторону, где только что видел движение, и резко нажал выключатель. Ярко блеснули желтым агатовым светом два глаза. Существо величиной с ягненка сидело, ослепленное светом.

— Стой! — крикнул Кибернетик. — Не подходи к нему!

Но Доктор даже не обернулся.

— Наши скафандры выдерживают удар лазера. Чего ты, собственно, боишься? Есть все-таки биосфера! Есть... Нет, это потрясающе: у него же нет рта. И ног не видно! Как оно движется? Какой обмен веществ?

Доктор сделал еще один шаг, чтобы лучше рассмотреть представителя этого неизвестного мира, и в ту же секунду раздался глухой чавкающий звук, словно ударили ладонью по круто замешенному тесту. Существо съежилось, вжалось в стену и стало медленно исчезать. Сначала исчезла его задняя половина. С секунду оно казалось барельефом, высеченным в скале каким-то древним художником. Но барельеф становился все тоньше, линии постепенно стирались, и вот уже перед потрясенным Доктором не было ничего, кроме гладкой поверхности камня.

— Ты видел? — все еще не отрывая глаз от того места, где только что сидело существо, спросил Доктор.

— Видел... — почему-то шепотом ответил Кибернетик. — Похоже, оно нырнуло. Нырнуло прямо в камень...

Чтобы проверить себя, Доктор прикоснулся перчаткой к тому месту, где исчезло существо. Камень оказался в этом месте мягким, податливым, как глина, и очень горячим.

— Может, оно его расплавило? Какая-то высокотемпературная форма жизни?

— Нет. У меня такое предчувствие, что здесь что-то совсем другое, что-то гораздо более сложное...

Предчувствие не обмануло Доктора. Секунд через десять или пятнадцать после того, как исчезло неизвестное существо, снова раздался знакомый чавкающий звук. Стена вздрогнула и стала медленно уходить куда-то вглубь, словно ее всасывал изнутри огромный каменный рот. Сначала образовалась небольшая, но стремительно расширяющаяся воронка или, скорее, неправильное сферическое углубление. Оно вогнулось внутрь скалы, расширилось и наконец замерло, образовав длинный узкий коридор, отделенный от пола пещеры невысокой, в полметра, каменной ступенькой. Проход был таким, что в него свободно, не сгибаясь, мог пройти человек. Направленный внутрь луч фонаря ничего не объяснил им. Свет терялся в стенах длинного ровного туннеля, конца которого нельзя было рассмотреть.

— Кажется, нас приглашают войти...

— И не подумаем. При таком энергетическом вооружении, как у них, нужна силовая защита, а мы...

— А мы уже не экспедиция, Миша. Кажется, ты это забыл, так вот войдем как есть и даже эту игрушку оставим. — Доктор выключил бластер. — Терять нам нечего, а доверие можно заслужить только доверием.

Больше они не спорили. Даже когда Доктор повернулся и положил у порога бластер, предварительно вынув из него батарею, Кибернетик не стал возражать.

Прошли метров двести, а может, больше. Очень трудно определялось расстояние в этом совершенно гладком коридоре с тускло поблескивающими, словно лакированными, стенами.

Идти было легко. Пол мягко пружинил под ногами. Чтобы скомпенсировать внешнюю температуру, пришлось включить охлаждение скафандров на полную мощность.

— Ты заметил, перед тем как образовался проход, камень даже не светился, температура совсем небольшая, иначе никакое охлаждение не помогло бы. Если это не плавление, то что же?

— Может, ослаблено сцепление между молекулами?

— Молекулярное сцепление? Ну, не знаю... Для этого нужна такая прорва энергии.

— Меня другое беспокоит: этот проход что-то уж слишком длинный. Не понимаю, зачем им это понадобилось?

— Вот, кажется, и конец.

Но это был не конец. Просто коридор раздваивался на два одинаковых рукава. С минуту они стояли молча, раздумывая, куда повернуть. А метров через пятьдесят коридор снова раздваивался. Они вернулись и отметили первый поворот. Потом Кибернетик предложил более рациональный способ:

— Будем все время поворачивать налево, чтобы не запутаться.

Они еще раз повернули налево, и почти сразу же луч фонаря осветил новую развилку.

— Не слишком прямая дорога, а?

— Честно говоря, мне это не нравится, — сказал Доктор.

— Может быть, попробуем разок повернуть направо?

— Правые туннели должны заканчиваться тупиком.

— Откуда ты знаешь?

— Да уж знаю... Можно, конечно, проверить, только снова пометь поворот.

Они проверили. Доктор оказался прав. Почему-то это открытие заставило его помрачнеть. Они вернулись к помеченной развилке и снова свернули налево. Доктор теперь почти не разговаривал. Его шаркающие шаги доносились все глуше. Прислушавшись к его затрудненному дыханию, Кибернетик остановился.

— Барахлит фильтр? Чего ты все время отстаешь?

— Просто забыл привернуть свежий баллон, когда выскакивал из шлюпки.

— Интересно, как тебе удалось сдать экзамены в школе третьей ступени... — сказал Кибернетик, внимательно изучая свой распределитель. — Значит, воздуха у нас всего на полчаса. Придется поторопиться. — Он отвинтил запасной баллон и протянул Доктору: — Держите, медицинский работник. Жаль, что я не Навигатор. Ты бы у меня одним нарядом не отделался за такие штучки!

— Спасибо, — просто сказал Доктор.

И Кибернетик почувствовал, как от этого знакомого земного слова улетучивается все его раздражение.

Прошло минут десять, прежде чем они поняли: что-то изменилось. Появилось едва заметное движение воздуха.

— Погаси свет, — попросил Кибернетик.

В наступившей темноте увидели впереди светлое пятно.

— Кажется, там выход!

— Конечно, выход. Лабиринт всегда заканчивается выходом, если применить правило левой руки.

— О чем ты? — не понял Кибернетик.

— О земных лабиринтах.

— Но здесь не Земля!

— В том-то и дело! Это мне и не нравится. Слишком знакомый лабиринт. И слишком простой...

Проход теперь расширился, перешел в длинный зал. Впереди тускло поблескивала какая-то лужа. А еще дальше за ней скала раздвигалась в стороны, и можно было увидеть знакомое дно ущелья.

— Смотри-ка, уже рассвет, — сказал Кибернетик. — Долго мы проплутали.

Доктор ему не ответил. Он остановился и стоял теперь сжав кулаки, с ненавистью глядя на лужу, преградившую им путь.

— Ну, чего ты застрял? Пойдем! Хорошо, что вышли в наше ущелье, успеем добраться до шлюпки.

— Понимаешь, Миша... А ведь мы здесь не пойдем.

— Не пройдем?

— Нет. Я сказал, не пойдем. Сейчас я тебе все объясню.

— Да что тут объяснять! Объяснишь, когда сменим баллоны!

— Тогда уже будет поздно. Послушай, этот лабиринт... А теперь этот... этот... бассейн, доска... Вон там, видишь?

— Какая доска? Я вижу каменную плиту, и прекрасно. С ее конца легко перепрыгнуть через лужу!

— Вот именно. Именно перепрыгнуть... В этом все дело.

— Да говори ты толком, наконец!

— Помнишь, там, в лабиринте, я знал, что все время нужно поворачивать налево?.. И этот зал мне знаком.

— Ну, это ты, брат, загнул! Не мог ты этот зал видеть!

— А я и не видел. Здесь не видел. Я его на Земле видел... У меня такое чувство, как будто я в чем-то виноват, как будто я эти опыты выдумал...

— Какие опыты?! — Теперь уже Кибернетик окончательно вышел из себя. Он повернулся к Доктору, и его лицо покраснело от гнева. — Будешь ты говорить толком, или мне тащить тебя к выходу?! Кислорода осталось на пятнадцать минут, хватит лирику разводить!

— Ну так слушай. В таком зале мы показываем студентам опыты на крысах, ну... на простейшие инстинкты, понимаешь?

Вон там — лабиринт. Здесь прыжковый стенд. В конце — приманка. Кусок сала или выход — разница небольшая. Конечно, все соответственно увеличено в масштабе.

— Ты хочешь сказать, что теперь в роли крыс мы?

Доктор молча кивнул и сел на пол. Он выбрал камень поудобнее, расположился основательно и совершенно спокойно. Видно было, что он уже принял окончательное решение и теперь никуда не спешил. Чтобы все время видеть его лицо, Кибернетику пришлось сесть рядом.

— Значит, они простейшие инстинкты проверяют... А зря ты оставил бластер!

Доктор ничего не ответил, только пристально посмотрел на него, и почему-то Кибернетик смутился, отвел взгляд. Но почти сразу же новая мысль заставила его вскочить на ноги.

— Черт возьми, но это нелепо! Не могли они не видеть шлюпки!

— Конечно, они видели шлюпку и понимают, что мы не крысы. Вряд ли они вообще знают, что такое крысы, но наверняка знают, как мы к ним относимся.

— Откуда?

— Оттуда, откуда они узнали об этом стенде. Из моей памяти.

Кибернетику показалось, что после этих слов дышать стало труднее, словно уже истекли оставшиеся у них пятнадцать минут...

— Думаешь, они читают мысли?..

— Мысли — вряд ли. Человек мыслит символами, словами. А эта условная система не может быть сразу понята никаким другим разумом, тем более что не только способ информации, но и ее кодировка, как правило, всегда отличны. Помнишь бету Ориона? Сколько там бились над расшифровкой языка запахов? Нет. Не мысли, но вот память, пожалуй, им доступна. Память, прежде всего зрительные образы. Ну и эмоциональная окраска какого-то определенного образа, наверное, им понятна... Впрочем, все это только догадки. Фактов пока очень мало. Не успели мы собрать достаточно фактов.

— Еще успеем, — машинально сказал Кибернетик и вдруг понял все, что имел в виду Доктор. — То есть ты хочешь сказать, что у нас нет другого выхода, только отказ от участия во всем этом? — Кибернетик обвел рукой каменный мешок, в котором они сидели.

— Я рад, что ты понял. Есть вещи, которые очень трудно объяснять.

— Нет. Подожди. Можно обойти доску или вернуться! В конце концов, в лабиринте мог быть и другой ход. Мы же не

все ответвления проверили. Не сидеть же так, пока кончится кислород!

— Видишь ли, Миша, наверняка я знаю только одну вещь, отличающую человека от крысы...

Они помолчали, слышно было, как где-то капает и шипит в респираторах воздух. Кибернетик так и не спросил, что это за вещь, и тогда Доктор закончил:

— Чувство собственного достоинства.

За секунду до этих слов Кибернетику еще казалось, что он сможет переубедить Доктора или, на худой конец, сбегать к шлюпке за новыми баллонами. И сейчас, уже признав для себя правоту Доктора, но все еще не находя сил принять ее до конца, он зло возразил:

— Я ведь не стану ближе к крысе оттого, что пройду по доске!

— Конечно, нет. Но тогда ты примешь условия предложенной нам игры. Крысы всегда их принимали.

Опять надолго наступило молчание. Свет фонарей постепенно желтел, и Кибернетик отметил про себя, что, значит, и батарее от бластера досталось тоже, скоро они останутся в полной темноте. Может, это и лучше...

Доктор отыскал его плечо. Рука Доктора казалась через скафандр очень легкой.

— Думаешь, они поймут?

— По крайней мере узнают о нас кое-что... И потом, это ведь прежде всего для нас самих важно — не превращаться в подопытных кроликов...

Доктор не успел закончить фразу. За их спиной раздался громкий лопающий звук. Оба резко обернулись. Стены не было. Исчез целый кусок в несколько квадратных метров. И совсем недалеко, у самого пролома, они увидели шлюпку.

4

Одуванчики в траве казались вспышками земного солнца... На секунду мелькнула шальная надежда, что это Земля. Вот за этой знакомой сосной начинается тропинка к санаторию... Но тропинки там не было. Практикант увидел, что ее нет, сразу, как только поднялся на ноги. Он вдруг почувствовал, что трава под ногами слишком колюча, слишком крепка для земной травы. Физик вскочил и смотрел на Практиканта так, словно хотел проверить, видит ли и он этот лес.

— По-моему, это не галлюцинация и не мираж, — сказал Практикант, с трудом проталкивая слова через спазму, сдавившую горло.

Вспоминая позже, что они почувствовали в те первые минуты, они точно установили, что меньше всего в их чувствах было все-таки удивления. И не потому, что притупилось восприятие необычного на чужой планете. Просто они все время инстинктивно ждали чуда. И теперь, когда чудо действительно случилось, они восприняли его как должное. Само собой разумеющимся казалось даже отсутствие последствий радиации. Правда, Физик считал, что они могут проявиться позже, но на это Практикант возразил, что на планете, где растут каменные сосны, радиация тоже может быть особой. Физик не сразу понял, о каких каменных соснах он говорит. И тогда Практикант протянул ему обломок ветки, где в изломе вместо знакомой светлой древесины темнел камень.

— Об этом я догадался раньше. Видишь, не шевелится ни одна ветка, несмотря на сильный ветер. Это не настоящие деревья. Очень детальные копии.

— Для любой копии нужен оригинал.

— Здесь использовано все, что можно было извлечь из моей памяти... Силуэты деревьев. На заднем плане они как будто расплылись. В этом месте нет ничего потому, что я не помню, что там стояло у нас в санатории: не то беседка, не то фонтан. Образовалась бесформенная глыба. В изломе ветки нет ни жилок, ни сосудов, видишь, структура базальта. Это не окаменевшие деревья. Это копии деревьев, искусно сделанные из камня.

— Для чего?

— Ну, я не знаю. Может, это у них такой способ общаться друг с другом.

— Ну да! Мы рисуем на бумаге, а они вырубают послания из скал. Простой и дешевый способ.

— А как иначе это объяснишь?

— Пока не знаю. Давай посмотрим, что здесь есть еще.

Каменные копии деревьев стояли полукругом ряда в четыре вокруг выемки, в которой они спали. За деревьями ничего не изменилось — в пустынной базальтовой равнине. Физик, защитив глаза от ветра ладонью, долго смотрел в ту сторону, куда улетела шлюпка.

— Не пора ли нам возвращаться? Они, наверное, до сих пор не сняли скафандры.

— Ты думаешь, Доктор тебе поверит? Приборы покажут, что мы схватили больше трех тысяч рентген. С покойниками врачи, как правило, не разговаривают.

Хотелось шутить, улыбаться, жадно глотать воздух, горячий и терпкий, как вино. Все тревоги отошли на второй план. По сравнению с тем огромным и значительным фактом, что они чувствуют на лице прикосновение ветра, у них ноют ноги от усталости и очень хочется пить.

Только к вечеру они отыскали холм со знакомыми очертаниями. Практиканту показалось, что это другое место. Он спорил с Физиком до тех пор, пока тот не разгреб песок и не нашел обломки досок от упаковки планетного робота.

Прищурившись, Практикант смотрел, как ветер зализывает длинными струями лунку, только что вырытую Физиком в базальтовой пыли. Медленно ползущее солнце скрылось за горизонтом, и сразу потянуло холодным ветром. Физик обошел всю площадку, старательно подбирая силикетовые обломки ящика.

— Зачем тебе они?

— Ночью станет еще холоднее. Силикет трудно разжечь, но зато, если это удастся, будет неплохой костер.

— Хочешь здесь ночевать?

— Конечно, в темноте мы не найдем лагерь, и, кроме того, робот... Если он вернется, мы получим дополнительную информацию.

— По программе он должен был дожидаться нас здесь несколько часов назад.

— Возможны непредвиденные задержки... Конечно, я понимаю, что, раз его нет до сих пор, скорее всего он уже не появится. Все же подождем. Это ведь наш единственный сохранившийся автомат...

— А контрольный срок?

— Я назначил дополнительный. Они будут волноваться, но другого решения быть не может.

— Не думаю, что стоять на месте безопаснее, чем двигаться, вряд ли мы сможем уснуть.

— Есть еще одна причина. О ней мне бы не хотелось говорить раньше времени. Давай подождем. Что-то ведь должно проясниться. Для чего-то были нужны там деревья и все остальное.

Значит, Физик тоже все время ждет. Ждет следующего шага. Наверное, он прав. И, наверное, так и нужно — ждать с открытым забралом. У них нет скафандров. Нет робота. Нет оружия. Два беззащитных человека на чужой планете и этот костер... Словно они в туристском походе, устали после длинной дороги и сделали привал... Наверное, так и нужно — ждать...

Зеленоватый закат погас, и холодная темнота обступила со всех сторон. Ночью на открытом пространстве человек особенно

остро чувствует свое одиночество даже на Земле. Здесь это чувство обострилось еще больше. На Земле ночи полны шорохов и звуков жизни. Космос нем, но даже к его однообразному, равнодушному молчанию легче привыкнуть, чем к тишине этой ночи, сквозь которую прорывался то какой-то отдаленный рокот, то тоскливый вой ветра, разрывающегося на части об острые зубцы скал, то шелест песчинок. Не было ни треска цикад, ни шороха крыльев, ни осторожных шагов ночного хищника. Ни одного живого звука.

И невольно, словно подталкиваемые этой тишиной, они подвинулись ближе друг к другу. Физик, пренебрегая концентратами, попытался заварить чай в какой-то плошке, сделанной из крышки ненужного теперь прибора. Чай из местной воды долго не закипал, сердито булькал и не желал завариваться. В конце концов Физик стал его пить мелкими глотками, обжигаясь и дуя на плошку, как в блюдце. Что-то в этом ритуале было удивительно успокаивающее, домашнее, и Практикант подумал, что этот плотный неторопливый человек всегда умеет создать вокруг себя ощущение уюта и надежности. Почему это так, он не знал и понимал, что ему самому это вряд ли удастся. Со стороны он скорей всего выглядит испуганным мальчишкой. Недаром Физик его успокаивал в тот момент, когда с них, как луковая шелуха, полезла оболочка скафандров...

Когда темнота сомкнулась, она оставила вокруг костра лишь маленький клочок освещенного пространства. Ночь затаилась у них за спиной, неторопливо поджидая своего часа... Не так уж и много было силикетовых досок... И когда сгорела последняя доска, когда остыли красные глаза углей и потухли последние искры, когда они уже перестали ждать и надеяться на новое чудо, что-то случилось.

Шагах в сорока от них лежал валун величиной с пятиэтажный дом. Днем Практикант забирался на него, чтобы лучше осмотреть окрестности, и хорошо запомнил изрезанные морщинами, шершавые каменные бока. Неожиданно лежащий в стороне валун четко обозначился на фоне темного неба, с которым совершенно сливался за минуту до этого. Сначала оба подумали, что за горизонтом вспыхнуло какое-то зарево, но уже через секунду поняли, что это светится сам камень. Постепенно все его массивное тело наливалось светом, меняя оттенки от темно-красного до вишневого и светло-розового. Длинные волнообразные цветовые сполохи пробегали по камню то сверху вниз, то снизу вверх. Одновременно цвет приобретал глубину. Камень стано-

вился прозрачным. Теперь он был похож на гигантский розовый кристалл турмалина, подсвеченный изнутри каким-то непонятным светом. Одновременно с почти полной прозрачностью внутри камня обрисовались неясные уплотнения, похожие на белесоватый туман, словно кто-то капнул в рюмку с водой каплю молока. Эти уплотнения все время двигались и постепенно сжимались, приобретая большую четкость и плотность. В то же время они как бы вытягивались и разветвлялись, образуя сложные, непонятные людям конструкции и абстрактные узоры, в которых нельзя было уловить ни ритма, ни симметрии.

Через несколько секунд после образования рисунок белесых контуров внутри камня стал усложняться, ускорился и темп образования новых узоров. Неожиданно весь камень по диагонали пронзила какая-то невообразимая сложная игольчатая конструкция. Она на глазах разрасталась вширь и вглубь, потом неожиданно вспыхнула многочисленными искрами и распалась. Сразу свет внутри каменной глыбы стал меркнуть, а сама она осела, контуры ее поплыли, и, прежде чем погасла последняя вспышка света, прежде чем снова исчезло все в ночной тьме, они успели заметить, как камень вытянулся вверх и в сторону, словно укладывался поудобнее на свое вековое ложе. По его бокам вместе с золотистыми искрами пробежала короткая судорога. Потом все исчезло в полной темноте.

Оба не смогли сомкнуть глаз до самого рассвета, но за ночь ничего больше не произошло. Солнце еще не успело взойти, как они уже стояли у подножия таинственного камня. Ничего необычного не могли отыскать их жадные взгляды на его выгнутых, потрескавшихся боках. Поверхность на ощупь казалась мертвой и совершенно холодной. С южной стороны на валуне сохранилась даже пленка пустынного загара. Физик выбил из края трещины несколько образцов, но и на свежем сколе структура камня ничем не отличалась от обычного базальта.

Отбросив осколки камня, он недоуменно пожал плечами:

— Просто ему неудобно стало лежать. Если бы у нас была кинокамера...

— И корабельный мозг, в который можно отправить пленку для обработки данных... Нет. На этой планете до всего придется доходить своим собственным умом.

Они долго спорили о том, что делать дальше. Физик настаивал на возвращении в лагерь. Практикант считал, что нельзя уходить, не разобравшись в ночном происшествии.

— Да как ты в нем разберешься, как? Ну, допустим, сегодня ночью камень опять замерцает и мы увидим те же или, может быть, совсем другие структуры. Что ты сможешь понять во всем этом?

— Тот, кто способен создавать такие сложные системы, наверняка сумеет найти способ общения.

— Во-первых, если захочет. Во-вторых, для этого он прежде всего должен понимать нас. А в-третьих, вот посмотри. — Физик вывернул заплечный мешок, вытряхнул крошки. — Камни мы есть не умеем. И потом, почему ты думаешь, что эта система создана специально для нас? Что, если она существует сама по себе? Почему бы ей не быть самостоятельным гомеостатом, тем самым таинственным фактором, который занят собственными делами, а на наши влияет чисто случайно?

— Именно поэтому мы не должны уходить. Если эта встреча случайна, мы можем потерять единственный шанс, провести годы на этой планете, забравшись в пещеры и питаясь хлорелловым супом, до конца наших дней смотреть на базальтовые скалы, ничего не замечая, и вспоминать упущенный шанс!

— Да кто тебе не дает вернуться сюда после того, как мы найдем наших?

— И обнаружить камень? Просто глыбу базальта? То, что мы видели, приходит и уходит. Неизвестно, сколько времени пробудет оно здесь. Может, предстоящая ночь единственная и последняя, когда нам удастся что-то понять и объяснить. Может быть, сейчас самое главное — не уходить, показать, что нам интересно и нужно то, что мы видели. Показать, что мы хотя бы стараемся понять. Можно уйти, конечно. Только ведь это тоже будет ответом. И кто знает, станут ли нам еще раз навязывать объяснение, от которого мы однажды отказались?

— Ну хорошо, возможно, ты прав. Я не уверен, что еще один день голодовки пойдет нам на пользу, но, в конце концов, последние дни мы все время совершали не очень разумные поступки. Тем не менее нам пока не приходится жаловаться.

День тянулся бесконечно долго. Измученные жарой и бессмысленным, по мнению Физика, ожиданием, к вечеру они уже почти не разговаривали, каждый уйдя в собственные мысли.

Физик вспоминал лабораторию на шестом спутнике. Свою последнюю в околоземелье лабораторию. Именно там он решил подать заявку в службу дальней разведки и надолго, может быть навсегда, покинуть Землю. Приземелье. Лаборантка Марина Строкова улетела вместе с его коллегой Ринковым, и жизнь вдруг по-

казалась пустой и лишенной смысла... Они дружили больше двух лет. Бывает такая дружба, словно замершая в определенной точке. Наверное, она просто не принимала его всерьез. Марине нравились сильные целеустремленные люди, а он даже сам себе порой казался неуклюжим неудачником, где уж ему равняться с Ринковым. Совершенно неожиданно его кандидатура прошла. Перед отлетом он даже не простился с Мариной. Все это осталось в нереально далеком прошлом, на другой планете, которая называлась певучим домашним словом «Земля». Физик потянулся, зевнул.

Задолго до захода солнца оба почувствовали необычайную сонливость. Наверное, это была реакция организма на такое напряженное ожидание. Практикант, отгоняя непрошеную дремоту, то и дело приподнимался на локте. Он во все глаза глядел на валун. Скорее всего ничего больше не случится и ожидание напрасно. Тут они имеют дело с чужим разумом, с чужой волей... Вспомнились выпускные экзамены, прощальный институтский вечер. Сергин тогда сказал: «Тебе наверняка не повезет, слишком ты этого хочешь». Они понимали друг друга с полуслова, дружили не один год; сейчас Сергин далеко ушел с экспедицией на «Альфу». При их специальности очень трудно поддерживать старую дружбу. Контакты рвутся. Люди забывают сначала лица друзей, потом они не помнят, как выглядела скамейка в парке института, и на ее месте образуется просто глыба базальта...

Ну полно, не стоит придавать этому такого значения! Если нужно будет, он вспомнит все. Вот именно: если «нужно», а просто так, для себя, можно, значит, и не помнить? Но ведь я жду именно потому, что помню, потому, что я сейчас уже не просто практикант... Ну конечно, «полномочный представитель цивилизации». А Ленка, между прочим, так и не подарила тебе свою видеографию. Не верила в тебя? Не хотела ждать? Или все у вас было не очень серьезно? А как это «не очень» и как оно должно быть «очень»? Вопросы, вопросы... Преподаватель Горовский не любил его именно за многочисленные вопросы. «Рассуждать нужно самостоятельно, обо всем спрашивать просто неэтично, юноша...»

В лицо ударил резкий, порывистый ветер, и, приподняв голову в очередной раз, Практикант увидел, что солнце наконец зашло. Камень возвышался перед ними молчаливой холодной стеной.

Практикант повернулся к Физику и с удивлением обнаружил, что тот спит. Ну что ж, значит, нужно дежурить одному. Кто-то должен ждать, если понадобится, всю ночь. Но мысли

путались. Очень трудно все время помнить самое важное. А самым важным было теперь не заснуть, не пропустить... Но он все-таки заснул. Он понял, что заснул, сразу, как только по глазам ударил резкий беловатый свет, и потому что, открыв глаза, вдруг обнаружил себя в полукруглом, хорошо освещенном зале с ровным песчаным полом. Он не должен был засыпать, а вот заснул... Но, может быть, тогда и этот зал — часть его продолжающегося сна? Нет. Слишком четко и ясно работал мозг, и только сам переход в это новое для него положение остался неясным, словно на секунду выключилось сознание — и вот он уже здесь, в зале...

Так. А теперь спокойно, примем это как должное. В конце концов, были же каменные деревья, почему бы не быть залу? Может, так нужно. Но где Физик? Почему его нет? Подождем, что-то должно проясниться, просто так такие залы не снятся. Можно нагнуться и пересчитать песчинки на ладони — сорок три... Можно считать и дальше, но это не обязательно. Он и так уже знает, что никакой это не сон. И сразу за этой мыслью волной прокатился страх. Замкнутое пространство вокруг, казалось, не имело выхода. Что может означать этот зал? И почему здесь так светло? Откуда свет? Свет шел отовсюду. Казалось, светится сам воздух. Стена крутым полушарием уходила от него в обе стороны и терялась в этом радужном сверкании. Что предпринять? И нужно ли? Может, лучше ждать? Нет, ждать в этом зале он не сможет.

Он чувствовал, что еще минута-другая такого ожидания — и он начнет бить кулаками по стене и кричать, чтобы его выпустили. А делать этого не следовало. Делать нужно было что-то совсем другое. И прежде всего сосчитать до сорока, внутренне расслабиться, полностью отключиться. Представить себе яркий солнечный день в Крыму, ослепительную синеву неба и чайку... Так. Хорошо. Теперь можно открыть глаза и еще раз все спокойно обдумать. Если решить куда-то двигаться, то выбор, собственно, небольшой. Единственный ориентир — стена. Кстати, из чего она? Базальт? Похож на естественный, никаких следов обработки... Что же, пойдем направо. Надо считать шаги, чтобы потом можно было вернуться к исходной точке. Сорок шагов, пятьдесят... И вот вам, пожалуйста, дверь. Самая обыкновенная, какие бывают в стандартных домах из стериклона на Земле... Ручка поблескивает. Очень аккуратная дверь и очень нелепая на сплошной базальтовой стене, уходящей вверх и бесконечно в обе стороны.

Ну что же, дверь — это уже нечто вполне понятное, можно предположить, что она здесь специально для него. В таком случае откроем.

Практикант протянул руку и открыл дверь в корабельную рубку. Произошло мгновенное переключение памяти, и, открыв дверь, он уже не помнил о том, о чем думал минуту назад, стоя в зале. Но зато прекрасно помнил, зачем бежал к рубке и как за минуту до этого Физик пытался втолкнуть его в шлюпку. «Значит, все-таки удалось вырваться», — мелькнула запоздалая мысль. Навигатор и Энергетик молча стояли у пульта. Наверное, они только что выключили аварийную сигнализацию, и поэтому тишина казалась почти осязаемой.

«В шлюпку! Скорее!» — крикнул он им. Или прошептал? Он не услышал собственного голоса, но зато сразу же остался один у пульта. Навигатор и Энергетик исчезли, и у него нет времени об этом думать, нет времени анализировать, потому что самое главное сейчас — вот эта маленькая светлая точка на единственном уцелевшем экране; надо дать отойти ей как можно дальше, вытянуть ее за зону взрыва... Это самое главное. Выжать бы еще секунд десять, пятнадцать... Очень трудно, потому что магнитная рубашка реактора держалась теперь только на ручном управлении... Сумеет ли он один? Должен суметь, раз взялся. Регулятор распределителя поля очень далеко, и нельзя отойти от главного пульта... Неужели конец? Вот сейчас... Нет, этого не может быть! Вспыхнуло панно: «Готова вторая шлюпка!»

Откуда она? Они сняли с нее все детали, не могла быть готова вторая шлюпка! Но панно горело, и, значит, он еще может успеть, вот только взрыв, пожалуй, накроет ту, первую шлюпку, в которой сидели сейчас Физик, Доктор и все другие. Все, кто доверил ему свою жизнь. Шлюпка почему-то все время шла по оси движения корабля. «С ума они, что ли, там все посходили?» Ему пришлось тормозить корабль, выворачивать его в сторону, и некогда было думать о второй шлюпке... Мир раскололся, сверкнуло белое пламя, и все перечеркнула невыносимая боль...

Пришел в себя он уже в зале. Пот ручьями стекал по лицу, не хватало воздуха. И первой мыслью мелькнуло: вот, значит, как там все было... Вот каково было тем, кто на самом деле вывел тогда их шлюпку из-под удара, подарив им эти самые пятнадцать секунд... И сразу же он почувствовал возмущение. Лучше бы тогда помогли... А они вместо этого экспериментируют. Ну хватит! С него довольно! Сколько он прошел вдоль стены? Кажется, пятьдесят шагов... Вот только... Что «только»? Может быть, это и есть контакт?.. Какой контакт? Это же просто сон, кошмарный сон, надо проснуться или уйти... Ну да, уйти... Не слишком ли логично: уйти из сна, пройдя налево именно пятьдесят шагов? Нет,

здесь что-то не то, не бывает во сне такой логики и не может человек анализировать во сне происшедшие события, управлять ими. В обычном сне события наслаиваются друг на друга, а здесь определенно была какая-то логика... Что-то они от него хотели, что-то хотели понять? Или объяснить. Придется все же вернуться к этой проклятой двери. Интересно, какой сюрприз приготовит она ему на этот раз? А помочь?.. Ну что же, предположим, они не смогли, не успели...

У двери ничего не изменилось. Все так же скрипел песок под ногами, так же поблескивала металлическая ручка. И можно было не спешить. Ничто не выдавало здесь течения времени. Казалось, все замерло, как в остановленном кадре. Тот же свет, тот же камень, песок и дверь... Практикант решительно повернул ручку. Теперь это был экзаменационный зал... Он огляделся. Копия институтского зала, вернее, его части. Там, где в институте амфитеатром поднимались ряды скамеек, здесь ничего не было. Гладкая, полированная стена из черного камня словно закрывала от него все лишнее, не имеющее отношения к делу. Оставались только кафедра и пульт процессора, на котором во время экзамена можно было смоделировать любую сложную ситуацию. Рядом с пультом процессора виднелся экран, на котором машина выдавала результаты предложенной ей задачи.

Практикант осторожно пошел к экрану. На пульте процессора не нажималась ни одна кнопка. Это был лишь макет машины, такой же, как каменные деревья в лесу из его сна. Чтобы еще раз убедиться в этом, Практикант подошел к кафедре. Тумблеры экзаменационной машины составляли одно целое с пультом. Чего же от него хотят? Что это за экзамен, на котором некому задавать вопросов и неизвестно, кому отвечать? Отвечать, наверное, все же нужно. Он понимал, что не зря построен специально для него этот зал. Есть в нем свой смысл, уже почти понятный ему, и экзамен все-таки состоится, если он во всем до конца разберется. Если разберется... А если нет?

За преподавательским пультом пестрая мозаика знакомых рычагов, переключателей, шкал бездействовала, и только сейчас, внимательно осмотревшись и прислушавшись, он понял, какая уплотненная тишина стоит в зале и как далеко все это от настоящей Земли... Не распахнется дверь, не войдет опоздавший Калединцев и суровый, насмешливый Горовский, тот самый, который учил его когда-то мыслить самостоятельно, не спросит: «Что такое свобода выбора при недостаточной информации?..»

Мертвый экран экзаменационной машины вдруг полыхнул рубиновым цветом. Всего на секунду. Вспышка была такой ми-

молетной, что он усомнился, была ли она вообще. Практикант подошел к экрану... «Нет, здесь только камень. Нечему тут светиться, хотя, если вспомнить камень, у которого я уснул... Кажется, отвлекаюсь. Нужно думать о том, что показалось важным этому ящику... Почему бы им не предложить более простой способ общения? Что за странная манера подслушивать чужие мысли, обрывки слов... Впрочем, я не могу судить об этом. Может, они не знают другого способа общения, и уж наверняка многое из привычного для нас им вообще не может прийти в голову, если у них есть голова...»

Практикант несколько раз обошел вокруг кафедры, постоял задумчиво перед пультом. Зал все еще ждал чего-то... Может быть, он ждет, когда войдет преподаватель? Хорошо бы... Но Практикант знал, что этого не случится. Если бы они могли просто, по-человечески побеседовать, не нужен был бы ни этот зал, ни муляжи деревьев. «В том-то и дело, что они не люди. То, с чем мы встретились, очень сложно и чуждо нам... и дело не в том, как они выглядят. Гораздо важнее, что они думают о нас... А если так, значит, нужен этот экзамен не только им, но и нам. Ну что ж...» Любому студенту дается время подумать. Он сел на ступеньку кафедры, подпер голову руками и задумался. Прежде всего нужно решить, как отвечать. Нет сомнения, что они ждут. Не могут задать вопрос? Или, может, он сам должен решить, как и что отвечать? Допустим. Что же ему — говорить со стенами? Кричать, вслух? Это наверняка не годится. Им вообще может быть незнакомо само понятие — речь. Да и что говорить? Рассказать, какие мы хорошие, добрые и умные? Как хотим вернуться на Землю и как необходима нам помощь? Самая элементарная помощь. Но об этом и так нетрудно догадаться при самом небольшом желании. Слова тут не нужны. И все же их интересует что-то важное... Но что? Что бы меня заинтересовало в таком вот случае? Есть у меня, допустим, планета, на которой ходят светящиеся камни. И вдруг на нее попадает чужой звездолет, и такой вот симпатичный малый двадцати четырех лет не может закончить практику, потому что ему не на чем вернуться на Землю. Но разве самое важное — вернуться? Разве не ради такой встречи десятки земных звездолетов бороздят космос вот уже столько лет? Мы ищем братьев по разуму. Иногда находим разумные растения или примитивных амеб с Арктура и вдруг впервые сталкиваемся с чем-то, что даже не сразу объяснишь... И это «что-то» затаскивает тебя в экзаменационный зал, задает невысказанные вопросы, ждет ответа... «Ну не сдам я этого экзамена, подумаешь...»

И вдруг понял, что экзамен он сдает не за себя, вернее, не только за себя, и сразу пришло такое знакомое, особенное предэкзаменационное волнение. Не важно, что нет преподавателя, нет товарищей, вообще никого нет. Он должен сдать экзамен. И он его сдаст.

Что мы знаем об их средствах информации? Моделирование. Может быть, они просто читают мысли — телепатия, которую так и не открыли у Гомо Сапиенсов? Тогда не нужно моделирование. Тогда вообще ничего не нужно. Заглянул в мозг — вот тебе и весь экзамен... Значит, все не так просто. А кроме того, человек чаще мыслит словами, то есть символами, которые для них могут быть китайской грамотой. Значит, моделирование... Тогда здесь не зря процессор. Он лучше всего подходит для такого рода общения. С помощью электронной машины на экране прибора можно смоделировать развитие почти любой ситуации, смоделировать в конкретных зрительных образах. Это должно быть для них понятно. Жаль, что не работает процессор... А может, все-таки работает? Надо посмотреть еще раз. Другого пути что-то не видно.

Практикант встал и снова подошел к экрану. «Нет, это не экран. Полированная каменная поверхность. Муляж экрана. Жаль. Я бы им сейчас смоделировал... А собственно, что? Ну хотя бы ответ на вопрос, который был в билете на экзамене по космопсихологии в этом самом зале. «Свобода выбора при недостаточной информации...» Он тогда предложил Горовскому модель развития примитивной космической цивилизации. Очень стройную, логически законченную модель. Даже внешний вид придумал для своих гипотетических инопланетян. Симпатичные сумчатые жили у него на деревьях. Питались листьями. Засуха вынудила их спуститься на землю. Но, видимо, тогда он неточно ввел в машину дальнейшую информацию, потому что ходить они у него почему-то начали на руках и натирали ужасные мозоли на своих нежных передних лапах. Казалось, разумнее всего признать ошибку, потерять один балл и попытаться начать сначала. Вместо этого он продолжил борьбу, отрастил своим сумчатым в ходе эволюции глаза на хвосте, что значительно расширило поле обзора каждого индивидуума, а это, как следовало из учебника эволюции, решающий фактор в развитии умственных способностей.

Какое-то время машина, слопав эти исходные данные, сама, без его участия, моделировала развитие системы. Это там, в институтском зале... А здесь? Ему показалось, что экран едва заметно светится. Он пригнулся ближе, всмотрелся и увидел, как, постепен-

но приближаясь, растет шар придуманной им планеты, словно он смотрел на него через локаторы корабля. Именно так и было там, на Земле, когда машина закончила все расчеты и выдала ему конечный результат. Итог развития смоделированной цивилизации на определенном этапе. «Какой же я кретин!» — мысленно выругал он себя. Если эта машина и может действовать, то, конечно, именно так, непосредственным управлением его сознания. Прямой контакт, им не нужны никакие переключатели, ручки, вся эта наша бутафория... Значит, машина действует, и они ждут от него ответа, дальнейших действий. Экзамен повторяется...

Машина выдала ему тогда информацию о его цивилизации. Информация оказалась весьма скудной, неполной. Она и не могла быть полной о такой сложной системе, как чужая информация. На основе этой информации он должен был задать машине дальнейшую программу, руководство к положительным воздействиям, помогающим росту цивилизации... Прежде всего помощь для тех, кто в ней нуждается... Только так они и представляли себе встречу с чужим разумом, и до сих пор это оправдывалось. Люди почти поверили в то, что они намного опередили в развитии другие цивилизации и, следовательно, обязаны им помогать, подтягивая до своего уровня. Снабжать материалами, инструментами, медикаментами, видя в этом свой человеческий долг. Так оно и было до этой встречи.

Практикант оборвал посторонние мысли. Пора было вводить в машину новые данные, принимать решение... Вся беда в том, что любое воздействие, любое вмешательство в такую сложную систему, как развивающаяся цивилизация, никогда не обладали только положительным эффектом. Здесь наглядно проявлялись законы диалектики. Каждое действие, событие всегда двустороннее... Казалось, что могло быть более гуманным, чем избавление общества от многочисленных болезней, уничтожение на планете болезнетворной фауны? Но это постепенно вело к вырождению. Прекращал действовать механизм естественного отбора. Выживали и активно размножались слабые, малоприспособленные особи. Только после того, как цивилизация научится управлять генетикой, возможно такое кардинальное изменение, а сейчас им было нужно помочь в лечении, в развитии медицины, чтобы затормозить угнетающие болезни, сбалансировать неблагоприятные факторы, мешающие развитию, не переходя той незримой грани, где начинался регресс и распад.

Вот уж действительно задачка со свободным выбором на основе неполной информации. Ничего себе — свободный выбор...

Если там, в земном зале, от его решения ничего не зависело — ну, ошибется, машина выдаст ему длинный ряд нулей, потеряет зачетный балл, снова пройдет подготовку и опять придет на экзамен, — то здесь экзамен вряд ли повторится. Здесь он отвечает экзаменатору с нечеловеческой логикой, и совершенно неизвестно, как именно тут наказываются провалившиеся студенты...

Мешали посторонние мысли. Стоило отвлечься, как на экране появлялись полосы, муть, начиналась неразбериха. Управлять такой машиной было одновременно и легче, и труднее. Он постарался сосредоточиться, выкинуть из головы все лишнее, постепенно накапливая опыт в общении с машиной. Результаты его рассуждений появлялись на экране все более четкими. Он на ходу поправлял ошибки, вносил коррективы. Модель его цивилизации процветала, преодолевала кризисные состояния, развивалась. В конце концов, самым главным было желание помочь. Наличие той самой доброй воли. Передать бы это понятие тем, кто следил сейчас за его действиями. Пусть они знают наше главное правило: не оставаться равнодушным к чужой беде. Пусть знают, что мы специально учим наших людей оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, оказывать ее разумно и осторожно, не требуя благодарности, не извлекая из этого никакой выгоды. И если бы к нам на Землю свалился чужой звездолет, мы бы не остались сторонними наблюдателями, мы бы наверняка помогли попавшим в беду.

Ну вот. Он ввел в машину последние данные. Закончил последние расчеты. В общем, все получилось неплохо. Наверное, земная машина выдала бы ему хороший балл. Здесь, очевидно, балла не будет. Он даже не узнает, дошло ли до них то, что он считал самым важным передать. Поняли ли они, смогли ли понять? Ну что ж, он сделал все, что мог. Экзамен окончен.

Практикант выпрямился и отошел от погасшего экрана. Зал молчал, все такой же холодный и равнодушный. Жаль, что здесь нет ни одного живого лица и он не видит тех, кому сдавал сейчас свой странный экзамен. Пора возвращаться. Практикант подошел к двери, нажал ручку. Она не открылась. Выхода из зала не было. Что бы это могло значить? Они не считают, что экзамен окончен? Еще есть вопросы? Или оценка неудовлетворительна и поэтому выход не открывается? Простой и надежный способ. Что-то происходило у него за спиной, какое-то движение.

Практикант резко обернулся, и зал замер, словно уличенный в недозволенных действиях. В том, что действовал именно сам зал, у него не оставалось ни малейших сомнений. Чуть искри-

лись стены, изменились какие-то пропорции, нарушилась геометрическая правильность всех линий. Словно это он сам силой своего воображения удерживал на местах все предметы и стены зала, а стоило отвернуться, как зал, освобожденный от его влияний, поплыл, смазался, начал превращаться в аморфную, бесформенную массу камня... «Что вам нужно?! — крикнул он. — Чего вы хотите?!» Никто не отозвался. Даже эхо. Зал как будто проглотил его слова.

«Спокойно, — сказал он сам себе. — Только спокойно». И вытер мгновенно вспотевший лоб. Пока он не вышел отсюда, экзамен продолжается. И незачем кричать. Все же он не смог сдержать возмущения. «Что за бесцеремонное обращение?! Хватит с меня экспериментов, довольно, я не хочу, слышите?!» Ему опять никто не ответил.

Практикант шагнул к кафедре. Может быть, там, за преподавательским пультом, он найдет какой-то ответ, какой-то выход из этой затянувшейся ситуации, из этого каменного мешка, который ему становилось все труднее удерживать в первоначальной форме. Сейчас за его спиной плыла и оползала дверь. На ней появились каменные натеки, и она уже мало чем напоминала ту дверь, через которую он вошел. Пока он занимался дверью, кафедра превратилась в простую глыбу камня. На ней уже не было никакого пульта. Стало труднее дышать. Очевидно, заклинились воздуховоды, деформировалась система вентиляции. Хуже всего то, что изменения необратимы. Как только он отключал внимание, забывал о каком-то предмете, тот немедленно начинал деформироваться. Вернуть ему прежнее состояние было уже невозможно.

«Материя стремится к энтропии, — вспомнил почему-то знакомую аксиому. — Только постоянное поступление энергии способно противостоять хаосу». Очевидно, энергия выключилась по его мысленной команде случайно, и теперь вряд ли долго продолжится эта борьба с расползавшимся залом. Вдруг промелькнула важная мысль. Ему показалось, что он нашел выход. Если система слишком сложна для управления, надо ее упростить. Сосредоточить внимание на самом главном, отбросить частности. Главное, стены — не давать им сдвигаться, не обращать внимания на остальное. Только стены и воздух... Сразу вместе с этим решением пришло облегчение. Зал словно вздохнул. Пронеслась волна свежего воздуха. Замерли в неподвижности прогнувшиеся стены.

Вдруг без всякого перехода на него навалилась тяжесть. Он по-прежнему мог легко двигаться, ничто не стесняло движения,

но что-то сжало виски, сдавило затылок. Появились чужие, не свойственные ему мысли.

«Успокойся. Незачем волноваться. Самое главное — покой. Расслабленность. Слияние с окружающим. Безмятежность», — словно нашептывал кто-то в самое ухо.

Да нет, никто не нашептывал. Это его мысли, его собственные. Стоило ослабить сопротивление, как отступала тяжесть, проходила боль в висках. Становилось легче дышать. «Прочь!» — крикнул он этому шепоту, и шепот затих, превратился в неразборчивое бормотание. Зато новой волной накатились тяжесть и резкая боль в затылке.

Тогда он вспомнил все, чему его учили в школе последнего цикла на тренажах психики и самоанализа, где главным было умение сосредоточиться, не поддаваться внешнему давлению. Не зря, наверное, учили: «Сначала расслабиться, потом рывком...»

«Подожди, — шелестел шепот, — зачем же так, сразу... Лучше отказаться от индивидуальности, слиться в единство... Видишь стену? Ей хорошо, она состоит из одинаковых кирпичиков. Или улей, помнишь, пчел? Они живут дружной семьей. Только интересы целого имеют значение. Личность — ничто. Откажись от борьбы, иди к нам. Сольемся в единое целое. Ты ничего не значишь сам по себе, только в единстве мыслей и мнений обретешь покой. Ты не должен принадлежать себе...»

«Прочь! Я человек! Человек — это личность. Индивидуальность — это и есть я. Прочь!»

Шепот постепенно затих, отдалился, но вдруг чужая воля навалилась на него так, что перед глазами замелькали красные круги, прервалось дыхание, он понял, что его силы на исходе, что еще секунда — и случится что-то непоправимое, страшное, он перейдет грань, из-за которой уже нет возврата. И тогда в последнем отчаянном усилии он заблокировал сознание, отключил его, провалился в беспамятство.

Медленно разгорался тусклый огонек. Сначала он видел очень немного через узкую щель, открытую для обозрения, но постепенно пространство раздвинулось. И он увидел себя. Не поразился, не удивился. Холодное, нечеловеческое равнодушие сковало эмоции. Двое лежали у камня: Практикант и Физик. Лежали неподвижно, широко раскинув руки, то ли во сне, то ли в беспамятстве, и он стоял рядом и смотрел со стороны.

Но кто же он? Чьими глазами смотрит сейчас на мир, если видит самого себя и понимает это? Ответа не было. Мысли почти сразу же смешались, понеслись стремительным, пестрым вихрем.

Чужие, совершенно непонятные для него мысли. И когда он, спасаясь от этого грозящего утопить его сознание половодья, окончательно проснулся и резко вскочил на ноги, то в памяти осталось ощущение чего-то непостижимо сложного, недоступного его логике и пониманию. И в то же время было чувство потери, легкого сожаления от расставания... Никого не было на том месте, где, наверное, только что стояло неизвестное ему существо; это его глазами смотрел он сам на себя. Минуту назад, наверное, оно пыталось проникнуть в его сознание ради того самого контакта, к которому он так стремился, но в последний момент он отступил, испугался, выключил сознание, и тогда оно предприняло еще одну, последнюю и тоже неудачную попытку. Подключило его мозг к собственному сознанию, но и из этого ничего не вышло, он ничего не понял и ничего не запомнил...

Впрочем, нет, что-то все же осталось, даже не мысль, а так, ощущение, та самая эмоция, отсутствие которой так его поразило в самом начале. Сильное эмоциональное переживание. Но какое? Вспомнить это было важно, очень важно!.. Сожаление? Да, как будто это было сожаление. Но о чем? Это не было сожаление о неудавшемся контакте. Что-то гораздо более важное, более общее разобрал он за этим чувством. Словно что-то необходимо было сделать и одновременно невозможно. Ну ладно. Невозможно так невозможно. Не получилось с налета... Попробуем постепенно накапливать информацию друг о друге, разрабатывать взаимоприемлемые методы контакта. Главное — это было началом. В этом он не сомневался.

Желание поделиться своим открытием заставило его разбудить Физика. Тот проснулся сразу. Рывком поднялся и только потом, осмотревшись, расслабился.

— Что, и тебя беспокоили сны?

С минуту Физик внимательно смотрел на него:

— Это были не совсем сны... Ночью я просыпался, тебя не было, хотел искать, но что-то помешало... Как будто меня оглушили изрядной порцией снотворного. А голова легкая. Ладно. Рассказывай.

— Я думал, что все происходило только в моем воображении. Неужели они специально создавали все эти сложные вещи только для одного эксперимента? Каковы же возможности этой цивилизации?

— Не тяни. Рассказывай.

Когда Практикант закончил подробный рассказ, Физик долго сидел задумавшись.

— Со мной у них что-то не получилось. Возможно, мой мозг менее приспособлен для воздействия. Наверное, у них двойное моделирование: и на предметах, и в сознании человека. А я предпочитаю вещи реальные, зримые. Так сказать, дневные. В одном ты оказался, бесспорно, прав: контакт все-таки состоялся. Не зря мы остались.

Практикант сидел нахмурившись, уставившись на вмятину в песке, заменившую им ночью постель.

— У меня такое чувство, что все, что было, это только предварительные эксперименты, поиски подхода, а не сам контакт. Не может быть, чтобы этим все вот так кончилось... Расскажи, что произошло с тобой этой ночью?

Физик почему-то ответил уклончиво:

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты был прав. Но знаешь, из того, что уже известно, мне кажется, настоящий контакт вряд ли возможен.

— Почему?

— Очень отличные от нас системы сознания, восприятия мира. Боюсь, что они нас не понимают и даже чего-то боятся... Наверняка боятся...

— Боятся? Чего? У нас нет даже корабля, мы целиком зависим от них...

— Да. Конечно... И все же они определенно чего-то опасаются. Это, пожалуй, единственное, что не вызывает у меня сомнения из той части ночных приключений, которые пришлись на мою долю. Все остальное — туман. Бред какой-то. У тебя все получилось гораздо определеннее. Может быть, подсознательно я оказался меньше подготовлен к такому роду воздействия. Не знаю. Слишком мало информации, а та, которая есть, не может быть подвергнута вторичной проверке и, следовательно, не обладает научной ценностью. Надеюсь, все же теперь ты удовлетворен. Не станем больше задерживаться. Истекли все сроки. Кибернетик и Доктор начнут поиски, если мы сегодня не вернемся. Так что собирайся, вот только наберем воды на дорогу, здесь недалеко источник.

— Источник на западе, а шлюпка на востоке, все равно придется возвращаться. Я подожду тебя здесь, хорошо?

Физик посмотрел на него с усмешкой:

— Конечно, подожди. Именно в эти оставшиеся у тебя минуты и произойдет все самое необыкновенное. Желаю успеха.

Примерно через минуту после ухода Физика камень снова стал прозрачным. На этот раз безо всяких переходов. Практикант

смотрел на равнину, в ту сторону, куда ушел Физик, а когда перевел взгляд на камень, в его стеклянной глубине уже плясал хоровод знакомых белых хлопьев. Как только Райков посмотрел на них, танец прекратился, отвел глаза — и снова все пришло в движение. Хлопья прекращали двигаться примерно через секунду после того, как он начинал смотреть на них. Это было первой реакцией камня на поведение человека.

Практикант подошел ближе, белые структуры внутри камня замедлили движение. Он протянул руку и прикоснулся к камню. Все структуры двинулись к точке соприкосновения, словно человеческая рука притягивала их. Образовался как бы конус из белых кружев, вершина которого упиралась в его ладонь. Камень на ощупь казался слегка теплым. Руку немного покалывало, словно от слабых разрядов электричества. На этот раз не было ни искр, ни переливчатой игры оттенков. Возможно, они были незаметны из-за солнечного света, но Практиканту казалось, что сегодня они просто не нужны. Внимание уже привлечено, контакт начался. Игра цветных огней только мешала бы пониманию главного. А главным было движение и строение структур. Теперь благодаря возникшей во время ночных экспериментов обратной связи и наличию входа у системы он уже не сомневался, что она несет в себе и старается передать людям какую-то важную информацию: собственную или полученную извне — это сейчас не имело значения. Самым главным было разобраться в предложенной ему системе символов, обозначавших неизвестные понятия и явления.

С горечью пришлось признать, что он совершенно ничего не понимает. Внутри конуса непрестанно шли сложные, едва уловимые перемещения и перестройки. Он попробовал управлять их движением, как управлял ночью работой моделирующей машины — одним усилием мысли, но из этого ничего не вышло. Движение всех структур внутри камня совершенно не зависело от его сознания. Он уже хотел отвести руку, чтобы посмотреть, как на это отреагирует его странный собеседник, как вдруг в полуметре от первого конуса возникла как бы тень. В том месте, где вершина теневого конуса упиралась в поверхность камня, отчетливо обозначилось белое пятно, похожее на очертание ладони. Это уже было кое-что. По-видимому, его приглашали приложить сюда вторую руку. Для чего? Может быть, самоорганизующаяся система, расположенная в камне, получит от него таким образом какую-то нужную ей информацию? Неплохо показать, что человек не будет слепо следовать предложенному варианту.

Вместо того чтобы приложить вторую руку, он лишь поднес ее близко к пятну и сразу отдернул обе. Реакция всей системы на

этот простой жест была очень бурной. Возник целый вихрь точек, смешавший все построенные раньше структуры. Тайфуны и смерчи крошили возникавшие вновь постройки. Неожиданно все замерло. В первую секунду Практикант ничего не понял в рисунке застывших линий и пятен, как вдруг заметил движущуюся человеческую фигурку с канистрой в руках. Она была намечена схематично, штрихами, но достаточно ясно. Сразу стал понятен и остальной рисунок. Перед ним была объемная карта окружающей местности. В центре, рядом с ярким пятном, еще одна фигурка. Это он сам; и если Физик действительно там, где он сейчас виден на схеме, то самое большее через минуту его голова покажется из-за гребня ближайшего холма. Ничего больше Практикант не успел рассмотреть, потому что вокруг движущейся фигурки Физика стал плясать какой-то странный хоровод длинных тонких игл. Фигурка человека стала нерезкой и через секунду исчезла совсем. На том месте, где она только что стояла, вспыхивало и гасло яркое пятно. Не пытаясь даже разобраться в том, что все это могло означать, Практикант уже бежал в ту сторону, куда ушел Физик. Не хватало воздуха, бешено колотилось сердце. С трудом удавалось сохранять равновесие на разъезжавшейся под ногами каменистой осыпи. В том месте, где на карте Практикант в последний раз видел фигурку Физика, валялась канистра с водой. Ее белый бок он увидел издалека, и уже не осталось сомнений в том, что несчастье произошло.

Он искал Физика весь день. Облазил все окрестные холмы, спускался в какие-то трещины — все напрасно. Не было никаких следов, ничего, кроме брошенной канистры. Казалось, ни малейшей опасности не скрывала в себе пустыня. Человека просто не стало. Он потерялся, исчез, растворился. От этой неопределенности, от неизвестности, от сознания собственного бессилия можно было сойти с ума. Временами ему слышался голос Физика, зовущего на помощь, но каждый раз это был только свист ветра. Тогда он пожалел, что у него с собой нет бластера. Если бы у него был бластер, он бы выпустил в валун всю обойму... Почему-то казалось, там была не только информация... Нет ничего ужаснее сознания собственной беспомощности. Он открыл это незнакомое чувство впервые. Впервые понял, что ничего не сможет противопоставить слепой и, по-видимому, могучей силе, хозяйничавшей на планете, где они были всего лишь непрошеными гостями, а может быть, даже подопытными кроликами. Он вернулся к валуну. Камень по-прежнему оставался прозрачным. В нем отчетливо виднелись два конуса с пятнами ладоней на поверхности. Словно все это время камень терпеливо ждал. Но если предположить, что его действия имели какое-то

значение и показались нежелательными хозяевам планеты, то при чем здесь Физик? Если А совершает действие, неугодное В, то исчезает С? Не слишком ли это сложно для первого контакта? Что, если его хотели предупредить об опасности, в которую попал Физик? Но тогда, быть может, они знают, что случилось? Возможно, сумеют помочь?

Камень как будто обрадовался его возвращению. Белые звездочки в его глубине завертелись быстрее. Очевидно, ускорением внутренних процессов он реагировал на усложнявшуюся внешнюю обстановку. Как его спросить? Словами? Смешно. Все-таки он что-то прокричал на всякий случай и убедился, что система движений и структур никак не реагирует на звук. Пытался начертить на поверхности камня фигурку идущего с канистрой человека, но это тоже ни к чему не привело. За его рукой метался белый хвост звездочек, но и только. В конце концов они опять выстроились в два знакомых конуса с пятнами ладоней на поверхности. На этот раз Практикант не стал раздумывать. Он приложил к камню обе ладони и в ту же секунду получил разряд энергии колоссальной силы. Ему показалось, что в голове у него взорвалась бомба. Словно этого было недостаточно, к плечам и рукам человека из каждой трещины тянулись голубые ветви разрядов. С этого мгновения и до того момента, когда человек, пошатнувшись, упал, маятник его часов успел качнуться всего один раз. Но для него как будто остановилось время. За эту секунду он успел почувствовать и понять миллионы различных вещей. Его восприятие беспредельно расширилось. Лишь на секунду...

Человек упал к подножию камня, широко раскинув руки. А внутри камня продолжали кружиться белые звезды. Постепенно хоровод замедлил свое движение, глубины камня помутнели, теперь он походил на огромный кристалл опала. Сразу же стали заметны на его поверхности шероховатости и трещины. А еще через минуту уже ничто не отличало валун, у подножия которого лежал человек, от тысячи других камней, заваливших поверхность мертвой планеты.

5

Из небольшой трещины выбивалась прохладная, чистая струйка. Канистра наполнилась за несколько минут. Обратно Физик шел не спеша, наслаждаясь жарой и любуясь живописным нагромождением обломков. Ленивую истому излучал каждый камень.

В конце концов они, наверное, сумеют привыкнуть к этому покою, приспособиться к таинственной чужой жизни, умеющей выращивать каменные леса и перестраивать скалы. Вряд ли смогут ее понять. Слишком отличны организации, цели и пути развития этой субстанции от человеческой. Возможно, удастся существовать рядом, не мешая друг другу. Все успокоится, войдет в привычную колею, и тогда они медленно начнут забывать. Начнут забывать, кто они, откуда, как очутились здесь. Ежедневные заботы о воде, о хлорелловой похлебке, о создании комфортабельных пещер станут самыми главными в жизни просто потому, что у них не останется других. Потом начнется деградация... Постепенно они забудут все, что знали. Перестанут быть людьми под этим зеленым солнцем. Их слишком мало для того, чтобы создать жизнеспособную колонию... Физик остановился, поставил канистру на землю и осмотрелся. Все те же невысокие серые холмы вокруг, марево раскаленного воздуха. Физик вытер крупные капли пота, тяжело вздохнул и присел на каменный обломок. Ему уже за сорок, пора бы остепениться, перестать шататься по дальним дорогам, осесть на Земле. Наверно, эта экспедиция стала бы последней, если бы из нее удалось вернуться. Он снял майку, недовольно растер свое не в меру раздавшееся тело. За последние месяцы, перед катастрофой, он пренебрегал гимнастикой, старался избегать обременительных процедур. Доктор был им недоволен и часто высмеивал его в кают-компании. Доктор... Подтянутый, сухопарый, с легкой сединой в густой шевелюре, он был для них примером, образцом космопроходца прошлого века, когда бесконечные тренировки превращали человека в сплошной клубок мышц, а строгие медицинские комиссии оставляли на Земле тех, кто не мог справиться с собственным телом. В век автоматики многое изменилось. К лучшему ли? Это еще вопрос... Сумеют ли они, изнеженные личинки своего заботливо сотканного механического кокона, справиться в борьбе с чужим миром, выстоять, попросту выжить?

Он тяжело поднялся с камня. Все тело ломило после ночи, проведенной на жестком песчаном ложе. Сколько им еще предстоит таких ночей, пока появится хотя бы проблеск надежды? Хорошо, что ему удалось скрыть от Практиканта всю серьезность их положения. Мальчишка не глуп, он о многом догадался сам, но пусть у него останется мечта. Нельзя человека, перед которым только открывается жизнь, лишать надежды на возвращение домой... Физик медленно побрел дальше и не смог удержаться от вопроса, заданного себе самому: есть ли она, эта надежда, на са-

мом деле? На что, собственно, они могли рассчитывать? Только на контакт с чужим разумом. Но как его наладить, этот контакт, если неизвестно, к чему он стремится, что может, во имя чего живет? Знакомы ли ему понятия гуманности? Контакт — их единственная надежда. Если контакт не состоится, если им не помогут — все тогда потеряет смысл.

Физик не мог предположить, что в эту самую минуту уже началась вторая, и последняя, попытка контакта, окончившаяся неудачей. И он не мог знать, что всего один шаг отделяет его самого от участия в этой попытке и от необходимости ответить на вопрос: «Какие вы, люди? — поставленный чужим разумом. — Знакомы ли вам понятия гуманности, доброты?» Он не знал, что на подобные вопросы уже ответили все его товарищи. Что незадолго до этого голубая вспышка от выстрела бластера перевела в самом начале попытку контакта с Доктором и Кибернетиком в крысиный лабиринт, что Практиканту показали, как с ним самим случилось несчастье, хотя никакого несчастья не было, а Практикант уже бросился его спасать. Ничего этого Физик не знал, а если бы и знал, то все равно не успел бы разобраться во всей сложности ситуации, потому что ему самому была уже предложена задача и надо было отвечать на заданный вопрос, хотя самого вопроса он не слышал и не предполагал даже, что он задан.

Задача, предложенная ему, была предельно проста. Те, кто ее задумал, уже знали глубину и сложность человеческой психологии и потому не хотели рисковать. Условия задачи выглядели примерно так: если путник С идет из пункта А в пункт В и по дороге ему предложен выбор одного из двух совершенно равнозначных путей, то какой путь он выберет? Какой путь он выберет, если путь Л1 ничем не отличается от пути Л2? Ничем, кроме того, что, пройдя по пути Л2, человек принесет гибель колонии отличных от него и совершенно неизвестных ему живых существ?

Ущелье, по которому шел Физик, разделилось на два рукава. Почему-то казалось, что раньше здесь был только один рукав, и теперь он не знал, куда повернуть. Оба рукава точно шли на север, к площадке, где его ждал Практикант. Он проверил их направление по схеме, которую успел набросать скорее по привычке, так как до воды прошел не больше километра и хорошо помнил дорогу. Ни на карте, ни в памяти не было правого рукава. Он свернул в него именно потому, что любопытство в человеке развито сильнее многих других чувств, этого не могли предположить те, кто ставил условия задачи.

Под ногами среди мелкого щебня с сухим треском лопались какие-то шарики. Физик нагнулся. Округлые белые тельца упрямо карабкались с одного склона ущелья на другой. Живая лента трехметровой ширины, состоящая из этих странных насекомых, преградила ему путь. «Какие-то паучки; жизнь здесь все-таки есть, хотя бы в этих примитивных формах, и, значит, Доктор ошибался, — подумал он. — Слишком мы любим поспешные выводы. Эта колония похожа на мигрирующих земных муравьев».

Существа ловко карабкались на отвесные стены ущелья. У них было всего три гибкие лапы с коготками и не было глаз. Одна лапа впереди, две сзади.

«Надо будет поймать двух-трех и засушить для Доктора...»

Не было ни малейшей возможности обойти эту шевелящуюся живую ленту, и очень не хотелось возвращаться. Осторожно балансируя на камнях, Физик стал пробираться вперед, стараясь причинить как можно меньше вреда тем, кто полз у него под ногами. Собственные цели всегда казались человеку значительней целей тех, кого он съедал за обедом и на кого случайно наступал на лесной тропинке. Во всяком случае, к этому он привык на Земле и не предполагал, что у некоторых существ возможна собственная точка зрения на этот счет.

Физик уже пересек почти всю ленту, раздавив не больше десятка насекомых, и занес ногу для последнего шага, но тут непрочный камень подвел его. Человек пошатнулся и выронил канистру в самую гущу живой ленты. Наверное, это переполнило чашу терпения. Мир раскололся. В ушах засвистел ветер. Физик почувствовал себя втиснутым в какое-то узкое пространство. Наверное, это была трещина. Точно разобраться в этом он не мог, так как кругом царил полнейший мрак. Сам переход в это новое для него состояние прошел довольно плавно, без резких толчков и настолько быстро, что он просто не успел понять, что произошло.

С трудом выбравшись из расселины, Физик оказался на высокогорном плато, в совершенно незнакомой местности. Скалы здесь казались нагроможденными друг на друга без всякой видимой системы. Он даже не сумел определить границу главного водораздела, чтобы хоть приблизительно узнать, в какой стороне находится море. Дышалось гораздо труднее, чем на равнине, и это говорило о большой высоте. Почему-то его не очень беспокоило положение, в которое он попал, может быть, потому, что подсознательно он надеялся, что те, кто перенес его сюда, позаботятся и о возвращении. Однако прошел день, и ничего не слу-

чилось. Больше всего он удивлялся тому, что чувство голода почти притупилось, хотя последний раз они поужинали с Практикантом три дня назад. Даже пить не хотелось. Очевидно, в организме происходила какая-то перестройка, замедлившая все внутренние процессы. Возможно, это побочное влияние радиации.

Ночью его мучили кошмары. Светящиеся скалы надвигались и давили его, каменная трава росла почему-то на голове у Доктора. Раза три он вскакивал и слушал, но ни единого звука не доносилось из ночной темноты. Небо было на редкость чистым. Огромные голубые звезды слагали искаженную картину созвездий. Десятки световых лет отделяли его от настоящего дома, и, может быть, поэтому не имело особого значения его теперешнее положение. Какая, собственно, разница, где ему находиться? У светящегося валуна рядом с Практикантом или здесь? Но разница была. Особенно остро он ощутил ее перед рассветом, когда, проснувшись, с ужасом подумал, что, возможно, остался один на этой планете под равнодушными звездами. Он старался убедить себя в том, как нелепа эта мысль, просто расшатались нервы, угнетающе подействовала огромная и пустая ночь, неживые предрассветные тени скал. Но ничто не могло заглушить в нем первобытного ужаса. Было чистым безумием карабкаться по камням в темноте. Каждую минуту он мог сорваться с крутой поверхности или провалиться в трещину. Но до рассвета с ним ничего не случилось. Весь день Физик двигался на юго-восток, стараясь выбирать дорогу в тени скал, чтобы хоть на время укрыться от жгучих лучей зеленого солнца.

Вечером он заснул в какой-то расселине, совершенно измученный. А утром, не успев окончательно прийти в себя, упрямо побрел на юго-восток. Из всех следующих дней пути он помнил только стрелку компаса, изнуряющую жару и отчаянное желание прекратить бессмысленную борьбу. Иногда попадались ключи с холодной водой. И это была его единственная маленькая радость. Удавалось напиться, смочить голову. Сознание ненадолго прояснялось, но тогда начиналась мучительная борьба с самим собой. Ему казалось, что он идет совсем не в ту сторону, да и откуда ему знать, где здесь могла быть «та сторона»? Он кричал проклятия скалам и тем, кто сыграл с ним эту подлую шутку, но скалы оставались равнодушны, и никто не отзывался на его крики.

Ночью, взобравшись на самую высокую вершину, он увидел далеко за горизонтом синеватое электрическое зарево. От радости едва не сорвался, но, видно, в голове уже совсем помутилось, потому что он не засек по компасу азимута и утром потерял на-

правление. Весь день он пролежал, зарывшись в пыль среди камней, и дал себе слово, что если ночью не увидит опять этого зарева, то бросится со скалы вниз. Он даже выбрал с вечера подходящее место, где камни у подножия были особенно острыми.

Ночью он опять видел зарево. На этот раз азимут выскоблил на плоском каменном осколке. К вечеру второго дня, спустившись по отвесной стене со следами выбоин и обрывками нейлонового троса, он очутился у поворота в ущелье, где Кибернетик и Доктор разбили лагерь.

Прожектор Кибернетик зажег сразу, как только они с Доктором добрались до шлюпки, хотя в этом не было никакой надобности. Начинался день. Почему-то обоим показалось, что от желтого электрического света ночной кошмар развеется, уйдет от них навсегда. Сначала их удивило, что из двух прожекторов шлюпки загорелся один — аварийный, и только потом они вспомнили, что именно по прожектору пришелся ночью основной удар неизвестного им электрического луча, разрядившего батареи скафандров.

У них не было сил ни обсуждать происшедшие события, ни исследовать результат ночного сражения. Если то, что случилось, можно было назвать сражением. Задраив за собой люк и сменив кислородные баллоны, они едва добрались до подвесных коек и проспали до вечера. Поднялись по сигналу часов внутреннего корабельного цикла. Часы шлюпки, все еще настроенные на этот цикл, подавали бессмысленные теперь сигналы отбоя, подъема и времени приема пищи. От духоты, с которой не могли справиться никакие внутренние системы скафандров, не хотелось ни есть, ни пить. Больше всего хотелось умыться. Но красный огонек на пульте говорил о том, что радиация уже проникла внутрь шлюпки.

Больше всего Доктора мучила невозможность проделать обычные утренние гимнастические процедуры, к которым так привыкло его тело. Без них он чувствовал себя совершенно угнетенным, раздавленным. Улиткой, загнанной в раковину скафандра. Если так будет продолжаться еще несколько дней, он не выдержит. Кибернетика, казалось, это не трогало. Доктор вообще плохо понимал этого сурового, желчного человека, равнодушного к внешним удобствам и обстоятельствам. События внешнего мира он встречал с мрачным скепсисом, словно заранее не ждал от них ничего хорошего, и, возможно, в подтверждение своих худших ожиданий черпал неиссякающие силы для борьбы. Кибернетик был из породы тех людей, кто с проклятиями лезет в самое пекло и непременно возвращается обратно.

Пора было выходить наружу. Шлюпка — ненадежная защита от окружавшего их враждебного мира.

Не глядя друг на друга, они проверили напряжение в батареях бластеров. После всех лабиринтов, крысиных полигонов и ночной стрельбы они не знали, что их ждет снаружи на этот раз. Люк открылся сразу, хотя Доктор почему-то опасался, что он может не открыться. На стенах ущелья тускло отсвечивали матовые блики низко стоящего солнца. Значит, проспали почти весь день и выйти сегодня на поиски товарищей вряд ли удастся... Больше всего их поразило, что на том месте, куда ночью стрелял Кибернетик, не было ничего. Совсем ничего. Темное пятно на желтой глине в том месте, где разорвался заряд бластера, вот и все.

— Что за дьявол! Попал же я во что-то!

— Но если там, на земле, след от твоего заряда, значит, ты стрелял в пустоту. Галлюцинация от напряжения? Нет. Коллективные галлюцинации такого типа практически невозможны.

Порассуждать на эту тему Доктору не пришлось. Темное пятно на земле не было следом от выстрела. С десяток квадратных метров покрывал толстый слой темно-серой мучнистой пыли. Экспресс-анализатор быстро определил, что это измельченный до молекулярного состояния базальт.

— Выходит, ночью я стрелял в скалу?

— Раньше тут не было никакой скалы. У меня хорошая зрительная память. В той стороне не было ничего. И дно ущелья, как видишь, понижается, даже его ты не мог зацепить.

— Ты хочешь сказать, что по ночам скалы на этой планете отправляются погулять?

— Может быть.

— Да. После того, что мы видели ночью, все, конечно, может быть.

— Аксиомы, принятые на Земле, здесь не всегда обязательны. К тому же если это была просто скала... Ты видел хоть один осколок?

— Нет.

— А ты слышал, чтобы выстрел бластера мог раздробить скалу до молекулярного состояния?

— Что же это было?

— Не знаю, но боюсь, что мы еще познакомимся с этим. И давай наконец посмотрим, что случилось с прожектором.

На месте прожектора они увидели глубокую вмятину в обшивке. Поверхность металла казалась оплавленной и местами

смятой так, что образовались трещины. Кибернетик подозрительно покосился на Доктора.

— Ты не мог случайно выстрелить?

— Мой бластер оставался в рубке.

— Но ведь я стрелял только раз! И в этой стороне не было никаких вспышек. Откуда такая температура?

— Ты думаешь, это след от выстрела бластера?

— Очень похоже.

— В таком случае это еще раз подтверждает...

— ...что скалы на этой планете берут с собой на прогулку бластеры. Ладно. С меня на сегодня хватит загадок. Пора наконец заняться делом.

Кибернетик решительно направился к входному люку, а Доктор пошел за ним, но какое-то тревожное и еще смутное опасение заставило его вернуться. Он не обнаружил ничего нового, ничего подозрительного во вмятине на борту шлюпки, обшивка которой приняла и отразила прошедшей ночью неизвестный энергетический удар. Вот только странный беловатый налет покрывал теперь кое-где оплавленный металл... Но это могла быть пыль, принесенная ветром, просто пыль... Проверять не хотелось, может быть, оттого, что, если даже это и не было пылью, а было чем-то гораздо более серьезным, у них наверняка не найдется средств для борьбы с новой неизвестной опасностью. Почему-то теперь Доктор не сомневался в том, что так и будет. Что ж, они первые открыли военные действия и не пожелали участвовать в мирных переговорах... Хотя, пожалуй, крысиный лабиринт вряд ли подходящее место для переговоров...

К обеду удалось установить систему фильтров. Через час после того, как они ее запустили, в рубке можно было снять скафандры. Они устроили из этого маленького события настоящий праздник. Приняли душ, выпили по бокалу тонизирующего напитка и развалились на подвесных койках, испытывая неописуемое блаженство от прохладного воздуха.

Во время работы тревога за товарищей казалась глуше, незаметнее. Зато сейчас они уже не могли думать ни о чем другом.

— Когда начнем поиски? — спросил Доктор.

Кибернетик растер заросшее щетиной лицо, выпрямился в своем гамаке и повернулся к Доктору.

— Я думаю, нам есть смысл подождать до утра, хотя бы для того, чтобы не разминуться с ними.

— А как у них с кислородом?

— Физик взял с собой режекторные фильтры. С ними время практически не ограничено.

— Долго они в скафандрах не продержатся.

— Я думаю, мы все тут долго не продержимся.

Доктор внимательно посмотрел на Кибернетика. На секунду подумал, не ходил ли он вслед за ним к поврежденному участку обшивки, но потом вспомнил, что они не расставались весь день.

— Видишь ли... — сказал Доктор и задумчиво пожевал губами. — Нам очень важно выиграть время, каждый лишний час.

— Интересно — зачем?

— Честно говоря, я и сам как следует не знаю. Но у меня такое ощущение, словно мы начали с планетой поединок, в котором каждый час играет решающее значение, хотя бы потому, что в течение каждого часа мы получаем и перерабатываем новую информацию, а это увеличивает наши шансы.

— Я не вижу никаких шансов. Сколько угодно новой информации и ни одного нового шанса. Вряд ли удастся использовать информацию, значение которой мы не понимаем.

— Не тебе это говорить. Любая кибернетическая система насыщается информацией до определенного предела и только потом, перейдя в другое качество, получает возможность пользоваться ею...

— Характер информации обязательно должен быть в пределах возможностей данной системы, иначе...

— Я это знаю. Но у нас есть планета, на которой есть жизнь, высокоорганизованная жизнь, это, по-моему, мы все же установили.

— Но ведь ты всегда утверждал, что любая жизнь, и тем более сложноорганизованная, способна развиваться только в комплексе.

— Возможно, здесь, на этой планете, нам придется еще не раз усомниться во многих земных аксиомах... Не станешь же ты отрицать, что вмятина на обшивке — это реальный факт, и попытка установить с нами контакт, получить какую-то информацию тоже факт... Кстати об информации. Что, если они хотели убедиться в том, что мы можем оценить сложные ситуации не только с помощью логики, но и эмоционально? Понимаешь, почеловечески нелогично!

— А для чего им это?

— Ну, не знаю...

Доктор надолго замолчал, потом вдруг повернулся к Кибернетику, стараясь в желтом полумраке, царившем в шлюпке, рассмотреть его сухопарую, словно иссушенную внутренним неду-

гом фигуру. Доктор, как никто другой, знал, что в этом жилистом теле нет никаких болезней. За весь рейс Кибернетик единственный ни разу не посетил его кабинет. Казалось, болезни не могли выдержать мрачного лихорадочного огня, горящего в нем.

— Давно я хотел спросить тебя, Миша... — нерешительно начал Доктор. Кибернетик лишь вопросительно замычал в ответ, и он продолжил: — Отчего тебе не сиделось на Земле?

Кибернетик задумчиво пожевал губами и, когда Доктор уже не надеялся на ответ, пробормотал:

— Все мы от чего-то бежали, может быть, от самих себя.

— Ну, не все... Я, например, надеялся найти нечто другое. Пусть не лучшее, но другое. Какой-то иной мир.

— Теперь ты его нашел, можешь радоваться.

— Зря ты все воспринимаешь негативно. Неизвестно, что мы тут нашли. Совсем еще неизвестно.

Кибернетик иронически хмыкнул:

— Тебе мало крысиного лабиринта?

— Там был не только лабиринт. Кстати, не мешало бы посмотреть, что за это время изменилось в пещере. Далеко ходить не обязательно, можно глянуть у самого входа.

— Будь она неладна, твоя пещера! И вся эта дьявольская планета с ее проклятыми штучками!

Продолжая ругаться, Кибернетик тем не менее встал и начал готовиться к выходу.

— До темноты еще больше часа, можно не торопиться, — миролюбиво начал Доктор, но Кибернетик его оборвал:

— Хватит трепаться! Предложил посмотреть, так собирайся!

Они легко нашли овальный вход, совсем не похожий на естественную трещину в скале. Зато внутри пещера ничем не напоминала ночной лабиринт. В том месте, где ночью образовался коридор, теперь была глухая стена. Доктор провел по ней перчаткой скафандра. Пыли не было. В остальном же это был ничем не примечательный базальт. Бластер лежал на том месте, где его оставил Доктор. Они все время инстинктивно ждали каких-то новых событий, но ничего не произошло. И напряжение постепенно спадало. Поиски второго входа, через который их выпустили, ни к чему не привели — его попросту не было. Несколько разочарованные, вернулись в шлюпку.

— Странно, что они так... Словно потеряли к нам всякий интерес. Я все время жду чего-то, но, кажется, напрасно.

— Будем рассчитывать на себя, так вернее.

Они работали до глубокой ночи. Привели в порядок остатки планетарного комплекса, составили опись всех имевшихся в их распоряжении механизмов и инструментов. На следующее утро отправились на поиски товарищей, но не нашли ничего. Даже следов. Планета казалась совершенно пустынной.

Со странным упорством Доктор разглядывал левый задний угол обшивки шлюпки, закрытый изнутри обивкой и потому невидимый. Именно здесь, снаружи, продолжало расползаться белое пятно, словно неведомая кислота медленно точила несокрушимый синтрилоновый панцирь... Никаких следов органики, ни малейших признаков органической или неорганической жизни... Что же тогда разрушает прочнейшие связи между молекулами кристаллической решетки? Откуда берется колоссальная энергия на разрушение этих связей? Может быть, он неправ и пора обо всем рассказать Кибернетику? Возможно, там, где биологические методы оказались бессильными, он найдет какое-то другое решение, другой метод борьбы? Но Доктор слишком хорошо понимал, что таких методов не существует, хотя бы потому, что сначала нужно было понять. Понять, кто или что? А главное — зачем? Синтрилон в качестве пищи для организмов, которые не может обнаружить даже электронный микроскоп? Это опять нелепость. Скорее всего они лишатся шлюпки и останутся с этой непонятной враждебной планетой один на один с голыми руками... Какое значение будут тогда иметь те жалкие часы, о борьбе за которые он так агитировал Кибернетика?

— Тебе не кажется, что у нас не так уж много времени?

Доктор подозрительно посмотрел на Кибернетика.

— Что ты имеешь в виду?

— Не слишком ли долго мы прохлаждаемся? Может, продолжим работу? Что ты скажешь насчет установки датчиков системы защиты у входа в ущелье?

Доктор не стал возражать, и часа два они перетаскивали к выходу из ущелья тяжелые ящики и выполняли бессмысленную, с точки зрения Доктора, работу.

В конце концов Кибернетику удалось остаться у шлюпки одному. Еще раз проверив издали, как идет у Доктора работа по установке датчиков, он передвинул к обшивке шлюпки анализатор. Пятно белого налета за это время значительно расширилось и углубилось. Самое неприятное состояло в том, что неизвестное излучение, поразившее материал обшивки, захватило сразу всю левую половину шлюпки. Наиболее четко разрушение проступило в центре, там, куда, по его первоначальному предположению,

ударил заряд бластера. Теперь он понял, что тут был совсем не бластер, во всяком случае, не только бластер. Не удавалось даже замедлить разрушение обшивки. Он перепробовал все доступные методы, но так и не смог установить характер поражения. Материал обшивки еще держался, но разрушение прогрессировало в глубину. Часа через два в шлюпку начнет поступать наружный воздух, а еще через несколько часов от шлюпки останется один остов... То, что это не биологическая атака, он установил сразу. И все же придется сказать Доктору, надо спасать хотя бы снаряжение, если это еще имеет какой-то смысл... Сколько суток смогут они выдержать, не снимая скафандров?

— А знаешь, Миша, — вдруг раздался в наушниках его скафандра голос Доктора, — наша пещера может нам еще пригодиться. Если попытаться расширить и загерметизировать вход.

Резко обернувшись, Кибернетик увидел Доктора у себя за спиной.

— Значит, ты знаешь?

Доктор пожал плечами.

— Я, собственно, тебя не хотел беспокоить... Одного не могу понять: зачем им это понадобилось?

— Кому им? И вообще разве вопрос «зачем» в этой ситуации имеет какой-то смысл?

— С некоторых пор мне кажется, что все, что произошло с нами на этой планете, и все, что еще произойдет, имеет вполне определенный и кому-то понятный смысл.

— Неплохо было бы и нам в нем разобраться, — проворчал Кибернетик. — Ну что же, пошли еще раз смотреть пещеру.

Но они не успели отойти от шлюпки. Один из датчиков, установленных Доктором, включил сирену, и, обернувшись на ее рев, оба увидели у входа в ущелье знакомую фигуру Физика.

6

Практикант очнулся на рассвете, когда холодная роса собирается в тугие, упругие капли. Он нащупал обломок мокрого камня и приложил его к потрескавшимся губам. Камень напоминал леденец из далекого детства. Сознание вернулось к нему сразу, и он вспомнил все, что произошло и где именно он лежит. Прямо от его щеки отвесно вверх вздымалась почерневшая от влаги поверхность камня. Он попробовал встать, но не смог. «Это пройдет, обязательно пройдет, — сказал он себе, — главное, не рас-

пускаться. Наверное, это электрический разряд, обыкновенный поток электронов. Четыреста—пятьсот вольт. Некоторые выдерживали больше. Подумаешь, пятьсот вольт! Даже руки не обожжены. Ловко они меня... Теперь вот валяюсь, а они смотрят...» Эта мысль заставила его рывком приподняться и сесть, привалившись спиной к камню. Бешено заколотилось сердце. Голова оставалась ясной, вот только тело плохо слушалось.

Стараясь не делать лишних движений, он повернулся и через плечо посмотрел на камень.

«Базальт. Просто базальт. Не поладили мы, значит. Это бывает... А я думал, когда встретимся, я вас сразу узнаю, успею приготовиться, придумаю какие-то важные слова... Успел, подготовился! Обыкновенный базальт и пятьсот вольт... Зачем вам это понадобилось? Молчите... Я бы многое отдал, чтобы узнать зачем. Те же камни вокруг. То же небо. Все осталось прежним, все как было. Нет только Физика... И подумать только, что какая-то глыба...»

Он сжал в кулаке осколок камня так, что побелели костяшки пальцев.

«Если бы я мог, в порошок... Просто в порошок, и все...»

Камень подался под его пальцами. Он разжал ладонь и поднес ее к глазам, близоруко прищурившись. На ладони лежала горстка серого порошка. Он не знал еще, что это значит, он даже удивился не сразу — странный камень. Дунул, серая пыль послушно слетела с ладони. Постарался вспомнить, каким был этот осколок, похожий на леденец из детства...

Шершавый и колючий осколок весомо лег на ладонь, словно неведомая сила подчинилась его желанию... Но и тогда он еще ничего не понял. Разглядывая осколок широко открытыми глазами, он старался ни о чем не думать, словно боялся спугнуть своими мыслями это неожиданное маленькое чудо. «А собственно, чему удивляться? Если на этой планете камни умеют так много, почему бы им не летать? Вот только для чего ему понадобилось рассыпаться в порошок? Интересно, что будет, если его опять сжать?» Он сдавил камень изо всех сил, так, что острые края глубоко врезались в ладонь. Камень как камень. Может, ему показалось? Или это другой камень? Но он хорошо помнил завитушки из трещинок, небольшую жилку... Все камни здесь одинаково серые. На Земле есть голубые, как море, и красные, как кровь, белые, как платье невесты, розовые, как лепестки роз...

Если бы Райков смотрел в это время на осколок, зажатый в его руке, он бы увидел, как по его поверхности прошла вся гамма

цветов. Но он уже смотрел на далекие вершины гор и думал о том, что даже эти вершины не похожи на земных исполинов, покрытых ослепительными плащами ледников.

Сквозь огромное расстояние, сквозь зеленоватый туман воздуха ему почудились на чужих вершинах белые шапки снега. Почудились так ясно, что он невольно отвел взгляд, не зная, что в это мгновение там, в клубах тумана, стал расти снежный покров. Он рос, несмотря на тридцатиградусную жару, и тут же превращался в веселые ручьи...

Практикант посмотрел на камень, который держал в руке, на обыкновенный серый осколок базальта, вспомнил, что минуту назад он почудился ему горсточкой пыли. Вспомнил, улыбнулся над нелепой галлюцинацией, и тут же улыбка сбежала с его губ, потому что на ладони снова лежала щепотка праха...

Камень, который читает мысли? Или это что-то другое?

Практикант оперся о холодный бок валуна, попытался встать на ноги. С трудом ему это удалось. Порыв ветра сдул с ладони пыль.

«А что, очень даже может быть. На этой планете живут разумные камни. Они, правда, все перебесились от тоски и теперь рассыпаются в порошок. Здорово меня тряхнуло. Рассыпающиеся камни мерещатся. Надо добраться до ручья. Холодная вода — вот что мне сейчас нужно больше всего. Глоток холодной воды».

Ноги приходилось переставлять осторожно, точно они превратились в чужие и очень сложные сооружения. Пришла тревожная и нелепая мысль. На секунду показалось, что за время, пока он лежал здесь без сознания, с ним произошли какие-то странные, едва уловимые изменения. Тело стало чужим и чужими мысли. Слишком четкими, слишком резкими и плотными, как будто стальные шарики перекатываются в голове. Но тревога прошла, едва только он дошел до ручья. Так было всегда, стоило ему увидеть эту красивую, словно из сказки, воду.

Добравшись до берега и напившись, он долго сидел, не двигаясь и слушая, как звенит вода. Вода здесь синяя, камни серые. Небо зеленое по утрам и фиолетовое в сумерках. Ничего здесь нет, кроме воды, воздуха и камней... Простая планета... Совсем простая планета...

И ничего он не сумел им объяснить: ни радость встречи, которой ждал так долго; ни эту горечь разлуки, словно он точно знает, что расставание произошло, и никогда они не узнают, что у ручьев на Земле растут сосны, шумливые, зеленые, не похожие на каменные муляжи...

Откуда эта странная уверенность, что ничего больше не повторится? Что контакт уже свершился? Что теперь они одни, совсем одни на этой чужой, безразличной планете, среди мертвых камней, которые рассыпаются в прах?

Он встрепенулся: «Но если камни ведут себя так странно, значит, не все еще потеряно?»

Он знал. Совершенно точно знал, что это не так. Что никого больше нет... Где-то в глубинах сознания медленно отступала пелена. Она еще что-то скрывала, что-то очень важное. Но об этом он еще успеет подумать позже. Теперь ему некуда торопиться.

Вода плотная и синяя, как в море. Здесь везде одинаковая вода. В ней не растут зеленые усики водорослей, по ней не плывут лепестки цветов... И корабли никогда не опускаются на эту планету. Нечего им здесь делать. Дорога в одну сторону. Дорога без права на возвращение. С той минуты, когда они с Физиком увидели каменные деревья, Райков поверил, что им сумеют помочь, надеялся и ждал.

Теперь ждать больше нечего, потому что те, кто вступил с ним в контакт, ушли, ушли так, что он знает об этом.

Одного не знал Практикант: не знал, что, прежде чем уйти, они сделали для них все, что могли, все, что от них зависело. Сделали больше, чем мог он предполагать в самых смелых мечтах: что из четверых они выбрали лишь одного и ему передали свой дар; что этот единственный из десяти миллиардов людей сидит сейчас на берегу ручья и грустит о далекой планете, на которой растут зеленые, живые деревья. О планете, которую он любил так сильно, что покинул ее ради звезд.

Ничего этого он не знал и о звездах не вспоминал. Он думал о том, что ботинки совсем изорвались за эти дни. Починить их не удастся, пока он не найдет Физика и они не вернутся в лагерь. Он старался не признаваться себе в том, что возвращаться скорее всего придется одному.

Вода освежила его и успокоила. Немного кружилась голова. Практикант растер неподатливые, упругие капли в ладонях, смочил виски и стал решать, что теперь делать дальше.

Стиснув зубы, медленно поднялся. Не было смысла возвращаться к валуну. Прежде всего следовало спуститься ниже по ручью к тому месту, где Физик набирал воду. Один раз он уже прошел весь его путь, но сейчас нужно было сделать это еще раз, внимательно осматривая каждую выбоину в камне, каждую царапину. Человек не может исчезнуть совершенно бесследно.

Метров сто он прошел благополучно, только в голове шумело. Напротив того места, где валялась канистра, Практикант решил взобраться по склону ущелья, чтобы сверху осмотреть все русло. Подниматься пришлось по очень крутой поверхности, покрытой толстым слоем каменных обломков. Они разъезжались под ногами при каждом шаге, и тут его подвели рваные ботинки. Отставшая подошва зацепилась за какой-то выступ. Райков потерял равновесие и упал всей тяжестью на каменную осыпь. Само падение сошло для него довольно благополучно, но удар его тела нарушил равновесие в осыпи, с трудом державшейся до сих пор на крутом склоне.

Вся масса обломков дрогнула и пришла в движение. Несколько тяжелых глыб наверху зашевелились, а потом с гулом и грохотом понеслись вниз.

Они летели на него. Практикант видел квадратный, похожий на утюг камень, который шел на него прыжками, как гигантская жаба. Не было уже ни малейшей возможности ни уклониться, ни избежать удара. Он закричал что-то этому камню, вытянул руку, точно хотел удержать многотонную глыбу. И, хотя их разделяло еще несколько метров, камень, словно уткнувшись в невидимую преграду, остановился.

Он был не тяжелее подушки. Практикант ощущал мягкое, упругое давление, словно у него выросла гигантская рука и в ее ладони упиралась остановленная глыба. Еще не разобравшись в том, что произошло, Практикант мысленным приказом остановил и другие обломки. Ни на секунду не опуская невидимой стены, поддерживая ее пружинящее давление усилием воли, Практикант вскочил и бросился по склону в сторону. Очутившись в безопасности, отпустил все обломки сразу. Там было, наверно, тонн двадцать, и теперь он смотрел, как вся лавина вдребезги разносила скалу, торчащую на ее пути.

Чтобы еще раз проверить себя, чтобы понять, он сосредоточился и представил, как огромная глыба метрах в ста от него медленно поднимается вверх. Глыба послушно поднялась. Тогда он напрягся и швырнул ее в сторону, словно это был обыкновенный булыжник. Обломок скалы, вращаясь, взвился в воздух и исчез из глаз. От его падения мягко дрогнула земля под ногами, а когда донесся тяжелый грохот, Практикант, сжав голову, опустился на землю.

Так вот оно что, вот он каким был, этот первый контакт... Вот для чего был нужен тот экзамен, который он, кажется, выдержал...

Он не мог бы словами описать изменившуюся остроту ощущений, словно между ним и окружающим миром протянулись вибрирующие струны. Эти невидимые связи казались сложнее и в то же время проще привычного закона причин и следствий. Результатом этих новых, непонятных пока связей с окружающим и была сила, которую он только что ощутил, сила осуществленного желания.

Способность творить чудеса? Но чудо — это то, что противоречит законам природы; однако гораздо чаще чудом называют лишь то, что только кажется противоречащим этим законам.

Наверное, то, что произошло с ним, опирается на какие-то новые, еще неизвестные людям законы...

Он успокоился после этой мысли. Попытка анализа помогла справиться с ненужным, отвлекающим от главного волнением.

Он вспомнил институтскую лабораторию, опыты по курсовой работе... «Перемещение масс под воздействием силовых полей». Так она называлась, его работа. Здесь почти то же самое. Правда, поля должно что-то вызывать и поддерживать, какое-то устройство... Но может быть, это не обязательно?

Материя и человеческий мозг находятся в прямой взаимной и постоянной связи. Что, если эту связь усилить и уточнить надстройку? Что, если это возможно? Что, если возможно управление материей путем непосредственного воздействия мысли, мозговой энергии на ее поля, без всяких промежуточных устройств? Так, как он сделал тогда с разъезжавшимися стенами экзаменационного зала, одним усилием воли?

Может быть, эффект резонанса? Если мост можно разрушить звуком шагов, то кто знает, на что способен резонанс энергетических полей человеческой мысли с полями окружающей материи...

Вот камень... Его образ запечатлелся в сознании... А что это значит? Какие атомы пришли в движение, какие нейтринные поля сместились для того, чтобы возникло это внутреннее представление, мысленный отпечаток предмета? Как мало мы, в сущности, знаем об этом! И что случится, если теперь в его мозгу, только в его представлении, камень сдвинется в сторону, пусть немного, пусть на самую малость! Должно же это движение как-то отразиться в материальных формах! В конце концов, ничто в мире не существует вне этих форм. На эту мысленную работу он должен был затратить определенную энергию, пусть даже совсем незначительную. Понятие величины всегда относительно, а раз так, значит, в принципе возможно эту энергию уловить и усилить ее непосредственное воздействие на материю... Тогда она сыграет роль своеобразного вы-

ключателя и сможет привести в действие колоссальные энергетические ресурсы, скрытые в самой материи...

Практикант почувствовал себя совершенно оглушенным, придавленным этим водопадом мыслей. Ему казалось, что он нащупал самое важное в происшедшем.

Вот та скала, например, она очень далеко, несколько километров до ее вершины, но стоит представить стоящим себя на ней, стоит только очень сильно захотеть...

Мир раскололся. В ушах свистнул ветер. Самого перемещения в пространстве он даже не успел заметить. Окружающие предметы вдруг размазались, исчезли, и в ту же секунду проступил, словно на фотоснимке, новый пейзаж.

Далеко внизу, у самого горизонта, ниже ребристого горного хребта, распластавшегося у него под ногами, стелилась тоненькая струйка живого дыма...

7

Костер медленно догорал. На него пошли последние силикетовые доски от упаковки планетарного комплекта. Сам комплект, аккуратно разобранный и разложенный по полкам, лежал теперь в пещере, переоборудованной и загерметизированной Доктором и Кибернетиком. После возвращения Физика надобность в герметизации отпала, и они могли себе позволить сидеть у костра без скафандров. Доктор варил какую-то особенную похлебку из хлореллы, приправленную тушенкой из неприкосновенного запаса. Это был их первый маленький праздник со времени приземления на планету. Практикант сидел в дальнем углу, натянув до самых ушей свою старую куртку, и смотрел, как по потолку пещеры стелется дым костра. Его слегка знобило, скорее всего от волнения, которое, несмотря на все старания, он не мог в себе подавить.

В первые часы возвращения в лагерь, заполненные шумными приветствиями, потоком новостей, неожиданной встречей с Физиком, молчание о самом главном было почти естественным, но с каждым часом оно становилось для него все тяжелее, словно он все еще стоял на вершине водораздела. Перед ним раскинулась новая, незнакомая страна. Стоит сделать только шаг, и он попадет в эту страну, словно перейдет в другое измерение. Вот сейчас он молчит, слушает, как Доктор ворчит на Кибернетика за то, что тот отказался варить похлебку в свое дежурство, видит улыб-

ку Физика, словно запутавшуюся в его густой рыжей бороде... Сейчас он с ними, один из них... Но как только они узнают все, каждый невольно задаст себе вопрос: «Кто он теперь, Практикант Райков? Носитель странного могущественного дара? Или, может быть, *их* представитель?» Волей-неволей он должен будет заговорить от имени хозяев планеты... Таким уж он был, этот первый контакт, не похожий на инструкции и учебники по контактам, не похожий вообще ни на что, знакомое человечеству...

Информация, заложенная непосредственно в его память во время контакта, содержала ответы на многие вопросы, которые они хотели задать хозяевам планеты. Практикант не сразу узнал об этом. Очевидно, объем информации был слишком велик для человеческого мозга, сработали какие-то защитные механизмы, и в первые часы после возвращения сознания он еще не знал о том, что должен будет им сообщить сейчас... Слишком дорогая цена за этот дар... Чего-то они не учли, разумные и холодные создатели приютившей их планеты.

В который раз он мысленно проигрывал в уме условия странной и жестокой игры, предложенной им. Игры, в которой одной из ставок становилась их жизнь, и не находил положительного решения. Возможно, именно поэтому было так трудно решиться рассказать все товарищам. Рассказать придется. Условия игры уже вступили в действие независимо от их желания, независимо от того, знают ли все ее участники о предложенной задаче... Что ж, пусть теперь думают остальные, он устал один тащить груз, пусть они решают, придумывают какие-то ответные ходы. Вот сейчас он начнет, еще минуту... Пусть сначала догорит костер.

Понимая, насколько усложнятся их отношения после того, как он начнет говорить, и словно прощаясь с прежним, Райков еще раз внимательно всмотрелся в каждого из троих своих спутников. Общая беда не успела сплотить их в единое целое. Связать настоящей дружбой. Они лишь подчинялись остаткам былых привычек, былой дисциплины... «Сейчас мы скорее экипаж. Не коллектив, а экипаж, — подумал Райков. — Как-то они воспримут новую информацию, справятся ли?»

Он медленно перевел взгляд с одного на другого. Доктор. Подтянутый, добродушный человек, излучающий оптимизм и деловитость. Не показное ли это, своего рода врачебная профилактика экипажа в трудных условиях? Как бы там ни было, Доктор скорее всего справится. Физик. Полный, жизнелюбивый. Он умеет находить положительные стороны и маленькие радости в любых, самых сложных обстоятельствах. Волей случая он заме-

нил Навигатора и стал руководителем их маленького коллектива. Он сумел это сделать ненавязчиво, совершенно незаметно. Ни разу не напомнил о своих правах, и тем не менее за окончательным решением любого вопроса все обращались именно к нему. Чуть ироничный, веселый, этот человек умел, когда нужно, становиться суровым, жестким. За внешней жизнелюбивой оболочкой чувствовалась стальная воля. Физик не подведет. Уж он-то наверняка окажется на высоте, каким бы невероятным ни показалось им его сообщение.

Оставался еще Кибернетик. Меньше всего он знал именно его. Кибернетик умел выстраивать между собой и окружающим невидимую, но непреодолимую стену. Первым его импульсом, первым его желанием всегда было оспорить любое, пусть самое разумное, предложение или мысль, исходящую от других. Зато потом он первым раздраженно и одновременно энергично брался за дело и всегда доводил его до конца... И все же Кибернетик может не понять его. Приходилось признать, что он слишком мало знает своих товарищей. Он подумал еще о том, что на его месте должен был бы быть Физик. Груз оказался слишком тяжелым для него. Наверняка они ошиблись в выборе кандидата для первого контакта. Вот только не скажешь им об этом и ничего уже не изменишь. Придется до конца нести свою ношу, даже если он останется один, даже если его товарищи не справятся с отчужденностью и не решат поставленную перед ними всеми общую задачу...

Физик потянулся к огню, помешал угли, внимательно посмотрел на Практиканта и тихо сказал:

— Ну что же... Пора, наверное, подвести кое-какие итоги.

Кибернетик было оживился, но, взглянув на то место, где совсем недавно возвышался стройный сферический корпус шлюпки, а теперь торчали безобразные рваные шпангоуты бортов, поморщился и хрипло произнес:

— Какие уж там итоги! Потерян корабль, потерян последний робот, уничтожена шлюпка. Все наши материалы в атмосфере планеты непонятным образом разрушаются. Пора заняться изготовлением каменных топоров.

— Но есть и другая сторона. — Доктор аккуратно разливал в чашки дымящуюся похлебку. — Вы все, наверное, заметили почти полное отсутствие аппетита. Мне удалось провести ряд любопытнейших экспериментов. Конечно, это еще нуждается в проверке, тем не менее я пришел к парадоксальному выводу. Эта радиация... Вы знаете, по-моему, она каким-то образом непос-

редственно на клеточном уровне снабжает наши организмы энергией, минуя все сложнейшие, созданные эволюцией системы для приема и переработки пищи.

— Ты хочешь сказать, что здесь можно обходиться вообще без пищи?

— Вот именно, хотя мне трудно в это поверить...

«Да... Конечно... Так и должно быть... — отметил про себя Райков. — Это тоже входит в условия задачи. Нас не должна отвлекать забота о хлебе насущном».

— Еще одна случайность? Что ты на это скажешь? — спросил Физик, обращаясь к Практиканту.

— Нет. Не случайность.

— Я давно догадался, что ты кое-что знаешь. Может быть, пора рассказать? Была ли вторая попытка контакта? Ну что ты молчишь?

Сейчас голос Физика звучал сухо, почти официально.

Райков ответил коротко и сбивчиво, проглатывая окончания слов, точно спешил поскорее избавиться от них:

— Контакт был. И если говорить о взаимном обмене информацией, кажется, он удался.

Не ожидавший такого ответа Кибернетик обжегся похлебкой и выронил в костер всю чашку. Зашипели и погасли последние угли. Резко повернулся Доктор, и только на лице Физика не дрогнул ни один мускул.

— Мы слушаем тебя.

— Мне будет трудно изложить все связно, я сам многого не понимаю. Слишком сложная информация, необычен способ ее передачи...

— Способ?! — почти закричал Кибернетик. — Ты что, разговаривал с ними? Тогда почему молчал до сих пор?!

— Подожди, Миша, — остановил его Физик. — Каким образом передана информация? Ты стал понимать язык структурных формул? Или это опять ночные видения?

— Нет. Информация была записана непосредственно в память, мощный энергетический поток, шоковое состояние, как во время удара электрическим разрядом большой мощности. Ну и потом я вспомнил... Не все сразу...

Райков растер виски обеими руками. Он сидел сгорбившись и угрюмо смотрел на погасшие угли.

— Что ты вспомнил?

— Лучше вы задавайте вопросы, иначе я запутаюсь. Я сам не все понимаю...

— Так что же мы должны спрашивать?

— Какие вопросы? — спросил Доктор.

— То, о чем бы вы спросили хозяев планеты, может быть, я смогу... Во всяком случае, попробую ответить...

— Почему погибли Навигатор и Энергетик?! — почти прокричал Доктор.

— Причины аварии? — сухо добавил Физик.

— Этого я не знаю. Вернее, они этого не знают. Они заметили нас только после взрыва корабля. Можно предположить, что случайно мы натолкнулись на какую-то их передачу в надпространстве. Ты сам говорил, что направленный модулированный пучок энергии большой интенсивности мог вызвать вибрацию... Но это только предположение.

— Кому была адресована передача?

— Это межзвездная цивилизация, в их федерацию входит несколько десятков звезд и около сотни планет. Между ними существует регулярная связь.

— Бред какой-то! Может быть, тебе все же это приснилось? О какой цивилизации идет речь? Где ты нашел цивилизацию на этой пустынной планете? Для передачи такой мощности нужен всепланетный энергетический комплекс, где он здесь?! — спросил Кибернетик.

— Планета создана ими искусственно, несколько тысяч лет назад, специально для контактов с другой гуманоидной цивилизацией. Здесь они не живут.

— Так, значит, отсутствие биосферы, наличие кислорода, радиоактивный аргон...

— Искусственно созданная, почти идеальная среда для гуманоидов. Нам действительно повезло...

— Но зачем им это понадобилось, создавать целую планету... Разве такое возможно?

— Планета-гостиница, планета-полигон или университет специальных знаний, а может быть, планета-лаборатория с подопытными кроликами, смотря как это понимать. В общем, специальная планета для контактов. Они могут себе это позволить...

— Искусственно создавать планеты?

— В их распоряжении полный контроль над материей, возможность управлять любыми материальными процессами без посредников, без механизмов за счет энергетических ресурсов самой материи.

— Выходит, для них практически нет ничего невозможного? — спросил Доктор.

— Об этом нет информации. — Практикант пожал плечами. — Я не знаю предела их возможностей.

— Как они выглядят?

— У них нет постоянной видимой формы. Насколько я понял, индивидуальные мыслящие и эмоциональные структуры зафиксированы в каких-то энергетических полях, это их обычная, так сказать, пассивная форма. Но в случае необходимости они могут воспользоваться любым материальным телом, перестроить его молекулярную структуру и создать из него нужный им организм.

— Полный контроль над материей, — задумчиво сказал Физик. — Значит, они могут перемещать в пространстве любые массы без всяких кораблей... Ты говорил с ними о помощи?

— Я вообще с ними ни о чем не говорил. В момент контакта я просто был без сознания. Они передали в мой мозг те сведения, которые сочли нужными.

— Значит, придется повторить контакт! С завтрашнего дня мы организуем поиски, и как только...

— Это бесполезно. Они покинули планету.

— Как это покинули? Зачем?

— Чтобы не вмешиваться, даже случайно. Я говорил, они здесь не живут. Планета предоставлена в наше полное распоряжение.

— Это очень любезно с их стороны, — сказал Доктор, — только я не совсем понимаю: зачем им вообще понадобился тогда контакт? Чтобы разбудить надежду, показать нам свое могущество, а потом уйти? Мы столько раз повторяли, что гуманность прогрессирует вместе с разумом!

— По-моему, гуманность — это чисто человеческое, гуманоидное понятие, — задумчиво произнес Физик.

Практикант отрицательно покачал головой.

— Много тысячелетий назад, путешествуя в космосе, они встретились с другим разумом. Это была молодая гуманоидная цивилизация, в чем-то похожая на нашу... Состоялся контакт. В обмен на информацию, накопленную этой цивилизацией, они передали ей свою способность непосредственного управления материей... Именно тогда специально для целей контакта была создана эта планета.

— Кажется, я понимаю. Дар оказался слишком велик...

— Да, цивилизация погибла. Противоречивые команды, схватка противоположных интересов, изменения материальных форм, исключающие друг друга. Незнание отдельными личностями основных законов преобразования материи, просто ошибки...

— И в результате полная энтропия.

— Да. Материя их системы распалась вместе с ними.

— А какое отношение имеет это к нам? — с вызовом спросил Кибернетик. — От всего их могущества нам нужен был только корабль, чтобы вернуться...

— А ты бы вернулся? — с неожиданным интересом спросил Физик.

— Не понимаю?

— Ты удовлетворишься возвращением, в случае если придется выбирать между контактом с этой цивилизацией и кораблем? Иными словами, что важнее: возвращение или попытка убедить их, что человечество способно принять такой дар?

— А вы уверены, что способно? — задумчиво спросил Доктор.

— Способно или нет, решит человечество, но я сам хочу выбирать между так называемым контактом и возвращением!

— Видишь ли, Миша, для них мы — представители человечества, и, очевидно, они убеждены в том, что интересы человечества для нас важнее собственных. По-моему, им даже не приходит в голову, что может быть иначе.

— И все же я не желаю, чтобы за меня что-то решали эти ходячие скалы, в конце концов...

— Они не скалы. И ничего они за тебя не решали. И даже думаю, что они не пришли в восторг от того, что мы свалились им на голову.

— У них нет головы.

— Это не важно. Гораздо важнее вопрос об этом гипотетическом даре. Нам что, его предлагали?

— Судя по тому, что однажды они поделились своими способностями с другой цивилизацией, мы могли бы найти какой-то способ убедить...

— Да подождите! — Райков вскочил на ноги. — Все обстоит совсем не так с этим даром. Дело в том... дело в том...

Практикант почувствовал, что у него пересохло во рту от волнения, и он замолчал. Молчали и они, все трое. Смотрели и молчали. Даже Физик не пришел ему на помощь. И тогда охрипшим, прерывающимся голосом он сказал им сразу все. Все самое главное. Наверное, такое чувство испытывает человек, бросившись в ледяную прорубь.

— Они уже сделали человечеству свой дар. С одним-единственным условием. Мы сами должны найти способ передать его на Землю.

— Объясни, пожалуйста, яснее, — очень тихо попросил Физик.

— Да, Дима, ты уж постарайся, — поддержал его Доктор.

— Тянешь волынку? — не очень вежливо спросил Кибернетик.

— Сейчас я попробую передать вам условие.

На секунду он прикрыл глаза рукой, чтобы лучше сосредоточиться. И, начав говорить, невольно перешел на чужой, несвойственный человеческому голосу тембр, каким обычно разговаривают корабельные автоматы:

— Они оставляют нас на планете одних. Передают одному из нас способность управлять материей и ждут, что из этого получится, ни во что больше не вмешиваясь. Если каким-то образом нам удастся вернуться и известить об этом Землю, тем самым мы им докажем... ну, что ли, способность землян разумно распоряжаться их даром. И тогда они не будут возражать против его передачи всему человечеству или отдельным его представителям — как решит наша цивилизация. Существует какой-то способ передачи таких способностей от одного индивидуума к другому. Как именно — я просто не понял.

— Но для того чтобы передать способность управлять материей одному из нас, они должны будут с нами встретиться! Нужно хорошо подготовиться, и, может быть, удастся убедить их в бессмысленности и жестокости подобного эксперимента.

— При чем тут бессмысленность и жестокость?

— Да потому, что такая задача не имеет положительного решения! — почти закричал Физик.

Доктор и Кибернетик смотрели на него, ничего не понимая. И только Практикант утвердительно кивнул:

— Значит, ты понял. Наверное, они тоже так считают...

— Но почему, почему?! — закричал Кибернетик.

— Потому что управление материей возможно только в пределах ее законов, а раз так, человеческий разум никогда не сможет создать ничего сверх того, что он знает. Представьте себе, что нам подарят все автоматические заводы Земли, но без программы. Много мы на них построим? Не сможем сделать даже простейшую радиолампу! Не говоря уже о корабле... Чтобы построить корабль, необходимы знания, накопленные человечеством на протяжении всей истории развития цивилизации. Ни один отдельный человек не обладает такими знаниями, именно поэтому наша единственная надежда — убедить их отказаться от эксперимента, — закончил Физик.

— Это невозможно, — тихо ответил ему Практикант. — Эксперимент уже начался. Они ушли с планеты и не вернутся до его конца.

— Значит, по-прежнему мы можем рассчитывать только на себя.

— На себя и вот на это...

Практикант пристально посмотрел на погасший костер, его лицо напряглось, нахмурилось, и сошлись брови. Сначала появилась небольшая струйка дыма, потом камни вокруг костра засветились вишневым светом, и из остатков погасших углей вырвались первые языки пламени.

Все сидели с окаменевшими лицами, не в силах поверить, не в силах понять до конца значение того, что произошло. Только Физик поднялся, подошел и положил руку на плечо Практиканту.

— Осторожней, Дима. С этой штукой нужно обращаться очень осторожно. Представь, что у тебя за плечами ранец с атомной бомбой, только это еще опаснее.

И Райков почувствовал, как впервые с начала этого разговора отчаяние и страх, владевшие всем его существом, постепенно уходят. Потому что он уже знал: его опасения безосновательны. Ему не придется тащиться одному, сгибаясь под непосильной ношей. Что все они, даже Кибернетик, остались здесь, рядом, в круге света зажженного им костра...

8

Лагерь сильно изменился за эти дни. В том месте, где начиналась пещера, с разрешения Физика Райков убрал часть скалы. Образовалась обширная веранда. Потом он соединил веранду с дном ущелья небольшим подъемником. На изготовление примитивного механизма ушло целых четыре дня. Пещера тоже была расширена, появилась кое-какая каменная мебель. Превращение одних материалов в другие Физик строго запретил, опасаясь начала неуправляемой цепной реакции. Проще всего удавались перемещения масс и изменение их формы. Прямо на веранде из остатков оборудования шлюпки и планетного комплекса выросла импровизированная лаборатория.

Измерения сразу же подтвердили, что при любом воздействии телекинеза на материал исчезала часть его массы. За все «чудеса» материя расплачивалась своей внутренней энергией. Как именно происходило превращение массы в энергию, уточнить не удалось, не хватало точности измерений. Очевидно, преобразование шло на уровне внутриядерных процессов.

Начались дни утомительных занятий по сложной, разработанной Физиком системе. Следовало очень осторожно выяснить границы возможностей Практиканта, только после этого можно

было сделать какие-то окончательные выводы и разработать план дальнейших действий.

Почти сразу стало ясно, что воспроизвести в материале возможно только то, что имело в мозгу Райкова совершенно четкую модель. Получался слепок с этой модели — и ничего больше. Чем сложнее модель, тем труднее было удержать в памяти все мельчайшие ее детали и тем хуже, грубее получалось изделие.

С каждым днем становился яснее окончательный вывод и все более открыто, несдержанно проявлялся протест каждого участника эксперимента.

— Значит, эта слизь все предусмотрела, — сказал однажды Кибернетик. — Выбора у нас нет и нет выхода.

— Да. Похоже на то, что они решили убедить нас в бесполезности телекинеза для человечества. И они нас отсюда не выпустят. Слишком много мы уже знаем... Если бы сохранилась корабельная библиотека! Но нет, даже тогда... Человеческий мозг просто не в состоянии зафиксировать в памяти достаточно сложное устройство со всеми материалами на молекулярном уровне...

Вечером, устав от бесплодных теоретических споров, Практикант улетел в горы, не спросив разрешения у Физика. Почти каждый его шаг требовал теперь специального разрешения.

Того полного отчуждения, которого он так опасался вначале, не произошло, но и того, что было в его теперешнем положении, вполне хватало для потери душевного равновесия.

В ущельях свистел холодный ветер. Вершины близлежащих гор чертили у ног Райкова странные резкие тени. Практикант ничком повалился на маленькую каменную площадку, на которую только что опустился, и долго лежал неподвижно, слушая свист ветра.

От этих заунывных звуков, словно подчеркивающих одиночество, он чувствовал себя особенно скверно. А потом вдруг встал, осмотрелся, нашел подходящую скалу и закрыл глаза... Мир вокруг него перестал существовать. На секунду показалось даже, что сознание сейчас выйдет из-под контроля. Но он взял себя в руки и с предельной четкостью представил, как скала исчезла и на ее месте появился земной звездолет, появился их старый «ИЗ-2», появился таким, каким запомнил его Практикант в земное холодное утро старта, с разводами краски на боках, с яркими сполохами сигнальных огней...

Все у него получилось. И краска, и цветные пятна на месте сигнальных огней, и довольно точная скульптура звездолета в натуральную величину, неплохой памятник из базальта... Довольно

детальный памятник с ажурными переплетениями антенн и хищными щелями для вспомогательных реакторов... Вот только люк не открывался.

Он не стал разрушать звездолет. Накрыл каменным конусом огромной скалы, из которой перед этим убрал сердцевину. Скрытый памятник. Никто не увидит и не узнает о нем, но он все же будет стоять, памятник его мечте и его глупости...

Постепенно жизнь в лагере входила в определенную колею. Дни становились похожи друг на друга. Очевидно, планета израсходовала уже все свои сюрпризы, а то огромное, что содержал теперь в себе мозг Практиканта, оставалось для них бесполезным. Они все выжидали чего-то, осторожничали, повторяли одни и те же порядком надоевшие опыты. Словом, все усиленно делали вид, что еще ничего не потеряно, что основная работа лишь начата и что привычная систематика исследований, сотни чертежей, графиков, формул принесут им что-нибудь неожиданное.

Практикант сидел в пещере вдвоем с Доктором, изо всех сил стараясь не нагрубить ему в ответ на его длинные и благодушные рассуждения о прекрасном будущем, которое ждет человечество, если им удастся вернуться.

К счастью, Кибернетик с Физиком с утра куда-то ушли, и поэтому в лагере было относительно тихо.

Чтобы как-то отвлечь Доктора от темы возвращения, Практикант попытался сделать по его структурным молекулярным формулам немного крахмала. Крахмал получился жидким и каким-то прозрачным.

Доктор внимательно проверил его на экспресс-анализаторе и в конце концов мужественно решил попробовать, после чего ему стало не до Практиканта. Расстройство желудка было расплатой за эту смелость.

В чем-то они ошиблись, в чем-то очень важном... С самого начала. Может быть, нужно искать совершенно новый метод решения этой проблемы, а они идут привычным путем — ищут способы создания механизмов. Но ведь те, кто построил эту планету для контактов, наверняка передвигались в космосе без всяких механизмов. Впрочем, об этом они не оставили никакой информации, а кроме того, само устройство человеческого организма может стать непреодолимым препятствием. В космосе человеку нужны сложные приспособления, хотя бы для защиты. Так что, возможно, он не прав, а прав Кибернетик.

И все же Райков не верил, что они пошли на этот контакт, только чтобы доказать людям их несостоятельность. В том, как проходил контакт, в его последствиях была какая-то неправильность, непонимание, но только не враждебность.

Едва Физик и Кибернетик отошли от лагеря на несколько километров к северу, пейзаж изменился. Вместо привычных уже пустынных холмов и скал, подножия которых утопали в бархатистом, раскаленном на солнце песке, они попали на широкое вулканическое поле.

Застывшие потоки лавы образовали здесь причудливые невысокие гребни, впадины, волны. Поверхность камня ослепительно сверкала под солнцем, словно они шли по огромному черному зеркалу. Тяжелые рюкзаки оттягивали плечи. С собой приходилось нести не только приборы из планетарного комплекса, но также и большой запас воды. Доктор оказался прав — в пище они больше не нуждались, но зато потребление воды значительно возросло, наверно, организм, перестраиваясь на новую энергетику, нуждался в большом количестве жидкости. В пустынной местности ручьи встречались не так часто, и всю воду вместе с неприкосновенным запасом приходилось тащить с собой.

Кибернетик отстал на несколько шагов, он то и дело спотыкался о камни, и Физик слышал его приглушенные проклятия. Наконец Кибернетик окончательно потерял терпение, бросил рюкзак и потребовал остановиться.

— Не понимаю, зачем вообще тебе нужны эти походы! Чего ты ищешь?

— Видишь ли, Миша, нас сюда прислали для исследовательской работы. Вот мы ею и занимаемся. Мы не видели даже сотой части планеты. Ничего о ней не знаем. Здесь за каждым камнем могут таиться сюрпризы.

— Никто нас сюда не присылал, и никакая мы больше не экспедиция! Незачем себя обманывать!

— Хорошо. Пусть не экспедиция. Считай, что мне просто интересно.

— Ну и ходил бы один, я-то тут при чем?

— Одному ходить по неисследованной планете не разрешает инструкция. Ты разве не знаешь?

— Я знаю инструкцию. Нечего издеваться. Я не вижу смысла в твоих шатаниях по планете. Если ты ищешь их, то напрасно. Райков ясно сказал, что они ушли и больше не вернутся.

— Знаешь, Миша, после того, что случилось с Райковым, я не могу насмотреться на эту планету. Тут в каждом камне может

таиться такое... Мне действительно интересно. Вот посмотри, этот гребень похож на электрокар, а тот — на голову верблюда, а за тем гребнем может открыться озеро, лес, может быть, город... Я не знаю что, говорили же они Райкову, что здесь побывала целая цивилизация. Пусть контакт не состоялся, должны остаться хоть какие-то следы!

— Не понимаю, нам-то какая польза от этих следов?

— Не знаю, — честно признался Физик. — Может быть, никакой. Не во всем же надо искать пользу. И потом, сидеть без дела в лагере просто скучно, неужели ты этого не заметил?

— Мне никогда не бывает скучно, — мрачно изрек Кибернетик и, словно закрепляя сказанное, сразу же повторил: — Никогда.

— Интересно, Миша, зачем тебя занесло в дальнюю разведку?

— Не твое это дело, Петрович. Ты все-таки не Навигатор и не председатель экспедиционной комиссии.

— В этом ты, несомненно, прав. — Физик стряхнул пот со лба, подошел к Кибернетику и, поставив свой рюкзак рядом с его небрежно брошенным на землю, достал флягу с водой, смочил виски, голову, прополоскал горло. Потом тяжело опустился на гладкий камень в тени рядом с Кибернетиком и продолжил: — На этой планете, несомненно, существует некая комиссия. Может быть, термин неточен, не в нем дело. Я хочу сказать, что здесь наши поступки, а может быть, даже мысли изучаются, оцениваются. По ним делают выводы, и не только о нас с тобой, обо всей нашей цивилизации. Обо всех людях сразу.

— Если бы ты был прав, они бы не выбрали для своего эксперимента этого сопливого мальчишку!

Кибернетик подобрал с земли увесистый каменный осколок и запустил его в ближайший гребень. Камень разлетелся на множество осколков с печальным стеклянным звоном, словно Кибернетик разбил хрусталь. Несколько минут Физик молча внимательно смотрел на него.

— Не такой уж Райков мальчишка, и потом, мне кажется, не в возрасте здесь дело, совсем не в возрасте, так что пеняй на себя.

— Ну знаешь! — Кибернетик вскочил. — Мне надоели твои поучения. Пойдем.

— Ты сам виноват, Миша. Не надо было хвататься за бластер. Доктор абсолютно прав. Я убежден, их выбор совсем не случаен. Они могли в чем-то ошибиться, не разобраться до конца с нашей психологией, в наших моральных качествах, но в основном они правы. Райков наиболее подходящая кандидатура. У него светлая

голова, он способен на неожиданные смелые решения, и над ним не довлеют параграфы бесчисленных инструкций, законов и правил, к которым мы с тобой слишком уж привыкли... А может, просто им понравилась его смелость, нам с тобой в нужный момент ее не хватило. Я вот все думаю, отчего меня они вышвырнули из эксперимента. Думаю и не могу понять... Видишь, как все непросто.

Физик поднялся, и часа два они шли молча. Время от времени он останавливался, чтобы зарисовать крюки пройденного маршрута, и тогда Кибернетик, опустив на землю рюкзак, отходил в сторону, словно лишний раз хотел подчеркнуть свое несогласие с его доводами, свою обиду и нежелание нарушить молчание.

Физик его не торопил, понимая, что сказано уже достаточно и нужно дать ему время. По тому, как он хмурился, как ходили желваки по скулам, Физик понял, что в голове этого молчаливого, мрачного, отчужденного от всех человека идет напряженная работа мысли, переоценка старых ценностей, оценка новых фактов... Во всяком случае, он на это надеялся.

Километра через три плато начало постепенно подниматься, идти становилось все труднее, но зато совершенно исчез песок, полностью обнажилась полированная, гладкая, как кость, каменная поверхность. Теперь Физик не отрывал от нее глаз, старательно обходя наиболее ровные расселины, иногда нагибался и подолгу изучал камень под ногами. Наконец Кибернетик не выдержал:

— Что ты там ищешь? Ползаешь, как ищейка, по этим камням!

— Я понимаю, что вероятность мала, но все же... Если сложить все наши маршруты, мы обошли порядочный кусок и постепенно замыкаем круг. Странно, что до сих пор не заметили ни одного следа.

— Да чей след может быть в этой мертвой пустыне?

— След нашего робота. Не мог же он испариться?

— Вполне мог. Испарилась же шлюпка, испарилась оболочка наших скафандров.

— Об этом я не подумал, хотя обшивка шлюпки и наши скафандры разрушились не случайно. Нам просто дали понять, что они здесь не нужны.

— Можешь считать, что робот им тоже не нужен. — Минут пятнадцать Кибернетик молчал, надеясь, что Физик поддержит разговор, но тот не стал ему помогать. Наконец он спросил: — Зачем тебе робот?

— У него хорошая память, прочная, с большим объемом. Кроме того, пешком, без транспорта, мы немногого добьемся.

Жалкие царапины маршрутов, а вокруг десятки тысяч километров неисследованной поверхности. Там может скрываться все что угодно. Не верю я в мертвый камень. Слишком уж он однозначен. Словно кто-то специально проектировал эту пустыню.

— Скорее всего так оно и было.

Кибернетик отвернулся и вновь молча пошел вперед. Физик долго стоял неподвижно, глядя ему вслед. На худой фигуре Кибернетика одежда болталась, точно он носил ее с чужого плеча. Куртка местами уже порвалась, неряшливо торчали клочья подкладки, а давно не бритые щеки, оттененные синеватой щетиной, ввалились внутрь.

Усилия Доктора поддерживать их всех в определенной форме, не давать опускаться, в случае с Кибернетиком не имели успеха. Безнадежность ситуации, в которой они оказались, а может быть, и сама эта странная планета, словно рентген, высвечивала в них нечто глубинное, в обычных условиях скрытое от постороннего глаза. Только сегодня он, например, понял, что Кибернетик завидует Райкову. Изо всех сил старается этого не показать, но все-таки завидует. «А ты разве нет? — спросил он себя. — Конечно, и я тоже, хотя зависть, наверно, не то слово». Неизвестно еще, является ли благом их дар. «Во всяком случае, Райкову труднее, чем любому из нас... Труднее, но интереснее, — тут же поправил он себя, — и потом, не в этом в общем-то дело. Каждый из нас невольно спрашивает себя в глубине души, почему они выбрали не меня? Спрашивает, старается найти ответ... Это должен быть очень честный и до конца откровенный ответ. Может быть, впервые мы видим себя со стороны, словно бы в увеличивающем зеркале чужого взгляда».

Он догнал Кибернетика, пошел с ним рядом, испытывая жалость к этому человеку, понимая уже, что на Земле у него наверняка не все сложилось удачно, были причины, заставившие его покинуть родную планету. Глубинные, скрытые от всех причины. Еще он испытывал тревогу. Тревогу от того, что экипаж не подготовлен к невероятно сложной и ответственной задаче, обрушившейся на них неожиданно, как обвал. Здесь должны были бы быть вместо них специально отобранные и подготовленные люди, а не они, рядовые космонавты, со своими слабостями, горестями и обидами. Слишком случаен оказался выбор для того, чтобы судить по нему обо всем человечестве сразу.

— Я хотел тебя, Миша, попросить об одном одолжении...

— Ну? — мрачно пробурчал Кибернетик, не поворачивая и не замедляя шаг.

— Помоги, пожалуйста, Райкову...

— Помочь Райкову? В чем я должен ему помогать?

— Ты к нему несправедлив, держишься с ним слишком резко, слишком отчужденно, ему труднее, чем любому из нас.

— Здесь не школа третьей ступени, а я не нянька.

— Конечно, ты не нянька, но все-таки постарайся, одному мне с этим не справиться.

— Хочешь знать, почему я ушел в разведку? — неожиданно спросил Кибернетик. — Сын у меня погиб в нелепой катастрофе. Взорвался подземный автоматический завод, и он раньше времени полез выяснять причины аварии и не вернулся... Сейчас ему было бы столько же, сколько Райкову, он был талантливым мальчиком. Это он мечтал о дальней разведке, он, а не я. Но мне всегда хотелось узнать, чем она его привлекала, что он хотел найти за пределами круга наших познаний о мире. Я до сих пор стараюсь это понять и не могу...

Он надолго замолчал, словно ждал от Физика каких-то особенных, важных сейчас слов. Но тот лишь молча, ссутулившись, шел рядом, тяжело прихрамывая под своей ношей, словно рюкзак у него стал тяжелее от его слов.

Вернулись они в лагерь поздно вечером.

Оба пришли молчаливые, усталые и подавленные. Кибернетик сразу же ушел в пещеру. А Физик долго стоял рядом с Практикантом. Райкову хотелось избежать предстоящего разговора, но когда Физик спросил: «Может, пройдемся?» — он только кивнул.

— Последнее время ты совсем забросил работу.

— Да.

— Я просил тебя вести дневник, но даже это ты делаешь не очень аккуратно.

— Вчера я заполнил почти за весь месяц.

— Я смотрел. Там совсем нет анализа твоего состояния и ощущений, которые ты испытываешь во время экспериментов.

— Во время экспериментов я не испытываю никаких ощущений.

— И совершенно напрасно. По крайней мере напрасно не стараешься понять, что ты ощущаешь в момент, когда...

— Дело не во мне. Уверяю тебя, я не ощущаю ничего необычного. Почти ничего.

— Вот это самое «почти».

— Не понимаю, зачем тебе... ну, в общем, сначала я должен представить себе это со всеми деталями, потом напрягаю волю, представляю, как мысленный слепок материализуется, и в ка-

кой-то момент что-то срабатывает. Это требует большого напряжения воли и внимания, поэтому случайные мысли-образы не могут материализоваться.

Они спускались по длинной, метров сто, каменной лестнице, ведущей от их жилья до самого дна ущелья. Физик все время шаркал по ступенькам, словно ему трудно было поднимать ноги. Райков подумал, что Физику уже немало лет и что, наверное, это последняя его экспедиция. Но почти сразу же поправился. Для всех них это была последняя экспедиция.

Он упрямо повторил:

— Никому все это не нужно. Вы живете в каком-то сне. Придумали забавы. Надоело...

Вдруг Физик взял его за руку. Практикант вздрогнул, так непривычен был этот простой жест.

— Для Земли не так уж важно, вернемся мы или нет.

Несколько секунд они молча стояли на последних ступеньках лестницы. Вечерние тени уже накрыли дно ущелья, лестницу, клеть подъемника.

— Что же важно? — тихо спросил Практикант. — Что же тогда для нас важно?

— Сохранить и передать людям то, что есть у тебя.

— Но я ведь не знаю самого главного: как это получается. А если бы даже знал, все равно сначала надо вернуться...

— Или передать.

— Передать?

— Ну да. Просто передать тем, кто когда-нибудь прилетит сюда вслед за нами. Сохранить и передать.

— Но что? Что передать?

— Вот это я и стараюсь понять. Ищу все время. И еще мне хотелось бы знать, для чего они все это затеяли. Не верю, что им так уж безразличен результат эксперимента.

— А если прав Миша? Если они хотели доказать нам нашу беспомощность?

— Нельзя забывать, что, решая этот вопрос, они оперировали не нашей, не человеческой логикой, поэтому вряд ли мы когда-нибудь сумеем до конца понять, почему они так решили. Но одно мне ясно: в этой странной игре мы должны выиграть хотя бы несколько очков. Мы с Мишей искали робота, но безуспешно. А сейчас он нам нужен, как никогда.

— Хочешь его использовать как хранилище информации для тех, кто прилетит сюда после нас?

Физик кивнул.

— Но может быть, его постигла участь шлюпки?

— Не думаю. Вряд ли их интересуют наши механизмы. Кроме того, ты же сам сказал, что они покинули планету до конца эксперимента. А если мы заложим информацию в робота, эксперимент фактически будет продолжаться даже после того, как мы сойдем со сцены...

— Пока что нечего в него закладывать! Нет у нас никакой серьезной информации.

— Да... ты прав... Но ведь здесь, на планете, была гуманоидная цивилизация, по крайней мере ее представители. И если информация, которую тебе передали, верна, именно здесь они учились управлять материей. Должны же были остаться какие-то следы. Нам бы транспорт, хотя бы небольшой вездеход из планетного комплекса, но и его не удалось собрать...

— Я бы мог тебе представить вездеход, даже звездолет, только это будет игрушка, макет. Я уже пробовал.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Да, я видел, как ты пытался одним махом справиться с нашим «ИЗом».

— Может, ты знаешь, почему мне это не удалось?

— Ты и сам это знаешь.

— Но подожди! Тогда надо начинать с малого, с каких-то частей, деталей, все вместе мы могли бы вспомнить! Ведь мы же все знаем о его системах! Знаем, где расположен каждый винтик! Надо изготовлять отдельные части, а потом собирать их в более сложные! Вместо этого ты меня заставляешь делать какие-то дурацкие упражнения!

— Даже если бы это было возможно, не хватило бы всей нашей жизни. Но это невозможно. Вот, например, генератор защитного поля, довольно простое устройство, в сущности, многослойный конденсатор, правда, слои расположены в пакетах через половину длины альфа-волн, чтобы получить интерференцию. Ты помнишь длины этих волн?

— Ну, приблизительно...

— А еще сдавал мне зачет. Я помню их с точностью до сотых долей ангстрема. Ты можешь вообразить в натуре величину, равную ангстрему? Нет, не можешь. Даже не пытайся, она для твоего сознания слишком абстрактна, потому что неуловима для человеческих органов чувств.

— Делают же эти пакеты на земных заводах!

— Да. Но даже контроль за такими процессами доступен только автоматам. Человек слишком грубое устройство.

Послышался протяжный визг и металлический глухой стук. Прямо напротив них остановилась кабина подъемника. Распахнулась дверца, на площадку лестницы выпрыгнул Кибернетик.

— Вот вы где!.. По-моему, мы никогда не найдем этого робота, и завтрашний поход не имеет смысла.

— Почему ты так думаешь? Мы же только начали поиски! В конце концов, он мог просто застрять где-нибудь из-за мелкой неисправности.

Кибернетик отрицательно покачал головой:

— Ты прекрасно знаешь, что роботы этого типа сами восстанавливают вышедшие из строя детали. У них не может быть мелкой неисправности, и дело совсем не в этом. Задача, предложенная нам, не должна иметь решения. У нас не должно быть ни одного шанса, даже намека на решение. Никаких роботов с оставленной информацией. Ничего.

— Откуда такой абсолютный пессимизм?

— Только логика. Никакого пессимизма. У них уже был опыт передачи управления материей другой цивилизации. Слишком дорогой опыт. Вряд ли они захотят его повторить. Скорее всего они решили, как и мы, между прочим, не вмешиваться в развитие других цивилизаций. Космическое право ограничивает контакты. Там есть пункт о невмешательстве в развитие. Цивилизация слишком сложная структура, и никто не может предвидеть последствий такого кардинального вмешательства. Ну вот и все. А дальше уже ясно. Оставлять нас здесь без помощи и без всякой надежды было бы, с их точки зрения, неоправданной жестокостью. Почему бы не предложить нам развлечение в виде этой задачки? Мы будем ломать над ней головы, на что-то надеяться, искать решение — в общем, наша жизнь здесь наполнится несуществующим смыслом.

— В том, что ты говоришь, почти все безупречно.

— Что значит «почти все»?

— Они могли бы ничего не сообщать нам о своих сверхспособностях и просто помочь вернуться.

— Разве тогда человечество оставило бы их в покое? Вернувшись, мы принесли бы с собой известие о существовании в этом районе сверхцивилизации, способной к межзвездным контактам! Да после этого здесь началось бы вавилонское столпотворение. Все крейсеры федерации ринулись бы в этот район.

— Я думаю, при их возможностях не так уж трудно пресечь любые нежелательные контакты... Но даже если ты прав, у нас остается шанс... Видишь ли, Миша, если все же мы найдем выход из тупика, найдем способ решения поставленной перед нами, пусть и неразрешимой, с их точки зрения, задачи, я уверен, они выполнят условия соглашения и разрешат человечеству использовать свои необыкновенные возможности.

— В этом-то я как раз и не сомневаюсь; уверен в том, что, даже предложенное нам таким необычным способом, это соглашение имеет для них силу безусловного договора и будет выполнено. Вот именно поэтому они должны были предусмотреть все. И задача не должна иметь решения. Мы не сможем отсюда вырваться никогда. И человечество не узнает, что с нами произошло. Вот вам единственно возможное решение. Другого не будет.

Они надолго замолчали. По узкой горловине ущелья пронесся первый порыв ветра. Вечером здесь всегда поднимается ветер. Он несет с собой плотные облака пыли и, разбиваясь о каменные стены ущелья, оставляет на всем толстый серый слой. Когда их не станет, ветер очень быстро занесет все. Даже следы, даже память о них... Райков почему-то вспомнил две цепочки следов, оставленных им вместе с Физиком впервые на этой планете... Если Кибернетик прав, все тогда бессмысленно... У них не останется даже надежды. Он не мог с этим согласиться. Никогда бы не смог. Что-то здесь было не так. Кибернетик достал из кармана обрывки провода и, подбросив их на ладони, отшвырнул в сторону.

— Доктору стало хуже. Появилась рвота.

— Не надо было ему есть этот клейстер!

Несколько секунд Райков, не понимая, смотрел на Физика. Что-то в нем происходило в этот миг, что-то очень важное... Смутно мелькала какая-то необходимая, самая главная для них мысль, он чувствовал это и никак не мог за нее ухватиться.

— Доктор меня попросил сделать крахмал. Даже начертил структурную схему молекул... Это было очень сложно — представить себе в пространстве такую схему... Мы все время ищем каких-то сложных решений: чем сложнее задача, тем сложнее решение... И этот путь никуда не ведет. Вот хотя бы крахмал... Мы синтезируем его на Земле с помощью сложнейших автоматов и поточных линий, а в природе какая-то несчастная клетка с помощью одного-единственного зерна хлорофилла и нескольких молекул углекислого газа запросто производит сложнейший синтез. А если еще больше усложнить задачу? Попробуйте заставить все автоматы, всю кибернетическую технику Земли собрать один-

единственный зародыш растения! С этим они уже не справятся. А природа между тем конструирует сложнейшие и тончайшие системы с заранее заданными параметрами каким-то неуловимым простейшим способом! Берутся две клетки, сливаются вместе — и вот зародыш уже готов!

— Для этого «простого» пути потребовались миллионы лет эволюции.

— Ну и что же? Я говорю о результате, о самом процессе, он прост и предельно результативен. И, значит, способ решения сложной проблемы не обязательно должен быть сложнее самой проблемы! Значит, есть какой-то другой, неожиданный, неизвестный нам путь...

Физик с интересом смотрел на Практиканта.

— И давно тебя стали посещать такие мудрые мысли?

— Подожди... Это очень важно... Что, если именно это мы должны были понять сами, без подсказки с их стороны, прежде чем... Что, если именно в этом смысл эксперимента? Ведь все самое сложное всегда заложено в простейшем, это же диалектика!

— Ты что, лекцию нам читаешь?! — возмутился Кибернетик, с изумлением слушавший этот длинный монолог обычно немногословного Практиканта.

— Да нет же, нет! Я сейчас объясню! Это же... У тебя есть бластер?

— Бластер? При чем тут бластер? Зачем тебе он?

— Сейчас вы поймете. Поставь, пожалуйста, самую большую интенсивность. А теперь смотрите.

Практикант отвернулся от них, и сейчас же прямо посреди песчаной плеши на дне ущелья стал медленно вспухать пропитанный вишневым жаром огромный пузырь расплавленного песка. Прежде чем рассеялись облака едкого дыма, они уже видели, что там образовалось какое-то гигантское яйцо из расплавленного кремния. Его стенки дрожали, меняя форму и очертания, повинуясь давлению полей, созданных волей Практиканта. Потом жар почти сразу спал, дым рассеялся, и они увидели совершенно прозрачное, пустое внутри яйцо, занимавшее потемневшую от копоти площадку метров десяти в поперечнике.

Практикант махнул на него рукой:

— Вот так. А теперь стреляйте.

— Куда стрелять?

— В него.

— Но для чего?

— Стреляйте, тогда поймете.

Кибернетик пожал плечами и дал по хрустальному яйцу целую серию. Лиловые полосы зарядов понеслись вниз и почти тотчас лопнули ослепительными шарами плазмы. Казалось, в огненном аду, который бушевал внизу, испарятся стены ущелья. Едва спал жар и осели облака пыли, как они снова увидели хрустальное яйцо, которое плавало в луже расплавленного базальта. Оно даже не нагрелось, на стенках играли холодные ледяные отблески.

— Может, повторишь? — На лице Практиканта было написано откровенное торжество, и только необычность момента удерживала его от следующей мальчишеской выходки.

— Но что ты с ним сделал? Как это удалось?

— Я не могу создать генератор нейтринного поля, так?

— Конечно, ты же с этим согласился.

— Я не могу сделать ГЕНЕРАТОР, но не ПОЛЕ. Понятно?! Ведь мы все знаем про это поле! Это же очень простая функция от частицы! Генератор невероятно сложен, а поле есть поле. Вот я и одел в него кремниевую капсулу.

— Защитное нейтринное поле? Поле без генератора?! Но, значит, ты должен непрерывно его поддерживать?

— Ничего подобного! Я связал его с материей самой капсулы. Атомы кремния при воздействии извне распадаются и превращаются в энергетическое нейтринное поле. Это все. Я могу уйти, и вы можете стрелять в него хоть до завтра.

Физик вдруг побледнел, выпустил из рук бластер, который механически передал ему Кибернетик, и тот с глухим стуком упал на ступеньки лестницы.

— Да объясните наконец, что тут произошло! — закричал Кибернетик.

— Кажется, этот мальчишка все-таки сделал звездолет... — одними губами прошептал Физик.

— Какой звездолет? Где ты видишь здесь звездолет?

— Вот этот прозрачный пузырь... Эта штука может двигаться со скоростью, близкой к световой...

— Что ты несешь? Где здесь двигатели? Где топливо?!

— Там есть нейтринное поле... Достаточно один раз изменить направление полюсов... А топливом может стать любая материальная масса.

— Вы просто сошли с ума! Оба! Что здесь будет летать? Этот стеклянный пузырь полетит? Да скорей уж я...

— Смотри, — просто сказал Практикант.

Стеклянное яйцо приподнялось и неподвижно повисло в воздухе метрах в четырех над землей. Неожиданно возник тонкий

звенящий звук, словно где-то далеко лопнула струна. Яйцо дрогнуло, размазалось в воздухе и исчезло, оставив после себя сверкающий след раскаленных частичек газа, отметивших его путь до самого горизонта.

9

Постепенно, по мере того как они проходили атмосферу, небо меняло цвет. Сначала из темно-зеленого оно стало салатовым, потом бледно-синим, синим и почти черным. Появились первые точки звезд. Ослепительный шар солнца торчал у них с правого борта. Было очень странно висеть над планетой в совершенно прозрачной и почти невидимой кабине. Движение не ощущалось, только солнце всходило над горизонтом скорее обычного да под ногами стремительно клубилась зеленоватая дымка атмосферы.

— Теперь можно быстрее, — сказал Физик.

Практикант кивнул, и шлем его скафандра смешно качнулся, как у заводной куклы.

Физик настоял, чтобы все они из предосторожности надели скафандры, сохранившиеся в планетном комплексе, и взяли резервные баллоны с кислородом.

Горизонт слегка повернулся, потому что Практикант приподнял нос кабины, и сразу же ускорение вдавило их в спинки сидений с такой силой, что затрещали суставы.

— Осторожнее ты не можешь? — спросил Кибернетик.

— Осторожнее я не могу, — сквозь зубы ответил Практикант. — Я и так дал всего триста метров в секунду.

— Это почти десять g!

— Ты не огорчайся, — тихо сказал Физик, — мы что-нибудь придумаем. В конце концов, перегрузка не самое главное, можно и потерпеть...

Но Практикант не слышал утешений Физика, его мозг лихорадочно работал. Это было похоже на лабиринт. Едва удавалось найти выход, как за ним возникала новая стена! В ушах звенело от перегрузки, и кровь била в виски, как молот. Казалось, легкие лопнут, не было сил вдохнуть. Наконец он сдался и уменьшил ускорение. В корабле, который он построил, не было антиперегрузочных устройств. Их и не могло быть по той же самой причине, которая мешала построить генератор поля.

Только в замороженном состоянии глубокого анабиоза могли перенести люди чудовищные перегрузки во время разгона до межзвездных скоростей.

Практикант не мог построить сложный анабиозный комплекс и не мог отменить основных законов движения, а это означало, что разгон корабля затянется на долгие годы...

— У нас есть корабль, — сказал Физик. — Самое главное ты уже сделал.

Но Практикант знал, что это еще не самое главное. Если они сумеют как-то справиться с перегрузкой или даже пожертвуют десятками лет жизни, все равно этого окажется недостаточно...

Люди учились летать к звездам тысячи лет, и планета так просто не отпустит свою добычу.

Все же он ведет сейчас корабль, и она у него под ногами, планета, отобравшая и подарившая так много.

— Мы на орбите спутника, — сказал он как мог спокойнее. — Что дальше?

— Подымись еще тысяч на десять, — попросил Физик.

Практикант усмехнулся, послушно перемещая ось и напряжение поля. Он знал, что Физик хотел проверить, будет ли его слушаться корабль там, где нет таинственной радиации.

Он поднялся на эти десять тысяч. Теперь планета казалась просто маленьким светлым мячиком, у которого не было имени.

— Почему мы ее до сих пор не назвали?

— Кого? — не понял Доктор.

— Она не была для нас домом, — сказал Физик, — а тюрьмы обычно безымянны.

Практикант развернул корабль так, что солнце, скрывшись за их спинами, погасло, и они как будто повисли среди звезд, ничем не защищенные комочки протоплазмы.

— Ты сможешь подойти ко второй планете этой системы?

— А ты сможешь решить без машины задачу на движение трех и более тел?

— А если направить корабль визуально и постепенно подходить к планете?

— Можно. Но слишком опасно. Мы не знаем ее массы. Гравитационное поле может оказаться таким мощным, что мне потом не вырвать корабль без смертельных для нас ускорений. Надо наблюдать и рассчитывать.

— Я говорил, не надо спешить! Слишком рано вышли в открытый космос, — пробормотал Кибернетик.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил Доктор.

— Облетим планету по экватору, потом по меридиану, спустимся ниже. И домой.

— Я не об этом. — Доктор протер перчаткой запотевшее стекло скафандра.

— Ну, видишь ли... — начал Физик.

— Разреши, я сам... — попросил Практикант. — Это как наша лестница. Только длиннее. Может быть, без конца. Мы не знаем, где Земля. В какой она стороне. Но даже если бы знали, у нас нет машин, чтобы рассчитать курс. У нас нет антигравитаторов, чтобы снять перегрузки, у нас нет анабиозных ванн, чтобы ждать в них долгие годы, и у нас нет автоматов, которые могли бы управлять кораблем, пока мы будем спать.

— Автоматы нам не нужны, — твердо сказал Физик.

— Почему? — спросил Практикант.

Физик пояснил:

— Достаточно вывести корабль на курс, придать ему нужное ускорение и создать защитное поле. Все дальнейшее пойдет само собой.

— И будет идти так лет двадцать.

— Может, и тридцать, не в этом дело.

— Я не понимаю! — вдруг закричал Доктор. — Можем мы или не можем лететь к Земле?!

Никто ничего не ответил. Практикант наклонил нос корабля и рванул с такой силой, что от перегрузки вновь перехватило дыхание. Они летели так несколько минут, пока не врезались в газовый шлейф планеты. Огненные протуберанцы вспыхнули и завернулись вокруг защитного поля. Пол и стенки капсулы мелко задрожали.

— Перестань, — попросил Физик.

Когда скорость упала, они вошли в стратосферные облака. Ничего не было видно в светящемся тумане. По границе защитного поля то и дело пробегали ветвистые искры. Иногда холодное пламя обволакивало всю капсулу.

— На какой мы высоте? — спросил Кибернетик.

— Может, пять тысяч метров, а может, десять. Завидная точность, а? Может, впереди скалы или астероид. Я же не локатор, в конце концов, я просто человек.

— У тебя есть поле.

— Если масса препятствия будет равна кораблю, он весь превратится в поле. Вместе с нами.

Облака неожиданно разошлись, и под ними открылся стремительно летящий навстречу ландшафт планеты. Практикант еще больше замедлил скорость. Стали заметны отдельные горные пики, потом промелькнула извилистая прибрежная линия, и целый час

тянулась ровная синяя поверхность. Потом опять до самого горизонта раскинулась серая пустыня. Однообразие мертвого пейзажа действовало угнетающе. Они опустились совсем низко и шли теперь зигзагами всего в трех километрах над поверхностью планеты. Вдруг Доктор дернулся в своем кресле и замахал руками:

— Там что-то движется! Вон там, среди тех холмов!

Никто ничего не успел рассмотреть. Холмы мелькнули и пропали. Под ними расстилалось ровное, как стол, базальтовое плато.

Практикант заложил крутой вираж, и через минуту они уже неслись обратно.

По курсу не было никаких холмов. Перешли на поисковую спираль — холмы как в землю провалились. Кибернетик невольно шарил руками по несуществующему пульту в поисках координационных тумблеров, носовых локаторов дальнего обзора и сквозь зубы бормотал ругательства.

Плато пересекала извилистая черная трещина.

Неожиданно на ее краю показалась длинная скачущая тень.

— Правее на двадцать! — крикнул Физик. — Заходи со стороны трещины, не давай ему спрятаться!

Движущийся предмет, видимо, не собирался прятаться. Круто развернувшись, он понесся прочь от трещины, прямо в пустыню.

В облаках пыли нельзя было рассмотреть даже общих контуров того, что там двигалось со скоростью километров двести в час по заваленной обломками и изрытой выбоинами поверхности.

— Ну, теперь он не уйдет! Снижайся!

Это было похоже на охоту. Сверкающая вытянутая капсула то и дело окуналась в облака пыли. Ближе чем на сотню метров подойти не удавалось. Тот, кого они преследовали, очень резко менял направление движения. То и дело они теряли неизвестный предмет из виду, и тогда приходилось подниматься, чтобы найти его вновь. Сверху это походило на гигантскую стрелу или плуг, вспарывающий пустыню. Плотные фонтаны пыли летели в обе стороны широкими литыми струями. Из-за них совершенно ничего не удавалось рассмотреть. Пылевая стрела резко повернула к северу, к гряде гор, над которой они пролетали час назад.

— Так мы его потеряем, — мрачно пообещал Кибернетик.

И тогда Практикант плавно пошел на посадку. Вначале они не поняли, что именно он собирается делать. Капсула мягко, как на салазках, проехала метров сто и резко остановилась. Движением руки Практикант вырубил люк в монолитной стене и выпрыгнул.

Все еще ничего не понимая, они последовали за ним и, только увидев его сосредоточенное лицо и огромный клубок пыли,

несущийся издалека к месту посадки, поняли, что он применил силовое поле.

Это был их собственный робот. Не обращая никакого внимания на людей, он рвался изо всех сил в сторону пустыни, туда, куда влекла его заданная программа.

— Выключи его, — попросил Практикант. — Мне тяжело держать.

— Еще бы, — с гордостью сказал Кибернетик. — Почти сорок тонн тяги. — Он бросился прямо под извивающиеся щупальца робота, куда-то ткнул пальцем, и все стихло.

— Не будем задерживаться, — предложил Физик, — тащите его в корабль, уже очень поздно, боюсь, что в темноте мы не найдем лагерь.

Все же они не успели долететь засветло. Темнота застигла их над берегом моря. Пришлось сесть и заночевать в капсуле. Среди ночи Практиканта разбудил Кибернетик.

— С роботом что-то неладно, вставай.

— Может, утром разберемся?

Но Кибернетик тряс его за плечо до тех пор, пока Практикант не приподнялся со своего ложа.

— Ну, что ты от меня хочешь?

— Робот ворочается.

— Как это он может ворочаться, если ты его выключил?

— Не знаю.

— У тебя что, бред?

— А ты сам послушай.

Из грузового отсека доносились какие-то вздохи и неясный шорох.

— Ну, значит, это он рехнулся. В такой обстановке неудивительно. Почти месяц бегал по пустыне.

— Я вынул у него батареи. Весь комплект, хотел проверить и вынул. У него нет батарей. — Даже в темноте было видно, как у Кибернетика дрожат губы.

В грузовом отсеке среди развороченных ящиков и мешков робот царапал стену. Его длинные лапы поочередно медленно проходили вдоль одного и того же места в стене, словно старались ее продавить.

— Посмотри, что с ним!

Практикант приподнял фонарь повыше, но Кибернетик не двинулся с места.

— Я привык иметь дело с роботами, которым нужна энергия, чтобы двигаться.

— Может, это солнечные батареи?

— А где ты видишь здесь солнце?! Сейчас ночь, кроме того, я его выключил!

— Солнца действительно нет.

Практикант медленно подошел к роботу вплотную и, уклоняясь от ритмичных взмахов длинных могучих лап, стал разглядывать его днище.

— Хоть бы показал, где тут у тебя выключатель!

— Да говорю же тебе, он выключен! Видишь, справа тот рычажок стоит на «Стоп»! Я даже предохранительную коробку не завинтил!

— Если в этом положении он включен, то, значит...

Прежде чем Кибернетик успел возразить, Практикант уже повернул выключатель в положение «Включен». В ту же минуту робот превратился в бешеную мельницу, крошащую все вокруг. Практикант едва успел отскочить в сторону. Для наведения защитного поля требовалось какое-то время, секунд пять примерно, и за эти пять секунд робот успел три раза, как таран, броситься на стенку капсулы.

Весь его многотонный корпус гудел и раскачивался.

Кибернетик кричал хриплым, сорванным голосом одни и те же слова команды: «Полная остановка!», «Полная остановка!» Но на робота это не производило ни малейшего впечатления. Наконец Практиканту удалось захватить полями лапы робота, собрать их в единый узел. Робот продолжал дергаться и молотить корпусом в пол капсулы. В дверь отсека ворвались Физик и Доктор. Они что-то кричали, но советы вперемежку с ругательствами только увеличили общую суматоху.

Наконец Практикант приподнял робота, выбил другим полем часть стены корабля и вышвырнул робота наружу сквозь этот пролом. Робот сразу же вскочил и бросился в пустыню.

Не сходя с места, Практикант приподнял капсулу вверх. Теперь ему нужен был прожектор. Очень мощный прожектор. Лучше всего разряд в ртутных парах, это просто, и не надо новых материалов...

В днище корпуса вспыхнула ослепительная лампа. Они сразу увидели робота. С этой высоты он походил на зайца, удиравшего от охотника длинными скачками. Капсула двинулась вслед за ним. В проломе засвистел ветер, и пришлось заткнуть его дополнительным силовым полем. Зато капсула уже висела над самым роботом.

Погоню облегчало то, что в этот раз робот не менял ни скорости, ни направления.

— Сделай что-нибудь, зачем эти ночные скачки, — попросил Физик.

— Неплохо узнать, куда он так торопится...

Погоня продолжалась всю ночь. Под утро, когда Практикант почувствовал, что он больше не в силах поддерживать капсулу в воздухе, пришлось приземлиться, поймать робота и заключить его в кокон из силового поля. За его прозрачными невидимыми стенами робот по-прежнему продолжал свой безостановочный бег на месте.

— Два часа отдыха, потом продолжим.

— Объясните по крайней мере, как он может двигаться без батарей и с выключенной программой? — спросил Доктор.

— Пусть лучше Миша объяснит, это все-таки по его специальности.

— Теоретически это невозможно, — мрачно изрек Кибернетик.

— Может, ты поделишься с нами хотя бы предположениями на этот счет?

— Энергию он может получать только извне; если это не солнечные батареи, значит, он нашел какой-то новый источник. Что касается программы... Робот достаточно автономен и мог выработать собственную, которая, пока была включена основная программа, подавлялась ею, а сейчас, после выключения основной, собственная программа стала главной. Совершенно для меня непонятно, почему он перестал реагировать на словесные команды.

— Я же говорю, свихнулся от жары.

— В таком случае мы тоже. Погоня за свихнувшимся роботом для изучения его внутреннего мира... В этом что-то есть, — спокойно заметил Доктор.

— Мы должны знать, куда он спешит!

Через два часа робот был отпущен, и капсула с завидной монотонностью понеслась вслед за ним по пустыне, а еще через четыре — на горизонте показалось море. Появился привычный ландшафт невысоких базальтовых холмов, покрытых толстым слоем пыли. Местность становилась все более пересеченной. Робот то и дело скрывался из виду. А после очередного поворота исчез совершенно. Они кружили над скалой, за которой он пропал, целый час, потом приземлились и прошли километра два по широкой дуге, прежде чем нашли след лап, хорошо заметный в пыли. Они прошли по следу еще километра три и вновь вернулись к скале, от которой начали поиск, с другой стороны.

Здесь след обрывался, дальше шла твердая каменная поверхность, им не удалось найти на ней ни одной царапины. Со всех

сторон скалу окружал толстый слой серого песка с примесью пыли. На нем был только один след. Робот как сквозь землю провалился.

— Тут его, голубчика, и слопали. Проглотили целиком со всеми металлическими потрохами. Ну, поскольку мы теперь это знаем, — продолжал Доктор, — самое время всем выспаться.

Заснуть удалось одному Кибернетику. Доктор и Физик подсчитывали, сколько лет понадобится на разгон при предельных перегрузках. Практикант не стал дожидаться результатов. Он встал и медленно побрел прочь. В конце концов, какая разница — десять лет или двенадцать?.. Летали же так люди на заре звездоплавания! Почему бы им не попробовать?

Можно использовать тот ничтожный шанс, что у них есть. Разогнать капсулу в сторону... Вот только в какую сторону? В любую сторону. Что же им, весь остаток жизни проводить здесь, медленно превращаясь в дикарей? В один прекрасный день он сядет в капсулу, и он будет там не один; даже если Физик решит остаться, все равно с ним будет Доктор... Десять лет, пока будет длиться разгон, они будут жить в крошечном стеклянном мирке среди равнодушного света звезд, и еще двойное ускорение...

Потом, когда пройдут эти десять лет и еще десять на торможение, корабль остановится. Рядом не будет ни одной звезды, потому что невозможно двигаться в космосе без точных расчетов, звезды слишком далеки друг от друга. Океаны пустоты между ними, и только одно солнце... Вот тогда они откроют корабль. Просто вспорют его стены, как консервную банку, и все кончится. Все же это лучше, чем жить без малейшей надежды... Все эти долгие десять лет, пока будет длиться разгон, и еще десять, пока они будут тормозить корабль, им будет казаться, что они летят к Земле. Они будут ее вспоминать...

...На палубе глайдера в самом темном уголке сидела девушка... Около нее на пустом столике стоял бокал с каким-то напитком.

— Можно мне посидеть здесь с вами? — спросил он у нее тогда.

— Нет, нельзя.

Но он все-таки сел, и они познакомились. А потом, через несколько дней, он уже не вспоминал случайное дорожное знакомство, потому и ушел так легко в глубокий космос, что думал, будто нет у него никого на Земле... А вот теперь та встреча кажется ему важнее всех звезд. Наверное, это потому, что Ингрид осталась на Земле, и невольно, когда он вспоминает Землю, он вспоминает и ее. Чаще всего тот выпускной вечер в школе третьей ступени, когда она сказала все, что о нем думает: что он эгоист,

что у него отвратительный характер и что она даже не будет ему писать. Он тогда долго смеялся: «Какие же могут быть письма в глубокий космос?..»

Но сейчас это уже не казалось ему смешным. Чего стоит все его могущество, вся власть над материей, над полями и над движением огромных масс, если нельзя получить этого самого ненаписанного письма, и нельзя увидеть ее лицо, и нельзя, как раньше, промчаться на доске сквозь штормовой прибой... Здесь не бывает прибоев и не бывает штормов, здесь многого не бывает, зато здесь без всякой видимой причины исчезают металлические роботы, сорок тонн металла и пластмассы...

Сделав широкий круг незаметно для себя, он теперь вновь подошел к той скале, где исчез след робота.

Ну хорошо, он не может получить с Земли ненаписанное письмо, но что-то он все-таки может? Например, он может разобрать скалу на мелкие части, растереть ее в порошок, если только это поможет выяснить, куда девался робот и чьи это странные шуточки, ведь они же обещали не вмешиваться...

Небольшое усилие воли, поле должно быть широким и острым, как нож. Сначала он подрежет скалу снизу, приподнимет и отбросит в сторону, чтобы проверить, нет ли в ней каких-нибудь пустот или трещин.

Широкий вал пыли, поднятый силовым полем, уперся в подошву скалы, уперся и остановился. Практикант знал, какая чудовищная сила действует сейчас на подножие скалы. И не мог не удивиться тому, что поле остановилось, наткнувшись на такое ничтожное препятствие, как эта базальтовая скала. Не попытавшись даже разобраться, почему это произошло, он сжал поле в круглый шар, размахнулся и ударил.

Огненный метеор пронесся над его головой и обрушился на скалу. Место, где стоял Практикант, качнулось от мощного подземного толчка.

Ни один даже самый маленький осколок не отлетел от странной скалы. Практикант погасил поле и пошел к скале. С другой стороны ему навстречу шли Физик и Кибернетик. Один Доктор не проявил ни малейшего интереса и остался стоять у капсулы.

— Сейчас посмотрим, что это за базальт, мне как-то не пришло в голову проверить. С виду скала ничем не отличается от остальных.

— С виду здесь все слишком обычно.

Пробоотборник сломался почти сразу. Все же в том месте, где ударило поле, им удалось найти кусочек чистой поверхности

с легко различимой структурой. Базальт казался пропитанным каким-то стекловидным составом.

— Может, попробуем из бластера?

— Бесполезно. — Физик качнул головой. — Сюда ударил заряд в тысячу билиэргов мощности, не меньше, никакой бластер этого не может.

Доктор смотрел на скалу, по которой Практикант только что ударил огненным шаром, качнувшим землю под ногами. Шар погас, а скала выглядела такой же темной и непоколебимой, как раньше. Солнце исчезло за ее вершиной, и теперь скала казалась вырезанной из черной стали. Стальной силуэт на чужом изумрудном небе... Доктор почувствовал, как отчаяние постепенно скрутило его, заставило медленно опуститься на землю. У него не было больше сил воспринимать чудеса этой планеты, не было сил бороться и надеяться. Они не понимали, наверно, чего ему стоило всегда излучать бодрость, все время быть впереди, следить за своей внешностью, не позволять себе и им опускаться.

Так, значит, лестница... Так сказал Райков, лестница, которая никуда не ведет, где за каждой пройденной ступенькой открывается следующая... Скорее всего у Кибернетика были причины покинуть Землю... Он никогда не говорил об этом, но Доктор не сомневался — у него были причины... Физик другое дело, для него главное — наука: он может жить этими чудесами, дышать ими, ему не жалко потратить жизнь на разрешение загадки планеты... Практикант еще мальчик, но Доктор уже знал, что именно он его единственный союзник. Единственный человек, который никогда не примет дорогу в одну сторону, дорогу без возврата... «Зачем я здесь? Кто просил меня проходить конкурс, сдавать сложнейшие экзамены и комплексную подготовку в спеццентре? Неужели только желание славы или простое любопытство, желание новых путей вытолкнуло меня из дому? Нет. Скорее всего нет. У каждого человека наступает в жизни такое время, когда хочется узнать свой предел. Предел возможностей. Предел выдержки. Запас мужской прочности».

У него этот момент наступил, когда его не взяли в антарктический академический центр: не прошел по конкурсу.

Именно тогда он решил доказать всем им, и прежде всего самому себе, на что он способен. Именно тогда пришло решение прошибить лбом стенку, прорваться сквозь заслон многочисленных кандидатов в дальнюю космическую разведку — улететь с Земли и гордо взирать из космических далей на ее многочисленные проблемы, на собственную уязвленную гордость. Кажется, ему это удалось. Одного он не мог представить — что у дороги

может не быть обратного конца. Время от времени в космосе пропадали экспедиции, случались катастрофы. Но с ним ничего подобного произойти не могло, ему всегда везло, так он думал, так считал до сих пор и теперь знал, что не колеблясь войдет вслед за Практикантом в пустую капсулу, когда придет час.

Физик, Практикант и Кибернетик отошли так далеко, что он не слышал их голосов, видел только размытые силуэты на фоне скалы. Что-то они там искали, что-то опять пытались понять. Загадки сменяли друг друга, им не было конца.

Доктор медленно поднялся и побрел вдоль подошвы скалы по широкому кругу, уводящему в пустыню. Песок был чист и абсолютно ровен. Он подумал, что, наверно, не одну тысячу лет на этой девственной поверхности не отпечатывался ни единый след живого существа. Ведь те, кто жил здесь, те, кто построил эту планету, по словам Практиканта, не имели даже тел. Они не могли оставить следы на этой песчаной пустынной странице. И, выходит, их можно не принимать всерьез, считать выдумкой, бредом, галлюцинацией, чем угодно...

Именно в этот момент он заметил пещеру. Овальный правильный ход вел внутрь скалы. Ему уже была знакома форма такого хода, и он не сомневался в его назначении...

— Идите сюда! — прокричал он остальным, и его голос глухо понесся вверх вдоль скалы, отражаясь и дробясь многочисленным эхом от ее каменных уступов.

Сразу трудно было что-нибудь понять. Ничто не указывало на искусственное происхождение хода. Это могла быть самая обыкновенная расселина.

— Возможно, скала дала трещину после удара, — заметил Физик.

Один только Доктор не принял этого объяснения.

Они спускались по наклонному дну и, судя по времени, были уже значительно ниже поверхности планеты.

Неожиданно лаз резко вильнул и оборвался. Перед ними открылось огромное пространство, слабо освещенное рассеянным дневным светом.

В полумраке нельзя было рассмотреть противоположных стен гигантской подземной выемки.

Прямо под ними раскинулась странная путаница огромных параллелепипедов, полусфер и усеченных пирамид. В сером неверном свете, пробивавшемся сверху, в переплетении геометрических форм чудилось какое-то движение.

— Это город... — прошептал Физик.

— Это не город, — холодно возразил Доктор.

10

Это не было городом. Это не было ничем привычным.

Геометрические конструкции, выглядевшие сверху не очень большими, оказались до тридцати метров в высоту.

— Может, это минеральная жила? Скопище гигантских кристаллов? — спросил Физик.

— А что? Очень похоже. Вон те полосатые, отливающие золотом кубы похожи на кристаллы пирита. Странно, что здесь совсем нет пыли и никаких обломков. — Кибернетик недовольно пожал плечами.

— Очень чистое место, — согласился Доктор.

Они обогнули очередную гигантскую пирамиду, загородившую и без того узкий проход.

— Это плохо, что нет пыли, — пробурчал Кибернетик.

— А зачем тебе пыль? — не понял Доктор.

— Нет следов робота, как мы его найдем?

— Мне кажется, он уже выполнил свою роль... — тихо сказал Практикант.

— Ты думаешь, у него специально сменили программу?

— По-моему, они решили, что нам уже можно показать это место.

— Но зачем? И что это такое?

— Я не знаю, — удрученно сказал Практикант. — Но в переданной мне информации было упоминание о каком-то месте на планете, которое мы должны найти. Наверное, оно имеет отношение к эксперименту...

Стену пирамиды, вдоль которой они шли, пересекала широкая неровная трещина. Они увидели ее не сразу, слишком маленькое пространство выхватывали из мрака их тусклые фонари. Зато теперь, остановившись около пролома, они обнаружили, что толщина стен пирамиды не превышает полуметра.

— Пустые... Значит, внутри они пустые. Но тогда это не кристаллы.

В желтоватых конусах света аккумуляторных фонарей внутренности расколотой пирамиды казались мозаикой темных и светлых пятен.

— Похоже на здание со снятой передней стенкой.

— Мне это напоминает срез живой ткани под микроскопом, — неожиданно твердо сказал Доктор. — Видите, это стенки клеток, а вон там — сосуды.

— В такой клетке свободно поместятся два слона.

— Думаешь, это окаменелости? — спросил Физик.

— Если бы не размеры, я бы в это поверил.

Нижний ряд ячеек, разорванных трещиной, напоминал небольшие комнаты правильной геометрической формы.

— Восьмигранные призмы. Не очень смахивает на клетку, а?

— Да... — задумчиво сказал Доктор. — Живая клетка не в ладах с геометрией, а эти ячейки слишком похожи друг на друга.

— Не совсем, — мрачно сказал Кибернетик. — Во второй от края есть ход.

— Где?

— Да вон-там, левее.

— Может быть, на сегодня хватит? — спросил Физик. — Давайте отложим на завтра дальнейшие исследования.

Все валились с ног от усталости, и предложение Физика не вызвало возражений.

Поздно ночью Райкова разбудил Доктор.

— Не могу я спать, Дима, — пожаловался он. — Все время перед глазами этот «улей». Что-то в нем есть очень знакомое, а что — не могу понять. Давай еще раз посмотрим, ты не возражаешь?

— Может быть... лучше завтра?

— Ну, какая тебе разница! Конечно, если не хочешь, я пойду один. Мне очень важно посмотреть на него именно сейчас. Мне кажется, я вспомню нечто важное, а до утра все забудется; вначале я думал, что это новый лабиринт для крыс. Но там нет лабиринта. Кто знает, может быть, стоит попробовать еще раз, прежде чем мы сядем в ту капсулу... — Больше он ничего не добавил и не сомневался, что после этой фразы Райков не сможет ему отказать.

— Небось Физика ты не стал будить, знал, что с ним этот номер не пройдет!

Поворчав еще немного, Практикант вылез из мешка. Ночь здесь была очень светлой, гораздо светлее, чем в ущелье. Фиолетовое свечение атмосферы пропитало все предметы призрачным светом. Не было даже теней.

До пирамиды они добрались без всяких приключений. Ватная тишина подземелья действовала угнетающе, и Практикант пожалел, что поддался на уговоры Доктора.

Доктор отрешенно разглядывал каменные ячейки.

— Ну что, — нетерпеливо спросил Практикант, — может быть, хватит? Пойдем обратно?

— Ты заметил, от периферии к центру площади геометрия тел усложняется, с каждым рядом сингония на порядок выше.

Сначала это пирамиды и конусы, потом гексаэдры, октаэдры и так далее...

— Ну и что?

— Я никогда не любил математику. А здесь на меня это действует, неужели ты не чувствуешь? Тут что-то грандиозное, какая-то застывшая мелодия. В этих фигурах, линиях есть стройность, логическая завершенность, словно кто-то решал неизвестное уравнение, а вместо графиков чертил пространственные объемные фигуры. Ошибался. Начинал сначала. Все ближе и ближе подходил к решению, но так и не смог довести до конца свою титаническую работу. Намечено, логично развито — и не закончено... Почти понятно, и все же невозможно ухватить суть. Словно гонишься за собственным хвостом, все время увеличивая скорость, кажется, что решение близко, совсем рядом... Геометрический лабиринт чем-то походит на живую материю, и в то же время он страшно чужой, даже враждебный ей... Живая материя хаотична и непоследовательна в своем развитии. Она эмпирична. Здесь все иначе... А если это оттого, что наш опыт не в состоянии подвести математический фундамент под биологию? Может быть, поэтому мы не можем понять? А, как ты думаешь?

— Не знаю. Кроме каменных стен, я ничего здесь не вижу. Никакого смысла.

— Жаль... Мне казалось, ты должен понимать лучше...

— Думаешь, после контакта я стал другим? Что-то во мне изменилось?

— Такое сильное воздействие не могло пройти бесследно. Их логика и разум должны были стать тебе понятней. Но, наверно, я ошибся. Ничего. Все равно мы в этом разберемся. Должны разобраться. Слишком это нужно Земле.

— А ты все еще веришь, что мы сможем вернуться?

— Ничего я не знаю, кроме того, что мы не остановимся. Будем до конца бороться за то, чтобы передать Земле все, что мы уже знаем и что еще узнаем на этой планете. Подожди меня здесь. Я хочу посмотреть, как выглядят эти ячейки изнутри.

— Пойдем вместе.

— У меня такое ощущение, что человек должен входить туда один.

Доктор шагнул к пролому и почти сразу пропал в темноте.

Практикант опустился на камень. В абсолютной неподвижности и тишине подземелья, казалось, остановилось даже время.

Доктор уверенно свернул направо, словно кто-то позвал его. Прошел через длинную галерею одинаковых цилиндрических

ячеек и еще раз повернул направо. Небольшая восьмигранная ячейка, в которую он вошел, почти ничем не отличалась от предыдущих. Но в центре стояло странное сооружение. Доктор направил на него луч фонаря.

— Похоже на каменное кресло... А сидеть в нем должно быть удобно, только холодновато, наверное...

Он приподнял фонарь и увидел, что потолок ячейки напоминает сферическое зеркало. Зеркало было совершенно черным и блестящим. Прикинув фокус сферической поверхности потолка, Доктор решил, что он должен оказаться как раз на уровне головы сидящего в кресле человека, если только там должен был сидеть человек... Ну что же, собственно, только это ему и осталось проверить, за этим он и пришел...

Какой-то очень знакомый звук послышался Доктору. Звук из далекого детства. Он не сразу понял, не сразу узнал его, но, почему-то улыбнувшись, сел в кресло и, уже сидя, словно в тумане, вспомнил, что звук был похож на школьный звонок. Потом звук стал нотой выше, перешел в надоедливый комариный писк, будто в затылок человеку входило противно визжащее сверло.

Доктор задвигался, усаживаясь поудобнее. Звук стал гораздо громче, пониже тоном. Теперь он больше всего походил на сердитое гудение большого шмеля, запутавшегося в траве... Одновременно Доктору показалось, что на потолке движется какая-то тень. Нет, не тень. Скорее туманное светлое пятнышко, более светлое, чем общий фон потолка. И не одно. Вот еще, и следующее. Все бегут от периферии к центру, там гаснут, на смену им бегут новые. Контуры неясны, размыты, и ничтожен контраст, на пороге его зрения едва уловимая тень. Доктор повернул голову и сразу обнаружил, что тон непонятного звука связан с местоположением его головы, а еще через минуту установил, что звук становится наиболее громким, если голова находится точно в фокусе каменного зеркала потолка.

Постепенно звук усиливался. Теперь он напоминал рев морской сирены. Светлые пятна на потолке обрели четкие реальные контуры, но не стали от этого понятнее. По-прежнему в их рисунке Доктор не мог уловить ни одной знакомой черты. Сейчас они шли ровными, ритмичными волнами от края к центру и обратно. Согласно с их движением то затихал, то поднимался во всю мощь рев корабельной сирены. Краешком сознания Доктор понимал, что никакого рева на самом деле нет, что это просто слуховая галлюцинация. Он слышал звук не ушами, а как будто всем черепом, но это не имело никакого значения, он словно попал в шторм в крошеч-

ной лодке, и огромные валы швыряют его то вверх, то вниз, то затихают, то нарастают вновь. Ритм постепенно ускорялся, меняя амплитуду своих колебаний, первая серия становилась длиннее, вторая — короче. Сознание затягивала пелена. Доктор еще не совсем потерял контроль над собой и, наверное, мог бы усилием воли вернуть четкость мысли, но тогда он ничего не поймет и не узнает... Надо сидеть спокойно, не шевелиться, вслушиваться в могучий пульсирующий звук, всматриваться в картину бегущих теней на потолке и ни о чем постороннем не думать... Наверное, их альфа-ритм не совсем совпадает с нашим, и ему еще повезло... Это была его последняя мысль.

Мир изменился, словно кто-то тронул наводку на резкость. Так бывает, если долго смотреть в одну точку на какой-нибудь рисунок в книге: сначала он расплывается, потом двоится. Так двоилось сейчас его сознание. Одной его частью он видел себя так, словно наблюдал за посторонним человеком в безжалостном ослепительном свете прожекторов. Человек, сидящий в каменном кресле, смертельно устал и потерял надежду вернуться домой. Он маскировал от товарищей свою усталость за ежедневными шутками. Маленький, слабый человек. Рядом с ним были тайны громадной планеты, но ему не было до нее никакого дела. Что ему чужая планета? Равнодушен сидящий неподвижно человек. В его одежде запутались каменные крошки. Он видел картины из своей жизни, далекие картины, о которых хотел когда-то забыть, чтобы простить себе невольные ошибки; но оказалось, что на самом деле он их не забывал, и именно эта скрытая память делала его сильнее.

Картины вставали в памяти и тут же материализовались в зрительные четкие образы. Забавно... Прийти в кино просмотреть свою память... Нет, не всю память он просматривает. Только то, что нужно. Нужно? Но для чего? Вот этого пока не понять. Рано еще понимать. Сначала надо вспомнить раскаленный песок чужой планеты, чуть накренившуюся шлюпку, двух человек, страшно одиноких здесь... Он говорил Кибернетику разные правильные, нужные слова, а сам весь внутренне сжимался от страха за свою драгоценную жизнь. Ничего в этом не было плохого, а плохо было то, что простое желание жить он замаскировал очень серьезными и красивыми доводами о борьбе с планетой, о праве доказать свою способность выжить и еще многое... Сейчас он выметал из памяти весь этот сор, чтобы сделать ее яснее и чище, чтобы знать, что именно делало его сильным, а что унижало и угнетало его человеческое достоинство.

Он обязан быть сильнее своих товарищей, поддерживать в них мужество. Нелегко? Конечно, нелегко, но раз уж он стал космическим врачом, значит, должен стоять свою вахту до конца. Не очень хорошо он это делал, и не нравился ему сейчас неподвижно сидящий человек, неуживчивый и колючий, ничего не умеющий толком, вот даже разобраться в том, для чего сделаны эти сооружения... Вместо того чтобы искать разгадку, он валяется в психическом трансе в этом классе... Почему класс? Ну да, на Земле это бы назвали классом или тренировочным стендом. Название не имеет значения.

Важно лишь то, для чего все это сделано и сумеет ли он понять, а потом сохранить рассудок и память... Впрочем, его сейчас мало трогала судьба Доктора, она стала для него просто символом в сложном уравнении, которое он решал и от решения которого зависело нечто большее, чем его судьба. В это уравнение каким-то образом входили и его теперешние раздумья, и вторая, внешняя сторона его раздвоившегося мира.

Мысли получались выпуклыми и четкими, словно их гравировали на черном камне. При этом они оставались подконтрольны его сознанию. Похожее чувство возникает, вспомнил он, если надеть шлем машины, стимулирующей творческие процессы, только там это не доставляет радости и не порождает ощущения огромной ответственности, которое возникло здесь. Словно он строил наяву все эти воображаемые конструкции и отвечал за все, что происходило внутри их, и за конечный результат. Контакт с машиной не мог оставить после себя такого ощущения зрелости, приобретенного эмоционального опыта.

Когда перед глазами рассеялись последние остатки смутных теней, его аккумуляторный фонарь почти совсем погас. Тлел только маленький красный огонек нити... Совсем разрядилась батарея, значит, все это продолжалось несколько часов... Это была первая его сознательная мысль. От пола тянуло пронзительным холодом. Странно, что он вообще еще может что-то ощущать, просидев неподвижно так долго на холодном камне.

Ничто уже не двигалось на потолке ячейки, и не было никакого звука. С удивлением он понял, что, пока он был без сознания, кресло приподнялось, ушло из фокуса потолка вместе с полом, если только все это не приснилось ему. Небольшая галлюцинация, маленький психический транс...

Он знал, что это не так. И убедился в этом еще раз, когда обнаружил, что приподнявшийся пол закрывал теперь выход из ячейки. Почему-то это его нисколько не обеспокоило. Будет у

него выход, раз он ему нужен. И действительно, как только он так подумал, пол очень медленно, плавно и совершенно беззвучно пошел вниз.

Маленькую рощицу на берегу моря заметно потрепали ветры планеты. Она казалась взъерошенной и совсем ненастоящей. По-прежнему нельзя было купаться и ловить рыбу в этом чужом море, и все же именно сюда они всегда прилетали, когда хотели обсудить что-то особенно важное.

Доктор лепил из песка странные геометрические фигуры и неторопливо по порядку рассказывал. Только в самом конце он поднялся, чтобы швырнуть в море острый каменный осколок, на котором до этого лежал, но так и не успел, потому что вопрос Кибернетика заставил его задуматься.

— Что же, под полом был какой-нибудь механизм, обеспечивающий его движение, или ты не заметил? — спросил Кибернетик.

— Не было там никакого механизма. Во всяком случае, так кажется, — тут же поправился Доктор. Почему-то теперь он избегал резких категорических суждений. — Не думаю, чтобы там был какой-нибудь механизм. Им, видимо, незнакомо само понятие механизма. Механизм — это только передатчик между нашим желанием и природой, в которой он помогает нам произвести нужное изменение, но требует за это слишком дорогую цену.

— А с них природа, по-твоему, не требует никакой цены?

— Они сумели обойтись без передатчиков. Проникли в самую сущность материи, научились управлять ее полями и преобразованиями без всяких механизмов.

— Но ведь это ОНИ проникли. ОНИ умеют управлять, — тихо возразил Физик. — А пол опустился по ТВОЕМУ желанию.

Несколько секунд Доктор не мигая смотрел на Физика. И даже под загаром было видно, как побледнело его лицо. Вдруг он осторожно разжал руки, до сих пор сжимавшие острый тяжелый камень. Камень неподвижно повис в метре над землей, потом приподнялся, и Доктор взял его снова.

— Вот это я и хотел сказать, — все так же тихо проговорил Физик. — Значит, и ты тоже. Значит, это вообще может каждый... каждый человек...

Табак у них кончился давно, и Доктор курил сушеную хлореллу. Запах горелого сена заставлял его морщиться.

Практикант отыскал его среди камней по запаху жженой хлореллы. Увидев Практиканта, Доктор внутренне сжался, потому что знал, что больше не удастся отложить предстоящий разговор.

Практикант начал не сразу. С минуту он молча стоял рядом и разглядывал вершины далеких холмов, едва заметных с того места, где теперь был их лагерь.

— Как ты думаешь, почему они прятались?

— Куда прятались? — не сразу понял Доктор.

— Почему они прятались под землю?

— Может быть, они стремились сохранить естественность на этой планете. Красота — это прежде всего естественность. Наверное, она была важна для тех, кто здесь обучался. Вовсе они не прятались. Берегли планету. Берегли ее зеленое небо и синее море в шершавых каменных берегах... Берегли все таким, какое оно есть, потому что любили...

— Наверное, ты прав. — С минуту Практикант молчал, словно собирался с силами, он даже смотрел сейчас не на Доктора, так ему было легче спросить: — Помнишь, там, в пустыне, ты говорил о старте... Ты не передумал?

— Я не полечу. — Доктор ответил сразу одной фразой и невольно проглотил застрявший в горле комок.

— Не полетишь?.. — Райкову показалось, что мир вокруг него потемнел и сомкнулся. — Ты сказал, не полетишь, да?

— Я не могу.

— Но ты же... ты же сам спрашивал, когда наконец будет старт, ты же так этого хотел!

— Видишь ли, теперь это решение уже не принадлежит мне. Ты меня прости...

— Кому же принадлежит твое решение? — одними губами спросил Практикант, и Доктор невольно отметил, какие у него сейчас мертвые губы.

— Тем, кто там, на Земле. Я не могу рисковать.

— Объясни, — тихо попросил Практикант.

— Я попробую... Люди еще ничего не знают. Продолжают создавать миллионы ненужных вещей... О том, что можно по-другому, сегодня знаем только мы. Собственно, по-настоящему только я, потому что мне посчастливилось познакомиться не с результатом, не с подарком, как это было с тобой, а с процессом, с дорогой, по которой может пройти каждый. Человечество не может рассчитывать на подарки... Земля должна получить это знание, и поэтому я не могу рисковать.

— Но от того, что ты сидишь здесь!.. — закричал Практикант, и Доктор остановил его, попросил подождать, потому что почувствовал, что именно сейчас, сию минуту он найдет решение.

Оно было совсем близко, рядом. Практикант что-то продолжал кричать, но Доктор не слышал его, потому что уже знал, что

надо делать. Не до конца, не совсем ясно, но главное знал. И даже понимал, что именно отчаяние, оттого что он причинял этому мальчишке такую боль, помогло ему понять...

— Да погоди ты минутку! — закричал Доктор, и Практикант наконец замолчал. — Погоди... — уже тихо попросил Доктор. — Мы прошибаем лбом стену, все время куда-то ломимся и почти забыли о Земле... Десяток световых лет изолировал наше сознание, создал иллюзию одиночества во Вселенной, но ведь это не так. У нас нет звездолетов, способных преодолеть бездну пространства, зато они есть на Земле...

— Ты что, издеваешься надо мной?!

— У нас есть выход! Совсем простой выход. Вместо того чтобы лететь к Земле почти на верную гибель, надо позвать ее...

— Позвать Землю?!

— Вот именно — позвать Землю. А для этого послать сигнал. Всего лишь послать сигнал. Это проще, а главное — надежнее, потому что сигнал можно посылать многократно, а лететь самим лишь однажды!

— Но какой сигнал ты собираешься посылать и как?!

— Этого я не знаю. Это вам с Физиком виднее. Но если ты уверен, что сможешь доставить в Солнечную систему целый корабль, то постарайся туда отправить сигнал. Это все-таки легче, хотя бы по весу.

— Но у нас ведь нет передатчика!

— А зачем тебе передатчик? Зачем тебе передатчик, если ты сумел сделать поле без генератора? Кто нам мешает превратить материю непосредственно в поток радиоволн или модулированное рентгеновское излучение, если оно надежнее?

11

— Я запрещаю всякие эксперименты с превращением материи в энергию непосредственно на планете, — твердо сказал Физик. — Реакция может выйти из-под контроля, и тогда вы всю планету превратите в радиоизлучение. И я не уверен, что даже в этом случае хватит мощности. Слишком велико расстояние. Десять светолет... Можно попробовать. Возможно, какой-нибудь корабль случайно уловит наш сигнал, но шансы слишком малы, почти ничтожны... Конечно, придется попробовать, но только не на планете. Построим искусственный спутник за пределами атмосферы, рассчитаем орбиту и время... Мы даже не знаем, в какую сторону нужно направить сигнал.

— Мы будем направлять его во все стороны, — стиснув зубы, ответил Доктор. — Мы построим десять спутников, сто, если понадобится, и мы будем звать Землю...

Доктор и Практикант стояли на остроконечном выступе скалы, ставшей частью искусственного спутника планеты.

— До сих пор не верю, что нам это удалось, — задумчиво проговорил Доктор.

— Может быть, напрасно решили транспортировать сюда эти скалы отдельно друг от друга? Надо было попробовать вывести на орбиту сразу всю необходимую массу.

— Чем массивней скала, тем труднее с ней справиться. У тебя разве не так? — Практикант пренебрежительно пожал плечами.

— Для меня безразлична любая масса. Я ее просто не чувствую, волевое усилие в каждом случае одинаково.

— Наверняка там были другие ступени...

— О чем ты?

— О школе... Иногда я чувствую себя студентом, не успевшим пройти полный курс.

С минуту они молча смотрели на зеленое светило. Отсюда оно казалось лохматым и непривычно резким. На черном фоне лишенного атмосферы неба даже сквозь светофильтры можно было различить четкий силуэт короны. Доктор поежился.

— Черт знает что за звезды! Я все время чувствую давление на поле, такой мощный поток...

— Физик говорит, что она очень сильно излучает в жестком рентгеновском диапазоне. Стоит ослабить поле, и не спасут никакие скафандры.

— Очень трудно работать, когда одновременно приходится управлять полем. Вначале я думал, ничего не получится.

— Все у тебя получилось. Никак не могу представить, что через час эти скалы превратятся в пучок радиоволн, как ты думаешь, в расчетах нет ошибки?

— Физик и Кибернетик считали отдельно. Потом сверились. Ширина радиолуча будет в два раза шире района, где может находиться Солнце. Жаль, что не удалось определить более точные границы. Излучение было бы сильнее. А так придется захватить лучевым конусом добрый десяток светолет.

— Нам пора. Они уже заждались, наверное.

— Сейчас. Видишь, еще не совсем погашено вращение. Нужна точная ориентация.

Астероид качнулся. Планета с правой стороны небосклона перескочила на левую. Звезда над их головами выписывала сложные зигзаги. Наконец успокоилась и она.

— Ну вот, так, кажется, в самый раз... Можно двигаться.

Они одновременно оттолкнулись и унеслись в пространство. Обе фигуры на фоне гигантских скал спутника выглядели уродливыми карликами из-за огромных рюкзаков, набитых камнями. Камни служили топливом для индивидуальных защитных полей. Доктор перед каждой экспедицией придирчиво взвешивал эти рюкзаки. Капсула, висевшая километрах в двадцати над спутником, казалась небольшим светящимся веретеном. Доктор неточно направил силовую ось своего поля, и в середине пути их траектории стали расходиться. Пришлось догнать его и подать линь. Не хотелось дожидаться, пока он сам исправит ошибку. Через несколько минут они уже входили в центральный салон новой большой капсулы, построенной Практикантом специально для этих работ по сооружению спутника. Все так давно ждали последней минуты, что не было ни вопросов, ни разговоров.

Практикант прошел в носовую часть капсулы, отделенную от остального корабля и затененную так, чтобы во время работы видеть только нужный сектор неба. Несколько секунд он сидел расслабившись, внимательно разглядывая угловатый ребристый обломок, на создание которого они потратили два месяца каторжной работы и который он должен был сейчас разрушить. Там вначале возникнет крошечная искорка, звездочка распада, затем всю энергию надо будет сдвинуть в невидимый спектр радиодиапазона, и скалы начнут таять, как сахар, превращаясь в биллионы мегаватт энергии, летящей к земному Солнцу... Если все пойдет хорошо, через десять лет земные радиотелескопы сквозь дикий треск и вой космических помех уловят это сообщение... Если уловят...

Пора начинать... Он повторил себе это дважды, чтобы получше собраться и отключиться от всего лишнего. Во время операции ему одновременно придется регулировать сразу несколько параметров и помнить десятки различных вещей. Он представил себе летящую от корабля через космос невидимую пока искру. Вот она подошла вплотную к спутнику, опустилась на поверхность скал... Ничего не случилось, только вокруг защитного поля побежали радужные разводы. Значит, поле полностью экранирует космос от его воздействия... Надо попробовать еще раз. Остановил же он сорвавшуюся у Доктора скалу, не снимая защитного поля!

Снова и снова вспыхивали вокруг поля ослепительные сполохи, и все так же висела в двадцати километрах от них неизменная ребристая тень. Райков хотел было проделать в поле неболь-

шое отверстие, но тут же вспомнил, что процесс будет продолжаться не меньше часа и на такое время нельзя раскрывать капсулу: они все погибнут от излучения... Значит, есть только один выход. Ему придется выйти наружу. Это намного сложней и опасней, но, если правильно отрегулировать поле и держаться так, чтобы скалы спутника экранировали его от излучения звезды в тот момент, когда он снимет защитное поле, ничего страшного не случится.

Он встал и отодвинул непрозрачную дверцу отсека. По их лицам он понял, что объяснять ничего не нужно. Он даже думал, что молча удастся надеть скафандр и пройти в кормовой отсек, но Физик все-таки остановил его:

— Интересно, что ты будешь делать, если излучение пробьется через астероид, особенно в конце реакции, когда ничего не останется от скал?

— Там будет видно...

— А если серьезно?

— А если серьезно, то нам придется передать сообщение.

— Тогда разрешите, я попробую, — сказал Доктор бодрым тоном.

— Будет очень трудно управлять полем, и потребуется большая мощность воздействия.

— Вот потому-то я и хочу попробовать. До сих пор я только помогал Райкову, а сейчас хочу сам. Вы уж мне разрешите. — И Доктор решительно взял свой скафандр.

— Никто туда не полезет, — твердо сказал Физик. — Мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь другое.

— Нет, — сказал Практикант. — Больше мы уже ничего не придумаем. Сегодня к Земле пойдет сигнал.

Он прошел мимо них и уже взялся за ручку дверцы отсека, когда Физик крикнул:

— Вернись!

Практикант повернулся и что-то хотел ответить, но в этот момент корабль резко тряхнуло, перед глазами у них все поплыло, а когда предметы обрели прежнюю четкость, в отсеке не было Доктора. Они не сразу поняли, что произошло, и даже потом, заметив у самого астероида летящую искорку, они все еще не понимали, как это Доктору удалось.

— Ты сможешь его вернуть? — спросил Физик.

— Не знаю. Мы никогда не пробовали противопоставить друг другу эти силы. Наверное, смогу. Но для этого придется снять поле.

— Как он это сделал?

— Ну, мгновенно выйти в пространство, не пользуясь дверями, для него не составило труда. А потом он толкнул капсулу своим полем. Было восемь g, не меньше. Секунды на две мы потеряли контроль. — Практикант пожал плечами. — Сейчас я попробую его догнать и...

Он не успел закончить. На одной из вершин астероида вдруг вспыхнула ослепительная синяя искорка, сейчас же погасла, и скала стала медленно исчезать у них на глазах.

Кибернетик бросился к Практиканту и рванул тумблер рации на поясе его скафандра. Стены корабля вздрогнули от пронзительного, терзающего уши воя.

— Я знал, что ему не справиться с частотой, — с горечью прошептал Практикант. — Только бы он не перешел на импульсную передачу, только бы не вздумал...

Но он уже видел, как на месте астероида вспухает огненно-красный клубок огня совсем рядом с маленькой светлой точкой, которая в эту секунду все еще была Доктором. И прежде чем пришла другая секунда, когда Доктора уже не было, Практикант успел разорвать защитное поле. Он рванул в космос так, как привык летать в небе зеленой планеты, даже не вспомнив о защитном поле. Все же какое-то поле, видимо, возникло просто потому, что он знал, что с ним ничего не случится. Не должно с ним сейчас ничего случиться, пока он не будет там, рядом с Доктором... А может, и не было никакого поля, наверное, можно было управлять летящими частицами материи без всякого поля. В этом еще предстояло разобраться физикам Земли, и ни о чем таком не думал Практикант, потому что важнее всего ему было увеличить скорость. И он ее, кажется, увеличил.

Огненный шар перед ним стал распухать необычайно быстро, заполняя все пространство, весь его горизонт... Наверное, именно в этот момент он ощутил, как отчаяние переходит в ярость. В ярость на слепые, чудовищные силы, бушевавшие перед ним, опередившие его движение, его мысль. Вдруг он резко остановился, потому что верил, что мысль может быть быстрей и сильней атомного поля, охватившего горизонт. Он вытянул ему навстречу свои огромные сильные руки, и это было все равно что уголь взять в ладони; он даже почувствовал боль от ожога и не почувствовал слез, высыхающих на его щеках... Уголь можно раздавить, погасить между сжатыми ладонями... Это он знал... Это он просто знал и не удивился, когда впереди исчезли огненные сполохи и вместо них клубился теперь холодный туман каменной пыли... Среди ее пылинок в

бесконечном круговороте атомов осталось все, что секунду назад было Доктором... И никогда уже он не услышит его спокойного голоса... Что-то он говорил ему, что-то важное про это сообщение, про то, что они не имеют права рисковать... Но главное — про сообщение, он очень хотел передать его Земле... Теперь у них нет даже астероида, а есть звезда, огненный шар плазмы, рассеявший в космосе смертоносные лучи, которых так боялся Доктор, не за себя боялся... Практикант повернулся лицом к звезде. Он уже не видел мертвой холодной пыли, в которую только что превратился астероид. Видел огненный шар звезды, ее зеленую корону, ежесекундно выбрасывающую в космос потоки энергии, той самой энергии, которая так нужна была Доктору для его сообщения, которая убила его... И, еще не соображая в точности, что он делает, Практикант протянул к звезде руки, словно она была огненным мячиком, шариком плазмы, детской игрушкой, астероидом, взрывом, который он только что погасил...

От страшного напряжения раскалывалась голова. Сколько это длилось? Секунду? Вечность? Казалось, время вокруг него остановилось. Практикант чувствовал, что задыхается, что сейчас он не выдержит, ослабит поле, и тогда гигантская мощь излучения звезды, сжатая им за эту секунду, обрушится на них, как обвал, неудержимым смертоносным потоком. В этот миг что-то изменилось. Словно дрогнули вокруг него в пространстве невидимые струны, словно невидимые руки протянулись к нему отовсюду... Словно неслышные голоса шептали:

«Мы здесь, мы с тобой... Скажи, что надо сделать еще. Теперь ты не один на звездных дорогах, человек...»

Практикант стал управляющим центром какой-то огромной системы, к ней подключались все новые и новые звенья, наращивали мощность, чтобы справиться с грандиозной задачей, которую он уже решил за мгновение до этого, и вот только сил не хватило... Теперь эти силы были.

Сквозь пространство и время, сквозь необозримые бездны космоса летели слова, деловые слова сообщения, которое не успел передать Доктор:

«Всем радиостанциям! Всем кораблям! Экипаж звездолета «ИЗ-2» вызывает Землю. Получено согласие на контакт с межзвездной цивилизацией. Срочно высылайте корабли в район передачи».

Дежурному оператору астрономических лунных станций показалось, что он лишился рассудка: в шесть часов тридцать минут по Гринвичу безымянная звезда под номером 412-бис из созвездия Водолея начала передавать свое сообщение обыкновенной земной морзянкой.

ШОРОХ ПРИБОЯ

ПОВЕСТЬ

Морская биологическая станция расположилась в стороне от пляжей, километрах в двадцати от города, и мне приходилось два раза в неделю ездить туда за пробами воды, которые потом обрабатывались в институтской лаборатории. Конечно, можно было послать своего младшего научного сотрудника Гвельтова или, на худой конец, лаборантку, но мне нравились эти неспешные поездки вдоль моря, отрывающие от надоевшей институтской суеты, дающие возможность спокойно обдумать предстоящую серию опытов или составить план очередного эксперимента. Да и на станции, зная о частых наездах начальника лаборатории, лучше выполняли порученную им работу.

В этот хорошо запомнившийся мне день, двадцатого октября, все не ладилось с самого начала. Долго ждал, пока отрегулируют закапризничавший лодочный мотор, потом в пробах обнаружились посторонние примеси, занесенные течением из порта, и пришлось повторять сначала всю серию.

В город я выехал поздно. Еще с обеда начал накрапывать дождь. Октябрь в этом году выдался хмурым и непогожим, и вообще за последнее время я стал замечать, что с каждым прожитым годом погода становится все хуже.

К вечеру дождь разошелся в полную силу, вначале я хотел оставить машину на станции и вернуться домой автобусом, но, вспомнив, что на следующий день придется сюда тащиться специально за ней, раздумал.

Городское шоссе в вечерний непогожий час выглядело совершенно пустынным. Оно и неудивительно. На пляжи в это время года никто не ездил, а многочисленные мелкие пансионаты и гостиницы, расположенные вдоль побережья, пустовали, переживая самое начало долгой поры межсезонья, заполненной туманами, холодами и дождями, нагнанными на побережье осенними морскими циклонами.

Говорят, что дождь способен влиять на поступки людей. Возможно, это так и есть. Очевидно, монотонный шум, холодные, про-

никающие всюду брызги, влажный воздух, насыщенный электричеством, подавляют человеческую психику, навязывают необычные поступки. Не знаю. Уверен только в одном: затормозив перед развилкой, я свернул вправо именно из-за дождя. Другого объяснения быть не могло, поскольку мой поступок противоречил нормальной человеческой логике. Влево тянулась ровная лента нового шоссе, вправо же уходила разбитая старая дорога, которая в дождь становилась попросту опасной, и все-таки я повернул вправо. Конечно, при желании можно было объяснить мой поступок и другими причинами. По старой дороге я срезал порядочный крюк километров в восемь, но в такую погоду я ничего не выгадывал, скорее, наоборот. К тому же я никуда не спешил. В институт возвращаться было поздно, а дома меня давно уже не ждало ничего хорошего.

Дорога все ближе прижималась к самому морю. Уютное урчание мотора, в противовес шуму дождя, успокаивало, притупляло внимание. Но тревога, рожденная во мне неведомыми силами, принесенными на землю дождем, постепенно росла, вызывая ощущение неудовлетворенности сегодняшними своими дурацкими поступками, занесшими меня в конце концов на эту скользкую, неверную дорогу, и всей своей жизнью.

Я думал о том, как много сил унесла работа над научной степенью, как много лет ушло на преодоление административных барьеров и рогаток, расставленных словно специально на пути к самостоятельной деятельности. И когда наступил долгожданный час, когда я добился своего и получил наконец собственную лабораторию, — это не принесло ожидаемого удовлетворения и радости. Может быть, оттого, что успех всегда отстает на несколько лет от наших надежд.

Пелена дождя соединила в одно целое раскинувшееся справа море и крутую дугу берега. Дорога терялась в нескольких десятках метров, уходя в эту однообразную серую пелену и как бы растворяясь в ней. К сорока годам старые друзья постепенно начинают уходить из нашей жизни, а новые контакты возникают все трудней, к тому же этим знакомствам уже не хватает искренней заинтересованности людей в успехах, делах и несчастьях друг друга. А если этот процесс осложняется неудачно сложившейся личной жизнью, то человек начинает все острей ощущать одиночество. Барьеры, отделяющие его от холодного пространства внешней среды, постепенно рушатся, и он оказывается один на один со своей тоской, с этим дождем и с этой скользкой дорогой.

Я внимательно смотрел вперед, стараясь не пропустить единственный здесь знак, оповещающий о крутом повороте. Поворот

был достаточно коварен. В этом месте дорога, до сих пор идущая по самой кромке обрыва, спускалась вниз, на дно глубокого оврага. В те дни, когда ветер с моря нагонял на берег волну, здесь вообще нельзя было проехать. Но сегодня, к счастью, ветер дул с берега. Я осторожно развернулся у знака и сразу же начал спуск.

Тревога усилилась, я почувствовал, что машина плохо слушается руля, но останавливаться было уже поздно. Колеса на крутом спуске все больше проскальзывали. Обиженный рев перегруженного на низкой скорости двигателя наполнил балку. Однако, вопреки моим опасениям, машина благополучно миновала спуск, и, очутившись на дне балки, я смог перевести дух. Разворачиваясь на самом дне оврага, я впервые за весь день так близко увидел море. Оно лежало под дождем совершенно неподвижно, словно нарисованное на плохой картине, и казалось ненастоящим. В нем не было абсолютно ничего интересного, привлекающего внимание. Я скользнул по воде равнодушным взглядом, развернулся и приготовился штурмовать подъем на противоположной стороне балки. Щетки не могли справиться с нефтяной пленкой. Даже дождь нес с собой вездесущую въедливую грязь — неизбежную спутницу промышленного прогресса. Сквозь разводы и линии, нарисованные щетками на стекле, я с трудом видел дорогу, пришлось остановиться и вылезти из уютного мирка кабины. Мотор, воспользовавшись моим отсутствием, заглох, и сразу же ровный шум дождя заполнил собой все пространство, а я, вместо того чтобы выяснить, что случилось с мотором, неподвижно стоял под дождем, слушал его однообразный гул и не мог понять, зачем я вообще вздумал протирать стекло именно сейчас. В конце концов, проехал же я с ним не один десяток километров. Что же заставило меня вылезти из машины? Чувство неуверенности? Страх перед скользким и чрезмерно крутым подъемом? Или, может быть, едва различимый посторонний звук, что-то ведь было еще, кроме грязного стекла...

Стоял я спиной к морю, лицом к возвышавшейся передо мной стене обрыва. Никакие посторонние звуки не проникали в балку, отгороженную с двух сторон. Самым странным во всей этой ситуации было то, что я стоял неподвижно под проливным дождем, не обращая внимания на холодные струи воды, уже проникающие сквозь одежду, и мучительно раздумывал над тем, зачем я вообще оказался на дне балки, посреди раскисшей старой дороги, в проливной дождь...

Именно в этот момент я услышал позади себя шаги. Говорят, что в таких случаях многие чувствуют на своей спине посторон-

ний взгляд. Я не верю в это. Вообще не верю в предчувствия, в предопределенность каких-то событий. Меня считают лишенным воображения, излишне рационалистичным человеком. Возможно, это правда. Говорю это специально для того, чтобы дать понять, как далек я был от какой бы то ни было мистики.

Итак, я стоял лицом к берегу. И в этот момент сзади меня кто-то прошел по дороге.

Я отчетливо услышал шаги и резко обернулся. Прямо от моря вверх по дороге шла девушка. Я увидел ее спину. Легкое, не защищенное от дождя платье, вообще слишком легкое и слишком яркое для этой погоды поздней осени, промокло насквозь и прилипало к ее ногам при каждом шаге. Она шла не спеша, не оборачиваясь. В ее походке чувствовалась неуверенность или, может быть, нерешительность. Я готов был поклясться, что несколько секунд назад, когда я выходил из машины, в балке никого не было. Здесь нет ни единого места, где можно было бы затаиться, спрятаться хотя бы от дождя. Совершенно голые склоны, дорога, идущая сначала вниз, а потом круто вверх. Больше не было ничего. Поэтому меня так поразило ее появление.

Я продолжал стоять неподвижно и смотрел, как она медленно, с трудом, поднимается на крутой обрыв. Отойдя шагов на пять, она остановилась и обернулась. С такого расстояния уже было трудно рассмотреть ее лицо. Постояв неподвижно, наверно, с минуту, она вдруг пошла обратно к машине. Подойдя вплотную, обошла меня так, словно я был неодушевленным предметом, открыла дверцу и села в кабину. Поскольку я продолжал стоять под дождем, она обернулась и почти сердито спросила:

— Вы что, там ночевать собрались?

Я молча опустился на водительское место и захлопнул дверцу.

Она села в машину так, словно мы были знакомы много лет, словно она только минуту назад вышла из машины и вот теперь вернулась обратно. Ни обычных в таких случаях слов благодарности, просьбы подвезти или хотя бы вопроса, куда я еду. Она просто села, отряхнула свои длинные черные волосы, странно сухие и пушистые после проливного дождя. Точно таким жестом, войдя в помещение, отряхивается кошка или собака. В кабине сразу же возник тонкий, едва уловимый аромат. Он был чужеродным, неуместным в тесной металлической коробке машины, в которой сидели теперь два человека, и в то же время этот запах показался мне знакомым. Много раз я встречался с ним раньше, но сейчас не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах это происходило. Он был острым, чуть пряным и, в общем, прият-

ным. Может быть, сосредоточься я в тот момент на этом запахе, знай, как важно было его сразу же опознать, все бы обернулось иначе. Но тогда мне было не до него. Все мои мысли занимала незнакомка, и вскоре чужеродный аромат растворился в запахах бензина и масла, я совершенно перестал его ощущать.

— Почему мы стоим? — Она в первый раз посмотрела мне прямо в лицо.

Впечатление было такое, словно меня окатила холодная серая волна, такими огромными и печальными были ее глаза. Я растерялся и от этого разозлился. Не хватало только, чтобы мною командовали в моей собственной машине.

— Что вы тут делали, одна, на этой пустынной дороге, откуда вообще вы взялись?! — Я не смог скрыть невольной резкости тона.

Девушка нахмурилась, прикусила губу, было заметно, что она о чем-то мучительно раздумывает.

— А разве... Простите, мне показалось, именно вы... Но если это не так, я сейчас уйду.

Она потянулась к ручке, и я не стал ее останавливать. Я не верил, что она выйдет из машины под проливной дождь, зачем тогда было садиться? Но она вышла. Вышла, ни на секунду не задумавшись, резко повернулась и пошла обратно к морю. Ее почти сразу же скрыло облако водяных брызг. Мне ничего не оставалось, как выскочить вслед за ней из машины. Подумалось почему-то: опоздай я на секунду, и ее вообще бы не стало. Она бы растворилась в этом водяном тумане, бесследно исчезла, и наша непонятная встреча превратилась бы в галлюцинацию, в непомерный скачок воображения. Проснувшись завтра, я бы сам не поверил в то, что это произошло на самом деле.

Я догнал ее в нескольких шагах от моря.

— Постойте! Ну нельзя же так! Вы совсем промокли. Простудитесь. У вас даже зонта нет!

Я стоял под проливным дождем и уговаривал ее вернуться. Не знаю, что ее убедило. Скорее всего мое предложение спокойно во всем разобраться. Мы вернулись в машину, и я включил отопитель, чтобы хоть немного обсохнуть. Я старался не смотреть в ее сторону. Промокшее летнее платьице стало почти прозрачным, но она, по-моему, этого даже не замечала.

— В такую погоду по этой дороге редко ходят машины, но часа два назад недалеко отсюда проходил рейсовый автобус на Каменку. Вы, наверно, ехали на нем?

Она прижала руки к вискам, и тут я заметил, что ей страшно.

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем. Может быть, позже я смогу что-то объяснить.

Мне ничего не оставалось, как снова включить мотор.

Машина взяла подъем легко, без всякого усилия. Словно под колесами лежала не раскисшая глина, а сухой асфальт. Не успел я этому удивиться, как мы были уже наверху. Отсюда до города оставалось километров десять, не больше. Девушка молчала. Я заметил глубокую складку у нее между бровями. Казалось, она совсем забыла о моем присутствии.

Что все это значило? Кого она здесь ждала? Почему села в мою машину, что означала эта незаконченная фраза: «...Простите, мне показалось, что именно вы...»? Что показалось? Что я должен был за ней приехать и остановиться в этом овраге? Вернее, не я, а кто-то другой, кого она не знала? Нет, все выглядело чрезмерно сложным, надуманным, как в плохом детективе. Скорее всего с ней случилось что-то неприятное, она сказала первое, что пришло в голову. Наверно, ей нужно, чтобы я подвез ее до города, вот и все...

Почувствовав мой взгляд, она обернулась. Теперь в ее лице не было ни напряжения, ни страха. Только печаль и усталость еще остались в уголках опущенных губ. Она была очень красива. Я заметил это сразу, еще у машины, но только сейчас, когда черты ее лица немного смягчились и вернулся легкий румянец на щеки, я понял, что недооценил ее.

Изредка встречаются женские лица, невольно заставляющие нас посмотреть на свою жизнь со стороны. У нее было именно такое лицо. Я представил, как минут через десять — двадцать она встанет, поблагодарит за небольшую услугу безликого для нее водителя и, плотно закрыв за собой дверцу, навсегда уйдет из моей жизни. А я останусь, развернусь, подъеду к дому номер семнадцать. Стоянка во дворе, как всегда, окажется занятой, придется приткнуть машину у самого тротуара на улице и потом весь вечер беспокоиться, что ее борт обдерет проезжающий грузовик, так уже было однажды.

На ужин мне предложат все тот же опостылевший салат: от макарон полнеют, котлеты на ночь вредно... Разговоров особых не будет — все уже переговорено за пятнадцать лет супружеской жизни. Может быть, я закончу статью о биоценозе. Хотя вряд ли, настроение сегодня не то. Возможно, вместе с женой мы посмотрим телевизор или почитаем. Наш единственный ребенок так и не родился на свет, других не будет, и вообще ничего не будет. Ничего неожиданного, волнующего, вредного для здоровья. Нас

считают очень удачной и вполне благополучной парой. У моей жены золотой характер. Мои друзья завидуют мне и говорят, что в семейной лотерее я вытянул счастливый билет. Наверно, все это так и есть.

Мы въехали в город. Уже включили освещение. Желтые пронзительные огни ртутных ламп словно бросали вызов дождю своим химическим светом.

— Теперь направо, пожалуйста. Мне нужна... — Она на секунду замялась, словно не сразу решилась назвать адрес. — Улица Ганопа. Мой дом напротив газетного киоска сразу за углом.

Я удивленно посмотрел на нее. Эту улицу я хорошо знал и киоск тоже. Я не раз останавливался около него, чтобы купить газеты. Но месяца три назад его снесли, и теперь на всей улице не было газетных киосков. Ни одного.

Однако я сразу нашел это место. Мы завернули во двор и остановились у подъезда. Кажется, мое приключение окончилось. Я чувствовал легкое разочарование и, возможно, сожаление. «Чего она медлит? Все равно ведь сейчас откроет дверцу и уйдет...» Спросить у нее номер телефона и разрешения позвонить почему-то казалось мне в тот момент почти неприличным.

Моя спутница явно не спешила. Она внимательно осматривала двор, мокрый подъезд соседнего дома, и вдруг вновь я заметил на ее лице выражение совершенно непонятного страха, которое мелькнуло в ее глазах впервые еще там, в балке...

— Может быть, вы проводите меня?..

Через минуту мы уже стояли у двери ее квартиры. Она не стала звонить. Провела рукой по притолоке, достала маленький плоский ключ, с видимым усилием повернула его и молча посторонилась, пропуская меня вперед. Из прихожей хлынула волна затхлого воздуха. Пахло какой-то плесенью, гнилью, черт знает чем. Так не пахнут жилые помещения. Я невольно попятился, когда за моей спиной клацнул замок. На секунду мне показалось, что я попал в западню. В прихожей было совершенно темно, я весь сжался, ожидая неведомой опасности. В квартире было абсолютно тихо, не доносилось ни единого звука, только с улицы приглушенно ворчали проходившие мимо машины. Секунды исчезали в темноте, и ничего не происходило. Потом вдруг щелкнул выключатель, и в прихожей вспыхнул свет. Она стояла, прижавшись спиной к двери, и в глазах ее стоял ледяной ужас, только поэтому она, наверно, не заметила моего страха. Я услышал, как она прошептала:

— Что же это... Боже мой...

Я проследил за ее взглядом. Прихожая выглядела странно, не спорю. И все же я не понимал, чего она так испугалась. На всем лежал толстый слой пыли. Из приоткрытого стенного шкафа выпала какая-то одежда и теперь валялась на полу. На стене, под самым бра, висел большой перекидной календарь со своей картинкой на каждый месяц. На той, что сейчас тускло поблескивала из-под слоя пыли, летали бабочки, цвели цветы...

Она уже взяла себя в руки, подошла к календарю и провела пальцем по названию месяца. Слово «май» вспыхнуло на глянцевой странице ярким бликом.

— Похоже, вы давно здесь не были...

— Да... Целую вечность. — Она как-то странно посмотрела на меня. — Вы промокли из-за меня. Если хотите, я сварю кофе.

Кажется, она полностью пришла в себя. Мне не хотелось кофе, но, конечно, я не стал отказываться. Хотя обилие загадок начинало меня немного раздражать.

— Тогда пройдите на кухню и подождите минуту. Мне надо переодеться.

Она вернулась минут через пять. Одежда всегда очень сильно меняет женщину. Под строгим серым костюмом у нее теперь был тонкий черный свитер. Больше она не походила на заблудившуюся школьницу. Достав из шкафа чашки и с сомнением оглядев их, она отвернула кран, который не сразу поддался ее усилиям, но наконец фыркнул и выплюнул в чашку порцию ржавой коричневой жижи. Несколько секунд она молча рассматривала чашку, потом выплеснула ее содержимое в раковину, повернулась и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Из моей жизни кто-то украл несколько месяцев. Мне бы очень хотелось знать, какое вы имеете к этому отношение?

Я так растерялся, что в ответ на ее вопрос лишь пролепетал:

— Я? Почему я?

— Вчера был май, понимаете, вчера! А сегодня вы подбираете меня на пустынной дороге. И сегодня уже не май, ведь правда?

— Октябрь.

— Октябрь... Находите меня почему-то именно вы — а вчера был май...

Как ни странно, в ее вопросах была некая недоступная моему пониманию логика. Ведь почему-то же случилось так, что именно я встретил ее, и теперь я уже не был полностью уверен в своей непричастности к тому факту, что сегодня был именно октябрь.

— Действительно... — Я потер лоб. — Здесь что-то не так. Но я плохо соображаю, наверно, от холода, может быть, после кофе?

Шутки не получилось. Она неодобрительно посмотрела на меня, потом механически заглянула в шкафчик.

— Боюсь, что кофе не будет. Нет продуктов.

Она открыла хлебницу и с отвращением, словно это была огромная живая гусеница, вынула из нее батон, покрытый длинной бахромой плесени. Мне невольно захотелось на свежий воздух.

— Я схожу в магазин. Здесь недалеко.

Она выронила батон и загородила мне дорогу.

— Нет! Вы никуда не уйдете! Не уйдете, пока не объясните мне, что произошло!

— Но я понимаю в этом меньше вас! Я встретил вас совершенно случайно, подвез, и вот теперь вы еще предъявляете какие-то претензии!

— А вчера... Где вы были вчера?

— В институте, на лекции! Потом у меня был коллоквиум, потом семинар! — Я сам не понимал, почему оправдывался с таким раздражением, почему вообще оправдывался.

— И вчера... — она собралась с духом, прежде чем задать следующий вопрос, — вчера тоже был октябрь?

— И вчера, и позавчера! Вот уже двадцать дней.

— Да... Это странно... Вы можете уйти, если хотите. — Она отошла в сторону, села на стул и уставилась в противоположную стелу.

Я не помнил, как оказался в лифте. И только когда начал открывать дверцу машины, заметил, что у меня дрожали руки.

«Итак, ты попросту решил сбежать?» — спросил я себя в упор.

И тут же понял, что никуда не сбегу, и в какую запутанную, нелепую историю я бы ни попал, голос здравого смысла уже был надо мной не властен.

Когда я вернулся с покупками, она сидела за тем же столиком в кухне. Кажется, она не сразу заметила мое возвращение. И только когда я молча стал возиться у плиты, вдруг тяжело вздохнула, словно просыпаясь, и с отвращением посмотрела на пакеты с едой.

— Вы не могли бы обойтись без кофе?

— Конечно... Собственно, я для вас стараюсь.

— Меня мутит от одного вида пищи: какой-то странный привкус во рту.

— Так бывает, если человек наглотался морской воды. — Я внимательно посмотрел на нее. — Ваше платье было совершенно мокрым... Может быть...

— Не старайтесь понять то, что непонятно мне самой. Я очень устала. Извините, но сегодня я неважный собеседник.

Я медленно складывал в холодильник пакеты с едой, раздумывая, как мне поступить и можно ли оставить ее одну. В ее настроении, пока я ходил в магазин, произошла какая-то перемена. Теперь она выглядела раздраженной, нетерпеливой, казалось, она жалеет о том, что пригласила меня, и хочет только одного: как можно скорей остаться одной.

— У вас, наверно, есть какие-то свои планы на сегодняшний вечер?

— В общем, ничего особенного. Я хотел заехать в лабораторию, но это не спешно. Если я могу быть вам чем-то полезным...

— Нет, нет. Не хочу вам мешать. Вы и так потеряли из-за меня кучу времени.

Она встала, всем своим видом выражая нетерпеливое ожидание, и мне ничего не осталось, как шагнуть в прихожую. Уже натягивая плащ, я все еще искал какие-то слова ободрения, но нужных слов не находилось, и я нес чушь о том, что провалы в памяти не такое уж редкое явление и каждый человек хоть раз в жизни теряет несколько месяцев, а иногда и лет. И вдруг она улыбнулась. Улыбка, словно вспышка света, на секунду озарила ее угрюмое, замкнутое лицо.

— Вы можете прийти завтра, если захотите. Возможно, к тому времени я разберусь в этом сама. И вот еще что... — Конец фразы она сказала мимоходом, уже отпирая дверь. Я не то чтобы не расслышал ее последних слов, просто они скользнули мимо сознания. Я чувствовал себя почти оглушенным событиями этого вечера. И то, что она пригласила меня завтра, казалось сейчас самым важным. Я не стал уточнять время. Ничего не хотелось уточнять. Я торопливо простился, и машина понесла меня сквозь вечерний, залитый дождем город. Пустые мокрые улицы казались странно чужими, словно я видел их в первый раз.

Старинные часы у нас на кухне пробили шесть раз. Удары гонга следовали с большими перерывами. Интервалы отрегулировали специально из-за красивого звука. Но сейчас каждая пауза казалась неоправданно долгой, и я напряженно ждал следующего удара. Шесть часов... Час назад я поставил во дворе машину, открыл дверь своей квартиры, перебросился с женой обычными, ничего не значащими фразами и сел ужинать. Впечатление было такое, словно я вернулся из какого-то иного времени, и сейчас часы напомнили мне об этом... Жена заметила мое состоя-

ние. Она уже несколько раз искоса и тревожно поглядывала на меня и теперь наконец спросила:

— Что с тобой?

— Да вот промок... Немного лихорадит. Ты не обращай внимания. Я сейчас приму аспирин, лягу, и все пройдет.

В этом была доля правды, но главное, мне хотелось поскорей остаться одному, наедине со своими мыслями. Сославшись на возможный грипп, я лег на кухне. Здесь у нас стоял топчан для приезжих гостей. Прямо над ним, под потолком, раскинул свои длинные зеленые лапы ореандум сфангиника. Отросток этого редкого растения мне подарили на каком-то симпозиуме, и вот теперь он постепенно захватывал всю кухню, каждый месяц отвоевывая себе новое жизненное пространство.

Казалось, дождь за окном усилился. Это был какой-то вселенский потоп. Струя воды из проржавевшей водосточной трубы била прямо в окно, и, когда сквозь мутную желтоватую толщу, залившую стекло, пробивались фары проезжавших по улице машин, создавалось полное впечатление, что я нахожусь в воздушном аквариуме, а весь наружный мир давно и безвозвратно погрузился на морское дно.

Этот дождь... С него началось... Именно с него. Она села в машину, потом дорога, ее квартира... Я даже имени у нее не спросил... Интересно — почему?

Холод пробрался под одеяло, казалось, ледяные брызги, проникая сквозь стекло, наполняют комнату своим мокрым, пронизывающим дыханием. Заснуть все равно не удастся. Я встал и, чтобы хоть немного согреться, поставил на плиту чайник.

Кофе она пить не стала... И уже на пороге, когда я уходил, она сказала мимоходом что-то важное...

Что же это было? Не вспомнить теперь, хоть убей. Мысли назойливо возвращались к батону, покрытому бахромой плесени, к запыленному календарю. Вспоминались отдельные слова и целые, ничего не значащие фразы из нашего не такого уж длинного разговора, но ту последнюю, сказанную на пороге фразу я начисто забыл. Она сказала: «Вы можете приехать завтра, если захотите...» Это оказалось настолько важным, что заслонило собой конец фразы. Сейчас я подумал, что она специально произнесла эти слова в таком сочетании, чтобы я не сразу их понял. Возможно, в них таился какой-то скрытый важный смысл, но она не хотела вопросов, не хотела ничего объяснять и вполне достигла своей цели. И тут я вспомнил... «Лаборатория! Она просила меня не ходить сегодня в лабораторию...» Сейчас, отделен-

ные от всего остального, эти слова показались мне самым странным из всей нашей встречи. Какое ей дело до моей лаборатории? С чего вообще она взяла, что лаборатория имеет ко мне какое-то отношение? Кажется, я что-то такое упомянул про свою лабораторию... Или нет? Но я готов был поклясться, что никакого серьезного разговора о моей работе не было, и вдруг эта просьба... Для человека, не помнящего, где он был в течение нескольких месяцев, это, пожалуй, слишком... Почему я не должен быть в лаборатории именно сегодня? Теперь наша встреча не казалась мне такой уж случайной. В то же время я понимал, что подстроить все так детально и запутанно, на грани шизофренического бреда, не смог бы, наверно, ни один злоумышленник. К тому же я не занимался никакими секретными работами. Совершенно открытая тема по микробиологии. Кому все это нужно? Наша «Альфа», например? Провинциальный институт маленькой средиземноморской страны, с точки зрения географии большой науки — глухая провинция... Что-то здесь было не так, потому что бесспорным оставался факт: сегодня случайная попутчица ни с того ни с сего попросила меня не приходить в лабораторию... Но может быть, я неправильно вспомнил ее слова? Может, она сказала что-то совсем другое?

Я подошел к окну, еще не решив, как поступить. Все дело в том, что если я не ошибся, если кого-нибудь до такой степени могли заинтересовать наши исследования, значит, в них был смысл, не ясный пока еще мне самому. Какой? На этот вопрос не было ответа.

Восемь лет назад, просматривая информационный бюллетень Академии наук, я наткнулся на статью, посвященную вопросу накопления генетической информации в клетках. Из нее следовало, что никакими мутациями, никакими известными нам процессами нельзя объяснить тот скачкообразный, качественно новый переход, в результате которого одноклеточные простейшие организмы объединились в многоклеточные системы с раздельными функциями органов. Информация только об этой специализации на несколько порядков сложности превышала все, что раньше было закодировано в генах простейших одноклеточных существ. Таких скачков в процессе развития жизни на Земле было несколько, и каждый раз они представляли собой необъяснимую загадку. Но самым невероятным, самым необъяснимым был тот первый скачок... Вот тогда и возникла у меня, в сущности, не такая уж сложная мысль, определившая круг моих интересов на несколько долгих лет: что, если вывести совсем

простенький штамм одноклеточных микроорганизмов, похожий на те первые древнейшие существа Земли, давшие начало жизни на ней, а потом, изменяя условия среды, заставить их объединиться в колонии?

Не мне первому пришла эта мысль. Не я первый проводил подобные безуспешные опыты. Но у меня была одна догадка, одна-единственная мысль, ради которой стоило попробовать все еще раз. Я не верил в то, что стадо обезьян, бесконечно долго ударяя по клавишам машинки, в конце концов напечатает Британскую энциклопедию. Не верил — и все. Генетическая информация такой сложности должна была существовать в готовом виде. В космических спорах, в первозданном океане. Возможно, жизнь так же бесконечна, как сама Вселенная. Тогда ее зародыши попали на Землю из иных миров. Возможно, генетический код этих зародышей и заставил миллионы лет назад объединиться в колонии простейшие организмы Земли... Стоило доказать возможность такого ввода информации извне хотя бы в принципе. Именно этим я и занимался в своей лаборатории вот уже четвертый год. Совсем недавно наметились первые успехи в исследованиях, которые до сих пор казались мне нашим внутренним, частным делом, и вдруг выяснилось, что они интересуют кого-то еще. «По-моему, вам не стоит ходить сегодня в лабораторию...» Именно это она и сказала. Сейчас я совершенно отчетливо вспомнил ее слова. Можно было не сомневаться, что, как только до меня дойдет смысл этой фразы, я сразу же помчусь туда. Но я почему-то не мчался. Вместо этого я стоял на кухне, прислонившись к холодному стеклу, и смотрел, как потоки воды за стеклом заливают весь мир.

Слишком много настоящего недоумения и обыкновенного страха было в ее поведении. Ни одна самая лучшая актриса не смогла бы, наверное, так сыграть. Что-то здесь другое. Что-то такое, чего я не мог пока объяснить, но, во всяком случае, гораздо более сложное, чем хорошо организованный розыгрыш.

Я не хотел делать то, что от меня ожидали, не хотел ехать в лабораторию и стоял у окна, не зная, на что решиться. В конце концов, что там могло произойти без меня? Пожар, похищение ценных научных материалов? Институт охраняется, к тому же там сейчас наверняка работает Артам. Он всегда работает за полночь, и я, осел несчастный, вполне мог бы ему позвонить...

Я бросился к телефону. Раздались три долгих гудка, потом кто-то снял трубку. Я слышал только тяжелое дыхание. Ни привычного «алло», ничего, кроме этого дыхания. Я тоже молчал,

наверное, с минуту. Мне почему-то казалось, что если я сейчас задам вопрос, разбивающий это каменное молчание трубки, то случится нечто ужасное, необратимое. Наконец я все-таки не выдержал: «Артам, это ты?» Никакого ответа. На том конце сразу же повесили трубку, и короткие резкие гудки отбоя ударили мне в ухо.

Больше я не стал раздумывать. В лаборатории был кто-то посторонний.

Наверное, я выглядел не совсем нормально, когда весь мокрый, с плащом в руке ворвался в вестибюль института.

— Доктор Лонгаров, что случилось?

У меня не было времени на объяснения с дежурным, мне нужен был ключ от лаборатории, но оказалось, что Артам еще не ушел.

Я бежал по лестнице, иногда перепрыгивая через ступеньку и с трудом справляясь с одышкой. Следом, немного поотстав, бежал дежурный.

Представляю, как это выглядело со стороны, когда мы ворвались в лабораторию. Артам поднялся из-за стола и оторопело уставился на нас.

— У вас все в порядке?

— Насколько я понимаю... Как будто ничего... А что, собственно, случилось?

Жестом руки я попытался дать понять дежурному, что он свободен. Предстоящий разговор не предназначался для посторонних ушей. Но избавиться от старика было теперь не так-то просто, он с интересом ждал продолжения. Мне пришлось проводить его до лестницы. Наконец мы остались одни.

— Почему ты не ответил на звонок?

— Какой звонок?

— Я дважды набирал номер! Один раз никто не снял трубку, а потом ты не соизволил ответить!

— Не было никаких звонков! Я не выходил ни на минуту! Может, телефон испортился?

— Телефон? С чего бы это?

Я направился к желтому аппарату, который стоял на моем столе и служил нам безотказно уже который год, и в это время он зазвонил. Бросив уничтожающий взгляд на Артама, я снял трубку.

— Это лаборатория доктора Лонгарова?

Мужской голос показался мне слегка знакомым, хотя человек как-то странно произносил слова, словно пытался изменить интонацию.

— Да. Кто говорит? — Никакого ответа. На том конце провода сразу же повесили трубку. Это могло вывести из себя кого угодно. Однако я почему-то даже не удивился. Наверно, подсознательно я уже был готов к чему-нибудь подобному. Это был день странных телефонных звонков, странных совпадений. Это вообще был странный день. Я положил трубку на рычаг.

— Как видишь, телефон в полном порядке, — мрачно сказал я Гвельтову. — Это второй подобный звонок на сегодняшний день. Первый раз звонил я сам, звонил в лабораторию, но попал почему-то в другое место. Человек, который снял трубку, не пожелал даже представиться. Вообще не произнес ни слова. Сейчас меня спросили, наша ли это лаборатория, и снова не пожелали разговаривать.

— Скорей всего это простое совпадение. Из дома вы попали на какой-то случайный номер, вы же знаете, как работают телефоны в нашем городе.

— Да, конечно. Конечно, это могло быть совпадением. Но когда совпадений становится слишком много, они уже не похожи на случайность.

— В таком случае вы, быть может, расскажете мне остальное? Что произошло, шеф?

— Вряд ли я сумею рассказать тебе все... Да это и не нужно, поскольку значение имеют всего два-три конкретных факта. Во-первых, незнакомый человек попросил меня сегодня не ходить в лабораторию, попросил скорее всего для того, чтобы добиться обратного, заставить меня здесь очутиться... Когда же я все-таки не поехал и решил вместо этого позвонить... Ну, что из этого получилось, ты уже знаешь. И вот я здесь.

— Да, все это достаточно странно, но больше всего меня удивляют не методы, а цель, которую преследовали. Для чего-то было нужно, чтобы вы пришли в лабораторию именно сегодня? Ведь завтра вы бы здесь оказались без всяких усилий с их стороны.

Я мрачно усмехнулся.

— Думаю, события не заставят себя ждать слишком долго. У меня такое ощущение, что все происшедшее лишь прелюдия к главному действию. Подождем. А раз уж я все равно оказался здесь, не стоит терять времени зря.

Я потянулся к лабораторному журналу и открыл его. Вот вчерашние записи: целых две страницы, заполненных ровным почерком Гвельтова. Он работал намного больше меня, и мне казалось это вполне справедливым, потому что и сам я, будучи ассистентом на кафедре Малеева, в поте лица трудился над диссерта-

цией шефа. Правда, тогда насчет справедливости я думал несколько иначе. Но зато наша работа не имела к моей диссертации никакого отношения, и если вдруг нам удастся добиться успеха, то диссертаций тут хватит на всех. Механически перелистывая записи последних анализов, я искоса поглядывал на Артама и думал о том, что, в сущности, мало знаю своего ближайшего помощника. Худощав, зарос всклокоченной неопрятной бородой, халат в нескольких местах прожжен кислотой и не заштопан. Зато в работе предельно аккуратен. Появятся заботливые женские руки, изменится и внешность, за этим дело не станет. Успеха — вот чего нам действительно не хватает. Успех — это новое оборудование, большая свобода в выборе тематики, увеличенный штат... Но до успеха пока еще далеко...

Задача состояла в том, чтобы соединить генетический аппарат чужих клеток с нашей «Альфой». «Альфа» охотно пожирала приготовленные для нее пакеты с генами, усваивала сотни различных комбинаций ДНК и РНК в ядрах хромосом чужих клеток, и ничего не происходило... То есть какие-то изменения были, увеличился, например, объем клетки, темп размножения. Несомненно, какая-то часть предлагаемого генетического аппарата посторонних клеток ею усваивалась, но все это было далеко от того, что мы искали. Наследственность «Альфы» продолжала доминировать надо всем. Нам же надо было использовать ее как строительный материал для качественно нового организма... Приходилось признать, что за последний год мы не продвинулись ни на шаг. Я отложил журнал и раздраженно заходил по лаборатории. Как обычно, мысли, связанные с работой, полностью овладели мной, вытеснив все постороннее, не имеющее отношения к делу. Я искал выхода из тупика, в который мы попали. Лучше всего думается, когда руки заняты какой-то механической работой. Я подошел к столу и стал разбирать образовавшиеся там завалы. Я не позволяю никому прикасаться к своему столу, и за последние две недели груда колб, пробирок и печатных проспектов, в беспорядке разбросанных по его поверхности, покрылась изрядным слоем пыли. Сейчас я подбирал весь этот хлам, механически сортировал его по группам и затем выбрасывал в мусорную корзину. Когда подошла очередь колб со старыми, отслужившими свой век реактивами и пробами, я все так же механически стал снимать их одну за другой, рассматривая на свет, взбалтывал и затем выливал в водопроводную раковину. Вдруг содержимое одной из колб привлекло мое внимание... Я взял эту колбу с четкой этикеткой, на которой был написан номер, взболтал и, вместо того

чтобы вслед за предыдущими отправить ее содержимое в канализацию, понес зачем-то к столику, на котором стоял микроскоп. Я читал, конечно, о том, что многие великие открытия были сделаны совершенно случайно, но до сегодняшнего дня относился к этому с известной долей скептицизма. Все так же механически, не задумываясь над тем, для чего я это делаю, я нанес каплю содержимого колбы на предметное стекло. Картина, увиденная мною в окуляре микроскопа, заставила меня отпрянуть от стола и позвать Гвельтова.

— Посмотри ты. Может быть, мне показалось...

Я не суеверен, но все же, боясь отпугнуть удачу, отвернулся, пока Артам крутил ручку настройки. Его сдавленное «Не может быть» заставило меня вновь броситься к микроскопу. Да, это были, несомненно, они: четыре крупных розоватых шарика бластопор в окуляре микроскопа не оставляли никаких сомнений. Наша «Альфа», наша одноклеточная «Альфа» наконец-то дала потомство в виде многоклеточного организма, усвоив для этого чужую генетическую информацию... Вот только какую? Я схватил лабораторный журнал и стал лихорадочно искать запись под номером сто тридцать. Общие графы, это все не то... Ага, вот, пакеты с генами червя балезуса... двадцатая серия... Мы повторяли этот опыт с генами червя балезуса сотни раз в двадцати различных сериях, все они были неудачны, что же нового в пробе сто тридцать? В графе примечаний короткая запись, сделанная две недели назад: «Проверка воздействия среды». Я сразу же вспомнил, что сюда добавлялась морская вода. Это проделывалось неоднократно. В шести сериях из разных мест залива отбиралась вода различного солевого состава.

Но только в сто тридцатой пробе через две недоли неожиданно получился положительный результат. Что же это была за вода? Откуда? У нас нет, конечно, ее анализа. Если делать анализ для каждого опыта, не хватит и сотни лет, чтобы закончить исследование, но в журнале отбора проб должно быть зафиксировано место, откуда взята вода для этого, сто тридцатого, опыта. Что-то в ней было, в этой воде, что-то необычное, что-то такое, что позволило «Альфе» развиваться по чужой генетической программе. Только в том случае, если нам удастся выяснить, что именно там было, можно считать, что мы действительно добились успеха. Пока это всего лишь счастливый случай, не более, призрачный свет большой удачи... Ее еще нужно поймать... Я схватил серую клеенчатую тетрадку. «Журнал отбора проб» было выведе-

но на ее обложке ровным почерком Гвельтова. Его мысли следовали вслед за моими.

— Я всегда очень аккуратно вел записи, она здесь должна быть, — сказал Артам, тяжело дыша мне в затылок.

И мы нашли ее на шестой странице. Там шло четкое описание места отбора пробы с точной привязкой к портовому бую, но, прежде чем я успел прочитать колонки нужных мне цифр, тихо скрипнула входная дверь. Я поднял голову от журнала и с удивлением уставился на вошедшего. На пороге стоял руководитель нашего отделения профессор Мишурин.

— Поздновато работаете, доктор Лонгаров. Мешаете техникам, вахтерам, уборщицам, нарушаете весь распорядок института и еще подаете дурной пример аспирантам!

Несколько секунд я оторопело смотрел на Мишурина, стараясь понять, что ему понадобилось в нашей лаборатории. Мишурин воплощал для меня тип людей, которым в науке делать совершенно нечего. Мне казалось, что даже администраторы обязаны хоть что-то понимать в деле, которым они пытались руководить. О Мишурине этого не скажешь. Внешне профессор Мишурин напоминал мне чем-то стальной шар. Может быть, своей непробиваемой округлостью. Его невозможно было разгрызть или проломить. Его стальная обтекаемая поверхность неизменно отбрасывала тебя с дороги куда-то в сторону.

— Я просил вас подготовить отчет о завершении темы по «Альфе». Где он? И чем вы вообще занимаетесь?

Он шагнул к столу, бесцеремонно взял у меня из рук журнал проб и сунул его под мышку. Стремительно пронесся мимо термостата, на ходу пожурил Артама, заглянул в его записи и исчез, извергая потоки слов, словно паровоз клубы дыма. И только когда дверь за ним захлопнулась, я сообразил, как странно все это выглядит. Какого дьявола Мишурин делал в институте в час ночи? Почему вдруг нагрянул в нашу лабораторию? Обычно он вызывал сотрудников в свой кабинет и заставлял дожидаться аудиенции по полчаса...

Все эти вопросы промелькнули у меня в голове, и только после этого до меня наконец дошло главное — Мишурин унес с собой бесценный теперь журнал... Я бросился к двери. Гвельтов не отставал от меня. На лестнице было пусто. При своей грузности Мишурин вряд ли успел уйти слишком далеко. Мы остановились на секунду, прислушиваясь. Внизу, в вестибюле, хлопнула дверь... Дежурный подтвердил, что профессор только что вышел...

— А что, собственно, случилось? Он же в отпуске?

— Кто в отпуске? — на ходу спросил я. — Мишурин?

— Ну да, неделю назад уехал в Бурму.

И тут я вспомнил, что это так и есть. Вчера я безуспешно пытался оставить на подпись накладную у его секретарши...

— Быстрее, Артам! Здесь что-то неладно!

Мы бросились во двор. Квадратная спина в клетчатом плаще мелькнула перед нами метрах в пяти.

— Сильвестр Танович! — крикнул я.

Мишурин обернулся и вдруг припустил по дорожке бегом. Нелепо видеть, как от тебя убегает твой собственный начальник, воплощение административного высокомерия и важности. На секунду я остановился в растерянности. Артам дернул меня за рукав.

— Скорее, у него внизу машина!

Мы пронеслись по дорожке вниз до самых ворот со всей скоростью, на какую были способны, и увидели, как за Мишуриным захлопнулась дверца его черной «вольво». Водителя не было, он сам сел за руль... Гвельтов рванулся к воротам, я едва успел задержать его.

— Подожди. Так мы все равно не успеем, за углом у меня машина...

Пока я заводил мотор и объезжал здание института, «вольво» у ворот уже не было. Я хорошо знал эту часть города: от заднего двора института шла глухая тупиковая улочка, и я успел заметить, что «вольво» свернула именно в нее. Это давало нам шанс... Я остановил машину так, чтобы ее полностью скрыло угловое здание. Потом выключил фары и отпустил газ. Мотор теперь работал едва слышно.

— Он обязательно вернется. Там нет ни одного поворота, в конце тупик.

— Тогда давай перекроем дорогу!

— Бесполезно. Его машина тяжелее. Он собьет нас и уйдет, зато в скорости мы ему не уступим.

— Что же это такое, как он мог? Ведь это же просто кража!

Я чувствовал, что Артама колотит нервная дрожь. Но сам почему-то не испытывал ни малейшего волнения, только холодную ярость. Сегодня меня предупредили, чтобы я не приходил в лабораторию... Дважды за один день я оказался втянутым в события, плохо объяснимые с точки зрения нормальной логики. И у меня сейчас не было ни малейшего желания в них разбираться.

Одно я знал совершенно точно: больше я не позволю превращать себя в пешку в чужой, непонятной игре.

Я услышал шум мотора «вольво» за несколько секунд до того, как она выскочила из-за угла, и успел приготовиться. Это дало мне возможность сразу же повиснуть у нее на хвосте. Я вел машину очень осторожно и выдерживал дистанцию, все время ожидая со стороны своего противника какой-нибудь каверзы. Первые километры Мишурин ехал спокойно, пока не понял, что мы его преследуем. Потом резко, до предела увеличил скорость. Шел третий час ночи, город словно вымер. На его пустынных, залитых дождем улицах не было ни души. Стрелка спидометра подрагивала уже возле отметки «сто двадцать». Мне пришлось еще больше увеличить дистанцию, при такой скорости на мокром асфальте ничего не стоило потерять контроль над машиной. «Вольво» Мишурина сливалась с асфальтом. Фары он выключил, и, чтобы не прозевать неожиданный маневр, я включил дальний свет. Видимо, отражение наших фар в зеркале ослепило Мишурина, потому что он занервничал. «Вольво» шла теперь неровно, ее бросало из стороны в сторону, фонтаны из-под колес летели в стены домов, водяные брызги и грязь забивали мне смотровое стекло, щетки с трудом справлялись, обзор ограничился, пришлось еще дальше отпустить Мишурина, и он, воспользовавшись этим, резко свернул в боковую улочку. Водитель я не ахти какой, хотя в данных обстоятельствах вряд ли кто-нибудь сумел бы сделать больше. Я несколько погасил скорость машины перед поворотом, но все же недостаточно: на мокром асфальте нас занесло и буквально швырнуло в переулок. Я слышал, что опытные гонщики срезают угол и проходят поворот вот так, на заносе; я не был гонщиком, а фонарный столб оказался слишком близко к проезжей части. Удар, характерный скрежет металла, свидетельствующий о том, что нас здорово зацепило, звон разбитого стекла... Правая фара погасла, но машина, виляя, уже неслась по переулку, мы все-таки прошли поворот, удар оказался скользящим. При других обстоятельствах я бы остановился, но теперь мысль не упустить Мишурина погнала нас дальше. Только бы выдержала правая передняя покрышка, принявшая на себя основной удар и отбросившая машину от столба. Если она не выдержит на такой скорости... Не хотелось думать о том, что тогда станет с машиной и с нами.

На повороте Мишурин оторвался от нас метров на двести, но теперь мы его снова нагнали. Мотор «вольво» ревел свирепо, с натугой. Такие нагрузки его старой машине были явно не по пле-

чу. Увлекшись погоней, я приблизился к «вольво» чуть больше, чем следовало, и Мишурин сразу же резко затормозил, надеясь, что мы врежемся ему в багажник. Если бы это случилось, более твердый «вольвовский» кузов разбил бы нам двигатель. Но наши тормоза сделали свое дело, и мы остановились в двух метрах позади него.

Прошла минута-другая. Ничего не происходило. Машина Мишурина стояла неподвижно. Слышно было, как кашляет на холостых оборотах ее двигатель.

— Что, если попробовать перескочить в его машину? Дверь наверняка не заперта, он слишком спешил...

— Не успеешь. Он просто двинет дальше, и мне придется гнаться одному. Подождем. Посмотрим, у кого раньше сдадут нервы.

— Зачем мы вообще за ним гонимся? — почему-то шепотом спросил Артам, словно Мишурин мог нас услышать. — Где он живет, мы и так знаем, машину вот разбили, да и вообще... Ну, приедет он, войдет в квартиру, что дальше-то делать, дверь, что ли, ломать будем?

— В квартиру мы ему войти не дадим. Главное — вернуть журнал. Не зря все это затеяно, и не так просто, как кажется. Мы еще разберемся во всем, не беспокойся. Сейчас главное — журнал. Слишком многое зависит от этих проб, вот в чем дело...

— Думаешь, он этого не знает?

Я только зло усмехнулся.

— Ну а если знает, не такой уж он дурак, чтобы дать нам перехватить себя по дороге к дому, он найдет способ от нас отделаться.

— Ладно, посмотрим. — Артам замолчал и сидел теперь съежившись, потирая ушибленное при ударе о столб плечо.

Ожидание становилось тягостным. Казалось, мы стоим в вымершем, пустом городе целую вечность... Хоть бы один прохожий, намек на какое-то движение... Ничего... Обычно в этом районе города даже ночью не бывает так пустынно... Я внимательно всмотрелся в окружавшие нас здания... Это была Дерковская. Она вела прямо на приморский бульвар. Неудивительно, что он остановился. Это опять тупик. За бульваром набережная, дальше дороги нет. Над причалом обрыв. Ему придется развернуться на набережной, там очень узко, а я должен буду успеть уклониться в сторону, потому что он наверняка опять пойдет на таран. Его единственное преимущество перед нами в весе и в прочности

кузова, и похоже, он это прекрасно понимает... Значит, опять соревнование на быстроту реакции...

Наконец «вольво» осторожно, как большая черная кошка, двинулась вперед. Я выждал несколько секунд и тронулся следом.

Теперь мы ехали очень медленно. Казалось, Мишурин все еще не решил, что предпринять... Набережная была совсем близко, до нее оставалось метров двести, не больше, когда «вольво» вновь рывком увеличила скорость. Теперь время измерялось уже на доли секунды, Мишурин не зря тащился так медленно и не зря сделал этот неожиданный рывок. Если теперь я не успею выскочить на набережную прежде, чем он развернется, таранного удара не избежать... Но, к моему удивлению, «вольво» не стала разворачиваться... Совершенно рефлекторно я до отказа нажал на тормоза, и вовремя. Вслед за «вольво» мы вылетели на набережную. Теперь от обрыва нас отделяла совсем узкая асфальтированная полоска. Как в замедленной киносъемке я видел, что передние колеса «вольво» уже вращаются в пустоте. Потом корпус машины накренился, и она исчезла в черном провале обрыва. Только теперь до моего сознания дошел весь смысл происшедшего. Нас еще несло вперед. Визжали тормоза. Перед самым обрывом машина остановилась. И лишь после этого мы услышали внизу тяжелый всплеск. Я развернул машину, подвел ее к обрыву. Единственная наша фара выхватывала из темноты порядочный кусок поверхности тяжелой черной воды. По ней бежала только мелкая рябь да клочки белой пены. Больше ничего не было видно.

Мы одновременно выскочили из машины и теперь молча смотрели вниз...

— Может быть, успеем? — спросил Гвельтов. — Если вытащить его из машины и откачать, может быть, успеем?

Я отрицательно покачал головой.

— Здесь глубина метров двадцать. Не донырнуть. Пойди позвони в полицию. Я останусь здесь.

Каждая вещь оставляет в памяти человека какой-то след. И хотя память изменила Весте, она надеялась, что старые вещи хоть немного сдвинут завесу тумана, закрывшую от нее прошлое.

Интуитивно она чувствовала, что путь, который предстояло пройти по закрытым коридорам собственной памяти, не принесет ей ничего хорошего, а цена, заплаченная за знакомство с прошлым, окажется непомерно высокой. И все же она упрямо продол-

жала поиски. Человек, решивший обрести твердую почву под ногами, не станет оглядываться назад и не постоит за ценой...

Медленно, словно каждое ее движение сковывала ледяная толща воды, Веста открыла средний ящик стола. Где-то в подсознании родилось ощущение того, что нужные ей вещи лежат именно здесь.

Сверху ящика на самом виду валялись мелкие, отжившие свой век предметы, которые ей ничего не говорили. Катушка ниток, высохший флакон из-под духов, настолько старый, что даже запах не сохранился. Сумочка со сломанным замком. И вот наконец на самом дне, подо всем этим хламом, толстая картонная коробка, перевязанная ленточкой. Еще не зная, что там, она почувствовала, как сильно забилось сердце. Она не решилась сразу же открыть коробку, понимая, что обратно пути уже не будет, что пелена, закрывшая ее мозг от жестокой реальности, будет сорвана, и может не хватить человеческих сил, чтобы справиться с тем, что ждало ее по ту сторону грани. Стиснув зубы, она дернула ленту. Узел затянулся намертво, и вдруг рука, словно обладавшая собственной памятью, протянулась к левому ящику стола, достала лежавшие там ножницы и перерезала ленту. Но и после этого она не спешила открывать крышку. Возможно, самым разумным в ее положении было бы обратиться к врачу. Но что, в конце концов, сможет сделать для нее врач? Объяснить то, чего она сама не понимает? Успокоить? Прописать какое-нибудь пустяковое лекарство, порошки и микстуры? Разве можно микстурой вернуть пропавшие месяцы? Ей придется бороться с этим один на один. Никто ей не поможет. «Меня зовут Веста. Веста. Пока только это. Но будет и все остальное». Она медленно открыла крышку. В коробке лежали открытки, написанные незнакомым почерком. Какой-то чужой человек обращался к ней по имени, поздравляя с праздником, просил о встрече. Его имя ничего не напоминало. Это было не то, совсем не то... Тогда она перевернула коробку. На самом дне притаились старые пожелтевшие фотографии. Она взяла всю стопку и неторопливо, методично, словно раскладывала пасьянс, начала класть их перед собой одну за другой. Первое же фото маленькой девочки с гимназическим ранцем за плечами вызвало в ней болезненный толчок и такое ощущение, словно невидимый киномеханик запустил наконец проектор.

Она бежала в гимназию первый раз в жизни. Было радостно и немного страшно. Дома ждала мама. После уроков она вернется

домой и обязательно все ей расскажет. Сознание этого придавало уверенность, делало ее сильнее.

Сегодня все было иначе. Сегодня у нее не было уверенности, да и силы, похоже, поубавились тоже... Веста задумчиво потерла лоб. Образы прошлого, вставшие перед ее глазами, казались неестественно четкими, словно она смотрела на экране телевизора сцены из чужой, не имеющей к ней отношения жизни. Похороны... Гроб отца, укрытый черной материей. Ей не хватает воздуха, хочется выбежать, крикнуть, но она стоит неподвижно, и ни одной слезинки в глазах.

«Ты почему не плачешь? Твой папа умер. Разве тебе его не жалко?» Какими жестокими и глупыми бывают иногда взрослые...

Впервые в жизни на ней самой надето взрослое платье... Это после того как она сдала вступительные экзамены на курсы переводчиков. Дальше ей не хочется продолжать. Прошлое, спрятанное в картонной коробке, словно бы и не принадлежит ей, но кто знает, какая карта выпадет следующей?.. С судьбой, преподнесенной в готовом и окончательном виде, не поспоришь и ничего не изменишь. Самое странное то, что она может закрыть эту коробку с фотографиями, выбросить их, сжечь, наконец. И тогда вместе с кусочками пожелтевшего картона из ее жизни навсегда исчезнут какие-то части, возможно, у нее уже никогда не будет случая возродить их вновь, оживить, но может быть, так и нужно? Почему бы ей не начать с нуля, с сегодняшнего дня? Но нет, так нельзя... Человек без прошлого не может быть полноценной личностью, и, кроме того, она не узнает самого главного: кто и зачем проделал с ней эту страшную штуку? Кому-то же это понадобилось?.. Что именно? Если бы знать... Как могли они лишить ее памяти? Кололи наркотики? Зачем?

«Стоп», — остановила она себя. Нужно идти медленно, шаг за шагом. Только так можно достичь успеха. Понадобятся терпение и последовательность. Странно, совершенно не хочется есть, даже мысль о пище вызывает отвращение, а ведь с того момента, как она ощутила себя стоящей на берегу моря, в совершенно промокшем платье, прошло не меньше шести часов, теперь уже, пожалуй, гораздо больше.

Возможно, они сделали ошибку, оставив ей имя. «Меня зовут Веста, Веста...»

Рука вновь тянется к коробке с фотографиями. Группа девушек у здания общежития. Здесь она жила... Почему в общежитии, почему не дома? Еще одно фото. Мама рядом с чужим человеком, властно держащим ее под руку... Вот и ответ... Отчим. Как

его звали? И почему она думает о нем в прошедшем времени? Нет, не вспомнить... Вместо его лица перед глазами пляшут какие-то точки, и очень хочется пить, во рту все пересохло.

Она встает, идет на кухню и открывает кран. Долго-долго стоит перед ним неподвижно и смотрит, как струя коричневой жижи постепенно превращается в воду. Стакан, второй, третий — ей все мало. Странная ненасытная жадность. Вода притягивает ее. Ей хочется не только пить, хочется смочить пересохшую кожу, окунуть в воду лицо, волосы, вдохнуть ее в себя, впитать каждой клеточкой своего тела. В квартире есть душ... Это было первое, что она вспомнила сама, без подсказки. И почувствовала радость от своего небольшого открытия, вот только не понимала, что ее больше радует — первый самостоятельный шаг или возможность охладить горячую, словно натертую раскаленным песком кожу.

Пройдя в ванную, она разделась нарочито неторопливо, стараясь унять поразившую ее дрожь нетерпения. Кожа на ощупь показалась сухой и горячей. Ощущение было такое, словно она провела рукой по чему-то чужому, не имеющему к ней ни малейшего отношения. Снова мелькнула мысль о наркотиках, и тут же она подумала, что это можно проверить, на коже должны были остаться следы. Но даже такое важное соображение не могло уже сдвинуть ее с места. Больше у нее не было сил сдерживаться, ее тянула к воде какая-то неодолимая сила. Слишком сильный напор водяных струй в первый момент слегка оглушил ее. Хотя вода показалась холодной, почти ледяной, ей так и не пришло в голову повернуть другой кран. Она стояла под обжигающими холодом струями совершенно неподвижно, закрыв глаза, и только жадно хватала губами водяные брызги, словно все еще не могла напиться.

Неестественное, никогда раньше не испытанное наслаждение охватило Весту, пронзило каждую клеточку ее тела и буквально парализовало ее.

Постепенно и очень медленно к ней возвращалось ощущение собственного тела. При этом она обнаружила новую, неизвестную ей раньше возможность мысленно путешествовать внутри себя. Сознание перемещалось от мышцы к мышце. Она ощутила упругость своих легких, горячий узел солнечного сплетения, почувствовала толчки теплой крови, разносящей по телу заряд животворной энергии, и легкое покалывание под правой коленкой, где у нее был широкий уродливый шрам, оставшийся от гвоздя, на который она упала в детстве. Вот и еще одно собственное, не подсказанное извне воспоминание. Может быть, память посте-

пенно проснется? Веста опустила руку, привычным жестом погладила коленку и, вздрогнув, замерла в неестественном, согнутом положении, ощутив под пальцами совершенно гладкую поверхность неповрежденной кожи. Справившись с собой, сдержав первую волну панического ужаса, она бросилась к окну. Шрама не было. Кожа отсвечивала матовой ровной белизной. Чудовищная мысль о том, что ее втиснули в чье-то чужое тело, потрясла ее. Но уже секундой позже в голову пришло более правдоподобное объяснение. Скорее всего ей подменили не тело — а память. И все эти фотографии, все эти картины детства, умерший отец, гимназия и сам шрам — все это ей не принадлежит.

Воспоминания насильственно втиснуты в ее сознание чьей-то чужой волей. И в конце концов она вернулась к тому, с чего начала сегодняшний день. К полному нулю. К необходимости начинать все заново. Одно она знала твердо. Ее ничто не остановит и не запугает. Она подошла к столу и уверенно достала коробку с лупой. Она ЗНАЛА, где должен был лежать нужный ей предмет.

На коже не было следов уколов. Не было ни царапин, ни мельчайших очагов воспаления. Вообще ничего. Такая кожа бывает, наверно, лишь у мраморных статуй.

— Итак, вы утверждаете, что ваши машины не сталкивались?

Капитан полиции Ивестер пододвинул к себе протокол допроса, посмотрел на просвет прозрачную шариковую ручку, словно проверял, много ли в ней еще осталось пасты, поудобней устроился на жестком исцарапанном стуле и всем своим видом изобразил готовность записать мой очередной ответ. Это продолжалось второй час. Я чувствовал в голове пульсирующую тяжесть. Обычную после бессонной ночи. Судя по жидкой полоске света, пробившейся сквозь занавешенное окно, утро уже наступило. Часа четыре мы прождали у обрыва, пока прибыла полиция. Потом они вызвали плавучий кран, водолазов... И до сих пор у меня перед глазами стояла картина ночной набережной. Картина казалась слишком вычурной, неправдоподобной, словно нарисованной плохим художником. Кусок ослепительно белой под лучами прожекторов набережной, человек восемь усталых, продрогших людей, ржавая лебедка крана, медленно, со скрипом тянувшая канат, и плотная непробиваемая темнота окружающего пространства, из которой медленно и неустанно летели сверкающие брызги дождя.

Машина стала видна еще до того, как лебедка вырвала ее из воды. Она напоминала какую-то гигантскую хищную рыбу, заглотившую конец каната с наживкой.

Когда кран приподнял корпус машины над поверхностью моря, из всех щелей длинными белыми струями полилась вода. Теперь машина, висевшая в перекрестье прожекторных лучей, походила на хорошо освещенный аквариум. Уровень жидкости в нем постепенно понижался. Казалось невыносимым увидеть то, что скрывалось под водой на уровне водительского сиденья... Я отвернулся и, только услышав удивленные возгласы, вновь посмотрел на машину.

Кран двинул в нашу сторону своей длинной, терявшейся в темноте стрелой и осторожно опустил машину на набережную. Вода уже не хлестала из нее широкими струями. Последние темные лужи растекались под колесами, ослепительно сверкал никель бампера и совершенно целые стекла салона.

Я не сразу понял, что так удивило столпившихся вокруг людей. Преодолев наконец внутреннее сопротивление, я заглянул внутрь салона. Он был пуст. Совершенно пуст...

— Вы собираетесь отвечать? — спросил капитан, и я с минуту еще молчал, пытаясь вспомнить, о чем он меня только что спрашивал. Ах да, столкновение...

— Нет. Столкновения не было. Крыло и фара повреждены от удара о столб. Это можно проверить.

— Мы и проверим, не беспокойтесь. Но на «вольво» тоже есть следы удара. У нее смята левая часть багажника, сорван задний бампер.

— Возможно, зацепилась во время падения с обрыва.

— Возможно. Но куда все-таки девался водитель? Двери салона остались закрытыми. Если ему удалось выбраться после падения, вряд ли он стал бы закрывать за собой дверь.

— Логично, — одобрил я.

Капитан посмотрел на меня с раздражением.

— Но ведь именно вы остались на набережной, пока ваш сотрудник, как его... — он заглянул в протокол, — пока Гвельтов ходил звонить, никуда не отлучались, и вы продолжаете утверждать, что за это время никто, не замеченный вами, не мог подняться на набережную?

— Фара хорошо освещала эту часть берега. Нет, там никто не поднимался.

— Получается, что «вольво» сама собой, без водителя, нырнула в море? Или, может быть, водитель растворился?

— Ерунда получается.

— Вот именно, ерунда. Может быть, в конце концов, для разнообразия, вы расскажете, как все произошло на самом деле? Нет? Ну, тогда я вам расскажу. Вы случайно в темноте задели стоявшую на набережной машину. От удара она упала в море.

Я одобрительно посмотрел на капитана. В логике ему не откажешь. Я дьявольски устал от этой ночи. Если бы у меня так дико не болела голова, я бы, возможно, нашел выход из этой дурацкой ситуации. Хотя капитана тоже можно понять: все происшедшее выглядело чудовищно нелепо. Однако в нагромождении нелепостей и странностей была какая-то своя логика, ускользающая от меня мысль... Если бы я мог хорошо выспаться и потом, на свежую голову, все как следует обдумать, может быть, я бы понял, в чем дело. Но для этого необходимо сначала избавиться от Ивестера. А судя по началу нашего знакомства, это будет непросто. Инспектор нам попался въедливый и на редкость упрямый. Допрашивал он нас с Гвельтовым раздельно по второму разу. Все искал несоответствия и логические провалы в наших показаниях. Их было сколько угодно. И к утру он окончательно поверил в то, что имеет дело с двумя отпетыми авантюристами, а может быть, и с преступниками. Благо документов у нас с собой не оказалось, и для выяснения наших личностей все равно пришлось ждать утра. Так что ночь дежурства у Ивестера прошла не скучно. Пока появилось начальство, пока звонили в институт — прошло еще часа два, а к этому времени уже пришел ответ на запрос из Бурминского отделения. И в нем сообщалось, что профессор Мишурин бесследно исчез из санатория неделю назад, его нет ни дома, ни в институте, его вообще нигде нет. Объявлен розыск. И хотя сообщение об исчезновении Мишурина запутало все еще больше — для меня оно кое-что и прояснило, потому что хорошо укладывалось в то смутное подозрение, которое я упорно гнал от себя прочь, твердо решив заняться им только после нормального восьмичасового сна.

В конце концов, поскольку доказать нашу причастность к исчезновению профессора из Бурмы было невозможно, Ивестер буквально выдавил из меня признание в том, что в темноте я мог и не заметить отсутствие водителя. (Это в несущейся-то через весь город машине!)

Водолазы прочесали дно бухты и, разумеется, ничего не нашли.

Получалось, что мы с Гвельтовым угнали у уважаемого человека, доктора наук, его машину и в хулиганском разгуле сбросили ее с обрыва в море... К сожалению, все это было не так смеш-

но, как могло показаться вначале. Самым же неприятным и, увы, непоправимым во всей этой истории было бесследное исчезновение нашего журнала...

Я давил на кнопку звонка долго, слишком долго. Я ни на что уже не надеялся, когда дверь вдруг бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге в джинсах и легкой голубой блузке. Казалось, одежда не имеет к ней ни малейшего отношения, так откровенно подчеркивала и передавала она линии ее тела.

— Входите. Я ждала вас.

Очередная нелепость. Час назад я сам еще не знал, что первым делом брошусь сюда, в полной уверенности, что никого не застану в пустой захламленной квартире, готовый поверить, что и самой встречи не было, что мне все приснилось, привиделось. Наваждение? Возможно.

Я переступил порог. Прихожая была тщательно убрана. Календарь исчез. Выцветшее пятно на обоях прикрывала пестрая дорожка. Я не стал задерживать на ней взгляда, стараясь ничем не выдать своего интереса к исчезнувшему календарю. Эта женщина обладала сверхъестественным чутьем. Я бы не удивился, если бы узнал, что она читает мои мысли.

— Я к вам прямо из полиции... — Умней этой фразы я ничего не смог придумать, чувствовал я себя ужасно, ломило виски, затылок, надо было все же сначала выспаться. Теперь я даже не знал, как продолжить разговор, что сказать ей, о чем спросить. — Пропал мой шеф, заведующий нашим отделением, они почему-то решили, что я имею к этому отношение, в какой-то степени они правы, потому что ночью... Мне показалось... теперь я даже в этом не уверен. Мне показалось, ночью я преследовал именно его...

Она взмахнула рукой, как бы отметая эти беспомощные, ненужные сейчас слова.

— Больше я не стану упрекать вас за те пропавшие месяцы. — И замолчала надолго.

Разговор явно не клеился, я все никак не мог решиться выложить ей свои смутные подозрения и догадки, вообще не знал, как начать разговор. Все выглядело слишком нелепо. «Вы меня вчера предупредили — не ходить в лабораторию, так вот, это предупреждение имело смысл. Не могли бы вы сказать какой?» Звучало это страшно глупо. Поэтому я сидел и молчал. Нервно курил сигарету, стряхивал пепел в предложенную пепельницу, старался не разглядывать ее слишком откровенно и молчал... Похоже, ее нисколько не смущало ни мое молчание, ни мои тщательно за-

маскированные взгляды. Держалась она сегодня более уверенно. Ну что же, так или иначе придется приступать к деловому разговору, не в гости же я к ней пришел. Или, может быть, все-таки в гости? Дурацкая мысль, дурацкое положение.

— Вчера вечером в лаборатории похитили журнал.

Она никак не прореагировала на мое сообщение.

— Мне иногда кажется, что раньше я курила, но сейчас почему-то совершенно не хочется. — Она взяла из пачки сигарету, размяла ее, понюхала и положила обратно.

Потом провела по лицу каким-то усталым, безнадежным жестом.

— Я знала, что вы сделаете из этого неправильные выводы. А журнал, ну, подумайте сами, кому нужен ваш журнал, там же ничего не было, кроме записей о месте и времени отбора проб...

— Так, значит, вы и это знаете?!

— Знаю. Ну и что? — Она посмотрела на меня вызывающе, почти сердито. — Зачем вы пришли?

— Чтобы узнать, чтобы спросить вас...

— Не лгите. — Она подошла и села рядом со мной. — Не нужна вам эта копеечная истина, а ту, настоящую, вы все равно не узнаете, во всяком случае, сегодня, а может быть, никогда... И поверьте, это к лучшему. Не дай вам бог когда-нибудь узнать...

Ее глаза сузились. Мне показалось, они излучают какой-то лучистый свет, а может быть, это были всего лишь слезы...

— Ты хочешь знать мое имя?

Я молча кивнул.

— Когда я родилась, меня назвали Вестой.

Она взяла меня за руку. Ее рука была холодна как лед. И это было последнее ощущение, которое я запомнил.

— Спи, милый, — сказала Веста. — Мы встретились слишком поздно. Спи.

Я хотел что-то сказать, как-то воспротивиться свету, исходившему из ее глаз, но не мог уже пошевельнуть ни рукой, ни ногой, странный мертвый сон сковал все мое тело. Сквозь смеженные веки я увидел, как она встала, подошла к стене и протянула к ней руку. По стене во все стороны пробежали радужные волны, и почти сразу после этого стена исчезла. В первую секунду мне показалось, что за ней нет ничего, кроме темноты, но тут же я понял, что ошибся. В густом плотном мраке ворочалось нечто огромное и живое, с далекими точками голубых огней, вспыхивавших внутри его бесконечного тела, как искры. Может быть, это был космос, а может, ночное земное море...

«Ведьма! — с горечью и восхищением подумал я. — Все-таки она ведьма».

Проснулся я весь в поту, в своей постели, в которую упал шесть часов назад, вернувшись из полиции. Я долго не мог понять, что же это было... Сон обладал слишком четкими реальными подробностями: эта дорожка на том месте, где висел календарь, ее имя... Во рту стояла какая-то отвратительная сухость, словно я наглотался раскаленного песку. Пошатываясь, я встал, прошел на кухню и залпом выпил стакан холодной воды. Полегчало. Я все никак не мог собраться с мыслями, перед глазами стояла ее комната, узенький, закрытый пледом диванчик и какая-то скорбная беспомощность в ее опущенных плечах... Черт знает что... В семь должен прийти Артам, я едва не проспал из-за этого кошмара. Я сунул голову под кран, струя холодной воды привела меня в норму. Растеревшись жестким полотенцем, я услышал звонок и пошел открывать дверь, полностью уверившись в том, что это был всего лишь болезненный кошмар, навеянный бессонной ночью.

Мы сидели с Гвельтовым в маленьком, пропахшем рыбой кафе на набережной. Разговор не клеился. Он не клеился уже целую неделю, с той минуты, как я открыл ему дверь после визита в полицию... Дальше так продолжаться не могло. Я должен был или все ему рассказать, или потерять своего единственного союзника. В создавшемся положении я не мог этого допустить, хотя отлично понимал, что, рассказав Артаму все, я должен буду выдать нечто очень личное, невольно совершу предательство по отношению к Весте и, может быть, положу конец всей этой истории... Причем я вовсе не был уверен в том, что хочу этого конца. Вообще я плохо представлял, каким образом можно перевести в слова все свои ощущения и переживания этих дней. Ощущение дождя, например, неотвратимости надвигающихся событий или этот последний, полубредовый сон... В то же время я отлично сознавал, что, продолжая хранить молчание, я невольно становлюсь соучастником каких-то надвигающихся на нас событий, значение которых может быть настолько велико, что личная судьба одного человека окажется перед их лицом слишком незначительной.

Словом, мы сидели в кафе, ждали заказ вот уже минут сорок и хранили убийственное молчание. Единственная доступная нам тема работы была полностью исчерпана еще несколько дней назад. После пропажи журнала наша деятельность зашла в тупик.

Лихорадочные попытки повторить опыт ни к чему не привели. Мы даже не смогли поддержать жизнь в той первой, случайно найденной в колбе колонии. Тепличный режим термостатов и специальных питательных сред, которыми мы старались поддержать ее развитие, оказался для нее губительным. Я не совсем понимал отношение Гвельтова ко всему происшедшему, он чересчур легко перенес обрушившиеся на нас несчастья, словно они его совершенно не касались, словно вся эта история не имела ни малейшего значения. Объяснял он это тем, что, собственно, открытия никакого не было. Была шальная, преждевременная удача. Она, по его мнению, просто не имела права на существование.

Сейчас Артам сидел, уставившись в пустую тарелку, и скреб вилкой по ее краю. Раздражающий визгливый звук в конце концов вынудил меня попросить его прекратить это занятие. Тогда он отложил вилку, вздохнул и уставился мне в глаза тяжелым немигающим взглядом.

— Я все жду, шеф, надолго ли вас хватит?

— Ты о чем?

— То, что вы от меня скрыли что-то важное, я понял еще в полиции, когда в своих показаниях вы согласились с официальной версией, и не пожалели заплатить штраф за повреждение чужой машины. Но ведь там сидел человек, человек, который погиб, как же вы можете молчать?

— Разве я молчу? Разве я не пытался рассказать в полиции все как было?

— Конечно, пытались... — Гвельтов поморщился. — Я не об этом. Вы слишком быстро успокоились, слишком легко согласились с ними. Я думаю, вы знаете нечто такое, чего я не знаю. Может быть, вы хотя бы объясните, куда девался Мишурин? Он это был или нет? Я места себе не нахожу с того дня. Каждое утро звоню ему домой и, не дождавшись ответа, вешаю трубку. Мне кажется, я схожу с ума. Бесследно исчезает человек. Мы сбрасываем в море машину вместе с водителем, и в ней никого не оказывается... Но ведь Мишурина нет? Не так ли? Куда же он делся?!

— Видишь ли, Артам, если бы в машине сидел человек, его бы нашли. Капитан Ивестер все доводит до конца.

— Что вы этим хотите сказать?

— Только то, что в машине не было человека.

— Вы хотите меня убедить в том, что мои собственные глаза...

— Я ведь не сказал, что в машине не было водителя... Я только сказал, что там не было человека...

Впервые я осмелился оформить в четкие окончательные слова те смутные образы и мысли, которые бродили у меня в голове все последние дни. И мне стало легче от этого. Дальнейшие слова уже не требовали такого внутреннего напряжения. Гвельтов держался отлично. Он не перебил меня, не задал ни одного вопроса, даже не выдал своего изумления после моих слов, он просто ждал продолжения. И мне уже не оставалось ничего другого, как рассказать ему все с того самого первого дня, когда я свернул на раскисшую от дождя дорогу.

Выслушав меня, Артам долго молчал. Говорят, две головы лучше одной. Я хотел услышать анализ событий со стороны, от человека, не вовлеченного в них так глубоко, как я, и, следовательно, мог надеяться, что его выводы будут свободны от эмоций, более объективны и конкретны. Этой конкретности, сухой объективной логики я ждал как глотка свежего воздуха и в глубине души надеялся, что вот сейчас Артам произнесет какие-то особые, все разъясняющие слова, после которых не останется ни тревог, ни сомнений. Как будто могли быть на свете такие слова, как будто они могли теперь что-нибудь изменить.

Я так и не решился пойти к Весте в течение этой недели. Если, конечно, не считать того визита во сне... Но каждый вечер, засыпая на своей кушетке под сенью ореандума сфангиники, я мысленно вновь и вновь подъезжал к ее дому, выходил из машины, выслушивал упреки за пропавшие из ее жизни месяцы, смотрел на календарь, покрытый слоем пыли, на котором летали бабочки... Жена почувствовала, что со мной происходит что-то неладное, но мы давно перестали откровенно разговаривать друг с другом, и это избавило меня от бесчисленных упреков и объяснений.

Однажды я все же нашел улицу с несуществующим газетным киоском, остановился у подъезда и стоял там не меньше часа. Почему же я так и не вошел? Неужели только потому, что больше всего остального боялся разрушения тайны, простого прозаического объяснения нелепых и странных событий, принесенных Вестой в мой устоявшийся, спокойный и скучный мирок? Почему сейчас, рассказав обо всем Артаму, я испытывал одновременно облегчение и странную горечь?

Я не хотел его торопить и все же в конце концов не удержался, спросил:

— Ну, что ты обо всем этом думаешь?

— Я попробую начать с конца и придерживаться только фактов, более-менее установленных вами. Прежде всего о пропав-

шем журнале. Я не уверен, что вас пытались предупредить о визите постороннего в лабораторию, «уберечь от опасности», как вы, очевидно, склонны предполагать.

Я поморщился, меня коробил его слишком официальный тон, но промолчал.

— Скорей уж вас просили не появляться в лаборатории, чтобы предотвратить находку колбы номер сто тридцать.

— То есть ты хочешь сказать, что она предвидела?..

— Вполне возможно, и, когда это не сработало, им пришлось организовать похищение журнала. Сам по себе он не представлял ценности для посторонних. Тем не менее его похитили. Остается лишь один возможный вывод: кому-то не нравились наши последние результаты, кому-то они могли помешать. Причем этот «кто-то» не был заинтересован в наших исследованиях. Сами по себе они его не интересовали. Иначе пропали бы записи с методикой опытов, сами пробы, наконец. Выходит, им было нужно во что бы то ни стало помешать нам довести работу до конца.

— И этот «некто» гримируется под нашего завотделом и потом, похитив журнал, кончает жизнь самоубийством...

— Вот! Эти факты настолько нелепы, что нормальной логикой их уже не объяснить. И заметьте, журнал все-таки исчезает из наглухо закрытой машины. Так что насчет самоубийства... Пожалуй, вы правы — в машине сидел не человек...

— Марсиане? Пришельцы на тарелочках? Не очень-то я в них верю, хотя, должен признать, такая версия могла бы объяснить сразу все сверхъестественные способности наших знакомых. — Я не спеша допил холодный кофе, осваиваясь с этой неожиданной мыслью, потом сказал: — Может быть, они и не марсиане. Я уверен, что на Земле хватает своих загадок. Мы стали слишком уж самоуверенны с тех пор, как изобрели железо, электричество и пар.

— Мне очень хотелось бы увидеться с этой вашей знакомой...

— Ну что же... Давай попробуем. Хотя я не знаю, что из этого получится. Может быть, ее попросту не существует. Внушение, гипноз — мне мерещится разная чертовщина. Во всяком случае, хоть что-то прояснится, и мы сможем решить, как действовать дальше. Возможно, мне пора сходить к психиатру. А может, все это гораздо серьезней, чем мы с тобой сейчас предполагаем, и тогда срочно придется принимать какие-то меры, какие-то конкретные действия, вдвоем нам с этим не справиться... Тем более что касается это не только нас.

— Кого же еще?

— Возможно, вообще всех. Всех людей.

* * *

Звонок звонил долго, слишком долго, я ни на что уже не надеялся, когда дверь бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге, и мне показалось, что сон сейчас повторится. Холодный огонь блеснул в ее глазах... На ней было то самое легкомысленное летнее платьице, в котором она села в машину... Я готов был поклясться, что она знала о нашем визите заранее и надела это платье специально, чтобы мне досадить, чтобы издевательски подчеркнуть *чистоту поставленного мною над ней эксперимента.* А когда она улыбнулась Артаму обворожительной, почти призывной улыбкой, я в этом уже не сомневался.

— Познакомьтесь, это мой сотрудник... — я запнулся, — вернее, друг. Решили вот зайти...

Я стоял и мямлил нечто невразумительное, а она еще раз обдала меня все тем же презрительным и холодным взглядом, потом подала Гвельтову руку.

— Меня зовут Веста.

Я вытер вспотевший лоб. Сон подтверждался во всех деталях. Ее имя... Дорожка, которую я видел во сне, лежала на своем месте. Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем я взял себя в руки. Меня оставили в гостиной, а Веста, в обществе Артама, готовила на кухне кофе. До меня долетал ее веселый смех и кокетливая болтовня. Наказание обещало быть долгим и суровым. И я не ошибся. Вечер прошел отвратительно. Я все время чувствовал себя предателем, словно выдал некую принадлежавшую не мне одному и дорогую для меня тайну... Так оно, в сущности, и было. Я не испытывал ревности. Меня грызла глухая тоска и страх от того, что подтвердились самые худшие предположения, от того, что сон был правдой, а Артам размазней... Да и кто смог бы устоять перед этими глазами?

Я словно раздвоился. Одна половина моего существа жила нормальной человеческой жизнью, она попросту ревновала Весту к Гвельтову, и мне приходилось признать, что всего за несколько дней эта женщина стала значить для меня слишком много. Другая же его половина, не очень заметная, словно сидела в темном углу, сжавшись от леденящего душу страха. Постепенно это впечатление развеялось. Может быть, причиной тому было вино, которого оказалось в буфете у Весты целых две бутылки. Запас продуктов на этот раз тоже не вызывал никаких нареканий.

Словом, нас ждали... А может быть, не нас, кого-нибудь другого... Веста включила магнитофон, и они с Артамом очень мило проводили время за танцами. Я же пил стакан за стаканом кис-

лое вино, совершенно не пьянея, только мрачнел все больше. Придется как-то выпутываться из дурацкой ситуации, в которую я сам себя загнал, но я все не находил повода, а может быть, решимости, чтобы встать и уйти. Очередной танец кончился, они оба сели на кушетку рядом с моим креслом, продолжая начатый во время танца разговор. Казалось, они так увлечены им, что вообще забыли о моем существовании.

— А что вы делаете по вечерам? Бывают же у вас свободные вечера? Неужели сидите здесь одна?

Он что, с ума сошел? Что за пошлости он говорит? Осталось лишь предложить ей свои услуги в свободный вечер. Но Весту ничуть не покоробил его вопрос.

— Я много читаю. Часами могу смотреть телевизор. Почти любую передачу. Правда, иногда мне кажется, что раньше я не любила этого занятия.

— Охотно верю. Наше телевидение страдает паранойей и изобилует чудовищной рекламой. А ваша мама — вы, наверно, часто бываете у нее?

Мне показалось, что ее лицо напряглось лишь на секунду и тут же вновь смягчилось.

— Так получилось, что теперь нас мало что связывает. Раньше мы были большими друзьями, но с возрастом отношения меняются. — Вдруг она улыбнулась: — Хотите посмотреть ее фотографии?

Артам, видимо, не ожидал этого предложения и растерялся. Я понял, что он неспроста затеял разговор.

— Нет, что вы, я вовсе не хотел...

— Да? А я подумала, вы вообще сомневаетесь в том, есть ли у меня родители.

Это был прямой вызов. Гвельтов смутился, попытался обратить все в шутку, но как-то неуклюже. Хозяйка вдруг потеряла к нашему визиту всякий интерес. Через несколько минут Артам поднялся и стал прощаться. Я молча последовал за ним. Нас не стали ни провожать, ни задерживать. Уже на пороге я обернулся. Веста не смотрела в нашу сторону. В ее пустом и отрешенном взгляде, упершемся в стену, не было ничего, кроме усталости и скуки.

Погода улучшилась. Вечер обещал быть тихим и прохладным. Мне казалось, что с тех пор, как я впервые подъехал к дому, где жила Веста, прошла тысяча лет. Гвельтов отстал. Я не сразу заметил его отсутствие и, погруженный в свои мысли, брел к троллейбусной остановке.

Конечно же, она догадалась, зачем я привел Гвельтова. Надо было сначала откровенно поговорить с ней обо всем, но у меня не хватило на это смелости. Я боялся, что разговор разобьет начало того хрупкого чувства, которое связывало нас, хотя о нем, если не считать сна, не было сказано ни слова. И, конечно, ничего хуже нельзя было в этой ситуации сделать, как только пригласить постороннего человека разбираться в наших с нею делах...

Артам догнал меня у самой троллейбусной остановки, и оттого что он старательно избегал моего взгляда, я лишний раз почувствовал, какой нелепой затеей был наш визит.

— Ну так что? Какие выводы ты сделал? — спросил я, чтобы как-то разрядить гнетущее молчание.

Гвельтов словно очнулся от глубокой задумчивости.

— Выводы? Какие ж тут выводы... По-моему, она очень красивая женщина.

— Хорошо, хоть это заметил, — мрачно пробормотал я. — Я же тебя не в гости водил...

— Все, о чем вы говорили в кафе, — нагромождение нелепостей. Она самая обыкновенная женщина и, по-моему, очень несчастная. Она в беду попала, а вы, вместо того чтобы помочь ей, затеяли какое-то расследование. Ваш ученый подход в некоторых случаях выглядит...

Он не договорил, но все было ясно и так.

После истории со шрамом Веста долго не могла решиться на то, чтобы снова копаться в своем прошлом. Хотелось просто жить, ни о чем не думать, наслаждаться каждым начинающимся днем, воспринимать его как подарок. Это настроение пришло после того, как она поняла, что Глен, случайно подобравший ее на дороге, занимает в ее мыслях все большее место... Вполне возможно, что первоначальный толчок этому процессу дало то беспредельное одиночество, в котором она очутилась, но эта первопричина сейчас уже не имела значения. У нее появился друг. Жизнь приобрела новый значительный смысл. Так было до вчерашнего дня, до того, как он привел к ней своего сотрудника... Она вдруг почувствовала себя подопытной морской свинкой. Получалось, что ее стремление забыть ни к чему хорошему не приведет. Другие все равно не забудут. Человек без прошлого не имеет права жить сегодняшним днем, сначала он должен отыскать свой вчерашний...

И она снова начала поиски. Ощупью, наугад... С самого простого. В том же ящике, где лежала пачка с фотографиями, она

нашла документы на имя Весты Реналовой, договор на квартиру, квитанцию об оплате и адрес квартирной хозяйки. Срок оплаты истекал через месяц, но она решила сходить по этому адресу и посмотреть, как отреагирует хозяйка на ее появление. Что она помнит о прежней Весте Реналовой? Рано или поздно должны были встретиться люди, которые знали ее раньше, так пусть же это случится скорее!

Дверь открыла толстая пожилая женщина и, не пригласив войти, молча уставилась на Весту. Веста хорошо понимала, что в ее положении следует соблюдать осторожность, чтобы не давать повода для ненужных слухов, которые могли еще больше затруднить ее жизнь в этом враждебном мире. В ней появились несвойственные ее возрасту предусмотрительность и осторожность, и она пользовалась этими новыми качествами. Наконец толстуха не выдержала затянувшегося молчания.

— Ну и чего ты пожаловала, милочка? Как деньги платить, так вас не дождешься, а с жалобами так и шастают, что там у тебя стряслось, кран течет?

— Кран в порядке.

— Так чего тебе надо?

Веста достала квитанцию.

— Срок кончается через месяц, и я хотела узнать, какую сумму должна буду вам заплатить.

— А у меня ничего не меняется. Как платила, так и будешь платить. Мне дела нет, что тебя дома никогда не бывает. Желающих на твою комнату знаешь сколько? У меня цены невысокие, потому и беру вперед за год. Так что готовь четыреста монет.

Этот короткий осторожный разговор кое-что все же прояснил. Во-первых, для окружающих она была Вестой Реналовой, и, следовательно, прошлое этой женщины скорее всего и было ее собственным прошлым... Но тогда становилось совершенно непонятным, куда девался шрам с ее коленки... Можно предположить, что память не во всем изменяет ей, а лишь в некоторых, но достаточно важных случаях, как, например, в истории со шрамом. Теперь возникла необходимость как-то рассортировать свое прошлое. Отделить настоящие воспоминания от ложных и постепенно приблизиться к тем пропавшим из жизни месяцам. Сейчас она могла думать о них почти спокойно, без леденящего ужаса первых дней. Ей даже пришла мысль посоветоваться с Гленом, обратиться к нему за помощью, но она тут же отбросила ее. Возможно, она и расскажет ему, но потом. Слишком это личное. Прежде она сама должна узнать все, что с ней случилось.

Она шла от квартирной хозяйки к своему дому по узкой извилистой улочке. Стены домов, сложенные из огромных глыб серого камня, напоминали стены древних крепостей. Из каждой трещины, расселины тянулись какие-то кустики, карликовые деревца, островки, травы. Им, наверно, было здесь так же тесно, как людям. Веста подумала, что во всей этой толпе нет ни одного знакомого лица, а если кто-то и окликнет ее, она не будет знать, что ответить. Возможно, поэтому она инстинктивно старалась избегать людных мест. Веста ускорила шаг, чтобы скорее выбраться на открытое пространство, но в конце, у перекрестка, улица стала еще уже. Тротуар, обнесенный металлической оградой, превратился в тесный коридорчик. Люди шли вплотную, невольно касаясь друг друга, и Веста вздрагивала от этих прикосновений. Они были ей неприятны.

Неожиданно из перекрестка, навстречу Весте, вынырнул большой желтый автобус. До него было метров сто, но он шел очень быстро и через несколько секунд должен был поравняться с узким участком тротуара. И вдруг автобус словно бы раздвоился... Однажды в кино Веста видела такую штуку. Тогда от предмета отделилось его движущееся изображение. Именно это произошло сейчас, и Веста, еще ничего не понимая, с интересом наблюдала, как некое подобие миража, изображавшее точную копию желтого автобуса, только совершенно прозрачную, обогнало настоящий автобус и поравнялось с тротуаром. В тот же миг у «миражного» автобуса лопнула правая передняя шина, он резко вильнул в сторону и врезался в тротуар. Веста видела, как на нее неотвратимо надвигается широкая тупая морда машины. Несмотря на то что сквозь изображение просвечивались дома на противоположной стороне улицы, оно выглядело слишком угрожающе, слишком реально. Веста, вскрикнув, инстинктивно рванулась в сторону. Секундой позже за ее спиной раздался глухой удар и крики людей. Настоящий автобус врезался в тротуар.

Ночью город замирает. Спят машины, спят люди... Не спит лишь она одна. Не спит восьмую ночь подряд... Нельзя назвать сном ту легкую прозрачную дремоту, которая иногда охватывает ее на час-другой... Теперь она знает, что у нее нет потери памяти. С ней случилось нечто совсем другое... Но что же?! Нельзя неподвижно лежать с открытыми глазами все ночи напролет и слушать шорохи уснувшего города... Шорохи? Да. Только в них какой-то чуждый городу ритм. Легкое шипение воды, скрежет невидимых камешков... Волна за волной. Волна за волной наплы-

вают на нее из темноты. С тех самых пор, как она очутилась на берегу моря, в ушах все время стоит этот легкий прозрачный гул морского прибоя. Дневные звуки заглушают его, но зато ночью, когда город спит, прибой неумолчно звучит у нее в голове и шепчет, и шепчет...

— Что мне делать, скажи? У меня больше нет сил в одиночку бороться. Нет сил... и нет мужества узнать правду...

И прибой отвечает ей:

— Ты знаешь правду... Знаешь...

— Знаю, да! Что мне делать с ней?

— Жить...

— Зачем?

— Зачем живут на земле люди?

— Так то люди... А я? Я одна в этом мире.

— Ты не одна. Ты сильнее любого человека. Ты еще не все знаешь, и у тебя есть Глен... Позвони ему...

— Нет. Только не это. Я ничего не могу ему объяснить. Все запутывается с каждым разом все больше. Мне приходится лгать, выкручиваться, притворяться. Я не могу так больше!

— Так скажи ему правду.

— Я сама ее не знаю.

— Знаешь! Знаешь! Знаешь! — грохочет прибой, и волна за волной набегает на нее из темноты. Ей хочется закричать, вскочить, убежать куда-нибудь. Но бежать некуда. Эти звуки у нее в голове. И они всегда с ней. Везде.

Сведения и факты, относящиеся к заинтересовавшей меня проблеме, часто накапливаются в моем мозгу как бы сами собой, без участия воли. Совершенно автоматически, зачастую даже не задумываясь об этом, я могу тасовать различные данные, объединять между собой факты и детали, не имеющие друг к другу ни малейшего отношения, и в результате причудливые фантастические картины рождаются и рушатся сами собой, как смятые налетевшим ветром утренние облака. Иногда, правда, кое-что остается в памяти и по мере надобности извлекается оттуда.

Поведение Гвельтова, а скорее всего самой Весты, дало толчок к такому подсознательному анализу, и из пестрых картин в моей голове постепенно, и неожиданно для меня самого, стала выкристаллизовываться до нелепости простая идея...

Я могу часами бродить по городу. Ритм ходьбы отключает внимание, рассеивает его и тем самым как бы освобождает причудливый механизм подсознательного калейдоскопа.

Несмотря на отповедь Гвельтова, меня не мучили угрызения совести, и мне вовсе не хотелось бежать к ближайшей телефонной будке, чтобы звонить Весте. Наоборот. В моем отношении к ней появилась изрядная доля скептицизма. Возможно, виновато в этом было уязвленное мужское самолюбие... Итак, я брел по городу и думал о Весте. И, пожалуй, не столько о Весте, сколько о пропаже журнала, о машине, в которой не оказалось водителя. О бесследном исчезновении Мишурина из бурминского санатория. Обо всем сразу, но главное все же — о Весте.

И вот тогда это случилось. В голове словно щелкнул какой-то неведомый переключатель. Я подумал: «У нее пропало пять или шесть месяцев, а встретил я ее двадцатого октября. Кроме того, она что-то говорила о мае... Значит, скорее всего именно в мае с ней произошло нечто из ряда вон выходящее. Несколько раз газеты писали об исчезновении Мишурина... Наши газеты любят все таинственное, все неожиданное, все, что щекочет нервы рядовому читателю. Исчезновения, похищения, отравления. Для этого существуют специальные колонки полицейской хроники, и если просмотреть все газеты за май...» Больше я не раздумывал.

В институтской библиотеке я взял три газеты, подробно освещавшие все городские события. Мне не пришлось долго искать. «Городские новости» за 20 июля поместили заметку под заголовком: «Самоубийство или несчастный случай?» Я запомнил ее почти наизусть. «Вчера вечером неизвестная женщина подошла к прокатной лодочной станции. Лодочник, удивившись позднему заказу, назначил двойную цену, однако незнакомка не стала торговаться. Лодка отошла от причала, чтобы не вернуться уже никогда. Погода стояла прекрасная, волны не было, и все же в ста метрах от берега лодка перевернулась без всякой видимой причины.

Дежурный спасатель, очевидец происшествия, так описывает событие: «В шесть часов пополудни от причала лодочной станции отошла прогулочная лодка, она не нарушала никаких правил, но, поскольку в этот час не было других лодок, я следил за ней. (Учитывая внешность, возраст, а также пол гребца, к этим словам спасателя можно отнестись с полным доверием.) У нас на вышке мощная оптика, и я видел все до мельчайших подробностей, — утверждает спасатель. — Лодка отплыла от причала всего метров двести. Потом женщина резко наклонилась к левому борту, словно что-то разглядывала в глубине. Лодка качнулась и, хотя волны совершенно не было, неожиданно перевернулась. Я

сейчас же поднял тревогу. Катер подошел к месту происшествия буквально через несколько минут. Однако на поверхности плавала лишь перевернутая лодка. Мы обшарили все дно. Аквалангисты искали не меньше трех часов, до полной темноты. В этом месте нет никаких течений, однако тело утонувшей так и не удалось найти. Полиция просит всех знакомых или родственников погибшей помочь установить ее личность...»

Далее следовали подробные описания примет утонувшей женщины. Там было все. Даже короткое цветное платье, похожее на сарафан.

Я осторожно отодвинул от себя газеты, словно в них была скрыта мина замедленного действия. Я не стал смотреть, отозвался ли кто-нибудь на призыв полиции, я не хотел больше ничего знать. Необходимо было время для того, чтобы разум мог освоиться с этой нечеловеческой информацией, переработать ее и как-то приспособить к обычной нашей логике...

Одна лишь фраза, в стиле только что прочитанной бульварной газетенки, назойливо вертелась у меня в голове: «Пять месяцев спустя утонувшую случайно встретили на проселочной дороге...»

...Солнце еще не встало из моря, не успело разогнать туман, но уже наполнило его на востоке ровным призрачным светом. Вода казалась совершенно застывшей, неподвижной и тяжелой. Весла с трудом погружались в нее. И когда, откинувшись всем телом назад, Гвельтов вырывал их из воды, было слышно, как большие тяжелые капли шлепаются обратно в море.

Я сидел на корме и до рези в глазах всматривался в расплывчатые очертания берега, едва проступавшие из тумана. Туман гасил звуки, сжимал пространство. Можно было подумать, что все окружающее на сотни километров вокруг представляет собой это расплывчатое белесое марево.

— Вроде здесь... — неуверенно сказал я. Гвельтов опустил весла, достал со дна лодки большой черный цилиндр для отбора проб воды и мрачно спросил:

— Какая глубина?

— Если бы я знал... Может, позже, когда солнце разгонит туман, я сумею хотя бы сориентироваться. Мне кажется существенным в точности повторить все условия. Если ты помнишь, в тот раз мы брали пробы в шесть утра.

— Какое это может иметь значение?

— Откуда я знаю? Может быть, в воде образуются специфические вещества, разрушающиеся с восходом солнца. Не так уж много у нас шансов повторить сто тридцатую пробу.

Гвельтов покрутил установочное кольцо, определявшее момент, когда под действием возросшего давления механизм сработает, крышка цилиндра откроется и пропустит внутрь порцию черной воды... На глубине ста метров вода всегда черная, с редкими точками огней... Я и сейчас видел рой этих огней, окруживших брошенный за борт цилиндр. За последнее время свечение моря значительно возросло, и никто толком не знает причины. Обилие планктона, наверно... Уменьшились запасы рыбы, равновесие нарушилось, и образовавшуюся пустоту заполнил собой планктон и медузы. Особенно медузы. Их белесые, похожие на студень тела плотной массой запрудили всю прибрежную зону, завалили пляжи. Даже здесь, вдали от берега, они окружали лодку. Я видел, как трос, привязанный к цилиндру, перерезал одну из этих зыбких тарелок и обе ее половинки спокойно поплыли в разные стороны, словно ничего не случилось.

Разговаривать не хотелось. После визита к Весте отношения между нами разладились, словно Артам был виновен в моем открытии. Прошла неделя, а я все не находил в себе сил даже близко подойти к улице, на которой жила Веста, и старался о ней не вспоминать. Мой мозг словно погрузился в такой же белесый и плотный туман, как тот, что сдавливал сейчас море. У Гвельтова хватило такта не вспоминать о происшедшем. Оба мы с головой погрузились в работу, стараясь во что бы то ни стало восстановить утраченные пробы, повторить первый удачный опыт. Словно успех мог что-то объяснить в этой цепи неразрешимых загадок, окружавших нас со всех сторон. Как бы там ни было, работа была реальным, конкретным и прочным остовом. На нее можно было положиться. Я спешил так, словно боялся опоздать на поезд, словно хотел измотать себя до полного отупения и ни о чем не думать... А что еще мог я сделать? Что мог противопоставить силам, не укладывающимся в границы человеческой логики?

Одна за другой пробы воды оказывались в стеклянных флаконах с этикетками из лейкопластыря. На сто сорок первой пробе Гвельтов не выдержал. Сказал, что с него на сегодня довольно. Из чувства противоречия я отобрал у него цилиндр и сам бросил его за борт. В сто сорок второй раз. А когда лебедка кончила наматывать трос, сказал, чтобы он греб к берегу.

Вода в отборнике показалась мне какой-то странной, слегка маслянистой... Солнце наконец разогнало последние клочки тумана, и стало видно, что жидкость в последней бутылке действительно отличается от остальных проб. Она слегка опалесцирова-

ла и казалась более плотной. Я едва дождался, пока лодка пристанет к берегу.

Не знаю, заметил ли что-нибудь необычное в этой пробе Гвельтов, и до сих пор не знаю, почему ничего ему не сказал.

Мне хотелось лишь одного — поскорее попасть в лабораторию. В тот момент я не думал о приоритете, даже о самом открытии новых, неизвестных науке микроорганизмов. Мне хотелось противопоставить бесчисленной лавине загадок хоть что-то реальное — свой многолетний опыт исследователя, свое умение работать и добиваться успеха там, где зачастую другие отступали.

Я увидел бактерии сразу, как только поднес предметное стекло с каплей воды под бинокуляр. Они заполняли собой все пространство... Непривычно огромные, с выпуклыми ядрами и увеличенными зернами хромосом. Их желеобразная оболочка мало походила на оболочку амеб, хотя это были, несомненно, амебы, древнейшие и простейшие существа нашей планеты.

В отличие от тех амеб, которых я хорошо знал, эти не пользовались движением с помощью переливания своего тела из одной ложноножки в другую. Ничего подобного. Они стремительно пересекали поле зрения бинокуляра. Больше всего их тела во время движения напоминали крошечных кальмаров, и я не был уверен, что они не используют тот же принцип реактивной отдачи струи воды, которым пользуются кальмары. Иначе трудно было объяснить скорость их движения. Для простейших организмов это было, пожалуй, слишком... Я бросился к определителю Левинсона. Исходя из одноклеточного строения, я отнес их к классу протозоа и тут же убедился, что такого вида в определителе нет...

Смутная догадка шевельнулась в моем мозгу. Мне вдруг захотелось остановить эту амебную круговерть, чтобы рассмотреть их получше. Нет, не для этого... Я и так все прекрасно видел. Мне захотелось убить их, увидеть, как они умирают...

Я отлил часть пробы в чашку Петри, под руки попался пузырек с цианидами. Пожалуй, это то, что нужно. Я открыл пузырек и набрал яда. Доза была достаточной, чтобы свалить лошадь. Когда капля яда сорвалась с конца пипетки и упала в чашку, я держал ее в левой руке, мне показалось, что чашка слегка нагрелась. Этого быть не могло, и все же... Я вновь подошел к микроскопу. И не поверил своим глазам. Амебы в чашке были живы. Их движение ускорилось, стало, пожалуй, более упорядоченным. И они были живы!

Повторяя опыт, я действовал гораздо более осмотрительно. Во-первых, я взял из сейфа новую, нераспечатанную склянку с

ядом. Кроме того, я вставил в чашку термометр и проделал весь опыт, не отрываясь от окуляров микроскопа. В момент, когда капля с ядом упала в чашку, по всем амебам словно прошла мгновенная конвульсия. Затем они стремительно двинулись навстречу друг другу и соединились в одну общую колонию, похожую на маленький рогатый шар подводной мины... Мне даже показалось, что на концах ее рожек сверкнули синие искорки крошечных разрядов, но в этом я не был уверен... Температура в чашке поднялась на четыре градуса. Вода действительно нагревалась! Но это было еще не все. Колония окуталась облачком мути, потом вода очистилась, и амебы снова распались на отдельные организмы. Правда, теперь они двигались общей группой, параллельными курсами, словно каждую секунду были готовы встретить вместе новую опасность. У меня не хватило духу продолжать опыты, я лишь втянул в пипетку немного воды, стараясь не задеть ни одного из членов этой таинственной колонии. Анализ показал, что цианиды были разложены на более простые безвредные соединения. Скорость, с которой был проделан этот химический фокус, превосходила все известное современной науке. К тому же энергия, выделенная на это, была слишком велика, ее остаток даже нагрел воду. Амебы обладали слишком малой массой для выделения такого количества энергии. Откуда же она взялась? Что еще могут эти таинственные существа? Что они собой представляют? Колонию неизвестных науке бактерий или нечто большее, гораздо большее? Нужны новые опыты, продуманная постановка проблемы, специалисты, наконец. Больше я не имел права работать один.

Все оказалось слишком серьезно, гораздо серьезнее, чем я предполагал... Я торопливо убрал пробирки и колбы. Поставил пробу вместе с портативным термостатом в сейф, запер лабораторию и пошел домой. Нужно было все обдумать. Решить, к кому именно обратиться, чтобы к моему сообщению отнеслись серьезно. Слишком уж фантастично все выглядело. Но пока у меня есть эта проба, ничего не стоит доказать... Если, конечно, свойства этих одноклеточных организмов не изменятся, если они не погибнут. «Ерунда!» — успокоил я себя, на них не действуют даже цианиды, с такой поразительной способностью противостоять неблагоприятным воздействиям среды и даже изменять ее они сумеют за себя постоять.

Мои мысли начали складываться в поразительно четкий узор фантастической догадки, связывавшей в одно неразрывное целое все события последних дней. История с Вестой, похищение журна-

ла, заметка в газете и, наконец, мои сегодняшние амебы — все входило в эту догадку. Не хватало лишь последнего штриха, чтобы все стало ясно.

Было около шести часов вечера, когда я вышел из института. Самое «пиковое» время. Улицы полны народа, к остановке троллейбуса не протолкнуться. Стиснутый плотной массой человеческих тел, я всматривался в незнакомые и разные лица и, может быть, впервые думал о том, что все мы одно племя на небольшой, в сущности, планете Земля. У всех у нас разные занятия, устремления, и все же в минуту опасности люди сплачиваются вместе. Сейчас они еще ничего не знают, и чем скорее узнают, тем лучше... «Нигде, пожалуй, так полно не ощущает человек своей причастности к человечеству, как в переполненном троллейбусе», — с усмешкой подумал я и по вернувшемуся впервые за последнюю неделю чувству юмора понял, что снова обрел уверенность в себе. Троллейбус остановился, я вышел и, как всегда, на углу дома привычным взглядом окинул свою машину — на месте ли колеса, подфарники и прочие мелочи. Все было в порядке, но в кабине кто-то сидел... Заходящее солнце, отражаясь в стеклах, мешало рассмотреть сидящего в машине человека. Я осторожно подошел ближе и по тому, как внезапно стремительно рванулось и замерло сердце, еще до того, как смог что-нибудь рассмотреть, уже знал, кто это.

Ничего не сказав, я опустился на место водителя и захлопнул дверцу. Веста тоже молчала. Наверно, минут пять мы так сидели. Мимо в нескольких шагах тек поток людей. Я опять вернулся в какой-то нереальный мир — мир снов. Я его всегда ощущал рядом с этой женщиной. Молчание становилось невыносимым, но я, стиснув зубы, ждал. Я решил, что на этот раз она заговорит первой и объяснит мне все. Во мне шевелилась и зудела, как комар, одна мыслишка: «Ее появление как-то связано с моим сегодняшним открытием, с этими проклятыми амебами. Не может быть не связано».

Вдруг она повернулась ко мне и сказала:

— Все, что ты прочитал в газете, написано обо мне.

Что-то холодное прошлось у меня по груди, сдавило горло. Стало душно. Я опустил стекло, и через некоторое время струя свежего воздуха помогла мне взять себя в руки. Ее голос звучал спокойно, даже как-то отрешенно, словно она рассказывала о совершенно постороннем человеке, о вещах, не имеющих к ней ни малейшего отношения.

— Иногда мне кажется — я что-то помню, какие-то смутные образы... Скорее всего это был бред, последние искаженные проблески сознания. Когда лодка перевернулась, я почти сразу захлебнулась и пошла на дно, я совсем не умею плавать... Потом окончательный мрак, какие-то искры, голоса, сколько это продолжалось — не знаю. Время для меня остановилось. И вдруг дождь... Он лил и лил прямо на меня. Помню, как я удивилась, откуда может быть дождь на дне? Потом вдруг мимо проехала твоя машина...

— Как они выглядят?

Это был мой первый вопрос.

— Я не знаю. Я их никогда не видела. Никто их не видел. Мы только посредники. Они живут в море, вот и все, что я знаю. Я иногда думаю, какие они, пытаюсь их себе представить — и не могу... Вижу что-то бесформенное, огромное... Может, у них и тела нет... Не знаю, ничего не знаю...

Веста замолчала. Пожалуй, я знал об этом больше ее... Перед глазами у меня стоял четкий строй крошечных, неразличимых невооруженным глазом существ.

— Я помню себя с той минуты, как ощутила дождь. Я лежала на берегу, в куче гниющих водорослей. Потом я услышала звук мотора. Дальше ты все знаешь... Но это еще не конец. Вначале я старалась ни о чем не думать. Мне казалось, что это просто чудесное спасение, что мне повезло, волна выбросила на берег мое бесчувственное тело. Я придумывала самые простые объяснения, но потом я увидела календарь и свою квартиру и узнала, что с тех пор, как я утонула, прошло больше пяти месяцев; в тот первый момент я даже подумала, что ты имеешь к этому какое-то отношение. Чтобы не сойти с ума, я должна была найти правдоподобное объяснение... А потом были сны... Но даже во сне я их не видела ни разу, хотя они говорили со мной.

Она замолчала и сидела так тихо, что, если не смотреть в ее сторону, можно было подумать, в машине никого нет.

Я испытывал к ней беспредельную жалость, хотя она меньше всего заслуживала этого чувства. Любая другая на ее месте вряд ли сумела бы сохранить рассудок, а она как-то справилась со всем этим.

— Послушай, Веста, давай уедем отсюда. Хочешь, я увезу тебя прямо сейчас. Все забудется, в конце концов, все могло тебе привидеться, как в кошмаре, тебя выбросило на берег! Не было никаких пропавших месяцев! Не было! — Я почти кричал.

Она отыскала в темноте мою руку и крепко сжала. Ее ладонь была горячей, а кожа показалась неправдоподобно гладкой, словно я держал в руках лайковую перчатку... Может быть, у меня чуть-чуть дрогнула рука — не знаю, но она почувствовала, что мне не по себе от ее прикосновения, и убрала руку. Потом тихо сказала:

— Вот видишь... А ты говоришь — забыть. Долги нужно выплачивать. А я получила от них в долг не так уж мало... Всего лишь жизнь... Пусть даже такую, не совсем настоящую...

Я не мог с этим смириться и в то же время не находил в себе сил рвануть рукоятку скоростей, послать машину вперед и увезти ее отсюда. Не мог, потому что я не выдержал даже простого прикосновения ее ладони... Молчание затягивалось, превращалось в какую-то холодную стеклянную стену, отделявшую меня от нее. Чтобы как-то справиться с этим, я спросил:

— Чего же они хотят, что им нужно? Для чего они пришли к нам, поднялись со своего дна, зачем?!

— В этом нет ничего непонятного. Люди превратили океан в огромную помойку, в мусорную свалку. Им нечем стало дышать. Наверно, они считали, что, родившись на этой планете вместе с нами, а может быть, даже раньше нас, они имеют право на жизнь, такое же право, как и люди. Я могу ошибаться, это всего лишь мои догадки, но, по-моему, их разум пробуждается только в минуты смертельной опасности...

— Это же безнадежно... Человечество никогда не позволит навязать себе чужую волю. Их вмешательство может затормозить развитие, остановить прогресс. Начнется война, война, в которой их уничтожат.

— Напрасно ты думаешь, что это будет так просто. Они не так слабы, как кажется с первого взгляда, но меньше всего они хотят войны. И все же, если их вынудят, если они решат, что человеческий род не в состоянии дальше управлять планетой... Я не уверена, что в этой войне победят люди... И все же в них нет злобы, понимаешь? Это дает нам надежду... То есть я хотела сказать — вам, людям... Самое опасное — это посредники. Зачастую выбор случаен, а последствия... Перестав быть человеком, не каждый способен сохранить в себе добрую волю. Есть и такие, которым хочется, чтобы весь мир катился ко всем чертям вместе с ними. В первые дни мне тоже этого хотелось, но потом... Наверно, не всем удается взять себя в руки, хотя бы частично вернуть контроль над своими поступками.

— Значит, есть и другие... Мишурин?

— Да. И он тоже. Все дело в том, что наш мозг функционирует иначе, собственно, у нас не должно было бы оставаться собственных мыслей и желаний, мы были задуманы как вместилище для чужого разума. Но все оказалось сложней, чем они задумали...

— Этого не может быть! Не может!

— Молчи. Не надо. Ты не знал меня раньше и не знаешь того, что знаю сейчас я. Часто я сама не могу определить, какие мысли принадлежат мне, какие им. Наше сознание — это неразрывное целое. Иногда город кажется мне наполненным чужими враждебными существами, я, как рыба, смотрю на него сквозь стекло аквариума.

Веста замолчала. Людской поток на улице постепенно редел. Иногда, совсем близко от машины, проходили люди, которые жили в соседнем со мной подъезде, которых я когда-то хорошо знал. Сейчас их лица казались мне совершенно чужими. Напротив ветрового стекла машины я видел дом, где недавно жил. Балкон, на котором любил стоять часами... Сейчас я видел все это словно из другого измерения. Вся прежняя жизнь, казалось, не имела уже никакого значения. В полумраке кабины виднелся точеный профиль Весты. Волосы рассыпались по плечам, она сидела совершенно неподвижно, словно заледенев. И вдруг в какую-то долю секунды я понял, что она ощущала в эту минуту... Она сказала уже все, положила последний камень в стену, разделявшую нас, и теперь ждала лишь окончательных слов, которые должны были разрушить все, что у нее еще оставалось в этом мире. Я не испытывал к ней жалости. Только огромное удивление и восхищение перед мужеством этой женщины.

— Послушай, Веста...

Она не шевельнулась.

— Ты знаешь сказку о царевиче, который поймал русалку?..

Она все еще молчала, только отрицательно мотнула головой. Смысл того, что я собирался сказать, еще не проник в ее сознание.

— В этой сказке печальный конец... Русалка не была похожа на обыкновенных девушек, а царевич полюбил ее и хотел на ней жениться. Людские пересуды помешали их счастью... Но на самом-то деле он поймал в свою сеть не русалку, а чудо. То самое необыкновенное, сказочное чудо, которое каждому из нас попадается всего лишь раз в жизни, только не все умеют его распознать: то рыбья чешуя мешает, то еще что-нибудь... Так вот, я бы не хотел повторить ошибку царевича... С этого дня мы всегда будем вместе. Я не знаю, сколько нам оставлено времени, никто

этого не знает. Но больше я не потеряю ни одной секунды по собственной воле.

В полумраке кабины ее глаза сверкнули, как два огромных изумруда. Я знал, что в эту минуту она видит меня насквозь, читает мои самые сокровенные мысли. Этой женщине я никогда не смогу солгать, даже если очень захочу... Я знал, на что иду, мороз пробежал у меня по коже. Я ждал ответа, но она лишь спросила:

— Ты отдаешь себе отчет? Ты уверен, что справишься?

Вместо ответа я наконец сделал то, о чем мечтал все эти дни. Я притянул ее к себе и крепко поцеловал в горячие, потрескавшиеся губы.

И в эту секунду стеклянная стена, разделявшая нас, перестала существовать.

Дело это свалилось на капитана военно-морской разведки Лирстона совершенно неожиданно. В то утро он, как всегда по пятницам, дежурил в диспетчерской порта и с нетерпением ждал смены, чтобы отправиться домой и хорошенько выспаться. Дежурства в порту казались ему совершеннейшей бессмыслицей. Никакие иностранные суда в Бринту не заходили, а военные разведки других государств вряд ли интересовал этот захудалый порт. Тем не менее начальство считало необходимым проявлять бдительность, и дежурства офицеров разведки в порту вскоре превратились в скучную и нудную традицию.

Началось все с того, что портовый буксир, старая грязная развалюха, причинявшая диспетчеру порта немало хлопот, поскольку его шкипер к вечеру уже не знал, где находится норд, сошел с курса и вместо грузового причала, бессмысленно покрутившись у мола, вылез из акватории порта. После чего черти занесли его в Лисью бухту. Там, в дополнение ко всем неприятностям, у буксира заглох двигатель. Все это Лирстона не касалось, и он с интересом следил за развитием событий, радуясь хоть какому-то разнообразию в скучном дежурстве. Поскольку течение и ветер несли буксир на камни, диспетчер запросил помощи у сторожевика, стоявшего недалеко от Лисьей бухты. Сторожевик запустил двигатель, развернулся и вошел в бухту. Не дойдя до буксира метров пятидесяти, судно неожиданно остановилось. Попытки связаться с ним по рации ни к чему не привели. Рация на сторожевике перестала работать. Это становилось настолько интересным, что Лирстон приказал дежурному катеру доставить его к месту событий.

Катерок был маленький, но с мощным авиационным двигателем. С него сняли устаревшие торпедные аппараты, и теперь он доживал свой век в порту. К бухте они подошли буквально через несколько минут. Вместо того чтобы снизить скорость у входа, Лирстон, повинуясь некоему интуитивному чувству, попросил механика развить максимальные обороты и не ошибся... Как только катер пересек невидимую черту, отделявшую Лисью бухту от акватории порта, двигатель захлебнулся, и наступила странная после грохота мотора тишина. Благодаря приобретенной при разгоне скорости им удалось вплотную подойти к сторожевику. Там не работал ни один прибор, оказались обесточены все установки и аппараты. Корабль превратился в беспомощное металлическое корыто.

Гвельтов никогда не напивался до такой степени, как в тот вечер, когда Лонгаров холодно с ним простился, забрал пробы и уехал, оставив его одного. В те дни, когда удачей не пахло, он был ему нужен, как каторжный сутками сидел в лаборатории, а сегодня...

Еще больше его обиду разжигала мысль о том, что Лонгаров мстит ему за вечер с Вестой. Это было не по-мужски... Гвельтов завернул в первый попавшийся портовый кабачок и выбрался оттуда далеко за полночь. Он брел по самой кромке тротуара, то и дело останавливаясь и бессмысленно озираясь. Иногда подолгу стоял неподвижно, обняв фонарный столб, и рассказывал ему о своих обидах. Прохожих в этот поздний час было немного, а те, что попадались навстречу, сразу же, завидев Гвельтова, переходили на противоположную сторону. Вечерами в городе бывало неспокойно, а от пьяного всего можно ожидать... Так что Гвельтов не испытывал неудобств в своем зигзагообразном движении. Вся левая сторона улицы оставалась в его распоряжении. Только пройдя три квартала и выбравшись на набережную, что заняло у него не меньше двух часов, он наконец понял, что идет в противоположную от дома сторону. Это открытие несколько отрезвило его, а два часа, проведенные на свежем воздухе, уменьшили опьянение. И все же впоследствии, восстанавливая в памяти все события этой ночи, Гвельтов никак не мог вспомнить, в какой именно момент у него появился товарищ...

Вроде бы на набережной он был один, а когда шел обратно, у него уже не было необходимости делиться своими печалями с фонарными столбами, поскольку рядом оказался внимательный, чуткий, все понимающий собеседник. Они успели обсудить все

достоинства хорошо очищенной можжевеловой водки. Тщательно проанализировали влияние провинциальных традиций на качество выделки коньяков и перешли уже к новомодной категории коктейлей, которую оба не одобряли.

Затем Гвельтов долго объяснял, каким законченным мерзавцем оказался его шеф, и, кажется, сумел доказать, почему именно. После чего его спутник заметил, что все начальники по самой своей природе — мерзавцы.

Гвельтову давно не попадался такой толковый, настроенный в унисон его самым сокровенным мыслям собеседник. Вполне довольные друг другом, они забыли о времени. Гвельтов помнил, что на углу какой-то улицы, отнюдь не той, что вела к его дому, в руках у его товарища оказалась заветная плоская бутылочка, какие носят в верхнем боковом кармане пиджака истинные ценители и знатоки. Гвельтова, правда, несколько удивил тот факт, что бутылочка оказалась нераспечатанной, в фабричной упаковке...

Когда на дне почти ничего не осталось, Гвельтов перешел к анализу личных связей, на которых держится современное общество. И здесь они оба проявили редкостное единодушие и общность взглядов. Дальше в памяти Гвельтова образовался какой-то странный провал, очевидно, содержимое заветной бутылочки подействовало на него сильнее всех предыдущих.

Как бы то ни было, полностью очнулся он уже в лаборатории... Причем совершенно не помнил, как сюда попал и почему вообще оказался на работе ночью... Рядом с ним за столом сидел совершенно незнакомый человек. И с этого мгновения мозг Гвельтова заработал уже вполне отчетливо, сохранив в памяти все подробности того, что произошло дальше.

— Итак, вы обещали мне показать ту самую штуку, из-за которой ваш шеф... простите, ваш мерзавец-шеф...

Глаза незнакомца блестели холодно и совершенно трезво. Очевидно, он еще не догадался, что в этот момент алкоголь без всякого постепенного перехода полностью потерял свою власть над Гвельтовым и тот сумел не сразу это показать, чтобы выиграть время и прояснить странную ситуацию, в которой очутился.

Вполне добросовестно изображая пьяного человека, он радостно и глупо рассмеялся, шатаясь, подошел к полке и снял старый, прошлогодний журнал. Слава Богу, современные научные учреждения не страдали недостатком создаваемой ими макулатуры.

— Вот тут! — заплетаясь, произнес он и хлопнул по папке рукой. — Вот тут, дорогой друг, все написано! История всех моих

бед. Я дарю вам это! — Гость брезгливым жестом отодвинул от себя пропыленную папку и внимательно посмотрел на Гвельтова.

— Вы как будто собирались показать мне совсем не бумаги. — Голос гостя стал строгим, в нем появились металлические нотки. — Перестаньте паясничать, Гвельтов! Вы уже совершенно трезвы. Садитесь и слушайте меня внимательно!

Последнюю просьбу Артам выполнил беспрекословно, все еще надеясь выиграть время и разобраться в непонятной для него ситуации.

— Сейчас вы выключите сигнализацию и откроете шкаф!

— Кто вы такой?

— Не задавайте глупых вопросов. Делайте, что вам говорят.

— Вы уверены, что я... — Он не успел закончить.

Перед глазами вспыхнули огненные круги. Страшная боль согнула его почти пополам. Ни глотка воздуха не проникало в его сжатые спазмой легкие. Мучительный удушающий кашель раздирал внутренности. Ударил его профессионал. Ударил со знанием дела. И постепенно, с трудом обретая контроль над непослушным телом, Гвельтов вдруг понял, что из этой истории ему, пожалуй, не выпутаться...

В те редкие дни, когда человек бывает по-настоящему счастлив, он может жить, как птица бездумно, и очень часто не замечает этих прекрасных дней. Только потом, когда они уже позади, становится ясной их настоящая цена.

Иногда меня даже пугало слишком уж определенное и потому немного нарочитое ощущение счастья. Но может быть, дело было в том, что я знал: долго так продолжаться не может, все висит на тоненькой ниточке? Во всяком случае, причина моих сомнений была не в Весте. Из нас двоих именно она была, как мне теперь кажется, по-настоящему счастлива и делала все от нее зависящее, чтобы выглядеть обычной, нормальной женщиной.

Она не выносила даже случайного намека на прошлое, на все то, что было до того дня, когда лодка перевернулась. У нее нет прошлого, или, во всяком случае, она не желала о нем знать. Она встретила человека, которого полюбила, и все остальное перед этим фактом просто потеряло значение. Мужская логика устроена иначе. Или это только мой мозг не мог смириться с предложенными ему несколько искусственными правилами игры? Может быть, мне нужно было ей просто помочь? Но я не мог ничего забыть. Не мог заставить себя не думать. Не искать ответов на бесчисленные загадки. Не для меня была эта птичья жизнь! И,

может быть, она это чувствовала, знала? Конечно, знала. Она знала обо мне все...

Когда же это началось? Когда впервые она решила нарушить неписаные правила, оберегавшие наш хрупкий стеклянный покой? Я хорошо помню этот день... Воскресенье. Мне не надо было рано вставать. Я нежился в постели и слушал, как на кухне Веста, что-то напевая, готовит кофе. Его острый пряный аромат проник в комнату и окончательно прогнал остатки сна. Я не спешил вставать, зная, что кофе, как обычно, будет мне подан в постель... Я прожил на свете почти сорок лет, и никто никогда не подавал мне по утрам в постель кофе. Я читал об этом, видел в кино, но самому испытать этого особого блаженства раньше мне не приходилось.

Я заранее смаковал предстоящий торжественный ритуал: дверь на кухню распахнется, войдет Веста в своем розовом полупрозрачном халатике, который я подарил ей всего неделю назад. Она войдет, улыбаясь, глаза ее будут радостно блестеть. Она всегда улыбается, когда знает, что делает что-нибудь приятное для меня. Любой пустяк ее радует... За всю долгую семейную жизнь я так и не сумел объяснить жене, как именно следует готовить кофе, чтобы сохранить полностью его аромат. Весте не понадобилось ничего объяснять. Она знала наперед все мои вкусы. Она умела так поджарить омлет на завтрак, чтобы на нем не было корочки. Жене это не удавалось ни разу.

Сама Веста была удивительно равнодушна к еде. Подозреваю, что в мое отсутствие она вообще не ела. Но даже в этом ей ни разу не изменил такт, и, когда мы вместе садились за стол, она всегда ела хотя и немного, но с видимым удовольствием, стараясь своим равнодушием к пище не испортить мне аппетит. Жену мне частенько приходилось останавливать, напоминая ей, что неумеренность в еде... И тут я поймал себя на том, что мои мысли то и дело возвращаются к моей бывшей жене, к квартире на улице Садовников, к балкону, под которым стояла моя машина... Я не был там уже две недели. Я даже ничего не объяснил Катрин. Она, правда, и не потребовала никаких объяснений. Оказалось достаточно телефонного звонка.

Этого я, признаться, не ожидал. Все же мы прожили вместе не один год, и расстаться со мной так просто... Как будто это она со мной расставалась... Нет уж, если быть честным — я с радостью воспользовался случаем избежать всяких объяснений и попросту сбежал. Но сейчас, когда первый шок прошел, следовало

все же поговорить. Не желая больше ничего откладывать, я решительно поднялся с постели и отправился на кухню.

Квартира за те две недели, что мы жили в ней вместе, разительно изменилась. Иногда меня даже раздражала чрезмерная аккуратность Весты. Она словно старалась стереть самую память о том запустении и хаосе, который царил здесь в день нашего первого приезда. Мебель, пол, стекла на окнах — все теперь сверкало и блестело, она ухитрялась наводить этот порядок совершенно незаметно, я ни разу не застал ее с тряпкой в руках. Весте нравилось играть роль хорошей хозяйки. Вот и сейчас, едва я вошел на кухню, она сразу же сняла передник, поставила в сторону поднос и, обернувшись ко мне, улыбнулась... Но, прежде чем я начал говорить, улыбка сбежала с ее лица, уголки губ дрогнули, и она внимательно, почти печально посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты собрался навестить Катрин?

— Да. Там остались кое-какие рукописи, книги, да и вообще следует поговорить, а то как-то странно получилось — ушел, не сказав ни слова.

— Конечно. Тебе давно нужно было это сделать.

Это было все, что она сказала. Ничего хорошего из этой затеи не получилось. Катрин отнеслась к моему приходу спокойно, с деланным равнодушием. Ни слез, ни споров, ни упреков. Она даже помогла собрать нужные вещи и лишь на пороге сказала:

— Некоторые мужчины в определенном возрасте впадают в юность. С этим, как с корью, ничего не сделаешь. Просто нужно переболеть, и все. Я желаю тебе успеха.

Я не возмутился. Визит домой вызвал во мне непонятную глухую тоску. Виной тому была не сентиментальная привязанность к привычному старому дому и не женщина, с которой я прожил бок о бок столько лет, а необходимость возвращаться.

Окончательность и бесповоротность принятого решения, подспудное ощущение ненормальности, неестественности моей жизни с Вестой.

День для глубокой осени выдался на редкость погожий, весь мой визит на улицу Садовников занял не больше часа. И тем не менее, сидя в машине у перекрестка и дожидаясь, пока зажжется на светофоре зеленый сигнал, я думал о том, каким образом загладить перед Вестой свою вину, хотя не смог бы, наверное, определить, в чем, собственно, она заключалась.

Веста встретила меня подчеркнуто приветливо, почти радостно. И я сразу же изложил ей родившуюся в дороге идею — прове-

сти остаток дня за городом. Съездить в лес, побродить по полям — пляжей Веста упорно избегала. Мы вообще очень редко с ней куда-нибудь выезжали, и теперь она совершенно искренне обрадовалась, побежала укладывать корзинку для уик-энда, но вдруг вернулась через несколько минут с посерьезневшим и каким-то отстраненным лицом.

— Ты знаешь, Глен, у меня такое предчувствие, что нам не следует сегодня уезжать из дому. Что-то должно произойти, что-то очень важное...

Ох уж эти ее предчувствия! Они никогда ее не обманывали и именно поэтому вызывали у меня странный глухой протест, словно я ощущал, как кто-то извне пытается навязать нам свою волю. Вот и сегодня с раздражением я настоял на своем. Веста не стала спорить.

В город мы вернулись довольно поздно, часов в шесть. Всю обратную дорогу Веста молчала, но перед самым поворотом на нашу улицу вдруг спросила:

— Скажи, Глен, как ты теперь относишься к Артаму?

Вопрос прозвучал для меня неожиданно. С самого нашего совместного визита, понимая, наверно, что всякое напоминание о Гвельтове с ее стороны будет для меня неприятно, Веста словно забыла о нем, и вдруг этот вопрос.

— Нормально отношусь. Он мой сотрудник. Хороший сотрудник. Почему ты спросила?

— Потому что сегодня... — Она замолчала, и я наконец заметил, какая мучительная борьба происходит внутри нее. — Мне очень не хочется об этом говорить. Но сегодня у него должны произойти неприятности, и я не знаю, как ты отнесешься к этому, если я тебе не скажу сейчас... — Она окончательно запуталась.

— А ты скажи. — Я остановил машину, и последняя фраза прозвучала у меня нервно, почти зло. Это подтолкнуло ее, и она вдруг спросила:

— Ты запер пробы в сейфе? Артам знает шифр?

Я вообще ни разу не говорил ей о пробах. С памятного дня разговора в машине мы старательно избегали подобной темы.

— Мне кажется, ты должен отпустить их обратно в море. Иначе произойдет несчастье...

Она наверняка знала, какое впечатление произведут на меня ее слова. Она сидела вся сжавшись, стиснув ручку сиденья. Я видел, как побелели ее пальцы.

— Я не должна была этого говорить, они просто уверены, что я не скажу. Но если с Артамом, а потом с тобой произойдет что-нибудь...

— Довольно меня запугивать, я сам знаю, что мне делать!

Мы молчали всю оставшуюся дорогу. Молча поднялись на пятый этаж, молча открыли дверь. Сверкающая чистота квартиры второй раз за сегодняшний день бросилась мне в глаза. Я помнил все. Помнил, где именно висел календарь. Помнил грязную дорожку на полу. Я искренне хотел забыть — и не мог. Сегодняшний визит на улицу Садовников — всего лишь первая ласточка... Не так это просто — жить с русалкой. Совсем не просто. Я думал о том, что в металлической коробке сейфа лежат сейчас живые частицы огромного монстра, расположившегося на дне залива. И, конечно, что-то должно было случиться. Что-то должно было быть предпринято для возвращения отделенной части колонии. Странно, что мне вообще удалось взять эту пробу. Может быть, в тот момент было подходящее время. Или место. Возможно, они попросту спали... Кто знает! Как бы там ни было, отделенную часть теперь хотели возвратить обратно. Гвельтов... Да. Он знает шифр. И сделает все от него зависящее, чтобы не отдать им пробы. И вот тогда действительно может произойти несчастье! Больше я не раздумывал ни минуты. Уже в прихожей услышал, как Веста сказала:

— Я поеду с тобой!

— Спасибо. Не нужно.

Ее не остановил даже мой оскорбительно-враждебный тон.

— Один ты не справишься. Я поеду с тобой!

Времени на споры не было. Но только ли поэтому я согласился? Скорее всего мне захотелось раз и навсегда выяснить, на чьей она стороне, как будто я имел право в этом сомневаться...

В институте света не было даже перед подъездом, где всегда горел фонарь, чтобы дежурный швейцар мог видеть неурочных посетителей. Я схватил фонарик, который, к счастью, возил в машине, и толкнул дверцу.

— Подожди минуту. Еще не время... — Не обратив внимания на слова Весты, почти не слыша ее, я дергал заклинившую ручку. — Проклятый замок! Сколько раз собирался смазать... Выйду через твою дверцу! Подвинься!

— Я просила тебя подождать... Но как хочешь...

Ручка вдруг подалась, и от неожиданности я едва не вывалился наружу.

В тот момент мне некогда было раздумывать над странным поведением дверцы, я бросился к институту. Парадная дверь оказалась незапертой, и едва я захлопнул ее за собой, как оказался в полной темноте. Не зажигая фонарика, медленно, на ощупь я

двинулся к лестнице, стараясь уловить малейший шорох и держа наготове фонарик — единственное свое оружие. Только теперь я почувствовал всю сложность своего предприятия. Огромное погруженное в темноту здание жило своей собственной жизнью. С верхнего этажа доносился глухой ритмичный шум, какой-то скрип, потом там словно бы загудел пылесос.

В темноте этот звук казался особенно нелепым. Я уже дошел до лестницы и, все еще не зажигая фонарика, медленно стал подниматься. Неожиданно задев плечом за невидимый выступ перил, я выронил фонарик. Звук его падения показался мне грохотом. Почти сразу я нащупал его на ступеньке перед собой и вновь сжал в ладони скользкую металлическую трубочку. Я не знал, разбилась ли лампочка, и не хотел проверять. Меня могли поджидать на лестничной площадке. В этой кромешной тьме я был совершенно беспомощен. Но, покрываясь холодным потом, я упрямо шел по лестнице вверх на четвертый этаж.

Институт словно вымер. Наконец я добрался до двери своей лаборатории. Я осторожно провел рукой по филенке и вздрогнул: в двери торчал ключ. Ни у меня, ни у Гвельтова своего ключа не было. Ключ всегда хранился внизу у привратника, и в воскресенье без моего разрешения его никому не могли выдать, следовательно, что-то случилось. Теперь в этом не было ни малейшего сомнения, и страх, преследовавший меня все это время, внезапно прошел. Сейчас я испытывал только ожесточение и какой-то лихорадочный подъем.

Я решительно рванул дверь и сразу же включил фонарик, но лампочка не зажглась, и в первую секунду я ничего не увидел. Однако из окна с улицы проникал рассеянный свет от уличных фонарей, и в темноте довольно отчетливо проступали очертания предметов. Первое, что бросилось мне в глаза, был развороченный сейф. В углу лежала скорченная человеческая фигура, рядом с ней на полу расползалось темное пятно, более темное, чем окружающий мрак.

Я хотел было броситься к лежащему на полу человеку, но меня остановил шорох у двери за моей спиной. Я резко обернулся. Глаза уже привыкли к полумраку, и теперь я видел все совершенно отчетливо.

Высокий человек в плаще, с чемоданчиком в одной руке, медленно поднимал другую руку. Я уже знал, для чего. Нас разделяло метра два, но мне казалось, что даже в темноте я отчетливо вижу черный зрачок пистолета. Сухо щелкнул курок. Выстрела не последовало. Стоящий у двери грязно выругался. Пистолет

щелкнул еще раз. В следующий момент, широко замахнувшись, он прыгнул на меня и словно споткнулся о невидимую преграду. Чемодан и оружие вылетели из его рук, и со всего размаха он рухнул на пол. Грохот от падения тяжелого тела отдался долгим, постепенно замирающим эхом.

Я стоял словно пригвожденный к месту, не смея шевельнуться. У моих ног валялся выпавший у налетчика пистолет. Человек на полу не двигался. Инстинктивно моя рука потянулась к выключателю настольной лампы. Я не ожидал, что она загорится, но лампочка вдруг вспыхнула и наполнила лабораторию ослепительным мертвенным светом. Как только глаза привыкли к этому новому резкому свету, я понял, что лежащий у сейфа человек не Гвельтов. То, что он мертв, я почувствовал еще раньше. Вокруг его головы расползалось широкое пятно крови. Напавший на меня по-прежнему не шевелился. На всякий случай я навел на него пистолет и только теперь увидел, что это вовсе не пистолет... Предмет напоминал скорее детский пенал с ручкой и кнопкой на нем. Часть, служившая стволом, оказалась наглухо закрытой. Вообще этот странный предмет не имел ни одного отверстия. Разглядывая его, боковым зрением я напряженно следил за распростертой передо мной фигурой. Налетчик по-прежнему не шевелился. Что с ним произошло, какая сила остановила его? Видимо, меня ожидала участь того, кто лежал у сейфа с размозженной головой. Было похоже, что сейф взорвали или выжгли автогеном. Я не слишком разбираюсь в этих вещах. Дверцу с чудовищной силой выдернули из петель, и теперь она висела сбоку, приоткрыв пустое нутро сейфа...

Только сейчас мой взгляд упал на выпавший у налетчика чемоданчик. От удара крышка отскочила, и по полу рассыпались какие-то предметы. И сразу же среди них я увидел наглухо закрытый контейнер, в котором у нас хранились последние пробы. Так вот что ему здесь было нужно! Но они не успели, не все еще потеряно! Мысли лихорадочно теснились в моей голове. Они наверняка не ожидали такого нелепого конца. Что там с ним случилось? Не важно. Важно, что пробы целы. Если мне удастся сейчас же вывезти их из города, то в столице я постараюсь привлечь к ним внимание ученых и властей. Вот в чем ценность наших проб! Конечно, мне попытаются помешать. Но что бы со мной ни случилось, я все же попробую.

Осторожно, словно боясь разбудить лежащего на полу человека, я медленно двинулся к чемоданчику. Едва я сунул в него выкатившийся контейнер с пробами и защелкнул крышку, как

на столе требовательно зазвонил телефон. Неизвестно почему, вместо того чтобы бежать от всего этого ужаса, я покорно прошел к столу и снял трубку.

— Здравствуйте, — произнес незнакомый спокойный голос.

Ничего нелепей этого «здравствуйте» посреди развороченной, залитой кровью лаборатории я, пожалуй, не слышал. Я хотел повесить трубку, но голос произнес:

— Подождите. Это есть очень важно. Вы неправильно понимаете ситуацию.

Странность голоса, звучащего в трубке, была не в исковерканном построении фраз. Даже не в интонации. В чем-то еще, я не понимал, в чем именно, и, возможно, поэтому не вешал трубку.

— Все, что произошло, не есть наша вина... Другой человек... Мы не понимаем, зачем он хотел взять себе то, что вы называете «Альфой». Человек, который работает с вами, не давал. Тогда он открыл сейф, хотел взять силой.

Долгое-долгое молчание. Потом вопрос:

— Вы нас понимаете?

— С кем я говорю?

— Это не есть важно. Важно вернуть «Альфу», иначе люди, которые были здесь, убьют вас и захватят «Альфу».

— Зачем она им?

— «Альфа» останавливает энергию. Если есть «Альфа», можно не бояться бомбы. Можно начать войну... То, что вы нашли на полу, имеет быть таким оружием, можете пробовать. Выберите предмет, большой энергией обладающий внутри себя. Аккумулятор, бомба, нагретая печка, человек, пробуйте.

Он говорил еще долго, а я покрывался холодным потом и не знал, что именно придает мне мужества продолжать этот разговор. Странность голоса, звучащего в трубке, была не в построении фраз, не в смысле слов. Теперь я понял, в чем именно. Если взять магнитофонную пленку с записью речи, произнесенной одним человеком, а потом разрезать ее на части, на отдельные слова и эти слова склеить в другой последовательности, таким способом, наверно, можно построить любую фразу. Вот только интонация голоса не будет соответствовать тому, о чем говорится... Именно это я сейчас и слушал. Со мной разговаривал не человек.

Когда голос в трубке наконец смолк, я осторожно положил ее на рычаг, словно она была стеклянной, и не спеша пошел к выходу. Все вдруг стало незначительным, мелким — засады, выстрелы из-за угла, даже смерть отдельных людей.

Какое-то время они не будут знать, что именно я задумал. Они сказали: можно воспользоваться канализацией, но лучше всего вылить пробы обратно в море... К морю придется проехать. Не сразу, конечно, не сразу... Об остальном я старался не думать. Человек в лаборатории мог быть не один. Кто-то должен был страховать его снаружи. Черный трубчатый предмет с красной кнопкой все еще лежал на столе, там, где я положил его, когда нагнулся за чемоданчиком. Они сказали — оружие? Возможно, оно пригодится. Вполне возможно... Коробка легко скользнула в карман плаща и легла там удобно и незаметно. В последний раз я окинул взглядом лабораторию, взял чемоданчик с пробами, выключил свет и неторопливо пошел к лестнице.

Веста сидела в машине, свернувшись калачиком и прислонившись головой к спинке сиденья. Похоже, она спала... Когда я открыл дверцу, она шевельнулась, что-то пробормотала и вновь откинулась на спинку. Пусть спит, это сейчас самое лучшее, не надо ничего объяснять. Я кинул чемодан на заднее сиденье, завел мотор и медленно поехал вдоль пустой улицы.

Миллионы лет летала в космосе пыль. В тонких, но прочных оболочках вместе с бесчисленными пылинками спали их споры... Миллионы лет назад на Землю упал метеорит, падучая звезда, одна из бесчисленного множества... Она упала в земной океан, где все условия подходили для развития жизни. В благоприятной среде споры раскрылись, и на Земле появились ее первые, самые древние жители, основоположники потока эволюции, родоначальники бесчисленных живых форм и, в сущности, наши предки... Вот кто они такие, эти далекие от нас амебы... Но, кроме этого, они сохранили и свой собственный вид. Их древнейший род приспособился к самым жестким условиям существования. Им нипочем было даже леденящее дыхание космоса.

Бесконечную череду лет, пока их братья на земной поверхности изменялись и приспосабливались к внешним условиям, они дремали в глубинах океана, словно дожидаясь своего часа... Разум... Был ли он свойствен их колониям всегда? Или возник лишь здесь, на Земле, в минуту грозной опасности?

Этого я не узнал, да теперь это было не так уж и важно. Веста была права. Они поднялись из глубин потому, что даже туда, на тысячи метров вглубь, подводные течения принесли наконец грязь, которой люди обильно посыпали свою планету. В конце концов это должно было случиться. Слишком долго человек «боролся» с природой, забыв, что она его колыбель. Мы перешли грань, за которой пассивное сопротивление окружающей среды становит-

ся активным. Мы говорили, что природа — это сложный живой организм, но на самом деле не понимали толком, что это значит. Во всяком случае, не знали, что иногда это следует понимать буквально... Они пытались объяснить мне, что дальнейшее загрязнение Мирового океана грозит гибелью всему живому на нашей планете, словно от меня что-то зависело, словно я мог остановить безумцев, сбрасывающих в океан тысячи контейнеров с ядовитыми газами и радиоактивными отходами, сотни тысяч тонн пестицидов, миллионы тонн нефти... Они почти ничего не знали о нашем общественном устройстве, о том, что воля одного-единственного человека значит в этом мире не много. Даже усилия правительств больших и могучих государств не всегда в состоянии справиться с инерцией однажды запущенной машины технического прогресса.

Сейчас они еще слишком мало знали о нас и хотели узнать больше... В чем-то они были потрясающе наивны, в чем-то их мудрость превосходила мой уровень понимания. Так, например, я не смог уяснить, на какой энергии основано их существование. Это был какой-то новый, неизвестный человечеству принцип. Они умели тормозить движение электронов и использовать выделенную при этом энергию для своих нужд. Вся их колония существовала внутри силового кокона неизвестной нам энергии. При желании они могли расширить его границы. Я не смог выяснить, как далеко... Речь, видимо, шла о десятках километров. Именно эту энергию, по их словам, и собирались использовать люди, пытавшиеся похитить пробы. Так ли это? Не они ли сами через своих посредников устроили нападение на лабораторию?

Откуда мне знать, правду ли они говорят? Кто вообще может это знать? Слова о сохранении среды могут быть всего лишь маскировкой. Что, если требование очистить окружающую среду, перестать загрязнять океан будет лишь началом? Кто может поручиться, что им не понадобится от нас нечто большее? Дополнительное пространство, например, для своего размножения, специальные, искусственно созданные водоемы, кто знает, как далеко зайдут их притязания, если они смогут подкрепить их реальной угрозой гибели миллионов людей?..

Что, если перед нами коварный, умный враг? Кто поручится, что с такой же легкостью, с какой разлагали использованные мной во время опыта яды, они не смогут синтезировать собственные, еще более страшные... Я остановился в переулке напротив дома, в котором мы жили с Вестой. Может быть, в последний раз я здесь стоял? Если хотя бы часть моих опасений справедлива —

мне не дадут выскочить из города. Несколько секунд я не хотел ее будить. Только разглядывал бледное, без кровинки, лицо, словно старался запомнить его навсегда.

Была ли она до конца искренна со мной? Даже в этом я сомневался теперь... Ее поведение можно было истолковать двояко. Может, она хотела защитить меня, а может, старалась помешать... Как знать?.. Веста застонала и задвигалась во сне... Пора прощаться. Я не знаю, вернусь ли, во всяком случае, я сдержал слово: мы были вместе до самого последнего дня. Сегодня он наступил, этот последний день. Я думал об этом без горечи, отрешенно. Почти равнодушно. Наконец, видимо, почувствовав мой взгляд, Веста открыла глаза. Они не походили на глаза только что проснувшегося человека. В них было и понимание, и боль — всё сразу...

— Ты решил уехать?

Как всегда, она попала в самую точку. Я не стал ничего отрицать, лишь молча кивнул.

— Я знала, что так будет. Я их предупреждала. Но они мне больше не верят. Они думали, я не вмешаюсь, что им удастся меня заставить...

О чем она говорит? Я не в силах был этого понять. Или не хотел? Слишком много вопросов. Но я уже все решил и не нуждался в ответах.

— Я хочу, чтобы ты вышла. Я сейчас уеду. Постараюсь вернуться.

— Я знаю. Ты постараешься вернуться... Постараешься вывезти из города эти проклятые пробы, и тебя убьют по дороге. Я знаю...

— Не такая уж ты провидица...

— Почему ты не хочешь, чтобы нас оставили в покое? Почему ты не отдал им эти пробы? Тебе позволили взять их на время, верни то, что принадлежит им!

— Сейчас это единственный шанс у меня и, может быть, у всех нас. Никто не станет меня слушать. Я ничего не сумею объяснить без этого чемоданчика! Ты же все понимаешь, Веста!

— А если тебя выслушают, поверят, что тогда? Что это изменит?

— Я не знаю. Не хочу знать. У каждого из нас свой долг. Я обязан дать людям шанс. Они имеют на это право.

— Шанс для войны... Ну почему, почему вы всегда мыслите категориями борьбы, схватки? Почему они преобладают надо всем прочим: война, враг, обман... Ты даже мне не веришь...

— Иногда я не верю даже себе. Одно я знаю: мы наконец достукались. Достучались... Все имеет конец. Терпение природы не безгранично. Она породила нас, и она же нашла способ противостоять нам, когда мы перешли предел. И все же люди имеют право хотя бы узнать об этом, пока еще не поздно, пока можно что-то изменить.

— Значит, ты все решил?

— Да.

— Ну так поезжай, чего ты медлишь?

— Я жду, когда ты выйдешь.

— Нет, мой милый. Когда-то ты сказал, что мы будем вместе до конца. До самого конца. Вспомни об этом.

— Я помню. Но ты все равно не сможешь мне помешать.

— Я и не собираюсь. Я знаю, что ничего не смогу изменить.

Я не имел права рисковать ее жизнью и знал, что, если понадобится, силой вытолкну ее из машины. Я повернулся, собираясь осуществить свое намерение.

— Прости, но у меня нет времени спорить.

Я протянул руку и не смог прикоснуться к ней, словно кто-то натянул в кабине между нами упругую непробиваемую пленку. Холодная странная усмешка тронула ее губы.

— Ты все еще думаешь, что тот человек в лаборатории попросту споткнулся? — Она помолчала. — Никто не виноват, что ты выбрал русалку. Мы поедем вместе и вместе до конца разделим все, что нас ждет в дороге. Я пыталась не вмешиваться, старалась забыть обо всем, чему меня научили там, в глубине, берегла наши дни. Их ведь было так мало, — сказала она с горечью. — Теперь мне уже нечего беречь... Ты не сможешь забыть... Ты и раньше меня боялся, я знаю... А теперь поезжай...

Я молча повиновался. Мотор завелся легко, и машина понеслась по пустынной дороге прочь от центра города, от моря, к началу большой трассы, ведущей в столицу, к людям.

Машина вела себя странно. Стоило прикоснуться к педали акселератора, как стрелка спидометра проскакивала цифру восемьдесят. Впечатление было такое, словно кто-то вставил под капот дополнительный мотор. Мне все осточертело, и, не задумываясь, я гнал машину вперед, стараясь поскорей вырваться из города, как будто это он был виноват во всем, как будто в нем сидела невидимая и неощутимая зараза, постепенно отнимавшая у меня Весту... Иногда, запрятанные где-то в глубине сознания, всплывали непрошеные мысли... Значит, напавший на меня человек не споткнулся... Как она это сделала?

Скорее всего он не был человеком. Странное оружие подобрал я на полу... Это был посредник — так, кажется, называли они искусственных полулюдей? Но ведь и Веста тоже...

Я спохватился слишком поздно. Ее лицо исказила гримаса боли. Она знает все, о чем я думаю. Это трудно выдержать. Но раньше я этого не замечал — не замечал потому, что мне нечего было скрывать от нее. Наверно, люди еще не готовы к такому уровню общения, может быть, когда-нибудь, через тысячу лет...

Далеко позади над морем занимался хмурый рассвет. Мы уже миновали центр города и приближались к окраине. Где-то здесь, перед выездом на загородное шоссе, должен был быть полицейский дорожный пост. Я толком не знал, кого мне следует опасаться. Кто были те люди, которые пытались похитить пробы? Куда девался Гвельтов? Жив ли он?

— Это были люди из военной разведки, — как всегда неожиданно сказала Веста. — Они давно заинтересовались тем, что происходит в порту. А с того дня, как сюда приходила чужая атомная подлодка с «визитом дружбы», это дело приобрело для них совершенно особый интерес...

Я хорошо помнил эту историю. В газетах тогда поднялась шумиха, сразу же прекращенная невидимой, но могучей рукой. Однако суть происшествия газеты успели сообщить... Кажется, все атомные заряды, бывшие на борту лодки, и топливо для реактора превратились в обычный свинец. До сих пор я считал эти сообщения газетной «уткой».

— В тот момент, когда вы с Гвельтовым отбирали пробы в заинтересовавшем их районе, вы попали под наблюдение. Какое-то время они не вмешивались, но недолго, как видишь.

— Что произошло в лаборатории? Где Гвельтов?

— Они хотели захватить ваши пробы. Гвельтов поднял тревогу, потом там появился посредник, которого ты видел. Гвельтов жив. Пока жив... А теперь у светофора поверни направо. Тебя уже ищут. Дорожная полиция по радио объявила розыск.

Сам пост мы проехали спокойно. Однако через несколько километров я увидел стоящий на боковой развилке джип военного образца. Возможно, он ждал здесь вовсе не нас. Я решил не рисковать и до отказа вдавил педаль акселератора. Мотор басовито загудел, и машину буквально швырнуло вперед. Как только я прибавил скорость, джип ринулся нам наперерез. Однако водитель не учел мощности нашего мотора. Мы оказались у перекрестка на несколько секунд раньше. Не сумев перекрыть дорогу, джип оказался у нас в хвосте. Расстояние между машинами быст-

ро увеличивалось. В заднем зеркале я увидел, что джип остановился. Почти сразу прозвучал выстрел, и я услышал характерный визжащий звук, который бывает, если пуля ударит в препятствие и рикошетом уйдет в сторону. Однако самого удара не слышал. Не было и второго выстрела. Через полминуты джип превратился в едва различимое пятнышко. Мы неслись по пустому шоссе в полном одиночестве.

— Придется остановиться и осмотреть машину. Пуля могла ударить в покрышку.

— Не нужно. Пуля вообще не коснулась машины.

— Но я же слышал, как она отрекошетила!

— Это я ее остановила.

Я даже не удивился. Только посмотрел на Весту. Она дышала тяжело, и я мельком увидел у нее на лице гримасу боли, исчезнувшую сразу же, как только я на нее посмотрел.

— Может быть, ты объяснишь, как тебе это удается?

— Нужно представить себе оболочку вокруг машины. Очень плотную, гладкую. Ее не видно, но пуля не может пройти... Извини, мне трудно говорить, слишком большое усилие. Это сейчас пройдет. Ты не обращай внимания. Самое сложное впереди. Они вызвали вертолет, энергии остается все меньше, и я не знаю, сумею ли тебе помочь.

О какой энергии она говорила? Я почувствовал, что за этим скрывается что-то очень важное, но в ту минуту все мои мысли приковал к себе вертолет. Если Веста права, если те, кто за нами охотился, действительно вызвали вертолет, значит, встреча с джипом не случайна. Нас ждали и сделают все, чтобы остановить.

Еще минут десять мы мчались по шоссе беспрепятственно. Я взглянул на километровый столб, мелькнувший за окном. Двадцать пять километров отделяло машину от окраины города. Еще километров пятнадцать — двадцать, и прямая лента шоссе, на которой мы видны как на ладони, упрется в уездный центр, там появится шанс затеряться в потоке транспорта. Еще минут восемь на такой скорости, и они не успеют нас перехватить.

Но уже через пару минут я услышал над головой характерный клекот авиационного мотора. И почти сразу над нашими головами застрочил пулемет. Звук был такой, словно кто-то ударил по куску железа огромным молотом. Пули с визгом шлепнули в асфальт впереди машины. Крупнокалиберные разрывные пули взметнули над дорогой облачка разрывов. Одного попадания было достаточно, чтобы с нами покончить... И тут я увидел, как нас накрыла целая очередь. Машина вздрогнула, словно на нее обру-

шился град камней. Вокруг нас на дороге выросло ровное, почти геометрически правильное кольцо разрывов. Одновременно глухо вскрикнула Веста. Я увидел, что ее тело бессильно сползает с сиденья. Я резко нажал на тормоз. Вертолет проскочил над нами, и вихрь пулевых разрывов унесся по шоссе вперед. Я нагнулся к Весте. Она прошептала:

— Я больше не могу их держать... Нет сил... Излучатель... У тебя должен быть излучатель...

Ее голова бессильно откинулась. Глаза закрылись. И тут я вновь услышал клекот вертолетного мотора. Вертолет возвращался. Эти люди хотели нас убить. Может быть, они уже убили Весту... Эта мысль обожгла меня, наполнила холодной яростью. Я помнил про излучатель. Помнил про него все время. Будь это автомат или пулемет, я бы воспользовался им, не задумываясь, но применять против людей чужое, нечеловеческое, оружие казалось мне немыслимым. И тут на какую-то долю секунды мне почудилось, что я смотрю на дорогу глазами летчика, ведущего к нам эту стрекочущую смерть. На шоссе, беспомощно прислонившись к бровке, неподвижно стояла безоружная машина. Ее длинное тело отчетливо виднелось в перекрестии прицела. Совершенно точно я знал: через пять секунд этот человек нас убьет...

И тогда что-то сломалось во мне, я распахнул дверцу, вытянул навстречу приближавшемуся вертолету руку с излучателем и нажал кнопку. Ничего не произошло. Только стало удивительно тихо. Лишь через несколько секунд я понял, что пулемет захлебнулся, и мотор вертолета уже не работает, хотя винт продолжал вращаться. Машина, потеряв управление, скользнула в сторону и круто пошла к земле. Она пронеслась над невысокими холмами справа от шоссе и скрылась за ними. Через минуту над холмами показался столб жирного коптящегося дыма.

Я стоял неподвижно, прислонившись к машине, и боялся посмотреть на Весту. Предчувствие неминуемой беды не покидало меня с момента отъезда. Наконец я взял себя в руки и подошел к Весте. Ее тело обмякло, голова бессильно прислонилась к подушке сиденья. Я взял ее за плечи и усадил ровнее, словно это могло помочь. Моя рука торопливо и бесцельно бегала по ее запястью, пытаясь нащупать пульс. Его не было, вдруг я остановился. Я не знал, был ли у нее пульс раньше, вообще должен ли он у нее быть. Может быть, от этой мысли беспорядочные факты вдруг выстроились в моей голове в стройную цепочку. Я вспомнил, что в моих лабораторных опытах бактерии использовали избыточную энергию, которую они должны были получать из-

вне. Вспомнил теперь и телефонный разговор, во время которого узнал, что их колония в море существовала внутри силового, искусственно созданного кокона, что в случае необходимости они могли расширять его границы, но не очень далеко...

Нетрудно догадаться, что Веста, вернее, ее тело, а может быть, и клетки мозга, ставшие частью колонии, не могли существовать без этой дополнительной, получаемой извне энергии. Очевидно, амебы начинали вырабатывать ее только в определенных условиях и тогда, когда их колония была достаточно велика. Отдельные части этой колонии не могли существовать изолированно от всей группы, во всяком случае, разрыв не должен был превышать определенного расстояния, на котором действовало их таинственное поле. Но если все это так, то Веста наверняка об этом знала... Знала и все же настояла, чтобы я взял ее с собой. Наверно, какой-то запас этой своей жизненной энергии они могли накапливать внутри себя, но не слишком много... Весте пришлось дважды израсходовать огромную порцию на создание защитного поля вокруг машины, вот откуда ее слова о том, что энергия кончается...

Я все еще продолжал встряхивать Весту, хотя появившимся у меня шестым чувством понимал, что все мои усилия напрасны, что Весте уже ничто не поможет. И вдруг она открыла глаза, и я услышал ее болезненный стон. Теперь я знал, что надо делать. Я развернул машину и понесся обратно к городу. Покрышки визжали, мотор обиженно и монотонно ревел. Чтобы ей легче было дышать, я слегка приоткрыл стекло, и холодный воздух со свистом врывался в машину. Из-за шума я не сразу понял, что Веста что-то пытается сказать, и только по движению ее губ разобрал, что она просит остановить машину. По моим расчетам, мы уже вернулись в район, где их жизненное поле снова должно было действовать, и я нажал на тормоз. Веста сидела совершенно прямо и смотрела на меня широко открытыми глазами. Я никогда не видел у нее такого ясного, отрешенного от всего взгляда.

— Ты себя не вини. Это я так решила. Решила, что так будет лучше. Они тоже не виноваты. Они не знали, что человеку, кроме пищи и воздуха, нужно что-то еще. Они и сейчас не совсем понимают нас. Я думала, что буду с тобой еще несколько дней, что сумею тебя защитить, помочь. Но все получилось иначе. Я верю, ты сумеешь справиться с пришедшей бедой, найдешь выход, они тоже тебе верят... Не вини их за мой уход. Вообще не вини за все, что случилось со мной. Они лишь подарили мне несколько месяцев дополнительной жизни. За это время я успела узнать и полюбить тебя... Не их вина, что продолжения быть не

могло. Они не предвидели такого конца. Потому что это все наше, человеческое, и вряд ли они понимают, что такое любовь... Поцелуй меня... — вдруг попросила Веста.

Я крепко стиснул ее в объятиях и прижался к ее холодным твердым губам. В это мгновение потеряло значение все, что разделило нас в наш последний день. Только ее со мной больше уже не было.

К побережью я выехал глубокой ночью. Целый день, укрывшись в придорожном лесу, я ждал, пока стемнеет. С воздуха машина была видна как на ладони. Уничтожив вертолет, я вряд ли мог рассчитывать на снисхождение. Я и не надеялся на него, твердо решив добраться до намеченного места. Добраться во что бы то ни стало. Меня искали на пути к столице, а я повернул обратно, к городу. Возможно, это мне и помогло.

С момента гибели Весты все мои поступки противоречили обычной человеческой логике, и тем не менее они не казались мне странными. Почему-то я был уверен, что именно этого хотела и сама Веста... Наконец в сумерках, крадучись, с потушенными фарами, мне удалось выбраться на заброшенную дорогу, ведущую к морю.

Через некоторое время я остановил машину. Мне не понадобилось ничего искать. Я не смог бы объяснить, почему знал, что это здесь, что ехать дальше не надо. Я приткнул машину к самому обрыву, отыскал фонарик и осторожно, словно боялся причинить ей боль, взял на руки тело Весты. Оно было легким и странно податливым. Прошло уже много часов, но трупного окоченения так и не наступило.

Я зажег фонарик, медленно начал спускаться с обрыва. И вдруг подумал: «Что-то я забыл. Что-то очень важное... Ах да, пробы, пробы, из-за которых все началось. Веста просила меня вернуть их, а я решил проверить, на чьей она стороне... Не было ли это самым обыкновенным предательством? Не предал ли я ее еще раньше, когда собрался на улицу Садовников? Ведь она могла видеть намного дальше обыкновенного человека и наверняка знала все, что должно было случиться через десять дней, через несколько месяцев... Не почувствовала ли она в моем визите нечто большее, чем казалось мне самому? Не предал ли я ее еще раз, когда в отчаянье она не позволила мне высадить ее из машины, зная наперед все, что случится.

Одно дело поймать русалку, другое дело жить с ней изо дня в день. Возможно, в той грустной сказке, что я рассказал Весте в наш первый день, прав был совсем не царевич...»

Даже сейчас я все еще пытался оправдаться хотя бы перед собой, ведь перед ней мне не удастся оправдаться уже никогда... Все, что я мог теперь сделать, — выполнить ее последнюю просьбу. Я вернулся к машине, вынул из чемодана контейнер. Потом снова взял ее на руки. Тропинка шла круто вниз, я все крепче прижимал Весту к себе, не чувствуя почти ничего — ни страха, ни боли. Ничего не осталось, только деловитая сосредоточенность. Наверно, именно она помогает людям справиться с большим горем. Интенсивная деятельность, связанная со сложными обрядами похорон, призвана отвлекать людей от причины, ее вызвавшей.

Тропинка кончилась, упершись в узкую полосу каменистого пляжа. Здесь сразу же, буквально в нескольких метрах от берега, начиналась большая глубина. Я вошел в море по пояс, не замечая холодных прикосновений черной морской воды. Волн не было. Море казалось чистым и гладким. Сюда, к берегу, из города не долетало ни звука. Только где-то очень далеко и печально два раза прогудела сирена буксира.

Я осторожно опустил Весту в воду и разжал руки. Я даже не посмел поцеловать ее еще раз на прощание. Вода сразу же сомкнулась над ее лицом, и течение легко понесло ее прочь от берега, туда, где начиналась глубина. В луче своего фонарика еще минуту-другую я мог различить сквозь темный слой воды бледное пятно ее лица, потом оно исчезло. Больше ничего не было видно.

Я подумал: «Море подарило мне Весту и теперь забрало ее обратно». И еще я подумал, что Весты нет, а все ее слова и мысли живы в памяти и останутся со мной навсегда. Веста сказала: «Ты теперь останешься один со всем этим». В темноте, не зажигая фонаря, я нащупал крышку контейнера с пробами и отвернул ее. Тихо, почти без всплеска море приняло свою частичку. Посмотрев последний раз в черную, непроницаемую воду, я повернулся и медленно пошел обратно наверх, туда, где слышались трели полицейских свистков и вспыхивали мигающие фонари патрульных машин. Погоня в конце концов настигла меня, но сейчас это уже не имело значения. Больше я не собирался от них скрываться. Начав подъем, я задержался в последний раз. Нащупал в кармане пиджака коробку излучателя, достал его и, широко размахнувшись, бросил в море. «Забирайте всё, — подумал я спокойно. — Наши человеческие проблемы мы будем решать по-своему».

Поднимался я медленно. Обрыв в этом месте был очень крутым, да и торопиться мне не хотелось. Наверху скопилось штук десять машин. Установили даже мегафон и что-то вроде прожекторной установки. Очевидно, они придали слишком большое

значение истории с вертолетом и теперь явно переоценивали мою персону.

Вполне возможно, они начнут стрелять прежде, чем я поднимусь наверх. Но после того как я простился с Вестой, мной владело полное безразличие ко всему происходящему вокруг. Все же я испытывал некоторую горечь от мысли, что люди устраивают на меня облаву, как на какого-то чужака... «А ты и есть чужак. Кажется, все-таки случилось то, чего они добивались. Ты очутился по другую сторону барьера, во вражеском лагере, хотя и не хотел этого...» Эта мысль отрезвила меня. Во всяком случае, прогнала сонное безразличие, с которым я поднимался навстречу наведенным на меня автоматам.

«Теперь ты остался один со всем этим...» — сказала Веста, но, кажется, ненадолго... Может быть, остановиться, пока не поздно? Вполне можно нырнуть за этот выступ. Он надежно защитит меня и от света, и от возможных выстрелов. Ну и что потом? Мне не дадут больше сделать ни шага. Я продолжал медленно подниматься.

— Сдавайтесь! — надрывался мегафон наверху. — Ваше положение совершенно безнадежно, вы окружены! Поднимите руки!

«Дурацкое требование, — с раздражением подумал я. — Могли бы понять, что идти по такому крутому склону с поднятыми руками невозможно». Я продолжал подниматься. С каждым моим шагом обстановка накалялась все больше. Каждую секунду мог прозвучать выстрел. У стоявших за чертой света людей нервы могли не выдержать растущего напряжения. Оно уже ощущалось почти физически. Голос говорившего в мегафон человека сорвался, а стоявшие у обрыва автоматчики при моем приближении попятились, стараясь сохранить дистанцию. Я вышел на ровное место и стоял теперь прямо перед ними, в двадцати шагах. Нас разделяла только граница света и темноты. Прожектор бил мне в лицо, слепил и словно бы отделял от людей некоей реальной, физически ощутимой стеной.

— Сдавайтесь! — в который раз повторил мегафон. — Если вы не поднимете руки, мы будем стрелять!

Мегафон не приспособлен для беседы. Мегафон существует для того, чтобы отдавать однозначные команды. Он самой своей сущностью, наличием этого круга света, в котором я стоял, и темного кольца за ним, с ощерившимися стволами автоматов, подразумевал сейчас лишь одно — грубую силу.

Почему же я не подчинился? Ведь это казалось так просто и разумно: поднять руки, сдаться. Потом меня арестуют, будет суд.

Возможно, мне даже удастся оправдаться, и в любом случае я останусь жив — разряжу это страшное напряжение, которое уже достигло кульминации и каждую секунду могло разрядиться само собой. Я подумал, что, если чей-то палец сейчас дрогнет и надавит курок, я буду падать вниз довольно долго. Весь тот путь, который только что проделал.

Мое тело не попадет в море, оно разобьется об острые камни, окаймлявшие узкую полоску пляжа. Эта мысль была мне почему-то особенно неприятна. И все же я не поднимал рук.

Если бы речь шла только обо мне, я бы это немедленно сделал. Но интуитивно я чувствовал: в эту секунду решается нечто гораздо более значительное, чем моя жизнь, и, кажется, я начинал понимать, что именно. Решался вопрос о том, каким будет предстоящий диалог людей с иным разумом. Будет ли он вестись с позиции силы, будет ли над нами, как дамоклов меч, все время висеть угроза применения силы? Или же будут найдены какие-то другие формы, наметятся первые, еще робкие шаги взаимопонимания. Для этого прежде всего необходим диалог, а не односторонние категорические требования мегафона — в этом все дело. Я не мог поднять рук, с ужасом понимая, что из всего этого неумолимо следовало, что я все же взял на себя предложенную мне миссию и вольно или невольно выступал в эту минуту от их имени, в том самом качестве посредника, которого так боялся совсем недавно, но Веста сказала: «Ты теперь останешься один со всем этим...» И вот я медленно шел на автоматы, не поднимая рук...

Тяжелый реактивный бомбардировщик вывалился из-за туч всего в восьмистах метрах от поверхности моря. И сразу же свечой пошел вверх. Это был рискованный маневр, но пилот блестяще справился с задачей. Внизу, под крыльями, повернулась и застыла на секунду поверхность бухты, и сразу же застрекотали все четыре съемочные камеры, ведущие послойную съемку воды на разных горизонтах от поверхности до самого дна. Одновременно вспыхнул экран локатора и глубинного инфралота.

Вся эта сложная аппаратура предназначалась для поиска неприятельских подводных лодок. Но сейчас пилота интересовали совсем не они. То, что он искал, было видно даже невооруженным глазом. На глубине примерно восьмидесяти метров в воде отчетливо просматривалось какое-то уплотнение, похожее и на опухоль, и на медузу одновременно. Оно слегка опалесцировало на экране локатора, словно само излучало радиоволны, но ника-

ких помех в работе локатора не наблюдалось. Замигал глазок рации, и голос дежурного по полетам произнес:

— Тридцатый, тридцатый, доложите, что видите?

— Эта штука подо мной. Глубина около ста метров. Могу ли я воспользоваться во время бомбометания подводными осветителями?

Рация не отвечала несколько секунд. Вопрос был не так уж прост.

Получив запрос, дежурный счел необходимым связаться с командованием, пилот, ожидая ответа, продолжал съемку. Самолет набирал высоту почти мгновенно. Очень сильно мешала работать низкая облачность. Самолет то рвался вверх, то стремительно падал вниз, к застывшей, будто бы нарисованной на холсте поверхности моря. С такой высоты вода казалась неподвижной. Нельзя было различить отдельных волн, хотя пилот знал, что через несколько секунд их брызги могут достать фюзеляж. Если в турбину попадет летящая с поверхности водяная пыль, турбина может захлебнуться, поэтому пилот старался в точности выдерживать рекомендованную высоту. Он считался виртуозом в своем деле именно потому, что умел поймать ту едва уловимую грань безопасного еще снижения, с которой снимки получались наиболее четкими, а машина благополучно выходила из очередного пике. Он представил, что произойдет, если двигатель все же засосет воду, и поежился. Перед глазами стояла словно увиденная со стороны картина. Тяжелая машина, оставив далеко позади себя звук собственного двигателя, несется вниз, к поверхности моря. Внезапно огненный факел турбины исчезает, пропадает вибрация, и наступает та самая ни с чем не сравнимая тишина, от которой мороз подирает по коже: тишина заглохшего в полете реактивного двигателя... Если это случится достаточно близко от поверхности, он вряд ли сумеет изменить направление полета.

— Тридцатый, тридцатый. Осветители применять запрещено, — прервала рация его размышления. — Вы закончили съемку?

— Да. Без подсветки закончил.

— В таком случае переходите к выполнению основного задания.

Пилот решил покончить с этим в следующем заходе. Глубинные бомбы нужно было сбросить с достаточной высоты, чтобы к моменту, когда машина будет завершать пике и включатся камеры, они успели погрузиться на нужную глубину. Он любил щегольнуть четкими фотодокументами.

Пилот знал, что не ошибется, но все же для верности включил бортовой вычислитель. В таком тонком и небезопасном деле он чувствовал себя уверенней, если автоматика могла разделить с ним ответственность.

Кассета с бомбами отделилась от самолета метрах в двухстах от поверхности и раскрылась, выбросив из своего нутра пять тяжелых круглых бочек, устремившихся вниз. Почти сразу перед самолетом возникло пять огненных точек — это включились пороховые реактивные двигатели, придающие глубинным бомбам дополнительное ускорение. Без них сопротивление воздуха очень скоро затормозит их полет настолько, что бомбы отстанут от реактивной машины, летевшей вниз значительно быстрее звука. В случае ошибки благодаря двигателям можно было скорректировать полет бомб к цели.

Пять дымных полос потянулись вниз до самой воды, расходясь в разные стороны и образуя кольцо, в центре которого лежала огромная медуза. На всякий случай пилот задал вычислителю координаты выхода из пике, отстоящие от неизвестного морского образования на предельном для съемки расстоянии. На этот раз он решил пожертвовать качеством снимков. Слишком реальной была только что вызванная его воображением картина врезающегося в воду самолета. Ему не хотелось быть слишком близко от этого затаившегося в глубине НЕЧТО в тот момент, когда сработают взрыватели его бомб.

Бомбы должны были взорваться на нужной глубине с интервалом в одну секунду. Но взорвалась почему-то только одна. Передав управление машиной автомату и заранее задав программу, пилот, по сути, превратился теперь в пассивного наблюдателя. Через пластиковый колпак кабины он видел, как далеко в глубине моря расцвел ослепительно белый шар разрыва, услышал, как тотчас же застрекотали все его съемочные камеры и продолжали стрекотать все пять секунд, вхолостую расходуя сотни метров высокочувствительной пленки, проходившей через их фильмовые каналы с огромной, уму непостижимой скоростью. В этом стрекоте кинокамер прошли все четыре последовавших за взрывом секунды, отведенные невзорвавшимся бомбам. Потом его вдавила в сиденье многотонная тяжесть, и он перестал видеть что-либо. Перегрузка оказалась гораздо больше той, что должна была возникнуть при выходе из пике. И в этот ответственный момент, в эти последние доли секунды, когда он мог еще что-то сделать, двигатель захлебнулся.

Далеко над ним, словно отрезанный гигантским ножом, смолк протяжный вой реактивной турбины, исчез за хвостом самолета дымный факел сгоревшего керосина. Самолет, начавший было задирать нос для выхода из пике, неуверенно покачнулся и в следующее мгновение рухнул в море, как раз над тем местом, где совсем недавно исчезла его первая бомба. Поверхность моря вспучилась, выбрасывая наружу обломки и радужные потоки горючего, хлынувшего из разорванных баков.

Это случилось в девятнадцать часов пятнадцать минут. Над побережьем опускался тихий безоблачный вечер. Дождь, не прекращавшийся все последние дни, стих, и ветер унес в сторону материка остатки туч. Многочисленные курортные поселки, санатории, кемпинги расцветились гирляндами огней. В свете вечерней зари они казались неяркими желтыми точками, усыпавшими берег. Через две минуты после того, как с поверхности моря исчез последний обломок самолета, а пятно керосина расползлось по всей бухте, эти огни на побережье начали гаснуть один за другим.

Закрытый полицейский грузовик, завывая сиреной и разбрызгивая огни красных и голубых мигалок, пробирался к загородному шоссе. В этот «пиковый» вечерний час шоссе было забито транспортом, и водителю грузовика приходилось то и дело проскакивать перекрестки на красный свет. Молоденький лейтенант полиции, сидевший рядом с водителем, выполнял задание особой важности. Четверо автоматчиков в фургоне наглухо закрытой машины охраняли государственного преступника, отгороженного от них зарешеченными дверьми. У лейтенанта был приказ доставить этого человека на военную базу, расположенную милях в десяти от города.

Наконец грузовик выбрался в район городских окраин. И тут это случилось. Предметы в поле зрения водителя и лейтенанта потеряли четкие очертания, и, хотя так продолжалось не больше секунды, этого оказалось достаточным, чтобы водитель потерял ориентировку.

Какой-то непонятный гул прокатился от города вдоль шоссе. Вслед за этим наступила странная тишина. Вдоль всей магистрали моторы машин перестали работать.

Гвельтов очнулся под вечер. Он лежал дома в своей постели. Большие часы у шкафа показывали шесть часов вечера. Было тихо. Мысли текли ровно, безболезненно, почти равнодушно.

Гвельтов отчетливо помнил все, что с ним случилось в лаборатории. Нет, пожалуй, не все. Только до того момента, когда он подошел к сейфу... Потом выстрелы на лестнице, крики, кто-то распахнул дверь, человек, напавший на него, покачнулся и медленно осел на пол. Дальше полный провал, абсолютная немота памяти. И вот он лежит в своей постели. На этот раз налет на лабораторию совершали люди. Кому-то еще понадобилась «Альфа». Надо предупредить Глена, надо его найти и предупредить как можно скорее. Гвельтов рывком привстал и потянулся к телефону, стоявшему на тумбочке. В трубке ни малейшего шороха. Телефон не работал. Его могли отключить, обрезать провод. Но откуда такая страшная тишина за окном? Куда девались машины? Гвельтов встал, придерживаясь за стены, подобрался к окну и откинул штору.

Тучи наконец рассеялись. Красноватое закатное солнце заливало город неестественным розовым светом. Машины, собственно, были, только они стояли на проезжей части плотной, неподвижной массой, словно невидимый светофор вдруг оборвал их безостановочное движение. С восьмого этажа Гвельтов не видел тротуара, но на противоположной стороне улицы толпились люди. Почему-то они не шли, как обычно, вечно спешащей и замкнутой толпой. Разбившись на отдельные группки, прохожие что-то оживленно обсуждали. Неестественная тишина стояла в доме, как вода. Не было слышно ни хлопков дверей, ни шума лифта.

Один за другим Гвельтов повернул все выключатели, света не было. Он прошел на кухню и отвернул кран. Пил долго и жадно. Потом подставил голову под струю холодной воды. Он готов был предположить все что угодно: цепочку нелепых совпадений, несчастий, обрушившихся на него, на этот дом, на всю улицу, наконец, но ему и в голову не могли прийти истинные размеры бедствия. На огромной территории в сотни квадратных километров, занятых городом и прилегающими районами, электричество перестало существовать как таковое. Обесточились все провода. Исчез ток в аккумуляторах и батареях. Все системы, где прямо или косвенно использовалась электроэнергия, перестали работать. Остановились все двигатели внутреннего сгорания, так как системы зажигания в них вышли из строя. Беспомощный и потрясенный город лежал под лучами вечернего кровавого солнца, еще не осознав до конца всю глубину постигшей его катастрофы.

Несколько минут назад, распахнув дверцы, замерли трамваи и троллейбусы. Остановились автобусы. Перестали работать станки на фабриках и заводах. Все системы контроля и управления ока-

зались без тока. Катастрофа подкралась тихо, без шума взрывов, пожаров, без гибели людей. Постепенно и незаметно сгущались тени, солнце уходило за горизонт, исчез кровавый отсвет заката, на смену ему отовсюду поползли серые сумерки. Привычный свет городских фонарей уже не мог остановить их. Глаза города, казалось, потухли навсегда. Казалось, время остановилось и стремительно понеслось вспять, в ту черную пропасть, из которой с таким трудом выбирались люди сотни лет, шаг за шагом, создавая бесчисленные умные машины.

Осторожный стук в дверь заставил Гвельтова вздрогнуть и отпрянуть от окна. «Те, кто может взломать дверь, вряд ли станут в нее так стучать», — подумал он и прошел в прихожую. В дверях стоял человек в изодранном, залитом кровью костюме. Из рассеченной брови все еще сочилась кровь. Наверно, поэтому Гвельтов не сразу узнал его.

— Вам бы не мешало умыться... — Гвельтов посторонился, пропуская Лонгарова в коридор. — За вами никто не шел?

— Полицейский грузовик, в котором меня везли, разбился. В городе порядочная паника. Им сейчас не до нас. Видел бы ты, что творится на улицах. Не думал, что застану тебя здесь... Мне просто некуда было идти. Дома... В общем, домой мне не хотелось... Они убили Весту... Что-то мы должны сделать, старина... У меня такое ощущение, что именно сейчас мы можем кое-что сделать. Колонию бомбили. Город под энергетическим колпаком. Я тут кое-что прикинул... В камере неплохо думается, знаешь... У тебя найдется листок бумаги?.. Вот смотри... Интенсивность энергии, выделяемой колонией, целиком зависит от внешнего воздействия. Это я установил на тех последних пробах, которые мы с тобой добыли со дна залива. А дальше получается вот что...

Корявые нервные строчки расчетов торопливо ложились на измятый лист. Мне казалось, что впервые с тех пор, как я вернул морю Весту, я сделал нечто приближающее меня к ней. В глубинах сознания оформилось странное ощущение, что ничто еще не кончилось, что мы только теперь начинаем выбираться на едва заметную тропинку, ведущую сквозь колючие заросли к свету...

Наконец Гвельтов прочитал и осмыслил последнюю формулу, которая неизбежно следовала из моих расчетов.

— Вы хотите сказать, что разрастание поля — это естественная защитная реакция на бомбардировку, которой их подвергли? И не было с их стороны никаких целенаправленных действий?

— В том-то и дело. Как только продукты, вызвавшие защитную реакцию, будут переработаны, поле исчезнет само собой, без вся-

ких усилий с нашей стороны. Но это еще не всё. Отсюда следует, что полем можно управлять! Если на колонию в определенном месте и с определенной интенсивностью воздействовать — поле может изменить конфигурацию, расширить свои границы...

Несколько минут Гвельтов молчал, осмысливая сказанное.

— Это дает нам шанс... Реальный шанс. Но одному мне не справиться.

Несколько секунд я смотрел ему в глаза, ожидая ответа.

— Мы вместе начинали эту работу, шеф. Вместе и доведем ее до конца.

Впервые за все эти долгие страшные дни у меня появилась надежда. Впечатление было такое, словно приостановилась уже начавшая свое движение лавина. Я отчетливо слышал, как тикают часы, отсчитывая вырванные нами драгоценные секунды, вырванные у тех, кто видел мир сквозь перекрестие прицела...

Друга — вот чего мне не хватало все эти долгие трудные дни, настоящего друга.

Стена возле дивана исчезла, как в том самом, первом, сне. За ней по-прежнему ворочалось что-то огромное и живое, с темными точками огней в глубине. Не было только Весты. Лишь голос, ее голос шел из этой открывшейся передо мной непроницаемой черной бездны.

— Ты спишь, милый? Можно я немного побуду с тобой?

— Я не вижу тебя! Где ты?

— Меня нельзя увидеть, но я здесь, с тобой. Ты все время думаешь обо мне, и вот я пришла...

— Я хочу тебя видеть.

Ответом мне было молчание, только огни мерцали в темной глубине, как яркие южные звезды. Да еще шум... Долгий-долгий, однообразный шум прибоя. Казалось, еще секунда, другая — стоит напрячь внимание, слух, воображение — и я все пойму. Волна за волной набегала на берег, откатывалась, набегала снова, что-то хотела сказать...

Заседание чрезвычайного правительственного комитета открыл сам премьер-министр.

— Я должен сообщить, что нашей стране предъявлено нечто вроде ультиматума.

— Ультиматум?

Министр вооруженных сил сделал вид, будто он не расслышал.

— Именно. От нас требуют совершенно определенных действий, изложенных вот в этом документе. Нам предлагают принять закон, предусматривающий уменьшение сброса и выделений всех промышленных отходов примерно на шестьдесят процентов. Это потребует больших капиталовложений и некоторого замедления в развитии нашей экономики. Как следствие этого неизбежна инфляция, возможна даже биржевая паника. Нам следует разработать меры, способные ослабить нежелательные явления...

— Вы говорите так, словно ультиматум уже принят. — Министр обороны второй раз прервал выступление премьера, но в своем кругу они не соблюдали субординацию. В комитет входили пять человек, в руках которых была сосредоточена вся фактическая власть в стране.

— И нельзя ли уточнить, от кого, собственно, исходит требование: не хотите же вы сказать, что эта портовая медуза научилась писать ультиматумы? — спросил высокий элегантный человек с глубокими залысинами на покатом лбу, одетый в модный костюм с фиолетовой искрой. В правительстве он не занимал официального поста. Тем не менее именно от него премьер-министр ожидал самых больших неприятностей. Лей-Дин представлял здесь совет директоров крупнейшего концерна, негласно контролировавшего всю промышленность страны.

— Нет. Ультиматум еще не принят. Но я полагаю, что, ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, наш комитет рекомендует правительству принять новый закон. Что же касается требований, то они вполне конкретны и исходят от определенного лица, которому поручено вести переговоры с нами.

За столом возникло движение. Члены комитета недоуменно переглядывались, пожимали плечами. Только Лей-Дин сохранил ледяное спокойствие.

— По сути дела, нам предлагают заключить договор, который предусматривает в ответ на принятие закона об охране среды вполне определенные действия с противоположной стороны. В договор будет включен пункт о полном и немедленном снятии энергетической блокады с порта и города.

— Нельзя ли поподробнее узнать о человеке, представляющем интересы противоположной стороны? Кто он? — Этот вопрос задал министр национальной безопасности. Вряд ли он теперь простит, что узнал новость не первым и что нашлись люди, осмелившиеся действовать через его голову. Положение было сложным, премьер-министр решил обойтись без обычной дипломатической подготовки и теперь пожалел об этом.

— Этот человек находится сейчас здесь, и вы можете познакомиться с ним. Вот его досье. Это провинциальный ученый, до сих пор ничем особенным не выделявшийся. Почему представителем избрали именно его, для меня осталось загадкой.

— А где гарантии, что этот человек действительно кого-то там представляет? Что, если он попросту сумасшедший, или, хуже того, что, если он защищает интересы третьих, неизвестных нам лиц?

— Основания, изложенные в этом документе, показались мне достаточно серьезными сами по себе, независимо от того, кто кого представляет. Кроме того, у меня есть поручение за этого человека от одного из сотрудников министерства национальной безопасности. Сейчас я не буду говорить, кто именно этот сотрудник. — Эта часть реплики предназначалась министру безопасности, который, услышав о собственном сотруднике, осмелившемся действовать через его голову, весь превратился в слух. — Самое простое — познакомиться с посредником сейчас и составить обо всем собственное мнение, — закончил премьер.

За столом заговорили все разом, но Лей-Дин легким движением ладони добился тишины, и все взгляды устремились к нему.

— Я бы не согласился на эту встречу без предварительной подготовки. Никакое личное впечатление не заменит нам сведений, полученных многолетними наблюдениями. К счастью, моя организация такими сведениями располагает. Лонгаров действительно провинциальный ученый, за которым до сих пор ничего, буквально ничего не замечено интересного или выдающегося. И он, безусловно, не сумасшедший. Тем не менее с самого начала перновских событий он почему-то все время оказывался в их центре. Уже только поэтому было бы любопытно его выслушать. Лонгаров должен понимать, какую крупную игру он затеял и чем она может кончиться для него лично. У него должны быть очень серьезные причины либо он должен располагать реальной силой, чтобы выдвигать нам условия в такой форме. В любом случае, я думаю, мы не потеряем времени даром, если пригласим его. Воспринимайте это как интересный спектакль, господа. К тому же актеру можно дать понять, что в случае плохой игры спектакль станет для него последним.

В комнате, где заседал правительственный комитет, пахло старой мебелью и пылью. Пять человек одновременно повернули головы в мою сторону, как только я переступил порог. Они рассматривали меня с любопытством, холодно и отстраненно. Так

рассматривают какого-нибудь редкостного жука, прежде чем насадить его на иголку.

— Ваша фамилия и род занятий?

Начало беседы слишком походило на допрос. Я понял, что положение надо исправить немедленно.

— Не сомневаюсь, моя фамилия имеется в папке у вас на столе. И распорядитесь принести стул.

Человек, задавший вопрос, надавил кнопку вызова дежурного. Попросил принести стул и повторил вопрос, не меняя интонации, словно ничего не случилось. Остальные четверо молча переглянулись, словно я подтвердил их наихудшие опасения. Совершенно непроизвольно от взгляда человека, вторично задавшего мне вопрос о фамилии, я почувствовал себя учеником, стоявшим у классной доски. Урок не был выучен, и одобрения мне не дождаться. Молчание затягивалось. Тот, кто вел беседу, спросил меня мягко, почти ласково:

— Вы отдаете себе отчет, где находитесь?

— Вполне. А вы? Вы отдаете себе отчет в том, почему решили со мной встретиться?

Этот человек умел признавать тактические поражения. Он был дипломатом не только по внешнему виду.

— Какие у вас есть доказательства, что именно вам поручено вести переговоры?

Я подождал, пока принесут стул, уселся поудобней и украдкой взглянул на часы. Меня вызвали слишком быстро, и теперь я вынужден был тянуть время. Для того чтобы мои доказательства показались им достаточно убедительными, мне еще нужно спровоцировать их на какой-нибудь резкий выпад. Только тогда все будет выглядеть достаточно естественно. Если они догадаются, что все подготовлено заранее, — мне несдобровать.

— Конечно, у меня нет верительных грамот. Лучше всего, если вы поверите мне на слово.

— Для кого лучше, для вас?

— Для меня это безразлично. Доказательства я представлю, но они, мягко говоря, могут оказаться не совсем безвредными.

— Что вы имеете в виду?

— Чего вы, собственно, хотите? Чтобы я продемонстрировал свою прямую связь с этим подводным монстром, которого вызвала к жизни ваша же неуемная жадность? Давайте говорить откровенно. Позволим себе это небольшое удовольствие. Вам понятен лишь один-единственный язык, язык силы, значит, я дол-

жен продемонстрировать свои возможности, не так ли? Или, может быть, вы имеете в виду какие-то иные доказательства?

— А что, если нам попросту вас расстрелять, господин Лонгаров?

— Не стоит. Дорого обойдется, а впрочем, попробуйте.

Не скажу, чтобы я испытывал симпатию к этим людям. Я не любил тех, кто загребал жар чужими руками. Эти господа не привыкли сталкиваться с трудностями и с проблемами, которые касались их лично. Между ними и любыми проблемами всегда стояли другие люди. Теперь кое-что изменилось. Впервые в жизни я мог себе позволить бросить вызов отвратительной, безликой морде, олицетворявшей собой высшую государственную власть.

Я отлично понимал, чем рискую. Стоило допустить небольшую ошибку, и меня попросту отведут в подвал. Здесь наверняка имелся таковой, а этим господам не привыкать решать некоторые проблемы самым простым способом. Я попал в очень сложное положение. С одной стороны, мне хотелось их спровоцировать на самые радикальные действия, но все же не до конца. Во всяком случае, не до самого конца. К тому же все мои действия жестко зависели от времени. Теперь, однако, я зашел уже слишком далеко и вряд ли мог что-нибудь изменить.

— Мы здесь собрались вовсе не для взаимных угроз, — взял слово человек с залысинами на покатом лбу.

По тому, как почтительно слушали его остальные, я понял, что он играет первую скрипку в правительственном оркестре, и удивился, что ни разу не видел его фотографий в газетах и не представлял, какую официальную должность он занимает.

— Я хотел бы знать совершенно конкретно, — обратился ко мне этот человек, — чем вы подкрепляете свои требования? — Он приподнял и опустил лежащий на столе листок с проектом закона об ограничении промышленных отходов. — Предположим, сегодня мы откажемся их принять, что за этим последует?

Огромные старинные часы в углу комнаты мелодично пробили четверть пятого. Теперь я мог действовать, и если Гвельтов не подведет... Наверно, так себя чувствует человек, решившийся прыгнуть в ледяную воду.

— Через пятнадцать минут границы поля будут раздвинуты и захватят район Гидроплейка. Это простое предупреждение, те самые верительные грамоты... В том случае, если этого окажется недостаточно и предложенный закон не будет принят в течение трех дней, энергии лишится вся страна.

Ни один мускул не дрогнул на лицах сидящих напротив меня людей. Что-то было не так. Что-то не сработало, чего-то мы не учли или случилось нечто такое, чего я не знаю. Ледяной холод медленно сжал мне горло. Пятнадцать минут прошли в убийственном молчании. Часы монотонно, громко и печально отбили две четверти. Срок наступил... Наверно, так звонит погребальный колокол. Я понял, что проиграл. Я еще не знал, что случилось, но уже не сомневался в своем окончательном поражении. Они ждали еще пять минут, потом в комнату вошел секретарь и положил на стол какую-то бумагу. Все остальное я воспринимал сквозь ледяной туман.

— Ваш сообщник Гвельтов арестован морским патрулем. Провокация, которую вы затеяли, провалилась.

...Подвал был сухой и чистый. Только на кирпичной стене выделялись подозрительные пятна. Еще до того, как мне завязали глаза, я успел заметить выбоины на кирпиче и понял, что пули били сюда неоднократно. Некоторые из них, прежде чем ударить в кирпич, навылет пробивали человеческое тело, потом здесь всё старательно убирали. Как-никак это правительственное учреждение, так что со мной покончат по высшему разряду...

Мысли текли лениво, словно все происходило не со мной. Словно это кому-то другому завязали глаза и за чужой спиной офицер произнес роковую команду... Сейчас все будет кончено, еще две-три секунды... Даже сквозь повязку меня слепил свет прожекторов, установленных под самым потолком в углах подвала. Мишень хорошо освещалась. Если они не промахнутся, все кончится быстро...

За моей спиной сухо щелкнули затворы винтовок. И только тогда я позволил себе вспомнить ее имя. До этого мгновения я приказал себе не думать о ней, потому что боялся потерять контроль над собой и не хотел, чтобы они видели мой страх. Но теперь я тихо, вслух произнес дорогое для меня имя:

— Веста... — И в ту же секунду в подвале погас свет. Темнота обрушилась с потолка, как обвал. Сразу же я услышал на лестнице топот ног, какие-то крики. Значит, они ждали за дверью... Значит, их тоже ни на секунду не отпускал предательский ледяной страх. Значит, мы все-таки сыграли на равных...

Машина остановилась у развилки шоссе. Именно здесь начиналась памятная для меня заброшенная дорога к морю. Недавно тут стоял знак, запрещающий въезд. Посреди дороги еще тор-

чал ржавый металлический треножник. Как только мотор затих, стал слышен равномерный шум прибоя.

— Штормит, — сказал Гвельтов. — Балла два, не меньше.

Я не ответил. И он, помолчав немного, продолжал:

— А знаешь, по моим расчетам, это случится сегодня, где-то около восьми.

Я кивнул, соглашаясь. Я знал, что он имеет в виду. Сегодня около восьми вечера концентрация вредных примесей в морской воде достигнет установленного в наших опытах минимума, при котором колония уже не может существовать как единое целое. Она распадется на отдельные бактерии и не будет больше контролировать ни свое движение, ни состояние окружающей среды. Морские течения унесут микроскопические тельца амеб в глубины океана, туда, откуда они пришли к нам.

— Одного не могу понять, что произошло с Гидроплейком? Патруль перехватил меня до того, как я сел в лодку... Газеты писали, что поле накрыло гидростанцию в шесть пятнадцать. Это случилось на полчаса позже. Без постороннего вмешательства. Изменилась конфигурация поля. Как им это удалось? Почему вообще это случилось? Кто нам помог, ты что-нибудь знаешь об этом?

Я молча отрицательно покачал головой. Не имело смысла с ним спорить. Гвельтов свято верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов границам поля. В безусловную зависимость этих границ от количества вредных примесей, попавших в воду. Все это так, конечно. До известного предела, за которым начинают действовать иные силы... Чтобы в них поверить, нужно было самому постоять у той кирпичной стенки в подвале.

— Все-таки я чего-то не понимаю, — заявил Гвельтов, вылезая из машины.

Наши пути здесь расходились. Он торопился на рейсовый автобус, идущий в порт, но задержался около меня еще минуту.

— Почему меня отпустили, почему вообще нас оставили в покое, хоть это ты мне можешь объяснить?

— Договор, который они вынуждены были подписать, содержит пункт о нашей неприкосновенности. Пока существует угроза — они будут его соблюдать, во всяком случае, до восьми вечера.

Гвельтов мрачно усмехнулся, пожал мне руку и пошел к автобусной остановке. Некоторое время, оставшись один, я смотрел вслед ушедшему автобусу. Потом вышел из машины и свернул на заброшенную дорогу.

...Стояли редкие в октябре дни, наполненные звенящей прохладой и ласковым, почти летним солнцем. Оно словно вознаг-

раждало нас за долгие дни непогоды. Я шел по дороге не торопясь, вдыхая запах увядшей полыни и морских водорослей, что-то он мне напоминал — этот запах. Сейчас я не мог вспомнить, что именно, может быть, мне не хватало дождя.

В тот день шел дождь, и я подумал, что он влияет на поступки людей. Заставляет принимать неожиданные решения. Именно дождь привел меня на эту дорогу. Сегодня дождя не было, и вот я здесь снова. Хотел ли я проститься? Не знаю... не знаю даже, с кем именно. С Вестой я уже простился той ночью, когда морское течение навсегда унесло ее от меня, а с ними... Они были чем-то слишком сложным, может быть, гораздо более сложным, чем это казалось, и слишком далеким от нас. Поняли ли они хоть что-нибудь? Зачем они приходили к нам и почему теперь уходят?

Больше я не верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов. За всем этим, за фактами, доступными анализу и нашим исследованиям, скрывалась какая-то иная истина. Мне казалось, вот-вот я пойму, что она собой представляет. Это было похоже на шорох прибоя: иногда, кажется, в нем возникают странные звуки, почти слова, верится, что нужно лишь небольшое усилие, напряжение, внимание — и этот шепот, звенящий всхлип, далекое эхо — все это сольется в какую-то фразу. Но настроение уходит, и вновь в звуках моря не слышно ничего, кроме прибоя.

Это был тот самый обрыв. Совершенно прозрачный воздух открывал с высоты безбрежную синюю даль. Ветер гнал небольшие барашки волн, срывал с них солоноватый острый запах морской воды, нес его по степи.

Я спустился вниз, к самому морю. Горизонт сузился и словно прижался к поверхности воды. Волны с шипением ложились у моих ног.

Должен был быть какой-то знак. Не могли они уйти вот так, молча, ничего не сказав, оставив нас в неизвестности и непрерывном ожидании. Сейчас изнутри бухты морские течения каждую секунду уносили в глубины моря последние миллионы их крошечных, уснувших тел. Надолго ли? И что случится, если они придут к нам снова? Поверили ли они нам? Смогут ли спокойно спать в своей глубине, оставив в руках человечества нашу прекрасную голубую планету? Или это всего лишь временное отступление, перегруппировка сил перед окончательным штурмом...

Ответ должен был быть где-то здесь. Я это чувствовал, знал, что это так, и ничего не видел, кроме привычного морского пейзажа.

Я пошел вдоль берега, все дальше и дальше удаляясь от оврага, по склону которого не так давно поднимался навстречу наве-

денным на меня автоматам. За поворотом был грот, причудливая пещера с озером морской воды. Я дошел до самого конца, заглянул в прозрачную изумрудную глубину озера. Потом повернулся и пошел обратно к дороге. Ответа не было. Возможно, мы не получим его никогда, потому что он зависел от нас самих.

И все-таки что-то было. Я не мог отделаться от ощущения присутствия за моей спиной огромного живого организма, который мы привычно называли морем, не зная толком, что оно собой представляет. Колыбель жизни? Только ли это? Может быть, мост между нашей планетой и безбрежными далями космоса? Я уходил не оглядываясь, и только губы, дрогнув, произнесли едва слышно дорогое мне имя — Веста...

Содержание

СЕЗОН ТУМАНОВ. Роман 5
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. Повесть 475
ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА. Повесть 579
ШОРОХ ПРИБОЯ. Повесть 695

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – "Книги по почте"**

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Гуляковский Евгений Яковлевич

Сезон туманов

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Н.К. Белова
Младший редактор А.С. Рычкова

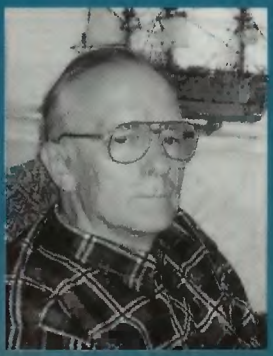
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



Гуляковский Евгений Яковлевич (р. в 1934 г.) — один из мастеров отечественной фантастики. Лауреат «Азлиты» — старейшей отечественной премии, присуждаемой за вклад в развитие фантастики. Автор знаменитой дилогии «Сезон туманов» и романа «Чужие пространства». Писатель, перу которого принадлежат ПО-НАСТОЯЩЕМУ увлекательные образцы остросюжетной научной фантастики...

В данный сборник вошли роман «Сезон туманов» и повести «Запретная зона», «Планета для контакта» и «Шорох прибоя».

ISBN 5-17-016402-5

9 785170 164028